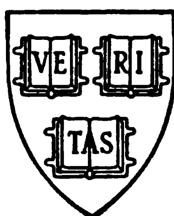
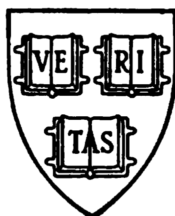
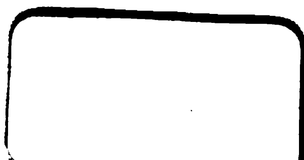

VE
RI
TAS

VE
RI
TAS

George R. Noyes,
St. Petersburg, 1899.

George R. Noyes,
St. Petersburg, 1929.

ЛЕКЦІИ
ПО
СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Тимоѳея Флоринскаго,

Ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра, дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и члена-корреспондента: Юго-славянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ, Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ въ Прагѣ и Сербской Королевской Академіи въ Бѣлградѣ.

Часть вторая.

Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)).

Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина:

С.-Петербургъ. Екатерининская, № 4.

Кіевъ. Крещатикъ, № 33.

1897.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Университета св. Владиміра.

За декана *В. Иконниковъ.*

Издано на средства Императорскаго Университета св. Владиміра.

КІЕВЪ.

Типографія С. В Кульженко. Большая-Васильковская ул., № 29—31.

ИМПЕРАТОРСКОМУ

Университету св. Владиміра

съ глубокою благодарностью

посвящаетъ трудъ свой

Авторъ.

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ вторую (и послѣднюю) часть „Лекцій" почти черезъ три года послѣ первой, я считаю своимъ долгомъ извиниться передъ читателями за такую медленность въ печатаніи моего труда. Отвѣтственность за нее падаетъ отчасти на автора, отчасти на типографію.

При окончательной обработкѣ своего труда я старался воспользоваться по возможности всѣми новѣйшими изслѣдованіями и изданіями по славянскому языкознанію, а равнымъ образомъ заботился о посильной критической провѣркѣ существующихъ въ наукѣ взглядовъ на всѣ важнѣйшіе, общіе и частные, вопросы въ области изученія каждаго изъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ.

Если не смотря на всѣ эти старанія и заботы о полнотѣ и обстоятельности изложенія предмета въ данной работѣ окажется не мало недочетовъ и недосмотровъ, то нѣкоторымъ основаніемъ къ извиненію автора да послужатъ обширность и трудность принятой имъ на себя задачи.

Т. Флоринскій.

8 Ноября 1897 г.
Кіевъ.

Содержаніе.

IV. Чешскій языкъ.

V. Словацкій языкъ.

Страницы.

VI. Польскій языкъ.

VII. Кашубскій языкъ.

VIII. Серболужицкій языкъ.

Страницы.

IV. ЧЕШСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изученіе чешскаго языка.

Начало чешскаго языкознанія восходитъ къ XV ст. Знаменитый Гусъ въ своемъ трактатѣ „De orthographia bohemica“ [1]), посвященномъ реформѣ чешскаго правописанія, представилъ рядъ научныхъ замѣчаній и данныхъ по фонетикѣ чешскаго языка. Но первыя грамматики чешскаго языка относятся только къ XVI ст. Въ 1533 г. въ Намѣстьѣ издана „Grammatika česká“ Б. Оптата, П. Гзела (Gzel) и В. Филоматеса. Этотъ коллективный трудъ, содержащій „ороографію“ и „этимологію“, составленъ по схемѣ латинской грамматики и даже для своего времени оказался весьма несовершеннымъ грамматическимъ опытомъ. Лучшую обработку его со многими поправками и дополненіями представляла слѣдующая по времени грамматика Яна Благослава (1571 г.), изданная, впрочемъ, только въ 1857 г.; но и въ ней какъ и въ первой преслѣдуется скорѣе практическая цѣль очищенія литературнаго языка, чѣмъ изложеніе его грамматическаго строя. Въ третьей грамматикѣ—Матвѣя Бенешовскаго (Philonomus, 1577 г.) уже дана система склоненій и спряженій. Еще полнѣе написанная по-латыни грамматика Бенедикта Нудожерскаго (1603 г.), содержащая въ себѣ не только этимологію, но и синтаксисъ. Между остальными грамматиками XVII ст. особенно выдѣляется по своей полнотѣ и обстоятельности грамматика Вячеслава Росы (1672 г.); она состоитъ изъ четырехъ частей (orthographia,

[1]) Этотъ трактатъ напечатанъ А. Шемберой въ сборникѣ Миклошича и Фидлера „Slavische Bibliothek“, B. II, Wien, 1858. См. о немъ ниже.

etymologia, syntaxis, prosodia) и писана по-латыни, мѣстами съ параллельнымъ чешскимъ переводомъ. Достоинствамъ теоретической части грамматики не соотвѣтствуетъ чешскій текстъ, изложенный крайне неправильнымъ языкомъ. По труду Росы составлены (на латинскомъ языкѣ) грамматики: посредственная — Яндита (1704 г.) и лучшая, болѣе самостоятельная—Павла Долежала (1746 г.). Въ XVIII в. наиболѣе распространена (4 изд.) была написанная по-нѣмецки историческая грамматика Поля (Pohl, 1756 г.). Книга эта свидѣтельствуетъ о крайней степени упадка чешскаго языка къ половинѣ XVIII ст. Авторъ, совсѣмъ не подготовленный къ занятіямъ языкознаніемъ, самъ сочинялъ и передѣлывалъ слова и формы по своему произволу. Въ филологической литературѣ всего міра трудно указать другой примѣръ столь беззастѣнчиваго искаженія языка. Въ концѣ XVIII ст. въ Чехіи начинаетъ пробуждаться національное самосознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ является стремленіе къ возстановленію забытаго въ обществѣ и литературѣ чешскаго языка. Первымъ выраженіемъ такого стремленія были грамматики (опять на нѣмецкомъ языкѣ) Томсы (1782 г.) и Пельцеля (1795 г., 2-е изд. 1798 г.), перваго профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ. Послѣдняя основана на сочиненіяхъ XVII и XVIII ст. и обработана въ довольно стройной системѣ. Я. Нейдлый, преемникъ Пельцеля по каѳедрѣ, въ своей грамматикѣ (по-нѣмецки, 1804 г.) передѣлалъ главнымъ образомъ трудъ своего предшественника.

Раньше грамматическихъ трудовъ являются словари. Впрочемъ, долгое время они служатъ главнымъ образомъ практической цѣли облегчить для Чеховъ изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Первые зародыши словарныхъ работъ слѣдуетъ видѣть въ чешскихъ „глоссахъ“, представляемыхъ нѣкоторыми старыми латинскими рукописями; замѣчательнѣйшія изъ нихъ содержитъ Mater Verborum, рук. полов. XIII в. (въ Чешскомъ націон. Музеѣ). Съ XIV ст. начинаются маленькіе латино-чешскіе и латино-нѣмецко-чешскіе словари: Bohemarius minor (нач. XIV ст.), Latinsko-česky vokabulař (1360 г.), Bohemarius major (1390 г.) и Latinsko uěmecko-česky slovař 1489 г. (рук. Вѣнской Придв. библ.) и др. Первые печатные словари относятся къ нач. XVI ст.: Яна Босака Воднянскаго, Vocabularium, cui nomen Lactifer (1511 г. латино-чешскій) и Dictionnarius trium linguarum latine, tewtonice, boemice potiora vocabula continens. Viennae,

1513. Со второй половины XVI ст. являются словари собственно чешскаго языка. Это были: Thomae Reschelii, Dictionarium bohemico-latinum (1562 г.) и изданіе извѣстнаго чешскаго литературнаго дѣятеля Даніила Адама Велеславина (1545—1599)—Sylva quadrilinguis, vocabulorum et phrasium bohemicae, latinae, graecae et germanicae linguae (Прага, 1598 г. новое изданіе 1683 г.; дополненіе къ этому труду—Nomenclator quadrilinguis (1598). Изъ позднѣйшихъ словарей наиболѣе важны: Я. А. Коменскаго Vestibulum cum versione germ. hungar. slavica (1714); К. Вусина (Wussin) Dictionnarium von dreyen Sprachen, deutsch, lateinisch und böhmisch (Прага, 1700—1706. Третья часть—*чешско*-латинско-нѣмецкая); Я. Рона (Rohn) Nomenclator to jest jmenovatel aneb rozličnych jmen jak v české a latinské, tak i v německé řeči oznamitel (v Praze, I—IV, 1764—1768). В. Роса, авторъ упомянутой выше пресловутой грамматики, также составилъ большой этимологическій словарь чешскаго языка, оставшійся однако ненапечатаннымъ. Названный выше чешскій грамматикъ Томса извѣстенъ и какъ составитель довольно хорошаго чешско-нѣмецкаго словаря (1791 г.). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія были распространены практическіе чешско-нѣмецкіе словари Тама, составленные по указаннымъ старымъ словарямъ.

Строго-научное направленіе въ изученіи чешскаго яз. возникаетъ только въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Начинателемъ этого направленія былъ знаменитый Іосифъ Добровскій, а главными продолжателями его были и отчасти остаются доселѣ Юнгманнъ, П. О. Шафарикъ, Гаттала, Гебауэръ, Шембера и Бартошъ. Этимъ ученымъ по преимуществу принадлежитъ заслуга научной и систематической разработки чешскаго языка.

Іосифъ Добровскій[1]) (1753—1829), „патріархъ славянской филологіи", славный дѣятель чешскаго національнаго возрожденія, среди своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ по славистикѣ отвелъ значительное мѣсто родному чешскому языку; онъ много сдѣлалъ для его воскрешенія, хотя самъ еще и не вѣрилъ въ возможность для него широкаго литературнаго развитія и свои сочине-

[1]) О Добровскомъ см. Brandl, Život Josefa Dobrovského. V Brně, 1883. И. Снегирева, Іосифъ Добровскій. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяновѣдѣнія. Изд. 2-е, Казань, 1884. В. Ягича, Письма Добровскаго и Копитара. Спб., 1885 (Сборникъ Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Т. XXXIX.

нія издавалъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Добровскій энергично возсталъ противъ искаженій и заблужденій внесенныхъ въ чешскую грамматику трудами Росы, Поля и ихъ послѣдователей, опредѣлилъ ясно и точно дѣйствующіе въ языкѣ законы образованія словъ и впервые обратился къ изученію чешскаго языка по научнымъ методамъ — историческому и сравнительному; онъ старался раскрыть богатство чешскаго языка въ старыхъ памятникахъ письменности и сопоставлялъ чешскій языкъ съ другими славянскими языками, разъяснялъ ихъ взаимную близость и родство. Такъ явился рядъ его замѣчательныхъ грамматическихъ изслѣдованій (Ueber den Ursprung und die Bildung der slawischen und insbesondere der böhmischen Sprache (1791. Предисловіе къ словарю Томсы), Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der böhmischen Substantive und Adjective dargestellt (1799 и др.), далѣе—исторія чешскаго языка и литературы (1791, 2-е изд. 1792, 3-е 1818)—и наконецъ полная чешская грамматика (1809 г. 2-е изд. Lehrgebäude der böhmischen Sprache, 1819), представлявшая первое научное изложеніе строя чешскаго языка. Въ этой грамматикѣ особенно замѣчательны — анализъ образованія словъ изъ корней и упрощенное изложеніе ученія объ измѣненіи словъ (классификація склоненій и спряженія по основамъ). Сверхъ того Добровскій много писалъ по вопросу о реформѣ правописанія и о чешской стихотворной просодіи, при чемъ отстаивалъ тоническій размѣръ противъ метрическаго. Наконецъ, онъ издалъ практическій нѣмецко-чешскій словарь (1802, 1821) и собралъ изъ старинныхъ чешскихъ памятниковъ богатый лексическій матеріалъ, впослѣдствіи обработанный другими. Какъ въ грамматикѣ, такъ и во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ Добровскій возстановляетъ не живой народный языкъ, въ то время мало извѣстный въ образованныхъ кругахъ, а литературный, классическій, разработанный писателями такъ наз. золотаго вѣка (XVI—XVII ст.). Тѣмъ не менѣе уже этому первому глубокому изслѣдователю чешскаго языка не было чуждо сознаніе важности народной рѣчи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданный имъ сборникъ чешскихъ пословицъ (Ceských přislovj zbirka, 1804). Добровскій имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе научнаго изученія чешскаго языка. Оно непосредственно замѣтно на грамматическихъ и словарныхъ работахъ вышеупомянутыхъ филологовъ Тама, Томсы, Пельцеля, Неѣдлаго, а съ первой четверти нынѣшняго столѣтія особенно выра-

зилось въ распространеніи вкуса къ занятіямъ роднымъ языкомъ: почти всѣ писатели начальнаго періода чешскаго возрожденія отдаются этимъ занятіямъ и выступаютъ въ литературѣ съ филологическими трудами (напр. Фричай, Новотный, Шумавскій, Пухмайеръ, Неѣдлый, Ганка, Циглеръ, Палацкій и др.).

Іосифъ Юнгманнъ[1]) (1773--1847) повелъ еще дальше прекрасно начатое Добровскимъ дѣло изученія чешскаго языка, при чемъ усвоилъ себѣ болѣе широкую точку зрѣнія, чѣмъ та, которой держался патріархъ славянской филологіи. Онъ горячо и искренно вѣрилъ въ лучшее будущее чешскаго языка и въ пламенныхъ статьяхъ (въ журн. Hlásatel česky, 1806, Vídenske Listy, 1813—1814) защищалъ его право на широкое литературное развитіе. Самъ онъ писалъ только по-чешски и своими прекрасными поэтическими произведеніями и учеными трактами содѣйствовалъ установленію новаго литературнаго языка. Признавая извѣстныя достоинства за старымъ литературнымъ языкомъ золотаго вѣка, онъ, однако, считалъ его недостаточнымъ для удовлетворенія современныхъ потребностей науки и литературы, и потому обратился къ изученію живаго народнаго языка, а также доказывалъ необходимость заимствованія словъ изъ родственныхъ славянскихъ языковъ въ замѣнъ вошедшихъ въ языкъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ. Главнымъ результатомъ его занятій въ этомъ направленіи было изданіе пятитомнаго „Чешско-нѣмецкаго словаря“ (1834—1839). Это—трудъ замѣчательный по своей полнотѣ и обстоятельности, плодъ необычайнаго трудолюбія и учености автора; онъ вполнѣ сохраняетъ свое значеніе и въ настоящее время. Матеріалъ для словаря Юнгманнъ собиралъ въ теченіе тридцати лѣтъ, черпая его какъ изъ старыхъ и новыхъ памятниковъ литературы, такъ изъ простонародной рѣчи; богатый лексическій матеріалъ, собранный Добровскимъ, также былъ въ распоряженіи автора. По характеру своему словарь Юнгманна — историческій и вмѣстѣ этимологическій: жизнь и значеніе каждаго слова излагается съ точки зрѣнія этимологіи и синтаксиса, по даннымъ книжнаго языка и простонародной рѣчи. Явившись въ свѣтъ въ ту знаменательную эпоху, когда шелъ вопросъ о созданіи новаго литературнаго языка, словарь этотъ получилъ особенное значеніе: онъ опредѣлялъ средства, какими могъ рас-

[1]) См. Zelený, Život Josefa Jungmanna, 1873—74, статью Н. А. Попова въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1873, іюль, Н. Задерацкаго Юнгманъ. Кіевъ, 1874.

полагать языкъ для выраженія новыхъ понятій. Раньше словаря явился въ печати другой замѣчательный трудъ Юнгманна, имѣвшій такое же широкое національное значеніе. Это была „Исторія Чешской литературы“ (1825 г., 2-е изданіе 1849 г.), представлявшая полный обзоръ чешской письменности отъ глубокой старины до новѣйшаго времени, съ подробной библіографіей и общими характеристиками отдѣльныхъ періодовъ. Въ этомъ сочиненіи находятся данныя о состояніи языка и происходившихъ въ немъ перемѣнахъ въ разныя эпохи и періоды исторической жизни народа.

Павелъ Іосифъ Шафарикъ (1795—1861), замѣчательнѣйшій представитель научнаго славяновѣдѣнія [1]), между прочимъ, много сдѣлалъ для историческаго изученія чешскаго языка. Труды его въ этомъ направленіи главнѣйше выразились въ изданіи многихъ памятниковъ чешскаго языка и литературы (Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, 1840. Výbor z literatury české, I, 1845, II, 1857) и составленіи грамматики древне-чешскаго языка (Počatkové staročeské mluvnice — Введеніе къ первой части Výbora). Въ грамматикѣ этой дана характеристика древняго состоянія чешскаго языка до XIV ст., научно поставлены и рѣшены важнѣйшіе вопросы по исторіи звуковъ и формъ языка и вообще указанъ путь для дальнѣйшихъ болѣе глубокихъ и подробныхъ изслѣдованій въ области исторіи языка. Въ частностяхъ нѣкоторые выводы автора устарѣли, особенно тѣ, которые основаны на древнихъ памятникахъ, нынѣ признанныхъ критикой подложными (Зеленогорская рукопись, Згорѣльскіе отрывки и др.), но въ общемъ трудъ его и доселѣ не утратилъ своего значенія. На ряду съ историческимъ методомъ Шафарикъ широко примѣнялъ въ своихъ филологическихъ занятіяхъ указанный еще Добровскимъ методъ сравнительный. Сюда относятся: рядъ цѣнныхъ монографій по грамматическимъ вопросамъ (въ Casopis Ceského Musea, 1846, 1847 и 1848 гг. [2]), написанныхъ съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія,

---

[1]) 1) Ср. Brandl Život Pavla Josefa Šafaříka. V Brně, 1887. 2) П. Кулаковскій, Павелъ Іосифъ Шафарикъ — Журн. Мин. Нар. Пр., 1895 г., іюнь. 3) Na památku stoletých narozenin Pavla Josefa Šafaříka. Česky Časopis historický, 1895, 3 и отдѣльно. 4) Listy Filologické, 1895, R. XXII, s. 4.

[2]) 1) O tvoření slov zdvojováním kořene. 2) O šiření časoslovných kořenův a kmenův vsouvánim a přiráženim souhlasek. 3) O přetvořovaní hrdelných souhlasek. 4) Výklad některých grammatických forem v jazyku slovanském. 5) Mluvozpytný rozbor čisloslova. Ср. Sebrané Spisy, III. V Praze, 1864.

общія характеристики всѣхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій въ знаменитой „Славянской Народописи“ (Slovansky Narodopis, 1842) и оставшійся неоконченнымъ большой славянскій этимологическій словарь. Наконецъ Шафарикъ принималъ участіе въ выработкѣ чешскаго словаря научныхъ, преимущественно юридическихъ, терминовъ.

Мартинъ Гаттала (род. 1821 г.) профессоръ славянской филологіи въ Пражскомъ университетѣ, извѣстный своими трудами по сравнительному славянскому языкознанію и по словацкому яз.[1]) дѣятельно продолжалъ начатое его предшественниками сравнительное и историческое изученіе чешскаго языка. Больше всего имъ сдѣлано въ области фонетики и синтаксиса. Кромѣ частныхъ изслѣдованій и статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (Rozpravy Kr. Česk. Společnosti nauk, Časopis Českého Musea, Krok и др.) особенно важны: Zvukosloví jazyka staročeského, novočeského, slovenského (1854); Srovnavaci mluvnice jazyka českého a slovenského (1857); Skladba jazyka českého, Brus jazyka českého (1877). Гаттала —высоко-образованный лингвистъ, глубокій изслѣдователь и знатокъ чешскаго языка; на его трудахъ воспиталось цѣлое поколѣніе современныхъ чешскихъ филологовъ. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, и какъ ревностный защитникъ подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей и древности языка этихъ заподозрѣнныхъ памятниковъ.

Янъ Гебауэръ (род. 1838 г.), профессоръ Пражскаго чешскаго университета, — замѣчательнѣйшій филологъ нашего времени, окончательно поставившій изученіе чешскаго языка въ уровень съ требованіями современной науки о языкѣ. Въ своихъ работахъ онъ глубоко вошелъ въ изслѣдованіе исторіи чешскаго языка, пользуется для этой цѣли какъ источникомъ не только печатными изданіями, но и обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ, и примѣняетъ новые строгонаучные филологическіе пріемы и правила точной критики. Многочисленныя его статьи и монографіи, разсѣянныя по спеціальнымъ ученымъ изданіямъ (Časopis Českého Muzea, Sbornik vědecký, Listy filologické, Rozpravy Kral. Společn. nauk, Sitzungsberichte Wiener Akademie и др.) относятся ко всѣмъ отдѣламъ грамматики: къ правописанію, фонетикѣ, морфологіи, синтаксису. Изъ нихъ особенны цѣнны по новизнѣ наблюденій и выводовъ изслѣдованія о мяг-

[1]) См. ниже отдѣлъ Словацкаго языка.

кихъ (јотованныхъ) *e*, *a*, *o*, *i*, о количествѣ гласныхъ, объ именныхъ и глагольныхъ флексіяхъ, объ отрицаніи и т. д. Итоги своихъ многолѣтнихъ разысканій и усидчивыхъ занятій Гебауэръ свелъ въ двухъ капитальныхъ трудахъ, уже получившихъ окончательную обработку—*исторической грамматикѣ* и *историческомъ словарѣ чешскаго языка*. Историческая грамматика должна состоять изъ четырехъ большихъ томовъ, изъ которыхъ пока явился въ печати первый—фонетика (Historická mluvnice jazyka českého. Dil I. Hláskosloví. V Praze a ve Vidni, 1894, 702). Это обширное сочиненіе содержитъ полное и всестороннее изложеніе исторіи звуковъ чешскаго языка и должно быть настольной книгой всякаго занимающагося этимъ славянскимъ языкомъ[1]). Остальные томы, которые вскорѣ должны появиться въ свѣтъ, будутъ обнимать ученіе объ основахъ, морфологію и синтаксисъ. Печатаніе словаря, по заявленію автора, начнется немедленно послѣ выхода въ свѣтъ втораго тома (морфологіи) грамматики. Осуществленіе въ полномъ объемѣ этихъ двухъ ученыхъ предпріятій составитъ эпоху въ изученіи чешскаго языка. Основные свои взгляды на строй чешскаго языка и его судьбы Гебауэръ изложилъ въ прекрасной школьной грамматикѣ (Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské, I. Nauka o slově, II. Skladba, 1890). Весьма важно также его Введеніе въ чешскую грамматику (Uvedení do mluvnice české, 1876), вошедшее потомъ во второй томъ его школьной грамматики. Въ противоположность Гатталѣ Гебауэръ стоитъ во главѣ противниковъ подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей и разбору языка этихъ памятниковъ посвятилъ нѣсколько статей, печатавшихся главнѣйше въ Archiv f. Slav. Phil. (Bd. X, XI). Наконецъ, онъ принимаетъ живое участіе въ изданіи памятниковъ древняго чешскаго яз. и литературы и въ редактированіи чешскаго филологическаго журнала (Listy filologické). Сдѣлавъ лично такъ много для науки, Гебауэръ успѣлъо бразовать цѣлую школу молодыхъ чешскихъ филологовъ, успѣшно работающихъ въ томъ же строго-научномъ направленіи.

Алоизъ Шембера (1807—1882), извѣстный профессоръ чешскаго языка и литературы въ Вѣнскомъ университетѣ, первый обратился къ систематическому изученію чешской діалектологіи. Его со-

[1]) Ср. статью акад И. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil, XVI, 505—528 и нашу библіографическую замѣтку въ Унив. Изв., 1895 г., іюль.

чиненіе Základové dialektologie československé (ve Vidní, 1864), основанное на матеріалѣ, который авторъ собиралъ непосредственно и черезъ другихъ лицъ въ теченіе двадцати лѣтъ, содержитъ классификацію и характеристику нарѣчій и говоровъ чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ. Сочиненіе это при всей его неполнотѣ и другихъ недостаткахъ до сихъ поръ остается незамѣненнымъ и вполнѣ сохраняетъ свое значеніе, особенно по отношенію къ чешскимъ говорамъ. Сверхъ того Шембера составилъ получившую большую извѣстность исторію чешскаго языка и литературы (Dějiny řeči a literatury české, 4-е изд. 1878) и издалъ „Ороографію" Гуса (см. выше).

Фр. Бартошъ (род. 1833), почтенный собиратель моравскихъ народныхъ пѣсенъ и изслѣдователь моравской народности[1]) имѣетъ огромныя заслуги въ дѣлѣ изученія моравскихъ говоровъ. Его двутомная „Моравская діалектологія" (I, 1886, II, 1895), представляющая отчетливую и подробную картину состоянія народныхъ говоровъ въ Моравіи можетъ быть признана однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ по славянскому языкознанію новаго времени. Весьма цѣнны и его многочисленныя работы по чешскому синтаксису и общее сочиненіе по этому отдѣлу чешской грамматики—Skladba jezyka českého (7-е изд. 1895). Наконецъ Бартошу принадлежитъ лучшій трудъ по „очищенію" чешскаго литературнаго языка—Rukověť spravné češtiny.

Трудами названныхъ ученыхъ заложено прочное основаніе научнаго изученія чешскаго языка. Рядомъ съ ними можно назвать значительное число именъ другихъ ученыхъ, въ большей или меньшей степени содѣйствовавшихъ или по нынѣ содѣйствующихъ успѣхамъ чешскаго языкознанія.

Обзоры старо-чешскаго языка представили Квѣтъ (Staročeska mluvnice—главн. обр. по Шафарику), I. Иречекъ (Nákres mluvnice staročeské) и Пеликанъ. Краткій очеркъ развитія литературнаго языка сдѣлалъ Новакъ.

Въ разработкѣ частныхъ грамматическихъ вопросовъ принимали участіе: Еп. Тынь (Týň о глаголѣ), Митнеръ, В. Свобода (о склоненіи иностран. словъ), Т. Водичка, I. Иречекъ, В. Котсмихъ, Б. Едличка, Гильмаръ, Игн. Машекъ, Ф. Іокль

[1]) См. 1) наши критико-библіографическія замѣтки въ Университ. Изв., 1891 г. и 1896 г. и 2) разборъ „Моравской діалектологіи" проф. Будиловича въ Отчетѣ о присужденіи премій А. А. Котляревскаго за 1890 г.

(объ удареніи), Гавликъ, Ф. Прусикъ (этимологическія изслѣдованія), К. Черный, М. Опатрный, В. Флайшгансъ, В. Вондракъ, І. Ганушъ, Трухларь, Кеберле (вопросы о старомъ языкѣ), А. Вашекъ (о сложныхъ словахъ), Г. Махаль (о количествѣ гласныхъ) и др.

По синтаксу, кромѣ указанныхъ работъ Бартоша, болѣе или менѣе важны: большой трудъ В. Зикмунда († 1873), Skladba jazyka českého (по богатству матерьяла) и частныя изслѣдованія Я. Грушки, Я. Чапки и Я. Пеликана.

Къ области діалектологіи, кромѣ выше-названныхъ сочиненій Шемберы и Бартоша, относятся работы В. Котсмиха, І. Иречка, І. Бартохи, Ф. Прусика, В. Прасека, Я. Грушки, В. Душка и др. За послѣдніе годы, особенно со времени Пражской этнографической выставки, значительно увеличилось число діалектологическихъ наблюденій.

Въ ряду многочисленныхъ книгъ и статей по исправленію и улучшенію чешскаго литературнаго языка наиболѣе важно, кромѣ указанныхъ сочиненій Гатталы и Бартоша, изданіе особой комиссіи при Матицѣ чешской — Brus jazyka českého (1877, 2-е изд. 1881, 3-е 1894).

Изъ словарей, кромѣ труда Югманна, особенно выдаются: болѣе ранній (1820 — 21) — Юр. Палковича (1769—1850), обнимающій не только чешскій языкъ, но и словацкій языкъ и моравскія нарѣчія—и новѣйшій большой Českoněmecký slovník zvlaště grammaticko-frazeologický Фр. Котта (7 томовъ 1878—1891). Меньшіе чешско-нѣмецкіе словари издали Фр. Шумавскій, Іорданъ и Ранкъ.

Школьныхъ и практическихъ грамматикъ издано и постоянно издается достаточное количество. Изъ старыхъ наиболѣе заслуживаютъ упоминанія грамматики Буріана, Ченскаго, Зикмунда, изъ болѣе новыхъ—Блажка, Коваря и особенно новѣйшая и лучшая Гебауэра.

Критическое изданіе памятниковъ стараго чешскаго языка началось сравнительно въ недавнее время. Многочисленные труды въ этой области извѣстнаго В. Ганки (1791—1861) не удовлетворяютъ требованіямъ науки. Послѣ старыхъ дѣятелей П. Шафарика, Ф. Палацкаго, К. Эрбена, Небескаго, І. Гануша, Воцеля, наибольше заслугъ въ этой области имѣютъ новѣйшіе изслѣдователи:

І. Иречекъ, В. Брандль, А. Патера, Я. Гебауэръ, І. Трухляръ, Ф. Менчикъ, а также — Машекъ, Фляйшгансъ, Гауэръ и др.

Изданій, посвященныхъ произведеніямъ живой народной рѣчи вообще не много, да и тѣ не всегда отвѣчаютъ требованіямъ филологической критики. Наиболѣе цѣнные сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и другихъ памятниковъ чешскаго народнаго творчества составили К. Эрбенъ, Сушиль, Кульда, Бартошъ, Пекъ, Седлачекъ, Врана, Вацлавекъ и др.

Изъ русскихъ славистовъ принимали нѣкоторое участіе въ научномъ изученіи чешскаго языка и его историческихъ судебъ А. Соколовъ, И. И Срезневскій, В. И. Ламанскій, Макушевъ, Петровскій, Кочубинскій, Некрасовъ; изъ южно-славянскихъ — Миклошичъ и Ягичъ; изъ польскихъ — Брикнеръ; „Чешскую грамматику“ на польскомъ яз. составилъ Я. Шастецкій.

Въ общемъ изученіе чешскаго языка можно признать достаточно полнымъ, всестороннимъ и глубокимъ. Наиболѣе разработана исторія и грамматика литературнаго языка, наименѣе—діалектологія.

Средства для практическаго изученія чешскаго языка, представляемыя русскою литературой, весьма ничтожны. Старыя чешскія грамматики—Страшкевича (Прага, 1852 г.) и Шрамека (С.-Петербургъ, 1870 г.) давно вышли изъ продажи. Грамматика древняго и новаго чешскаго языка въ трудѣ Некрасова „Креледворская рукопись“ (1872) стоитъ въ связи съ изслѣдованіемъ памятника нынѣ заподозрѣннаго критикой, и также уже устарѣла. Чешско-русскій словарь давно уже приготовленъ Ранкомъ, но все еще не изданъ[1]). Недавно напечатанный въ Прагѣ (1895 г.) словарчикъ Ваня ужъ слишкомъ малъ и неполонъ.

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

Jan Hus. De orthographia bohemica. Slavische Bibliothek herausg. v. Miklosich u. Fiedler. Bd. II. Wien, 1858.

Beneš Optat, P. Gzel a V. Philomates. Česka Grammatyka sedmerau stranku v sobě obsahujicí. V Naměsti, 1533, 2-е изд. 1588, 3-е 1643.

---

[1]) Печатаніе его, впрочемъ, уже начато. Русско-чешскій словарь того-же Ранка вышелъ уже болѣе десяти лѣтъ назадъ.

J. Blahoslav. Grammatika česká (1571) издана I. Иречкомъ и Я. Градиломъ въ Вѣнѣ, 1857 г.

M. Benešovský. Grammatyka česká milovnikům tehož jazyka velmí užitečná. V Praze, 1577.

Grammaticae Bohemicae ad leges naturalis methodi conformatae et notis numerisque illustratae ac distinctae, libri duo, Auctore Laurentio Nudozerino. Pragae, 1603.

Jan Drachovsky. Grammatica Bohemica in V libros divisa a quodam Patre Soc. Jezu, jam pridem in gratiam tyronum Bohemicae linguae composita. Olomuc, 1660.

Giři Konstanz. Lima linguae Bohemicae, to jest, Brus jazyka českého, neb Spis o pospravení a zostření řeči české, 1667.

Čechořečnost seu Gramm. linguae Bohem. quatuor partibus: Orthographia, Etymologia, Syntaxi et Prosodia constans, authore Wenceslauo Rosa Micro. Pragae, 1672.

V. Jandit. Grammatica linguae Bohemicae methodo facili per regulas certas et universales explicata. Pragae, 1704.

Doležal. Grammatica Slavico-Bohemica Posonii, 1746.—Elementa linguae Slavo-Bohemicae, 1752.

V. Pohl. Grammatica linguae Bohemicae, oder die Böhmische Sprachkunst bestehend in vier Theilen. Wien, 1756, 1764, 1773, 1783.

Fr. Tomsa. 1) Böhmische Sprachlehre. Prag, 1782; 2) Ueber die Bedeutung, Abwandlung und Gebrauch der čechischeu Zeitwörter. Prag, 1804; 3) Ueber die Veränderung der čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie seit XIII Jahr. bis jetzt. 1805.

K. I. Thám. Kurzgefasste böhmische Sprachlehre nebst böhm. deutsch. und franzözichen Gesprächen. Prag und Wien, 1785 (1798, 1800, 1801, 1804, 1821).

Fr. M. Pelcel. 1) Typus declinationum linguae bohemicae nova methodo dispositarum. Pragae, 1793, 1795; 2) Grundsätze der böhmischen Grammatik. Prag, 1795, 1798.

G. Chladek. Naučení kratické, kterakby se mělo dobře po česku mluviti a psáti. V Praze, 1795.

J. Dobrovský. 1) Slovo slavenicum, in specie čechicum. Pragae, 1799; 2) Bildsamkeist der slavischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt. Prag, 1799; 3) Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Prag, 1809, 1819.

J. Nejedlý. Böhmische Grammatik. Prag, 1804—1805, 1809, 1821.

Fr. Novotny z Luže. Pravidla řeči české v Praze, 1818.

J. L. Ziegler. Böhmische Biegungen. Königgrätz, 1818.

V. Hanka. Mluvnice, čili saustava českého jazyka podlé Dobrovského. V Praze, 1822.

P. J. Šafařik. Výklad některých grammatických forem v jazyku slovanském. Casop. Česk. Muz., 1847, I.

M. Hattala. 1) Zvukosloví jazyka staročeského i novočeského a slovenského. V Praze, 1854; 2) Srovnavací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze, 1857; 3) Skladba jazyka českého, 1855; 4) Počatečne skupeniny souhlásek československých. V Praze, 1870 (Akta Kr. Česke Společnosti Nauk. Ř. VI, sv. 4); 5) Brus jazyka českého. V Praze, 1877.

J. Gebauer. 1) Uvedení do mluvnice české. V Praze, 1876; 2) Hláskosloví jazyka českého. V Praze, 1877; 3) Mluvnice česká pro školy střední i ustavy učitelske; I. Nauka o slově. V Praze a ve Vídni, 1890; II. Skladba, 1890; 4) Praesentní tvary sloves bíti, víti, píti, hníti, líti. Listy filologické, IX (1882) 101; 5) Tvaroslovné vyklady a doklady ke slovesům. Listy fil., X (1883) 109, 445, XI (1884) 63, 248, 437, XIII (1886) 280; 6) O negaci zvlaště staročeské. Listy fil., X (1883) 240; 7) Skladba adjectiva českého, zvlaště staročeského. Listy fil., XIII (1886) 371, 8) České supinum. Listy fil., XV (1888) 100; 9) Drobnosti grammatické. Listy fil., IV—XI; 10) Imenné skloňování adjektiv kmene *-o*, *-a*. Listy fil., XXII (1895) 269; 11) O větach složenych a o vývoje formy podžadné ze souřadné, 1877. Listy fil., II, 30; 12) Některe novoty v češtině spisovné. Listy fil., XXI (1894) 212.

V. Zikmund. 1) Grammatika česka pro gymnazia; 2) Skladba jazyka českého.

Fr. Bartoš. 1) Skladba jazyka českého. V Brně, 7-е изд. 1895 г.; 2) Ueber die modale Bedeutung des böhmischen Instrumentals Teschen Progr., 1868; 3) O instrumentale hmoty. Časopis Matice Mor., 1869, I, 184; 4) Přispěvky k české skladbě. Čas. Mat. Mor., 1870, II, 117; 5) O genitivě zavislém na časoslovech. V Brně. Čas. Mat. Mor., 1872, IV, 1; 6) Přispěvky k české skladbě. Program Brn. Gymnaz., 1873; 7) O některých způsobech české attrakce či assimilace syntaktické. Listy fil., II, 120; 8) O předložkách *do* a *z*. Тамъ-же, 141; 9) O předložkách *za* a *na*. Тамъ-же, 287; 10) O předložce *po*. Listy fil., III (1876) 148; 11) O pžedložkach *v*, *nad*, *pod*, *před*. Listy fil., IV (1877), 102, 225; 12) O českém dativě prostém i předložkovém. Brno, 1878; 13) Rukověť spravné češtiny. Druhé vydání. V Telčí, 1893.

Kotsmich. O skladbě české vůbec a uživáni genitivu zvlašť. Čas. Mat. Mor., 1871, III, 121.

Ant. Havlik. O rýmech přehlásky *u—i* původním *u* a *i*. Listy fil., XIV (1887) 240.

E. Mittner. O správném užívání přestupníků v české řeči. Praha, 1874.

J. Pelikan. Předložka *ot*, *od* v češtině. Program Gymnaz. v Kralevohradci, 1890.

Fr. Čapka. K výkladu nejdůležitějších ukonů českého genitivu. Program. Gymnaz. v Vel. Meziřiči, 1888.

Jos. Hruška. O vyrazích doplňkových s hlavním zřetelem k instrumentalu doplňkovému. Listy fil., XVII (1890) 44, 125, 268, 362, 435.

F. Jokl, O přizvuku slovanském, zvlašte českém. Listy fil., XII (1883) 422.

G. Fischer. Zur frage über den Ursprünglichen Accent im Böhmischen. Arch. f. Slav. Phil., III (1878) 525.

J. Machal. Ku kvantité české. Program Gymnaz. v Nemeckem Brodé, 1888.

A. Vašek. O složených slovech v češtině. Časop. Mat. Morav., 1877, 63; 1878, 146; 1879, 64.

Fr. Prusik. 1) O komparativě ve slovanštině. Program Gymnaz. v Roudnici, 1882; 2) Etymologica. Krok, 1892, 1, 5, 7, 10; 1893, 2.

Fr. Slavik. O skracováni starodavných jmen osobních a mistních. Časop. Mat. Mor., 1889, 158.

V. Vondrák. O koncovkách praes. sing. *-im*, *-ám* v češtině. Listy fil., XIII (1886) 43.

V. Flajšhans. 1) Česká kvantita. Listy fil., XXII (1895) 66; 2) Změny mezislovné v češtině. Тамъ-же, 429; 3) Dissimilace v češtině. Тамъ-же, XX (1893) 464.

Jos. Zubatý. Ku přechodu *s* v š v češtině. Listy fil., XXII (1895) 405.

P. Polanský. Maloruské a české *u* misto *y*. Listy fil., XX (1893) 324.

V. Svoboda. Skloňování cizích jmen v češtině. V Praze, 1887.

Fr. Vymazal. 1) Miklošičovo hláskosloví jazyka českého. V Brně, 1879; 2) Pravopisný slovnik a zásady českého pravopisu. V Brně, 1886.

Brus jazyka českého, jejž sestavila Kommisse širšim sborem Matice české zřižena. V Praze, 1877, 3-е изд. 1894.

Fr. Miklosich. Die Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, Bd. I—IV. Ср. первую часть „Лекцій", стр. 39. Фонетика во II т. (1879) 486—519. Русскій переводъ Морфологіи подъ ред. проф. Р. Брандта, вып. IV. Москва, 1886.

M. Blažek. Mluvnice jazyka českého; Dil I Nauka o slově. Brno, 1877, 3-е изд. 1882.

Em. Kovař. Česka mluvnice pro školy střední a ustavy učitelské; Dil I Nauka o slově. V Praze, 1889; Dil II Nauka o větě čili skladba, 1890.

Шрамекъ. Чешская грамматика. С.-Петербургъ, 1870.

К. С.(трашкевичъ). Чешская грамматика съ упражненіями, краткою хрестоматіею и словаремъ, составленная по руководству Конечнаго К. С. въ Кіевѣ. Прага, 1852. Въ типогр. сыновей Богумила Гаазе.

Н. Некрасовъ. Грамматика чешскаго языка (древняго и новаго) при сочиненіи „Краледворская рукопись". С.-Петербургъ, 1872.

J. Szasteckí. Gramatyka czeska. W. Warszawie.

б) Работы по исторіи языка.

Jos. Dobrovský. 1) Ueber den Ursprung und die Bildung der slavischen und insbesondere der böhmischen Sprache, 1791 (Предисловіе къ словарю Томсы ср. ниже); 2) Geschichte der Böhmischen Sprache und Literatur, 1792. Переработанное изданіе, 1818.

Jos. Jungmann. Historie literatury české, aneb saustavný přehled spisů českých, s kratkau historii národu, osvicení a jazyka. V Prahe, 1825, 2-е изд. 1849.

P. J. Šafařik. Počatkové staročeské mluvnice, 1845 (Введеніе къ I т. Výbor z literatury české).

Květ. Staročeska mluvnice. V Praze, 1860, 2-е изд. 1864, 3-е изд. 1869.

V. Šembera. Dějiny řeči a literatury české. Ve Vídni, 1869, 4-е изд. 1878.

Jos. Jireček. 1) O úcincích přídechův a zvlaště joty v řeči české. Rozpravy z oboru historije, filologie a literatury. B. I. Ve Vídni, 1860; 2) Nákres mluvnice staročeské. V Praze, 1870; 3) Alter des čechischen *h* für *g*. Reste des Local-Suffixes *-as* und *-ach* in deutschen Umbildungen slavischer Ortsnamen. Arch. f. Slav. Phil., II, 333.

J. Gebauer. 1) Historická mluvnice jazyka českého; Dil I Hláskosloví. V Praze a ve Vídni, 1894, 702 (капитальный трудъ); 2) Přispěvek k historii českých samohlásek. V Praze. Sbornik vědecký, II, 1871. Ср. рецензію Ягича въ Rad Jugo-slav. Ak., XIV, 195; 3) Přispěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské. V Praze, 1872. Sbornik vědecký, IV; 4) O staročeskem dvojim ř, jasném a temném. Listy fil., IV (1877) 239; 5) O významu jotace v rukopisech staročeských. Listy fil, V (1878) 183; 6) Ueber die weichen *e*- Silben im Altböhmischen. Wien, 1878 (Sitzungsberichte Wien. Akad. d. Wissensch.); 7) Zur Phonetik der altböhmischen *e*- Silben. Arch. f. Slav. Phil., IV, 128.—Novy důvod pro pravidlo o staročeském měkkém *e* a ě. Listy fil., VII (1880) 122.—Pravidlo o staročeském *e* a ě a nové námitky proti jeho pravosti. V Praze, 1880.—Odpoveď na Přídavek p. Martina Hattaly. V Praze, 1881; 8) Ueber die weichen *a*-, *o*- und *u*-Silben im Altböhmischen. Wien, 1879 (Sitzungsberichte Wien. Akad.);

9) Ku kvantitě ve staročeských Zlomcích Epických. Listy fil., V (1878) 219; 10) Ke kvantitě staročeské. Listy fil., VI (1879) 204; 11) Staročeské m', b', p', v', z', s', c (c') ř. Listy fil., X (1883) 107; 12) Staročeska adjektiva s koncovkami *-úcí*, *-ujúcí*, *-ějúcí*, utvořena ze sloves. Listy fil., XIV (1887) 360; 13) Prechodník přitomný (budouci) sloves jednodobých a končicích v novém zákoně Kralickém. Časop. Česk. Musea, 1870, 247; 14) Některé stránky jazyka štitenského, 1874. Listy fil., I, 252; 15) O važbě přechodnikově v jazyce štitenském. Listy fil., II, (1875) 126; 16) Nominale Formen des altböhmischen Comparativs. Wien, 1880 (Sitzungsberichte, Wien, Akad.); 17) Staročeské sklonění zajmenné. V Praze, 1885 (Pojednaní Kral. české Spol. nauk); 18) Staročeské sklonění substantiv kmene *-o*. V Praze, 1888 (Pojednaní Kr. česk. Spol. nauk); 19) Staročeské sklonění substantiv kmene *-a*. V Praze, 1888 (Pojedn. Kral. Česk. Sp. nauk); 20) Staročeské sklonění složené. V Praze, 1889 (Rozpravy Kr. Č. Sp. nauk); 21) Staročeské sklonění jmen kmene *-i*. V Praze, 1891 (Rožpr. Kr. Č. Sp. nauk); 22) Unechtheit der Koniginhofer und Grüneberger Handschrift. Arch. f. Slav. Phil., X, 446, XI, 1, 161; 23) Adverbia *-o* a -ě v RKZém. Listy fil., XXII (1895) 130. См. также 13 стр.

M. Hattala. Přispěvek k nejnovějšim dějinám mluvnictví českého. Krok, 1891, 1892.

J. Pelikan. 1) Hláskoslovne a tvaroslovné základy, введеніе при книгѣ Výbor z literatury české. Dil I 2-е изд. 1893; 2) Význam imperfekta ve staré češtině. Program Gymnaz. v Kralevohradci, 1886; 3) O duale v češtině. Тамъ-же, 1888.

A. Havlik. K otazce jerové v staré češtině. Listy fil., XVI (1888).

M. Opatrný. 1) Staročeské střidnice předložky stb. *въ* před souhlaskami retnými. Listy fil., XVIII (1891); 2) Staročeská střidnice za původní *rь*. Тамъ-же, 177; 3) Aoristy sloves II třidy ve staré češtině. Listy fil., XI (1884) 56.

Karel Černý. Pravidlo o formách slovesa „býti" vzhledem ke Štitnému. Listy fil., XVI (1889) 445.

Fr. Černý. Kosmografie česká. Listy fil., XX (1893) 444.

V. Flaišhans. 1) Staročeské sklonění substantiv kmene *-u*. Listy fil., XVII (1890) 138, 278, 372, 446; 2) Doklady k stč. sklonění subst. kmene *-o*. Listy filol., XVIII (1891) 73, 288; 3) Ke kvantite češtiny XVI století, Listy fil., XX (1893) 383; 4) Vliv literatury staroslovenské na staročeskou. Listy fil., XXI (1894) 372,463 (по поводу изслѣдованія Вондрака см. ниже); 5) Dřevo a drvo. Listy fil., XXI (1894) 469.

V. Vondrák. 1) O genitivech na *u* ve staré češtině. Listy fil., XII (1885) 253; 2) Ueber die Localendungen -ě und -*u* der ъ- und *o*- Stämme im Altböhmischen. Archiv f. Slav. Phil. IX (1887) 605; 3) Die Spuren der altkirchesslavischen Evangelienübersetzung in der altböhmischen Literatur, 1893 (Sitzungsberichte d. Wien. Akad.).

Jan V. Novák. 1) O vývoji českého jazyka spisovného. Zpráva prvního českého Gymnazia v Praze za 1886; 2) O grammatice české M. Vavřince Benedikta z Nudožer. Časop. Česk. Mus., 1888, 360.

Karel Novak. O duale ve spisech Husových. Listy fil., XX (1893) 161.

Josef Král. 1) O prosodii české XX (1893) 52, 190, 337, 417, XXI, 1, 161, 241, 321, 401; 2) K činnosti Jungmannově v prosodickém sporu. Listy fil., XXII (1895) 33.

Fr. Pastrnek. Ueber den altčechischen Reim. Archiv f. Slav. Phil., X, 582.

Ot. Paroubek. Z dějin českého verše. Zprava o obecném gymnazii reálním v Praze za rok. 1892. Cp. Listy fil., XX (1893) 234.

Dolanský. O ypsilonu a jotě v Passionale Muzejním. Listy filolog., XIX (1892) 64.

Em. Smetanka. Adjektivná adverbia na -*o* a -ě v staročeštině. Listy fil., XXII (1895) 91.

Jos. Bidlo. Hláskoslovné a tvaroslovné zvlaštnosti Hájkova Herbaře (z roku 1562) a Veleslavinova Kalendaře historického (z roku 1578). Listy fil., XXI (1894) 100, 203, 288, 378, 448.

B. Jedlička. Studie o štokholmské legendě Kateřinské. Listy filol., XXI (1894) 44.

V. Kebrle, Příspěvky ke kritíce a vykladů textů staročeských. Listy fil., XXI (1894) 193.

Fr. Nékola. Cizí vliv na jazyk český. Mladá Boleslava, 1880 (Program gymnaz.).

V. Jagić. Многочисленныя рецензіи въ Archiv f. Slav. Phil.; важнѣйшая изъ нихъ разборъ труда Гебауэра Historická mluvnice jazyka českého. Arch. XVI, 505.

А. Соколовъ. Краледворская рукопись „Судъ Любуши". Ученыя Записки Казанск. Унив., 1845 (кн. IV) и 1846 (кн. I).

И. И. Срезневскій. Былина о судѣ Любуши. Русскій Филол. Вѣстн., 1879, 1; 2) Чешскія глоссы въ „Mater Verborum". Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Спб., 1878 (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, XIX).

В. Макушевъ. Изъ Чтеній о старо-чешской письменности. Филологическія Записки (Воронежъ) 1878, 3—6.

В. И. Ламанскій. Новѣйшіе памятники древне-чешскаго яз. Журн. Мин. Нар. Просв., 1879, январь, февраль, мартъ, іюнь, іюль; 1880, іюнь.

М. П. Петровскій. Матеріалы для славянской діалектологіи. Ученыя записки Казанск. Унив., 1864—1866; 2) Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ. Спб., Памятники древней письменности, 1888, № LXXII.

А. А. Кочубинскій. Отчеты о занятіяхъ славянскими нарѣчіями, 1876, 1877.

в) Изданія памятниковъ стараго языка [1]).

V. Hanka. Starobylá skládanie, I—V. V Praze, 1817—1823 (не вполнѣ критическое изданіе).

P. Šafařik und Fr. Palacký. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, 1840.

Rozbor staročeské literatury (труды Шафарика, Юнгманна, Челяковскаго и Ганки) Akta Kral. České společnosti Nauk. Sv. II, 109—216, Sv. III, 671—746. Отдѣльно два тома 1842—45.

P. J. Šafařik. 1) Výbor z literatury české, I. Od nejstaršich časův až do počátku XV století, 1845; 2) Klasobraní na poli staročeské literatury. Časopis Česk. Mus., 1847, 1848, 1855; 2) нѣкоторые тексты въ Sebrané Spisy. Dil III.

K. J. Erben. 1) Výbor z literatury české. Dil II. Z počátku XV až ku konci XVIII století, 1857—1864 (3 вып. до XVI в.); 2) Tómy ze Štítného Knížky šestery o obecných věcech křesťanských. V Praze, 1852; 3) Mistra Jana Husi sebrané spisy české. V Praze, I, 1865, II, 1866, III, 1868; 4) Legenda o sv. Katěřine. Časopis Česk. Mus; 5) Bartošova Kroniká pražská o pozdvižení jedněch proti druhým (1524—1530). V Praze, 1851; 6) Cestopis Haranta z Polžic.

Fr. Palacký. 1) Staří letopisové češti od roku 1378 do 1527. V Praze, 1829; 2) Archiv český, I—IV, 1840—1846, V—VI, 1862. Продолженіе Архива подъ редакціей Калоуска, въ настоящее время 11 томовъ; 3) Physiologus. Čas. Česk. Mus., 1875, 127.

V. Nebeský. Матеріалы и замѣтки по исторіи чешской письменности въ Časop. Česk. Mus., 1845, 1846, 1847, 1850, 1851, 1852, 1853.

I. Hanuš. Málý výbor z literatury české.

J. Rozum. Bibliotéka staročeská d. I—VII, 1853—1857.

Jos. Jireček. 1) Grammatika česká Jana Blahoslava. Ve Vidní, 1857; 2) Anthologie z literatury české doby střední. V Praze, 1858; 3) An-

[1]) Указываются преимущественно важнѣйшія, наиболѣе критическія, изданія.

thologie. Doba stará, 1860, 2-е изд. 1870, 3-е изд. 1875; 4) Anthologie. Doba nová, 1861; 5) Zrcadlo marnotratných. Časop. Česk. Mus., 1873, 235; 6) Nové objevy z literatury staročeské Časop. Česk. Mus., 1875, 321; 7) Staročeské zlomky satyričké. Тамъ-же, 321; 8) Legenda veršovaná o sv. Prokopu. Prameny dějin českých, I, 1871—1873; 9) Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila. Památky staré literatury české. Č. 2, 1877 и Prameny dějin českých. D. III, Sv. 1—3, 1878; 10) Staročeské divadelní hry. V Praze, 1878 (Památky staré literatury české. Č. 3); 11) Skladaní o Podkoní a žáku. V Práze, 1878; 12) Z rukopisův kláštera Vyšnobrodského. Čas. Česk. Mus., 1885, 563; 13) Die altböhmischen Gedichte der Grünberger und Königinhofer Handschrift. Prag, 1879; 14) Některé listy Viléma hr. Slavaty. Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury. R. I. Ve Vidni, 1860, 80.

Herm. Jireček. 1) Viktorina ze Všehrd Knihy devatery o pravích a sudích, o deskách země české. V Praze, 1874. 2) Codex juris Bohemici. Tom I—V, 1867—1883; 3) Svod zakonův Slovánských. V Praze, 1880.

V. Brandl. 1) Libri citationum et sententiarum seu knihy půhonné a nálezové. T. I—V. Brunae, 1872—1888; 2) Spisy Karla staršího z Žerotina, I, v Brně, 1870, II i III v Praze, 1871, 1872; 3) Kniha Rožmberská. V Praze, 1872; 4) Kniha Tovačovská. V Brně, 1868; 5) Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Vol. VII—XII.

Martin Hattala a Adolf Patera. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Texty a transkripce. V Praze, 1881.

Adolf Patera. 1) Česke glossy v „Mater Verborum“. Časop. Česk. Mus., 1877. Русскій переводъ этого труда А. О. Патеры съ дополнительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго въ Приложеніи (№ 4) къ XXXI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб., 1878; 2) Staročeské glossy v latinském žaltáři musejnim XIII století. Čas. Česk. M., 1879, 398, 481; 3) Staročeské glossy XIII stol. v tak zvaném Homiliaři Opatovickém. Čas. Česk. M., 1880, 109; 4) Staročeské glossy XIII století v kapitulní knihovně v Olomouci. Čas. Česk. Mus., 1887, 119; 5) České a starobulharské glossy XII století v lat. rukopise kapitulní knihovny v Praze. Čas. Česk. Mus., 1878; 6) Píseň staročeská ze XIII století „Slovo do světa stvořenie“. Čas. Česk. M., 1878; 7) Staročeská píseň o božím těle ze XIII století „Vitaj Králu všemohúcí. Čas. Česk. Mus., 1882, 103; 8) Staročeský zlomek legendy o panně Marii. Čas. Česk. M., 1879, 113; 9) Staročeské zbytky o Adamovi a Evě ze XIV století. Čas. Čes. Mus., 1884, 238; 10) Staročeský zbytek rýmovaného dětinství Ježišova ze XIV století. Čas. Česk. M., 1889, 454; 11) Drkolenský a musejní zbytek staročeské rýmované legendy o Jidašovi z prvé

čtvrti XIV století. Čas. Česk. M., 1888, 86; 12) Wiesenberské rýmované zbytky „Rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně". Čas. Česk. M., 1890, 186; 13) Opatovické zbytky staročeské „Rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně. Čas. Česk. Mus., 1890, 191; 14) Staročeske zbytky rozmluvy panny Marie a sv. Anselma o umučení Páně. Čas. Česk. M., 1880, 344; 15) Rýmované „Pravenie o božiem umučenie a o jeho sváté krve prolitie" z druhe polovice XIV století. Čas. Česk. M., 1883, 370, 550; 16) O božiem umučení. Staročeské rýmované skládání ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1886, 582; 17) O umučení sv. Jiří. Staročeská rýmovaná legenda ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1887, 77; 18) Zbytky staročeských legend o sv. Jiří ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1881, 271; 19) Svaté Mařie s nebes chvála. Rymované skládáni ze XIV století. Čas. Česk. M., 1884, 511; 20) Zbytky staročeských rýmovaných legend o sv, Kateřině a sv. Margaretě. Čas. Česk. Mus., 1887, 204; 21) Musejní zbytky staročeského Žívota Krista Paná ze XIV st. Čas. Česk. M., 1885, 249; 22) Drkolensky zbytek staročeského passionalu ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1888, 101; 23) Drkolenský rukopis „Pašije Pána našeho Jezu Krista" XIV století. Čas. Česk. Mus., 1888, 324; 24) List z nebe zeslaný. Památka staročeská ze XIV století. Čas. Česk. M., 1889, 439; 25) Musejní zbytky staročeského „Zrcadla člověčieho spasenie" ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1887, 464; 26) Drkolenské zbytky staročeských her dramatických ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1889, 122; 27) Staročeské zbytky Růžové zahrady ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1881, 464; 28) Musejni zbytky staročeské Pulkavovy kroniky ze XIV století. Čas. Česk. M., 1885, 510; 29) Šafařikův a Svatotomašský zbytek českého žaltaře ze XIV století. Čas. Česk. M., 1881, 121; 30) Nově nalezené zbytky staročeských passionalů ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1882, 514; 31) Musejní zbytky staročeského passionalu ze XIV století. Cas. Česk. Mus., 1883, 107; 32) Musejní zbytky staročeského Žaltaře asi z počatku XIV století. Čas. Česk. M, 1886, 129; 33) Zbytky staročeského překlada Genese ze XIV století. Čas. Česk. M., 1890, 450; 34) Hradecký rukopis. V Praze, 1881 (Památky staré literatury české, č. 8); 35) Svatovítský rukopis. V Praze, 1886 (Památky staré literatury české, č. 9); 36) Žaltař Klementinský. V Praze, 1890 (Památky staré literatury české, č. 10); 37) Rada otce synovi. Dle Petrohradského rukopisu z r. 1404. Čas. Česk. Mus., 1892, sv. 4; 38) Desatero kázanie božie. Čas. Česk. M., 1893, 246; 39) Kapitulní zbytek staročeských velikonočních her ze XIV století. Čas. Česk. Mus., 1894, 73; 40) Zbytky evangelii ze XIV století, 1895 (České Museum filologické, I, 1); 41) Žaltař Poděbradského z r. 1396 (печатается).

J. Gebauer. 1) Žaltář Wittenberský. V Praze, 1880 (Památky staré literatury české, č. 7); 2) Ukázka z rukopisného Nového zákona, psaného od Martina Kořečka r. 1425. Listy filol., XII (1880) 126; 3) Zlomek staročeského Exodu z. 1 polovice stol. XIV. Тамъ-же, 129; 4) Zlomky žaltaře Brněnského z 1 polovice stol. XIV. Listy fil., VIII (1881) 301; 5) Z Passionalu muzejniho. Listy fil., VIII, 309, IX, 129, XII (1885) 291, 419 (J. Lego); XIII (1886) 55, 232 (J. Lego); 308 (J. Lego i J. Hanuš); 435 (J. Hanuš); XIV (1887) 44, 257 (J. Hanuš); 6) Knižky Hugovy o připravení svého srdcě. Listy fil., X, (1883) 301; 7) Životy svatých Otcův. Listy fil., XI (1884), 111; 8) Hodiny svaté Máří. Тамъ же, 127; 9) Kniha Rožmberská. Listy fil., VII (1880) 261; 10) Nová rada Baseň pana Smila Flašky z Pardubic. V Praze, 1876 (Památky staré literatury české, č. 1; 11) Básně připsané při kronice Pulkavově v rkp. Lobkovickém z 1 pol. XV století. Listy filol., XI (1884) 111; 12) Básně připsané při kronice Pulkavově v rkp. Litoměrickém, napsaném 1466. Тамъ-же, 302.

J. Emler. 1) Spisové Cisaře Karla IV. Na oslavu pětistyleté památky jeho. V Praze, 1878 (Památky staré literatury české, č. 4); 2) Dekrety Jednoty Bratrské въ изд. Гиндели Staré paměti dějin českých. V Praze, 1867; 3) Pozůstatky desk zemských, 1869, 4) Regesta Bohemica. T. II—IV.

Jos. Truhlař. 1) Dvě staročeské památky ze XIII věku v Mnichově. Čas. Česk. Mus, 1879, 573; 2) České přípisky v choralní knize klaštera Svatojiřského (XIII—XIV в.). Listy filol., VI (1879) 244; 3) Listina o prodeji mlýna Ústi nad Kaceřovem klašteru Plaskému z r. 1406. Listy fil. XV (1888) 44; 4) Brněnský zlomek „Ružové zahrady". Listy filol., XIII (1885) 307; 5) Zlomek Závišovy písně Mnichovský (XIV st.). Čas. Česk. Mus., 1885, 109; 6) Zlomky kroniky Dalimilovy nově objevené. Listy fil., XVIII (1891) 99; 7) Milostná píseň česká z počátku XV století. Čas. Čes. Mus., 1882, 44; 8) Manuale q. v. Venceslai Korandae-Rukopis bibliothéky Klementinské. V Praze, 1888; 9) Klementinské zlomky sborniku epických básni světských XIV věku. Čas. Česk. Mus., 1893, 329; 10) Klasobraní po rukopisich. Listy filol., XIX (1892), 54; 11) Zlomky dramatických her staročeských Mnichovské. Čas. Česk. M., 1892, 1.

F. Menčik. 1) Knižky o hře šachové. V Praze, 1880 (Památky staré literatury české, č. 6); 2) Zlomek legendy „o dvanácti apoštolich", zvaný zlomkem Dobrovského. V Praze, 1879. Listy fil., VI, 140; 3) Dvě staročeské duchovní pisně v knihovně klaštera Admontského XIV stol. Listy filol., IX (1882), 147; 4) Nový zlomek Alexandreidy. Čas. Česk. Mus., 1889, 369; 5) Rozmanitosti. V Jičině, 1880; 6) Český zlomek

„Donata". Listy filol., XVIII (1891) 99; 7) Píseň o přijímání Kalicha. Čas. Česk. Mus., 1889, 153; 8) Píseň proti svatokupectví. Čas. Česk. M., 1890, 474; 9) Zapisy kněze Václava Rosy. Videň, 1879; 10) Česká proroctví. Přispěvek k dějinam prostonárodní literatury. Videň, 1879; 11) Vocabularium latinobohemicum Posoniense. Prešpurský sbornik. V Praze, 1892; 12) Dva evangelistaře. V Praze, 1893; 13) M. Vojtěcha Rankova dopis Konradu Waldhauserovi. Čas. Čes. Mus., 1880, 558.

A. Vrťatko. 1) Thómy z Štítného knihy naučení křesťanského. V Praze, 1873; 2) Zlomky táborské. Čas. Čes. Mus., 1874, 110.

V. Jedlička. Klasobraní na poli staročeské literatury. Časop. Česk. Mus, 1872, 188.

Fr. Prusík. 1) České glossy latinského rukopisu roudnického z XV století. Program Gymnaz. v Praze, 1886; 2) Kronika o Štilfridoví. Krok, 1894, 7, 42; 3) Kronika o Alexandru Velikém (z rukopisu Náchodského). Krok, 1894, 1895; 4) Staročeské Alexandreidy rýmovani. V Praze, 1896.

V. Flajšhans. 1) Staročeský zlomek evang. sv. Marka (1370—1390). Listy filol., XVIII (1891) 92; 2) Bohemař. Listy filol., XV (1888) 453, XIX (1892) 381, 476; 3) Bohemař menši. Listy fil., XXI, 365; 4) Mammotrekt Klementinsky. Listy fil., XX, 216, 290; 5) Recept staročeský z doby okolo r. 1400. Listy fil., XX (1893) 462; 6) Začatek Rokycanovy Postilly (rkp. 1500). Listy fil., XXII (1895) 133.

Fr. Černý. 1) Povídka o Grizeldě (рук. 1520). Listy fil., XX (1893) 313; 2) Zlomek bibl. z XV stol. Тамъ-же, 320; 3) Kosmografie česká. Listy fil., XX (1893) 444; 4) Spisy sv. Augustina. Listy filol., XXI (1894) 106; 5) Knihy Ieronimovy a Tobiašovy. Тамъ-же, 110; 6) O pokání (1416 г.). Listy fil., XXI (1894) 225.

L. Dolanský. Staročeské zlomky legend o Pilatu a o seslání Ducha Sv. Listy fil., XX (1893) 370.

Č. Zíbrt. Latinsko-český rukopis z XV století. Listy fil. XX (1893) 391.

Richard Plicka. Tři staré listiny nově objevené. Listy fil., XX (1893) 396.

Fr. Kytler. Zlomek Desatera. Listy filol., XXI (1894) 112.

Fr. Frank. 1) Z rukopisu Opatovicko-Musejniho, XV stol. Listy fil., XIX (1892), 182, 268.

J. Polívka. Ukázky z Varšavského Starého Zákona z pol. XV stol. Listy filol., XXI (1894) 219.

V Hauer. České glossy k latinským hymnům napsaným l. 1418. Listy fil., XXII (1895) 140, 429.

V. Kotsmich. Dva staročeské spisy klaštera Admontského, č. 524. Listy filol, XV (1888) 35.

F. Tadra. Ukazování sv. ostatků v Č. Krumlově v XIV věku. Dle rukopisu XIV století. Čas. Česk. Mus., 1880, 432.
Aug. Sedlaček. Nejstarši list českým jazykem psaný. Čas. Česk. Mus., 1887, 517.
Paul Karge. Slavische Denkmäler aus älterer. Zeit in Breslau. Archiv f. Slav. Phil., XII (1889) 120.
J. Kaňka. O staročeských listinách v archivu Jindřichohradeckém. Progr. gymnaz. v Jindřich. Hradci, 1886.
Ign. Mašek. Urbař klaštera Žďárského na Moravě. Čas. Mat. Moravsk., 1875, 139.
Alois Müller. Nejstarší český slovař rostlinářský. Čas. Česk. Mus., 1877, 390.
Юрій Анненковъ. 1) Výpisky z Parižského rukopisu spisu Štítného a Chelčického. Čas. Čes. Mus., 1885, 394; 2) Сочиненія Петра Хельчицкаго. Трудъ Ю. Анненкова. Окончилъ по порученію отдѣленія, русскаго языка и словесности орд. академикъ И. В. Ягичъ. Спб., 1893.
W. Nehring. 1) Ein Blatt aus Thomas von Štítné „Rozmluvy duše s svědomim". Arch. f. Slav. Phil., II (1876) 189; 2) Několik dopisů Jindřicha Minsterberského a syna jeho Jiřího k Marketě, provdané kněžně Anhaltské. Čas. Česk. Mus., 1882, 527.
Fr. Mareš. 1) Popravčí kniha panův z Rožmberka. V Praze, 1878; 2) Václava Březana Život Petra Voka z Rosenberka. V Praze, 1880. Nákladem Matice České.
V. Mourek. Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského. V Praze, 1892.
Karel Novák. Staročeská píseň o Pravdě. V Taboře, 1888.
Jan Karlowicz. Pieśń staroczeska o narodzeniu Jezusa. Prace filologiczne II (1888) 578.
J. Novaček. Soud o vykoupení světa od Jakuba Averanského (XV st.). V Jindř. Hradci, безъ года.
J. Karásek. Petr Chelčicky. Menší spisy. V Praze, 1891 (Comenium. II Vědecký odbor. Čislo 1. Památky reformace české).
Fr. A. Slavík. Br. Jana Blahoslava Vady kazatelův. V Praze, 1876.
Dve české listiny z Capestrana v Neapolsku z r. 1454. Časop. Česk. Mus., 1887, 116.
Život Jana Augusty čili vypravování o zajetí a uvěznění Jana Augusty a Jakuba Bilka v l. 1548—1564. V Praze, 1880. Nákladem spolku Komenského.
Fr. Dvorský. 1) Zuzanna Černínova z Harasova. Dopisy české šlechtičny z polovice 17 stol. V Praze, 1886; 2) Mateř a dcera Zuzanny Černí-

nové z Harasova. Listy Alžběty Homutovny z Cimburka a Elišky Myslikovny z Chudenic. V Praze, 1890; 3) Paměti o školách českých. Listař školství českého v Čechach a na Moravě od l. 1598 do 1616 z doklady starší i pozdější doby. V Praze, 1882.

Ant. Rezek. 1) Zápisy Viléma Slavaty z let 1601—1603 (Rozpravy Kr. Č. Spol. nauk, VII řady, 2 sv.); 2) Jezuitská divadelní hra ku oslavě cisaře Matiaše z r. 1617. Čas. Česk. Mus., 1886, 388; 3) Paměti Mikuláše Dačického z Heslova, sv. I, v Praze, 1878, sv. II, 1880 (Památky staré literatury české, č. 5); 4) Poselkyně starých přiběhův českých. Sepsal Jan Bęckovský. V Praze, 1879, I—III.

J. Prásek. Martina Kabátnika cesta z Čech do Jerusalema a Kaira r. 1491—92. V Praze, 1894 (Sbirka pramenův ku poznáni literarního života v Čechach na Moravě a v Slezku. Výdava III třida Česke Akademie. Skupina I, řada 2, č. 1).

A. Brückner. Böhmische Studien. Abhandlungen und Texte. Arch. für Slav. Phil., XI (1888) 81, 189, 481, XII (1890) 321, XIII (1890), 1, XIV (1891) 1.

B. V. Spiess. Divadelní hra lidová o sv. Jiří mučedlniku. Česky Lid., V, 45.

Karel Tieftrunk. Historie Česká Pavla Skály ze Zhoře (1602—1623) 1865—70 (Staré paměti dějin českých).

Sněmy české. D. I—VIII (продолжается).

Boček. Codex diplomaticus et epistolaris. Moraviae, I—VI.

Воскресенскій. Славянская христоматія. В. 3. Москва, 1884.

г) Словари и словарныя работы.

Jan Bosak Vodňanský (Iohannes Aquensis). Vocabularium, cui nomen Lactifer. V Novém Plzni, 1511.

Dictionnarius trium linguarum latine tewtonice, boemice potiora vocabula continens, peregrinantibus apprime utilis. Viennae, 1513, 2-е изд. 1531, 3-е изд. 1538, 4-е изд. 1561.

Wokabularz latinský, czeský y něméсky nynij znovu vczinieny spilnostij korygowaný. V Praze, 1546 и 1550; новое изданіе 1582.

Thomae Reschelii. 1) Dictionarium latinobohemicum. Olomucii, 1560; 2) Dictionarium bohemico-latinum, 1562.

Nomenclatura sex linguarum, Latinae, Italicae, Gallicae, Bohemicae, Hungaricae et Germanicae. Per Gabrielem Pannonium Pestinum. Viennae, 1561.

Petra Kodycylla. Vokabulář latinský. český a německý. V Praze, 1575, 1587, 1616, 1636, 1689, 1704, 1723, 1740, 1753, 1766.

Václav Dasypus. Dictionarium latino-bohemicum, 1581.

Dan. Adam z Veleslavina. 1) Sylva quadrilinguis, vocabulorum et phrasium bohemicae, latinae, graecae et germanicae linguae 1598; 2-е изд. 1683; 2) Nomenclator quadrilinguis omnium rerum, quae in probatis omnium doctrinarum auctoribus inveniuntur apellationes, 1598.

Dictionarium septem diversarum videlicet latinae, italicae, dalmaticae, polonicae, bohemicae, germanicae et hungaricae, una cum indicibus, a Leopoldo Lodereker. Pragae, 1605.

K. Vussin. Dictionarium von dreyen Sprachen, deutsch, lateinisch und böhmisch, 1700—1706 (3-я часть=чешско-латино-нѣмецкая).

Slowarz czesky. V Praze, 1705, 1716.

Joannis Amos. Comenii. Vestibulum cum versione german., hungar., slavica Leutschoviae, 1714, 1722.

K. Rohn. Nomenclator to jest jmenovatel aneb rozličných jmen jak v české a latinské, tak i v německé rzeči oznamitel. V Praze, I—IV, 1764—1768.

K. I. Tham. 1) Neues ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches Nationallexikon oder Wörterbuch mit einer Vorrede begleitet von J. Chr. Adelung. Prag, 1788; 2-е изд. 1799; 3-е изд. 1814; 2) Kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch oder Sammlung von Wörtern, Redensarten und Sprüchwörtern. Prag, 1799, 1802; 3) Neynowějšj auplný českoněmecký slownjk, aneb přjhodný weyběrek slow k mluwenj po česku těž po německu neypotřebněgšjch. W Praze, 1807, 1808; 4) Versuch eines böhmisch-deutschen juridischen und geschäftsmännischen Lexikons. Prag, 1808; 5) Neuester deutschböhmischer Nomenclator etc. Prag, 1815; 6) Neuestes mögligst vollständiges.... böhmisch-deutsches und deutsch-böhmisches Taschenwörterbuch.... I—II. Prag, 1818.

Fr. Tomsa. 1) Malý německý a český slovnik. V Praze, 1789; 2) Vollständiges Wörterbuch der böhm. deutsch. und lateinischen Sprache. Prag, 1791 (съ предисловіемъ Добровскаго); 2-е изд. 1805—1807.

J. Dobrovský. Deutsch-böhmisches Wörterbuch. Prag, I, 1802; II, 1821.

Georg. Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches mit Beifügung der dem Slowaken und Mährer eigenen Ausdrücke und Redensarten zunächst für Schulen bearbeitetes Wörterbuch. I, Prag, 1820; II, Pressburg, 1821

M. J. Sychra. Versuch einer böhmischen Phraseologie durch kurze alphabetisch geordnete, den ächten Geist der čechischen Sprache aussprechend und der grösseren Gemeinnützigkeit wegen verdeutschte Sätze. Brünn, 1821—1822.

J. Jungmann. Slovník česko-německý. V Praze, I—V, 1835—39.

J. Čelakovský. Dodavky do Slovnika Jungmanna. V Praze, 1851.

Jos. Chmela. Německo-český slovník.

Konečný. Slovník jazyka českého i německého.

Šumavský. Slovnik česko-německý, v Praze.

J. P. Jordan. Příruční slovník jazyka českého i německého. Druhé rozmnožene vydaní. Dil českoněmecký. Praha, 1870.

J. Rank. 1) Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Druhé opravené i přimnožené vydání. Praha 1871. 2) Ruskočeský slovník, v Praze, 1874; 3) Česko-ruský slovník (печатается).

Arn. Vysoký. Materiál k slovníku technologickému.

J. Lego. Příspěvek ke slovníku českému. Čas. Č. M., 1876, 382; 1881, 531.

F. Menčik. Der Wiener Mammotrectus. Ein Beitrag zum böhmischen Wörterbuch. Arch. f. Slav. Phil., V (1880) 95.

Fr. Bílý. Příspěvky ke slovníku českému. Čas. Česk. Mus., 1882, 128.

Fr. Špatný. Deutsch-böhmisches Wörterbuch für Roth-, Weiss- Sämischgerber und Pergamentmacher mit Berücksichtigung der hierauf Bezug nehmenden Hilfsgewerbe und Hilfswissenschaften. — Německo-česky Slovnik и т. д. V Praze, 1880.

J. Hrabák. Terminologický slovník hornický německo-český a česko-německý. V Praze.

Ed. Hořovský. Deutsch-böhmisch-russisches Berg—und Hütten-mannisches Wörterbuch, enthaltend die wissenschaftlichen und technischen Ausdrücke aus dem Bereiche der Mineralogie, Geologie, anorganischen Chemie, Bergbau, Aufbereitungs—und Hüttenkunde, Berg-- und Hüttenmaschinenlehre, Metallurgie, Salinenkunde und der wichtigsten verwandtten Mineralindustrien. Prag, 1890.

V. Brandl. Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes. 1876.

Fr. Kott. Česko německý slovník zvlaště grammaticko-fraseologický. D. I—VII, 1878—1893.

Jan Vaňa. Ruský Slovník. Dil I Slovník česko-ruský. V Praze, 1895.

Herzinger-Mourek. Německo-český slovnik. V Praze, 1895—96.

J. Herzer a Č. Ibl. Slovník francouzko-česky. V Praze, 1895—1896.

V. Mourek. Slovník anglicko-český.

г) Работы по діалектологіи.

G. Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch. Ср. выше отдѣлъ „Словарей“.

J. Jireček. 1) Podřečí východnich Čech. Čas. Česk. Mus., 1863, 323); 2) Podřečí severních Čech. Čas. Česk. Mus., 1864, 49, 250; 3) O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských. V. Praze, 188[illegible] (Rozpravy Kr. Česk. Spol. nauk). Ср. рецензію Fr. Pastrnek въ Arch. f. Slav. Phil., XII, 180.

J. Kouble. Podřečí severních Čech. Čas. Česk. Mus., 1864, 40, 56; 1) Dodatky k rozpravě o podřečí ve východních Čechách. Čas. Česk. Mus., 1864, 250.

Al. V. Šembera. Základove dialektologie česko-slovenské. S přiklady všech řečí slovanských a různořečí českých, moravských a slovenských. Ve Vidní, 1864.

V. Kotsmich. Podřečí Doudlebské. Sborník vědecký Musea království českého, 1868.

Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. První dil — Nářeči slovenské, dolské, valašske, a lašske. V Brně, 1886. Druhý dil. Nařečí hanacké a české. V Brně, 1895. О первомъ томѣ ср. рецензію А. С. Будиловича въ отчетѣ Академіи Наукъ о первомъ присужденіи преміи А. А. Котляревскаго (1890 г.) и В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil., X, 212.

V. Prasek. 1) Čeština v Opavsku. Rozprava historicko-grammatická. V Olomouci, 1877; 2) Sbírečka slov moravských. Komenský, 1873, 417, 486.

V. J. Dušek. 1) Zajmeno v ústech lidu česko-slovenského. Listy filol., X (1883) 406; 2) Slovesa bezpřiznaká v dialektech česko-slovenských. Listy fil., XIV (1887); 3) Novotvary slovesné. Čas. Česk. Mus., 1888, 452, 372, 433; 4) Dialektické zvlaštnosti českého slovesa. Listy filol., XIX (1892) 100, 197, 280, 359; 5) Hláskosloví nářečí jihočeských. I část. Consonantismus. V Praze, 1894 (Rozpravy České Akademie, Třida III, Ročn. III, čislo 3); 6) Die Slavische Dialekten in Böhmen. Die Österr-ungar. Monarchie in Wort und Bild. Band Böhmen. 482—495; 7) Řeč lidu v koruně české a na Slovensku. Národopisná výstava česko-slovanská. V Praze, 1895, 83—96.

J. Bartocha. 1) Časování sloves v nařečí dolnobečevskem. Listy fil, XII (1885) 241; 2) Tvarosloví dolnoběcevské. Listy fil., XIV (1887) 263, 376; 3) Z kmenosloví dolnobečevského. Listy fil., XX (1893) 115.

Jan Fr. Hruška. O hláskoslovi chodském. Listy fil., XVIII (1891) 30.

E. Kutílek. Dialektologíčké paběrky z okolí Žleb. Český Líd II, 613, 694.

Hošek. O podřečí chromeckém. Listy fil., XXI (1894) 73, 266, 358.

Kohut. Nařečí čacké, 1882.

J. Bystroň. Nařečí čacké, 1886,

B. Krabice. Něco z Čech a z češtiny (Národni Listy (Praha) 1889, č. 58).

Mährische Dialekte. Politik (Prag) 1893, № 15.

J. Renner a O. Paroubek. Kroj, *mluva*, povaha a zvyky lidu na Písecku (Popis okresního hejtmanství píseckého p. 52).

J. Smola. Provincialismy z Blatenska (Škola a Život, 1886, č. 6).

J. Soukal. Některé provincialismy z okolí Pernštýna (Světozor, 1875, 595).
F. Vojtěchovsky. Dodatek k podřečí okolo Vysokého (Světozor, 1875, 8).
Fr. Prusík. Místopisné výklady (Památky archaeologické a místopisné, XIII, 115).
Jan Jakubec. K názvosloví našeho dialektu. Česky Lid I (1892) 370, 454, 540.
Národopisný sbornik okresu Hořického. V Hořicích, 1885.

е) Памятники живой народной рѣчи

Fr. L. Čelakovský. Slovanské národní pisně, I—III, 1822—1827.
J. Bitter z Rittersbergu. České národní písně. V Praze, 1825.
Sumlork (Krolmus). Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnostj a napěvy ohledem na bajesloví česko-slovanské. V Praze, 1845—1851.
K. J. Erben. Písně národní v Čechach, I—III, 1842—1845. Томъ I—второе изданіе, 1852. Новое изданіе подъ заглавіемъ „Prostonárodní české písně a říkadla". V Praze, 1862—1864.
„Slavia" (Этнографическое общество въ Прагѣ). 1) České a moravské národní pisně. V Praze, 1876; 2) Koledy vánoční. V Praze, 1878; 3) Národní písně, 1877; 4) Národní pohádky, písně, hry a obyčeje. V Praze, 1873—1874; 5) Národní pisně, pohádky, pověsti, říkadla, přisloví, pořekadla, obyčeje všeobecné a zejmena právní 4 вып., 1877—78; 6) Kytice z národnich pisní slovanských. V Praze, 1874.
Fr. Sušil. Moravské národní písně s napěvy do textu vřadenými. V Brně, 1860, 3-е изд. 1872 (первое изданіе, 1835—40 г.).
J. Malý. Národní české pohadky a pověsti. V Praze, 1838; 2) Sebrané bachorky a pověsti národní. V Praze, 1845.
B. Němcova. Národní bachorky a pověsti. Praha, 1842, 1854, 1880.
J. Tyl. Drobnejši povídky prostonárodní. Sebrané Spisy.
J. K. z Rodostova. Národní pohadky, v Praze, 1856—1858; 2-е изданіе, 2 томика, 1872.
M. Mikšiček. 1) Sbirka pověsti moravskych i slezských. Brno a Olomouc, 1843—1845; 2-е изд. 1850; 2) Národní bachorky a pověsti moravské. V Praze; 3) Národni bachorky, 2 вып. Znoim, 1845; 4) Pohádky a povídky lidu moravského. V Brně, 1847.
J. St. Menšik. Moravské pohadky a pověsti. Brno, 1862.
B. M. Kulda. 1) Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. I—II, v Praze, 1874-1875; III, 1892; 2) Svadba v narodě česko-slovanském či svadebni obyčeje, řeči, promluvy, připitky a 73 svadebnich písní a napěvů. Olomouc, 1862, 2-е изд. 1866, 3-е изд. 1875.
Fr. Bartoš. 1) Nové národní písně moravské s napěvy do textu vraděnymi.

V Brně, 1882; 2) Národní písně moravské v nove nasbirané. Sešit I—III. V Brně, 1889. Ср. нашу рецензію въ Унив. Изв., 1891 г.; 2) Paběrky sebrané na polí české poesie kramárské. Čas. Mat. Moravsk, 1871, III; 3) Anthologie z národnich písní česko-slovenských. V Praze, 1874; 4) Ze života lidu moravského. Čas. Mat. Moravsk., 1877, 1878, 1879, 1880; 5) Lid a národ Sv. I. Ve Velkém Meziřici, 1891; 6) Moravská svatba. V Praze, 1891; 7) Moravský lid. V Telči, 1892.

Fr. Bayer. Valašské národní pohádky a pověsti. V Kroměřiži, 1874.

J K. Hraše. 1) Povídky našeho lidu. N. Město na Moravě, 1869—1872; 2) Výbor národních povídek; 3) Ze starých dob. Nové Město na Moravě, 1885; 4) Z říše báji. V Praze, 1888; 5) Pohádky národní. V Praze, 1873; 6) Národní pověsti a pohádky. V Praze; 7) České pověsti, pohádky a báchorky. V Praze, 1877; 8) Babiččino vypravování. V Praze, 1880.

Al. Sedláček. 1) Národní pohadký a pověsti z okolí velko-meziřičského a jihlavského na Moravě. Velke Meziřeči, 1879; 2) Pohádky a pověsti od hor Krkonošských. V Praze, 1878.

J. Svátek. Pověsti pražské. Lumír, 1859, 1860, 1861, 1865, 1866, 1883.

Fr. Vrána. Moravské národní pohádky a pověsti. Sešit I. Z okoli Němčického na Hané. V Brně, 1880.

Ed. Peck, Valašké národní písně a říkadla s napěvy do textn vřaděnými, 1884.

M. Václavek. 1) Několik pohádek a pověsti z Mor. Valašska. Vclkí Meziřiči, 1884; 2) Pověsti moravské „Komensky", 1879, 63, 407; 3) Moravské Valašsko. V Třebici, 1887; 4) Valašska svatba. V Telči, 1892; 5) Valašske pohadky a pověsti. V Meziřiči, 1894; 6) Moravske Valašsko. D. I. Na Vsetině, 1894. Ср. нашу рецензію въ Унив. Изв., 1895.

F. V. Vykoukal. Česka svatba. V Praze, безъ года.

J. Fr. Hruška. Národní píseň na Chodsku. Květy, 1891, 115 и Český Lid I (1892) 391, 489, 587.

Fr. Slama. Slezské pohádky a pověsti. Opava, 1893.

Al. Jirasek. Lidove zkazky z okolí poličského. Český lid I (1892) 452.

Kocman. Písně lidu v Troubsku V Brně, 1894.

Ign. Hošek. Povídky z okolí svojanovského (ve východných Čechách). Český Lid., V (1895) 77. На мѣстномъ нарѣчіи.

J. M. Slavičansky. Vek Krampotův. V Praze, 1881 (на валашскомъ нарѣчіи).

J. Vluka. Stařenčino vypravování mladším o dřivejšich sirkách a modach. Rozpravy Společnosti přatel starožitnosti českých. V Praze, 1892 (на лашскомъ нарѣчіи).

L. Kuba. Slovanstvo ve svých zpěvech. Písně české a moravské, 1884—1886.

A. Sembera. Zakladove dialektologie česko-slovenske. Ve Vídni, 1864. Příklady, 85—168.

Указанія на другія, болѣе частныя, изданія (въ газетахъ и журналахъ) памятниковъ народной рѣчи можно найти въ библіографическихъ обзорахъ Патека (Ferdinand Pátek): 1) Česká literatura folkloristická do r. 1890. Český Lid I (1891—1892) 301, 415, 493, 591; 2) Česká literatura folkloristická za rok 1891. Česky Lid II (1892) 182; 3) Česká literatura folkloristická za r. 1892. Český Lid IV (1894) 150; 4) Česká literatura folkloristická za r. 1893. Český Lid V (1895) 190.

ж) Періодическія изданія, болѣе или менѣе важныя для изученія чешскаго языка.

Časopis Musea Království českého. Praha (съ 1827 г.)

Časopis matice moravské. Brno (съ 1876 г.).

Pojednaní Kr. České Společnosti nauk или Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissensschaften. Praha (на нѣмецкомъ яз. съ 1775, на чешскомъ—съ 1841).

Spravy zasedací (Sitzungsberichte) Kr. Česke Společnosti nauk (съ 1859).

Věstnik Češke Akademie cisaře Františka Josefa. Praha (съ 1892).

Rozpravy České Akademie cisaře Františka Josefa. Praha (съ 1892).

Listy filologické. Praha, (съ 1873).

České Museum filologické. V Praze (съ 1895).

Památky archaeologické a mistopisné. Praha (съ 1872).

Zpravy Společnosti přatel starožitnosti českých v Praze (съ 1892).

Časopis vlasteneckého muzejního spolku Olomuckého (съ 1883).

Věstnik Matice Opavské. Opava.

Krok. V Praze (съ 1886).

Athenaeum, listy pro literaturu a kritiku vědecku. Praha, 1883—1893.

Česky Lid. Praha (съ 1891).

Osvěta, listy pro rozhled v umění, vedě a politice. Praha (съ 1870).

Světozor. Praha (съ 1866).

Zláta Praha. Praha (съ 1883).

Květy. Praha (съ 1878).

Lumír. Praha (съ 1872).

Slovanský Sbornik. Praha (1881—87).

Obzor. Brno (съ 1878).

Jitrěnka. V Poličce (съ 1881).

Vesna. Ve Velkém Meziřiči (съ 1882).

Naše doba. Praha (съ 1894).

Literarni Listy. Ve Velikém Meziříči (съ 1880).
Hlídka literarní. V Brne (съ 1883).
Česka Včela (съ 1870).
Český Jih. Tabor (съ 1872).

Для знакомства съ лучшими образцами современнаго литературнаго языка могутъ служить хрестоматіи:

1) Výbor z literatury česke. Sestavili G. Pelikan, J. Grim a Truhlař. D. III. V Praze. Vydání druhé, 1893.
2) J. Jireček Anthologie z literatury česke. Doba nová. V Praze, 1861.
3) Fr. Bartoš. Česká čitanka. V Brně, 1881, 1883.
4) Fr. Bilý. Patery knihy plodů básnických. Výbor z novověké poesie české. V Telči, 1892.
5) Г. Воскресенскій. Славянская христоматія. Вып. 3. Москва, 1884.

---

2. Площадь чешскаго языка.

Чешскимъ языкомъ говоритъ славянскій народъ, обитающій въ областяхъ Австрійской имперіи: въ Чехіи (Čechy, Чешское королевство), Моравіи (Morava, макграфство Моравское), части Силезіи (Slezko, герцогство Силезкое) и Нижней Австріи (Dolni Rakousy). Это страны, расположенныя главнѣйше въ извѣстномъ средне-европейскомъ четвероугольникѣ, ограниченномъ высокими горами: Чешскимъ лѣсомъ (Шумава), Рудными, Судетами (Керконоши) и Малыми Карпатами и орошаемомъ рѣками—Лабой (съ ея притокомъ Волтавой) и Моравой (съ притоками Дыей и Бечвой), и частью за Судетами по верховьямъ р. Одры (Силезія).

Имя *Чеховъ* собственно принадлежитъ славянскимъ обитателямъ Чешскаго королевства и ведетъ происхожденіе отъ колѣна, обитавшаго въ окрестностяхъ Праги, столицы королевства, и положившаго начало политическому и національному объединенію западной части народа. На востокѣ, въ Моравіи, Славяне называютъ себя не Чехами, а Мораванами или же (чаще) слывутъ подъ частными названіями—*Гораковъ* (на западѣ), *Ганаковъ* и *Валаховъ* (на востокѣ). Простонародныя нарѣчія Мораванъ представляютъ болѣе или менѣе значительныя отличія отъ нарѣчія Чеховъ королевства, но въ школѣ, литературѣ, об-

щественной жизни какъ въ Чехіи, такъ въ Моравіи (и Силезіи) господствуетъ одинъ общій выработанный вѣками чешскій языкъ [1]).

Въ названныхъ областяхъ Чехо-Моравaне живутъ не одни, а совмѣстно съ Нѣмцами, которые окружаютъ Славянъ съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, запада и юга, да и на славянской территоріи имѣютъ не мало поселеній, образуя рядъ значительныхъ островoвъ. Это сожительство двухъ народовъ есть результатъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, поставившихъ небольшой чехо-моравскій народъ въ близкія отношенія съ сильнымъ германскимъ племенемъ. Въ VIII—IX ст., нужно думать, Чехо-Моразанамъ принадлежалъ весь упомянутый четыреугольникъ; но съ теченіемъ времени Нѣмцы успѣли овладѣть его окраинами, прилегающими къ горамъ, а также распространились и внутри страны. Этнографическія границы чехо-моравской области въ историческое время мѣнялись нѣсколько разъ и въ настоящую пору изображаютъ собой очень извилистую линію, опредѣленіе которой представляетъ значительныя трудности.

Приблизительно площадь чешскаго языка можно обозначить слѣдующею пограничною линіей. Начинаясь на крайнемъ Зап. у деревни Млинечекъ (въ Ходскомъ окр.) пограничная черта идетъ къ В черезъ Кубицу, Пецъ, Пострековъ, Гоносицы, Ниряны, Кимицы, Манетинъ, Березно, Ранну, Терезинъ, Мшену, Бѣлу, Чешскій Дубъ, Илове, Бездечинъ, Краловедворъ, Яромѣръ, Хвачковицы, Хлистовъ, Маршовъ, Полицу, Худобу, Сланы, Еленовъ, Левинъ, Олесницу, Рокитницу, Орличку, Писарево, Богдиково, Свиновъ, Усово, Стрѣлицъ, Железовицы, Бѣлковицу, В. Быстрицу, Бернатицы, Веровицы, Тернавку, Студенку, Климковицы, Братриковицы, Браницы, Баворовъ, Вербицу, Домброву, Суху, Блудовицы, Жермапицы, Шебишовицы, Тошоновицы, Добратицу, Моравку, Ст. Гомри (St. Homry); достигнувъ Угорской границы линія поворачиваетъ на Ю.-З. вдоль Карпатъ, на Вызовицы, Злинъ, Напаедлы, Кіевъ, Чейковицы, Подивинъ, затѣмъ идетъ на З. черезъ Зноимъ, Подмокле, Павлицу, Бытовъ, Дачицы, Вольфировъ, Терезиновъ, Индриховъ Градецъ, Н. Быстрицу, Виторазу (Нижняя Австрія), Границу, Петриковъ, Каплицу; отсюда на С.-З. черезъ Зубчицу, Берлогъ, Прахатицы, Хлистовъ, Винбергъ, Стаховъ, Нездицы, Сушицы, вдоль Шумавы, черезъ Тѣшовъ, Есень, Березье, Стражовъ, къ Млинечку.

---

[1]) Справедливо было-бы называть его языкомъ *чехо-моравскимъ*.

Такимъ образомъ въ Чехіи и Моравіи чешская рѣчь господствуетъ въ срединныхъ частяхъ этихъ областей, въ Силезіи — лишь на крайнемъ юго-востокѣ. Кое-гдѣ отдѣльныя чешскія поселенія заходятъ въ Пруссію и Нижнюю Австрію. На чехо-моравской территоріи встрѣчаются довольно большіе острова нѣмецкой рѣчи: индрихо-градецкій, иглавскій, ланскронскій, рохитницкій, бернскій, оломуцкій и др. Во многихъ округахъ наблюдается смѣшанное чешско-нѣмецкое населеніе съ численнымъ преобладаніемъ то одной то другой народности. Такъ, Нѣмцы имѣютъ перевѣсъ въ округахъ: хебскомъ (100%), жатецкомъ (89%), литомѣрицкомъ (88%), младо-болеславскомъ (54%), зноимскомъ (59%); во всѣхъ остальныхъ преобладаютъ Чехи, причемъ наиболѣе славянскими являются округа въ Чехіи: таборскій (99, 89%), пражскій, (99%), чаславскій (96%), хрудимскій (81%), писецкій (82%), далѣе—кралево-градецкій (72%), ичинскій (70%), пильзенскій (60%), будѣевицкій (52%); въ Моравіи: градищскій (99, 40%), иглавскій (87%), берненскій (82%), новоцѣшинскій (77%), оломуцкій (54%). Въ общемъ, въ Чешскомъ королевствѣ нѣмецкій элементъ сильнѣе (ок. 37%), чѣмъ въ Моравіи (ок. 27%). Въ Силезіи Нѣмцы имѣютъ перевѣсъ (54%) надъ Славянами (Чехами и Поляками). Въ самой Прагѣ чешское населеніе составляетъ только 65%, а въ Бернѣ (главн. городѣ Моравіи)—только 52%.

Стѣсненный съ трехъ сторонъ нѣмецкою рѣчью, чешскій языкъ только на востокѣ сосѣдитъ съ родственными языками: въ Силезіи съ польскимъ, въ юго-восточной Моравіи и на угорской границѣ — со словацкимъ. Послѣдній находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ чешскимъ языкомъ и въ филологіи обыкновенно соединяется съ нимъ въ одну группу чешско-славянскаго языка. Нѣкоторыя восточно-моравскія нарѣчія, (напр. валашское и дольское) служатъ переходною ступенью отъ чешскаго языка къ словацкому.

Въ указанныхъ предѣлахъ площадь чешскаго языка составляетъ около 1000 кв. географическихъ миль.

За предѣлами родной земли чешскій языкъ слышится болѣе или менѣе часто во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ и культурныхъ центрахъ другихъ австрійскихъ областей, по которымъ расходится масса эмигрирующихъ Чехо-Моравамъ (особеннно въ Вѣнѣ), затѣмъ въ колоніяхъ въ юго-западной Руси (на Волыни), въ Германіи и Америкѣ.

Общая цифра Чехо-Моравanъ превышаетъ $5^1/_2$ милліоновъ. Она распредѣляется такимъ образомъ въ Чехіи—3.646,000, въ Моравіи—ок. 1.550,000, въ Силезіи—ок. 130,000; въ другихъ провинціяхъ Австро-Угріи—ок. 300,000, въ Россіи—30,000, въ Америкѣ—250,000, въ Германіи ок. 100,000.

При опредѣленіи границъ чешской рѣчи приняты во вниманіе карты: A. Ficker. Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860; 2) H. Kiepert. Völker-und-Sprachenkarte von Oesterreich und den Unter-Donau-Ländern. Zweite Auflage Berlin. Verlag von Reimer; 3) R. v. Le Monnier. Sprachenkarte von Oesterreich-Ungarn. Wien, 1888. Verlag von Ed. Hölzel. 4) Česká národopisná výstava. V Praze, 1895—1896; 5) A. Sembera. Mapa země Moravské. Ve Vídni, 1870.

---

3. Судьбы чешскаго языка.

Древнѣйшая исторія чешскаго языка представляетъ рядъ неразрѣшимыхъ загадокъ. Происхожденіе языка, отношеніе его къ другимъ славянскимъ языкамъ, образованіе среди него нарѣчій и говоровъ—всѣ эти вопросы въ настоящее время остаются безъ удовлетворительнаго отвѣта. По отношенію къ нимъ возможны только гипотезы. Если принять болѣе научное и распространенное мнѣніе о томъ, что Чехо-Мораване не исконные обитатели занимаемой имъ территоріи (какъ однако думаютъ нѣкоторые чешскіе историки и археологи), а переселенцы, явившіеся въ предѣлы нынѣшней Чехіи и Моравіи не ранѣе V в. по Р. Хр., то все же необходимо предположить, что покидая общую славянскую родину они уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ географическихъ и историческихъ условій жизни народа, а также подъ воздѣйствіемъ болѣе раннихъ неславянскихъ поселенцевъ (Бойи, Квады, Маркоманы, Руги, Лонгобарды) остатки которыхъ славянскіе колонисты могли найти въ занятой ими странѣ, индивидуальныя особенности чешскаго языка должны были постепенно умножаться и развиваться. Къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя и въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ.

Немногое можно сказать объ отношеніи чешскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ. Несомнѣннымъ нужно признать его особенную близость съ языкомъ словацкимъ. Но обще-распространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками, которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій яз. какъ нарѣчіе чешскаго языка, едва-ли можно считать безусловно правильнымъ. Словацкій языкъ представляетъ не мало своихъ характерныхъ особенностей, въ своихъ нарѣчіяхъ сближается не только съ чешскимъ, но и съ другими славянскими языками (русскимъ, польскимъ и сербскимъ) и вообще занимаетъ свое особое мѣсто въ семьѣ славянскихъ языковъ[1]). Послѣ словацкаго наиболѣе близко стоитъ къ чешскому языкъ сербо-лужицкій. Въ старыя времена эти два языка, вѣроятно, были непосредственными сосѣдями; теперь ихъ раздѣляетъ довольно широкая полоса нѣмецкаго языка.

Въ настоящее время чешскій языкъ (въ Чехіи, Моравіи и Силезіи) не представляетъ однороднаго цѣлаго. Онъ распадается на значительное количество нарѣчій и говоровъ, большая часть которыхъ приходится на Моравію. Такъ въ Чехіи различаютъ нарѣчія: юго-западное, среднее и сѣверо-восточное; въ Моравіи—чехо-моравское, ганацкое, лашское (съ разнорѣчіемъ опавскимъ въ Силезіи) и словенское (валашское и дольское). Исторія образованія и развитія нарѣчій и говоровъ остается невыясненной. Первыя свѣдѣнія о чешскихъ нарѣчіяхъ, сколько извѣстно доселѣ, содержитъ грамматика XVI в. Яна Благослава (1571 г. ср. выше). Частныя указанія на діалектическія различія представляютъ нѣкоторыя рукописи XIV—XV ст. Очень возможно, что зародыши главныхъ нарѣчій восходятъ къ болѣе глубокой старинѣ. Связью между всѣми нарѣчіями и говорами служитъ такъ наз. собственная чештина или современный чешскій литературный языкъ. Въ основѣ его лежитъ нарѣчіе стараго племени Чеховъ (по Волтавѣ около Праги), постепенно объединявшаго другія племена Богеміи (Дулѣбовъ, Лемучей, Пшованъ, Хорватовъ и др.) и тѣмъ возвысившаго значеніе своего нарѣчія. Съ теченіемъ времени это нарѣчіе, вслѣдствіе сосредоточенія умственной жизни въ Прагѣ, стало книжнымъ языкомъ, а затѣмъ всѣ болѣе развиваясь, переживъ раз-

---

[1]) См. ниже характеристику словацкаго языка.

ныя превратности судьбы, сдѣлалось органомъ литературы, науки и общественной жизни для всего народа. Въ процессѣ послѣдовательнаго развитія литературнаго языка приняли участіе и другія нарѣчія, кромѣ пражскаго или чешскаго. Такимъ образомъ современный чешскій литературный языкъ не совпадаетъ ни съ однимъ живымъ простонароднымъ нарѣчіемъ, но всѣмъ имъ близокъ, какъ выросшій и развившійся въ ихъ средѣ. Исторія его представляется болѣе ясной, чѣмъ исторія частныхъ народныхъ нарѣчій, такъ какъ она отпечатлѣлась въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ памятниковъ, дошедшихъ отъ разныхъ вѣковъ и періодовъ.

О **состояніи чешскаго языка** и его **особенностяхъ въ древнѣйшую пору** (до нач. XIII ст.) сохранились очень скудныя свѣдѣнія. Это объясняется неблагопріятными условіями исторической жизни народа, затруднявшими развитіе письменности и литературы на народномъ яз. Послѣ паденія Велико-моравскаго княжества (кон. IX и нач. X ст.) и искорененія въ Чехіи и Моравіи славянской народной церкви, созданной трудами Св. Кирилла и Меѳодія, въ странахъ этихъ утверждается латинскій обрядъ и вообще усиливается политическое и культурное вліяніе романо-германскаго Запада. Между прочимъ, латинскій языкъ по преимуществу пріобрѣтаетъ права языка государственнаго и становится орудіемъ образованности: въ теченіе ряда вѣковъ онъ исключительно господствуетъ въ церкви, управленіи, судѣ, школѣ и письменности. Первыя чешскія лѣтописи и грамоты писаны по-латыни, монеты чешскихъ государей (съ X ст.) имѣютъ латинскія надписи. Нѣсколько позже въ XII—XIII ст., съ усиленіемъ связей съ Германіей и распространеніемъ въ Чехіи и Моравіи нѣмецкихъ колоній, на помощь латинскому является другой чужеземный языкъ — нѣмецкій, усердно поддерживаемый многими чешскими государями. При такомъ положеніи дѣла употребленіе чешскаго языка было весьма стѣснено; онъ съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь въ книгу. Отсюда не удивительно, что памятники чешской письменности начинаются сравнительно поздно; древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ нач. XIII ст.[1]). Единственными свидѣтелями состоянія чешскаго языка въ эпоху до XIII ст. служатъ отдѣльныя чешскія слова (преимущественно личныя

[1]) Такъ наз. Зеленогорская рукопись (Пѣсня о судѣ Любуши) и Згорѣльскіе отрывки (Отрывки Евангелія отъ Іоанна), относимые прежде къ X—XI ст., нынѣ признаны поддѣльными и не могутъ идти въ счетъ.

и мѣстныя названія и такъ наз. глоссы), попадающіяся въ иностранныхъ хроникахъ, туземныхъ латинскихъ лѣтописяхъ, особенно въ хроникѣ Козьмы (древн. рукоп. 1154 г.), и грамотахъ (съ XI в., древніе оригиналы съ XII в.) и другихъ латинскихъ рукописяхъ. Къ сожалѣнію этотъ скудный матеріалъ еще не сведенъ въ одно цѣлое и не подвергнутъ подробному изслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, основываясь на немъ, можно отмѣтить слѣдующія характерныя черты чешскаго языка въ этотъ древнѣйшій періодъ:

1) Праславянскіе носовые гласные ѫ и ѧ повидимому еще сохранялись въ языкѣ, въ отдѣльныхъ словахъ: Zuentopulcus (879), Sfentopulchus (880), Zuentibaldus, Wenceslaus (X — XII ст., (новая форма—Vaclav), Kamb (Козьма), Champ (Regesta 893, 1148) = Chúb (рѣка); но гораздо чаще вмѣсто нихъ чистые гласные, ѫ = u, ѧ = a: Chub (Козьма), Sceaslav (1175), Nacarat (Козьма), Přejaslavici (гр. 1131), Bracislav, Vacemil.

2) Такъ наз. перегласовка а въ е (послѣ мягкихъ согласныхъ)— основной законъ чешскаго вокализма (см. ниже)—въ XII ст. наблюдается въ рѣдкихъ случаяхъ; общимъ правиломъ было неперегласованное а: Lubussa, Brusnica, Borsa, Psowane, Slasane, Trebowane, Neussa но и Neusse (хр. Козьмы р. 1154), jalovica (гр. 1130), strasa (straža гр. 1143); напротивъ перегласовано а въ Dubreu (1028. Dubrava), Jasenice (1088), Jence (1115), Konopnice stara (1143).

3) Гласные ṙ, l̇ были уже свойственны языку. Объ этомъ свидѣтельствуетъ смѣшанное обозначеніе сочетаній, соотвѣтствующихъ старо-слав. ръ, рь, лъ, ль черезъ ṙe—le и eṙ—el, ol, ṙi—li и iṙ--il, ṙu—uṙ, ul: Cṙenuc (1102), Gṙedebor (1102), Gṙdibor (1107), Giṙdebor (1144), Hyṙdiebor (1197), Cṙina (1088, 1168, 1174) и Ciṙnata (1186), Cṙinin (1115) и Cyṙnin (1192), Dṙizec (1183) и Diṙsco (1238), na Wilconine (1057), Wlikou (1052), Pliznensis (X—XI ст.), Pilzen (1263), Bṙido и Byṙdo (Козьма), Sṙibia и Siṙbia, Suṙbia (Козьма), Wṙisouici и Wiṙsovici (Козьма), Wlytaua и Wiltawam, Wultawu (Козьма), Dlygomil (Козьма), Dulgomil (1176).

4) Праславянское ы (y) сохраняло основное значеніе (какъ въ старо-славян. и русскомъ яз.) и не сливалось въ выговорѣ съ и (i). На это указываетъ встрѣчающееся въ грамотахъ обозначеніе его не только черезъ y но и ui: Buitsow (Bydžov 1186), Buitic (1196),

Buistrice (1226). Черта эта держалась въ большей или меньшей степени до XV ст. и отсутствуетъ въ современномъ чешскомъ языкѣ.

5) Праславянское g (=старо-слав. г) было еще общимъ правиломъ: mons Gostine, villa Golesi (1028), Bogumil (XI—XII ст.), Lubgost, Gridon (1029), Bogdan (1052—1181), Bogurad (1114), Dobrogost (1174), Gluchovo (1131), Dlugomil, Dragomir (Козьма). Удерживалось g и въ первой полов. XIII ст.: bogu, glava, grdosst (Литомѣриц. гр.). Развившееся впослѣдствіи придыхательное h вм. g является только спорадически: Milhost (1130), Jarohneu (1144), Hodoviz (1169).

6) Мягкое r звучало безъ примѣси шипящаго элемента. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обозначеніе его простымъ r: Preda (XI—XII в.), Kuchar (1131), Jutrik (1108), Maren (1186), Kriwoplath (Козьма). Указанія на шипящее r (современное ř) являются только съ XIII ст.: Jursik (1201), Dobrzen (1228), Orsechow (1237).

7) Изъ формъ особенно выдѣляется мѣстный падежъ множ. ч. на as для существительныхъ на ane: Lusas (вм. v Lužanech) 1052, Lubczas (1086), Bresaz, Wirbcaz (1088), Topolaz, Olsaz, Bukouaz (1131).

Древнѣйшіе памятники чешской письменности восходятъ только къ XIII ст. Отъ этой поры до послѣдняго времени можно различать въ исторіи чешскаго яз. четыре крупныхъ періода: 1) XIII—XIV ст.—періодъ перваго разцвѣта языка, формированія его общаго строя и діалектическихъ различій; 2) XV—нач. XVII ст.—періодъ установленія литературнаго языка; 3) нач. XVII ст.—кон. XVIII ст.—періодъ упадка языка и 4) новое время—періодъ воскрешенія и обновленія языка.

XIII—XIV ст. Медленно, не безъ труда и борьбы, чешскій яз. пролагалъ себѣ путь въ литературу. Въ XIII ст., сколько можно судить по дошедшимъ до нашего времени памятникамъ, область употребленія его въ письменности была весьма ограниченна; она исчерпывалась глоссами къ латинскимъ текстамъ Священнаго Писанія и памятникамъ въ родѣ „Mater Verborum", коротенькими записями въ латинскихъ грамотахъ, молитвами, духовными пѣснями и церковными легендами. Но позже, въ XIV ст., въ развитіи чешской письменности были достигнуты уже весьма значительные успѣхи. Число памятниковъ замѣтно умножается, а содержаніе ихъ становится разнообразнѣе. На ряду съ прекрасными кодексами Евангелія, Псалтыри, Пас-

сіонала, многочисленными произведеніями легендарной литературы являются такія произведенія свѣтской поэзіи какъ Александрида [1]), Тристрамъ, Тандаріасъ и Флорибелла, Ткадлечекъ, аллегорическія и сатирическія сочиненія Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, рифмованная хроника такъ наз. Далимила, прозаическая хроника Пулкавы и другія историческія статьи, церковно-народныя драмы, религіозно-философскія сочиненія Ѳомы Штитнаго, цѣлые сборники морально-поучительнаго содержанія, юридическіе памятники (какъ Kniha Rožmberská, Řad práva zemského, Výklad na právo země české) переводъ путешествія Марка Поло въ Монголію и др.[2]). Къ концу XIV ст. чешскій языкъ занялъ довольно видное мѣсто въ чешской письменности, онъ сталъ важнымъ органомъ умственной жизни народа, орудіемъ его просвѣщенія. Но первенствующее значеніе въ чешскомъ государствѣ все еще принадлежало латинскому языку: онъ сохранялъ свое господство въ церкви, наукѣ, при дворѣ, въ общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ со времени вступленія на чешскій престолъ нѣмецкой (Люксенбургской) династіи и соединенія въ лицѣ Карла IV чешской короны съ короной германской имперіи усилилось въ Чехіи употребленіе нѣмецкаго языка. На чешскій языкъ высшіе классы общества, за немногими исключеніями, все еще смотрѣли какъ на простонародный; на немъ позволялось писать произведенія, назначенныя главнымъ образомъ для поученія и развлеченія народа. Ѳома Штитный, обратившійся въ своихъ религіозно-философскихъ трактатахъ къ народному языку, подвергся рѣзкимъ нападкамъ и, защищаясь противъ нихъ, вынужденъ былъ прибѣгать къ аргументамъ въ родѣ слѣдующаго: „я буду писать по чешски, такъ какъ я чехъ, а Господь Богъ любитъ чеха, такъ же какъ латынника“ (Budu psáti česky, protože jsem Čech a Pan Bůh Čecha miluje jako latinika). Указанія на происходившую въ Чехіи въ XIV ст. борьбу за чешскій языкъ противъ иноземныхъ языковъ разсѣяны въ Александріи, хроникѣ Далимила и другихъ памятникахъ того времени. Да и самая обработка чешскаго языка въ

---

[1]) Впрочемъ, одинъ изъ древнихъ отрывковъ Александриды (Индрихо-Градецкій) относится къ XIII ст.

[2]) Знаменитую Краледворскую рукопись, содержащую замѣчательныя произведенія народной эпической и лирической поэзіи, какъ заподозрѣнную научной критикой въ самомъ позднемъ происхожденіи, мы не можемъ занести въ списокъ древнихъ памятниковъ чешскаго языка и литературы.

письменности XIV ст. была однимъ изъ проявленій подготовлявшейся въ этомъ столѣтіи народной оппозиціи противъ чужеземнаго политическаго и культурнаго вліянія. Такимъ образомъ чешскому языку въ XIV ст. во всякомъ случаѣ принадлежала важная роль какъ въ культурной, такъ и политической жизни народа.

Уцѣлѣвшія отъ XIII—XIV ст. памятники чешскаго языка еще не вполнѣ приведены въ извѣстность, такъ какъ не всѣ частныя, особенно монастырскія, хранилища рукописей описаны и изслѣдованы. Открытіе и изданіе многихъ памятниковъ состоялось въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, при чемъ наибольше заслугъ въ этой области приходится на долю А. О. Патеры, профессора Гебауэра и его учениковъ. Возможны еще новыя находки, предстоитъ критическое изданіе многихъ текстовъ, извѣстныхъ пока по описаніямъ и извлеченіямъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ число изданныхъ памятниковъ даннаго періода весьма значительно. Къ XIII ст. относятся: 1) имена Бревновскихъ Бенедиктинцевъ въ рук. мюнхенской библіот. (1217—1236), (въ Časop. Česk. Mus., 1885, 269); 2) глоссы къ пророчеству Іереміи въ рукоп. оломуцкой капит. библ. (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1887, 119); 3) Глоссы въ „Mater Verborum", ок. 1250 (Изд. А. О. Патеры въ Cas. Cesk. Mus., 1877, русскій перев. Срезневскаго, ср. выше 19 стр.); 4) Глоссы въ латинской музейной псалтыри XIII в. (изд. А. О. Патеры въ Časop. Cesk. Mus., 1879); 5) Глоссы въ Опатовицкомъ омиліаріи (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1880, 109); 6) приписка въ латинской копіи XIII в. Литомерицкой учредительной грамоты 1057 г. (Čas. Česk. Mus., 1836 и изд. Шафарика и Палацкаго „Die ältesten Denkmäler", 1840, 199); 7) отрывокъ „Cisiojana" въ рук. мюнх. кор. библ. (Čas. Česk. Mus., 1853, 417); 8) чешскія приписки въ книжкѣ Алберта Богема, рук. мюнх. библ. полов. XIII в. Casop. Cesk. Mus., 1879, 581); 9) пѣснь „Slovo do světa stvořenie" (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1878); 10) пѣснь о „Божьемъ Тѣлѣ": Vitaj Králu všemohúcí, рукоп. пражск. унив. библ. (изд. А. О. Патеры въ Cas. Česk. Mus., 1882, 103); 11) Отрывокъ легенды о Богородицѣ (изд. А. О. Патеры въ Cas. Česk. Mus., 1879, 113); 12) Индрихо-Градецкій отрывокъ Александриды (изд. Патеры и Гатталы, 1881); 13) Jan z Michalovic, нѣм. пѣсня XIII ст. (изд. Краусъ, 1888); 14) „Staročeske glossy X—XIII st., z textů hebrejských (přepsal Grünwald ve Věstniku České Akad., 1893).

Изъ массы памятниковъ XIV ст. отмѣтимъ слѣдующія важнѣйшія: 1) Градецкій сборникъ 1 полов. XIV ст. (Hradecký rukopis изд. А. О. Патеры, 1881); 2) Клементинская псалтырь 1 полов. XIV ст. (изд. А. О. Патеры, 1890); 3) Виттенбергская псалтырь 2 трети XIV в. (изд. А. О. Патеры, 1880); 4) Псалтырь Подѣбрадскихъ 1396 г. (приготовлена къ печати А. О. Патерой); 5) Пассіоналъ, ркп. Чешскаго Музея (ср. Listy fil., 1884, 256); 6) Клементинскій Пассіоналъ 1395 г. ркп. библ. Пражск. Универс.; 7) Александрида, списки Будѣевицкій, Музейный, Шафариковъ (въ изд. Патеры и Гатталы, 1881); 8) Отрывки легенды объ Апостолахъ ок. 1300 (Listy fil., 1879, 140 и Šafarik, Sebrané spisy, III, 330); 9) Вѣнское Евангеліе 2 пол. XIV ст., ркп. Вѣнской придворной библ. (№ 4733) (изд. Ф. Менчика, 1893); 10) Rozmluvy sv. Anselma s p. Marii, отрывки изд. А. О. Патерой (Čas. Česk. Mus., 1880, 347 и 1890, 188—202); 11) Отрывки риемованной легенды о дѣтствѣ Іисуса нач. XIV ст. (Čas. Česk. Mus., 1885, 118—1889, 455; 12) List s nebe zeslaný. Отрывки нач. и кон. XIV ст. (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1889, 439); 13) Легенда o božiem umučení (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus., 1886, 509); 14) Легенда о св. Юріи (изд. А. О. Патеры въ Čas. Česk. Mus, 1887, 77 и 1881, 271); 15) Отрывокъ легенды объ Іудѣ 1 четв. XIV в. (изд. А. О. Патеры Časop. Česk. Mus., 1888, 86, также List filol., 1878); 16) Zivot sv. Kateřiny, отрывки въ ркп. XIV ст. (изд. А. О Патеры Čas. Česk. Mus., 1887, 204 и въ Arch. f. Slav. Phil., XIV, 4; полный текстъ ок. 1400 г. изд. Печирка и Эрбенъ, 1860; 17) Mastičkař, отрывки (Listy fil., 1880, 91 и Čas. Česk. Mus., 1889, 127); 18) Хроника такъ наз. Далимила, Кэмбриджская ркп. въ изд. Мурка (1892); остальные древн. списки въ изд. І. Иречка (Pram. dějin. česk., III); 19); Музейные отрывки хроники Пулкавы (изд. А. О. Патеры Časop. Česk. Mus., 1885, 510); 20) Святовитскій сборникъ 2 полов. XIV ст. (Svátovitsky rukopis, изд. А. О. Патеры, 1886); 21) Θомы Штитнаго: а) Knižky šestery z г. 1376 (изд. Ербенъ, 1882); б) Řeči nedělní a svátečni, ркп. библ. Пражск. унив., 1392 г.; в) Sbornik Vyšehradsky, ркп. 1396 г. библ. Пражск. универс.[1]); 22) Отрывки Клементинскаго сборника (básne epické světské—Čas. Česk. Mus., 1893, 335) и др.[2]).

[1]) Нѣкоторыя сочиненія Θ. Штитнаго и многія другія произведенія XIV ст. сохранились только въ спискахъ XV ст.

[2]) Ср. выше стр. 18—24.

На основаніи столь обильнаго филологическаго матеріала не трудно составить болѣе или менѣе опредѣленное представленіе объ особенностяхъ чешскаго языка въ XIII — XIV ст. Къ сожалѣнію разъясненіе всѣхъ частностей и желательная полнота въ выводахъ затрудняются несовершенствомъ латинской графики памятниковъ, страдающей отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ для обозначенія оригинальныхъ чешскихъ звуковъ. Наблюденія надъ памятниками приводятъ къ общему заключенію, что въ XIII — XIV ст. чешскій языкъ переживалъ періодъ весьма существенныхъ превращеній. Въ области звуковъ получали развитіе и распространеніе измѣненія, начавшія зарождаться еще въ болѣе раннюю пору, и возникали новые законы, придавшіе языку особый характерный видъ. Многія старыя формы исчезали и замѣнялись новыми. Языкъ терялъ старинныя общеславянскія слова и обогащался новыми, нерѣдко возникавшими подъ вліяніемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ эти превращенія, отпечатлѣвшіяся въ книжномъ языкѣ, привели къ развитію частныхъ діалектическихъ различій. Перемѣны происходили главнѣйше въ средѣ западныхъ—собственно-чешскихъ нарѣчій; восточныя нарѣчія — моравскія — остались болѣе вѣрны старинѣ.

Вотъ главнѣйшія черты чешскаго языка XIII—XIV ст.:

1) Перегласовка a—ě съ конца XIII ст. становится общимъ правиломъ; напр.: v keneze (=u knězě Альб. Богем.), moie komara (тамъже), namathege (=na Matějě), mesecie (Cisiojanus Мюнх.). Она возможна только послѣ мягкихъ согласныхъ, а въ срединѣ слова сверхъ того лишь въ томъ случаѣ, когда за a слѣдуетъ мягкій согласный или слогъ съ узкимъ гласнымъ; напр. slyšal—slyšeli, tahnu—tiehneš. Новый языкъ представляетъ уже рядъ отступленій отъ этого закона: slyšel, žal—žali. Съ к. XIV ст. появляется перегласовка a—ě послѣ твердаго согласнаго передъ j, т. е. переходъ aj въ ej (обратная перегласовка): weywody (3 л. наст. вр.). Послѣдній видъ перегласовки (dej) сталъ общимъ правиломъ не ранѣе XVII ст. Въ моравскихъ говорахъ a очень часто остается неперегласованнымъ.

2) U, подъ вліяніемъ мягкихъ согласныхъ также стало перегласовываться въ i: duši, lid. Начало этого звуковаго явленія восходитъ къ первой четверти XIV в. Въ памятникахъ XIII ст. вездѣ еще u (iu); такъ и въ текстахъ первыхъ лѣтъ XIV ст. Но уже въ Клемент. пс.: brzicho, lybosti, jednosti; Lybossyna (1318 г.). Въ половинѣ XIV ст.

переходъ u (iu)—i сталъ общимъ правиломъ, отъ котораго нѣкоторыя отступленія являются лишь въ XV ст. Моравскихъ говоровъ и эта перегласовка почти не коснулась.

3) Долгое é начало съуживаться въ í (послѣ твердыхъ согласныхъ пишется ý): řéci — říci, okénko — okýnko. Явленіе это возникло въ XIV ст.: w dwoyduchim, nawrat sliby twy (Виттенб. пс.), po malý chvili, v zemi řecký (Алекс.); въ XVI — XVII ст. оно достигло полнаго своего развитія и составляетъ одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій новаго языка отъ стараго. Моравскіе говоры усвоили это съуженіе é—í въ меньшей степени, чѣмъ чешскіе.

4) Свойственные чешскому яз. двугласные ě (краткій) и ie (долгій), соотвѣтствующіе главнымъ образомъ старо-славянск. ѣ или ѧ (ie сверхъ того возникло путемъ стяженія) въ данномъ періодѣ вообще сохраняютъ свое коренное значеніе: canie (Mat. Verb.), mesecie (Мюнх. Cisiojan.), zpasenie (XIII в.), bdyenye (Виттенб. пс.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они начинаютъ подвергаться измѣненіямъ, которыя впослѣдствіи становятся характерными особенностями новаго чешскаго языка. Измѣненія эти двоякаго рода: 1) ie съуживается въ í, напр. knieže—kníže, hřiech—hřích, trpie—trpí (3 л. множ. ч.) и 2) ie, ě утративъ первый гласный элементъ (i) переходятъ въ e, é, напр. řěč—řeč, dušě (м. п.)—duše, ciesař—césař. Указанія на съуженіе ie—í восходятъ къ концу XIII ст.: unzcrīseno, uice; въ XIV ст. примѣровъ этого явленія больше, но сравнительно все-же немного: hrsicha mého symie (Клемент. пс.), zpowidau, gmyti (Виттенб. пс.) и др. Въ XV ст. ie еще имѣетъ перевѣсъ и только въ XVI ст. съуженіе ie—í получаетъ значеніе общаго закона съ немногими исключеніями. Переходъ ě, ie въ e, é также наблюдается уже въ памятникахъ XIII ст., особенно послѣ l: lezz (les), wole. Указаній на двугласные ě, ie даже совсѣмъ нѣтъ въ сохранившихся древнихъ текстахъ. Этотъ звуковой переходъ развился гораздо быстрѣе съуженія; къ концу XIV ст. и нач. XV ст. онъ сталъ уже совершенно нормальнымъ явленіемъ въ языкѣ; напр. ime twé (Клемент. пс.), po swetu (Дал.), wediel (Клемент. пс.), wezic (viežic Пассіон.).

5) Долгое ý стало расширяться въ aj (ay), которое въ свою очередь перегласовалось въ ej: wzdaychanye (Клемент. пс.), nebayway (Святовитскій сб.), bayty, na horách tweych (ркп. XIV ст.). Первые примѣры расширенія ý—aj относятся къ перв. пол. XIV ст., перегласовки

aj—ej къ к. XIV ст.; ej развилось въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, но литературный языкъ удержалъ древнее ý: dobrý (діалект. dobrej). Такому расширенію въ aj и перегласовкѣ въ ej подверглось и í, образовавшееся изъ съуженнаго é: nebeské—nebeský—nebeskej.

6) Долгое ó также расширилось въ uo, а послѣднее стянулось въ ů (=ū): wduowi (Клемент. пс.), buoh, swuoi, duom (Пассіон.), bůh (Далим.), zůstane (гр. 1388), můzem (Вѣнск. Ев.). Двугласное uo является въ перв. полов. XIV ст., ů—съ полов. XIV ст.; uo становится господствующимъ въ XV ст., а ů — въ XVI ст. Въ литературномъ языкѣ и живыхъ чешскихъ говорахъ утвердилось ů, въ Моравіи же и Силезіи частью удержалось древнее ó, частью слышны его позднѣйшія замѣны uo, ů.

7) Долгое ú (подобно ý и ó) также подверглось расширенію въ au (главнѣйше въ срединѣ и концѣ словъ): tropauss (грам. 1337 г.), wykaupye (Святовитскій сб.). Начало это явленія восходитъ къ XIV ст., но развилось оно главнѣйше въ XV ст., когда вм. au, вслѣдствіе физіологическихъ условій выговора этого дифтонга, стало слышно ou, усвоенное и современнымъ литературнымъ языкомъ. Восточныя нарѣчія знаютъ почти исключительно ú.

8) Въ области согласныхъ, кромѣ особенностей указанныхъ (38 стр.) уже для болѣе ранняго времени, въ данномъ періодѣ можно отмѣтить различеніе твердаго и мягкаго l (l и ł, свидѣтельство Гуса).

9) Двойственное число, впослѣдствіи совсѣмъ вышедшее изъ употребленія, въ XIV ст. еще оставалось въ силѣ, особенно въ именномъ склоненіи: vrahy, vrahú, vrahoma, ženú, ženama, jima, davě, data и т. п.

10) Прошедшія простыя—преходящее и аористъ — еще существовали въ языкѣ: bieše, biechu, povolichu, chtieše, osěkovaše, jmejieše (Градец. сб.); nes, neseta, nesom, nesú (аор. простой); nesech, nesechově, nesechu (аор. сложный); nesiech, nesieše (преход.). Исчезновеніе этихъ формъ становится замѣтнымъ съ XV ст.

11) Первое лицо наст. вр. во всѣхъ глаголахъ (кромѣ тѣхъ, которые въ наст. вр. не имѣютъ гласнаго основы) сохраняетъ окончаніе u, впослѣдствіи во многихъ случаяхъ уступившее свое мѣсто оконч. m: vedu, uměju, chožu, trpu, volaju. Но уже въ XIV ст. появляется и m (тамъ гдѣ въ новочешскомъ): umiem, trpim, chodim, volám, sáziem.

Происхожденіе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ фонетическихъ особенностей, напр. расширеніе ý, ó, ů въ двугласные aj, uo, au объясняютъ вліяніемъ нѣмецкаго языка (hûs—haus, rûm—raum).

Кромѣ приведенныхъ (а также нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ, здѣсь не отмѣченныхъ) характеристическихъ примѣтъ стараго языка въ области фонетики и морфологіи, происходили извѣстныя измѣненія въ синтаксисѣ и лексическомъ составѣ языка. Между прочимъ уже въ старое время въ чешскій языкъ вошло много словъ латинскихъ и нѣмецкихъ.

XV—нач. XVII ст. Постепенно подготовлявшійся протестъ чешскаго народа противъ навязанныхъ ему чужеземныхъ общественныхъ и культурныхъ началъ рѣзко проявился въ XV ст. въ гуситскомъ движеніи и религіозныхъ войнахъ, а въ XVI ст. въ мирной дѣятельности Чешскихъ Братьевъ. Эта великая эпоха борьбы народа за духовную и политическую самостоятельность естественно ознаменовалась возвышеніемъ значенія народнаго языка. Чешскій языкъ утвердился въ богослуженіи гуситской, а потомъ чешско-братской церкви. Явился чешскій переводъ (притомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ) полной библіи, первоначально въ многочисленныхъ спискахъ, а потомъ и въ печатномъ изданіи (1487 г.). На чешскомъ языкѣ развилась обширная богословская литература разнообразнаго содержанія, догматическаго, полемическаго, нравоучительнаго, легендарнаго и т. д. На немъ писались сочиненія юридическія и историческія.

Народная рѣчь со временъ Сигизмунда (1420 — 1437) утвердилась въ дѣловодствѣ сеймовомъ и судебномъ, хотя въ „земскихъ доскахъ“ все еще держалась латынь до конца XV ст. Славный народный государь Юрій Подѣбрадъ (1458 — 1471) пользовался чешскимъ языкомъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Съ Владислава же Ягеллона (1472 — 1516 г.) на немъ писались всѣ акты королевской канцеляріи. Въ XV и XVI ст. знаніе и употребленіе чешскаго языка распространилось за предѣлами Чехіи и Моравіи—въ Угріи, Польшѣ и Литвѣ. Такъ, Сигизмундъ и послѣдующіе угорскіе короли издавали грамоты по чешско-угорскимъ дѣламъ на чешскомъ языкѣ. Польскій король Ягайло охотно говорилъ по чешски. Витовтъ принималъ чешскія письма отъ пражскихъ Гуситовъ, а Свидригайло переписывался по-чешски съ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ и вождемъ Таборитовъ Прокопомъ. На чешскомъ же языкѣ въ XV ст. вели переписку рус-

скій князь Вячеславъ Острожскій, польскіе воеводы Судивой, Остророгъ и Янъ Тенчинскій, паны Мышковскіе и др. Чешскіе Гуситы, а потомъ Братья, расходясь по сосѣднимъ странамъ, распространяли вмѣстѣ съ своимъ ученіемъ родной чешскій языкъ. Особенно глубокіе корни онъ пустилъ въ землѣ Словаковъ, гдѣ пріобрѣлъ значеніе мѣстнаго литературнаго языка, сохранявшееся за нимъ до к. XVIII ст. Въ польской Силезіи чешскій языкъ въ XV и первой полов. XVI ст. игралъ роль языка дѣловаго и государственнаго. О значительномъ распространеніи чешскаго языка и въ другихъ частяхъ Польши свидѣтельствуетъ любопытный фактъ присутствія чехизмовъ въ древнихъ памятникахъ польской письменности (напр. Флоріанской пс. XIV в., Пулавской XV в., Библіи королевы Софіи 1455 г. и др.) и нѣкоторыхъ оригинальныхъ духовныхъ и свѣтскихъ произведеніяхъ XV и перв. полов. XVI ст. (напр. романъ объ Аполлонѣ Тирскомъ, сочиненія Рея, Кохановскаго и др.). Черезъ Польшу и Литву чешскій языкъ проникъ и въ западную Русь, гдѣ вліяніе его ясно замѣтно на языкѣ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ доселѣ памятниковъ (напр. Библіи, изданной въ Прагѣ въ 1519 г. Фр. Скориной, Пересопницкаго Евангелія 1556—1561, переводныхъ съ чешскаго западно-русскихъ повѣстей и сказаній и пр.[1]).

Такое возвышеніе международнаго значенія чешскаго языка стояло въ связи съ успѣхами его обработки въ письменности. Въ теченіе XV—XVI ст. выработалось болѣе или менѣе цѣлесообразное правописаніе и установились нормы литературнаго языка. Въ томъ и другомъ отношеніи огромныя заслуги имѣетъ величайшее лицо чешской исторіи мистръ Янъ Гусъ, прекрасный теоретическій знатокъ чешскаго языка и горячій защитникъ его правъ. До XV ст. чешское правописаніе не имѣло опредѣленной, установившейся системы, отличалось крайнею запутанностью, что̀ и въ настоящее время создаетъ значительныя затрудненія для точнаго изученія древняго языка Латинская абецеда, принятая Чехами въ письменность, оказывалась недостаточной для обозначенія всѣхъ существующихъ въ чешскомъ языкѣ звуковъ. Эта недостача знаковъ пополнялась различно: или употребляли одну и ту-же букву для двухъ различныхъ звуковъ (напр.

[1]) О распространеніи чешскаго языка въ XV — XVI ст. см. А. Будиловича, Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. II, Варшава, 1892, 186—218.

с = с, k, z = z, ž (русск. ж) или прибѣгали къ соединенію нѣсколькихъ буквъ для обозначенія звуковъ, не существующихъ въ латинскомъ языкѣ (напр. cz, chz = č (русск. ч). Примѣненіе той и другой системы въ памятникахъ не отличалось ни единствомъ, ни послѣдовательностью. Гусъ выступилъ реформаторомъ такого несовершеннаго правописанія; въ своемъ трактатѣ „De Orthographia“ (ср. выше стр. 1, 11) онъ установилъ новую такъ наз. діакритическую систему, сущность которой состояла въ употребленіи особыхъ знаковъ для звуковъ чешскаго языка, не существующихъ въ латинскомъ; именно: для обозначенія мягкихъ согласныхъ вводилась *точка* надъ буквой родственнаго звука (ṅ, ḋ, ṫ, ċ, ż, ṡ, ṙ, только l̇ обозначало твердое l), а для обозначенія долгихъ гласныхъ *черточка* (á, é); сложное начертаніе сохранено только для ch. Спорадически такіе діакритическіе знаки встрѣчаются и раньше, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ конца XIV в. Заслуга Гуса состояла въ томъ, что онъ воспользовался ими для установленія стройной правописной системы. О проведеніи этой системы особенно заботились Чешскіе Братья, впрочемъ, въ частностяхъ отступившіе отъ взглядовъ Гуса. Она лежитъ въ основаніи и современнаго правописанія.

Столь же важна дѣятельность Гуса, какъ реформатора литературнаго яз. Въ нач. XV ст. книжная рѣчь не представляла собой однороднаго, установившагося типа. Въ памятникахъ замѣтно то въ большей, то меньшей степени смѣшеніе старыхъ формъ съ новыми, то соблюденіе старыхъ звуковыхъ законовъ, то уклоненія отъ нихъ; сверхъ того писатели и писцы по своему произволу вносили въ письменную рѣчь провинціализмы и частныя діалектическія особенности. Гусъ своими трудами, получившими широкое распространеніе, много способствовалъ установленію единства книжнаго языка. Составляя свои проповѣди и трактаты для всѣхъ слоевъ народа, онъ вынужденъ былъ говорить и писать на языкѣ возможно болѣе понятномъ народу, какимъ не была господствовавшая тогда въ книгѣ чештина. Поэтому, уклонившись нѣсколько отъ послѣдней, онъ положилъ въ основаніе своего литературнаго языка народную рѣчь, преимущественно пражскаго округа, гдѣ больше всего жилъ, при чемъ отказался отъ многихъ старинныхъ формъ, какъ неупотребляемыхъ простымъ народомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не сочувствовалъ допущенію новшествъ, не согласныхъ съ духомъ языка, а также иностранныхъ словъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ при-

держивался наиболѣе правильныхъ звуковъ и формъ и съ этой точки зрѣнія отстаивалъ напр. сохраненіе различія между ꝉ и ł, і и y, въ то время уже исчезнувшаго въ пражскомъ нарѣчіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о самостоятельномъ развитіи чешскаго языка, помимо чужеземныхъ вліяній.

Къ сожалѣнію, мысли Гуса о литературномъ языкѣ, также какъ предложенная имъ система правописанія не вдругъ завоевали себѣ общее признаніе въ чешскомъ образованномъ обществѣ. Главными распространителями этихъ мыслей были Чешскіе Братья въ XVI и XVII ст., хотя уже основатель этой секты Петръ Хельчицкій, жившій въ XV ст., писалъ почти такъ, какъ и Гусъ. Страшныя войны, начавшіяся послѣ сожженія Гуса (1415 г.), разореніе страны, матеріальныя бѣдствія народа не могли благопріятствовать развитію языка и литературы. Въ концѣ же XV ст. въ Чехію проникаетъ такъ. наз. гуманизмъ, который имѣлъ огромное вліяніе на оживленіе и разцвѣтъ чешской литературы, но зато скорѣе повредилъ, чѣмъ помогъ усовершенствованію чешскаго книжнаго языка. Чешскіе гуманисты Г. Грубый, В. Корнель изъ Вшегердъ, М. Коначъ изъ Годишкова и др. обогатили чешскую письменность переводами цѣнныхъ латинскихъ произведеній, но въ переводахъ этихъ видна рабская передача оригинала, въ ущербъ духу чешскаго языка. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ гуманизма чешскій книжный языкъ еще болѣе воспринялъ въ себя чужеземныхъ (нѣмецкой и латинской) стихій — въ области звуковъ, формъ, синтаксиса и словаря (напр. ú—au, ý—ay, оконч. ar—er: rejthar, maleř; museti, špíc, šorc, неопред. съ винит. (вм. дательнаго).

Гораздо больше сдѣлали для установленія чешскаго литературнаго языка. Чешскіе Братья, которые со времени дѣятельности брата Лукаша († 1528) приняли живое участіе въ литературномъ движеніи, происходившемъ въ Чехіи и Моравіи въ теченіе всего XVI ст. и началѣ XVII (до Бѣлогорской битвы). Они обогатили чешскую литературу классическимъ переводомъ Священнаго Писанія и другими книжными трудами, которые въ отношеніи языка нужно считать образцовыми. Въ своихъ переводахъ представители Братской Общины не слѣдовали примѣру гуманистовъ, которые переводили или рабски дословно, въ ущербъ правильности роднаго языка, или слишкомъ вольно, давая скорѣе перифразъ латинскихъ текстовъ, чѣмъ дѣйствительный переводъ; напротивъ они одинаково заботились какъ о точности пере-

вода, такъ о томъ, чтобы эта точность согласовалась съ требованіями духа чешскаго языка. Братья много работали надъ изученіемъ родной рѣчи и ея характерныхъ свойствъ. При обработкѣ своихъ произведеній они держались тѣхъ же взглядовъ на литературный языкъ, какіе проводилъ и Гусъ. Приняли они и Гусово правописаніе, сдѣлавъ въ немъ лишь нѣкоторыя, впрочемъ, не совсѣмъ удачныя измѣненія[1]). Заботы объ очищеніи и усовершенствованіи литературнаго языка вызвали составленіе однимъ изъ выдающихся дѣятелей и писателей Братской Общины Я. Благославомъ (1523 — 1571) „Чешской грамматики“ (ср. 1 стр.). Трудъ этотъ, основанный на болѣе ранней грамматикѣ Б. Оптата, Гзела и Филоматеса, содержитъ рядъ важныхъ указаній относительно пріемовъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при переводѣ съ латинскаго и греческаго на чешскій языкъ, толкуетъ правильное употребленіе отдѣльныхъ словъ и фразъ и, между прочимъ, впервые даетъ свѣдѣнія о чешско-моравскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ всей братской литературы былъ новый переводъ Библіи, сдѣланный по мысли Благослава, съ еврейскаго и греческаго: это такъ назыв. Кралицкая Библія, изданная на средства моравскаго пана Яна изъ Жеротина въ 1579 — 1593 въ шести частяхъ[2]). Переводъ этотъ до сихъ поръ признается лучшимъ образцомъ чешскаго языка.

Успѣхамъ обработки чешскаго литературнаго языка также содѣйствовала національная юридическая и историческая литература, развивающаяся въ XV—XVI ст. Сочиненія Цтибора изъ Цимбурка († 1494. Kníha Tovačovská) и Викторина изъ Вшегордъ († 1520. Knihy devatery o pravích a sudích i o deskách země české), посвященныя земскому юридическому быту, отличались мастерскимъ слогомъ и обогащали чешскій юридическій языкъ. Въ области исторической прозы особенно извѣстны: Бартошъ († 1535), Сикстъ изъ Оттерсдорфа († 1583), слывшій лучшимъ знатокомъ роднаго языка, В. Гаекъ изъ Либочанъ († 1553) знаменитый своей хроникой, исполненной всякаго баснословія, но написанной простымъ общедоступнымъ языкомъ, упомянутый выше братъ Янъ Благославъ, написавшій исторію Братьевъ до 1554 г. и кромѣ многихъ другихъ трудовъ извѣст-

---

[1]) Именно: послѣ c, s, z всюду стали писать y, союзъ i обозначали y, въ началѣ словъ вм. u писали v, долгое í обозначали j, а въ двугласныхъ вм. j писали y.

[2]) Второе изданіе 1596 г., третье 1613 г.

ный своимъ краснорѣчивымъ памфлетомъ въ защиту науки и просвѣщенія, и Велеславинъ (собст. Даніилъ-Адамъ изъ Велеславина) (1545—1599), прославившійся переводами и изданіями историческихъ сочиненій, словарными работами и вообще самою широкою литературною дѣятельностью.

Во второй половинѣ XVI ст., благодаря дружнымъ усиліямъ лучшихъ людей двухъ столѣтій, чешскій литературный языкъ принялъ болѣе или менѣе установившуюся обработанную форму. Изданная въ началѣ XVII ст. грамматика Лаврентія Бенедит. Нудожерскаго впервые даетъ теорію языка въ довольно полномъ видѣ. Конецъ XVI ст. и нач. XVII ст. отмѣчены широкою литературною производительностью и тщательною обработкою стиля выпускаемыхъ въ свѣтъ сочиненій; этому времени въ исторіи чешской литературы издавна усвоено названіе „золотаго вѣка". Но высшей степени чистоты и отдѣлки достигъ чешскій языкъ въ произведеніяхъ двухъ крупныхъ писателей, которые только началомъ своей дѣятельности относятся къ данному періоду. Это были знаменитые приверженцы Братской Общины—Карлъ изъ Жеротина (1564—1636), извѣстный нѣсколькими полемическими и историческими сочиненіями и обширною перепискою, отличающеюся замѣчательными достоинствами литературнаго изложенія, и знаменитый мыслитель, педагогъ, богословъ, историкъ, филологъ и поэтъ Янъ Амосъ Коменскій (1592—1670). Послѣднему, кромѣ массы увѣковѣчившихъ его имя педагогическихъ сочиненій, принадлежитъ извѣстная сатирико-дидактическая поэма „Labyrint Světa a Ràj srdce"—одно изъ лучшихъ произведеній всей чешской литературы. Оба эти писателя уже вынуждены были писать свои главнѣйшіе труды заграницей въ изгнаніи. Имъ не было мѣста на родинѣ: здѣсь господствовала католическая реакція со всѣми ея ужасами.

XVII—XVIII ст. Продолжительный, почти полуторастолѣтній періодъ, отъ Бѣлогорской битвы (1620) до реформъ императора Іосифа II, былъ самымъ мрачнымъ, тяжелымъ временемъ въ чешской исторіи. Это была пора систематическаго истребленія чешскаго народа, полнаго его политическаго и нравственнаго униженія, насильственнаго водворенія среди него чужеземныхъ общественныхъ и культурныхъ началъ, противъ которыхъ онъ такъ энергично боролся подъ знаменемъ гуситства. Естественно, что этотъ періодъ паденія народности былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *періодомъ упадка чешскаго языка.* Упадокъ

этотъ началъ подготовляться еще до-Бѣлогорской битвы въ XVI ст. Положеніе чешскаго языка, даже въ пору его наибольшихъ успѣховъ и наивысшаго разцвѣта, было довольно трудное. Ему приходилось считаться съ латинскимъ языкомъ, который и въ гуситскую эпоху и въ XVI ст. сохранялъ свое значеніе органа науки и высшей образованности и оставался главнымъ предметомъ школьнаго обученія. И Гусъ, и Амосъ Коменскій, при всей своей привязанности къ родному яз., относились съ уваженіемъ къ латыни и пользовались ею въ своихъ трактатахъ, предназначенныхъ для болѣе широкаго распространенія. При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ латинскій яз. легко могъ взять полный перевѣсъ надъ чешскимъ и снова заслонить его собой. Съ другой стороны значеніе и употребленіе нѣмецкаго языка въ Чехіи и Моравіи подверглось стѣсненію и ограниченію только въ эпоху религіозныхъ войнъ; въ концѣ же XV ст. и особенно въ XVI ст. языкъ этотъ постепенно началъ возвращать себѣ утраченное положеніе. Утвердившаяся на чешскомъ престолѣ съ 1526 г. нѣмецкая Габсбургская династія оказывала ему всякую поддержку, а тѣсныя связи установившіяся между Чешскими Братьями и нѣмецкими Лютеранами (съ которыми Община впослѣдствіи совсѣмъ слилась), также содѣйствовали распространенію въ чешскихъ земляхъ нѣмецкаго языка. Католическое духовенство, особенно іезуиты, призванные Фердинандомъ для борьбы съ ересями, въ свою очередь не имѣло причинъ поддерживать во ввѣренныхъ ему школахъ званіе чешскаго языка и отдавало предпочтеніе латинскому яз. Поэтому не удивительно, что въ концѣ XVI ст. въ чешской литературѣ раздаются голоса противъ пренебрежительнаго отношенія въ обществѣ къ чешскому яз. и предлагаются совѣты родителямъ заботиться объ обученіи дѣтей родной рѣчи. Равнымъ образомъ и сеймы этого времени вынуждены издавать распоряженія объ охранѣ правъ чешскаго языка. Такъ постепенно подготовлялась почва для печальнаго положенія дѣлъ, которое окончательно сложилось послѣ Бѣлогорской битвы. — Страшныя бѣдствія выпали на долю чешскаго народа въ XVII—XVIII ст. Фердинандъ II Габсбургъ съ фанатическою жестокостью расправился съ Чехами, дерзнувшими еще разъ вооруженной рукой защищать свою народную церковь и политическую свободу. Вслѣдъ за страшными казнями, конфискаціей имѣній и заточеніемъ въ тюрьмы главныхъ виновниковъ возстанія, началось систематическое преслѣдованіе цѣлаго народа. Всѣ

отказывавшіеся принять насильственно навязываемый католицизмъ обречены были на изгнаніе. Десятки тысячъ семей — лучшая часть населенія—должны были покинуть родную страну. Тридцатилѣтняя война, опустошившая Чехію, еще болѣе разрѣдила ея населеніе. Въ обезлюженную страну нахлынули массами иностранцы, особенно нѣмцы, получавшіе отъ правительства большія земельныя пожалованія. Для нѣмецкаго языка открылась возможность самаго широкаго распространенія. Между тѣмъ чешскій языкъ былъ постепенно вытѣсненъ изъ администраціи, суда, школы и книги и замѣненъ латынью и нѣмецкимъ языкомъ. Униженію чешскаго яз особенно содѣйствовали іезуиты, взявшіе въ свои руки обученіе юношества. Они ревностно искореняли въ народѣ всякую память о недавнемъ религіозномъ движеніи, поддѣлывали и искажали національную исторію и сожигали цѣлыми кострами книги Гуситовъ и Чешскихъ Братьевъ. Высшіе классы, примкнувшіе къ правительству, онѣмечились и старались возможно скорѣе забыть чешскій языкъ; къ концу XVIII ст. послѣдній удержался въ своей чистотѣ только въ сельскихъ хижинахъ. При такихъ условіяхъ чешская литература почти прекратила свое существованіе; въ первыя десятилѣтія послѣ Бѣлогорской битвы она еще была поддерживаема за-границей Чешскими Братьями—эмигрантами; со смертью же послѣднихъ видныхъ представителей Общины, она и совсѣмъ угасла. Въ предѣлахъ Чехіи и Моравіи національная литература исчерпывалась благочестиво—іезуитскими книжками для простонародья. Съ истребленіемъ лучшихъ произведеній гуситской и братской эпохъ, старое литературное преданіе было прервано, выработанный чешскій книжный языкъ сталъ приходить въ забвеніе и наконецъ совсѣмъ упалъ въ формальномъ отношеніи. Произведенія іезуитскихъ писателей этого періода (Штурма, Берлички, Штейера, Коняша и др.) изобилуютъ варваризмами, неправильными словами и формами. О степени порчи и искаженія чешскаго книжнаго яз. въ XVII и XVIII ст. лучше всего свидѣтельствуютъ двѣ упомянутыя выше (стр. 2—3) чешскія грамматики — Росы († 1689) и Поля (1790) представляющія собой образцы крайняго невѣжества и уродства.

Возрожденіе. Къ концу XVIII ст. чешскій народъ былъ доведенъ до послѣдней степени безправія, паденія и униженія. Чешская книга стала рѣдкостью, чешскій языкъ былъ преданъ забвенію, считался мертвымъ. Роль Чеховъ, какъ исторической націи, казалось, была окон-

чена. Но вышло иначе: не смотря на всѣ пережитыя бѣдствія народъ сохранилъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы воспрянуть къ новой жизни. Въ гуманное правленіе Іосифа II, руководившагося просвѣтительными идеями вѣка, у Чеховъ постепенно начало пробуждаться національное чувство, которое вскорѣ стало главнымъ источникомъ народнаго движенія, закончившагося полнымъ возрожденіемъ народности и энергическою, продолжающеюся и доселѣ, борьбой за политическую свободу. Совершенно понятно, что однимъ изъ главныхъ явленій этого общаго возрожденія было воскрешеніе народнаго языка и литературы. Оно началось съ появленія (на нѣмецкомъ языкѣ) болѣе толковыхъ грамматикъ Томсы, Тома, Пельцеля и особенно знаменитыхъ филологическихъ трудовъ Добровскаго, очистившаго нормы чешскаго языка отъ искаженій, внесенныхъ грамматиками Росы и Поля (ср. выше стр. 2—4), а также съ изданія произведеній старой чешской литературы (преимущественно XVI в.). Уже въ концѣ XVIII ст. возникаетъ цѣлый кружокъ патріотовъ съ любовью отдававшихъ свои силы дѣлу возрожденія литературнаго языка (Томся, Тамъ, Добровскій, Пельцель, Прохазка, Руликъ, Пухмайеръ, В. Неѣдлый, Янъ Неѣдлый, Себ. Гнѣвковскій, Галашъ, Фричай, Кинскій, Крамеріусъ и др.). Они пишутъ статьи и книжки въ защиту правъ чешскаго языка, составляютъ грамматики и словари, издаютъ занимательныя и поучительныя книжки для народа, переводятъ изъ иностранныхъ литературъ, предпринимаютъ изданіе чешскихъ газетъ и журналовъ, сочиняютъ піэсы для театра, наконецъ обращаются къ попыткамъ самостоятельнаго поэтическаго творчества преимущественно въ духѣ идиллій Гесснера (Пухмайеръ, Гнѣвковскій, В. Неѣдлый и др.). Такъ постепенно возстановлялось прерванное литературное преданіе и ширилось знаніе стараго книжнаго языка. Но это были только первые подготовительные шаги къ созданію новаго литературнаго языка. Возникавшая новая литература не могла строго слѣдовать старому языку „золотаго вѣка", какъ полагали и настаивали первые дѣятели „Возрожденія" (Пельцель, Янъ Неѣдлый, Добровскій). Совершенный для своего времени, языкъ этотъ не былъ въ состояніи служить новѣйшей образованности, такъ какъ не обладалъ достаточными средствами ни для выраженія новыхъ научныхъ понятій, ни для передачи возвышенныхъ поэтическихъ идей и образовъ. Чувствовалась необходимость созданія новаго яз., который опираясь на старое преданіе, воспринялъ бы въ

себя и новѣйшіе элементы, частью живущіе въ народной рѣчи, частью созданные искусственно, но въ духѣ народнаго языка, частью заимствованные изъ родственныхъ славянскихъ языковъ. Правильный путь къ обработкѣ литературнаго языка въ такомъ направленіи впервые указалъ I. Юнгманнъ (1773—1847) изданіемъ трехъ весьма важныхъ трудовъ: 1) художественнаго перевода „Потеряннаго Рая" Мильтона; 2) обширнаго чешскаго словаря и 3) научной исторіи чешской литературы. Переводъ „Потеряннаго Рая" представлялъ собой прекрасный образецъ поэтической рѣчи, словарь раскрывалъ лексикальное богатство языка, исторія литературы заложила прочное основаніе научной прозы. Въ своихъ произведеніяхъ Юнгманнъ выступилъ нововводителемъ: онъ удачно сочинялъ новыя слова и обращался къ заимствованіямъ не только изъ областныхъ чехо-моравскихъ говоровъ, но и изъ другихъ родственныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ русскаго и польскаго. Въ дальнѣйшей выработкѣ новаго чешскаго языка приняли участіе даровитые поэты Ганка, Колларъ, Челяковскій, Эрбенъ, славные ученые Шафарикъ (словакъ — изслѣдователь славянской старины и народности), Палацкій (историкъ), Воцель (археологъ), Пресль (ученый медикъ, вырабатывавшій терминологію по естествовѣдѣнію), Пуркине (физіологъ), Марекъ (занимавшійся установленіемъ философской терминологіи) и многіе другіе дѣятели и писатели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Прошло еще нѣсколько десятилѣтій и чешскій языкъ, отлившись въ новую выработанную форму, достигъ того высокаго значенія въ умственной и политической жизни народа, какое занимаетъ и въ настоящее время. Правда площадь внѣшняго распространенія чешскаго языка значительно сократилась по сравненію съ широкимъ международнымъ значеніемъ, какое онъ занималъ въ періоды Гуситскій и Братскій. Чешскій языкъ уже не употребляется для дипломатическихъ сношеній, какъ это было въ XV ст. Утратилъ онъ значеніе книжнаго языка у Словаковъ, которые съ конца прошлаго и въ теченіе нынѣшняго столѣтія постепенно выработали свой собственный литературный языкъ. Эта послѣдняя потеря, конечно, не вознаграждается нѣкоторымъ распространеніемъ чешскаго языка въ колоніяхъ въ Америкѣ и Россіи. Тѣмъ не менѣе въ предѣлахъ родной территоріи развитіе чешскаго языка получило широкіе размѣры. Онъ сталъ мощнымъ выразителемъ всей національной, умственной и общественной жизни народа

и органомъ весьма значительной образованности. На чешскомъ языкѣ имѣется довольно богатая поэтическая и вообще изящная литература, въ которой кромѣ уже упомянутыхъ Коллара, Челяковскаго, Эрбена, особенно видное мѣсто занимаютъ: К. Маха, Я. Неруда, Галекъ, Св. Чехъ, Я. Верхлицкій, А. Гейдукъ (поэты), Б. Нѣмцова, Каролина, Свѣтлая, Ел. Красногорская, Ирасекъ, Хохолушекъ, Бенешъ-Требинскій (новеллисты), Тыль (драматургъ) и мн. др. Не менѣе важна чешская научная литература: всѣ отрасли научнаго знанія въ большей или меньшей степени разрабатываются и на чешскомъ яз., при чемъ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ отдѣлы научной литературы, которые посвящены разностороннему изученію роднаго языка, своего народа, родной земли въ ихъ прошломъ и современномъ состояніи. Во главѣ такого изученія стоятъ высшія національныя ученыя учрежденія — Академія Наукъ, Королевское Ученое Общество, Пражскій Университетъ, Музей, Чешская и Моравская матицы и многія частныя общества: историческое, археологическое, филологическое, этнографическое и др. издающія свои труды на родномъ языкѣ. Общее число чешскихъ періодическихъ изданій самаго разнообразнаго содержанія достигаетъ до 400. Чешскій языкъ служитъ преподавательскимъ языкомъ болѣе чѣмъ въ 5000 народныхъ школъ, въ 70 слишкомъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Пражскомъ университетѣ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ. Онъ пользуется правами языка земскаго въ сеймѣ (особенно въ Чехіи), судѣ и мѣстной администраціи и завоевалъ себѣ почетное положеніе во всѣхъ слояхъ общества. Правда и теперь, какъ въ теченіе всей своей исторіи чешскій языкъ занимаетъ боевое положеніе по отношенію къ могущественному сосѣду— нѣмецкому языку, но достигнутые имъ успѣхи настолько велики, что едва ли можетъ быть мѣсто какимъ-либо опасеніямъ за его дальнѣйшую судьбу. Чешскій литературный языкъ служитъ главнымъ свѣточемъ и опорой народности, которая несомнѣнно воскресла для новой жизни и имѣетъ всѣ права на лучшее будущее.

Этотъ литературный языкъ и будетъ выдвинутъ на первое мѣсто въ предлагаемой ниже характеристикѣ чешскаго языка, но современное его состояніе по возможности будетъ освѣщено съ исторической и діалектологической точекъ зрѣнія.

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Въ древнѣйшую пору, въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху (IX ст.), Чехо-Мораване пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ (кириллица и глаголица). Употребленіе одного изъ типовъ славянской азбуки—глаголицы, хотя въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, продолжалось и въ болѣе позднія времена, въ XI—XIII, XIV—XV ст. Глаголицей писались не только составленные на старо-славянскомъ языкѣ тексты богослужебныхъ книгъ въ родѣ знаменитыхъ Кіевскихъ отрывковъ миссала XI в.[1]), но и переводы на чешскій языкъ священнаго писанія, пассіоналовъ[2]) и др. Впрочемъ такихъ чешско-глаголическихъ памятниковъ сохранилось очень немного. Съ паденіемъ въ Моравіи и Чехіи Кирилло-Меѳодіевской народной церкви и водвореніемъ латинскаго обряда окончательный перевѣсъ получила латинская абецеда, и доселѣ удержавшаяся въ чешской письменности и печати какъ у другихъ католическихъ Славянъ[3]).

Латиница съ ея 25 знаками (кромѣ j, w возникшихъ позже) оказывалась весьма недостаточной для выраженія всѣхъ характерныхъ звуковъ, представляемыхъ чешскимъ языкомъ. Примѣненіе ея къ потребностямъ чешскаго языка представляетъ свою, довольно длинную исторію. До конца XIII ст. чешскіе звуки, отсутствующіе въ латинскомъ языкѣ, обозначаются буквами ближайшихъ родственныхъ звуковъ; напр. долгіе а, е, и, ы, о, у черезъ простыя a, e, i, y, o, u, ч черезъ c (cas), ш черезъ z (zen), ж черезъ s (nas) и т. п. Съ конца XIII ст. входитъ въ обычай соединеніе нѣсколькихъ буквъ для обозначенія одного звука; напр.: comaar (komár), suud (súd), chzazz, czas, czass, czzas (čas), wsse, wsche (vše). Въ способахъ соединенія буквъ,

---

[1]) См. V. Jagić. Glagolitica. Wien, 1890 (Denkschriften d. K. Akad. d. Wissen. Philosop. hist. Cl. Bd. XXXVIII и нашу статью въ Универс. Изв. 1890 г. (Новое открытіе въ области глаголицы).

[2]) Ср. P. J. Šafařík. Památky hlaholského písemnictví. V Praze, 1853; В. Ганкя. Остатки Славянскаго Богослуженія у Чеховъ. Прага, 1859; также Časop. Česk. Mus., 1870, 398; 1882, 523.

[3]) Съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абецеды нѣмецкая готическая азбука, т. наз. *швабахъ*. Она господствовала въ чешской печати до начала нынѣшняго столѣтія, когда была постепенно вытѣснена настоящей латиницей.

не было ни единства, ни даже однообразія: нерѣдко въ одной и той же рукописи одинъ и тотъ же звукъ обозначается нѣсколькими разнородными способами (напр.: ч = chz, cz, czz, с = s, ss, zz, sz, ш = ss, sch, s и т. д.). Лишь въ немногихъ памятникахъ замѣтно стремленіе къ установленію нѣкоторыхъ болѣе точныхъ правилъ соединенія буквъ. Понятно, что обѣ древнія системы примѣненія латинской абецеды къ чешской фонетикѣ представляли большія неудобства вслѣдствіе вносимой ими въ обозначеніе звуковъ неточности, неопредѣленности и запутанности.

Преобразователемъ несовершенной чешской графики былъ знаменитый Янъ Гусъ. Онъ ввелъ систему діакритическихъ знаковъ, которая постепенно привилась въ чешскомъ правописаніи и въ нынѣшнемъ столѣтіи усвоена была всѣми западными Славянами, пользующимися латиницей, за исключеніемъ Поляковъ. Долгіе гласные Гусъ обозначалъ *черточкой* (á, é, í); напр. mé, mráz; для обозначенія же мягкихъ чешскихъ звуковъ (нj, дj, тj, ч, ж, ш, рj) и твердаго л, онъ пользовался *точкой*, которую выставлялъ надъ буквой, передающей ближайшій родственный звукъ: ṅ, ḋ, ṫ, ċ, ż, ṡ, ṙ, l̇; напр.: naṡ, ċas, ḋel̇o. Сверхъ того Гусъ усвоилъ буквѣ c только ея коренное значеніе ц, а не k, а букву g употреблялъ въ двоякомъ значеніи: вм. j передъ e, i (gedin, gemu), и для передачи гортаннаго г во всѣхъ другихъ случаяхъ. Реформа Гуса не сразу получила всеобщее распространеніе. До кон. XVI ст. рядомъ съ новымъ правописаніемъ держалось старое, неудобное. Съ кон. XVI ст., за проведеніе началъ Гусова правописанія взялись Чешскіе Братья, но они внесли въ систему Гуса и нѣкоторыя измѣненія, которыя, впрочемъ, едва-ли способствовали ея улучшенію, какъ-то: нѣкоторыя сочетанія буквъ по образцу стараго правописанія (wsse=vše), y вм. i, v вм. начальнаго u (vřad), ey вм. ej, знаки ', ˇ вм. Гусовой точки и пр. Такъ выработалось особое братское или кралицкое (Кралицкая Библія, 1579—1593) правописаніе, которое держалось въ книгѣ въ теченіе XVII и XVIII ст.

Непослѣдовательность и нѣкоторые другіе недостатки Братскаго правописанія дѣлали необходимыми новыя преобразованія. Національное возрожденіе новаго времени, между прочимъ, ознаменовалось заботами чешскихъ филологовъ объ улучшеніи правописанія. Послѣ долгихъ споровъ, благодаря стараніямъ Долежала, Пельцеля, Добровскаго, Юнгманна и Шафарика, къ концу сороковыхъ годовъ установилась

та система обозначенія звуковъ, которая принята въ языкѣ въ настоящее время. Нынѣшнее правописаніе есть собственно видоизмѣненіе правописной системы Гуса и Чешскихъ Братьевъ.

Современная чешская абецеда состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: a, á, b, c, č, d, ď, e, é, ě, f, g, h, ch, i, í, j, k, l, m, n, ň, o, ó, p, r, ř, s, t, ť, u, ú, ů, v, y, ý, z, ž.

Буквы á, é, í, ó, ú, ů, ý обозначаютъ долгіе гласные. Буква ů, образовавшаяся изъ uo, обозначаетъ гласный, который звучитъ какъ протяжное u и есть собственно рефлексъ ō; въ современномъ литературномъ языкѣ ů употребляется вм. ó.

Буквы i (í), y (ý) въ современномъ литературномъ языкѣ выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ = русск. и; этимологически y (ý) соотвѣтствуетъ праслав. и русск. ы.

Буква ě обозначаетъ двугласное краткое—ie. Она употребляется только послѣ губныхъ (b, p, m) и губно-зубныхъ (v, f): město, běh, pět, květ. Пишутъ это начертаніе также въ слогахъ ně, dě, tě (dělo, němy), но неправильно вм. ňe, ďe, ťe.

Буква ú въ литературномъ языкѣ употребляется рѣдко, только въ началѣ словъ (údolí); въ срединѣ и концѣ вм. ú слышится долгій двугласный ou (soud, hlavou).

Буквы ď, ť, ň, ř обозначаютъ мягкія d, t, n, r; ř произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ.

Буквы č, ž, š соотвѣтствуютъ русскимъ ч, ж, ш.

Буква g употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ — groš и др.; вм. нея обыкновенно h, обозначающее свойственное языку придыхательное г (hlava, noha).

Буква ch соотвѣтствуетъ русск. х (moucha).

Сверхъ указанныхъ знаковъ въ иностранныхъ словахъ употребляются еще q, x, w: напр. Quirinal, Xerxes, Wagner, tramway.

А) Гласные.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ чешскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе праславянскихъ глухихъ (полугласныхъ) и переходъ ихъ (ъ, ь) въ ясное e; 2) замѣна праславянскихъ носовыхъ гласныхъ чистыми (старо-слав. ѫ = u, ú, старо-слав.

ѧ = a, ě, e — á, ie, i); 3) разнородныя соотвѣтствія старо-славян. ѣ (ě, ie, e, é, i); 4) перегласовка a, á въ ě, ie, u, ú въ i, í; 5) съуженіе e въ i; 6) совпаденіе праслав. ы, и въ одномъ звукѣ i; 7) слогообразующіе r, l, m, n и переходъ r̥ въ er, a l̥ въ lu; 8) различеніе количества гласныхъ, ихъ долготы и краткости.

Исчезновеніе глухихъ гласныхъ и замѣна ихъ яснымъ e.

Чешскій языкъ не знаетъ глухихъ или полугласныхъ звуковъ, которые свойственны были славянскому праязыку, существовали въ старо-славянскомъ языкѣ и доселѣ составляютъ характерную особенность болгарскаго и словинскаго языковъ[1]). Подобно сербскому, русскому, польскому языкамъ, онъ стремится къ отчетливому, ясному и полному выговору гласныхъ.

Вслѣдствіе такого свойства чешскаго языка въ немъ не только не возможенъ присущій болгарскому и словинскому переходъ ясныхъ гласныхъ въ глухіе, но не могли сохраниться и праславянскіе ъ, ь: уже въ незапамятныя времена они или безслѣдно исчезли или перешли въ звонкое e. Безслѣдное исчезновеніе глухихъ наблюдается (какъ и въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; напр.: mráz, dům, kost, tma, služba, spis, msta, lnu, lsti. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для произнесенія согласныхъ необходимъ гласный, вмѣсто праславянскихъ и старо-славянскихъ ъ, ь выступаетъ одинъ и тотъ же звукъ e: sen (сънъ), dech (дъхъ), sepsati (съпсати), lež (лъжь), den (дьнь), lev (львъ), len (льнъ), lest (льсть)—но sna, tchu, lži, dne, lva, lnu, lsti.

Гласные e изъ ъ и e изъ ь въ настоящее время звучатъ одинаково, но первоначально они были различнаго качества: e изъ ь было узкое (ясное), тожественное съ основнымъ e, e изъ ъ было широкое (темное). Существованіе этого различія подтверждается слѣдующими явленіями: e изъ ь вліяетъ на перегласовку (см. ниже) предшествующаго гласнаго (a, u) и на смягченіе предыдущаго r, a e изъ ъ не имѣетъ такого воздѣйствія на предшествующіе звуки; напр.: jěhnec (старо-слав. ıагньць), stařec, časem (но зв. čěse), bratrem.

---

[1]) Ср. Лекціи по Славянскому языкознанію. Часть I, стр. 67—71 и 409—411.

Въ краткихъ слогахъ e изъ глухихъ бываетъ краткимъ (e), въ долгихъ—долгимъ (é).

Переходъ ъ и ь въ e наблюдается также въ польскомъ яз., кайкавщинѣ (западн. нарѣч. сербо-хорв.) и сѣверо-восточныхъ говорахъ словинскаго языка.

Какъ исключенія, въ отдѣльныхъ немногихъ случаяхъ, въ старомъ языкѣ и живыхъ говорахъ, встрѣчаются другія замѣны праславянск. ъ, ь: 1) o вм. ъ: bleskot, chrapot (старо-ческ. chrapet), večeros; 2) i вм. ь: dibri (Mater Verborum), Křist (Далимилъ), Lihota (лашск. нар.); 3) a вм. ъ, ь: šal, snacha, častovati (древн. чешск.; впрочемъ послѣднія два слова заимствованы изъ сербо-хорв. яз.).

Соотвѣтствія старо-славянскимъ ѫ, ѧ.

Чешскій языкъ не удержалъ, въ противоположность старо-слав. или польскому яз., праславянскихъ носовыхъ гласныхъ. Они исчезли, вѣроятно, въ глубокой древности; въ памятникахъ сохранились лишь немногочисленные слѣды существованія этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: Zuentopulcus, Wenceslaus, Kasub. (ср. выше стр. 37). Вмѣсто носовыхъ возникли чистые гласные, какъ это произошло въ большой части живыхъ славянскихъ языковъ.

Старо-слав. ѫ соотвѣтствуютъ: u—въ краткихъ слогахъ и ú (ou)—въ долгихъ; u: ruka, ruku (вин. п.), kruh, duch, hluchy, hudba, dub, holub, muka, nesu (1 л. един. ч.); ú (ou): rukou (тв. п.) др. ч. rukú, nesou (3 л. множ. ч.) др. ч. nesú, mouka др. ч. múka, hloub, housle, doubek, súditi—souditi, jsúc—jsouc. — Въ ново-чешскомъ языкѣ u, ú, находясь въ мягкихъ слогахъ, вслѣдствіе общаго закона перегласовки (см. ниже) перешли въ i, í; напр. duši (вин. п.), píší (3 л. мн. ч.).— Замѣна ѫ черезъ u наблюдается кромѣ чешскаго: въ словацкомъ, сербо-лужицкомъ, русскомъ и сербо-хорватскомъ яз.

Старо-слав. ѧ соотвѣтствуютъ:

1) въ краткихъ слогахъ—a, ě, e; напр.: pata, patero, pět, desět (старо-чеш.) — deset (ново-чеш.), maso, jazyk, ječmen, svatý, světiti, mě, tě, se (старо-чеш. sě), stoje (старо-чеш. stojě); e образовалось изъ ě черезъ потерю i;

2) въ долгихъ слогахъ —á, ie, é, í; напр.: páty, řád, řiediti, táhnu—tiehneš, vázati, vzieti, vzéti, kléti, říditi, vzíti, klíti, píti—старо-чеш. pieti, více, mesic, zajic, tisic, trpic (ст.-чеш. trpiec), prosí (3 л. мн. ч.)—

старо-чеш. trpie, vědi—старо-чеш. vědie; é образовалось изъ ie черезъ потерю i, í изъ ie черезъ съуженіе (см. ниже).

Сверхъ того діалектически ѧ=ja, 'a, 'o: řiђjata (дулѣбск. нар.), hřib'ata, zap'ala, rob'a (злин. нар.), rob'o (лашское нар.).

Относительно взаимнаго отношенія различныхъ замѣнъ ѧ весьма важно мнѣніе проф. Гебауэра. Основнымъ звукомъ, прежде всего развившимся изъ ѧ, онъ считаетъ іотованное а (ⁱa); изъ него образовались всѣ прочія указанныя замѣны носоваго гласнаго: ě, ie—возникли изъ ⁱa путемъ обычной въ языкѣ перегласовки, e, é, í суть позднѣйшія видоизмѣненія ě, ie; діалектическія ja, 'a — наиболѣе близки къ первоначальному ⁱa [1]).

Изъ другихъ славянскихъ языковъ вм. ѧ имѣютъ e—болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій, (j) a—русскій; (j) a, (j) e—верхне-лужицкій, ě—нижне-лужицкій; словацкій языкъ рядомъ съ ia (въ долгихъ слогахъ) представляетъ особый звукъ ä (=двугласн. ea): piatok, päta, mä, väzet.

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. ѣ въ чешскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ: въ краткихъ слогахъ—ě, e; въ долгихъ—ie, é, í.

Первоначальными соотвѣтствіями нужно считать двугласные ě, ie; изъ двугласныхъ послѣ потери i образовались e, é; í—есть результатъ съуженія ie, é. Гласные e, é, í вм. древн. ѣ смягчаютъ предшествующій согласный.

Первичныя ě, ie въ современномъ литературномъ языкѣ сохранились въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Двугласное ě слышно только послѣ b, p, m, v: běhati, pěvec, zpěv, směti, město, věděti, věřiti, květ. Пишутъ ě также въ слогахъ ně, dě, tě, напр.: němy, dělo, tělo; но здѣсь ѣ звучитъ уже не какъ двугласный, а какъ e (ňemy, ďelo, ťelo).

Долгое ie, весьма употребительное въ древнемъ языкѣ, теперь сохранилось только въ одномъ словѣ — въ вин. п. vieru (въ выраженіи „na mou vieru").

---

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ, однако, не согласенъ проф. Ягичъ. Онъ полагаетъ, что обѣ чешскія замѣны a—ia и ie одинаково развились изъ мягкаго ä т. е. изъ e, звучавшаго съ окраской a. Arch. f. Slav. Phil., XVI, 510.

Гораздо чаще вм. древн. ě слышно e: hřešiti, cediti, celý, cena, cesta, ořech, řepa, řešiti, seno, sled, šedy, beseda, rose, ruce, mouše (мѣстн. п.).

Гласн. é, развившійся изъ двугласнаго ie, какъ замѣна древн. ѣ удержался въ современномъ языкѣ только въ коренномъ созвучіи lé: chléb, chlév, mléko, naléhati, ohlédati, létati и др.

Обыкновенно вмѣсто ie, é слышится í: bílý др. ч. bielý, vítr др. ч. vietr, zívati др. ч. zievati, smích др. ч. smiech, císař др. ч. ciesař (цѣсарь), díl др. ч. diel, dílo др. ч. dielo, dítě др. ч. dietě, hnízdo др. ч. hniezdo, hřích др. ч. hriech, síň др. ч. sieň, síť др. ч. sieť, sníh др. ч. snieh, víko др. ч. vieko, jísti, jím др. ч. jiesti, jiem.

Такимъ образомъ въ новомъ литературномъ языкѣ вм. старослав. ѣ наиболѣе обычны ě, e въ краткихъ слогахъ и í—въ долгихъ.

Иногда различіе въ количествѣ гласнаго, замѣняющаго древнее ѣ, служитъ для дифференціаціи значенія слова; напр. město (городъ), místo (мѣсто) dělo (пушка), dílo (дѣло).

Какъ уклоненіе объ общаго закона вм. ѣ выступаетъ á въ zráti, zrály (зрѣти) и í (уже въ древне-чешск.) въ síra (сѣра).

Всѣ указанные рефлексы древн. ѣ выступаютъ какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ въ суффиксахъ основъ и падежныхъ окончаніяхъ; напр: 1) smĕti, др. ч. smĕju, н. чеш. smím, smích др. ч. smiech, pěti, seji др. ч. sěju, běh, běžeti др. ч. běžěti, sbírati др. ч. sbierati. Ср. также примѣры выше; 2) člověk, bohatější (сравн. степ.), uměti, trpěti, věděti, sedněme и др.; 3) městě, městích др. ч. městiech, rybě (дат мѣс. п.), tím др. ч. tiem, těmi.

Перегласовка a въ ě (e) и á въ ie (é, í).

Одной изъ самыхъ важныхъ, наиболѣе характерныхъ особенностей чешскаго вокализма нужно считать т. н. *перегласовку* a въ e. Въ извѣстныхъ случаяхъ краткое a (точнѣе ⁱa) переходитъ въ ě, которое часто звучитъ какъ простое e; напр. zemⁱa—země, dušⁱa—dušě—duše, slyšal—slyšeli; долгое á (точнѣе ⁱá) переходитъ въ ie, которое вслѣдствіе дальнѣйшихъ измѣненій преобразуется въ é и (черезъ съуженіе) í; наприм.: božⁱá—božie—boží, slyšⁱán—slyšieni, táhnu—tiehneš.

Такая перегласовка происходитъ *только послѣ мягкихъ согласныхъ;* напр.: moř'a—moře (р. п.), neděl'a—neděle, ulica—ulice, naša—naše, kúp'a—koupě, vól'a—vůle, nádĕja—nádĕjĕ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

въ настоящее время передъ ĕ, ie (изъ перегласов. a, á) нѣтъ мягкаго согласнаго, нужно допустить, что эта мягкость прежде была, но съ теченіемъ времени исчезла; напр.: Moravan—прежде Moravan, Moravěné, tiehněs— táhnu, прежде ťahnu.

Перегласовка возможна какъ въ концѣ слова, такъ внутри его. Въ первомъ случаѣ она обусловливается исключительно мягкостью предшествующаго согласнаго и потому называется поступательной перегласовкой (přehlasování postupné): země, duše, božie, boží. Во второмъ случаѣ перегласовка зависитъ также и отъ свойства послѣдующихъ звуковъ: внутри слова a, á перегласовываются лишь тогда, когда за ними слѣдуетъ мягкій согласный или слогъ съ узкимъ гласнымъ (ĕ, ie, i, e, ь или замѣняющее его e); иначе они остаются безъ измѣненія; напр.: čas—v čese, čese (зват. п.), obyčaj—obyčěj, Jan—Jěne, zeman (др. zeman)—zeměné, řád—řiediti, šťastny—štěstí, třasu—třěseš. Эту перегласовку называютъ *обратной* (přehlasování zpátečné).

Послѣдній терминъ примѣняется также еще къ одному явленію, которое имѣетъ лишь нѣкоторое сходство съ только что изложеннымъ. Это—перегласовка ąj въ ęj послѣ твердыхъ согласныхъ: dąj—dej, vejce др. ч. vąjce, voląjte—volejte, nąjlépe—nejlépe, ząjtra—zejtra. Здѣсь ąj переходитъ прямо въ ęj а не въ ěj. Это звуковое явленіе развилось въ языкѣ довольно поздно, не ранѣе XV—XVI ст.; оно объясняется простымъ механическимъ уподобленіемъ звуковъ.

Перегласовкѣ подвергается всякое a: 1) вполнѣ соотвѣтствующее праславянск. a, 2) образовавшееся путемъ стяженія и 3) возникшее вм. древн. ѧ; напр.: 1) čas, čese, česi, duše, orače (род. п.); 2) slušiete изъ slušate (слушаете); 3) páty—pět, řád—řiediti—říditi, svatý—světiti. Такую классификацію явленій перегласовки a—ě, установленную во всѣхъ подробностяхъ въ монументальномъ трудѣ проф. Гебауэра—Historická mluvnice (D. I, 92—122) нельзя считать окончательной. Существуетъ въ наукѣ другое авторитетное мнѣніе (проф. Ягича Archiv f. Slav. Phil., XVI, 510), по которому чередованія a—ě, возникшихъ изъ праславян. ѧ (třasu—třeseš, sváty—svetějši), представляютъ собой явленія особаго порядка, которыя не могутъ быть приравниваемы къ явленіямъ перегласовки праславян. a (duša—duše): основнымъ звукомъ для этихъ a ('a)—ě, развившимся непосредственно изъ ѧ, признается 'ä, болѣе близкое къ e чѣмъ къ a, откуда дѣлается выводъ, что въ такихъ словахъ какъ třasu—třeseš не a перегласовалось въ e,

а наоборотъ е въ а подъ вліяніемъ отвердѣнія слѣдующаго слога. Дѣйствительно трудно объяснить перегласовкой а — ě присутствіе ě въ такихъ словахъ какъ ráme, mládě, trpě (прич.) mě, tě, sě (Ср. выше стр. 60—61).

Законъ перегласовки а (á)—ě (ie) въ современномъ литературномъ языкѣ выдержанъ довольно послѣдовательно. Но встрѣчаются и нѣкоторыя отступленія отъ него. Иногда перегласовка выступаетъ тамъ, гдѣ для нея нѣтъ мѣста и наоборотъ отсутствуетъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ея ожидать; напр.: běžěl — běželi вм. древн. běžal — bězeli, slyšel—slyšeli вм. древн. slyšal—slyšeli или počal—počali вм. древн. počal — počěli, přátelé — přátel вм древн. přietele — přátel. Подобныя отступленія отъ основнаго закона объясняются вліяніемъ аналогіи; т. е. bežel обрязовалось подъ вліяніемъ beželi, а počali подъ вліяніемъ počal и т. д.

Перегласовка а—ě возникла въ историческое время. По разысканіямъ проф. Гебауэра происхожденіе ея падаетъ на вторую половину XII ст. Дошедшія отъ XII ст. отдѣльныя чешскія слова большею частью представляютъ неперегласованное а. Древнѣйшіе памятники XIII ст. свидѣтельствуютъ о значительномъ распространеніи въ языкѣ явленій перегласовки, а съ конца XIII ст. эти явленія получаютъ значеніе послѣдовательно проведеннаго закона (ср. выше стр. 37 и 42).

Такъ какъ чешская перегласовка а — ě въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близко стоитъ къ верхне-нѣмецкой перегласовкѣ (Umlaut) а—е (chraft мн. ч. chrefti), то возможно предположеніе, что данная чешская особенность возникла и развилась подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка. Впрочемъ и на славянской почвѣ, именно въ области болгарскаго языка встрѣчаются примѣры перехода а въ е, аналогичные чешской перегласовкѣ: буре, дине, душе, чеша и пр. (Ср. наши Лекціи по славянск. язык., I, 80).

Въ народныхъ говорахъ перегласовка а—ě во всей полнотѣ представлена только въ Чехіи. Въ Моравіи и Силезіи этотъ звуковой законъ не получилъ такого широкаго развитія и примѣненія. Въ западныхъ моравскихъ говорахъ мѣстами довольно часты еще явленія перегласовки, особенно въ срединѣ словъ; въ восточныхъ же говорахъ (напр. ляшское, дольское, валашское нар.) а обыкновенно остается неперегласованнымъ или вообще беретъ перевѣсъ надъ ě (duša, muža, lavica, mora).

О переходѣ ě (изъ перегласованнаго а) въ е и о превращеніи ie (изъ перегласованнаго á) въ é, í будетъ сказано ниже.

Перегласовка u, ú (iu, iú) въ i, í.

Когда въ чешскомъ литературномъ языкѣ гласные u, ú слѣдуютъ за мягкими согласными, то теряютъ свое основное значеніе и звучатъ какъ i, í, напр. вм. dušu (вин. п.)—duši, вм. dušú (твор. п.) duší, вм. lud—lid, вм. dělajú—dělají (3 л. мн. ч.), вм. tešu (1 л. ед. ч.)—teši. Этому звуковому явленію, какъ и разсмотрѣнному выше переходу a—ě, усвоено названіе перегласовки. Въ сущности здѣсь имѣетъ мѣсто не простой переходъ u въ i, который трудно было бы объяснить, а иной болѣе сложный процессъ. Въ мягкихъ слогахъ, представляющихъ данную перегласовку, въ древнюю пору долженъ былъ находиться не u, а двугласный iu, который въ памятникахъ нерѣдко и отмѣчается точно (brzyuch, v morzyu Вит. пс., liubost, prossyu, na krsiziu Клем. пс., oraczyu, lyud, czyuzy (cizí) Далим. хр. и др.). Съ теченіемъ времени (не ранѣе нач. XIV ст.) первый элементъ двугласнаго (i) сталъ брать перевѣсъ надъ вторымъ (u) и наконецъ совсѣмъ замѣнилъ двугласный. Такъ было въ западныхъ нарѣчіяхъ (въ Чехіи). Въ восточныхъ нарѣчіяхъ (въ Моравіи) былъ другой порядокъ: первый элементъ двугласнаго (i) постепенно терялъ звучность и наконецъ слился съ u: dušu, těšú [1]).

Перегласовка u (iu) въ i въ краткихъ слогахъ и ú (iú) въ í въ долгихъ наблюдается какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ въ словообразующихъ суффиксахъ и окончаніяхъ словъ. Примѣры: 1) břicho (др. ч. brzyucho), cítiti, cizí (czuzeho Град. сб.), Jidáš (др. ч. Giudaš Град. сб.), jih (iuh Mat. Verb.), Jiří (др. ч. Jurzí), jitro (др. ч. jutro), již (gyuz Град. сб.), klíč (др. ч. kluč), lítost (lutost Вит. пс.); 2) Ježíš (др. ч. Ježuš), mojíc, píšíc, tisíc; 3) oráčí, moři (дат. п.), zemi (вин. п.), zemí (тв. п.), kostí (тв. п.), ji (вин. п.), jí (тв. п.), umějí (1 л. ед. ч.), kupují (3 л. мн. ч.).

Возникновеніе перегласовки u (iu)—i, сколько можно судить по памятникамъ, относится къ перв. четв. XIV в. Въ текстахъ XIII ст.

[1]) Проф. Гебауэръ (Histor mluvn., I, 270) различіе между восточными и западными нарѣчіями относительно данной звуковой черты объясняетъ нѣсколько инымъ образомъ. По его мнѣнію древнимъ (пра-чешскимъ) нужно считать u (dušu), которое и удержалось въ восточныхъ нарѣчіяхъ, а въ западныхъ нарѣчіяхъ съ XIV в. изъ сосѣднихъ мягкихъ согласныхъ стала проникать іотація въ u; такъ получился двугласный iu, изъ котораго указаннымъ путемъ образовалось i. Это мнѣніе весьма убѣдительно оспариваетъ акад. Ягичъ Arch. f. slav. Phil., XVI, 513 и 514.

вездѣ еще сохраняется u (ср. выше стр. 42). Въ половинѣ XIV ст. переходъ u (iu)—i въ мягкихъ слогахъ становится общимъ закономъ. Съ XV в. проникаютъ въ письменный языкъ изъ народныхъ говоровъ нѣкоторыя отступленія отъ этого закона, отчасти удержавшіяся и доселѣ, напр. u часто сохраняется (особенно послѣ губныхъ и l) въ 1 л. един. ч. и 3 л. множ. ч. наст. вр.: hrabu, kašlu, dřímu (1 л.), stelou (3 л.); также и внутри словъ: pracuji, šuměti, všudy, čuditi, juz и již и др.

Кромѣ литературнаго языка перегласовка u—i болѣе или менѣе послѣдовательно выдерживается въ народныхъ говорахъ Чехіи. Въ Силезіи это звуковое явленіе почти не извѣстно. Въ Моравіи оно распространено въ очень слабой степени; въ однихъ говорахъ, напр. ганацкихъ, u обыкновенно не перегласовывается и лишь изрѣдка въ срединѣ словъ вмѣсто этого звука выступаетъ i; въ другихъ, напр. злинскомъ наблюдается то u, то i, но u все-таки преобладаетъ (напр. lid, cizi, libit sa и břuch, čuch, juh, kožuch).

Аналогію чешской перегласовкѣ представляютъ старо-славянскія: либо и любо, плинѧти и плюнѧти, и болгарскія: клич — ключ, слина—слюна, либи—люби (ср. наши Лекціи, I, 83).

Съуженіе é, ie въ í.

Долгія é, ie въ современномъ языкѣ во многихъ случаяхъ переходятъ въ í; напр. řéci—říci, viera—víra, kamének—kamínek. Этотъ переходъ обыкновенно называется *съуженіемъ*, такъ какъ í въ физіологическомъ отношеніи *уже* замѣняемыхъ имъ é, ie.

Причина съуженія—долгота слоговъ. Краткія e, ě никогда не переходятъ въ i; напр. řekl, věriti. Въ современномъ литературномъ языкѣ é переходятъ въ í *только послѣ мягкихъ согласныхъ;* říci, hnísti, vajáčko, pírko. Только слогъ lé сохраняетъ несъуженное é въ коренныхъ слогахъ (напр. mléko, naléhati, chléb) и въ окончаніи имен. п. множ. ч., напр. kazatelé; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ въ народномъ выговорѣ это é сократилось: prátele. Послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно удерживается é: stéblo, okénko, délka, kamének, dobrého. Иногда допускаются двоякія формы—съуженныя и несъуженныя (но только въ корняхъ и основахъ, а не въ окончаніяхъ) и въ такомъ случаѣ вм. í пишутъ ý: stéblo—stýblo, okýnko, kostélek—ko-

stýlek. Въ народныхъ говорахъ Чехіи съуженіе é — í проведено последовательно не только въ мягкихъ, но и въ твердыхъ слогахъ; напр. malí, vokýnko, dobrýho. Въ моравскихъ нарѣчіяхъ эта послѣдовательность нарушается чаще и въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ é или рѣдко переходитъ въ í (дольское, ляшское нар.) или совсѣмъ не подвергается съуженію (валашское нар.).

Двугласный долгій ie совсѣмъ не существуетъ въ современномъ литературномъ языкѣ. Онъ либо ослабился въ é, которое, какъ указано, только отчасти удержалось въ языкѣ (mléko изъ mlieko), либо подобно послѣднему съуживается въ í. Такому съуженію подвергается всякое ie, какого бы происхожденія оно ни было (изъ пра-славян. ѣ, а, ѧ), внутри словъ и въ окончаніяхъ: hřiech—hřích (старо-сл. грѣхъ), dušiem—duším (старо-сл. душамъ), knieže — kníže (старо-сл. кнѧже), viera—víra, miera—míra, biely—bílý, ciesař—císař, zajiec—zajíc, božie znamenie—boží znamení. Въ народной рѣчи въ Чехіи ie сохранилось только въ выраженіи: na mou vieru; въ моравскихъ говорахъ оно тоже встрѣчается лишь спорадически и въ отдѣльныхъ словахъ (kvietko, vietr, niekdo, vieko, viem и др.), только въ восточныхъ частяхъ Моравіи и въ Силезіи съуженіе ie въ í менѣе обычно.

Явленія съуженія é, ie въ í можно прослѣдить по памятникамъ уже съ нач. XIV ст.; напр.: hrsicha mého, všecko symie, posmiwali su sie (Клемент. пс.), w dwoyduchim, navrat sliby twy, wzpowidayu (Виттенб. пс.). Но въ XIV и XV ст. этихъ примѣровъ немного. Законъ съуженія входитъ въ полную силу только съ XVI ст.

А, á.

Гласный а можетъ быть краткимъ и долгимъ — а и á: svatý — svátost, žena—zenám.

Чешское а соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. а — žena, ženám; 2) пра-слав. и старо-слав. ѧ—páty (см. выше стр. 60).

Сверхъ того въ историческую пору на чешской почвѣ, особенно въ нѣкоторыхъ діалектахъ, а возникло и изъ другихъ гласныхъ; напр. hořal (горѣлъ), šal (др. ч. вм. šel), žalud (др. ч. želud), діал. jahla (jehla), діал. jazero (вм. jezero).

Гласный а (ʼa) переходитъ въ ě, á (ʼá)—въ ie (i): duša—dušě—duše, božá—božie—boží. (Перегласовка. См. выше стр. 62).

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ въ древнемъ языкѣ и живыхъ говорахъ (въ Чехіи и Моравіи) выступаетъ **e** вм. **a** и помимо перегласовки; именно: **nem, vem** (др. ч.) вм. **nam, vam; beran, bezmale, telíř, jesan, selat.**

Долгое **á** въ ляшскомъ нар. переходитъ въ **o, u: brona, krova, hlod, zokon, božo muka, vruna, sum, barun.** Иногда и краткое **a** тоже переходитъ въ **o: pomať, pomatka.**

E, é.

Гласный **e** можетъ быть долгимъ и краткимъ, **e** и **é: nebe, vévoda.**

Чешское **e** во 1) представляетъ пра-славянское **e** (**berete, peku, žena**), во 2) соотвѣтствуетъ пра-славянскимъ и старо-славянскимъ **ъ, ь** (**sen, bratrem, den, peň**. См. 59 стр.).

Сверхъ того въ историческую пору на чешской почвѣ **e, é** возникаютъ изъ двугласныхъ **ě, ie: rose, duše, hřiech — hřéch** (ср. слѣдующій параграфъ **ě—ie**).

Долгое **é** съуживается въ **í: pérko — pírko, řéci — říci** (ср. выше съуженіе **é, ie** въ **í** стр. 66).

Гласный **e** (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) можетъ быть подвижнымъ звукомъ, причемъ онъ то замѣняетъ древн. **ъ, ь**, то является евфоническимъ (вставочнымъ) звукомъ: **den—dne, pátek—patku, mozek — mozku, bázeň — bazně, služba — služeb, tma — temny, basen, orel, kupec, švec, stařec, sosen, vesel, sebrati, sberu, ze lnu.**

Въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ **e** чередуется съ **a: želud—žalud, želudek—žaludek, pšeno—pšano, čelo—čalo, jeleň—jaleň, lehky—lahky.**

Въ сѣверо-опавскомъ говорѣ вм. **e** часто **o: žona, šost, čolo, věčuor, jolen, lon.** Въ моравскихъ нарѣчіяхъ различаютъ **e** четырехъ значеній: 1) **e**=чешск. и старо-слав. **e**; 2) ганацкое **e** вм. **i** произносимое при болѣе широкомъ растворѣ рта: **ževot**; 3) ганацкое **e** вм. **y**, произносимое съ наклоненіемъ къ **o: rebe (ryby)** и 4) **e** похожее на **ä: čälo** (ляшское нар.).

Ě, ie.

Отъ **e, é** нужно отличать двугласные **ě** (**ⁱe**) въ краткихъ слогахъ и **ie**—въ долгихъ: **věřiti** (**vⁱeřiti**), **vieru** (**na mou vieru!**).

Относительно звукового значенія ě, ie между чешскими филологами существуютъ два мнѣнія. Одни (между прочимъ проф. Гаттала) видятъ въ нихъ іотованное e, т. е. полагаютъ, что ě=je, ie=jé; другіе (проф. Гебауэръ) доказываютъ, что данные звуки по природѣ своей двугласные. Послѣднее мнѣніе нужно считать наиболѣе обоснованнымъ (ср. Histor. Mluvn., I, 188—189).

Въ современномъ литературномъ языкѣ краткое ě удержалось только послѣ m, b, p, v, f (měna, běh, pěti, věřiti, ofěra), долгое ie сохранилось лишь въ одномъ словѣ vieru.

Обыкновенно (кромѣ указанныхъ случаевъ) ě и ie, утративъ первый гласный елементъ, ослабляются въ простыя e, é, при чемъ é или даже непосредственно ie съуживаются въ í: напр. старо-чеш. řěč— ново-чеш.—řeč, древн. ciesař (cziesarz, czijesarz), а потомъ césař, czesarz) въ ново-чешск. císař (ср. выше о съуженіи é, ie въ í стр. 66). Первые случаи ослабленія ě, ie въ e, é наблюдаются уже въ памятникахъ конца XIII ст., а въ полов. XIV ст. они становятся весьма обычнымъ явленіемъ; напр.: sedis, rzechs, vediel (Клемент. пс.). (Ср. Gebauer, Hist. Mluvn., I, 197—204).

Въ этимологическомъ отношеніи ě, ie соотвѣтствуютъ: 1) старослав. ѣ: měna, viera—víra, zimě, věděti (ср. выше стр. 61—62); 2) старо-слав. ѧ: mě, tě, trpě (ср. выше стр. 60). Сверхъ того очень часто ě, ie развились въ историческое время изъ a, á (перегласовка): duše изъ dušě, boží изъ božie = božia (ср. выше стр. 61—63, тамъ же о мнѣніи Гебауэра относительно ě, ie = ѧ).

O, ó, uo, ů.

Гласный o можетъ быть краткимъ и долгимъ.

Краткое o звучитъ какъ обыкновенное o въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ: oko, kdo, orel, orati.

Долгое ó въ разные періоды исторической жизни языка произносилось различно и въ настоящее время въ живыхъ нарѣчіяхъ представляетъ своеобразные оттѣнки выговора. Главнѣйшіе изъ этихъ оттѣнковъ въ графикѣ обозначаются начертаніями ó, uo, ů.

Въ современномъ литературномъ языкѣ (а также въ народныхъ говорахъ Чехіи) долгое o звучитъ какъ протяжное ū, обозначаемое черезъ ů: Bůh, kůň, dům, vůdce, chlapův (род. п. множ. ч.), chlapům

(дат. п. множ. ч.), růsti, sůl. Въ старыхъ памятникахъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно пишется u, ú (zustane, zakonum). Знакъ ů входитъ въ употребленіе только въ XV ст.

Начертаніе ů указываетъ на происхожденіе обозначаемаго имъ звука изъ uo. Свидѣтельства о такомъ (двугласномъ) выговорѣ долгаго о начинаются съ XIV ст.: wduowi (Клем. пс.), buoh, swuoi, duom (Пасс.), wuole (Виттенб. пс.).

Наконецъ uo восходитъ къ болѣе древнему протяжному ó (въ рукописяхъ o, oo, ó), которое въ памятникахъ XIII ст. употребляется исключительно, а въ рукописяхъ XIV ст. преобладаетъ надъ uo, ú: konom, boh, poslów.

На основаніи данныхъ, собранныхъ проф. Гебауэромъ (Histor. mluv., I, 243—244) можно сдѣлать слѣдующее заключеніе о перемѣнахъ въ выговорѣ долгаго о въ литературномъ языкѣ: ó держалось до XV ст.; но рядомъ съ нимъ уже въ пол. XIV ст. развилось uo, а изъ послѣдняго около того же времени ů, при чемъ uo преобладало въ XV ст., а ů въ XVI ст.; процессъ перехода ó—uo—ů совершился въ теченіе XIV—XVI ст.

Древнія ó и uo до сихъ поръ сохранились въ восточныхъ нарѣчіяхъ, въ Моравіи и Силезіи; напр.: mój, tvój, dvór, kozle, pokoj, kroj; особенно часты дательные пп. множ. ч., съ краткимъ o: chlapom, nožom, polom; nuož, kuoň, stuol, muoj. Въ сѣверно-опавскомъ гов. uo замѣняетъ всякое o, долгое и краткое, вслѣдствіе утраты въ этомъ нарѣчіи различія количества гласныхъ. Равнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ (ляшское и валашское нар.) ů, слышное также и въ Моравіи, сокращается въ u: bul (род. п. boli), ruh (род. п. roha).

Иногда въ говорахъ (особ. моравскихъ) вм. ó слышно ou: při-koupek, vouz, rouža, hrouza.

Переходъ ó — въ uo называютъ расширеніемъ, а измѣненіе uo въ ū—стяженіемъ. Аналогичныя явленія представляютъ и нѣкоторые другіе славянскіе языки—малорусскій, польскій, сербо-лужицкій, словинскій; напр. куонь, кунь (сѣв.-малорусск.), bóg (польск., въ древн. памятн. buog) род. п. boga, bóh (верх.-лужиц.— произносится buoh), bug, buh (хорут.-крайн., гориц. гов.), buog (венец. г.). Поэтому едвали слѣдуетъ объяснять чешскій переходъ ó—uo—ů вліяніемъ древне-нѣмецкаго языка, въ которомъ наблюдается тотъ же самый звуковой законъ (tôn—tuon—thun). Ср. Gebauer, Histor. mluvnice, I, 246—247.

Кромѣ общеславянскаго значенія (Boha, ženo) o иногда соотвѣтствуетъ старо-слав. ъ: ṙachot, chrapot, bleskot, večeros (древн. чеш.).

Свойственная всѣмъ славянскимъ языкамъ перегласовка o въ e послѣ мягкихъ согласныхъ, въ чешскомъ выдержана довольно послѣдовательно, напр. lice, duše, jeho; но въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются отступленія отъ этого закона; именно: 1) въ литературномъ языкѣ: а) въ падежныхъ окончаніяхъ дат., мѣст. пп.—oračoví, им. п. мн. ч. oračove, род. п. мн. ч. oračův (др. ч. oračóv), дат. п. мн. ч. oračům (др. ч. oračóm); въ древн. яз. также дат. им. п. дв. ч. oračoma, mořoma; б) въ производственномъ слогѣ ov: otcóv, otcova, bičovati; 2) въ народныхъ говорахъ (преимущественно моравскихъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ падежныхъ окончаніяхъ кромѣ вышеуказанныхъ: dušo, káčo, mořo, lico, polo, našo, čoho, čomu, v čom, ve všom.

Независимо отъ перегласовки, имѣющей мѣсто послѣ мягкихъ согласныхъ иногда o чередуется съ e послѣ твердыхъ согласныхъ: 1) tebou, sebou (др. ч. tobú, sobú), діалект. дат. п. tebě, sebě (дулѣбск., морав. гов.) вм. обще-чешск. tobě, sobě; 2) въ мѣстоименіяхъ kto (ново-чешс. kdo), čso (ново-чешс. co), kte, čse—ново-чешс. ce; 3) въ нарѣчіяхъ на — mo и ko (въ старомъ яз.): kamo—kame, tamo—tame, tako—take; въ новомъ языкѣ обыкновенно исчезаетъ o—e: kam, tam, jak и т. д.

Въ выраженіяхъ, образованныхъ съ помощью предлоговъ k, v, z, s, гласный o слова, слѣдующаго за предлогомъ, удлинялся въ ó, которое въ свою очередь переходило въ uo — ů; напр. k-oku, k-óku, k-uoku, k-ůku, z-ohně—z-óhne, z-uohne, z-ůhne и т. д. Съ теченіемъ времени въ яз. опять начало возстановляться первоначальное o. Въ современной чештинѣ слѣды этого древняго явленія сохранились лишь въ нарѣчіяхъ: vůbec (др. ч. v-obec, vuobec), vůči (др. ч. v-óči, v-uoči).

Въ иностранныхъ словахъ, издавна вошедшихъ въ чешскій яз., o, ó замѣнились черезъ u, ú (ou): Jakub, (Jacobus), Mikulaš, Šalomoun, Koruna, biskup, trumpeta, citroun.

I, í, y, ý.

Въ современномъ литературномъ языкѣ i и y обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ, который произносится какъ обыкновенное русское и. Такимъ образомъ пра-славянскія и, ы въ чешскомъ яз. не различа-

ются, звучатъ совершенно одинаково; напр. byly (былы) и bili (били); ryba, byt, mysl, syn произносятся риба, бит, мисль, син. Въ современной графикѣ начертаніе y удержалось лишь по традиціи, употребленіе его обусловливается требованіями этимологіи; оно выступаетъ тамъ, гдѣ въ старо-слав. яз. было ы; напр. býk, obyčej, býti, vysoký, my, myš, myto, jazyk, sýr, kosy, sokoly (вин. п.).

Въ старомъ языкѣ y произносилось иначе, чѣмъ i, вѣроятно такъ, какъ современное русское и польское ы. На это указываютъ слѣдующія данныя: 1) въ чешско-латинскихъ грамотахъ старо-слав. ы передается черезъ ui (Buitsow, Buitic, Buistrice ср. выше стр. 37); 2) хотя въ большинствѣ чешскихъ памятниковъ употребленіе i, y весьма запутанное, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. въ Индрихо-Градецкой грам. 1388), i послѣдовательно соотвѣтствуетъ старо-сл. ы; 3) Гусъ (XV ст.) категорически свидѣтельствуетъ о существованіи зв. y, отличнаго отъ i, при чемъ правильно описываетъ его природу и настаиваетъ на болѣе точномъ и послѣдовательномъ обозначеніи его въ письменности; 4) въ теченіе XVI ст., съ улучшеніемъ правописанія, i, y употребляются правильно, гдѣ имъ слѣдуетъ быть по требованіямъ этимологіи. Исчезновеніе звука y и переходъ его въ i совершился вѣроятно въ XVII—XVIII ст. Нѣкоторые слѣды древн. ы удержались въ говорахъ Моравіи и Силезіи; въ дольно-бечевскомъ говорѣ y звучитъ нѣсколько шире, чѣмъ i, въ староицкомъ и границкомъ—какъ польское y.

Гласный i (y) можетъ быть краткимъ и долгимъ: zima, nositi, písmo, síla, bystry, myš, mýti. Въ народной рѣчи i, í нерѣдко смѣшиваются.

Кромѣ общеславянскаго значенія (viděti) гл. i (í) 1) иногда замѣняетъ пра-слав. ь: Stibečna, Lystimir, dibri, krzysta (въ древн. памятникахъ), Lihota (лашск. нар.); 2) возникло (черезъ перегласовку) изъ болѣе древнихъ u, iu, ú, iú: oračí (oračiu), duši (dušu), duší (dušiú). Ср. выше стр. 65); 3) является результатомъ съуженія é, ie: plamének—plamínek, hřích (hřiech). Ср. выше стр. 66.

Въ народныхъ говорахъ долгія ý, í (послѣ c, z, s, č, ž, š) звучатъ какъ ej: dobrý—dobrej, pýcha—pejcha, mlýn—mlejn, zíma—zejma, vozík—vozejk, lesík—lesejk, duší—dušej (тв. п.), kůží—kůžej, ubozí—ubozej (им. п. мн. ч.). Переходъ ý (í) въ ej весьма распространенъ въ нарѣчіяхъ чешскихъ и западно-моравскихъ; въ восточной Моравіи и

Силезіи большею частью удерживается ý или является другой гласный (напр. e), a ej встрѣчается лишь изрѣдка. Въ современномъ литературномъ языкѣ совсѣмъ не допускается выговоръ ý какъ ęj за исключеніемъ немногихъ собственныхъ именъ, напр. Stęjskal.— Примѣры перехода y въ ęj оказываются уже въ памятникахъ кон. XIV ст. (ср. выше стр. 43). Но въ томъ же XIV ст. вм. ęj весьма часто ąj: duše wąjducz z têla (Св. Витск. сб.), bayty, swatay Jakub, slaychatí и др. До конца XVI ст. ý, ąj, ęj въ равной степени употребительны въ памятникахъ. Взаимныя отношенія этихъ звуковъ, по мнѣнію проф. Гебауэра (Hist. Mluvn., I, 281), нужно представлять слѣдующимъ образомъ: ý расширилось въ ąj, а изъ ąj черезъ перегласовку (см. выше стр. 63) образовалось ęj. Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ существуетъ другое (акад. Ягича, Arch. f. Slav. Phil., XVI, 517—518), по которому древнимъ признается ęj, а ąj считается позднѣйшею замѣной ęj, явившейся въ ту пору, когда въ графикѣ вошло въ обычай писать ąj вм. ęj. Послѣдній взглядъ, кажется, надо признать болѣе правильнымъ, такъ какъ 1) ąj не сохранилось въ живыхъ говорахъ, даже въ тѣхъ, которые не знаютъ перегласовки a въ e, a потому и не можетъ быть признано болѣе древнимъ, чѣмъ ęj; 2) происхожденіе ęj—изъ ý болѣе понятно чѣмъ ąj: ý отчасти представляетъ удлиненіе пра-славян. ъ, а послѣднему въ чешскомъ обыкновенно соотвѣтствуетъ e.

Въ моравскихъ говорахъ наблюдаются и другія замѣны первоначальныхъ y, i. Такъ въ ганацкомъ и дольно-бечевскомъ и др. вм. y, i--слышится обыкновенно e: rebe (рыбы), sen, bel, bék, mesl, žene (вин. п. множ. ч.), me, ve, žeto, šeroke, sleva, křéž. Изрѣдка e вм. y и въ чешскихъ говорахъ: meslím, belo, ve, kobela (Керконоши, Домажлицы). Въ ляшскомъ нар. вм. y—слышно u: bul (жен. р. byla), krul (жен. р. kryla), vĉul, ďjura (díra) и др.

U, ú, ou (au).

Гласный u можетъ быть краткимъ и долгимъ—u, ú (ou): dub, dubu, úřad, rukú—rukou, súd—soud.

Въ современномъ литературномъ языкѣ и народной чештинѣ долгое ú звучитъ какъ двугласное ou: soud, nesou, nouze, rukou. Въ литературномъ яз. ú удержалось только въ началѣ словъ; напр.: údolí, úřad, účinek, únor (февраль), ústa, úzky и т. п.; но въ народной чештинѣ всюду — въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ—только ou: oudolí,

ouřad, ousta и т. д. Исключеніе составляетъ домажлицкое нарѣчіе, въ которомъ иногда слышно ú: přidú, kúsek, dlúho.

Въ противоположность говорамъ Чехіи, въ говорахъ Моравіи и Силезіи ú сохраняетъ свой древній выговоръ: súd, rukú. Древніе памятники (до 2-й трети XIV в.) представляютъ только u. Двугласное ou образовалось изъ u не прямо, а черезъ au, которое и выступаетъ въ старинныхъ памятникахъ, начиная со 2-й трети XIV ст.: in Zakauti (Regesta 1337), tropauss sedlak (грам. 1373 г.), wykaupye (Св.-Витск. сб.), hlawau, rukau и др. Переходъ ú—въ au можно назвать расширеніемъ. Онъ аналогиченъ переходу ó—въ uo и ý—въ ej (ср. выше стр. 70). Съ начала XV ст. вм. au стало слышаться ou, которое съ XVII ст. беретъ окончательный перевѣсъ надъ au. Тѣмъ не менѣе въ памятникахъ XV—XVI ст. встрѣчаются всѣ три обозначенія долгаго u: ú, au, ou. Начертаніе au по традиціи держалось до половины нынѣшняго столѣтія (au писалъ и Палацкій). Со времени правописной реформы 1849 г. окончательно вошло въ употребленіе ou. Переходъ au — въ ou можно назвать уподобленіемъ, такъ какъ о, развившееся изъ а, занимаетъ середину между a и u и является результатомъ стремленія языка уподобить выговоръ перваго элемента (a) двугласнаго второму (u).

Гласный u (ú) соотвѣтствуетъ пра-славянскому u (duch, chlopu) и сверхъ того, возникши на чешской почвѣ, замѣняетъ 1) пра-слав. и старо-слав. ѫ, напр. nesu, nesou, rukou (ср. выше стр. 60); 2) пра-слав. и старо-слав. ъ въ предлогѣ къ (передъ губными) преимущественно въ старомъ языкѣ; напр.: ku příkladu, ku pomoci, ku Praze (но k lesu) и 3) старо-слав. въ (только въ старинномъ яз.) uběhnúti— н.-чеш. vběhnouti, upustiti н.-чеш. vpustiti, u-město н.-чеш. v-město.

Послѣ мягкихъ согласныхъ u (точнѣе iu) переходитъ въ i, напр. duši (вин. п.), duší (тв. п.). Ср. выше стр. 65.

Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ u и ú чередуются съ o и ó: tróbit, rukó, budó, nesó (3 л. мн. ч.), na mó došo (дольно-бечевск. г. и ганац. н.; въ первомъ только долгое ú звучитъ какъ ó, во-второмъ u краткое).

Во многихъ моравскихъ говорахъ (валашское, ляшское, злинское нар.) вм. u слышно иногда y: а) въ нарѣчіяхъ: z mlady вм. z mladu, z novy вм. z novu, od hlady, z domy, po česky вм. po česku и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: byď, byďte, slychy.

Слогообразующіе r (r̥), l (l̥), m, n (m̥, n̥).

Чешскій языкъ, на ряду со словацкимъ и сербо-хорватскимъ, имѣетъ гласные или слогообразующіе r, l, которые въ обыкновенномъ письмѣ обозначаются начертаніями одноименныхъ согласныхъ[1]): trn, držeti, hrdlo, zrno, krčma, prst, srdce, srna, vlna, vlk, plný, mlklý, Plzeň.

Въ современномъ литературномъ яз. гласные r, l только кратки; но въ старинномъ яз. они могли быть и долгими: hr̄dati, kr̄mil, wr̄czi (Гусъ). Эта долгота доселѣ удержалась въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (напр. валашскомъ, злинскомъ) vl̄ča, vl̄ček, tr̄n, vr̄ba, stl̄kat.

Чешскіе гласные r, l развились: 1) изъ пра-славянскихъ **ръ, лъ, рь, ль**: brva (старо-слав. бръвь, р. бровь); drhati (старо-сл. дръжати, р. дрожать), krt (старо-сл. крътъ, р. кротъ), krvi (им. п. krev), hltati, slza, hřmieti, klnu (старо-слав. кльнѫ), klvati (р. клевать), bratr, mohl, mysl; 2) изъ пра-славянскихъ **ър, ъл, ьр, ьл**: hrb (р. горбъ), hrdlo (р. горло п. gardło), hrdý (р. гордый), krčma (р. корчма, п. karczma), brzý (п. barzy), drn (р. дернъ, п. darń), mrtvý (р. мертвый, п. martwy), prs (р. перси, п. pierś), prvý (р. первый, п. piervy), srdce (р. серце, п. serce), srp (р. серпъ, п. sierp), vrba (р. верба, п. wierzba), zrno (р. зерно, п. ziarno). Въ старо-славянскомъ языкѣ въ томъ и другомъ случаѣ чешскимъ r, l соотвѣтствуютъ сочетанія **ръ, лъ, рь, ль**: гръло, влъкъ, сльза, прьвий[2]).

Сверхъ того въ позднѣйшую историческую пору въ отдѣльныхъ словахъ и по частнымъ нарѣчіямъ гласные r, l могли возникнуть изъ **ir, yr, il, yl, ri, ry, li, ly, er**, напр.: Krchov (нѣм. Kirchhof), srka (sirka) — въ ляшск. нар., slny (silny) — въ ходск. нар., klč (klič) — въ злинск. нар., vrtel (vertel) въ опавск. нар. и т. д.

Гласные r, l составляютъ исконную особенность чешскаго вокализма. Указанія на эти звуки содержатъ уже древнѣйшіе памятники языка (ср. выше стр. 37). Нужно думать, что въ старинномъ языкѣ они представляли собою правильныя и послѣдовательныя соотвѣтствія пра-славянскимъ сочетаніямъ **ръ, лъ, рь, ль, ър, ъл, ьр, ьл**. Но съ

[1]) Въ научныхъ сочиненіяхъ гласные r, l обозначались знаками r̥, l̥.

[2]) Въ этихъ **ръ, лъ, рь, ль** нѣкоторые ученые видятъ указаніе на гласные р, л (ср. наши „Лекціи“, ч. I, стр. 84). Противоположное мнѣніе, отрицающее существованіе гласныхъ р, л въ старо-славянскомъ языкѣ между прочимъ нашло подкрѣпленіе въ новѣйшей работѣ Облака (Arch. f. Slav. Phil. Bd. XVII, 438—441. Ср. нашу статью въ Унив. Изв., 1896 г. май. Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію за 1895 г.).

теченіемъ времени при r, l стали развиваться гласные звуки и послѣдовательность употребленія въ языкѣ слогообразующихъ r, l стала колебаться; рядомъ съ r̥, l̥ появились другія звуковыя группы: er, el, ri, li, lu. Такія уклоненія отъ стараго закона наблюдаются какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ живыхъ народныхъ говорахъ.

Наиболѣе важны переходы r̥ въ er и l̥ въ lu.

Въ современномъ яз. (литературномъ и народномъ) послѣ č и ž всегда слышно er въ тѣхъ случаяхъ, когда за r̥ слѣдовалъ еще согласный; напр.: čerpati (др. ч. črpati), černý (др. ч. črný), čerstvý (črstvý), čert (др. ч. črt), červ (др. ч. črv), žerd (др. ч. žrd), žernov (др. ч. žrnov). Слова črta, črtati—неправильныя новообразованія. Въ народныхъ говорахъ er выступаетъ и послѣ другихъ согласныхъ; напр.: smerť, perve, deržeti (керконошск. г.), serce, sernec, kerk (домажлицк. г.), věter, brater, braterský, braterstvo (ляшск., валашск. нар.). Въ тѣхъ же говорахъ иногда слышно el вм. l̥: pelný, melha, velna, mysel.

Примѣры перехода čr̥, žr̥ въ čer, žer встрѣчаются уже въ памятникахъ нач. XIV ст. (zcerni), но развитіе этой звуковой черты падаетъ на вторую половину XIV ст. и первую половину XV ст.

Гласный l̥, находясь между двумя согласными (формула tl̥t), въ современномъ языкѣ еще чаще подвергся полной вокализаціи чѣмъ r̥. Обыкновенно вмѣсто l̥ слышно lu: člun, člunek (др. ч. čln), dlubu, dloubati, dluh, dluhý (др. ч. dlhy), hluk, Chlum (др. ч. Chlm), kluk, mluva, mluviti (старо-сл. млъвити, р. молвить, п. mówić), pluk, slunce, slza—въ говор. sluza (дулѣбск., ляшск.), tluku, tlouci, tlupa, žlutý. Почему въ однихъ случаяхъ l̥ удержалось, въ другихъ перешло въ lu—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ lu восходитъ къ глубокой древности и лишь въ немногихъ случаяхъ вмѣсто новаго lu памятники представляютъ еще болѣе древнее l̥; напр. czlnek (Bohem. 1379), szlczy (XV в.) нов. ч. žluč.

Сверхъ того въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются другія замѣны древне-чешскихъ r̥, l̥: 1) ri (ry)—ir (yr), li (ly)—il (yl): sryp, hrynec, vryba, sryna, smryć и kyrk, syrp, hyrnec, Byrma (ляшск. нар.), vityr, butyr (зап.-мор. нар.), płyť (plť), vlik, vlina, řekyl, padyl (зап.-мор. н.), vylk, vylna (валашск., ляшск., опавск. нар.). По замѣчанію Бартоша (Dialekt. Morav., I, 104), i, y при r, l въ этихъ случаяхъ произносятся почти такъ какъ полугласные; 2) ro, lo, ol, ul, напр. kroz, skroz (skrz) (зап.-мор.), sloza, slozet

(ганацк. нар.), klobasa, k molweny (Оломуц. рук. XV в.), žulty (вост.-морав.); 3) re, le; напр. kret (опавск., ляшск., валашск. нар.), blecha (др. ч. blcha), plet (др. ч.) род. п. plti, krev род. п. krve и krvi. Впрочемъ, re, le быть можетъ не слѣдуетъ разсматривать какъ замѣны r̥, l̥. Ср. Gebauer, Histor. Miuvn., I, 297—98.

На ряду съ r и l гласное значеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ имѣть m, n, ň (nasalis sonans). Сюда относятся числительныя sedm, osm (морав. sedn, osn) и заимствованныя слова въ родѣ Rožmberg, Licmburk и др. Въ старинномъ литературномъ языкѣ такихъ словъ было бо́льше; blázn (н. blázň), bázn (н. bázň), kázn (н. kázň) и другія подобныя слова произносились какъ двусложныя, что̀ явствуетъ изъ употребленія ихъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ гласные n, ň и теперь довольно распространены. Такъ въ злинскомъ и валашскомъ (Фристачко, Луковско) нарѣчіяхъ, кромѣ sedn, osn наблюдается значительное количество словъ, въ которыхъ i, í послѣ ň исчезло, а ň получило гласное значеніе и притомъ сохранило различіе въ количествѣ, можетъ быть краткимъ или долгимъ; напр.: oň (oni), aň (ani), špelňúň, ňgdy (nikdy), ohňpara, vlasň̄ (vlastní), kň̄že (kníže), peňze, dva dň, kň̄m (ním).

Слогообразующіе m̥, n̥, ň̥ нельзя разсматривать какъ пра-чешскую особенность. Они развились въ историческую пору.

Пра-слав. tert, telt=trêt, tlêt, пра-слав. tort, tolt=trat, tlat.

Относительно соотвѣтствій пра-славянскимъ сочетаніямъ формулъ **tert** (telt) и **tort** (tolt) чешскій языкъ находится въ одной группѣ со старо-славянскимъ, словацкимъ и южно-славянскими языками и отличается съ одной стороны отъ русскаго (полногласіе, **teret**, **torot**), съ другой отъ польскаго и лужицкаго (**tret**, **trot**).

Изъ пра-слав. **tert** (telt), черезъ перестановку и удлиненіе e образовалось **trêt** (tlêt). Гласный ê соотвѣтствуетъ старо-слав. ѣ и въ чешскомъ звучалъ какъ двугласные ě, ie, изъ нихъ ě въ новомъ яз. обыкновенно перешло въ e, а ie въ í (ср. выше стр. 69). Примѣры: **břěh** — н. ч. břeh (старо-слав. брѣгъ, сербо-хорв. бриjег, брег, р. берегъ, п. brzeg, пра-слав. berg), břiemě — н. ч. břímě, břieza — bříze, dřevo, středa, třeba, vřeteno, mléko, plen, mřieti—mříti, mléti—mlíti.

Изъ пра-слав. **tort** черезъ перестановку o и удлиненіе его въ a образовалось **trat**. Примѣры: brada (старо-сл. брада, р. борода, сербо-

хорв. брада, п. broda, пра-слав. borda, др. нѣм. bart), brazda, dráha, hrad, hrách, kráva, kral, mráz, práh, blato, hlad, hlas, mládý, sláma и др.

Ср. Лекціи по слав. яз. Ч. I, стр. 29, 87, 261, 240.

Долгота и краткость гласныхъ.

Чешскій языкъ различаетъ количество гласныхъ, ихъ долготу и краткость.

Каждый гласный можетъ быть краткимъ и долгимъ. Исключеніе составляютъ r̥, l̥, которые въ настоящее время звучатъ только какъ краткіе гласные. Впрочемъ въ древнемъ языкѣ и нѣкоторыхъ современныхъ народныхъ говорахъ встрѣчаются указанія и на долготу r̥, l̥ (ср. выше стр. 75).

Долгіе гласные отличаются отъ краткихъ прежде всего болѣе протяжнымъ выговоромъ того же звука, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ указано выше) долгота выразилась въ измѣненіи природы звука, такъ ó (ō) въ современномъ языкѣ звучитъ какъ ů, ú какъ ou, ý (въ народномъ языкѣ) какъ ej. Соотвѣтствія долгихъ и краткихъ гласныхъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Краткіе гласные: a, e, ě, i, o, u, y, r̥, l̥.

Долгіе гласные: á, é, ie, í, ó, ů (uo), ú, ou, ý (ej), r̥, l̥ (въ нар. г.).

Примѣры: ruka, mráz, nebe, dobrého, věrny, vieru, nositi, píji, oko, kůň, kóň (kuoň), ruku, rukú—rukou, vysoký, býk (bejk), srna, vlk.

Относительно различенія количества гласныхъ чешскій яз. сближается со словацкимъ, сербо-хорватскимъ и отчасти кашубскимъ (ср. Лекціи по славянск. яз., ч. I, стр. 261—264, 420—422).

Въ славянскомъ праязыкѣ несомнѣнно существовало различіе между долгими и краткими гласными. Чешскій языкъ вынесъ изъ общей родины принципъ различенія количества гласныхъ, утраченный многими другими родственными языками, но далъ этому принципу (что мы видимъ и въ сербо-хорватскомъ яз.) своеобразное развитіе и примѣненіе. Количество чешскихъ гласныхъ почти не совпадаетъ съ предполагаемымъ количествомъ пра-славянскихъ. Такое совпаденіе можно съ достовѣрностью установить только для нѣкоторыхъ краткихъ слоговъ (nesu, mohu). Что касается чешскихъ *долготъ*, то онѣ возникли уже исключительно на чешской почвѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности.

Болѣе древними нужно считать тѣ долготы, для которыхъ оказываются соотвѣтствія въ долготахъ сербо-хорватскаго языка, или въ удареніи и особомъ чередованіи звуковъ другихъ родственныхъ языковъ, уже не различающихъ количества гласныхъ, напр. великорусскаго, малорусскаго, польскаго и сербо-лужицкаго; напр. въ слѣдующихъ словахъ: mouka (сербо-хорв. мȳка), súd—soud (сербо-хорв. сȳд), dráha (русс. доро́га), hrách (сербо-хорв. гра̂х, русс. горо́хъ), kráva (сербо-хорв. кра́ва, русс. коро́ва), mráz (сербо-хорв. мра̂з, русс. моро́зъ), břieza—bříze, móžeš—můžes — но mohu (русс. могу́, мо́жешь), bůh—boha (польс. bóg—boga, в.-луж. bób—boha), stůl—stola (польс. stół—stołu, малорус. стіл—стола), teku—utiekaju—utíkam.

Во многихъ случаяхъ долгіе гласные образовались черезъ стяженіе двухъ краткихъ; напр.: báti se (bojati se), děláš (delaješ), má (moja), vévoda (vojevoda), znamení (znamenije) и др. (ср. ниже о стяженіи гласныхъ). Въ другихъ случаяхъ они возникли черезъ удлиненіе первоначально-краткихъ гласныхъ; напр.: stojim - stůj (пов. н.), noha—nóh (род. п. мн. ч.), rak—ráček, kladu—nakládam, rostu—vyrůstám, pustím—pouštim, daleko—dále, vysoko—výše.

Количество гласныхъ не отличается постоянствомъ и неизмѣняемостью; какъ въ корняхъ, такъ въ основахъ и флексіяхъ, долгота и краткость чередуются между собою; напр.: kůň, koňe, síla—sil, kázati—kazatel, půjdu—půjdou и т. п. Къ этому присоединяется діалектическое различіе: въ различныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ одни и тѣже слова произносятся то съ краткими, то съ долгими гласными; напр. въ чешскихъ говорахъ слышны то kosa, smola, struha—то kůsa, smůla, strouha и т. п.; въ моравскихъ говорахъ—blato, žaba и т. п. вм. литературн. bláto, žába и т. п. и наоборотъ: vudá, vukno, fára, pápež, vráta вм. чешскихъ voda, okno, fara, papež, vrata и т. п.; въ нѣкоторыхъ говорахъ наблюдается особое стремленіе къ преимущественному употребленію краткихъ гласныхъ, напр. въ ганацкомъ нарѣчіи каждое í сокращается въ i: bida, dil, mir, vira, litat, na polich и т. д.— Количество гласныхъ въ старомъ письменномъ языкѣ трудно опредѣлить съ точностью вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ древнечешской графики; но въ общемъ оно, нужно полагать, существенно не отличалось отъ количества новаго языка.

Неустойчивость и непостоянство количества чешскихъ гласныхъ создаютъ большія трудности для систематическаго и полнаго изложе-

нія ученія объ этой характерной особенности чешскаго вокализма. Общія причины измѣненія количества гласныхъ, законы чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ еще не найдены. Только для отдѣльныхъ группъ явленій можно намѣтить рядъ такихъ болѣе или менѣе общихъ причинъ. Сюда относятся: 1) требованія звуковыя (стяженіе гласныхъ, вліяніе j): dobrého, stůj; 2) измѣненіе объема слова: mráz р. п. mrazu, nůž — nože (р. п.), sníh — sněhu, síla — sil, noha — nóh, souditi — sud; 3) требованія этимологическія, напр. въ глаголахъ многократнаго вида, гдѣ долгій гласный соотвѣтствуетъ стремленію языка оттѣнить длительность дѣйствія: lámati, pomáhati, dávati, provázeti, ostouzeti (но ostuditi), slýchati (но slyšeti); 3) вліяніе ударенія: hrůza, kůra, růsa, kámen, lípa, máti, síla, bíti, píti; 4) дифференціація значенія словъ: zima (холодъ) и zíma (зима), město (городъ) и místo (др. ч. miesto—мѣсто), děvka (служанка) и dívka (дѣвушка), domysl и důmysl, hora и hůra, hrozny и hrůzny, lhota и lhůta и т д.

Нѣкоторые частные случаи взаимоотношенія краткихъ и долгихъ гласныхъ указываются ниже при изложеніи формальныхъ особенностей чешскаго языка.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ въ чешскомъ языкѣ такъ же широко распространено, какъ въ сербо-хорватскомъ. Два гласныхъ, стоявшихъ рядомъ, обыкновенно стянулись въ одинъ долгій, при чемъ пропалъ слогъ, не имѣвшій ударенія; напр.: moja—má, neudátny—núdatny (др. ч.), čuješ—čúš.

Чаще всего стяженіе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между двумя гласными было j; именно:

aja стягивается въ á: láti (lajati), báti se, dobrá, pěšá (pešaja)—pešie—peší (нов. яз.), kázn—kázeň (н. ч.).

aje стягивается въ á: děláš, dělá, znám.
eje „ „ „ ie (н. ч. í): pěšie—pěší.
eji „ „ „ í: jí, naší, vší (д. м. г. ед. ч. ж. р.).
eju „ „ „ ú: našú (našou тв. п.).
eja „ „ „ á: ďál (dejal).
ěje „ „ „ ie (í): smieš (smíš).
ije „ „ „ ie (í): pěšiem (pěším), znamenie—znamení.
iji „ „ „ í: dobří (dobriji).

ija стягивается въ á (ie, i): znameňá—znamení, přátel (р. п. мн. ч.).
iju " " " ú (i): znameňú—znamení).
oja " " " á: má, státi, pás, bázeň.
oje " " " é: mé, ménu, vévoda.
oju " " " ú: mú (mou).
uje " " " ú: čúš.
uju, ujú " " " ú: dobrú—dobrou (вин. и тв. п. ед. ч. ж. р.).

Другіе примѣры стяженія: a—i въ á въ prám, prál (вал. н. вм. pravim); a—o въ a: naheň (=na-oheň—Штитн.), načitý (naočity) др. ч.; e—o въ ó: notpočinúti (др. ч.); e—u въ ú: núdatný (neudatný); i—a въ á: ďábel; o—a въ a: Jan, Jachym; u—o въ ū (ů): dům (duom ср. выше стр. 71—72).

Стяженіе гласныхъ представляютъ уже древнѣйшіе памятники чешскаго языка; оно восходитъ къ до-исторической порѣ.

Зіяніе.

Зіяніе устраняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ стяженія появленіемъ между гласными согласныхъ v, j, h: 1) vajce, rukovět, voko (народн.), černovoký, přivuzný, pavouk (др. ч. pauk); 2) japoštol (Пасс. Клемент.), jest, jíti, jítro, joči (злин. н.); 3) hapatyka, herb, Holomúc (нар. г.), hulica (морав. н.).

Въ народныхъ говорахъ то остается зіяніе, то устраняется посредствомъ одного изъ указанныхъ согласныхъ; напр.: jiny—iny, černooky (литер.)—černovoky, černojoky, černohoky (народн. гов.).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Въ чешскомъ языкѣ весьма часты случаи исчезновенія гласныхъ, особенно въ концѣ и срединѣ словъ. Наиболѣе обыкновенно исчезновеніе e (é, ě), i, затѣмъ могутъ исчезать o, u, a; 1) e: а) dvacet, třicet, čtyřicet (cet = dset = deset), mecítma (= mezi-desitma, напр. čtyřimecítma = čtyři mezi (dvěma) desítkama = 10+4+10, т. е. 24); б) j'ho, j'mu, ho, mu, našho (морав. г.); в) jsem, jsi (jesm); г) въ нарѣчіяхъ сравн. и превосходн. степ.: dále, blíže, více, vyše и т. п.—dál, bliž, nejblíž, также prvé—prv, nejprv; д) въ частицѣ že—když(e), budiž(e), kteryž(e); е) въ pondeli, pohřeb род. п. pohřbu, čekati—počkati. 2) ě (ē): а) въ повелит. накл.—nesme, neste; б) въ имен. п. многихъ словъ образца duše: zem (země), hráz (hrazě), postel (postele); в) zas (zase), přec

(před se), zvlašť, krom(ě), skrz (др. ч. skrzě); 3) i: а) въ вин. п. ед. ч. многихъ словъ типа duše: zem (вм. zemi = zemiu), hráz, postel и др.; б) въ прич. наст. жен. р.—др. ч. nesúcí—нов. ч. nesouc, kupujucí—kupujíc, trpiecí—trpíc; в) въ оконч. неопредѣл. накл.—nest(i), nosit(i), volat(i); въ народныхъ говорахъ въ этой формѣ конечное i обыкновенно не слышно; тоже часто наблюдается и въ литературномъ яз.; г) въ 2 и 3 л. повелит. накл.: nes(i), trp(i), pros(i), prosme, proste; д) въ 3 л. множ. ч. глаголовъ образца umějí, dělají, sázejí (въ народн. говорахъ): umějʼ, dělajʼ, sázejʼ; е) въ сравнит. степ. нарѣч.: radějʼ (изъ radějі = др. ч. radějie), častějʼ, lehčějʼ; ж) во 2 л. един. ч. jsʼ sʼ (вм. jsi, si): ty jsi nesl, ty sʼvolal; з) въ энклитическихъ частицахъ si, ti: kdosʼ, komusʼ, kdysʼ; и) въ отдѣльныхъ словахъ: velký (veliky), pšence (нар.) вм. pšenice, hned (др. ч. inhed, ihned; 4) o: an, ana, ano (=a-on, a-ona, a-ono), ande (=a-onde), neb (вм. nebó), bychme (вм. bychome), nic, tam, kam, jak, tak (вм. tako), v nabě straně (др. ч.), dopata (др. ч. вм. do opata); 5) u: а) въ дат. п. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоимен. и сложн. скл.: Pan Bůh jemʼ odpusť, tom dobrem člověkovi (морав. гов.), kaapostolskem sboru (Град. сб.); б) въ род. и дат. п. domu и въ нар. domu (domů): navrać se do dom, idem dom; 6) a: Lojza изъ Alois, začla (вм. začala), zapli (zapali въ морав. гов.).

Вставочными гласными чаще всего бываетъ e: а) mozek, oheň, báseň и др.; б) въ род. п. множ. ч.—bitev, božstev, oken, vesel, modlitev; в) mohel, pekel (народн. гов.); г) křiďelko; д) sedem, osem (силезск. н.). Затѣмъ въ народныхъ говорахъ вставочными звуками являются a: stebal, védár (ходск. н.); o: som (дулѣб.), sedom, pékol (мор. г.); u: sedum, osum (чешск. и морав. г.); i (y): sedym, osym (опавск. н.).

Б) Согласные.

L. R, ř. N, ň.

Въ современномъ литературномъ языкѣ (а также въ народныхъ говорахъ Чехіи) существуетъ только одно l—среднее, напоминающее нѣмецкое l (напр. въ словѣ loben) и звучащее одинаково какъ передъ твердыми такъ передъ мягкими гласными: chvala, vůle, učitel, lid.

Полагаютъ (Гебауэръ), что въ древнѣйшую до-историческую пору въ чешскомъ языкѣ было троякое l: среднее (l), твердое (ł) и мяг-

кое (l'), напр. chváła, chvaliti, chval'en. Съ теченіемъ времени мягкое l' слилось со среднимъ. Въ историческую пору извѣстны уже только два l—твердое (ł) и нетвердое (среднее), которыя различались въ письменности; напр.: llabut (Mat. Verb.), zpalyll (Алекс. XIV в.), w tielie, weselie (XIV в.). Различіе въ выговорѣ l признаетъ и Гусъ (Orthographia, ср. выше стр. 11), настаивающій на необходимости обозначать твердое l черезъ l̇. Это различіе держалось въ литературномъ языкѣ и въ XVI ст. (Кралицкая Библія), но въ народномъ языкѣ въ Чехіи оно все болѣе сглаживалось. Наконецъ въ XVII ст. твердое ł совсѣмъ исчезло и осталось одно современное среднее l.

Такая судьба постигла l̇ не только въ чешскомъ нарѣчіи, но и въ западно-моравскихъ говорахъ. Въ восточной Моравіи и Силезіи удержалось твердое ł, которое, впрочемъ, мѣстами звучитъ какъ u; напр.: uheł (уголъ) и uhel (уголь), łež (ложь) и lež, buato, šeu, dau, daua. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ удержалось твердое ł, иногда и среднее l звучитъ смягченно (lj); напр.: pol'e chljeb (дольно-бечев. гов.). Нѣкоторые слѣды твердаго ł сохранились кое-гдѣ въ говорахъ Чехіи, напр. корконошскомъ (chłap, vołał), ходскомъ (buł), дулѣбскомъ (šeu, dau, videu и др.).

Согласный r звучитъ двояко: твердо (r)—какъ русское р передъ широкими гласными (братъ), мягко (ř)—съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ и сербо-лужицк. языкахъ (рж); напр.: hrad, moře.

Мягкое ř возникаетъ подъ вліяніемъ j или одного изъ мягкихъ гласныхъ i, ě, ь, e (первичнаго); напр.: pokora—pokořiti, tvor—tvořiti, křik; pokořě (н. ч. pokoře), kura—kuřě—kuře, střeliti; pekař, stařec, sbeř; bouře (burja), moře (morje), tvoří (tvorju 1 л. ед. ч.); bratr—bratře (зв. п.), beru—beřeš, mru—mřeš, řéci (неопр. н.).— Если e—звукъ вставочный или возникло изъ ъ, то не вліяетъ на смягченіе r; напр.: bratrem, barva—barev.

Иногда r передъ ь и e (первичными) не смягчается въ ř; это бываетъ тогда, когда ему предшествуетъ тоже гласный; напр.: bereš вм. beřeš, ber, berte вм. beř, beřte, doktore, sbore; stařec и starec.

Смягченіе r передъ j вынесено чешскимъ языкомъ изъ пра-славянской эпохи. Смягченіе передъ i, ě, ь, e развилось уже въ историческую пору.

Мягкое ř первоначально звучало какъ ŕ (ŗj), т. е. безъ шипящаго призвука; послѣдній развился по мнѣнію проф. Гебауэра не ранѣе первой половины XIII ст. (ср. выше стр. 38[1]).

Въ народныхъ говорахъ смягченіе r въ ř вообще выдержано послѣдовательно. Отступленія, встрѣчающіяся въ моравскихъ говорахъ, главнѣйше сосѣдящихъ со словацкими, не многочисленны.

Въ старо-чешскомъ, а частью и въ ново-чешскомъ яз. ry частью перешло въ ři (собственно y смѣшалось съ i, а потомъ замѣнилось послѣднимъ, вслѣдствіе чего r стало звучать какъ ř); напр.: rytieř—řitieř, pryč—přič, strýc—střič, Kristus—Křistus, krystal—křištal и т. п.

Мягкое ř передъ шипящими и свистящими измѣняется въ r; напр.: starce (род. п.), starče (зв. п.) вм. stařce, stařče; řku—rceš вм. řceš, rci вм. řci. Впрочемъ иногда ř сохранялось и теперь сохраняется: mořsky.

Ř измѣнилось въ ž въ словахъ žebro (řebro), žebřik. Въ народныхъ говорахъ иногда вм. ř—š: neškuli (ходскій и дулѣбскій гов.= nerku-li), pšišera (přišera дулѣбск. и pšešera нижне-бечв. гов.).

Согласный n можетъ быть твердымъ и мягкимъ — n, ň; напр.: rana, vůňe—vůně.

N смягчается: 1) черезъ соединеніе съ j; 2) передъ i и 3) передъ ě; напр.: vůně (vůne = vónja), raněn, kůň, rana — raniti, honiti (hoňiti), hniti, honění, ohně.

Мягкость ň передъ i, ě въ современной графикѣ не обозначается; ň пишется только на концѣ слова и передъ согласными; напр.: kůň, dlaň, zvoňte, znamení, raně.

Передъ e (какъ первичнымъ такъ возникшимъ изъ пра-слав. ь) n не смягчается; напр.: nebe, nésti, dne, kamene, pane, zemané, ženeš, hrnec. Этою чертою чешскій языкъ отличается отъ словацкаго, польскаго, лужицкаго, русскаго языковъ и сближается съ сербо-хорватскимъ, словинскимъ и частью болгарскимъ языками. Впрочемъ въ восточно-моравскихъ говорахъ (ляшск., грозенк., стицк. г.) ne нерѣдко звучитъ мягко, какъ ňe (въ графикѣ обыкновенно обозначается ně); напр. něsete, mladeněc, sedně (но nebo, pane). Въ ne, né, возникшихъ

[1]) Въ виду ненадежности древне-чешской графики этотъ выводъ проф. Гебауэра, основанный на правописаніи чешскихъ собственныхъ именъ въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, можетъ быть признанъ только отчасти вѣроятнымъ. Не слѣдуетъ ли шипящее ř считать исконною принадлежностью чешскаго языка?

изъ первичнаго nъ или изъ nоје (черезъ стяженіе) n никогда не смягчается и въ народныхъ говорахъ; напр.: honem, krasného.

Равнымъ образомъ не смягчается n и передъ древнимъ ь; напр.: den (дьнь), kámen, křemen, ječmen, pramen, kořen, jelen, plamen, panský, pohanský, vinný. Впрочемъ даже въ литературномъ языкѣ смягченное ň выступаетъ въ такихъ словахъ какъ bázeň, přízeň, baseň, daň, žeň. Здѣсь первоначально было тоже несмягченное n, а ň развилось позже по аналогіи съ другими падежами, напр. род. п. bázni (т. е. bázňi). Въ народныхъ говорахъ восточной Моравіи (нижне-бечв., злинск., валашск., ляшск. нар.) еще чаще примѣры смягченія n передъ древнимъ ь; напр.: kameň, kořeň, paňsky, haňba, hoňba.

N смягчается въ ň въ словахъ заимствованныхъ: 1) въ сочетаніи šn—šň, напр.: šňůra (Schnur), šňupati (schnupfen), šňěrovati (schnüren), šňorek (Schnörkel); 2) въ сочетаніяхъ -nk, -ng, -nch — -ňk, -ňg, -ňch; напр.: čaňk, daňk, šraňk, ryňk, Duriňk, šiliňk, truňk, Melaňchton — Melaňkton, difthoňg и т. п. Такихъ словъ особенно много въ старинномъ языкѣ, въ которомъ (по аналогіи) допускался выговоръ съ мягкимъ ň и нѣкоторыхъ народныхъ словъ, въ настоящее время произносимыхъ въ литературномъ языкѣ только съ твердымъ n.; напр.: účiňky (Гайекъ) нынѣшн. účinky, posuňky вм. posunky, poboňkaři, braňka.

Въ народныхъ говорахъ вм. ně иногда слышно ne въ такихъ словахъ какъ: někdo, něco, někdy, nějak, několik и т. п.; напр.: nehdy, nehde, nekam (дулѣбск нар.), neco, nehdy (домажл. н.), nehdo, neco, nejaké, nekeré, nekolik (нижне-бечв. нар.).

Въ льготецкомъ гов. (валашск. нар.) вм. ň всегда слышно только n: na kona, ke mne, na nu (вм. na ňu) и т. д.

Иногда первоначальное n измѣняется въ m: 1) передъ губными—b, p; напр.: hamba (вм. hanba), klemba, homba, žemba, Štemberk, pámbu (=pán-Bůh, морав. гов.); 2) въ отдѣльныхъ словахъ: mrav (вм. nrav), počem (древне-ч. вм. počen=počav), Mikulaš (Nicolaus), fermeš (vernix), kumšt (народн. гов.).

D, ď. T, ť.

Зубные d, t смягчаются 1) передъ j, а 2) передъ нѣкоторыми узкими гласными (i, ě). Оба вида смягченія существенно различаются между собою.

Пра-слав. dj = z, пра-слав. tj = c. Примѣры: hráze, meze, nouze, příze, viz, vez, jez, rozen, mezi (старо-слав. между, серб. међу), cizi, sazu; svíce (старо-слав. свѣшта), cit, cítiti, píce (старо-слав. пишта), ovoce, plece, nesúc—nesouc, vracen, placen, Rokycěnin, cizi.

Совершенно такое же измѣненіе первичныхъ dj, tj представляетъ сербо-лужицкій языкъ (swěca, měza, mjaza). Сверхъ того смягченіемъ tj въ c чешскій языкъ сближается со словацкимъ и польскимъ (svieca, świeca); напротивъ dj въ каждомъ изъ двухъ послѣднихъ названныхъ языковъ звучитъ dz (miedza). Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ первичныя dj, tj подверглись другимъ своеобразнымъ измѣненіямъ (въ старо-славянскомъ — жд, шт, болгарскомъ жд, г', шт, к', сербо-хорватскомъ ђ, j—ћ, словинскомъ j, č, русскомъ ж, ч).

Иногда подъ вліяніемъ сродныхъ формъ, имѣющихъ d, t или ď, ť, какъ въ литературномъ языкѣ, такъ особенно въ восточно-моравскихъ говорахъ вмѣсто ожидаемыхъ z, c слышны d, t или ď, ť; напр.: bďu, styďu—stydi se (вм. styzu se), přivaděti, mladši, voděn, ciděn, saděn, svoboděn, uroděný, ohraděný, probuden; zapečeten, citěn, ošlechtěn, směti (вм. směci 1 л. н. вр.), obohatěn, chytěný, posveteny (t—твердое—въ ляшск. гов.), vyplatět (зап.-мор.).

Передъ i и ě первичное d смягчается въ ď, t—въ ť. Въ современной графикѣ это смягченіе обыкновенно не обозначается. Буквы ď, ť пишутся только передъ согласными или на концѣ слова (т. е. когда за ними долженъ былъ слѣдовать предполагаемый древній ь). Примѣры: rada—raditi (т. е. raďiti), radě (т. raďe), souditi, had—hadí, ztráta—ztratiti, zlato—zlatě (т. е. žlaťě), zlatiti (т. е. zlaťiti), chtiti, chtě, chtic.

Передъ e (основнымъ и изъ ь) зубные d, t обыкновенно (въ литературномъ языкѣ и многихъ народныхъ говорахъ) не смягчаются, а звучатъ твердо; напр.: hoden, deset, vedeš, vede, den; soude (зв. п.), odpovědech, pleteš, plete, květe (зват. п.), tesati, mlatec, kostem. Въ восточныхъ моравскихъ говорахъ и въ этихъ случаяхъ часто слышны мягкія ď, ť (въ современной графикѣ обыкнов. обознач. dě, tě): veděm, vedě, děn, těla, otěc, nesetě. Ср. выше о согл. n.

Въ de, dé, te, té происшедшихъ изъ первичныхъ dъ, tъ или изъ -doje, -toje; d, t никогда не смягчаются и въ народныхъ говорахъ; напр.: dech (дъхъ), hladem, ten, pátek, plotem, chudého, bohatého.

Передъ древнимъ ь въ литературномъ языкѣ (и во многихъ народныхъ говорахъ) d, t обыкновенно не смягчаются; напр.: dnes, dne, zed, zpověd, čeled, tma, smrt, vlast, milost, kost, platny, zet. Смягченіе наблюдается въ моравскихъ говорахъ и кое-гдѣ въ Чехіи (Ходско, Керконоши): smrť, kosť, zeď и т. д.

Подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ и въ современномъ литературномъ яз. усвоено правописаніе съ ť для нѣкоторыхъ словъ склоненія на — i: kosť, radosť, bolesť, zeť, chuť, lať, kosťmi. Проф. Гебауэръ признаетъ это нововведеніе неправильнымъ. Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи твердаго и мягкаго выговора t передъ ь остается невыясненнымъ. Быть можетъ смягченіе ť (kosť) нужно считать древнею прачешскою чертою, а отвердѣніе (kost)—позднѣйшею особенностью [1]).

Въ льготецкомъ г. вм. ď—всегда d, вм. ť—t: vedet, dedyna, dyta, nyty, smety, ty. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такое отвердѣніе t наблюдается и въ другихъ говорахъ, напр. злинскомъ (řetaz) и въ нѣкоторыхъ обще-чешскихъ словахъ—táhhu, temene (им. п. těmě). Въ ляшскомъ нар. вм. ť—слышится c, ć, č, вм. d—dź, dz, dž: ćicho, čicho, dzedzina, chodźa.

Группы dl, tl—сохраняются какъ въ другихъ сѣверо-западныхъ языкахъ: padl, kradl, pletl, šidlo, mydlo, hrdlo, modliti se. Ср. русск. плелъ, палъ, мыло; сербск. плео, грло.

Группы ds, ts звучатъ какъ c; напр.: čacky (čadsky), svěcky, děcko, bohactví.

Группы dš, tš переход. въ č; напр.: podšev—počev, tštice—čtice.

Первичныя группы dt, tt, какъ въ другихъ славян. яз. перешли въ st: vesti, plesti.

T перешло въ d въ kdo (др. ч. kto, gdo).

T чередуется съ d въ предлогѣ ot — od; древнее ot сохранилось только въ otevřiti, otvor; въ другихъ случаяхъ вездѣ od.

B, P, V, M, F.

Согласные губные b, p, v и губно-носовой m въ современномъ литературномъ яз. (а также въ народныхъ говорахъ Чехіи и западной Моравіи) не способны къ смягченію и звучатъ одинаково твердо,

[1]) Ср. Arch. für Slav. Phil., XVI, 523—524.

какъ передъ широкими, такъ передъ узкими и іотованными гласными; напр.: bázeň, biti, hybě, kupovati, koupě (koup'a), koupiti, lov, loviti, loven, žima, země, svědomí.

Въ старомъ языкѣ кромѣ твердыхъ b, p, v, m несомнѣнно существовали мягкія b', ṕ, v́, ḿ. Это явствуетъ: 1) изъ многочисленныхъ примѣровъ перегласовки a — ě, u — i послѣ b, p, v, m, которая возможна была только послѣ мягкихъ согласныхъ; напр: země (zemia), zemí (вин. п. zemiu), koupě (koupia), koupí и т. д.; 2) изъ обозначенія мягкости губныхъ во многихъ древнихъ рукописяхъ, напр. piekna, wieeru и т. д.

Но болѣе всего въ пользу исконности мягкихъ b, p, v, m въ чешскомъ языкѣ говоритъ фактъ сохраненія этой мягкости въ нѣкоторыхъ говорахъ Чехіи (нар. ходскомъ, дулѣбск. и лужницкомъ) и въ большей части нарѣчій Моравіи и Силезіи; напр.: pjivo, mjilost, holubjata, krv́ú, kúṕa, kúṕu, zeḿa и т. п. Мягкость въ разныхъ говорахъ и разныхъ случаяхъ не одинакова: то она выражается въ присутствіи j послѣ b, p, v, m, то кромѣ іотаціи замѣтно смягченіе самого губнаго; напр. koupě—звучитъ kúp'e и kúṕ'e.

Первичное m иногда измѣнилось въ n: nedvěd (вм. medvěd), snědy, nravisko (наоборотъ mrav вм. nrav). Въ народныхъ говорахъ не рѣдки случаи чередованія m, n: veznu, vezneš, sedn, osn, nímo, norak (моравск. г.), kan, tan (Домажлицы).

Вм. mě въ народной рѣчи (ходское нар., моравск. гов.) иногда слышно mňe: mňeď, mňesto, pamňet, mňech, mňel.

Вм. mr діалектич. br: brabenec (ходск. н.), brablenec (злин. н.), bramor (морав. г.).

V переходитъ въ u: 1) въ предлогѣ въ передъ губными (въ старомъ языкѣ): upustiti u město и др. (ср. выше стр. 74); 2) послѣ гласнаго въ концѣ слога; напр.: praudu, kauka, kreu, veusi (сѣв.-вост. Чехія), lauka, briteu (подгорское нар. въ Моравіи).

V переходитъ въ b: 1) въ приставкѣ tva — tba, напр. modlitba, kletba (по аналогіи съ существительными, оканчивающимися на—ba: svatba); 2) въ словахъ заимствованныхъ: Šebír (Severus), Benátky (Venetiae), kabat (др.-нѣмец. kawati); 3) въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ нарѣчіямъ: jabor, řiba (hřiva), babouk (pavouk), břeteno, břed (ходское, вост., моравск. нар.).

V измѣнилось въ f въ ufati (изъ upvati = upfati); діалект.—fous (вм .vous) fak вм. vak (морав. г.).

F въ чешскомъ яз. слышится большею частью въ заимствованныхъ словахъ; напр.: fura, ofera, flaška, trefiti. Впрочемъ не каждое иностранное f звучитъ по-чешски какъ f; чаще оно замѣняется черезъ b, p; напр.: barva (Farbe), hrabě (Graf), bluma (Pflaume), Olbram (Wolfram), Žibřid (Sifrid), biřmovati (firmare), biskup (Bischof), Ožěp (Josephus), Pabian (Fabian), pazole (fazole).

G, H, K, Ch.

Изъ гортанныхъ согласныхъ два—k и ch вполнѣ соотвѣтствуютъ пра-славянскимъ и произносятся какъ старо-слав. и русскія к и х. Что касается третьяго пра-слав. г, то онъ въ современномъ чешскомъ языкѣ звучитъ придыхательно, какъ въ малорусскомъ нарѣчіи или нѣкоторыхъ словинскихъ говорахъ (резьянскомъ, венеціанскомъ и горицкомъ) и обозначается черезъ h; напр.: hrád, hora, noha, hlava, Bůh. Звонкое g слышится только въ словахъ заимствованныхъ (напр. groš—grossus) или вмѣсто другихъ звуковъ, напр. k: kdy (выгов. gdy), krejcar (выгов. greijcar). Такое g позднѣйшаго происхожденія к сравнительно чаще встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ восточныхъ говоровъ (ляшское, валашское нар.); напр.: baga, grgať (krkati), bryzgať, gabať, gajdy и т. п.

Придыхательное h не исконная особенность чешскаго языка. Въ древности въ языкѣ всюду было пра-слав. g, какъ это видно изъ написанія чешскихъ словъ въ памятникахъ XII ст.: Dlugomir, Dragomir, Spitignev (Козьма Пр.), bogu, glava, grrdost (Литомѣр. грам., ср. выше стр. 38). Новое h вм. древн. g развивается въ половинѣ XIII ст.

Смягченіе гортанныхъ, т. е. переходъ ихъ передъ j и узкими гласными въ шипящіе и свистящіе—какъ пра-славянская черта—свойственно чешскому языку, на ряду съ другими живыми славянскими языками. Въ общемъ относящіяся сюда звуковыя явленія вполнѣ соотвѣтствуютъ явленіямъ смягченія гортанныхъ въ старо-слав. языкѣ. Существенное различіе между ними состоитъ въ томъ, что вмѣсто свойственнаго старо-славянскому (а также и пра-слав.) языку двойнаго перехода x въ c и ш (мнише, мниси) чешскій языкъ знаетъ только одинъ переходъ ch—š (mniše, mniši, mouše—м. п.). Итакъ: 1) g, k, ch переходятъ въ ž, č, š передъ j, e, i (при образованіи основъ), древними ѣ (=ē) и ь (изъ i, jъ), напр: stráže, Pražan, lžu, lžeš, péče, plačete, duše (duchja), Bože, ptače, jinoše, družina, ptači, tišiti, držeti

(др. ч. držěti), mlčeti, slyšeti, božský, řeč, hřiešný; 2) **g**, **k**, **ch** переходятъ въ **z**, **c**, **š** передъ **i** (въ окончаніяхъ), древнимъ **ѣ** (=**ai**, **oi** въ окончаніяхъ) и **j** (болѣе поздній переходъ въ сравн. съ переходомъ **gj**, **kj** въ **ž**, **č**), напр.: ptaci, ptacích, pec, pecte (peci), bozi, bozích, pomoz, hoši, hoších, ruce, noze, mouše, klicati, lécati, mizeti.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя немногочисленныя отступленія отъ указанныхъ общихъ законовъ смягченія; напр. velky (вм. velici, им. п. мн. ч.), dlóuhy, drahši, tichši (ляшское, валашск. нар.) и т. п. Отступленія эти надо объяснять какъ новообразованія по аналогіи.

Группы **gt**, **kt** (какъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ) подвергаются тому же измѣненію какъ **tj**, т. е. переходятъ въ **c**: moci, moc, dci, dcera, péci, řéci, noc, věc. Ср. старо-сл. мощи, ноштъ, рус. мочь, ночь, серб.-хорв. моћ, ноћ, словин. noč.

G переходитъ въ **k**: mozk, cikan (зап.-морав.), cigan (в.-морав.), Krekor, kroš, krunt, telekraf (ходск. нар.), purkmistr, folkovati (folgen) и во многихъ другихъ заимствованныхъ словахъ.

Kt перешло въ **gd** въ словѣ **kto**—**gdo** (первые примѣры въ XIV ст.).

Діалектически и въ отдѣльныхъ словахъ **k** можетъ замѣняться **g**, **ch**: muziga, vyga (валаш. н. вм. vikev, нѣмец. wicke), guzý (ляшское н. вм. kusý), chrasta (вм. krasta), Polach (в.-морав.); ch - tebe, Benedicht, dochtor, rechtor (дулѣбск. н.), prachtyka, inšpechtor, Vichtor (нижнебечев. н.), tabach (ляшск. н.).

Вм. **ch** нерѣдко слышно **k**: skovati (schovati), křen (др. ч. chřen), křesťan, Kristus, koruhev, kůr (chorus); особенно въ народныхъ говорахъ: klacholit, křestet (дулѣбск. н.), pokvalit, kvila (морав. гов.).

Z, C, S.

Въ современномъ литературномъ яз. и большинствѣ народныхъ говоровъ свистящіе **z**, **c**, **s** звучатъ одинаково передъ узкими и широкими гласными, причемъ **z**, **s** всегда тверды, а **c**—мягко; напр. země, zamek, záře, se, sudí, prace, noc, konecvka. **C** произносится твердо только въ тѣхъ случаяхъ, когда возникло изъ смѣшенія согласныхъ, напр. co (=čso), bohactví (=bohatstvi), или находится въ иностранныхъ словахъ, напр. plac, palác.

Въ старинномъ языкѣ было больше оттѣнковъ въ произношеніи этихъ согласныхъ: рядомъ съ твердыми **z**, **s** были мягкіе **ź**, **ś**, а ря-

домъ съ мягкимъ c еще болѣе мягкое ć; напр.: hráze, voziti, voź (пов. накл.), kňaza—kněźe, nositi, noś, věnca—věnce, svieca—svíce, nocú—noci. Важнѣйшимъ доказательствомъ существованія мягкихъ ź, ć, ś въ древнемъ языкѣ служитъ возможность перегласовки a—ě, u—i, при каждомъ изъ свистящихъ, имѣвшая мѣсто по основному закону чешскаго языка только при мягкихъ согласныхъ; напр.: род. п. věnca—věnce, kňaza—kněźe, дат. п. věncu—věnci, kňazu—kněźi—но voza—vozu (неперегласов.), или núza—núze—nouze (нѫжда), вин. п. núzu—núzi—nouzi, но hróza—hrůza, вин. п. hrózu—hrůzu (неперегласов.), za—vsú—za—vsí (тв. п.), kozie brada, вин. п. kozí—bradu. — Мягкія ź, ć, ś въ древне-чешскомъ яз. различнаго происхожденія: одни—ź, ć возникли въ пра-славян. эпоху изъ g, k; напр.: věnec (пра-слав. вѣньць, лит. vainikis), kňaz (пра-слав. кънѧзь), ruce, noze (пра-слав. рѫцѣ, нозѣ); другія—образовались на чешской почвѣ, но въ до-историческую пору, именно c изъ kt, gt, tj, напр. noc, moc, svíce, ź—изъ dj, напр. núza (nudja), sázati (sadjati); третьи—ś, ź возникли еще позже въ историческую пору подъ вліяніемъ i, e, ь и іотованныхъ гласныхъ; напр.: nośí, voźí (3 л. ед. ч.), neśe, veźe, veś. Древнее мягкое z первыхъ двухъ типовъ Гебауэръ предлагаетъ обозначать особымъ начертаніемъ ʒ. Смягченіе третьяго типа—(ź, ś передъ узкими гласными и j) представляетъ въ настоящее время ляшское нар. (въ Моравіи), v leśe, voźic, voź, koźe, něśe, śeno. Эти мягкія ź, ś въ разныхъ мѣстахъ произносятся различно, иногда съ сильнымъ шепелявымъ оттѣнкомъ (какъ въ польскомъ языкѣ).

Иногда мягкія ź, ś перешли въ шипящія ž, š; напр.: pohlížeti, nahražen, nahražovati, noš (у Гуса вм. nosi), šahati (вм. sahati).

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ что: а) современное чешское z замѣняетъ: 1) пра-слав. твердое z (vůz); 2) пра-слав. мягкое z изъ g (kněz = kňaz = пра-слав. кънѧзь, noze); 3) пра-чешское мягкое z изъ пра-слав. dj (nouze=núza=пра-слав. нѫдја); 4) др.-чешск. ź (voźi);

б) современное чешское c замѣняетъ: 1) пра-слав. c изъ k (věnec, ruka—ruce); 2) пра-чешское c изъ пра-слав. kt, gt (péci, moci, noc); 3) пра чешское c изъ tj (svíce=svieca=пра-слав. свѣтја);

в) современное чешское s замѣняетъ: 1) пра-славян. твердое s (les) и 2) древне-чешское мягкое ś (nośí).

Сверхъ того c выступаетъ: 1) вм. s: cvrček (svrček), clota (slota), dcka (dska), předce (předse), dvadcet (dvadset); 2) вм. čs, ts, ds: co (čso), něco, nic, prorocký, bohactví, dvanact (-nadst).

Въ ляшскомъ нар. ć и dź (dz) слышны вм. ť, ď: cicho, dźedzina и др. ср. выше стр. 87.

Пра-славянская особенность—переходъ zj въ ž и sj въ š выдержана въ чешскомъ языкѣ весьма послѣдовательно: nóž, brže vožen, kažu—kaži, poražeti, nůše, tešu—teši, našeti[1]).—Отступленія отъ этого закона представляютъ нѣкоторыя моравскія нарѣчія, въ которыхъ употребительны формы причастія прошедшаго страдательнаго на -zeny, -seny вм. ženy, -šeny: pohruzený, zarazený, pokazený, skazený, pokosený, vyprosený, nosený.

Изъ пра-славянской эпохи вынесены чешскимъ языкомъ соотвѣтствія z—ž, c—č передъ узкими гласными въ тѣхъ случаяхъ гдѣ имѣлъ мѣсто переходъ g—ž, k—č; напр.: otec—otče, otečský, otčina, kněz—kněže (др. ч.), kněžic, knežský. Здѣсь ž и č возникли не изъ z и c, какъ можно было бы думать а изъ болѣе древнихъ g и k.

C замѣняется ť при стеченіи въ одномъ словѣ нѣсколькихъ свистящихъ и шипящихъ; напр.: Břetislav (др. ч. Břecislav), František вм. Francišek, tisař (морав. вм. cisař), těsta (вм. cesta).

Чужеязычное c въ словахъ заимствованныхъ измѣняется въ č; напр.: Vincenc—Čeněk, zins (census)—činže, zischen—čišeti.

Группа cš въ словѣ věcší подверглась послѣдовательно измѣненіямъ въ čš, tš, tč, čč и č: věčší, větší, větčí, věččí, věčí. Литературный языкъ держится формы větší.

Группа ss сливается въ s: nebeský, ruský.

Группа zs = s (черезъ уподобленіе): vstati вм. vzstati, vstoupiti вм. vzstoupiti.

Группы zg (передъ узкимъ гласнымъ) и zgj переходятъ въ zž, žž, а послѣднія въ žď: roždička (вм. rozžička = rozgička), Draždany (вм. Drazžany = dręzgany); zdj переходитъ въ žď, напр.: hyžden (вм. hyzžen), žďar (вм. zžár).

Группы sk (передъ узкимъ гласнымъ) и skj переходятъ въ šč, а потомъ въ šť: vojska—vojščě—vojště (нов.-ч.), nebesky—nebešči—nebeští (н.-ч.), tisknouti—tiščen—tišten (н.-ч.), plašť, ohniště, čeština. Но sk (передъ узкими гласными) измѣняется и въ sc: deska—desce, Polska—v Polsce, nebescí, uhérscí (вост.-морав. гов.)

[1]) Можно допустить, что и cj переходило въ č, но примѣровъ, подтверждающихъ этотъ переходъ не извѣстно. Въ такихъ словахъ какъ občan, Olomučan—объясняютъ č не изъ cj, а вліяніемъ аналогичныхъ формъ въ родѣ Pražan.

Sč измѣняется въ šč и затѣмъ въ šť: ščastny, н. ч. šťasný.

Stj перешло въ šč и потомъ въ šť: pustiti — puščen, нов.-ч. puštěn — puščěti — pouštěti.

Ck переходитъ въ čč — čť, напр.: hradecký — hradečči (др.-ч.) — hradečti (нов.-ч.) — řečtina, plačtivý.

Вм. древн. s въ чешскомъ яз. часто š: 1) въ нѣкоторыхъ словахъ, которыя и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ имѣютъ š: vše, všecka, všude, všaký, však, польск. wszy, лужиц. všon, šen, šedivy, šediny, польск. szedziwy, лужиц. šery, štěpiti (сцѣпити); 2) сочетаніи št вм. st: въ древнихъ глагольныхъ окончаніяхъ šta, šte — byšta, byšte нов.-ч. byste, въ словахъ — lastovice — vlaštovice, laštovice (народ. г.), štopka, štenice, puština, náměští (діалектич.), въ заимствованныхъ словахъ — kaštel, klašter, apoštol, epištola, koštovati, křištál, pošta, trošt; 3) въ сочетаніи šk вм. sk, причемъ употребительны формы съ тѣмъ и другимъ созвучіемъ: škarad, škrabati, škřek, škřivan, šklo (ляшск нар.), škala и др.; въ заимствованныхъ словахъ — flaška, muškat, mše, škola, škřine, paškvil, škoda и др.; 4) въ словахъ: šočovice, šršeň (морав. г.), švrček (морав. г.).

Иностранное s, кромѣ указанныхъ случаевъ, передается то черезъ š, то черезъ ž: Ježiš (Jesus), Mojžiš (Moyses), Šimon, Šavel, Mikulaš, groš, verš (versus), žehnati (segnen), žeml (Semmel).

Ž, Č, Š.

Чешскіе шипящіе ž, č, š большею частью пра-славянскаго происхожденія. Въ такомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ 1) пра-славян. ž, š изъ zj, sj (vožen, nošen) или 2) пра-славян. ž, č, š изъ гортанныхъ g, k, ch, перешедшихъ въ небные подъ вліяніемъ j или узкихъ гласныхъ (bože, člo, věče, otče, duše).

Болѣе поздняго происхожденія 1) š вм. s въ такихъ немногихъ словахъ какъ veš, šedivý и др. (ср. предшествующій параграфъ) и 2) ž и š въ сочетаніяхъ šč и žž (puščen, hyžžen см. выше).

Въ старомъ языкѣ ž передъ другимъ шипящимъ иногда переходило въ j; напр.: sejžeš, sejže, sejžen, sejzi (вм. sežžeš и т. д.). Въ современномъ языкѣ любопытный примѣръ такого измѣненія согласныхъ представляетъ слово půjčiti изъ póžčiti (= požitčiti = ku požitku dáti). Въ народныхъ говорахъ: ujsom (дулѣб. г.) už-sem), bojsky (керконош. božsky), oj se (мор. г. až-se), mlajši.

Žď перешло въ šť въ dešť (др.-ч. dešč) и roští (roždie).

Ž замѣняется ř, особенно въ народныхъ говорахъ: bařina, Bořena (др.-ч. вм. Božena), nebořak, řadný (žadný), řeřab нов.-ч. jeřab; особ. въ оконч. eř: mladeř, drůbeř, kradeř (ходское н. морав. г.).

Ž замѣнено h въ hřebi (др.-ч. жреби) и hřibe (нов.-ч.).

Čs переходитъ въ c: co, nic, kupecky, ptactví, ctiti.

Šč перешло въ št: ščit—štit, hušče—нов.-ч. houšt, nebešti. Ср. выше стр. 93). Въ старомъ языкѣ šč и št чередуются между собой; напр. въ Клементинской псалтыри: sczenci и stenye. Въ письменности št беретъ перевѣсъ съ XVI ст. Въ настоящее время šč слышно въ дулѣбскомъ и домажлицкомъ нар. и въ восточно-моравскихъ и силезскихъ говорахъ—štěstí. Въ литературномъ языкѣ št.

Čč (изъ čk) переходитъ въ čt: němčti (ср. выше стр. 93).

Čř переходитъ въ tř, а затѣмъ въ stř: напр. др.-ч. čřevic—třevic—střevic, др.-ч. čřieda—třieda—střída.

Šš звучитъ какъ š: vyší (вм. vyšši).

Śs звучитъ какъ s: česky (вм. češsky).

J.

Согл. j соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. j: jeho, jest; 2) пра-слав. группѣ jь, вмѣсто которой въ старо-слав. и нѣкоторыхъ живыхъ славянскихъ яз. i; напр. jho, старо-слав. и русск. иго, пра-слав. jьgo, jdu, старо-слав. идѫ, русск. иду, пра-слав. jьdѫ, jmu, jmieti, старослав. имѫ, имѣти, русск. имѣть, jme, jmeno, старо-слав. имѧ, русск. имя, jmení, словац. imanje, ст.-слав. имѣние, jhra (др.-ч.), hra (н.-ч.), старо-слав. и русск. игра. Иногда вм. пра-славянск. jь въ чешск. je: jehla, русск. игла. Впрочемъ, въ народныхъ говорахъ въ этихъ словахъ слышно также i (idu, ihrač), которое нужно возводить къ праслав. jь; затѣмъ j и совсѣмъ исчезаетъ: hra (нов.-ч.), du, meno; для сложныхъ словъ съ jdu и jmu, отсутствіе j обычно и въ литературномъ языкѣ: vendu, sendu, vezmu, otmu.

Нерѣдко (въ литерат. яз.) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i; напр.: jíti (въ сложныхъ словахъ безъ j—sníti, vníti), jikra, jilce, jilem, jimati — přijímati, jiný, jircha, jiskati, jiskra, jisty, jiva, jizba. Въ народныхъ говорахъ, особенно моравскихъ, тѣже слова произносятся безъ j: iný, iva, iskra, it. Такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. старо-слав., русск., южно-слав. ити, польск. iść (др. п. ić). Въ народныхъ говорахъ такое позднее j на-

блюдается и на концѣ словъ, особенно въ нарѣчіяхъ: víceј, vèceј, dáleј, méněј, zaseј, přeceј, podleј, včeraј, takeј, niceј.

Др. j замѣнено l въ др. ч. ledno (вм. jedno = jen) и морав. len (вм. jen). Въ ledva рядомъ съ jedva l происходитъ изъ пра-слав. періода (ср. русск. едва и ледва, польск. jedwa и ledwo).

О вынесенныхъ изъ славянскаго праязыка измѣненіяхъ согласныхъ подъ вліяніемъ j сказано выше.

Уподобленіе согласныхъ.

Такъ наз. уподобленіе согласныхъ неодинаковыхъ по степени звучности, свойственное всѣмъ славянскимъ языкамъ, наблюдается весьма часто и въ чешскомъ языкѣ. Обыкновенно звучные (mediae) **h**, **g**, **d**, **ď**, **b**, **z** (**dz**), **ž** (**dž**), **v** переходятъ въ отзвучные (tenues) **ch**, **k**, **t**, **ť**, **p**, **s**, **c**, **š**, **č**, **f** и, наоборотъ, отзвучные въ звучные, при чемъ последующій согласный вліяетъ на предшествующій. Напр. nádcha выговаривается nátcha, lehký—lechky, lehce—lechce, zlehčiti—zlechčiti, nehty—nechty, loďka—loťka, podšev—potšev (počev), podsin—potsin, (pocin), uzky—usky, kavka—kafka, včela—fčela, kdy—gdy, srbsky—srpsky, leckde—ledzgde, čban—džban, náš dům—náž dům.

Только въ группѣ **sh**, предшествующій согласный вліяетъ на последующій: shoda—schoda, shořeti—schořeti, shníti—schníti. Но въ моравскихъ говорахъ и здѣсь вм. собственно чешскаго **sch** слышно **zh**: zhořet.

Передъ звучнымъ **v** удерживаются и отзвучные согласные: **dvoje** и **tvoje**, **zvolati** и **svolati**. Только въ нѣкоторыхъ говорахъ (дулѣбск., нижне-бечевск., моравск. г.) и здѣсь необходимо уподобленіе: **k fam**, **tfůj**, břitfa.

Иногда измѣненіе согласнаго, вызванное закономъ уподобленія, остается въ силѣ, хотя причина обусловившая уподобленіе, исчезаетъ; напр.: svatba—svadba, род. п. мн. ч. не только svateb, но и svadeb.

Чередованіе звучныхъ съ отзвучными въ народныхъ говорахъ возможно и помимо уподобленія. Особенно заслуживаетъ вниманія переходъ отзвучныхъ въ звучные на концѣ словъ; напр.. bůch, sních (дулѣбск. н.), chlep, vus (злинск. н.).

Въ современномъ литературномъ языкѣ закону уподобленія согласныхъ не дается большаго значенія и въ правописаніи господствуетъ (въ противоположность сербской фонетической системѣ) прин-

ципъ этимологическій; напр. пишутъ svatba, sbor, obchod а не svadba, zbor, opchod и т. п.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Согласные могутъ исчезать въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Это явленіе наблюдается (преимущественно въ народныхъ говорахъ) по отношенію къ согласнымъ l, d, t, v, h, k, m, s, j:

l: nes', řek', veď, pek', tisk' (и др. въ причаст. прош. дѣйств. II) въ разговорномъ чешскомъ языкѣ и моравскихъ нарѣчіяхъ вмѣсто книжныхъ nesl, řekl; впрочемъ уже въ древнихъ памятникахъ: rzek (Клементин. пс.), oblek (Виттенберг. пс.), jabko (вм. jablko), zrcatko (=zrcadko=zrcadlko), nosítko, vodítko, ucednik, mučednik, myn (вм. mlyn), žice (вм. lžice).

d: tkalce (вм. tkadlce), selka, selsky (вм. sedlka, sedlsky), nes, nešni (морав. вм. dnes), prazný, izný, pozni, cera, srce.

t· sklo (вм stklo), skvěly (вм. stkvěly), sloup (вм. stloup), kadlec, kaňička (вм. tkadlec, tkanička), kery (вм. ktery), svačiti (вм. svatčiti), cnost, cny (вм. ctnost, ctný), padesat, devadesať, puste (2 л. множ. ч. вм. pusťte); st исчезло въ je (3 л. един. ч.) и šedesat.

v: въ оконч. ův (óv)—ptaků (род. п.), Jakubů (прилаг.); въ соч. vz—zbuditi, zkazati, zkřisiti, zbudili (Клемент. пс.), въ соч. vš, vž (въ производныхъ отъ vьš) — šecko, šak, ždyt, ždyčky, zniti, dedek (вм. vdedek), dolek (вм. vdolek), obaliti, obět, oblek, slikati, chlapoj, mužoj (домажлиц. гов. и др.—дат. п.), kralostři (дулѣбск., моравск. г.), praj, prej, prý (литер. яз.) изъ praví (говорятъ), ozheh, ozhřivy (въ литер. яз.), oda, oly, ozak (народн. гов.). Чаще въ народныхъ говорахъ слышно приставочное v: voko;

h: řecký (др.-ч. hřěčsky), Řehoř (вм. Hřehoř); řeblo, řešit, řich, řiva, řmi (чешск. народн. г.); tenle, mamle (вм. tenhle), lavice (др.-ч. вм. lahvice), Bouslav, Bouše, pan-bou-sahám (panu-Bohu-přisaham простон. выр.);

k: těsný (др.-ч. těskný), tiesň, tiseň (др.-ч. tieskň); do, de, dy (морав. гов. вм. kdo);

m: sednáct, osnáct, ňa, ňe (народ. гов.);

s: въ сочет. skř и stř (въ нар. яз.): křivan (вм. skřivan), křidlice, křipat, třecha (вм. střecha), třibro;

z въ ja (др.-ч. jaz) и mecitma (вм. mezcittma=mezi-desitma).

j: ho, mu (вм. jho, jmu = jeho, jemu), míti, mám, měli, hrati, meno, sem, du, iny (народн. гов. ср. выше о согл. j).

Къ пра-славянской эпохѣ относится исчезновеніе b въ hnuti, hynouti, hrésti; p въ usnouti, kanouti.

Вставка согласныхъ.

Вставочными звуками бываютъ: j: jiný, jíti (ср. выше о j) и для устраненія зіянія černojoky (ср. стр. 81); v: vajce, vejce, viskati; особенно передъ o въ народн. гов. и старомъ языкѣ voko, vobilí, vorati; но въ современномъ литерат. яз.: oko, obilí и пр.; pavouk, vlastovice (только въ литер. яз.); n (праслав.): do ňeho (do n-jeho), vyníti, snisti; h (въ народн. говор., особ. ходскомъ, нѣкот. моравск. г.): hapatyka, Hana, Harest, Hemma, Danihel, Gabrihel, hi, hiny, hihned, Holomouc, černohoky, hoficir, hucho, hucednik, hulica, huzký, hřešeto, hřemen, hrzati (др.-ч. вм. rzáti), hroh (др.-ч. вм. roh); d: zdraly, zazdrák, uzdřit. Ср. сербо-хорв. здрео, здрети, слов. zdrel, польс. zdrada, tryzdniti (др.-ч.), paždi, spasitedlný, mlčedlivy; t: straka, střed, středa, stříbro (ср. серб. страмота, русс. страмъ), mastny, tělestný; k: stkviet и skvieti, stkvost и skvost, kdosik, cosik (мор. г.); s: křemen и skřemen, třída и střída, třep и střep.

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: ihned hned вм. древне-чеш. inhed и nhed, penvý (нар.) и pevný, др. pinvice вм. pivnice, snem р. п. semna, дат. semnu (вм. senma), mhla, mlha и hmla (ходск. н.), hltati, hltavy и діалект. lhtati. lhtavý, koblúk (др.-ч. турецк. kālpāk), koblók (мор.), klobouk, habr и hrabr (мор.), havran и harvan, Kromežir—Kromeřiz, krokodil—kokodril (др.-ч.), tolar (Thaler)—toral (нар. г.), letorast—ratolest, hedbávi (шелкъ)—hedbávný вм. hedvábi, varhany и harvany (мор. г.).

---

5. Удареніе.

Вопросъ о чешскомъ удареніи еще не разработанъ съ желательною обстоятельностью и полнотой. Чешскіе ученые (Добровскій, Гостинскій, Труглярь, Голль, I. Дурдикъ, Краль), писавшіе объ этомъ

вопросѣ, большею частью касались его мимоходомъ въ связи съ вопросомъ о чешскомъ стихосложеніи[1]). Русскому славнсту Р. Ѳ. Брандту (Начертаніе славянской акцентологіи 148—159) принадлежитъ заслуга выясненія особенностей чешскаго ударенія съ общеславянской точки зрѣнія. Такимъ же характеромъ отличается чешская работа Jokl'a (O přízvuku slovanském zvláště českém. Listy fil., 1885, 422). Въ обширной исторической грамматикѣ Гебауэра ударенію удѣлено сравнительно очень скромное мѣсто (573—585): почтенный чешскій филологъ ограничился сообщеніемъ основныхъ положеній, наиболѣе раздѣляемыхъ современными учеными и оставилъ безъ разсмотрѣнія всѣ темныя и спорныя стороны вопроса. Между тѣмъ разногласія изслѣдователей иногда касаются существа дѣла, напр. характера ударенія въ качественномъ отношеніи, числа удареній въ одномъ словѣ и проч.

Удареніе въ чешскомъ языкѣ по качеству — *экспираторное*, по мѣсту въ словѣ—*одномѣстное* или *постоянное*.

Будучи экспираторнымъ чешское удараніе состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона; такимъ свойствомъ оно рѣзко отличается отъ музыкальнаго ударенія сербо-хорватскаго языка и сближается съ удареніемъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ. Впрочемъ, эта близость только относительная. Экспираторное удареніе можетъ быть двоякаго типа: 1) *однородное* — въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленіе голоса на ударяемыхъ гласныхъ остается одинаковымъ, чтò наблюдается въ языкахъ, не различающихъ количества гласныхъ; 2) *количественное* — въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленіе голоса мѣняетъ оттѣнки въ зависимости отъ долготы и краткости ударяемыхъ гласныхъ. Одни ученые (въ старое время Добровскій, въ новое — Брандтъ) утверждаютъ, что чешское удареніе есть именно количественное: на долгомъ гласномъ оно звучитъ иначе, чѣмъ на краткомъ. Другіе (Краль, Гебауэръ) считаютъ чешское удареніе однороднымъ; нѣкоторое же различіе въ выговорѣ ударяемыхъ долгихъ и краткихъ гласныхъ приписываютъ различію ихъ не въ удареніи, а въ количествѣ. Окончательное рѣшеніе

[1]) Dobrovský, Prosodie въ граммат. Пельцеля Grundzüge d. böhm. gram., 1795; Hostinský, Několik slov o české prosodii — Květy, 1870, № 47; J. Truhlař, a) O prosodii české. Časop. Česk. Mus., 1871; б) O přizvuku vůbec, zvláště českém. Čas. Česk. Mus., 1872, 410; Goll, O českém verši desetislabičném. Cas. Č. Mus., 1871, 249; J. Durdik, O poměru obou prosodii českých. Čas. Česk. Mus., 1878, 58; J. Král, O prosodii české. Listy fil., 1893—96 (продолжается).

этого спорнаго вопроса требуетъ предварительныхъ тщательныхъ наблюденій надъ чешскимъ удареніемъ въ живой рѣчи со стороны опытныхъ изслѣдователей, обладающихъ тонко-развитымъ слухомъ. Намъ лично, насколько позволяетъ судить о дѣлѣ непосредственное наше знакомство съ чешскимъ языкомъ, кажется, что количество оказываетъ вліяніе на свойство ударенія: краткій ударяемый гласный произносится съ болѣе рѣзкимъ усиленіемъ голоса, чѣмъ долгій; напр.: zàhrada и pův́odní.

Чешское удареніе—одномѣстное или постоянное, т. е. находится всегда на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ слова, именно на первомъ или начальномъ слогѣ; слова сложныя, особенно образованныя черезъ сложеніе съ предлогами и отрицательной частицею ne, слѣдуютъ также общему закону; напр.: jelen, horlivý, učiniti, následující, národ, nechceš, neštěstí. Односложные предлоги, присоединяясь къ зависящимъ отъ нихъ словамъ, сливаются съ ними въ одно цѣлое и принимаютъ на себя удареніе какъ первый слогъ этого цѣлаго; напр.: na-horu, na-pomoc, do-domu, za-lesem. Только dle, kol, skrz а также обыкновенно krom не принимаютъ ударенія; напр.: dlevšeho, kolsochy, skrzles, krom-toho и krom-toho.

Вслѣдствіе такой опредѣленности положенія удареніе въ чешскомъ письмѣ не обозначается.

Кромѣ чешскаго языка удареніе находится постоянно на первомъ слогѣ въ языкахъ—словацкомъ, сербо-лужицкомъ и южно-кашубскомъ. Сверхъ того одномѣстное удареніе, но на предпослѣднемъ слогѣ, свойственно польскому языку. Во всѣхъ остальныхъ славянскихъ языкахъ удареніе вольное или разномѣстное.

Въ нарѣчіяхъ восточной Моравіи (особенно въ ляшскомъ и староицкомъ, а также частью въ границкомъ, валашскомъ, дольно-бечевскомъ и злинскомъ) наблюдается уклоненіе отъ общаго закона: удареніе звучитъ въ нихъ постоянно (напр. въ ляшскомъ нар.) или часто на предпослѣднемъ слогѣ. Эта особенность данныхъ нарѣчій (какъ и нѣкоторыя другія въ области фонетики), быть можетъ, есть результатъ скрещиванія чешскихъ говоровъ съ польскими.

При произнесеніи чешскихъ словъ нужно имѣть въ виду не только удареніе перваго слога, но и различіе количества слѣдующихъ неударяемыхъ гласныхъ. Соблюденіе долготъ, слѣдующихъ за первымъ ударяемымъ гласнымъ, само по себѣ облегчаетъ выговоръ многосложныхъ

словъ, въ родѣ **pro**následovati, **ne**předvídaného[1]). Сверхъ того необходимо указать, что чешское удареніе не отличается такою силою, какъ русское. По справедливому замѣчанію проф. Брандта, иной разъ удареніе такъ слабо, что трудно его и разслышать: другими словами иногда всѣ слоги произносятся почти съ одинаковымъ напряженіемъ. Вслѣдствіе этого въ чешскомъ языкѣ слоги неударяемые не жмутся и не тѣснятся къ ударяемому, подобно русскимъ, и даже довольно длинный рядъ ихъ не представляетъ затрудненія для выговора.

Этою относительною слабостью чешскаго ударенія объясняется происхожденіе стараго довольно распространеннаго среди чешскихъ филологовъ мнѣнія, будто въ чешской рѣчи совсѣмъ нѣтъ удареній, а всѣ слоги произносятся съ одинаковою силою и разнятся только по количеству. Въ связь съ этою особенностью чешскаго ударенія нужно поставить и мнѣніе о возможности примѣненія въ чешскомъ стихосложеніи метрической системы на ряду съ тоническою. Въ настоящее время тоническій размѣръ въ чешской поэзіи получилъ окончательный перевѣсъ надъ метрическимъ, тѣмъ не менѣе послѣдній еще имѣетъ защитниковъ и нерѣдко примѣняется въ поэзіи, особенно при переводѣ древнихъ греческихъ и латинскихъ произведеній[2]).

Кромѣ указанныхъ соображеній о свойствѣ чешскаго ударенія, плавность и легкость чешской рѣчи, въ новѣйшее время объясняются еще теоріей *второстепенныхъ или побочныхъ удареній*. Полагаютъ, что трехсложныя и многосложныя слова, кромѣ главнаго ударенія, всегда падающаго на первый слогъ, имѣютъ одно или нѣсколько побочныхъ, менѣе сильныхъ удареній; напр. въ словѣ **na**pa**dàl** слогъ **na** имѣетъ главное удареніе, а слогъ **dal**—побочное; въ словѣ **pro**ná**slè**do**vàti** слогъ **pro** имѣетъ главное удареніе а **sled** и **va**—побочныя и т. п. Впервые выставили эту теорію сторонники тоническаго стихосложенія. Ее оспаривали многіе чешскіе филологи, занимавшіеся

[1]) Ударяемые слоги обозначаются жирнымъ шрифтомъ.

[2]) Подробному изложенію исторіи спора о чешской просодіи посвящена большая обстоятельная (еще неоконченная) работа почтеннаго чешскаго филолога J. Краля — O prosodii české (Listy filol, 1893—1896 г.) Въ ней авторъ, между прочимъ, намѣренъ доказать, что метрическая просодія противорѣчитъ духу чешскаго языка и что чешское стихосложеніе должно опираться исключительно (для всѣхъ видовъ поэзіи) на тоническомъ размѣрѣ. Во второй части этого сочиненія, которую было бы желательно видѣть въ печати возможно скорѣе, вѣроятно будетъ дано систематическое изложеніе ученія о чешскомъ удареніи.

удареніемъ (Голль, Дурдикъ, Тругларь), но теперь она получила, кажется, общее признаніе. Въ элементарныхъ грамматикахъ обыкновенно говорится не только о главномъ удареніи, но и о побочныхъ. Проф. Гебауэръ въ своей исторической грамматикѣ излагаетъ цѣлое ученіе о побочныхъ удареніяхъ, выясняетъ отношеніе ихъ къ главному ударенію и опредѣляетъ положеніе ихъ въ словѣ. Главнѣйшія изъ выставляемыхъ имъ положеній слѣдующія: 1) двухсложныя слова имѣютъ только одно главное удареніе, напр. **voda**, **vino**, **město**; 2) въ многосложныхъ словахъ кромѣ главнаго ударенія необходимы побочныя, которыя обыкновенно падаютъ на нечетные слоги (третій, пятый ....отъ начала слова); напр.: **povezeme**, **neomylný**, **nejmilejší**, **nepřátelství**, **neomylný**, **nevyhodím**, **nepovezeme**; 3) чаще всего это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нечетные слоги долги или коренные, а четные кратки; напр.: **byvalý**, **byvalého**, **nepředvídaný**, **nepředvídaného**. Напротивъ, если нечетные слоги не отличаются указанными свойствами, которыя взамѣнъ того представлены сосѣдними четными слогами, то побочныя ударенія падаютъ на послѣднія, напр. **nevídam**, **neobyčejný**, **nejbohatější**[1]). Въ частностяхъ вопросъ о побочныхъ удареніяхъ еще не выясненъ. Изъ данныхъ, сообщаемыхъ проф. Гебауэромъ, видно, что въ большинствѣ случаевъ (въ многосложныхъ словахъ) побочное удареніе приходится на долгіе слоги. Возникаетъ вопросъ—слѣдуетъ ли въ этихъ случаяхъ видѣть дѣйствительно какое-то слабое, побочное удареніе или только простое выдѣленіе слога въ выговорѣ подъ вліяніемъ долгаго гласнаго? Напомнимъ, что такою же неясностью отличается вопросъ о побочныхъ удареніяхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ (ср. Лекціи по славянск. язык., I, 279).

Нѣкоторые слова не принимаютъ ударенія (энклитики): 1) мѣстоименія—**ho**, **mu**, **mi**, **ti**, **si**, **mě**, **tě**, **se**; 2) частицы **-že**, **-te**, **-li**; 3) односложные союзы — **a**, **i**, **by**, **zda**, **až**, **pak**, **kde**; напр.: **a on**, **kde jste?**, **až tam**, **nikdo ho ne chce**, **pan mi poručil**.

Нѣкоторыя односложныя слова, особенно мѣстоименія, а также существительныя и прилагательныя такъ тѣсно сливаются со слѣдующимъ словомъ, что теряютъ свое удареніе; напр.: **ten-nepořádek**, **to-město**, **z-te vody**, **ty-zahrady**, **má-sestra**, **sám-papež**, **pan-ucitel**, **kral-Jan** и т. п. Эти слова при данномъ положеніи, по мнѣнію Ге-

[1]) Главное удареніе въ чешскихъ грамматикахъ обозначаютъ ', побочное `.

бауэра, имѣютъ побочное удареніе. Съ перемѣной мѣста они получаютъ свое настоящее главное удареніе, напр.: nepořadek ten, město to и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что современное одномѣстное удареніе не исконное въ чешскомъ языкѣ, а выработалось постепенно изъ пра-славянскаго разномѣстнаго или подвижнаго. Для сужденія о древне-чешскомъ удареніи, къ сожалѣнію, не имѣется достаточно свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно заключать, что еще въ историческую пору по крайней мѣрѣ нѣкоторыя слова имѣли удареніе не на первомъ слогѣ. Сюда напр. относятся р. д. пп. мѣстоим. jeho, jemu, которые звучатъ и сокращенно ho, mu, въ древнемъ яз. находимъ для нихъ параллельныя формы jeho—jho и jemu—jmu. Еслибъ тогда удареніе падало на первый слогъ, какъ теперь, то e, находясь подъ удареніемъ, не могло бы исчезнуть. Отсюда нужно предположить, что прежде оба слова имѣли удареніе на послѣднемъ слогѣ, какъ въ русскомъ языкѣ: jeho, jemu. Тоже можно сказать о другихъ словахъ, потерявшихъ гласный звукъ начальнаго слога; напр. mne (род. п. изъ mene), kdy, pju, rvu, řku, zvu и т. д. Попытку выяснить постепенность развитія одномѣстнаго чешскаго ударенія изъ пра-славянскаго разномѣстнаго представилъ пр. Брандтъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ Начертаніе славянской акцентологіи (156—159). Нужно думать, что въ этомъ процессѣ видную роль играла такъ наз. оттяжка ударенія къ началу слова въ родѣ той, какую представляетъ сербская штокавщина въ сравненіи съ чакавщиной (вода—вȍда—водȃ, ср. „Лекціи", I, 282). Вслѣдствіе такой оттяжки во многихъ словахъ удареніе оказалось на первомъ слогѣ. Затѣмъ когда въ языкѣ такимъ образомъ развилась привычка къ ударенію на начальномъ слогѣ, послѣднее по аналогіи стали переносить на всѣ другія слова. Такъ удареніе на первомъ слогѣ получило значеніе общаго закона въ языкѣ.

---

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Склоненіе въ чешскомъ языкѣ не представляетъ такого богатства формъ, какое предполагается для славянскаго праязыка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-

славянскаго яз.; тѣмъ не менѣе оно во многихъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ предполагаемой древней нормѣ, чѣмъ склоненіе нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языковъ, особенно южно-славянскихъ. Напр. чешское склоненіе не подверглось такому упрощенію, какъ сербохорватское; въ немъ строже выдержано различіе основъ, сохранилось въ большей степени древнее разнообразіе окончаній. Эта относительная близость къ старинѣ (наиболѣе рѣзко выраженной въ старо-славянскомъ языкѣ) особенно замѣтна въ памятникахъ стараго языка, въ которомъ еще не получили полнаго развитія характерныя черты современнаго чешскаго вокализма (перегласовка, съуженіе и стяженіе гласныхъ), повліявшія на измѣненіе многихъ древнихъ флексій. При все томъ имѣя въ виду современный литературный языкъ нельзя не признать, что и чешское склоненіе, въ своемъ историческомъ развитіи подверглось болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ и превращеніямъ. Главнѣйшія отступленія отъ древней нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи нѣкоторыхъ разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній. Какъ относительно вѣрности старинѣ, такъ въ уклоненіяхъ отъ нея всѣ три рода склоненія—именное, мѣстоименное и сложное представляютъ свои особенности [1]).

Именное склоненіе.

1. *Утрата двойственнаго числа.* Въ настоящее время чешскій языкъ незнаетъ двойственнаго числа: оно замѣнилось какъ въ литературномъ языкѣ, такъ во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ множественнымъ; напр. ty dvě veliké ryby и ty tři veliké ryby. Тоже самое наблюдается во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ словинскаго, сербо-лужицкаго и кашубскаго (доселѣ сохранившихъ двойственное число въ живой рѣчи).

Въ старомъ языкѣ формы двойственнаго числа весьма употребительны, особенно въ XIV—XV ст.; держатся онѣ въ XVI и даже въ XVII ст. Большею частью имъ свойственны древнія окончанія; именно:

---

[1]) Настоящая глава уже приготовлялась къ печати, когда мы получили весьма важный для нея только что вышедшій новый томъ обширнаго труда Гебауэра „Historická mluvnice jazyka českého“. Díl III. Tvarosloví. I Skloňování. V Praze, 1896, 8°, 637.

1) для твердыхъ основъ на—o: муж. р. y, a (им. вин. п.) rtymá (Вит. пс.), dva muczedlnyki (Пасс.), dva pany (Дал. Хр.), dva bratra; оконч. y (заимствованное изъ склоненія основъ на — u) встрѣчается чаще, при томъ въ болѣе древнихъ памятникахъ; оконч. a (болѣе органическое)—рѣже и въ позднѣйшихъ памятникахъ; ú (род., мѣст. п.): ve rtu svú (Вит. пс.), o dwu czlowieku (Хельчицк.); oma (дат. тв. пп.): sse dvema dussnicoma (Литомѣр. гр.), rtoma veselýma;

2) для твердыхъ основъ на—o: средн. р. ě (им., вин. п.), ú (род., мѣстн. п.), oma (дат., тв. п.)—te myestye (Далим.), kolenye moji (Вит. пс.), krzydlu tvú (Виттенб. пс.), krzidloma;

3) для мягкихъ основъ на—o: муж. р. e (изъ древн. a им. вин. п.), iu, i (род., мѣст. п.), oma, ema (дат., твор. п.) — ze dvu penyezyu (Далим.), ote dvú kralyu, ode dvu kraly, s cziesarsoma, se dvěma kraloma, kralema;

4) для мягкихъ основъ на—o: сред. р. i (им., вин. п.), iú, i (род, мѣстн. п.), oma, ema, ima, ma (дат., тв. п.), напр. pleci (Mat. Verb.), lyczy (Виттен. пс.), na pleciu svú (Клемент. пс.), na plecy (Пассіон.), wieczczoma (Вит. пс.), plecoma, plecziema, plecima (Клем. пс.), plecma (Вит. пс.);

5) для твердыхъ основъ на—a: ě (им., вин. п.), ú (род., мѣст. п.), ama, oma (дат., твор. п.), напр.: dvě pannye (Пассіон.), tuto dvú matku setkanie (Пассіон.), dczerama; оконч. oma (перенесенное съ основъ на—o) съ XIV ст.: se dceroma;

6) для мягкихъ основъ на—a: i (им., вин. п.), iu, i (род., мѣст. п.), (ama), oma (дат., твор. п.), напр.: orlyczy (Далим.), vše po najú volu bude, tu dvu dussi; примѣровъ на — ama нѣтъ; oma заимствовано отъ основъ на—o věžoma;

7) для основъ на—u: y (им., винит. п.), dva syny (Далим.), dva voly (Град. сб.);

8) для основъ на—i: i (им., вин. п.), iu, i (род., мѣст. п.), ma (дат., твор. п.), напр.: hosti, kmeti, mylosti, hosťú, kosťu, vsi, peczetma, kostma;

9) для основъ на согласный: y, i, ě (им., вин. п.), iú, ú (род., мѣст. п.), oma, ema, ama, ma, напр. koruhwy, kameny, rameny, dietietie dvě teletie (Гусъ), mateři; ramenu obú (Град. сб.), dyetatu (Пассіон.), ramenoma, dyetatma, zwierzatoma.

Въ современномъ яз. слѣды древняго двойственнаго числа удержались въ слѣдующихъ формахъ: dva, oba (м., ср. р.), dvě, obě (ж. р.), dvou, obou, dvěma, oběma; u prsou, na persou, dvě stě, u kolenou, na kolenou, u ramenou, na ramenou, ruce, rukou, rukama, nohou, nohama, oči, uši (им., вин. п.), očí, uší (род. п.), očima, ušima. Въ народномъ яз. род. и особ. мѣстн. п. rukouch, nohouch (ch явилось по аналогіи род. п. мн. ч.). На род. п. двойств. ч. опираются народные дательные падежи—rukoum, nohoum; m прибавлено въ нихъ по аналогіи род. и дат. мн. ч. (chlapů—chlapům). Весьма распространенныя въ народныхъ говорахъ (особенно моравскихъ) окончанія творит. пад. мн. ч. на ama (для всѣхъ родовъ), oma (ляшск. нар.), вѣроятно, также заимствованы изъ двойственнаго числа: chlapama, synama, rybama, širokyma, křídlama, chlopoma.

2. *Виды именнаго склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ.* Въ современномъ чешскомъ языкѣ представлены въ большей или меньшей степени всѣ древніе виды именнаго склоненія, за исключеніемъ одного—склоненія основъ на -u, именно: 1) склоненіе основъ на -o (ъ, o), твердое и мягкое, 2) склоненіе основъ на -a, твердое и мягкое, 3) склоненіе основъ на -i мужескаго и женскаго рода и 4) склоненіе основъ на—*согласный*. Господствуютъ въ языкѣ первые два вида—склоненіе основъ на -o и на -a. По нимъ измѣняются не только издревле-относящіяся сюда основы, но и нѣкоторыя другія—какъ-то: всѣ основы на u, многія основы на i и на *согласный*. При этомъ твердое и мягкое различія въ этихъ видахъ склоненія выдержаны очень послѣдовательно. Разница между окончаніями твердаго и мягкаго склоненія вслѣдствіе звуковыхъ особенностей чешскаго вокализма еще значительнѣе, чѣмъ въ старо-славянскомъ языкѣ, такъ что каждое изъ нихъ представляетъ какъ бы свой самостоятельный типъ. Склоненіе основъ на -i удержалось, но далеко не въ полномъ видѣ; его коснулось наблюдаемое и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ смѣшеніе основъ: многія основы на -i муж. р. склоняются уже по образцу основъ на -o, а нѣкоторыя основы на -i жен. р. слѣдуютъ мягкому склоненію основъ на -a. Наиболѣе консервативенъ въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) литературный языкъ; въ народной же рѣчи этотъ видъ склоненія все больше падаетъ. Сохранилось въ языкѣ и склоненіе на согласный (v, n, t, r), но также не въ полномъ объемѣ; древнія характерныя окончанія этого склоненія

выступаютъ преимущественно въ единственномъ числѣ (ramene, rameni) а во множественномъ числѣ большею частью произошло смѣшеніе основъ: основы на n, s, t, слѣдуютъ склоненію основъ на -o, а основы на -v склоненію на -a. Въ народномъ языкѣ такое смѣшеніе основъ иногда простирается и на единственное число (rameno, ramena, ramenu).

Такимъ оразомъ въ настоящее время въ чешскомъ именномъ склоненіи можно различать слѣдующіе виды:

1) склоненіе основъ на -o: chlap, město.
2) „ „ на -jo: muž, Jiři, moře, znameni.
3) „ „ на -a: ryba, vladyka.
4) „ „ на -ja: duše, paní, sudí.
5) „ „ на -i: kost, host.
6) „ „ на согласные: -v, -n, -t, -r: církev, kámen, pléme, kuře, matí.

Что касается склоненія основъ на -u, то нѣкоторые остатки его сохранились еще въ древнѣйшихъ памятникахъ языка (въ XIV ст. и позже[1]); напр. зв. п. synu, (такъ и въ соврем. яз.); род. п.—volu, domu; дат. п. synovi, volovi, domovi; мѣстн. п. synu, volu, domu; им. вин. дв ч. synu, voly, domy; им. мн. ч. synove, volove; род. п. мн. synov, мѣст. п. мн. synech. Въ современномъ языкѣ слѣды склоненія основъ на -u сохранились въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на -o. Сюда относятся: u (р. п. ед. ч.), ovi (д. п. ед. ч.), u (зв. п. ед. ч.), u (м. п. ед. ч.), ove (им. п. мн. ч.), óv, ův (род. п. мн. ч.), y (вин. п. мн. ч.); напр. dubu (р. п.), chlapovi, na břehu, (м. п.) synu, vrahu (зв. п.), chlapové, dubův и т. п. Аналогичныя явленія представляютъ и другіе славянскіе языки. Ср. особенно словинскій языкъ (Лекціи по слав. язык. I, 339—340).

3. *Смѣшеніе падежныхъ окончаній.* Характерную черту чешскаго языка въ области формъ составляетъ стремленіе его къ сохраненію древнихъ окончаній, въ большей или меньшей степени соотвѣтствующихъ окончаніямъ старо-славянскаго языка. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи съ историческимъ развитіемъ языка проникли въ чешское склоненіе отступленія отъ древней нормы, которыя можно обозначить общимъ терминомъ смѣшенія падежныхъ окончаній. Это

---

[1]) Они тщательно собраны Фляйшгансомъ (Listy fil., 1890, 1891) и Гебауэромъ (Histor. mluvn., III, 1, 325 слѣд.).

смѣшеніе, наблюдаемое во всѣхъ славянскихъ языкахъ, въ чешскомъ языкѣ (частью литературномъ, частью въ народныхъ говорахъ) выразилось въ явленіяхъ двоякаго рода: 1) извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному типу словъ, по закону аналогіи примѣняется въ томъ же падежѣ къ словамъ другихъ категорій; 2) подъ вліяніемъ звуковыхъ законовъ яз. (особенно перегласовки, съуженія и стяженія гласныхъ) различные падежи одного склоненія, прежде звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія.

Къ явленіямъ перваго рода относятся слѣдующія:

I. Въ склоненіи основъ на -o: 1) рядъ указанныхъ уже выше *окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на* -u; именно: а) *оконч. зват. п. един. ч. муж. р.* -u, рядомъ съ господствующимъ окончаніемъ e: vrahu, hochu, pomoczniku (Виттенб. и Климент. пс.); u выступаетъ послѣ гортанныхъ и въ древнемъ synu; иначе e: chlape, bratře; б) *оконч. род. п. един. ч. муж. р.* -u, рядомъ съ основнымъ a: dubu, hradu, lidu, но—chlapa, orla и т. п. (о разграниченіи употребленія a и u ниже при обзорѣ склоненія основъ на -o); в) *оконч. дат. п. ед. ч. муж. р.* -ovi, рядомъ съ основнымъ u: chlapu, chlapovi, orlovi; ovi возможно только для именъ, означающихъ одушевленные предметы; изъ ovi образовалось oj, встрѣчающееся въ моравскихъ (опавск. нар.) и чешскихъ говорахъ, напр. chlapoj, bratroj, hadoj; ovi проникло и въ мягкое склоненіе — vračovi; г) *оконч. мѣстн. п. ед. ч.* -u, -ovi, рядомъ съ основнымъ ě: hněvu, prachu, Vaclavovi, chlapě, dubě, městě; возможно и другое объясненіе этихъ окончаній: они могли по аналогіи перейти изъ дат. п. въ мѣстный (ср. Лекціи по славянск. яз., I, 441—442); въ народныхъ говорахъ кромѣ ovi встрѣчается oj: chlapoj; д) *оконч. имен. п. мн. ч. муж. р.* -ové (ovi), рядомъ съ основнымъ i и неорганич. y: chlapové, dubové и chlapi, duby; тоже и въ мягкомъ склоненіи — oračove; е) *оконч. род. п. мн. ч. словъ муж. р.* -óv, -ův вм. пра-слав. ъ: clapóv, chlapův, dubóv, dubův, oracův; отсюда (черезъ потерю v) ó, ů: dubů; въ народн. гов. ou, ůch, ůj: sousedou, jelenuch (з.- чешск., валашск.), susedůj (валашск. нар.). Формы древнія—безъ óv, ův (hřiech—Климент. пс.) — уже въ старомъ языкѣ очень рѣдки, а въ новомъ литературномъ встрѣчаются только отъ народныхъ названій, обозначающихъ страну (Čech, Bavor), и кое-гдѣ въ говорахъ какъ діалектическая особенность. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -u, перешли въ склоненіе основъ на -o уже въ до-историческую пору.

2) *Окончанія, перешедшія изъ склоненій основъ на* -i *и на* -a; именно: а) въ *твор. п. мн. ч.* **-mi, -emi, -ami** на ряду съ основными **y, i** (въ мягкомъ склоненіи); напр.: **duby, dubmi, dubami, městy, letmi, městami, oráči, hračemi, nožami, poli, polmi, mořemi, polami**; окончаніе **mi** заимствовано изъ склоненія основъ на i; оконч. **ami, emi** (черезъ перегласовку изъ **ami**)—изъ склоненія основъ на -a; въ литературномъ языкѣ приняты древнія окончанія -y, -i; но въ живой рѣчи они удержались только въ немногихъ говорахъ (дулѣбск., валашск.), обыкновенно же вмѣсто нихъ слышны позднѣйшія **mi, ami**. Тоже явленіе въ русскомъ и польскомъ яз. (дубами, ножами, полями, dubami, nožami); въ просторѣчьи вм. **mi, ama** — часто **ma, ama, oma**; напр. chlapama, chłopoma (опавск. г.); новообразованныя формы являются въ памятникахъ съ конца XIV ст.; б) въ *мѣстн. п. мн. ч.* **-ech, -ach** на ряду съ основнымъ **ích** (изъ **iech**); напр.: chlapích (др.-ч. chlapiech, dařiech), **chlapech, březích, městích, městech, městách, koních, konech, koňách, polích, polech, polách**; оконч. **ech** заимствовано изъ склоненія основъ на -i, оконч. **ach** — изъ склоненія основъ на -a. Всѣ три окончанія— **ích, ech, ách** наблюдаются въ народныхъ говорахъ и приняты въ современномъ литературномъ языкѣ. Въ послѣднемъ кромѣ **ích**, наиболѣе распространено **ech**, которое обыкновенно слышно послѣ **n, d, t, r** и (въ словахъ средняго рода) послѣ **l**; **ách**—въ выраженіи **ve snách** и послѣ **k**, которому предшествуетъ другой согласный; напр.: **vrazích, racích, hadech, darech, rtech, stadech, městech, oknech, křídlech, jezerech, městečkách, koníčkách**; въ восточно-морав. говорахъ встрѣчается еще оконч. **-och**: **bratroch, vojakoch, oknoch**; в) въ *дат. п. мн. ч.* на ряду съ основнымъ **ům (óm)** діалектическое—**am**: chlopam (ляшск. н.), **městam**.

3) Переходъ окончанія имен. п. множ. ч. **-é** изъ *склоненія основъ на согласный* въ словахъ: andělé, manželé, židé, hosté и образованныхъ суфф. **an**: zemané, dvořané; тоже é въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ въ другихъ случаяхъ: holubé, chlapé, pané (валашск. нар.).

II. В ъ с к л о н е н і и о с н о в ъ н а -a: 1) побочное окончаніе *род. п. мн. ч.* -i, заимствованное изъ склоненія основъ на -i; для мягкихъ основъ оно весьма распространено въ литературномъ языкѣ, въ которомъ древнія формы безъ окончанія очень рѣдки; напр.: zemí, ovcí, duší, koží, bohyní; но ulic, mil, chvil, košil, neděl; въ твердыхъ основахъ оно встрѣчается только діалектически (нар. злинск., дольно-

бечевск., дольское): březí, izbí, minutí; 2) заимствованное отъ основъ на -o *окончаніе дат. п. мн. ч.* -om; напр.: kravom, jaluvkom, встрѣчается только въ нѣкоторыхъ говорахъ (ходск., д.-бечевск.); 3) діалектическія *окончанія твор. п. мн. ч.* -ama, -oma вм. обычнаго древняго оконч. ami: rybama (обще-простонародное, объясняемое какъ заимствованіе изъ древняго двойственнаго числа), kravoma (ляшск., с.-опавск.); 4) діалектическія *окончанія мѣстн. п. мн. ч.* -och (по аналогіи окончанія, употребляемаго и при основахъ—на -o) и ech (заимствованное изъ склоненія основъ на -i) вм. органическаго литературнаго ach: rybach (д.-бечевск.), rybech (стицк. гов.).

III. Въ склоненіи основъ на -i: 1) усвоеніе основами жен. рода окончаній, заимствованныхъ изъ *склоненія мягкихъ основъ на* -a; именно: a) въ *родит. п. ед. ч.* ě (вм. искон. i)—labutě; б) въ *имен., винит. пп. множ. ч.* -ě (вм. искон. i)—labutě; в) въ *дат. п. множ. ч.* -im (вм. em)—labutím; г) въ *твор п. мн. ч.* -ěmi (вм. mi)—labutěmi; д) въ *мѣст. п. мн. ч.* -ich (вм. ech)—labutích. Какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ народныхъ говорахъ употребляются тѣ и другія формы — исконныя (labuti, labutem, labutmi, labutech) и ново-образованныя, при чемъ одни слова допускаютъ двойныя формы (zeď, měď, píď, obuv, chut, nit, labuť и др.), другія возможны только съ исконными окончаніями (kost, smrt, pěst и др.), третьи—съ окончаніями основъ на -a (daň, dlaň, bázeň); болѣе подробныя свѣдѣнія о различныхъ измѣненіяхъ этихъ словъ сообщаются ниже, при схемѣ склоненія;

2) усвоеніе основами муж. р. для большей части падежей окончаній, заимствованныхъ изъ *склоненіе основъ на* -o *и на* -jo: host, зв. п. hosti и hoste, род. п. hosti, hostě и hosta, дат., м. пп. hosti и hostu, hostovi, им. мн. ч. hostie (др.-ч.), hosté, hosti, род. мн. ч. hostí и hostův, дат. п. мн. ч. hostem и hostům; ново-образованныя формы берутъ перевѣсъ не только въ народной рѣчи, но и въ литературномъ языкѣ;

3) въ восточныхъ моравскихъ говорахъ основы муж. и жен. р. принимаютъ въ *дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч.* соотвѣтствующія окончанія основъ на -a: ám, ami, ách, напр. hosťám, kosťám, hosťami, kosťami, hosťách, kosťách.

IV. Въ склоненіи основъ на согласный: 1) *основы на* v въ народной рѣчи принимаютъ въ *род. п. ед. ч.*, въ *имен. и вин. пп мн. ч.* оконч. -ě по аналогіи основъ на -ja: tykvě, větvě, láhvě; въ литературномъ яз. первичное e: tykve, větve и т. д.; сверхъ того для

нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ возможны параллельныя формы всѣхъ падежей по аналогіи основъ на -a; напр.: dratev — dratva, dratve — dratvy и т. д.; 2) *основы на* -n муж. р. образуютъ формы множественнаго числа обыкновенно по аналогіи основъ на -o: им. kameni, -ove, род. п. kamenův, дат. п. kamenům и т. д., впрочемъ и въ литературномъ яз. удерживаются род. п. — kámen (гдѣ kámen обозначаетъ вѣсъ напр. — deset kámen masa) и kořen (въ выраженіи — do kořen или do kořan); въ народныхъ говорахъ окончанія основъ на -o, -jo проникаютъ и въ падежи единств. числа: род. п. kamena, kamenu, kameňa, дат. п. kamenu, kameňu; 3) *основы средняго рода на* -n, -t во множественномъ числѣ слѣдуютъ исключительно основамъ на -o: им., вин. пп. ramena, kuřata, род. п. ramen, kuřat, дат. п. ramenům, kuřatům и т. д.; для основъ на n въ живой рѣчи весьма употребительны ново-образованія по аналогіи основъ на -o и въ единственномъ числѣ: rameno, semeno, род. п. ramena, semena, дат. п. ramenu, semenu и т. д.; отъ основъ на -t подобныя формы встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ говорахъ: těleťa, těleťu (в.-морав. гов.); 4) *основы на* -s вполнѣ усвоили падежныя окончанія основъ на -o и за исключеніемъ nebe утратили и согласный s; напр. slovo, tělo, род. п. slova, těla; nebe въ единств. числѣ слѣдуетъ мягкому склоненію на -o, а во множественномъ—твердому, при чемъ сохраняетъ s только во множ. ч.; напр. имен., вин., зв. nebe, род. п. nebe, дат., мѣст. пп. nebi, тв. п. nebem, им., вин. пп. nebesa, род. п. nebes, дат. п. nebesům, тв. п. nebesy, м. п. nebesích; 5) *основы на* -r допускаютъ во всѣхъ падежахъ формы съ окончаніями основъ на -a: род. п. dcery, тв. п. dcerou, им. мн. ч. dcery, дат. п. dcerám, тв. п. dcerami, м. п. dcerách. Употребительныя теперь формы дат. п. — mateřem, -řím и мѣст. п. — mateřech, -řich также надо разсматривать какъ ново-образованія по аналогіи основъ на -ja; сверхъ того въ старомъ яз. и народныхъ говорахъ встрѣчаются формы безъ согласнаго основы съ окончаніемъ отъ основъ на -i: род., тв. пп. mati (моравск. гов.).

Весьма многочисленны явленія втораго рода, т. е. случаи смѣшенія падежныхъ окончаній вслѣдствіе измѣненія послѣднихъ на основаніи общихъ законовъ чешскаго вокализма. Сюда относится главнымъ образомъ мягкое склоненіе основъ на -o и на -a, значительно упростившееся по сравненію съ мягкимъ склоненіемъ старо-славянскаго языка.

I. Въ склоненіи основъ на -jo муж. р. совпали слѣдующіе падежи: 1) *род. ед. ч.* и *вин. мн. ч.*, имѣющіе оконч. e: oгačе, mečе, mužе, císaře, otcе; въ род. п. e развилось изъ древн. а (огаčа, meča), въ вин. п. мн. ч. а соотвѣтствуетъ старо-слав. ѧ (мѫжѧ, конѩ) и по распространенному въ наукѣ мнѣнію возникло изъ пра-слав. ê (ѣ); 2) *зват.*, *дат.*, *мѣстн. един. ч.* и *твор. множ. ч.*, оканчивающіеся на i: огačі, meči; слова, обозначающія предметы одушевленные, имѣютъ тоже окончаніе и въ имен. п. множ.; въ старомъ языкѣ принимали і и слова, обозначающія предметы неодушевленные, въ настоящее время они пользуются формой на -e, заимствованной изъ винительнаго пад. (mečе); въ имен. и твор. пп. множ. ч. і пра-славянскаго происхожденія, а въ зват., дат. и мѣстн. един. возникло изъ u черезъ перегласовку.

Имена *существительныя на* -í (образованныя суфф. ьjь), напр. Jurьjь — Juří (др.-ч.)—Jiří (н.-ч.) вслѣдствіе съуженія e (изъ а) въ í имѣютъ однородное окончаніе -í во всѣхъ падежахъ, оканчивающихся на гласный Jiří; род. п. множ. ч. также имѣетъ í которое развилось изъ ьjь: Jiří. Въ старомъ языкѣ встрѣчаются формы и съ e: yurzye, gyrzie. Въ новомъ языкѣ весьма употребительны формы, образованныя по сложному склоненію: Jiřího, Jiřímu.

II. Въ склоненіи основъ на -jo ср. р. совпали слѣдующіе падежи: 1) *именит.*, *винит.*, *родит. ед.*, *именит.* и *винит. мн. ч.*, принимающіе оконч. e, которое во всѣхъ случаяхъ, кромѣ имен.— вин. ед. образовалось путемъ перегласовки изъ а (ʼа): moře (= русск. мóре, мóря, моря́); 2) *дат.*, *мѣстн. ед. ч.*, и *твор. мн. ч.*, оканчивающіеся на -i: moři, въ творит. мн. ч. і—древнее, въ дат. и мѣстн. ед. ч.—изъ u (ʼu) черезъ перегласовку; въ род. множ. ч. также і, но долгое: оно проникло въ данное склоненіе по аналогіи съ другими существительными, имѣющими і въ томъ же падежѣ.

Имена, оканчивающіяся въ *имен. п. на* -í (древн. ie изъ ьjе), имѣютъ однородное окончаніе—í во всѣхъ падежахъ, долженствующихъ оканчиваться на гласный; напр. obilí, znamení (им., вин., зват., род., дат., мѣстн. един. ч. имен., вин., зват., род. множ. ч.). Въ однихъ случаяхъ (въ мѣстн. ед. род. множ.) í—результатъ стяженія гласныхъ (znamenьji, znamenьjь) въ другихъ—оно результатъ стяженія и перегласовки u въ i (дат. ед. znamenьju), въ третьихъ результатъ стяженія и съуженія ie въ í (им. вин. зв. ед. znamenьje), въ четвертыхъ—резуль-

татъ стяженія, перегласовки ia въ ie и съуженія ie въ i (род. ед. имен., вин., зват. множ. ч. znamenьja[1]). Въ народныхъ говорахъ кое-гдѣ слышатся формы, образованныя по сложному склоненію: род. п. psaního, zelího, д. п. psanímu, zelímu, р. п. мн. ч. psaních, zelích; а въ стар. яз.: znameních, kazanych tvých (Виттенб. пс.).

III. Въ **склоненіи основъ на -ja** совпали слѣдующ. падежи: 1) *имен., зват., род. ед. ч., имен.* и *вин. мн. ч.* оканчивающіеся на e: duše, země, vůle; въ имен. п. e изъ a, черезъ перегласовку (duša), въ зват. e—древнее (ср. старо-слав. доуше, сербо-хорв. душе и т. д.), въ род. ед. въ имен., вин. мн. ч. e соотвѣтствуетъ старо-сл. ѧ (доушѧ) и возникло изъ пра-слав. ѣ (ср. вин. мн. огаčе); 2) *дат., мѣст., вин, твор. ед. ч* и *род. мн. ч.*, оканчивающіеся на -i, которое въ твор. ед. и род. мн. — долгое (í): duši, zemi, vůli, duší, zemí, vůlí; въ дат. и мѣстн. ед. ч. i—древнее (ср. старо-слав. и друг. живые языки), въ вин. i возникло черезъ перегласовку изъ u = пра-слав. ѫ (dušu = душѫ, ср. 60, 66 стр.) въ твор. п. í изъ ú = ѫ (dušú—dušou); въ род. мн. ч. í по аналогіи основъ на i.

Имена, оканчивающіяся въ *имен. п. на* í (отъ основъ на -ьja), имѣютъ во всѣхъ падежахъ, кромѣ дат., твор. и мѣст. мн. ч. одно окончаніе—í: paní; í образовалось въ однихъ падежахъ (им. ед., род. мн.) черезъ стяженіе суфф. основы ьj и гласнаго оконч., въ другихъ (вин. твор. ед.) — черезъ стяженіе ьju и перегласовку u, въ третьихъ (род. ед., имен. винит. мн. ч.) черезъ стяженіе ьjê и съуженіе ie; въ дат. мѣстн. ед. ч. í древнее.

Въ народныхъ говорахъ Моравіи и Силезіи, совсѣмъ незнающихъ законовъ перегласовки и съуженія гласныхъ, или допускающихъ

---

[1]) Въ объясненіи этихъ формъ, такъ же какъ стяженныхъ обр. Jiří мы слѣдуемъ проф. Гебауэру (Hist. ml., III, 163—171). Но возможно и другое ихъ толкованіе: znamení (им. п.) могло образоваться изъ znamenije (а не изъ znamenьje), род. п. изъ znamenija (а не изъ znamenьja) и т. д. Если принять мнѣніе Лескина (Грам. старо-слав. яз. рус. перев. 36), что для старослав. яз. оконч. ьѥ древнѣе иѥ (знаменьѥ и знамениѥ), то для чешскаго пра-языка вѣроятнѣе предположить только ije, ija, iju и т. д., въ этихъ сочетаніяхъ i взяло перевѣсъ надъ слѣдующимъ гласнымъ и уподобило ихъ себѣ, при чемъ конечное a прежде перегласовалось въ e, а потомъ уже перешло въ i. Такія формы какъ ctenije, pozvanije (Θ. Штитный) даютъ основаніе предполагать оконч. ije и въ написаніи такихъ словъ древнихъ памятниковъ какъ zpanye, dobreho dyenye (Виттенб. пс.) и слѣдовательно подтверждаютъ вѣроятную правильность приведеннаго объясненія. Миклошичъ тоже полагалъ, что psaní образовалось изъ psanije—psanjé. Ср. русск перев. сравнит. морфол. слав. яз., в. IV, 500.

вліяніе этихъ законовъ на вокализмъ лишь въ ограниченной степени, указанное смѣшеніе падежныхъ окончаній въ мягкомъ склоненіи или вовсе не имѣетъ мѣста или выражено далеко не такъ рѣзко и послѣдовательно какъ въ современномъ литературномъ языкѣ. Первоначальные гласные а, u, ie обыкновенно сохраняются; напр. род. п. noža, koňa, muža, pola, mořa, psaňa, дат. п. nožu, koňu, polu, mořu, psaňu, зв. п. nožu, mužu, им. п. duša, meza, veža, в. п. ružu, тв. п. dušú, им. п. ед. zbožié, požehnanié им. мн. psaňa. Тоже отчасти относится къ старому книжному языку, въ которомъ не рѣдки формы, оканчивающіяся на непергласованное u и несъуженное é, ie; напр.: otczu, zirdczu, znamenyu, zemu, mezu, spasenie, cztenye и др.

IV. Въ **склоненіи основъ на-і** во многихъ падежамъ, имѣющимъ і, согласно требованіямъ древней флексіи, присоединяются слѣдующіе, отражающіе на себѣ вліяніе звуковыхъ законовъ языка: 1) твор. п. ед. ч. женскихъ основъ, въ которомъ í образовалось изъ ьju (или ĳu) черезъ стяженіе и перегласовку: kostí, и 2) род. п. мн. ч. муж. и жен. основъ: hostí, kostí; í произошло черезъ стяженіе ĳ (прасл. ьjь) въ др. яз. hostij.

V. Въ **склоненіи основъ на v, r** съ дат.—мѣстн. п. совпадаетъ твор. п. ед.: tykví, mateří; í возникло изъ ьju (или ĳu) въ др. яз.: materzyu (Виттенб. пс.).

4. *Характерныя окончанія.* Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предшествующемъ параграфѣ, и нѣкоторыхъ частныхъ особенностей чешской фонетики, тамъ не упомянутыхъ, именное склоненіе современнаго литературнаго языка и народныхъ говоровъ представляетъ рядъ характерныхъ окончаній, частью отличающихъ его отъ склоненія старо-славянскаго языка, частью сближающихъ его съ нимъ. Ниже перечисляются эти окончанія, при чемъ характерныя окончанія литературнаго языка обозначены жирнымъ шрифтомъ, а діалектическія особенности—курсивомъ.

I. Въ склоненіи основъ на -**o**.

Един. ч.

1) Зват. п. муж. р.—не только **-e**, но и **u**: chlape, vrahu.
2) Род. п. **-a**, **-u**: chlapa, dubu; сред. р. только **a**: města.
3) Дат. п. **-u**, **-ovi**: chlapu, **-ovi**, dubu; сред. р. только **-u**: městu; діалект. *-oj*: chlap*oj*.

4) **Мѣстн. п. -ě, -u, -ovi: chlapě, -u, -u, -ovi, břehu, městě, uchu;** **діал.** *oj*: **chlapoj.**

5) **Твор. п. - em (изъ ъмь): chlapem, městem.**

Множ. ч.

6) **Имен. п. муж. р. -i, -y, -ove, -é: chlapi, chlapove, duby** (именит. неодушевл.), **židé; ср. р. -a: města.**

7) **Вин. п. -y: chlapy, duby; ср. р. -a: města; діал.** *a* и въ муж. р.: **mrak***a*, **dol***a* (въ литер. яз.: **oblaka, vrcha, záda, prsa**).

8) **Род. п. муж. р. -ův, -ů** (**óv, uov** въ старомъ яз.): **chlapův, chlapů;** **діалект.** *-óv, -uov, -u, -uv, -um, -ou*, **-ůch, -ůj**; *-í*: **sused***óv* (морав. г.), **bratr***uov* (с.-опав.), **chlap***u* (ческ. г.), **chłop***uv* (ляш. н.), **sousedum** (ганац. г.), **soused***ou* (дольск. н.), **jelen***uch*, **súsed***uj* (вал. н.), **vlas***í* (морав. г.), ср. р.—безъ особаго оконч. **měst.**

9) **Дат. п. -ům** (**-óm, -uom** въ старомъ яз.): **chlapům, dubům, městům;** **діалект.** *-om* (съ краткимъ *o*), *am:* **chlap***om*, **dub***om*, **okn***om* (домажл., дулѣбск., моравск. г.), **chłop***am*, **bratr***am*, **okn***am* (ляшск. н.).

10) **Твор. п. -y: chlapy, duby, městy;** въ живой рѣчи и говорахъ *-mi*, *ami*, *ma*, *ama*, *oma*: **dub***mi*, **chlop***ami*, **chlap***ama*, **chłop***oma*, **okn***ami*, **okn***ama*, **okn***oma*.

11) **Мѣст. п. -ích, -ech, -ách: chlapích, hadech, slovích, stádech, jablkách;** **діалект.** *och:* **bratr***och*.

II. Въ склоненіи основъ на -jo.

Един. ч.

12) **Имен. п. муж. р.—согласн. зв., -i: orač, Jiři; сред. р.** (им., вин., зв.) **-e, -í: moře, znamení.**

13) **Зват. п. -i, -e: oráči, meči, otče.**

14) **Род. п. -e, í: orače, Jiří, moře, znamení;** *-a* (мор. г.): **muža, pola.**

15) **Дат. п. -i, -ovi: orači, oračovi, moři;** *u* (морав. г.), *oj* (сѣв.-вост. Чехія): **nožu, oračoj, mořu.**

16) **Мѣст. п. -i, -ovi: orači, oračovi, moři, znamení;** *u* (мор. г.); *oj* (чеш. гов.): **muž***u*, **orač***oj*, **moř***u*.

17) **Твор. п. -em, -ím: oračem, mořem, Jiřím, znamením.**

Множ. ч.

18) **Имен. п. муж. р. -i, -ove** (имена одуш.), **-e** (неодуш.): **orači, oračove, meče;** *-é* (морав. г.): **kováře, koně; средн. р.** (им., зв., вин.) **-e, -í: moře, znamení;** *a* (морав. г.): **pol***a*, **psaň***a*.

19) Вин. п. муж. р. -e: oračе, meče.

20) Род. п. муж. р. -ův, -ů, -i: oráčův, oráčů, mečův, mečů, Jiří; *-um*, *-ou*, -*ůch*, -í (народ. г.): groš*um*, žen*cou*, nož*ůch*, rodičí; ср. р. -i: moří; *-é* (д.-бечевск.)—pol*é*.

21) Дат. п. муж. р. -ům: oračům; *-om*, *-im* (краткое *o*), *um*, *am*: ko-ň*om*, kon*ím*, koň*um*, koň*am*; сред. р. -im: mořím; *-om*, *-um*, *-am* (морав. г.): pol*om*, pol*um*, pol*am*.

22) Твор. п. -i: oráči, moři; *-mi*, *-ma*, *-emi*, *-ema*, *-ami*, *-ama*, *-oma* (народ. г.): koň*ma*, muž*ema*, nož*ama*, pol*ma*, pol*ami*.

23) Мѣстн. п. -ich: oráčích, mořích; *-éch*, *-ech*, *-och*, *-ách* (народ. г.): nož*ech*, zajic*och*, koň*ach*, pol*ech*, pol*och*, pol*ách*.

III. Въ склоненіи основъ на -a.

Един. ч.

24) Зват. п. -o: rybo (старо-слав. рыбо).

25) Вин. п. -u: rybu.

26) Род. п. y: ryby; *-e* (морав. г.): reb*e*.

27) Дат., мѣстн. пп. -ě: rybě; діалект. *-i*: ryb*i*.

28) Твор. п. -ou (ú, au въ стар. яз.): rybou; *-ú*, *-ó*, *-u*, *-úm*, *-um* (народн. г.): ryb*ú*, reb*ó*, ryb*u*, ryb*um*, koz*úm*[1]).

Множ. ч.

29) Им., вин. пп. -y (въ старо-слав. ы): ryby; *-e* (народ. г.): reb*e*.

30) Род. п.—*безъ оконч.*: ryb; í (народ. г.): březí, izbí.

31) Дат. п.—ám: rybám; *-am*, *-om*, *-um* (народ. г.): ryb*am* (ляшск. н.); ryb*um* (опавск.), ryb*om* (д.-бечевск.).

32) Твор. п.—ami: rybami; *-ámi*, *-ama*, *-oma*: krav*ámi* (морав. г.), ry-b*ama* (обще-народн.), krav*oma* (сил. г.).

33) Мѣст. п.—ách: rybách; *-ach*, *-och*, *-óch* (народ. г.): ryb*ach*, zahra-d*och*, zahrad*óch*.

IV. Въ склоненіи основъ на -ja.

Един. ч.

34) Имен. п. -e, -i—безъ оконч.: duše, paní, báň; *a* (морав. г.): hraz*a*.

35) Зват. п. -e, -i, -í: duše, záři, paní; *o* (морав. г.): duš*o*.

---

[1]) Объясненіе формъ на -um представляетъ большія трудности, такъ же какъ и соотвѣтствующихъ имъ кайкавскихъ (водум, женум. Ср. Лекціи, I, 291). Облакъ видитъ здѣсь аналогію твор. п. основъ на -o, Гебауэръ—объясняетъ m вліяніемъ польскаго яз. какъ въ 3 л. мн. ч. chodzum.

36) Вин. п. -i, -í—безъ оконч.: duši, paní, báň; *u* (морав. г.): duš*u*.
37) Род. п. -e, -i: duše, paní; *i* (морав. г.): zem*i*.
38) Дат.—мѣст. пп. -i, í: duši, paní.
39) Твор. п. -í: duší, paní; ú (морав. г.): dušú, *ej* (сѣв.-вост. Чехія)—prac*ej*, *úm*, *um* (ляшск. н.): duš*um*.

Множ. ч.

40) Им., вин., зват. пп. -e, -í: duše, paní.
41) Род. п.—безъ оконч., -í: ovec, duši, paní.
42) Дат. п. -ím, -em: duším, prácem, paním; *-ám* (морав. г.), *-om*, *-um* (ляшск. н.): duš*ám*, duš*om*, duš*um*.
43) Твор. п. -emi (-ěmi), -ími: dušemi, zeměmi, paními; *ema*, *ma* (народн. г.), *ami*, *ama*, *oma* (моравск. г.): duš*ema*, nedel*ma*, duš*ami*, duš*ama*, duš*oma*.
44) Мѣстн. п. -ích, -ech: duších, pracech, paních; *ach* (морав. г.), *och* (ляшск. н.): duš*ach*, duš*och*.

V. *Въ склоненіи основъ на* -i.

а) *Основы женскаго рода.*

Въ имен. п. един. ч. конечный согласный можетъ звучать твердо и мягко: kost и kosť.

45) Твор. п. ед. ч. -í: kostí; *ej* (с.-вост. Чехія): kosť*ej*, *ú*, *ó*, *ou*, *um* (морав. г.): kosť*ú*, kosť*ó*, kosť*ou*, kosť*um*.
46) Род. п. ед. ч. -i: kosti; ě (*e*): kostě (народ. г.).
47) Им., вин. пп. мн. ч. -i: kosti; ě (*e*): kostě (народ. г.).
48) Род. п. мн. ч. -í: kostí (старо-сл. костии), *i* (кратк.), *é* (нар. г.): kost*i*, kost*é*.
49) Дат. п. мн. ч. -em, -ím: kostem, daním; *ám*, *am*, *im* (народн. г.): kosť*ám*, kosť*am*, kost*im*.
50) Твор. п. мн. ч. -mi, -ěmi, -emi: kostmi, basněmi; *ma*, *imi*, *ima*, *ami*, *ama* (народ. г.): kost*ma*, kost*ima*, kosť*ami*, *-ama*.
51) Мѣст. п. мн. ч. -ech, -ích: kostech, písních; *ach*, *ich*, *och* (нар. г.): kosť*ach*, kost*ich*.

б) *Основы мужескаго рода.*

Един. ч.

Въ именит. пад. конечный согласный можетъ звучать твердо и мягко host и hosť.

52) Зват. п. -i: hosti; *u* (морав. г.): hosť*u*.
53) Род. п. -i, -a: hosti, hosta; ě, *ja* (народ. г.): hostě, hosť*a*.
54) Дат., мѣстн. пп. -i, -u, -ovi: hosti, hostu, hostovi.
55) Тв. п. -em: hostem.

Множ. ч.

56) Им., зват. пп. -é: hosté; *i*, *ove* (народ. г.): host*i*, kmet*ove*.
57) Вин. п. -i: hosti; ě, *y* (народ. г.): hostě, host*y*.
58) Род. п. -í: hostí; *i*, ů, *ich* (народ. г.): host*i*, hostů hostich.
59) Дат. п. -em, -ům: lidem, hostům; *ám*, *am*, *im* (народ. г.): hosť*am*, host*im*.
60) Твор. п. -mi: hostmi; *ima*, *ama* (морав. г.): host*ima*, hosť*ama*.
61) Мѣст. п. -ech: hostech; *ách*, *ach*, *ich*, *och* (морав. г.): hosť*ach* host*ich*, hosť*och* (д.-бечевск. г.).

VI. *Въ склоненіи основъ на согласные.*

а) *Основы на* -v.

Един. ч.

62) Им. п. (-ev), (-v)a: tykev, tykva; (*v*)ě, (*v*)*e* (нар. г.)—tykvě, tykve.
63) Зв. п. -i -o: tykvi, tykvo; *jo* (мор. г.) krv*jo*.
64) Вин. п. -(ev), -u: tykev, -tykvu; *jo*, *ju*, (нар. г.): mrkv*jo*.
65) Род. п. -e, -y: tykve, tykvy; ě, *i* (нар, г.) tykvě, krv*i*.
66) Дат., мѣстн. пп. -i, ě: tykvi, tykvě.
67) Твор. п. -í -ou: tykví, -tykvou; *ú*, *ó* (мор. гов.): tykv*ú*, tykv*ó*.

Множ. ч.

68) Им., вин., зв. пп. -e: tykve, *y*, ě (нар. г.) tykv*y*, tykvě.
69) Род. п. -í: tykví; *i*, *é* (мор. г.)—tykv*i*, mrkv*jé*.
70) Дат. п. -ím, -ám: tykvím, tykvám; *im*, *jám* (моравск. гов.): tykv*im*, mrkv*jám*.
71) Тв. п. -emi, ami: tykvemi, tykvami; *ema*, ě*ma*, *ami*, *ama* (нар. г.): tykv*ema*, větvě*ma*, mrkv*jami*, mrkv*jama*.
72) Мѣстн. п. -ích, ách: tykvích, tykvách; *ich*, *jach* (мор. г.): tykv*ich*, mrkv*jach*.

б) *Основы муж. р. на* -n.

Един. ч.

73) Им. вин. п. (-n): kámen, (-ň) kameň (мор. г.).
74) Зв. п. -i: kameni; -*e*, *u* (народ. г.); prsten*e*, kořěň*u*.

75) Род. п. -e, -a -u: kamene, kamena, kamenu; *je*, *ja* (мор. г.): kameně, kameň*a*.

76) Дат. п. -i, -u: kameni, kamenu; *u* (морав. г.) kameň*u*.

77) Тв. п. -em: kamenem.

78) Мѣст. п. -i, -ě, -u: kameni, kameně, kamenu; *ju* (мор. г.) kameň*u*.

Множ. ч.

79) Им., зв., вин. пп. -y: kameny; *i*, ě (народ. г.) kamen*i*, kameně.

80) Род. п. -ův, безъ оконч.: kamenův, kamen; *í*, *j*ů (нар. г.): kamení (керконошск. г.), kaměnu (мор. г.).

81) Дат. п. -ům: kamenům; *om*, *ám* (мор. г.): kameň*om*, kameň*ám*.

82) Твор. п. -y: kameny; *ami*, *ama*, *jama*, *jamo* (нар. г.): kamen*ama*, kameňema.

83) Мѣстн. п. -ech: kamenech; *och*, *ách* (нар. г.), kameň*och*, kameň*ách*.

в) *Основы сред. р. на* -n, -t.

Един. ч.

84) Именит., зват., вин. пп. (-ě), (-en)o: rámě, rameno, kuře; (*a*) kuř*a* (морав. г.).

85) Род. п. -e, -a: ramene, ramena; kuřete; kuř*até*, kuř*atá* (народ. г.).

86) Дат. п. -i, -u: rameni, ramenu, kuřeti; kuř*ati*, kuř*atu* (морав. г.).

87) Тв. п. em: ramenem, kuřetem; kuř*atem* (морав. г.).

88) Мѣстн. п. -i, -u, -ě: rameni, ramenu, rameně, kuřeti; kuř*atú* (моравск. гов.).

Множ. ч.

89) Им., зв., вин. -a: ramena, kuřata; *á* telat*á* (нѣкот. морав. гов.).

90) Род. п. безъ оконч.: ramen, kuřat.

91) Дат. п. -ům: ramenům, kuřatům; *om*, *am* (народ. гов.): telat*om*, hříbát*am*.

92) Твор. п. -y: rameny, kuřaty; *ami*, *ama* (народ. гов.), ramenama, kuřatama.

93) Мѣстн. п. -ech: ramenech, kuřatech; (*t*) *och*, (*t*)*ách*: telat*och*, hříbát*ach* (морав. г.).

г) *Основы на* -r.

Един. ч.

94) Имен., зв. пп. -i, -(r)a: mati. dcera.

(95 Вин. п.—(eř)—(r)u; mateř, dceru.

96) Род. п. -e, -(r)y: mateře, dcery; *i* (морав. г.) mateři.
97) Дат., мѣст. пп. -i: mateři, dceři.
98) Твор. п. -í, -(r)ou: mateří, dcerou.

Множ. ч.

99) Им., зв., вин. пп. -e -(r)y: mateře, dcery.
100) Род. п.—безъ оконч., -í: dcer, mateří.
101) Дат. п. -em, -im, -am: mateřem, mateřim, dceram.
102) Твор. п. -mi (r)ami: mateřmi, dcerami.
103) Мѣстн. п. -ech, -ích, -ách: mateřech, mateřich, dcerách.

Относительно происхожденія перечисленныхъ окончаній, въ дополненіе къ сказанному въ предшествующемъ параграфѣ, необходимо прибавить слѣдующія частныя замѣчанія:

Къ 5. Оконч. em (твор. п.) соотвѣтств. старо-слав. ъмь и такъ какъ e здѣсь не коренное, а изъ болѣе древн. ъ, то и не смягчаетъ предшествующаго согласнаго: člověkem, bratrem; Ср. 59 стр.

Къ 6. Въ имен. мн. ок. i соотв. старо-слав. и (раби); y собств. оконч. винит. п. и въ современномъ языкѣ примѣняется къ именамъ неодушевленныхъ предметовъ.

Къ 7. Ок. y (вин. п.), соотв. старо-слав. ы (рабы), звучитъ какъ i.

Къ 8, 9, 20, 21. Ок. ův (род. п.), ům (род. п.) соотвѣтствуютъ старо-слав. овъ, омъ; ů образовалось изъ ův черезъ потерю v.

Къ 10. Ок. y (тв. п.) соотв. старо-слав. ы (рабы).

Къ 11. Ок. ích (м. п.) образовалось черезъ съуженіе é изъ ech, а éch изъ iech, соотв. старо-слав. ѣхъ (рабѣхъ); въ стар. языкѣ darziech, mlyniech.

Къ 18. Имен. п. мн. ч. на -e есть собств. винит. п.; это окончаніе, возникшее изъ пра-слав. ę и соотвѣтствующее старо-слав. ѧ (мечѧ) принимаютъ имена неодушевленныхъ предметовъ.

Къ 22. Оконч. i (твор. п.) соотвѣтствуетъ старо-слав. и (кони).

Къ 24. Ок. o (зв. п.) соотвѣтствуетъ старо-слав. о (ženo).

Къ 25. Ок. u (вин. п.) соотвѣтств. старо-слав. ѫ (рыбѫ).

Къ 26. Ок. y (р. п.) соотвѣтств. старо-слав. ы (рыбы).

Къ 27. Ок. ě соотв. стар-слав. ѣ (рыбѣ).

Къ 28. Ок. ou (тв. п.) соотв. старо-слав. ѫ (рыбѫ).

Къ 29—33. Окончанія склон. основъ на -o во множ. ч. вполнѣ совпадаютъ со старо-славянскими.

Къ 42. Окон. дат. п. мн. ч. **ím** возникло изъ перво-нач. **ʼam** черезъ перегласовку **ʼa** въ **ie** и съуженіе **ie**, **-í**; въ **em** (**pracem**) **e** удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и твор. мн. Тоже относится къ оконч. мѣстн. п. **ích**, **-ech** 43.

Къ 49—51, 59—61. Оконч. дат., твор., мѣстн. множ. ч. основъ на -i: **-em**, **-mi**, **-ech** соотвѣтствуютъ старо-слав. **ьмъ**, **ьми**, **ьхъ**.

Къ 55. Оконч. **em** (тв. п.) соотв. старо-слав. **ьмь** (пѧтьмь)

Къ 62, 64. Оконч. именит., винит. **ev** соотв. старо-слав. **ы**, **ъвь** (им. п. свекры, вин. п. свекръвь).

Къ 65, 66, 68. Окон. **e** (р. п. им. вин. мн. ч.), **í** (р. д.), вполнѣ совпадаютъ со старо-славянскими (свекръве, свекръви).

Къ 75—77, 85—87, 96—97. Окончанія р. п. **e**, д. п. **í** вполнѣ совпадаютъ со старо-славянскими (камене, камени, имене, имени, матере, матери), оконч. твор. п. **em** соотвѣтствуетъ старо-славянск. **ьмь** (каменьмь).

Къ 98. Оконч. **í** (твор. п.) возникло изъ болѣе древн. **iu** черезъ перегласовку и соотв. старо-слав. **иѭ** (материѭ).

5. *Измѣненія въ качествѣ и количествѣ коренныхъ гласныхъ.* Чешское именное склоненіе, сверхъ указанныхъ особенностей, представляетъ ту характерную черту, что слова, измѣняясь по падежамъ, иногда въ тоже самое время претерпѣваютъ измѣненія и въ коренной своей части. Измѣненія эти касаются то природы звука, то его количества. Къ первымъ относятся главнѣйше явленія перегласовки **a** -**ě** внутри слова подъ вліяніемъ мягкаго гласнаго окончанія (обратная перегласовка) напр. Jan — зв. п. Jene, zemĕnín, dvořenín, во множ. ч. вин. п. zemany, dvořany. Въ старомъ языкѣ эта перегласовка выдерживалась послѣдовательнѣе; въ новое время подъ вліяніемъ аналогіи чаще возстановляется древнее **a**; напр. др.-ч. **čas**—**čese** (зват. п.), н.-ч. čase, др.-ч. česiech, н.-ч. časích, др.-ч. úřédě, н.-ч. úřadě и т. п.

Гораздо чаще и послѣдовательнѣе измѣненія гласныхъ по количеству: одни и тѣже слова въ различныхъ падежахъ могутъ имѣть то краткій, то долгій коренной гласный. Сюда относятся слѣдующія явленія:

1) Многія односложныя существительныя, имѣющія долгій гласный въ имен. п. ед., мѣняютъ его на краткій въ формахъ, представляющихъ два и больше слоговъ; напр.: práh — prahu, mráz — mrazu,

hrách—hrachu, pás—pasu, chléb — chleba, vítr—větru, sníh (др.-чеш. sniech)—sněhu, dvůr—dvora, bůh—boha, vůz—vozu, vůl—vola, kůň—koně, hnůj—hnoje, sůl—soli, hůl—holi и др. Dým можетъ звучать и съ краткимъ y—dym. Pán имѣетъ въ зват. п. pane; когда оно стоитъ передъ другимъ существительнымъ, то а кратко: pan biskup, pan soused (однако pán Bůh, pán Ježiš, pán Kristus).

2) Нѣкоторыя существительныя сред. рода, имѣющія въ имен. п. ед. ч. долгій гласный, сокращаютъ его въ род. п. мн. ч.; напр. dílo—род. п. děl, jádro—jader, péro—per, játra (мн. ч.)—jater, léto имѣетъ краткое e и въ другихъ падежахъ: letům, letech, lety.

3) Многія двусложныя существительныя отъ основъ на -a, -ja, имѣющія въ имен. п. ед. ч. первый слогъ долгій, сокращаютъ его въ твор. п. ед., и въ род., дат., твор. и мѣст. пп. множ. ч.; напр.:

Единств. число.		Множеств. число.			
Имен. п.	Твор. п.	Родит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Мѣстн. п.
brána	branou	bran	branám	branami	branách
rána	ranou	ran	ranám	ranami	ranách
žíla	žilou	žil	žilám	žilami	žilách
hrouda	hrudou	hrud	hrudám	hrudami	hrudách
síla	silou	sil	silám	silami	silách
skála	skalou	skal	skalám	skalami	skalách
práce	prací	prací	pracím	pracemi	pracích
lžíce	lžicí	lžic	lžicim	lžicemi	lžicích
kůže	koží	koží	kožím	kožemi	kožích

Не всѣ двусложныя существительныя отъ основъ на -a слѣдуютъ этому закону; во многихъ, напр. въ kára (возъ), krása, láska, páska, válka, sláva, víra, mouka, hrůza, poušť и др. долгій гласный остается и въ указанныхъ падежахъ. Нѣкоторыя существительныя даннаго типа только въ нѣкоторыхъ падежахъ мѣняютъ долгій гласный на краткій; напр. houba, род. п. мн. ч—hub, но тв. п. ед.—houbou, дат., твор., мѣстн. п.—houbám, houbami, houbách; kroupa, род. п. мн. ч.—krup, въ остальн. пп. ou: kroupou и т. д.; chvíle (минута) — род. п. мн. ч. chvil, но chvíli (тв. п.), chvílemi (тв. п. мн. ч.), chvílich (м. п. мн. ч.). Другія во всѣхъ падежахъ или нѣкоторыхъ одинаково допускаютъ то долгій, то краткій гласный; напр.: strouha и struha род. п. strouhy—struhy; sůva и sova, kůra и kora, kůrou и korou; slíva род. п. мн. ч.—

sliv, но slivou и slívou и др. При этомъ наблюдается разница между старымъ языкомъ и новымъ; въ первомъ чередованіе долгихъ и краткихъ гласныхъ въ склоненіи на -a чаще и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ старомъ. Многіе живые говоры въ этомъ отношеніи нерѣдко болѣе слѣдуютъ старинѣ, чѣмъ современный литературный языкъ.

4) Существительныя средняго рода отъ основъ на -men сохраняютъ долгіе гласные только въ двусложныхъ формахъ (им., зв., вин. п. ед. ч.); напр.: břímě, símě, rámě, pléme, témě, výmě (jmě не имѣетъ долгаго гласнаго); въ другихъ случаяхъ коренной гласный—краткій: ramene, rameni, ramenem, ramena, břemene, břemeni и т. д. Сюда же относится и kámen, род. п. kamene, дат. п. kameni и т. д.

5) Въ старомъ языкѣ и нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ (дулѣбск., вост.-моравск.) иногда наблюдается долгій гласный въ односложныхъ формахъ род. п. мн. ч. для существительныхъ отъ основъ на -o и -a, имѣющихъ коренной гласный краткій; напр.: vrata—vrát, slovo—slóv, dělo—diel, strana—strán, hlava—hláv, hora—hór, ruka—rúk.

Образцы именнаго склоненія.

I. Основы на -o.

Мужескій родъ. Средній родъ.

Един. ч.

	Мужескій родъ			Средній родъ	
И.	chlap	vrah	dub	město	slovo
З.	chlape	vrahu (-že)	dube		
В.	chlapa	vraha	dub		
Р.	chlapa	vraha	dubu	města	slova
Д.	chlapu, -ovi	vrahu (-ovi)	dubu	městu	slovu
Т.	chlapem	vrahem	dubem	městem	slovem
М.	chlapě,-u,-ovi	vraze (-hu)	dubě -u	městě, -u	slově (-u).

Множ. ч.

И.З.	chlapi, -ove	vrazi	duby, -ove	města	slova
В.	chlapy	vrahy	duby		
Р.	chlapův	vrahův	dubův	měst	slov
Д.	chlapům	vrahům	dubům	městům	slovům
Т.	chlapy	vrahy	duby	městy	slovy
М.	chlapích,-ech	vrazich	dubich,-ech	městech,-ích	slovech, -ích.

Къ склоненію именъ мужск. р.

1) По приведеннымъ образцамъ склоняются: а) всѣ имена муж. р. съ основами на -o, имѣющія себѣ полное соотвѣтствіе въ старо-слав. яз.; напр.: bůh, člověk, had, plot, bratr, lov, les, hrob, hlad, krov, chram и т. п.; б) изъ оканчивающихся въ им. п. ед. ч. на l тѣ, у которыхъ l (среднее) соотвѣтствуетъ старо-сл. и русск. твердому л (лъ); напр.: anděl, apoštol, kostel, uděl, kozel, orel, stůl, úhel, uzel, posel, Karel, Pavel и др.; также нѣкоторыя имена собственно чешскаго образованія: hrbal, hýl (снигирь), kostival (красъ полевой), manžel (супругъ), omyl (ошибка), pádel (опавшіе фрукты), popel (пепелъ), sval (сукъ, наростъ), sysel (сусликъ), šybal (хитрецъ), toul (колчанъ), tyl (затылокъ), účel (цѣль), úkol (задача, опредѣленная работа), vrchol (вершина), živel (елементъ); наконецъ слова, которыя по образованію суть собственно причастія прош. вр. на l (= старо-слав. лъ); напр.: hýřil, břidil (губитель), фамильныя имена: Sušil, Kvapil, Pospíšil, Dolezal и др.; в) заимствованныя слова на -c: tanec, palác, plac, cíc и др.; въ народныхъ говорахъ они могутъ измѣняться и по мягкому склоненію: tance (род. п.), tanci (дат. п.); г) имена отъ древн. основъ на -u, напр.: syn, dům, vůl; д) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i: holub, hospod, kmet, host (также и по склоненію на -i).

2) Въ современномъ языкѣ выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ; именно у именъ одушевленныхъ: а) винит. п. ед. ч. сходенъ съ род. п. (chlapa); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -a (chlapa); в) имен. п. мн. ч. оканчивается на -i (ove); у именъ неодушевленныхъ: а) вин. сходенъ съ имен. (dub); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -u (dubu); в) имен. п. мн. ч. на -y (duby). Въ старину этого различія не было, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ оно представлено очень слабо: вин. п. ед. ч. и у одушевленныхъ именъ совпадалъ съ имен.[1]) (chlap), род. п. преимущественно оканчивался на -a (duba), а имен. п. мн. ч. на -i у словъ того и другаго значенія (dubi).

3) e, находящееся въ именит. п. ед. ч. передъ согласнымъ окончанія, исчезаетъ во всѣхъ падежахъ, гдѣ за этимъ согласнымъ слѣ-

[1]) Архаическій вин. п. именъ одушевленныхъ сохранился въ выраженіяхъ: pro Bůh, na svátý Jan, na svátý Petr и т. п.

дуетъ гласный; напр.: orel—orla, orlu, sen—snu, osel—osla, pátek—pátku, mozek—mozku Ср. стр. 82.

4) Род. п. ед. ч. имѣетъ два оконч.: -a, -u (о происхожденіи -u см. выше стр. 107); a—принимаютъ имена одушевленныя (chlap), u—имена неодушевленныя. Таковъ общій законъ современнаго языка. Отъ него возможны отступленія: 1) нѣкоторыя имена неодушевленныя удерживаютъ древнее a; именно: а) мѣстныя имена, не имѣющія сверхъ того значенія нарицательныхъ, напр. Jičina, Krakova, Berouna, Přerova, Říma (напротивъ Brodu, Pisku, Mostu, Petrohradu п. ч. brod, most и т. д. могутъ быть нарицательными); б) названія мѣсяцевъ, относящіяся къ данному склоненіи: ledna (январь), února (февраль), března (мартъ), но listopadu; в) названія дней недѣли: pondělka, úterka, čtvrtka (но pátku), также род. п. dněska, včerejška, zítřka; г) отдѣльныя слова; напр. bochník (глыба, хлѣбъ), rybník (прудъ), dobytek (скотъ), hřbitov (кладбище), chléb, chlév, klášter, kostel, les, mlýn, oběd, ocet, oves, popel, potok, svět, sýr, týl (тылъ, затылокъ), večer, zákon, život, žaludek, podolek, ječmen; 2) имена одушевленныя собирательныя принимаютъ u: narod—národu (но и národa), lid—lidu, skot—skotu, brav—bravu, hmyz (насѣкомыя),—hmyzu; сюда же относится zeměplaz—р. п. zeměplazu, 3) нѣкоторыя имена принимаютъ то -a, то -u: duch, sen, brav, okov, ostrov, sklep, hrom, komín, záhon (гряда), svícen (подсвѣчникъ), úmysl, stůl, dvůr, chomout, nežit, les, kus, hřích, kožích, kalích, ořech, jazyk, potok, rok, řebřík (лѣстница), pilník (напильникъ). Въ старомъ языкѣ a въ р. п. слышалось чаще нежели u. Въ народныхъ говорахъ Моравіи и Силезіи преимущественно удержалось a; между тѣмъ въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ чаще u (при именахъ неодушевленныхъ).

5) Дат. п. ед. ч. можетъ оканчиваться на -u и -ovi (о происхожденіи этихъ окончаній см. стр. 106—107). Имена одушевленныя принимаютъ оба окончанія: chlapu и chlapovi; но člověk и bůh имѣютъ только -u: člověku, bohu. Имена фамильныя и крестныя (послѣднія въ томъ случаѣ когда стоятъ отдѣльно, не сопровождаются фамильными именами или прозвищами) принимаютъ только ovi; напр. Šafaříkovi, Prokopovi, Pavlovi (но Pavlu Šafaříkovi). Неодушевленныя имена принимаютъ только u. О діалектич. ǫj сказано выше стр. 107.

6) Зват. п. ед. ч. обыкновенно оканчивается на -e, которое смягчаетъ предшествующія h, ch, k, ř въ ž, š, č, ř: Bůh—Bože, duch—

duše, člověk—člověče, vĕtr—vĕtře (но sbore, doktore ср. стр. 83); ок. u—принимаютъ только syn и имѣющія въ основѣ гортанный: vrahu, stryčku, hoch (парень)—hochu. Въ болѣе древнемъ языкѣ u рѣже, чѣмъ въ новѣйшемъ.

7) Мѣстн. п. ед. ч. оканчивается на -ĕ (e) -u, -ovi (о происхожденіи этихъ окончаній выше стр. 107). Имена одушевленныя принимаютъ ок. -u: člověku, pánu, ptáku, oslu. Имена неодушевленныя могутъ принимать: 1) или оба окончанія, напр. v chramĕ и v chramu, v kožíše и v kozíchu, v jazyce и v jazyku, na dubĕ и na dubu; или 2) только ĕ, именно: а) мѣстныя названія (за исключеніемъ оканчивающихся на гортанный напр. Římĕ, Taboře, Brodĕ, Petrohradĕ, но v Písku; б) обозначенія праздниковъ, напр. o sv. Janĕ; в) нѣкоторыя другія существительныя, преимущественно имѣющія въ род. п. ед. ч. -a), напр.: chléb, chlév, hřbitov, klaštor, pívovar, kostel, oves, vůz, svět, ocet, kabat, obĕd, hrad, komín, led, mlýn, potok, rok и др.; или 3) только u, именно: а) существительныя оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на гортанный: v domku, na počatku, na doubku, po úterku, na rynku, v prachu, na břéhu, и др.; б) нѣкоторыя иныя существительныя; напр. hnĕv, div, pohřb, dar, jil, úd, blud, jeď, plat, pot и др. Точно разграничить употребленіе того и другаго окончанія, по утвержденію проф. Гебауэра (Hist. Mluvn., III, I, 43), не возможно, такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ смѣшеніе обоихъ окончаній еще не вошло въ опредѣленную норму. Нѣкоторыя одушевленныя существительныя также могутъ принимать оба окончанія: chlapĕ, chlapu. Оконч. ovi свойственно только одушевленнымъ именамъ (chlapovi) и вообще встрѣчается рѣдко. Въ старомъ языкѣ предпочтительно употреблялось органическое окончаніе -ĕ.

8) Имен. п. мн. ч. оканчивается на -i, -y, -ove, -é, -a. О происхожденіи этихъ окончаній сказано выше (стр. 107). Окончаніе i принимаютъ только имена одушевленныя (chlapi, hadi); оконч. -y только имена неодушевленныя (duby, hrady); оконч. -ove свойственно преимущественно именамъ одушевленнымъ, хотя принимаютъ его и неодушевленныя имена (чаще въ литературномъ языкѣ, въ рѣчи возвышенной [напр. češti stavove, naši hřichove] и весьма рѣдко въ народныхъ говорахъ).—Оконч. é имѣютъ а) многочисленныя имена на -an (древн. ĕnin), напр.: mĕštáné, vesničané, dvořané, zemané, křesťané, pohané, Slované, Pražané, Číňané и т. п.; однако имена на -án, на-

званія животныхъ и слова заимствованныя на -an принимаютъ -i: напр. Indiáni, Mohomedáni, dominikáni, velikáni, děkani, havrani, skřivani (жаворонки), berani и др.; 2) нѣкоторыя слова на -l, d, t: andělé, apoštolé, konšelé, manželé, židé, sousedé, hosté. — Окончаніе a (заимствованное изъ склоненія основъ средн. р.) въ литературномъ языкѣ допускается лишь для нѣкоторыхъ существительныхъ: mraka (но и mraky, mrakove), oblaka, vrcha, záda, prsa; въ народныхъ говорахъ (дулѣбск., ляшск., валашск. н.) оно слышно чаще: lesá, borá, chléva, chlada.—Діалектич. встрѣчается í: hadí, holubí (дольск. н.).

9) Родит. п. мн. ч. Окончанія ův, ů употребляются безразлично, но ův чаще въ концѣ предложенія и передъ слѣдующимъ гласнымъ. Род. п. безъ ův (ů) удержался главнымъ образомъ у мѣстныхъ названій, употребляющихся только во множеств. ч.; напр. do Cech (до Чехіи), Uher, Vlach, Bavor, Rakous (до Австріи), Švab (до Германіи); сверхъ того — какъ архаизмъ — для нѣкоторыхъ словъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, od tech čas, z koren vyvrátiti, do oblak se divati. — О діалектич. оконч.: -u, -uv, -ou, -um, -ůch, -uch, -ůj, -i см. выше (стр. 107) и въ главѣ о нарѣчіяхъ чешскаго яз.

10) Органическое окончаніе творит. п. множ. ч. -y выдерживается послѣдовательно въ литературномъ языкѣ; объ употребленіи въ живой, рѣчи и народныхъ говорахъ другихъ окончаній: -mi, -ami, -ma, -ama, -oma сказано выше (стр. 108).

11) Мѣстн. п. множ. ч. оканчивается на -ích (др.-ч. iech), -ech, -ach. О происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 108. Нѣкоторыя слова принимаютъ -ích и ech, напр.: vozích—vozech, časích—časech, zubích—zubech, krámích — kramech (лавка). Обыкновенно ech имѣютъ имена на -n, -d, -t, -r; напр. mlynech, hadech, rtech, darech.— Оконч. -ách въ литер. яз. въ выраженіи ve snach (въ сновидѣніяхъ) и послѣ конечнаго k, предшествуемаго другимъ согласнымъ, напр. koničkách (но potocích). Въ народныхъ говорахъ ách весьма употребительно; напр. břehách, stromách и т. д. О діалект. -och, óch ср. выше стр. 108.

12) Согласные, стоящіе передъ ě (въ мѣстн. п. ед. ч.), i (имен. зв. мн. ч.) и í (мѣстн. п. мн. ч.) смягчается по общему закону: potoce, pivovaře, vraze, potoci, pivovaři, vrazi, mniši, potocích, pivovařích, vrazích, mnišich.

13) **Bratr** имѣетъ во мн. ч. двоякія формы: им., зв. п. bratři и bratři, р. п. bratří и bratrův, д. п. bratřím и bratrům, вин. п. bratří и bratry, тв. п. bratřími и bratry, м. п. bratrích и bratrech. Формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имена на -ija, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.; bratří др.-ч. bratřie—bratrija (старо-слав. братиꙗ).

14) Для существ. člověk множ. ч.—lidé (измѣняющееся по склоненію на -i).

15) Нѣкоторыя особенности представляетъ склоненіе употребляющихся только во множ. ч. именъ странъ и мѣстъ на -y; Uhry, Vlachy (Италія), Bavory, Prusy, Švaby, Březany, Dolany, Drážďany (Дрезденъ), Hradčany, Rakousy (Австрія). Это собственно имена жителей, употребляемыя и въ другихъ славянскихъ языкахъ (польскомъ, лужицкомъ, сербскомъ, словинскомъ, древне-русскомъ) для обозначенія населяемыхъ ими земель и мѣстъ. Въ древнемъ языкѣ они склонялись какъ имена народовъ, напр. Uhři (им. п.) обозначало *Угры* и *Угрія;* но затѣмъ въ склоненіи тѣхъ и другихъ именъ возникла разница. Въ им. п. они усвоили оконч. имен. неодушевленныхъ -y (собств. вин. п.): Uhry, Hradčany, при чемъ въ народн. языкѣ нерѣдко слышно и -a: Uhra, р. п. безъ оконч.: Uher, Hradčan, д. п. -ům -óm Uhrům—Uhrám, м. п. Uhřích и Uhrách, т. п. Uhry и Uhrami.

Объ измѣненіи количества гласныхъ въ склоненіи именъ муж. р. см. стр. 120—121.

Къ склоненію именъ сред. р.

1) По образцу **město** склоняются: а) всѣ имена сред. р. отъ основъ на -o okno, kolo, dílo, hnízdo, blaho, proso и т. п. б) имена отъ основъ на -s: slovo, tělo (за исключеніемъ nebe) и в) имена сред. р. отъ древнихъ основъ на -n (преимуществ. въ народной рѣчи) jmeno, břemeno.

2) Мѣстн. п. ед. ч. Представляетъ два окончанія -ě, -u. Современный литературный языкъ отдаетъ предпочтеніе -ě: městě, mase, stadě. Нѣкоторыя имена принимаютъ ě и u; напр. na jezeře—na jezeru, v mléce—v mléku, v rouše—v rouchu, ve vojště—ve vojsku, vesle—veslu, břiše — břichu. Окончаніе u обыкновенно послѣ гортанныхъ и въ выраженіяхъ съ предлогомъ po: ve jhu, v oku, jablku, v uchu, po právu, po ránu, po jaru. Твердый согласный, предшествующій гласно-

му ě, смягчается на основаніи общаго закона; напр. pero—peře, Polsko—v Polště, mléko v mléce, břicho v břiše.

3) Въ род. п. мн. ч. по требованіямъ благозвучія является *вставочное* e; jablek, věder, oken, vesel, set (sto). Въ ходскомъ гов. вм. e слышно -a: vědar, stebal.

4) Въ мѣстн. п. мн. ч. — господствующее окончаніе -ech, которое послѣ d, s, n бываетъ правиломъ; напр; městech, stadech, oknech, pravech, písmech; рядомъ съ -ech въ литератур. языкѣ держится -ích: slovích, tělích, roušich; послѣ гортанныхъ -ách: jablkách, městečkách.

5) О побочныхъ діалектическихъ окончаніяхъ дат. (-am) и твор. пп. множ. ч. (-mi, -ma, -ami, -ama, -oma), см. выше стр. 108; объ измѣненіи количества коренныхъ гласныхъ особенно въ род. п. мн. ч. ср. стр. 121.

6) Имена собственныя (фамильныя, прозвища) муж. р. на -o, слѣдуютъ собственно образцу město, но во многихъ падежахъ принимаютъ окончанія изъ склоненія основъ муж. р. — на -o и на -a (vladyka); напр. имен. п. Mikéško, Peklo, Sadlo, Stýblo, Vrťátko, Nosidlo; р. п. Pekla и Pekly, д. м. Peklu и Peklovi, в. п. Peklo и Peklu, тв. п.—Peklem—Peklou, им. мн. Peklové, р. п. Peklův, д. п. Peklům, вин. Pekly, тв. п. bratřimi Pekly, м. п. bratřích Peklech.

7) Существительное dítko склоняется во множ. ч. по образцу основъ на -a и женскаго рода: dítky, dítek, dítkám, dítkami, dítkách (ср. русск. дѣтки, дѣтокъ и т. д.).

8) Ново-чеш. lýtko (икра) было въ древн. яз. жен. р. lýtka; отсюда во множ. ч. удержались формы основъ на -a въ дат. творит. и мѣстн. пп.: lytkám, lytkami, lytkách.

9) Употребляющіеся только во мн. ч. kamna (печка), bedra, játra (печень), ňadra также имѣютъ дат. твор. мѣстн. пп. по образцу основъ на -a: kamnóm, kamnami, kamnách.

10) Oko и ucho, принимаемые въ значеніе членовъ тѣла, склоняются во множ. ч. слѣдующимъ образомъ: им. вин. п. oči, uši, р. п. očí, uší, дат. п. očím, uším, мѣст. п. očích, ušich, тв. п. očima, ušima. Формы имен. род. твор. пп.—собственно падежи двойств. ч., но принимаются и за множ. ч.: čtyři oči.

11) Существ. teneto имѣетъ во мн. ч. tenata, tenat и т. д. по аналогіи основъ на -t (kuře—kurata).

12) **Koleno** кромѣ обычныхъ формъ имѣетъ въ род. ед. ч. kolene, а въ дат., мѣст. пп. ед. ч.—koleni по аналогіи основъ на -n сред. р. (ramene, rameni). Отъ этого слова сохранились формы род., мѣст. пп. двойств. ч. u kolenou, na kolenou (въ народ. яз. kolenouch. Ср. выше стр. .

II. Основы на -jo.

	Муж. р.			Средн. р.	
		Един. ч.			
И.	oráč	meč	Jiří	moře	znamení
З.	oráči	meči	Jiří	moře	znamení
В.	oráče	meč	Jiří (-ího)	moře	znamení
Р.	oráče	meče	Jiří (-ího)	moře	znamení
Д.	oráči -ovi	meči	Jiří (-ímu)	moři	znamení
Т.	oráčem	mečem	Jiřím	mořem	znamením
М.	oráči -ovi	meči	Jiří (ím)	moři	znamení
		Множ. ч.			
И.З.	oráči (-ové)	meče -ové	Jiří	moře	znamení
В.	oráče	meče	Jiří	moře	znamení
Р.	oráčův	mečův	Jiří (-ích)	moří	znamení
Д.	oráčům	mečům	(Jiřím)	mořím	znamením
Т.	oráči	meči	(Jiřími)	moří	znameními
М.	oráčích	mečich	Jiřích	mořích	znameních

1) По образцамъ **orač, meč** склоняются: 1) всѣ имена муж. р. отъ мягкихъ основъ на -o, какъ имѣющія себѣ соотвѣтствія въ старо-славянскомъ яз., такъ возникшія на чешской почвѣ или заимствованныя изъ чужихъ языковъ; напр.: zloděj, kraj, pokoj, kůn, vězeň, muž, koš, plášť, oheň, orač, vazač, rodič, zajic, tovaryš, kupec, učitel, kazatel, kněz, kolář и др.; изъ именъ, оканчивающихся на -l сюда относятся: a) всѣ, у которыхъ l = старо-сл. или русск. ль: učitel, obyvatel, přítel, král, mol, topol, kašel, koukol, uhel, chmel и др.; б) многія мѣстнаго образованія: čmel (шмель), daněl (лань), chramostyl (горностай), chřistel (коростель), chuchel (клокъ), chumel (вихрь), chundel (косма), jetel (діалект. dětel), jitrocel (подорожникъ), hřídel (валъ), kužel (кегель), motýl (бабочка), ocel (сталь), svízel (скорбь), trupel (комъ), úl (улей), zřetel (знакъ), žel (страданіе); в) многія — иностраннаго про-

исхожденія: cíl (цѣль), kachel (изразецъ), mandel (миндаль), ortel (приговоръ), pantofel, pytel (мѣшокъ), šindel (брусокъ Schindel), věrtel, Daniel, Samuel, Gabriel, Israel, Abel; 2) нѣкоторыя имена, относящіяся къ склоненію основъ на -i: zeť, loket, test и образованныя по аналогіи loket: drobet (кусочекъ), trochet (крошка), krapet (копя), nehet (ноготь), pazneht (коготь).

2) По образцу **Jiří** въ наст. время склоняется лишь нѣсколько словъ: Jiljí, Brikcí, klí (также klej), pondělí, září (сентябрь). Въ старомъ яз. сюда относились многія имена собственныя на -í (изъ иностраннаго -ius): Ambrosí, Antoní, Alexí, Innocencí, Vincencí, Eustachí и др.; теперь они оканчиваются на -ius и склоняются по образцу твердыхъ основъ на -o (род. п. Ambrosi-a, дат. п. Ambrosi-u); сверхъ того въ старину по данному образцу измѣнялись нарицательныя имена: řebří (лѣстница), hřěbí (ноготь), čřeví (кишка), úlí (улей). Вм. září въ древнемъ яз. было zářuj.

3) По образцу **moře** склоняются: 1) имена сред. р. отъ мягкихъ основъ на -o: pole, lice, lože, slunce, lovište, hoře, Labe; 2) имена собственныя муж. р. на -e, напр.: Srdce, Skočdopole, Jagule, Jankule; 3) nebe (относящееся собств. къ склоненію на -s).

По образцу **znamení** склоняются: 1) имена сред. р. на -í (=ьje); напр.: zboží (товары), obilí (хлѣбъ), údolí (долина), veselí, zdraví, štěstí, lékařství, náručí, snidaní, zášti, záduší, Pořečí, Meziřečí, Vrchlabí, Mezihoří; 2) имена муж. р. на -í (=ьje), сложенныя съ предлогомъ pod: podkoní (др.-ч. podkonie), podkomoří, podbiskupí, podpísaří (ср. старо-сл. отрочиѥ, польск. podkomorzy (др.-пол. podkomorze, русск. подмастерье).

5) О происхожденіи окончаній даннаго склоненія и о существующихъ въ народной рѣчи параллельно съ указанными органическими окончаніями другихъ побочныхъ неорганическихъ см. выше стр. 111, 114.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, теперь различается склоненіе именъ одушевленныхъ отъ склоненія именъ неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ—**oráč**, втораго—**meč**. У именъ одушевленныхъ вин. п. ед. ч. сходенъ съ род., у неодушевленныхъ вин. п. равенъ имен. п.; у одушевленныхъ имен., зват. пп. мн. ч. оканчиваются на -i, у неодушевленныхъ на -e (собств. оконч. вин. п. мн. ч.). Первоначально этого различія не существовало. Имена одушевленныя склонялись такъ же какъ неодушевленныя: вин. п. былъ

сходенъ съ имен.; напр.: před ciesař, před král, za přietel (XIV в.). Съ другой стороны неодушевленныя имена принимали въ имен., зват. органическое окончаніе i; напр.: meczi (Клем. пс.), penyezi. Остатокъ старины слѣдуетъ видѣть въ архаическомъ выраженіи — na kůň. Ср. замѣчанія къ склоненію основъ на -o, стр. 123.

7) Въ имен. п. ед. ч. (и винит. для неодушевленныхъ именъ) муж. р. по требованіямъ благозвучія выступаетъ бѣглое e (изъ ь или вставочное); напр.: uhel, род. п. uhle, oheň — ohně, kupec — kupce, tkadlec — tkadlce, stařec — starce.

8) Имена муж. р. въ зват. п. ед. ч. обыкновенно оканчиваются на -i: orači, muži, meči; оконч. e принимаютъ: knež—kněže (въ старомъ языкѣ и vítěz—vítěže) и существительныя на -ec (съ перемѣной c на č въ силу общаго закона, ср. 92); напр.: kupec—kupče, otec—otče, chlapec—chlapče, ujec—ujče. Слова на ic имѣютъ i и e; напр.: dědic зв. п. dědici и dědiče, kralovic—kralovici и kraloviče, panic—panici и paniče.

9) Въ дат., мѣст. п. ед. ч. оба окончанія -i, -ovi могутъ принимать только имена одушевленныя муж. р. (orači, oračovi); имена неодушевленныя и существительныя сред р. принимаютъ только i (meči, moři). Только -ovi имѣютъ фамильныя имена, напр. Benešovi, Královi; напротивъ личныя (крестныя) имена могутъ принимать -i и -ovi; напр. Tomaši и Tomašovi.

10) Въ имен. п. мн. ч. именъ м. р.—четыре окончанія: -i, -e, -ove, é; -i—принимаютъ имена одушевленныя (orači, muži); -e—имена неодушевленныя (meče), изъ одушевленныхъ только kůn и rodič—koně, rodiče; -ove—возможно у тѣхъ и другихъ, но преимущественно употребляется у одушевленныхъ именъ; оконч. -é принимаютъ имена на tel; напр. kazatelé, přatelé.

11) Род. п. мн. ч. безъ окончанія ův, ů сохранился у немногихъ существительныхъ: přatel, obyvatel (но и obyvatelův), peněz (bez peněz), tisíc (deset tisíc), у отечественныхъ именъ на ovic[1]), (напр. mlynařovic pole, sousedovic mlýn) и у мѣстныхъ названій, оканчивающихъ въ имен. п. множ. ч. на ice: Lobkovice, Lobkovic. Изъ именъ средн. р. не имѣютъ -i въ род. п. мн. ч. vejce и plice—vajec и plic; слова на -ište также могутъ опускать -i, напр. pastvištĭ и pastvišť.

---

[1]) Эти имена прежде имѣли полное склоненіе, отъ котораго сохранился только род. п. мн. ч.; иногда онъ принимается за несклоняемое прилагательное.

12) **Přítel** (р. п. přítele и т. д.) во множ. ч. имѣетъ á вм. í: им., вин. přátelé (въ древн. яз. přietelé, přítelé), р. přátel, дат. přátelům, тв. přáteli, мѣстн. přátelích.

13) **Kněz** во множ. ч. склоняется слѣд. обр.: имен., вин. kněží, род. kněží, дат. kněžím, твор. kněžími, мѣстн. kněžích. Kněží — др.-чешск. kněžie — есть собтвенно собирательное един. ч. (изъ knežьja), принявшее окончанія множ. ч. Ср. bratr стр. 127.

14) **Kůň** (р. п. koně) имѣетъ во множ. ч. имен., koně, р. koňův и koní, твор. koni и koňmi.

15) **Peníz** (др.-чешск. peniez) во множ. ч. имѣетъ послѣ n краткій гласный ě: род. peněz, дат. penězům, твор. penězi, мѣстн. penězích. Въ новѣйшее время употребляются и формы съ долгимъ í, когда peníz имѣетъ частное значеніе монеты (а не общее — деньги), напр. pět penízův.

16) **Мѣстныя названія на -ice, -ije**, употребляющіяся только во множ. ч. а по своему образованію соотвѣтствующія подобнымъ названіямъ отъ твердыхъ основъ (Uhry), склоняются по образцу именъ неодушевленныхъ; напр. им., вин. Lobkovice, Psaře, Koloděje, Rataje, Hořice, род. Lobkovic, ze Psař, z Rataj, дат. Lobkovicům, твор. Lobkovici и Lobkovicemi, мѣст. Lobkovicích (мор. гов. Lobkovicách).

17) Заключенныя въ скобки формы образца Jiří заимствованы изъ сложнаго склоненія. Ближайшею причиною заимствованія было сходство въ окончаніяхъ (í) имен. ед. Jiří и прилагат. (dnešní). Такія же параллельныя формы возможны и для именъ, склоняющихся по образцу znamení, особенно для сложныхъ съ предлогомъ **pod**.: podkoního, podkonímu.

III. Основы на -a.

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.	žena	vladyka	ženy	vladyky (-kové) (evangelisté)
З.	ženo	vladyko	ženy	vladyky (-kové) (evangelisté)
В.	ženu	vladyku	ženy	vladyky
Р.	ženy	vladyky	žen	vladyk (-kův)
Д.	ženě	vladyce (-kovi)	ženám	vladykám (-kům)
Т.	ženou	vladykou	ženami	vladykami (evangelisty)
М.	ženě	vladyce (-kovi)	ženách	vladykách (-cích) evangelistech)

1) По образцу **žena** склоняются всѣ имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -a; напр. voda, ryba, moucha, lípa, sestra, ruka, noha, síla, vrana, hora, vojna, brána, rána, vlaha и др.; сюда же относятся употребляющіяся только во множ. ч. и оканчивающіяся въ им. п. на -y: dítky, hodiny, máry (носилки), pletichy (шутка), souchotiny (чахотка), и особенно многочисленныя мѣстныя названія: Benátky (Венеція), Dolánky, Rovinky, Rosičky, Strany, Athény, Théby, Alpy и др.

2) По образцу **vladyka** склоняются имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -a; напр. sluha, vévoda, starosta, hospoda, pastucha, družba, hrdina, vozka, patriarcha, levita, evangelista, poeta, humanista, jurista, jezuita и др.; собственныя имена: Svoboda, Ryba, Hněvša, Janota и др. Отличіе склоненія этихъ именъ отъ склоненія словъ типа **žena** состоитъ въ томъ, что въ новѣйшемъ языкѣ оно допускаетъ образованіе нѣкоторыхъ падежей по склоненію твердыхъ основъ на -o муж. р. Эти новообразованныя формы заключены въ скобки.

3) Относительно соотвѣтствія окончаній даннаго склоненія древнимъ окончаніямъ и о допускаемыхъ въ народн. рѣчи новообразованіяхъ (заимствованіяхъ изъ другихъ склоненій) сказано выше стр. 108, 115.

4) Дат.—мѣстн. п. ед. ч. оканчивается на ě (= старо-слав. ѣ), которое удерживается только послѣ m, b, p, v, f, а послѣ другихъ согласныхъ ослабляется въ e. Въ настоящее время пишутъ ě также послѣ n, d, t, но въ этихъ случаяхъ ě—не двугласный звукъ, а обозначеніе простаго e и мягкости предшествующаго согласнаго; напр. rybě, lipě, tmě, vraně, mzdě, sile, rose (ср. 69 стр.). Согласные измѣняются передъ ě на основаніи общихъ законовъ языка: rada — radě, rana — raně, víra — víře, ruka — ruce, noha — noze, moucha — mouše, Olga—Olze, deska—desce и т. д.

5) Въ имен. п. мн. ч. нѣкоторыя имена принимаютъ кромѣ -y оконч. a, заимствованное изъ склоненія основъ на -o сред. р.; напр. louka—им. мн. louky и luka, hora—hory и hora, sadka, jikra, muka и др.; также мѣстныя названія, употребляющіяся только во множ. ч. Horky и Horka, Slatiny — Slatina. Въ послѣднемъ случаѣ a весьма обычно не только въ народной рѣчи, но и въ литературномъ языкѣ.

6) Въ род. п. мн. ч. весьма часто бѣглое e: tma—tem, sosna—sosen, vojna—vojeň, palma—palm, и palem, modla—model (др.-чешск. modl), sestra — sester (др.-чешск. sestr), modlitba — modliteb; břitva—břitev, mzda—mezd и др.

7) О переходѣ кореннаго долгаго гласнаго въ краткій въ твор. ед. ч., въ род., дат., твор. и мѣстн. мн. ч. см. выше стр. 121 brána—branou, bran, branám, branami, branách.

8) Объ остаткахъ двойств. ч.: ruce, rukou, nohou, rukama, nohama, и о новообразованныхъ формахъ rukouch, nohouch, rukoum, nohoum см. выше стр. 105.

9) Вслѣдствіе потери различія между первоначальными твердымъ и мягкимъ l, нѣкоторыя имена, особенно заимствованныя, колеблются между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ; напр. perla и perle род. п. perly и perle, kapla и kaple, kukla и kukle, řehola и řehole (Regula), при чемъ въ литературномъ языкѣ все болѣе берутъ перевѣсъ формы мягкаго склоненія. Существ. jedla, kyčla (бедро) и vidla (вила множ. vidly) первоначально имѣли твердыя окончанія, но въ новомъ языкѣ слѣдуютъ мягкому склоненію: им. п. jedle, vidle и т. д.

10) Существ. slza (р. п. slzy) во множ. ч. также можетъ образовать формы по твердому и мягкому склоненіямъ: имен. вин. slzy и slze, р. п. slz и slzí, д. п. slzám и slzím и т. д.

IV. Основы на -ja.

Един. ч.

И.	duše	vůdce[1]	paní	sudí
З.	duše	vůdce (-ci)	paní	sudí
В.	duši	(vůdce)	paní	sudí (-ího)
Р.	duše	vůdce	paní	sudí (-ího)
Д.	duši	vůdci (-covi)	paní	sudí (-ímu)
Т.	duší	(vůdcem)	paní	(sudím)
М.	duši	vůdci (-covi)	paní	(sudím)

Множ. ч.

И.З.	duše	(vůdci, -ove)	paní	sudí
В.	duše	vůdce	paní	sudí
Р.	duší, chvil	(vůdců v)	paní	sudí (-ích)
Д.	duším	(vůdcům)	paním	sudím
Т.	dušěmi	vůdcemi (-ci)	paními	sudími
М.	duších	vůdcích	paních	sudích

[1]) Проводникъ.

1) По образцу **duše** склоняются: а) имена женскаго рода отъ основъ на **-a**, въ которыхъ звуку **a** (послѣ переглас. **e**) предшествуетъ смягченный или небный согласный; напр. bouře, pře, naděje, koupě, země, krmě, kůže, růže, mile, nouze, pice, ulice и т. д. б) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i, лишь отчасти слѣдующія свойственному имъ первичному типу склоненія; напр. zeď, tvař daň и др. (о нихъ подробно въ параграфѣ о склоненіи основъ на -i).

2) По образцу **vůdce** склоняются многія имена муж. р. на **ce**: soudce, zhoubce, obránce, stražce, rádce, správce, dárce, vladce и др.; также panoše (дворянинъ), Krkonoše и rukojmě. Первоначально эти слова склонялись совершенно такъ, какъ **duše**, но впослѣдствіи вошли въ употребленіе и частью вытѣснили древнія формы другія, образованныя по аналогіи основъ на -**jo** м. р. (orač) Онѣ заключены въ скобки.

3) По образцу **paní** склоняются имена женск. р., образованныя суфф. **ьja** (**ija**): ledví, biblí, kommíssi, oblígací и друг. иностр. слова, собств. имена: Maří, Samaří. Въ старомъ языкѣ такъ измѣнялись **rolí**, **laní**, **lodí** и имена на **-dlí**: pradlí, předlí, теперь измѣнившіяся въ role, laň, loď, pradle, а потому склоняющіяся по образцу duše, за исключеніяхъ сущ. loď, которое слѣдуетъ склоненію основъ на -i (kost).

4) По образцу **sudí** склоняются многія имена мужск. р. на **čí** (=**čьja**): krejči, lovčí, mluvčí, berči, koší и др.; въ старомъ яз. сюда относилось **hrabie** и сложныя съ нимъ: purkrabie, markrabie, lankrabie или (послѣ съуженія **ie**) purkrabí; въ новомъ языкѣ hrabě слѣдуетъ склоненію основъ на -**t**: род. п. hraběte. Сложныя же purkrabi, markrabi и др. допускаютъ формы и по образцу paní и по образцу основъ на -**t** и по сложному склоненію: род. п. markrabí, markraběte, markrabího. Первоначально слова образца **sudí** склонялись какъ **paní**, но впослѣдствіи распространились формы, заимствованныя изъ сложнаго склоненія, отмѣченныя выше въ скобкахъ. Такимъ образомъ склоненіе сущ. **sudí** совпало со склоненіемъ именъ типа **Jiří**.

5) Объ органическихъ окончаніяхъ этого склоненія, объ ихъ измѣненіяхъ подъ вліяніемъ звуковыхъ законовъ языка и о заимствованіяхъ изъ другихъ склоненій уже сказано выше стр. 112, 115.

6) Многія имена, оканчивающіяся на -**ě** (**e**), теряютъ это окончаніе въ им. п. един. ч., а также оконч. **i** (вм. **iu**) въ вин. п. един. ч.; напр. báň (вм. báně), dál, dáseň (десна), dél, diž (квашня), kloub, **houšť**, hráz, kadeř, kratochvíl, koudel, kuchyň, mez, mříž, nesnaz

(трудность), obec (община), oj (дышло) páž (рука), peleš (логовище), postel, poušť, rohož, rez (вм. rze ржавчина), skráň, skryš (убѣжище), souš (сушь), stráž, šij, šíř, tíž (тяжесть), tloušť, tvrz, úlehl (паровое поле), vášeň, (страсть), věž, výš, zář, zbroj (вооруженіе), zeňs. Такое исчезновеніе окончаній наблюдается уже въ древнихъ памятникахъ. Въ винит. п. нѣкоторыхъ существительныхъ і исчезаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ падежъ, сливаясь съ предлогами z (вм. vz), v, na, становится нарѣчіемъ; напр. z-vyši и z-vyš, v staři и v-stář z hloubi—z hloub и т. п. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ именъ никогда не принимаютъ ни ě въименит. п., ни і въ винит. п. ед. ч., напр. obec, postel; другія допускаютъ рядомъ двоякія формы, напр. země и zem, tíže и tíž. Въ литературномъ языкѣ наблюдается стремленіе къ сохраненію формъ съ окончаніями.

7) Род. п. мн. ч. именъ существительныхъ образца duše обыкновенно оканчивается на -í (zemí). Лишь нѣкоторыя имена образуютъ этотъ падежъ по древнему образцу безъ окончанія; именно: а) существительныя на -ice: ulice — ulic, studnic, lavic, mladic, slepic и др.; заимствованныя на -ace, -ice имѣютъ въ род. п. мн. -c и cí, напр. obligac—obligací; также ovce—ovec и ovcí; прочія на -ce имѣютъ cí; напр. revolucí и т. п.; б) имена существительныя на -yně; напр. otrokyně—otrokyň, bohyně—bohyň, zpěvakyň, но возможно и -ní: zpěvakyní; в) míle, chvíle, košile, neděle—род. п. mil, chvil, košil, neděl (но и nedělí въ знач. воскресеній), г) имена мѣстныя: Teplice — do Teplic.

8) О переходѣ долгаго гласнаго въ краткій въ твор. п. ед. ч. въ род. дат. твор. и мѣстн. пп. множ. ч. см. выше стр. 121.

9) Употребляющіяся только во мн. ч. hromnice (Срѣтеніе), letnice (Троица), vanoce и velikonoce въ дат. и тв. пп. слѣдуютъ склоненіи основъ на -jo муж. р.: hromnicům, hromnící.

10) Въ старое время къ склоненію основъ на -ja относились нѣкоторыя имена женскія, какъ Mařa, Maňa и мужескія, какъ Maša, Váňa, а также нарицательныя paša, baťa. Теперь въ большей части падежей они слѣдуютъ склоненію твердыхъ основъ; напр. в. п. Mařu, Maňu (безъ перегласовки) или тв. п. Mašou, Vaňou. Только въ дат., мѣст. ед. ч. удерживается болѣе древнее окончаніе: Maři, Mani.

IV. *Основы на* -i.

	Муж. р.	Жен. р.		
		Един. ч.		
И.	host (hosť)	kost (kosť)	zeď	daň
З.	hosti (-e)	kosti	zdi	dani
В.	host (-i, -ě, -a)	kost	zeď	daň
Р.	hosti (-ě, -a)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
Д.	hosti (-u, -ovi)	kosti	zdi	dani
Т.	hostem	kostí	zdí	daní
М.	hosti (-u, -ovi)	kosti	zdi	dani
		Множ. ч.		
И.З.	hosté (-i, -ove)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
В.	hosti (-ě, -y)	kosti	zdi (-ě)	(daně)
Р.	hosti (-ův)	kostí	zdí	daní
Д.	hostem (ům)	kostem	zdem (-ím)	(daním)
Т.	hostmi (-i, -y)	kostmi	zedmi (-ěmi)	(daněmi)
М.	hostech	kostech	zdech (ích)	(daních)

1) Въ древнемъ языкѣ по образцу **host** склонялись: zeť, kmeť, krapeť, lokeť, testь, choť, hospoď, lud (во мн. ч.), črv. Въ современномъ языкѣ (литературномъ и народныхъ говорахъ) имена эти большею частью перешли въ склоненіе основъ на **-o** муж. р. Въ наибольшей чистотѣ удержалось склоненіе сущ. host, но и для него въ литературномъ языкѣ употребительны падежи основъ на **-o**: hosta, hostu, hostovi и т. д. Сохранились: род. п. ед. ч. testi, choti; дат. ед. testi, lokti, krapti; lid — во мн. ч.: им. lidé, вин. lidi, род. lidí, дат. lidem, тв. lidmi, мѣстн. lidech.

2) Изъ именъ жен. р. отъ основъ на **-i** слѣдуютъ образцу **kost**, т. е. болѣе древнему типу даннаго склоненія: ozim, step, běl, sůl, mysl, sběř, havěd, hruď, káď, zpověď, odpověď (и другія на **-věď**), žerď, čest, čast, čelist, hrst, huť, choť, kořist, lest, loukoť, mast, pamět, oprať (возжи), pažit, pečeť, pelest (брусокъ), plst (войлокъ), prsť, pout, ratolest, slast, smrt, srst (шерсть), strast, pověst (и другія на **-věst**), obět, závět, závist, nenavist, vlast, užest, radost, starost, bolest (и другія на **-ost**, **-est**), moc, pomoc, nemoc, noc, věc, směs, ves, louč, řeč, seč, lež, myš, rozkoš, veš и др.

3) Многія имена лишь отчасти слѣдуютъ склоненію на -i и легко переходятъ въ склоненіе на -ja (duše). Между ними нужно различать два класса: а) одни склоняются по образцу **zeď**, т. е. допускаютъ рядомъ съ основными формами (отъ основъ на -i) новообразованныя[1]) (по аналогіи на -ja), именно въ род. ед. имен., винит., дат., твор. и мѣст. множ. ч.; напр.: otep, obuv, běl, hůl (палка), ocel, modř, tvář, zvěř, čeleď, káď (кадка), loď, měď, píď, čtvrt, chut, labut, nať, niť, past, peruť (крыло), pěst (кулакъ), rtuť, síť, pec, žluč (желчь) и др.; въ литературномъ языкѣ дается предпочтеніе первичнымъ формамъ; б) другія совсѣмъ утратили для род. ед., им., вин. дат. твор. мѣстн. мн. ч. древнія окончанія и въ литературномъ яз. слѣдуютъ въ этихъ падежахъ склоненію основъ на -ja; образцомъ склоненія этихъ словъ можетъ служить **daň**; сюда относятся: 1) всѣ имена женск. р. на -ň: brаň, zbraň, daň, jeseň, dlaň, síň, zeleň, báseň, píseň, plíseň, bázeň, kázeň, přízeň, lázeň (ванна), žízeň (жажда); 2) housle (мн. ч.), jesle (мн. ч.), koupel, dveře (мн. ч.). Такъ какъ въ склоненіи на -ja очень часто исчезаютъ окончанія въ им. п. (ě) и винит. п. ед. ч. (i) то и это склоненіе и склоненіе основъ на -i типа **daň** въ современномъ языкѣ иногда вполнѣ совпадаютъ.

4) О нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ этого склоненія см. выше стр. 109, 113, 116.

5) Конечный согласный въ имен. п. ед. ч. а у именъ женск. р. и въ вин. п. обыкновенно звучитъ мягко: zvěř, řeč, daň, zeď, pečeť и т. д. Мягкость эта въ однихъ случаяхъ объясняется вліяніемъ праславянскаго ь, находившагося въ окончаніи, (zvěrь ср. старо-славян. звѣрь, рус. звѣрь), въ другихъ, гдѣ передъ ь находились n, d, t, неспособные къ смягченію передъ узкимъ глухимъ, мягкость въ имен. (и вин. п.) явилась по аналогіи другихъ падежей (напр. р. д. brani). Обыкновенно это явленіе наблюдается у тѣхъ именъ, которыя въ отдѣльныхъ падежахъ слѣдуютъ склон. на -ja (жен. р.) или jo (муж. р.) или частнѣе оканчиваются въ род. п. ед. ч. на ě, напр. daně, zetě. Однако многія имена сохраняютъ первич. твердое t: kost, host, čest, část, čtvrt, hrst, chut, kořist, lest, mast, nit, past, pout, smrt, strast, závist, vlast и многія существительныя, образованныя суфф. **-o-st** и **-e-st**: radost, milost, starost, bolest, žalost, rozmanitost, věrnost и т. д.

---

[1]) Въ парадигмахъ онѣ заключены въ скобки.

Твердое ť остается и въ дат. твор. мѣстн. пп. мн. ч.: kostem, kostma, kostech. Въ народныхъ говорахъ Моравіи и частью Чехіи (ходское нар.) и въ этихъ случаяхъ слышится мягкое ť; проникаетъ оно и въ литературный языкъ, въ которомъ часты формы kosť, mladosť, kosťmi и т. д. Проф. Гебауэръ стоитъ за сохраненіе въ письменномъ языкѣ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ твердаго t.

6) Сущ. choť можетъ быть муж. и жен. р.: bratrova choť, sestřin choť. Сущ zvěř, pečet, pout прежде были муж. р.; теперь они принадлежатъ къ именамъ жен. р.

7) Сущ. hůl (палка) и sůl во всѣхъ падежахъ кромѣ имен. вин. ед. ч. имѣютъ краткое o: р. holi, soli и т. д. Ср. стр.

8) По образцу kost склоняются имена числительныя tři и čtyři. Въ старомъ языкѣ сюда относились: pět, šest, sedm, osm, devět, deset.

V. *Основы на согласные* (-v, -n, -t, -r).

Един. ч.

И.	týkev	kámen	břímě	zvíře	máti
З.	týkvi	kameni	břímě	zvíře	máti
В.	tykev	kámen	břímě	zvíře	máteř
Р.	tykve	kamene	břemene	zvířete	mateře
Д.	tykvi	kameni	břemeni	zvířeti	mateři
Т.	tykví	kamenem	břemenem	zvířetem	mateří
М.	tykvi	kameni	břemeni	zvířeti	mateři

Множ. ч.

И.З.	tykve	(kameny)	břemena	zvířata	mateře
В.	tykve	(kameny)	břemena	zvířata	mateře
Р.	tykví	(kamenův)	břemenův	zvířat	mateří
Д.	tykvím	(kamenům)	břemenům	zvířatům	mateřem, -řím
Т.	tykvemi	(kameny)	břemeny	zvířaty	mateřmi
М.	tykvích	(kamenech)	břemenech	zvířatech	mateřech, -řích

1) О частныхъ оконч. этого склоненія см. выше стр. 113, 117.

2) По образцу tykev склоняются имена жен. р. отъ основъ на -v: broskev (персикъ), brukev, církev, dratev, houžev (лыко, могала), konev (кружка), koroptev (куропатка), kotev (якорь), krev, korouhev krokev (стропила), láhev (бутылка), mrkev, pánev (сковорода), ploutev

(плавательное перо), rakev (гробъ), ředkev, štoudev (стойка), větev, vikev (Wicke, бобовина), vrstev и др. Нѣкоторыя изъ именъ этого рода имѣютъ рядомъ съ формами на -ev формы на -va и измѣняются по склоненію твердыхъ основъ на -a; напр.: kotva, dratva, bukva, korouhva, mrkva, р. п. kotvy, д. bukvě и т. д.

Въ народныхъ говорахъ въ род. п. ед. ч., имен., вин. мн. ч. вм. e нерѣдко ě (какъ въ склоненіи основъ на -ja): tykvě, mrkvě; литературный языкъ придерживается e.

Сущ. láhev мѣняетъ долгое á на краткое въ твор. п. ед., род., дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч.: lahví, lahví, lahvím, lahvěmi, lahvích.

3) По образцу kámen склоняются имена муж. р. отъ основъ на-n: hřeben, ječmen, kmen, kořen, křemen, lupen, plamen, pramen, střemen. Относящіяся къ этому склон. sršeň, stupeň и stržeň слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Kámen сохраняетъ á долгое только въ имен., вин. п. ед. ч.—Формы мн. ч. образуются по склоненіи основъ на -o мужск. р. (dub.). Въ народныхъ говорахъ это склоненіе оказываетъ вліяніе и на единственное (kamena). Въ моравскихъ говорахъ конечное n звучитъ мягко (kameň) и въ вслѣдствіе того все склоненіе сближаетъ со склоненіемъ основъ на -jo муж. р. (конечно безъ перегласовки a, u) kameňa, kameňu. — Архаическій род. п. мн. ч.: kamen, do kořen.

Сущ. den во мн. ч. допускаетъ формы по аналогіи основъ на -i и на -o:

	Един. ч.	Множ. ч.		
И.	den		dni	dnove
З.	dni		dni	dnove
В.	den	dni		
Р.	dne	dní	dnův	
Д.	dni, dnu		dnům	
Т.	dnem		dny	
М.	dne (ve dne), dni	dnech		

Точно также склоняется сущ. týdeň (недѣля), въ которомъ первая часть tý остается неизмѣняемой (р. tydne, д. tydni) или во всѣхъ падежахъ кромѣ им., вин. ед. ч. принимаетъ несклоняемую форму téhо (р. п. téhodne, д. п. téhodni). Въ старомъ языкѣ (XIV в.) склонялись обѣ части слова, напр. tym—dnem Индрихо-град. грам., 1388).

4) По образцу **břime** склоняются имена сред. р. отъ осн. на **-n**: jmě, plémě, rámě, símě, slémě (гребень крыши), témě, výmě. Во всѣхъ этихъ словахъ коренной гласный долгій сохраняется только въ им. зват. вин. пп. ед. ч.; во всѣхъ остальныхъ падежахъ онъ замѣняется краткимъ; напр. род. п. ramene, semene, plemene и т. д. Рядомъ съ древними весьма употребительны новыя формы, образованныя по аналогіи основъ на **-o** сред. р.: břemeno, rameno, и т. д. (см. выше стр. 110). Они распространяются въ языкѣ уже въ XIV и XV ст.

5) По образцу **zvíře** склоняются имена средн. род. отъ основъ на **-t** (преимущественно названія молодыхъ животныхъ): kuře, ptače, holoubě, srně, lviče, hřibě, osle, jehně, děvče, mládě, vnouče, kníže, hrabě и др. — Сущ. dítě измѣняется такъ въ ед. ч. (dítěte и т. д.); во мн. ч. оно женскаго рода и склоняется по образцу kost: им. вин. děti, р. п. dětí, д. п. dětem, тв. п. dětmi, мѣстн. п. dětech.

6) По образцу **máti** склоняются dci и новообразованное слово neť (племянница). Частныя и діалектич. окончанія къ данному виду склоненія указаны выше, стр. 118—119.

Máti сохраняетъ коренное á долгое только въ двусложныхъ формахъ; а въ трехсложныхъ оно замѣняется краткимъ, напр. дат. п. mateři. Въ имен. возлѣ máti возможны matě и mať.

Склоненіе это все больше исчезаетъ; вм. mati—употребительнѣе matka (р. п. matky), а вм. dci—dcera (р. п. dcery).

7) Имена средняго рода отъ древнихъ основъ на **-s** перешли въ склоненіе основъ на **-o**. Слѣдъ этого склоненія сохранился во множ. числѣ nebesa (им., вин.), nebes (р. п.); въ ед. ч. nebe слѣдуетъ склоненію основъ на **-jo** средн. р.: р. п. nebe д. м. nebi, тв. nebem. Ср. стр. 130.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе въ чешскомъ языкѣ не сохранилось въ полномъ видѣ, тѣмъ не менѣе остатковъ этого склоненія здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Въ старомъ языкѣ оно употреблялось гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время. Если не для всѣхъ падежей, то для большей части ихъ, при томъ у прилагательныхъ разныхъ видовъ (притяжательныхъ, качественныхъ, мѣстоименныхъ, числительныхъ, причастій) древніе памятники представляютъ именныя формы. Но уже очень рано (XIV в.) началось въ

языкѣ смѣшеніе именнаго склоненія со сложнымъ; такъ-наз. неопредѣленныя формы прилагательныхъ стали замѣняться опредѣленными; напр.: ach člověče, kak jsi křivý, kak jsi svéj hospodě lstivý (Алекс.), ot zamúcenie hrziessnykoweho nad domem dawidowim (Клем. пс.) и др. Къ XVI ст. упадокъ именнаго склоненія прилагательныхъ принялъ широкіе размѣры, а въ XVII ст. опредѣлились приблизительно тѣ рамки употребленія этого склоненія, какія наблюдаются и въ настоящее время. Процессъ смѣшенія формъ, однако, не закончился: въ литературномъ языкѣ замѣтно стремленіе къ сохраненію уцѣлѣвшихъ именныхъ формъ, а въ народныхъ говорахъ онѣ все чаще замѣняются формами по сложному склоненію.

Въ болѣе полномъ видѣ представлено именное склоненіе прилагательныхъ притяжательныхъ на -ův, -in; напр.: kralův, otcův, dědův, bratrův, matčin, sestřin и др. Именныя формы существуютъ для всѣхъ падежей, оканчивающихся на гласный; только въ тѣхъ падежахъ, которые въ именномъ склоненіи оканчиваются на согласный (именно въ твор. ед. ч. муж. и сред. р. и род., дат., твор., мѣстн. пп. множ. ч.) эти прилагательныя слѣдуютъ сложному склоненію. Вотъ образецъ этого склоненія:

	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
		Един. ч.	
И.	králův	královo	králova
В.	какъ И. Р.	královo	královu
Р.	králova		královy
Д.	královu		královĕ
Т.	[královým]		královou
М.	královĕ, -ovu		královĕ
		Множ. ч.	
И.	královi, vy	králova	královy
В.	královy	králova	královy
Р.	для всѣхъ родовъ	(královských)	
Д.	для всѣхъ родовъ	(královým)	
Т.	для всѣхъ родовъ	(královými)	
М.	для всѣхъ родовъ	(královských)	

Въ древнихъ памятникахъ изрѣдка попадаются именныя формы и въ остальныхъ падежахъ; напр.: s bohem abrahamovem (Виттенб. пс.—тв. п.), kralow (род п. мн. ч.), sausedowuom (П. Хельч. дат. п.), kralowi (твор. п. мн. ч.).

Имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ, вполнѣ слѣдуютъ именному склоненію. Сюда относятся: а) мѣстныя названія, напр.: Benešov, Miletin, Bavorov, Levin, Hora Kutná род. п. Hory Kutný (но и Kutná Hora род. п. Kutné Hory), Rakousko (Австрія), Německo, Rusko и др.; б) личныя названія, преимущественно инославянскія, напр. Krylov, Lomonosov, Dmitrijev, Puškin, Karamzin и др.; в) нарицательныя на -o: blaho, dobro, parno и др.—Чешскія фамильныя имена на -ů (вм. ův) въ настоящее время не склоняются; напр.: pan Tomků, Janků, Petrů, Janů, род. п. pana Tomků, дат. п. panu Tomků и т. д. Сохраняя значеніе принадлежности эти имена слѣдуютъ вполнѣ образцу králův; напр. Tomkův dům, Tomkova doma и т. д.— Подобнымъ образомъ не склоняется прилагательное Páně (=Господній и господскій): slovo Páně, chram Páně, leta Páně; имен. ед. муж. р. paň (=paní), форма на e, выступающая во многихъ падежахъ древняго склоненія этого слова взяла перевѣсъ надъ другими и стала всеобщей.

Остальныя прилагательныя (кромѣ притяжательныхъ на -ův, -in) и причастія прошедшія страд. зал. имѣютъ формы именныя обыкновенно только въ имен. и вин. п. ед. и мн. ч., напр. имен. п. zdráv, zdráva, zdrávo; вин. п. zdráv (zdráva)—zdrávu, zdrávo; имен. мн. ч. zdrávi, zdrávy, zdráva; вин. мн. ч. zdrávi, zdrávy, zdráva; имен. п. pečen, -a, -o, pečeni, -y, -a; вин. п. pečen(-a), -u, -o, pečeny, -y, -a; jsem silen, sláb, vesel, chrom, věren; díte je zdrávo; jsme zdravy, pracují rád, -a, -o, pracujeme rádi, -y, -a; vidím tě zdráva, vidím vas zdrávy.

Отъ мягкихъ основъ, какъ peš, ruč, paň и т. п. въ настоящее время совсѣмъ не употребительны именныя формы, кромѣ указаннаго paně. Слѣды ихъ сохранились главнымъ образомъ въ мѣстныхъ названіяхъ какъ Boleslav, Jaromeř, Olomouc, Chrudim, Choteč, Litomyšl и др. Собственно это имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ (напр. Boleslav́=hrad Boleslavův). Они склоняются по именному склоненію, при чемъ первоначально были муж. рода, а потомъ перешли въ женскій, т. е. стали измѣняться по образцу duše; напр. Boleslav, род. Boleslavě, дат. Boleslavi и т. д. (ср. выше Benešov, Miletin).

Для твердыхъ основъ (dobr, zdráv) и въ старомъ языкѣ не много именныхъ формъ; напр. ихъ совсѣмъ нельзя указать въ памятникахъ для твор. п. ед., род., дат., мѣстн. и твор. пп. мн. ч Равнымъ образомъ причастія настоящ. вр. дѣйств. и страд. зал. и прошедшія I и II дѣйств. залог. и въ старомъ языкѣ обыкновенно не измѣняются и представляютъ тѣже формы (им. и вин. п.), что и въ новѣйшее время; напр. nesa (муж. р.) — ouc (жен. р.) — ouce (мн. ч.), trpě, -íc, -íce (наст. вр. дѣйств.), znám, -a, -o, známi, -my, -ma (мн. ч.), (наст. страд. зал.), nes (муж. ср. р.), nesši (жен. р.), nesše (мн. ч.), nesl, -a, -o (прич. прош. дѣйств.). Ср. ниже параграфъ о причастіяхъ. Впрочемъ, отъ прич. на -l встрѣчается род. (вин. п.) на -a: Rubina nalęzše umrla (Пассіоналъ).

Многія прилагательныя утратили въ современномъ языкѣ именную форму и имен. ед. муж. р.; напр. прежде писали chud, svietel, miekek и др. вм. чего теперь пишутъ только chudý, světlý, měkky. У нѣкоторыхъ прилагательныхъ гласный, находящійся передъ падежнымъ окончаніемъ, въ именномъ склоненіи долоnъ, между тѣмъ въ сложномъ склоненіи онъ кратокъ; напр. maly—mál, mlady—mlád, pravý—práv, slabý—sláb, starý—stár, zdravý—zdráv, čistý—čist, mílý—míl, tichý—tích, živý—žív, dobrý—dóbr и т. д.

Числительныя, образованныя посредствомъ суф. er, могутъ имѣть имен. и вин. пп. ед. ч. по именному склоненію, а въ имен., вин. мн. принимаютъ оконч. y для муж. и жен. р. и a для средн. р.; напр.: desater stav но чаще desaterý stav, desateru noc, kníhy devatery. Въ старомъ языкѣ именныя формы употребительны были для всѣхъ падежей един.: ч.; напр. podlé sedmery věci (род. п. Ѳ. Штитн.). Тоже относится къ прилаг. veškeren, жен. р. veškera, ср. veškero: вин. п. veškeren, keškeru, ср. р. veškero, имен. (вин.) мн. veškeři, -y, -a.

Числительныя порядковыя, начиная съ čtvrtý въ соединеніи съ půl образуютъ род. и дат., п. ед. ч. по именному склоненію; напр. za půl šesta groše, po půl desátu zlatému, před půl páta rokem.

Остатокъ именнаго склоненія представляетъ архаическій оборотъ дат. п. при глаголѣ býti: veselu býti, čistu býti, pobitu býti. Эта форма остается неизмѣняемой при всѣхъ родахъ въ ед. и мн. ч.: nelze na spokojenu býti.

Malo, mnoho склоняются так. образомъ: род. z mála, ze mnoha, дат. k málu, ke mnohu, винит. málo, mnoho, твор. málem, mnohem

мѣстн. v mále, na—mnoze. Также склоняются kolik(o), tolik(o). Въ современномъ языкѣ, если за этими прилагательными (собств. числительными неопредѣленными) слѣдуетъ имя существительное, то въ какомъ бы падежѣ послѣднее ни находилось, malo остается безъ измѣненія, а mnoho, kolik, tolik имѣютъ окончанія род. п.; напр. temto mnoha (tolika, malo) lidem.

Отдѣльные падежи именнаго склоненія прилагательныхъ сохранились въ нарѣчныхъ выраженіяхъ:

1) Род. п. ед. ч.: do cela, do jista, do naha, dočista, z vysoka, z blízka, z daleka, z volna, z husta, z hola, z dlouha, z křiva, z náhla, z nenáhla, z nova, z úplna, z prosta, z příma, z rovna, z rychla, z temna, z jasna, od dávna, od starodavna, od malička; za živa, za starodobna, sprva, zvlašte (=z vláščě) и др.

2) Дат. п. ед. ч.: k staru, po lehku, po malu, po různu, po suchu, po česku.

3) Мѣстн. п. ед. ч.: v náhle, v nově, v plně, v cele, na dlouze, na krátce, po hotově; dobře, zle, špatně, vesele и др.

4) Твор. п. ед. ч.: málem, mnohem, skorem.

5) Вин. п. ед. ч.: na levo, na pravo, na jisto, na jevo и др.; málo, mnoho, často, brzo, daleko и др.

6) Твор. п. мн. ч: bratrsky, hezky, turecky.

Мѣстоименное склоненіе.

I. *Личныя и возвратное мѣстоименія.*

	Един. ч.			Множ. ч.	
И.З.	já	ty		my	vy
В.	mě, mne	tě, tebe	se, sebe	(ny)nás	(vy)vás
Р.	mne	tebe	sebe	nás	vás
Д.	mně, mi	tobě, ti	sobě, si	nám	vám
Т.	mnou	tebou	sebou	námi	vámi
М.	mně	tobě	sobě	nás	vás

Въ старомъ языкѣ существовали формы двойств. ч.: им. п. vě, va (1 л.), для 2 л. нѣтъ указаній (оно замѣняется имен. мн. ч. -vy), род. п. -najú, vajú—nají, vají, форма род. п. замѣняетъ и вин. п.; дат., твор. пп. náma, váma. Напр. wie tuto muku trpívě; došla nagy obú núze (Градецк. сб.), snadnějie bych wagyu zaželel (Далим. хр.), nechce k nama i jeden kupec přijíti (Mastič).

Въ старомъ языкѣ въ *1 л. ед. ч.* употреблялось рядомъ съ já болѣе древнее jáz, которое держится до нач. XV ст.; ja появляется въ памятникахъ уже нач. XIV ст. (Далим. хрон., Мастичк., Клемент. пс.). Въ говорахъ восточной Моравіи вм. já слышно ja.

Вм. ty въ народн. говор. te съ различными оттѣнками выговора e: të, te, tě.

Въ вин. п. ед. ч. основныя формы собственно mě, tě, se (ср. старо-славян. мѧ, тѧ, сѧ); mne, tebe, sebe—формы род. п. употребляемыя въ значеніи вин.; послѣднія предпочитаются въ языкѣ, когда на мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; mě, tě, se — энклитики. Въ народн. говорахъ (преимущ. моравскихъ и силезскихъ) встрѣчаются формы: m̓a, ma, mně, ťa, ca, ce, śa, se. Формы m̓a, ťa, śa проф. Гебауэръ считаетъ древнѣйшими, собственно чешскія mě, tě, se, по его мнѣнію, образовались черезъ перегласовку a-ě. Ср. выше стр. 64. Діалектич. mně произошло изъ m'e черезъ замѣну j на n.

Въ род. п. ед. ч. ляшское нарѣчіе представляетъ параллельныя формы tebě, sebě и teje, seje.

Формы дат. п. ед. ч. mi, ti, si—энклитики; mně, tobě, sobě употребляются, когда удареніе падаетъ на мѣстоименіе; напр. tobě děkuji. Въ ляшск. нар. ći, śi, въ льготец.—my, ty, sy (валаш.).

Въ твор. п. ед. ч. древнія формы—tobú, sobú; позднѣйшія tebú, sebú, выступаютъ однако, уже въ XIV ст (Клемент. пс.). Въ моравскихъ говорахъ: mnú, tebú sebú (валашск. и др.), mnó, tebó, sebó (д.-бечев., ганац., голешов.), mnu, tebu, sebu (ляшск.), mnum, mnúm, tebum, tebúm, sebum, sebúm (силезск. гов.).

Въ старомъ яз. вин. п. мн. ч. ny, vy. Формы род. п. nás, vás въ значен. винит. наблюдаются уже въ памятникахъ XIV ст. (напр. Клемент. пс.) Діалект. формы: въ мѣстн. п. множ. ч. nos, vos, nas, vas; въ дат. мн. ч.—nom, vom, num, vum, nam, vam; въ твор. п. мн. ч.—nami, vami, nama, vama.

II. Мѣстоименія не личныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе представляетъ слѣдующія особенности, главнѣйше по сравнію со старо-славянскимъ.

1) Утрата двойственнаго числа. Въ старомъ яз. формы двойственнаго числа были также употребительны какъ въ именномъ

склоненіи; напр. имен., вин. п. ta, tě, ona, oně, jě (изъ ja), ji (жен. и ср. р.), naše, naši, má, moji; род. мѣстн. tú (изъ toju), onú, jú, jí (изъ jeju), našu, naší (переглас.), mú, mojú, mojí; дат., твор п. těma, oněma, jima, našima, mýma. Въ современномъ языкѣ двойственное ч. замѣняется множественнымъ. Ср. 103 стр.

2) Различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіями (ten и naš) выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно, какъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Здѣсь нѣтъ такого смѣшенія основъ на -o и на -jo, какъ напр. въ сербо-хорватскомъ и словинскомъ языкахъ (Ср Левціи I, 302—304 и 462). Исключеніе составляетъ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., который въ твердомъ и мягкомъ склоненіи звучитъ одинаково— на -im: tím, naším (въ старо-слав. тѣмь, нашимь). Это совпаденіе падежей произошло не вслѣдствіе вліянія одного склоненія на другое, а въ силу звуковыхъ особенностей языка: въ древнемъ языкѣ было tiem, а tím возникло черезъ съуженіе ie -í. Впрочемъ, такая вѣрность старинѣ наблюдается главнымъ образомъ въ литературномъ яз. Въ народныхъ говорахъ, особенно моравскихъ, не рѣдки случаи смѣшенія основъ; напр. род. п. teho, дат. п. temu, мѣстн. п. tem.

3) Род., дат., твор. и мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы какъ въ старо-слав. яз. (тоя, той, тоя) но отъ стяженной какъ въ сербо-хорват., словинск. и польскомъ яз.; напр. té, naší, (род. дат. мѣст.), tou, naší (тв. п.).

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній проявилось главнѣйше въ склоненіи жен. р. ед. ч. У твердыхъ основъ совпали род., дат, мѣстн. пп. -té; это собственно род. п., послужившій аналогіей для дат. и мѣстн. п.; для послѣднихъ настоящая форма tej (черезъ перегласовку изъ пра-слав. toji), которая представлена древними памятниками и народными говорами (дулѣбск., моравск. г.). У мягкихъ основъ совпали всѣ падежи, кромѣ имен., зват., оканчивающіеся на -í (только въ вин. i краткое): naší, naši. Это í (i) явилось результатомъ одного стяженія гласныхъ или же перегласовки (u — i) и стяженія вмѣстѣ.

5) За исключеніемъ отступленій, указанныхъ подъ п. 3, 4, всѣ остальные падежи мѣстоименнаго склоненія въ большей или меньшей степени совпадаютъ со старо-славянскими, на-сколько это дозволяютъ звуковые законы языка (напр. вин. п. tu (=старо-слав. тѫ), вин. п. мн. ч. je (=ѩ).

6) Мѣстоименія můj, tvůj, svůj во многихъ падежахъ имѣютъ стяженныя формы вм. полныхъ.

I. Основы на -o.

	Един. ч.			Множ. ч.		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	ten	ta	to	ti (ty)	ty	ta
В.	ten (toho)	tu	to	ty	ty	ta
Р.	toho	té	toho		Для всѣхъ род. těch	
Д.	tomu	té (tej)	tomu		těm	
Т.	tím	tou	tím		těmi	
М.	tom	té (tej)	tom		těch	

Имен. п. **ten** изъ болѣе древняго **tъ**, которое сохранилось въ выраженіи ve -t -čas (тотчасъ) въ древн. Пассіон., Градецк. сборн. и др. Позже изъ vetčas — večas. Ten есть распространеніе тъ, какъ onen, veškeu, všecken, jen.

Въ старомъ языкѣ дат. и мѣстн. п. ед. ч. жен. р. **tej**; такъ и въ говорахъ (дулѣбск., керконош., ляшск.); **té** проникло изъ род. п. Наоборотъ **tej** въ древнихъ памятникахъ проникло въ род. п. и въ значеніи послѣдняго употребляется въ моравскихъ и силезскихъ говорахъ. Въ народныхъ говорахъ вм. **té** и **tej** встрѣчается и **tý**.

Древняя форма тв п. ед. жен. р. **toji** встрѣчается въ древнихъ памятникахъ только въ выраженіи mezi toji. Вм. литер. **tou**, въ нар. говор. **tú**, **tó**, **tum**. Равнымъ образомъ въ вин. п. вм. tu діалектич. **tú**, **tou**, **tó**.

Твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. въ стар. яз. **tiem**. Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) род. дат. мѣстн. ед. ч. муж. и ср. р. образуются и по мягкому склоненію teho, temu, tem. Ср. выше 147 стр.

Род. дат. твор. мѣстн. мн. ч. въ народныхъ говорахъ (моравскихъ): tech, tych (р. м.) tem, tym (д.), těma (обще-народн.), tema, tymi, tyma (тв. п.).

Ten можетъ усиливаться прибавкой частицы že, или ср. р. to, tu, hle, le (діалект.): tenže, tento, toten, tuten tenhle, tenle. Склоненіе мѣстоименія остается тоже. Рядомъ съ tenže существуетъ однородное по значенію мѣстоименіе týž(e), táž(e), též(e), которое измѣняется по сложному склоненію. По образцу **ten** склоняются: všechen, on, onen, kdo, nikdo, někdo, ledakdo, jeden; въ древнемъ языкѣ сюда относилось sam.

Všechen (*весь* ср. ниже мѣст. ves) въ ед. ч. имѣетъ только имен. и вин. пп., а во множ. ч. всѣ падежи: všechen, -na, no, všechni, -ny, na, род. мѣст. vsechněch, дат. všechněm, тв. všechněmi.

On, ona, ono, мн. ч. oni, ony, ona употребляются только въ им. п. въ значеніи мѣстоименія 3 лица, вм. пра-слав. jь, ja, je (старо-слав. и, ꙗ, ѥ). **Onen**, ona, ono имѣетъ указательное значеніе и слѣдуетъ вполнѣ образцу **ten**. Отъ соединенія съ союзомъ **a** получаются (только въ имен. п.) формы: an, ana, ano, ani, any, ana, употребляющіяся и въ современномъ литературномъ языкѣ.

Jeden и **onen** въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) представляютъ тѣже уклоненія отъ литературнаго яз., какъ и ten; напр. jedneho, oneho, jednemu, onemu; jednem, onem и т. д.

Kdo (въ литер. яз. вм. народн. gdo)=старо-слав. **къ-то** (ср. выше стр. 90). Въ древне-чеш. **kto** и **kte**. Твор. п. **kým** (вм. ожидаемаго ciem, старо-слав. **цѣмь**) отъ **ky** (см. ниже); такъ и въ старомъ языкѣ.

Sam относится къ данному склоненію только въ имен., вин. п. ед. и мн. ч.: sam, sama, samo, sami, samy, sama, sam (sama), samu, samo, samy, sama; остальные падежи въ современномъ языкѣ образуются по сложному склоненію; напр. р. samého, д. samému, р. мѣстн. мн. ч. samých и т. д. Въ старомъ языкѣ **sam** могло имѣть всѣ падежи по мѣстоименному склоненію, но при этомъ для род. и дат. п. ед. ч. употреблялись и именныя формы: samoho и sama, samomu и samu.

Числительныя **oba**, **dva** также слѣдуютъ образцу **ten**, въ древнихъ формахъ двойств. ч.: им. вин. п. oba, obě, dva, dvě род. мѣст. п. obau, dvau, дат. твор. п. oběma, dvěma; діалектическія формы: род. мѣст. dvouch, obouch, дат. мѣст. dvouma, obouma.

II Основы на -jo.

1.

	Един. ч.			Множ. ч.		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	náš	naše	naše	naši (naše)	naše	naše
В.	nás (našeho)	naši	naše	Для всѣхъ родовъ.	naše	
Р.	našeho	naší	našeho		našich	
Д.	našemu	naší	našemu		našim	
Т.	naším	naší	naším		našimi	
М.	našem	naší	našem		našich	

2.

	Един. ч.			Множ. ч.		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И. З.	(jen) (on)	(je) (ona)	(je) (ono)	(ji) (oni)	(je) (ouy)	(ja) (ona)
В.	jej, jeho, ho, -ň	ji	je	Для всѣхъ родовъ:	je	
Р.	jeho, ho	jí	jeho, ho		jich, jejich	
Д.	jemu, mu	jí	jemu, mu		jim	
Т.	jím	jí	jím		jimi	
М.	(v)něm	ní	něm		(v)nich	

По даннымъ образцамъ склоняются: vaš, jenz, můj, tvůj, svůj, obůj, dvůj, trůj, čí, ký, co, ves.

Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) въ жен. р. ед. ч. весьма употребительны формы съ неперегласованными гласными окончаній: naša, vaša, našu, vašu, ju, jú и т. д.

Формы род. п. ед. ч. жен. р. naší, jí образовались изъ болѣе древн. našie, jie, черезъ съуженіе ie — í; въ старомъ яз. и частью въ современныхъ говорахъ встрѣчаются формы ji, ej и iéj; отсюда возникло также въ старомъ яз. jejie, jejé и jejiej.

Въ дат. мѣстн. п. ед. ч. ж. р. въ старомъ яз. кромѣ основн. naší, jí встрѣчаются формы, образованныя по сложному склоненіи našiej, našej, jiej, niej, jéj, ňéj. Такъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ (вост. морав.).

Имен. пад. ед. и мн. ч. мѣст. jen (старо-слав. и) употребляется во всѣхъ родахъ только въ сложеніи съ že, ž (jenž) въ значеніи *который*; въ значеніи же личнаго мѣстоименія jen замѣняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, мѣстоимен. on.

Вм. jeho, jemu въ род. (вин.) и дат. пп. ед. ч. муж. и ср. р. существуютъ энклитическія ho, mu; они возникли изъ jeho, jemu черезъ потерю начальнаго слога je. Полныя формы употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда логическое удареніе въ предложеніи падаетъ на мѣстоименіе; напр.: jeho vidím, и vídim ho, jemu jsem to dál и dál jsem mu to. Въ ганац. н. дат. п. jemo, mo.

Настоящія формы вин. п. ед. ч. муж. р. jej, ň; jej образовалось изъ первоначальнаго jь черезъ прибавку въ началѣ je, т. е. = je-j(ь); ň—изъ болѣе древняго ňь, которое употреблялось послѣ предлоговъ; такъ и теперь na-ň, za-ň, ve-ň. Ср. старо-славян. нань, къ нь,

сербо-хорв. пoњ, зањ, нањ, словин. nánj, vánj. Формы jeho, ho заимствованы изъ род. п. и употребляются только по отношенію къ одушевленнымъ именамъ. Въ старомъ яз. встрѣчается jen, въ говорахъ— jé, ňé.

Въ вин. п. ед. ч. ср. р. въ народной рѣчи обыкновенно ho; въ литерат. яз. сохраняется древняя форма je.

Род. п. мн. ч. jejich — позднѣйшаго образованія; онъ возникъ черезъ прибавку по аналогіи je къ древней формѣ jich и встрѣчается въ памятникахъ не ранѣе 2-й пол. XIV в. (Вѣнское Евангеліе). Эта распространенная форма употребляется исключительно въ значеніи притяжательнаго мѣстоименія; напр. byl jsem v jejich domě. Какъ род. п. жен. р. jeji перешелъ въ склоняемое прилагательное, такъ отъ jejich въ народныхъ говорахъ возможны формы съ добавочными флексіями: jejichho, jejichmu (jejichma тв. п.). Въ старомъ языкѣ подобныя распространенныя формы встрѣчаются для дат. п. и род.—мѣстн. п. двойств. ч.: jejim, jejú.

Твор. п. мн. ч. въ просторѣчіи оканчивается на -ma: jima, nima, našima, našma, mojima.

Послѣ предлоговъ j въ мѣстоим. jь, jen (какъ въ друг. слав. яз.) измѣняется въ ň: naň, od něho, k němu, s nim, v něm, v nich.

Склоненіе мѣстоименій притяжательныхъ můj, tvůj, svůj отличается отъ старо-славянскаго и русскаго обиліемъ стяженныхъ формъ и въ этомъ отношеніи сближается съ сербо-хорватскимъ склоненіемъ. Уже въ древнемъ яз. употреблялись исключительно стяженныя формы во всѣхъ падежахъ кромѣ имен., вин., ед., мн. и двойств. Такъ и въ соврем. литер. яз. а также въ говорахъ Чехіи и западной Моравіи; напротивъ въ восточныхъ моравскихъ говорахъ господствуютъ нестяженныя формы. Схема собственно чешскаго склоненія представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	Един. ч.			Множ. ч.		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	můj	moje, má	moje, mé	moji	moje, mé	moje, má
В.	mého (můj)	moji, mou	moje, mé	Для всѣхъ родовъ:	moje, mé	
Р.	mého	mé	mého		mých	
Д.	mému	mé	mému		mým	
Т.	mým	mou	mým		mými	
М.	mém	mé	mém		mých	

Формы, въ которыхъ выступаетъ ý (mým, mých и т. д.), по мнѣнію проф. Гебауэра, вѣрнѣе считать образованными по аналогіи сложнаго склоненія (dobrý). — Въ моравскихъ говорахъ: им. moja, moje, р. mojeho, moji (ж. р.) д. mojemu, mymu, mojej, moji, mymo (ганац.), тв. mojem, mojim, mojú, mojó; мн. ч. mojich, mojim, mojimi, mojima. Проф. Гебауэръ (Historicka mluvnice, III, I, 492) считаетъ эти моравскія формы новообразованіями, но такое мнѣніе едва ли можно считать доказаннымъ или даже вѣроятнымъ.

Dvůj, **trůj**, **obůj** въ настоящее время употребляются только въ имен., вин. пп. ед. и мн. ч.: им. п. dvůj, dvoje, dvoje, мн. dvoji, dvoje, dvoje;. вин. п. dvůj, dvoji, dvoje, мн. ч. dvoje (для всѣхъ родовъ). Средн. р. въ стяженной формѣ dvé, obé, tré и въ значеніи существительнаго имѣетъ всѣ формы по образцу **mé**: dvého, dvému и т. д. Вм. dvůj и т. д. гораздо чаще **dvojí**, **trojí**, **obojí**, измѣняющіяся по мягкому сложному склоненію: dvojího, trojího, obojímu и т. д.; между тѣмъ въ старомъ языкѣ возможны были и мѣстоименныя формы dvojeho, dvojemu и т. д.

Či (изъ čьjь, čьja, čьje—др. ч. čí, čie, čie), первоначально склонялось по образцамъ **jь**, **naš**, но теперь вслѣдствіе стяженія **jь** съ слѣдующ. гласн. имѣетъ формы вполнѣ аналогичныя съ формами мягкаго сложнаго склоненія **čího**, **čímu** и т. п. вм. **čijeho**, **čijemu** и т. д. (ср. ниже обр. pěší). Въ нѣкоторыхъ говорахъ (ляшск. н.)—čij, čijá, čije.

Отъ мѣст. **sen** (= старо-слав. сь), которое и въ старомъ языкѣ употреблялось очень рѣдко (хотя во всѣхъ падежахъ), въ настоящее время сохранились немногіе слѣды въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: **dnes**, **letos**, po-**sou**-dobu.

Старо-славянскому **вьсь** въ чешск. яз. соотвѣтствуетъ **veš** (жен. ср. р. **vše**). Согл. **š** вм. **s** и въ другихъ западно-слав. яз. (ср. выше стр. 93); въ чешскомъ оно изъ доисторич. эпохи: уже въ древнихъ глаголическихъ отрывкахъ XI в. vši, všěch. Какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ твор. ед. ч. муж. и ср. р., въ род., дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч. это мѣстоименіе слѣдуетъ твердому склоненію: vším, všach, všem, všemi, všech (ср. старо-слав. **вьсѣмь, вьсѣхъ, вьсѣмъ, вьсѣми, вьсѣхъ**), въ остальныхъ падежахъ — мягкому: všeho, vší, všemu и т. д. Въ имен. и вин. пп. ед. и мн. ч. въ современномъ языкѣ чаще формы, усиленныя прибавками — **cek**, -**cken** и **chen**, všecek (-ka, -ko),

všecken (-kna -ckno), všechen (-chna -chno). Въ старомъ языкѣ въ это мѣстоименіе проникаютъ и другія суффиксы: veštek, všitek, veškeren, všecheren. Такія распространенныя формы слѣдуютъ именному или твердому мѣстоименному склоненію; напр.: všecí, všeckni, všichni, všecky, všeckny, všechny. Въ древнихъ памятникахъ и нѣкоторыхъ восточныхъ моравскихъ говорахъ встрѣчаются отъ распространенныхъ формъ кромѣ имен., вин. и другіе падежи; напр. všeckého, všeckyho, všeckemu, všeckymu (мор. г.), všechnech (XVI в.), všeckym. Первоначально склонялись обѣ согласныя части слова; напр. им. жен. р. všecka, вин. vší-cku.

Co въ древне-чешск. čso (изъ болѣе стараго čьso) и есть собственно род. п. (ср. старо-слав. чесо) употребляемый въ знач. имен. и вин.; древній вин. п. сохранился въ č, če въ выраженіяхъ proč, zač, nač, več, seč, и pro-čež, na-čež и др. Въ род. п. рядомъ съ čso (čse, ce, co) въ древн. яз. употреблялся и čeho. Въ наст. время co вполнѣ слѣдуетъ мягкому склоненію: co р. čeho, д. čemu, в. co, -č, тв. čím, м. čem. Въ силезск. гов.—čoho, čomu, čom.

Мѣстоименія на -ý, -á, -é: který, ký (употр. только въ муж. р. ед. ч. р. п. kého и kýho), týž, tentýž (можетъ склоняться въ двухъ частяхъ: toho-teho-ž, tomu-temuz-ž по рѣдко употреб.), jaký, taký, koliký, toliký и др. измѣняются по сложному склоненію.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ чешскомъ яз., какъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, болѣе или менѣе значительно отступило отъ того древняго (праславянскаго) типа, который полнѣе всего представленъ въ старо-славянскомъ яз. Здѣсь не возможны такія нестянутыя формы, какъ старо-сл. добраѥго, доброуѥмоу, добрѣѥмь, добрыими, въ которыхъ ясно выступаютъ окончанія именнаго и мѣстоименнаго склоненія; въ замѣнъ ихъ всюду являются или формы сокращенныя, въ которыхъ первичныя именныя и мѣстоименныя окончанія подвергаются разнымъ измѣненіямъ и сливаются въ одно цѣлое согласно общимъ законамъ чешскаго вокализма (перегласовка, съуженіе, стяженіе) или же формы новыя, не стоящія въ прямомъ родствѣ съ предполагаемыми древними, а образованныя по аналогіи. Вслѣдствіе такихъ преобразованій, частью относящихся къ доисторической порѣ (напр. тв. п. ед. ч. dobrým),

частью развившихся въ новое время (напр. вин. п. жен. р. pěší изъ болѣе древняго pešiu) чешское сложное склоненіе особенно въ мягкомъ различіи, во многихъ падежахъ совпадаетъ съ мѣстоименнымъ. Но это совпаденіе не идетъ такъ далеко, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. словинскомъ (ср. Лекціи I, 465, 468). Въ чешскомъ языкѣ все же замѣтно въ значительной степени стремленіе къ сохраненію древняго разнообразія формъ и, между прочимъ, удержано различіе между твердыми и мягкими основами, уже исчезнувшее напр. въ словинскомъ языкѣ.

Къ настоящимъ сложнымъ формамъ, т. е. образованнымъ черезъ соединеніе окончаній именнаго и мѣстоименнаго склоненій относятся: 1) имен. и вин. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ: а) им. п. ед. ч. dobrý (dobrъ-jь), pěší (pěšь-jь), dobrá (dobra-ja), pěší (др.-ч. pěšie = pěsa-ja), dobré (dobro-je), pěší (др.-ч. pěšie = pěše-je); б) вин. п. ед. ч.: dobrý, pěší, dobrou (др.-ч. dobrú = dobru-ju, пра-слав. dobrѫ-ѭ), peší (др.-ч. pěšú = pěšu-ju, пра-слав. pěšѫ-ѭ), dobré, pěšé; в) имен. п. множ. ч.: dobří (dobři-ji), pěši (pěši-ji), dobré (dobry-jê, старо-слав. добры-ѩ), pěší (др.-ч. pěšie = pěšê-jê), dobrá (dobra-ja), pěší (др.-ч. pěšie=pěša-ja); г) вин. п. мн. ч.: dobré, dobré, dobrá, pěší (для 3 род.); 2) род. п. ед. ч. жен. р.: dobré (dobry-jê) старо-слав. добрыѩ), pěší (др.-ч. pěšie = pěšê-jê); 3) дат. мѣст. п. ед. ч. жен. р. мягкаго склоненія pěší (pěši-ji); въ древнемъ языкѣ сюда же относились и твердыя основы: dobřiej (dobrê-ji); ново-чешское dobréj образовалось по аналогіи; 4) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. мягкаго склоненія: pěším (др.-ч. pěšiem = pěši-jemь); въ древн. яз. сюда же относились и твердыя основы: dobřiem (dobrě-jemь), позднѣйшее dobrém образовалось по аналогіи; 5) твор. п. ед. ч. жен. р.: dobrou др.-ч. dobrú = dobrú-jú, пра-слав. dobrѫ-ѭ), pěší (др.-ч. pěšú = pěšú-jú); 6) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ: dobrých (dobrъ-jichъ), pěších (pěšь-jichъ); 7) твор. п. мн. ч. муж. и ср. р.: dobrými (dobry-jimi), pěšími (pěši-jimi). — Въ старомъ языкѣ сюда же относились имен.-винит. и род.-мѣст. пп. двойств. ч.: dobrá, dobřijej (dobra-ja, dobře-ji), pešie, pěší (pěša-ja, pěši-ji), dobrú, pěšú (-ú-jú).

Остальные падежи, вѣроятно, нужно объяснять новообразованіями по аналогіи. Сюда принадлежатъ: 1) род. п. ед. муж. и ср. р. dobrého, pěšího (др.-ч. pěšieho); 2) дат. п. ед. ч. муж. и ср. р. do-

brému, pěšímu (др.-ч. pěšíemu); 3) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. dobrém (ср. выше пункт. 4); 4) дат. мѣст. п. ед. ч. жен. р. dobrej (ср. выше п. 3), 5) твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. dobrým, pěším; 6) дат. п. мн. ч.: dobrým, pěším; 7) мѣст. п. мн. ч. dobrých, pěších; 8) твор. п. мн. ч. жен. р. dobrými, pěšími. Сверхъ того въ старомъ яз.: имен., вин. двойств. ч. жен. и ср. р.: а) dobréj (болѣе новая форма ср. выше); б) дат. твор. пп. двойств. ч. dobrýma, pěšíma.

Въ частностяхъ вопросъ о происхожденіи новообразованныхъ формъ еще не разъясненъ окончательно. По мнѣнію однихъ аналогіи для этихъ формъ нужно искать въ предѣлахъ сложнаго склоненія; падежи, имѣющіе въ окончаніи неорганическое -é или í (изъ древн. ie) dobrého, pěšieho (др.-ч.) dobrému, pěsiemu, dobrém, dobréj), получили это -é (или í) подъ вліяніемъ тѣхъ падежей сложнаго склоненія которые имѣютъ -é (или í) по праву (напр. dobré, pěšíe); падежи, имѣющіе въ окончаніи неорганическія -ý, í, dobrým, pěším, dobrých, pěších (м. п.) dobrými, pěšími (ж. р.) пріобрѣли эти гласные по образцу тѣхъ формъ, въ которыхъ -ý, -í, выступаютъ по праву (напр. dobrý, dobrých р. п.). Другіе полагаютъ, что всѣ новообразованные падежи развились подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія, именно по аналогіи стяженныхъ формъ мѣстоименія můj: mého, mému, mých, mým, mými и т. д. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній ближе къ истинѣ, трудно сказать. Проф. Гебауэръ стоитъ за первое; намъ кажется болѣе вѣроятнымъ второе въ виду того, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ (напр. словинскомъ, польскомъ) мѣстоименное склоненіе несомнѣнно оказало большое вліяніе на формы сложнаго склоненія.

Твердыя основы. Мягкія основы.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	dobrý	dobrá	dobré	pěší	pěší	pěší
В.	dobrý(-ého)	dobrú	dobré	pěši	pěší	pěší
Р.	dobrého	dobré	dobrého	pěšího	pěší	pěšího
Д.	dobrému	dobré (-éj)	dobrému	pěšímu	pěší	pěšímu
Т.	dobrým	dobrou	dobrým	pěším	pěší	pěším
М.	dobrém	dobré (-éj)	dobrém	pěším	pěší	pěším

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И З.	dobři (ré)	dobré	dobrá		pěší	
В.	dobré	dobré	dobrá		pěší	
Р.		Для всѣхъ род. dobrých			Для всѣхъ родовъ. pěších	
Д.		dobrým			pěším	
Т.		dobrými			pěšími	
М.		dobrých			pěších	

Въ старомъ яз. употреблялись формы двойственнаго числа, нынѣ уже исчезнувшія: имен. вин. п. dobrá (муж. р.) dobřiej, -ie, -í (жен. ср. р.), pěšie (-í), pěší р. м. п. dobrú, piešu (-i), дат. тв. п. dobrýma, pěšíma.

Род. и дат. (мѣстн.) п. ед. ч. жен. р. въ старомъ языкѣ (до нач. XV ст.) dobrėj; затѣмъ вслѣдствіе отпаденія j всѣ три падежа совпали; смѣшеніе падежей повело къ тому, что и первичная форма дат. п. dobrėj въ переходную пору стала употребляться для обозначенія род. п. Въ настоящее время употребительны оба окончанія для общаго обозначенія трехъ падежей (род. дат. мѣстн.) но въ различныхъ нарѣчіяхъ: въ литературномъ языкѣ и въ чешскихъ говорахъ (за исключеніемъ дулѣбскаго, въ которомъ сохраняется древнее различіе между род. и дат. п.) взяла перевѣсъ форма на ė (dobrė), въ моравскихъ нарѣчіяхъ—форма на ėj (dobrėj).

Имен. п. мн. ч. муж. р. въ твердомъ различіи оканчивается на -í, когда относится къ одушевленнымъ именамъ; согласуясь съ неодушевленными онъ сходепъ съ винит. п. Согласный передъ í подвергается обычному смягченію: dobří, silní, velicí, naží, nebeští, němečtí, и др. Въ народныхъ говорахъ иногда согласный и не смягчается.

Изъ діалектическихъ особенностей для твердаго различія наиболѣе важны свойственныя особенно чешскимъ (и отчасти моравскимъ) говорамъ формы, въ которыхъ вм. книжнаго ė слышно ý (í, черезъ съуженіе ė ср. 66 стр.) и вм. ý -ėj (ср. выше 72 стр.); напр. dobrýho, dobrymu, dobrým (мѣстн. п., совпаденіе съ твор. п.), dobrý (р. д. м. пад. ж. р.), dobrý (ср. р. им. вин. п.), dobrėj (им. п. муж. р.), dobrėjm (дат. п. мн. ч., рѣже твор. п. ед.), dobrejch (род. мѣст. мн. ч.), dobrėjmi, dobrėjma (тв. п. мн. ч.).—Вин. твор. пп. ед. ч. жен. р. въ моравскихъ говорахъ сохраняютъ древн. ú: dobrú; въ опавск. гов.

dobrum. — Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ (особ. ляшск. нар.), гласный окончанія бываетъ краткимъ; dobre, dobra, dobrym и т. д.

Склоненіе мягкихъ основъ значительно упростилось вслѣдствіе стяженія, перегласовки (u—i) и съуженія (ie—i) гласныхъ звуковъ окончаній. Въ большей части падежей оно близко напоминаетъ именное склоненіе образцовъ paní, sudí, znamení, и потому оказало нѣкоторое вліяніе на послѣднее (sudího, podkoního). Въ жен. р. ед. ч. совпадаютъ всѣ падежи въ одной формѣ pěší, которая выступаетъ сверхъ того въ имен. вин. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ родовъ. Въ старомъ языкѣ въ большей степени соблюдалась дифференціація формъ; напр. pěšie (им. род. п. ж. р.) pěšiem (тв. п. ед. ч.), pěšiú (вин. тв. п. ж. р.) и т. д. Тоже и въ настоящее время въ моравскихъ и силезскихъ говорахъ, сохраняющихъ неперегласованное u и несъуженное ie; напр.: většu radosć (ляшск. н.), inšieho (вин. п.) и др.

По образцу dobrý склоняются: 1) имена прилагательныя твердыхъ основъ, оканчивающіяся на -ý, á, -é, напр. silný, mocný, pevný, zralý, milý, tělesný, ponocný, nebeský, veliký, nahý, и др. 2) имена числительныя на -ý: prvý, druhý, pátý, desaterý; 3) имена собственныя (фамильныя); напр., Dobrovský, Palacký, Čelakovský, Švětlá, Němcová, инославянскія на -ij, í: Žukovskij, Kochanovskí; 4) мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ, напр.: tyž, jaký, ký, který, některý, kterýkoli, jekýsi, kteraký, každý, žadný (ни одинъ), všaký, všeliký и т. п.; 4) причастія страдательныя и дѣйствительныя на l въ определенной формѣ; напр.: znamý, vědomý, osiřelý, milovaný, sbitý, napisaný и т. д. 6) многія прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: hostinský, hlasný, ponocný, vrátný, útery (вторникъ); panská, kramská (лавочница), krejčova (портниха), kupcová, (купчиха); mostné (мостовой сборъ), přivozné, vstupné (входная плата), и др.

По образцу pěší, склоняются: 1) имена прилагательныя мягкихъ основъ, оканчивающіяся на -í, напр.: kozí, orličí, dnešní, denní, horní, zadní, duchovní и др., 2) прилагательныя въ сравнительной и превосходной степени; напр.: bělejší, lepší, nejlepší и др. 3) имена числительныя на -í, напр.: první, třetí, dvojí, trojí; 4) причастія дѣйствительныя (настоящее и прошедшее I) въ опредѣленной формѣ; напр.: jdoucí, pekoucí, nesoucí, davší, pívši, milovavší и т. д.; 5) мѣстоименія její; čí; 6) нѣкоторыя имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: bližní, lovčí, kočí, krejčí и др. О склоненіи Jiří, sudí, markrabí, см. выше стр. 129, 135.

Прибавленіе.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ: 1) ější; напр.: silný—silnější, bílý—bělejší, lstívý—lstívější, svátý—světější; 2) ší, смягчающаго предшествующій согласный; напр.: dráhy—dražší, tuhý—tužší, hluchý—hlušší, snadný—snazší, blizký—blizší, vysoký — vyšší; 3) ší, неизмѣняющаго предшествующій согласный; напр.: chudší, mlady—mladší, slabý—slabší, bohaty—bohatší, и др.; 4) í—у нѣкоторыхъ прилагательныхъ на ký; lehký—lehčí, hezký—hezčí, vlhký—vlhčí, měkký—měkčí.

Въ старомъ языкѣ были только два окончанія ější и jší; первое имѣло мѣсто у прилагательныхъ производныхъ; напр.: bohatý—bohatější, mlady—mlazší, huzší (j всегда смягчало предшествующій гласный); ок. ší позднѣйшее, постепенно оно взяло перевѣсъ надъ jší и распространеннымъ ější; напр.: bohatší вм. древн. bohatější, chudší вм. chuzší.

У нѣкорыхъ прилагательныхъ коренной гласный въ сравнительной степени—кратокъ, а въ положительной—долгъ; напр.: krátký—kratší, blízký—bližší, úzký—úžší, bily—bělejší, но moudry—moudřejší. Многія прилагательныя на -ký, -oký, -eký образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній; напр.: sladký—sladší, hladký—hladší, blizký—bližší, hluboký—hlubší, daleký—další. Подобнымъ образомъ snadny и zadní теряютъ n: snazší, zazší. Dlouhý имѣетъ сравн. ст. delší.

Нѣкоторыя прилагательныя имѣютъ сравнительную степень отъ другихъ основъ: dobrý—lepší, zly—horší, veliký—větší, malý—menší. Тоже и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Превосходная степень образуется посредствомъ прибавки частицы nej (перегласов. изъ naj) къ началу сравнительной степени; напр. nejbohatší, nejlepší и т. п.

2) Числительныя имена.

1, jeden, -na, -o	5, pět
2, dva, dvě	6, šest
3, tři	7, sedm
4, čtyři	8, osm

9,	devět	60,	šedesát
10,	deset	70,	semdesát
11,	jedenáct	80,	osmdesát
12,	dvanáct	90,	devadesát
13,	třináct	100,	sto
14,	čtrnáct	101,	sto jeden
15,	patnáct	200,	dvě stě
16,	šestnáct	300,	tři sta
17,	sedmnáct	400,	čtyři sta
18,	osmnáct	500,	pět set
19,	devatenáct	600,	šest set
20,	dvacet	700,	sedm set
21,	dvacet jeden, jeden a dvacet	800,	osm set
30,	třicet	900,	děvět sét
40,	čtyřicet	1000,	tisíc
50,	padesát	10000,	deset tisíc.

Jeden, dva, dvě (ж. ср. р.), а также **oba, obě** (ж. ср. р.) склоняются по мѣстоименному склоненію (ten). Склоненіе dva, oba представляетъ любопытные остатки двойств. числа. Ср. выше стр. 149.

Числит. **tři** и **čtyři** слѣдуютъ склоненію основъ на -i: им. вин. tři, čtyři, род. п. tří, čtyř, дат. п. třem, čtyřem, твор. п. třemi (др.-ч. třmi), čtyřmi, мѣст. п. třech, čtyřech.—Рядомъ съ čtyři развилось čtyry (твердое r), особ. čtyr (род. п.), čtyrem (дат. п.). Въ народныхъ говорахъ čtyři и пр. часто произносится štyři. Въ старомъ языкѣ муж. р. отлич. отъ жен. р. въ имен., вин. п.: třie, čtyřie (муж. р.), tři, čtyři (жен. и ср. р.). Въ говорахъ встрѣчаются еще слѣдующія новообразованныя формы: třoch, troch, štyroch (род. и мѣстн. п.), třom, trom, štyrom (дат. п.), třema, štyrma, štyremo.

Числит. **pět, šest, sedm, osm, devět, deset** прежде склонялись вполнѣ по образцу kost (основа на -i), при чемъ имена, означающія считаемый предметъ ставились въ род. п. мн. ч.; напр.: všecka pět mužův, род. п. všie pěti mužův, дат. п. vší pěti mužův и т. д. Въ новомъ языкѣ такое употребленіе числительныхъ удержалось только въ имен., вин. п.; въ остальныхъ падежахъ они имѣютъ неизмѣняемую форму на -i[1]), а измѣняется по падежамъ существительное, обозначающее

[1]) Впрочемъ, эта форма на -i совпадаетъ съ большинствомъ падежей ед. ч. склоненія основъ на i жен. р.

считаемый предметъ; напр. имен. вин. п. všecka pět mužův, род. п. všech pěti mužův, дат. п. všem pěti mužům, твор. п. všemi pěti muži, мѣстн. п. všech pěti mužích. — **Devět** и **deset** (др.-ч. desět) въ формѣ на -i имѣютъ гласный, предшествующій окончанію, долгій: devět—devítú, deset—desíti.

Числит. **deset** въ старомъ языкѣ имѣло слѣдующіе падежи: мѣст. п. ед. на e: desěte; онъ сохранился доселѣ въ побочныхъ формахъ jedenácte, dvanácte и т. д. (и jedenáct, dvanáct) = jeden-na-desěte, dva-na-desěte и т. д. 2) имен., вин. дв. ч: desěti представленный въ dvačeti (= dva-desěti), нов.-ч. dvacet; 3) имен., вин. мн. ч. desěti, представленный въ třičeti, čtyřičeti (= třidesěti, čtyři-desěti), нов.-ч. třicet, čtyřicet; 4) род. п. мн. ч. desat сохранившійся доселѣ въ sedmdesát, osmdesát, šedesát, и др.

Къ склоненію числительныхъ отъ 11 до 19 (jedenáct, dvanáct и т. д.) и отъ 20 до 90 (dvacet, třicet и т. д.) относится тоже, что было сказано о склоненіи числительныхъ pět, šest и т. д.: во всѣхъ падежахъ, кромѣ им., вин. они имѣютъ однородную форму на -i; напр. дат. п. k dvanacti, čtyřiceti, mužům.

Sto склоняется по образцу основъ на -o сред. р. (město); въ им., вин. п. dvě **stě** сохранился остатокъ двойств. ч. Существительное, обозначающее считаемый предметъ, обыкновенно стоитъ въ род. п.; напр. sto dubův, ke stu dubův; но иногда **sto** остается безъ измѣненія, а склоняется находящееся при немъ существительное, напр. ke sto dubům, se sto lidmi.

Tisíc склоняется по образцу основъ на -jo муж. р; въ род. п. мн. ч. чаще древняя форма tisíc, чѣмъ позднѣйшая tisícův.

Порядковыя.

1, první, prvý	10, desátý
2, druhý, -á, -é	11, jedenáctý
3, třetí	12, dvanáctý
4, čtvrtý, á, -é	13, třináctý
5, pátý, -á, -é	14, čtrnáctý
6, šestý, -á, -é	15, pátnáctý
7, sedmý, -á, -é	16, šestnáctý
8, osmý, -á, -é	17, sedmnáctý
9, devátý, и т. д.	18, osmnáctý

19, devetenáctý	101, stý první
20, dvacátý	200, dvoustý
21, dvacátý první или jeden a [dvacátý	300, třistý
30, třicatý	400, čtyřstý
40, čtyřicáty	500, pětistý
50, padesátý	600, šestistý
60, šedesátý	700, sedmistý
70, sedmdesátý	800, osmístý
80, osmdesátý	900, devítistý
90, devadesátý	1000, tisící
100, stý	10000, desítitisící.

Б) Спряженіе.

Чешское спряженіе во многихъ отношеніяхъ стоитъ очень близко къ пра-славянскому типу, наиболѣе полно выраженному въ спряженіи старо-славянскаго языка. Эта близость особенно замѣтна въ древнемъ состояніи языка, которому свойственны были формы двойственнаго числа, прошедшія простыя—преходящее, аористъ—и супинъ. Въ современномъ языкѣ это древнее богатство и разнообразіе формъ нѣсколько сократилось, но все же еще весьма значительно; оно выражается главнѣйше въ сохраненіи не только неопредѣленнаго, но отчасти и достигательнаго наклоненія, въ удержаніи большей части причастныхъ формъ и въ обиліи прошедшихъ сложныхъ. Своеобразныя особенности флексіи чешскаго спряженія объясняются большею частью изъ звуковыхъ законовъ языка.

Неопредѣленное и достигательное наклоненія.

Неопредѣленное и достигательное накл. (супинъ) имѣютъ тѣже окончанія, что и въ старо-славянскомъ а также и пра-славянскомъ языкѣ), т. е. -ti (неопред.) и -t (достиг.); напр.: nésti—nést, uměti—umět, prositi—prosit.

Если передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр.: vésti, plésti, péci.

Въ разговорной рѣчи конечное i въ неопред. н. часто не слышно и эта форма, подобно супину, оканчивается на -t: dělat. Такъ было

нерѣдко и въ старомъ книжномъ яз. Въ народныхъ говорахъ сверхъ того вм. ti распространено ť: dělať, uměť. Въ современномъ литературномъ языкѣ предпочтительно употребляется первичное ti.

Въ неопредѣленномъ накл., состоящемъ изъ двухъ слоговъ, коренной гласный обыкновенно удлиняется: nesu—nésti, vnésti, vedu—vésti, kladu—klásti, chtěl—chtíti, kryji—krýti. Исключеніе составляютъ глаголы: moci, jeti, pěti, spěti. Сверхъ того нѣкоторые глаголы имѣютъ то долгій, то краткій гласный; напр.: čníti и čněti, pníti и pněti, smíti и směti, chvíti и chvěti.

Если неопредѣленное наклоненіе, состоящее изъ двухъ слоговъ, соединяется съ предлогомъ или частицей ne и черезъ то становится словомъ трехсложнымъ или четырехсложнымъ, то коренной гласный можетъ быть или долгимъ или краткимъ. Онъ остается краткимъ въ глаголахъ, оканчивающихся въ двухсложной формѣ на -áti и íti (=ст.-чешск. íti); напр.: dáti—vydati, podati; znáti—uznati, neznati; bráti—sebrati, nabrati; psáti—napsati и т. д. píti—napiti; bíti—zabiti, ctíti—poctiti. Исключеніе составляютъ только тѣ глаголы на -áti, въ которыхъ á образовалось черезъ стяженіе; напр.: báti se и nebáti se, smáti—vysmáti, státi (stojati)—přestáti и т. п., а также jíti—najíti, přijíti.

Всѣ прочіе глаголы, именно тѣ, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на í (изъ съуженнаго древняго ie), ý, ou или на согласный, превращаясь въ многосложную форму, имѣютъ въ неопред. накл. коренной гласный долгій; напр.: žíti (др.-ч. žieti)—požíti, mříti (др.-ч. mřieti) umříti, vzíti (др.-ч. vzieti) nevzíti (впрочемъ zahrměti, zahřmíti, pochtíti и pochtěti), býti—dobýti, mýti—umýti, hnouti—vyhnouti, vésti—přivésti, nésti—přinésti, klásti—naklásti.

Въ противоположность неопредѣл. накл. въ достигательн. накл. коренной гласный не удлиняется; напр. spáti (неопр.)—spat (достиг.). Только въ soudit коренной гласный остается долгимъ, будучи такимъ во всемъ спряженіи этого глагола.

Достигательное накл. въ современной рѣчи встрѣчается очень рѣдко; обыкновенно оно замѣняется неопредѣленнымъ. Смѣшенію обѣихъ формъ содѣйствовало совпаденіе ихъ въ окончаніи послѣ того какъ неопредѣленное накл. стало произноситься безъ конечнаго i. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, однако, достигат. накл. и теперь необходимо; напр.: jdu spat, přijde soudit živých i mrtvých. Въ школьной грамматикѣ проф. Гебауэра достигат. накл. не занесено въ парадигмы

въ другихъ грамматикахъ (напр. Блажка) оно вездѣ ставится рядомъ съ неопредѣл. накл. Ср. о достиг. н. въ словин. яз. Лекціи, I, 472.

Причастныя формы.

Причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, по образованію вполнѣ соотвѣтствующее старо-славянскому, сохранилось только у немногихъ глаголовъ: vědom, svědom, vidom, lakom, pitom, znám, въ др.-чешск. также držim и nosim. Причастія эти употребляются и въ формѣ прилагательныхъ опредѣленныхъ — на -ý, -á, -é, напр. znamý, -á, -é.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога въ современномъ литературномъ языкѣ имѣетъ слѣдующія окончанія:

1) -a (муж. р.), -ouc (др.-ч. -úc, жен. и ср. р.), -ouce (др.-ч. -úce, мн. ч. всѣхъ родовъ); напр. peka, pekouc, pekouce;

2) -ě (e), -íc (др.-ч. júc, iec, жен. и ср. р.), -íce (др.-ч. -júce, -iece); напр.: bije, bijíc, bijíce, trpě, trpíc, trpíce.

Оконч. -a, -ouc, -ouce соотвѣтствуютъ старо-сл. ы (муж. и ср. р.), -ѫщи, -ѫще (пра-слав. ѫt, -ѫtja, ѫtje) и примѣняются къ твердымъ основамъ: nesa, veda, teka, pna, mina; ср. старо-слав. несы, несѫщи, несѫще. Оконч. -ě (e), -íc, -íce соотвѣтств. старо-слав. -ѧ (муж. ср. р.), -ѩщи, -ѧщи, ѩще, ѧще (пра-слав. -ѧt, -ѧtja, -ѧtje) и примѣняются къ мягкимъ основамъ и глаголамъ четвертаго класса (основы на -i): kryje (kryjíc, kryjíce), bije, píje, laje, piše, dělaje, uměje, prose, hledě, čině trpě, vise и др. ср. старо-слав. біѩ, біѩщи, трьпѧ, трьпѧщи; оконч. íc, íce въ однихъ случаяхъ образовались изъ болѣе древнихъ úc, úce (черезъ съуженіе ⁱu—i), напр. bijíc изъ bijúc; въ другихъ — изъ болѣе древнихъ iec, iece (черезъ съуженіе ie—i), напр. trpíc изъ trpiec.

Кромѣ измѣненія окончаній согласно съ требованіями чешскаго вокализма уклоненіе отъ древняго типа заключается въ смѣшеніи формы средняго рода съ формой женскаго р. и распространеніе формы имен. п. мн. ч. муж. р. на жен. и ср. р.

Въ моравскихъ народныхъ говорахъ a наблюдается и въ мягкихъ основахъ, напр. bija, kryja, piša, kupuja. Формы на -a проф. Гебауэръ считаетъ основными и для древн. яз.; формы на ě (e) по его мнѣнію образовались изъ формъ на -a позже подъ вліяніемъ перегласовки a—ě. Но съ этимъ трудно согласиться: и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ,

ě могло развиться изъ пра-слав. ѧ самостоятельно безъ посредства -a ср. 61—63 стр. Въ древне-русскомъ языкѣ также существовали причастныя формы на -а (у твердыхъ основъ): ида, мога. Отношеніе этого чешско-русскаго a и старо-слав. ы къ пра-слав. ѫт представляется не вполнѣ яснымъ.

Формы на -ouc (úc), ic утратили конечный гласный (i). Полныя формы на ci встрѣчаются не только въ говорахъ, но какъ архаизмы въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей. Въ литературномъ языкѣ въ причастіяхъ настоящаго времени строго различаются роды и числа. Но въ живыхъ говорахъ, да и въ старой книжности, каждая изъ приведенныхъ формъ причастія (-a, -ouc, -ouce, -e, -ic, -ice) можетъ употребляться въ значеніи дѣепричастія безъ пріуроченія къ опредѣленному роду и числу; напр.: zaboli tě srdce pohlidna na ňeho; Jaša utonul po vodzě plynuci; zedral sem boty choďaci k tobě. При всемъ томъ въ живой рѣчи наиболѣе распространены формы на -a. Подобныя застывшія формы причастій въ значеніи дѣепричастій находятся во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Въ памятникахъ стараго языка и въ народныхъ говорахъ иногда встрѣчаются неорганическія формы: bojúci, čiňúci, seďuci, búřúc.

Отъ дѣепричастія на -ouc, -ic образуются прилагательныя опредѣленныя на ci, слѣдующія сложному склоненію; напр.: pekoucí, trpící (для всѣхъ родовъ).

Въ связи съ прич. наст. дѣйств. находятся отглагольныя нарѣчныя формы на ečky; stoječky, mlčečky, vespěčky (=ve spani).

Причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога I представляетъ слѣдующія окончанія:

1) -v (муж. р.), vši (жен. и ср. р.), -vše (множ. ч. всѣхъ родовъ) у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго накл. на гласный; напр.: dělav, dělavši, dělavše, prosiv, -vši, -vše, uměv, -vši, -vše. Ср. старо-слав. дѣлавъ (муж. и ср. р.), дѣлавъши (жен. р), дѣлавъше (муж. р. множ. ч.);

2) (муж. р. безъ оконч.), -ši (жен. и ср. р.), še (множ. ч. всѣхъ родовъ), у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣл. накл. на согласный; напр.: pek, pekši, pekše, ved, vedši, vedše, nes, nesši, nesše. Ср. старо-слав. ведъ (муж. и сред. р.), ведъши (жен. р.), ведъше (муж. р. мн. ч.). При сходствѣ окончаній со старо-славянскими, уклоненіе отъ древней нормы заключается въ совпаденіи въ един. ч. формы ср. р.

съ формой жен. р. а не муж., во мн. ч. въ совпаденіи формъ всѣхъ трехъ родовъ въ формѣ муж. р. Подобно причастію наст. врем. причастіе прош. вр. теперь не измѣняется по падежамъ и употребляется лишь въ имен п. въ значеніи дѣепричастія (какъ было напр. въ старо-слав. яз. и отчасти въ древне-чешск.). Но въ литературномъ языкѣ отъ него образуются имена прилагательныя опредѣленныя оканчивающіяся на -ší, -vší (для всѣхъ родовъ) и измѣняющіяся по сложному склоненію; напр.: davší, padší, byvší.

Причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл совершенно такъ, какъ въ старо-слав. и другихъ слав. языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: l (муж. р.), -la (жен. р.), lo (ср. р.), множ. ч. -li (муж. р.), -ly (жен. р.), -la (ср. р.), напр. prosil, -la, -lo, prosili, -ly, la. Въ современномъ просторѣчіи конечный l часто не слышенъ: utek, nes, pad; въ литературномъ языкѣ l всегда удерживается и имѣетъ гласное значеніе. Въ говорахъ передъ l (въ муж. р.) слышится вставочное e: mohel, donesel. И отъ этого причастія возможны прилагательныя опредѣленныя на -lý, -lá, -lé: znalý, padlý, umělý и др.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога образуется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, отъ основы неопредѣленнаго накл. суффиксами n или t, при чемъ n въ извѣстныхъ случаяхъ (глаголы I A и IV кл.) получаетъ соединительный гласный e: pleten, nesen, pečen, trpěn, prošen, dělán, brán, kupován, bit, kryt, pat или piat, pnut.— Глаголы на -ati, -áti въ этомъ причастіи всегда имѣютъ á (долгое): brán, dán, tesán.

Въ старомъ языкѣ въ окончаніи иногда m вм. n: učiněm, naplněm; это m, вѣроятно, заимствовано изъ причастія наст. вр. страдат. зал. Кромѣ того въ старинномъ языкѣ встрѣчаются формы на -in (съ долгимъ i) вм. en или ěn: vidín, zavřín, pouštín и т. п.

Причастіе прошед. вр. страд. зал. можетъ измѣняться по всѣмъ родамъ и числамъ по образцу именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ; напр.: pečen, pečena, pečeno и pečený, pečená, pečené.

Отъ причастія прош. вр. страд. зал. образуется весьма распространенное въ чешскомъ языкѣ *отглагольное существительное* на -í (др.-чешск. ie): pečení, trpění, prošení, dělání, kupování, krytí и т. д.

Въ словахъ на -ání, -á всегда долгое, когда существительное состоитъ болѣе чѣмъ изъ двухъ слоговъ (напр.: vydání, pozvání, sepsání), или á возникло путемъ стяженія (напр.: snání, lání). Иначе предпослѣдній слогъ, имѣетъ краткій гласный: zvaní, praní, lovení, pití и др.

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старославянскими представляютъ слѣдующія особенности:

Старо-славянскій языкъ.			Чешскій языкъ		
Ед. ч.	1 л.	-мь, -ѫ (=гласн.+м) ѭ	Ед. ч.	1 л.	-m, -u, -i
	2 л.	-си, ши (=хи=си)		2 л.	(s) š
	3 л.	-тъ		3 л.	(t)
Мн. ч.	1 л.	-мъ	Мн. ч.	1 л.	-m, -me
	2 л.	-те		2 л.	-te
	3 л.	-ѫтъ, ѧтъ (=гл.+нтъ) ѭтъ		3 л.	(-ú) -ou, -í
Дв. ч.	1 л.	-вѣ	Дв. ч.	1 л.	-vě, -va (Въ древнемъ языкѣ.)
	2 л.	-та		2 л.	-ta, -tě (Въ древнемъ языкѣ.)
	3 л.	-те		3 л.	-ta, -tě (Въ древнемъ языкѣ.)

1-е лицо един. ч. Древнее окончаніе m, образовавшееся изъ мь (черезъ отпаденіе конечнаго ь) имѣютъ не только первообразные глаголы (основа настоящаго вр. на согласный): dám, vím, jím, jsem, но и глаголы другихъ классовъ, именно съ основой настоящаго на -i (IV кл.) и на -a (V кл); напр. prosím, trpím, umím, dělám. Въ первообразныхъ глаголахъ m—исконно, въ другихъ это окончаніе позднѣйшаго происхожденія, заимствовано у глаголовъ первообразныхъ. Въ древнемъ языкѣ они имѣли -u, правильно соотвѣтствующее старослав. ѫ: prošu, trpu, uměju, dělaju. Оконч. -i возникло черезъ перегласовку изъ болѣе древняго -u; оно выступаетъ послѣ j и мягкихъ согласныхъ; напр.: biji, kryji, laji, piši, ději, kupuji. Оконч. u въ современномъ литературномъ яз. всегда удерживаютъ лишь глаголы I и II классовъ; напр.: pletu, peku, vedu, grebu, beru. Но въ народныхъ говорахъ не только въ Моравіи, гдѣ перегласовка u—i менѣе извѣстна, но и въ Чехіи въ 1 л. ед. ч. вм. i обыкновенно древнее u; напр. kreju, pišu, kupuju. Въ XV ст. такія формы проникаютъ снова и въ письменный языкъ, который въ XIII ст. и нач. XIV ст. вообще дер-

жался неперегласованныхъ формъ и лишь во второй половинѣ XIV ст. широко усвоилъ законъ перегласовки u—i (ср. выше 65—66 стр.). Да и въ настоящее время многіе пишутъ kryju, tešu и т. п.; для глаголовъ же III кл. Б., имѣющихъ въ неопредѣл. накл. передъ оконч. ati одинъ изъ губныхъ (p, b, v, m) или l, древнее u составляетъ почти общее правило; напр.: sypu, hybu, dřimu, kašlu, škrabu, kapu и т. д. — Относительно позднѣйшаго m въ 1 л. ед. ч. ср. однородныя явленія въ болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ яз. (Лекціи I, 132, 320, 475).

2-е лицо ед. ч. Древнее окончаніе si сохранилось только у существительнаго глагола jsem (старо-слав. ѥсмь): jsi. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе š (изъ болѣе древняго ši): víš, dáš, jíš, pečeš. Уже древнѣйшіе памятники представляютъ только š [1]). Тоже окончаніе во всѣхъ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ.

3-е лицо един. ч. удержало древнее окончаніе t только отъ существительнаго глагола jsem: jest; рядомъ съ этой формой употребляется je. Всѣ остальные глаголы уже издавна имѣютъ 3 л. безъ t; напр.; peče, prosí, děla. Тѣже черты въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ.

1-е лицо множ. ч. имѣетъ два главныхъ окончанія -m и -me: pečem и pečeme, nesem и neseme, kryjem и kryjeme. Въ литературномъ языкѣ предпочитается окончаніе -me, но и здѣсь возможно, а въ народной рѣчи весьма употребительно окончаніе -m; обязательно оконч. -me только въ тѣхъ случаяхъ, когда 1 л. ед. ч. оканчивается на -m; напр.: dělame, dáme, prosíme, trpíme.—Древніе памятники представляютъ оба окончанія (напр. budem, vzoveme Клем. пс.) и сверхъ того -my (smy, vzpěvamy (Клем. пс.), которое встрѣчается въ текстахъ до XVI ст. Въ народныхъ говорахъ (моравскихъ) также не рѣдки my и ma: čekámy, mámy, smy, sednema, umíma (ганацк. г.), viemy, ňosemy (ляш. н.). О чередованіи окончаній -m, -me ср. болгарскій яз. (Лекціи I, 134).

2-е лицо множ. ч. имѣетъ общеславянское окончаніе -te: pečete, nesete, prosíte. Въ нарѣчіяхъ встрѣчаются ta: trháta, vidíta; to, ćo, će, če: ňoseto, plo\u0107o\u0107o, kladzeće, kładžeče (ляшск. н.).

---

[1]) Только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчаются ši: piješi, chceši (Краледв. рук.), neimaši, mlviši (Отр. Еванг. Іоанна).

3-е лицо множ. ч. представляетъ два главныхъ окончанія -ou (ú), í: pekou, vedou, berou, jsou, bijí, lají, dělají, kupují, píší, umějí; prosí, trpí, vědí. Вм. ou въ древн. языкѣ и современныхъ моравскихъ говорахъ -ú: pekú, vedú; í въ однихъ случаяхъ развилось (черезъ перегласовку) изъ болѣе древняго u, напр.: bijí (др.-ч. biju), dělají (др.-ч. dělajú), píší (др.-ч. píšu); въ другихъ — (черезъ съуженіе) изъ болѣе древняго ie, напр.: prosí (др.-ч. prosie), vědí (др.-ч. vědie). Разница между 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. во многихъ случаяхъ состоитъ въ количествѣ гласнаго окончанія: въ 1 л. ед. ч. u, i всегда кратки, въ 3 л. мн. ч.—долги (ú, ou, í). Въ народной рѣчи нерѣдко предпочитаются формы съ неперегласованными ou (ú) формамъ съ í: krejou, bijou, kupujou, píšou. Въ литературномъ языкѣ это допускается (какъ и въ 1 л. ед. ч.) преимущественно для глаголовъ III кл. Б., имѣющихъ въ неопред. накл. передъ оконч. ati одинъ изъ губныхъ (p, b, v, m) или l: sypou, dřímou, kašlou. Такимъ образомъ ou (ú) имѣютъ глаголы, оканчивающіеся въ 1 л. един. ч. на -u (сюда же относится jsou = старо-слав. сѫть), оконч. í—всѣ остальные, т. е. оканчивающіеся въ 1 л. ед. ч. на -m и на -i. Чешскія оконч. -ou (ú), -í (изъ перв. ⁱu) восходятъ къ пра-слав. ѫtъ, а -í (изъ перв. ie) къ пра-слав. ѧtъ: по исчезновеніи конечныхъ глухихъ t не удержалось, какъ и въ 3 л. ед. ч., носовые гласные по общему закону перешли въ чистые: ѫ въ ú, ou которое или удержалось или (послѣ j) перегласовалось въ í, ѧ—въ ie, съузившееся потомъ въ í.—Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются еще слѣдующія формы: 1) на -ó (ганацк. н.), напр.: vedó, tahnó, dělajó; 2) распространенныя формы на -ijou, ijú, ijó, напр.: chodijou, sedijó, hořijú, prosijó, lubijú (морав. г.); 3) распространенныя формы на -ija: sedija, letija, libija, běžija (морав. г.); 4) распространенныя формы на -ěji, ěj: hleději, činěji, hleděj, činěj (чешск. гов.); 5) формы съ исчезнувшимъ конечнымъ í: dělaj (вм. dělají), uměj (вм. umějí)—вообще въ просторѣчіи. Формы, образованныя какъ бы отъ распространенныхъ основъ—sedijo, běžija, hleději и т. п. имѣютъ аналогіи въ словинскомъ языкѣ. Ср. Левціи, I, 477.

Въ старомъ языкѣ и въ спряженіи, какъ въ склоненіи, существовало *двойственное число.* Основными нужно считать два окончанія: vě (1 л.) и ta (2 и 3 л.) для всѣхъ родовъ, напр.: svě, sta, sta, berevě, bereta, bereta, nesevě, neseta, neseta. Рядомъ съ vě встрѣчается и va; напр. běžala sva (Пассіон.); неорганическое tě соединяется только

съ жен. и ср. р. Глагольныя формы стали терять двойственное число раньше, чѣмъ именныя; тѣмъ не менѣе еще въ началѣ XVII в. грамматикъ Л. Б. Нудожерскій слышалъ въ народной рѣчи двойственное число у глаголовъ.

Настоящее время.

Основы настоящаго времени за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (jsem, dám, vím, jím) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -e -(o), -í, -á; напр.: pečeš, pečeme, prosíš, prosíme, hoříš, hoříme, umíš, umíme, sázíš, sázíme, děláš, děláme. Гласн. e выступаетъ во всѣхъ лицахъ, кромѣ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., гдѣ гласный основы первичное o (замѣняющее e) скрывается въ окончаніяхъ u (= ѫ = on) и ou (ú = ѫтъ = ontъ): peku (1 л.), pekou (3 л. мн. ч.). Гласн. í у однихъ глаголовъ, именно тѣхъ, которые и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ имѣютъ основу настоящаго на -i,— праславянскаго происхожденія, напр.: prosíš, vozíš, vratíš, myslíš, trpíš, vidíš, hoříš [1]) и т. д.; у другихъ í возникло уже на чешской почвѣ изъ первичныхъ ę̌je (через стяженіе и съуженіе ę̌je = ie = í) и ia̧je (черезъ стяженіе, перегласовку и съуженіе ʲaje = ʲá = ie = í), напр.: umíš (= uměješ = umieš др.-ч.), sázíš (= sáźa̧ješ = sáźáš = sazieš др.-ч.); это í выступаетъ во всѣхъ лицахъ ед. и мн. ч., кромѣ 3 л. мн. ч., гдѣ возстановляется нестяженная форма на ę̌jí: umę̌jí, sázę̌jí. Гласн. á также образовался путемъ стяженія изъ a̧je: děláš (= dělaješ); нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. děla̧jí. Стяженное a при образованіи основъ наст. вр. представляютъ многіе славянскіе языки: болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, польскій, сербо-лужицкій; напротивъ въ старо-слав. дѣлаеши въ русск. *дѣлаешь*.

Такъ-наз. архаическіе глаголы, у которыхъ настоящее вр. образуется черезъ присоединеніе личныхъ окончаній непосредственно (безъ помощи какого-либо суффикса) къ конечному согласному корню, въ значительной степени сохранили древній типъ спряженія, напр.: vím, víš, ví, víme, víte, vědí.

---

[1]) Не смотря на сдѣланное намъ возраженіе (Arch. f. Slav. Phil., XVIII, 252) мы остаемся при мнѣніи, что это пра-славян. í возникло черезъ стяженіе изъ болѣе древняго ę̌je. Долгота í въ чешскомъ можетъ служить подтвержденіемъ вѣроятности этого предположенія.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляетъ особыя формы только во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. множ. ч. Основа оканчивается какъ въ старо-славянскомъ яз. на ě и i (= индоевроп. oi): jdi, jděme, jděte, prosiž, prosite. Въ ед. ч. личныя окончанія исчезли (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ), а во мн. ч. тѣже, что и въ наст. вр.

Окончанія основы ě, i въ современномъ языкѣ часто исчезаютъ: nes, nesme, neste, veď, veďme, veďte, pec, pecme, pecte, pros, prosme. Тоже явленіе наблюдается уже въ древнихъ памятникахъ, особенно во 2 л. ед. ч.: přivěd (XIV ст.), čiň, beř, teš, tešmy, pomoz. Теперь гласные основы удерживаются обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда опущеніе ихъ затрудняетъ произнесеніе слова, напр.: tiskni—tiskněte, padni—padněte, rci, rceme, rcete, pni—pněme, tři - třemé. Также во 2 л. ед. ч. i сохраняется передъ энклитическимъ ž: vediž, nesiž, peciž.

Послѣ гласныхъ i переходитъ въ j: bij, kryj, dělej (вм. dělaj), laj, kupuj. Гортанные h, k передъ i переходятъ въ z, c: pomoz—pomozte, pec—pecte.

Нѣкоторые глаголы въ повел. накл. мѣняютъ количество коренного гласнаго: 1) иногда онъ удлиняется; напр.: stojim—stůj, stůjte; 2) чаще онъ сокращается: vrátiti—vrať, vraťte, vážiti—važ, ráčiti—rač, kázati—kaž, vázati—važ, souditi—suď, soužiti—suž, kouřiti—kuř, píši—piš, svítiti—svěť, pospíšiti—pospěš, zvýšiti—zvyš.

Вм. старо-слав. даждь, вѣждь, яждь въ чешск. яз.: dej, věz, jez.

Въ старомъ языкѣ возможны были формы двойств. ч.; напр.: nesěvě (-va), nesěta, bijvě, bijta, hořivě, hořita (-tě).

Въ народныхъ говорахъ нерѣдко i вм. ě; напр.: pni, pnimy, pnite, padni, padnićo (ляшск. нар.).

Прошедшія простыя.

Современный чешскій языкъ не знаетъ прошедшихъ простыхъ временъ. Между тѣмъ старому языку эти формы были такъ же свойственны какъ въ настоящее время языкамъ болгарскому, сербо-хорватскому, сербо-лужицкому и кашубскому. По памятникамъ ихъ можно слѣдить до XVI ст. Въ XIV ст. употребленіе аориста и преходящаго было весьма широко и только въ XV ст. прошедшія простыя

начинаютъ постепенно замѣняться формами сложными и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ.

Аористъ.

Въ древне-чешскомъ яз. существовали оба вида аориста, свойственныхъ языку старо-славянскому: аористъ простой или сильный и аористъ сложный или слабый.

Аористъ простой, какъ въ старо-славянскомъ яз., былъ возможенъ только отъ глаголовъ класса I, A (вторая основа равна корню, оканчивающемуся на согласный) и класса II (если корень оканчивается на согласный). Формы его по своему образованію также вполнѣ соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ: усѣченныя личныя окончанія присоединялись къ корню посредствомъ соединительнаго гласнаго -o, -e, при чемъ одни личныя окончанія исчезли, другія слились съ соединительнымъ гласнымъ. По памятникамъ формы такого аориста можно указать для 1, 2 и 3 л. ед. ч., 2 и 3 л. дв. ч. и 1 и 3 л. мн. ч. Напр.:

	Един. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1 л.	ved (изъ vedъ=ved-o-m)	—	vedom (изъ ved-o-mъ)
2 л.	vede (изъ ved-e-s)	vedeta	
3 л.	vede (изъ ved-e-t)	vedeta	vedú (изъ ved-ѫt=ved-o-nt)

Аористъ простой преимущественно встрѣчается у слѣдующихъ основъ: bod, běh, ved, vrh, vlad, vlek, vyk, hřeb, dvih, žas, žeh, jid, klad, křik, leh, lez, lek, met, moh, nes, nik, pad, prch, sek, skyt, tek, tep, tisk, tak, tah, jed, třes. Напр.: nes, nese, neseta, nesom, nesú; všichni se užasu; pohřebú ju; když jidom; potřese se země и т. д.

Аористъ сложный образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. (вторая основа) посредствомъ слѣдующихъ окончаній, заключающихъ въ себѣ собственно личныя окончанія въ соединеніи съ характеромъ времени s, ch или cho:

Древне-чешскій языкъ.				Старо-славянскій языкъ.			
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	-ch	-chově	-chom	1 л.	-съ, -хъ	-совѣ, -ховѣ	-сомъ, -хомъ
2 л.	—	-sta	-ste	2 л.	-(ss)	-ста	сте
3 л.	—	-sta	-chu	3 л.	-(st)	-сте	са, ша

Въ ед. ч. личныя окончанія, какъ въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ, исчезли не только во 2 и 3 л., но и въ 1 л., которое въ старо-сл. яз. еще сохраняло слѣды личнаго окончанія въ ъ (вед-охъ).

Основы, оканчивающіяся на гласный, принимаютъ эти окончанія непосредственно; напр.: vola-**ch**, vola, vola**chově**, vola**sta**, vola**chom**, vo-la**ste**, vola**chu**; у основъ, оканчивающихся на согласный, окончанія присоединяются посредствомъ соединительнаго гласн. **e**, который остается во всѣхъ лицахъ и числахъ; напр.: ved-e-ch, ved-e, ved-e-chově, ved-e-sta, ved-e-chom, ved-e-ste, ved-e-chu. Въ послѣднемъ случаѣ несходство со старо-слав. языкомъ, въ которомъ соединит. **e** чередуется съ **о**: вед-о-хъ, вед-о-хомъ, вед-е. Относительно окончаній чешскій аористъ отличается отъ старо-слав. въ 3 л. мн. ч.: оконч.—**chu** (=хѫ) вм. старо-сл. сѧ, шѧ заимствовано изъ преходящаго. Тоже явленіе въ современномъ болгарскомъ языкѣ (ср. Лекціи, I, 140).

	Един. ч.		Двойств. ч.		Множ. ч.	
1 л.	pečech	kupovach	pečechově	kupovachově	pečechom	kupovachom
2 л.	peče	kupova	pečesta	kupovasta	pečeste	kupovaste
3 л.	peče	kupova	pečesta	kupovasta	pečechu	kupovachu.

Въ 1 л. дв. ч. встрѣчаются формы на -**chvě**, -**chva**: peče**chvě**, peče**chva**; а въ 1 л. множ. ч. на -**chomy**, -**chme**: peče**chomy**, peče**chme**. Оконч. **хме** представляетъ болгарскій языкъ (ср. Лекціи, I, 140).

Наконецъ въ древне-чешскомъ языкѣ встрѣчаются формы сложнаго аориста безъ соединительнаго гласнаго отъ основъ на согласный: jie-ch (вм. jěd-ch), jie, дв. ч. jiesta, 3 л. мн. ч. jie-chu, řé-ch (вм. řek-ch) и řé-chu. По своему образованію эти формы вполнѣ соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ: конечный согласный корня исчезаетъ, а гласный удлиняется. Ср. старо-слав. рѣхъ, рѣшѧ.

Въ современномъ яз. остатками древняго аориста служитъ: vice (сказалъ, библейск. выраж.) и формы существительнаго глагола, служащія для образованія условнаго накл.: bych, by, bychom, byste.

Преходящее.

Преходящее въ древне-чешскомъ яз. также представляетъ близкое сходство съ соотвѣтствующей формой старо-славянскаго языка. Окончанія въ томъ и другомъ языкѣ почти тожественны; нѣкоторое различіе обусловливается звуковыми особенностями языковъ; поэтому въ 1 л. ед. ч. **ch**, а въ старо-слав. яз. хъ, въ 3 л. мн. ч. **chu**, а въ старо-слав. яз. хѫ. По образованію своему чешское преходящее соотвѣтствуетъ преимущественно старо-славянскимъ стяженнымъ формамъ,

т. е. такимъ, у которыхъ характеру времени х предшествуютъ въ качествѣ примѣты имперфекта однозвучные суффиксы — ѣ, а, ꙗ, а не двузвучные — ѣа, аа, ꙗа (напр.: несѣхъ, печахъ, люблꙗхъ и несѣахъ, печаахъ, люблꙗахъ). Тоже самое въ современномъ болгарскомъ языкѣ (ср. Лекціи, I, 141). Въ чешскомъ яз. примѣтами преходящаго были ie и á; ie, соотвѣтствующее старо-славян. ѣ и ꙗ и возникшее (вѣроятно) въ первомъ случаѣ вслѣдствіе стяженія (iea), во второмъ — вслѣдствіе стяженія и перегласовки (iaa, ià, ie), выступаетъ у преходящихъ, образованныхъ отъ основы настоящаго или отъ основы неопредѣленнаго н., оканчивающейся на ě (большинство глаголовъ); напр.: hřebiech, kladiech, jediech, bijech, vidiech, běžéch, tvořiech и др.;—примѣта á, развившаяся изъ aa, свойственна преходящимъ, образованнымъ отъ основы неопредѣл. накл. (глаголы, оканчивающ. въ неопр. накл. на -ati); напр.: volách, brách, vzyvách, kupovách, dělách. Глаголы, образующіе преходящее суфф. ách, имѣютъ въ аористѣ a краткое и различаютъ эти два времени только по количеству гласнаго a, стоящаго передъ ch: brach (аор.), brách (прех.); также различаются trpěch (аор.) и trpiech (прех.). — Изрѣдка встрѣчаются и нестяженныя формы: uměјiech и umiech, jmějiech и jmiech.

Древнечешскій языкъ.			Старо-славянскій языкъ.			
			Един. ч.			
1 л.	nesiech	brách	несѣахъ	несѣхъ	браахъ	брахъ
2 л.	nesieše	bráše	несѣаше	несѣше	брааше	браше
3 л.	nesieše	bráše	несѣаше	несѣше	брааше	и т. д.
			Двойств. ч.			
1 л.	nesiechově	bráchově	несѣаховѣ	несѣховѣ	брааховѣ	
2 л.	nesiesta	brásta	несѣаста	несѣста	брааста	
3 л.	nesiesta	brásta	несѣасте	несѣсте	браасте	
			Множ. ч.			
1 л.	nesiechom	bráchom	несѣахомъ	несѣхо́мъ	браахомъ	
2 л.	nesieste	bráste	несѣасте	несѣсте	браасте	
3 л.	nesiechu	bráchu	несѣахѫ	несѣхѫ	браахѫ	

Въ 1 л. дв. ч. встрѣчаются формы на -chvě, -chva, напр.: nesiechvě, nesiechva; а въ 1 л. мн. ч. на -chomy, -chme, напр.: nesiechomy, nesiechme.

Прошедшія сложныя.

Вмѣсто прошедшихъ простыхъ и сложныхъ въ современномъ яз. употребляются исключительно прошедшія сложныя, которыя образуются такимъ же образомъ какъ въ старо-славянскомъ и живыхъ южнославянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прошедшаго дѣйствит. II съ разными формами существительнаго глагола (jsem).

Прошедшее совершенное (Cas minulý) состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго времени глагола jsem; напр.: ja jsem nesl, -a, -o или nesl, -a, -o jsem, ty jsi nesl; my jsme nesli, -y, -a.

Давнопрошедшее (Čas předminulý) состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и прошед. времени для глагола jsem; напр.: ja jsem byl nesl или byl jsem nesl, my jsme byli nesli или byli jsme nesli.

Въ 3 л. ед. и мн. ч. формы вспомогательнаго глагола jest, jsou обыкновенно опускаются; напр.: nesl, nesli вм. nesl jest, nesli jsou. Однако въ выразительной рѣчи вспомогательный глаголъ необходимъ: řekli jsou; byla jest jedna matička.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ 1 л. един. и множ. ч., но это бываетъ очень рѣдко и только при личныхъ мѣстоименіяхъ já, my; напр.: ja nesl, my nesli.

Во 2 л. ед. ч. вм. jsi бываетъ сокращенное ś; напр. ty ś nesl.

Въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы въ родѣ milovalach, ztracilach, začnulch; въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу.

Въ старомъ языкѣ возможны формы давнопрошедшаго, образованныя съ помощью преходящаго глагола bý-ti: ne přišel bieše.

Будущее время.

Будущее время у глаголовъ несовершеннаго вида обозначается: 1) соединеніемъ глагола budu съ неопред. накл.; напр.: budu tesati, budu trpěti; 2) настоящимъ временемъ глаголовъ совершеннаго вида, напр. řeknu вм. budu říci, ponesu вм. budu nésti, půjdu.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: padnu, tisknu.

Въ старомъ языкѣ существовало будущее совершенное, состоявшее изъ соединенія глаг. budu и прич. прошедш. дѣйств. II; напр.: ziskal budĕs, psal budu.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе наст. вр. выражается соединеніемъ древняго аориста bych съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: bych nesl, -a, o, bys nesl, by nesl, bychom nesli, -ly, -la, byste nesli, by nesli; прошедшее время передается черезъ соединеніе условнаго настоящаго bych byl съ причаст. прош. дѣйств. II; напр. bych byl nesl, bys byl nesl, by byl nesl, bychom byli nesli, byste byli nesli, by byli nesli.

Форма byś — новообразованіе; ś — заимствовано изъ 2 л. jsi; въ народныхъ говорахъ встрѣчается аналогичное 1 л. by-sem, by-sme.

Въ старомъ языкѣ bych спрягалось такимъ образомъ: bych, by, by, bychově, bysta, bysta, bychom, byste, bychu.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается: 1) посредствомъ присоединенія мѣстоименія se къ дѣйств. зал.: напр. mluvi se, mluvilo se, bude se mluviti; 2) черезъ соединеніе причастія прош. страдат. съ глаголомъ существительнымъ jsem, byvam; напр.: chválen jsem, byl jsem pochválen, budu chválen, jsa chválen, buda chvalen, byv chválen.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы

(Основы настоящаго вр. на согласный, безъ характера времени).

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ вр. не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня, относятся: jsem, dám, vím, jím.

1) *Существительный глаголъ.*

Осн. jes.

Настоящее вр.

Ед. ч. 1 л. jsem (вм. jes-mь)	Мн. ч. 1 л. jsme (вм. jes-me)
2 л. jsi (вм. jes-si)	2 л. jste (вм. jes-te)
3 л. jest (=jes-tь)	3 л. jsou (=jes ѫtь).

Прич. наст. вр. jsa, jsouc, jsouce.

Въ народной рѣчи вм. js слышно часто s: sem, si, sou и т. д.

Во 2 л. ед. ч. jsi нерѣдко сокращается въ ś: tyś zdrav, tyś psal.— Въ 3 л. ед. ч. вм. jest бываетъ jesti и je.

J особенно слышно въ формахъ, сложныхъ съ ne: nejsem, nejsi, neni (вм. ne je), nejsme, nejste, nejsou, nejsa.

Въ старомъ языкѣ встрѣчаются еще слѣдующія формы: jes-m, jesi; дв. ч. 1 л. jes-vě, s-vě, jsvě, s-va, jsva; 2, 3 л. jes-ta, s-ta, js-ta; мн. ч. jes-my, s-my; 2 л. jes-te, s-te, js-te; 3 л. s-ú, jsú.

Въ народныхъ говорахъ иногда jsu, jseš (по I кл. осн. на -e) и su, si; 3 л. мн. ч. só, 1 л. ед. ч. so, eš (ганацк. гов.).

Остальныя формы существительнаго глагола отъ основъ budo, bude и by.

Настоящее (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л.	budu	Мн. ч. 1 л.	budeme
2 л.	budeš	2 л.	budete
3 л.	bude	3 л.	budou.

Повелительное buď, buďme, buďte.

Прич. наст. дѣйств. buda, -ouc, -ouce.

Budu слѣдуетъ I кл.; въ старомъ яз. отъ этой основы существовало преходящее: budiech, -ieše и т. д.

Неопред. накл. bý-ti; прич. прош. дѣйст. I byv; прич. прош. дѣйст. II byl, -a, -o; прич. прош. страд. byt (nabyt).

Аористъ.

Ед. ч. 1 л.	bych	Мн. ч. 1 л.	bychom
2 л.	bys	2 л.	byste
3 л.	by	3 л.	by.

Другія формы отъ bych въ старомъ языкѣ и народныхъ говорахъ указаны выше стр. 175.

	Прошедшее.	Давнопрошедшее.	Условное накл.
		Един. ч.	
1 л.	jsem byl, -a, -o	byl, -a, -o jsem byl, -a, -o	byl, -a, -o bych
2 л.	jsi byl, -a, -o	byl, -a, -o jsi byl, -a, -o	byl, -a, -o byś
3 л.	byl, -a, -o	byl, -a, -o (jest) byl, -a -o	byl, -a, -o by
		Множ. ч.	
1 л.	jsme byli, -y, -a	byli, -y, -a jsme byli, -y, -a	byli, -y, -a bychom
2 л.	jste byli, -y, -a	byli, -y, -a jste byli, -y, -a	byli, -y, -a byste
3 л.	byli, -y, -a	byli, -y, -a (jsou) byli, -y, -a	byli, -y, -a by.

2) Осн. dad.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. dám	Мн. ч.	dáme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	dejme
	2 л. dáš		dáte		2 л. dej		dejte.
	3 л. dá		dají.		3 л. dej		—

Неопред. н. dáti; Прич. наст. дѣйст. dada, dadouc, dadouce; Прич. прош. дѣйст. I dav, -ši, -še. Прич. прош. дѣйст. II dal, -a, -o; Прич. прош. страд. dán, -a, -o; Прошедш. dal jsem; Давнопрошедш. byl jsem dal; Условное bych dal, byl bych dal.

Отъ древн. основы dad образованы только dám (изъ dadm), dáme (изъ dadme) и устарѣвшая форма 3 л. мн. ч. dadí (др.-ч. dadie). Всѣ остальныя формы наст. и повелит. н. образованы по V кл. (dělam).

Въ старомъ яз. существовали еще слѣдующія формы: 2 л. dási, 3 л. dást, дв. ч. dávě, dásta, data, мн. ч. 1 л. dámy, 2 л. dáste, 3 л. dadie, преходящ. dadiech, аор. dadech и dach.

Прич. dada, -ouc, -ouce образов. по I кл.

Въ морав. гов. 3 л. мн. ч. наст. вр. dajú, dajó.

3) Осн. věd.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. vím	Мн. ч	víme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	vězme
	2 л. víš		víte		2 л. věz		vězte.
	3 л. ví		vědí.		3 л. věz		—

Неопред. н. věděti; Прич. наст. дѣйств. věda, -ouc, -ouce; Прич. прош. дѣйст. I věděv, -ši, -še; Прич. прош. дѣйст. II věděl, -a, -o; Прич. прош. страд. věden, -a, o; Прошедш. věděl jsem; Давнопрош. byl jsem věděl; Условное н. bých věděl, byl bych vědel; Будущее budu věděti.

Отъ древн. основы věd образованы только vím (др.-ч. viem изъ viedm), víme, vědí и формы повелит. н.; остальныя формы возникли по аналогіи umiš и т. п. Въ старомъ языкѣ настоящее спрягается такимъ образомъ: viem, viesi, vie, дв. ч. vievě, viesta, vieta, мн. ч. viemy, vieste, viete, vědie. Сверхъ того 1 л. ед. ч. было vědě; отсюда нарѣчіе vědě, vedě, veď (ибо), ново-чешск. viď.

Прич. věda образ. по I кл. Отъ той-же основы въ древнемъ яз. преход. vědiech, аор. отъ основы неопр. vedě—věděch.

Въ народныхъ гов. 3 л. множ. ч. veďá (валаш.), vedijó, vijó, ví (ганацк. г.).

4) Осн. jed.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. jím	Мн. ч.	jíme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	jezme
	2 л. jíš		jíte		2 л. jez		jezte.
	3 л. jí		jedí.		3 л. jez		—

Неопред. н. jísti; Прич. наст. дѣйств. jeda, -ouc, -ouce; Прич. прош. дѣйств. I jed, -ši, -še; Прич. прош. дѣйств. II jedl, -a, -o; Прич. прош. страд. jeden, -a, -o; Прошедшее jedl jsem; Давнопрошедш. byl jsem jedl; Условное bych jedl, byl bych jedl; Будущее budu jísti.

Отъ древн. осн. jed образованы только jím (др.-ч. jiem изъ jedm), jíme, jedí и формы повелит. н. Остальныя формы изъявит. н. jíš, jí, jíte—новообразованія по аналогіи umíš и т. д.

Прич. наст. и формы отъ основы неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I кл.

Въ старомъ яз. настоящее спрягается такъ: jiem, jiesi, jieš, jie; дв. ч. jievě, jiesta, jieta; мн. ч. jiemy, jieste, jiete, jiedie. Преходящее jědiech; аор. jiech.

Въ народн. гов. 3 л. мн. ч. jeďá (валаш., ляшск.), jedźie, jedźiu (ляшск. н.), jedijo, jijó, ijo, jí, hijo (ганац. г.). Въ нѣкоторыхъ гов., напр. сѣв.-опавск. во всемъ спряженіи наст. вр. сохраняется je: jem, ješ, je, jemy, jećo, jedzie; въ другихъ вм. j слышно h: him, hiš и т. д.

Спряженіе съ характерной примѣтой настоящаго времени.

Имѣя въ виду характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) по отношенію къ особенностямъ спряженія можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -o, -e; 2) основы на -no, -ne; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i (=др. i изъ болѣе древн. ḭje и нов. i изъ ě̯je); 5) основы на -á (=ḁjo, ḁje). Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія,

основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго (т.-наз. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

Основы на -o, -e.

А. *Вторая основа не имѣетъ суффикса* (т. е. равна корню).

Настоящее.

Ед. ч.	1 л.	pletu	nesu	tepu[1])	peku	pnu	mru
	2 л.	pleteš	neseš	tepeš	pečeš	pneš	mřeš
	3 л.	plete	nese	tepe	peče	pne	mře
Мн. ч.	1 л.	pleteme	neseme	tepeme	pečeme	pneme	mřeme
	2 л.	pletete	nesete	tepete	pečete	pnete	mřete
	3 л.	pletou	nesou	tepou	pekou	pnou	mrou.

Повелительное.

Ед. ч.	2 и 3 л.	pleť	nes	tep	pec	pni	mři
Мн. ч.	1 л.	pleťme	nesme	tepme	pecme	pněme	mřeme
	2 л.	pleťte	neste	tepte	pecte	pněte	mřete.

Прич. наст. дѣйств. pleta, nesa, tepa, peka, pna, mra; жен. и ср. р. pletouc, nesouc и т. д.; множ. ч. pletouce, nesouce и т. д.; Прич. прош. дѣйств. I plet, nes, pohřeb (др.-ч.); pek, pav или piav, mřev; жен. и ср р. pletši, pekši и т. д.; множ. ч. pletše, nesše и т. д.; Прич. прош. дѣйств. II pletl, -a, -o, nesl, zábl, pekl, pal или pial, mřel; Прич. прош. страд. pleten, -a, -o, nesen, pohřeben (др.-ч.); pečen, pat или piat, mřen; Неопред. н. plésti, néstí (zábsti), péci, píti или pnouti, mříti; Прошедш. вр. pletl, nesl, zábl, pekl, pal—pial, mřel, jsem и т. д.; Давнопрош. вр. byl jsem pletl, nesl, zábl, pekl, pal — pial, mřel; Будущее вр. budu plésti, nésti, zábsti, péci, píti; Условное н. bych pletl, nesl, zábl, pekl, pal — pial, mřel; byl bych pletl, nesl, zábl, pekl, pal—pial, mřel.

---

[1]) бью (во что-либо чѣмъ либо).

1) По образцу **plésti** спрягаются глаголы, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на -d, -t: bodu (неопр. н. bůsti), břědu (неопр. н. břísti), būdu, čtu (неопр. н. čisti, прич. прош I čet, -ši, прич. II četl, мн. ч. čtli), hnetu (неопр. н. hnísti), hudu (неопр. н. housti), jdu (неопр. н. jíti, прич. прош. I šed, прич. II šel). Сложныя pojdu (погибну) и půjdu (пойду) различаются не только по значенію, но и по количеству гласнаго въ изъявительномъ н; повелит. отъ pojdu: pojdi, pojděte, отъ pujdu: pojď, pojďte. Въ народной рѣчи вм. jdu, jdi и т. д. обыкновенно слышится du, di, poď, poďte. —jdu (неопр. н. jeti, прич. прош. jed и jev, прич. прош. II jel, пов. н. jeď). kvetu (неопр. н. kvísti, др.-ч. ktvu), metu (пов. н. mésti), rostu (růsti), matu (неопр. н. másti), předu (пов. н. přísti). Въ послѣднихъ двухъ глаголахъ коренное a, возникшее изъ пра-слав. ѧ, въ народной рѣчи (и литерат. яз.) чередуется съ e; напр. přadu, přades, přade и předu, předeš, přede; třasu — třeseš и т. д. Первоначально было болѣе правильное чередованіе, т. е. a выступало передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, а e—передъ мягкимъ. Тоже относится къ třasu, zabu, sabu.

Въ народн. гов. встрѣчаются формы: vedst, kvist, mist.

Въ старомъ яз. существовали неопр. н. отъ vlad, pad и sed—vlásti, pásti, sjesti; въ новомъ яз. возможны только основы vládnu, padnu, sednu.

2) По образцу **nesu** спрягаются глаголы съ основой неопред. н. на z, s: vezu, lezu, hryzu, pasu, třasu [třasu, třeseš и т. д. třes (пов. н.) třesen, но třásti, třasa, třásl); pasu и trasu имѣютъ á въ прич. прош. дѣйств.: pás, třás, pásl, trásl.

3) По образцу **tepu** спрягаются немногіе глаголы, у которыхъ основа неопред. н. оканчивается на b, p, v. Въ старомъ языкѣ сюда относились основы: hřeb, dlub, zab, skub, čerp, živ, šiv, plev. Изъ нихъ въ новомъ яз. вполнѣ слѣдуетъ данному склоненію только zab, неопр. н. zábsti (s — вставочное); hřebu не употребляется и замѣнено слов. pochovávati и pohřbívati, skubu и dlubu—только въ наст. вр. остальныя формы замѣняются глаг. skubati и dloubati; для tepu многія формы также по V кл.: tepati, tepal; древн. plevu (неопр. н. pléti, pliti) въ нов. яз. pleji, др.-ч. živu (неопр. н. žíti) въ нов. яз. žiji слѣдуютъ образцамъ III кл.—Въ стар. яз. еще было spu, speš... неопр. н. spáti,

прич. súl, sût—въ нов. яз. этотъ глаголъ замѣненъ глаг. sypati.—Въ стар. яз. неопр. н. grésti, skûsti теряли b.

4) По образцу peku спрягаются глаголы съ основами неопр. н. на h (g), k: mohu (můžeš, může н. н. moci), řku (н. н. říci), seku (н. н. síci), střehu (н. н. stříci), teku (н. н. téci), tluku (н. н. tlouci), vleku (н. н. vléci), vrhu (н. н. vrci), žhu (н. н. žíci).

Передъ e гортанный переходитъ въ шипящій а передъ i въ свистящій (sečeš, sec, secme). Согл c въ неопред. н. (и достиг. н.) объясняется изъ груп. kt, gt. Въ повелит. н. вм. z, c въ народныхъ говорахъ часто слышны ž, č: peč, pečte, pomož, pomožte. Равнымъ образомъ діалектически проникаютъ ž, č, въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: teču, tečou, můžu, možem, tečiem, tečú. Тоже и въ прич. наст. вр.—teča. Изъ другихъ діалектическихъ особенностей отмѣтимъ неопр. н. říc, síc, pec, říct, pect, moct.

Mohu удлиняетъ коренное o передъ e основы: můžeš, může, můžeme, můžete; въ старомъ яз. а частью и теперь въ просторѣчьи—e опускается: můž, můžme, můžte; tluku удлиняетъ u въ прич. прошедш. tlouk, tloukl.

Основы řek и žeh ослабили e въ ь не только въ повел. н. (какъ напр. въ старо-славян. яз.), но и въ настоящемъ и прич. наст. вр.: řku, řčeš, řka, řci, но řekl (въ сложныхъ—vyřkl, vyřčen), říci (др. ч. řieci); žhu—žheš, žha, но žehl, žíci (н. н. др.-ч. žieci). Глаголъ žhu рѣдко употребляется (вм него páliti, sežhnouti); также и strihu, замѣняемое глаг. stříhám.

Отъ основы sah сохранилось сложное неопр. н.—dosíci (др. dosieci); остальныя формы отъ глаг. sahnu.

5) По образцу pnu спрягаются глаголы съ основой на n, m: dmu (н. н. douti, старо-сл. дѫти), jmu (н. н. jíti др.-ч. jieti, старо-сл. ѩти), klnu (н. н. klíti, др.-ч. kléti старо-сл. клѧти), сложныя съ čnu: počnu, začnu (н. н. počíti, др.-ч. počieti, старо-слав. почѧти), tnu (н. н. títi), žmu или ždmu (вышло изъ употр.), žnu (н. н. žíti, др.-ч. žieti, старо-слав. жѧти), mnu (рѣдко употребл.).

Конечные согласные корня n, m выступаютъ только въ основѣ настоящаго: pnu (изъ pьnu); въ основѣ же неопредѣленнаго они еще въ до-историческую пору слились съ предшествующимъ гласнымъ въ носовые гласные (въ старо-слав. ѫ, ѧ) которымъ въ чешск. яз. соотвѣтствуютъ чистые гласные u, a, e; a и e (изъ ѧ) чередуются между

собою въ зависимости отъ твердости и мягкости слѣдующаго слога, а e, становясь долгимъ съуживается въ í: počal, počav, др.-ч. počieti, н.-ч. počíti. Ср. выше стр. 61, 63, 66.

Глаголы даннаго образца въ основѣ неопредѣленнаго легко переходятъ во II кл.: pnouti, klnouti, jmouti, mnouti, вм. douti и dmouti. Возможны новообразованія и въ формахъ отъ основы настоящ.: вм. dmu говорятъ и duji, duješ, пов. duj.

6) По образцу mru спрягаются: tru, pru, stru, vru, žru. Корень mel допускаетъ только формы отъ основы неопр. н. mlíti (д.-ч mléti), mlev, mlel наст. вр. meli, но встрѣчается и новообразованіе—melu.

Въ неопр. н. гласные r, l усиливаются въ ré, lé (старо-сл. ѣ, ѣ), въ нов. яз. (черезъ съуженіе) ří, lí: tříti, příti, vříti, mlíti. Такъ и въ прич. třel, mlel, umřel; однако въ народныхъ говорахъ и umrlý.

Передъ e, r смягчается въ ř (mřeš). Въ народныхъ говорахъ ř проникаетъ и въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: mřu, mřou.

Къ діалектическимъ формамъ относятся неопр.: mřet, třet, vřet; прич. страд. trt.

Б. *Вторая основа образована суфф.* a.

Неопредѣленное н. bráti.

	Настоящее.	Повелительное.
Ед. ч.	1 л. beru	1 л. —
	2 л. béřes, bereš	2 л. beř, ber, beři-ž
	3 л. béře, bere	3 л. beř, ber, beři-ž
Мн. ч.	1 л. béřeme, bereme	1 л. beřme, berme
	2 л. béřete, berete	2 л. běrte, berte.
	3 л. berou.	3 л. —

Прич. наст. дѣйств. berа, -ouc, -ouce; Прич. прошедш. дѣйст. I brav, -ši, -še; Прич. прошед. дѣйств. II bral, -a, -o. Прич. прошед. страд. brán, -a, o; Прошедшее вр. bral jsem; Давнопрошедшее byl jsem bral; Будущее budu brati; Условное н. bych bral, byl bych bral.

Сюда относятся: dráti (deru), hníti (ženu), ssáti, štváti, zvati (zovu), žráti (žeru), žvati (žvu), práti, stláti, tkati, kovati (kovu), plovati

(plovu), rváti (rvu), řvati (řvu), slovu (неопр. slouti). Къ послѣднимъ пяти глаголамъ въ языкѣ существуютъ параллельные по III кл. kouti (kuji), plíti (plíji), routi (ruji), řiti (řiji), slouti (sluji).

Beru, deru, žeru, zovu во 2 и 3 л. ед. ч. и 1, 2 л. мн. ч. имѣютъ коренной гласный долгій béřeš, zůveme (др.-ч. zóveme) и т. д. Въ тѣхъ же формахъ у глаголовъ beru, deru, peru, žeru r смягчается въ ř. Въ современномъ языкѣ чаще слышатся формы съ краткимъ e и твердымъ r: bereme и т. д. Равнымъ образомъ и въ повел. н. предпочитаются формы съ несмягченнымъ r: ber, berte (вм. болѣе правильныхъ běr, běrte).

Второй классъ.

Основы на -no, -ne.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	tonu	tisknu	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	toneš	tiskneš		2 л.	toň, toniž	tiskni
	3 л.	tone	tiskne		3 л.	toň, toniž	tiskni
Мн. ч.	1 л.	toneme	tiskneme	Мн. ч.	1 л.	toňme	tiskněme
	2 л.	tonete	tisknete		2 л.	toňte	tiskněte.
	3 л.	tonou	tisknou.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйств. tona, -ouc, -ouce; tiskna, -ouc, -ouce; Прич. прош. дѣйст. I tonuv, -ši, -še; tisk, -ši, -še и tisknuv, -ši, še; Прич. прош. дѣйств. II tonul, -a, -o; tiskl, -a, -o и tisknul, -a, -o; Прич. прош. страд. tišten, -a, -o и tisknut, -a, -o. Прошедшее tonul, tiskl jsem; Давнопрошедшее byl jsem tonul, tiskl; Будущее budu tonouti; Условное bych tonul, tiskl; byl bych tonul, tiskl.

По первому образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ nu предшествуетъ гласный: minu, hrnu, hynu, kanu, kynu, trnu и др.; иногда за гласнымъ былъ согласный, который исчезъ, напр.: tonouti (top-nouti), kanouti (kapnouti). — Stanu имѣетъ основу неопредѣленнаго безъ nu: státi, stav, stal.

По второму образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ nu предшествуетъ согласный: blesknu, bodnu, řeknu, vladnu, kleknu,

(do)tknu, (za)mknu, (u)sehnu, stihnu, tahnu, trhnu, padnu, hasnu и мн. др. — Прич. прош. дѣйств. I и II и прич. прош. страд. обыкновенно образуется отъ основы безъ — nu; напр.: blesk, bleskl, dotek, dotkl, dotčen, zdvih, zdvihl, zdvižen, trh, trhl, tržen и др. Формы на—nu: tisknuv, tisknul, tisknut нужно считать новообразованіями.— Въ старомъ яз. и аористъ былъ безъ nu: dotčech, téžech, dvižech. Только hnouti и usnouti вездѣ сохраняютъ nu.

Конечный гласный въ основѣ неопред. н. вездѣ дологъ ou: tonouti, trhnouti.

Третій классъ.

Основы на -jo, -je.

А. *Вторая основа равна корню.*

Неопредѣленное н. bi-ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. bijі	Мн. ч	bijeme	Ед.	1 л. —	Мн.	bijme (bíme)
	2 л. biješ		bijete		2 л. bij(bi)		bijte (bíte).
	3 л. bije		bijí.		3 л. bij(bi)		—

Прич. наст. дѣйств bije, bijíc, bijíce; Прич. прош. д. I biv, bivši, bivše; Прич. прош. дѣйст. II bil, -a, -o; Прич. прош. страд. bit, -a, -o; Прошедшее bil jsem; Давнопрош. byl jsem bil; Будущее budu biti; Условное bych bil, byl bych bil.

Къ этому классу относятся глаголы съ основами неопредѣленнаго: 1) на ě (e), которое въ ново-чешскомъ яз., становясь долгимъ, съуживается въ í: díti (говорить, др.-ч. dieti), наст. вр. dím (др.-ч. deju и diem), díš (др.-ч. dieš)... 3 л. множ. ч. dějí, пов. н. děj, прич. děje, dějíc, -íce; děv, děl, děn; chvěti или chvíti (н. вр. chvěji); klíti (др.-ч. kléti), н. вр. kleju, прич. kleje, klev, klel, klen; pěti (н. вр. pěji); plíti (др.-ч. pléti), наст. вр. pleji, др.-ч. plevu (по I кл.); smíti или směti, наст. вр. smím (др.-ч. směju), smíš.... 3 л. мн. ч. smějí; spěti наст. вр. spěji; 2) на i (первичное): hníti (hniji), líti, въ основѣ настоящаго обыкн. lej—leji, leješ, пов. н. lej; въ основѣ неопр. li, liv, lil и т. д.; píti, šíti, víti, žíti (žiji въ др.-ч. živu, -eš, прич. živa, -ouc); 3) на u (послѣ мягкихъ согласныхъ i, вслѣдствіе перегласовки): číti

(др.-ч. čuti, такъ и въ народной рѣчи)—наст. вр. čiji, прич. čil, čiv, въ народн. яз. čul, čuv; douti (др.-ч. dúti), наст. вр. duji; kliji (н. н. klvati по V кл.), въ народн. яз. kluju, -úti (obouti) obuji, kouti (наст. вр. kuji); plíti (наст. вр. pliji), plouti (наст. вр. pluji); routi (наст. вр. ruji) slouti (наст. вр. sluji); řiti (наст. вр. řiji); въ старомъ языкѣ вм. неопр. kouti, plíti, routi — было kovati, plvati, rváti; съ другой стороны вм. наст. pluji, sluji, řiji—было plovu, slovu, řevu (но и řuju); съ теченіемъ времени образовались двойные глаголы: kouti (kuji) и kovati (kovu или kovam), plíti (pliji) и plvati (plvám), plouti (pluji) и plovati (plovu или plovam), routi (ruji) и rváti (rvu), říti (řiji) и řváti (řvu), slouti и въ основѣ наст. удержало только позднѣйшую форму— sluji. Snuji имѣетъ неопр. н. snovati; 4) на -y: být́i, krýti, mýti, nýti, rýti, týti, výti. Повел. н. kryj, kryme; въ др.-чешск. яз. krý, krýte; отсюда вслѣдствіе перехода ý въ ej возникли народныя формы: krej, krejte, mej, mejte. Это ej стало переходить и въ изъявит. н.; такъ получились діалектическія формы наст. вр. kreju, meju, kreješ, meješ.

Отчасти (именно въ формахъ отъ основы неопред.), сюда относятся: dati (наст. вр. dam ср. выше стр. 177) и stati (наст. вр. stanu ср. выше стр. 183). Въ старомъ языкѣ такъ спрягалось и znati (наст. вр. znaju, znaji), теперь слѣдующ. V кл. (znam). Относящееся сюда же klati имѣетъ настоящ. вр. koli, kůleš, kůle; пов. kol, kolte; mlíti (кор. mel)—meli.

Въ опавск. нар. вм. biji, viji, piji говорятъ bím, vím, pím. Ср. выше обще-чешск. dím, smím.

Б. *Вторая основа образована суфф.* a.

Неопредѣленное накл. psa-ti, láti, (la-ja-ti).

		Настоящее.				Повелительное.	
Ед. ч.	1 л.	píši	laji	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	píšeš	laješ		2 л.	piš, pišiž	laj
	3 л.	píše	laje		3 л.	piš, pišiž	laj
Мн. ч.	1 л.	píšeme	lajeme	Мн. ч.	1 л.	pišme	lajme
	2 л.	píšete	lajete		2 л.	pište	lajte.
	3 л.	píší	lají.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйств. píše, -íc, -íce, laje, -jíc, -jíce; Прич. прош. дѣйст. I psav, -ši, -še, láv, -ši, -še; Прич. прош. дѣйст. II psal, -a, -o, lál, -a, -o; Прич. прош. страд. psán, lán; Прошедшее psal, lál jsem; Давнопрошед. byl jsem psal, lál; Будущее budu psati, láti; Условное bych psal, lál; byl bych psal, lál.

По образцу psati спрягаются глаголы, корень которыхъ оканчивается на согласный; подъ вліяніемъ j этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ; напр.: orati — oři, kárati — káři, žebrati — žebři, kašlati — kašli (и kašlu), poslati — pošli, stlati—steli, řezati—řeži, kázati—káži, lízati—líži, mazati—maži, tázati—táži, vázati—váži, tesati—teši, pykati—pyči, lháti—lžu, dýchati — dýši, plakati — pláči, trestati — tresci, hlodati — hlozi, hvízdati — hvíždi, leptati—lepci, reptati—repci, šeptati—šepci и др.

Конечныя i въ 1 л. ед. ч. и í въ 3 л. мн. ч. возникли (черезъ перегласовку) изъ болѣе древнихъ u, ú. Въ народн. говорахъ u, ú (ou) часто остаются неперегласованными. И въ литературномъ яз. удерживаются u, ou послѣ губныхъ и l: hýbu, dlabu, škrabu, zobu, drápu, kapu, sypu, dřímu, lámu и др.

Большая часть глаголовъ этого разряда допускаютъ новообразованія по V кл. (dělam); напр.: oři и oram, пов. oř, ořte и orej, orejte, прич. oře, oříc и oraje, orajíc. Для нѣкоторыхъ глаголовъ возможны тѣ и другія формы; другія имѣютъ только новообразованныя формы; напр.: metám, metej, metaje вм. древн. mecu, mec, mecě, letam, вм. lecu (leci) и т. п. Лишь немногіе глаголы исключительно слѣдуютъ древнему образцу, напр.: kázati—káži, vázati—váži, tázati—táži, tíži. Наоборотъ нѣкоторые глаголы, въ старомъ яз. слѣдовавшіе другимъ классамъ, теперь измѣняются по образцу píši, напр. klamati—klamu, пов. klam и т. д., въ др.-ч. яз. klamám пов. klamej.

У нѣкоторыхъ глаголовъ долгій гласный корня замѣняется краткимъ въ повелит. н.; напр.: vázati—važ, kázati—kaž, opásati—opaš, tázati—taž, lízati—liž, písati—piš, vízati—věž, otízati—otěž.

Въ глаголахъ stonati и plakati коренной гласный удлиняется въ наст. вр. за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: stoni, stůneš, stůne, stůneme, stůnete, stoní; plači, pláčeš, pláče, pláčeme, pláčete, plačí. Въ píši коренное í долгое во всѣхъ лицахъ наст. вр. píšeš, píší

(3 л. мн. ч.); но пов. н. piš. Двоственность корня ps (рьs) и pis наблюдается и въ старо-слав. яз. (псати, пиша).

По образцу láti спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный; при этомъ коренной гласный и гласный основы неопредѣленнаго (прежде раздѣлявшіеся благозвучнымъ j) стягиваются въ долгій гласный; обыкновенно aja, ija, ěja переходятъ въ á, но иногда (черезъ перегласовку já—jé и съуженіе ie—í) въ í: báti (изъ bajati), díti (изъ dějati; надо отличать отъ díti изъ děti—говорить), наст. вр. ději (сложн. naději se), пов. děj, прич. ďav и děv, ďal и děl, ďan и děn (сложн. oděl, nadál), hráti (др.-ч. jhráti), н. вр. hraji и по V кл. hrám, hřáti (изъ grějati), (наст. вр. hřeji), káti, (o)křáti (н. вр. okřeji), líti н. вр. leji, pláti (н. вр. plaji), přati (н. вр. přeji), síti (н. вр. seji, прич. sel и sál устар.), smáti se (н. вр. směji se), ssáti (н. вр. ssaji), táti (tajati), váti (vějati), záti, zráti (в. вр. zraji).

B. *Вторая основа образована суфф.* **ova.**

Неопред. н. kup-ova-ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед.	1 л. kupuji	Мн.	kupujeme	Ед.	1 л. —	Мн.	kupujme
	2 л. kupuješ		kupujete		2 л. kupuj		kupujte.
	3 л. kupuje		kupují.		3 л. kupuj		—

Прич. наст. дѣйств. kupuje, -ujíc, -ujíce; Прич. прошед. дѣйст. I kupovav, -ši, -še; Прич. прош. дѣйст. II kupoval, -a, -o; Прич. проч. страд. kupován, -a, -o; Прошедшее kupoval jsem; Давнопрошедшее byl jsem kupoval; Будущее budu kupovati; Условное bych kupoval, byl bych kupoval.

Къ этому разряду относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой -ova; напр.: milovati, kralovati, panovati, vylamovati, opětovati, odsuzovati, navracovati, hotovati и др.

Отъ obědovati наст. вр. obědaji и obědvam; рядомъ съ psovati возможно и psouti.

Приставка -ova образовалась изъ ua; глагольная основа оканчивается на -u, которое выступаетъ въ настоящемъ времени.

Четвертый классъ.

I.

Основы на -i (пра-слав.)

А. *Вторая основа на* -i.

Неопред. н. chval-i-ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед.	1 л. chvalím	Мн.	chvalíme	Ед.	1 л. —	Мн.	chvalme
	2 л. chvalíš		chvalíte		2 л. chval, -liž		chvalte.
	3 л. chvalí		chvalí.		3 л. chval, -liz		—

Прич. наст. дѣйст. chvalé,-íc,-íce; Прич. прош. дѣйст. I chvaliv, -ši, še; Прич. прош. дѣйств. II chvalil, -a, -o; Прич. прош. страд. chvalen; Прошедшее chvalil jsem; Давнопрош. byl jsem chvalil; Будущее budu chvaliti; Условное bych chvalil, byl bych chvalil.

По этому образцу спрягаются очень многіе глаголы съ основой на -i (первичное): barvím, bílím, brodím, černím, dojím, hodím, chvatím, chodím, koupím, lovím, modlím se, nosím, prosím, pustím, skočím, učím, vrátím, haním, býdlím и др.

Въ 3 л. мн. ч. í произошло изъ болѣе древняго ie (черезъ съуженіе) и соотвѣтствуетъ старо-слав. а (хвалять).

Въ повелит. н. долгій гласный корня обыкновенно сокращается: sloužiti—služ, souditi—suď, troubiti—trub, ráčiti—rač, brániti—braň; но blázni, drázdi, spřizni se; i въ повелит. н. удерживается только въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ неудобное для выговора скопленіе согласныхъ; напр.: bydli, bydlete, mysli, vysvětli, cti, ctěte и т. д.

Въ прич. прош. страд. i основы переходятъ въ j, которое затѣмъ соединяется съ предшествующими звуками по извѣстнымъ законамъ языка: mysliti—myšlen, voziti—vožen, světiti—svěcen, vrátiti—vrácen, saditi — sazen, nositi—nošen, hyzditi — hyžden, zaneprázdniti — zaneprážďněn, pustiti—puštěn. Впрочемъ, нерѣдко согласный не измѣняется: děditi—děden, cíditi—cíden, cititi—cíteň, pokositi—pokosen.

Въ старомъ яз. въ 1 л. ед. ч. вм. ím было iu и i (черезъ перегласовку), myslju, mysli и т. д. Ср. выше стр. 166.

Б. *Вторая основа образована суфф.* ě, e (вм. первонач. ē).

Неопредѣленное н. hoř-e ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. hořím	Мн. ч.	hoříme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	hořme
	2 л. hoříš		hoříte		2 л hoř, -iž		hořte.
	3 л. hoří		hoří		3 л. hoř, -iž		—

Прич. наст. дѣйст. hoře, -íc, -íce; Прич. прош. дѣйст. I hořev, -ši, še; Прич. прош. дѣйст. II hořel, -a, -o; Прич. прош. страд. viděn; Прошедшее hořel jsem; Давнопрошед. byl jsem hořel; Будущее budu hořeti; Условн. bych hořel, byl bych hořel.

По этому образцу спрягаются: 1) глаголы, которые въ старо-сл. и другихъ славянскихъ языкахъ сохраняютъ въ окончаніи основы неопредѣленнаго н. первичное ѣ (или его замѣны): boleti, skřípěti, trpěti, veleti, viděti, viseti, hleděti, kypěti, letěti, styděti se, seděti, vrtěti, bdíti, hřmíti, uzříti, mníti, pníti, příti, chtíti и др.; новочешское í вм. древн. ie выступаетъ (вслѣдствіе съуженія) въ двусложныхъ словахъ; напр. bdíti въ древне-чешск. яз. bdieti и т. п.; 2) глаголы, измѣняющіе въ другихъ славянскихъ яз. конечный гласный основы ѣ (ě) на a (послѣ j и шипящихъ): běžeti, ležeti, mlčeti, klečeti, slyšeti, pršeti, hvížděti (ср. старо-сл. бѣжати, русс. бѣжать, серб.-хорв. бјежати и пр.); въ древ.-чеш. здѣсь тоже было первоначально a: držal, slyšal; болѣе новое e развилось изъ a черезъ перегласовку; встрѣчается a и въ народныхъ говорахъ а какъ архаизмъ и въ литературномъ языкѣ (slyšáno, držáno). Сюда же относятся: báti изъ bojati, наст. вр. bojím se, прич. báv, bál, bán; státi изъ stojati, наст. вр. stojím, пов. н. stůj, stůjte.

Въ старомъ языкѣ нерѣдко въ 1 л. ед. ч. u, i: vizu, vizi, drži, boji se, styzu se.

Въ 3 л. мн. ч. въ народной рѣчи возможны формы на ějí: visejí, hleději, musejí, znějí, náležejí, mnějí. Эго новообразованія по аналогіи uměji и т. п. Такъ и въ прич. наст. вр.: náležeje.

Chci (др.-ч. chcu) спрягается слѣдующимъ образомъ: chceš, chce, chceme, chcete, chtí или chtějí; пов. н. chtěj, chtějte; прич. chtě, chtíc, chtíce и chtěje, chtějíc, chtějíce, chtěv, chtěl и chten.

Viděti, пов. н. viz, vizme, vizte (ср. старо-сл. виждь); прич. наст. vida и страд. vidom по I кл. Сложныя záviděti и náviděti имѣютъ пов. н. záviď, náviď, прич. závidě, návidě.

Spati въ формахъ отъ основы настоящаго также слѣдуетъ данному образцу: spím, пов. н. spi, spěte.

II.

Основы на -i (=ěje, ^{i}aje).

Вторая основа на ě (e).

Неопредѣленное н. um-ě-ti, večeř-e-ti.

		Настоящее.				Повелительное.	
Ед. ч.	1 л.	umím	večeřím	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	umíš	večeříš		2 л.	uměj	večeřej
	3 л.	umí	večeří		3 л.	uměj	večeřej
Мн. ч.	1 л.	umíme	večeříme	Мн. ч.	1 л.	umějme	večeřejme
	2 л.	umíte	večeříte		2 л.	umějte	večeřejte.
	3 л.	umějí	večeřeji.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйств. uměje, -ějíc, -ějíce, večeřeje, -ejíc, -ejíce; Прич. прошед. дѣйств. I uměv, -ši, -še, večeřev, -ši, -še; Прич. прош. дѣйств. II uměl, -a, -o, večeřel, -a, -o; Прич. прошед. страд. uměn, -a, o; Прошедш. вр. uměl, večeřel jsem; Давнопрошедшее byl jsem uměl, večeřel; Будущее budu uměti, večeřeti; Условное bych uměl, večeřel; byl bych uměl, večeřel.

Спряженіе этихъ двухъ образцовъ совпадаетъ вслѣдствіе особенностей чешской фонетики, но въ сущности между ними значительное различіе: í въ основѣ настоящаго umí образовалось изъ ěje (umě-je) черезъ стяженіе въ ie (др.-ч. umiem, umieš) и съуженіе ie въ í, а ě въ основѣ неопредѣленнаго umě коренное, исконное (ср. старо-сл. [illegible]); между тѣмъ í въ основѣ настоящаго večeří возникло изъ ^{i}aje (večeřaje) черезъ стяженіе ^{i}á (večeřá), перегласовку ^{i}a въ ie и съуженіе ie въ í.

Къ глаголамъ перваго типа относятся: boleti, bujeti, bydletí, haněti, hověti, hrděti и hrzeti, mdlíti, museti, slušeti, tlíti (др.-ч. tléti), truchleti, váleti, želeti, bohatěti, kameněti, němëti, zeleněti и т. д.— Míti (др.-ч. jmieti) имѣетъ наст. mám, máš, но повел. н. měj, прич. měv, měl.

Къ глаголамъ втораго типа относятся: (po)bijeti—pobijím, (po)bízeti, (po)bouzeti — pobouzím, (při)číněti, (s)hášeti, házeti, (do)hlížeti, (do)cházeti, vyjížděti, kráčeti, léceti, míjeti, mizeti, vymlaceti, (pře)myšleti, napájeti, (vy)právěti, pouštěti, (při)našeti, sázeti, stavěti, stříleti, (z)traceti, vyváděti, (pro)vazeti, vraceti и др.

Въ народныхъ говорахъ въ 3 л. мн. ч. нерѣдко í вм. ęjí: utrácí, shání, schází вм. utráceji и т. д.

Пятый классъ.

Основы на -á (=aje).

Вторая основа на -a.

Неопредѣленное н. děl-a-ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. dělám	Мн. ч.	děláme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	dělejme
	2 л. děláš		děláte		2 л. dělej		dělejte.
	3 л. dělá		dělájí.		3 л. délej		—

Прич. наст. дѣйст. dělaje, -íc, -íce; Прич. прош. дѣйст. I dělav, -ši, -še; Прич. прош. дѣйст. II dělal, -a, -o; Прич. прош. страд. dělán, -a, -o; Прошедш. вр. dělal jsem; Давнопрошедш. byl jsem dělal; Будущее budu dělati; Условное bych dělal, byl bych dělal.

Основа настоящаго—dělaje; aje во всѣхъ лицахъ наст. вр., кромѣ 3 л. мн. ч., стягивается въ á; въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств. основа выступаетъ въ полномъ видѣ и потому здѣсь a—краткое.

Въ прич. прош. страд. a основы неопред. н.—удлиняется: dělán.

Въ повелит. н. ej черезъ перегласовку изъ болѣе древняго aj.

Въ древн.-чешск. языкѣ встрѣчаются нестяженныя формы: ufaju, žadaji; тоже и въ моравскихъ говорахъ: prokvetaje, pospíchaje.

По данному образцу спрягаются многіе производные глаголы, образованные суф. a, va; напр.: volati, běhati, bodati, čekati, chovati, hledati, konati, béhávati и др. — Сюда же относится znám, повел. н. znej, прич. наст. дѣйств. znaje, прич. наст. страд. znám. Нѣкоторые глаголы имѣютъ формы настоящ. вр. по V и I кл.; напр.: klamám и

klamu (обманываю), cpám и cpu (набиваю), lámám и lámu, plávam и plavu.

Отъ nechati пов. н. nech, nechte вм. nechej, nechejte.

Недостаточные глаголы.

Dím (говорю), díš, dí, díme, díte, dí и dějí. Другихъ формъ нѣтъ; ср. выше стр. 187. Въ соединеніи съ предлогами глаголъ имѣетъ полное спряженіе vzdím—vzdíti, převzdím—převzdíti.

Prý (говорятъ) 3 л. мн. ч. отъ устарѣлаго глагола praju; prý = prají.

Vece (сказалъ) 3 л. мн. ч. древн. аориста vecech (vecech, vece, vecechově, vecesta, vecechom, vecechu). Ср. выше стр. 172.

Vari, varite (берегись) пов. н. отъ устарѣлаго глагола varu.

Безличные глаголы (*разныхъ классовъ*).

Blýská se, hřmí, prší (идетъ дождь), mží, svítá, rozednívá se, šeší se, snězí, mrači se, smrká se, líto mi, ošklivi se mi (имѣю отвращеніе), zželelo se mi, stává se, děje se, přihazi se, těší mne, líbí se, dostačuje, zřejmo jest, zbývá, lépe jest и др.

---

7. Неизмѣняемыя слова.

Нарѣчія.

1) Kdé? zde, tu, tam, onde, jinde, někde, nikde, kdesi, ledaskde; vnítř, vně, doma, venku (внѣ дома), nahoře, dole, napřed, odkud? odtud, od-onud, odjinud, odněkud, odnikud; kudy? tudy, onudy, jinudy, někudy, nikudy, dolem, horem; kam? sem, tam, semo, tamo, onam, jinam, někam, nikam, kamkoli; pokud? posud, potud, poněkud; domů, dolů, nahoru и др.

2) Kdy? odkud? dokud? dokavad? odtud, odsud, teď (теперь), tehdy, tehdáž, ondy, onehdy, ondyno, jindy, potom, po té (době), někdy, ledaskdy, mnohdy, dávno, brzy, dnes, zejtra, včera, dopoledne, odpoledne, ráno, záhy (заблаговременно), drahdy, tytýž, hned, již, nyní, pořád, právě (какъ разъ), příště (впослѣдствіи), teprve (только что), vždy (всегда), dosud, dosavad, dotud, dotavad и др.

3) Jak? kterak? čím? jak velice? kolíkráte? koliknásob? tak, onák, jinak, některak, nějak, jaksi, ledasjak, nijak; naznak, opak; mnoho,

malo, skoro, sotva (едва), velmi, ovšem, aspoň (по крайней мѣрѣ), snad; vysoko, hluboko, nízko; dobře, ošklivě, pěkně; la, ono (да), ne, ni, nikoliv; tím, tak velice, jednou, dvakráte, dvojnásob, vůbec; bezděky (неохотно), úperkem (шибко), skokem, útokem, dílem, mimochodem, stranou, celkem, dolem, kolem, pěškami или pěšky, mlčky или mlčkami, nepochybně (безъ сомнѣнія), darem, darmo, zároveň и др.

4) Proč? Pročež? proto, protož.

Предлоги.

1) Съ род. пад.: bez (beze), dle, podle, vedle, do, krom (kromě), od, u, z (ze); нарѣчія въ значеніи предлоговъ: kol (kolem, okolo, vůkol), kraj, prostřed, strany; daleko, blízko, vně, vnitř, níže, výše и др.; напр.: bez chleba; pojď vedle mne; podle smlouvy; z vody vytáhl rybu; vystoupil ze školy; zpívá od rána až do večera.

2) Съ винит. пад.: а) (на вопросъ *куда?*) na, o, v (ve), po, s (se), za, mezi, nad, pod, před; б) mimo, ob (obe), pro, přes (přese, чрезъ), skrz(e); напр.: postavil na stůl; on prosil o chléb a vodu; plaval až po město; dal mu s hrst tolarů; vzal mne za ruku; mezi vas; nad okno; pod postel; přes dům; přes noc; Vltava teče skrz Prahu; šel mimo kostel.

3) Съ дат. пад.: k (ke, ku), proti (protiv), po; напр.: k otci, ke kostelu, ku pomoci, proti vůli mého otce; po německu, po bratrsku.

4) Съ твор. пад.: s (на вопросы: *съ кѣмъ?*, *съ чѣмъ?*), mezi, nad, pod, před, za (на вопросъ: *гдѣ?*); напр.: s otcem, s radostí, seděl mezi nami; nad nami, pod vodou, před učitelem, za mnou.

5) Съ мѣст. пад.: а) při; б) (на вопросъ: *гдѣ?*), na, o, v (ve), po; напр.: při tobě, při smrti, na vojně, ve vodě, o mořích, po obědě; známť ja tě po hlase.

Союзы.

1) Соединительные: a (u), i, téz, také, tolikež, ba i, ano i, nejen—než, netoliko—ale (не только—но и), předně nejprve, po prvé, po druhé, dále, pak (же), potom, na to, konečně, posléze, a sice, a to.

2) Противительные: a, ale (но), avšak (однакожъ), však, neš (но, однакожъ), sice, sic (кромѣ того, въ противномъ случаѣ), přec, přece však (все таки), nybř (но, однакожъ).

3) Раздѣлительные: ale—ale, buď—buď, neb—neb, čili—čili, dílem—dílem, již—již, tu—tu, brzy—brzy, ni—ni, ani—ani.

4) Сравнительные: jak--tak, čím—tím, kolik—tolik, kolikrát—tolikrát, podle toho—jak, tak—že, jakoby, než.

5) Изъяснительные: že, da (что), jak, jako.

6) Причинные: nebo, neb, nebsť (ибо), proto, pročež, že, poněvadž (такъ какъ), ježto.

7) Цѣли: ať, aby, by.

8) Временные: když, odkud, dokavad, pokud, co, až, dříve—než (прежде—чѣмъ), spíše—než, jak jen, jakmile (какъ только), ledva, sotva, sotvaže (едва).

9) Условные: li, jestliže, kdyby, pakli.

10) Уступительные: ač, ačkoliv (хотя), jakkoli (какъ ни), by, byť, třebas (хотя), nechť (пусть).

11) Заключительные: tedy, tudy, tudyž, podle toho, z toho и др.

---

8. Нарѣчія и говоры чешскаго языка.

Общія замѣчанія.

Чешскій языкъ, подобно другимъ славянскимъ языкамъ, на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи не представляетъ вполнѣ однороднаго цѣлаго, а дѣлится на значительное количество нарѣчій и говоровъ. Наибольшее діалектическое разнообразіе представляютъ восточныя части площади языка, наименьшее—крайнія западныя. Систематическое изученіе этого діалектическаго разнообразія народной рѣчи началось у Чеховъ сравнительно не давно и хотя уже ознаменовалось появленіемъ въ научной литературѣ цѣнныхъ наблюденій и большихъ трудовъ, въ родѣ моравской діалектологіи Бартоша (см. 26—28 стр.), однако не можетъ считаться законченнымъ. Чешская діалектологія содержитъ еще много не рѣшенныхъ, а частью и совсѣмъ незатронутыхъ вопросовъ. Повидимому больше всего сдѣлано для описанія говоровъ и ихъ классификаціи, но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи еще не видно ни желательной полноты, ни отчетливаго и яснаго представленія дѣла. Наиболѣе подробно обслѣдованы и описаны восточные (моравскіе) говоры; для западныхъ же (собственно чешскихъ) говоровъ руководящимъ трудомъ доселѣ остается старое

сочиненіе А. Шемберы (Základové dialektologie československé, 1864), представляющее лишь самую общую характеристику нарѣчій и говоровъ; только въ нѣкоторыхъ частяхъ этотъ, несомнѣнно важный, хотя и устарѣвшій, трудъ пополняется новыми наблюденіями. Но и моравскіе говоры не имѣютъ еще вполнѣ установившейся классификаціи. Однимъ изъ доказательствъ того можетъ служить колебаніе въ мнѣніяхъ по этому вопросу лучшаго знатока моравской діалектологіи Фр. Бартоша: въ первомъ томѣ своего извѣстнаго труда онъ признаетъ въ Моравіи семь нарѣчій, а во-второмъ находитъ возможнымъ свести ихъ къ четыремъ. Несравненно скуднѣе имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о прошломъ чехо-моравскихъ нарѣчій и говоровъ. Исторія ихъ возникновенія и развитія не только не разъяснена, но еще и не затронута. Къ какому времени должно относиться распаденіе нѣкогда единаго чехо-моравскаго языка на нѣсколько нарѣчій, сколько было первоначально этихъ частныхъ діалектическихъ группъ, какими особенностями характеризовались эти группы, какимъ путемъ вырабатывались дальнѣйшія діалектическія отличія — на всѣ эти и другіе подобные вопросы пока нѣтъ отвѣта въ наукѣ. Въ древнихъ памятникахъ литературнаго языка нельзя не замѣчать отраженія особенностей народныхъ говоровъ, но изученіе ихъ съ этой точки зрѣнія даже и не начато. Единственная, относящаяся къ этому вопросу работа I. Иречка (O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských, 1887) слишкомъ не богата результатами. Впрочемъ, разысканіе діалектическихъ чертъ въ древнихъ памятникахъ осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что не всегда легко рѣшить — зашла ли та или другая особенность (напр. неперегласованныя a, u) изъ живаго говора или она была свойственна письменному языку въ данное время. Какъ бы то ни было необходимо допустить, что зародыши главныхъ чехо-моравскихъ нарѣчій восходятъ къ глубокой до-исторической старинѣ. Грамматикъ второй полов. XVI ст. Янъ Благославъ сообщаетъ уже весьма цѣнныя свѣдѣнія о чешской діалектологіи[1]). Между прочимъ, изъ нихъ видно, что даже за послѣднія триста лѣтъ въ нарѣчіяхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія.

---

[1]) Анализъ ихъ см. въ статьѣ В. Душека Příspěvky k dějinám české dialektologie, část. Jan Blahoslav (Časopis Musea Království českého, 1895). Ср. нашу статью Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію за 1895 г. Унив. Изв. 1896, апрѣль.

Принимая во вниманіе современное изученіе вопроса можно подвести народные чехо-моравскіе говоры подъ слѣдующія четыре нарѣчія: 1) чешское; 2) ганацкое (или собственно моравское); 3) ляшское и 4) валашско-дольское. Нарѣчіе чешское распространено во всей западной половинѣ чехо-моравской области, т. е. въ чешскомъ королевствѣ и западной Моравіи и потому можетъ быть названо западнымъ. Остальныя три нарѣчія размѣщаются въ восточной половинѣ области, т. е. въ Моравіи и Силезіи; ихъ можно назвать восточными. Наиболѣе чертъ старины сохранили восточныя нарѣчія; одно изъ нихъ ганацкое, распадающееся на множество характерныхъ говоровъ, повидимому преимущественно отражаетъ въ себѣ древнѣйшее состояніе языка. Чешское нарѣчіе, легшее въ основаніе литературнаго языка, особенно подверглось разнымъ превращеніямъ не безъ вліянія нѣмецкаго языка. Ляшское нарѣчіе служитъ переходомъ отъ чешскаго къ польскому языку и представляетъ нѣкоторыя черты, общія съ этимъ языкомъ; а валашско-дольское также можетъ быть разсматриваемо какъ переходное къ словацкому яз. и близко роднится съ послѣднимъ.

Чешское нарѣчіе.

Чешское нарѣчіе раздается: 1) во всей Чехіи (Čechy); 2) въ части графства Кладскаго и въ Виторазскомъ въ Нижней Австріи и 3) въ нѣкоторыхъ округахъ зап. Моравіи (Ждаръ, Н. Мѣсто, Быстрица, Емница, Дачица, Телчь, Трешть—Ždár, N. Město, Bystřice, Jemnice, Dačice, Telč, Třešť).

Важнѣйшія особенности:

1) Послѣдовательная перегласовка а—е: duše, ulice, moře, zejtra, dej, vejce.

2) Послѣдовательная перегласовка u—i: duši, zemi, lid, cizí; только въ наст. врем. сохраняются u, ou: pišu, pišou, miluju.

3) Долгое ú расширяется въ ou: dlouhou, boudou, ouřad; только въ домажлицкомъ говорѣ сохраняется ú: přidú, dlúho.

4) Долгія ý, í звучатъ какъ ej: dobrej (dobrý), mlejn (mlýn). nosejček (nosíček), zejma (zíma).

5) Долгое é съуживается въ í (ý) не только въ мягкихъ, но и въ твердыхъ слогахъ: malí, vokýnko, dobrýho, bíly, mlíko, stýblo.

6) Гласн. е вм. і въ настоящ. врем. глаголовъ на iti: leju (liju), kreju (kryji).

7) Вставочное **v** передъ начальнымъ **o**: vokolo, vokno, vosum, vondyno, von.

8) Отпаденіе j: du, deš, de, deme, dete, dou, pudu, meno, menovat, ešte, enom, inej, iva.

9) Отпаденіе начальнаго **h** передъ **ř**, **v**: řešit, řeblo, vozd, vězda.

10) Исчезновеніе начальнаго **s** передъ **t**: třelit, tříbro и др.

11) Нерѣдкое удлиненіе гласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ литературный языкъ держится краткихъ гласныхъ: Ján, náděje, žába, kázání, výdávatel, nakládatel, královat, nikdá, tehdá, biéžet, léžet, bére, pére, céra, zéli (zelí), kníha, břícho, Bóže, bóli, hóři (hoří), túze и др. Такъ и въ окончаніяхъ: klucí, slavicí. На-оборотъ иногда вмѣсто долгихъ—краткіе гласные: do póli, k pólim, v pólich и др.

12) Твор. п. мн. ч. на **-ma** (вм. **mi**): chlapcema, polma, tenkýma, prstama, dlouhýma, ulicema.

13) Прибавочное **ch** въ архаическомъ род.-тв. п. двойст. ч.: rukouch, nohouch, prsouch, po dvouch.

14) Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (сложномъ скл.) **é** или съуживается въ **ý** во всѣхъ падежахъ или сокращается: dobrý dítě, dobrýho muže; въ жен. р. вовлѣ **ý** возможно и **ej**: u dobrý или dobrej sestrý.

15) Гортанные **h**, **ch**, **k**, а также **d**, **n**, **t**, **r** въ имен. п. множ. ч. прилагательныхъ не подвергаются смягченію: drahý bratři, chudý chalupníci, bohaty kupci, dobrý měšťani.

16) Глаголы I кл., у которыхъ корень оканчивается на **k**, **h** или **r** измѣняютъ эти согласные въ соотвѣтствующіе мягкіе—**č**, **ž**, **ř** не только передъ **e** (гласный основы), но и передъ **u**, **ou** (т. е. въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.): peču, pečou, můžu, můžou, třu, třou.

17) У глаголовъ на **u** (**i**) 1 л. мн. ч. не имѣетъ конечнаго **e**: vedem, pletem.

18) Прич. прош. дѣйст. II теряетъ конечное **l**, когда послѣднему предшествуетъ другой согласный: řek, nemoh, tisk, pek, upad, nes.

19) Въ неопр. н. на **ci** вставочное **t**: říct, píct, vlíct, síct и др.

20) **Mně** вм. **mě**: posmněch, mněsto.

21) **M** вм. **n**: pámbu (pán Bůh), hamba.

Въ чешскомъ нарѣчіи различаютъ четыре поднарѣчія: а) *юго-западное*, б) *средне-чешское*, в) *сѣверо-восточное* и г) *моравско-чешское*. Каждое изъ нихъ въ свою очередь представляетъ частные говоры.

а) *Юго-западное* (*подшумавское*) *поднарѣчіе* обнимаетъ округи: будѣевицкій, домажлицкій, юго-западную часть пильзенскаго и все по-отавье. Главныя особенности: 1) вставочное **h** передъ начальными гласными: **hulice, hučitel, hutíkal, haby, Hanton, Hanka** и др.; 2) смягченіе губныхъ посредствомъ **j**: **mjila, vjila, vjenec**; 3) переходъ свистящихъ и **n, d, t, v** въ **j**: **bej sebe, dyj, kojce, jemecký, poj tím, přej dum, hlejte**; 4) приставочное **j**: **jaksamitka, jaby**; 5) вокализація **l, r** въ **il, ir** (**el, er**): **v Pilzni bylo pelno, hader, chaterný**; 6) мѣна **v—b**: **brabec, břed**; 7) замѣна **e** черезъ **a**: **bředano, třičatka, sklanička, včala, čalo, útarý**; иногда наоборотъ **e** вм. **a**: **teky, vzel, deji** (вм. **daji**); 8) съуженіе въ **í** не только **é**, но и **ě, e**: **pína, smíška, zpítila se, Radíjov, blícha, klíska, humříl, vidíl, slyšíl**; 9) потеря мягкости при **ě** (особенно въ нетолицкомъ гов.): **nekomu, nekdo, smeje se** и т. д.; 10) **ú** вм. **ou**: **búde, povedú**; 11) **o** часто удлиняется въ **ů** или расширяется въ **ou**: **lůs houvěží maso**; 12) **e** вм. **y**: **me sme beli** (**my sme byli**); 13) род. п. мн. ч. существ. принимаетъ **ch**: **haduch, jelenuch, mužuch, ušich, bratrch**; 14) прилагательныя притяжательныя во всѣхъ родахъ имѣютъ одно окончаніе: **ovo** или **ovic** или **ouc**: **sládkovo sýn, sládkovo dcera, sládkovic pole**.— Новѣйшій изслѣдователь этого поднарѣчія В. Душекъ [Hláskosloví nářečí jihočeskýh, I Cast, Consonantismus, v Praze, 1894 (Rozpravy Č. Akad.) и Reč lidu v koruně česke a na Slovensku, 1895 (Národopísná výstava československá, 1883—96); признаетъ въ немъ три группы говоровъ: 1) *ходскій* и *домажлицкій*; 2) *клатовскій*, *поотавскій* и *нетелицкій* и 3) *дулѣбскій* и *блатскій*. Раньше Шембера (Základové dialektol. čěsk.-slov., 13—20) отмѣтилъ въ этомъ поднарѣчіи только два говора—домажлицкій и лужницкій; первый изъ нихъ онъ описалъ весьма подробно, второй же новѣйшіе изслѣдователи (В. Душекъ) относятъ къ средне-чешскому поднарѣчію. Сверхъ того дулѣбскій говоръ изучалъ В. Котсмихъ (Sbornik vědecký Musea Království českého, 1868), а ходскій Грушка (Listy filologické, XVIII, 1891).

Образецъ юго-западн. говоровъ (изъ статьи Душка): **Bulo sparno.** Jehlikouc Hančí vzela hodnej ždibanec (кусокъ) chleba a šla sbírat huby. Teky vzíla si knihu, nebo strachlivě (очень) ráda čtála. Hynle druhú cestú šla k ní Dodla Babikojc. Na houvaře stála Marcha z podružstva a křičíla: „Kan pa detě? Co nevidíte hynle tu mráku? Aby vás tak hrom v lesi po hřibetě láfnul. Dodla bula těverná dívčka

i volála: Nestarij se, Marcha, eště tu nyní, a lafnút, at lafne, jen hdyž mi nezabije"! Hdyž přišly do lesa na horejší myť, vidíly tu samý černohlavý a bělohlavý (hřiby) i sebraly ich huzel. Zatim zamràkalo se nebe a zahučel hrom. Přišla škrejpa. Nechci řec, jak byly uhřené, hdyž vyběhly z lesa na lůsy. Ičko tepřiv vidíly, že hrom nezabije a přeci tá jeho muzika nešmekuje. (Postřekov).

б) *Среднечешское поднарѣчіе* господствуетъ на сѣверовостокъ отъ юго-западнаго поднарѣчія т. е. въ округахъ: пражскомъ, болеславскомъ (запад. часть), литомѣрицкомъ, жатецкомъ, пильзенскомъ (вост. часть), таборскомъ, чаславскомъ, хрудимскомъ (бóльшая часть) и градецкомъ. Это поднарѣчіе лежитъ въ основаніи литературнаго яз. и потому представляетъ наименѣе уклоненій отъ него въ сравненіи съ другими поднарѣчіями и говорами. Главнѣйшія изъ этихъ уклоненій слѣдующія: 1) приставочное v: voběd, votec; 2) приставочное h: hulice, hiva; 3) опущеніе начальнаго j: indy, itrnice; 4) ů, u вм. o: sůva, kůs, vůsma, vobuči, tulik; 5) c вм. s въ окончаніи ský: Plzencký pivo; также въ неопр. н.: vect, kráct, kláct; 6) опущеніе согласныхъ: matice (вм. matičce), struha (вм. pstruha); 7) ch въ окончаніи род. п: мн. ч.: ptákuch, koních, nůších; или вм. род. употребляется мѣстн. п.: ptákách, rybách; 8) í въ им. п. мн. ч. (часто, но не всегда): drozdí, ptácí, jelení, chlapí, muží, но: holubi, čapi; 9) склоненіе прилагат. dobrý и pěší близко совпадаетъ вслѣдствіе съуженія é—ý (í) въ твердомъ различіи: dobrýho, dobrý (ср. р.); 10) форма сред. р именъ прилагат. притяжат. на ovo служитъ и для муж. и жен. р.: sedlákovo syn. Въ этомъ поднарѣчіи В. Душекъ отличаетъ говоры: *рокитанско-подрипскій* (на сѣверо-западѣ), *подбердскій* (между Велтавой и Берункой) и *желивскій* (близъ границъ Моравіи). Различія между ними весьма незначительны.

Образецъ средне-чешскаго поднарѣчія (В. Душекъ). Naše mlíkařka je švejtořivá žencká. Diž přide ráno, křičí: „Pámbu rač dát štásny dobrýtro"! a u se smuěje. A ne se spamatujem, už povídá, co se kde stalo a dícky ví něco novýho. Tudle povidá vo koce, jag í chodí na mlíko, nebo vo vohni, tamdle jak několik zlodějuch vykradlo u ních dvá sedlácí. — „A proč je nechytěj" ptala se í naše Máry.— „Vjéřej mi, na mou tě, abych se nedušovala, každej na to kouká, ale pomoct neumí a jen tak že je polituje". — Pak veme peníze, vesele křikne: „Zaplať Pámbu, poňženě ručíčku líbám, milospaninko, vopatruj je tu Pámbu" a už je na schodouch.

в) *Сѣверо-восточное поднарѣчіе* распространяется съ лабской низьменности къ горамъ и господствуетъ въ странѣ подъ Керконошами и въ значительной части восточной Чехіи; частнѣе, оно слышится въ округахъ: болеславскомъ (восточная часть), ичинскомъ, кралеградецкомъ, хрудимскомъ (восточная часть), ландшкрунскомъ, устецкомъ, высокомытскомъ и литомышльскомъ. Наблюденіями надъ этимъ поднарѣчіемъ занимались въ 60-хъ г. I. Иречекъ и Кубле (Časop. Cesk. Mus., 1863, 323; 1864, 40, 49, 56, 250), въ новое время В. Душекъ. Важнѣйшія особенности: 1) u вм. v (послѣ гласныхъ и на концѣ слоговъ): kauka, prauda, děuče, leu, kreu, komárou, vodauky; 2) расширеніе долгаго í въ ej особенно въ тв. п. ед. ч. жен. р.: šel ulicej s husej, s mastej, uhodil ho pěstej; въ 3 л. мн. ч. kauky letěj nad vežej, voni nosej, slavej; 3) нерѣдкое исчезновеніе i послѣ j: voloj, hraj, zajc, vajčko; 4) въ окончан. í часто сокращается: štěsti, spomoci, dnešni, chodime; 5) смѣшеніе l, r: korovlat (kolovrat), legruta (rekruta), kornifel (kornifer), falář (farář), toral (tolar); 6) n вм. m: písnička, nýň (miň, méně), sednact, osnáct; 7) á, í, ú (ou) не сокращаются въ твор. п. ед. ч. и дат., твор., мѣстн. пп. мн. ч. именъ жен. р.: za bránou, ke bránam, na bránach, 8) h, ch, k, r въ имен. п. мн. ч. иногда не смягчаются передъ оконч. i: struhy, raky, kapry; no ptáci, slavíci. — Въ отдѣльныхъ говорахъ выступаютъ еще другія особенности.

Въ сѣверо-восточной части чешскаго нарѣчія В. Душекъ различаетъ четыре говора: 1) *поизерскій* — на верхней Изерѣ (отъ Чешскаго Дуба къ Младой Болеславѣ и далѣе на востокъ); 2) *керконошскій* на сѣверо-востокъ отъ предъидущаго, у Керконошъ (Исполиновыя горы) къ Семилямъ и Н. Паци; 3) *кладскій* на Упѣ и Метуѣ и 4) *орлицкій*—въ восточной Чехіи, въ области средней Орлицы и литомышльскомъ округѣ. Изъ нихъ наиболѣе характерны говоры керконошскій и орлицкій.

Въ *керконошскомъ гов.*: 1) слѣды твердаго ł: chłap, vołał (въ ходскомъ говорѣ также возможно такое ł: buł; въ дулѣбскомъ г. на твердое ł указываетъ u вм. l: šeu, dau); 2) удвоенное nn: kamenný, dřevenný; иногда первое n замѣняется d: Adna, padna; 3) слѣды долгихъ ŗ, ļ: kŕmiť, štvŕce, vlna; 4) дат. п. tě, sě (вм. ti, si); 5) прич. прош. на ał вм. el: slyšał, držał, věďał, čakał.

Въ *орлицкомъ гов.*: 1) непереглacованное a: čepica, jatel, kolaj, přade; но jesen, jeřice; 2) вм. y—ej: nekudej, nikdej; 3) пристрастіе

къ двугласн. ou: trouvám (trvám), ďouravej, k víčerou, vacoun, ouvoce; 4) приставочное h: hutikala, hulička, huzliček; 5) удареніе (иногда) на послѣднемъ слогѣ: kam detè, plnej sněhù, s temà kroupamà и др.

Образецъ сѣверо-восточнаго поднарѣчія: Jednou v zejmě šli z Prajska dva pašeráci se svym pašerem. Pašeráci chodějí obyčejně v noci, těm jè to jenno v noci nebo venne (dne), ty maj svý cesty známý. Tenkrát ale była velká věje jako severie a ten jeden był slabýho outora i zustali v jedný známý boudě na horách do rána. Ležali sami dva ve senici a domácí ležali jinde. Asi okolo půł noci přišel do senice hospodář a dał se do míšeni (chleba), šeł v chlemnici zatopiť, pašeráci to viďali, ale ďali, jakoby spali (Керконошск. гов. Душекъ).

г) *Моравско-чешское поднарѣчіе* занимаетъ въ Чехіи узкую полосу земли отъ Сволтки на Круценбургъ, Польничку, Нижковъ, Поздѣшинъ, Ждирецъ и Стритежъ и въ Западной Моравіи господствуетъ отъ Олешницы до Бобровы, Радостина, Мѣрина, Предина, Желетавы, Бродкова и Кдусова. Здѣсь Фр. Бартошъ различаетъ три говора, обозначаемые по городамъ: 1) Ждяръ, Новое Мѣсто, Быстрица; 2) Іемница и 3) Дачица, Тельчь и Трешть. Всѣ они подробно описаны въ его трудѣ Dialektologie moravská Druhý díl (V Brně, 1895) 243—283. Говоры эти составляютъ переходъ отъ чешскаго нарѣчія къ моравскому или ганацкому. Въ нихъ сливаются черты того и другаго нарѣчія. На принадлежность къ чешскому нарѣчію указываютъ такія черты: 1) выговоръ долгаго ú какъ ou: za našou, stodolou, pod lavicou, budou; 2) переходъ í, ý въ ej: sej̨t, vozej̨k, nožej̨k, husej̨ch (род. п. мн. ч.), bej̨vat, dobrej̨; 3) отпаденіе и выпаденіе i: kol'bat, povidaj (3 л. мн. ч.); 4) вокализація l, r (il, yl, ir): řekyl, padyl, vítyr, cukyr; 5) мѣна v въ u: kauka, prauda; 6) переходъ nn въ dn: padna; 7) дат.—мѣстн. п. ед. ч. на oj: vtakoj; 8) 3 л. мн. ч. umí, chodí и др. Къ моравскому нарѣчію эти говоры приближаютъ такія особенности: 9) неперегласованное a: jařica, čepica, duša, muža; 10) выговоръ y съ оттѣнкомъ звука e: bel (Бобрувца), slunično vejde; 11) преимущественное употребленіе краткихъ гласныхъ: dat, psat, vrana, prah, nest, vest, meno, lipa, sila и т. д.; 12) сохраненіе šč: ščestí, měščan; 13) дат. п. множ. ч. на -om: vtákom; 14) chcu, chcou и др. su (вм. jsem).

Образецъ моравско-чешскаго поднарѣчія: „No mamo, nehubač, šak nejni zle pro slovo, ale to je jednou recht, že po ženskejch nejni

prácu vidět tudle člověk dyž vorá nebo vláčí nebo seče, to je jedna práca, je ju vidět a cejtit na tělu, ale to vaše važení a umejvání po tem je houbec, to je jen takovy přicmrdování a žadná práca".—„Tak víš ty, tato, co, tudle si beru sousedi za svědky, udělejme to takle: ja pojedu zejtra vovorávat jabka a zrouna konce vohrnu motykou, a ty zustaň jen ten jeden den za pospodyňu v stavení, a hudivíme, kdo vic dokáže řekla panímáma (Бартошъ, II, 262).

Ганацкое или собственно моравское нарѣчіе.

Ганацкое нарѣчіе господствуетъ въ большей части средней Моравіи, именно въ уѣздахъ: голешовскомъ, кромерижскомъ, преровскомъ, оломуцскомъ, штернбергскомъ, простѣевскомъ, вышковскомъ, драганскомъ, летовицкомъ, литовльскомъ, коницкомъ, іевичскомъ, забрѣжскомъ, сладковскомъ, бучовицкомъ, жданицкомъ, бланскомъ, берненскомъ, жидлоховицкомъ, клобукскомъ, русиновскомъ, тишновскомъ, иванчицкомъ, крумлёвскомъ, зноимскомъ, междурѣчьскомъ, требичскомъ, и мор. будѣйёвицкомъ. Этимъ нарѣчіемъ говорятъ настоящіе Моравяне или моравскіе чехи и потому оно можетъ быть названо моравскимъ. Ганаками собственно называютъ себя славянскіе обитатели долины р. Ганы отъ Вышкова до Коетина. Другіе жители средней Моравіи имѣютъ свои частныя имена: *Блатяны* или *Блатяки* (по р. Блатѣ и Валовѣ), *Моравяки* (отъ Вѣрованъ къ Цитову), *Забечваки* (по лѣв. берегу нижней Бечвы) *Заморавяки* (въ Гулинской области), *Подгораки* (отъ Быстрицы къ Голешову), *Баняки* (въ кромерижскомъ и голешовскомъ уѣздѣ) и *Чугаки* (выговаривающіе ů вм. ó, отъ глаг. čůhat — торчать), но всѣ они вслѣдствіе извѣстнаго сходства употребляемыхъ имъ говоровъ извѣстны у своихъ славянскихъ сосѣдей Валаховъ и Словаковъ подъ однимъ общимъ именемъ Ганаковъ. Отсюда всѣ срединные моравскіе говоры проф. Фр. Бартошъ находитъ возможнымъ объединить въ одной группѣ подъ именемъ ганацкаго нарѣчія.

Подробному изученію ганацкаго нар. посвящена большая часть втораго тома „Моравской діалектологіи" Фр. Бартоша (4 — 243). Въ этомъ почтенномъ трудѣ представлено собственно описаніе 12 поднарѣчій (съ ихъ говорами), входящихъ въ составъ ганацкаго нарѣчія, но не дано общей характеристики цѣлаго нарѣчія сравнительно съ другими нарѣчіями. Такая характеристика, впрочемъ, представляетъ большія трудности въ виду крайняго разнообразія ганацкихъ говоровъ

и значительной такъ-сказ. неустойчивости общихъ признаковъ, варьирующихся на разные лады въ этихъ говорахъ.

Главныя особенности.

1) Самую характерную черту ганацкаго нар. составляетъ своеобразный выговоръ гласныхъ звуковъ. Ганаки произносятъ гласные a, e, i, y, o, u, не чисто, какъ произноситъ ихъ славянскій народъ вездѣ въ Чехіи и восточной Моравіи, а на особый ладъ, нѣсколько неясно, съ окраской постороннихъ звуковъ, при чемъ эта окраска въ разныхъ говорахъ различна. Фр. Бартошъ устанавливаетъ цѣлую систему знаковъ для передачи этихъ своеобразныхъ звуковъ, а В. Душекъ признаетъ невозможнымъ точное воспроизведеніе на письмѣ всѣхъ оттѣнковъ ганацкаго вокализма. Такъ a произносится не только какъ a (baba), но и какъ å̊, т. е. какъ неясный звукъ, образованный быстрымъ переходомъ отъ á къ ó или на оборотъ отъ ó къ á: på̊tek, vollå̊; e произносится 1) какъ простое e (vedete), 2) со слабой окраской—i, обозн. ė (vedėtė) 3) съ преобладаніемъ i, y обозн. è (rèbè) и 4) какъ a измѣненное въ e, обозн. ê (rêbê); каждый изъ этихъ звуковъ можетъ быть краткимъ или долгимъ; i, ý, кромѣ обычнаго выговора могутъ произноситься съ легкой окраской звука ė и обозн. ˙i, ˙ý (hl˙ísta dobr˙ý); o кромѣ обычнаго выговора можетъ звучать то съ меньшей, то большей окраской звука u и обозначается посредствомъ ȍ, ò (ólóvó и òlòvò) или же въ своемъ произношеніи представляетъ рѣзкій переломъ звука a въ o, обознач. ô (bôdô); каждый изъ этихъ видовъ звука o можетъ быть краткимъ и долгимъ; наконецъ u и ú произносятся со слабой окраской звука o и обозначаются посредствомъ û, û′ (vûlûvû). Въ нѣкорыхъ говорахъ иные гласные произносятся такъ неясно что получается глухой или полугласный звукъ, который Фр. Бартошъ обозначаетъ черезъ ъ; напр. bъlъ dvá bratři, dъž. Такое неотчетливое произношеніе основныхъ гласныхъ звуковъ свойственно ганацкимъ говорамъ не въ одинаковой степени. Одни изъ нихъ представляютъ почти всѣ описанные смѣшанные звуки, другіе лишь нѣкоторые изъ нихъ, наконецъ третьи вообще держатся чистаго, правильнаго выговора гласныхъ и только въ частныхъ случаяхъ допускаютъ кое-какія изъ указанныхъ своеобразныхъ звуковъ. Обстоятельное изслѣдованіе этой характерной черты ганацкаго нарѣчія представлено въ вышеупомянутомъ трудѣ Бартоша, гдѣ точно указывается въ какихъ говорахъ и въ какихъ случаяхъ слышны

чистые гласные и въ какихъ кромѣ чистыхъ возможны тѣ или другіе смѣшанные звуки.

2) Свойственная чешскому нарѣчію перегласовка а—е обыкновенно совсѣмъ не допускается въ окончаніяхъ: slepica, do hrnca, zeleny pola, noža и т. д.; въ корняхъ и основахъ а перегласовывается только въ рѣдкихъ случаяхъ; напр.: čekať, číša или въ глаголахъ V кл.: zabijeť, stříl'eť, vracet и т. п, но и эта ограниченная перегласовка наблюдается не во всѣхъ говорахъ. Исключеніе изъ общаго закона составляютъ говоры Литовля, Копицы, Іевичка и Забрѣга, въ которыхъ перегласованныя формы употребительнѣе неперегласованныхъ.

3) Равнымъ образомъ u послѣ мягкихъ согласныхъ не перегласовывается въ і, а остается безъ перемѣны или переходитъ въ о разныхъ оттѣнковъ (см. ниже п. 6) čepicu, našu, dušu, chcu.

4) Съуженіе é—í (ý) имѣетъ мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ (ср. 66—67 стр.) и при томъ довольно распространено: chlíb, dýšč kamýnek, pýro, okýnko, dobrýho, dobrý pivo, šiste, nýsť, výsť, l'itať. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Иванчица, Крумлёвъ, Зноймо и др.) у вм. е звучитъ кратко (kryv, sladkyho), въ другихъ (Славковъ, Бучавица) вмѣсто у слышно é съ призвукомъ і, или даже простое е (особ. въ неопр. н. nest, vest).

5) Гласные і, í послѣ c, z, s, č, ž, š, l', ř, а у, ý послѣ твердыхъ согласныхъ переходятъ въ е, é: zema, selné (silný), Cеšе, nosele (nosili), česte, křež, žeto, leška, sléva, bék, sér. Эти е, é въ разныхъ говорахъ произносятся различно съ тѣми характерными оттѣнками или призвуками, на которые указано выше (п. 1), напр. въ прерaвскомъ гов. выступаетъ въ этихъ случаяхъ самое узкое ė, т. е. собственно і, окрашенное звукомъ е: lėd; напротивъ въ простѣевскомъ, драганскомъ, литовельскомъ, забрѣжскомъ господствуетъ широкое открытое ê: lêd; въ тишновскомъ говорѣ é (léd). Въ летовицкомъ говорѣ слышно чистое е. Въ нѣкоторыхъ говорахъ указаннымъ перемѣнамъ подвергаются только долгія í, ý, а краткія остаются безъ перемѣны, напр. zima ryby (Голешовъ, Кромѣрижъ, Славковъ, Бучавица, Ждапица); въ иныхъ говорахъ (Тишновъ), е вм. і возможно не послѣ всѣхъ указанныхъ согласныхъ, а только послѣ c, z, s. Въ кунштатскомъ гов. только ý переходитъ въ é (méto, motél, bévam); а і, í, у сохраняютъ свой основной, чистый выговоръ.

6) Звукъ u большею частью утратилъ свое исконное значеніе, вмѣсто него обыкновенно слышно o (разныхъ оттѣнковъ); именно: ú во всѣхъ говорахъ переходитъ въ ó, а вм. u (краткаго) o только въ нѣкоторыхъ говорахъ; напр.: sod, mocha, našo, došo, tróba, za našo stodoló, kosťó, nesó, ľóto, kľóc (вм. неперегласов. ľuto, kľuč).— Чистыя o, ó вм. u, ú имѣютъ мѣсто въ говорахъ Летовицы, Бланска, Берна, Жидлоховицы, Клобукова, Русинова, Тишнова, Иванчицы, Крумлёва, Знойма, Междурѣчья, Требича, Мор. Будѣёвицъ, Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Коетина, Литовеля, Загорья, Славкова, Бучавицы, Жданицы, Кунштата. Открытое ô (быстрый переломъ звука отъ а къ о) представляютъ говоры оломуцко-простѣевскій (въ послѣднемъ, впрочемъ вм. ú иногда ȯ, т. е. ó съ окрасной зв. u), литовельскій, драганскій, забрѣжскій: zôb, hôbô, rôkô, pôta. — Краткое u сохраняютъ безъ перемѣны говоры Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Коетина, Кунштата: budu, hubu, muchu.

7) Краткое o не только можетъ произноситься съ большею или меньшею окраскою звука u (ȯ, ŏ), но иногда и совсѣмъ переходитъ въ u или ů: usme, ůsme, dul'e, důl'e, luj, ruj, kruj (Преровъ, Оломуцъ, Простѣйевъ), vusa, muct, muhl, rust (Литовель), chuv, kruv, Tišnuv, sóseduva, znuva, slivuvica, skuvat, miluvat, černuch duma, kuňa, jablůň (Бланско, Берно, Клобуки); въ тишновскомъ гов o въ корняхъ и въ окончаніяхъ звучитъ какъ ů, т. е. какъ узкое u, окрашенное звукомъ o: bůk, bůr, růh, ranů, vůda, vůkno. — Въ оломуцко-простѣевскомъ гов. первоначальное o обыкновенно произносится какъ ó а въ Драганахъ какъ ȯ.

8) Долгое o звучитъ двояко: ó и ů; напр.: dójit, zvónit (Славковъ); růža, kůň.

9) Количество гласныхъ представляетъ свои особенности по сравненію съ количествомъ чешскаго нарѣчія и литературнаго яз., но при этомъ не всегда одинаково и среди ганацкихъ говоровъ. Въ общемъ замѣтно стремленіе къ краткимъ гласнымъ, но иногда наблюдаются долготы тамъ, гдѣ въ литературномъ яз. краткіе гласные. Примѣры сокращенія гласныхъ: ľipa, pila, snih, ditě, biť, cisař, pismo, mydlo, myť, stoj (Голешовъ, Кромѣрижъ), obili (и друг. слова ср. р. на i): dobři, palim, nosim, točim, umim, mřiť, zajic, dum, muž (Преровъ), maslo, sadló, krava (Оломуцъ, Простѣевъ), Buh, kuň, ruže (Литовель); въ дат. п. мн. ч. обыкн. om (um): dubom, možom; въ род. п. мн. ч.

u (вм. ů, ův литер. яз.): možu. Примѣры удлиненія гласныхъ: hulubí, vtací (í имен. мн. ч.), tří, štyří, všecí, dójiť, hnójim, bójim se, ůsme, pívo (Голешовъ, Славковъ, Бланско, Берно, Тишновъ), plóvat (Преровъ, Литовель). Наиболѣе часто чередуются въ ганацкихъ говорахъ o (u) и ů: růža—ruža, stůl—stul, koža—kuža—kůža, noša—nuša—nůša,

10) Двугл. ęj (первичное и изъ ąj) переходитъ въ é, ịj — въ i (послѣ ž, š — въ é): obyčé, véce, złodé, nélepši, dé, počké, prvé, pí, píme, nali, užé; вм. yj (въ пов. н.) тоже é: umé. Это é въ разныхъ говорахъ звучитъ на особый ладъ: то какъ чистое é, то съ окраской i звука (è', è').

11) Различіе между твердымъ и мягкимъ l (ł, и l') извѣстно ганацкому нарѣчію, но не въ такой степени, какъ двумъ сосѣднимъ нарѣчіямъ — ляшскому и валашскому; при томъ оно свойственно не всѣмъ говорамъ, а тамъ, гдѣ наблюдается, не вездѣ одинаково по своей силѣ. Болѣе или менѣе замѣтно различіе между ł и l' въ говорахъ Голешова, Кромѣрижа, Прерова, Загорья, Драганова, Костина, Штернберга, Забрѣга; преимущественно оно выступаетъ передъ a, o, согласными и на концѣ словъ: taboła, łopata, na poło, koło, kostełnik, vołał, oheł. Напротивъ говоры Литовеля, Славкова, Бучавицы, Бланска, Берна, Клобукова, Русинова, Тишнова, Иванчицы, Крумлёва, Знойма, Мезирѣчья, Требича, Мор. Будѣёвицъ, Кунштата большею частью представляютъ одно среднее l, которое нерѣдко звучитъ мягче чешскаго средняго l, вслѣдствіе чего и существительныя, оканчивающіяся на -l, -la, -lo слѣдуютъ образцамъ мягкаго склоненія: v kotli, do stodole. Впрочемъ, и среди говоровъ втораго разряда мѣстами и въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются то твердое, то мягкое l

12) Согл. d, t иногда не измѣняются въ z, c тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто это измѣненіе въ чешскомъ нар.: probuděn, vypuděn, obohatěn, vychádět, utrátět, vyplátět. Передъ древн. ь и i (исчезн.) d и t то смягчаются, то остаются твердыми; напр.: kost (Тишновъ, Междурѣчье, Требичъ) и kosť (Литовель), nyst и nysť; poďte, zaplaťte (Драганы, Крумлёвъ, Иванчица), pod, pote, zaplate (Летвица), půd, půte (Тишновъ), hned, posavad (Литовель), dokad, dokavád (Кунштатъ). — Въ словѣ svadba d переходитъ то въ j, то въ ř: svajba, svařba. Вм. t во многихъ говорахъ k въ словахъ: klusty, klóct, kláčet.

13) Вм. чешск. šť, какъ въ другихъ восточныхъ нарѣчіяхъ—šč: ščipat, ohnišče, ješče.

14) Мягкихъ p', b', v', m' нѣтъ, какъ и въ чешскомъ языкѣ, но губные способны къ соединенію съ j: hołobjata, mje.

15) Согл. n, передъ древн. ь можетъ смягчаться: kameň, kořeň, plameň, deň; но не во всѣхъ говорахъ: kamen (Иванчица, Крумлёвъ, Зноймъ и др.).

16) Приставочныя h, v передъ начальными гласными свойственны въ большей или меньшей степени всѣмъ говорамъ; v обыкновенно передъ o: vokno, vukno, voba, voves, vorat, vostre; h—и передъ другими гласными: hôlêca, haž, hiva, hucho; также передъ ň: hniť, hnízké. Только въ говорахъ Голешова, Кромѣрижа, Прерова и Загорья, избѣгаются приставочныя h, v.

17) Дат. п. мн. ч. основъ на -o оканчивается на om: dubom.

18) Мѣст. п. мн. ч. основъ на -o можетъ оканчиваться на och: duboch (-ech, -ách).

19) Твор. п. мн. ч. оканчивается на -ma: dubama, mužama, rybama и т. д.

20) Род. п. мн. ч. основъ на -o муж. р. имѣетъ окончанія: ů, u: dubů, dôbu; изрѣдка um, uch: pet grošum (Кромѣрижъ).

21) Твор. п. ед. ч. основъ на -a и на -i оканчивается на -ó: kozó, zemó, kosťo и koščó.

22) Род. п. mě, tě и mně, tebe; дат. п. tě, sě и ti, si.

23) Мѣстоим. ten въ большей части говоровъ слѣдуетъ мягкому различію: teho, temu и т. д.; но и toho, tomu (Иванчица, Крумлёвъ, Знойно, Кунштатъ, Тишновъ).

24) Притяж. můj, tvůj, svůj допускаютъ по разнымъ говорамъ стяженныя и нестяженныя формы: mojeho и mýho.

25) Окончаніе 1 л. наст. вр. мн. ч.: me, ma (Забрѣгъ), my (Загорье, Кромѣрижъ): vedeme, sednema, umímy.

26) Окончаніе 3 л. множ. ч. ó: tahnó. Распространенныя формы на -ijó: sedijó, prosijó, platijó.

27) Существительный глаголъ: su, si, só (3 л. множ. ч.), или so, seš, sme (zme), só.

28) Прич. наст. вр. дѣйств. оканчив. на -a (ja) и, употребляясь въ значеніи дѣепричастія, не измѣняется по родамъ и числамъ: pija, nedaja se, pohledňa, buďa, pleťa, viďa.

Въ Ганацкомъ нарѣчіи различаютъ (Бартошъ) 12 поднарѣчій, обозначаемыхъ названіями городовъ занимаемой ими территоріи; именно:

1) *Голешовъ*, *Кромѣрижъ*, *Преровъ* и *Загорье;* въ этомъ поднарѣчіи нужно еще отличать: а) говоръ гор. Голешова, Жерановицъ и Быстрицы, сходный съ нарѣчіемъ валашскимъ, б) говоръ г. Прерова, сходный съ ляшскимъ нар. и в) говоръ гор. Кромѣрижа, представляющій черты сходства со словацкимъ языкомъ; 2) *Преровъ*, *Коетинъ*; 3) *Оломуцъ*, *Штернбергъ*, *Простѣевъ* и *Вышковъ*; въ это поднарѣчіе входятъ говоры: *оломуцко-простѣескій*, *быстрицко-штернбергскій*, *тынецко-незамыслицкій*, *вышковскій*; 4) *Драганы*; 5) *Летовица*; 6) *Литовель*, *Коница*, *Евичко*; 7) *Забрѣгъ* (шесть говоровъ); 8) *Славковъ*, *Бучовица*, *Жданица*; 9) *Бланско*, *Берно*, *Жидлоховицы*, *Клобуки*, *Русиновъ*; 10) *Тишновъ*; 11) *Иванчица*, *Крумлёвъ*, *Знаймо*, *Междурѣчье*, *Требичъ*, *Мор. Будѣёвицы*; 12) *Кунштатъ*. Отсылая за болѣе подробными свѣдѣніями о каждомъ изъ этихъ поднарѣчій къ выше упомянутому сочиненію Бартоша, отмѣтимъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному лишь одну любопытную особенность нѣкоторыхъ говоровъ 7-го и 11-го поднарѣчій.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ *Забрѣга* (поселенія Блудовъ, Д. Студенки, Хромецъ, Вышегорье, Богутинъ, Едле, Церговъ, Цокитле, Дроздовъ, Вацлавовъ, Свебоговъ), *Крумлёва*, *Знойма*, *В. Междурѣчья* и *Требича* оказывается присутствіе глухихъ или полугласныхъ звуковъ, вообще чуждыхъ сѣверо-западнымъ славянскимъ языкамъ и хорошо извѣстныхъ двумъ юго-западнымъ (болгарскому и словенскому). Проф. Бартошъ говоритъ объ этихъ звукахъ слѣдующее: въ указанныхъ говорахъ гласные **e** (основное и вторичное вм. **i**, **y**), **i** а иногда **o** (основное и вторичное вм. **u**) произносятся особымъ, трудно передаваемымъ способомъ: то гласный какъ бы поглощается, а предшествующій согласный получая значеніе слогообразующаго звука произносится особенно рѣзко и отчетливо; то гласный получаетъ значеніе половиннаго о, ŏ: š'la, c'gán, já b°ch j^{ŏ}d^{ŏ}l. Этотъ неопредѣленный звукъ, наблюдаемый и въ концѣ словъ, почтенный моравскій діалектологъ обозначаетъ начертаніемъ ъ, ŏ; первое передаетъ болѣе слабый глухой звукъ, второе — болѣе сильный. Въ большей степени это любопытное звуковое явленіе свойственно забрѣжскимъ говорамъ; напр.: 1) полугласный вм. **i**: lъd, lъst, lъpa, ve školъ, modlъt se, peřъna, křъdlice, na huřъ, zъma, vozъt, sъrotek, nosъt, vtácъ, na řečъco, žъv, ďšъt, zvonъt; полугласный вм. **e**, **ě**: d^{ŏ}ch, ve vod^{ŏ}, Č^{ŏ}ch, j^{ŏ}den, d^{ŏ}dina и др.; 3) полугласный вм. **u**: dъl, bъk, po svym otcъ; 4) полугласный вм. **y**: łъko, rъbъ, zakrъł, kobъla, bъlъ (byli), mъ, smъ, sъn и др.

Въ говорахъ Крумлёва, Знойма, Междурѣчья и Требича полугласный звукъ является почти исключительно вм. i (иногда y); въ этихъ говорахъ Бартошъ обозначаетъ его посредствомъ ': l'di (два слога), pal'ca, kapl'čka, bel', z'ma, c'hla, lž'ca, š'dlo, rebň'k, sedň'te, mat'čko и др.

Образецъ *ганацкаго нарѣчія:*

Tak potom zas šlé přes dědino, a jedna tam seděla s kolačama, žena chodobná. Tak von sv. Petr tech koláčů kópíl, ale Páno Ježišovi jich všecké nedál, sobě nechál třé a chcél jich sněst, habé P. J. neviďél. Ale déž strčil kósel do hobé, von se ho neco ptál, ten P. J. sv. Petra. Von to honem zahodíl a vodpovídál, ale P. J. se ho pořáď ptál, haž von všecké té koláče pozahazuvál z hobé, a tepruvá haž bél poslední, již se ho neptál. Dèz se potom zvratilé, šlé zas tadema tó cestó, a z tech koláčů bélé všade po cestě verůstlý hobé, a že bélé z tech koláčů, co sv. Petr póščél z hobé, proto se menujó hobé (Jiříkovice, возлѣ Берна. Бартошъ, II, 177).

Ляшское нарѣчіе.

Ляшское (или по чешск. выговору Lašské) нарѣчіе господствуетъ въ сѣверо-восточномъ углу Моравіи (окрестности городовъ: Френштата, Штамберга, Прибора, Брушберга, Моравской Остравы, Мистка и Фридланда), въ западной части тѣшинской области, въ восточной части опавской области и въ южной Силезіи. Славянскіе обитатели указанной территоріи собственно считаютъ свой языкъ моравскимъ, себя они также не называютъ „Ляхами", а слывутъ подъ такимъ названіемъ у ближайшихъ своихъ сосѣдей. Характерные говоры, распространенные среди этого населенія, представляютъ много общихъ чертъ и удачно объединены Бартошемъ въ одно нарѣчіе *ляшское*. Нарѣчіе это имѣетъ нѣсколько крупныхъ чертъ, свойственныхъ собственно польскому яз., и потому должно быть признано переходной стадіей отъ чешскаго яз. къ польскому.

Главнѣйшія особенности:

1) Удареніе всегда на предпослѣднемъ слогѣ, какъ въ польск. яз.

2) Количество гласныхъ не различается; всѣ слоги одинаково кратки; только въ приборьскомъ уѣздѣ встрѣчаются долготы; напр.: rádost, přijáli, vzáť, žáť, ťáť, začáť, páť, smáť se.

3) Перегласовка a-e, u-i вообще чужда данному нарѣчію; напр.: čapka, čalusti, jaleň, jastřab, majatek, paď, boža muka; случаи пере-

гласовки a-e рѣдки: křičeť, běžel, nejlepši, zavolej (Фридечко), и совсѣмъ не перегласовывается въ i: cuzi, ošudić, slub, vĕtšu radość, za božu muku.

4) Съуженіе e-i допускается въ ляшскомъ нар., но въ меньшей степени, чѣмъ въ чешскомъ нар. Оно наблюдается не во всѣхъ говорахъ и въ извѣстныхъ словахъ; такъ въ окрестностяхъ Френштата, Прибора, В. Поломи, Кіёвицъ, Брезовы и въ сѣверной части опавской области e часто несъуживается: zele, obile, mleko, chlev, led, něsť — nes, mřeť, hřej, mĕj, lej; напротивъ въ тѣшинскомъ округѣ (Frydecko), въ Челяднѣ, Козловицахъ, Петрольдѣ и въ южной части опавской области вм. e выступаетъ i: zeli, obili, mliko, lid, (ledu), niść, mřić, hniść, hřij.

5) Вм. чешск. a часто o (преимущественно въ тѣшинскомъ округѣ): dovka, trova, kozani, roz, krotky, prozny, krova, voda je dobro, pěšok, jo, nom, vom, som, dvanost, nojlepši, vołom, vołoš и т. д.; hleďo, nošo (3 л. мн. ч.).

6) Передъ m, n возможны слѣдующія измѣненія гласныхъ: á, a, e переходятъ въ u; e, ĕ—въ y, i: znumy, sum, rybum, kozum, num, vum, duma, zapumněli, hrum, pumoc, zvun, zym—zymě, dubym, synym, sym (jsem), plamyň tyn, (ten).

7) Вм. i, ĕ въ прич. на l нерѣдко ju, y, u: p'ul—pila, šuł—šiła, juł—jeła, um'uł—uměła, bul—byla.

8) Въ слогѣ ne обыкновенно n звучитъ мягко ně: nĕsu, nĕcky, hrnĕc, nĕch; не смягчается n: въ зват. и тв. п. (pane, honem), передъ e изъ ợje (krasneho), въ окончаніи nek (synek), въ словѣ nebo.

9) Согласн. d, t смягчаются троякимъ образомъ: 1) въ ď, ť (только передъ e): tĕla, vřetĕno, otĕc, kudĕl, vedĕš (уѣзды—Френштатъ, Штрамбергъ и Приборъ); также и передъ ь въ словѣ ťma; но tedy, chudeho, statek; 2) dź, ć или dz, c: ćela, vřećeno, oćec, bohaći, nić, nici, chycila, smrć, dźevuch, kudźel, chodźic (между Фридлантомъ, Челядней, Козловицой и Бавоворовомъ); 3) dž, č: chodžim, niči (Климковицы, Студенецъ). Ср. смягченіе d, t въ польскомъ яз.

10) Свистящія z, s передъ узкими гласными и j смягчаются въ ś, ź: v leśe, nĕśe, śeno, voźic, koźe; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Катеринки, Градецъ, Радкова и др.), въ такихъ случаяхъ совсѣмъ шипящее š, č: šeno, v leše, na vože. Ср. 91 стр.

11) St переходитъ въ sc и sť, sť въ šć: opuscyny, šćena, hošć, ratolešć.

12) Вм. гласныхъ l, r обыкновенно полная вокализація: el, er, yl, yr, ry; напр.: věter, bratersky, mysel, mohel, vylk, pylny, sryp, vryba, smryć или syrp, Byrno; иногда uł именно въ словахъ: žułty, hułt; łu: dłuhy, tłusty.

13) Смягченіе k: kěry, kěj (kdy), kěla, kěcek.

14) Два l—твердое (ł) и мягкое (l), различающіяся между собой почти такъ рѣзко, какъ въ польскомъ языкѣ; напр.: był, było, hłava, młuvi, doł, lalka, lubił, kral.

15) Мягкія b', p', v', m'; напр.: chorub'a (korouhev), hub'anka, p'asť, p'ata, p'aď, v'az, Morav'an, sm'ať se.

16) Приставочное j: jancikrist, šej sty, brzej, venkaj, včeraj; но idu, iž, źedli.

17) Дат. п. множ. ч. -um, -am, тв. п. -ami, -ama, -oma, мѣстн. п. -ach, -och: chłopum, chłopam, oknam, polam, chłopami, chłopama, chłopoma (иногда также y synky), polami, chłopach, chłopoch, polach.

18) Род. п. мн. ч. мягкихъ основъ на -o оканчив. на -i: rodiči, noži, ohni, poli.

19) Твор п. ед. ч. основъ на -a оконч. на -u, -um: rybu, rybum, dušu, dušum.

20) Личныя мѣстоименія: вин. п. m'a, mě, mne, tě, ća, će, tebe, tebě, teje, sa, se, še; род. п. mňa, mně, mne, m'a, mě, tebe, tebě, teje, sebe, sebě, seje; тв. п. mnu, mnum, tebu, tebum, sebu, sebum; дат. п. mi, mně, mne, mni, mě, ti, ći, tobě, tebě, teje, si, ši, se, sobě, sebě, seje; дат. п. мн. ч. nam, nom, num, vam, vom, vum; твор. п. мн. ч. nami, nama, vami, vama.

21) Мѣст. склоненіе: teho, temu и т. д., koho — keho, komu — kemu; нестяженныя формы: mojiho и mojeho, mojimu и mojemu.

22) Первое лицо мн. ч. -my: nesemy, chvalimy.

23) Третье лицо мн. ч. у глаголовъ на -im (1 л. ед. ч.), оканчивается на ia, io, iu, eju, i: um'a, chvala, um'u, chodźu, choděju, robi, chodzi; въ Катеринкахъ (у Опавы), въ прусск. Бенешовѣ и дальше на сѣверъ 3 л. мн. ч. у всѣхъ глаголовъ оканчив. на -um: vedum, pijum, chodźum, kupujum и т. д.

24) Въ повел. н. 1 л. мн. ч. иногда оканчив. на -ma: pleťma, dajma.

25) Прич. прош. дѣйств. II (муж. р.) у глаголовъ I кл. А обыкновенно безъ конечн. ł: ved, nes; но въ френштатскомъ и приборскомъ уѣзд. возможны и формы vedel, nesel.

26) Прошедшее вр. съ оконч. **ch**: **bułch**, **pisołch**, **dołch**, **litałach**, **jach** tam buł, **jach** něslyšeła.

Изъ говоровъ ляшскаго нар. наиболѣе характернымъ считается *говоръ сѣверно-опавскій*. Онъ слышится въ Главницѣ, Холтицахъ (Австр. Силезія), Боболускахъ и Браницахъ (Прусск. Силезія). Главныя особенности: 1) двугласныя **ia**, **ie**, **io**, **iu**, **uo**: piakny mia, chvalie ležie, postaviony, rybiu polevku, uoči, uokno, večuor; въ Боболушкахъ и Браницахъ каждое **o** (краткое и долгое) звучитъ какъ **uo**: mlekuo, nuož, kuoň; 2) переходъ **e** въ **o** послѣ мягкихъ согласныхъ: šosty, našoho, žona, čolo, o čom, pečony, joleň, joden, joho, bijoš, lon, zelony, křosny, střocha, ďoťa, ďovča, ťotka, ťopło, o ňom, ňochce, ňom; 3) мягкія **ď**, **ť** обыкновенно переходятъ въ **dź**, **ć**; но иногда (въ Главницѣ) удерживаются: choďu, volať; 4) ł произносится какъ звукъ средній между ł, u, v: uežka (ложка), huava, hvyboky.

Образецъ *ляшскаго нарѣчія*:

Co mił Jurek robić? Chćił svuj żivot zachovać, musił pro tu pannu, choć ně vědźił, kaj ji hledać. Osedłoł seje kuňa a jechoł sym tam. Přijechoł k jednymu černymu lesu, a tu pod lesym u cesty hoł křok; pastyři ho zapolili. Pod křokym był bravyňči kopec, iskry naň podaly, a bravyňči ze svoimi vaičkami sym tam ućekali. Och pumož, Jurku, pumož volali żałośćivo, zhorumy, i naše młade ve vaičkach. Un tu hnedkas kuňa dołu, křok ućoł a ohyň zhaśił. Eż budźeš kěj co potřebovać, zpumyň na nas, a tez ći pumožemy (Bartoš, Dial. I, 300).

Валашско-дольское нарѣчіе.

Валашско-дольское нарѣчіе собственно состоитъ изъ двухъ довольно отличныхъ между собой нарѣчій валашскаго и дольскаго; первое изъ нихъ отдѣляетъ Ганаковъ отъ Ляховъ, второе Ганаковъ отъ Словаковъ. Основаніемъ къ соединенію этихъ нарѣчій въ одну группу служитъ то обстоятельство, что обоимъ имъ свойственны нѣкоторыя характерныя особенности словацкаго языка; оба они составляютъ переходную ступень отъ чехо-моравскаго языка къ словацкому [1]).

[1]) Фр. Бартошъ во 2 т. Діалектологіи считаетъ валашское и дольское нарѣчія за разновидности словацкаго языка.

Валашское нарѣчіе.

Подъ именемъ Валаховъ извѣстна небольшая часть (150,000) славянскаго населенія Моравіи, занимающая область р. Бечвы, именно территорію городовъ: Злина, Вызовицы, Всетина, Валаш. Клобуковъ, Карловицы, Рожнова и Междурѣчья. Своимъ названіемъ эта въ высшей степени любопытная разновидность моравскаго народа обязана пастушескимъ Румынамъ, которые въ XII—XVI ст. въ своихъ странствованіяхъ по Карпатамъ заходили въ горныя мѣстности Моравіи осѣдали тамъ и потомъ слились съ туземнымъ славянскимъ населеніемъ[1]). Вліяніе румынскаго элемента на языкъ моравскихъ Валаховъ выразилось главнѣйше въ усвоеніи послѣднимъ нѣкотораго (незначительнаго) количества румунскихъ словъ, фонетика же и морфологія вполнѣ сохраняютъ свой чистый славянскій характеръ. Валашское нарѣчіе считается самымъ консервативнымъ, наиболѣе чистымъ и красивымъ изъ всѣхъ чешско-моравскихъ нарѣчій. Впрочемъ пріятная плавность и нѣжность звуковъ, характеризующая это нарѣчіе, отчасти объясняются значительною близостью его къ словацкому языку, отличающемуся замѣчательною чистотою и отчетливостью звуковой системы. Описанію валашскаго нарѣчія посвящена значительная часть перваго тома „Діалектологіи" Фр. Бартоша (5—26, 59—93) и работы I. Бартохи (Дольно-беческое нар. Listy fil., XII, XIV, XX).

Главныя особенности.

1) Гласные a, o, u обыкновенно не перегласовываются: muža, noža, stolica, duša, čakať, najlepši, rúžu, kosťu, jûh, dělaju, píju, o sv. Juřú, do staveňá, na poloch, bačo, dušo. Перегласовка встрѣчается только въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ; напр. přitel, cizí, lid (злин. г.); въ мягкомъ сложномъ склоненіи имѣетъ мѣсто перегласовка и съуженіе: boží muka, lesní cestu.

2) Гл é, ie не съуживаются въ í: březa lésa, větr, sněh, dělo, řect, obilé, zelé, maléř.

3) Старо-слав. ѧ соотвѣтствуютъ чаще a, ja чѣмъ e: jahňa—jahňate, tela-telate, ťa (tě), sa, seďá, prosá, stójá, pam'at и pamět.

---

[1]) Ср. Fr. Miklosich, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den dalmatinischen Alpen und den Karpathen. Описаніе Валаховъ см. у Фр. Бартоша, Lid a národ., D. I, 1892 и M. Václavek, Moravské Valašsko, D. I. Na Vsetině. Ср. мою рецензію въ Униъ. Изв., 1895.

4) Гл. y, ý не звучатъ такъ рѣзко какъ русское и польское ы, но всетаки отличаются отъ i, особенно послѣ губныхъ и ł: byt—bit, pysk — pisk, my — mi. Послѣ s, z, c, i отвердѣваетъ и звучитъ какъ y: kosi, zima произносятся какъ kosy, zyma.

5) Отчетливый протяжный выговоръ долгихъ гласныхъ, при чемъ долгими могутъ быть также слогообразующіе l, ł, ř, ň: plnit, słnečko, dŕn, tŕn, kňže, peňže.

6) Зв. l, ł, r имѣютъ гласный выговоръ чаще, чѣмъ въ чешскомъ языкѣ: brta, ščrba, žrď, chłm, hłboky, tłstý, žłtý; но встрѣчается и žłutý, dlúhý. Гласное ň весьма часто: oň, ňgdy, šňdaň. Ср. 77 стр.

7) Долгое o звучитъ какъ ó, долгое u какъ ú: dóm, zbónik, zvóni, múka, múdrý, budú.

8) Частое употребленіе краткихъ гласныхъ тамъ, гдѣ въ литературной чештинѣ необходимы долгіе: jama, kłada, para, rana, skała, vrana, žaba, kaměň, hrach, mak, prah, lipa, łyko, větr, sněh; kryť, piť, šit (и друг. неопр. н. отъ основъ на гласный); дат. п. мн. ч.— om: chlapom, koňom.

9) Напротивъ иногда выступаютъ долгіе гласные тамъ, гдѣ въ литерат. языкѣ слышны краткіе; напр. въ корняхъ многихъ глаголовъ IV и V кл.: cénit, m'énit, čínit, hónit, kr'mit и др.; въ прич. прош. основъ на согласный: nés, véz, véd, pék; также передъ ł: sedéł, umřéła, stanúli; въ род. п. мн. ч. — долгое é вставочное: okén, jehél, ovéc, skéł; въ род. п. мн. ч. образца kuře—kuřát; въ 1 и 2 л. мн. ч.: neséme, neséte и др.

10) Мягкое l отличается отъ твердаго ł: łaska — laluja, łebeň— lenoch, łuh, lud, łyko, lito; uheł (уголъ), uhel (уголь), łež (ложь), lež (лягь).

11) Согл. n смягчается передъ древнимъ ь: jeleň, kameň, kořeň (но leden, duben, březen), haňba; также въ něděla и передъ a въ прич. наст.: sedňa, lehňa.

12) Согл. d, t въ прич. прош. страд. не переходятъ въ z, c: ohraděny, osloboděny, chytěny, zapoťený, но въ злинск. гов. вм. tj всегда c: zaplacený. Въ окрестностяхъ Карлова и Рожнова d смягчается въ dz: jedz, povědz, narodzen, vyhadzujú.—Передъ древн. ь d, t смягчаются въ ď, ť: hosť, zeť, smrť, měď; въ нарѣчіяхъ: hneď, pořaď, dokúď и др.; также передъ a въ прич. наст. вр.: veďa, pleťa, meťa (ср. 86—87 стр.).

13) Губные b, p, v, f, m передъ i, ě (и јотованнымъ гласнымъ) произносятся мягче, чѣмъ передъ широкими гласными, какъ бы со слабымъ прозвукомъ j: pjivo, mjily, fjertoch; hřib'a, kup'a.

14) Вм. m иногда n: sedn, osn, veznu, snědy, tajenství, nímo; иногда b: bramor, darebný, pisebny.

15) Вм. v иногда b: brablc, brstva, břed, břełeno, jabor, klobať.

16) Рядомъ съ h согл. g: gágor, čagan, glgať, zingra (искра), zingnút (ударить), mizga; особенно вм. k: gavał, glej, grejcar, cígán, zgarby, mozeg, guła, muziga. Это g можетъ смягчаться въ dz, dž: vyga—vydze, muzidze.

17) Согл. s, z въ прич. прош. страд. не переходятъ въ š, ž: skuseny, pokazený.

18) Сочет. st въ неопр. н. звучитъ ct: véct, pléct, kvéct.

19) Вм. литер. št слышно šč: ščestí, ščedry.

20) Вставочныя j, h, d: letojši, zasej, dneskaj, Danihel, Hanča, hulica, hapatéka, pondrava, Kondrát, Mezdříčí.

21) Выпадаютъ j, g (k), t: půčit, příď, nálepši, do, nido, dy, nidy, kerak, kery (злин. г.).

22) Имен. п. мн. ч. основъ на -o муж. р. часто принимаетъ окончаніе é, e: chłapé, holubé, kováře, koně, obrazé. Род. п. мн. ч. оканчив. на -ů: chłapů, nožů; въ карловскомъ и рожновскомъ уѣздахъ на -ůch: nožůch, obrazůch. Дат. п. мн. ч. на -om: chłapom, nožom. Твор. п. мн. ч. на -y, -ami, -ama (злин. г.): chłapy, noži—nožami, obrazama (злин. г.). Мѣстн. п. мн. ч. на -och: chłapoch, nožoch, obrazoch.

23) Склоненіе твердыхъ и мягкихъ основъ на -o и -a въ большей части падежей совпадаетъ (ср. п. 22); напр.: мн. ч. основъ ср. р.: okna—pola, род. п. okén—polí, дат. п. oknom—polom, oknami (y)—polamy (i), мѣст. п. oknoch—poloch; psání въ дат.-тв., мѣст. пп. мн. ч. слѣдуетъ склоненію на -a: psáňá (им. вин.)—psáňám, psáňami, psáňách; основы жен. р. ryba—duša, зват. п. rybo—dušo, вин. п. rybu—dušu, твор. п. rybú—dušú, дат. п. мн. ч. rybám—dušám, тв. п. rybami—dušami, мѣст. п. rybách—dušách, род. п. мн. ч. rybí—duší.

24) Прилагательныя притяжательныя въ разныхъ говорахъ имѣютъ слѣдующія окончанія: а) -ů, -ova, -ovo: súsedů, -ova, -ovo; б) -ůch, -ova, -ovo: súsedůch, -ova, -ovo (Карловъ, Рожновъ); в) -ůj, -ova, -ovo: súsedůj, -ova, ovo; г) -oj (для всѣхъ родовъ): súsedoj pole.

25) Вин. п. мѣст.: m'a, mňa, teb'a, tebe, ťa, seb'a, sebe, sa; тв. п. mnú, tebú, sebú.

26) Мѣст. můj не допускаетъ стяженныхъ формъ: mojeho, mojemu.

27) Числит. dva, tři, čtyři имѣютъ въ род. и мѣст. п. dvúch, třoch, štyřoch.

28) Неопр. накл. оканчив. на ť: nesť, volať; но въ говорахъ, сосѣдящихъ со словацкимъ яз. чаще на t: nést.

29) Первое лицо наст. вр. обыкновенно оканчивается на -me: bodéme; но кое-гдѣ (Францова, Льгота, Клобуки, Брумовъ) и на -my: dámy, volamy.

30) Глаголы, оканчивающіеся въ 1 л. ед. ч. на -ím, имѣютъ въ 3 л. множ. ч. окончаніе iá и въ нѣкоторыхъ говорахъ íja (Ратиборъ, Гоштальковъ, Липталь, Полянка, Здѣховъ, Галенковъ): um'á, hořá, prosá, bójá sa, sp'a, umíja, prosíja, hoříja.

31) Дѣеприч. наст. вр. оканчивается на -ia или iací (для всѣхъ родовъ и чиселъ): chod'a или chod'aci, seča — sečaci, zavolaja — zavolajaci; въ злин. г. (а также въ говорахъ уѣздовъ Брумовскаго, Вызовскаго) только ia: hořa, stoja.

32) Въ прич. прош. дѣйст. II глаголы отъ основъ на согласный или сохраняютъ конечный ł, или теряютъ его или принимаютъ вставочное é между согласнымъ осн. и ł: védł, nésł, véd, nés, védéł, néséł.

33) Вспомогательный глаголъ: sem (su), si, je, zme, ste, sú.

34) Характерныя нарѣчія и союзы: kel, tel, sel или ky, ty (вм. чешск. kud, tud, sud)—pokel, dokel, odkel—potel, dotel, odtel, posel, dosel, poky, doky, odky, zaky, doty, zdoty (=pokud, dokud и т. д.); enem, enym, edem (вм. jenom), chyba, lež (нежели), bar veď (vždyť), jednak, až (ať), leda (чтобы).

35) Присутствіе словъ румынскаго происхожденія; напр.: bača (пастухъ), brynza, čartak, geleta, glaga, chotár, kasauka, koliba, putyra, stryga (чародѣйка), vrda, vatra и др.

Въ валашскомъ нар. различаютъ пять главныхъ говоровъ: злинскій, рожновско-карловскій, границкій, староицкій и келецкій.

Злинскій говоръ отличается преимущественно близостью къ словацкому языку (въ произношеніи долгихъ гласныхъ, различеніи долгихъ и краткихъ r, l, ł; твор. п. мн. ч. chlapama прич. наст. только на ia, сущ. глаг. su и др.).

Въ *карлово-рожновскомъ говорѣ*: 1) **d** смягч. въ **dz** (въ глагольныхъ формахъ): **hádzať**, jedz, narodzen, vyhadzuju; 2) вм. **k** обычно **g**: člověg, kostel'nig; 3) род. п. мн. ч. на **-ůch**: nožůch; 4) прилагательныя притяжательныя на **-ůch**, **-ova**, **ovo**: susedůch, -ova, -ovo.

Въ *границкомъ говорѣ* (по лѣвому берегу р. Бечвы): 1) **y** звучитъ рѣзче, чѣмъ вообще въ валашскомъ нарѣчіи, и приближается къ ляшскому выговору; 2) **r** не бываетъ долгимъ: vrba; 3) **a** въ срединѣ словъ и въ сочетаніи **aj** обыкновенно перегласовывается въ **e**: ječmeň, ležeť, dej; 4) долгія **ě**, **é** часто съуживаются въ **í**, **ý** (**i**, **y**): mlíko, chlíb, kryv, dýnko, nysť; 5) вм. гласн. **ł**—**u**: čun, puť (plť), suze; 6) удареніе часто на предпослѣднемъ слогѣ; 7) muj, mojeho, o mojem (безъ удлиненія гласныхъ); 8) ten, teho, kdo, keho, o kem; 9) третье лицо мн. ч. глаголовъ на **ím** совпадаетъ съ третьимъ л. ед. ч.: chodí, ví; 10) причаст. наст. вр. на **-aci**: bežaci, přindaci; 11) sym, sy, jezme, ste, su.

Въ *староицкомъ говорѣ* (Густопечь, Старый Ичинъ, Бернатица, Годславица, Морьковь и Вѣровица): 1) **e**, **u** иногда звучатъ близко къ ганацкимъ **è** (среднее между **e** и **i**) и **ò** (среднее между **u** и **o**): tèž, šèl, dvòch; 2) **a**, **o** никогда не перегласовываются: jačmeň, ležať, obyčaj, polo, mojo; но **u** нерѣдко перегласов. въ **i**: klič, lidi, cizí; 3) стремленіе къ удлиненію гласныхъ: krávám, polámi, kuřát, okén, hó, hú, šéstý, začáť, seděť—sédim, něsémy, něséte; 4) **é** не съуживается въ **í**: mléko, chléb, větr; но въ многократныхъ глаголахъ выступаетъ **í**: oblíkať; 5) вм. **ł** — **u** (Годславицы): chuap, siua, umřeu; 6) удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; 7) дат. п. множ. ч. именъ муж. и ср. р. **-ům**, **-um**: chłapům, vtakům; 8) первое лицо множ. ч. **-me** и **-my**: nesémе и nesémy.

Въ *келецкомъ говорѣ* (Кельчь, Вшеховицы, Куновицы, М. Льгота, Осичекъ, Спички): 1) расширеніе **ý**, **í** въ **ej**, а **ú**, **ů** въ **ou** (какъ въ чешскомъ нарѣчіи): bejk, v zejmě (но dobrých, nosívať), klouč, ženou, rouža, sousedou; 2) гласные **r**, **l** не бываютъ долгими: vrba, vlček; 3) **j** въ началѣ словъ не исчезаетъ: jinej, jiť; 4) род. п. мн. ч. на **-ou**; дат. п. **-om**; мѣст. п. **-och**; тв. п. **-ama**: chłapou, chłapom, chłapoch, chłapama; 5) вспомог. глаг. **su**—**sou**[1]).

---

[1]) Душекъ насчитываетъ въ валашскомъ нарѣчіи 8 говоровъ: злинскій, вызовскій, клобуцкій, вратскій, карловицкій, рожновскій, междурѣчьскій и липницко-границкій (Narodopisná Vystava, 1887).

Образецъ *валашскаго нарѣчія*:

I. Ondráš ráz seďéu hděsi u Mezryčá v jakési hospodě a býu uż na mol opiuý. Juráš seďéu vedla něho a praviu mu, jak už bývá za řeči: Ale řekni mi, bratře, čím je to, že ťa žádný němóže zabiť? Co sa do tebe už nastřílali, a ty si ím kulky v ruce ukázáu! Dyž to ťe viděli, zatřepali buavúm, ohlédli sa na všecky strany a potem dali do kyt u tam ti, už ich něbyuo. Jak to tak móže byť (Староицкій говоръ, Годславица. Бартошъ I, 350).

II. Był jeden král a był tak rozumnej, že i všeckym zvířatom rozum'éł co si povídały. Słyšte, jak se tomu naučił. Přišła k němu jakási baba, přinésła mu v košejku hada a povídá, aby si ho dał usmažiť; dyž ho sní, že bude všeckému rozuměť, co keré zviře v povětří, na zemi a ve vodě mluví. Temu královi lejbiło se to že bude uměť, co žádnej neumí, dobře babě zapłatił a hned' poručił słoužícimu, aby mu tu rybu připravił k obědu. „Ale“ prej ať jí ani na jazyk nevezmeš, lebo mi to svou hłavou zapłatiš (Келецкій говоръ, Бартошъ I, 352).

III. Martin Krampotů nebýl při svém národě rodičom na hrubú radosť. Měli už těch raganů šest, a on býł sédmý. Tatik, namrzutěný, nenadohým přimnožkem, iďaci s babkú ke křtu ta sa ožvachtál, až nadobře zapomjél, že už majú jednoho Martina v domě, a dyž sa ho babka ptała, jak chásňa okřtiť, řek jí: „Ja, dajte mu třeba Martin, tajak mně je“. Za kmotry byli koštelník s kostelnicú; lebo Krampota kmotrovánim už šecky známé počídíl a netrúfáł si věcéj na nekoho nalézať. Praví sa, kolikrát do kmotruje, tolej že má schodků do nebe; ale proto chudobném přeca nido neide rád za kmochačka (J. M. Slavičinský, Vlk Krampotů, Valašska povídka z roků čtyrycátých. V Praze, 3—4).

Дольское нарѣчіе.

Дольское нарѣчіе распространено на правомъ берегу Моравы отъ Напоеделъ до берненскихъ Клобуковъ. Славянскіе обитатели этой области слывутъ у своихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей—Словаковъ подъ именемъ Доляковъ. И это нарѣчіе, какъ валашское, представляетъ съ одной стороны нѣкоторыя черты, свойственныя словацкому языку, съ другой характерныя особенности чешско-моравскаго языка. Къ первымъ относятся: 1) неперегласованныя a, u: čaša, pracu; 2) двоякое l (l и ł): král, pochválił; 3) долгія l, r: vŕba, pl'nit; 4) частое употреб-

леніе а, іа вм. старо-слав. ѧ: vzali, začala, věd'a и др. Ко вторымъ: 1) перегласовка aj въ ej: dej, grejcar, nezpivej, nejlepši; въ нѣкоторыхъ говорахъ это ej—можетъ стянуться въ é, которое въ свою очередь, въ другихъ говорахъ съуживается въ ý: nezpivé, grécar, nélepši, dý, grýcar; 2) расширеніе ý, i въ ej: bežejm, velikej, bejk; 3) ú или расширеніе его въ ou: za našou stodolou и za našú stodolú; 4) съуженіе é въ í: malý dítě píje sładký mlíko. Тѣ и другія особенности выступаютъ въ частныхъ говорахъ дольскаго нарѣчія не въ одинаковой степени; въ однихъ преобладаютъ словацкія черты, въ другихъ—чехоморавскія. Сверхъ того и по отношенію къ инымъ частностямъ различаютъ двѣ группы говоровъ; въ однихъ наблюдаются удвоенное n, s (kamenná, panna, masso), характерный гласный ä (dobrä mläko a chläb), оконч. 3 л. мн. ч. -ija, -ijou, -ijú (hořija, umijou, vědijú); въ другихъ: приставочное h (Hapolena), hnízky; краткое e (nest, našeho) отсутствіе долгихъ r, l (vrba) и т. д. (ср. Bartoš, Dial. Mor., I, 51—56).

Образецъ *дольскаго нарѣчія*:

Dyž Iřík královi přinesł ty perly a král ich prapočejtál, ani jedna nechybovała. „Dobře's udělał svou věc“ povdá, „zitra ti dám inou prácu“. Rano Iřík přišeł, a krá mu řekł: „Má Zlatovłáska koupała se v moři a ztratiła tam zlatej prstének: ten ne mosejž najt a přinést“.— Iřík šél k mořu a chodił smutnej po břehu; moře było čisté, ale tak hluboké že nemohł ani na dno dohlednout ne tak na dně vyhledat prstének! „Och, dyby ty była moja zlatá ryba, tá by mně mohła pomoct“! V tem se cosi v moři zablejskło, a z hubočiny na vrch vody vypłuła zlatá ryba: „Šak tu su, abych ti pomohla: co potřebuješ?— Mám v moři najt zlatej prstének a nevidím ani dna“.—Včil zrovna potkala sem ščuku rybu, nésla złatej prstének na ploutvě. Počkej trochu jenom, já ti ho přinesu“. A netrvało dłouho, vrátiła se z hubočiny a přinesła mu ščuku aj s prsténkem (Бартошъ, Діалект., I, 355).

V. СЛОВАЦКІЙ ЯЗЫКЪ.[1]

1. Изученіе словацкаго языка.

Словаки принадлежатъ къ числу наиболѣе обездоленныхъ славянскихъ народовъ. Непроницаемымъ, безпросвѣтнымъ мракомъ покрыто ихъ прошлое, вполнѣ безотрадно и настоящее ихъ положеніе. Не успѣвъ упрочить своей политической самостоятельности, они уже съ нач. X ст. вошли въ составъ мадьярскаго (или угорскаго) государства, въ которомъ при господствѣ въ общественной и культурной жизни началъ латинства для покоренныхъ народовъ не открывалось въ теченіе многихъ столѣтій ни малѣйшей возможности проявить въ чемъ либо свои національныя стремленія. Словаки какъ народность почти не существовали; словацкій языкъ не проникалъ ни въ школу, ни въ книгу, ни въ церковь, онъ былъ слышенъ только въ сельскихъ хижинахъ среди простаго люда. Общеславянское возрожденіе нынѣшняго столѣтія захватило и Словаковъ, вызвало и у нихъ подъемъ національнаго самосознанія, выразившійся главнѣйше въ созданіи литературы на народномъ языкѣ, но въ общемъ это возрожденіе сопровождалось здѣсь весьма незначительными результатами. Словаки по прежнему остаются народностью безправною, притѣсняемою, истребляемою господствующимъ народомъ—Мадьярами.

Трудныя условія національной жизни Словаковъ объясняютъ недостаточность изученія ихъ языка. Словацкій языкъ, замѣчательный и по своимъ звуковымъ и формальнымъ свойствамъ, и по представляе-

---

[1]) Мы держимся прилагательнаго „*словацкій*", чтобы лучше различать языкъ Словаковъ отъ языка Словинцевъ (Словенцевъ). Сами Словаки называютъ свой языкъ *словенскимъ*.

мому имъ діалектическому разнообразію, и по отношеніямъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, нужно признать очень мало изученнымъ. Имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія объ этомъ языкѣ гораздо скуднѣе, чѣмъ о нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, принадлежащихъ меньшимъ славянскимъ народамъ, напр. о словинскомъ или сербо-лужицкомъ. Не только прошлая судьба словацкаго языка, но и современное его состояніе разъяснены весьма недостаточно, почему и такіе общіе вопросы какъ напр. вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остаются открытыми.

Первыя теоретическія свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ содержитъ чешская грамматика Я. Благослава (1571, изд. въ Вѣнѣ въ 1857 г. ср. выше стр. 1, 12). Свѣдѣнія эти, впрочемъ, очень кратки, ограничиваются указаніемъ лишь нѣкоторыхъ особенностей словацкаго языка. Тѣмъ не менѣе весьма характерно, что почтенный авторъ не включаетъ словацкій языкъ въ число чешско-моравскихъ нарѣчій, которыя описываетъ довольно подробно, а разсматриваетъ его какъ самостоятельный языкъ, стоящій въ особыхъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ языкамъ. Въ XV—XVII ст., съ проникновеніемъ въ Угрію гуситовъ и чешскихъ протестантовъ, у Словаковъ распространяется чешскій языкъ и чешская литература. Мѣстный словацкій языкъ, однако, продолжаетъ оставаться на заднемъ планѣ. Словаки Бенедиктъ и Нудожерскій (1603 г.) и Павелъ Долежалъ (1746 г.) пишутъ на латинскомъ языкѣ грамматики чешскаго языка. Послѣдній, впрочемъ, проявилъ вниманіе и къ родному языку: къ его чешской грамматикѣ приложенъ составленный имъ сборникъ словацкихъ пословицъ.

Первая грамматика словацкаго языка является въ к. XVIII ст., когда у Словаковъ постепенно окрѣпло движеніе въ пользу литературы на народномъ языкѣ. Создателемъ ея былъ знаменитый Антонинъ Бернолакъ (католическій священникъ, 1762 — 1813). Это былъ мужъ, обладавшій большою ученостью, прекрасно знакомый со славянскими языками, особенно со своимъ роднымъ, и всецѣло преданный дѣлу духовнаго возрожденія словацкаго народа. Ему принадлежатъ три грамматическихъ труда: 1) Dissertatio philologo-critica de literis Slavorum и какъ приложеніе къ этой работѣ Linguae Slavicae per Regnum Hungariae usitatae orthographia. Posonii, 1787; 2) Grammatica slavica, 1790 (нѣмецкій переводъ Ofen, 1817) и 3) Etymologia vocum slavicarum. Tyrnaviae, 1791. Эти сочиненія опредѣляли

нормы литературнаго языка, утвердившагося у Словаковъ-католиковъ; въ основѣ его лежало западное нарѣчіе (тернавское), наиболѣе близкое къ чешскому языку. Установленный въ нихъ способъ правописанія получилъ названіе *бернолачины*. Кромѣ изданія грамматическихъ сочиненій большую услугу изученію словацкаго языка оказалъ Бернолакъ составленіемъ обширнаго словаря, надъ которымъ трудился всю свою жизнь и который вышелъ въ свѣтъ только послѣ его смерти (Slovář Slovenski Cesko - Latinsko - Německo - Uherski, seu Lexicon Slavicum Bohemico - Latino - Germanico - Ungaricum. Budae, 1825—27, 6 томовъ).

Западное нарѣчіе не удержалось въ словацкой литературѣ; неудобная система правописанія Бернолака также не привилась. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія словацкіе патріоты ввели въ литературу среднее (тренчинско-липтовское) наиболѣе чистое нарѣчіе, которое и до сихъ поръ лежитъ въ основаніи книжнаго языка Словаковъ. Эта реформа вызвала появленіе нѣсколькихъ филологическихъ работъ, между прочимъ, посвященныхъ описанію и характеристикѣ говоровъ средняго нарѣчія. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ славнымъ народнымъ дѣятелямъ этой эпохи: Людевиту Штуру (1812—1856: а) Nauka reči slovenskej, б) Nárečia slovenskô alebo potreba pisania v tomto nárečí. Пресбургъ, 1846) и Мих. Годжѣ (1811—1870): а) Epigenes slovenicus. Левоча, 1847, б) Dobrô slovo Slovákom, sucim na slovo. Тамъ же, 1847 — 48). Подъ руководствомъ послѣдняго состоялся въ 1852 г. и извѣстный филологическій съѣздъ въ Пресбургѣ, опредѣлившій болѣе или менѣе окончательно общій типъ современнаго литературнаго языка и правописанія у Словаковъ.

Задачу научной характеристики этого новаго литературнаго яз. принялъ на себя знаменитый филологъ, нынѣ маститый профессоръ Пражскаго университета Мартинъ Гаттала, много поработавшій и надъ чешскимъ языкомъ и вообще въ области сравнительнаго славянскаго языкознанія (ср. 7 стр.). Онъ составилъ полную грамматику словацкаго языка, которая въ частяхъ и въ цѣломъ видѣ въ различной переработкѣ появлялась въ разное время на разныхъ языкахъ: латинскомъ, чешскомъ и словацкомъ (Grammatica linguae slovenicae collatae cum proxime cognata bohemica. Schemnicii, 1850. — Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852. — Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. V Praze, 1854. — Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze, 1857. Počatky mluvnice slo-

venské. Вѣна, 1860.—Mluvnica jazyka slovenského. Pešt, 1864. Diel druhý. Skladba. V B. Bystrici, 1865). Во всѣхъ названныхъ трудахъ словацкій языкъ излагается въ связи съ чешскимъ. Въ частностяхъ грамматика Гатталы требуетъ поправокъ, такъ какъ литературный языкъ, который въ ней изображается за послѣднія тридцать лѣтъ значительно ушелъ впередъ въ своемъ развитіи, но въ общемъ она и доселѣ не утратила своего значенія и въ изданіи 1864—65 г. остается единственной полной научной грамматикой словацкаго языка. Крупный недостатокъ ея составляетъ отсутствіе данныхъ по діалектологіи.

Въ 60-хъ годахъ въ непроглядной тьмѣ безправнаго національнаго существованія Словаковъ блеснулъ лучъ свѣта. Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ возникло литературное общество „словенская матица", а затѣмъ на народныя деньги учреждены три словацкія гимназіи. Число образованныхъ людей, воспитанныхъ въ народномъ духѣ, стало быстро увеличиваться; матица предприняла весьма цѣнныя изданія по археологіи и этнографіи, между прочимъ собиравшія матеріалъ лингвистическій. Можно было ожидать, что и для изученія словацкаго языка наступятъ лучшія времена. Но ожиданія эти не сбылись. Уже въ 70-хъ годахъ мадьярское правительство нашло поводъ для закрытія и матицы и словацкихъ гимназій; принадлежащее этимъ учрежденіямъ недвижимое имущество, капиталы и изданія конфискованы. Дѣло изученія народности опять осталось безъ организаціи, безъ подготовленныхъ людей, безъ матеріальныхъ средствъ. Такое положеніе дѣла продолжалось до послѣдняго времени. Только въ 1895 г. въ Турч. Св. Мартинѣ, главномъ народномъ центрѣ Словаковъ возникло „Музейное Общество" которое предприняло изданіе своего „Сборника".

Послѣ Гатталы приходится назвать лишь нѣсколько именъ лицъ, работавшихъ или работающихъ надъ словацкимъ языкомъ; можно отмѣтить только небольшое число отдѣльныхъ, несвязанныхъ между собою трудовъ.

Іос. Викторину принадлежитъ лучшая практическая грамматика (Grammatik der slovakischen Sprache, 4-е изд. Пештъ, 1878).

Другой трудъ подобнаго рода (для нѣмцевъ же) составленъ Маршалемъ (G. Maršall) Die Kunst die slovakische Sprache durch Selbstunterricht schnell zu erlernen. Безъ года. Wien, Hartleben's Verlag.

Іос. Лосъ (J. Loos) составилъ практическій словацко-мадьярско-нѣмецкій словарь (Slovnik slovenskej maďarskej a nemeckej reči. Diel slovensko-maďarsko-nemecky. Pešť, 1871).

Профессоръ Пражскаго университета Фр. Пастернекъ (Pastrnek) съ успѣхомъ занимается собираніемъ и изученіемъ данныхъ по словацкой діалектологіи. Весьма цѣнна его работа по фонетикѣ Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn (Wien, 1888) и многочисленныя замѣтки въ журн. „Slovenské Pohľady". При его ближайшемъ содѣйствіи и руководствѣ ведется въ этомъ журналѣ очень важный отдѣлъ „Slovenský jazyk", посвященный собиранію матеріаловъ для изученія словацкихъ говоровъ.

Заслуживаютъ полнаго вниманія работы по исторіи литературнаго словацкаго языка, принадлежащія Dr. С. Цамбелю (S. Czambel). Онѣ собраны въ одной книжкѣ „Príspevky k dejinám jazyka slovenského" (V Budapešti, 1887): 1) Čeština a československenčina v Uhrách do polovice XVI veku; 2) Ako písal Viliam Pauliny-Tóth; 3) Ruské živly v spisovnom jazyku slovenskom; 4) Slovnikárske drobnosti.

Въ области изданія памятниковъ живой народной рѣчи наибольше заслугъ имѣютъ Шафарикъ, Колларъ, Римавскій, Шкультети, Добшинскій, Францисци, Нѣмцова, Куба, Шуянскій, „Словенская Матица", пражское Общество „Slavia" и др. Одинъ изъ раннихъ сборниковъ словацкихъ пѣсенъ составленъ знаменитымъ впослѣдствіи русскимъ славистомъ И. И. Срезневскимъ.

Такъ какъ словацкій языкъ по общераспространенному мнѣнію считается нарѣчіемъ чешскаго (или чешско-славянскаго) языка, то разсмотрѣніе его въ большей или меньшей степени входитъ и въ общіе труды по чешскому языкознанію. Нельзя, впрочемъ сказать, чтобы чешскіе филологи относились съ большимъ вниманіемъ къ языку близко родственнаго имъ народа и сдѣлали бы особенно цѣнные вклады въ научное его изученіе. Даже въ такомъ большомъ сочиненіи, какъ Историческая грамматика Гебауэра, словацкому языку (или словацкимъ говорамъ) отводится очень скромное мѣсто. Въ извѣстномъ трудѣ А. Шемберы „Základové dialektologie československé (1864, ср. выше стр. 8—9) „словенскому нарѣчію" посвящено 20 страницъ (61—81). Впрочемъ, представленныя здѣсь классификація и характеристика словацкихъ говоровъ и досихъ поръ не утратили своего значенія. Самыя общія замѣчанія о словацкомъ языкѣ содержитъ и статья Душека Řeč lidu v koruně české a na Slovensku (1895). Только нарѣчіе моравскихъ Словаковъ, съ его разнообразными говорами, получило подробное, тщательное описаніе въ почтенномъ изслѣдованіи Фр. Бартоша

„Dialektologie Moravská", D. I (1886). Въ старомъ чешскомъ словарѣ Юрія Палковича (словака) приняты во вниманіе характерныя слова словацкаго языка (ср. 25 стр.). Многіе грамматическіе труды Гатталы по словацкому языку писаны по чешски.

Авторъ Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Ф. Миклошичъ въ чешскомъ отдѣлѣ своего труда лишь изрѣдка дѣлаетъ ссылки на словацкій языкъ.

Живой интересъ къ словацкому языку пробудился въ послѣднее время на Руси. Петербургское Славянское Общество, озабочиваясь развитіемъ культурныхъ связей между Русскими и Словаками, предприняло изданіе словарей языковъ обоихъ родственныхъ народовъ. Русско-словацкій словарь (Л. А. Мичатка) уже вышелъ въ свѣтъ, словацко-русская часть еще печатается. Нѣкоторыя свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ (собственно о словацкихъ говорахъ) содержитъ старый прекрасный трудъ проф. М. П. Петровскаго „Матеріалы для славянской діалектологіи" (Ученыя Записки Казан. универс., 1866).

Изъ изложеннаго видно, что изученіе словацкаго яз. находится въ самомъ зародышѣ, и что на этотъ именно языкъ славистамъ слѣдовало бы обратить особое вниманіе.

Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

J. Blahoslav. Grammatika česká (1571), изд. I. Иречкомъ и Я. Градиломъ въ Вѣнѣ 1857 г.

Zprawa pisma slovenskeho T. Masnycyusa. Levoč, 1696.

Privod ku dobromluvnosti slovenské. V Trnave, 1780.

Ant. Bernolák. 1) Dissertatio philologo-critica de literis Slavorum. Posonii, 1787; 2) Grammatica slavica ad Systema scholarum nationalium in Ditionibus C. R. introductum accomodata. Editio prima in Pannonia. Posoniis, 1790; нѣмецкій переводъ Schlowakische Grammatik, verfasst von A. Bernolak, Pfarrer zu Neuhäussel. Ofen, 1817; 3) Etymologia vocum slavicarum, sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem. Tyrnaviae, 1791.

M. Hattala. 1) Grammatica linguae slovenicae collatae cum praxime cognata bohemica Schemnicii, 1850; 2) Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852; 3) Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. V Praze, 1854; 4) Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze, 1857; 5) Výklad počatků mluvnice československé. Ve Vídni,

1866; 6) Mluvnica jazyka slovenského I. Pešť, 1864. Diel druhý Skladba. V B. Bystrici, 1865.

L. Štur. 1) Nauka reči, slovenskej; 2) Nárečja slovenskuo. V Prešporku, 1846. Ustrojnosť a organism slovenskej reči. Orol Tatransky, II.

M. Hodža. 1) Epigenes Slovenicus. Leutschoviae, 1847; 2) Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847; 3) Větin o slovenčině. V Levoči, 1848.

K. Dianiška. Theoretisch-praktische Grammatik zur schnellen Erlernung der slovakischeu Sprache für Deutsche. Wien, 1850.

J. Victorin. Grammatik der slovakischen Sprache. Zum Schul—und Selbstunterrichte mit Uebungsaufgaben, Gesprächen, einem ausführlichen Wörterverzeichnisse und einer Chrestomathie. Vierte Auflage. Budapest, 1878.

G. Marschall. Die Kunst die slovakische Sprache durch Selbstunterricht schnell zu erlernen. Wien. Hartleben's Verlag. Безъ года.

Fr. Mráz, Slovenská mluvnica. V Péšti, 1872, II, vyd.

Prvá čítanka a mluvnica pre katolické školy slovenské. Budapešť, 1885.

Slabikár a prva čitanka pre slov. evangel. školy. V B. Bystrici, 1859.

S. Czambel. Príspevky k dejinám jazyka slovenského. V Budapešti, 1887.

Fr. Pastrnek. Beitrage zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. Wien, 1888 (Sitzungsberichte der philol.-histor. Classe d. Kais. Akad. der Wiss. CXV, B. 1).

P. J. Šafarik. 1) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, 1826; 2-е изд. 1869, ss. 375—398; 2) Slovanský národopis рус. перев. О. Бодянскаго (М. 1843) стр. 90—94.

Al. Šembera. Základové dialektologie československé. Ve Vidni, 1864. 61—80.

V. Dušek. Řeč lidu v koruně české a na Slovensku (Národopisna výstava českoslovanská v Praze, 1395. Vydali vykonný výbor národopisné výstavy českoslovanské a národopisná společnost českoslovanská, 1895—96, 93—94).

Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. První díl. V Brně, 1886, 27—47.

М. Петровскій. Матеріалы для славянской діалектологіи (Ученыя Записки Казан. Унив., 1866).

Словари.

Ant. Bernolák. Slovár Slovenski Česko-Latinsko-Německo-Uherski seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum. Budae, 1825—27, 6 томовъ.

Joseph Loos. Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči. III Diel slovensko-maďarsko-nemecky. Pešt, 1871.

Jiří Palkovič. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beifügung der dem Slowaken und Mährer eigenen Ausdrücke und Redensarten. I Prag, 1820. II Presburg, 1821.

L. A. Mičatek (Mičatek). Карманный Русско-словенскій Словарь. Turč. Sv. Martin, 1892.

Памятники живой народной рѣчи.

D. Horčička-Sinapius. Neoforum latino-slavonicum (Собраніе словацкихъ пословицъ). 1678.

Šafařik. Pjsně swětské lidu slowenského w Uhřjeh. Пештъ, 1823—27. Этотъ сборникъ вошелъ впослѣдствіи въ собраніе Коллара.

J. Kollár. Národnie zpiewanky čili pjsně swětské Slowaků w Uhrách gak pospolitého lidu tak i wyššjch stawů, sebrané od mnohých, w pořádek uwedené, wyswětlenjmi opatřené a wydané od J. K. W Budjně, 1834—1835.

И. Срезневскій. Словацкія пѣсни. Харьковъ, 1832.

Sbornik slovenských národních piesní, povestí, prisloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier. Vydáva Matica slovenská. Sväzok I Vo Viedni, 1870. Sväzok II Turč, Sv. Martin, 1874.

Pisně slovenské. Sbirky prostonárodní. Pořádá pohadková Kommisse liter.-řeč. spolku „Slavia". V Praze, 1879.

Slovenské spevy. Vydávajú priatelia slovenských spevov. Turč. Sv. Martin D. I, 1882; D. II, sv. 1—6.

L. Kuba. Slovanstvo ve svých zpěvech. Kn. III. Písně Slovenské, 1885.

J. Rimavski (Francisci). Slovjenske povesti. V Levoči, 1845.

A. H. Škultety a P. Dobšinský. Slovenské povesti I—VI. V Rožňave. V. B. Štiavnici, 1858—1860.

P. Dobšinský. Prostonárodnie slovenské povesti. Sošit 1—8. Turc. sv. Martin, 1880—1883.

Fr. Bartoš. Dialektologie Moravská. D. I, 1886. Přiklady.

Лучшіе **образцы литературнаго языка** представляютъ поэтическія произведенія замѣчательнѣйшихъ словацкихъ писателей:

Яна Голаго (Holly, 1785—1849). Spisy basnićké. Pešť, 1863 (представитель ранняго періода словацкой литературы[1]).

---

[1]) Ср. статью А. Опфермана „Янъ Голый, поэтъ Словаковъ и его литературная дѣятельность". Кіевскія Унив. Извѣстія, 1886.

Андрея Сладковича (Ondrej Sladkovič, 1820—1872). Spisy Básnické. V B. Bystrici, 1861 и въ изд. Kobra „Národna Bibliotheka". Praha, 1878 [1]).

Сама Халупки (Chalupka р. 1812). Spevy. V B. Bystrici, 1868.

Я. Краля (Král', 1822—1876). Стихотворенія въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно въ сборникѣ „Nitra".

Я. Калинчака (J. Kalinčak, 1822—1871). Povesti (въ изданіи Slovensky národný zábavnik). Turč. sv. Martin, sv. I—VII, 1871—73.

В. Паулини-Тота (Paulíný-Toth, 1826—1877). 1) Besiedky. V Skalici. 1866—70. D. I—IV; 2) Básne. Turč. sv. Martin, 1877.

I. Гурбана (Hurban, 1817—1888). Nitra, 1842—54, 1877.

Я. Ботто (J. Botto). Spevy. V Praze, 1880.

Л. Желло (1809—1873). Pad Miliducha въ сборн. Lipa II, 1874 и мелкія произведенія.

Св. Гурбана-Ваянскаго (р. 1847). 1) Tatry a more. Turč. sv. Martin, 1880; 2) Besedy a dumy sv. I, 1883; sv. II, 1884; 3) Многія произведенія въ изд. Slovenské Pohl'ady.

Орсага-Гвѣздослава (Orszag-Hvezdoslav). Sebrané spisy basnické Turč. sv. Martin, sv. I, 1894; sv. II, 1896.

Образцы словацкаго языка содержитъ, между прочимъ, славянская хрестоматія Г. Воскресенскаго. Вып. 3. Москва, 1884.

Періодическія изданія, содержащія въ себѣ матеріалы для изученія словацкаго языка.

Zora (1835—1840).
Slovenské národnje Novine (1845—1852).
Orol Tatranski (1845—1852).
Nitra (1842—1854, 1877).
Slovenské pohl'ady na vedy, umenia a literaturu (1846—1852).
Slovenské pohl'ady na literaturu, umenie a život (съ 1852).
Pešťbudinské vedomosti (съ 1861).
Slovesnost (съ 1861).
Lipa (1860—1864).
Černokniažnik (съ 1861).
Zivena.
Sokol (1860—1869).
Orol (съ 1870).
Letopis Matice slovenskej (1864—84), т. I—XI.

[1]) Ср. очеркъ Иванова „Оцѣнка литературной дѣятельности А. Сладковича". Извѣстія Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. VII, 1887.

Archiv starých česko-slovenských listin, písemností a dejepisných pôvodin pre dejepis a literaturu Slovákov. Turč. sv. Martin, 1872—73. D. I—II.
Slovensky letopis pre historiu, topografiu, archaeologiu a ethnografiu. Vyd. Sąsinek. V Skalici, I, 1876; II, 1877.
Národne Noviny. Turč. sv. Martin (съ 1878).
Slovenské pohl'ady. Časopis zábavno-poučny. Turč. sv. Martin, съ 1881.
Sbornik museálné společnosti slovenské. Turč. sv. Martin (съ 1896).

---

2. Площадь словацкаго языка.

Словацкимъ (словенскимъ) языкомъ говоритъ народъ близко родственный Чехо-Моравянамъ и живущій на востокъ отъ нихъ—въ сѣверной Угріи (Венгріи) и юго-восточной Моравіи, т. е. въ странѣ лежащей приблизительно между Карпатами и Дунаемъ, между р. Моравой и системой рѣкъ—Иполя, Римавы, Сланы и Тисы. Въ предѣлахъ Угорскаго королевства Словаки занимаютъ территорію 15 сѣверо-восточныхъ комитатовъ: тренчинскаго, оравскаго, зволенскаго, липтовскаго, турочскаго, барскаго, нитранскаго, гонтскаго, гемерскаго,ципскаго, шарошскаго, земплинскаго, абауйскаго, пресбургскаго (пожоньскаго) и новоградскаго. Въ Моравіи словацкая рѣчь слышится въ юго-восточномъ углу области, между Карпатами и Моравой и отчасти на правомъ берегу Моравы, въ окрестностяхъ городовъ: Угорскаго Брода, Угорскаго Градища, Напаёдловъ, Веселаго, Страшницы. Наконецъ словацкія поселенія захватываютъ небольшую долю сѣверо-восточнаго угла Нижней Австріи (на востокъ отъ линіи Вальчицы-Цагновъ).

Точнѣе площадь словацкаго яз. можно обозначить слѣдующимъ образомъ. Начинаясь отъ Бескидовъ у истоковъ Кысуцы пограничная линія идетъ вдоль моравско-угорской границы къ Лисскому проходу, вступаетъ въ Моравію черезъ Лидечко къ Вызовицамъ и Злину и черезъ Проводовъ и Богуславицы направляется къ Напаёдламъ; отсюда черезъ горы Здунецкія и Бухловскія проходитъ за Кіевомъ по правому берегу Моравы къ Подивину, а затѣмъ у Ледницы переходитъ въ Нижнюю Австрію къ Вальтицамъ и Цагнову, далѣе на Стрезевицы, Моравой къ Дѣвину, встрѣчается здѣсь съ нѣмецкою рѣчью, потомъ на Пресбургъ и въ сосѣдствѣ мадьярскаго языка черезъ Діошегъ къ Новымъ Замкамъ, на Ю. до Дуная у Коморна; отсюда ли-

нія поворачиваетъ на С. къ Текову, черезъ Левицы и Тескры, Лученецъ и Римавскую Соботу а затѣмъ черезъ Плешивецъ и Рожнову на Ю. подъ Кошицы, гдѣ встрѣчается съ малорусскимъ языкомъ; вдоль границы этого языка линія направляется на В. къ Гуменному и Снинѣ, опять поворачиваетъ на Стропковъ и Бардѣевъ и на С. къ р. Данайкѣ надъ Любовнымъ на границѣ Галиціи; отсюда вдоль границы польскаго языка линія идетъ до Оравы къ гор. Терстену и Намѣсту, у Быстрицы опять достигаетъ галицкой границы, отъ которой удаляется къ Оштедницѣ и Чадцу и по правому берегу р. Кысуцы возвращается къ Бескидамъ и Бечвѣ.

Въ предѣлахъ означенной территоріи Словаки живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Только на окраинахъ ея къ коренному населенію примѣшиваются элементы другихъ сосѣднихъ народностей. Чисто словацкое населеніе имѣютъ комитаты тренчинскій, оравскій, зволенскій и липтовскій; въ остальныхъ перечисленныхъ комитатахъ Словаки составляютъ подавляющее большинство населенія; только въ двухъ пограничныхъ комитатахъ—пресбургскомъ и новоградскомъ—они численно уступаютъ инородцамъ—Нѣмцамъ и Мадьярамъ. Наиболѣе замѣтные инородческіе острова на этнографической картѣ словачины принадлежатъ Нѣмцамъ (Schemnitz, Kremnitz, Neusohl, Proben, Poprad, Leutschau, Kesmark, Altendorf и др.), давнишнимъ выходцамъ изъ Германіи, главнѣйше изъ Саксоніи. Австрійскіе Нѣмцы являются сосѣдями Словаковъ на небольшомъ протяженіи юго-западной границы. Мадьяры—господствующая въ государствѣ народность—въ предѣлахъ нынѣшней словачины не имѣютъ никакихъ своихъ поселеній, ни селъ, ни городовъ. Представителями мадьярскаго языка и мадьярской культуры въ странѣ служатъ только пришлые правительственные чиновники съ ихъ семьями и такъ-наз. мадьяроны, т. е. Словаки-ренегаты, изъ политическихъ выгодъ отрекшіеся отъ своей народности. За то Мадьяры выступаютъ непосредственными сосѣдями Словаковъ на всемъ протяженіи южной границы ихъ земли. Съ трехъ остальныхъ сторонъ словацкая рѣчь сосѣдитъ съ языками родственныхъ славянскихъ народовъ: на большой части западной границы—съ чехоморавскимъ языкомъ (валашское и ганацкое нарѣчія), на сѣверѣ—съ польскимъ, на сѣверо-востокѣ и востокѣ—съ малорусскимъ. Точное проведеніе границъ между областью словацкаго языка и областями сосѣдящихъ съ нимъ родственныхъ языковъ представляетъ большія

трудности, такъ какъ вездѣ оказываются переходные говоры, сближающіе между собою два сосѣднихъ языка.

За предѣлами указанной чисто словацкой территоріи, отдѣльныя поселенія Словаковъ разсѣяны въ другихъ частяхъ угорскаго королевства. Такъ, весьма значительные словацкіе островки находятся по Дунаю (у Вейтцена, Пешта, Петери); затѣмъ дальше на востокъ и югъ: Сапъ (Sap), Егихаза (Egyháza), Чаба (Csaba), Банегесъ (Bánhegyes), Тотъ-Комлосъ (Tót-Komlós) и др. Словацкія деревни встрѣчаются и въ арадскомъ комитатѣ и Темешскомъ Банатѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ румынскими и сербскими поселеніями. Эти словацкіе острова на мадьярской территоріи частью возникли вслѣдствіе позднѣйшей колонизаціи, частью представляютъ собой остатокъ старо-давняго славянскаго населенія, занимавшаго когда-то значительную часть страны, теперь заселенной Мадьярами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нач. X ст. площадь словацкаго яз. была гораздо больше, захватывала не малую часть Тиссо-Дунайской равнины. Мадьяры же, окончательно разрушивъ Велико-Моравское княжество (907 г.), частью поглотили въ себѣ, частью оттѣснили дальше къ сѣверу славянское населеніе этой равнины.

Имя *Словаковъ*, нужно думать, относительно поздняго образованія. Въ старину данный народъ слылъ подъ общимъ именемъ *Словене*. На это указываютъ исключительно употребляемыя доселѣ производныя—*словенка* (а не словачка), *словенскій* (вм. ожидаем. *словацкій*), *Словенско* (земля Словаковъ).

За предѣлами Австро-угорской монархіи болѣе значительныя колоніи Словаковъ находятся въ Америкѣ.

Общее число Словаковъ немного превышаетъ 2½ милліона (точныхъ статистическихъ данныхъ нѣтъ).

При опредѣленіи границъ словацкой рѣчи кромѣ картъ и трудовъ, указанныхъ на 34 стр., приняты еще во вниманіе слѣдующіе труды: Šembera, Základové dialektologie československé. Ve Vidni, 1864; Fr. Sasinek, Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze. 2-te Auflage. Prag, 1875; Paul Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn. Uebertragen von Prof. I. H. Schwicker. Budapest, 1877; Schwicker, Statistik des königreiches Ungarn.

3. Судьбы словацкаго языка.

Исторія словацкаго языка почти совсѣмъ не разработана частью вслѣдствіе недостатка памятниковъ языка и другихъ историческихъ свидѣтельствъ, частью по причинѣ общаго печальнаго положенія науки у Словаковъ. За длинный рядъ вѣковъ почти ничего неизвѣстно о словацкомъ яз. Отъ XIV — XVI ст. дошли лишь самыя скудныя данныя; только въ XVII—XVIII ст. словацкій языкъ постепенно прокладываетъ себѣ путь въ книгу и наконецъ въ XIX ст. становится органомъ литературы и умственной жизни цѣлаго народа. Какъ немногочисленные памятники стараго языка остаются неизслѣдованными, такъ и современный литературный языкъ словацкій не имѣетъ еще своего историка.

На основаніи аналогіи нужно думать, что карпато-дунайскіе Словене или Словаки съ древнѣйшихъ временъ, на зарѣ исторической жизни славянства, говорили своимъ особымъ языкомъ, отличавшимъ ихъ отъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ — Чехо-Моравянъ, Поляковъ, Славяно-Руссовъ. Характерныя наиболѣе индивидуальныя черты языка, вѣроятно были тѣже, что и въ настоящее время. Но въ частностяхъ древнѣйшій обликъ языка остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторый матеріалъ для знакомства съ нимъ, по крайней мѣрѣ со стороны лексикальной могутъ представлять славянскія слова, вошедшія въ мадьярскій языкъ; многія изъ нихъ несомнѣнно заимствованы изъ словацкаго языка, при томъ въ древнюю пору [1]). Современный словацкій языкъ распадается на значительное количество говоровъ, которые обыкновенно сводятъ въ три большія группы или нарѣчія: восточное, среднее и западное. Но когда и какимъ путемъ возникли эти нарѣчія и говоры; слѣдуетъ ли это діалектическое разнообразіе считать исконною особенностью словацкаго языка или нужно объяснять его позднѣйшимъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ сосѣднихъ родственныхъ языковъ — на всѣ эти и подобные вопросы пока не дано еще никакого отвѣта. Не выясненнымъ остается по нашему мнѣнію и вопросъ объ отношеніи словацкаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ. Правда въ наукѣ утвердился пущенный въ обращеніе чешскими фи-

---

[1]) Leška, Elenchus vocabulorum slavicorum magyarici usus. Ofen, 1825. Miklosich, Die Slavischen Elementen in Magyarischen. Wien, 1871.

лологами взглядъ на словацкій языкъ какъ на нарѣчіе чешскаго (или какъ говорятъ, чешско-словенскаго и чешско-славянскаго языка), но едва-ли такой взглядъ можно считать достаточно-обоснованнымъ. Сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ привело меня къ иному заключенію: словацкій языкъ несомнѣнно ближе къ чешскому чѣмъ къ какому либо другому, но не составляетъ съ нимъ единаго цѣлаго, а занимаетъ свое особое, самостоятельное мѣсто въ славянской семьѣ языковъ, на-ряду съ самимъ чешскимъ, польскимъ, сербо-хорватскимъ, русскимъ и другими языками. Считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на выясненіи этого положенія.

Прежде всего относительно происхожденія означеннаго мнѣнія о единствѣ чешскаго и словацкаго языковъ. Мнѣніе это опирается не столько на глубокомъ сравнительномъ изученіи обоихъ языковъ сколько на исторической традиціи; именно оно сложилось подъ вліяніемъ старыхъ культурныхъ связей между Чехами и Словаками и довольно продолжительнаго употребленія чешскаго литературнаго языка у послѣднихъ. Земля Словаковъ, какъ извѣстно, въ IX ст. принадлежала къ Велико-Моравскому княжеству, а послѣ паденія послѣдняго (907 г.) вошла въ составъ новоосновавнаго Угорскаго государства, въ которомъ оставалась до 955 г. Въ этомъ году вмѣстѣ съ Моравіей она была присоединна къ Чехіи, а въ 999 завоевана польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ; только въ 1037 г. она стала окончательно частью Угорскаго королевства. Не смотря на наступившее политическое обособленіе Словаковъ и Чехо-Моравапъ, культурное общеніе между сосѣдними близко родственными народами тянулось въ теченіе многихъ послѣдующихъ столѣтій. Уже къ XII ст. относятся свидѣтельства о появленіи чешскихъ колонистовъ въ словацкой землѣ; съ XIII ст. эти свидѣтельства умножаются; въ XIV ст. Словаки усиленно поступаютъ въ Пражскій университетъ и принимаютъ участіе въ чешской литературѣ; въ XV ст., въ эпоху гуситскихъ религіозныхъ войнъ чешскія войска наводняютъ сѣверо-западную Угрію и чешскіе колонисты осѣдаютъ въ новоградскомъ, малогонтскомъ, гемерскомъ, абауйскомъ и шаришскомъ комитатахъ; славный моравскій кондотьеръ Искра изъ Брандыса образовалъ въ словацкой землѣ какъ бы удѣльное княжество (1440 — 1453, 1458 — 1462), обнимавшее комитаты — зволенскій, нитрапскій, гемерскій, шаришскій, абауйскій, земплинскій; въ XVI ст. продолжаютъ переходить въ Угрію, къ Словакамъ, чешскіе послѣдо-

ватели ученія Лютера; дѣятельныя сношенія Чеховъ со Словаками продолжаются и позже и ослабѣваютъ только послѣ Бѣлогорской битвы (1620) и наступившаго за ней полнаго униженія и обезсиленія чешскаго народа[1]). Естественнымъ послѣдствіемъ такого общенія двухъ народовъ было постепенное распространеніе въ словацкой землѣ чешскаго литературнаго языка. Обстоятельства этому вполнѣ благопріятствовали, такъ какъ мѣстный словацкій языкъ еще не успѣлъ возвыситься до значенія языка литературнаго. Въ эпоху Велико-моравскаго княжества Словаки пользовались книжнымъ старославянскимъ языкомъ, созданнымъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Употребленіе этого языка въ церкви и письменности держалось у Словаковъ и въ первыя времена мадьярскаго владычества. По мнѣнію В. Облака, одинъ изъ числа сохранившихся древнихъ памятниковъ старо-славянскаго языка, т. н. пражскіе глаголическіе отрывки возникли именно въ области словацкаго языка[2]). Но затѣмъ латинство окончательно вытѣснило и у Словаковъ, какъ у Чехо-Морава, славянское богослуженіе и славянскую письменность, а господство латинскаго языка въ общественной жизни Угріи парализовало развитіе и употребленіе словацкаго языка. Между тѣмъ въ сосѣдней Чехіи и Моравіи народный языкъ все больше проникалъ въ литературу и наконецъ въ гуситскую эпоху получилъ перевѣсъ надъ латинскимъ и нѣмецкимъ языками въ общественной и церковной жизни. Съ чешскимъ языкомъ Словаки знакомились у себя на родинѣ отъ чешскихъ колонистовъ и на мѣстѣ въ Чехіи, особенно во время посѣщенія Праги и пражскаго университета съ учеными и религіозными цѣлями. Чешскіе гуситы и братья принесли къ Словакамъ переводъ Священнаго Писанія и произведенія своей религіозно-политической литературы. Съ принятіемъ чешскаго богослуженія среди Словаковъ все больше распространялось знаніе чешскаго языка. Оно приняло особенно широкіе размѣры въ XVI ст., когда на смѣну гуситству явилось изъ Чехіи же лютеранство, сохранившее чешскій языкъ и чешскія богослужебныя книги. Во мно-

---

[1]) Ср. S. Czambel, Príspevky k dejinam jazyka slovenského V Budapešti, 1887. Čeština a československčina v Uhrách do polovice XVI, veku, 1—32,—Л. Цичъ Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ I, 1875. Спб. 89 89—121.—А. Будиловичъ, Обще-славянскій языкъ Т. II, Варшава 1892, 192—197.

[2]) Archiv für Slavische Philologie Bd., XVIII, 1896 s. 112.

гихъ городахъ словацкой земли были основаны хорошія школы (въ Рожнавѣ, Бановцахъ, Любѣтовѣ, Бардѣевѣ, Левочѣ, Жилинѣ, Привидзѣ, Штявницѣ, Шинтавѣ, Кежмаркѣ, Елшавѣ, Зволенѣ, Мошовцахъ, Фраштакѣ, Тренчинѣ), въ которыхъ преподаваніе велось на чешскомъ языкѣ. Съ 1574 г. при многихъ изъ этихъ школъ, а также въ Пресбургѣ заведены типографіи. У Словаковъ возникаетъ цѣлая литература на чешскомъ языкѣ, которая не прекращается и во времена реакціи, когда началось гоненіе на чешскій языкъ, а іезуиты съ цѣлью отвратить общество отъ чешскаго еретическаго языка стали издавать книжки на народномъ словацкомъ языкѣ. Чештина нашла себѣ ревностныхъ защитниковъ среди Словаковъ (Мошовскій, Рыбай, Плахой, Лешка, Голко, Таблицъ, Палковичъ и др.), когда возгорѣлась борьба между нею и нововозникавшимъ словацкимъ литературнымъ языкомъ. Наконецъ, когда (въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія) литературная реформа въ пользу народнаго словацкаго языка была окончательно проведена, за старое литературное преданіе продолжали стоять такіе знаменитые Словаки какъ Шафарикъ и Колларъ. Совершенно понятно, что при столь широкомъ распространеніи чешскаго языка среди Словаковъ, въ чешскихъ умахъ возникла фикція о такомъ близкомъ родствѣ обоихъ языковъ, которое позволяетъ разсматривать ихъ какъ одну діалектическую группу — чешско-словенскую. Настаивать на такой фикціи казалось необходимымъ въ виду отпаденія Словаковъ отъ чешскаго литературнаго языка; при помощи ея легче было доказывать ненужность и безполезность этого отпаденія, легче было указать въ литературномъ сепаратизмѣ Словаковъ измѣну общему чешско-словенскому языку и ископпому чешско-словенскому единству. Въ дѣйствительности любопытный самъ по себѣ фактъ широкаго распространенія чешскаго языка у Словаковъ въ XV—XVIII в. не можетъ еще служить доказательствомъ принадлежности чешскаго и словацкаго языка къ одной лингвистической единицѣ. Извѣстно, что въ гуситскую эпоху чешскій языкъ распространился и въ польской Силезіи и у Сербовъ-Лужичанъ; отсюда, однако, нельзя дѣлать заключенія о единствѣ чешскаго языка съ польскимъ и сербо-лужицкимъ. Равнымъ образомъ и другіе литературные славянскіе языки получали иногда болѣе или менѣе широкое распространеніе на территоріи сосѣднихъ вполнѣ самостоятельныхъ языковъ, напр. старо-славянскій языкъ въ древней Сербіи и Руси, польскій языкъ на Литвѣ и въ юго-

западной Руси въ XIV—XVIII ст. и въ Галицкой Руси по настоящее время, русскій языкъ въ царствѣ польскомъ и т. д. Но на основаніи этого явленія никто, конечно не рѣшится отрицать самостоятельность каждаго изъ названныхъ языковъ и не станетъ напр. утверждать, что русскій языкъ есть нарѣчіе старо-славянскаго или польскаго, или наоборотъ польскій языкъ—нарѣчіе русскаго.

При рѣшеніи вопроса объ отношеніи словацкаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ и въ частности къ чешскому необходимо прежде всего имѣть въ виду всю совокупность индивидуальныхъ особенностей самого языка, звуковыхъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексическихъ. Важно опредѣлить съ историко-сравнительной точки зрѣнія степень характерности этихъ индивидуальныхъ особенностей. Въ этомъ отношеніи уже возможны кое какіе положительные выводы. Какъ ни слабо еще изученъ словацкій языкъ, на лицо имѣется достаточное количество данныхъ, рѣшающихъ вопросъ въ пользу оригинальности и самостоятельности этого языка. Предлагаемая ниже болѣе или менѣе подробная характеристика словацкаго языка (и его нарѣчій) даетъ возможность точнѣе опредѣлить его особенности сравнительно съ другими славянскими языками. Здѣсь достаточно отмѣтить крупныя характерныя черты, отличающія словацкій языкъ отъ чешскаго. Вотъ онѣ: 1) a, u никогда не перегласовываются въ e, i, а сохраняютъ свой исконный выговоръ (duša, dušu); 2) старо-слав. ѧ соотвѣтствуютъ исключительно ia, ä, a (mia, ta, sa, pät); 3) вм. чешскаго ě (послѣ губныхъ) обыкновенно e (veru, v hrobe); 4) старо-слав. ъ, ь соотвѣтствуютъ o, e а не только e, какъ въ чешскомъ (lož, deň); 5) съуженіе ié — í не существуетъ (viéra, miéra); 6) старо-слав. ѣ соотвѣтствуетъ не только ie, e но и ia, ä (chliav, na lävo); 7) характерный гласный ä; 8) мягчительное e (ňesú, чеш. nesou) 9) шипящее ř совсѣмъ не существуетъ (more); 10) различается мягкое и твердое l, при чемъ твердое во многихъ говорахъ переходитъ въ u (bou); 11) гласные l̥, r̥ могутъ быть долгими и краткими; 12) пра-слав. dj = dz (medza); 13) гортанные h (g), k, ch передъ окончаніями i, e иногда не смягчаются (ruke, velki); 14) стяженіе гласныхъ вообще рѣдко (tvoja, bojazlivý); 15) количество гласныхъ часто не совпадаетъ съ чешскимъ; 16) оригинальныя формы; напр. имен. п. мн. ч. на ja: oračja, ludia; 1 л. ед. ч. наст. вр. всегда на — m: nesiem, rečiem, bijem, berem, miniem и т. д. Къ этому нужно прибавить, что

вслѣдствіе указанныхъ особенностей вокализма словацкое склонѐціе и спряженіе вообще значительно отличаются отъ чешскихъ и что словацкій языкъ изобилуетъ массой оригинальныхъ словъ, не существующихъ въ чешскомъ языкѣ. Правда, нѣкоторыя изъ указанныхъ звуковыхъ особенностей наблюдаются спорадически и въ моравскихъ говорахъ, а отчасти свойственны были древне-чешскому языку. Но для опредѣленія степени индивидуальности языка не столько важны отдѣльныя черты, которыя могутъ роднить этотъ языкъ не съ однимъ, а даже съ нѣсколькими языками, сколько вся совокупность характерныхъ признаковъ, представляемыхъ даннымъ языкомъ. Сверхъ того присутствіе нѣкоторыхъ словацкихъ особенностей въ моравскихъ нарѣчіяхъ объясняется тѣмъ, что эти нарѣчія составляютъ переходную стадію отъ чешскаго языка къ словацкому. Съ другой стороны большее сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ древняго чешскаго языка съ современнымъ словацкимъ можетъ служить не болѣе какъ подтвержденіемъ того общаго закона, что въ глубокой древности всѣ славянскіе языки были значительно ближе между собой, чѣмъ въ позднѣйшія времена; словацкій языкъ болѣе сохранилъ старый пра-славянскій обликъ, чешскій напротивъ пережилъ весьма значительныя измѣненія, но когда-то также стоялъ ближе къ обще-славянскому пра-языку.

О самостоятельности словацкаго языка свидѣтельствуетъ и занимаемое имъ особое географическое положеніе въ славянскомъ мірѣ. Къ словацкому языку близко примыкаетъ не только чешско-моравскій языкъ, но и другіе славянскіе языки: польскій, русскій (малорусское нарѣчіе) сербскій. Въ древности (IX ст.) весьма вѣроятно онъ встрѣчался и со словинскимъ языкомъ (др. Паннонія, Блатенское княжество). Такимъ образомъ словацкій языкъ занимаетъ срединное мѣсто въ славянской рѣчи; въ окраинныхъ говорахъ его наблюдаются элементы языковъ то чешскаго, то польскаго, то русскаго, то сербскаго; во всѣхъ частяхъ словацкой земли можно встрѣтить слова и формы другихъ славянскихъ языковъ.

Если къ этому прибавить сдѣланное еще Шафарикомъ тонкое наблюденіе о значительной близости словацкаго языка къ старо-славянскому (древнему церковно-славянскому) въ формальномъ и лексическомъ отношеніяхъ, то вполнѣ правильнымъ будетъ слѣдующій выводъ: будучи въ большей или меньшей степени близкимъ не только къ чешскому, но и ко многимъ другимъ славянскимъ языкамъ сло-

вацкій языкъ служитъ связующимъ звеномъ между всѣми ими и потому естественно представляетъ свой характерный обликъ. Весьма мѣтко опредѣлилъ его значеніе въ наукѣ Л. Штуръ: „въ филологическомъ отношеніи словачина (словенчина) одно изъ главныхъ нарѣчій (языковъ), безъ него нельзя составить всеобщую (т. е. сравнительную) грамматику славянской рѣчи, такъ какъ словачина занимаетъ средину между всѣми славянскими нарѣчіями, въ маломъ видѣ она представляетъ всю славянщину“. Придерживаясь современной терминологіи можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу непосредственный живой потомокъ славянскаго праязыка.

Наконецъ можно сослаться на сужденія о словацкомъ языкѣ нѣкоторыхъ старыхъ изслѣдователей. Янъ Благославъ, сообщающій въ своей чешской грамматикѣ (1571 г.) первыя довольно обстоятельныя свѣдѣнія о чешской діалектологіи, включаетъ въ область чешскаго языка только моравскіе и силезскіе говоры, а языкъ угорскихъ Словаковъ выдѣляетъ въ самостоятельную группу: „рѣчь словенская, которою говорятъ всѣ Славяне отъ Карпатъ“ (Татры) до Средиземнаго моря и дальше“. Къ этой „словенской рѣчи“ по понятіямъ Благослава, относились какъ справедливо поясняетъ В. Душекъ [1]), и южнославянскіе языки. Конечно соединеніе послѣднихъ въ одну группу со словацкимъ языкомъ показываетъ, что у грамматика XVI ст. были неопредѣленныя свѣдѣнія о южно-славянскихъ языкахъ. Но нельзя не признать весьма характернымъ того обстоятельства, что мораванинъ Янъ Благославъ (род. изъ Прерова), писавшій свой трудъ уже въ ту пору, когда чешскій языкъ былъ довольно распространенъ среди Словаковъ, разсматриваетъ, однако, словацкій языкъ какъ совершенно самостоятельный отъ чешскаго и ставитъ его въ одну группу съ языками, пониманіе которыхъ, по его словамъ, представляетъ трудности для чеха и поляка. — Знаменитый словакъ П. Шафарикъ, писавшій свои ученые труды главнымъ образомъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, въ одномъ изъ раннихъ сочиненій въ „Geschichte der slawischen Sprache und Literatur (1825) отдѣляетъ словацкій языкъ отъ чешскаго и посвящаетъ ему особые отдѣлы книги. Позже въ „Славянской Народописи“ онъ подводитъ „угро-словенское нарѣчіе“ подъ понятіе „чешской рѣчи“. Такая перемѣна во взглядѣ Шафарика вы-

[1]) Přispěvky k dejinám česke dialektologie. Časop. Čes. Mus, 1895.

вана была, вѣроятно, несочувствіемъ его къ литературному сепаратизму Словаковъ—М. Гаттала во всѣхъ своихъ грамматическихъ трудахъ говоритъ о „словацкомъ языкѣ“ и, хотя постоянно сопоставляетъ его съ чешскимъ, тѣмъ не менѣе относится къ нимъ обоимъ какъ къ двумъ близко родственнымъ, но равноправнымъ язычнымъ единицамъ. Новѣйшіе чешскіе филологи, какъ уже упомянуто, отрицаютъ самостоятельное положеніе словацкаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ. Такъ Проф. Гебауэръ въ своей обширной „Исторической грамматикѣ *чешскаго* языка“ привлекаетъ въ скромныхъ размѣрахъ данныя „словенскаго нарѣчія“. Проф. Фр. Пастернекъ видитъ въ словацкомъ языкѣ опредѣленную группу говоровъ чешскаго языка (eine bestimmte Grupре von Dialekten der čechischeu Sprache)[1]. Фонетика словацкихъ говоровъ, по его мнѣнію, отражаетъ въ себѣ болѣе древнее состояніе чешскаго языка. Окончательное рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону, конечно, впереди и будетъ зависѣть отъ успѣховъ глубокаго и безпристрастнаго изученія словацкаго языка и его любопытныхъ говоровъ. Но и приведенныхъ соображеній намъ кажется достаточно, чтобы оправдать допущенное нами въ настоящемъ трудѣ выдѣленіе словацкаго языка въ самостоятельный отдѣлъ. Къ изложенному можно прибавить еще одно основаніе: словацкій языкъ служитъ органомъ небольшой, но весьма замѣчательной по содержанію литературы. Это обстоятельство независимо отъ характерныхъ филологическихъ свойствъ языка, даетъ послѣднему право на особое вниманіе слависта.

Внѣшняя исторія литературнаго языка Словаковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, изложенныхъ выше, словацкій языкъ очень поздно получилъ доступъ въ письменность и печатную книгу. Въ теченіе многихъ столѣтій въ словацкой землѣ господствовала исключительно латынь, а съ распространеніемъ гуситства и затѣмъ лютеранства утвердилось широкое употребленіе чешскаго литературнаго языка, который сохранялъ свое значеніе въ религіозной, умственной и общественной жизни Словаковъ до начала нынѣшняго столѣтія. Старѣйшимъ памятникомъ словацкаго языка считаются церковныя пѣсни съ словацкими глоссами Вацлава

[1]) Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. Wien, 1888, 5.

Бзенецкаго 1385 г.[1]). Памятникъ этотъ, однако, и доселѣ не изданъ. По мнѣнію П. Шафарика, принятому и Цамбелемъ[2]), письменные памятники у Словаковъ вообще являются не ранѣе прихода въ сѣверо-западную Угрію чешскихъ гуситовъ (Таборитовъ) подъ предводительствомъ Искры изъ Брандыса (1440). Они писаны большею частью на современномъ чешскомъ литературномъ языкѣ. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, относящихся особенно къ XVI и XVII ст., замѣтны примѣси къ чешскому языку словацкихъ формъ и словъ. Подобные элементы словацкой рѣчи встрѣчаются и въ грамотахъ конца XVI и XVII в.[3]) и въ произведеніяхъ литературнаго характера, большею частью остающихся въ рукописяхъ, напр. въ сочиненіи Пауслѣскаго „Инквизиція“ (рук. 1582), въ стихахъ П. Бѣницкаго (рук. 1652), въ рукописномъ сочиненіи неизвѣстнаго автора „Плачъ и вопль городка „Тревчина“. Въ послѣднемъ словацкія формы даже преобладаютъ[4]). Изученіе подобныхъ чешско-словацкихъ текстовъ могло бы представить значительную научную важность: оно помогло бы опредѣлить степень вліянія словацкаго языка на чешскій литературный языкъ, бывшій въ обиходѣ въ словацкой землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представило бы данныя о состояніи словацкаго языка въ XVI—XVII ст. Къ сожалѣнію доселѣ не имѣется ни одной работы посвященной данному вопросу, да и чешско-словацкіе тексты не только не изданы, но и не описаны.

Первый у Словаковъ возъимѣлъ мысль о необходимости обработки своего языка Даніилъ Горчичка (Sinapius), евангелическій проповѣдникъ и религіозно-поучительный писатель второй половины XVII ст. Извѣстное его произведеніе Neoforum Latino-Slovenicum (Nový trh Latino-Slovenský 1678), богатое мыслями о единствѣ славянскаго племени, о любви къ родному языку, о необходимости изученія словацкаго языка,—содержитъ богатое собраніе словацкихъ пословицъ. Это и была первая печатная книга, содержавшая образцы народнаго словацкаго языка. Около того же времени, въ концѣ XVII ст.

[1]) J. Jireček, Rukověť k dějinam literature česke I, 118.

[2]) Prispevky k dejinám jazyka slovenského, 1887, 13.

[3]) Ср. изданія а) Archiv starých česko-slovenských listin, pisemnosti и т. д. Turč. Sv. Martin, 1872, d. I—II; б) Sasinek, Slovenský letopis pre historiu и т. д. v Skalici I, 1876, II, 1877.

[4]) Л. Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ. Славянскій Сборникъ I, 116.

обратили особое вниманіе на народный языкъ представители католическаго духовенства, особенно іезуиты. Считая чешскій языкъ, которымъ пользовались Словаки лютеранскаго и чешско-братскаго толка, за еретическій и желая сдѣлать свои религіозныя книги болѣе доступными для народа, они стали примѣнять чешскій языкъ къ простонароднымъ словацкимъ формамъ. Въ Тернавѣ, центрѣ іезуитско-католической пропаганды, началась усиленная дѣятельность по изданію книгъ для народа на смѣшанномъ чешско-словацкомъ языкѣ, въ которомъ однако мѣстное тернавское нарѣчіе постепенно пріобрѣтало перевѣсъ надъ чешскими формами. Изъ значительнаго количества книгъ, напечатанныхъ въ тернавской типографіи, наиболѣе чистымъ языкомъ отличаются проповѣди А. Мачая (1718). Но, говоря вообще, входившій тогда въ употребленіе новый литературный языкъ еще долгое время оставался неупорядоченнымъ. Каждый авторъ писалъ на свой ладъ; первыя грамматики словацкаго языка [1]) не представляли точной системы.

Давно подготовлявшійся литературный переворотъ въ пользу тернавскаго нарѣчія состоялся только въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, главнѣйше благодаря славной дѣятельности католическихъ священниковъ Ант. Бернолака и Яна Голаго. Этимъ двумъ знаменитымъ мужамъ преимущественно принадлежитъ заслуга возведенія словацкаго языка, именно западнаго его нарѣчія, на степень литературнаго. Антонинъ Бернолакъ (1762 — 1813) составилъ грамматику и словарь словацкаго языка и установилъ однообразную систему правописанія (ср. стр. 221—222, 225—226); Янъ Голый (Holly 1785 — 1849), даровитый поэтъ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ (Swatopluk, Cirillo — Metodiada, мелкія стихотворенія) представилъ прекрасные образцы словацкаго литературнаго языка. Литературная реформа, предложенная Бернолакомъ, были встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ въ католическомъ духовенствѣ. Его грамматика положена въ основу новаго литературнаго языка; установленное имъ правописаніе, не смотря на всѣ свои недостатки получило широкое распространеніе. Первымъ сочиненіемъ, написаннымъ по правиламъ грамматики Бернолака, была полемическая статья противъ католиче-

---

1) Zprava pisma slovenského T. Masnycyusa. Levoč, 1696 и Privod ku dobromluvnosti slovenské. V Trnave, 1780.

скаго священника Байзы, несоглашавшагося съ основными требованіями реформы, подъ заглавіемъ Písmo Pánovi Anti—Fandlymu (Hale, 1790). Въ 1793 г. въ Тернавѣ возникло литературное Общество Tovaryšstvo literného umeňa slovenského, имѣвшее цѣлью изданіе словацкихъ книгъ. Главными дѣятелями въ обществѣ были: кат. свящ. Фандли (сочинявшій проповѣди, историческія и хозяйственныя книги), Газда († 1817, извѣстный сборниками проповѣдей), остригомскій каноникъ Юрій Палковичъ (1763—1835, издававшій книги Бернолакистовъ и сдѣлавшій переводъ Библіи по католическому тексту) примасъ Венгріи Александръ Руднай (1760—1831, сочинявшій проповѣди на словацкомъ языкѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ изданіи словаря Бернолака) и др. Позже (въ 1834 г.) возникло подобное литературное общество въ Пештѣ — Spolek milovníkov reči a literatury slovenskej. Оно понимало уже шире задачи обработки языка и распространенія словацкой литературы; выйдя изъ узкихъ рамокъ церковности, Общество издавало литературный альманахъ Zora (1835, 1836, 1839, 1840) и другія забавно-поучительныя книги. Въ альманахѣ принимали участіе: Гамульякъ (основатель общества), Голый, Годра, Желло и другіе составившіе себѣ впослѣдствіи извѣстность словацкіе писатели.

Такъ положено было начало обработки словацкаго литературнаго языка; такъ возникала словацкая литература. Въ этомъ литературномъ движеніи, однако, принимали участіе не всѣ словацкіе патріоты, а почти исключительно католики. Протестанты, хотя и восторгались произведеніями Голаго, относились неодобрительно къ реформѣ Бернолака и продолжали энергично стоять за сохраненіе чешскаго литературнаго языка. Они основали свои литературныя общества (въ Пресбургѣ, Баньской Штявницѣ) и выставили своихъ даровитыхъ людей какъ Таблица, Юрія Палковича[1]), которые заботились о распространеніи у Словаковъ чешскаго языка. Потребовалось еще время, чтобы обѣ народныя партіи, оставивъ религіозные счеты, сошлись въ выработкѣ одного литературнаго языка. Знаменитые словаки Шафарикъ и Колларъ, впослѣдствіи заявившіе себя сторонниками литературнаго единства Чеховъ и Словаковъ, своею ученою дѣятельностью, какъ то собираніемъ и изданіемъ словацкихъ пѣсенъ, и сочи-

---

[1]) Нужно отличать его отъ другаго Палковича, каноника, выше названнаго.

неніями всеславянскаго характера (Шафарикъ—Исторіей славянскихъ литературъ, Древностями, Народописью, Колларъ—поэмой „Дочь Славы“, трактатомъ „Славянская взаимность“) въ значительной степени содѣйствовали возбужденію у Словаковъ и общаго славянскаго чувства и мѣстнаго словацкаго патріотизма. Наконецъ, политическія обстоятельства, главнѣйше, необходимость отстаивать права словацкой народности противъ насилій и притязаній Мадьяръ, приведшая оба народа къ вооруженному столкновенію въ 1848 г., сдѣлали неизбѣжнымъ рѣшеніе спорнаго вопроса въ народномъ направленіи.

Съ конца тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ народное дѣло взяли въ свои руки патріоты протестантскаго лагеря. Одушевляемые чувствомъ горячей любви къ родинѣ, они успѣли дружными усиліями примирить религіозныя и литературныя партіи и создали для всего народа единый прекрасный литературный языкъ, который развивается и доселѣ, оставаясь выразителемъ духовной жизни народа. Въ выполненіи этого великаго дѣла наибольше заслугъ имѣютъ славные вожди и народные дѣятели Словаковъ, даровитые писатели и славянскіе мыслители Людевитъ Штуръ (1815—1856) Іосифъ Гурбанъ (1817—1888) и Михаилъ Годжа (1811—1870). Въ одномъ духѣ съ ними дѣйствовали многочисленные представители словацкой молодежи, группировавшіеся около народнаго литературнаго общества „Tatrín“, Пресбургскаго лицея (при которомъ существовала каѳедра славянскаго языка и литературы) и новооснованныхъ словацкихъ періодическихъ изданій. Сущность новаго литературнаго переворота состояла въ отреченіи какъ отъ чешскаго литературнаго языка, такъ отъ берполачины, основанной на окраинномъ весьма близкомъ къ моравскимъ говорамъ нитранско-тернавскомъ нарѣчіи и во введеніи въ литературу нарѣчія наиболѣе чистаго и характернаго и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе распространеннаго. Это было среднее нарѣчіе господствующее въ комитатахъ: липтовскомъ, нижне-оравскомъ, верхне-тренчинскомъ, турчанскомъ, зволенскомъ, новоградскомъ, гонтскомъ, пештскомъ и въ нижней Угріи. Будучи одинаково удалено какъ съ запада отъ вліянія чешскаго языка, такъ съ сѣвера — отъ польскаго и съ востока — отъ малорусскаго, оно является самымъ чистымъ и законченнымъ типомъ языка и по преимуществу совмѣщаетъ въ себѣ черты, общія всѣмъ разнообразнымъ словацкимъ говорамъ. Первымъ опытомъ въ новомъ направленіи было изданіе въ 1844 году второго тома аль-

манаха „Nitra“ подъ редакціей Гурбана. Съ 1845 г. стала выходить на новомъ языкѣ подъ редакціей Штура первая словацкая газета „Slovenské národnje noviny съ беллетристическимъ приложеніемъ „Orol Tatranský“, а съ 1846 г. учено-литературный журналъ Гурбана „Slovenské Pohlády“. Всѣ эти изданія были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ словацкою молодежью; они привлекли къ себѣ одинаково протестантскихъ и католическихъ писателей и стали зерномъ, изъ котораго въ непродолжительное время выросла цѣлая словацкая литература.

Съ цѣлью обосновать необходимость реформы и правильность возведенія средняго нарѣчія на степень литературнаго языка Штуръ и Годжа издали особыя книги, написанныя съ прекраснымъ знаніемъ дѣла и искреннимъ убѣжденіемъ; именно Штуру принадлежатъ: Nauka reči slovenskej; Narečja slovenskuo (обѣ книги напечатаны въ Пресбургѣ въ 1846 г.[1]); Годжѣ—1) Epigenes Slovenicus Leutschoviae, 1847; 2) Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847 и 3) Vetín o slovenčinĕ. V Levoči, 1848. Болѣе точное опредѣленіе нормъ новаго литературнаго языка и установленіе однообразнаго правописанія прошло нѣсколько стадій. Во II т. „Нитры“ еще не видно ни однообразнаго языка, ни опредѣленнаго правописанія: авторы помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній писали каждый на своемъ родномъ говорѣ, придерживаясь своего исключительно фонетическаго правописанія. При разнообразіи говоровъ средняго нарѣчія, литературный языкъ въ первое время отличался нѣкоторою пестротой. Л. Штуръ въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ вводилъ въ литературу серединную словачину въ полномъ видѣ со всѣми ея характерными особенностями, оставляя въ сторонѣ аналогіи какъ другихъ словацкихъ нарѣчій, такъ прочихъ славянскихъ языковъ; при выборѣ формъ въ области самого средняго нарѣчія онъ отдавалъ предпочтеніе липтовскому говору, какъ отличающемуся особеннымъ стремленіемъ къ „полногласности“ и двугласнымъ (zbožia, viera, priazeň, bou, videu и т. п.); въ правописаніи онъ строго держался фонетическаго принципа—писать буквально такъ, какъ говоритъ народъ. Въ такомъ видѣ Штуровскій литературный языкъ получалъ нѣсколько мѣстный, провинціальный характеръ и не вполнѣ удовлетворялъ широкимъ зада-

[1]) Весьма важна также его статья „Ustrojnosť a organism reči slovenskej“ Orol Tatranský II.

чамъ новаго литературнаго движенія. Исправленіе недочетовъ „Штуровщины“ принялъ на себя глубокомысленный, высокоталантливый М. Годжа. Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ — Epigenes slovenicus (1847) и Větín (1848), прекрасно раскрывающихъ богатство звуковъ и формъ словацкаго языка, онъ намѣтилъ путь, которымъ среднее нарѣчіе, отрѣшившись отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, должно было получить значеніе всѣмъ понятнаго обще-словацкаго литературнаго языка, а также установилъ начала болѣе цѣлесообразнаго правописанія, въ которомъ рядомъ съ фонетическимъ принципомъ приняты во вниманія требованія этимологическія. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ высокообразованный филологъ М. Гаттала, оказавшій, какъ уже сказано (222—223 стр.), большія услуги дѣлу изученія словацкаго языка. Уже въ 1850 г. онъ издалъ на латинскомъ языкѣ словацкую грамматику, въ которой вполнѣ одобрялъ точку зрѣнія Годжи. Наконецъ въ 1851 г. въ Пресбургѣ состоялся съѣздъ словацкихъ писателей, опредѣлившій подъ руководствомъ М. Годжи и М. Гатталы нормы литературнаго языка и установившій правила орѳографіи, а въ 1852 г. вышла въ свѣтъ краткая грамматика М. Гатталы (Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku), въ который воспроизводился типъ этого новаго литературнаго языка. Теперь всѣ сомнѣнія и разногласія кончились; словацкіе патріоты безъ различія вѣроисповѣданія съ восторгомъ привѣтствовали литературную реформу; словацкій народъ на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи получилъ свой собственный литературный языкъ.

Прошло нѣсколько десятилѣтій и этотъ новый литературный языкъ не только окрѣпъ и развился, но и получилъ художественную обработку въ превосходныхъ созданіяхъ цѣлой плеяды даровитыхъ писателей, изъ которыхъ (кромѣ названныхъ трехъ начинателей новаго литературнаго направленія—Л. Штура, М. Гурбана и М. Годжи), особенно выдѣляются уже сошедшіе въ могилу славные поэты: Карлъ Кузмани Андрей Сладковичъ, Само Халупка, Янко Краль, Вилемъ Паулини-Тотъ, Самуилъ Томашикъ, Калинчакъ и новѣйшіе крупные художественные таланты Іосифъ Гурбанъ—Ваянскій (романистъ) и Орсагъ—Гвѣздославъ (лирикъ). Продолжающееся бѣдственное политическое положеніе Словаковъ, доведенныхъ Мадьярами до крайней степени безправія и униженія, создаетъ тяжелыя условія для дальнѣйшаго болѣе широкаго развитія и распро-

страненія словацкаго языка. Вслѣдъ за пышнымъ разцвѣтомъ словацкой литературы въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ реакціи 50-хъ годовъ наступило безотрадное затишье, сопровождавшееся упадкомъ энергіи у словацкихъ народныхъ дѣятелей и ослабленіемъ литературной производительности на народномъ языкѣ. Чешскій языкъ снова сталъ пріобрѣтать утраченное значеніе въ литературѣ Словаковъ. Въ 60-хъ годахъ на короткое время произошла перемѣна къ лучшему. Словаки успѣли создать на свои народныя деньги учено-литературное Общество „Матицу" (1863) и три гимназіи; литература оживилась; словацкій языкъ сталъ раздаваться въ средней школѣ и на ученыхъ собраніяхъ; кромѣ популярныхъ и художественныхъ произведеній на немъ стали издаваться ученые труды. Но въ 70-хъ годахъ на Словаковъ обрушились новыя преслѣдованія: матица и гимназіи были закрыты, ихъ имущество, въ томъ числѣ книги и изданія, конфисковано, народные дѣятели и писатели подверглись систематическому гоненію; словацкій языкъ сталъ постепенно вытѣсняться изъ церкви и народной школы. Такое бѣдственное положеніе продолжается и доселѣ. Не признаваемый ни закономъ, ни парламентомъ, вытѣсняемый изъ общественной жизни, словацкій языкъ блюдется почти исключительно въ семьѣ и литературѣ. Новая словацкая литература не смотря на неблагопріятныя условія своего существованія продолжаетъ стоять на высотѣ своего служенія народу. Въ пяти словацкихъ типографіяхъ, изъ которыхъ главнѣйшая въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ, важнѣйшемъ политическомъ и культурномъ центрѣ словачины, печатается болѣе десяти періодическихъ изданій разнообразнаго содержанія: политическаго, беллетристическаго, сельско-хозяйственнаго, педагогическаго, сатирическаго, учено-литературнаго, церковно-религіознаго, и значительное количество отдѣльныхъ книгъ, назначаемыхъ преимущественно для простаго народа. Среди произведеній словацкихъ писателей не перестаютъ появляться вещи, замѣчательныя по языку и содержанію, каковы напр. новѣйшіе романы Гурбана Вянскаго (Na rozhraní, Koreň a vyhonky) или лирико-эпическія піэсы Орсага—Гвѣздослава (Hajnikova žena, Bútor a Čutor, Ež Vlkolinský и др.).

Такимъ образомъ словацкій языкъ вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія и изученія: и по своимъ филологическимъ особенностямъ и какъ органъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ литературъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи представлена главнымъ образомъ образомъ общая характеристика литературнаго языка, но при этомъ приняты во вниманіе всѣ важнѣйшія особенности и отдѣльныхъ нарѣчій. Діалектологическія частности собраны въ особой заключительной главѣ.

Подробности объ обработкѣ словацкаго языка въ литературѣ см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Ярославъ Вóлчекъ, Исторія словацкой литературы. Переводъ А. Опфермана съ предисловіемъ проф. Т. Флоринскаго. Кіевъ, 1889; 2) Того же автора Dejiny literatúry slovenskej. Napísal Jaroslav Vlček. V Turč. sv. Martine, 1890; 3) Л. Пича, Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ Спб, т. I, 1875, II 1877. Переходъ Словаковъ къ народному языку въ литературѣ вызвалъ горячіе протесты со стороны Чеховъ, наиболѣе рѣзко выраженные въ книгѣ Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawány a Slowáky. V Praze, 1846. Отвѣтомъ на эти протесты была книга М. Годжи. Vetín o Slovenčině, V Levoči, 1848.

---

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Словацкая графика создалась подъ вліяніемъ чешской. Первыя словацкія книги писались и печатались по чешскому способу, т. е. латиницей или швабахомъ (готической нѣмецкой азбукой) съ тѣми измѣненіями и приспособленіями къ славянской рѣчи, какія были сдѣланы въ латинской абецедѣ Гусомъ и Чешскими Братьями (ср. 46, 57 стр.). Первый опытъ введенія болѣе самостоятельнаго правописанія, ближе соотвѣтствующаго свойствамъ словацкаго языка, принадлежитъ А. Бернолаку (ср. 221 стр.). Однако опытъ этотъ оказался неудачнымъ. Не привилась и слѣдующая за бернолачиной система Штура, какъ основанная исключительно на фонетическомъ принципѣ. Принятый въ настоящее время въ словацкой литературѣ способъ писанія окончательно выработанъ и установленъ въ 1851 г. на съѣздѣ словацкихъ писателей въ Пресбургѣ главнѣйше благодаря трудамъ и указаніямъ М. Годжи и М. Гатталы.

Въ общемъ словацкая графика очень близка къ чешской. Тѣмъ не менѣе она представляетъ рядъ знаковъ, неизвѣстныхъ чешской графикѣ; съ другой стороны нѣкоторыя буквы, принятыя въ чешской

графикѣ отсутствуютъ въ словацкой. Въ правописаніи Словаковъ соединены болѣе или менѣе удачно требованія фонетическія съ этимологическими.

Словацкая абецеда состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ:

a, á, ä, b, c, č, d, ď, dz, dž, e, é, f, g, h, ch, i í, j, k, l, l', ĺ. m, n, ň, o, ô, p, r, ŕ, s, š, t, ť, u, ú, v, y, ý, z, ž.

á, é, í, ô, ú, ý обозначаютъ соотвѣтствующіе долгіе гласные; **ô**, обозначаетъ долгое **o**, которое въ большей части словацкихъ говоровъ звучитъ какъ **uo**;

i, (í), y (ý) въ литерат. языкѣ выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ = русск. **и**; этимологически **y (ý)** соотвѣтствуетъ пра-слав. и русск. **ы**;

ä обозначаетъ краткій двугласный звукъ, занимающій середину между **e** и **a**;

l, r обозначаютъ не только плавные согласные, но и соотвѣтствующіе имъ гласные или слогообразующіе звуки; **ĺ, ŕ** выражаютъ гласные плавные долгіе;

ď, ť, l', ň обозначаютъ мягкія **d, t, l, n**;

č, š, ž соотвѣтствуютъ русскимъ **ч, ш, ж**;

h обозначаетъ придыхательное **g**; **ch**—соотвѣтствуетъ русскому **х**;

dz, dž обозначаютъ сложные согласные **дз, дж**;

ia, ie, iu, ou обозначаютъ двугласные звуки.

Сверхъ того въ иностранныхъ словахъ употребляются **q, x**, которыя, впрочемъ, часто замѣняются сложными сочетаніями **kv, ks** (Aleksander, kvietancia).

А) Гласные.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ словацкаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе пра-славянскихъ глухихъ и переходъ имъ въ звонкіе: **ъ** въ **o**, **ь** въ **e**; 2) замѣна пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ чистыми (старо-слав. **ѫ** = **u, ú**, старо-слав. **ѧ** = **a, ä, á, ia**); 3) старо-слав. **ѣ** = **e, ie** (діалектически **i, iä, ia**); 4) характерный звукъ **ä**; 5) мягчительное **e** 6) выговоръ долгаго **ō** какъ **uo** (**ô**); 7) совпаденіе пра-слав. **ы, и** въ одномъ звукѣ **i**; 8) слогообразующіе **r, l**; 9) пристрастіе къ двугласнымъ и вообще къ полному выговору гласныхъ (отсутствіе перегласовки **a—e, u—i** и съуженія **ie—í**, удержаніе нестяженныхъ гласныхъ); 10) различеніе количества гласныхъ, ихъ долготы и краткости; 11) краткость и долгота слогообразующихъ **r, l**

Исчезновеніе глухихъ ъ, ь и замѣна ихъ ясными о, е.

Словацкій языкъ подобно чешскому, сербо-хорватскому, русскому и польскому, незнаетъ пра-славянскихъ глухихъ или полугласныхъ звуковъ; онъ стремится къ отчетливому, ясному и полному выговору гласныхъ. Пра-славянскіе ъ, ь уже въ глубокой древности или безслѣдно исчезли или перешли въ звонкіе о, е. Безслѣдное исчезновеніе глухихъ наблюдается (какъ и въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; напр. dub, kosť, spis, tma. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для произнесенія согласныхъ необходимъ гласный, вмѣсто пра-славянскихъ и старо-славянскихъ ъ, ь выступаютъ ясные гласные, именно о вм. ъ и е вм. ь: lož, voš, von, zamok, posol, chlapom, deň, lev, lesť, kupec, но lži, vši, zamka, posla, dnia, lva.

Отъ этого общаго закона и въ литературномъ языкѣ встрѣчаются лишь немногія отступленія; именно: 1) е вм. ожидаемаго о: въ слѣдующихъ словахъ: ker, leb, sen, reptať, církev, turek, lokeť и lakeť; это е вѣрнѣе всего объяснять чешскимъ вліяніемъ; 2) о вм. ожидаемаго е въ окончаніяхъ существительныхъ на -ьлъ, -ьвъ -ьkъ, -ѣkъ: orol, osol, ovos, starčok, mlynčok, brašok; ср. русскія: орёлъ, осёлъ, овёсъ.

Народные говоры относительно замѣны пра-слав. ь слѣдуютъ литературному языку. Что же касается замѣны пра-слав. ъ, то о наблюдается только въ среднемъ нарѣчіи; въ западномъ и восточномъ нарѣчіяхъ выступаетъ е: lež, zamek, posel, zamkem, oknem, ven. Въ нѣкоторыхъ (немногихъ) словахъ иногда вм. ъ слышится и а: daska (но и deska, doska) dážď (но и dežď, dyšť) mach (и moch) raž (rož, rež); въ одномъ словѣ а и вм. ь: ľan (но діалектич. и len) Ср. послѣдовательную замѣну ъ, ь черезъ а въ сербскомъ языкѣ. „Лекціи" I, 245. Относительно замѣнъ пра-слав. ъ, ь словацкій языкъ стоитъ ближе всего къ русскому языку. Въ чешскомъ языкѣ вм. ъ и ь только е.

Соотвѣтствія старо-славянскимъ ѫ, ѧ.

Словацкій языкъ, подобно чешскому и многимъ другимъ славянскимъ языкамъ, не удержалъ пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ. Слѣды такихъ гласныхъ представляютъ только нѣкоторые говоры на

сѣверъ отъ Тренчина (Чадца, Скалите) и въ сѣверной Оравѣ: dymbe (мн. ч.), lénky, galénžami, s velkom radoščom, nimozom, robjom, som (3 л. мн. ч.); donby, lonky, sklodajon (Скалите); также въ гемерскомъ ком. (Погорела) zajgravajónci, в. п. tvoję dievkę, тв. п. s mladę nevestę. Въ говорахъ этихъ несомнѣнно отражается вліяніе сосѣдняго польскаго языка. Вообще же въ словацкомъ языкѣ носовые гласные издавна перешли въ чистые.

Старо-слав. ѫ соотвѣтствуютъ:

1) *въ краткихъ слогахъ*—u: dub, ruka, ženu, milu.

2) *въ долгихъ слогахъ* ú: súd, kohút, nesú, súci, minúť; въ среднемъ нарѣчіи и литературн. яз. въ твор. п. ед. ч. жен. р. вм. ú—ou se šedivou bradou, tou velikou rybou; впрочемъ въ народныхъ говорахъ возможно и ov: z velkov radosťov въ другихъ нарѣчіяхъ въ этой формѣ вм. ú слышится то краткое u (восточн. н.), то ó (въ нѣкотор. мѣст. гемерск. комит.): z velku radoscu, s velkó radoščó.

Въ чешскомъ языкѣ вм. ѫ также u, ú (ou). Количество u въ обоихъ языкахъ обыкновенно совпадаетъ, но не всегда; напр.:

Чешскій яз.	Словацкій яз.
duha	dúha
houba	huba
housle	husle
kruh	krúh
smutek	smútok
úhel	uhol
pouto	puto
prut	prút
soudce	sudca
smoud, čmúd	smud, čmud
tužba	túžba.

Старо-слав. ѧ соотвѣтствуютъ:

1) *въ краткихъ слогахъ* — ä (=двугласн. ea послѣ губныхъ) 'a (т. е. ja, я, послѣ l, n, t, d) и a (послѣ c, z, s, č, ž, š, j, r): päť, pamäť, deväť, väzet, holubä, ťážký, dieťa, tel'a, jačmeň, mä, ťa, sa, žati;

2) *въ долгихъ слогахъ*—ia (двугласн.): sviazať, viac, piatok, ohliadať, priasť, tiahať, mesiac, riad, vedia, chodia.

Такъ въ литературномъ языкѣ. Въ говорахъ наблюдаются своеобразныя особенности, которыя впрочемъ далеко еще не выяснены. Такъ въ краткихъ слогахъ ä послѣ губныхъ свойственно главнымъ образомъ среднему нарѣчію (комитаты Орава, Липтовъ, Турецъ, Зволенъ, Тековъ, Гонтъ, Новоградъ, Гемеръ); въ западномъ (Пресбургъ, Нитра, Тренчинъ) слышно а, а въ восточномъ (Спишъ, Шаришъ, Земплинъ)—е; въ послѣднемъ е имѣетъ мѣсто и послѣ другихъ согласныхъ (seba, peť, se). Равнымъ образомъ въ долгихъ слогахъ ia вм. ѧ только въ среднемъ нарѣчіи; на—западѣ обыкновенно já (á), а на востокѣ—ja (a); кое-гдѣ (Нижняя Орава, Гемеръ) возможно iä.

Такимъ образомъ господствующей замѣной пра-слав. ѧ въ словацкомъ яз. служатъ ia, а съ разными оттѣнками выговора. Тоже явленіе въ русскомъ языкѣ (пять, рядъ, дитя). Между тѣмъ чешскій языкъ представляетъ двоякій рефлексъ древняго ѧ—ie и ia, при чемъ ie (черезъ съуженіе i) господствуетъ.

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. ѣ въ словацкомъ яз. соотвѣтствуютъ: въ краткихъ слогахъ — е, въ долгихъ ie; оба звука смягчаютъ предшествующіе l, n, d, t, хотя это смягченіе не обозначается leto, hniezdo, deti, diet'a; губные обыкновенно не смягчаются: veriť, viera, behať, pevec, mesiac.

Въ чешскомъ яз. въ краткихъ слогахъ выступаютъ ě, e, въ долгихъ древнее ie перешло или въ é (въ созвучіи lé) или чаще въ í (ср. 61 стр.). Такимъ образомъ въ настоящее время словацкій языкъ въ отношеніи замѣнъ пра-слав. ѣ стоитъ не такъ близко къ чешскому, какъ стоялъ въ XII — XIII ст.; онъ значительно ближе къ русскому (литературному и велико-русскому). Не лишено значенія и то обстоятельство, что количество гласнаго, замѣняющаго древн. ѣ въ чешскомъ и словацкомъ не всегда совпадаетъ; напр. слов. hviezda, чеш. hvězda, слов. svieži, чеш. svěží, слов. semä, чешск. símě слов. slemä, чеш. slémě, слов. temä, чеш. témě, слов. bremä, чешск. břímě, слов. mreža, чешск. mříže и др.

Въ народныхъ говорахъ возможны и другія соотвѣтствія старо-слав. ѣ, но главнымъ образомъ въ долгихъ слогахъ: 1) на западѣ (въ пресбургск. и нитран. ком.) í, é (какъ въ чешск. яз.)—hríchov, utírali, svítylo, bíly, vlékol, mléko; такъ и въ языкѣ Бернолака и Голаго — víra, spíva, но chléb; 2) на востокѣ (Спишъ, Шаришъ, Зем-

плинъ) — краткое i — hrichov, bilu, ucirali; такъ и въ сосѣднемъ угрорусскомъ нарѣчіи; 3) въ гемерскомъ ком. ia, ja и (кое-гдѣ) iä — chvaliav, kviatok, nasbiaral, smiach, diavka, bjaló, hrjacho, biäda, neviäm (Дренчаны); также въ говорахъ Чадца, Скалите—povjadało, miasta, lasé. — Въ среднемъ нарѣчіи только ie какъ въ литературномъ языкѣ. Въ краткихъ слогахъ во всей области словацкаго языка слышно почти исключительно e; кое-гдѣ разница только въ степени мягчительной способности этого e; напр. въ западн. ч. нитранской области смягчаются и губные: mesta, osvecuješ. Въ новоградск. к. иногда слышно ä: osväcuješ mästa. Впрочемъ и въ литературномъ языкѣ въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчаются ä, ia: напр. človäči, väža, zemän, sňah, l'avo, bl'ady и blädy и др.

Основными, характерными рефлексами древн. ѣ въ словацкомъ языкѣ нужно считать e, ie; діалектическія í, i, ia (ja) сближаютъ словацкій языкъ съ сосѣдними славянскими языками, именно: í съ чешскимъ, i съ малорусскимъ, ia, ja — съ польскимъ. Діалектическое двугласное ä, iä быть можетъ есть древнѣйшее соотвѣтствіе старослав. ѣ (Ср. „Лекціи“ I, 78 и Arch. f. Slav. Phil., XVII).

Всѣ указанные рефлексы древн. ѣ выступаютъ какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ въ суффиксахъ основъ и падежныхъ окончаніяхъ; напр.; 1) beh, bežať, smeť, semä, sbierať, lietat, umierat; 2) človek, но človäčí, vedeť; 3) rybe, dele.

Ä.

Характерную особенность словацкаго вокализма составляетъ звукъ, обозначаемый посредствомъ ä (или æ). Это — гласный, занимающій средину между e и a, точнѣе — e, произносимое съ окраской a. М. Годжа, впервые введшій въ графику знакъ ä, опредѣлилъ его звуковое значеніе какъ iea; М. Гаттала видитъ въ немъ родъ двугласнаго ea, въ которомъ первый звукъ (e) беретъ перевѣсъ подъ вторымъ (a); Викторинъ утверждаетъ, что ä произносится какъ нѣмецкое ä, только болѣе отрывисто. Это несходство въ опредѣленіяхъ грамматиковъ объясняется тѣмъ, что данный характерный звукъ въ разныхъ говорахъ представляетъ свои оттѣнки. Въ частностяхъ эти оттѣнки, а равно функціи ä и степень распространенности этого звука въ языкѣ еще не выяснены.

Въ литературномъ языкѣ ä замѣняетъ послѣдовательно пра-слав. ѧ послѣ p, b, v, m въ краткихъ слогахъ: päť, sväzok, pamät, svätý (ср. выше стр. 250), но и pradzä, jätri sa (Орсагъ). Сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ, а частью у отдѣльныхъ писателей ä выступаетъ замѣстителемъ другихъ гласныхъ; именно: 1) пра-слав. ѣ: väža, člověčí, zemän, sňäh, nelzä (старо-слав, нельзѣ), bl'ädý; 2) кратк. a: vyrabäť, vytápäť, pokrapäť, staväť, čäs, käď, bäran, gäjdy, kämen (но и kameň), kädit; 3) краткаго e: mäd, jäzero, jäskyňa; 4) пра-слав. ъ: käde; 5) пра-слав. і, ы: väma (вымѧ), okräje; и пр.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ ä проникло въ литературный языкъ изъ разныхъ говоровъ. Въ какихъ именно словахъ слышится и должно писаться ä—точно не установлено. Это одинъ изъ трудныхъ, неясныхъ вопросовъ словацкой орѳографіи (ср. Czambel, Príspevky k dejinám jazyka slovenského, 36—40).

Изъ народныхъ нарѣчій ä распространено преимущественно въ срединныхъ говорахъ (Орава, Липтовъ, Турецъ, Зволенъ, Тековъ, Гонтъ, Новоградъ и Гемеръ). Большею частью здѣсь ä соотвѣтствуетъ старослав. ѧ въ краткихъ слогахъ; въ новоград. к. оно выступаетъ также вм. ѣ, а въ липтовскомъ, зволенскомъ оравскомъ и гемерскомъ вм. a. Въ гемерскомъ говорѣ различается краткое ä отъ долгаго ae: jae, košaeriky, obidvae, sedlaek, konä (р. п.), däleko, do jämy. Въ говорахъ Нижней Оравы и Гемера встрѣчается iä (вм. ѧ).

A, á, ia.

Гласный a можетъ быть краткимъ и долгимъ—a и á: sláva, zlatá rybka.

Послѣ мягкихъ согласныхъ (а также послѣ n, v), долгое a обыкновенно выражается черезъ двугласн. ia: čiara, žiar, žial, dušiam. Такъ въ литературномъ языкѣ и въ среднемъ нарѣчіи. На западѣ и послѣ мягкихъ á (какъ въ чешскомъ языкѣ). На востокѣ (а также кое-гдѣ въ тренчинск. к. (Кысуца) и гемерск. к. (В. Ревуца) нѣтъ долгаго á, а слышится только краткое a. Іотаціей a послѣ мягкихъ согласныхъ словацкій отличается отъ чешскаго и сближается съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Словацкое a соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. a: žena ženám; 2) пра-слав. ѧ въ краткихъ слогахъ: jačmeň, sa, žať (см. выше стр. 250).

Словацкое ia не только соотвѣтствуетъ чешскому á (послѣ мягкихъ согласныхъ), но и старо-слав. ѧ въ долгихъ слогахъ: sviazať, viac, piatok (см. выше стр. 250).

Первоначальное a (краткое и долгое) во многихъ говорахъ перешло въ ä: bäran, kämen, žäloba, jä, dvä (см. выше стр. 253). Въ сѣв.-тренчин. гов. (Чадца, Скалите), вм. a возможно o (какъ въ ляшскомъ нар.) jo, vom, něchovoš, olšom (ср. стр. 68, 210).

E, é, ie.

Гласный e можетъ быть краткимъ и долгимъ: žena, dcéra.

Долгота e въ литературномъ языкѣ и въ большей части народныхъ говоровъ выражается двояко: а) протяжнымъ é и б) двугласнымъ ie; é выступаетъ главнымъ образомъ какъ результатъ стяженія; напр. zdravé, zdravého; также въ dcéra и нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ: grék, švéd, planéta и т. п.; во всѣхъ другихъ случаяхъ ie: mlieko, chlieb, riect, uviesť.

Въ восточномъ нарѣчіи (Спишъ, Шаришъ), вообще не различающемъ количество гласныхъ, существуетъ только одно краткое e.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ западнаго нарѣчія (Тренчинъ, Нитра) долгое e всегда звучитъ какъ é uvést, réklo; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гемерскаго ком.—какъ ia: nesiam, nepriviadó, odviašč.

Краткое e, на ряду съ другими узкими гласными, смягчаетъ предшествующіе согласные l, n, t, d, при чемъ въ современной графикѣ это смягченіе не обозначается; напр. daleko, padne, nemoc, dedina, teplo. Отступленій отъ этого закона немного: въ ten, onen и производныхъ отъ нихъ (teraz, vtedy и т. д.) t, n звучатъ твердо; также e не смягчаетъ предшествующій согласный въ склоненіи сложномъ когда оно стоитъ вм. первонач. é (krásneho, см. ниже) и въ именномъ склоненіи прилагательныхъ (matkine), когда замѣняетъ др. ы. Изъ народныхъ говоровъ отступленіе въ этомъ отношеніи представляютъ говоры на западъ отъ р. Вага а также въ гемерск. ком.; здѣсь l, n, t, d звучатъ передъ e твердо какъ въ чешскомъ языкѣ.

Данною чертою словацкій языкъ отличается отъ чешскаго языка и сближается съ русскимъ (великорусскимъ и бѣлорусскимъ) польскимъ и лужицкимъ.

Словацкое e соотвѣтствуетъ: 1) пра-славянскому e (berete, peku; 2) пра-слав. и старо-слав. ь (den, kupec ср. 249 стр.); 3) пра-слав. и

старо-слав. ѣ въ краткихъ слогахъ (hnev, mesto ср. стр. 251); 4) пра-слав. и старо-слав. ѧ въ восточномъ нарѣчіи (Спишъ, Шаришъ, me se, vece. См. стр. 251).

ie: 1) представляетъ удлиненіе e; 2) соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. ѣ въ долгихъ слогахъ (hniezdo ср. стр. 251).

Весьма характерно удлиненіе e въ ie въ основахъ настоящ. вр.: vediem, vedieš, nesiem, pečiem, miniem, klniem, но pnem, kradnem, tešem.

Въ отдѣльныхъ словахъ, чаще послѣ мягкаго согласнаго (особ. l), вм. первичнаго e иногда слышится a или ä; čata, jelša, и jelša, jaseň и jeseň, l'ad, sladoläd, pläch, šlachta и šlächta, mäd, mäčať, pohrab.

Иногда вм. первичнаго e выступаетъ o: hoslo, svokor, ktory, útorok, kloštor, štvoro, pätoro.

Гласный e (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) можетъ быть подвижнымъ звукомъ, причемъ онъ то замѣняетъ древн. ь, то служитъ вставочнымъ звукамъ: den—dne, tma—temný, oheň, baseň, sester, ovec.

O, ô, (ó, uo, ua, u).

Гласный o можетъ быть краткимъ и долгимъ: orol, nôž.

Долгое o въ современномъ литературномъ языкѣ звучитъ какъ двугласный uo и обозначается посредствомъ ô. Въ періодъ выработки новаго правописанія этотъ звукъ передавали то черезъ uo, то черезъ ó; теперь утвердился знако ô; ó употребляется только въ заимствованныхъ словахъ; напр.: história, Evrópa.

Въ народной рѣчи uo слышится въ срединныхъ говорахъ (Турецъ, Орава, Липтовъ, Зволенъ, Новоградъ, Гонтъ, Тековъ, частью Нитра, Тренчинъ); на западѣ (въ пресбургскомъ и большей части нитранскаго и тренчинскаго комитатовъ) обычно протяжное ó; такъ и у Бернолака и Голаго; на востокѣ (Спишъ, Шаришъ, Земплинъ), а также кое-гдѣ въ гемерскомъ и тренчинскомъ комит. — краткое u — какъ замѣститель болѣе древняго u; въ гемерск. ком. нерѣдко ua; напр. mûžeš, muožeš, móžeš, mužeš, muažeš.

Всѣ эти рефлексы долгаго o, (за исключеніемъ ua) находящіеся между собой въ генетической связи, представлены въ большей или меньшей степени въ чешскомъ языкѣ, то въ старомъ литературномъ, то въ современныхъ народныхъ говорахъ Моравіи и Силезіи (ср. стр. 70, 205, 212). Но между нынѣшними литературными языками Чеховъ

и Словаковъ въ этомъ отношеніи уже значительная разница: въ чешскомъ яз. ŏ = ů, въ словацкомъ ŏ = ô (uo). Сверхъ того не лишено значенія то обстоятельство, что расширеніемъ ŏ въ uo словацкій языкъ сближается не только съ древне-чешскимъ яз.[1]), но и малорусскимъ, польскимъ, сербо-лужицкимъ и словинскимъ (Ср. стр. 70). Количество гласн. o въ чешскомъ и словацкомъ обыкновенно совпадаетъ; но наблюдаются и характерные случаи различія; такъ въ словацк. дат. п. мн. ч.—конч. на—om, въ чешск.—на—ům (chlapom, chlapům), род. п. мн. ч.—въ слов. на—ov въ чешск.—на ův (chlapov, chlapův).

Кромѣ обще-славянскаго значенія (okno, dôm) o въ словац. яз. соотвѣтствуетъ также пра-слав. и старо-слав. ъ (lož, chlapom ср. стр. 249).

Перегласовка o въ e послѣ мягкихъ согласныхъ, довольно последовательно выдержанная въ чешскомъ языкѣ, почти отсутствуетъ въ словацкомъ; Словаки пишутъ pole, srdce, vajce, но говорятъ: pol'o, srdco, vajco; подобнымъ образомъ — mužom, mužovi, mužoch, čoho, čomu, jom, mojom, našom и т. д.; но mojeho, mojemu. Чаще перегласовка въ Дренчанск. говор. (гемерскій комит.).

Вообще основное o сохраняетъ свое мѣсто въ словѣ, не уступаетъ его другимъ гласнымъ; характерное исключеніе представляютъ два слова: kreme, krema, krem (кромѣ) и pre (вм. про).

I, í. Y, ý.

Словацкій языкъ, подобно чешскому и южно-славянскимъ языкамъ, не знаетъ различія между пра-славянскими и и ы. Принятые въ словацкой графикѣ начертанія i, y обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ, который произносится какъ обыкновенное русское и; напр. byť (быти) biť (бить) звучатъ одинаково; ryba, mysel произносятся: риба, мисель. Употребленіе того или другаго знака обусловливается законами этимологіи: y выступаетъ тамъ гдѣ въ пра-славянск. и старо-слав. яз. было ы; напр. byť, byk, my, jazyk. Послѣ гортанныхъ обыкновенно пишется y: hýbať, kývať, послѣ c, č, ž, š—i—život, široko. Древнее различіе въ природѣ обоихъ звуковъ отражается лишь въ неодинаковомъ ихъ вліяніи на предшествующіе согласные; передъ i (= пра-слав. i) l, n, t, d звучатъ мягко какъ передъ e и другими узкими гласными,

[1]) Изъ живыхъ чехо-моравскихъ говоровв uo (вм. ŏ) представляетъ только сѣверноопавскій говоръ.

а передъ y (т. е. i = пра-слав. y) тѣже согласные произносятся твердо; напр. dym, dyňa, divo (т. е. ďivo), jasni sa (т. е. jasňí) и jasný čas. Этимъ различіемъ въ выговорѣ предшествующихъ согласнымъ оправдывается сохраненіе въ графикѣ знака y, дѣлающее излишнимъ обозначеніе мягкости согласныхъ передъ i. Но правильное употребленіе y представляетъ большія трудности, съ которыми не всегда справляются даже образцовые писатели. Отсюда въ литературномъ языкѣ нерѣдко разногласіе относительно употребленія i и y, а въ ученой литературѣ раздаются голоса объ исключеніи y изъ словацкой азбуки[1]).

Гласный i (y) можетъ быть краткимъ и долгимъ: kniha, piesní, ryba, český. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ словацкой земли сохранилось древнее ы, звучащее совершенно такъ, какъ у Русскихъ и Поляковъ. Это—въ говорахъ Гонта (около Бзовика), Оравы и Тренчина на границахъ съ польскою народностью: ryby (рыбы). Въ новоградскомъ, гонтскомъ, зволенскомъ и гемерскомъ комитатахъ вм. y слышится e, какъ у моравскихъ Ганаковъ, а вм. y — ej, какъ въ чешскихъ народныхъ говорахъ; напр.: te, ve, me, be вм. ty, vy, my, by, do ruke; bejk, dejm, dobrej вм. býk, dým, dobrý. По вѣроятному мнѣнію Пастернка, въ этой звуковой особенности данныхъ говоровъ нужно видѣть чехизмъ, занесенный къ Словакамъ чехо-моравскими колонистами гуситской эпохи, селившимися именно въ выше поименованныхъ комитатахъ.

Вм. древн. y слышно o въ прич. bol, bola; здѣсь o явилось, вѣроятно, по аналогіи другихъ причастій niesol, pekol и т. д. Въ Гемерѣ—bul, неопр. but, въ восточн. нарѣчіи (Спишъ, Шаришъ), bul; въ Погорелѣ (Гемер. ком.) bela, belo.

Въ говорахъ гемерскаго ком. наблюдается e вм. i въ прич. на l: zatopeu, proseu, vrateu.

U, ú (ou).

Гласный u можетъ быть краткимъ и долгимъ: ruka, duch, súd, nesú (3 л. мн. ч.).

Долгота всегда выражается черезъ ú; только въ творит. п. ед. ч. вм. старо-слав. ѫ въ литерат. яз. и среднемъ нар. слышится ou (какъ въ чешск. яз.): rukou, mnou; въ западн. нар. и здѣсь—ú: rukú.

---

[1]) Ср. Czambel, Prispevky k dejinam jazyka slovenského. 36, 40–43. Не лишне замѣтить, что ни Бернолакъ, ни Штуръ не употребляли y. Знакъ этотъ ввели Годжа и Гаттала.

Въ восточномъ нар. существуетъ только краткое u. Гласный u (ú), соотвѣтствуетъ пра-славянскому u (duch, chlapu) и замѣняетъ пра-слав. и старо-слав. ѫ, напр. muž, rybu, trú (ср. выше стр. 250).

Сверхъ того въ большей части народныхъ говоровъ выступаетъ краткое u вм. первичныхъ твердаго l и v, когда эти согласные заканчиваютъ слово или находятся внутри слова передъ другими согласными; напр.: bou, dau, biu, pounoc, kostieu, touko, stou; leu, rodičou, prauda, dieuča. Въ западномъ нар. каждое ł переходитъ въ u: na žauobu, okouo, huavnú.—Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ u переходитъ гласное l: sunko, tuštymi, duho (Бзинца, Бошаца, Тренчинъ). Сохраняется твердое ł въ комитатахъ — верхне-тренчинскомъ, оравскомъ, турчанскомъ, спишскомъ и шаришскомъ.

Въ современномъ литературномъ языкѣ принято этимологическое правописаніе т. е. вездѣ сохраняются первичные l и v: bol, dal, pravda. Между тѣмъ Штуръ предлагалъ писать по господствующему народному выговору: bou и т. д.

Переходъ твердаго ł въ u особенно сближаетъ словацкій языкъ съ мало-русскимъ, словинскимъ и сербо-лужицкимъ языками; частные примѣры такого перехода встрѣчаются въ нѣкоторыхъ чехо-моравскихъ говорахъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ народныхъ говорахъ u выступаетъ вм. o въ окончаніи глаголовъ на—ovať: spisuvať, pracuvať. Въ литерат. яз. принято—ovať.

Слогообразующіе r, ŕ, l, ĺ.

Словацкому языку, на ряду съ чешскимъ и сербо-хорватскимъ, свойственны т. н. гласные или слогообразующіе r, l, обозначаемые на письмѣ начертаніями одноименныхъ согласныхъ; напр. vlk, srna.

Характерная особенность словацкихъ гласныхъ r и l состоитъ въ томъ, что они въ противоположность чешскимъ могутъ быть двоякаго количества, долгими или краткими[1]), l и l', r и ŕ; напр. srna и sŕňa, držať и z-dŕžať, slza—sl'z (р. п.), vlna—vl'n (р. п.). Тоже явленіе въ сербо-хорватскомъ языкѣ (ср. Лекціи I, 260).

Словацкіе гласные r, l (подобно чешскимъ) развились или 1) изъ пра-славянскихъ ръ, лъ, рь, ль: brv, hrmeť, slza, klnuť или 2) изъ

1) Изъ чехо-моравскихъ говоровъ долгія l, r находятся только въ валашскомъ и дольскомъ нарѣчіяхъ, служащихъ посредствующимъ звеномъ между моравскими и словацкими говорами.

пра-слав. ър, ъл, ьр, ьл: hrdlo, brzko, mrtvy, srdce, vlk, plný, dlh (ср. 75 стр.).

Въ словацкомъ языкѣ употребленіе гласныхъ r, l послѣдовательнѣе и постояннѣе, чѣмъ въ чешскомъ, который часто допускаетъ при r, l гласные звуки; напр. blcha (ч. blecha), bŕsť, brdnuť (ч. břisti, břednouti), brvno (ч. břevno), hlboky (ч. hluboký), chlp (ч. chlup), klka (ч. kluk), krv (ч. krev), krst (ч. křest), šklbať (ч. sklubati), trsť (ч. tresť), čln (ч. člun), črpát (čerpáti), dlbat (ч. dloubati), dlho (ч. dlouho), dlh (ч. dluh), chlm (ч. chlum), krč (ч. křeč), stlp (ч. sloup), slnce (ч. slunce), t'lct, t'lkať (ч. tlouci, tloukati), tlstý (ч. tlusty), žlč (ч. žluč), žlty (ч. žluty), žrď (ч. žerď). Любопытно plvať (старо-слав. плути, пловѫ).

Впрочемъ, и въ словацкомъ языкѣ наблюдаются случаи полной вокализаціи l, r, т. е. появленія вмѣсто нихъ звуковыхъ сочетаній— гласный + согласный r, l; напр. blišteť, возлѣ brvno и bervno и brevno, возлѣ krv—krev, krst и kresťan, vietor, pekol; послѣ č обыкновенно e (какъ въ чешск. яз.), červ, černy; также hlučať, mluva, pluk, tlumač. Въ формѣ этихъ словъ нужно видѣть вліяніе чешскаго языка.

Въ народныхъ говорахъ гласные r, l, слышны во всей западной и средней полосѣ словацкой земли. Только на востокѣ (Шаришъ, Спишъ, Земплинъ) при r, l всегда находятся гласные: verba, verch, serdečko, žoltoklosny, slunko; также zarno, sarce, tarhác, čarne; ar вѣроятно, нужно объяснять польскимъ вліяніемъ.

Пра-слав. tert = tret, triet (trêt), пра-слав. tort = trat.

Относительно соотвѣтствій пра-славянскимъ сочетаніямъ формулъ tert (telt) и tort (tolt) словацкій языкъ находится въ одной группѣ со старо-славянскимъ, чешскимъ и южно-славянскими языками и отличается съ одной стороны отъ русскаго (полногласіе tereť, torot), съ другой отъ польскаго и сербо-лужицкаго (tret, trot).

Изъ пра-слав. tert (telt) черезъ перестановку и удлиненіе e образовалось trêt (tlêt). Гласный ê соотвѣтствуетъ старо-слав. ѣ и въ словацкомъ языкѣ звучитъ въ краткихъ слогахъ какъ e, въ долгихъ какъ ie: breh, breza, mreť, plen, mlieko. Въ словацк. яз. нерѣдко краткое e, гдѣ въ чешск. яз.—долгое ie (í).—Два слова представляютъ отступленіе отъ общаго закона: čerešňa, čerieslo. Такъ какъ эти слова въ въ полногласной формѣ свойственны не одному какому либо говору,

а всему языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ.

Изъ пра-слав. tort черезъ перестановку о и удлиненіе его въ а образовалось trat; напр. brada, hrad, krava.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной части тренчинскаго комит. (Чадца, Скалите, гдѣ вообще рядомъ со словацкой рѣчью раздается польская) наблюдается trot вм. пра-слав. tort: płone, głovni, krovky.

Ср. выше стр., 77—78.

Двугласные.

Словацкій языкъ отличается значительнымъ пристрастіемъ къ двугласнымъ звукамъ.

Въ литературномъ языкѣ употребительны: ia, ie, iu, ä, ô, (uo), ou (въ твор. п.); въ народныхъ говорахъ, вслѣдствіе перехода конечныхъ l, v въ u получается еще длинный рядъ двугласныхъ: au, eu, iu, ou. Примѣры: vzdialena, srdciam, lietať, spaseniu, pamät, kôň, rukou, dau, bou, biu, umeu и др.

Всѣ эти двугласные вѣроятно возникли въ глубокой древности, но всетаки на словацкой почвѣ. Къ сожалѣнію процессъ развитія ихъ не можетъ быть даже приблизительно уясненъ, вслѣдствіе отсутствія историческихъ данныхъ и недостаточной разработки словацкой діалектологіи. Впрочемъ несомнѣнно, что въ однихъ случаяхъ двугласные имѣютъ въ большей степени характеръ первичныхъ основныхъ звуковъ; напр. oriem; nesiem, očiach, umeniu; въ другихъ (притомъ чаще) они выступаютъ замѣстителями другихъ звуковъ; напр. ia, ä замѣняютъ пра-слав. ѧ и ѣ (bremä, vedia), ie — пра-слав. ѣ (lietať), ô пра-слав. ó (kôň). Ср. выше стр. 250—252, 255.

Долгота и краткость гласныхъ.

Словацкій языкъ на-ряду съ немногими другими славянскими языками, именно съ чешскимъ, сербо-хорватскимъ и кашубскимъ, различаетъ количество гласныхъ, ихъ долготу и краткость.

Каждый гласный, не исключая r и l, можетъ быть краткимъ и долгимъ. Этою послѣдовательностью въ различеніи количества всѣхъ гласныхъ словацкій языкъ отличается отъ современнаго чешскаго языка, въ которомъ гласные l, r не бываютъ долгими. Напротивъ въ сербо-хорватскомъ различается краткое р отъ долгаго р̑.

Долгіе гласные отличаются отъ краткихъ прежде всего болѣе протяжнымъ выговоромъ того же звука; но для нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ указано выше) долгота выразилась въ измѣненіи природы звука; такъ напр. долгое o звучитъ какъ двугласное uo, долгое e какъ двугласное ie, ä—какъ двугласное—ia. Соотвѣтствіе долгихъ и краткихъ гласныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Краткіе гласные: a, ä, e, i, o, u, y, l, r.

Долгіе гласные: á, ia, é, ie, í, ô, (ou) ý, l', ŕ.

Примѣры: žena, mráz, päť, piatý, nebo, slovenského, mlieko, mily, píla, okno, kôň, ucho, úrok, ryba, býk, vlk, sl'z, krm, kŕmiť.

Вопросъ о количествѣ гласныхъ въ словацкомъ языкѣ въ частностяхъ почти не разъясненъ. Въ существующихъ грамматическихъ трудахъ онъ излагается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ[1]). Относительно происхожденія словацкихъ долготъ и чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ сохраняютъ свою силу тѣ общія замѣчанія, которыя сдѣланы выше относительно количества въ чешскомъ языкѣ (стр. 78—80).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и словацкія долготы (подобно чешскимъ и сербо-хорватскимъ) не совпадаютъ съ пра-славянскими, а возникли уже на словацкой почвѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности. Болѣе древними нужно считать тѣ долготы, для которыхъ оказываются соотвѣтствія не только въ чешскихъ, но и сербо-хорватскихъ долготахъ или въ удареніи и особомъ чередованіи звуковъ другихъ родственныхъ языковъ, уже не различающихъ количества—русскаго (великорусскаго и малорусскаго) польскаго и сербо-лужицкаго; напр. въ слѣдующихъ словахъ: múka (чеш. mouka, сербо-хорв. мýка), súd (чеш. soud, сербо-хорв. сȳд), dráha (чеш. dráha, рус. дорóга), mráz (чеш. mráz, сербо-хорв. мрâз, рус. морозъ) stôl--stola (польск. stół—stołu, малор. стіл—стола).

Въ однихъ случаяхъ долгіе гласные образовались черезъ стяженіе двухъ краткихъ; напр. báť sa (чеш. báti se = bojati se), dobrého (= dobrajeho), dobrá (= dobraja), pás (ч. pás = pojas), znamenie (чеш. znamení = znamenije); въ словацкомъ языкѣ такихъ долготъ меньше,

---

[1]) Ср. напр. М. Гаттала, Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského (1857), 128—130; Его же, Mluvnica jazyka slovenského (1864), 32—34; Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der Slovakischen Sprache in Ungarn. (1888), 116—118; J. Viktorin, Grammatik der Slovakischen Sprache, 4-е изд. (1878), 8.

чѣмъ въ чешскомъ, такъ какъ и стяженіе гласныхъ въ первомъ языкѣ менѣе распространено, чѣмъ во второмъ; напр. чешскимъ — káti se, bázlivy, mé, tvá, vévoda — соотвѣтствуютъ въ словацкомъ kajať sa, bojazlivý, moje, tvoja, vojevoda (ср. ниже параграфъ о стяженіи гласныхъ).

Въ другихъ случаяхъ долготы возникли черезъ удлиненіе первоначально—краткихъ гласныхъ; напр.: dvih-núť—dvíhať, sadiť—sádz-ať kôn—koňa, konsky, stôl—stola, ryba—rýb, vlna—vl'n, brada—brád.

Количество гласныхъ не отличается постоянствомъ и неизмѣняемостью; какъ въ корняхъ, такъ въ основахъ и окончаніяхъ долгота и краткость чередуются между собой; напр. kôň—koňa, mráz—mraziť, kázať — kazateľ, noha — nôh и т. д. Сверхъ того въ различныхъ говорахъ количество гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ не всегда совпадаетъ. Отдѣльно стоитъ нарѣчіе (Спишъ, Шаришъ), въ которомъ количество не различается и долгіе гласные отсутствуютъ. Таже черта наблюдается въ нѣкоторыхъ говорахъ гемерскаго (Шумяцъ, Погорѣла), зволенскаго (Гандель) и тренчинскаго (Скалите) комитатовъ. Она сближаетъ словацкій языкъ (въ извѣстныхъ говорахъ) съ русскимъ и польскимъ.

Законы чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ еще не установлены. Только для отдѣльныхъ группъ явленій можно намѣтить нѣсколько болѣе или менѣе общихъ причинъ измѣненія количества гласныхъ. Сюда относятся: 1) требованіе звуковыя (стяженіе гласныхъ) напр. dobrého; 2) измѣненіе объема слова: mráz—mraza, noha—nôh, slza—sl'z; 3) требованія этимологическія, напр. въ глаголахъ многократнаго вида, гдѣ долгій гласный соотвѣтствуетъ стремленію языка оттѣнить длительность дѣйствія: sbierať, lietať, umierať, prihládzať; čitať, počínať; 4) вліяніе ударенія; напр. попадая въ неударяемый слогъ долгій гласный иногда становится краткимъ: chvála—pochvala, krása — okrasa, viera — povera, smiech — posmech; напротивъ распространенное въ чешскомъ языкѣ удлиненіе краткихъ гласныхъ подъ вліяніемъ ударенія кажется неизвѣстно словацкому языку; такъ чешскія kámen lípa, síla, máti, píti и др. звучатъ въ словацкомъ: kamen, lipa, sila, žila, mať, piti и т. д.

На переходъ долгихъ гласныхъ въ краткіе особенно вліяетъ сосѣдство долгихъ же гласныхъ. Это характерная черта словацкаго количества. Основной законъ, наблюдаемый въ большей части живыхъ

говоровъ и принятый въ литературномъ языкѣ говоритъ, что словацкій языкъ въ противоположность чешскому, не допускаетъ рядомъ двухъ долгихъ гласный и превращаетъ второй изъ нихъ въ краткій; напр. чешскимъ krásné, spívání, или chodívává въ словацкомъ соотвѣтствуютъ krásne, spievanie, chodeváva. Двугласные ia, ie, iu въ этомъ случаѣ теряютъ свое i: pijúc-a, pijúce, pijúcu вм. pijúcia, pijúcie, pijúciu. Исключеніе составляетъ только ou въ твор. п., остающееся неизмѣннымъ: krásnou bránou. Проф. Пастернекъ[1]) выразилъ сомнѣніе относительно достовѣрности этого закона, основываясь на томъ, что въ нѣкоторыхъ изданныхъ образцахъ народной рѣчи и въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ писателей (Годжа, Паулини—Тотъ) встрѣчаются слова съ двумя долгими гласными рядомъ (chválím, zabráňí). Однако, основательность этихъ сомнѣній подрывается слѣдующими соображеніями: 1) образцы народной рѣчи, на которые ссылается пр. Пастернекъ, относятся къ западному нарѣчію, которое вообще стоитъ къ чешскому языку ближе всѣхъ прочихъ словацкихъ нарѣчій; памятники народнаго творчества, записанные въ срединныхъ областяхъ словацкой земли, не представляютъ отступленій отъ вышеуказаннаго общаго закона; 2) встрѣчающіеся въ литературномъ яз. примѣры присутствія въ одномъ словѣ рядомъ двухъ долгихъ гласныхъ правильнѣе всего разсматривать какъ чехизмы, такъ какъ они вообще довольно рѣдки, носятъ случайный характеръ и преимущественно наблюдаются у писателей (напр. Паулини—Тотъ), въ языкѣ которыхъ вообще замѣтно вліяніе книжной чештины; 3) трудно предположить, чтобы такіе знатоки роднаго языка какъ Штуръ, Годжа и Гаттала произвольно измыслили законъ такого общаго характера, еслибъ для него не было данныхъ въ живой народной рѣчи.

Весьма важенъ вопросъ объ отношеніи словацкаго количества къ чешскому. Проф. Гебауэръ въ своей обширной „Исторической грамматикѣ чешскаго языка“ (I, 609) категорически заявляетъ, что „въ словацкихъ нарѣчіяхъ количество вполнѣ совпадаетъ съ чешскимъ“[2]), при чемъ не подтверждая этого положенія частными данными ссылается на упомянутыя выше „Beiträge“ Пастернка. Дѣйствительно проф. Пастернекъ признаетъ, что въ общемъ (im Allgemeinem) долгота и

[1]) Beiträge zur Lautlehre d. Slav. Sp. 117—118.

[2]) „V nařecích slovenských kvantita celkem se shoduje s českou“.

краткость гласныхъ въ чешскомъ и словацкомъ совпадаютъ, но въ то же время въ разныхъ частяхъ своего труда приводитъ значительное число примѣровъ, показывающихъ, что въ отношеніи количества словацкій языкъ весьма нерѣдко расходится съ чешскимъ. При болѣе подробномъ сопоставленіи двухъ языковъ число примѣровъ подобнаго разногласія должно значительно умножиться. Выше, при обозрѣніи отдѣльныхъ гласныхъ, сообщенъ довольно длинный рядъ уклоненій словацкаго языка отъ чешскаго въ области количества: и въ коренныхъ созвучіяхъ и въ слогообразующихъ приставкахъ довольно часто выступаютъ краткіе гласные тамъ, гдѣ въ чешскомъ находятся долгіе и, на-оборотъ, долгіе тамъ, гдѣ въ чешскомъ — краткіе (ср. стр. 250, 251, 255, 256). Въ дополненіе къ приведеннымъ даннымъ можно указать еще слѣдующія наиболѣе крупныя группы параллельныхъ звуковыхъ явленій:

1) Въ чешскомъ языкѣ многіе односложные существительные имѣютъ въ имен. п. ед. ч. долгій гласный; въ словацкомъ яз. выступаетъ чаще только **ô** и то не всегда напр.: kôň, nôž, stôl, vôl; но boh (ч. bůh), dvor (ч. dvůr) voz (ч. vůz), sol (ч. sůl), hnoj (ч. hnůj); другіе гласные большею частью остаются краткими; напр.: hrach, prach, mak, sneh, между тѣмъ въ чешскомъ языкѣ: hrách, prách, mák, sníh.

2) Двусложныя слова (особенно жен. р.) въ чешскомъ языкѣ обыкновенно имѣютъ въ именит. п. ед. ч. коренной слогъ долгій; напр.: kámen, kráva, lípa, síla, sláma, žíla, rána, skála, kůža, břímě, símě, těmě и др.; въ словацкомъ въ этихъ и подобныхъ словахъ чаще краткіе гласные: kamen, krava, lipa, sila, slama, koža, žila, rana, skala, bremä, semä, temä и др.

3) Двусложныя имена жен. р., представляющія и въ словацкомъ коренной гласный долгій въ имен. п. ед. ч. (brána, práca и др.), сохраняютъ эту долготу и въ тѣхъ падежахъ, въ которыхъ чешскій языкъ обыкновенно имѣетъ краткіе гласные, т. е. въ твор. п. ед. и въ род. дат., творит. и мѣстн. пп. мн. ч. (ср. 121—122 стр.); напр.: brána, bránou, brán, bránam, bránami, bránach; въ чеш. яз. — brána, branou, bran, branám, branami, branach.

4) Односложные родит. пп. мн. ч. въ словацкомъ всегда представляютъ долготы: čias, ráz, brád, nôh, rýb, rúk, vl'n, sŕn, diel, mias, zŕn и т. д.; въ чешскомъ въ этихъ случаяхъ выступаетъ краткій

гласный даже тогда, когда въ имен. п. ед. ч. слышится долгій: čas, raz, brad, ryb, vln, děl, mas и др.

5) Окончанія род. и дат. пп. мн. ч. въ словацкомъ яз.—кратки: ov, om, въ чешскомъ (литературномъ) долги—ův, ům: chlapov, chlapom и chlapův, chlapům. Напротивъ, конечное a въ имен., винит. зват. множ. ч. имен. средн. р. — въ словацкомъ обыкновенно долгое, а въ чешскомъ краткое: delá, polia, чеш. děla.

6) Въ чешскомъ языкѣ во всѣхъ двусложныхъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ (за исключеніемъ moci, jeti, pěti, spěti) коренной гласный удлиняется: nésti, klásti, chtítí, krýti, tříti, bráti; въ словацкомъ языкѣ долгіе гласные выступаютъ только въ глаголахъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго на согласный: niesť, viezť; но brať, kryť, biť, treť. Тѣ глаголы, которые имѣютъ долгій гласный въ неопред. наклоненіи, сохраняютъ его и въ прич. прош. дѣйств. II: niesol, viezol, kládol; между тѣмъ въ чешскомъ яз. въ этихъ формахъ краткій гласный: nesl, vezl, kladl.

7) Гласный e, служащій для образованія основы настоящаго у многихъ глаголовъ I, II и III кл. удлиняется въ ie — явленіе неизвѣстное чешскому языку: vediem, vedieš, nesiem, nesieš, nesie, nesieme, nesiete, grebiem, pečiem, bijem, miniem, oriem, beriem; въ чешск. яз.: vedu, vedeš; nesu, neseš и т. д.

Если ко всѣмъ вышеизложеннымъ параллелямъ присоединить тотъ крупный фактъ, что съ одной стороны въ словацкомъ языкѣ по сравненію съ чешскимъ увеличивается число долготъ вслѣдствіе способности Словаковъ удлинять гласные l, r, а съ другой стороны въ немъ не оказывается соотвѣтствій многимъ чешскимъ долготамъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словацкаго закона, не допускающаго присутствія въ одномъ словѣ рядомъ двухъ гласныхъ, то, кажется, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: количество гласныхъ въ словацкомъ языкѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ представляетъ близкое сходство съ количествомъ гласныхъ въ чешскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ оно расходится съ чешскимъ количествомъ. Чертъ различія въ чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ такъ много и несоотвѣтствіе между двумя языками въ отдѣльныхъ группахъ явленій проводится такъ послѣдовательно, что для настоящаго времени едва ли можно говорить о единствѣ чешско-словацкаго количества. Весьма сомнительно, чтобы это единство и вообще существовало въ историческую пору.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ свойственно словацкому языку, но въ меньшей степени, чѣмъ чешскому и сербо-хорватскому (ср. 80 стр.). Два гласныхъ, стоявшихъ рядомъ или раздѣленныхъ j, не всегда стянулись въ одинъ долгій, какъ это произошло большею въ чешскомъ языкѣ; но часто сохранились въ своемъ первоначальномъ сочетаніи; напр.: kajať sa, bojazlivy, vojansky, vojevoda (и vojvoda), dvaja, obaja, moja, tvoja, svoja, moje, tvoje, svoje, mojeho, mojemu, moju, tvoju, svoju, mojou, tvojou, svojou, čijá, čijeho, čijemu, čijej, mojím (тв. п. ед. ч.), mojich, mojim, mojimi, mojej (дат. мѣстн. пп.), píjať, bíjať и др.; ср. чешск. kátí se, bázlivý, vévoda, má, tvá, mé, tvé и т. д.

Примѣры стяженія:

aje = á: volám, voláš, volá; voláme, voláte, vraciam, vraciaš.

aja = á: dobrá, láť.

eje = ie: lepšie, lepšieho (др.-чеш. ie, н.-ч. í).

ejí = í: lepším, lepších, lepších.

eju = iu: lepšiu (др.-ч. iú, н.-ч. í).

eja = ia: lepšia (др.-ч. ie, н.-ч. í).

ěje = ie: umiem, umieš (др.-ч. ie, н.-ч. í).

ěja = ia: hriať, viať.

ьje, ije = ie: umenie (др.-ч. ie, н.-ч. í).

iji = í: znamení (мѣстн. п.).

ija = ia: priať, priatel', žiak, liať, smial, znamenia (чеш. ie, í).

iju = iu: znameniu (др.-ч. iú н.-ч. í).

oja = á: bať sa, stát', svák, pás.

oje = é, ô: dobré; dobrô; dobré въ современномъ литературномъ языкѣ, dobrô (діалектич. dobrua) въ говорахъ Липтова, Зволена, Новограда, Велико-гонта и въ литературномъ языкѣ 1884—1852 г. Послѣднюю форму Пастернекъ объясняетъ не изъ dobroje, а аналогіей именнаго склоненія delo, pol'o, что едва ли справедливо; ср. словинское dóbro.

oju = ou: dobrou (тв. п.).

uju = ú: dobrú (вин. п.).

Зіяніе.

Зіяніе вообще допускается въ сложныхъ словахъ; напр. černooký, poorali, zaobieraju, zaujmy; также въ иностранныхъ словахъ; напр.

ideami, situácia. Устраняется зіяніе посредствомъ j, v: pavúk, fijala, pivonija.

Равнымъ образомъ допускаются гласные въ началѣ слова, особенно i: ikra, íny, iskra, istý, izba, inde, ihla, im, ich, imi, im, idem, imem, imanie, ako, ak, už, ešte, erb, Eva, os, osa ср. чешск. jikra, jiny, jisty и т. д., иногда, особенно въ народныхъ говорахъ, являются приставочные j, v, h: jutro; vajce, harok; (чеш. arch. изъ лат. arcus), vizba, hen, hu (вин. п.), joči.

Отпаденіе и выпаденіе гласныхъ.

Въ словацкомъ языкѣ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) возможно исчезновеніе гласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Чаще другихъ исчезаютъ i, e, затѣмъ o, a, u; i: 1) въ началѣ словъ meno (имѧ), mám, mát', mal, hrat', (ср. чешск. jmeno, jmeti, jhra), z (iz), zostat, zpoza (iz-po-za); 2) въ повелит. накл. nes, nes-me, nes-te peč, pečme, pečte, buď; 3) въ оконч. неопр. накл.—niest', piect', umet (въ нѣкоторыхъ говорахъ Гонта, Новограда, Гемера сохраняется ti-- robiti, zvedeti); 4) въ прич. наст. вр. nesúc, nosiac; 5) въ 2 л. ед. ч. глаг. si: ty-s bol (вм. ty si bol); 6) въ энклитическихъ si, ti; at', as, čos; 7) въ срединѣ словъ: vel'ky, lacny (вм. laciny), kol'ko, tol'ko (чешск. kolik, tolik);

e: dvacat' (=dva desat'), dvanást (=dva na desat'); môjho; môjmu, našho, našmu, doňho, naňho, kuňmu, synovho, synovmu: možme; dočkaj, dočkajme; въ сравн. ст. skôr, viac, vyš, niž вм. skorej и т. д.), въ противоположность чешскому яз. e въ част. že сохраняется: ten-že dejže (чешск. tý-ž, dej-ž), также и o вмѣст. čo соотвѣтств. чешск. če: na-čo, pre čo, za-čo вм. чешск. na-č, pro-č, za-č.

o: radlo, rataj, rol'a (orat'), ktorý (діалект. kotrý), kam, tam, tak, avšak, sem.

y: dost', dosti (=dosyti).

u: tegla, kmin (лат. tegula, cuminum); zajtra.

je: som, si, sme, ste, sú и jesu.

Вставка гласныхъ.

Словацкій языкъ неохотно терпитъ сочетанія нѣсколькихъ согласныхъ и для облегченія выговора такихъ сочетаній допускаетъ вставочные гласные. Такими гласными бываютъ преимущественно e, o, иногда ie, a.

e: 1) oheň, mysel, baseň, pieseň, bázeň, osem, zretedel'ný, remeselník, vražedelný и др.; 2) въ род. п. мн. ч.—sester, pravidel, jarem, služek, panen, ovec, vajec, vojen, hajen (hajno) и др.; вм. e въ этой формѣ возможны и ie, o, á: sestier, matiek, mydiel, okien, slivok, čiarok, dietok, čiastok, hlások, sestár, metál, vesál, dosák; вставочные e, ie не смягчаютъ предшествующихъ l, n, t, d.

o: 1) въ прич. прош. дѣйств. II, глаголовъ I кл. А. и II: viedol, niesol, piekol, mohol, trhol; въ западн. нар. e: mohel, nesel, prišel; 2) som (чеш. jsem), vietor, vichor, obor, uhorsky, hudobník (hudba), hanobný (hanba), srieborný, vnútorný; 3) въ началѣ словъ: obrvy, osidlo, omša.

Б) Согласные.

L, I'. R, N, ň.

Словацкій языкъ, въ противоположность современному чешскому, различаетъ два l, твердое и мягкое; первое слышится передъ твердыми гласными второе—передъ мягкими (узкими и іотованными) гласными и двугласными. Въ литературномъ яз. мягкость l обозначается только въ концѣ слова, передъ согласными и передъ широкими (іотованными) гласными, а передъ узкими разумѣется сама собой. Такимъ образомъ l', li, le всегда звучатъ мягко, l (на концѣ словъ), la, lo, lu, ly—твердо; напр. list, leto, lád, pol'o, l'udia, priatel', priatel'sky, laska, loď, luh, bol. Чешскій языкъ (за исключеніемъ восточно-моравскихъ говоровъ) знаетъ только одно среднее l. Ср, 82—83 стр.

Твердое l на концѣ, а передъ согласными въ срединѣ слова, въ большей части народныхъ говоровъ превращается въ u: dau, biu, bou, pounoc, touko. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго нарѣчія твердое l всегда (независимо отъ занимаемаго имъ мѣста въ словѣ) звучитъ какъ u: zuatokuasé, okouo (ср. выше стр. 258). Принятое въ литературномъ языкѣ твердое l на концѣ словъ и передъ согласными наблюдается только въ комитатахъ: верхне-тренчинскомъ, оравскомъ, турочскомъ, спишскомъ, и шаришскомъ; здѣсь дѣйствительно произносятъ: bol, dal, polnoc.

Согласный r совсѣмъ не способенъ къ смягченію; передъ j, e, i (ь) онъ звучитъ совершенно такъ какъ передъ широкими a, o, u;

напр. hrad, ruka, more, pekár, búra, večera, moru и т. д. ср. чеш. moře, pekář, bouře, moři.

Одно твердое r наблюдается во всей области словацкой рѣчи. Только въ говорахъ Скалите и Чадца (на крайнемъ сѣверѣ тренчинчинскаго комитата), несомнѣнно отражающихъ на себѣ вліяніе польскаго языка, иногда слышится шипящее ř: příčina, přiznoč, но также и čřešné, gvařilo.

Неспособностью r къ смягченію словацкій языкъ рѣзко отличается отъ чешскаго и сближается съ сербо-хорватскимъ.

Иногда въ народной рѣчи r и l чередуются: ostrieblený и stribrný, striblo.

Согласный n можетъ быть твердымъ и мягкимъ, n и ň: nový, nebo, kôň.

Мягкое n выступаетъ передъ мягкими (узкими и іотованными) гласными и двугласными. Въ литературномъ языкѣ мягкость ň обозначается въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и мягкость l, т. е. въ концѣ слова, передъ согласными и передъ широкими (іотованными) гласными; передъ i, e не пишется ň, мягкость выговора n сама собой разумѣется; напр. kniha, nemý, nežný, vôňa, deň, hoňba; národ, nôz, núdza.

Въ чешскомъ яз. n звучитъ мягко только передъ j, i и ě; e и древн. ь не вліяютъ на смягченіе n. Ср. 84—85 стр.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Новоградъ, Великогонтъ) конечное n переходитъ въ m: tém (ten), vom, om (= on), edom (edon), pam (pan).

Въ дренчанскомъ говорѣ (гемерск. ком.) конечное m переходитъ въ n, которое сливаетси съ предшествующимъ гласнымъ въ одинъ носовой звукъ: chudobnon͡, kyn͡ (= kým).

D, d', dz. T, t', c.

Зубные d, t подвергаются двоякому смягченію: 1) передъ j и 2) передъ узкими гласными.

Пра-слав. dj = dz, пра-слав. tj = c. Примѣры: hrádza, medza, núdza, vidz, vedz, jedz, rodzen, cudzi, sádzat'; svieca, ovocie, nesúc, vracat', placen. Смягченіемъ первич. tj въ c словацкій яз. сближается съ чешскимъ, сербо-лужицкимъ и польскимъ; смягченіемъ dj въ dz онъ отличается отъ чешскаго (ср. 86 стр.) и сближается только съ польскимъ. Смягченіе dz проходитъ послѣдовательно по всѣмъ говорамъ словацкаго языка.

Иногда (въ прич. прош. страдат. и производныхъ отъ него существ.) вм. ожидаемыхъ dz, c, выступаютъ d, t или ď, ť: obrátený, zasvätený, prebudený, podriadený и др. Подобныя формы объясняются аналогіей. Ср. 86 стр.

Передъ всѣми мягкими гласными и двугласными (i, e (= осн. e, древ. ь, др. ѣ), др. ь, ia, ie, iu, io) d, t смягчаются въ ď, ť; въ современномъ правописаніи мягкость обозначается лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ и мягкость l, n; напр.: rada — radit', rade, zlato — zlatit', zlate, deň, devät', dnes, čel'ad', smrť, kosť, zpoveď, diabol, diat', dielo, Ďuro, diovka, diovčina, kurat'a, kurat'u.

Въ чешскомъ языкѣ d, t не смягчаются передъ e и ь.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, сосѣдящихъ болѣе или менѣе близко съ польскимъ языкомъ, вм. ď, ť слышатся dz, dź, c, ć (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тренчинскаго, нитранскаго, шаришскаго ком.) или даже dž, č (Дренчаны, гемерск. комит.): nevydzeli, spuscila, cec, kdzie, kosci, cma, spac, vidzice; treči, dedžina, chytač.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, именно гемерскомъ, тернавскомъ, ванецкомъ (на восточн. границѣ Липтова) d, t, а равно l, n передъ узкими гласными не смягчаются: knyha, chodyty, zvony. Объ этихъ говорахъ замѣчаютъ, „что они совсѣмъ не имѣютъ мягкихъ согласныхъ“ (Шкультети и Добшинскій, Годжа).

Группы dl, tl допускаются, какъ и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ mydlo, modlitba, sadlo; въ прич. прош. дѣйств. II. эти согласные обыкновенно раздѣляются посредствомъ o: viedol, padol.

Въ нижней Оравѣ исчезаетъ d: salo, šilo.

B. P. V. M. F.

Губные b, p, v и губно-новой m не способны въ смягченію ни передъ узкими, ни передъ іотованными гласными; напр. kúpa (чеш. koupě), konopa, pekný, pívo, zem (чеш. země), mäkký, beh, biely, korab, holub, kvet, ozdravenie, stávat, hovädzi. Въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, не составляетъ исключенія и e (какъ первичное такъ = пра-слав. ѣ), всегда смягчающее l, n, t, d. Таже несмягчаемость p, b, v, m и въ чешскомъ языкѣ (ср. 86—88 стр.).

Насколько эта звуковая черта выдержана въ народныхъ говорахъ, трудно сказать за отсутствіемъ текстовъ народной рѣчи съ фонети-

ческимъ правописаніемъ. Главнѣйшіе изслѣдователи словацкаго языка, Гаттала и Пастернекъ обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о смягченіи губныхъ; не касается его по отношенію къ словацкому языку и проф. Гебауэръ въ своей Исторической грамматикѣ чешскаго языка[1]). Вѣроятнѣе всего, что по разнымъ говорамъ существуютъ и мягкія b, p, v, m. Присутствіе ихъ въ нарѣчіи моравскихъ Словаковъ удостовѣрено (Бартошъ). Нѣтъ никакихъ данныхъ и для рѣшенія вопроса о степени древности этой черты въ словацкомъ языкѣ. Можно только отмѣтить любопытный фактъ существованія въ языкѣ двухъ словъ, представляющихъ ту самую форму смягченія губныхъ посредствомъ l', которая характеризуетъ языкъ русскій, старо-славянскій, сербо-хорватскій и словинскій; именно: hrable (мн. ч. чешск. hrábě) и hrobl'a[2]). По аналогіи съ чешскимъ языкомъ можно допустить, что неспособность губныхъ къ смягченію — не исконная особенность словацкаго языка.

V на концѣ словъ и слоговъ въ народной рѣчи обыкновенно звучитъ какъ u: leu, dieuča, prauda, rodičou (р. п. мн. ч.), tovaryšou. Въ литературномъ языкѣ сохраняется v.

Чередованіе губныхъ: 1) v и b: klebeta (чеш. kleveta), hodbab (чеш. hedbav); 2) v и m: bosman и bosvan; 3) m и b: darobny, písebny; 4) p и v: vt'ak и pt'ak.

F въ словацкомъ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) слышится почти исключительно въ заимствованныхъ словахъ, напр. fara, flaša, farba, frišky и т. п.; но въ — немногихъ и народныхъ: úfat' (= upvat'), fúzy (чеш. vousy), figel' (чеш. pikel), frčat' и frkat' (рядомъ съ vrčat' и vrkat'). Часто и вм. иностр. f—слышится b, p: birmovat' (firmen), pôst (Fasteu) и т. д. Ср. 89 стр.

---

[1]) Въ Исторической грамматикѣ (I, 413), проф. Гебауэра встрѣчается нѣсколько странное упоминаніе о томъ, что мягкія p', b', v' m' свойственны всему словацкому нарѣчію (v celém nařečí slovenském), но очевидно это выраженіе относится только къ нарѣчію *моравскихъ* Словаковъ, въ которомъ дѣйствительно, хотя не во всѣхъ говорахъ p, b, v, m, смягчаются. Вотъ подлинный текстъ: Že jsou také (т. е. měkké hlásky p', b' и т. д.) v nářečích nynějšich, zejmena v Čechách v nařečí chodském doudlebském, a lužnickém, pak na Moravě a v Slezsku, v *celém* nářečí slovenském, valašskem a lašskem, častečne také v hanáckém a jinde, učí a potvrzuji popisovatele těchto nářečí.

[2]) Проф. Петровскій (Изв. и Учен. Зап. Казан. Унив. 1866. V, 477) приводитъ еще два слова „со вставочнымъ l послѣ губныхъ"—šabl'a и žeml'a, но здѣсь l—не славянскаго происхожденія: Sebel, Semmel.

G. H. K. Ch.

Въ словацкомъ языкѣ двоякое г: пра-славянское, звонкое g и придыхательное h, вполнѣ соотвѣтствующее чешскому. Господствуетъ h, въ которое большею частью перешло первичное g, напр. Boh, hrad, host', hospodár и т. д.; но оно не вытѣснило совсѣмъ g, какъ въ чешскомъ языкѣ (гдѣ послѣдній звукъ удержался лишь въ нѣсколькихъ заимствованныхъ словахъ и вм. k). Еще Штуръ замѣтилъ, что въ словацкомъ языкѣ g слышится въ сотняхъ словъ, притомъ чисто-народныхъ. Въ словарѣ Лоса помѣщена болѣе 150 словъ, начинающихся съ g. Гаттала замѣчаетъ, что Словаки не относятся къ звуку g такъ непріязненно какъ Чехи. Вотъ нѣсколько примѣровъ: brizgat', gnávit', gulat', gánit', galiba, striga, razga (чеш. rozha), mozog (чеш. mozek), miazga (чеш. mízha), gazda, gazdovat', drg, drgat и др.—Въ сѣверныхъ говорахъ гемерскаго комитата (Погорѣла, Чадца, Скалите), сосѣдящихъ съ польскимъ языкомъ слышно только g: Bog, go, góra.

Смягченіе гортанныхъ — т. е. переходъ ихъ передъ j и узкими гласными въ свистящіе и шипящіе, свойственное словацкому языку какъ пра-славянская черта—представляетъ слѣдующія особенности по сравненію съ языками чешскимъ и частью старо-славянскимъ:

1) Въ противоположность чешскому яз., который усвоилъ для ch однородное смягченіе въ š (mniše, mniši), словацкій яз. сохраняетъ пра-слав. двоякое смягченіе š и s: mniše, mnisi, Česi, mnisiech; законы перехода h (g) k, ch въ ž, č, š и z, c, s тѣже, что въ старославянскомъ языкѣ; напр.: Bože, pečieš, duše, tíšit', družina, otročina, otroci, bozi и т. д. ср. 89 — 90 стр.; уклоненія отъ этихъ законовъ отмѣчаются подъ п. 2);

2) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гортанные совсѣмъ не подвергаются смягченію въ шипящіе и свистящіе; именно а) въ дат. — мѣстн. пп. ед. ч. основъ на a: ruke, nohe, muche; б) въ имен. п. мн. ч. муж. р. слож. скл — velkí, mnohí, tichí; в) въ сравн. степ.: horkejší, trpkejší, rezkejší, krehkejší, l'udskejší; г) въ прилагательныхъ притяжательныхъ на—in: matkin, macochin, strigin.

Пр. Пастернекъ становился въ тупикъ передъ этими формами и готовъ былъ заподозрить ихъ правильность и достовѣрность[1]). Пр. Гебауэръ считаетъ ихъ новообразованіями по аналогіи формъ правильно

[1]) Beiträge, 52, 125, 137

сохраняющихъ гортанные безъ измѣненія. Но не правильнѣе ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность и самостоятельность словацкаго языка, а съ другой его близость не только съ однимъ чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?

Въ народныхъ говорахъ иногда слышится h, вм. ch (Нитра, Липтовъ, Золенъ, Спишъ, Шаришъ), nehať, nahodzil, pohodiu, hyba и др.

Группы dt, kt, какъ въ чешскомъ языкѣ, переходятъ въ c: noc, moc, dcéra, vec; но въ неопред. накл. выступаетъ ct: môcť, piecť.

Z. Dz. C. S. Ž, Č. Š.

Свистящіе z, s звучатъ не исключительно твердо, какъ въ современномъ чешскомъ языкѣ, но и способны къ смягченію (ź, ś) передъ j и узкими гласными, хотя и не въ такой степени, какъ въ русскомъ и польскомъ языкахъ. По словамъ Гатталы (Mluvn. jaz. slov. 1864, 53) такія слова какъ nosí и kozí отличаются отъ nosy и kozy не только долготою í, но и мягкимъ выговоромъ s и z. Точно также nesie, seno, silný, zem произносятся какъ neśie, śeno, śilný, źem; между тѣмъ въ sadlo, zámok, s, z звучатъ болѣе твердо. Мягкость s, z въ графикѣ не обозначается.

Въ говорахъ, сосѣдящихъ съ польскимъ языкомъ, вм. мягкихъ s, z часто слышны ž, š: šedzel, šebe, v leše, želene, v žime (Шаришъ, Спишъ, сѣв. Тренчинъ).

C всегда мягко и чередуется съ пра-слав. č передъ узкими гласными: chlapče, ovčí; подобнымъ образомъ и z, s иногда чередуются съ ž, š: kňaz, kňaže, kňažna, peniažek, blizky, bližní, vysoký, vyšní.

Равнымъ образомъ обще-слав. переходъ первичн. zj, sj въ ž, š выдержанъ въ словацкомъ языкѣ болѣе или менѣе послѣдовательно; напр.: snosiť, snášať, svoziť, svážať, noša, vožený.

Словацкія z, s соотвѣтствуютъ пра-слав. z, s (voz, kňaz, les, nesiem); c соотвѣтствуетъ пра-слав. c (veniec) и сверхъ того возникло или изъ пра-слав. kt, gt (noc, moc) или изъ пра-слав. tj (svieca).

Мягкое dz возникло изъ пра-слав. dj: nudza, діалек. вм. ď. Ср. стр. 269—270.

Иногда c выступаетъ вм. s: dvacať (dvadesať), вм. čs, ts: co (зап. нар.), prorocký, bohactvo.

Иногда **z** вм. **ž**: **zelezo**, **zeleznica**; и на-оборотъ **ž** вм. **z**: **l'ubežný**.

Группы **ck**, **zg** и **sk**, передъ **j** и узкими гласными переходятъ (какъ въ чешс. яз.) въ **čť**, **žď** и **šť**: **gréčtina**, **raždie**, **miaždit'** (**miazga**), **pišťať**, **ohnište**.

Въ словахъ на **ina** употребительнѣе **č** вм. **šť**: **slovenčina**, **maďarčina** вм. **slovenčtina**, **maďarština**.

Группы **stj**, **slj**, **zdj** переходятъ въ **šť**, **šl'**, **žď**: **puštať**, **smyšl'ať**.

Шипящіе **ž**, **č**, **š** большею частью пра-славянскаго происхожденія. Они соотвѣтствуютъ 1) пра-слав. **ž**, **š** изъ **zj**, **sj** (**vožený**, **nošený**) или 2) пра-слав. **ž**, **č**, **š** изъ гортанныхъ **g**, **k**, **ch**, перешедшихъ въ шипящіе подъ вліяніемъ **j** или узкихъ гласныхъ (**Bože**, **otče**, **duše**).

Болѣе поздняго происхожденія **š** вм. **s**: 1) въ мѣст. **vše** и производныхъ **všaky**, **všade**, **všedny** и т. п.; 2) въ **šediv**; тоже въ чешскомъ, польскомъ, сербо-лужицк. яз. ср. 93 стр.; 3) въ сочетаніяхъ **št** и **šk** (вм. **st** и **sk**), особенно въ заимствованныхъ словахъ: **klaštor**, **apoštol**, **koštovať**, **pošta**, **škrabat**, **škripať**, **škola**. Также — **Ježiš**, **Mikulaš**, **verš**; иногда вм. иностр. **s**, **ž**; **žegnať** (**segnen**), **žeml'a**. Такъ и въ чешскомъ яз.

Вм. **ž**—**r** въ **neborák**.

Въ гемерск. гов. вм. **že**—**he**: **kde he**, **vyhe**. Тамъ же часто **š** вм. **č**: **šekal**, **laviška**, **šua** (= чьто).

Старо-слав. **чьто** звучитъ на западѣ **co**, въ среднемъ нарѣчіи и литературн. яз. — **čo**, въ гемер. и гонтск. гов. — **šua**, на крайнемъ сѣверо-востокѣ **so**.

Sč (какъ въ чешскомъ яз.) превращается въ **šť**: **šťastie**.

J.

Согласн. **j** соотвѣтствуетъ пра-слав. **j**; напр. **jeho**, **jest**.

Пра-славянскому **jь**, въ противоположность чешскому (литературному) языку и согласно съ русскимъ и старо-сл. яз., соотвѣтствуетъ **i**: **ísť** (**idem**) (чеш. **jdu**), **ihla**; еще чаще такое **i** исчезаетъ: **hra**, **meno**, **mať**.

Передъ начальными гласными приставочное **j** не такъ часто какъ въ чешск. яз.: **ikra**,—**iný**, **istý**, **iskra**, **im** (тв. п. ед. ч.), **ich**, **imi**.

Уподобленіе согласныхъ.

Обще-славянскій законъ уподобленія согласныхъ, неодинаковыхъ по степени звучности, представленъ и въ словацкомъ языкѣ. Въ обы-

кновенной рѣчи звучные (mediae), h, g, d, ď, b, z, dz, ž, (dž), v переходятъ въ соотвѣтствующіе отзвучные (tenues) ch, k, t, ť, p, s, c, š, č, f, и, наоборотъ, отзвучные въ звучные, при чемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предшествующій; напр.: schôdzka, vádzka, nížši, mladší, l'ehky, pod kostolom, sladký, obsah, obchod, včera и др. выговариваются schôcka, vácka, nišši, mlatši, l'achký, pot kostolom, slatký, opsach, opchod, fčera; или modlitba, prosba, kdo произносятся modlidba, prozba, gdo, gde.

Предлоги k и s произносятся какъ g и z не только передъ звучными, но и передъ—l, m, n, r, а также и передъ гласными: g l'udu, g mestu, g nohám, g otcovi, z laskou, z mečom, z rukávom, z ovsom. Но передъ начальнымъ n мѣстоименій k и s остаются безъ перемѣны: k nam, k nim, s nami, s nimi; первоначальное z напротивъ звучитъ какъ s: s nás, s neho, s nich (вм. z nas и т. д.).

На концѣ словъ вмѣсто звучныхъ обыкновенно слышатся отзвучные: Boch, kních, nôš, dup, chlief и т. д. Конечное v и твердое l обыкновенно звучатъ какъ u: leu, dau. Ср. 258, 268.

Изъ діалектическихъ особенностей наиболѣе любопытны: 1) переходъ d передъ l и передъ n—въ n на крайнемъ юго-западѣ тренчинск. ком. (Бошаца): chlanný, uhannete, žánnému, neuhalli, jelli; 2) Pannodaj (= pan Boh daj) въ гемерск. гов.; keeš, keete, keeu (Гемеръ, Липтовъ) seeš, seel (Бошаца, Шаришъ); 3) väčší (въ письм. яз. vätší).

Въ литературномъ языкѣ принято этимологическое правописаніе, а потому измѣненія согласныхъ, вызванныя закономъ уподобленія, обыкновенно не обозначаются; пишутъ: včera, obchod, k mestu, k otcovi, s ovsom, Boh, nôž и т. д.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновеніе согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ народныхъ говорахъ, за исключеніемъ обще-славянскихъ явленій (dam, tisnuť, kanouti и др.) свойственныхъ всему языку.

Въ частности могутъ исчезать: l, d, t, v, k, h, š, j:

l: nespad, priš, pribieg въ нѣкотор. мѣстн. гемерск. ком. (Погорѣла, Шумяцъ);

d: cera, ena (edna), enej, eneho, pol'a (новогр.-велико-гонтск. гов.); prázne, prázom (всюду), žany (Тренчинъ); ď: ve, poj, pomo (Гемер.),

t: chymo, omeloch (Зволенъ), zlosný, bolesne (Нитра), kery (вм. který — во многихъ г.), opă, pus (гемер. г.), dos (новогр.-велико-гонтск. г.);
v: zian, zala (vzala), šecko, ždycky, šelijaky;
k: praslo, stisla, de (гемер. и друг. гов.);
h: l'a (вм. hl'a, гемер. новогр. гов.);
š, ž: český, mniský, boský;
j и je: ho, mu; ср. о j выше стр. 274.

Вставка согласныхъ.

Вставными звуками бываютъ; n: dondem, dojdem, nandu, najdu, odendu, prindu, prinť, vnidem, voňdem, vyndem, vynsť, sňať, nenie (ne jest), do neho, pre ne, nadrá, vnutrí; t: straka, pstruh, но sriebro, sreda, sretnúť (чешск. stříebro, středa и др.); g (вм. d): miazgra, nozgry; h: hrdza (чеш. rez), rozhřešiť.

---

5. Удареніе.

Относительно ударенія, его общаго характера и мѣста въ словѣ, словацкій языкъ сближается въ чешскимъ, а также съ сербо-лужицкимъ и южно-кашубскимъ.

Словацкое удареніе по качеству экспираторное, по мѣсту въ словѣ — одномѣстное или постоянное. Оно состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона, и всегда падаетъ на первый или начальный слогъ слова; напр. píštelnica, dobrého, imanie, tráva, tmavý. Слова сложныя, между прочимъ, образованныя черезъ сложеніе съ предлогами и отрицательною частицей ne, слѣдуютъ общему закону, т. е. удареніе въ нихъ падаетъ на стоящій въ начальномъ слогѣ предлогъ или частицу ne: národ, odpověď, nesťastie.

Этимъ общимъ закономъ и исчерпываются всѣ имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о словацкомъ удареніи. Въ частностяхъ вопросъ остается неразработаннымъ за отсутствіемъ систематическихъ наблюденій надъ данною стороною языка.

Весьма вѣроятно, что въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ удареніе представляетъ своеобразныя особенности. Пока отмѣчено одно уклоненіе отъ указаннаго закона, представляемое нѣкоторыми говорами гемерскаго (истоки Грона, Погорѣла), тренчинскаго (Жилинскій

говоръ), оравскаго, спишскаго и шаришскаго комитатовъ; здѣсь удареніе падаетъ, какъ въ польскомъ языкѣ, на предпослѣдній слогъ: nohavky; въ гронскомъ говорѣ четырехсложныя слова принимаютъ два ударенія на первомъ и предпослѣднемъ слогахъ.

Ср. отд. о чешскомъ удареніи стр. 97—102.

---

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Словацкое склоненіе, подобно чешскому, не представляетъ такого богатства формъ, какое предполагается для славянскаго пра-языка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка. Въ общемъ оно значительно упростилось въ сравненіи съ предполагаемой древней нормой. Въ частностяхъ уклоненія отъ старины не всегда совпадаютъ съ чешскими. Въ однихъ случаяхъ (напр. въ т. н. мягкомъ склоненіи) словацкая флекція ближе къ пра-славянской, чѣмъ чешская, что̀ главнѣйше обусловливается болѣе древнимъ типомъ словацкаго вокализма; въ другихъ напротивъ, чешскій языкъ (особенно литературный) представляетъ болѣе древнія окончанія. Главнѣйшія отступленія отъ древней (пра-сл.) нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній.

Именное склоненіе.

1) Утрата двойственнаго числа. Двойственное число въ современномъ словацкомъ языкѣ не существуетъ; оно замѣняется множественнымъ. Слѣды древняго двойственнаго числа не многочислены: 1) им. вин. п. dva, oba (м. р.), dve, obe (ср. и ж. р.) р. м. п. dvú, obú дат. тв. dvoma, oboma (всѣхъ родовъ) (вм. dva, oba нерѣдко слышны dvá, obá или dva-ja и oba-ja; въ дат. и мѣстн. пп. чаще употребительны формы множ. ч. dvom, obom, dvoch, oboch, въ род. п. также возможна форма dvoch); 2) род. п. rukú, nohú, тв. п. rukoma, nohoma; 3) р. п. oči, očú, uši,—ušú, тв. п. očima, ušima. Употребительное въ народныхъ говорахъ въ твор. п. мн. ч. сложн. склон. оконч. ma (tlustýma tély), вѣроятно, также заимствовано изъ двойственнаго числа.

2) Виды именнаго склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ. Въ современномъ словацкомъ языкѣ представлены не всѣ древніе виды именнаго склоненія, а лишь нѣкоторые; именно: 1) склоненіе основъ на -o (ъ, o), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -a, твердое и мягкое, и 3) склоненіе основъ на -i женскаго рода. Прочіе виды склоненія или исчезли, или сохранились въ немногочисленныхъ обломкахъ. Склоненіе основъ на -u (какъ во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ) слилось со склоненіемъ основъ на-o (ъ). Слѣды этого склоненія удержались въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на -o. Сюда относятся: u (род. п. един. ч.), ovi (дат. п. ед ч.), u (зв. п. ед. ч.), u (мѣст. п. ед. ч.), ovia (им. п. мн. ч.), ov (род. п. мн. ч.), och (мѣстн. п. мн. ч.); напр. dubu (род. п.), chlapovi (дат. п.), po brehu (твор. п.), ptaku (зв. п.), chlapovia (имен. п. множ. ч.), chlapov (род. п. множ. ч.). Склоненіе основъ на -i мужескаго рода сохранилось лишь въ одномъ словѣ ľudia (и то не во всѣхъ падежахъ) и въ род. п. мн. ч. слова hosť; сверхъ того нѣкоторыя окончанія этого склоненія, именно í (р. п. мн. ч.), mi (тв. п. мн. ч.) перешли въ значеніи побочныхъ окончаній въ другія склоненія; относящіяся къ этому склоненію слова измѣняются по образцамъ склоненія на -o. Склоненіе на согласные почти совсѣмъ исчезло. Древнія формы этого склоненія удержались только для слова mati или mať. Всѣ остальныя древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію на -o (основы на -n, s, t) или на -a (основы на -v). Наконецъ смѣшеніе основъ выражается въ томъ, что нѣкоторыя основы на -i женскаго рода измѣняются по мягкому склоненію основъ на -a. Склоненія твердыхъ и мягкихъ основъ (на -o и на -a) въ общемъ различаются, но въ нѣкоторыхъ падежахъ и здѣсь наблюдается смѣшеніе основъ, главнѣйше вслѣдствіе удержанія первичнаго o окончаній неперегласованнымъ въ e (dušo, mužom).

3) Смѣшеніе падежныхъ окончаній. Въ связи со смѣшеніемъ основъ находится смѣшеніе падежныхъ окончаній. Подъ вліяніемъ закона аналогіи или вслѣдствіе извѣстныхъ звуковыхъ особенностей языка различные падежи одного склоненія, когда-то звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія; или же извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному разряду словъ, примѣняется въ томъ же падежѣ къ словамъ другихъ категорій. Смѣшеніе падежныхъ окончаній въ словацкомъ языкѣ не достигло такихъ

широкихъ размѣровъ какъ въ чешскомъ и сербо-хорватскомъ языкѣ, но всетаки выражается въ значительномъ количествѣ новообразованій. Сюда относятся слѣдующія явленія.

I. Въ склоненіи основъ на -**o**. а) *Усвоеніе указанныхъ выше окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на* -**u**; именно: 1) *оконч. зват. п. един. ч. муж. р.* -**u**, рядомъ съ господствующимъ **e**: **vrahu**, **chlape**; 2) *оконч. род. п. един. ч. муж. р.* -**u**, рядомъ съ основнымъ **a**: **chlapa**, **dubu**; 3) *оконч. дат. п. един. ч. муж. р.* -**ovi**, рядомъ съ основнымъ **u**: **chlapu**, **chlapovi**; 4) *оконч. мѣстн. п. един. ч.* -**u**, -**ovi**, рядомъ съ основнымъ **e** (изъ др. **ѣ**): **chlapu**, **dube**; 5) *оконч. имен. п. мн. ч. муж. р.* -**ovia** (изъ болѣе древняго **ove**) рядомъ съ основнымъ **i** и неорганическимъ **y**: **chlapi**, **chlapovia**, **duby**; 6) *оконч. род. п. мн. ч. муж. р.* -**ov**; древнія формы, безъ **ov** сохранились лишь въ двухъ словахъ: **čias**, **raz**; 7) *оконч. мѣст. п. мн. ч. муж. р.* -**och**: **chlapoch**, **duboch**; основное **iech** встрѣчается рѣдко: **roziech**. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -**u**, перешли въ склоненіе основъ на -**o** уже въ доисторическую пору.

б) *Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненій основъ на* -**i** *и на* -**a**; именно 1) *въ твор. п. мн. ч.* -**mi**, **ami**, на ряду съ основными **y**, **i**: **chlapy**, **chlapami**, **dely**, **delami**, **muži**, **mužmi**, **poli**, **pol'mi** и **pol'ami**; ок. -**mi** заимствовано изъ склоненія основъ на -**i** и выступаетъ только въ мягкомъ склоненіи; ок. -**ami** изъ склоненія основъ на -**a** и примѣняется въ словахъ муж. рода только въ твердомъ склоненіи, а въ словахъ ср. рода—въ твердомъ и мягкомъ склоненіи; 2) *въ мѣст. п. мн. ч. ср. р.* -**ách**, перешедшее изъ склоненія основъ на -**a**: **delách**, **poliach**; въ словахъ муж. р. **ách** встрѣчается лишь изрѣдка: **snách**, **časach**; столь распространенное въ чешскомъ языкѣ окончаніе **ech**, заимствованное изъ склоненія основъ на -**i**, въ словацкомъ совсѣмъ не употребительно; 3) *въ дат. п. множ. ч. ср. р.* -**ám**, перешедшее изъ склоненія основъ на -**a**: **delám**, **poliam**; 4) *въ род. п. множ. ч. мягкихъ основъ ср. р.* -**í**, заимствованное изъ склоненія основъ на -**i**: **polí**; также въ **koní**, **peňazí**.

в) *Сохраненіе въ мягкомъ склоненіи многихъ окончаній*, собственно свойственныхъ твердому склоненію; именно: 1) *дат. мѣст. пп. ед. ч.* -**ovi**: **mužovi**; 2) *твор. п. ед. ч.* -**om**: **mužom**, **mečom**, **pol'om**; 3) *род. дат. мѣстн. пп. множ. ч.*: **mužov**, **mužom**, **mužoch**, **mečov**, **mečom**, **mečoch**. Въ народномъ языкѣ и *въ имен.-вин. пп. ед. ч. средн. р.* удерживается **o**: **pol'o**, **moro**. Всѣ эти формы можно объяснять двояко:

или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью языка сохранять неперегласованное древнее о послѣ мягкихъ согласныхъ.

II. Въ склоненіи основъ на -a: 1) усвоеніе мягкими основами въ *род. п. мн. ч.* оконч. -í, перешедшаго изъ склоненія основъ на -i: duší; род. п. безъ í встрѣчается рѣже: ulic, ovec; 2) усвоеніе мягкими основами въ *зват. п. ед. ч.* окончанія твердаго склоненія -o: dušo; 3) совпаденіе *твор. п. ед. ч.* твердаго и мягкаго склоненія въ одномъ окончаніи -ou: rybou, dušou; это совпаденіе можно объяснять двояко: или ou перешло изъ твердаго склоненія въ мягкое, или же въ томъ и другомъ склоненія ou развилось самостоятельно изъ ú, которое могло стянуться изъ ѡѫ и изъ ѥѫ; въ говорахъ вм. ou слышатся ú, u, ov, ó, on: ovcú, ovcu, ovcov, ovcó, ovcon.

III. Въ склоненіи основъ на -i женскаго рода: *усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія мягкихъ основъ на* -a; именно: 1) *въ родит. п. ед. ч.* e (вм. исконн. i) dlane; 2) *въ имен. вин. пп. множ. ч.* -e (вм. искон. i): dlane; 3) *въ дат. п. множ. ч.* -am (вм. искон. em): dlaňam, kosťam; 4) *въ мѣстн. п. множ. ч.* -ach: dlaňach, kosťach. Окончанія 1 и 2 распространены въ языкѣ наравнѣ съ древними (i): одни имена сохраняютъ древнія окончанія (kosti), другія приняли позднѣйшія, заимствованныя. Окончанія 3 и 4 исключительно господствуютъ въ языкѣ и вытѣснили болѣе древнія em, ech. Въ чешскомъ языкѣ отступленіе отъ старины замѣчается только по отношенію къ род. п. ед. ч. и имен.-вин. п. мн. ч. Въ словацкомъ языкѣ и *въ твор. п. множ. ч.* нѣкоторыя слова могутъ принимать окончаніе основъ на -a, -ami: dlaňmi и dlaňami (но kosťmi).

Весьма вѣроятно, что и *окончаніе твор. п.* ou перешло изъ склоненія основъ на -a: kosťou, dlaňou (въ чеш. яз. kostí, dlaní); хотя возможно допустить, что ou = ú, стянутому изъ ĳu (костиѭ).

IV. Въ склоненіи основъ на i муж. р.: въ единственномъ относящемся сюда l'udia (и l'udie, мн. ч.) въ дат. и мѣстн. пп. проникли окончанія основъ на -o: l'uďom, l'uďoch: hosť только въ род. п. множ. ч. сохранилъ древнее í (hostí), во всѣхъ прочихъ падежахъ это существительное слѣдуетъ склоненію на -o.

V. Въ склоненіи основъ на согласный: вліяніе склоненія основъ на-a обнаруживается въ слѣдующихъ формахъ сущ. mať: твор. п. ед. ч. — materou, дат. п. мн. ч. materam, мѣст. п. мн. ч. materach.

Въ общемъ нужно признать, что именное склоненіе въ словацкомъ языкѣ значительно упростилось въ сравненіи со старо-славянскимъ языкомъ и съ предполагаемыми нормами пра-славянскаго яз. Въ частностяхъ изъ приведенныхъ данныхъ видно, что 1) склоненіе основъ на -o муж. рода или сохранило древнія окончанія или подверглось вліянію склоненія на -u; 2) склоненіе основъ на -o средняго рода и склоненіе основъ на -i женск. рода усвоили многія окончанія склоненія основъ на -a; 3) склоненіе основъ на -a преимущественно сохранило древнія окончанія, на сколько это допускалось звуковыми законами языка; 4) твердое и мягкое склоненія основъ на -o и на -a не только не представляютъ такого рѣзкаго различія между собой, какое наблюдается въ чешскомъ языкѣ, но въ нѣкоторыхъ падежахъ ближе между собой, чѣмъ въ старо-славянскомъ языкѣ.

4) Характерныя окончанія. Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предшествующихъ параграфахъ и нѣкоторыхъ частныхъ особенностей словацкаго вокализма, изложенныхъ раньше, въ отдѣлѣ фонетики, именное склоненіе представляетъ рядъ характерныхъ окончаній, то сближающихъ его со склоненіемъ старо-славянскаго и чешскаго языковъ, то удаляющихъ его отъ одного изъ нихъ, или отъ обоихъ вмѣстѣ.

Ниже слѣдуетъ перечень этихъ окончаній.

I. Въ склоненіи основъ на -o.

Един. ч.

1) Зват. п. ед. ч. муж. р.—не только -e (древнее), но и u (послѣ гортанныхъ): chlape, dube, ptaku; въ литературномъ яз. нерѣдко вм. зват. п. именительный.

2) Родит. п. -a, -u: chlapa, dubu; a—преимущественно у именъ, обозначающихъ лица и предметы одушевленные, u—у именъ, обозначающихъ предметы неодушевленные; средн. р. только -a: dela:

3) Дательн. п. -u, -ovi: chlapu, chlapovi; имена неодушевленныя муж. р. и всѣ средн. р.—только -u: dubu, delu.

4) Мѣстн. п. -e (=ѣ), -u -ovi: dube, dele, chlapu, chlapovi; -e только у именъ неодушевленныхъ муж. р. и у всѣхъ средн. рода; -u, -ovi у именъ одушевленныхъ муж. р., а также вообще послѣ гортанныхъ (briehu, mlieku); иногда -i: v mieri, v jednom dvori (ср. Pasternek, Beiträge 105).

5) Твор. п. **-om** (=**ъмь**): **chlapom**, **dubom**, **delom**; **em** (восточн. и западн. нар.): **chlapem**.

Множ. ч.

6) Имен. п. муж. р. **-i**, **-y**, **-ovia**: **chlapi**, **chlapovia**, **duby**; оконч. **-i** соотвѣтствуетъ старо-слав. **и** и встрѣчается только у именъ одушевленныхъ; **y**—собственно окончаніе винит. п. и примѣняется къ существительнымъ неодушевленнымъ; такъ и въ чешскомъ яз.; **ovia**—усваиваемое только именамъ одушевленнымъ, произошло по мнѣнію проф. Гебауэра (Histor. mluv., III; I, 49) изъ первоначальнаго **-ovie** по аналогіи собирательныхъ именъ: **brat**—**bratia**, **l'udia**; ср. словин. **bratove**, **popovje** (Лекціи I, 451); въ средн. р. **-a** или чаще **-á**: **dela**, **delá**.

7) Вин. п. муж. р. **-y**: **duby**, только у именъ неодушевленныхъ, у одушевленныхъ винит. п. выражается родительнымъ: **chlapov**; ср. р. **-a**, **-á**: **dela**, **delá**. Ср. чешскій яз.

8) Родит. п. муж. р. **-ov** (чешск. **ův**, старо-слав. **-овъ**): **chlapov**, **dubov**; въ народныхъ говорахъ **ou**: **chlapou**, **ó** (чешск. г.): **domó**; сред. р.—безъ особаго окончанія: **diel**.

9) Дат. п. **-om** (чешск. **ům**, старо-слав. **омъ**): **chlapom**, **dubom**, **delom**.

10) Твор. п. **-y** (старо-слав. **ы**), **ami**: **chlapy**, **duby**, **dely**; иногда **-mi**: **zubmi**.

11) Мѣст. п. муж. р. **-och**: **chlapoch**, **duboch**, рѣже древнее **iech** (старо-слав. **ѣхъ**) и **ách**: **roziech**, **snách**; въ средн. р. исключительно **-ách**: **delách**.

II. Въ склоненіи основъ на -jo.

Един. ч.

12) Имен. п. муж. р.—согласн. зв.: **muž**, **meč**; средн. р. (им., вин., зват. пп.) **-e**, **-ie**: **pole**, **umenie**; въ народныхъ говорахъ **-o**, **-ia**, **-ja**: **pol'o**, **umenia**, **štastja**; происхожденіе окончанія **-ia** (ja) еще не выяснено [1]).

13) Зват. п. муж. р. **-u**, **-e**: **mužu**, **meču**, **otče**.

14) Дат. п. муж. р. **-u**, **-ovi**: **mužu**, **mužovi**; у именъ муж. р. неодушевленныхъ и въ средн. р. только **-u**: **meču**, **pol'u**, **umeniu**.

---

[1]) Объясненіе, предлагаемое Пастернекомъ (Beiträge, 126—127) едва ли можно признать убѣдительнымъ.

15) Мѣстн. п. муж. р. существит. одушевл. -u, -ovi: mužu, mužovi, у существит. неодушевл. и въ сред. р. -i: meči, poli, umení.

16) Твор. п. муж. р. -om: mužom, mečom; въ средн. р. -om, -ím (=ijem): pol'om, umením.

Множ. ч.

17) Имен. п. муж. р. -i -ovia, -e: muži, mužovia, meče; -i, -ovia выступаютъ у существ. одушевл., -e есть собственно окончаніе вин. п. и примѣняется къ именамъ неодушевл.; оно возникло изъ пра-слав. ѣ и соотвѣтствуетъ старо-слав. ѧ. Тоже въ чешскомъ яз.; въ средн. р. -a, -ia: pol'a и polia (имен., вин., зват. пп.).

18) Вин. п. муж. р. -e: meče, только у именъ неодушевленныхъ; у существительныхъ одушевленныхъ винит. п. выражается родительнымъ: mužov.

19) Род. п. муж. р. -ov: mužov, mečov; въ говорахъ ou: rodičou; въ средн. р. -í: polí.

20) Дат. п. муж. р. -om: mužom, mečom; сред. р. -iam: poliam (чешск. polím).

21) Твор. п. -i (=старо-слав. ы), -mi, -ami: muži, mužmi, mužami, meči, mečmi, mečami, poli, pol'mi, pol'ami.

22) Мѣстн. п. муж. р. -och: mužoch, mečoch; сред. р. -iach: poliach (въ чешск.—mužích, polích), старо-слав. мѫжихъ, полихъ.

III Въ склоненіи основъ на -a.

Един. ч.

23) Зват. п. -o: rybo (старо-слав. рыбо, чешск. rybo).

24) Вин. п. -u: rybu (старо-слав. рыбѫ, чешск. rybu).

25) Род. п. -y (=старо-слав. ы): ryby (такъ и въ чешск. яз.).

26) Дат.-мѣстн. пп. -e (=старо-слав. ѣ) rybe (чешск. rybě).

27) Твор. п. -ou (=старо-слав. оѭ): rybou; въ говорахъ ú (западн.), u (восточн.); ov (и ou въ средн. н.), ó (гемер. г.): rybú, rybu, ybov, rybó; въ чешск. яз. тоже ou.

Множ. ч.

28) Имен., вин. п. -y (=старо-слав. ы), ryby (чешск. ryby).

29) Род. п.— безъ окончанія rýb (старо-слав. рыбъ, чешск. ryb).

30) Дат. п. ám: rybám (старо-слав. рыбамъ, чешск. rybám).

31) Мѣстн. п. -ách: rybách (старо-слав. рыбахъ, чешск. rybách).

32) Твор. п. -ami, -ámi: rybami (старо-сл. рыбами, чеш. rybami).

IV. Въ склоненіи основъ на -ja.

Един. ч.

33) Имен. п. -a: duša (чешск. duše).

34) Зват. п. -o: dušo (старо-слав. доуше, чешск. duše).

35) Вин. п. -u (=старо-сл. ѫ): dušu (старо-сл. доушѫ, чешск. duši).

36) Род. п. -e (=старо-сл. ѧ): duše (старо-сл. доушѧ, чешск. duše).

37) Дат., мѣстн. пп. -i: duši (старо-слав. доуши, чешск. duši).

38) Твор. п. -ou: dušou (старо-слав. доушеѭ, чешск. duší), діалектич. -ú, -u, -ov, -ó (ср. 27): dušú, dušu, dušov, dušó.

Множ. ч.

39) Имен., вин., зват. пп. -e: (=старо-сл. ѧ, пра-сл. ѣ): (старо-слав. доушѧ, чешск. duše).

40) Род. п. — безъ окончанія, -i: ovec, duši (старо-слав. доушь, чешск. duší).

41) Дат. п. -iam: dušiam (старо-слав. доушамъ, чешск. duším).

42) Мѣст. п. -iach: dušiach (старо-слав. доушахъ, чешск. duších).

43) Твор. п. -iami: dušiami (старо-слав. доушами, чешск. dušemi).

V. Въ склоненіи основъ на -i.

Един. ч.

44) Зват. п. -i: kosti, dlani (старо-слав. кости).

45) Род. п. -e, -i: kosti, dlane (тоже и въ чешск. яз.).

46) Тв. п. -ou: kosťou (старо-слав. костиѭ, чешск. kostí), dlaňou, діалектич. -ú, -u, -ov, -ó (ср. № 27, 38): radosťou, radosťú, radosťu, radosťov, radoščó.

Множ. ч.

47) Имен., вин. пп. -i, -e: kosti, dlane.

48) Род. п. -í: kostí, dlaní (старо-слав. костий).

49) Дат. п. -am: kosťam, dlaňam (старо-слав. костьмъ, чешск. kostem, dlaňem, -ím).

50) Мѣст. п. -ach: kosťach, dlaňach (старо-слав. костьхъ, чешск. kostech, dlaněch, -ích).

51) Тв. п. -mi: kosťmi, dlaňmi, dlaňami (чеш. kosťmi, dlaněmi).

5) Измѣненія въ количествѣ коренныхъ гласныхъ. Измѣненіе словъ по падежамъ иногда сопровождается измѣненіями количества коренныхъ гласныхъ: въ разныхъ падежахъ коренные гласные бываютъ то долгими, то краткими; напр.: ruka, rúk, kôn, koňa. Подобное явленіе наблюдается и въ чешскомъ языкѣ, но тамъ оно захватываетъ большее количество случаевъ; сверхъ того случаи чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ въ обоихъ языкахъ не всѐгда совпадаютъ. Въ словацкомъ яз. замѣтно стремленіе къ удержанію однороднаго количества и извѣстное предпочтеніе къ долготамъ, при чемъ послѣднее выражается какъ въ сохраненіи долготъ, такъ въ замѣнѣ въ извѣстныхъ случаяхъ краткихъ гласныхъ долгими. Между тѣмъ чешскій языкъ отличается наклонностью сокращать долгіе гласные.

Самая характерная особенность словацкаго яз.—удлиненіе краткихъ коренныхъ гласныхъ во всѣхъ односложныхъ родительныхъ падежахъ множ. ч.: čias, ráz, brád, nôh, rýb, rúk, vl'n, sŕn, diel, mias, zŕn и т. п.; въ имен. ед. ч. čas, brada, noha, ruka, delo и т. д.; въ чешск. яз. не только сохраняются краткіе гласные, но и долгіе превращаются въ краткіе: brad, ryb, ruk, děl (dílo), per (péro).

Односложныя существительныя муж. р. иногда имѣютъ въ имен. п. ед. ч. долгій гласный, вмѣсто котораго въ прочихъ падежахъ выступаютъ краткіе гласные. Это относится главнымъ образомъ къ o: kôň, koňa, nôž, nožom, stôl, stolu, vôl, vola; но нерѣдко и въ имен. п. краткое o: Boh, voz, dvor, или же ô не сокращается: pôst, bôb, bôba. Такъ чередуются ie, e въ словѣ chlieb, chleba. Другіе гласные, выступающіе въ чешскомъ языкѣ въ односложныхъ именительныхъ пп. долгими, въ словацкомъ или бываютъ кратки, напр.: hrach, prach, sneh, или же остаются долгими во всѣхъ падежахъ, напр.: mráz, mrázu.

Законъ чешскаго яз. о чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ въ склоненіи двусложныхъ существительныхъ отъ основъ на -a, -ja не извѣстенъ словацкому языку. Коренной долгій гласный остается неизмѣннымъ во всѣхъ падежахъ: brána, bránou; brán, bránam bránami, bránach.

Существ. pán имѣетъ въ зват. п. краткое a: pane; въ остальныхъ падежахъ á удерживается, не исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ въ чешскомъ выступаетъ краткое a: pan kmotr, pana kmotra.

Ср. стр. 121 и 264.

Образцы именнаго склоненія.

I. Основы на -o.

Един. ч.

Мужескій родъ.		Средній родъ.	
И. chlap	dub	delo [1])	slovo
З. chlape	dube	delo	slovo
В. chlapa	duba	delo	slovo
Р. chlapa	duba	dela	slova
Д. chlapu, ovi	dubu	delu	slovu
Т. chlapom	dubom	delom	slovom
М. chlapu, -ovi	dube	dele	slove

Множ. ч.

И З. chlapi, ovia	duby	delá, -a	slová, -a
В. chlapov	duby	delá, -a	slová, -a
Р. chlapov	dubov	diel	slov
Д. chlapom	dubom	delám	slovám
Т. chlapy, -ami	duby, -ami	dely, -ami	slovy, -ami
М. chlapoch	duboch	delách	slovách.

Къ склоненію именъ мужескаго рода.

1) По даннымъ образцамъ склоняются: а) всѣ имена муж. р. отъ древнихъ основъ на -o: Boh, človek, hrad и др.; б) существительныя отъ древнихъ основъ на -u: syn, vôl, dom; в) нѣкоторыя слова отъ основъ на -i: holub, červ и др. Въ общемъ сюда относятся всѣ имена мужескаго рода, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на одинъ изъ твердыхъ согласныхъ: b, d, f, g, h, ch, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z. Изъ оканчивающихся на мягкій согласный слѣдуетъ данному склоненію только počet (число). Наконецъ, къ твердому склоненію основъ на -o муж. р. принадлежатъ употребляющіяся: 1) только во множ. ч. слова на -y: čiary, drobky, hody, mravy, odperstky, ostatky, pačesy, patoky и т. п; 2) имена муж. р. на -o (въ зват. пад. также o): dedo, tato и др.

---

[1]) Delo=пушка (нужно отличать отъ dielo=дѣло).

2) Въ словацкомъ языкѣ, какъ въ чешскомъ и польскомъ, выдерживается болѣе или менѣе послѣдовательно различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Образцомъ склоненія первыхъ служитъ chlap, вторыхъ — dub. Склоненіе одушевленныхъ именъ представляетъ слѣдующія особенности: а) винит. п. ед. и множ. ч. сходенъ съ род. п. (chlapa, chlapov); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на а (chlapa); дат. и мѣст. п. ед. ч. оканчиваются не только на -u, но и на -ovi (chlapu, -ovi); имен. п. мн. ч. оканчивается на -i, -ovia, -ia (chlapi, chlapovia, židia). Напротивъ у именъ неодушевленныхъ: а) вин. п. сходенъ съ именительнымъ (dub, duby, во множ. ч. имен. п. есть собственно вин. п.); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -u (dubu); в) дат. п. ед. ч. только на -u (dubu); г) мѣстн. п. ед. ч. на -e (dube); д) имен. п. множ. ч. на -y (duby). Такимъ образомъ въ словацкомъ языкѣ, по сравненію съ чешскимъ, различіе между склоненіемъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ именъ простирается на бо́льшее число падежей. Въ частностяхъ этою чертою словацкій стоитъ ближе къ польскому, такъ какъ въ немъ (какъ въ польскомъ) между одушевленными именами различаются имена личныя отъ неличныхъ, при чемъ послѣднія въ нѣкоторыхъ падежахъ (имен., вин. мн. ч.) примыкаютъ къ неодушевленнымъ (hady, чешск. hadi).

3) Бѣглые o, e (=ъ, ь или вставочные), находящіеся въ имен. п. ед. ч. передъ согласнымъ окончанія, исчезаютъ во всѣхъ падежахъ, гдѣ за этимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный: piatok — piatku, ovos — ovsa, orol—orla, osol — osla, kozol—kozla, domok — domku, statok — statku, veter—vetru, šev — švu, pes — psa, počet — počtu, ocet—octu, chrbet — chrbtu; также а въ synak — synku; но иногда o, e остаются и въ другихъ падежахъ; напр.: kostol—kostola, popol popola, lev—lva и leva, domček—domčeku, spev—spevu и др.

4) Род. п. ед. ч. имѣетъ два окончанія: -a, -u; a—принимаютъ имена одушевленныя; u—неодушевленныя. Отъ этого общаго закона наблюдается рядъ отступленій, какъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Многія существительныя обозначающія неодушевленные предметы удерживаютъ болѣе древнее окончаніе -a: chlieb, chliev, dvor, kostol, kotol, kláštor, mlýn, obed, oves, ocet, popol, potok, rok, stôl, sýr, svet, večer, zákon, záhon, život, chomut, jazyk, komin, kus, kut, sud и др.; особенно съ предлогами: zo sna, z duba na dub, od roka

do roka и т. п. Мѣстныя названія (за исключеніемъ сложныхъ съ hrad, sad или имѣющихъ нарицательное значенія) и имена мѣсяцевъ также принимаютъ -a: Rima, Trenčina, Lvova (но Petrohradu), januara, února (февраль). Собирательныя какъ l'ud, statok имѣютъ -u: l'udu, statku; но národ лучше звучитъ národa, чѣмъ národu.

5) Въ дат. п. ед. ч. имена одушевленныя могутъ имѣть двоякое окончаніе -u, ovi: chlapu, chlapovi; Boh, človek, duch и pan (въ соединеніи съ другимъ существительнымъ) имѣютъ только -u: človeku, pánu Hurbanu.

6) Зв. п. ед. ч. обыкновенно оканчивается на -e: chlape. Послѣ гортанныхъ выступаетъ u (заимств. изъ склоненія основъ на u): hrachu, ptaku, vrahu, но Bože и človeče. Syn сохраняетъ древнюю форму synu.

7) Въ мѣстн. п. ед. ч. имена неодушевленныя оканчиваются на -e: dube; но послѣ гортанныхъ обыкновенно -u: po brehu, v kožuchu, statku; l'ud также имѣетъ -u: l'udu. Имена святыхъ, при обозначеніи времени праздниковъ принимаютъ -e: o svätom Štefane, но если идетъ рѣчь о личности святого, то необходимо окончанія -ovi: o svätom Štefanovi.

8) Имен. п. множ. ч. представляетъ слѣдующія окончанія: -i, -ovia (ovie), -ia (ie), y. Употребленіе ихъ стоитъ въ зависимости отъ значенія словъ, при чемъ принимается во вниманіе различіе не только между одушевленными и неодушевленными именами, но и между личными и неличными. Оконч. -i, -ovia, -ia свойственны исключительно личнымъ именамъ: i — наиболѣе распространено и смягчаетъ предшествующія h, k, ch въ z, c, s: koželuzi, Česi, Slovaci; ovia (рѣже ovie) — слышится чаще въ возвышенномъ слогѣ: pánovia, svatovia но и páni, svati; никогда не принимаютъ ovia слова, оканчивающіяся на -ik, -ák: vojáci, zahrádnici; syn всегда имѣетъ synovia, также dedo — dedovia; ia (рѣже ie, чешск. é) — наиболѣе употребительно у личныхъ именъ, оканчивающихся на d, n съ предпослѣднимъ слогомъ краткимъ: Židia, pohania, Angličania, но говорятъ и Židi, pohani; также отъ brat — bratia, kňaz — kňažia. Имена неличныя (названія животныхъ) приравниваются къ неодушевленнымъ и обыкновенно принимаютъ оконч. -y: hady, orly, ptaky. Но если имена неличныя обозначаютъ (напр. въ сказкахъ) животныхъ олицетворяемыхъ, то они могутъ оканчиваться на -i: hadi, orli, ptáci. Только vlk всегда имѣетъ vlci.

9) Въ винит. п. мн. ч. имена неличныя также отличаются отъ личныхъ: они примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ и сохраняютъ древнее окончаніе -y: kozly, voly, vlky, duby. У личныхъ именъ винит. п. сходенъ съ род. п.: chlapov. Только отъ boh и kresťan слышатся еще bohy и kresťany (въ пѣснѣ о Моренѣ: „Morena, Morena! za kohos umrela? Ne za ny, ne za ny, než za ty kresťany“).

10) Древній род. п. мн. ч. безъ ov сохранился только въ двухъ словахъ: čias и ráz.

11) Въ мѣстн. п. мн. ч. господствуетъ окончаніе -och: chlapoch, duboch; изрѣдка встрѣчаются -iech (смягчающее предшествующія h, k, ch) и ách: roziech, mnisiech, potociech; ve snách, časách.

12) Въ твор. п. мн. ч. древнее окончаніе y слышно преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда существительное опредѣляется прилагательнымъ; напр.: ostrými zuby, peknymi spôsoby; иначе болѣе употребительно позднѣйшее -ami: zubami; возможно и mi: zubmi.

13) Для существ. človek мн. ч. l'udia (l'udie), которое измѣняется по смѣшанному склоненію основъ на -i и на -o: вин. п. l'udi, род. п. l'udí, дат. п. l'uďom, твор. п. l'uďmi, мѣст. п. l'uďoch.

Къ склоненію именъ средняго рода.

1) По образцу delo склоняются: а) всѣ имена средн. р. отъ основъ на -o: okno, kolo, zlato, mlieko, sadlo, vojsko и т. п.; б) имена отъ основъ на -s: slovo, telo (за исключеніемъ nebo); в) имена сред. р. отъ древнихъ основъ на -n: meno, bremeno, semeno (возможно измѣненіе ихъ и по мягкому склоненію bremä, semä); г) имена на -a, употребляющіяся только во множ. ч.: ústa, vráta, krosna.

2) Въ мѣстн. п. ед. ч. вм. обычнаго e послѣ гортанныхъ слышится u: mlieku, vojsku.

3) Въ родит. п. мн. ч. по требованіямъ благозвучія является вставочный e, ie (иногда a): pravidlo—pravidel, okno—okien, veslo—vesal; слова на -stvo охотнѣе принимаютъ -í: biskupstvo—biskupství. Двусложныя существительныя, становясь въ род. п. мн. ч. односложными, удлиняютъ коренной гласный: zrno—zŕn, mesto—miest.

4) Къ формамъ твор. п. мн. ч. на -y и -ami (-mi) относится сказанное объ этихъ падежахъ по отношенію къ именамъ муж. р. (п. 12).

5) Существ. oko, ucho имѣютъ смѣшанное склоненіе съ формами двойственнаго и множественнаго числа: имен., вин., зват. пп. oči, uši, род. п. očí, uší, дат. п. očam, ušam, мѣстн. п. v očach, ušach, тв. п. očima, ušima. Ср. выше стр. 277.

II. Основы на -jo.

Мужескій родъ.

Един. ч.			Множ. ч.	
И.	oráč	meč	И. З.	oráči, -ovia	meče
З.	oráču	meču			
В.	oráča	meč	В.	oráčov	meče
Р.	oráča	meča	Р.	oráčov	mečov
Д.	oráču, -ovi	meču	Д.	oráčom	mečom
Т.	oráčom	mečom	Т.	oráči, -mi	meči, -mi
М.	orácu, -ovi	meči	М.	oráčoch	mečoch.

Средній родъ.

Един. ч.

И. З. В.	pole	znamenie	semä	kurä
Р.	pol'a	znamenia	semeňa	kuraťa
Д.	pol'u	znameniu	semeňu	kuraťu
Т.	pol'om	znamením	semeňom	kuraťom
М.	poli	znamení	semeni	kurati

Множ. ч.

И. З. В.	polia, -a	znamenia	semena	kurata
Р.	polí	znamení	semen	kurat
Д.	poliam	znameniam	semenám	kuratam
Т.	poli, -'mi, 'ami	znameniami	semeny, -ami	kuraty, -ami
М.	pol'iach	znameniach	semenách	kuratách.

1) По образцамъ oráč, meč склоняются: а) всѣ имена муж. р. отъ основъ на -jo, т. е. всѣ имена муж. р., оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на мягкій согласный (c, č, z, ž, š, ď, ť, l', ň, j): muž, kríž,

nôž, bič, loj, kňaz, peniaz, víťaz, koš, dažď', hlemyžď' (слизень), hvižď' (черный орѣхъ), sleď', deheť, plašť, oheň, kliešť, učitel', kukol', ďatel', čmel', kašel', král', chmel', kŕdel' (стадо), motyl', mozol', pytel' (Beutel), sopel', uhel', šindel' (Schindel, брусокъ), topol', nosál', okál' и др.; б) нѣкоторыя имена, относящіяся къ склоненію основъ на -i: lakeť, zať, tesť, medved', bôl', ciel' kúpel' (ср. русскія *боль*, *цѣль*, *купѣль* жен. р.).

2) По образцу **pole** склоняются: а) имена средн. р. отъ основъ на -jo: líce, ovoce, slnce, srdce, vojce, ohnište, more, oje (дышло), lože, Labe и др.; въ народномъ языкѣ о обыкновенно остается непереглacoвaннымъ: lico, srdco и т. д.; б) nebe (осн. на -s) и nebo только въ един. ч., во множ. ч. (nebesa) по твердому склоненію.

По образцу **znamenie** склоняются имена на -ie (=старо-сл. иѥ): kamenie, listie, veselie, zdravie, pitie, volanie и т. д. Собирательныя употребляются только въ един. ч.

4) По образцу **semä** склоняются имена ср. р. отъ основъ на -n: bremä, pismä, plemä, ramä, temä, vemä (старо-сл. брѣмѧ, пра-сл. bremen); всѣ эти имена могутъ возстановлять первичное n и въ имен. п. и въ такомъ случаѣ слѣдуютъ твердому склоненію: bremeno, plemeno и т. д.; вм. древн. imä (старо-слав. имѧ) теперь только meno; древняя форма сохранилась только въ нарѣчіи najmä. Во множ. ч. эти имена всегда слѣдуютъ твердому склоненію: bremena, bremen и т. д.

5) По образцу **kurä** склоняются нѣкоторыя уменьшительныя и названія молодыхъ животныхъ на -a, -ä: dievča, chlapča, dieťa, osl'a, kaďa, jahňa, žriebä. Во мн. ч. эти существительныя слѣдуютъ твердому склоненію: dievčata, dievčat. Dieťa во множ. ч. имѣетъ формы отъ другихъ основъ: имен., вин., зват. deti, dietky, род. п. deti, dietok, дат. п. deťom, dietkam, тв. п. deťmi, dietkami, мѣст. п. deťoch, dietkach (ср. соотвѣт. русск. формы). Многія изъ относящихся сюда именъ иногда принимаютъ во множ. ч. окончаніе -ence (вм. atá) и въ остальныхъ падежахъ слѣдуютъ то основамъ на -a, то основамъ на -o: kurence, род. п. kureniec или kurencov, дат. п. kurencam или kurencom, твор. п. kurenci или kurencami, мѣст. п. kurencach или kurencoch; подобныя формы были и въ старо-чешск. яз.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, различается склоненіе именъ одушевленныхъ отъ склоненія именъ неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ **otéc**, втораго — **meč**. Изъ

категоріи именъ одушевленныхъ выдѣляются имена неличныя, которыя въ твор. п. ед. ч. и имен. и вин. пп. множ. ч. примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ: na koni, kone, medvede, jelene. Такъ и král' въ картахъ и при обозначеніи праздника: dva krále, tri krale. Древній винит. п. ед. ч. у именъ одушевленныхъ, сходный съ именит., до сихъ поръ сохранился въ выраженіи: ísť za muž (ср. русск. выйти за мужъ). Ср. замѣчанія къ склоненію твердыхъ основъ на -о стр. 287.

7) Въ имен. п. ед. ч. муж. р. (и винит. п. неодушевленныхъ именъ) по требованію благозвучія выступаетъ бѣглое е (изъ ь или вставочное); напр.: chlapec—chlapca, oheň—ohňa, kašel'—kašl'a, laket—lakťa, но hrebeňa, jeleňa, jeseňa, kúdel'a и др.; въ jazvec, švec и žnec переставляется е: jazevca, ševca и ženca.

8) Имена на ес и kňaz имѣютъ въ зват. п. един. ч. е вм. обычнаго u: kňaže, otče, chlapče.

9) Въ дат. п. ед. ч. оба окончанія -u, -ovi могутъ принимать только имена одушевленныя муж. р. (oraču, oračovi); имена неодушевленныя и существительныя ср. р. принимаютъ только u (meču, pol'u).

10) Въ имен. п. мн. ч. окончанія -i, -ovia свойственны только личнымъ именамъ: chlapci, chlapcovia; otec и rodič имѣютъ только -ovia: otcovia, rodičovia. Возможно еще окончаніе -ia: učitelia (и другія отглагольныя на tel), hostia, zatia; однако рядомъ съ этимъ učiteli, hosti, zati, hosťovia, zaťovia. Имена неодушевленныя и неличныя принимаютъ е: meče, medvede; только въ случаѣ олицетворенія -i: medvedi. Deň имѣетъ i: tri dni; но týdeň -ë: tyždne или týdne. Двоякое окончаніе представляетъ deň въ мѣстн. п. един. ч.: vo-dne, v prvom dni.

11) Въ род. п. ед. ч. plač имѣетъ u вм. обычнаго а: plaču.

12) Въ род. п. множ. ч. имена муж. р. оканчиваются на -ov, сред. р. на -í: oráčov, mečov, polí. Но hosť, kôň, peniaz также имѣютъ -í: hostí (правильно, древн. оконч.), koní, peniazí.

13) Относительно чередованія окончаній твор. п. множ. ч. -i, -mi, -'ami (oráči, oračmi, poli, pol'mi, pol'ami) имѣетъ значеніе сказанное о соотвѣтствующихъ окончаніяхъ въ твердомъ склоненіи (ср. стр. 289.

14) Nebo или nebe въ един. ч. теряетъ вполнѣ согласный основы и измѣняется по образцу pole, во множ. ч. возстановляетъ первичную основу (nebesa) и слѣдуетъ твердому склоненію.

III. Основы на -o.

Един. ч		Множ. ч.	
И. žena	sluha	И. ženy	sluhovia
З. ženo	sluho	З. ženy	sluhovia
В. ženu	sluhu	В. ženy	slúh
Р. ženy	sluhy	Р. žien	slúh
Д. žene	sluhovi	Д. ženám	sluhom
Т. ženou	sluhou	Т. ženami, -ámi	sluhy, -ami
М. žene	sluhovi	М. ženách	sluhoch.

1) По образцу **žena** склоняются всѣ имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -a; напр.: ryba, brada, kosa, múka, vrba, noha, haňba и др.; сюда же относятся имена, употребляющіяся только во мн. ч. и оканчивающіяся въ им. п. на -y: vidly, máry, otruby, plevy, važky и др., мѣстныя названія: Cechy, Uhry, Rakusy, Benátky и др.

2) По образцу **sluha** склоняются имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -a: vojevoda, vládyka, pastucha и др. Эти имена, какъ видно изъ образца, въ нѣкоторыхъ падежахъ слѣдуютъ склоненію основъ на -o.

3) Въ дат. и мѣст. пп. ед. ч. оконч. -e соотвѣтствуетъ старослав. ѣ; изъ согласныхъ, предшествующихъ этому окончанію, смягчаются только l, n, d, t; гортанные же g, h, k, ch, по утвержденію Гатталы, въ большей части говоровъ словацкихъ остаются несмягченными: ruke, streche, nohe, strige[1]). Ср. выше стр. 272.

4) Двусложныя существительныя въ род. п. мн. ч. всегда имѣютъ коренной гласный долгій: rýb, vŕb. Ср. стр. 264. При стеченіи согласныхъ выступаютъ вставочные ie, o: matiek, čiarok.

5) Въ дат., мѣст. и твор. пп. множ. ч. á, находящееся въ окончаніи, становится краткимъ, если предшествующій слогъ долгій: brána, bránam, bránami.

6) Объ остаткахъ дв. ч.—rukú и т. д. см. выше стр. 271.

---

1) Väčšina Slovákov naopak zanedbáva s Rusy rozlišovanie to, ričkajúc: ruke, streche, nohe, strige m. ruce, strese, noze.

IV. Основы на -ja.

Един. ч.		Множ. ч.	
И. duša	sudca	И. duše	sudcovia
З. dušo	sudco	З. duše	sudcovia
В. dušu	sudcu	В. duše	sudcov
Р. duse	sudca, -i	Р. dusí	sudcov
Д. duši	sudcovi	Д. dušiam	sudcom
Т. dušou	sudcom	Т. dušami	sudci, -ami
М. duši	sudcovi	М. dušiách	sudcoch.

1) По образцу duša склоняются: а) имена жен. р. отъ мягкихъ основъ на -a, т. е. имена, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на -ja, -ca, -ča, -ša, -ža, -dža, -ňa, -l'a, -ra (=пра-слав. ŕja, чешск. ře); напр.: vôl'a, dyňa, hrča, rohoža, šija, svieca, núdza, hrobl'a, chvil'a, mil'a, rol'a, večera, žiara (чеш. zaře), иностранныя на -ia: Asia, Maria, historia; б) имена, утратившія въ имен. п. ед. ч. древнее окончаніе -a: zem, postel', straž, krádež, zbroj, faleš (die Falschheit), nádej, obyčaj, obec и друг.; всѣ эти имена теряютъ соотвѣтствующія окончанія въ зват. (o) и вин. (u) пп. ед. ч: zem, obec; в) употребляющіяся только во множ. ч. имена на -e: hrable, hromnice, kliešte, konope, noše, sane, turice, letnice, vianoce, Domažlice, košice; г) нѣкоторыя имена отъ основъ на -i, лишь отчасти слѣдующія своему основному типу склоненія: daň, lož, pec, Pešť (о нихъ ниже въ параграфѣ о склоненіи на -i); д) нѣкоторыя имена отъ древнихъ основъ на -v: krev (kru, krv), cirkev, obrv (но obrva); большая часть этихъ основъ оканчиваются на -va и слѣдуютъ твердому склоненію: lahva, koruhva, mrkva и т. п.

3) По образцу sudca склоняются имена муж. р. на -ca: dárca, zrádca, radca, vladca и др. Имена эти за исключеніемъ имен., вин. и зват. пп. ед. ч. слѣдуютъ мягкому склоненію основъ на -o (orác); въ род. п. ед. возможно -a, и -i: sudca, sudci.

3) Въ род. п. мн. ч. возможны двоякія формы: í (заимствованное изъ склоненія основъ на -i) принимаютъ имена на ša, ža (váža. väži) и тѣ, которыя теряютъ конечное a въ имен. п.: zemí; другія об-

разуютъ этотъ падежъ по древнему способу, безъ окончанія: vôň, ulic, mîl', rôl; въ случаѣ стеченія согласныхъ является вставочное ie: šabiel'.

4) **Pani** склоняется слѣдующимъ образомъ: им., зв. п. pani, вин. п. paňu, род., дат., мѣст. п. panej, тв. п. panou, множ. ч. им., зват., вин. пп. panie, род. п. paní, дат. п. paniam, тв. п. paniami, мѣст. п. paniach. Въ связи съ другими существительными pani остается безъ измѣненія; напр.: pani matku som videl, o pani strýnej hovorím и т. д. О склоненіи этого существительнаго въ чешскомъ языкѣ ср. 134 стр.

V. *Основы на* -i.

Един. ч.			Множ. ч.		
И.	kosť	dlaň	И.	kosti	dlane
З.	kosti	dlani	З.	kosti	dlane
В.	kosť	dlaň	В.	kosti	dlane
Р.	kosti	dlane	Р.	kostí	dlaní
Д.	kosti	dlani	Д.	kosťam	dlaňam
Т.	kosťou	dlaňou	Т.	kosťmi	dlaňmi, -ami
М.	kosti	dlani	М.	kosťach	dlaňach.

1) Образецъ **kosť** представляетъ болѣе древній типъ склоненія основъ на -i жен. р. Сюда относятся имена, оканчивающіяся на -b, p, s, c, ď, ť, m, č, š, ž, z, dz, l', r, v: otep, step, hus, os, ves, moc, noc, vec, čelaď, meď, štvrť, chuť, česť, hrsť, reč, seč, tlč, žlč, myš, veš, lož, rož, haluz, mosadz, mysel', sol', biel', ocel', jar, tvár, obuv; употребляющіяся только во множ. ч. deti и smeti.

2) Образецъ **dlaň** представляетъ позднѣйшій типъ склоненія на -i, въ которомъ взяли полный перевѣсъ формы склоненія основъ на -ja. Сюда относятся главнымъ образомъ имена, оканчивающіяся въ им. п. един. ч. на -ň: bázeň, báseň, pieseň, zeleň и др.; также dvere, jasle, husle (мн. ч.). Это склоненіе близко совпадаетъ со склоненіемъ именъ на -ja, потерявшихъ конечное a въ имен. п. ед. ч. Ср. тоже явленіе въ чешскомъ языкѣ 138 стр.

3) Въ имен. п. ед. ч. иногда является бѣглое e: pieseň, bázeň, ves; иногда o: loz—lži.

VI. Основы на согласный.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.З.	mati, mat'	matere
В.	mater	matere
Р.	matere	materi
Д.	materi	materam
Т.	materou	matermi
М.	materi	materach.

Вм. древн. dei въ современномъ языкѣ только dcera.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе прилагательныхъ представлено въ словацкомъ языкѣ въ такихъ же скромныхъ размѣрахъ какъ и въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Въ частности остатковъ этого склоненія въ немъ меньше, чѣмъ въ чешскомъ языкѣ (литературномъ).

Послѣдовательно удерживаютъ именныя формы лишь прилагательныя притяжательныя на -ov, -in, при томъ только въ имен. и вин. пп. ед. и множ. ч. всѣхъ чиселъ и въ винит., твор. пп. ед. ч. женскаго рода; напр.:

Един. ч.

И.	synov	synova	synovo	matkin	matkina	matkino
В.	synov	synovu	synovo	matkin	matkinu	matkino
Т.		synovou			matkinou	

Множ. ч.

И.В.	synovi(e)	synove	synove	matkini(e)	matkine	matkine.

Имен., винит. пп. мн. ч. сред. р. замѣняются соотвѣтствующими формами жен. р.; въ имен. п. множ. ч. муж. р. окончаніе -i выступаетъ при согласованіяхъ съ именами одушевленными, -e при согласованіяхъ съ именами неодушевленными. Во всѣхъ остальныхъ падежахъ именныя формы замѣнились формами сложнаго склоненія, при чемъ, однако, различіе между тѣми и другими выражается въ количествѣ гласнаго окончаній: въ формахъ замѣняющихъ именное склоненіе онъ кратокъ, въ настоящемъ сложномъ склоненіи—дологъ; напр.: род. п. synovho, дат. п. synov-mu, род. п. мн. ч. synovych; въ сложномъ склоненіи: dobrého, dobrému, dobrých и т. д. (Гаттала, Викторинъ). Впрочемъ, это различіе, кажется, только теоретическое.

Сверхъ того употребляются въ имен. п. ед. и мн. ч. именныя формы отъ прилагательныхъ: dlžen, hoden, vinen, povinen, rad и всѣ причастія дѣйствит. зал. на -l: dal, -a, -o, dali, daly (жен. и ср. р.). Причастія прошед. страдат. зал. возможны только въ полной формѣ: daný, pitý, -á, -é.

Остатки именнаго склоненія прилагательныхъ отъ мягкихъ основъ сохранились лишь въ немногихъ нарѣчныхъ выраженіяхъ: z-vätša, v pol tret'a, po pol tret'u, vel'mi, väcmi (vätš-mi).

Больше такихъ остатковъ представляютъ твердыя основы; именно: а) род. п. do cela, do naha, z hola, z riedka, z daleka, za živa, za vidna, za sucha, odo davna и др.; б) дат. п. po česku, po nemecku, po malu, po tichu; вм. u часто y: po česky, po nemecky и т. д.; в) мѣст. п.: po hotove, na krátce, v nove, v-čil' и v-čul' (вм. v-čule). dobre, zle, krásne, pekne и т. д.; в) вин. п.: draho, ticho, na lävo и др.; д) твор. п.: pred nedávnom.

Мѣстоименное склоненіе.

(Zájmeno).

I. *Личныя и возвратное мѣстоименія.*

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.З.	ja	ty	mý	vy
В.	mä, ma, mňa	t'a, tebä, teba	nás	vás
Р.	mňa, mä, ma	tebä, teba, t'a	nás	vás
Д.	mne, mi	tebe, ti	nám	vám
Т.	mnou	tebou	nami	vami
М.	mne	tebe	nás	vás.

В.	sa, sebä, sebe
Р.	sebä, seba
Д.	sebe
Т.	sebou
М.	sebe.

Въ винит. п. ед. ч. основныя формы mä или ma, t'a, sa (ср. старо-слав. мѧ, тѧ, сѧ; mňa, tebä (teba), sebä (seba)—собственно формы род. п., употребляемыя въ значеніи вин. п.; послѣднія предпочитаются, когда на мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; mä, t'a, sa—энкли-

тики; **mä** свойственно преимущественно среднему нарѣчію, рядомъ съ нимъ употребляется въ литературномъ языкѣ западное **ma**; въ восточномъ нарѣчіи слышно **e**: **me, te, se**; въ нѣкоторыхъ говорахъ слышатся **ťä** (Гемеръ), **sä** (Н. Орава), **śe** (Шаришъ), **še** (Чадца).

Съ формами р о д. п **mňa, tebä (teba), sebä (seba)** можно сопоставить русскія **меня, тебя, себя,** между тѣмъ въ чешскомъ языкѣ **mne, tebe, sebe**; **tebä, sebä** и **teba, seba** чередуются въ литературномъ языкѣ. Вслѣдствіе смѣшенія падежей формы вин. п. **mä (ma), ťa, sa** иногда употребляются въ значеніи род. п.

Формы д а т. п. е д. ч. **tebe, sebe** ближе къ старо-славянскимъ и русскимъ (**мънѣ, тебѣ, мнѣ, тебѣ**) чѣмъ чешскія **tobě, sobě**; **mne, tebe, sebe** употребляются, когда удареніе падаетъ на мѣстоименіе; **mi, ti, si** — энклитики; въ народныхъ говорахъ иногда слышатся **cebe, ci** (Гемеръ), **šebe, ši** (Шаришъ).

Въ т в о р и т. п. е д. ч. рядомъ съ принятыми въ литературномъ языкѣ—**mnou, tebou, sebou,** существуютъ діалектическія формы: **mnú, tebú, sebú** (зап. н.), **mnu, tebu, sebu** (вост. н.), **mnov, tebov, sebov** (и mnou, tebou, sebou въ сред. н.), **mnó, tebó, sobó** (гемер. гов.), **mnum, tebum, sebum** (сѣв.-тренчинск.).

Вм. **ty** иногда діалектич. **te** (Гонтъ).

Древній в и н и т. п. м н. ч. **ny** сохранился въ пѣснѣ о Моренѣ: Morena, Morena! za kohos umrela? Ne za **ny**, ne za **ny**, než za **ty** kresťany (Гаттала, Mluvnica, 1864. стр. 92).

Въ противоположность чешскому языку **ja, nami, vami** представляютъ краткое **a**.

Двойственнаго числа нѣтъ; слѣдъ его сохранился въ діалектическихъ твор. на **-ma**: nama, vama.

II. Мѣстоименія неличныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе представляетъ свои особенности, которыми отличается какъ отъ старо-славянскаго, такъ отъ чешскаго языковъ.

1) Двойственное число исчезло и всегда замѣняется множественнымъ; слѣдъ его остался въ діалектич. твор. п. мн. ч. на **-ma**: **ima, týma,** **našima**.

2) Различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіями (teй и naš) выдерживается не такъ послѣдовательно какъ въ старо-славянскомъ и чешскомъ языкахъ. Смѣщеніе основъ на -o и на -jo выступаетъ во многихъ падежахъ. Въ большей части случаевъ мягкое склоненіе повліяло на твердое. Такъ въ род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. основъ на -o является окончаніе -ej, заимствованное изъ мягкаго склоненія (tej, našej); въ окончаніяхъ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., въ родит., дат., твор. и мѣст. пп. мн. ч. твердаго склоненія наблюдается ý вм. старо-слав. ѣ и чешск. ĕ: tým, tých, tým, tými (старо-слав. тѣмь, тѣхъ, тѣмъ, тѣми, чешск. těm, těch, těm, těmi); это ý возникло подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ мягкаго склоненія (našim, našich, našimi); собственно оно есть i, которое будучи вторичнымъ (т. е. позднѣйшаго происхожденія) не смягчаетъ предшествующаго t и потому обозначается черезъ ý[1]). Вліяніе твердаго склоненія на мягкое можно видѣть въ мѣст. п. ед. ч. муж. и ср. р. и въ твор. п. ед. ч. жен. р.: našom, našou[2]) (старо-слав. нашемь, нашеѭ, чешск. našem, naší).

3) Род., дат., твор. и мѣст. пп. ед. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы какъ въ старо-слав. яз. (тоѩ, той, тоѭ), но отъ стяженной: tej, našej, tou, našou. Такъ въ чешск., польск., сербохорв. и словин. яз.

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній имѣетъ мѣсто въ твердомъ и мягкомъ склоненіи жен. р. ед. ч.; здѣсь совпадаютъ род., дат. и мѣст. пп., оканчивающіеся на -ej: tej, našej. Это собственно дательные падежи, послужившіе аналогіей для мѣст. и род. пп. Въ чешскомъ яз., напротивъ, возобладала форма род. п. (té), перешедшая въ дат. и мѣст. пп.

5) Имен., вин. пп. мн. ч. сред. р. имѣютъ тѣже окончанія, что и соотвѣтствующіе падежи жен. р.: ty, naše.

6) Нѣкоторыя окончанія, отличныя то отъ старо-славянскихъ, то отъ чешскихъ, объясняются особенностями словацкаго вокализма; напр. вин. п. ед. ч. жен. р.—tu, našu, тѫ, нашѫ; им., вин. пп. мн. ч. жен. р. naše (наша); особенно отличается отъ чешскаго мягкое склоненіе жен. р. вслѣдствіе того, что основные гласные окончаній не подвергаются перегласовкѣ: naša, našu и т. д., чешск. naše, naši и т. д.

---

[1]) Однако возможно и другое объясненіе всѣхъ этихъ формъ твердаго склоненія: онѣ могли возникнуть по аналогіи соотвѣтствующихъ формъ сложнаго склоненія.

[2]) Форма našom допускаетъ и другое объясненіе: o здѣсь можетъ быть первичное, не подвергшееся перегласовкѣ въ e.

7) **Môj, tvôj, svôj** допускаютъ только нестяженныя формы. Въ чешскомъ, наоборотъ, стяженныя формы преобладаютъ. Ср. 151 стр.

I. Основы на -o.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	ten	ta	to
В.	ten (toho)	tu	to
Р.	toho	tej	toho
Д.	tomu	tej	tomu
Т.	tým	tou	tým
М.	tom	tej	tom

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	ti (ty)	ty	ty
В.	ty (tých)	ty	ty
Р.	Для 3 родовъ: tých		
Д.	Для 3 родовъ: tým		
Т.	Для 3 родовъ: tými		
М.	Для 3 родовъ: tých.		

Объ именит. п. **ten** изъ болѣе древняго **tъ** см. чешскій языкъ стр. 148.

По образцу **ten** склоняются: tenže, tento, tamten, henten, onen (oná, ono), kto, nikto или nik, nekto или dakto, ktokol'vek, jeden.

II. Основы на -jo.

1.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	náš	naša	naše
В.	náš, našeho	našu	naše
Р.	našeho	našej	našeho
Д.	našemu	našej	našemu
Т.	naším	našou	naším
М.	našom	našej	našom.

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	naši, -e	naše	naše
В.	naše, -ich	naše	naše
Р.	Для 3 родовъ: našich		
Д.	Для 3 родовъ: našim		
Т.	Для 3 родовъ: našimi		
М.	Для 3 родовъ: našich.		

2.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен р.	Ср. р.
И.З.	(on) (i)	(ona) (ja)	(ono) (je)
В.	jeho, ho (i), ň	ju	jeho, ho, ň
Р.	jeho, ho	jej	jeho, ho
Д.	jemu, mu	jej	jemu, mu
Т.	ím	jou	ím
М.	jom	jej	jom

Множ. ч.

И.З.	(oni, -y) (ji)	(ony) (je)	(ony) (ja)
В.	je, ich	je	je
Р.	Для 3 родовъ: ich		
Д.	im		
Т.	imi		
М.	ich.		

По даннымъ образцамъ склоняются: váš, môj, tvôj, svôj, čo, čí.

Въ род. и дат. пп. ед. ч. našeho, našemu e часто не слышно, а предшествующее а звучитъ долго: nášho, nášmu; подобнымъ образомъ môjho, môjmu; а также doňho, kuňmu (вм do ňeho, ku ňemu).

Древніе именительные i (јь), ja, je, ji, je, ja не сохранились; вм. нихъ on, ona, ono, oni, ony. Нѣтъ и мѣстоименія, соотвѣтствующаго чешскому jenž.

Формы ho, mu—энклитики, онѣ возникли изъ jeho, jemu черезъ потерю начальнаго слога je.

Начальное i въ im (твор. п. ед. ч.), ich (род. мѣст. пп. мн. ч.), im (дат. п. мн. ч.), imi (твор. п. мн. ч.) не нуждается въ j.

Послѣ предлоговъ j въ мѣстоименіи jь (и), какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, измѣняется въ n: od neho, k nemu. Вин. п. муж. р. ед. ч.—ň = болѣе древнему ňь и находитъ себѣ соотвѣтствіе въ чешскомъ, сербо-хорв., словинскомъ и старо-слав. яз.: naň, zaň, preň, nadoň; ň въ народныхъ говорахъ употребляется и вм. сред. р. Помимо случаевъ соединенія съ предлогами всегда принимаютъ начальное вставочное n только твор. п. ед. и мн. ч.: nim, ňou, nimi.

Вин. п. мн. ч. je употребляется только послѣ предлоговъ въ формѣ ne; напр. pre ne (для всѣхъ трехъ родовъ, за исключеніемъ личныхъ именъ муж. р.); иначе онъ замѣняется род. п. ich.

Mûj, tvôj, svôj и čí (čia, čie) имѣютъ полныя формы и не допускаютъ стяженія какъ въ чешскомъ яз.: mojeho, mojej, čieho, čiemu (ср. чешск. mého, mému, čího, čímu).

Čo въ народныхъ говорахъ сохраняетъ неперегласованное o не только въ мѣстн. п., но и въ род. и дат. пп.; оно склоняется такимъ образомъ: им., вин. п. čo, род. п. čeho и čoho, дат. п. čemu и čomu, тв. п. čím, мѣст. п. čom. Сложныя: nečo, čokolvek. Вм. čo въ гово-

рахъ слышится co (на Западѣ), šua (гемер. и гонт. г.), so (на крайнемъ сѣверо-востокѣ—Сотаки).

Вм. старо-слав. вьсь въ словацкомъ яз. только производныя všetok или všecek, измѣняющіяся по сложному склоненію. Слѣды древняго мѣстоименія сохранились только въ нарѣчіяхъ: zavše и ovšem.

Древнее сь также сохранилось только въ нарѣчіяхъ: dnes, letos, sem.

Мѣстоименія на -ý, -á, -é: ký, ktorý, každý, taký, jaký, kol'ky, tol'ký и др. слѣдуютъ сложному склоненію.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ словацкомъ (какъ и въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ) значительно уклонилось отъ своего первоначальнаго древняго типа. Настоящія сложныя формы, т. е. такія, въ которыхъ можно съ достовѣрностью признать сложеніе именныхъ и мѣстоименныхъ окончаній, наблюдаются лишь въ немногихъ падежахъ. Именно сюда относятся: 1) им. и вин. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ (им. ед. ч. dobrý, dobrá, dobré, boží, božia, božie, вин. п. ед. ч. dobrý, dobrú, dobré, boží, božiu, božie, имен. п. мн. ч. dobrí, dobré, boží, božie, вин. п. мн. ч. dobré, božie); 2) мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. мягкаго склоненія (božím); 3) твор. п. ед. ч. жен. р. (dobrou, božou); 4) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (dobrých, božích); 5) твор. п. мн. ч. муж. и ср. р. (dobrými, božími). Остальные падежи представляютъ собой большею частью новообразованія по аналогіи и объясняются преимущественно вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія. Ср. замѣчанія о чешскомъ сложномъ склоненіи стр. 153—155.

Въ частностяхъ сложное склоненіе въ словацкомъ яз. представляетъ слѣдующія особенности, сравнительно съ другими славянскими языками, преимущественно чешскимъ:

1) Склоненіе твердыхъ и мягкихъ основъ близко совпадаетъ; различіе между ними, выступающее въ грамматическихъ парадигмахъ, болѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное и опирается главнѣйше на принятомъ у Словаковъ этимологическомъ правописаніи. Близкое совпаденіе твердаго и мягкаго склоненій обусловливается слѣдующими явленіями: а) въ твердомъ склоненіи выступаютъ окончанія, собственно свойственныя мягкому склоненію, именно: въ род. и дат. пп. ед. ч. муж. и сред. р. -ého, ému (dobrého, dobrému); въ род., дат., мѣст. пп.

ед. ч. -ej (dobrej); б) въ мягкомъ склоненіи являются окончанія, собственно свойственныя твердому склоненію, именно: въ мѣст. п. ед. ч. муж. и сред. р. -om (božom) и въ твор. п. ед. ч. жен. р. -ou (božou); в) находящееся во многихъ окончаніяхъ твердаго склоненія y, соотвѣтствующее старо-слав. ы вслѣдствіе особенностей словацкаго вокализма звучитъ совершенно такъ какъ і окончаній мягкаго склоненія: ých, ích, ým, ím, ými, ími (разница только въ выговорѣ предшествующихъ согласныхъ: передъ y они звучатъ твердо, передъ і мягко).

2) Род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. совпадаютъ, какъ и въ мѣстоименномъ склоненіи: свойственное дат.-мѣстн. пп. окончаніе ej перенесено и на род. п.: dobrej, božej. Краткость e въ окончаніи ej указываетъ на несомнѣнное заимствованіе этого окончанія изъ мѣстоименнаго склоненія. Тоже надо сказать и объ оконч. -om (тв. п. ед. ч. муж. и сред. р.): dobrom, mužom.

3) Среднему роду въ имен., вин. пп. мн. ч. свойственны формы жен. р.: dobre, božie.

4) Передъ і въ имен. п. множ. ч. муж. р. согласные не смягчаются: velkí, mnohí, tichí.

5) Если предшествующій окончанію слогъ долгій, то долгіе гласные окончаній становятся краткими: krásny, krásna, krásne.

Твердыя основы. Мягкія основы.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.		Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	dobrý	dobrá	dobré (-ô)	И.З.	boží	božia	božie
В.	dobrý(ého)	dobrú	dobré (-ô)	В.	boži (-ieho)	božiu	božie
Р.	dobrého	dobrej	dobrého	Р.	božieho	božej	božieho
Д.	dobrému	dobrej	dobrému	Д.	božiemu	božej	božiemu
Т.	dobrým	dobrou	dobrým	Т.	božim	božou	božim
М.	dobrom	dobrej	dobrom.	М.	božom	božej	božom.

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.		Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	dobrí -é	dobré	dobré	И.З.	boží, -ie	božie	božie
В.	dobré, -ých	dobré	dobré	В.	božie, -ích	božie	božie
Р.	Для 3 родовъ	dobrých		Р.	Для 3 родовъ	božích	
Д.		dobrým		Д.		božím	
Т.		dobrými		Т.		božími	
М.		dobrých.		М.		božích.	

Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ имен., вин. пп. ед. ч. сред. р. вм. dobré—dobrô. Ср. 266 стр.

Въ род., дат. пп. ед. ч. муж. и сред. р. вм. ého, ému въ нѣкоторыхъ говорахъ (Зволенъ, Тековъ, Гемеръ, Новоградъ) ýho, ýmu: dobrýho, dobrýmu.

Твор. п. мн. ч. вообще въ народной рѣчи на ýma, íma: dobrýma, božíma; въ литературномъ яз. принято болѣе древнее ými, ími.

По образцу dobrý склоняются: 1) имена прилагательныя твердыхъ основъ, оканчивающіяся на -ý, -á, -é (или -y, -a, -e, если предшествующій слогъ дологъ): slabý, čierny, biely, mladý, zlý; 2) имена числительныя на -y: prvý, druhý, štvorý, pätorý и др.; 3) имена собственныя (особенно имена лицъ и городовъ): Jesenský, Jablonský, Potocký, Blatná, Vysoká, Hlboká; 4) имена прилагательныя, употребляющіяся въ значеніи существительныхъ: dôchodný, hlásny, hajný, polesný, služný, zlatý; kupcová, komorná, panská; mostné, prievozné, vchodné, vstupné; 5) причастія страдательныя: nesený, bitý и т. п.; 6) мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ: jaký, ktorý, ký, všetok, sam, samý, žiaden и žiadný, celý, každý, všelijaký и др.

По образцу boží склоняются: 1) имена прилагательныя мягкихъ основъ, оканчивающіяся на -í, -ia, -ie; напр.: človečí, vlčí, rybí, kozí, cudzí, srední, zadní, vrchní, všední и др.; 2) имена прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ: krásnejší, najkrásnejší; 3) имена числительныя на -í: první, tretí, tisíci, dvojí, obojí, trojí, (род. п. dvojiho, дат. п. dvojímu и д. т.); 4) причастія дѣйствит. зал. въ опредѣленной формѣ, напр.: nesúci, -a, -e, ležiaci, -a, -e, byvší, -ia, -ie, и т. п.; 5) мѣстоим. čí; 6) имена прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ; напр.: bližní, hončí, krajčí, lovčí, príchodzí и др.

Къ сложному склоненію относятся также фамильныя имена (большею частью мадьярскаго происхожденія) на ay, ey, ni, ci; въ родит. п. они оканчиваются на ýho, iho; въ дат. п. на ýmu, ímu; напр.: Rutkay, Rutkayho, Rutkaymu, Kubáni, Kubaniho и т. п.

Прибавленіе.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется, какъ и въ чешскомъ языкѣ, посредствомъ суффиксовъ; 1) ejši (чеш. ějši); напр.:

pekný—peknejší, hustý—hustejší, teplý—teplejší, chorý—chorejší (преимущественно оканчивающіяся на ný, lý, rý, tý, и многія на ký, ský); 2) ší, смягчающаго предшествующіе коренные z, s: nízky—nižší, úzky—užší, vysoký—vyšši; 3) ší, не измѣняющаго предшествующій коренной согласный, напр.: slabý—slabší, tvrdý—tvrdší, hlupý—hlupší, starý—starší, plný—plnší (преимущественно на dý, bý, pý, hý, chý); 4) -í (изъ ėji=ėji) у нѣкоторыхъ на -ký: trpký—trpči (но и trpčejši и trpkejši).

Отъ чешскаго яз. словацкій отличается тѣмъ, что во 1) не смягчаетъ коренныхъ h, ch передъ ši въ ž, š: drahý—drahší, (чеш. dražší), suchý—suchší (чеш. sušší), hluchý—hluchší и т. д.; 2) допускаетъ несмягченное k передъ оконч. -ėjši: horký—horkejší, trpký—trpkejší, rezký—rezkejši, krehký—krehkejší.

Многія прилагательныя на -ký, -eký, -oký образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній; напр.: hlboký—hlbší, vysoký—vyšší, daleký—další и т. п. Такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Нѣкоторыя прилагательныя могутъ принимать полное и краткое окончанія—ėjši и ši; напр.: krásny—krasnejší и krajší, biely—belejší и belší, milý—milejší и milši, planý (дикій)—pl'anejší и planší.

Отъ другихъ основъ имѣютъ сравнительную степень слѣдующія прилагательныя: dobrý—lepší, zlý—horší, malý—menší, vel'ky—väčší.

Превосходная степень образуется посредствомъ прибавки частицы naj къ началу сравнительной степени: najlepši, najtrpkejší и т. п.

2) *Числительныя имена.*

Количественныя.

1, jeden и jedon, -na, -no	11, jedenásť или jedonásť
2, dva, dve	12, dvanásť
3, tri	13, trinásť
4, štyri	14, štrnásť
5, päť	15, pätnásť
6, šesť	16, šestnásť
7, sedem	17, sedemnásť
8, osem	18, osemnásť
9, deväť	19, devätnásť
10, desať	20, dvacať или dvadsať

21, dvacať jeden или jeden a [dvacať	300, tri sto
30, tricať или tridcať	400, štyri sto
40, štyricať или štyridsať	500, päť sto
50, pädesiať или pätdesiať	600, šesť sto
60, šesdesiať или šesťdesiať	700, sedem sto
70, sedemdesiať	800, osem sto
80, osemdesiať	900, deväť sto
90, devädesiať или devätdesiať	1000, tisíc
100, sto	2000, dve tisíc
101, sto jeden	10000, desať tisíc
200, dve sto	500000, päť sto tisíc
	1000000, million.

Jeden (jedon) слѣдуетъ твердому мѣстоименному склоненію (ten).

Dva и oba удержали формы двойств. ч. ср. 277 стр.

Tri и štyri усвоили болѣе новыя формы: вин. п. troch, tri, štyroch, štyri; род., м. п. troch, štyroch; дат. п. trom, štyrom; тв. п. tromi, štyrmi; въ имен. п. возможны и tria, štyria.

Числительныя отъ 5 до 99 измѣняются слѣдующимъ образомъ: имен. piati, вин., род., мѣстн. пп. piatich, дат. piatim, мѣстн. piatimi. Гласный передъ окончаніями удлиняется: päť — piatim, šesť — šiestim, sedem—siedmim, osem—ôsmim. Не такъ въ чешскомъ яз. ср. 159 стр.

Sto, tisíc, million слѣдуютъ именному склоненію. Sto въ род. п. мн. ч. допускаетъ только stov (ne set) или остается безъ перемѣны: päť sto, šesť sto; такъ и dve sto. Отъ tisíc род. п. мн. ч. возможенъ tisíc, но чаще tisícov.

Порядковыя.

1, prvý, první, prvší	10, desiatý
2, druhý	11, jedenásty
3, tretí	12, dvanásty
4, štvrtý	13, trinásty
5, piatý	14, štrnásty
6, šiestý	15, pätnásty
7, siedmý	16, šestnásty
8, ôsmý	17, sedemnásty
9, deviatý	18, osemnásty

19, devätnásty	100, stý
20, dvaciaty (или dvadsiaty)	101, stý první
21, dvaciaty prvý или jeden a [dvaciaty	200, dvojstý (dvusty)
30, triciaty	300, trojstý (tristý)
40, štyriciaty	400, štyrstý
50, pädesiaty	1000, tisíci
60, šesdesiaty	2000, dvojtisíci (dvútisíci)
70, sedemdesiaty	10000, desať tisíci
80, osemdesiaty	100000, sto tisíci
90, devädesiaty	1000000, millionný.
	2000000, dvojmillionný

Въ порядковыхъ отъ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 40 гласный стоящій передъ конечнымъ ý удлиняется.

Б) Спряженіе.

Спряженіе въ словацкомъ языкѣ (современномъ) еще болѣе уклонилось отъ предполагаемыхъ древнихъ формъ славянскаго пра-языка, чѣмъ склоненіе. Въ немъ отсутствуютъ многія формы, которыя существовали въ старо-славянскомъ яз. и отчасти представлены въ чешскомъ языкѣ (особенно древнемъ). Именно въ словацкомъ языкѣ недостаетъ: 1) двойственнаго числа; 2) достигательнаго наклоненія (супина); 3) прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста); 4) причастій прошедш. вр. I дѣйств. и настоящ. вр. страд. Сверхъ того упрощеніе спряженія обусловливается частью смѣшеніемъ нѣкоторыхъ окончаній, частью видоизмѣненіями древнихъ окончаній въ силу звуковыхъ законовъ языка. Близость къ старинѣ выражается главнѣйше въ обиліи сложныхъ и описательныхъ формъ.

Неопредѣленное наклоненіе.

Неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на -ť (вм. древн. ti): niesť, biť, umeť, plakať. Если передъ ť оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка: pliesť, viesť, piecť, môcť,

У нѣкоторыхъ глаголовъ (I классъ, основа неопредѣленнаго на согласный) коренной гласный удлиняется: niesť, piecť, viesť, hriebsť (ср 265 стр.).

Причастныя формы.

Причастіе настоящаго времени дѣйств. зал. сохранилось лишь въ одной формѣ на úс или iac, употребляемой въ значеніи дѣепричастія, въ примѣненіи ко всѣмъ родамъ един. и множ. ч.; напр.: nesúc, nosiac; послѣ долгихъ гласныхъ стоящіе въ окончаніи ú и ia сокращаются: píšuc, chvaľac.

Окончанія úс, iac восходятъ къ úci, iaci (=старо-слав. ѫшти, ѧшти, имен. п. жен. р.), которыя потеряли конечное i.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются формы именит. п. муж. р. на -a и имен. п. мн. ч. всѣхъ родовъ на úce, iace: nesa, nesúce.

Отъ дѣепричастій на -úc, -iac образуются причастія опредѣленныя на -ci, слѣдующія сложному склоненію: nesúci, chvaľaci.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. II образуется отъ основы неопред. накл. совершенно такъ, какъ въ старо-слав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: l (муж. р.), la (жен. р.), lo (ср. р.), множ. ч. li (муж. р), ly (жен. и ср. р.); напр: činil, -la, -lo, činili, -ly. Послѣ согласныхъ передъ l въ муж. р. является о: padol, niesol. Глаголы, удлиняющіе коренной гласный въ неопред. накл., сохраняютъ долготу и въ прич. прош. дѣйств. II: piekol, viedol. Отъ этого причастія возможны прилагательныя опредѣленныя на -lý, -lá, -lé; напр.: padlý, zvädlý, minulý.

Причастіе прошедшаго времени страдат. зал. употребляется только въ формѣ опредѣленной т. е. оканчивается на -ný (-ná, -né) или -tý (-tá, -té). Относительно образованія этихъ формъ и примѣненія того или другаго окончанія словацкій яз. слѣдуетъ старославянскому и другимъ славянскимъ языкамъ: bitý, mletý, pečený, nadšený, strežený, daný, milovaný.

Причастіе настоящаго времени страдат. зал. изрѣдка встрѣчается отъ немногихъ глаголовъ и то въ значеніи прилагательнаго: vedomý, vidomý.

Причастіе прошедшаго времени дѣйств. зал. I сохранилось только отъ существительнаго глагола byť: byv, byvši, byvše.

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старо-славянскими и чешскими представляютъ слѣдующія особенности:

Един. ч.

Старо-славянскій яз.	Словацкій яз.	Чешскій яз.
1 л. -мь, ѫ (=гласн.+м), ѭ	1 л. -m	1 л. -m, -u, -i
2 л. -си, -ши (=хи=си)	2 л. -(si) š	2 л. -(si) š
3 л. -тъ	3 л. -(t)	3 л. -(t)

Множ. ч.

1 л. -мъ	1 л. -me	1 л. -m, -me
2 л. -те	2 л. -te	2 л. -te
3 л. -ѫтъ, -ѭтъ, -ѧтъ	3 л. -ú, -ia	3 л. -ou, -í.

Формъ двойственнаго числа въ словацкомъ яз. не сохранилось.

1-е лицо един. ч. всегда оканчивается на -m: viem, budem, nesiem, bijem, miniem, umiem, horím, činím, volám, berem, kupujem. Такъ въ сербо-хорватскомъ и словинскомъ языкахъ (ср. Лекціи I, 320, 475). Оконч. m исконно въ глаголахъ первообразныхъ (безъ основы настоящаго): som, jem, viem; въ глаголахъ остальныхъ классовъ оно позднѣйшаго происхожденія, заимствовано отъ глаголовъ первообразныхъ. Болѣе древнее u, соотвѣтствующее старо-слав. ѫ, сохранилось только въ reku и veru. Ср. чешск. яз. 166.

2-е лицо един. ч. Древнее окончаніе si сохранилось только у существительнаго глагола som: si. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе š (изъ болѣе древняго ši): vieš, ješ, horíš.

3-е лицо един. ч. Древнее окончаніе -t сохранилось только у глагола som: jest (но и je); у остальныхъ глаголовъ t исчезло: nesie, horí.

1-е лицо множ. ч. Общераспространенное окончаніе, какъ и въ чешск. яз., -me: nesieme, horíme. Въ говорахъ Гемера (а также кое-гдѣ въ новоградск. и зволенск. комит.) -mo (какъ въ сербскомъ яз.): dámo, vidímo, smo; кое-гдѣ встрѣчаются my (Великая Ревуца, гемер. ком.) и ma (Спишъ): smy, trhama, chodzima.

2-е лицо множ. ч. удерживаетъ обще-славянское окончаніе -te: nesiete, horíte; въ спишск. гов. -ta и -ce: chodzita, uvidzice; въ Левочѣ тоже ce: obzrice.

3-е лицо множ. ч. Древнее t исчезло какъ и въ един. ч.; окончаніе -ú соотвѣт. старо-слав. ѫтъ, ia—старо-слав. ѧтъ: nesú, pnú, bijú, trhnú, umejú, volajú, tešú, berú, hrejú, kupujú, sú; horia, činia, jedia, vedia. Изрѣдка въ говорахъ вм. ú встрѣчаются: ou (Полихоча, новоград. к.—brechajou, repcou), ó (Шаришъ, Спишъ—só, budó). Особенно заслуживаетъ вниманія часто встрѣчающееся a (краткое) въ sa вм. sú (Габолтовъ, шаришск. ком., Зволенъ, Липтовъ и др.).

Настоящее время.

Основы настоящаго вр., за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (som, dam, viem, jem), оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -e (-o), -ie (т. е. долгое e), -í, -á; напр.: pnem, pneš, tešeme, nesiem, umieme, horíš, činíte, voláš, voláme.

Гласное e (пра-слав. происхожд.) выступаетъ во всѣхъ лицахъ кромѣ 3 л. мн. ч., гдѣ гласный основы—первичное o (замѣняющее e) скрывается въ окончаніи ú (ѫtь = ontь : thrnem, trhneš, trhnú.

Въ 1 л. ед. ч. e проникло по аналогіи изъ другихъ лицъ. Область примѣненія первичнаго краткаго e въ словацкомъ яз. ограниченнѣе, чѣмъ въ чешскомъ; гораздо чаще вм. e слышится долгое ie: nesiem, nesieš, vediem, vedieme, grebiem, pečieš, pečiete, bijem (=bijiem), klniem, trniem, miniem, oriem, steliem; но idem, budem, budeš, rastem, pnem, kradnem, trhnem; 3-е л. множ. ч. всегда оканчивается на -ú: nesú, klnú, bijú. Точной классификаціи глаголовъ, сохраняющихъ древнее краткое e и замѣнившихъ его долгимъ ie, пока не имѣется; равнымъ образомъ не ясно, почему въ однихъ случаяхъ выступаетъ e, въ другихъ ie. Мнѣнія грамматиковъ по этимъ вопросамъ расходятся. Такъ напр. Годжа и Викторинъ признаютъ klniem, trniem, а Гаттала — klnem, trnem; рядомъ съ berem указывается и beriem. Пр. Гаттала выставилъ слѣдующій законъ: послѣ слоговъ краткихъ по природѣ и по положенію e удлиняется въ ie. Но этотъ законъ представляетъ не мало отступленій [1]). Нужно думать, что ie свойственно главнымъ образомъ среднему нарѣчію, изъ котораго проникло и въ литературный языкъ; въ говорахъ другихъ нарѣчій возможно и e; отсюда смѣшеніе тѣлъ и другихъ формъ въ книжномъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ ie основъ настоящаго составляетъ характерную осо-

[1]) Ср. Pastrnek, Beiträge 12.

бенность словацкаго языка. Въ народныхъ говорахъ Гемера слышится часто ja: umrjam, umrjaš, naberjam.

Отъ ie, замѣнившаго первоначальное краткое e, нужно отличать ie, возникшее изъ стяженія ěje (III кл. Г): umiem, umieš (=uměješ); нестяженная форма удержалась только въ 3 л. мн. ч.: umejú. Въ чешскомъ яз. вм. ie всюду í и спряженіе относящихся сюда глаголовъ совпадаетъ со спряженіемъ IV кл., за исключеніемъ 3 л. мн. ч.

Окончаніе основы -í только пра-славянскаго происхожденія; оно выступаетъ во всѣхъ лицахъ, за исключеніемъ 3 л. мн. ч. гдѣ ia соотвѣтствуетъ старо-слав. ѧтъ; въ 1 л. ед. ч. í проникло изъ другихъ формъ; напр.: prosím, prosíš, prosíme, prosia, horím, horíš, horia.

Окончаніе основы -á образовалось путемъ стяженія изъ aje: chovám, chováš и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. chovajі. Стяженное a при образованіи основъ наст. вр. представляетъ большая часть славянскихъ языковъ: болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, польскій, чешскій, сербо-лужицкій; напротивъ въ старо-славянскомъ яз. дѣлаѥши, въ русскомъ дѣлаешь.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляетъ особыя формы только во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. Основа оканчивается только на -i: pni, pnite, tri, trite (чешск. pněte, trete). Въ един. ч. личныя окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. ч. тѣже, что и въ настоящ. вр.; 3 л. множ. ч. всегда, а един. ч. обыкновенно выражается описательно посредствомъ nech (вм. nechaj) и 3 л. настоящаго времени: nech nesie, nech nesú.

Окончаніе основы i послѣ согласнаго обыкновенно исчезаетъ, при чемъ однако иногда остается слѣдъ его въ мягкости предшествующаго согласнаго (ď, ť): nes, nesme, peč, pečte, miň, miňte, drž, držme, čiň, čiňte, ber, berme, veď, veďte, pleť, pleťte; i сохраняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо вслѣдствіе стеченія согласныхъ: padni, tri, trhni, modli sa; передъ частицей že сохраненіе i не необходимо какъ въ чешскомъ яз: veďže, pleťže (чешск. vediž, pletiž).

Послѣ гласныхъ i переходитъ въ j: bij, umej, kupuj.

Вм. старо-слав. вѣждь, ѣждь въ словацкомъ яз.: vedz, jedz.

Количество коренныхъ гласныхъ въ повелит. н. не подвергается измѣненіямъ, какъ это бываетъ въ чешскомъ яз.; напр.: kázat — káž и т. п. Ср. 170 стр.

Прошедшія сложныя.

Прошедшихъ простыхъ (преходящаго, аориста) современный словацкій языкъ не знаетъ; вмѣсто нихъ употребляются исключительно прошедшія сложныя, которыя образуются такимъ же образомъ какъ въ старо-славянскомъ, чешскомъ и южно-славянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прошед. дѣйств. II съ разными формами существительнаго глагола (som).

Прошедшее совершенное состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго вр. глагола som; напр.: ja som niesol или niesol som; nesla som, niesol si, my sme nesli, nesly.

Давнопрошедшее состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и прошедшаго времени глагола som; напр.: ja som bol niesol или bol som niesol, boli sme nesli и т. д.

Въ 3 л. един. и множ. ч. формы вспомогательнаго глагола jest, sú обыкновенно опускаются.

Въ народныхъ говорахъ вм. som часто слышится ch, которое можетъ присоединяться и къ причастію и къ другимъ словамъ; напр.: niesol-ch, neslach, jach niesol и т. д. Въ этомъ ch можно видѣть слѣдъ древнихъ прошедшихъ простыхъ. Подобныя формы и въ моравскихъ говорахъ (ср. 212 стр.).

Единственнымъ остаткомъ древняго аориста служитъ глаголъ bych, измѣняющійся слѣдующимъ образомъ: bych, bys, by, bysme, byste, by.

Будущее время.

Будущее время у глаголовъ несовершеннаго вида выражается: 1) соединеніемъ глагола budem съ неопред. н.: budem písať; 2) настоящимъ временемъ глаголовъ совершеннаго вида; напр.: ponesiem, pojdem.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго tisknem.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе настоящаго времени выражается соединеніемъ древняго аориста bych съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: bol bych, pil bych, pil bys', pili byste.

Прошедшее время передается через соединеніе условнаго настоящаго bol bych съ прич. прош. дѣйств. II; напр.: bol bych bil, bol bych pil, bol bys' pil, boli byste pili, boli bysme pili и т. п.

Формы 2 л. ед. ч. bys' и 1 л. мн. ч. bysme образованы по аналогіи настоящ. вр. Подобнымъ же образомъ вм. bych и въ 1 л. ед. ч. весьма употребительна форма bysom; вм. bys' часто bysi. Въ практической грамматикѣ Маршаля и показаны только новообразованныя формы: spieval bysom, spieval bysi, bol bysom spieval.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается: 1) посредствомъ присоединенія мѣстоименія sa къ дѣйств. зал., напр.: volám sa, chváli sa; 2) черезъ соединеніе прич. прош. страдат. съ глаголомъ существительнымъ som, bývam: volaný som; bol som volaný, budem chvalený, bývam bitý.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня, относятся: som, viem, jem.

1) *Существительный глаголъ.*

Основа jes.

Настоящее вр.

Ед. ч. 1 л. som (вм. jes-mь)	Мн. ч. 1 л. sme (вм. jes-me)
2 л. si (вм. jes-si)	2 л. ste (вм. jes-te)
3 л. jest, je (=jestь)	3 л. sú, sa, jesú (=jesѫtь).

Прич. наст. вр. súc.

Пра-славян. je исчезло за исключеніемъ 3 л. ед. и (иногда) 3 л. мн. ч.—Въ 1 л. som—o—вставочное.

Во 2 л. един. ч. si часто сокращается въ s', которое присоединяется къ предшествующимъ словамъ: ty-s' to a kde-s' bol; tys' to povedal.

Въ народныхъ говорахъ вм. обычняго sú встрѣч. sa; jesú вообще рѣдко.

Въ соединеніи съ ne коренное jes сливается въ одинъ слогъ: niesom, niesi, niet (= niest = ne-jestь), niesme, nieste, niesu, niesuc. Вм. niet, соотвѣтствующаго русскому нѣтъ, возможны nieje или není, nenie. Ср. чешск. яз. 176 стр.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ budo, bude, by.

Настоящее (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л. budem	Мн. ч. 1 л. budeme
2 л. budeš	2 л. budete
3 л. bude	3 л. budú.

Повелит. н. buď, buďme, buďte; Прич. наст. budúc.

Budem слѣдуетъ глаголамъ I кл.

Неопред. накл. byť; Прич. прош. дѣйств. II bol, -a, -o; Прич. прошед. дѣйств. I byv, byvši, byvše[1]); Аористъ bych, bys (-si), by, bysme, byste by.

Един. ч.

	Прошедшее.	Давнопрошедшее.
1 л.	bol, -a, -o som	bol, -a, -o som bol,- a, -o
2 л.	bol, -a, -o si	bol, -a, -o si bol, -a, -o
3 л.	bol, -a, -o	bol, -a, -o (jest) bol, -a, -o

Множ. ч.

1 л.	boli, -y sme	boli, -y sme boli, -y
2 л.	boli, -y ste	boli, -y ste boli, -y
3 л.	boli, -y	boli, -y (sú) boli, -y

Условное накл.

	Един. ч.	Множ. ч.
1 л.	bol, -a, o bych, или bysom	boli, -y bysme
2 л.	bol, -a, o bys, или bysi	boli, -y byste
3 л.	bol, -a, o by.	boli, -y by.

[1]) Формы прич. прош. дѣйств. II приводитъ Викторинъ; у Гатталы ихъ нѣтъ.

2) Основа ved.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. viem	Мн. ч.	vieme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	vedzme
	2 л. vieš		viete		2 л. vedz		vedzte
	3 л. vie		vedia.		3 л. —		—

Неопред. н. vedeť; Прич. наст. дѣйств. vediac; Прич. прош. дѣйст. II vedel, -a, -o; Прич. наст. страдат. vedomy; Прошедшее vedel som; Давнопрош. bol som vedel; Условн. накл. vedel bych или bysom и bol bych vedel (bol bysom vedel); Будущее budem vedeť.

Отъ древней основы ved образованы только viem, vieme, vedia и формы повелит. н.; остальныя формы изъявит. н. возникли по аналогіи umiem и т. д.

3) Основа jed.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. jem	Мн. ч.	jeme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	jedzme
	2 л. ješ		jete		2 л. jedz		jedzte
	3 л. je		jedia.		3 л. —		—

Неопред. накл. jesť; Прич. наст. дѣйст. jediac; Прич. прош. дѣйст. II jedol; Прич. прош. страд. jedený; Прошедшее jedol som; Давнопрош. bol som jedol; Условное н. jedol bych или bysom, bol bych jedol (bol bysom jedol); Будущее budem jesť.

Отъ древней основы jed образованы только jem, jeme, jedia и формы повелит. н.; остальныя формы изъявит. н.—новообразованія по аналогіи umieš и т. д.

Причастіе наст. вр. образовано по аналогіи глаголовъ IV кл.; формы отъ основы неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I класса.

Рядомъ съ jedol слышится и jel.

4) Основа dad.

Отъ основы dad изрѣдка встрѣчаются формы dadia и dadúc, которыя чаще замѣняются черезъ dajú, dajúc.

Вм. старо-слав. дамь обыкновенно dajem.

Спряженіе съ характерной примѣтой настоящаго времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -o, -e; 2) основы на -no, -ne; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i; 5) основы на -á. Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

Основы на -o, -e.

А. *Вторая основа не имѣетъ суффикса* (т. е. равна корню).

Настоящее.

Ед. ч.	1 л.	pletiem	nesiem	hrebiem	pečiem	pnem	mrem
	2 л.	pletieš	nesieš	hrebieš	pečieš	pneš	mreš
	2 л.	pletie	nesie	hrebie	pečie	pne	mre.
Мн. ч.	1 л.	pletieme	nesieme	hrebieme	pečieme	pneme	mreme
	2 л.	pletiete	nesiete	hrebiete	pečiete	pnete	mrete
	3 л.	pletú	nesú	hrebú	pečú	pnú	mrú.

Повелительное.

Ед. ч.	2 л.	pleť	nes	hreb	peč	pni	mri
Мн. ч.	1 л.	pleťme	nesme	hrebme	pečme	pnime	mrime
	2 л.	pleťte	neste	hrebte	pečte	pnite	mrite.

Прич. наст. дѣйст. pletúc, nesúc, hrebúc, pečúc, pnúc, mrúc; Прич. прош. дѣйств. П plietol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel; Прич. прош. страд. pletený, nesený, hrebený, pečený, piatý, trený; Неопредѣл. н. pliesť, niesť, hriebsť, piecť, piať, mreť; Прошедшее вр. plietol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel som; Давнопрошедшее вр. bol som plietol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel; Будущее вр. budem pliesť, niesť, hriebsť, piecť, piať, mreť; Условное н. bych или bysom plietol, niesol, hriebol, piekol, pial, mrel; bol bych (bysom), plietol, niesol и т. д.

По образцу **pliesť** спрягаются глаголы, у которыхъ основа неопредѣленнаго н. оканчивается на -d, -t: hniesť, miasť, miesť, rásť (н. вр. rastem), bôsť, brsť, húsť, klásť, krásť, prasť, viesť, priasť. Вм. чешскихъ kvésti, blísti (bled), čísti въ словацкомъ kvitnúť, blúzniť, čitať.

По образцу **niesť** спрягаются глаголы съ основой неопред. накл. на ž, s: pásť, triasť, hrýzť, liezť, viezť.

По образцу **hriebsť** спрягаются: dl'bsť, skúbsť, ziabsť. Древнія основы plěv, šiv, živ и uv измѣнившись въ ple, ši, ži, слѣдують глаголамъ III кл

По образцу **piecť** спрягаются глаголы съ основой неопред. накл. на k, h: riecť, tiecť, tl'cť, vliecť, môcť, striecť, strícť, vŕcť. Основа moh удлиняетъ коренное o не только въ неопред. н. и прич. прош. дѣйст. II. но и въ настоящ. вр. môcť, môhol, môžem. — Шипящіе č, ž вм k, h въ 3 л. мн. ч. и вм. c, z въ повелит. н. проникли изъ другихъ формъ настоящаго вр. Отъ основы rek 1 л. наст. вр.—reku.

По образцу **piať** (pnem) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на -n, m: žať (žnem), ťať (tnem), kliať (klnem), jať (imem). только въ соединеніи съ предлогами: zajať (zajmem), vziať (vezmem), čneť (čnem), въ соединеніи съ предлогами: pozačať.

По образцу **mreť** спрягаются глаголы, у которыхъ корень прежде оканчивался на гласные -l, -r: treť, čreť, dreť, preť, streť, vreť. zavreť, zreť, žreť, mleť (наст. melem и mlem, пов. mel и mlí, прич. melúc и ml'úc.

Б. *Вторая основа образована суфф.* **a**.

Неопредѣленное н. **brať**.

Настоящее.			Повелительное.		
Ед. ч.	1 л.	berem	Ед. ч.	1 л.	—
	2 л.	bereš		2 л.	ber
	3 л.	bere		3 л.	—
Мн. ч.	1 л.	bereme	Мн. ч.	1 л.	berme
	2 л.	berete		2 л.	berete
	3 л.	berú.		3 л.	—

Прич. наст. дѣйствит. berúc; Прич. прош. дѣйств. II **bral**, -a, -o; Прич. прош. страд. braný; Прошедшее вр. bral **som**; Давнопрош. bol som bral; Будущее budem brať; Условное н. bych bral, bol bych bral.

Сюда относятся: drať (derem), stlať (stelem), prať (perem), žrať (žerem), hnať, (ženem), spať (spem), ruvať (ruvem) или rvať (rvem), zvať (zovem), slať (pošlem).

Послѣ n и r, не предшествуемыхъ другимъ согласнымъ, въ настоящ. врем. гласный основы можетъ удлиняться въ ie: berem и beriem, ženem и ženiem.

Второй классъ.

Основы на -no, -ne.

Неопредѣленное н. tonúť, trhnúť.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	toniem	trhnem	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	tonieš	trhneš		2 л.	toň	trhni
	3 л.	tonie	trhneš		3 л.	—	—
Мн. ч.	1 л.	tonieme	trhneme	Мн. ч.	1 л.	toňme	trhnime
	2 л.	toniete	trhnete		2 л.	toňte	trhnite
	3 л.	tonú	trhnú.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйст. minúc, trhnúc; Прич. прош. дѣйст. II tonul, tŕhol; Прич. прош. страд. tržený; Прошедш. вр. tonul, tŕhol som; Давнопрош. вр. bol som tonul, tŕhol; Будущее budem tonúť; Условное н. bych (bysom) tonul, tŕhol, bol bych tonul tŕhol.

По первому образцу спрягаются глаголы, у которыхъ приставкѣ nu предшествуетъ гласный: minúť, hynúť, hrnúť, klnúť; по второму— тѣ глаголы, у которыхъ приставкѣ nu предшествуетъ согласный; напр. kradnúť, padnúť, hnúť, kapnúť, klepnúť, dýchnúť и т. д.

Въ прич. прош. у глаголовъ втораго типа возможны двоякія формы: kradnul и kradol, trhnul и trhol и т. д.

Долгое ie въ настоящ. врем. выступаетъ у глаголовъ перваго образца, у глаголовъ втораго образца обыкновенно остается e. Впрочемъ этотъ законъ въ говорахъ не выдерживается; и относительно литературнаго языка мнѣнія грамматиковъ не одинаковы; такъ Гатталя пишетъ klnem, trhnem а Викторинъ klniem, trhniem.

Въ неопред. накл. ú долгое лишь въ томъ случаѣ, когда предшествующій слогъ краткій; напр.: minúť, но vládnuť.

Третій классъ.

Основы на -jo, -je.

А. *Вторая основа равна корню.*

Неопредѣленное н. bi-ti.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. bijem	Мн. ч.	bijeme	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	bijme
	2 л. biješ		bijete		2 л. bij		bijme
	3 л. bije		bijú.		3 л. —		—

Прич. наст. дѣйст. bijúc; Прич. прош. дѣйст. bil, -a, -o; Прич. прош. страдат. bitý, -á, -é; Прошедшее вр. bil som; Давнопрошедш. bol som bil; Будущее budem bit̕; Условное bych (bysom) bil, bol bych bil.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣленнаго на -e, i, u, y: det̕, spet̕, hnit̕, pit̕, vit̕, kut̕, plut̕, psut̕, rut̕, slut̕, snut̕, sut̕, trut̕, žut̕, bl'ut̕, čut̕, kl'ut̕, pl'ut̕, kryt̕, myt̕, ryt̕, vyt̕, plet̕ (к. plev), žit̕, šit̕, ob-u-t̕ (к. u); также dut̕ (к. dm), kl'at̕ (к. kln), klat̕ (н. вр. kolem), hrat̕ (ihrat̕) въ наст. вр. hrajem и по V кл. hrám; nechám и znám слѣдуютъ V кл. Отъ smet̕ въ наст. вр. только стяженныя формы: smiem, smieš и т. д.; отъ zret̕ возможно zrejem и zriem.

Въ повелит. н. ij, yj обыкновенно стягиваются въ i, ý, при чемъ i, y иногда звучатъ кратко: bí, krý, bíme, krýme или bi, kry, bime, kryme.

Б. *Вторая основа образована суфф.* a.

Неопредѣленное н. pis-a-t̕, hr-ia-t̕ (hrějat̕).

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	píšem	hrejem	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	píšeš	hreješ		2 л.	píš	hrej
	3 л.	píše	hreje		3 л.	—	—
Мн. ч.	1 л.	píšeme	hrejeme	Мн. ч.	1 л.	píšme	hrejme
	2 л.	píšete	hrejete		2 л.	píšte	hrejte
	3 л.	píšú	hrejú.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйст. pišúc, hrejúc; Прич. прош. дѣйст. II písal, hrial; Прич. прош. страд pisaný, hrianý и hriaty; Прошедшее вр. písal, hrial som; Давнопрош. bol som písal, hrial; Будущее budem písať, hriat; Условное н. bych (bysom) písal, hrial, bol bych písal, hrial.

По образцу písať спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ вліяніемъ j этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: plakať—plačem, skákať—skáčem, vládať—vladzem, dýchať—dýšem, strúhať—stružem, šeptať—šepcem, kázať—kážem, česať—češem, bublať—bublem, kopať—kopem, hrabať—hrabem, lámať—lamem и т. д.

Глаголы stenať и orať въ наст. вр. имѣютъ гласный основы ie: steniem, oriem.

Въ словацк. яз. въ этотъ классъ относится большее количество глаголовъ, чѣмъ въ чешскомъ яз., который отдаетъ предпочтеніе V кл. (ср. 186 стр.).

По образцу hriať спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный. Коренной гласный и гласный основы (какъ въ чешск. яз.) стягиваются въ одинъ долгій, но не всегда. Именно: ája стягивается въ á въ lát, но kájať sa; ęja (=ěja), ija стягиваются въ ia: hriať, priať (доброжелательствовать), viať, sia ť, smiať sa и др.; kajať sa имѣетъ наст. вр. kajem sa и kajam sa.

B. *Вторая основа образована суфф.* **ova**.

Неопредѣленное н. kup-ova-ť.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед.	1 л. kupujem	Мн.	kupujeme	Ед.	1 л. —	Мн.	kupujme
	2 л. kupuješ		kupujete		2 л. kupuj		kupujte
	3 л. kupuje		kupujú.		3 л. —		—

Прич. наст. дѣйств. kupujúc; Прич. прош. дѣйств. II kupoval; Прич. прош. страд. kupovaný; Прошедшее вр. kupoval som; Давнопрош. bol som kupoval; Будущее budem kupovať; Условное bych (bysom) kupoval, bol bych kupoval.

Сюда относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой ova; напр.: bojovať, ďakovať, kraľovať. pracovať, odsudzovať, navracovať и др.

Приставка -ova образовалась изъ -ua; глагольная основа оканчивается на -u, которое выступаетъ въ наст. вр.

Г. *Вторая основа равна глагольной основѣ образованной зв.* e (=ѣ).

Неопредѣленное н. umeť.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. umiem	Мн.	umieme	Ед. ч.	1 л. —	Мн.	umejme
	2 л. umieš		umiete		2 л. umej		umejte.
	3 л. umie		umejú		3 л. —		—

Прич. наст. вр. umejúc; Прич. прош. дѣйств. II umel; Прошедшее umel som; Давнопрошедшее bol som umel; Будущее budem umeť; Условное bych umel, bol bych umel.

Сюда относятся многочисленные производные глаголы: bohateť, cneť sa, dneť sa, dražeť, hladneť, kameneť, lacneť, nemeť, šediveť, tučneť, želeť, rozumeť, černieť, tlieť и др.

Въ наст. вр. гласный основы ie образовался путемъ стяженія изъ eje; нестяженная форма сохранилась только въ 3 л. множ. ч.: umejú, bohatejú.

Въ чешск. яз. umím, umíš и т. д. Ср. 190 стр.

Четвертый классъ.

Основы на -i.

А. *Вторая основа на* -i.

Неопредѣленное н. činiť, súdiť.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	činím	súdim	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	činíš	súdiš		2 л.	čiň	suď
	3 л.	činí	súdi		3 л.	—	—
Мн. ч.	1 л.	číníme	súdime	Мн. ч.	1 л.	čiňme	suďme
	2 л.	činíte	súdite		2 л.	čiňte	suďte.
	3 л.	činia	súďa		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйст. činiac, súďac; Прич. прош. дѣйст. II činil, súdil; Прич. прош. страд. činený, súdený; Прошедш. вр činil, súdil som; Давнопрош. bol som činil, súdil; Будущее budem činiť, súdiť; Условное bych (bysom) činil, súdil, bol bych činil, súdil.

По этому образцу спрягаются всѣ глаголы съ основой неопред. накл. на -i; напр.: hodím, lapím, pustím, skočím, vrátim, lovím, mluvím, prosím, chodím, nosím, vodím и др.

Конечный гласный основы настоящаго -í остается долгимъ лишь въ томъ случаѣ, когда предшествующій слогъ—краткій; напр.: nosím, nosíš, no chválim, chváliš, súdiš и т. д.

Въ 3 л. мн. ч. ia соотвѣтствуетъ старо-слав. ѧ.

Въ прич. прош. страдат. коренной согласный не подвергается обычнымъ измѣненіямъ передъ j (изъ i), какъ въ старо-слав. и другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ: lovený, sudeny; только urodzeny (врожденный) для отличія отъ urodený (рожденный) и zatracený (осужденный) для отличія отъ zatratený (потерянный).

Б. *Вторая основа образована суфф* e (=ѣ) *или* a (*вм.* ѣ, *послѣ* j *и шипящихъ*).

1.

Неопредѣленное н. hor-e-ť.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. horím	Мн.	horíme	Ед. ч.	1 л. —	Мн.	horme
	2 л. horíš		horíte		2 л. hor		horte
	3 л. horí		horia		3 л. —		—

Прич. наст. дѣйств. horiac; Прич. прош. дѣйст. II horel; Прошедшее вр. horel som; Давнопрошедш. bol som horel; Будущее budem horeť; Условное н. bych (by som) horel, bol hych horel.

Сюда относятся: boleť, čupeť, hoveť, hrmeť, kypeť, museť, mysleť, pneť, viseť, svrbeť, smrdeť, strmeť, voleť, hľadeť, leteť, mrzeť, sedeť, trpeť, väzeť и др.

2.

Неопредѣленное н. **držať.**

Настоящее.					Повелительное.				
Ед. ч.	1 л.	držím	Мн.	držíme	Ед. ч.	1 л.	—	Мн.	držme
	2 л.	držíš		držíte		2 л.	drž		držte
	3 л.	drží		držia		3 л.	—		—

Прич. наст. дѣйст držiac; Прич. прош. дѣйст. II držal; Прич. прош. страд. držaný; Прошедш. вр. držal som; Давнопрошедш. bol som držal; Будущее budem držať; Условное н. bych (by som) držal, bol bych držal.

Сюда относятся: kričať, slyšať, prašťať, pršať, ležať, čušať и др. Сюда же относятся báť sa и stáť, у которыхъ á возникло черезъ стяженіе изъ ěja; наст. вр. bojím sa; отъ spáť настоящее вр. также spím.

Chceť спрягается слѣдующимъ образомъ: chcem, chceš, chce, chceme, chcete, chcú; пов. н. chci; прич. наст. chcúc; прич. прош. chcel.

Videť имѣетъ повел. н. vidz, прич. наст. vidiac.

Пятый классъ.

Основы на -á (=aje).

Вторая основа на -a.

Неопредѣленное н. **volať, vracať.**

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	volám	vraciam	Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	voláš	vraciaš		2 л.	volaj	vraciaj
	3 л.	volá	vracia		3 л.	—	—
Мн. ч.	1 л.	voláme	vraciame	Мн. ч.	1 л.	volajme	vraciajme
	2 л.	voláte	vraciate		2 л.	volajte	vraciajte.
	3 л.	volajú	vracajú.		3 л.	—	—

Прич. наст. дѣйст. volajúc, vracajúc; Прич. прош. дѣйст. II volal, vracal; Прич. прош. страд. volaný, vracaný; Прошедшее вр. volal, vracal som; Давнопрошедшее bol som volal, vra-

cal; Будущее budem volať, vracať; Условное bych (bysom) volal, vracal, bol bych volal, vracal.

По образцу **volám** спрягаются глаголы, у которыхъ коренной согласный передъ a основы—твердый; напр.: čakať, konať, chovať, kochať sa и др.

По образцу **vraciam** спрягаются глаголы, у которыхъ коренной согласный передъ a основы — мягкій: klaňať, voňať, požičať, vešať, rušať, staviať, obecať, zavadzať, požičať; но если въ предшествующемъ слогѣ гласный краткій то въ наст. вр. гласный основы a вм. ia: sháňam. Въ чешск. яз. vracím, shánim и т. д.

Недостаточные глаголы.

Praj, **vraj** (говорятъ), вѣроятно, 3 л. множ. ч. устарѣлыхъ глаголовъ pravit, vravet.

Veru (навѣрно), **veď** (вѣдь), употребляющіяся въ значеніи частицъ

Безличные глаголы.

Prší, hrmí, bliská sa, svitá, rozbriežda sa, mrká sa, zima je, teplo je и т. п.

---

7. Неизмѣняемыя слова.

Нарѣчія.

1). Kde? tu, tam, ta, tadeto, inde, nekde, nikde, kam, kade, odkuď и odkial', pokuď и pokial', dotial', dotial'to, odtial'to, odinakial', sem, semká, okolo, preč, prosto, dočista, mimo, až, blizo, ďaleko, zďaleka, vnútri, znútra, zvonku, kdekol'vek, hore, dolu, všade, napravo, nal'avo, dalej, ďokoráň, voskrz, naskrz, zvlašte и др.

2) Kedy? odkedy, dokud', dokial', ted', teraz, tedy, indy, ondy, kedykol'vek, vždy, zavše, potom, hned, skoro, zas, zase, zavčasu, náhle, vol'no, zadňa, stále, večne, zriedka, nedavno, dosial', volakedy, ešte, predtym, už, zastarodávna, medzitým, onehdy, odteraz, ledva, včera, včasne, predvečerom, dnes, napoludnie, zajtra, pozajtra, -y, večer, zvečera, zpolnoci, rano, zarana, načas, zaraz, cvalom, jaknáhle, nepríležito, často, neskoro, nenadale, ročite, mesačne, tydenne, denne и др.

3) Jako, ako, kol'ko, kol'ko raz, nakol'ko, tak, onak, inak, tol'ko, na-tol'ko, mnoho, vel'a, nemnoho, nevel'a, málo, trochu, dosť, asi, zbytočne, nekonečne, celkom, všetko, dobre, zle, obyčajne, silno, ochotne, vd'ačne, dopoly, dobrovol'ne, umyselne, nerozvážlive, naschvál, nápoky, nevdojak, peši, potajomky, verejne, l'ahko, pohodlne, darmo, viac, viacej, najviac, menej, najmenej, síc, síce, aspoň, bezmála, nasledovne, navzdory, napriek, velmi, temer, teda, tol'ko, lež (но), len, ani. k vôli, k čomu, k tomu, s tým, v tom, najprv, spolu, dohromady, krokom, predovším, z čiastky, konečne, kol'koráz, jedenraz, dvarazy, tol'koraz, prvýraz, posledníraz, ešteraz, menovite, znovu и др.

4) Prečo? načo, začo, pre to, za to, na to, snad' (можетъ быть), ano, hej, nie, nijako, nič. nepochybne, predca, skutočne (дѣйствительно), ovšem, sotva, naopak, naruby (напротивъ) и др.

Предлоги.

1) Съ род. пад.: bez, do, krem, okrem, kolo, okolo, mimo, pomimo, dl'a, podl'a, vedl'a, od, u, z. и сложныя съ z, напр.: znad, zponad, zpod, zpopod, zmedzi, zpomedzi, zpoza, zpred, zpopred, zpopri; нарѣчія въ значеніи предлоговъ: blizo, konča, kraj, strany, prosried, vyše, niže, miesto и др.; напр: bez chleba, okrem nás, podl'a mňa, zponad dverí, blizo domu, strany poriadku.

2) Съ вин. пад.: а) (на вопросъ **куда?**) na, o, v (vo), medzi, nad, pod, pred, za; б) pre, prez, cez, kroz, skrz. skrze, напр. na strom, o rok sa vratiť, po pás, medzi kone, pod strechu, za stôl. pre ženu, cez mesto.

3) Съ дат. пад.: k (ku), proti, oproti; напр. k nám, oproti nám.

4) Съ твор. пад.: s (на вопросы: съ **кѣмъ?** съ **чѣмъ?**) medzi, nad, pod, pred, za (на вопросъ **гдѣ**); напр: s otcom, pod nami, za mestom.

5) Съ мѣст. пад. а) pri, popri; б) (на вопросъ **гдѣ?**) na, v (vo), po, o (на вопросъ о **комъ?**); напр.: na strome, po obede, vo vode.

Союзы.

1) Соединительные: a (u), i, tiež, aj ani (и не), ba nato, nielen—ale i (не только—но и), potom, totižto.

2) Противительные: ale (но), nič menej, sic, sice, ved', však preca.

3) **Раздѣлительные**: alebo, abo (или), bo, lebo, aneb, anebo (или), ani—ani (ни—ни), buď—buď (или—или), či—či, čili—čili, lebo—lebo.

4) **Сравнительные**: i — i, jako — tak, nakol'ko — natol'ko, jako by, jako keby, jak by, jakož to, nežli, neželi, podobne, šťa.

5) **Изъяснительные**: že.

6) **Причинные**: poneváč, preto, zato, lebo.

7) **Цѣли**: aby, by.

8) **Временные**: pokial', až, ledva, jak náhle (какъ только).

9) **Условные**: li, jestli, ježeli, keby, keďby, čo aj.

10) **Уступительные**: ačpráve, hoc, trebars, trebas.

11) **Заключительные**: tak, teda, tedy, nasledovne.

---

8. Нарѣчія и говоры словацкаго языка.

Общія замѣчанія.

Словацкій языкъ распадается на множество нарѣчій и говоровъ, изученіе которыхъ представляетъ высокую важность для сравнительной славянской грамматики особенно въ виду занимаемаго словацкимъ языкомъ срединнаго географическаго положенія на славянской территоріи. Къ сожалѣнію словацкая діалектологія, какъ уже замѣчено выше (стр. 224), почти не разработана. Памятниковъ народнаго творчества, воспроизводящихъ болѣе или менѣе точно особенности народныхъ говоровъ, издано не много. Кромѣ указанныхъ (стр. 227) цѣнныхъ сборниковъ П. Добшинскаго, Римавскаго, Словенской Матицы болѣе или менѣе важный діалектическій матеріалъ представляютъ главнѣйше мелкія сообщенія, помѣщаемыя въ журналѣ Slovenské Pohl'ady, въ отдѣлѣ Slovensky jazyk (редактора І. Шкультети, Крижка, Ризнера, Шуянскаго и др.). Еще меньше обнародовано непосредственныхъ, систематическихъ наблюденій надъ народными говорами. Первые опыты характеристики главныхъ словацкихъ нарѣчій содержатъ извѣстные труды 40-хъ годовъ Л. Штура (Nárečja slovenskuo) и особенно М. Годжи (Epigenes Slovenicus и Větín o Slovenčině). Ал. Шембера въ извѣстномъ своемъ трудѣ „Základové dialektologie československé" (1864), не потерявшемъ своего значенія и въ настоящее время, представилъ не только классификацію словацкихъ говоровъ съ

общими характеристиками каждаго изъ нихъ, но и сообщилъ образцы самыхъ говоровъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этой прекрасной книги, въ теченіе тридцати лѣтъ изученіе словацкой діалектологіи почти не подвинулось впередъ. Лишь въ самое недавнее за разработку этого любопытнаго отдѣла славянскаго языкознанія съ энергіей взялся бывшій доцентъ вѣнскаго университета, нынѣ профессоръ славянской филологіи въ пражскомъ университетѣ dr. Фр. Пастернекъ. Въ своемъ изслѣдованіи (не разъ нами цитованномъ) Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn, явившемся въ 1888 г., онъ свелъ въ одно цѣлое діалектическія данныя, представляемыя изданіями образцовъ народной словацкой рѣчи. Вскорѣ затѣмъ онъ самъ принялся, при томъ съ рѣдкимъ усердіемъ, за дѣло собиранія матеріаловъ по словацкой діалектологіи. Въ 1893 г. при посредствѣ журнала Slovenské Pohl'ady и его редактора I. Шкультети, прекраснаго филолога, dr. Пастернекъ обратился къ образованнымъ представителямъ словацкаго народа съ воззваніемъ, въ которомъ просилъ ихъ оказать ему содѣйствіе въ изученіи народныхъ говоровъ сообщеніемъ отвѣтовъ на поставленные имъ вопросы объ особенностяхъ мѣстныхъ говоровъ и доставленіемъ образцовъ народной рѣчи изъ разныхъ краевъ словацкой земли. Словацкая интеллигенція отнеслась къ этому призыву съ полнымъ сочувствіемъ. Dr. Пастернекъ получилъ множество сообщеній, свѣдѣнія о которыхъ появлялись въ журн. Slovenské Pohl'ady въ 1893, 1894 и 1895 годахъ. Успѣху собиранія діалектологическаго матеріала должны были содѣйствовать неоднократныя поѣздки къ Словакамъ самого изслѣдователя. Въ настоящее время онъ занятъ обработкой собранныхъ данныхъ. Приготовляемый имъ большой трудъ, по словамъ автора, имѣетъ цѣлью дать 1) подробное описаніе всѣхъ словацкихъ нарѣчій съ нанесеніемъ на карту частныхъ звуковыхъ особенностей и 2) точное обозначеніе границъ какъ всего вообще словацкаго языка, такъ отдѣльныхъ его нарѣчій[1]). Трудъ этотъ несомнѣнно прольетъ много свѣта въ мало-изслѣдованную область словацкой діалектологіи. Впрочемъ уже и теперь основываясь на ново-сообщенныхъ данныхъ проф. Пастернекъ успѣлъ представить (Slovenské Pohl'ady, 1893) болѣе или менѣе подробныя характеристики нѣкоторыхъ нарѣчій напр. гемерскаго и спишскаго. Еще болѣе посчастливилось словацкимъ го-

---

[1]) Slovenské Pohl'ady, III, 245.

ворамъ въ Моравіи, которые весьма тщательно описаны въ трудѣ Фр. Бартоша, Dialektologie moravská (D. I, 1886).

Слѣдуя мнѣнію А. Шемберы, раздѣляемому и новѣйшими изслѣдователями (Душекъ), всѣ словацкіе говоры можно свести въ три крупныя группы или нарѣчія: среднее, западное и восточное. Среднее нарѣчіе по преимуществу представляетъ характерныя черты словацкаго языка, западное носитъ черты сходства съ чехо-моравскимъ языкомъ, восточное сближается частью съ малорусскимъ, частью съ польскимъ языкомъ.

Число словацкихъ говоровъ еще не приведено въ извѣстность, географическое распредѣленіе даже главнѣйшихъ изъ нихъ не установлено, а потому и научная классификація словацкихъ нарѣчій и говоровъ въ настоящее время не возможна.

Среднее нарѣчіе.

Среднее нарѣчіе распространено по верхнему Поважью, верхнему и среднему Погронью (до р. Сланы), а также по рѣкамъ Римавѣ и Ельшавѣ, т. е. въ комитатахъ — нижне-оравскомъ, турчанскомъ, липтовскомъ, зволенскомъ, тековскомъ, гонтскомъ, новоградскомъ и части гемерскаго. Нарѣчіе это (преимущественно зволенскій и липтовскій говоры) лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго языка, а потому характеристика его преимущественно передъ другими нарѣчіями вошла въ предшествующее изложеніе.

Главнѣйшія особенности:

1) Краткое е смягчаетъ предшествующій согласный, а долгое е (é) послѣдовательно звучитъ какъ ie: daljeko, padnje, dobrieho, tichie (мн. ч.). Ср. 251—252, 254 стр.

2) Пра-слав. ѣ въ долгихъ слогахъ = ie: mlieko, chlieb.

3) Широкое, болѣе или менѣе послѣдовательное, употребленіе (въ извѣстныхъ словахъ) гласн. ä вм. пра-слав. ѧ, ja, e, je, ѣ, ъ, a: mäso, pamäť, mäta, päta, omäl, vädnuť, pät, pätoro, päsť, väčší, väz, svätý, rukováť, gätelina (вм. ďatelina), hovädo, holubä, deväť, mä, bremä, dorabäť, zemän, stupäj, bäbä, mäd, kärovať, blädy, käde, kämeň, ukäzovať и др. (Ср. Fr. Pastrnek, Študovanie slovenčiny въ журн. Slovenské Pohľady, 1893. Roč. XIII, 635—639).

4) Старо-слав. и пра-слав. ъ = o: lož, von, zamok, posol.

5) Долгое ō звучитъ какъ uo: muož, muožeš.

6) Вм. первичнаго e не рѣдко o: svokor, kloštor, štvoro.

7) Вм. o иногда u: spisuvatel, menuvať.

8) Ou въ твор. п. ед. ч. именъ жен. р. и личн. мѣстоименій, въ род. п. мн. ч. (иногда), въ прилагат. притяжат.; напр.: rybou, svojou, cestou, so mnou, tovaryšou, rolníkou.

9) Ja вм. первичнаго ȷ̆je въ имен. сред. р.: nárečja, lučenja.

10) Uo (ô) въ прилаг. сред. р. вм. первичн. oje: dobruo, slovenskuo (dobrô, slovenskô).

11) Имен. п. мн. ч. муж. р. на ja: oráčja, ludja.

12) Выпаденіе e въ род.-дат. пп. ед. ч. муж. сред. р. мѣстоимен. притяжат.: nášho, nášmu, mojho, mojmu.

Въ среднемъ нарѣчіи различаютъ слѣдующія поднарѣчія: а) верхневажское, б) погронское, в) новоградское, г) гонтское и д) гемерское.

а) *Верхневажское поднарѣчіе* господствуетъ въ нижнеоравскомъ, турчанскомъ и липтовскомъ комитатахъ. Оно наиболѣе близко къ литературному яз. Въ частности въ немъ различаются говоры: нижнеоравскій, турчанскій и липтовскій. Въ *нижнеоравскомъ гов.*: 1) d передъ l выпадаетъ: salo, česalo, šilo; 2) g часто вм. h, k: stryga, galun, gogol, gola; 3) ä звучитъ кратко и долго: mäso, päta, rädok, žäl, nosä (тоже въ гемерскомъ нар). Объ *оравскомъ гов.* см. замѣтки Ctiboha Zocha въ журн. Priatel' školy a literatury. V Budine, 1860, č. 1—3. Въ *турчанскомъ гов.*: 1) é въ род.—дат. пп. ед. и имен.—вин. мн. ч.: dobrého, dobrému, zlé časy; 2) неопр. н. на -ti: nositi, máti; 3) t въ прич. прош. страдат. вм. n: uznata, datý. Въ *липтовскомъ гов.*: 1) ie вм. é: dobrieho; 2) ä чередуется съ e и a: pet, oráča, sedliak, meso; 2) u вм. v передъ согласными: ouce, prauda; 3) u вм. тверд. ł: o pounoci, maua som, buato; 4) o въ прилагат. сред. р. moravsko, sedliacko.

Образцы верхневажскаго поднарѣчія.

1) A práve tak robä mnohi luďä, podobajuc sä děťom něrozumným; i oni boli a sa štěsťú svojmu sami na prekážke: něchťäc to ale rjecť a k tomu sä priznať, obviňujú z toho i z iných vlastných hrjechov radšej puovodca šetkjeho dobrjeho, a repcú proti otcovi a stvoritělovi svojmu a proti mudrému ridzeňú božjemu (Ясенова, въ Оравѣ. Шембера, 135).

2) A taktjež robja aj druhí ludja, a su podobny děťom něrozumným, i oni boli a sú sami najvjac šťasťu svojemu na prekážce; nech-

cejú to ale povjedať a k tomu sa priznať, a vinja z toho a z druhých vlasních hrjechou radšej púvodca všeckeho dobrého, a reptajú proti otcu a stvoritělu svojemu a proti múdrému rídeňu božjemu (**Кляшторъ**, въ Турцѣ. Шембера, 135).

3) A tak tjež robjá mnohy ludja, podobni deťom nerozumným; i oni boli a sú najvjac sami štesťu svojmu na prekažke, ale nechcú to poviedať a priznať sa k temu, a račej obvinujú z teho a z druhých vlastných hriechou puvodca všeckieho dobrieho, a reptajú proti múdrému riděňu božiemu (Липтовскій говоръ. Шембера, 135).

б) *Погронское поднарѣчіе* слышится по р. Грону, въ зволенскомъ и тековскомъ комитатахъ. Оно характеризуется слѣдующими признаками:

1) **e** вм. **y** послѣ **h**, **ch**, **k**: **ruke**, **nohe**, **slivke**, **muche**.

2) **t**, **d**, **n** звучатъ мягко и передъ широкими **e**, **y**: **ťen**, **ťeraž**, **duchu svaťí**, daj mi voďí, s **ťimi**.

3) Мѣстами **dz** вм. **ď** и **c** (tc) вм. **ť**: nebudzem, nevidzeu, **hodziní**, dzietca, celacina.

4) Мѣстами (особенно въ тековскомъ ком.) каждое **l**, твердое и мягкое, переходятъ въ **u**: ňeviďeu, zuoďej, douinoce, chuieb, na tej úke.

5) Род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. именъ жен. р. оканчиваются на -**y**, -**i**: ňemá ruky, ňeublíži ani muchy pasú sa na luky.

6) **ý** вм. **é** въ косвенныхъ падежахъ един. ч. именъ прилагательныхъ: dobrýho, dobrýmu.

7) Неопред. н. имѣетъ твердое окончаніе -**t**: hadzat, byt, písat

Ср. Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 241, 304—306; XIV (1894) 544—548, 614—616.

Образецъ погронскаго поднарѣчія.

Na brehu Hrona seděu chlapčok malý, vedl'a sebä mau pruťä z vŕby a krútiu si z nich píšťalke. Ako si vykrútiu; začau si pískať; ale tá píšťalka takto nariekala: Bračok muoj maličký, ty moja dobrota dobrá, keď si už len prišjou ko mňe; ale čože tu ťeraž seďačky žahál'aš? Vezmi nohe na plece, prebehni k maminky, ukáž ma jej len, ukáž, a potom jej povez: Mamička moja, páčťe že len, pačťe, l'aľa pršťok z mojej sestričky, z tej peknej Zuzičky, čo sa Vám tam utopila, keď sté šaty prali. Jej duša maličká vnišla do tej vŕby, jej malje nuožke sa tie haluzke, jej milje rúčke sa tie konarýke, jej krásnie očká sa tie kojetočke, čo z vŕby visia, žalosňe plačú. Mamička moja,

dajťe hu vykopať, a v cinteríňe ku križu zasadiť (Баньска Быстрица. Шембера, 174—175).

в) *Новоградское поднарѣчіе* слышится въ области одноименнаго комитата и занимаетъ середину между поднарѣчіями — погронскимъ и гемерскимъ. Важнѣйшія особенности: 1) y вм. e и o въ прилагательныхъ и числительныхъ: kterýho, jednyho, všeckyho, tych; 2) n въ глаголѣ jdu, при соединенія съ предлогами: vyndú, dondú, vynšli; 3) y вм. u въ глаг. museti: on mysi; 4) ej вм. y, при чемъ j почти не слышно (въ западной части комитата по сосѣдству съ Гонтомъ и Зволеномъ), dobrej muž, husej, kozej; 5) u вм. l (твердаго): pou, mau, dojšau; 6) на границѣ съ Гемеромъ 1 л. множ. ч. -mo: my smo, chovámo; 7) кое гдѣ замѣна гласн. l черезъ ou: douho; 8) чередованіе -n, m: dobron, vystavev son si don, pám; 9) кое-гдѣ hovedzuo meso. Ср. Slovenské Pohl'ady, XIII, 372.

Образецъ новоградскаго поднарѣчія.

Súdnej pám. De sa stalo, tam sa stalo, stalo sa raz vol'akode, že edom pám mau takého slúhu, kerej sa poveky šibeniciam pokloniu, kod pol'a nich s pánom na voze išou. Pám to chceu zved'eti, že prečo to jeho slúha tak robieva, opeytau sa ho tode edomraz: Ale te, prečo si te pred križom nikda širák dou nevezneš a šibeníciam pokloníš sa poveky? L'a, pám môj, odpovie slúha, to ja preto tak robím, že na šibeniciach vel'a ňevinech a dobrech l'udí odvisňe (Pav. Dobšinský, Prostonárodnie Slovenské povesti. Turč. sv. Martin, 1882, soš 7, стр. 21).

г) *Гонтское поднарѣчіе* наблюдается въ Нижнемъ Гонтѣ, въ селахъ прилегающихъ къ замку Бзовику. Оно близко примыкаетъ частью къ новоградскому, частью къ погронскому поднарѣчіямъ. Характеристическіе признаки: 1) e вм. y: te, krave, pile, rebe; 2) o вм. e: tode, kode, kobe (keby), kod; 3) a вм. o: razum, razga, raven; 4) имен. мн. ч. на -e: pánovje.

Образецъ гонтскаго поднарѣчія.

Kobe se te Martenko bou k nam prišou, kod naše žene dobnale tie naše krave domou, bou be si sa račudovau, ako susedovje do nich lúčali kamením, akobe nemale razumu. A kode bude, tode bude—me za tech do škode prid'eme (А. Шембера, 75).

д) *Гемерское поднарѣчіе* господствуетъ на территоріи гемерскаго комитата, между рр. Сланой и Римой. По своимъ особенностямъ оно на столько рѣзко отличается отъ остальной средней слова-

чины и само представляетъ такое значительное количество характерныхъ говоровъ, что по справедливости должно быть разсматриваемо какъ одно изъ самостоятельныхъ словацкихъ нарѣчій. Довольно подробную характеристику гемерскаго нарѣчія на основаніи новѣйшихъ данныхъ представилъ проф. Пастернекъ въ Slov. Pohl'ad, XIII (1893) 550 – 564. Къ сожалѣнію почтенный изслѣдователь не нашелъ еще возможнымъ опредѣлить ближе общее число и взаимныя отношенія гемерскихъ говоровъ.

Важнѣйшія особенности:

1) Старо-сл. ѧ соотвѣтствуютъ въ краткихъ слогахъ **е**, въ долгихъ—**ä**: doredu, kure, peneze, ťe, d'eseť, jezik, meso, porädou, tähnú, chod'äc, ved'ä, väc (Вел. Ревуца, Раткова, Кроваво). Но во многихъ говорахъ (Долгая Лука, Кленовецъ, Тисавецъ, Пила, Ломъ, Кысуца, Дьюрковка, Полянки, Драпско) ѧ соотв. тѣже гласные, что въ среднемъ нарѣчіи (ср. 250 стр.) т. е. въ краткихъ слогахъ **ä** (послѣ губныхъ) и **a**, въ долгихъ — **ia** (ja): vädnú, ma, hl'ad'ä, robia. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (Гелпа, Тельгартъ, Вернаръ) вм. ѧ—**ja**: hovjadzo, mjaso, pjať, robja, vjac, d'iťa. Пр. Пастернекъ объясняетъ эту особенность вліяніемъ малорусскаго языка. Жители Тельгарта и Вернара называютъ себя русскими и принадлежатъ къ греко-уніатскому исповѣданію.

2) Старо-сл. ѣ въ долгихъ слогахъ соотвѣтствуетъ не только **ie**, но и **ia** (В. Ревуца и все Помуранье, Штитникъ, Раткова), biada, biali, jam, chliau, liacem, spiavamo, viam; въ Дренчанахъ—**iä**: žriäbä, diafšäti.

3) Долгое **o** превращается: а) въ **uo**, **vo** (Тисовецъ, Пила, Кроваво, Кленовци, Бродно, Красковъ, Луковиште, Грахово, Долгая Лука, Редова, Ломъ): ňepuojd'eš, muoj, chuodza, huor (род. п. множ. ч.) или mvoj, ňepvojdeš, hvor, čvo, švo, šo; б) въ **ua**, **va** (Дренчаны, В. Ревуча, Штитникъ, Слабошовцы, Раткова): huar, chuadzä, kvaň (конь), kval, nvaž, hvar, šva (=čo), vasmi (ôsmy), van; послѣ губныхъ иногда исчезаетъ **v** и остается **a**: maj, pomažeš (pomôžeš), vale (vôla); в) въ краткое **u** (Гелпа, Тельгартъ): nepujd'eš.

4) Въ твор. п. ед. ч. основъ на -**a** возможно двоякое окончаніе: а) **ou** (Тисовецъ, Пила, Кленовци, Красково, Грахово, Долгая Лука, Редова, Ломъ, Гельпа, Тельгартъ, Вернаръ)—za tou horou и б) -**ó** (Кроваво, Раткова, Брадно, Дренчаны, В. Ревуца, Штитникъ, Слабошовцы)—za tó našó hvaró, predo mnó.

5) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (В. Ревуца, Штитникъ, Слабошовцы, Раткова, Крокаво, Бродно, Дренчаны) наблюдаются случаи перегласовки ja въ jä, je и já въ jä (долгое): jebloň, jehne, jesno, jermok, jesen, d'elé, gule, chvadze, vale, obraceť, sádzeť, jä, žäk, sedläk, meščäne, dušä. Проф. Пастернекъ объясняетъ эту перегласовку какъ слѣдъ вліянія чешскаго языка отъ гуситскихъ временъ. Тоже нужно замѣтить относительно встрѣчающихся въ Дренчанскомъ говорѣ примѣровъ перегласовки u въ i: lidží, cidziho.

6) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Брадно, Красково, Луковиште, Дренчаны) въ причастіи основъ на -i слышится e вм. i: chod'eu, prebud'eli, zatvoreli.

7) Старо-слав. дъждь обыкновенно звучитъ dišť, ďišť, džišč, рѣже ďješť (род. п. dježd'a, Красково, Грахово) и dášť (Ломъ).

8) Различіе между i и y совсѣмъ утрачено, при чемъ въ однихъ говорахъ i вм. древн. ы смягчаетъ всякій предшествующій согласный не исключая n и l, или же не вліяетъ на смягченіе только этихъ двухъ согласныхъ; въ другихъ говорахъ i вообще не смягчаетъ предшествующихъ согласныхъ, даже въ томъ случаѣ, когда оно соотвѣтствуетъ пра-сл. i; напр. moťika, d'im (В. Ревуца), čini (n—твердое, Ратковъ).

9) Гласн. r, l, краткіе и долгіе, употребляются послѣдовательно: vŕba, dl'ho; но кое-гдѣ (Редова) при r, l слышатся гласные звуки: serco, smert, dluho. Любопытно слова trpov, trpó (теперь).

10) Согласн. n во многихъ говорахъ не способно къ смягченію (В. Ревуца, Раткова, Дренчаны, Штитникъ Слабошовцы, Редова, Сукавца): konec, dan, ohen, pekne.

11) Согл. d, t также иногда не смягчаются передъ узкими гласными: do temnici, ne budem (Раткова). Но вообще смягченіе d, t передъ узкими гласными необходимо, особенно передъ i; въ ревуцкомъ гов. оно имѣетъ мѣсто даже передъ e=перв. ъ и i=перв. ы. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Крокаво, Раткова, Кленовецъ, Брадно, Красково, Луковиште, Дренчаны) вм. ť, ď слышатся небные č, dž: čichí, či (дат. п. ti), deči, päč (пять), hrač (неопр. н.), chodžič, šedživí, džedžina и др.; кое-гдѣ слышится c, dz (Сыковца): rucili, pejc (пять), nebudzem. Вм. пра-слав. dj обыкновенно dz, но въ Редовѣ, Штитникѣ z: povez, cuzjeho, dochazel; но и cudzí, medzi.

12) l и v на концѣ словъ обыкновенно переходятъ въ u: nevid'eu, chod'iu, chlapou (род. п. множ. ч.). Однако въ нѣкоторыхъ гово-

рахъ (В. Ревуца, Слабошовцы) l на концѣ сохраняется: nevid'el, prišol; иногда изъ ou = ol возникаетъ ó: prišó, o pónoci, mahó (môhol). pribjehó (Кроваво, Ратвова, Брадно, Дренчаны); равнымъ обр. вм. ul—слышится ú: pribehnú, stretnú; наконецъ встрѣчаются причастія безъ окончанія: priš (Долгая Лука). Точно также въ род. п. множ. ч. возможны окончанія ou и ó: mužou, peť rokou и mužó, domó (нарѣчія). Формы на -ó наблюдаются въ Крокавѣ, Ратковой, Браднѣ, Дренчанахъ, В. Ревуци, Штитникѣ, Слабошовцахъ. Въ Велгартѣ каждое твердое l переходитъ въ u: voui, chuapec.

13) Въ нѣкоторыхъ говорахъ m мѣняется въ n: ňebud'en, z baranon, son (Луковиште, Дренчаны, Красково).

14) Согласн. č звучитъ обыкновенно очень мягко и часто переходитъ въ š: śvo, śl'evek, chlapśok, šo, ušiťelom, chlapšok, švo, šua (Дренчаны).

15) Имен.—вин. пп. мн. ч.—matkino, macochino slová или matkinje, macošinje slová; рѣже materinjä, macochinjä slová (Дренчаны) и matkiná, macochiná slova (Штитникъ).

16) Въ сложн. склоненіи сред. р. ед. ч. celô premoknutô, род. п. dobriho, cudziho; въ Красковѣ dobrího, dobrímu; въ Ломѣ dobrjeho; въ Гельпѣ dobroho, dobromu.

17) Въ 1 л. мн. ч. наст. вр. -mo: smo, žijemo, chodímo.

18) Отъ byti прич. búl; вм. niet (= niest)—nit (В. Ревуца).

19) Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (Гелпа, Телгартъ, Вернара, Сыкавца) удареніе, какъ въ польскомъ, на предпослѣднемъ слогѣ. Въ этихъ же говорахъ, подъ вліяніемъ то польскаго, то малорусскаго не различается количество гласныхъ (Впрочемъ, въ говорѣ жителей Гельпы нерѣдко протягивается предпослѣдній слогъ). Въ Погорелѣ (недалеко отъ Гельпы) наблюдается и другая черта польскаго вліянія — носовые гласные: zajončki, viskakujónci. Подобное явленіе представляетъ и ломскій говоръ: svienť še bonč, s ťobom.

Образцы гемерскихъ говоровъ.

1) A takto robä i velé ludí (i ludzí), podobni súc nerozumným dečom; aj oni buli a sú sami svojmu ščestú na prekážke; nechotčú to ale povedač a ku tomu se priznač, a obvinujú z toho aj z druhých vlasních hrjachó raši púvodca šitkýho dobryho, a repcú proti otcu a stvoritelu svojmu a proti múdrymu rízeňu božímu (Шембера, 139—140).

2) Edon mlinar mau telo (tol'ko) dečí, ano na riäšici džiärok (na riedčisi dierok). Kýn ednomu chleba krájäu, zákyv vylašnelo sä mu druhô. O tolôž už i trečô pýtalo: Apo, chleba mi; choc len z toho zákalistyho mi! — Bitang (chudák, biednik, tuláč) mlinar radšé by búv videu sä pod zemieu, ako v také biäde. Zväu (vzal) pobíjäšku (kresačku, topor) a nestaviu sä chiba pri bráne pekla a tan klopau, šô len tak hušälo. „Šo tu klopeš“? vybiehou šärt na nebo.—„Chocen ván kostiev staväč“!—„Nestaväj, radšé či dán z mech peňäzí“ (P. Dobšinsky, Prostonárodnie Slovénské povesti. S. 8, 1883, str. 47).

Западное нарѣчіе.

Западное нарѣчіе господствуетъ во всей западной части словацкой территоріи, именно: въ юго-восточной части Моравіи, въ Нижней Австріи отъ Волтицъ къ Стреженицамъ и въ Угріи, въ области рѣкъ—Нижней Моравы, Нижняго и Средняго Вага и Нитры, т. е. въ комитатахъ пресбургскомъ, нитранскомъ, тренчанскомъ и части оравскаго. Нарѣчіе это представляетъ черты сходства съ моравскими нарѣчіями, главнѣйше съ валашскимъ и дольскимъ и само распадается на значительное количество поднарѣчій и говоровъ. Оно (главн. тернавскій говоръ) лежало въ основаніи литературнаго языка, созданнаго въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. Берполакомъ и его послѣдователями (Ср. 241—242 стр.).

Характеристическіе признаки.

1) Пра-слав. ъ = e, напр.: lež, zamek, posel.

2) Пра-слав. ѧ = a (въ краткихъ слогахъ) и ja, á (въ долгихъ): pať, pátek, ma, ta, sa, prásť.

3) Пра-слав. ѣ соотвѣтствуетъ e (въ кратк. слогахъ) í, é (въ долгихъ), напр.: leto, bíly, mléko.

4) e, въ нѣкоторыхъ говорахъ (на западъ отъ Вага) не смягчаетъ предшеств. l, n, d, t: nemoc, daleko.

5) Долгое o звучитъ (смотря по говорамъ) uo и ó: muožeš, móžeš.

6) Въ твор. п. ед. ч. ú (вм. старо-слав. ѫ): tú, velkú, rybú; въ среднемъ нарѣчіи ou (rybou).

7) Твердое l въ большей части говоровъ звучитъ какъ u (независимо отъ занимаего имъ мѣста въ словѣ); напр.: dau, okouo, žauoba, huavnú.

8) Мѣстоим. čo вм. литер. čo.

9) Род. п. мн. ч. оканчив. на -ů, -ov, -uo: panů, panov, panuo.

10) Въ имен. п. мн. ч. ė вм. средне-словацкаго ja: pánovė, ľudė.

Въ западномъ нарѣчіи различаютъ пять поднарѣчій: а) моравско-словенское, б) бѣлогорское, в) тернавское, г) нижне-тренчанское и д) верхне-тренчанское.

а) *Моравско-словенское* поднарѣчіе обнимаетъ словацкіе говоры, распространенные въ юго-восточной части Моравіи, между Карпатами и р. Моравой и отчасти по правому берегу Моравы, въ окрестностяхъ городовъ: Угорскаго Брода, Угорскаго Градища, Напаёдловъ, Веселаго и Стражницы. Довольно подробное обозначеніе границъ этого поднарѣчія представлено въ сочиненіи Шемберы Zakl. dialekt. českoslav. (стр. 69) а обстоятельное описаніе входящихъ въ составъ его говоровъ сдѣлано Фр. Бартошемъ (Dialektologie moravská, d. I, 1886 (стр. 27—47). Основываясь на наблюденіяхъ почтеннаго моравскаго изслѣдователя, можно отмѣтить въ моравско-словенскомъ поднарѣчіи до 15 говоровъ: 1) загорскій, 2) поморавскій, 3) аленковскій, 4) радѣйовскій, 5) блатницкій, 6) боршицкій, 7) быстрицкій, 8) строньскій, 9) липовскій, 10) велицкій, 11) яворницкій, 12) суховскій, 13) грозенковскій, 14) березовскій, 15) льготецкій[1]. Изъ нихъ первые два заключаютъ въ себѣ болѣе чертъ сходства съ чехо-моравскими нарѣчіями (валашское нар.), а остальные тринадцать представляютъ болѣе чистую словачину и соединены Фр. Бартошемъ въ одну группу „угро-словенскихъ" говоровъ.

Загорскій говоръ слышится въ угорско-бродскомъ округѣ (Ořechové, Březolipy, Provodov, Horní Lhota, Pozlovice, Luhačovice, Uh. Brod, Hračovice, Dolní Újezd, Nezdenice, Šumice, Vlčnov, Sudice, Slavičín, Pitín, Bojkovice, Komna, Bánov, Nivnice, Horní Němcí, Dolní Němcí). Обитатели этого округа, отдѣленные высокими горами отъ своихъ западныхъ и сѣверо-западныхъ сосѣдей, слывутъ у послѣднихъ подъ именами Záhořané и Zálešáci. Въ говорѣ этомъ: 1) еще сохраняется чешское ř: křibet, prohříšlo, tře, štyře; 2) твор. п. мн. ч. на -ma: dušama, našíma, tema; 3) l гласный и согласный, переходитъ въ u: tus-

---

[1]) Злинскій говоръ, поставленный Бартошемъ въ число словенскихъ разнорѣчій, мы нашли болѣе правильнымъ отнести въ разрядъ говоровъ валашскаго нарѣчія. Ср. выше стр. 216.

tý, žutý, dúhý, uazit, uáska, huava; 4) прилагат. притяжат. на -ŭj, -ova, -ovo: súsedŭj (но и súsedŭ, susedŭv).

Поморавскій говоръ слышится въ селахъ, прилегающихъ непосредственно къ Моравѣ, начиная отъ Напаёдлъ, сперва по лѣвому берегу, а потомъ отъ Рогатцы далѣе на югъ и по правому берегу, до встрѣчи Моравы съ угорской границей, а также въ томъ самомъ южномъ углу Моравіи, который образуется границами Угріи и Нижней Австріи и извѣстенъ подъ именемъ Подлужья (Podluží). Особенности этого говора: 1) шипящее ř: střílau, zavřite; 2) гласный r можетъ звучать долго: vŕba; 3) b, d, ď, h, v, z, ž на концѣ словъ сохраняютъ свой основной выговоръ: dub, led; 4) n между двумя гласными удваивается: vonný, ranný; 5) n смягчается во всѣхъ существительныхъ на ň: jeleň, kameň; 6) dě и tě въ прич. страдат. не измѣняются въ ze, ce, а s, z не смягчаются: naroděný, zakrutěný, zarazený, vyprosený: 7) l, гласный и согласный, переходитъ въ u: tustý, dúhy, uonský, uh, suovo и т. д.; 8) прилаг. притяж. на -ŭj, -ova, -ovo: súsedŭj (но и súsedŭ, súsedŭv); 9) въ неопр. н. вм. st—ct: kvéct, véct, kract, kuact (класть); 10) глаголы на im имѣютъ въ 3 л. мн. ч. -í, -ijú, -ija, -iá: leží, ležijú, ležija, ležiá.

Всѣ остальные тринадцать говоровъ, соединяемые Фр. Бартошемъ (Dialek. M., 33—47) въ одну группу *„угро словенскую"*, слышатся въ 18 поселеніяхъ, разбросанныхъ на небольшой территоріи, лежащей между Моравой и Малыми Карпатами. Поселенія эти (Alenkovice, Bystrica, Blatnička, Boršice, Radějov, Kuželové, Malá Vrbka, Velká Vrbka, Lipov, Louka, Velká, Javornik, Nove Lhotky, Súchov, Stráni, Brezová, Olšovec, Starý Hrozenkov), по мнѣнію Бартоша, образованы были позднѣйшими выходцами изъ разныхъ мѣстъ словацкой Угріи и этимъ объясняется иногда значительное различіе между отдѣльными говорами. Всѣмъ имъ въ большей или меньшей степени свойственны слѣдующія особенности: 1) r вм. чеш.-мор. ř: tri, tricet, pres, preletělo; 2) долгое ŕ: vŕba, zdŕzať; 3) удлиненіе гласнаго въ предлогѣ, сложенномъ съ глаг. it или isť передъ j: dójit, nájit, nájisť; 4) болѣе частая чѣмъ гдѣ-либо, замѣна u черезъ y: od hłady, z młady, z doly, z daleky, z blizky; 5) въ мѣст.—дат. пп. ед. ч. i вм. ě послѣ r: na javori, na dvori (но въ Аленковцѣ, Радѣевѣ, Блатницкѣ, Борщицѣ, Быстрицѣ -ě: na dvore); 6) на концѣ словъ звучные ясно отличаются отъ отзвучныхъ: dub, lud; 7) n, s, š между двумя гласными удваива-

ются: vinný, masso, kašša; 8) **t, d** въ прич. не переходятъ въ **c, z** (за исключеніемъ Грозенкова): vysvětěný, naroděný; 9) въ пѣсняхъ почти передъ каждымъ гласнымъ слышится j: Ju Prešpurku ju Dunaja kasárňa malovaná, Jale už vim; 10) **sto** не склоняется: pět sto, desеt sto; 11) въ повел. н. только i: pošlite, sedníme si, napi, napite sa; но въ Грозенковѣ napij, napijče sa; 12) въ однихъ говорахъ (аленковскій, блатницкій, борщицкій, страньскій) ł твердый звучитъ чисто, въ другихъ (радѣевскій, быстрицкій, липовскій, суховскій, грозенковскій, льготецкій) переходитъ въ **u**: žłtý, nésł, védł (аленк., борщиц.) или žłutý (блашн.), **h**łava и žutý, huava, védu, nésu. Наиболѣе любопытны говоры: грозенковскій и льготецкій.

Въ *грозенковскомъ говорѣ:* 1) **ä** вм. **e**: bäž, päc, šäsc; 2) долгое **ó** сохраняетъ первоначальный выговоръ: mój, dvór; 3) **e** исчезаетъ въ оконч. **eček**: chlapček, čupček; 4) частое смягченіе губныхъ, свистящихъ, шипящихъ и **l, r** передъ **a, á, e, é**: pjata, pjaty, vjadnuc, chljéb, sjedmý, čjerný; но передъ ě (=ѣ) губные звучатъ твердо: obed, bežač, pekny, človek, verný; 5) **t, d** переходятъ въ **c, dz** не только передъ пра-слав. **j**, но и передъ узкими гласными: žac, kosic, nic, kedz, medza, hadzi, scěna, trecí, múcic, dzědzina, vyhodzěny, plecěny; 6) **l** чередуется съ **r**, **č** съ **c**, **ž** съ **z**, **ď**, **ť** съ **j**, **k** съ **ch**: rašpra, cesnek, zelezo, poj—pojče (poďme), taj (tadě), ch tebe; 7) гласн. l=**u**: duhý, žutý, sudza, súnko; но твердое ł вообще удерживается: hłava, łopata; 8) зват. п. часто совпадаетъ съ именит.: moja duša; 9) имен. п. мн. ч. часто на **-ovja, ja**: synovja, kravarja, ludzja; род. п. множ. ч. на **-óv**: pánóv; 10) мѣстоименія: ja, mňa, tebja, ten—teho, temu, hdo—keho, kemu, mój—mojeho, našjeho и našho; 11) неопр. н. на **-c**: ňésc, móc, umrec, pic; 2-е л. мн. ч. **-ce**: vedzěce; 12) вставное **v** (особ. передъ **ó**), kvól (колъ), kvóň, stvól.

Въ *льготецкомъ говорѣ:* 1) **p, b, v, m, n, d, t** не смягчаются передъ **j** и узкими гласными: pena, pet, pyt (пить), pyvo, bežat, houby (голуби), makky, myvý (милый), na kona, u mna, nyty (нити), kost, dyta, devat, dedyna; 2) **h, ch** и **sk, ck** не подвергаются измѣненіямъ передъ **i** въ имен. п. мн. ч. прилагат.: ubohy muadenci, hunchý ludí, moravský vojáci; 3) двугл. **ié** (послѣ č, š, ž, l, r) и **yé**: čiérný, šiestý, chliéb, mliéko, pyést, byéuý; 4) съуженіе **ie** въ **í** только у сущ. ср. р.: zelí, obylí; 5) **uó** вм. **ó**: muój, kvuón (конь); 6) l гласный и согласный (твердый) переходитъ въ **u**: suza, žutý, puu (плугъ), uozit; 7) твор. п.

ед. ч. на -em: s chuapem; 8) твор. п. мн. ч. или сохраняетъ древнія окончанія или замѣняетъ ихъ позднѣйшими на -ma: mezi potoky, bratrama; 9) род. п. множ. ч. на -uov: bratuov: 10) неопр. н. на -t: pást, hrát; прич. прош. на -u: paseu, pyékeu; 11) прошед. вр. на -ch: byuch, byuach, písauch, žauach, včerach páseu, jach robyua (Сухово, Яворникъ, Льготки); 12) сущ. глаг. sem; 13) условное н.: kebych mau penize, kúpiu bysem si; kebys mau, kúpiu bysi si.

Образецъ моравско-словенскаго поднарѣчія.

„Chlapi, na mú hřišnú sa ně zdá, že sa cosi zemele. Francúzi to začali a o Netáliji už to také majú. Je tam zle: padajú tam — nech nás Pámbu chrání—jak muchy“. Tak múvíł Vincek Hamałůj skušený světový chlap a jediný štenář ve Spolnem seďa v hospodě u štvrtky téj jalovcovéj. „Ono to modléní po ty tři dni nebylo enom tak na leda; mosí sa cosi čut, a nech su šejda, nevyzobe—i sa z toho modléní kolera. Lud nemře, a co neboščík strýč Váňovi umřeli — šak je tom už bez mála pů roku—nebylo pořádnéj zavdanéj“, doložíł smutně (Фр. Бартошъ, Dial. Mor., I, 344, говоръ у Лугачовицъ).

б) *Бѣлогорское поднарѣчіе* слышится въ самой крайней юго-западной части словацкой угорщины, приблизительно между р. Моравой (гдѣ она совпадаетъ съ политической границей Угріи и Нижней Австріи) и Малыми Карпатами (въ области Бѣлыхъ горъ) т. е. въ западной половинѣ пресбургскаго и нитранскаго комитетовъ, а также среди словацкаго населенія Нижней Австріи. Важнѣйшія особенности: 1) t, d передъ i, звучатъ какъ c, dz: tacičku, l'udzi; d переходитъ въ dz и передъ e: na ledze, ve vodze; 2) z вм. dz въ словахъ: hovězí, pověz, cuzí; 3) u вм. ł: nevzau, nevzaua; 4) губные иногда допускаютъ смягченіе: mjaký, mja, najvječí, pjet; 5) сущ. гл. sem. Ср. Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 238.

Образецъ бѣлогорскаго поднарѣчія.

A tak též robjá mnozí ludé, podobni súc dzetom něrozumným; i oni byli a sú najvícej ščascu svému na prekážku, nechceja ale to reknút a priznat sa k temu, a viňá z teho a i z jiných vuastních hríchú račik puvodca všeho dobrého, a reptajú proci otcu a stvoritelovi svému a proti mudrému rídzeňu božímu (A. Шембера, 124).

в) *Тернавское поднарѣчіе* господствуетъ въ странѣ между р. Вагомъ и Малыми Карпатами (восточная часть пресбургскаго ком. западная — нитранскаго). Главныя особенности: 1) l, n, d, t передъ

узкими гласными не смягчаются; напр.: dedina, na nú, činá, štastú, priznat ony; отсюда тернавское поднарѣчіе прозывается „твердымъ"; 2) a вм. ě, i, ié послѣ l, r: mal, zmaklý, najvác, vyprávám, pálám, horám (horím); 3) ó долгое сохраняетъ свой основный выговоръ: hróza; 4) h, ch, k въ дат. мѣст. пп. ед. ч. безъ перемѣны: na duhy, po macochy, po matky, v ruký; 5) въ нѣкоторыхъ говорахъ (Стара Тура, Костельное, Граховище и др.) прошед. вр. съ суффик. ch: nosilach, bolach, jách minula; 6) въ тѣхъ же говорахъ: póm, póš (вм. pôjdem), bóm, bó (вм. budem) ícit, princit (вм. iti, prijíti). Ср. Slov. Pohl'., XIII, 238—239. Въ данномъ поднарѣчіи можно отличить нѣсколько говоровъ, напр. модранскій, березовскій и др.

Образецъ тернавскаго поднарѣчія.

A tak též robá mnohý ludé, podobní detom nerozumným; i ony boli a sú najvácej sami ščasti svému na prekažke; nescejíc ale to réknút a priznat sa k tómu, pokladajú vinu toho a jiných vlastních hríchov rači púvodcovi všechého dobrého, a reptajú naproti otcu a stvoritelovi svému a naproti múdrému rídení božému (Фраштовъ, Шембера, 127).

г) *Нижнетренчанское поднарѣчіе* (собственно тренчино-нитранское) слышится въ области р. Нитры и кое-гдѣ въ Поважьѣ (между Бецковомъ и Бѣлушей). Важнѣйшія особенности: 1) мягкія ď, ť: ked', id'em, djeťa, prjaťel, nosiť, ludje; 2) долгое ó=uo: puojďem, pánuo; 3) гласный l: slnko, dlhý, tlstý; 4) твердый ł=u: bou, mohou; 5) долгое é звучитъ какъ протяжное é (а не ie): dobrého, všetkého; 6) ch вм. k: chto, nichto, chtorý, dochtor; 7) ou въ твор. п.: dlhou, rokou.

Образецъ нижнетренчанскаго нарѣчія.

„Djakujem pekňe pan švager: postojím si, šak som ešťe neustan; ňeni mi na posed'enje pan švager, lebo mám robotu doma ... nuž ako hádám, ňemuožu spavať"? — „Veru človek ledva prečká tu noc: taká je dlhá jak rok nuž tak, a veru sme sed'eli do pou jedenástej — lebo človek až takto z večerom ňedoháňáš, vo dňe ništ nespraviš, d'en je na obraťenje—a oni jako že sa mávaju, či su dobre zdraví"? (Шембера, 173).

д) *Верхнетренчанское поднарѣчіе* распространено въ верхней или сѣверной части тренчинскаго комитата и въ части оравскаго. Главныя особенности: 1) c, dz вм. ť, ď: pic, dvacac, chuc, Гн-

bice, učicelovi, ňeopuscí, cešia, cieň, nicú, idzem, sedzem, zlodzej, l'udzi; иногда вм. ť—мягкое ć: oćeć, šesć, prjaćel; 2) въ нѣкоторыхъ говорахъ (Пуховская долина) вм. ď слышится j: kej, hňej, pojce (pod'te), chojel (chodil), buješ, buje и bueš, bue meji; 3) e вм. i въ прич. прош. глаголовъ на ím: obudzeli, chyceli, straceli, chodzel, robel, slúžel; 4) пра-сл. ѧ=a, ia: ćia, sa; 5) h вм. k: hdo, nihdo; 6) выпаденіе d передъ n: dva ni, žány; 7) вставочное h вм. j: hej, him, hich; 8) твор. п. жен. р. на -um: tum, rukum; 9) род. п. мн. ч. на -vov: chlapvov, mužvov. Ср. Шембера Dialek. Česk.-slov. 70 и Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 303.

Образецъ верхнетренчанскаго поднарѣчія.

Ej sklenička sklenená
dobre je pic z teba:
pozdrav Pán Boh sklenára,
kerý robel teba.

Urobel ca velikú,
my sme z toho radzi:
Pozdrav Pan Boh sklenára
mojí kamarádzi (Dušek).

Восточное нарѣчіе.

Восточное нарѣчіе распространено въ области, лежащей на востокъ отъ Татръ и р. Сланы къ Ужгороду и Карпатской „верховинѣ", т. е. въ комитатахъ спишскомъ, шаришскомъ, земплинскомъ и абауйварскомъ. Оно представляетъ двѣ главныя группы говоровъ, которые въ подробностяхъ еще не изучены: 1) спишско шаришскіе говоры, отличающіеся чертами сходства съ польскимъ языкомъ и 2) земплинско-кошицкіе говоры сближающіеся съ сосѣднимъ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Главныя особенности:

1) Удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; эта черта объясняется вліяніемъ польскаго языка; тоже явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ малорусскихъ говорахъ.

2) Долгихъ гласныхъ не существуетъ; сохранились только кое-какіе слѣды древнихъ долготъ (см. ниже).

3) Первичное e смягчаетъ предшествующія n, l, n, t, s, z: ňemal, ňech, lem, bodzece.

4) Вм. e иногда o, a, i: ćolo, ćomu, većar, pirko, macir.

5) Пра-слав. ъ = e (не смягчающ. предш. согласн.) и o: vjeter, veper, švedek, ložka, zomreti, vo vojni, mohol, hlopom.

6) Вм. пра-слав. ь только e (мягчительное): dzeň, cemni.

7) Старо-слав. ѧ соотвѣтств. е въ краткихъ слогахъ и а (ja послѣ губныхъ) въ долгихъ: me, ce, śe, cel'e, mesar, sveto, strasol, poradek, meśac, poćalo, pjati, vidza, zvoňa; иногда вм. ѧ—ej: pejc, pejsc; вм. старо-слав. ѫ только u: vezmu, budu, ruka, rybu, koscu (твор. п.).

8) Пра-слав. ѣ соотвѣт. i, иногда e, a: dzifka, hrich, vira, śnich, hl'ep, mech, celo, cali, calovac, mal, dźat; (ср. польск. cali, calować, mial, dziad).

9) Вм. долгаго ō слышится краткое u: hura, stul, muj (это слѣдъ прежней долготы).

10) Вм. ra, la иногда ro, lo (такъ въ польск. яз.): mladi, ňevracil, smrod, hlop.

11) гласные r, l вполнѣ вокализуются въ ar, er, la, ol, il, li: ćarni, umarti, tarch, zarno, smerc, verch, kerst, dluho, jabluko, polno, vilk, blicha.

12) Y не различается отъ i: bohati, každi.

13) Иногда u вм. o: un, nus; u вм. y: buł.

14) Твердое l звучитъ какъ польское ł: kobuła.

15) Каждое ť мѣняется въ c, ď — въ dz: bodac, ocec, cepli, sce, dzedzina, medz, idzeš, dzvere.

16) Вм. ch обыкновенно h: hodzic, halupa; ch удерживается въ мѣстн. назв., иностранныхъ словахъ и на концѣ словъ: Vlachy, richtor, ach, duch, ženoch; g очень рѣдко: glupi, galgan.

17) S и z передъ узкими гласными звучатъ мягко ś, ź: huś, myśel, dňeś, śedlo, nośic, pśik (во множ. ч. psí); ś слышно и передъ мягкими согласными (какъ въ польскомъ яз.): śmjali, śpi, śnich; źeleni, źima, peňeźi, vźala, иногда hroźni; c не смягчается: cera, dvacec; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Дѣлаво) вм. ś, ź слышно š, ž: še, viši, ňevžala, v peňežoch; на концѣ словъ иногда c вм. dz: ic, icže, poc (podz) buc.

18) Вм. č обыкновенно слышится ć: ćerveni, ćerti, oći, ćeho, ćas, dzievćatki; но иногда и č (Гнильца): čo, čas, človek; š, ž удерживаются: l'epši, žena; въ польскихъ говорахъ (мазурскихъ) вм. č, ž, š обыкновенно c, z, s.

19) Имен. п. множ. ч. основъ на -o муж. р. -i, -ove, -e: hlopi, panove, pisare; род.-мѣстн. пп. -och: hlopoch; такъ и жен. р. ženoch; твор. п. -ami: hlopami.

20) Мѣстоимен. притяж.—mojo, našo (имен.-вин. п. ср. р. един. и множ. ч.).

21) Въ описательныхъ формахъ сущ. глаголъ часто опускается: ja pošol, ti pošol, mi pošl'i.

22) 1-е л. мн. ч. на -ma, -mo (Спишъ): trhama, hodzima, lecimo; 3 л. мн. ч. -om: dadzom. Ср. Slovenské Pohl'ady, XIII (1893) 428—434; XIV, 255.

Въ *земплинскомъ* говорѣ, сверхъ того, наблюдаются слѣдующія особенности: 1) вставное j передъ свистящими: majc (mať) majceri, hojscina; 2) e вм. i: robeć, zrodzel, stracel; 3) bym вм. bych.

Въ *гуменскомъ* говорѣ (ок. мѣстечка Снинъ) вм. co слышно so, откуда жители, пользующіеся этимъ говоромъ слывутъ подъ именемъ *Сотаковъ*.

Граница между восточно-словацкими и малорусскими говорами даже приблизительно не опредѣлена. Ср. А. И. Соболевскаго, Очеркъ русской діалектологіи, Живая Старина, 1892, IV, 3 и Slovenské Pohl'ady, XVI (1896) 125—126.

Образцы восточнаго нарѣчія (Dušek., Národopisná Výstava, 94).

I. Chodzili šme na šłub
ale nam nedali,
bo našo mladzatá
modlic še nežnaly (Шаришск. ком.).

II. Ani dražku ňeznam,
ani keho pytac
volel ja dzevčátko
o cebe néslychac (Спишъ).

III. Bolí mene holovenka,
bolí mene duže,
haj dali me za takoho
što varišky strúže (Земплинъ).

Польско-Словацкіе говоры.

Въ сѣверной части тренчинскаго (около Чадца) и оравскаго (ок. амѣстова) комитатовъ находится нѣсколько польскихъ селъ, жители оторыхъ говорятъ смѣшаннымъ польско-словацкимъ нарѣчіемъ, въ которомъ, однако, элементы польскаго языка преобладаютъ. А. Шембера очно перечисляетъ эти села, а именно: въ тренчанскомъ — кромѣ адцы—Горѣлица, Оштедница, Скалите, Черное, Сверчиновесъ (Svrči-

noves), Заводье, Ракова, Сташковъ, Олешна, Подвысока, Турзовка, Кысова и Маковъ; въ оравскомъ—Полгора, Рабча, Рабчица, Сичельно, Мутно, Веселое, Новота, Закаменное, Ердёдце, Подвалка, Гарказуза, Сарное, Буковина, Подскла, Пекельникъ, Яблонце, Оравца, Зубрица, Дальняя и Горняя Липница, Дольнее и Горнее Хыжно, Сухая Гора, Гладовецъ. Сюда же нужно отнести нѣкоторыя поселенія въ гемерскомъ комитатѣ (напр. Погорѣлу) и въ сѣверо-западномъ углу спишскаго комитата (Ср. Шембера, Dialekt., 79; Slovenské Pohl'ady, XIII, 244; XIV, 746 и статью Юр. Поливки въ журн. Listy filologické, XIII (1885) 463).

Главныя особенности польско-словацкихъ говоровъ:

1) Слѣды носовыхъ гласныхъ **om** вм. польск. **ą**, **on** вм. польск. **ę**: šedzom, pijom (3 л. мн. ч.), kurcontka; 2) **o** вм. **a**: jo, zomek; 3) **e** вм. **i**, **ý** = scodre, zeto; 4) **g** вм. **h** и **h** вм. **ch**: gluche, hleb; 5) шипящее **rz**epa, p**rz**idom; 6) **z** вм. **ž**: zeto, zalujom и на-оборотъ: **ž**cm; 7) **č** вм. **ť**, **c**: pisač, čiasto (тѣсто) и на-оборотъ **c** вм. **č**: cudne (čudný); 8) **š** вм. **s**: šmierć, jo šedzim, šumšod (сосѣдъ); 9) въ 1 л. множ. ч. иногда **-mo**: lecimo, šijemo; 10) удареніе то на первомъ, то на предпослѣднемъ слогѣ.

Образецъ польско-словацкихъ говоровъ:

Zli hlopi od rania v karcmie šedzom, gorolke pijom a kie pridom du domu, robiom krzik, tlucom baby i dzieći, a co pochycom, psujom, l'ecom hevok i tamok a dogadujom šie. Ciche baby šedzom v izbie na pokoju a zvadlive krzicom a hlopom dokacajom a v spol'stvie šie kamoskom zalujom. Oh! moje mile kurcontka tak šie zlenkli tego pijaka kie przišel du domu a jo vierzciemi już dobrze niezginem od žalu i cierpenia (Шембера, 80).

Дополненіе. Къ сочиненіямъ по словацкому языку, указаннымъ на стр. 224 и 226, нужно прибавить еще одинъ цѣнный трудъ Цамбеля (Czambel), полученный нами уже во время печатанія настоящаго отдѣла книги. Это— Slovenský pravopis, Historicko-kritický nákres. V Budapešti, 1890. Первыя главы книги содержатъ весьма важныя данныя и соображенія по исторіи словацкаго языка и письма.

VI. ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изученіе польскаго языка.

Самые ранніе начатки польскаго языкознанія, сколько извѣстно доселѣ, восходятъ къ XV ст. Около 1440 г. ректоръ краковскаго университета, каѳедральный каноникъ Яковъ Паркошъ († 1455) составилъ книжку „о польской орѳографіи“[1]), въ которой между прочимъ касается нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей польскаго языка. Вопросомъ о правописаніи занимались многіе и въ XVI в., напр. Станиславъ Заборовскій (издавшій въ 1518 г. сочиненіе о правописаніи, выдержавшее шесть изданій), Секлуціанъ, знаменитый поэтъ Я. Кохановскій и публицистъ Лукашъ Гурницкій. Но первая польская грамматика была напечатана только въ 1568 г. въ Краковѣ. Авторомъ ея былъ французъ Петръ Статоріушъ или Стоенскій. Грамматика эта составлена по образцу латинской. Изданіе перваго польскаго словаря относится только къ нач. XVII ст. Это былъ трудъ іезуита Григ. Кнапскаго († 1638) — Thesaurus Polonolatinograecus (Краковъ, 1621—1632), въ трехъ частяхъ, изъ которыхъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ польскія пословицы съ объясненіями. Латино-польскіе словари извѣстны уже изъ XV в. Въ XVII ст. и нач. XVIII ст. число занимающихся польскимъ языкомъ увеличивается; большею частью это были иностранцы, не понимавшіе ни духа, ни свойствъ польскаго языка и составлявшіе свои грамматики и словари по схемамъ латинскаго языка. Лучшіе труды этого рода принадлежатъ Фр. Менинскому, М. До-

---

[1]) Она издана Бандтке подъ заглавіемъ: Jacobi Parcossii de Żorawice antiquissimus de Orthographia polonica libellus (Познань, 1830).

брацкому, К. Ширвиду и Абр. Троцу (Trotz). Въ XVIII ст. начинаются болѣе или менѣе дѣятельныя заботы объ очищеніи польскаго языка отъ макаронизмовъ, что̀ вызываетъ появленіе болѣе дѣльныхъ сочиненій по языку; большею частью они издаются уже по-польски. Такъ въ 1758 г. напечатана въ Варшавѣ переведенная съ латинскаго работа Фр. Богомольца (Bohomolec), Rozmowa o języku polskim. Въ 1777 г. Ст. Клечевскій издалъ книжку „O początku, dawnosci, odmianach i wydoskonaleniu języka polskiego" (Львовъ), въ 1766 г., Мих. Дудзинскій (Dudziński)—Zbiór rzeczy potrzebniejszych do wydoskonalenia się w ojczystym języku służących (Вильно). Игн. Влодекъ—Słownik polski dawny, czyli zebranie słów dawnych zaniedbanych polskich z ich tłómaczeniem (въ дополненіи къ сочиненію „O naukach wyzwolonych"). Наконецъ въ 1770 г. вышла лучшая въ сравненіи съ предшествующими, но все еще построенная по латинской схемѣ польская грамматика Вал. Шилярскаго (Początki nauk dlä narodowey młodzieży, to jest grammatyka języka polskiego, we Lwowie). Первыми болѣе глубокими изслѣдователями польскаго языка, положившими первые камни въ основаніе научнаго его изученія были трое видныхъ ученыхъ к. XVIII и нач. XIX ст.: О. Копчинскій, С. Б. Линде и І. Мрозинскій.

Онуфрій Копчинскій (1735—1817), ученый піаристъ, извѣстный педагогъ и дѣятель по народному образованію, съ любовью занялся изученіемъ роднаго языка, при чемъ съумѣлъ понять его духъ и особенности, насколько позволяло современное состояніе филологіи. Начавъ съ изданія школьной грамматики (1768), онъ написалъ рядъ монографій, раскрывавшихъ его взгляды на польскій языкъ, и, наконецъ, составилъ научную систематическую грамматику, вышедшую въ свѣтъ уже послѣ его смерти (Grammatyka języka polskiego. Warszawa, 1817). Слѣдуя старой манерѣ, онъ еще сопоставляетъ польскій языкъ съ латинскимъ, очевидно имѣя въ виду широкое распространеніе въ современномъ обществѣ латинскаго языка, но уже не подводитъ явленія роднаго языка подъ готовыя рамки латинской грамматики, а углубляется въ языкъ, старается вывести изъ него самого дѣйствующіе въ немъ законы. Раздѣливъ грамматику на три части (1, звукословіе и флексія; 2, этимологія и синтаксисъ и 3, правописаніе) онъ строитъ свою систему, которая съ современной точки зрѣнія правда представляетъ не мало погрѣшностей, но за то во всякомъ

случаѣ отличалась самостоятельностью и была первымъ шагомъ по пути правильнаго изученія языка. По богатству новыхъ мыслей о польскомъ языкѣ особенно важны слѣдующія работы Копчинскаго: 1) O duchu języka polskiego (1804); 2) Treść grammatyki polskiéj (Wilno, 1806); 3) Poprawa błędów w ustnéj i pisanéj mowie polskiej (Warszawa, 1808).

Самуилъ Богумилъ Линде (1771—1847), замѣчательный филологъ, извѣстенъ своимъ монументальнымъ словаремъ польскаго языка (Słownik języka polskiego, 6 огромныхъ томовъ in 4°, 1807—1814). Этотъ обширный трудъ, выполненный съ полнымъ знаніемъ дѣла, доставилъ своему автору почетъ и уваженіе не только среди роднаго народа, но вообще въ ученомъ мірѣ. Въ словарѣ Линде даны результаты самостоятельнаго, глубокаго и всесторонняго изученія языка. Польскія слова здѣсь сопоставляются со словами всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, но сверхъ того дѣлаются ссылки и на другіе, неславянскіе языки. Воспроизводится главнѣйше книжный языкъ, при чемъ привлеченъ обширный матеріалъ изъ старой литературы. При послѣднемъ томѣ приложена характеристика польскаго языка. Въ послѣдніе годы жизни Линде подготовлялъ матеріалы для сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ. Матеріалы эти отчасти были приняты во вниманіе во второмъ изданіи словаря, которое вышло во Львовѣ въ 1854—60 г. подъ редакціей Авг. Бѣлевскаго. Словарь Линде имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе научныхъ наблюденій надъ польскимъ языкомъ. По богатству матеріала и широтѣ поставленныхъ въ немъ задачъ, онъ и теперь остается явленіемъ единичнымъ и не утратилъ своего значенія, хотя конечно многое въ немъ, особенно въ сравнительной части, требуетъ существенныхъ исправленій и дополненій[1]).

Іосифъ Мрозинскій (1784—1839) въ своемъ оригинальномъ трудѣ Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego (Warszawa, 1822) первый изъ грамматиковъ совершенно отдѣлилъ польскій языкъ отъ латинскаго и обосновалъ изученіе его исключительно на родной славянской почвѣ. Онъ же первый обратилъ особое вниманіе на фонетику польскаго языка, опредѣливъ важное ея значеніе въ грамматикѣ.

---

[1]) Біографію С. Линде, написанную Ав. Бѣлевскимъ см. въ I т. 2-го изданія „Słownika“.

Онъ далъ впервые систематическое ученіе о звукахъ польскаго языка, установилъ классификацію ихъ съ физіологической точки зрѣнія, опредѣлилъ различіе между твердыми и мягкими согласными. При объясненіи грамматическихъ формъ онъ отправляется отъ звуковыхъ законовъ языка. Кромѣ изданія указаннаго грамматическаго труда Мрозинскій извѣстенъ тѣмъ, что принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ варшавскаго „Общества друзей наукъ" (Towarzystwo Przyjaciół Nauk) по выработкѣ новаго правописанія. Взгляды Мрозинскаго нашли не мало послѣдователей. Первымъ изъ нихъ былъ I. Мучковскій (1795—1858), грамматика котораго (изд. 1825 г. въ Познани) пользовалась большею популярностью (2-е изд. въ Краковѣ 1836 г., 3-е изд. въ Петербургѣ въ 1860 г.); за нимъ слѣдовали Цегельскій, Кургановичъ и др. Съ 30-хъ годовъ число грамматикъ польскаго языка быстро умножается, къ началу 60-хъ годовъ ихъ насчитываютъ уже до пятидесяти[1]). Всѣ онѣ, однако, въ большей или меньшей степени построены по одному шаблону, преслѣдуютъ практическія цѣли и имѣютъ очень малое значеніе въ исторіи научной разработки языка.

Новое, строго-научное направленіе въ изученіи родного языка появляется у Поляковъ не ранѣе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Оно возникаетъ, какъ вездѣ у Славянъ, подъ вліяніемъ успѣховъ науки о языкѣ на Западѣ и выражается главнѣйше въ примѣненіи въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ методовъ историческаго и сравнительнаго. Польскіе филологи начинаютъ заниматься исторіей языка, стараются прослѣдить по памятникамъ постепенное развитіе нормъ языка, при объясненіи его свойствъ и особенностей обращаются къ сравненіямъ и сопоставленіямъ съ родственными языками. Позднѣе къ изслѣдованіямъ историко-сравнительнаго характера присоединяются болѣе или менѣе точныя наблюденія надъ живыми народными говорами. Первый опытъ характеристики польскаго языка съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія собственно относится еще къ 1846 г., но онъ явился за предѣлами польской территоріи и на чужомъ языкѣ. Это была Grammatik der polnischen Sprache (Berlin) датчанина К. В. Смита (Smith), профессора славянской литературы въ Копенгагенскомъ университетѣ. Этотъ цѣнный для своего времени трудъ, осно-

[1]) Ср. статью Плебанскаго, Grammatyka i grammatycy въ „Encyklop. Powszechnej" t. X.

ванный на началахъ сравнительной грамматики Боппа, позже сталъ извѣстенъ и въ польской литературѣ. По нему Г. Сухецкій (1811—1872) профессоръ пражскаго, а потомъ краковскаго университетовъ составилъ свой Przegląd form grammatycznych języka staropolskiego (Wypisy polskie dla szkół gimnazyalnych. Lwów, 1857, t. I[1]). Тотъ же Сухецкій, издавшій нѣсколько школьныхъ грамматикъ, извѣстенъ еще двумя позднѣйшими работами, въ которыхъ выразился поворотъ къ новому направленію: а) Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem historycznym porównawczym w zakresie indo-europejskim i w okręgu Słowiańszczyzny (Praga, 1863) и б) Zagadnienia z zakresu języka polskiego, wywodem historycznym i filologicznym rożjaśnione (Kraków, 1871) Но самое видное мѣсто въ ряду первыхъ начинателей и представителей новаго направленія въ польской филологіи занимаютъ два почтенныхъ изслѣдователя—Ант. Малэцкій и Фр. Кс. Малиновскій.

Антоній Малэцкій (Małecki, р. 1821 г.), бывшій проф. Львовскаго университета, а затѣмъ членъ Краковской Академіи Наукъ, принялъ на себя рѣшеніе задачи, предложенной еще въ 1845 г. земскими чинами Галиціи, — составить хорошую грамматику польскаго языка. За это дѣло онъ взялся уже обладая прекрасной филологической подготовкой, пріобрѣтенной частью въ годы ученія въ Берлинскомъ университетѣ, частью позднѣйшимъ изученіемъ трудовъ Боппа, Потта, Гримма, Шлейхера и другихъ крупныхъ представителей научной лингвистики на Западѣ. Результатомъ его трудовъ была извѣстная Gramatyka języka polskiego większa (Lwów, 1863, xxııı+427), представлявшая собою первую въ полномъ смыслѣ слова научную стройную систему польскаго языка. Книга состоитъ изъ шести частей: 1) фонетика, 2) морфологія, 3) этимологія (ученіе объ основахъ), 4) неизмѣняемыя части слова, 5) синтаксисъ, 6) правописаніе. Всѣ части обработаны одинаково стройно и согласно съ требованіями науки о языкѣ, какой она представлялась въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ своемъ изложеніи авторъ опирается на исторіи языка, обращается къ сопоставленіямъ съ родственными языками, главнѣйше со старо-славянскимъ, и руководится общими началами сравнительной грамматики, на сколько это позволяло тогдашнее состояніе фактическихъ свѣдѣній о поль-

[1]) Подробный разборъ грамматики Смита составилъ, между прочимъ Фр Кс. Малиновскій во II т. Roczników Towarzystwa przyjaciów Nauk w Poznani.

скомъ языкѣ. Въ первыхъ трехъ частяхъ главнымъ руководителемъ его служитъ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ Миклошича, синтаксисъ же обработанъ имъ вполнѣ самостоятельно. Та же грамматика и въ томъ-же году вышла въ сокращеніи, назначенномъ для среднихъ школъ (Gramatyka języka polskiego mniejsza); она получила широкое распространеніе и выдержала шесть изданій (6-е изд. 1882). Продолжая свои занятія сравнительнымъ языкознаніемъ, А. Малэцкій углубился въ самостоятельное изученіе литовскаго, санскритскаго и ряда другихъ индоевропейскихъ языковъ и задался цѣлью на почвѣ этого изученія заново переработать свою грамматику. Такъ въ 1879 г. явился во Львовѣ большой двухтомный трудъ Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. Къ сожалѣнію эта огромная работа вышла вполнѣ неудачной. Авторъ, весьма осторожный въ первой своей грамматикѣ, въ новой ея переработкѣ, весьма запутанной, обнаружилъ необыкновенную смѣлость и свободу въ толкованіяхъ и выводахъ. Онъ возсталъ противъ многихъ, болѣе или менѣе общепризнанныхъ положеній какъ славянскаго, такъ сравнительнаго индоевропейскаго языкознанія, и вмѣсто нихъ выставилъ длинный рядъ малообоснованныхъ и невѣроятныхъ гипотезъ и объясненій, скорѣе затемнявшихъ, чѣмъ освѣщавшихъ пониманіе характерныхъ особенностей польскаго языка по сравненію съ родственными языками[1]). Главное значеніе этого труда А. Малэцкаго заключается въ томъ, что онъ возбуждая новые лингвистическіе вопросы, давая имъ смѣлое рѣшеніе, вызывавшее критику, тѣмъ самымъ содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію изученій польскаго языка въ историко-сравнительномъ направленіи. Кромѣ составленія указанныхъ грамматическихъ сочиненій, и ряда работъ по классической филологіи, А. Малэцкій извѣстенъ полемикой съ Кс. Малиновскимъ по вопросамъ правописанія и изслѣдованіемъ о природѣ согласнаго j. Наконецъ ему принадлежитъ большая заслуга критическаго изданія Библіи королевы Софіи (такъ-наз. Шарошпатацкои Библіи), драгоцѣннаго памятника древне-польскаго языка.

Франтишекъ Ксаверій Малиновскій (познанскій пробстъ 1807—1881) замѣчательный лингвистъ-самоучка, самостоятельно изу-

---

[1]) Ср. важнѣйшія рецензіи на этотъ трудъ — 1) Неринга въ Arch. f. slav. Phil. B. V (1881) 123—48; 2) А. Крынскаго въ Biblioth. Warszawska, 1880; 3) I. А....скаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, мартъ.

чившій огромное количество языковъ съ цѣлью примѣненія сравнительнаго метода къ объясненію своего родного языка, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій работалъ надъ большимъ трудомъ, который, къ сожалѣнію, былъ изданъ лишъ на закатѣ его дней. Это была — Krytyczno-porównawcza gramatyka języka polskiego (Poznań, 1870, 662 стр.)—работа во многихъ отношеніяхъ выдающаяся. Теорія польскаго языка построена въ ней на широкой сравнительной основѣ. Авторъ не ограничивается сопоставленіями въ области родныхъ славянскихъ языковъ, особенно старо-славянскаго, но обращается за справками и сближеніями къ санскритскому, литовскому, готскому и др. При этомъ масса экскурсовъ въ сторону, въ область сравнительной грамматики. Наиболѣе глубоко обработана фонетика и система спряженія. Въ отдѣлѣ правописанія авторъ предлагаетъ много реформъ и, между прочимъ, вводитъ свою систему графики, по которой каждый звукъ обозначается своимъ знакомъ. Грамматика Фр. Малиновскаго любопытна по своему построенію, по богатству и глубинѣ отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній, но въ цѣломъ она представлялась нѣсколько устарѣлой уже въ моментъ своего выхода въ свѣтъ. Дѣло въ томъ, что по болѣзни глазъ авторъ не могъ слѣдить за новѣйшей литературой предмета. Отсюда въ его трудѣ отражается состояніе лингвистики едва 50-хъ, и никакъ не 60-хъ годовъ. Даже такое сочиненіе какъ „Compendium“ Шлейхера осталось ему неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе о широтѣ кругозора и массѣ лингвистическихъ познаній почтеннаго ученаго свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ другихъ его работъ. Такъ въ 1872 г. вышла его Gramatyka sanskritu, porównanégo z językiem starosłowiańskim i polskim na podstawie sanskryckiej gramatyki Fr. Boppa. Сверхъ того остались въ рукописяхъ: практическая польская грамматика, грамматика литовскаго языка, грамматика малорусскаго языка, грамматика армянскаго языка, словарь литовскаго языка и корнесловъ славянскихъ языковъ. Наконецъ Малиновскому принадлежитъ рядъ критическихъ статей и этюдовъ о правописаніи [1]).

Труды А. Малэцкаго и Фр. Кс. Малиновскаго несомнѣнно оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе польскаго языкознанія и, между прочимъ, узаконили для мѣстныхъ ученыхъ необходимость

[1]) Ср. разборъ грамматики Малиновскаго, напечатанный проф. Бодуэномъ де Куртенэ въ Варшавѣ журн. Niwa, 1875.

примѣненія къ изученію польскаго языка новаго критическаго метода, выработаннаго наукой о языкѣ на Западѣ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ число польскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ роднаго языка согласно требованіямъ новаго направленія постоянно увеличивается. При этомъ составленіе новыхъ полныхъ грамматикъ отодвигается на задній планъ и вниманіе обращается главнымъ образомъ на частныя стороны изученія языка: критическое изданіе и изслѣдованіе важнѣйшихъ памятниковъ языка, монографическое изученіе отдѣльныхъ грамматическихъ явленій и вопросовъ, собираніе образцовъ народныхъ говоровъ и т. д. Во главѣ этого научнаго движенія стоитъ (1872 г.) Краковская Академія Наукъ, при которой существуетъ особое отдѣленіе (Komisyja językowa), вѣдающее разработку родного языка. Матеріаламъ и изслѣдованіямъ по языку посвящены три періодическія изданія Академіи: 1) Rozprawy wydziału filologicznego; 2) Sprawozdania komisyi językowéj и 3) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Сверхъ того съ 1885 г., въ Варшавѣ издается Бодуэномъ де Куртенэ, Карловичемъ, Крынскимъ и Л. Малиновскимъ повременникъ Prace filologiczne. Около этихъ изданій и сосредоточивается почти вся научная производительность Поляковъ въ области изученія роднаго языка.

Наиболѣе видными представителями польскаго языкознанія въ новое время являются Л. Малиновскій, І. Ганушъ, І. Бодуэнъ де Куртенэ, Брикнеръ, Нерингъ, Калина, Крынскій, Карловичъ, Быстронь и др.

Лукіанъ Малиновскій, профессоръ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ, извѣстенъ рядомъ прекрасныхъ работъ въ различныхъ областяхъ польскаго языкознанія. Ему принадлежатъ: 1) критическое изданіе нѣкоторыхъ новооткрытыхъ памятниковъ языка (Modlitwa Waclawa, Kazania Jana z Szamotul, Kazanie na dzień wszech świętych XV w., Glossy polskie XV w. и т. п.); 2) цѣнныя наблюденія надъ народными говорами (Ueber die Oppelnsche Mundart, 1873; Studyja szląskie, 1882; Głoski nosowe we wsi Kasinie; O niektórych wyrazach ludowych polskich, 1893); 3) изслѣдованія въ области этимологіи, особенно такъ называемой народной этимологіи (Drobiazgi gramatyczne, Studyja nad etymologiją ludową и др.); 4) многочисленныя статьи и замѣтки по частнымъ грамматическимъ вопросамъ, по исторіи языка и пр. Л. Малиновскій въ своихъ работахъ удачно соединяетъ два направленія историко-сравнительное и ново-грамматическое или психологическое. Между прочимъ весьма цѣнны его изы-

сканія по вопросамъ о вліяніи литовскаго яз. на польскій, и румынскаго и мадьярскаго на говоры карпатскихъ горалей, о слѣдахъ мазурскаго нарѣчія въ языкѣ Фр. Богомольца (XVIII ст.) и др. Какъ членъ Краковской Академіи, Л. Малиновскій принимаетъ самое живое участіе во всѣхъ трудахъ и періодическихъ изданіяхъ филологическаго отдѣленія и состоитъ дѣятельнымъ соиздателемъ и сотрудникомъ варшавскаго филологическаго журнала „Prace filologiczne". Какъ даровитый профессоръ, онъ имѣетъ огромное вліяніе на слушателей и создалъ цѣлую школу прекрасныхъ филологовъ.

Янъ Ганушъ (1858—1887), одинъ изъ выдающихся учениковъ Л. Малиновскаго, широко-образованный филологъ, прекрасный знатокъ славянскихъ языковъ и сравнительнаго языкознанія, не смотря на свою кратковременную разностороннюю ученую дѣятельность, прерванную неожиданною смертью, успѣлъ оказать большія услуги научной разработкѣ роднаго языка. Важнѣйшіе его труды посвящены исторіи языка, преимущественнаго склоненія, отчасти фонетики: Materyjały do historyi form deklinacyjnych w języku staropolskim (1880—1881), Zur Statistik der Deklinationsformen im Altpolnischen (1882), O książce do nabożeństwa króla Zygmunta I, O książce do nabozeństwa królowéj Maryi Kazimiery i córki jej Teresy Kunegundy (1884), Wykaz form przypadkowych w książeczce Nawojki, Wykaz form przypadkowych zawartych w kilku mniejszych zabytkach języka polskiego z wieku XV (1884), O pisovni i wokalizmie zabytków języka polskiego w księgach sądowych Krakowskich z wieków XIV—XVI (1886), Ślady niektórych odcieni dyjalektycznych w kazaniach gnieznieńskich z r. 1419 (1880), O wpływie jezyków wschodnich na slownik języka polskiego (1886). Все это работы образцовыя. Глубоко войдя въ изученіе сравнительнаго языкознанія подъ руководствомъ выдающихся представителей этой науки на Западѣ и успѣвъ написать нѣсколько изслѣдованій о другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ[1]) (напр. о санскритѣ, о литовско-славянской эпохѣ, объ языкѣ польскихъ Ар-

[1]) Отмѣчаемъ эти изслѣдованія: 1) Ueber das allmälige Umsichgreifen der. n- Declination im Altindischen. Wien, 1885 (Sitz.-Ber. Wien. Akad. phil.-hist. Cl. CX); 2) Kilka słów o sanskrycie (Przegląd polski, 1884; 3) O jazyku maloruském (Slovanský Sbornik, 1883); 4) Ueber die Betonung der Substantiv im kleinrussischen (Arch. f. slav. Phil., VII (1883); 5) Szkic gramatyczny na podstawie języków indoeuropejskich (Prace filologiczne, I, II); 6) O języku Ormian polskich (Rozprawy, XI).

мянъ, о малорусскомъ языкѣ и пр.). Ганушъ постоянно проводилъ мысль о необходимости для изслѣдователей исторіи польскаго языка справляться съ основными положеніями новѣйшей грамматики индо-европейскихъ языковъ (ср. особенно его рефератъ на историко-литературномъ съѣздѣ имени Кохановскаго, въ Краковѣ, 1884 г.— O ileby należało uwzględnić nowsze teoryje gramatyki indoewropejskiéj przy badaniu historyi języka polskiego въ изд. „Scriptores rerum polonicarum“. Kraków, 1884). Многочисленныя критическія статьи его о всѣхъ новѣйшихъ трудахъ по славянскому и индо-европейскому языкознанію также много содѣйствовали поднятію общаго уровня научныхъ розысканій въ области польскаго языка [1]).

И. Бодуэнъ де Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay), бывшій профессоръ казанскаго и дерптскаго университетовъ, а въ настоящее время — краковскаго университета, давно уже пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность многочисленными трудами по сравнительному языкознанію. Онъ принадлежитъ къ числу видныхъ представителей ново-грамматическаго или психологическаго направленія, которое отстаиваетъ въ русской и польской филологической литературѣ. Въ кругъ своихъ изслѣдованій онъ вводитъ всѣ славянскіе языки и въ томъ числѣ свой родной польскій. Первыя его работы и были посвящены преимущественно польскому языку и имѣютъ важное значеніе въ наукѣ. Таковы его диссертація на русскомъ языкѣ „О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія“ (Лейпцигъ, 1870) и мелкія статьи въ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung за 1868. Проф. Бодуэнъ состоитъ соиздателемъ журнала Prace filologiczne.

Антоній Калина, профессоръ львовскаго университета, предпринялъ изданіе „Исторіи польскаго языка“, которое къ сожалѣнію остановилось на первомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ грамматическія формы польскаго языка до конца XVIII в. (Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku. Lwów, 1883, xxvii + 490). Трудъ этотъ, не смотря на указанные критикой [2]) недостатки, нужно считать весьма цѣннымъ; отдѣлъ склоненія можетъ быть дополненъ на основаніи изслѣдованій Гануша, по исторіи же спряженія послѣ

[1]) Ср. статью Ад. Ант. Крынскаго, Jan Hanusz i jego prace. Prace filologiczne II, 818.

[2]) Ср. критическіе разборы Гануша въ журн. Ateneum, 1884, II, 191 и А. Брикнера въ Arch. für slav. Philol., VIII (1885) 291.

книги Калины ничего существенно важнаго пока не появлялось. Кромѣ того г. Калинѣ принадлежатъ: 1) меньшія изслѣдованія по исторіи языка (O liczebnikach w języku staropolskiém, jako przyczynek do historyji języka polskiego, Ueber die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern; 2) критическое изданіе нѣсколькихъ памятниковъ древняго польскаго языка (Anecdota palaeopolonica, Artikuły prawa magdeburskiego z rękopismu okolo roku 1500, Prostych ludzi w wierze nauka (XVI ст.), Komedyja o męsopuscie и 3) крупныя работы въ другихъ областяхъ славянской филологіи, напр. Studyja nad historyją języka bułgarskiego, Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiéj и др.

Владиславъ Нёрингъ, профессоръ бреславскаго университета, извѣстенъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ вопроса о вліяніи древне-чешскаго яз. и литературы на древне-польскую письменность (древн. пѣснь Богородица, Флоріанская Псалтырь, Пулавская Псалтырь, Софійская Библія. Arch. f. slav. Phil., B. I—VI) и рядомъ мелкихъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ журн. Arch. f. slav. Phil. и Prace filologiczne (Das Wort **kry**, **krew** im Altpolnischen, O wyrazach z wątłą samogłoską obok **r**, **l**). Сверхъ того онъ издалъ систематическій обзоръ памятниковъ древне-польскаго языка, съ приложеніемъ текстовъ (Altpolnische Sprachdenkmäler. Berlin, 1887) и обработалъ школьную грамматику Поплинскаго (Popliński's Grammatik der polnischen Sprache, 7-е изд. 1881).

А. Брикнеръ, профессоръ славистики въ берлинскомъ университетѣ, принимающій живое участіе въ разработкѣ многихъ любопытныхъ вопросовъ славянской филологіи, между прочимъ занимается изданіемъ и объясненіемъ памятниковъ древняго польскаго языка (Kazania swiętokrzyskie, Glossy wroclawskie, Pierwszy wiersz polski, Z rękopisów Petersburgskich и др.). Онъ состоитъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала акад. Ягича Archiv f. slavische Philologie, въ которомъ ведетъ критико-библіографическій отдѣлъ Polonica.

Адамъ Антоній Крынскій издалъ по русски еще въ 1870 г. хорошую работу „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ", въ которой отведено значительное мѣсто польскому языку. Сосредоточивъ свои занятія на родномъ языкѣ, онъ работаетъ съ успѣхомъ какъ въ области діалектологіи (Gwara Zakopańska), такъ по исторіи языка (O aoriście w języku polskim, Z historyi wyrazów, изданія памятниковъ—

Zywot ś. Eufraksyi, Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 и др.). Въ качествѣ одного изъ издателей журн. Prace filologiczne, онъ принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе, особенно въ критико-библіографическомъ отдѣлѣ.

Я. Лецѣевскій особенно извѣстенъ двумя цѣнными монографіями по исторіи языка: 1) объ языкѣ польской части Флоріанской псалтыри (Die Sprache des polnischen Theiles des Florianer Psalters. 1883—1884) и 2) О звуковомъ значеніи носовыхъ гласныхъ въ древне-польскомъ языкѣ. Сверхъ того ему принадлежатъ любопытныя наблюденія по діалектологіи (Gwara Miejskiéj górki i okolicy).

Я. Быстроню (Bystroń) принадлежитъ (кромѣ меньшихъ статей) этюдъ объ одномъ изъ силезкихъ говоровъ (O mowie polskiéj w dorzeczu Stonawki i Łucyny w księżstwie Cieszyńskim), прекрасныя работы по исторіи польскаго языка, изъ которыхъ одна по синтаксису (O użyciu genetiwu w języku polskim, Przyczynek do historyji języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi czerskiej), критическія изданія памятниковъ и проч.

Затѣмъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ родного языка въ томъ или другомъ отношеніи принимали или принимаютъ: Я. Карловичъ (преимущественно словарныя работы, наблюденія надъ народною рѣчью), Я. Лось (пр.-доц. петербургскаго университета—работы по діалектологіи, о долгихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ до XVI в.), Ст. Льв. Пташицкій (пр.-доц. петербургскаго университета — изд. произведеній Рея изъ Нагловицъ), К. Аппель (о говорахъ польскаго яз., замѣтки о древне-польскомъ яз.), С. Матусякъ (Gvara Lasowska), Б. Шомекъ (статьи по исторіи языка). Р. Завилинскій (Gwara Brzezińska, работы по исторіи яз.), А. Семеновичъ, Г. Блатъ (о языкѣ Кохановскаго), Приборовскій (древн. памятники), Калужняцкій (исторія орѳографіи), Ст. Цышевскій (народн. этимологія), Я. Земба (Ziemba, словарн. раб.), Р. Любичъ (памятники древн. языка), О. Кольбергъ (о великопольскомъ говорѣ), Вл. Косинскій (діалектологія), А. Красновольскій (діалект.), Я. Бѣла (Biełа, діалект.), Л. Старостзицкъ (діалект.), Т. Юнгферъ (древн. памятн.), Бр. Дембовскій (діалект.), К. Матіасъ (діалект.), Вл. Сярковскій (діалект.), Я. Жлоза (діалект.), Л. Решовскій (діалект.), В. Матлаковскій (діалект.), М. Луковичъ (о языкѣ Рея), В. Гре-

горевичъ (діалект), Р. Коппенсъ (о флор. псалтыри), Р. Пилатъ (о причастіи на szy), В. Вислоцкій (древн. памятники), А. Прездецкій (древн. памятники), М. Бобовскій (древн. памятн.), Я. Резинскій (Rzeziński — древн. памятн.), Я. Рымаркевичъ (древн. памятн.), Н. Бентковскій (древн. памятн.), К. Малковскій (древн. памятники), Б. Ерепки (Erzepki—древн. памятники), Б. Улановскій (древн. памятн.), І. Шумскій (древн. памятн.), В. Серединскій (древн. памятн.), З. Глогеръ (древн. памятн., діалект.), В. Хоментовскій (древн. памятн.) и др.

Наибольшее число работъ и сообщеній новаго времени относится къ изданію и изученію древнихъ памятниковъ яз., а также къ наблюденіямъ надъ живыми говорами. Гораздо меньше чисто - грамматическихъ изслѣдованій. Еще рѣже труды болѣе общаго характера, подводящіе итоги успѣхамъ научнаго изученія языка. „Исторія грамматическихъ формъ" Ан. Калины, вышедшая въ 1883 г. была послѣднимъ крупнымъ явленіемъ этого рода. Такимъ образомъ у Поляковъ еще нѣтъ вполнѣ научной, удовлетворяющей требованіямъ современнаго языкознанія, цѣльной грамматики родного языка, въ родѣ той напримѣръ, какую получаютъ теперь Чехи въ монументальномъ трудѣ Гебауэра „Historická mluvnice jazyka českého".

Морѳологія обработана сравнительно лучше, но фонетика до сихъ поръ не была еще предметомъ систематическаго изложенія, въ которомъ были бы приняты во вниманіе какъ историческое развитіе языка, такъ его діалектическое разнообразіе. Мало разработанъ въ подробностяхъ и польскій синтаксисъ. Равнымъ образомъ чувствуется въ польской ученой литературѣ отсутствіе сочиненія общаго характера по діалектологіи, какое напр. у Чеховъ представляла еще въ 60-хъ годахъ книга Шемберы и какое въ настоящее время представляетъ „Моравская діалектологія Бартоша". Наблюденій надъ народными говорами произведено уже достаточно, но они еще не сведены въ одно, цѣлое; отсюда пока еще нѣтъ научной классификаціи польскихъ нарѣчій и говоровъ.

Много вниманія удѣляютъ польскіе филологи вопросамъ о правописаніи. Рѣдкій изъ нихъ не принималъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи этихъ вопросовъ. Споры о правописаніи ведутся и въ настоящее время, „Очеркъ исторіи польской графики и орѳографіи" составилъ Калужняцкій. Затѣмъ наиболѣе цѣнныя работы по этому от-

дѣлу принадлежатъ Фр. Малиновскому, Малэцкому, Бодуэну, Карловичу, Крынскому, Коротынскому, Мехеринскому, Богуславскому и др.

Единственнымъ научнымъ словаремъ польскаго яз. до сихъ поръ остается выше отмѣченный трудъ Линде, нуждающійся конечно во многихъ существенныхъ дополненіяхъ и поправкахъ. Вышедшій въ 1866 г. (а вторымъ изданіемъ въ 1873 г.) словарь Рыкаческаго представлялъ собой только сокращенную передѣлку словаря Линде, предназначенную для публики. Такъ-назыв. Виленскій или Оргельбрандовскій словарь (Słownik języka polskiego wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda 2 t. 1861) по числу словъ значительно превосходитъ словарь Линде[1]), но относительно внутреннихъ достоинствъ онъ не можетъ даже идти въ сравненіе со словаремъ Линде, такъ какъ совсѣмъ не удовлетворяетъ научнымъ запросамъ. Заботы о составленіи новаго большаго словаря приняла на себя Краковская Академія Наукъ. Уже два десятилѣтія собирается словарный матеріалъ и производятся подготовительныя работы. Однимъ изъ усердныхъ участниковъ въ этомъ огромномъ дѣлѣ является не разъ выше упомянутый почтенный филологъ Я. Карловичъ, которому, между причимъ, принадлежитъ обстоятельный проектъ составленія полнаго и научнаго словаря польскаго языка (Przyczynki do projektu wielkiego slownika polskiego — въ Rozpr. i spraw. Wydz. fil. Akad. umiejęt 1876, t. IV). Польско-нѣмецкіе словари изданы—Мронговіусомъ, Лукашевскимъ, Booch-Arkossy, Іорданомъ и др.; польско-французскіе—Ропелевскимъ, Миллеромъ, Гофманомъ, Дальманомъ и др.

Точное изданіе образцовъ народныхъ говоровъ началось сравнительно недавно. Наибольшее число ихъ собрано въ извѣстномъ многотомномъ этнографическомъ изданіи Оскара Кольберга „Lud", а также въ сборникѣ Краковской Академіи „Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj (18 томовъ). Сверхъ того имѣется нѣкоторое количество меньшихъ сборниковъ, содержащихъ памятники народнаго творчества изъ опредѣленныхъ мѣстностей. Наибольше заслугъ въ дѣлѣ собиранія и изданія образцовъ народной рѣчи кромѣ О. Кольберга, имѣютъ: А. Цинціата, І. Грайпертъ, Я. Карловичъ, В. Кентринскій (Kętrzynski), Вл. Косинскій, К. Козловскій,

[1]) По исчисленію Славинскаго въ немъ на 49,700 выраженій больше, чѣмъ у Линде, въ этомъ числѣ много иностранныхъ словъ.

І. Липинскій, Л. Малиновскій, С. Матусякъ, К. Матыксъ, В. Сярковскій, Л. Старостзицкъ, С. Улановская, Р. Завилинскій и др. Успѣшному развитію занятій этнографіей и въ частности діалектологіей не мало способствуютъ два прекрасныхъ журнала по фольклору—варшавская „Wisła“ и львовскій „Lud“.

Въ русской литературѣ имѣются слѣдующіе труды, посвященные изученію польскаго языка: 1) указанныя выше сочиненія польскихъ ученыхъ — Бодуэна де Куртенэ (О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ, 1870), К. Аппеля (а, Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ въ Русск. Филолог. Вѣстн. т. III, IV; б, О говорахъ польскаго языка, тамъ же т. II) и Ад Крынскаго (О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава, 1870); 2) П. Дубровскаго, Замѣчательныя слова въ Псалтыри королевы Маргариты. Спб., 1852 (Прибавленіе къ Извѣстіямъ II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. I); 3) П. А. Лавровскаго, Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго (Ученыя Записки Акад. Наукъ, 1858, IV); 4) В. В. Макушева, а) Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность (Славянскій Сборникъ. Спб., 1876, III. Ср. рецензію Ст. Л. Пташицкаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1877, май); б) Чтенія о старо-польской письменности (Русс. Филол. Вѣстн., 1879, т. I, II); 5) Грамматика польскаго языка Смита. Переводъ съ нѣмецкаго П. А. Гильтебрандта. М. 1863; 6) С. К. Булича, Окончанія польскаго склоненія именъ существительныхъ. Казань, 1885; 7) Краткая фонетика и морфологія польскаго языка. Лекціи проф. Р. Ө. Брандта. М. 1894, 50.

Практическія грамматики: 1) Я. Благодарова, Краткія правила польскаго языка. М. 1796; 2) М. Семичиновскаго, Грамматика польскаго языка. Кіевъ, 1831; 3) М. Грубецкаго, Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, 6-е изданіе. Варшава, 1891; 4) Г. Линскаго, Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб., 1892.

Польско-русскіе словари: 1) Ст. Мюллера, Словарь польско-россійскій, 3 т. Вильно, 1841; 2) Дом. Бартошевича, Словарь польско-россійскій, 2 т. Варшава, 1841—1843; 3) Фр. Потоцкаго, Словарь польскаго и русскаго языка—Słownik polskiego i rossyjskiego języka. Лейпцигъ, 1873; 4) П. Дубровскаго, Полный русско-польскій словарь. Варшава, 1878. Двѣ части.

Изъ ино-славянскихъ филологовъ, кромѣ русскихъ, наиболѣе занимались и занимаются польскимъ языкомъ Чехи. Польскія грамматики на чешскомъ языкѣ составлены В. Ганкой и въ болѣе новое время (1881) Фр. Вымазаломъ; сверхъ того нужно упомянуть труды Челяковскаго, Шафарика (Slov. Národopis), J. Коллара, I. Иречка, А. Патеры, Юр. Поливки. Изъ южно-славянскихъ ученыхъ съ большимъ вниманіемъ изучалъ польскій языкъ Миклошичъ (въ сравнительной грамматикѣ и въ другихъ трудахъ все-славянскаго характера).

На нѣмецкомъ языкѣ лучшія грамматики польскаго языка принадлежатъ Смиту, Нерингу и Вымазалу; на англійскомъ—Морфилю; на французкомъ — Копчинскому и Рыкачевскому.

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

Jacobi Parcossii de Żorawice († 1455) antiquissimus de Orthographia polonica Libellus. 1830 (Poznań) Издалъ Бандтке.

St. Zaborowski. De Orthographia polonica 1518 (6-е изд. въ 1564 г.).— Ortografia polska z łacinskiego na polski język przełożona z przydaniem uwag tłumacza, tudzież Ortografii Seklucyana i spisu biblijograficznego grammatyk i slowników polskich przez Andrzeja F. Kucharskiego w Warszawie, 1825.

Piotr Statoryuss (Stojenski). Gramatyka polska. W Krakowie, 1568.

Nowy karakter polski z drukárnie Lázárzowéy: y Orthograpia Polska: Jana Kochanowskiego, Lukasza Górnickiego, Jana Januszowskiego, 1594.

Fr. Bohomolec. Rozmowa o języku polskim. Warszawa, 1758.

St. Kleczewski. O początku, dawności, odmianach i wydoskonaleniu języka polskiego. Lwów, 1777.

Wal. Szybarski. Początki nauk dla narodowej młodzieży, to jest grammatyka języka polskiego. Lwów, 1770.

On. Kopczyński. 1) Grammatyka polsko-lacińska, 1778; 2) Grammatyka języka polskiego i łacińskiego dla szkol narodowych, 1780—1781; 3) Grammatyka języka polskiego (посмертное изданіе). Warszawa, 1817; 4) Elementarz dla szkół parafijalnych narodowych, 1784; 5) Układ grammatyki dla szkół narodowych, 1785; 6) Rozprawa o duchu języka polskiego, 1804; 7) Treść grammatyki polskiéj. Wilno, 1806; 8) Nauka o dobrem piśmie, 1807; 9) Poprawa blędów w ustnéj i pisanej mowie polskiéj, 1808; 10) Essai de grammaire polonaise pour les Français, 1806.

J. Mroziński. Pierwsze zasady gramatyki języka polskiego. Warszawa, 1822.

J. Muczkowski. Gramatyka języka polskiego. Poznań, 1825, 1836, 1849, 1860.

T. Kurhanowicz. Grammatyka języka polskiego I, 1832, 1834; II, 1843; 3-е изд. 1852. Особая переработка, 1860.

F. Żochowski. 1) Części mowy odmieniające się przez przypadki. Warszawa, 1838; 2) Mownia języka polskiego. Warszawa, 1852.

T. Sierociński. Grammatyka polska. Warszawa, I, 1839; II, 1847; 14-е изд. 1864.

J. N. Deszkiewicz. 1) Grammatyka języka polskiego. Rzeszów, 1846; 2) Rozprawy o języku polskim i jego grammatykach. Lwów, 1843.

D. E. Łazowski. 1) Grammatyka języka polskiego. Kráków, 1848 (и другія сокращенныя переработки); 2) Grammatyka języka polskiego, oparta na historycznym jęgo rozwoju. Lwów, 1861.

K. W. Smith. Grammatik der Polnischen Sprache. Berlin, 1846; 2-е изд. 1864. Русскій переводъ: Грамматика польскаго языка Смита. Переводъ съ нѣмецкаго П. А. Гильтебрандта. Москва, 1863.

Henryk Suchecki. 1) Przegląd form grammatycznych języka staropolskiego (Wypisy polskie dla szkół gimnazyalnych. Lwów, 1857, t. I); 2) Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem historycznym porównawczym w zakresie indoeuropejskim i w okręgu Słowiańszczyzny. Praga, 1863; 3) Zagadnienia z zakresu języka polskiego, wywodem historycznym i filologicznym rozjaśnione. Kraków, 1871; 4) Nauka języka polskiego, 1847; рядъ другихъ школьныхъ грамматикъ: 5) Niektóre uwagi o pisownie (Bibl. Ossolinskich, 1849, I); 6) Pisownia Oświaty wobec nauki języka polskiego. Poznań, 1866 („Oświata").

J. A. Czajkowski. Grammatyka języka polskiego. Warszawa, 2-е изд. 1853.

A. Sztochel († 1846). Grammatyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa, 1854.

I. Łukomski. 1) Kurs języka polskiego. Praktyczna grammatyka polska na zasadach historyczno-porównawczych, dla użytku młodzieży polskiéj. Warszawa, 1862; 2) Krótka grammatyka polska podług najnowszych zasad nauki, 1866.

Hipol. Cegielski. O słowie polskiem, 1842 (Orędownik naukowý) новое переработанное изд. Poznań, 1852.

Bronislaw Trzaskowski. 1) Gramatyka języka polskiego na podstawie fizyjologicznéj, porównawczéj i historycznéj. Część I. Gloskownia. Sambor, 1861; 2) Nauka o pierwiastkach i źródłosłowach języka polskiego

ze stanowiska porównawczéj gramatyki. Kraków, 1865 (Rocznik Tow. nauk. Krak.); 3) Pisownia Polska. Rzeszów, 1862.

Antoni Małecki. 1) Gramatyka języka polskiego większa. Lwów, 1863; 2) Gramatyka języka polskiego mniejsza. Lwów, 1866; 6-е изд. 1882; 3) Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. Lwów, 1879, t. I—II; 4) W sprawie pisowni polskiéj. Lwów (Szkola, 1868).

Franciszek Ksawery Malinowski. 1) Krytyczno-porównáwcza gramatyka języka polskiego z dzisiejszego stanowiska lingwistyki porównawczéj napisaná. W Poznaniu, 1869—70; 2) Dodatek do gramatiki języka polskiego. Poznań, 1873; 3) Gramatyka sanskrytu, porównanégo z językiem staro-słowiańskim i polskim na podstawie sanskryckiéj gramatyki Fr. Boppa napisaná przez Ks. Fr. Malinowskiego. W Poznaniu 1872; 4) Kriticzny pogląd na zasady głosowni znanych autorowi gramatik polskich wráz z uzásadnieniem jilości brzmien i głosów polskiego języka. Poznań, 1863 (Roczn. Tow. przyjaciół nauk poznańs., t. II); 5) Zásady i prawidła pisowni polskiéj przez Deputacyją od król. Towarzystwa warszawskiego przyjációł nauk wyznaczoną, podaną w dziele pod nápisem: Rozprawy i wnioski o ortografiji polskiej w Warszawie 1830, wraz s kriticznym rozbiorem i zmianą niektórych prawideł Deputacyji z wytknięciem niektórych blędów od czasu Ks. Kopczyńskiego i pózniej powstałych и т. д. Poznań, 1859 (Roczn. Tow. przyjac. nauk poznańs., t. I); 6) Kritika pisowni zawartej w części VI gramatiki prof. A. Małeckiego. Poznań, 1873.

F. F. Sławiński. 1) O prawach budowy zgłosek. Warszawa, 1873; 2) O głosce i literze j w obec zasad pisowni. Warszawa, 1874; 3) O odmianach głosek w języku polskim; 4) O budowie zdania pojedyńcze. Послѣднія два сочиненія, самыя важныя, къ сожалѣнію остались неизданными.

Baudouin de Courtenay. 1) Einige fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination (Beiträge zur vergleich. Sprachforschung. 1868; Bd. VI); 2) Hinneigung zu e im polnischen (тамъ-же); 3) Wortformen und Selbstsätze, welche in der polnischen Sprache zu Stämmen herabgesunken sind (тамъ-же); 4) Uebergang der tonlosen consonanten in die ihren entsprechenden tönenden in der historichen Entwickelung der polnischen Sprache (тамъ же); 5) Wechsel des s (š, ś), mit ch in der polnischen Sprache (тамъ-же); 6) Uebergang des i in u im polnischen (тамъ-же); 7) Doppelung des Suffixes ti in der polnischen (und russischen) Sprache (тамъ-же); 8) Jedna z kwestij spornych pisowni polskiej (Pracc filol., t. III, z. 3).

С. К. Буличъ. Окончанія польскаго склоненія именъ существительныхъ. Глоттологическое изслѣдованіе. Казань, 1885.

A. Kalina. System konjugacyi polskiéj (Muzeum, 1889). //

J. Polívka. Střidnice za ъ, ь v polštině (Listy filol., 1897, XXIV, 1, 2).

R. Bobin. O stopniowaniu przymiotników w języku polskim. Na podstawie gramatyki porównawczéj opracował R. B. W Jarosławiu, 1876.

Lucyjan Malinowski. 1) Zur Lautlehre der Lehnwörter in der polnischen Sprache (Beiträge zur Vergleich. Sprachforschung, 1869, VI); 2) Zur Volksetymologie (тамъ-же); 3) Studyja nad etymologiją ludową (Prace filologiczne, 1885 — 1891, t. I—III); 4) Drobiazgi gramatyczne (тамъ-же, t. I, 1; V, 1); 5) Mleziwo-mladziwo (тамъ-же, II, 2); 6) Niektóre wyrazy polskie litewskiego pochodzenia (тамъ-же, I, 1; II, 1); 7) O pochodzeniu wyrazów: 1. śce, šće, 2. uśće, ujšće, 3. vyjšće, odejšće и т. д. (Rozprawy Wydź. filol. Akad. umiejęt, 1882, IX); 8) Przyczynki do historyi wyrazów polskich (тамъ-же, 1884, X); 9) O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze (тамъ - же, 1893. Serya II, t. II).

Sz. Matusiak. O niektórych zjawiskach języka polskiego. Kraków, 1885 (Sprawozdanie c. k. gimnaz. Sv. Anny w Krakowie).

J. Karłowicz. W sprawie pisowni polskiéj i wiążących się z nią zagadnien gramatycznych. Kraków, 1883.

X. Choinski. Słowo o języku polskim przy sposobności wieca językowego. Poznań, 1870.

Ad. Ant. Kryński. 1) Kwestyja językowa. O bezzasadnym odróznianiu rodzaju nijakiego od męskiego w deklinacyi przymiotników. Warszawa, 1873 (Niwa); 2) O pisowni polskéj, wraz z objaśnieniem niektórych form gramatycznych. Warszawa, 1882 (Biblioteka Warszawska, 1882, III).

L. Korotyński. Słów kilka o grafice, pisowni języka polskiego (Rocznik zbiorowy prac naukowych za rok 1881).

K. Mecherzyński. Uwagi w przedmiocie języka (Sprawozdanie Wydź. filol. Akad. um., 1876).

F. K. Skobel. O skażeniu języka polskiego w dziennikach i w mowie potocznéj osobliwie w Galicyi. I, 1872; II, 1874; III, 1877.

A. Walicki. Błędy nasze w mowie i pismie, ku szkodzie języka polskiego popełniane, oraz prowincyjonalizmy zebrał A. W. Warszawa, 1876; 3-е изд. 1886 (Kraków).

L. Rzepecki. Posiedzenia komisyi ortograficznéj poznańskiéj wybranéj przez wiec ortograficzny w Poznaniu, 1878.

L. Wieczor-Szczerbowicz. O skażeniu obecném języka polskiego w prasie. Plock, 1881.

Rozprawy i wnioski o ortografii polskiéj, przez Deputacyą od król. Towarzystwa warszawskiego przyjaciół nauk wyznaczoną. W Warszawie, 1830.

Edward Bogusławski. Słówko o racyjonalnéj graficе polskiéj. Kraków, 1888.

Ołtuszewski. Szkic fizjologji mowy ze szczególnym uwzględnieniem głosen alfabetu polskiego. Warszawa, 1893.

Filograf. 1) Praktyczny sposób ustalenia pisowni polskiéj. Warszawa, 1887; 2) Teoretyczna poprawa grafiki polskiéj oraz praktyczne rozwiązanie niektórych trudności naszéj ortografii, 1888.

E. Rodziszewski. O przyimku pod względem składniowym. Warszawa, 1888.

A. G. Bem. Zarys wykładu mowy polskiéj według wskazówek językoznanstwa porównawczego. T. I. Warszawa, 1883.

W. Nehring. J. Poplińskis Grammatik der polnischen Sprache, neu bearbeitet von prof. dr. W. N. 7-te Auflage. Thorn, 1881.

V. Hanka. Mluvnice polského jazyka. 2-е изд. V Praze, 1850.

Fr. Vymazal. 1) Gramatické základy jazyka polského. V Brně, 1881; 2) Grammatik der polnischen Sprache zunächst zum Selbstunterricht. Brünn, 1884.

Er. Rykaczewski. Grammaire de la langue polonaise contenant les règles appuyées sur les exemples tirés des meilleurs auteurs polonais, destinée principalement à l'usage des écoles polonaises à Paris, 1861 (Берлинъ и Познань).

W. R. Morfill. A simplified grammar of the polisch language. London. 1884.

Fr. Miklosich. Die Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Bd. I—IV, 1875—1883 (Отдѣлы о польскомъ языкѣ); русскій переводъ III т.: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, переводъ А. Шлякова подъ редакціей Р. Ѳ. Брандта. Вып. IV. Москва, 1886.

В. И. Григоровичъ. Славянскія нарѣчія. Лекціи. Варшава, 1884. Польскій языкъ, 108—122.

Jos. Kolář. 1) Hláskosloví jazyka polského na novych základech a s nového hlediště. V Praze, 1884 (Správy o zasedáni Kral. České společnosti nauk); 2) O historicko-srovnávací mluvnici polské D-ra Ant. Małeckého. V Praze, 1881 (тамъ-же за 1881).

Я. Благодаровъ. Краткія правила польскаго языка. Москва, 1796.

М. Семичиновскій. Грамматика польскаго языка. Кіевъ, 1831.

Грубецкій. Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, 6-е изд. Варшава, 1891.

Р. Брандтъ. Краткая фонетика и морфологія польскаго языка. Лекціи орд. проф. Императорскаго Московскаго университета Р. Бр—а. Москва. 1894.

Г. Г. Линскій. Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб., 1892.

б) Работы по исторіи языка.

К. Аппель. Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ (Русск. Филолог. Вѣстн., 1880, т. III. IV).

Бодуэнъ де Кутенэ. О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст. Лейпцигъ, 1870.

A. Brückner. 1) „Magdeburger Urtheile". Ein Denkmal deutsches Rechtes in polnischer Sprache aus der Mitte der XV Jahrhunder (Arch II, 1883); 2) Wie lautete der Aorist *vedochъ* im polnischen? 1888 (Arch. f. slav. Phil., XI); 3) Kazanie świętokrzyskie 1891 (Prace filologiczne, III, 3); 4) Kazania średniowieczne 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akadem. umjiet. Ser. II, t. IX); 5) Z rękopisów petersburskich 1894—95 (Prace filologiczne IV, 3; V, 1).

J. Bystroń. 1) Przyczynek do historyji języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi Czerskiej (Spraw. Kom. jęz., IV, 1891); 2) O użyciu genetiwu v języku polskim (Rozpr. Wydź. filol. Ak. umiej, 1895. Ser. II, t. VII); 3) Rozbiór porównawczy znanych dotąd najdawniejszych tekstów modlitwy pańskiéj, pozdrowenia, składu apostolskiego i dziesięciorga przykazania (Prace fil., 1886, t. I, 2—3); 4) Pieśń do N. M. Panny z połowy wieku XV-go (тамъ-же).

G. Blatt. 1) Materyjaly do morfologie języka polskiego z początku XV wieku, na podstawie zapisków sądowych w księdze ziemi Czerskiej, 1884 (Sprawozd. Komis. Język, t. III); 2) Archaizmy w języku Jana Kochanowskiego (тамъ-же).

M. Bobowski. Die Polnische Dichtung des XV Jahrhunderts I. Mariengedichte. Breslau, 1883.

Erzepki. Szczytki dawnéj polszczyzny, 1890.

J. Hanusz. Materyjały do historyji form deklinacyjnych w języku staropolskim. Kraków, I (Wykaz form przypadkowych: a) w ulomku starożytnego kazania o małżenstwie; b) w modlitwach kodeksu Krakowskiego z r. 1375; c) w kazaniach gnieźnienskich z r. 1419, 1880, II (Wykaz porównawczy form przypadkowych w psalterzach: Floryańskim, Puławskim, oraz w psalmach zawartych w „Modlitwach Waclawa") 1881 (Sprawozdania Komisyi językowéj Akad. umiej, t. I, II); 2) Zur Statistik der Declinationsformen im Altpolnischen (Arch. f. slav. Phil, VI (1882); 3) O zakónczeniu instrumentalu i locativu sing. masc.-neutr. i instrumentalu plur. deklinacyji zaimkovej i złożonej w języku polskim. Kraków, 1880; 4) Ślady niektórych odcieni dyjalektycznych w Kazaniach gnieźnieńskich z r. 1419. Kraków, 1880; 5) Wykaz form przypadkowych zawartych w kilku mniejszych zabytkach języka polskiego z

wieka XV. Kraków, 1882 (Spraw. Kom. język., III); 6) Wykaz form przypadkowych w książeczce Nawojki. Kraków, 1882 (тамъ - же); 7) O pisowni i wokalizmie zabytków języka polskiego w księgach sądowych Krakowskich z wieków XIV—XVI. Kraków, 1886 (тамъ - же, т. IV); 8) O książce do nabożeństwa króla Zygmunta I (Rozpr. Wydz. fil. Ak. umiej, t. XI) 1886; 9) O wpływie języków wschodnich na słownik języka polskiego (Prace filol. I, 2).

A. Kalina. 1) Historyja języka polskiego. Tom piérwszy. Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku. Lwów, 1883; 2) Anecdota palaeopolonica, 1878—1882 (Archiv. f. slav. Philologie, Bd. III, VI; 3) O liczebnikach w języku staropolskiém, jako przyczynek do historyji języka polskiego. Kraków, 1878 (Rozpr. Wydz. filol. Akad. umiej); 4) Ueber die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern, 1879 (Arch. f. slav. Phil., IV, 24); 5) Artykuly prawa magdeburskiego z rękopismu okolo roku 1500. Kraków, 1880 (Rozpr. Wydż. fil. Akad. umiej. VII).

R. Koppens. O sposobach oznaczania spółgłosek miękkich w Psalterzu Floryańskim, 1894 (Spraw. Kom. język., t. V).

A. A. Kryński. 1) Z dziejów języka polskiego. Objaśnienia do rozprawy W. W. Makuszewa, p. I „Ślady wpływu ruskiego na piśmiennictvo staropolskie" wydrukowanéj w czasopismie rosyjskim „Sławianskij sbornik" (t. 3) Warszawa, 1879 (Ateneum, 1879, I); 2) Powieść o papieżu Urbanie z. r. 1514 (Prace filol., I, 1); 3) O aoryście w języku polskim (тамъ - же II, 9); 4) Postaci osobliwe przysłówków staropolskich i dzisiejszych gwarowych (тамъ-же II, 2); 5) Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 p. n. Żywot Pana Jezu Krysta (тамъ-же II, 3); 6) Żywot ś. Eufraksyi, zabytek języka polskiego z r. 1524 (тамъ - же 1889, III, 1); 7) Z historyi wyrazów (тамъ-же 1895, V, 1); 8) O języku Wojciecha Oczki (въ юбилейн. изд. W. Oczko, Przymiot i Cieplice. Warszawa, 1881).

E. Kałużniacki. Historische Uebersicht der Graphik und der Ortographie der Polen. Wien, 1882 (Sitz. Ber. d. phil.-hist. Cl. d. Akad. s. Wissensf, 1881, Bd. 99).

П. А. Лавровскій. Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго 1858 (Ученыя Записки Имп. Акад. Наукъ. 1858, IV).

J. Leciejewski. 1) Die Sprache des polnischen Theiles des Florianer Psalters. Lautlehre (Arch. f. slav. Phil., VI (1882) 412); Formenlehre (Arch. f. slav. Phil., VIII (1884) 74); 2) Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen. Wien, 1886 (Sitz.-Ber. d. Wien. Akad.).

J. Łoś. O sumogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI-ym, 1887 (Prace filol., II, 1).

R. Lubicz. 1) Glosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacińskiemi z połowy w XV (Spraw. Kom. język., t. V, 1894); 2) Kilka zabytków języka staropolskiego, 1894—1895 (Prace filol., IV, 3; V, 1).

M. Łukowicz. Deklinacyja i konjugacyja w dziele M. Reja: Apocalypsis (Spraw. Kom język., 1895, t. V).

K. Libelt. Psalterz floryjański i Biblija królowéj Zofii. Dwa najdawniejsze pomniki piśmienne starożytnéj polszczyzny (Roczn. Tow. przyjat. nauk Poznańsk., t. VII. Poznań, 1872).

В. В. Макушевъ. 1) Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность (Славянскій Сборникъ, 1876. Спб., III); 2) Чтенія о старопольской письменности (Русск. Филол. Вѣстникъ, 1879, I).

A. Małecki. 1) Gramatyka historyczna-porównawcza języka polskiego. Ср. выше стр. 362; 2) Biblija królowej Zofii, żony Jagiełły, z kodeksu Szaroszpatackiego. We Lwowie, 1861 (Введеніе посвящено разбору языка этого памятника).

L. Malinowski. 1) Ślady dyjalektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego wieku XV i XVI (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej w Krakowie, 1880, VII); 2) Zabytki języka polskiego w rękopisie № 2503 Biblijoteki Uniwersyteta Jagiellońskiego w Krakowie. Uwagi nad pisownię i językiem (Prace filologiczne, I, 2—3 (1886) II, 1 (1887); 3) Porównanie kilku ustępów Biblji Szaroszpatackiej z tekstem staroczeskim Zabłockiego (1476—1478) (тамъ-же IV, 1, 1892); 4) Ewangelia św. Mateusza R V, 1—12. Kazanie na dzień wszech świętych. Zabytki języka polskiego z wieku XV, z rękopisu DLII Biblioteki Kapitulnej w Pradze, 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. w Krakowie, 1895. Ser II, t. VII); 5) Głosy polskie w kilku rękopismach łacinskich wieku XV w Bibliotekach kapitulnej i uniwersiteckiej w Pradze (тамъ-же); 6) Glosy polskie w rękopiśmie Biblioteki Zakładu Narodowego Ossolińskich z r. 1438, № 379 (тамъ-же); 7) O języku komedyj Franciszka Bohomolca (тамъ-же 1895, t. IX).

. Matusiak. Wykaz form języka staropolskiego zawartych w Przykładach i Wzorach z najcelniejszych poetów i prozaików polskich Dr. Karola Mecherzyńskiego.

V I. Nehring. 1) Iter Florianense, O psalterzu florijańskim lacinsko-polsko-niemieckim, w szczególnosci o polskim jego dziale. Poznań, 1871; 2) Ueber den Einfluss der altčechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische (Arch. f. slav. Phil., I (1875) 60; II (1877) 409; V (1880) 216; VI (1882) 159); 3) Das Wort *kry*, *krew* im Altpolnischen (Arch.

f. slav. Phil, III (1878) 479); 4) Ein Beispiel einer seltenen Adverbialbindung im Polnischen, 1879 (Arch. f. slav. Phil., III (1879) 525).

E. Ogonowski. Einige Bemerkungen über die Sprache der altpolnischen Sophienbibel, 1879 (Arch. f. slav. Phil., IV, 243, 353).

Z. Paulisch. O pisowni i języku Kazań swiętokrzyskich, 1894 (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej, t. V).

J. M. Pawlikowski. Epiteta složone u Sebastyana Fabiana Klonowicza, 1891 (Sprawozd. Kom. język. Akad. umiej, t. IV).

R. Pilat. Ueber das polnische partic. praet. act. auf -szy (Arch. für slav. Phil., 1879, III, 67).

J. Przyborowski. Kilka słów o języku Jana Kochanowskiego въ сочин. Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego. Poznań, 1857.

J. Rymarkiewicz. Książeczka Jadwigi albo Nawojki z XV wieku (Ateneum, 1876, I).

A. Semenowič. 1) Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen. Leipzig, 1872; 2) Kritische Bemerkungen zu altpolnischen Texten, 1884 (Arch. f. slav. Phil., VII (1884) 419); 3) Ueber cie, ci und ć (тамъ-же VI (1882) 30).

Wl. Wislocki. Legenda o św. Aleksym. Wiersz. polski z. r. 1454 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej, 1876, t. IV).

W. Szomek. 1) Wykaz form przypadkowych w rotach przysiąg krakowskich z końca XV w. wydanych przez R. Hubego, 1880 (Spraw. Kom język. Ak. umiej, t. I); 2) Instrumentalis pluralis deklinacyji rzeczownikowéj w pismach Piotra Kochanowskiego (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej, 1880, VIII); 3) Instrumentalis i locativus pluralis deklinacyi rzeczownikowéj w dziele Mikolaja Reja z Nagłowic: Apokalipsis z 1565 r (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1884, III).

R Zawiliński. Wykaz form przypadkowych zawartych w zabytku języka polskiego z wieku XV, pod tytulem: „Glossa super epistolas per annum dominicales“ (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1894, t. III).

в) Изданія памятниковъ стараго языка (XIV—XVII в.[1]).

K. Małkowski. Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego. Warszawa, 1872.

Wl. Nehring. 1) Altpolnische Sprachdenkmäler Systematische Uebersicht. Wurdigung und Texte. Berlin, 1887.

[1]) Ср. также предшествующій отдѣлъ „Работы по исторіи польскаго языка“.

W. Maciejowski. 1) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Petersburg i Lipsk, 1839, II; 2) Piśmiennictwo polskie. Warszawa, 1852, t. III; 3) Historya prawodawstw słowiańskich. Warszawa, 1858.

Psalterz królowéj Malgorzaty ....wydany staraniem hr. na Skrzynnie Dunina-Borkowskiego. Wiedeń, 1834.

Wl. Nehring. 1) Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit, apparatu critico indice locupletissimo instruxit. Poznaniae, 1883; 2) Das älteste bis jetzt bekannte datirte polnische Sprachdenkmahl (Arch. für slav. Phil., 1880, IV, 190); 3) Eine schlesisch-polnisch Urkunde vom J., 1587 (Arch. f. slav. Phil., V (1881) 465); 4) Ein schlesisch-polnisches Hochzeitsgedicht aus dem XVII Jahrh. (тамъ-же, Bd. III, 637); 5) Ośm kartek z nieznanéj starej książeczki do nabożeństwa (Prace filol., 1888, II, 2); 6) Altpolnische (Posener) Eidesformeln aus dem XIV Jahrh. (Arch. f. slav. Phil., IV (1880) 177); 7) Wigilie za umarłe ludzie, 1520 (Arch. f. slav. Phil., VII (1884) 291).

Epistola ś. Bernarda „O rzandzenyu czeliadnym“ etc. Zabytek języka polskiego z XV w. wydał Fr. Kluczycki, 1874 (Rozpr. i Spraw. Wydź. filol. Akad. umiej. w Krakowie, I).

Żywot ś-go Błażeja z objaśnieniami filologicznemi Ant. Małeckiego i Jana Wagiłewicza, 1864 (Biblijoteka Ossolińskich, Poczet nowy, t. IV).

Pieśń Bogarodzica, wraz z notą z rękopisu częstochowskiego z końca wieku XV, w podobiźnie wydana i porównana z dwoma dawniejszemi odpisami i z drukowanemi tekstami przez Aleksandra Przezdzieckiego. Warszawa (Biblijoteka Warszawska, 1866, I, 309). Того-же издателя „O dwóch odpisach pieśni Bogarodzica (Rocznik Tow. nauk. Krakow. Poczet III, t. XV, 1869).

M. Bobowski. Die polnische Dichtung des XV Jahrh. I. Mariengedichte. Breslau, 1883.

I. Rzeziński. Pieśń Bogarodzica (Kwartalnik naukowy. Kraków, 1836, t. III).

J. Rymarkiewicz. Pieśń „Bogu-Rodzica“ (Roczniki Towarz. przyjaciół. nauk poznan., t. X, 1878, Poznań).

N. Bętkowski. Boga-Rodzica, pieśń z czasów zaprowadzenia chrześcijaństwa w Polsce (Rocznik Towarz. nauk. Krakow. Poczet 3, t. XIV, 1869).

Zabytek dawnej mowy polskiéj (Kazania Gnieźnieńskie z r. 1419). W Poznaniu, 1857.

A. Brückner. 1) Kazania Świętokrzyskie, zabytek języka polskiego z wieku XIV, 1891 (Prace filologiczne, III, 696); 2) Glossy wrocławskie,

1889 (тамъ-же, III, 281); 3) Średniowieczna poezya łacińska w Polsce (Глоссы) 1895 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. Ser. II, t. VII (общ. нумер. т. XXII); 4) Kazania średniowieczne (Глоссы) 1895 (тамъ-же. Ser. II, t. IX (XXVI); 5) Z rękopisów petersburskich. I. Kazania husity polskiego (Prace filolog., 1893, t. IV, 2); II. Średniowieczne słownictwo polskie (тамъ-же, 1895, V. 1).

L. Malinowski. 1) Quadragesimale super epistolas. Glosy polskie z końca pierwszéj połowy wieku XV (Spraw. Kom. język. Akadem. umiej. I, 1880); 2) Magistra Jana z Szamotuł Kazania o Maryi Pannie czystéj (тамъ-же); 3) Modlitwy Wacława, zabytek języka polskiego wieku XV. Kraków, 1875, 4° (Pamiętnik Akad. umiej. Wydź. filologicz. i histor.-filozof., t. II); 4) Zabytki języka polskiego w rękopisie № 2503 Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie, 1886 (Prace filol., t. I, 2—3); 5) Ewangelia św. Mateusza, R. V, 1—12. Kazanie na dzień wszech świętych. Zabytki języka polskiego z wieku XV, z rękopisu DLII Biblioteki Kapitulnej w Pradze (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej. Ser. II, t. VII (XXII) 1895); 6) Glosy polskie w kilku rękopismach łacińskich wieku XV w Bibliotekach Kapitulnej i Uniwersyteckiej w Pradze (тамъ-же); 7) Glosy polskie w rękopiśmie Biblioteki Zakładu Narodowego Ossolińskich z r. 1438, № 394 (тамъ-же).

H. Suchecki. Modlitwy Waclawa. Zabytek mowy staropolskiéj, odkryty przez Al. hr. Przezdzieckiego. Kraków, 1871 (Rocznik. Towarz. nauk. Krak. Ser. IV, t. 20).

W. Wislocki. Glossa super epistolas per annum dominicales. Kodeks łacińsko-polski z połowy XV-go wieku, 1880 (Sprawozdan. Kom. językk. Akad. umiej. I).

Bol. Erzepki. Szczątki dawnéj polszczyzny (Глоссы и риѳмованный декалогъ XVI). Poznań, 1890 (Rocz. Pozn. Tow. przyjac. nauk., t. XVII).

H. Collitz. Polnische Glossen aus dem XV—XVI Jahrh., 1880 (Arch. f. slav. Phil., IV, 86).

W. Chomętowski. Zabytki języka polskiego z XV wieku w rękopismach biblijoteki ordynacyi Krasińskich (Rozpr. Komis. język., 1880, t. I).

W. Seredynski. Trzy zabytki jężyka polskiego z drugiéj połowy XV wieku (Rozpr. Komis. język., 1880, t. I).

Książeczka do nabożeństwa Jadwigi (Nawojki), Księżnicki polskiéj (конца XV ст.) ..... wydana staraniem i nakladem J. Motty. W Poznaniu, 1823; 2-е изд. 1849. Krakow; 3-е изд. (Lipnickiego) Wilno, 1856; 4-е изд. (St. Motty). W Poznaniu, 1875).

Ant. Kalina. 1) Artykuły prawa magdeburskiego z rękopismu około roku 1500 (Rozp. Wydź. fil. Akad. umiej., 1880, VII); 2) Anecdota palaeo-

polonica (тамъ-же III (1878—79) 1, 621 и VI (1882) 184 — Сборникъ Импер. Публичной библіотеки, 1544; Confessio generalis XV в. и формулы судебныхъ присягъ 1402—1413 г.); 3) Komedyja o mięsopuście z rękopisu z początky XVI wieku (Prace filol., 1888, t. II, 2); 4) Prostych ludzi w wierze nauka. Dyjalog z rękopisu wieku XVI (тамъ-же 1890, t. III, z. 2).

Z. Celichowski. Słowniczek łacińsko-polski wyrazów prawa magdeburskiego z wieku XV. Poznań. Nakładem biblijoteki Kórnickiéj, 1875.

Psalterz Pulawski (XV w.). Z kodeksu pergaminowego księcia Władysława Czartoryskiego, przedruk homograficzny wykonali Adam i Stanisław Pilińscy. Nakładem Biblijoteki Kórnickiej, 1880.

R. Hube. 1) Roty przysiąg krakowskich z końca wieku XIV. Warszawa, 1875 (Bibl. Warszawska); 2) Zbiór rot przysiąg sądowych poznańskich, kościańskich, kaliskich, sieradzkich, piotrkowskich i dobrzyszyckich, z końca wieku XIV i pierwszych lat wieku XV wydal R. H. Warszawa, 1888.

A. Z. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki. Kraków, 1870 (Roty k. XIV w.).

J. Przyborowski. 1) Vetustissima adjectivorum linguae polonae declinatio monumentis ineditis illustrata (141 rot przysiąg wielko-polskich). Poznań, 1861 (Program gimnazyjum św. Maryi Magdaleny w Poznaniu na rok szkolny, 1866 — 61); 2) Urywek kazań dla młodzieży szkolnéj z głosami polskimi. Wiek XV, 1885 (Prace filol. I, z 1); 3) Formulae colloquiorum (тамъ-же, 1889, t. III, z. 1).

J. von Lekszycki. Die ältesten grosspolnischen Grodbücher. Erster Band: Posen (1386—1394), Leipzig, 1887.

B. Ułanowski. 1) Roty przysiąg krakowskich z lat 1399—1418 (Spraw. Komis.-język. Akadem. umiej., t. III, 1884); 2) Kilka aktów polskich z archiwum krajowego w Krakowie (тамъ-же); 3) Cennik wydany dla rzemieślników miasta Książa przez Piotra Kmitę, wojewodę krakowskiego w r. 1538.

Księga ziemi Czerskiéj 1404—1425, poprzedzona wstępem historycznym. Warszawa, 1874 (польскія вставки въ латинскомъ текстѣ).

Biblija Królowéj Zofii, żony Jagiełły, z kodeksu szaroszpatackiego (XV w.) nakładem księcia Jerzego Henryka Lubomirskiego, wydana przez Antoniego Maleckiego. We Lwowie, 1861.

J. Lelewel. Historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XV-go i XVI-go. Tom I. Wilno, 1824 (Переводы съ латинскаго на польскій статутовъ: Вислицкаго 1347 г., Ягеллонскаго 1420—1428 г., Мазовецкихъ 1377 г. и слѣд., и Казиміра Ягеллончика 1454 и 1465).

Prawa polskie Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły, przełożone na język polski przez Świętosława z Wocieszyna, r. 1449. Przedruk homograficzny z kodeksu puławskiego wykonał A. Piliński. Nakladem biblijoteki Kórnickiéj 1877, folio.

Prawa książat mazowieckich, przeložone na język polski przez Macieja z Rožana r. 1450. Przedruk homograficzny z kodeksu puławskiego wykonał A. Piliński. Nakladem biblijoteki Kórnickiéj 1877, folio.

Statut Wiślicki w polskim przekładzie r. 1460. Przedruk homograficzny z kodeksu Kórnickiego wykonał A. Piliński. Nakładem biblijoteki Kórnickiej, 1876.

Statuta polskye Crola Kazimirza w Wyślyci složone. Warszawa, 1844 (по рукоп. наз. Wiśłicyja, изд. K. Stronczyńskiego).

Statuta polskie Króla Kazimierza, w Wiślicy zložone, z rękopismu wydał K. Wójcicki. W Warszawie, 1847 (по рук. Wiślicyja).

Em. Kałužniacki. Kleinere altpolnische Texte aus Handschriften des XV und Anfangs des XVI Jahrhunderts. Wien, 1882 (Sitzungsberichte d. phil.-histor. Cl. d. k. Akad. d. Wissen. 101 Bd.).

Exemplar informationis et avisamenti, quod et quam praedictus Wyszga moriturus reliquit (Joannis Długosz, Liber beneficiorum, t. III, 354). Тотъ-же текстъ издалъ A. Tyszyński подъ заглавіемъ „Najdawniejszy zabytek prozy oryginalnéj polskiéj w Liber beneficiorum Długosza (Bibliot. Warszaw., 1868, I).

J. Szujski. Trzy zabytki języka polskiego XIV i XV wieku z manuskryptów podał J. S. (Rozpr. Wydź. fil. Ak. umiej. w Krakowie, 1874, t. I).

Z. Gloger. Ułomek starożytnego kazania o małżeństwie. Warszawa, 1873 (Bibl. Warsz.).

L. Rzyszczewski. Piessn o Pruskiei porascze (Bibl. Warsz., 1843, III, 374).

K. W. Wójcicki. 1) Pieśń polska z 1462 r. o zabiciu Andrzeja Tęczyńskiego (Album literackie pod redakc. K. W. Wł. Warszawa, 1848); 2) Biblijoteka starożytna pisarzy polskich. Drugie wydanie. Warszawa, 1854, t. 6).

Ad. An. Krynski. 1) Powieść o papieżu Urbanie z r. 1514 (Prace filol., I, 1885, z. 1); 2) Glossy w dziele Baltazara Opecia z r. 1522 p. n. Żywot Pána Jezu Krysta (тамъ-же, 1888, t. II, z. 3); 3) Żywot ś. Eufraksyi, zabytek języka polskiego z r. 1524 (тамъ-же, 1887, t. III, z. 1).

H. Lopaciński (Rafal. Lubicz). 1) Kilka zabytków języka staropolskiego (Prace filol., 1893, t. IV, z. 2 и 1895, t. V, z. 1.—Пѣсни, глоссы XV в.); 2) Reguła Trzeciego Zakonu św. Franciszka i drobniejsze zabytki języka polskiego z końca wieku XV-go i początku XVI-go (тамъ-

же, 1893, t. IV, z. 3); 3) Glosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacińskiemi z połowy w. XV-go (Sprawozd. Komis. język. Akadem. umiej, 1894, t. V).

Teod. Wierzbowski. 1) Dwa przyczynki do starożytnego słownictwa polskiego (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1884, t. III); 2) Nieznany fragment, „Bibliji królowej Zofji" (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1); 3) Pieśń o św. Annie z końca wieku XV-go (тамъ-же, 1895, t. V, z. 1); 4) Trzy pieśni polskie z wieku XV-go (тамъ-же).

Wł. Wisłocki. 1) Modlitewnik siostry Konstancyi r. 1527 (Spraw. Komis. język. Akad. umiej, 1884, t. III); 2) Pieśń bernardyńska, wiersz polski z początku w. XVI (Rozpr. Wydz. filol. Akad. umiej, 1884, t. X).

I. Połkowski Żywot ojca Amandusa z kodeksu XVI w. (Spraw. Komis. jezyk., 1884, t. III).

J. Bystroń. 1) Żywot świętego Alexego wyznawcy i Żywot świętego Eustachiusza męczennika. Druk Krakowski z roku 1529 (Spraw. Kom. język. Akad. umiej, 1894, t. V); 2) Pieśń do N. M. Panny z połowy wieku XVI (Prace filol., 1885, I, z. 2).

Myślistwo ptasze (XVI w.) изд. Antoni Waga. W Warszawie, 1842.

Lukasz Górnicki. Droga do zupełney wolności. W Elbiągu r. 1650; 2-е изд. T. Działyńskiedo. W Berlinie, 1852.

St. Grzebski. Geometria to iest miernicka nauka .... roku 1566, w Krakowie; новое изданіе въ Варшавѣ, 1861.

Seb. Klonowicz. Flis to jest spuszczanie ztatków Wisłą i inszemi rzekami do niéj przypadającemi, 1595; новое изданіе Stanisława Węclewskiego. Chelmno, 1862.

Jan. Kochanowski. Dzieła wszystkie. Wydanie pomnikowe. Warszawa, 1884, t. I—III.

J. Korzeniowski. Nieznane polskie i łacińskie wiersze politycznéj treści, 1548—1551. Kraków, 1886 (оттискъ изъ „Rocznika filoreckiego).

Jak. Lubelczyk. Dobrotliwość Pańska съ издан. XVI ст. перепечатано въ Варшавѣ въ 1882 г.

Mikolaj Rej z Naglowic. 1) Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego. Według wydania z r. 1560 wydał Stanisław Ptaszycki. S.-Petersburg—Warszawa, 1881—1883; 2) Apocalypsis, to iest dziwna spráwa skrytych taiemnic Pańskich и т. д. Roku Pańskiego 1565. Новое изданіе A. Pilińskiego, въ Парижѣ, 1876 г.; 3) Przęsło ze Zwierzyńca. Poznań, 1884 (перепечатка изданій 1562 и 1574).

Sz. Szymonowicz. Sielanki i kilka innych pism polskich. Wydanie St. Węclewskiego. Chelmno, 1864.

W. Oczko. Przymist i clieplice (1581—1578). Wydanie jubileuszowe. Warszawa, 1881.

A. Maczuski. O przyiaźńiach i przyiaciołach pismo wydane w Dobromilu według wszelkiego do prawdy podobieństwa między rokiem 1530 a 1540, na iaw ogłasza z dodatkiem textów oryginalnych Szymon Felix Żukowski. Wilno, 1817.

Marcholt (1521). Przedruk homograficzny z egzemplarza prof. J. Przyborowskiego, objaśnił Dr. Zygmunt Celichowski. Poznań nakładem biblijoteki Kórnickiéj, 1876.

Zywot pana Jesu Krista stworzyciela y zbawiciela rodzaiu ludskiego .....1522; новое изданіе 1882 г. въ Краковѣ.

Perska księga na polski język od S. Otwinowskiego przełożona (1611—1625). nazwana Gulistan, z dawnego rękopisu wydał dr. J. Janicki. Warszawa, 1879 (Biblijoteka Ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konst. Świdzińskiego, t. IV).

Pieśń a prośba człowieka krześćijańskiego, aby go Pan Bog w krzyżu wedle powołania jego żywiącego obiećanymi Dobry czesnymi y wiecznymi, ćieszyć raczył. W Krakowie, 1546. Новое изданіе 1880 г. въ Варшавѣ (Uzszuła Prżyborowska).

Pieśń nabożna s pisma swiętego z Starego y Nowego Zakonu. Druk. w Krakowie, przez Mat. Siebeneychera (XVI в.); новое изданіе (St. Przyborowskiego) въ Варшавѣ 1883.

Pyśn Nowa, ktora w sobie zámyka modlithwę ku Panu Bogu.... W Krakowye, Łazarz Andrysowic wybiał. Точное воспроизведеніе первопечатнаго изданія въ Варшавѣ 1880 (St. Przyborowski).

Pieśń nowa o Vkorzeniu krześcijańskim и т. д. Druk. w Krakowie przez Mat. Siebeneychera (XVI w.). Новое изданіе въ Варшавѣ 1882.

Pieśn o národzeniu Páńskim. W Krakowie. Druk. przez Mát. Siebeneychera 1558. Новое изданіе въ Варшавѣ 1881 г. (Urszuła Przyborowska).

St. Skrodzki. Porządek prawa bartnego dla starostwa Łomżyńskiego z r. 1616 opracował Ad. Ant. Kryński. Kraków, 1885 (Archiwum Komisyi histor. Akad. umiej, t. IV).

M. Strobicz. Xyęgy o ricerskych rzeczach a sprawach woijennych z pilnoscyą zebrane u porządkyem dobrem spijsana (Alberti marchionis Brandeburgersis ducis Prussiae Libri de arte militari.... Lutetiae Parisiorum. 1858).

Tobias Pátriárchá. Stárego zakonu z łaczinskiego ięziká ná polski nowo á pilnie przełożony. Látá narodzenia Bożego 1539. Точное воспроизведеніе стараго изданія въ Краковѣ 1882 (Bartynowski).

Ostaphy Trepka. Mlieko duchowne. W Krolewcu Pruskym 1556. Новое изданіе, воспроизводящее старопечатный текстъ въ Pracach fil., 1885, I, z. 2 (J. Karłowicz).

Ustáwy práwa polskiego napotrzebnieysze krotko z łacińskich wybráne, na pólski język dła wszelkiego człowieká prostego, a práwo wiedzieć potrzebującego przełożone J. P. Roku Páńskiego 1563. Точная перепечатка стараго изданія — Pilińskiego, nakładem biblijoteki Kórnickiéj.

Zbiór praw litewskich od roku 1389 do r. 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do r. 1563. Poznań, 1841.

Wyeczna pámiątka á prawie osobliwy dar Boży. W Krakowie, przez Mat. Siebeneycherá 1561. Новое точное изданіе въ Варшавѣ 1880 (Urszuła Przyborowska).

An. Zbylitowski. Żywot szlachcica we wsi. W Krakowie, R. P. 1597. Точная перепечатка стараго изданія въ Познани, 1853.

Jak. Żebrowski. Publiusza Owidiusza Nasona Metamorphoseon, to iest: Przeobrażenia ksiąg piętnaście przekładania J. Ż. Wydanie drugie, dokonane z pierwszey edycyi in 4°, ogloszoney drukiem w Krakowie u Franciszka Cezarego roku p. 1636. Wilno, 1821.

Basseus Wojciech Scebr. Nowe Latho albo Prośba do Páná Bogá, o rzeczy potrrebne na każdy nowy Rok. W Krakowie przez Mát. Siebeneychera 1566. Новое изданіе въ Варшавѣ 1882 (St. Przyborowski).

Lament Jeronima Száfrańca. Stárosty Chęcinskiego o śmierci Syná jego. Druk. w Krakowie u Mát. Siebeneychera. Новое изданіе въ Варшавѣ (Adam Przyborowski).

Decalogus. To jest Dźiesyęćioro przykazánie Boże, ku śpyewányu dla dźyatek krotce uczynione. W Krákowye, Mat. Siebeneycher, 1858. Новое изданіе въ Варшавѣ 1882 (Kazimira Przyborowska).

Zbiór pisarzów polskich. W Warszawie, w drukarni A. Gałęzowskiego i Kom. 1828 — 1830 i 1832 — 1833 (Сочиненія Л. Гурницкаго, М. Рея, Янычара Паяка, Ст. Хвальчевскаго, М. Бѣльскаго).

Biblioteka pisarzów polskich. Wydawnictwa Akademiji umiejętności w Krakowie, t. I, 1—30. 1) Fortuny i cnoty różność, 1524, wydał *St. Ptaszycki*; 2) Wita Korczewskiego, Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane, 1553, wydał *J. Karłowicz*; 3) Marcina Kwiatkowskiego, Książeczki rozkoszne o poczciwym wychowaniu dziatek 1564 i Wszystkiej Liflanckiej ziemie opisanie 1567, wydał *Zyg. Celichowski*; 4) Marcina Bielskiego, Satyry 1586—1587; 5) Sz. Szymonowicza, Castus Joseph przekładania St. Gosławskiego 1597. wyd. *Rom. Zawiliński*; 6) Tomasza Kłosa, Algoritmus, to jest nauka liczby 1538, wydał *M. A. Baraniecki*. Kraków, 1889; 7) Żywot Józefa 1545; 8) Proteus abó odmieniec, satyra z roku 1564; 9) Jana Seklu ciana, oeconomia albo Gospodarstwo 1546; 10) Krzysztofa Pus-

smana historya barzo cudna o stworzeniu nieba i ziemi, 1551; 11) Rozmowa Polaka z Litwinem, 1564; 12) Jana Mrowińskiego, Płoczywłosa stadło małżeńskie 1561; 13) Historya prawdiwa ktora się stałá w Landzie miescie niemieckiem, 1568; 14) Henryka Korneliusza Agryppy o ślachetności a zacności płci niewieściej przekład Mac. Wirzbięty, 1575; 15) Teodora Zawackiego, memoriale oeconomicum, 1616; 16) St. Słupskiego, zabawy orackie, 1618; Wł. St. Jeżowskiego, oekonomia, 1638; 17) Hermana Schottena, o cnocie abo żywocie człowiekowi przystojnym....; 18) Potrójny z Plauła Piotra Cieklińskiego, 1597; 19) Orechowiana, Opera inedita et epistulae Stanislai Orzechowski, 1543 — 1566. Volumen I. Edidit Dr. Joseph Korzeniowski. Cracovia, 1891; 20) Historya prawdziwa o przygodzie żalosnej książecia Finlandzkiego Jana i królewny Katarzyny 1570; 21) Jakóba Górskiego, Rada pańska, 1597; 22) Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu, 1570, wydał *A. Benis*; 23) Mikołaja Reja z Nagłowic krótka rozprawa między trzemi osobami, panem wójtem a plebanem, 1543, wydał *R. Zawiliński*; 24) Trzy broszury prawne z r. 1607 i 1612, wydał *B. Ułanowski*; 25) Mikołaja z Wiłkowiecka, historya o chwalebnym zmartwych wstaniu pańskim s. (ok. 1580), wydał Dr. *St. Windakiewicz*; 26) Sebastyana Grabowskiego rymy duchowne, 1590, wydał Dr. *I. Korzeniowski*; 27) Andrzeja Zbilitowskiego, epitalamium na wesele Zygmunta III, 1592, wydał *J. Łoś*; 28) Andrzeja z Kobylina gadki o składności członków człowieczych z Aristotelesu i też inszych mędrców wybrane, 1535, wydał *I. Rostafiński*; 29) Historye rzymskie (по изд. XVII в.) (Gesta Romanorum), wydał Dr. *Jan Bystroń*; 30) Mikołaja Reja z Naglowic. Zwierzyniec, 1562, wydał Dr. *W. Bruchnalski*; 31) Historya Trojańska, 1563, wydał *Sam. Adalberg* (1896).

г) Словари и словарныя работы.

Gr. Knapski. Thesaurus polonolatinograecus sen promptuarium linguae latinae et graecae in tres tomos diuisum ..... Opera Gregorii Cnopii Cracowiae Editio Secunda, 1643. Первое изданіе 1621.

Konstanty Szyrwid. Dictionarium trium linguarum in usum studiosae juventutis (Польско - латино - литовскій словарь). Вильно, 1677 (пять изданій).

Abr. Mich. Troc. Słownik polsko-francuzko-niemiecki, 1740.

Ign. Włodek. Słownik polski dawny czyli zebranie slów dawnych zaniedbanych polskich z ich tlomaczeniem (O naukach wyzwolonych w powszechności i szczególności księgi dwie) w Rzymie, 1780.

Sam. Bog. Linde. Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone staraniem i nakładem Zakladu narodowego imienia Ossolinskich. Lwów, 1854 — 60, tomów 6. Первое изданіе вышло въ Варшавѣ, 1807—1814, тоже въ 6 томахъ.

Słownik języka polskiego obejmujący: oprócz zbióru własciwie polskich, znaczną liczbę wyrazów, z obcych języków polskiemu przyswojonych; nomenklatury tak dawne, jak téz nowo w użycie wprowadzone różnych nauk, i t. d. do podręcznego użytku wypracowany przez Aleksandra Zdanowicza, Michała Bohusza Szyszkę, Januarego Filipowicza, Walerjana Tomaszewicza, Florjana Czepelińskiego i Wincentego Korotyńskiego z udziałem Bronisława Trentowskiego. Wydany staraniem i kosztem. Maurycego Orgelbranda. Wilno, 1861, 2 tomy.

E. Rykaczewski. 1) Słownik języka polskiego podług Lindego i innych nowszych źródéł wypracowany przez E. R Berlin, 1866. Drugie, tanie wydanie, 2 tomy. Berlin, 1873; 2) Dokładny słownik włosko-polski i polsko-włoski. Paryż, 1856—57, 2 części; 3) Słownik dokładny polsko-angielski i angielsko-polski. Berlin, 1849—1851, 2 tomy.

Krzysztof Celestyn Mrongowiusz. Słownik dokładny niemiecko-polski i polsko-niemiecki, krytycznie wypracowany. Wyd. 1—3. Królewiec i Gdańsk, 1837—1853.

St. Müller. 1) Słownik francuzko-polski. Wilno, 1826—29, 2 tomy; 2) Словарь польско-россійскій. Вильна, 1830, 3 тома; 2-изд. 1841.

St. Ropelewski. Dictionnaire complet français-polonais et polonais-fransais. Luitpold, 1865 (послѣднее изданіе; первое и нѣсколько слѣдующихъ изданій вышли въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и Львовѣ).

K. Hoffman. Słownik polsko-francuzki (3 tomy) i francuzko-polski (3 t). Berlin, 1840—42; 2-е изд. 1857—58.

P. Dahlmann Słownik podręczny polsko-francuzki i francuzko-polski. Wrocław, 1846, 2-gie wyd. Berlin, 1852, 3-cie wyd. Berlin, 1864. 2 t.

F. Booch-Arkossy. Nowy dokładny słownik polsko-niemiecki i niemiecko-polski. Lipsk, 1866—67, tomów 2.

J. P. Jordan. Dokładny słowniczek polsko-niemiecki i niemiecko-polski. Lipsk, 1866.

Ign. Pląskowski. Słownik polsko-włoski i włosko polski. Warszawa, 1860.

Дом. Бартошевичъ. Словарь польско-россійскій, 2 т. Варшава, 1841—1843.

Фр. Потоцкій. Словарь польскаго и русскаго языка, составленный по найновѣйшимъ и лучшимъ источникамъ. Лейпцигъ. Часть первая: польско-русская 1873. Часть вторая: русско-польская 1876.

П. Дубровскій. Полный русско-польскій словарь. Варшава, 1878. Двѣ части.

J. B. Podstranski. Kapesni słownik polsko-český a česko-polský. Praha, 1851.

W. Lebiński. Materyjały do słównika łacińsko-polskiego średniowiecznéj łaciny i starożytności polskich. Poznań, 1885 (Zprawozdanie z czynności Towarzystwa przyjaciół nauk poznańsk. za rok 1884).

Ad. St. Krasiński. Słownik synonimów polskich. Kraków, 1885. T. I—II. Wydanie Akademii umiejętności.

W. Kozlowski. Słownik leśny, bartny, bursztyniarski i orylski. W Warszawie, 1846—47.

Hier. Łabęcki. Słownik górniczy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko i rosyjsko-polski, tudzież glosarz średniowiecznéj łaciny górniczej w Polsce. Warszawa, 1868.

J. Karłowicz. 1) Przyczynki do projektu wielkiego słownika polskiego (Rozprawy i sprawozd. Wydź. filol. Akad. umiejęt. w Krakowie, 1876, t. IV); 2) Lacińsko-polski słowniczek roślinny z zabytku Przemyskiego (Prace filol., 1887, II, z. 1); 3) Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1894.

T. Wierzbowski. Dwa przyczynki do starożytnego słownictwa polskiego (Spraw. Kom. język. 1884, t. III).

J. Bystroń. Wokabularz łacińsko-polski z połowy wieku XVI-go (Prace filol., II, z. 2).

J. S. Ziemba. Słownik prowincyjonalizmów powiatu będzińskiego (Prace filol., 1889—1890, t. III, z. 1, 2).

St. Ciszewski. Przyczynek do słownictwa polskiego (Prace filolog., 1889, t. III, z. 1).

R. Lubicz. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1).

Z. Gloger. Słownik gwary ludowej w Tykocińskim (Prace filolog., 1893, t. IV, z. 3).

G. Korbut. Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym (Prace filol., 1893, t. IV, z. 2).

A. A. Kryński. Słownik wyrazów godnych uwagi, użytych w „Porządku prawa bartnego" dla starostwa lomżyńskiego z r. 1616 (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., t. IV, 1891).

T. Jungfer. Słowniczek do Kroniki St. Chwalczewskiego (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).

A. Wrześniowski. Spis wyrazów podhalskich. Kraków, 1885 (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., t. III).

Br. Dembowski. 1) Spis wyrazów i wyrażeń używanych na Podhalu (Spaw. Komis. język. Akad. umiej., 1894, t. IV); 2) Słownik gwary podhalskej (тамъ-же, 1894, t. V).

Kar. Matyas. Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio-południową najbliższą okolicą Nowego Sącza (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1871, t. IV).

Wl. Siarkowski. Słowniczek gwary ludowej z okolic Pinczowa (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).

J. Złoża. Zbiór wyrazów uzywanych w okolicach Chochołowa (Spraw. Kom. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).

L. Rzezowski. Spis wyrazów ludówych z okolicy Żywca (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).

Wr. Matłakowski. 1) Zbiór wyrazów ludowych dawnej Ziemi Czerskiej (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV); 2) Słownik wyrazów ludowych zebranych w Czerskiem i na Kujawach.

J. Bieła. Spis wyrazów zebranych we wsi Zarnówce nad Skawą (Spraw. Komis. język. Akad. umiej., 1891, t. IV).

Z Wasilewski. Słowniczek wyrazów ludowych we wsi Jaksicach (Prace filol., 1895, t. V, z. 1).

W. Pracki. Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa (Prace filol., 1895, t. V, z. 1).

Jerzykowski. Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażeń. Poznań, 1887.

Er. Majewski. Słownik nazwisk zoołogicznych i botanicznych polskich, zawierających ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie и т. д. Warszawa, 1893.

e) Работы по діалектологіи[1]).

И. Лось. 1) Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по Польской діалектологіи (Живая Старина, 1891, кн. III, 184); 2) Gwara opoczyńska. Studyjum dyjalektologiczne, 1885 (Rozprawy Wydź. filol. Ak. umiej., t. XI); 3) Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich (тамъ-же).

К. Аппель. 1) О говорахъ польскаго яз. (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1879, т. II, 47); 2) Рецензіи на работы Крынскаго, Лецѣевскаго, Матусяка, Завилинскаго въ Русск. Филолог. Вѣстн., 1880 (IV), 1884 (XI) и Филолог. Записки, 1882 (4—5).

---

[1]) Ср. также предшествующій отдѣлъ „Словари и словарныя работы".

Jan Biela. Gwara Zebrzydowska. Studyjum dyjalektołogiczne, 1882 (Rozpr. Wydź. filol. Akad. umiej, t. IX).

Jan Bystroń. 1) O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim, 1885 (Rozpr. Wydź. filol. Ak. umiej, t. XII); 2) K jazykowé a národnostni otazce we Slezsku (Slovanský Sbornik. Praha, III (1884); 3) Wiadomość o śląsko-polskim druku z przeszlego wieku (Prace filol., I, z. 1); 4) O vlivě češtiny na jazyk polský ve knižectvi těšinském (Slovanský Sbornik, V (1886); 5) Przyczynek do djalektologji polskiej (Prace filol., 1892, t. IV, z. 1).

G. Blatt. Gwara ludowa we wsi Pysznica w powiecie Niskim (Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejęt., t. XX).

A. Bruckner. Z przeszlości gwar polskich (Wisła, 1892 (t. VI) z. 4).

R. Fiedler. Bemerkungen über die Mundart der polnischen Niederschlesier. Breslau, 1841.

O. Kolberg. Rzecz o mowie ludu wielko-polskiego (Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej, w Krakowie, 1877, t. I).

J. Kopernicki. Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie górali Bieskidowych, z dodatkiem słowniczka wyrazów góralskich (Rozprawy Wydź. filol. Akad. umiej, w Krakowie, 1875, t. III).

Wład. Kosiński. Porównawcze zestawienie języka ludowego zachodniéj Galicyi ze staropolskim językiem piśmiennym. Wadowice, 1877 (Sprawozdanie Dyrekcyi c. k. realnego i wyższego gimnazyjum w Wadowicach za rok szkolni, 1877); 2) Przyczynek do gwary zakopańskiéj (Rozpr. Wydź, filol. Akad. umiej., 1884, t. X); 3) Słowniczek prowincjalizmów w okolicach Krakowa, Bochni i Wadowic (Zbiór wiadom. do antropol. krajow., t. I, 1877).

A. Krasnowolski. Język ludowy polski ziemi Chełmińskiej. Lwów, 1879 (Album uczącéj się młodzieży polskiéj poświęcone J. I. Kraszewskiemu z powodu jubileuszu jego 50-letniéj działalności literackiéj, 1879).

J. Karłowicz. 1) Imiona zbiorowe typa „bracia“ (Prace fil., t. V (1895) z. 1; 2) Słoworód ludowy. Kraków, 1878.

Ad. An. Kryński. 1) Gwara zakopańska. Studyjum dyjalektologiczne. W Krakowie, 1883 (Rozprawy Wydź. filol. Ak. umiejęt., t. X); 2) Postaci osobliwe przysłówków staropolskich i dzisiejszych gwarowych (Prace fil., t. II (1888) z. 2.

Jan Leciejewski. Gwara Miejskiéj Górki i okolicy. Studyjum dyjalektologiczne. W Krakowie, 1885 (Rozprawy Wydź. fil. Ak. umiej., t. XII).

Er. Majewski. Nazwy ludowe kartofla i ich słoworód (Prace filol., t. IV (1893) z. 2).

L. Malinowski. 1) Beiträge zur slavischen dialektologie I. Ueber die Oppelnsche Mundart in Oberschlesien (1 Heft. Laut-und-Formenlehre). Leipzig, 1873; 2) Głoski nosowe we wsi Kasinie oraz niektóre inne właściwości téj gwary (Rozpr. Wydź. filol. Ak. umiejęt. 1880, t. VIII); 3) Studyja śląskie. Kraków, 1882 (тамъ-же, t IX); 4) Grupy spółgłosek **trz**, **strz**, **drz** w niektórych gwarach Galicji Zachodniej (Prace filol. t. IV (1892) z. 1); 5) Drobiazgi językowe (тамъ-же, t. IV (1893) z. 2; t. V (1895) z. 1); 6) O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze (Rozprawy Wydź. fil. Akad. umiejęt., 1893 Ser. II, t. II (t. XVII); 7) Studyja nad etymologiją ludową (Prace filol., t. I (1885) z. 1; II (1887—1888) z. 1, 2; III (1891) z. 3); 8) Dyjalektyczne wtórne przedłużenie—**on** (ą) na **an** (a͡n) w jezyku polskim (Prace fil., t. II (1888) z. 3).

Szymon Matusiak. 1) Gwara lasowska w okolicy Tarnobrzega. Studyjum dyjalektologiczne. W Krakowie, 1880 (Rozprawy Wydź. filolog. Akad. umiejęt., t VIII); 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner (Arch. f. slav. Phil., V (1880); 3) Рецензіи на работы Л. Малиновскаго въ Русск. Филол. Вѣстн., 1882 (1).

P. Parylak. Prowincyjonalizmy mowy polskiéj w Drohobyczu i jego okolicach zestawione i porównane z językiem ruskim, staropolskim i narzeczem Kaszubskim. Kraków, 1877 (Zbiór wiadom. do antrop. kraj, t. I).

Nadmorski. Spis wyrazów właściwych gwarze małborskiej i kociewskiej (Wisła, t. III (1889) z. 4).

W. Pol. Historyczny obszar polski. Rzecz o dyjalektach mowy polskiej. Kraków, 1869 (ненаучная работа).

J. Poliwka. Polština, v horní stolici Oravské (Listy filologicke a paedagogické. R. XII, v Praze, 1885).

R. Zawiliński. Gwara Brzezińska w starostwie Ropczyckim. Studyjum dyjalektologiczne. W Krakowie, 1880 (Rozpraw. Wydź. fil. Ak. umiej., t. VIII).

P. B. Wyrazy gwarowe z okolic Tarnowa (Prace filol., t. IV (1892) z. 1).

St. Ciszewski. 1) Przyczynek do studyjów nad słoworodem ludowym (Prace filol., t. III (1890) z. 2); 2) Kilka prowincjonalizmów płockich (Wisła, III (1889) z. 1).

L. Czarkowski. Prowincjonalizmy w gwarach ludowych (Wisła, t. VI (1892) z. 4).

I. Sembrzycki. O gwarze mazurów pruskich (Wisła, III (1889).

Werżba. O djalekcie warmińskim (Gazeta Olsztyńska, 1886, № 25—39).

L. W. Szczerbowicz. Gwara warszawska w spółczesnym języku literackim (Biblioteka Warszawska, 1890, kn. 8).

ж) Образцы народныхъ говоровъ.

Oskar Kolberg. 1) Lud jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce, 1857—1890; Seryja I Piésni ludu polskiego. Warszawa; Ser. II Sandomierskie; Ser. III—IV Kujawy; Ser. V—VIII Krakowskie; Ser. IX—XV W. ks. Poznańskie; Ser. XVI—XVII Lubelskie; Ser XVIII—XIX Kieleckie; Ser. XX—XXI Radomskie; Ser. XXII Łęczickie; Ser. XXIII Kaliszkie; II) Mazowsze, Obraz etnograficzny, 1—5, 1885—1890; III) Pokucie, 1—4, 1889; IV) Chelmskie, 1890; V) Właściwości, pieśni i tańce ludu ziemi Dobżyńskiej (Sbiór wiadom. do antrop. krajow., t. VI, 1882).

Lipiński. Zwyczaje i pieśni ludu wielko-polskiego (Zbiór. wiadom. do antrop. krajowej, t. VIII, 1884).

L. Malinowski. Zarysy życia ludowego na Slązku. Warszawa, 1837.

A. Cinciała. 1) Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku. Cieszyn, 1855; 2) Pieśni ludu Śląskiego (Zbiór. wiad. do atrop. kraj., t. IX, 1885).

L. Starostzick. Beiträge zur slavischen Dialektologie. Oberschlesische Volkslieder aus dem kreise Rybnik (Arch. f. slav. Phil., VIII (1885) 463).

Ciechanowski. Pieśni ludu szląskiego z okolic Cieszyna (Wisła, VIII (1894) 312).

L. Č. Pieśni ludu Podhalan (Biblioteka Warszawska, 1845).

R. Zawiliński. 1) Z powieści Górali beskidowych (Wisła, II (1888); 2) Z etnografji krajowej (Przegląd literacki i artystyczny. Kraków, 1882; 3) Brzeziniacy (Ateneum, 1881).

J. Kopernicki. 1) Gadki ludowe Górali beskidowych z okolic Rabki (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XV, 1891); 2) Pieśni Górali beskidowych. Kraków, 1888.

Sz. Matusiak. 1) Historya polska w opowiadaniu ludu w Krakowie, 1881; 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner Arch. f. slav. Phil., V (1881) 631; 3) Z pieśni i opowiadań Lasowiaków (Przegląd akademicki. Kraków, 1882).

St Ulanowska. 1) O klechdzie ludowej (Wisła, t. III, 1889); 2) Niektóre materyały etnograficzne we wsi Łukowcu (mazowieckim) zebrane (Zbiór. wiadom. do antrop. krajow., t. XIII, 1884).

K. Mátyas. Z ust ludu (Przegląd literacki i artystyczny. Kraków, 1885.

L. Magerowski. Kilka wiadomości o ludzie polskim we wsi Wesolej pow. brzozowskim (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XIII).

Sew. Udziela. 1) Materyały etnograficzne z miasta Ropczyc i okolicy (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. X, 1886); 2) Lud polski w powiecie rop-

czyckim (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XIV, 1890; t. XVI, 1892); 3) Opowiadania ludowe ze Starego Sącza (Wisła, 1895—1896).

M. Albinski i J. Bliziński Abecadłowy spis wyrazów języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniéj (Biblioteka Warszawska, 1860, IV).

St. Ciszewski. 1) Lud rolniczo-górniczy z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim (Zbiór. wiad. do antrop. kr., t. X—XI, 1886—1887; 2) Powieści z tysiąca i jednej nocy (Wisła, t. II, 1888); 3) Krakowiacy,. Monografja etnograficzna. T. I. Kraków, 1894.

Wł. Siarkowski. Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc (Zbiór. wiadom. do antr. kr., t. II, III, IV, IX).

J. Grajnert. Zapiski etnograficzne z okolic Wielunia i Radomska (Zbiór. wiadom. do antr. kr., t. IV, 1880.

(An. Waga). Abecadłowy spis wyrazów ludowego języka w okoli ach Łomży, Wizny i pzyległych (Biblioteka Warszawska, 1860).

Kornel Kozłowski. Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesądy ludu z Mazowsza Czerskiego, wraz z tańcami i mełodyjami. Warszawa, 1869.

W. Kętrzyński. O Mazurach. Poznań, 1872.

J. Karłowicz. Dziesięć pieśni mazurskich (Prace filol., t. II (1888) z. 2).

A. Petrow. Lud ziemi Dobrzyńskiej (Zbiór. wiadom. do antr. kraj. t. II, 1878).

J. Sembrzycki. Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich (Wisła, III, 1889).

Kon. Rayski. Śpiewki i zagadki we wsi Biełej Błatnej w pow. Włoszyczowskim (Wisła, IX, 1895, 2, 3).

Zygm. Wierzchowski. Baśni i powieści z puszczy Sandomierskiej (Zbiór. wiadom. do antrop. kraj., t. XVI, 1892).

Mich Witanowski. Lud wsi Stradomia pod Częstochową (Zbiór. wiad. do antr. kraj., t XVII, 1893.

S. Adalberg. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1889—1894.

Z. Gloger. 1) Pieśni ludu. Kraków, 1892; 2) Starodawne dumy i pieśni. Warszawa, 1877; 3) Krakowiaki 657 śpiewek, ze źródeł etnograficznych i własnych notat zebral Z. G. Warszawa, 1879.

J. Swiętek. 1) Lud nadrabski od Gdowa aż po Bochnię, obraz etnograficzny. Kraków, 1893.

B. Erzepki. Próby gwary mazowieckiej z końca XVII i początku XVIII wieku (Roczn. Tow. Przyjac. Nauk Poznańs., t. XXI, 1895).

Dowojna Sylwestrowicz. Teksty podań szlachty żmudzkiej (Wisła, t. II, 1888).

Bibljoteka Wisły: T. I, II *M. Federowski*, Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy; T. III, VI *St. Chełchowskiego*, Podania z okolic Przasnysza; T. IV *Z. Wasilewskiego*, Jagodne, wieś w powiecie Łukowskim, gminie Dębie; T. V *R. Zawiliński*, Podania i pieśni Górali Beskidowych; T. IX *St. Polaczek*, Wieś Rudowa; T. X *Wl. Weryha*, Podania Łotewskie; T. XI *Ad. Pleszczyński*, Bojarzy międzyrzeccy.

Примѣчаніе. Болѣе раннія сборники народныхъ пѣсенъ, сказокъ и проч. воспроизводятъ образцы народныхъ говоровъ весьма неточно.

з) Періодическія изданія, болѣе или менѣе важныя для изученія польскаго языка.

1) Sprawozdania Komisyi językowej Akademii umiejętności (съ 1880).
2) Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział filologiczny (съ 1874).
3) Sbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem Komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie (съ 1877).
4) Pamiętnik Akademii umiejętności w Krakowie. Wydziały: filologiczny i historyczno-filozoficzny (съ 1875).
5) Prace filologiczne, wydawane przez J. Baudouina de Courtenay, J. Karłowicza, A. Kryńskiego i L. Malinowskiego (съ 1885).
6) Pamiętnik fizyjograficzny wydawany staraniem E. Dziewulskiego i Br. Znatowicza. Warszawa, (съ 1881).
7) Wisła, miesięcznik gieograficzno-etnograficzny. Warszawa (съ 1887).
8) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, pod redakcyą Dr. Ant. Kaliny (съ 1895).
9) Rocznik Towarzystwa nauk kraków. (съ 1831).
10) Rocznik Towarzystwa Przyjaciól nauk Poznań (съ 1840).
11) Biblioteka Ossolińskich. Lwów.
12) Biblioteka Warszawska (съ 1841).
13) Ateneum (Warszawa, съ 1875).
14) Przewodnik Biblijograficzny, mie sięcznik dla wydawców, księgarzy etc. wydawany przez d-ra Wł. Wisłockiego. Kraków (съ 1878).
15) Pamiętnik naukowy. Warszawa.
16) Tygodnik naukowy. Lwów.
17) Przegląd Polski. Kraków.
18) Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów.
19) Kwartalnik naukowy. Kraków (съ 1833).
20) Przegląd biblijograficzno-archeologiczny. Warszawa.
21) Przegląd krytyczny.
22) Przegląd akademicky. Krakow.
23) Przegląd literacko-artystyczny. Kraków.

Примѣчаніе. Критико-библіографическія свѣдѣнія о многихъ изъ указанныхъ выше работъ' вышедшихъ въ свѣтъ до 1885 г. см въ трудѣ К. Аппеля и А. Крынскаго Przegląd biblijograficzny prac naukowych o języku polskim (Prace filologiczne, 1886. T. I, z 2—3).

---

2. Площадь польскаго языка.

Польскимъ языкомъ говоритъ славянскій народъ, занимающій въ настоящее время низменную страну въ бассейнѣ р Вислы и многочисленныхъ ея притоковъ и частью въ бассейнѣ р. Одры. Это области, входящія въ составъ трехъ государствъ; именно: въ Россіи Поляки занимаютъ Царство Польское или Привислинскій край (съ главн. гор. Варшавой, за исключеніемъ сѣверной части Августовской и восточной—Люблинской губ.) и часть Гродненской губерніи; въ Германіи—Познанское герцогство (съ гор. Познанью и Гнѣзномъ), Восточную Пруссію (съ гор. Грудцемъ и Недборгомъ) небольшую часть Помераніи и Силезію до р. Ниссы (съ гор. Опольемъ (Оппёльнъ); въ Австріи—восточную часть Силезіи или такъ-наз. Тѣшинское княжество и западную часть Галиціи (съ гор. Краковомъ).

Точнѣе предѣлы коренной польской земли можно обозначить слѣдующимъ образомъ. Пограничная этнографическая черта, начинаясь съ сѣверо-востока у впаденія Черной Гончи въ Нѣманъ идетъ на С.З. чрезъ Сейны къ Преросну, гдѣ изъ предѣловъ Россійской имперіи вступаетъ въ Пруссію и идетъ далѣе на З. пониже Голдапа къ Норденбургу, откуда спускается на Ю. къ Бискупцамъ (Bischofsburg). Отсюда идетъ на С. къ Себургу и на Ю.З. по р. Древнцѣ до устья Велы, откуда чрезъ Бискупцы (Bischofswerder) идетъ на З. почти до Вислы, нѣсколько южнѣе Квидина (Marienwerder). Отсюда сворачиваетъ на Ю. восточнымъ побережьемъ Вислы и идетъ черезъ Грудзіонжъ (Graudenz), Хелмно (Kulm) къ Торуню, гдѣ поворачиваетъ русломъ Вислы къ сѣверу подъ Козій Боръ; переходитъ Вислу и спускается до Плонкова и Лишкова, поворачиваетъ снова къ С.З. чрезъ Домбровку и Острово, мимо Быдгоща, Свеци, Гнѣва, вдоль западнаго рукава Вислы до Тщева (Dirschau) и отсюда далѣе на С.З. повыше Гданска (Danzig) достигаетъ моря сѣвернѣе Оливы. Отъ Оливы пограничная черта направляется чрезъ Косцеринъ (Behrendt) и Хойницу (Konitz) къ Тухолѣ на Ю., гранича на сѣверо-западѣ съ кашубскимъ языкомъ. Отъ Тухолы чрезъ Камлинъ черта идетъ на З. нѣ-

сколько сѣвернѣе Флатова и оттуда на Ю. Кудавою до впаденія ея въ Нотецъ; далѣе Нотцемъ до впаденія Дравы между Дрезнемъ и Велыномъ. Отсюда спускается на Ю. къ Вартѣ и далѣе на Бабимость (Bomst), Вшову, Заборово, Бояново, Равичь, Сыцовъ (Wartenberg), Рейхталь, Бытчинъ (Pitschen) и Горжовъ. Оттуда снова идетъ на З. и переходитъ Одру между Брегомъ и Опольемъ, спускается на Ю. къ Стинавѣ и нѣсколько южнѣе достигаетъ Австріи. Отсюда, обойдя Глубчицкій край (Leobschitz), у Богунина достигаетъ границы чешско-моравскаго языка. Отсюда сѣверо-восточнымъ краемъ Силезіи подходитъ къ Угріи у горы Суловой и идетъ на В. по политической границѣ, отдѣляющей Галицію отъ Угріи, до мѣстечка Пивничны на р. Попрадѣ и далѣе чрезъ Грыбовъ, Пагорину, Змыгородъ, Ивлы къ Саноку. Затѣмъ черта поворачиваетъ уже на сѣверъ, чрезъ Заршинъ, Дубецко, Радимно, Гродзиско, Лежайскъ, Улановъ до Момоты, гдѣ изъ предѣловъ Австріи переходитъ въ Россію и все далѣе поднимается на С. чрезъ Раковъ, Щебрешинъ, Красныставъ, Ленчну, Островъ, Радзинъ, Медзирѣчь, Лосицы, Венгрувъ, Дрогичинъ, Высоколитовскъ, Бѣлостокъ, Гоніондзе, Райгродъ, Августово и на С.В. отъ этого города возвращается къ Черной Гончѣ[1]).

Въ означенныхъ предѣлахъ Поляки живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Сверхъ того за указанными границами польская рѣчь отчасти слышится въ русскихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, почти исключительно среди помѣщичьяго и городскаго населенія, а также въ восточной Галиціи. Это послѣдствія продолжительнаго владычества Поляковъ надъ Литвой, Бѣлоруссіей, Малороссіей и Галицкою Русью. Равнымъ образомъ отдѣльныя польскія поселенія разбросаны по западной Пруссіи, Помераніи и западной Силезіи. Послѣднія три области нѣкогда были вполнѣ достояніемъ польскаго языка; но уже съ XIII ст. вслѣдствіе движенія нѣмецкаго племени на востокъ здѣсь стала брать перевѣсъ нѣмецкая рѣчь и такимъ образомъ площадь польскаго языка на сѣверѣ и западѣ значительно съузилась. Нѣмецкій языкъ въ настоящее время не только сильно тѣснитъ польскую рѣчь въ Познани, Пруссіи и восточной Силезіи, но и раздается во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, разсѣянныхъ

---

[1]) Ср. М. П. Петровскаго. Матеріалы для славянской діалектологіи. Извѣстія и Ученыя Записки Казанскаго университета, 1867, II, 157.

въ Привислинскомъ краѣ. Съ другой стороны на востокѣ, за предѣлами этнографической Польши старое значеніе польскаго языка какъ органа образованности и общественной жизни ослаблено широкимъ распространеніемъ русскаго языка. Помимо Россіи, Австріи и Германіи наибольшее число Поляковъ живетъ въ Америкѣ, Франціи и Англіи.

На всемъ протяженіи своей западной и сѣверной границы польская рѣчь сосѣдитъ съ нѣмецкой; только въ узкой полосѣ Помераніи, близъ Гданска, къ ней примыкаетъ область близко родственнаго кашубскаго языка. На востокѣ и юго-востокѣ съ польскимъ языкомъ сосѣдитъ русскій языкъ (бѣлорусское и малорусское нарѣчія); на юго-западѣ—чешскій и словацкій языки.

Площадь этнографической Польши содержитъ до 2,000 кв. миль.

Общее имя народа *Поляки* (изъ древн. *Поляне*—названіе племени, жившаго по р. Вартѣ) уже вытѣснило или болѣе или менѣе вытѣсняетъ частныя названія отдѣльныхъ вѣтвей народа: *Великополяне*, *Малополяне*, *Куявы*, *Мазуры*, *Слезаки*, *Краковяки*, *Горали*. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ еще держатся.

Общее число Поляковъ немного превышаетъ 12 милліоновъ. Эта цифра приблизительно распредѣляется такимъ образомъ: въ Россіи до 6 милліоновъ, въ Австріи—до 2.700,000, въ Германіи—до 2.500,000, въ Америкѣ—ок. 1.000,000, во Франціи—8,000, въ Англіи—5,000.

Хорошей этнографической карты польскаго народа не имѣется. При опредѣленіи границъ польской рѣчи приняты во вниманіе слѣдующія карты: 1) М. Ѳ. Мирковичъ. Этнографическая карта славянскихъ народностей, 2-е изд. 1875 г. Спб.; 2) Н. С. Зорянко. Карта славянскихъ народностей. Приложеніе къ „Русско-славянскому календарю на 1890 г.“; 3) А. Ф. Риттихъ. а) Этнографическая карта Европейской Россіи; б) Карта западныхъ и южныхъ Славянъ; в) Матеріалы для этнографіи царства Польскаго. Спб., 1864; 4) Le Monnier. Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn. Wien, 1888; 5) H. Kiepert. Völker und Sprachen-Karte von Oesterreich und den Unter-Donau-ländern (1869). Berlin bei D. Reimer; 6) H. Kiepert. Völker- und Sprachen-Karte von Deutschland und den Nachbarländern. Zweite Anflage; 7) H. Kiepert. Uebersichts-Karte der Verbreitung der Deutschen in Europa. Berlin, 1887.

3. Судьбы польскаго языка.

Древнѣйшая исторія польскаго языка остается неразъясненной, главнѣйше за недостаткомъ данныхъ. Памятники польской письменности начинаются только съ XIV ст. Отъ болѣе ранняго времени сохранились лишь отдѣльныя слова, преимущественно мѣстныя и личныя названія, внесенныя въ различные латинскіе тексты; но и эти скудные остатки польской рѣчи восходятъ ко времени не ранѣе X—XI ст. Такимъ образомъ основные вопросы польскихъ древностей, какъ-то о происхожденіи польскаго языка, его отношеніяхъ къ ближайшимъ сородичамъ, о первоначальномъ его типѣ въ эпоху образованія польской народности и о послѣдующихъ видоизмѣненіяхъ этого типа, объ образованіи частныхъ нарѣчій и говоровъ — всѣ эти и многіе другіе вопросы остаются безъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ ляшской вѣтви, сложившихся впослѣдствіи въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныхъ языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.). Мѣстныя географическія и историческія условія и между прочимъ, раннее вліяніе сосѣднихъ языковъ, нѣмецкаго и летскаго содѣйствовали дальнѣйшему развитію индивидуализаціи польскаго языка. Въ XI—XII ст. уже ясно обозначились, по крайней мѣрѣ, въ области звуковъ, всѣ тѣ оригинальныя черты, которыми отличается этотъ языкъ отъ другихъ славянскихъ языковъ позже, въ пору развитія польской письменности.

Изъ сѣверо-западныхъ языковъ польскій языкъ наиболѣе близокъ къ кашубскому, который обыкновенно считаютъ одной изъ разновидностей вымершаго полабскаго языка. Кашубскій языкъ многими славянскими филологами и разсматривается какъ нарѣчіе польскаго языка. Другіе считаютъ его за самостоятельный языкъ и такой взглядъ, кажется, надо считать наиболѣе правильнымъ. Особенно роднитъ оба языка удержаніе тѣмъ и другимъ носовыхъ гласныхъ. Но эта черта свойственна также и старо-славянскому языку.

Польскій языкъ не представляетъ такого разнообразія нарѣчій и говоровъ, какое наблюдается напр. въ сосѣднихъ чешскомъ и словацкомъ языкахъ. Тѣмъ не менѣе и у Поляковъ на ряду съ языкомъ,

принятымъ въ литературѣ и въ образованныхъ классахъ населенія, существуютъ простонародные говоры, которые можно соединить въ шесть нарѣчій: малопольское, великопольское, силезское, куявское, мазурское и горальское. О происхожденіи этихъ нарѣчій трудно сказать что-либо опредѣленное. Слѣды нѣкоторыхъ діалектическихъ различій указываютъ уже въ памятникахъ XV в. Въ основаніи современнаго книжнаго языка лежитъ нарѣчіе не Полянъ, т. е. не той вѣтви, которая впервые выполнила задачу политическаго и этнографическаго объединенія всего народа и дала ему одно общее имя, а нарѣчіе Краковяковъ или малопольское. Объясняется это тѣмъ, что въ ту пору, когда польскій языкъ сталъ постепенно завоевывать себѣ мѣсто въ литературѣ и обществѣ, центръ политической и культурной жизни въ Польшѣ перемѣстился съ сѣвера на югъ, въ Малую Польшу, и Краковъ былъ по преимуществу средоточіемъ книжной дѣятельности Поляковъ. Судьбу литературнаго польскаго языка можно слѣдить по памятникамъ начиная съ XIV в.

X—XIII ст. Памятниковъ польской письменности ранѣе XIV ст. не сохранилось. Вѣроятно ихъ и было немного. Польскій народъ, подобно чешскому, уже съ X в. попалъ въ крайне неблагопріятныя условія политической и культурной жизни, которыя не могли не затруднить развитіе у него письменности на народномъ языкѣ. Утвержденіе въ Польшѣ христіанства по латинскому обряду[1]) уже рано предоставило латинскому языку привилегированное положеніе языка церковнаго и государственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ орудія образованности. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій онъ исключительно господствуетъ въ церкви, управленіи, при королевскомъ дворѣ, среди шляхты, въ судѣ, школѣ и письменности. Польскія лѣтописи, грамоты, акты, произведенія церковной и религіозно-поучительной литературы долгое время пишутся только по латыни. Въ XIII ст. съ распространеніемъ въ Польшѣ нѣмецкихъ колоній и усиленіемъ связей съ Германіей на ряду съ латинскимъ получаетъ видное общественное значеніе языкъ нѣмецкій.

---

[1]) Имѣются несомнѣнныя историческія свидѣтельства о томъ, что въ IX ст., по крайней въ нѣкоторыхъ польскихъ земляхъ, распространилось христіанство по славянскому обряду, по книгамъ кирилло-меѳодіевскимъ, но здѣсь славянская народная церковь не упрочилась, какъ не удержалась она въ Чехіи и Моравіи. Тѣмъ не менѣе кирилловское письмо употреблялось кое-гдѣ въ Польшѣ до XIII ст.: имъ пользовались Бенедиктинскіе монахи.

При такихъ обстоятельствахъ народный польскій языкъ оказался въ приниженномъ состояніи: ему не было мѣста ни въ общественной жизни, ни въ письменности; онъ жилъ и развивался если не исключительно, то преимущественно среди сельскаго люда и вообще низшихъ классовъ общества. Впрочемъ допускаютъ, что и въ XIII ст. а, можетъ быть, и раньше могли существовать записи на польскомъ языкѣ, служившія преимущественно удовлетворенію насущныхъ религіозныхъ потребностей народа какъ-то: формулы присяги, символъ вѣры, Молитва Господня, формулы исповѣди, псалмы и т. п.[1]). Но во всякомъ случаѣ, эти древніе тексты не дошли до насъ. Самыя раннія польскія рукописи относятся только къ XIV ст.

Единственными свидѣтелями состоянія польскаго языка въ древнѣйшую пору до XIV ст. служатъ отдѣльныя слова, преимущественно мѣстныя и личныя названія (рѣже техническіе термины), встрѣчающіяся въ памятникахъ на латинскомъ языкѣ, какъ-то въ грамотахъ, лѣтописяхъ, хроникахъ, надписяхъ на гробницахъ и монетахъ. До X—XII ст. такихъ памятниковъ немного, при томъ большая часть ихъ дошла не въ подлинникахъ, а позднѣйшихъ спискахъ[2]). Но съ XIII ст. число ихъ значительно умножается. Собиранію и изученію польскаго лингвистическаго матеріала, разсѣяннаго въ латинскихъ текстахъ посвящена цѣнная и въ настоящее время работа И. А. Бо-

---

[1]) Синодъ въ Лэнчицѣ, подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго архіепископа, Якова Свинки, 6 января 1285 г. постановилъ: 1) чтобы всѣ священники по воскреснымъ днямъ, вмѣсто проповѣди, объясняли народу по польски символъ вѣры, Молитву Господню и Богородицѣ, и, кто настолько знакомъ съ польскимъ языкомъ, также Евангеліе; 2) чтобы послѣ поминовенія усопшихъ основателей церквей народъ произносилъ общую исповѣдь въ такихъ выраженіяхъ: *Kayesse Bogu* и пр; 3) чтобы во всѣхъ церквахъ имѣлось рукописное житіе св. Войтеха для *всеобщаго* чтенія и пѣнія; 4) чтобы учителями школъ назначались только такія лица, которыя могутъ объяснять ученикамъ по польски авторовъ и 5) чтобы церковныя бенефиціи раздавались только природнымъ жителямъ и при томъ знающимъ польскій языкъ. Эти постановленія были изданы съ цѣлью ограничить распространеніе нѣмецкаго языка. Ср. В. В. Макушева, Чтенія о старопольской письменности. Русск. Филол. Вѣстн., 1879 г., № 1, 44.

[2]) Такъ древнѣйшая подлинная польско-латинская грамота относится къ 1101 г., въ позднѣйшемъ спискѣ — грамота 985—996 г. Раннія польско-латинскія лѣтописи относятся къ XII ст. (Мартинъ Галлъ) и къ XIII ст. (Богухвалъ и Викентій Кадлубекъ), но и онѣ дошли только въ позднѣйшихъ спискахъ. Болѣе древніе тексты иноземныхъ памятниковъ: Vita S. Adalberti episcopi (1000 г.), Annales Corbeienses (XI ст.), Hildesheimenses, Quedlinburgenses, Weissemburgenses (X — XII ст.), Хроники Титмара (1015 г.) и Видукинда (970 г. списки XI—XII в.) и др.

дуэна де-Куртенэ. О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія (Лейпцигъ, 1870). На основаніи этого матеріала почтенному изслѣдователю удалось представить довольно-обстоятельную характеристику древне-польскаго языка со стороны звуковъ; для морфологіи же латинскіе источники почти ничего не даютъ. На основаніи указанныхъ скудныхъ данныхъ можно отмѣтить слѣдующія наиболѣе характерныя особенности польскаго языка для древнѣйшей поры.

1) Носовые гласные представляли еще въ значительной степени то разнообразіе звуковъ, какое въ настоящее время отчасти удержалось лишь въ нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ (въ Силезіи). Кромѣ двухъ свойственныхъ современному языку носовыхъ гласныхъ ą (=o͡n и ę (=e͡n) несомнѣнно существовало носовое a, которое можно обозначать черезъ ą̃; оно соотвѣтствовало старо-сл. то ѫ, то ѧ: Bambica, Sanchora, Campicza, Prandocin, Danbrovcam, Sandivoy, Swantos, Svantoslai. Сверхъ того можно допустить существованіе носовыхъ i, u, т. е. į, ų: pintnacesse, Jastrimbe, Lynda, Sundomirie, pridrunsici. (Ср. ниже, въ отдѣлѣ фонетики, параграфъ о носовыхъ гласныхъ).

2) Пра-славянскіе глухіе ъ, ь еще удерживались въ отдѣльныхъ случаяхъ: Mistiwoj (1247), Mistignecco (1234), Benyn (1245), Binin (1248), Lizstek (1177), Mocidilnice, Grimizlaus (1228) и др. Но это лишь скудные остатки старины. Вообще же уже въ древнѣйшую пору рѣзко выступаетъ черта, свойственная современному польскому языку, т. е. исчезновеніе пра-слав. ъ, ь (въ неударяемыхъ слогахъ) или переходъ ихъ въ звонкіе гласные; напр.: Mstiv (1231), Mstiuug (1243).

3) Пра-слав. rь (старо-слав. рь) между согласными (особенно передъ мягкимъ) = ir (yr): Piruosonis (Pirvoš), Wirbno (1228), Wyrbeta, Dirislao (1254), Dirzlaus (1270, Diržislav), Virchozlaus (Virchoslav, 1251) и др. Позже вм. ir—er: Vierzbiczani (1461).

4) Согласные t, d, r въ древнѣйшую пору еще не подвергались переходному смягченію въ ć, dź, ř (rz) а могли измѣняться только въ непереходно-мягкіе ť, ď, ŕ. Примѣры: Wrotis (1209), Stinaw (1215), Wlodizlao (1206), Sandiwoy (1209), Brodizlawo (1153), Premislavo (1.90), Vinarie (1207), Serisewa (1155), Pribuvoio (Титмаръ, 1015). Переходъ ť, ď, ŕ въ ć, dź, ř (rz) начался въ концѣ XII ст. и закончился къ полов. XIII ст (Бодуэнъ де-Куртенэ, 53): Maceiowi (1223), Miscignewus (1230), Woicech (1231), Buziuog (1228), Wlodzilausa (1250), Crzivin (1274), Dobrzejowicae (1252), Przemisluus (1277), prsewod (1278) и др.

5) Вм. ѣ слышалось то e, то a, при чемъ иногда e чередуется съ a въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ настоящее время возможно исключительно a, т. е. передъ твердыми согласными d, t, ł, n, r, z, s: Bella (1167), Bela (1185), Belsco (1286), Paski (1280), Peski (1285), Kwetkow (1252), Lesota Bałowanz (1136), Kwatek (1209), Lassota (1242). Любопытно начертаніе ea вм. др. ѣ: Beala·(1193), Bealtarsk (1249), Lopeankam (1243). Впрочемъ, уже въ XII — XIII в. a вм. ѣ передъ твердыми согласными преобладаетъ. Ср. ниже о соотвѣтствіи старославянскому ѣ.

6) Характерный польскій переходъ e (je)—въ o передъ твердыми согласными также наблюдается въ XII—XIII ст.: Sevor (1125), Sedlon (1136), Nouosodl (1206), ciosna (1250), Studzona (1258), zona (1270); но иногда удерживается и e: wymed (1253); vimeth (1286), но и vimot (1289), Jezerco (1296), Dlugosedlo (1250).

7) Пра-слав. ar, al (старо-слав. ра, ла, рус. оро, оло) уже=ro, lo: Wroczislaus (1250), glowa (1235), crova (1287), Drogota (1125), Drogomysl (1136), Drogomilus (1255), Grodec (1193), Grodiscze (1256).

Приведенныя данныя и нѣкоторыя другія, болѣе частныя, даютъ основаніе заключать, что въ XIII ст. въ польскомъ языкѣ болѣе или менѣе полно обозначились всѣ важнѣйшія звуковыя особенности, которыми онъ по преимуществу характеризуется и позже, въ древнихъ памятникахъ письменности, а также и въ настоящее время.

XIV — XV ст. Первые памятники польской письменности появляются только въ XIV ст. Впрочемъ отъ этого столѣтія ихъ сохранилось очень немного; притомъ помѣченные годами относятся лишь къ концу столѣтія. Памятники эти слѣдующіе: 1) Свидзинскій Листокъ, содержащій 50-й псаломъ; 2) Молитвы въ рук. 1375 г. (Ja grzeszny czlowiek, Ojcze nasz, Zdrowaś Marya, Wierzę w Boga, рукопись принадлежитъ Ягеллонскому универс.); 3) Флоріанская псалтырь (полов. XIV ст.); 4) „Роты“ или судебныя присяги (съ 1386 г.); 5) Kazania świętokrzyskie. Въ XV ст. число польскихъ рукописей значительно умножается и по содержанію онѣ становятся разнообразнѣе. Кромѣ текстовъ псалтыри, отдѣльныхъ молитвъ и молитвенниковъ до насъ дошли: полная библія, проповѣди, религіозно-поучительныя книги, легенды, въ прозѣ и стихахъ, церковныя и вообще духовныя пѣсни, переводы текстовъ и книгъ юридическаго содержанія. Важнѣйшіе изъ памятниковъ XV в. слѣдующіе: 1) Библія королевы Софіи (такъ-наз.

Шарошпатацкій кодексъ); 2) Гнѣзненскій кодексъ проповѣдей 1419 г.; 3) Молитвенникъ Навойки (Ядвиги) нач. XV в; 4) Modlitwy Wacława; 5) Пулавская псалтырь; 6) Żywot św. Błażeja; 7) Legenda o św. Aleksym 1454 г.; 8) Пѣснь Богородицѣ; 9) Epistola ś. Bernarda „O rzandzenyu czeliadnym"; 10) Kazanie na dzień wszech świętych; 11) Confessio generalis XV w.; 12) Переводы Вислицкаго и Мазовецкаго статутовъ; 13) Księga ziemi Czerskiej 1404—1425 (польскія вставки въ латинскомъ текстѣ); 14) Kazania Jana z Szamotuł (к. XV—нач. XVI в.) и др.[1]). Въ общемъ рукописная производительность Поляковъ на народномъ языкѣ и въ XV ст. отличалась весьма скромными размѣрами. Ее нельзя и сравнивать напр. съ современною ей книжною и литературною производительностью Чеховъ. Общее число памятниковъ чешской письменности, дошедшихъ отъ одного XIV ст. неизмѣримо превышаетъ число польскихъ текстовъ, сохранившихся отъ двухъ столѣтій XIV и XV. Польскій языкъ и въ этомъ періодѣ все еще находился въ пренебреженіи и имѣлъ очень слабое общественное значеніе. Въ Польшѣ національное самосознаніе пробуждалось гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Чехіи. Чуждый народу латинскій языкъ продолжалъ занимать привилегированное положеніе какъ въ письменности, такъ въ жизни общественной и государственной. Мало того, съ открытіемъ въ Краковѣ (въ 1400) академіи въ Польшѣ быстро развивается научная латинская литература, а распространеніе гуманистическаго движенія въ XV в. еще болѣе содѣйствуетъ возвышенію въ польскихъ образованныхъ классахъ значенія латинскаго языка. Къ послѣднему обращаются всѣ выдающіеся представители польской образованности XV ст.: гуманисты Григорій изъ Санока и Филиппъ Каллимахъ Буонакорси, математикъ и астрономъ Войтѣхъ Брудзевскій, славный историкъ Янъ Длугошъ, знаменитый политикъ и публицистъ Янъ Остророгъ, извѣстные ораторы и общественные дѣятели Янъ Тэнчинскій и Збигнѣвъ Олесницкій. Тѣмъ не менѣе и въ XV ст. не смотря на господство чужихъ культурныхъ началъ, въ польскомъ народѣ живо сказывалась потребность болѣе широкаго употребленія роднаго языка въ письменности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ переименованные выше польскіе памятники такъ и многочисленныя латинскія рукописи

[1]) Изданія древнихъ памятниковъ польской письменности указаны выше стр. 368—373. Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ можно найти въ прекрасной книгѣ проф. Нѣринга, Altpolnische Sprachdenkmäler. Berlin, 1887.

XV в., испещренныя польскими глоссами и вставками. На возбужденіе вниманія къ отечественному языку и на развитіе польской письменности въ XIV—XV в. несомнѣнно оказали важное вліяніе культурныя связи и сношенія Поляковъ съ Чехами. Чешскія рукописи стали проникать въ Польшу въ XIV ст.; въ XV ст. Гуситы-бѣглецы приносили съ собой въ польскія земли свои книги и чешскій переводъ священнаго писанія. Распространеніе Гуситства въ Польшѣ было остановлено репрессивными мѣрами со стороны высшихъ представителей католической церкви. Тѣмъ не менѣе знакомство Поляковъ съ чешскою письменностью не могло пройти безслѣдно для ихъ національнаго самосознанія и польскій языкъ сталъ постепенно проникать въ книгу. Фактъ вліянія чешской письменности на польскую подтверждается присутствіемъ чехизмовъ во многихъ древнихъ польскихъ текстахъ, напр. въ Флоріанской Псалтыри, Библіи королевы Софіи, Пулавской Псалтыри и др. (ср. изслѣдованія Нёринга). Уже въ Флоріанской Псалтыри, памятникѣ XIV в., такъ много чешскихъ формъ, словъ и оборотовъ, что необходимо допустить пользованіе со стороны польскаго переводчика чешскимъ текстомъ псалтыри. Въ XV в. вліяніе чешскаго яз. на польскій все болѣе крѣпнетъ, слѣды его тянутся и позже въ XVI в., напр. въ сочиненіяхъ Рея и Я. Кохановскаго.

Нѣкоторымъ препятствіемъ успѣшному развитію польской письменности служила усвоенная ею крайне неудовлетворительная графика. Латинская абецеда, издавна употребляемая Поляками оказывалась, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, весьма недостаточной для выраженія многихъ своеобразныхъ звуковъ польскаго языка. Поэтому польскіе писцы или вынуждены были употреблять одну и туже букву для обозначенія двухъ и болѣе звуковъ (напр. z въ значеніи z, ż, ź) или прибѣгали къ соединенію нѣсколькихъ знаковъ для передачи одного звука (напр. слав. c передавалось черезъ s, z, ss, sz), причемъ въ томъ и другомъ случаѣ каждый поступалъ по своему усмотрѣнію. Отсюда въ правописаніи польскихъ рукописей XIV и XV ст. наблюдается страшная путаница, въ которой трудно разобраться. Первая попытка внести нѣкоторую систему въ польскую графику принадлежитъ ученому XV ст. канонику Як. Паркошу (ср. 345, 360 стр.). Въ своемъ сочиненіи „объ ороографіи“ онъ настаивалъ на обозначеніи носовыхъ гласныхъ исключительно знакомъ ɸ, и долгихъ гласныхъ—соединеніемъ двухъ одинакихъ буквъ aa, ee и т. д.; а твердые

и мягкіе согласные предлагалъ выражать различными знаками. Система Паркоша не получила широкаго распространенія, но несомнѣнно оказала вліяніе на разработку вопроса о правописаніи въ XVI в.

Неурядица въ правописаніи создаетъ значительныя трудности при изученіи древняго польскаго языка. Отъ изслѣдователя требуется большая осторожность въ выводахъ при опредѣленіи природы звуковъ, скрывающихся подъ самыми разнообразными и неточными обозначеніями. Тѣмъ не менѣе новѣйшія точныя наблюденія надъ многими наиболѣе важными памятниками даютъ возможность составить достаточно отчетливое представленіе о состояніи польскаго языка въ XIV—XV ст. Оказывается, что при всемъ близкомъ сходствѣ съ современнымъ языкомъ онъ представлялъ не мало характерныхъ чертъ, которыя въ старину болѣе роднили его съ нѣкоторыми другими славянскими языками и въ настоящее время уже совершенно изчезли. Отмѣчаемъ нѣкоторыя изъ этихъ особенностей.

1) Количество гласныхъ еще различалось: рядомъ съ краткими гласными существовали долгіе. Это доказывается встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ памятникахъ употребленіемъ двойныхъ начертаній гласныхъ aa, ee, oo, ϕϕ, ąą, uu; напр.: lesnaa, pokolenyaa, naas (Флор. пс.), maa, nyemaa, daal, pozwaan, naasz (Вислиц. ст.), daacz, braacz (Мазов. ст.), paaszek (Познан. роты); wydzenyee, pogorszenyee (Флор. пс.), ymyenyee, zidzeech (Вислиц. ст.), bozee (глосса 1447 г.), sneeg, mee (=мои), czistee (Свидзин. лист. XIV в.); doostoyno (Флор. пс.), synoow (Вислиц. ст.); bϕdϕϕ, wnidϕϕ (Флор. пс., Свидзин. лист.); wsząą, mąąsz (Вислиц. ст.); rozuum (Вислиц. ст.). Съ подобнымъ написаніемъ встрѣчается одно слово и въ грамотахъ XIII в.: Naaroch (1232, 1260). О существованіи въ польскомъ языкѣ долгихъ гласныхъ свидѣтельствуетъ и Паркошъ[1]) (XV в.). Нѣкоторые ученые не придаютъ значенія приведеннымъ даннымъ. Такъ г. Семеновичъ (Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen. Leipzig, 1872) утверждалъ, что долгота гласныхъ изчезла въ польскомъ еще въ до-историческую пору. Напротивъ Я. Лось (Prace filologiczne, t. II (1887) z. 1, 119—142), снова пересмотрѣвъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что ос-

[1]) Omnes etiam vocales apud polonos modo longantur, modo breviantur. Ex quarum longatione vel breviatione diversus consurdit sensus dictionum (Antiquissimus de orthographia polonica libellus. Poznań, 1830).

татки долгихъ гласныхъ держались еще въ XV ст. и только въ теченіе этого столѣтія окончательно исчезли. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что долгіе гласные и до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ народныхъ польскихъ говорахъ, напр. силезскихъ [1]).

2) Исчезновеніе долготъ въ польскомъ языкѣ сопровождалось возникновеніемъ особаго характернаго явленія, которому усвоено названіе *наклоненія* (pochylenie) или *сжатія* (ścisnienie) гласныхъ: долгое a стало звучать близко къ o, долгое e начало сближаться съ i, долгое o —съ u. Въ XVI ст., когда этотъ звуковой процессъ получилъ широкое развитіе такіе наклоненные (pochylone) гласные обозначались черезъ á, é, ó Написаніе нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ старыхъ латинскихъ грамотахъ позволяетъ заключать, что наклоненіе гласныхъ существовало уже въ XIII, а можетъ быть въ концѣ XII ст. Nosidlsk (1232), poras (1256), Primuzlao (1273), przipust (1274), Bugusłaus (1270), Muglin (1142) Въ памятникахъ XIV—XV ст., не смотря на запутанную ихъ орѳографію, это звуковое явленіе выступаетъ весьма отчетливо. Наклоненные гласные передаются или посредствомъ видоизмѣненныхъ буквъ a, e, o (напр. ą, ę, ǫ, ᴓ и т. п.) или же чаще посредствомъ буквъ обозначающихъ звуки, къ которымъ приближаются наклоненные гласные т. е. á—черезъ o, é—черезъ i, y, ó—черезъ u. Примѣры [2]): dzywno (имен. п. жен. р.), iocob, prowoty, zokon (Флор. пс,), koszdemu (Висл. ст., Пулав. пс.), obliczim, weselim, badanim. myloserdzy (=ije), twogy (род. п. ед. ч. жен. р.), gys (=jeś), gnywacz, krzyscyanska (Флор. пс.), wylkych, wy (=wie 3 л. ед. ч.), przykazanym, dzelyenym, sprawidliwe, pynydze (Prawa Kazim. W.), przestrzygl (Пулав. пс.), iacubow, smyluwa, bloguslowcze (Флор. пс.), cunrad (Prawa Kazim. W), biskupem (Мазов ст.) и др. Наклоненіе гласныхъ большею частью происходило въ закрытыхъ слогахъ, притомъ передъ слѣдующими согласными: b, g, d, z, ż, w (такъ-наз. звучными) l, ł, r и j. Съ теченіемъ времени (въ XVIII ст.) въ языкѣ литературномъ и об-

---

[1]) Къ сказанному слѣдуетъ замѣтить, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Лось и др.) долгіе гласные въ памятникахъ XIV — XV ст. обозначались не только двойными начертаніями гласныхъ, но и другими способами, напр.: ā=не только aa но и ea. ay, ē= ee, ey, ō=oo, oe, oy.

[2]) Приводимъ примѣры только второй категоріи, какъ болѣе убѣдительные и болѣе удобные въ типографскомъ отношеніи.

разованныхъ классовъ способность гласныхъ къ наклоненію совсѣмъ исчезаетъ: á становится обыкновеннымъ a, é тоже превращается въ e или (иногда) въ i (y); только ó болѣе или менѣе удержалось въ выговорѣ и въ письмѣ, но это ó уже не есть звукъ средній между o и u, а чистое u. Въ народныхъ говорахъ до сихъ поръ живутъ наклоненные гласные. Связь наклоненныхъ гласныхъ съ прежними долготами доказывается сопоставленіемъ польскаго языка съ чешскимъ и сербскимъ: въ этихъ языкахъ польскимъ наклоненнымъ гласнымъ соотвѣтствуютъ долгіе; напр.: bóg—boga, bůh—boha, бо̑г—бо̑га, mléko, mlíko, млéко и т. п. Аналогичное явленіе представляетъ также малорусское нарѣчіе въ которомъ o, e въ закрытыхъ слогахъ дали i: пiпъ—попá, пiчь—пéчи.

3) Въ связи съ исчезновеніемъ долготъ и развитіемъ *наклоненія* гласныхъ должно быть постановлено развитіе такъ-наз. смѣшенія носовыхъ гласныхъ—которое составляетъ характерную особенность современнаго польскаго языка по сравненію съ языкомъ старо-славянскимъ. Пра-слав. и старо слав. ѧ теперь соотвѣтствуетъ не тольто ę (т. е. e͡n) но и ą (o͡n), напр.: pięć, piąty, jądro; пра-сл. и старо-сл. ѫ соотвѣтствуетъ не только ą (т. е. o͡n), но и ę (e͡n), напр.: sąd, sędzia, rąk, ręka, dąb, dębu. Подробности объ этой звуковой особенности и о высказанныхъ въ ученой литературѣ различныхъ взглядахъ по спорному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ польскихъ носовыхъ гласныхъ излагаются ниже въ отдѣлѣ фонетики. Здѣсь необходимо отмѣтить, что въ памятникахъ XIV—XV ст. уже рѣзко выражено смѣшеніе пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ. Для обозначенія носовыхъ гласныхъ, какъ узкихъ, такъ широкихъ, даже тамъ, гдѣ въ настоящее время различаются ą и ę, польскіе писцы пользовались одними и тѣми-же знаками, чаще всего ɸ (или ф) и an; напр. въ Флоріанск. пс.: mɸsz, bɸdze, w sɸdze, ssɸd, swɸtemu, ymɸ, yɸzyka, zamant, na poczantku; рук. 1375 г.: kaiɸ se, prosiɸ, czɸsto, svɸte, bɸcz, sandzicz; въ Софійск. библ.: dzewyɸcz, szemyɸ, usnɸl, bɸdɸ; иногда, особенно въ памятникахъ 2-й полов. XV в. оба современные носовые передаются посредствомъ a или a съ перечеркнутымъ кончикомъ (обозначимъ послѣдн. черезъ ạ̄) o и др. гласн.; напр. bada, racze, bạ̄dze, bɸda, dusza (винит. п.), yaziku, badz, sạ̄di, szod (Молитвы Вацлава) и т. д. Путаница въ обозначеніи носовыхъ гласныхъ затрудняетъ точное выясненіе исторіи этихъ звуковъ. Очень возможно, что для отдѣльныхъ рукописей нѣкоторыя

черты этой путаницы объясняются отраженіемъ въ памятникахъ діалектологическихъ особенностей. Во всякомъ случаѣ приведенные примѣры устанавливають тотъ фактъ, что въ XIV—XV в. уже вырабатывалось то взаимоотношеніе между широкими и узкими носовыми гласными, какое наблюдается въ современномъ языкѣ.

4) Остатки древнихъ глухихъ ъ, ь еще кое-гдѣ сохранялись, но только въ XIV ст.; такъ въ Флоріан. пс. присутствіе глухихъ можно признать въ слѣдующихъ словахъ: stdzech, na stdzǫ, czsnoti, czso, dszdze, dzedziczstwo (соврем. dziedzictwo, на присутствіе ь указываетъ небный cz, также csesarzstwo, swadeczstwo—совр. cesarstwo, świadectwo) od oczecza, menc (мънѣ). Обыкновенно ъ, ь или исчезли, или перешли въ e: debrz, we dbrzi, swiadek, cheza (1 л. ед. ч.), dzen, pyes, nes, dnya, mnye (Краков. роты), seszli sǫ se, piasek, konecz (Фл. пс.).

5) Гласные l, r, также еще держались въ языкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего различіе въ способахъ обозначенія этихъ звуковъ (или ихъ соотвѣтствій въ старо-слав. яз. лъ, ль, ръ, рь), то посредствомъ l, r, то черезъ yl, ir, er, ar, то черезъ ly, re; напр.: obpliwicze и opylwitim, oplwita, kirwyech, krwe, czerekwe, czirekwi, usta lsciwego albo ylsciwego (Флор. пс.), zlziwich, okrczon (XIV в.), Chrwathy, Drwena, krwawil, Radlna (Крак. роты). Предполагаютъ (Лецѣевскій) что l, r первоначально различались по количеству, т. е. могли быть краткими и долгими. Но рядомъ съ слогообразующими l, r уже очень распространены были сочетанія l, r съ гласнымъ, который то предшествуетъ плавнымъ, то слѣдуетъ за ними. Сочетанія эти вполнѣ соотвѣтствуютъ современнымъ польскимъ: ar, er, ir, eł, il, oł, ł: tarn, ogarne, martwich, twardo, barzo, starty, sercze, smerczi, czirw, pelnoscz, milczy, molwice, sluncze, dluhe (Флор. пс.), czwarthi, targowal, popelnil, dlug, slupi (Крак. роты).

6) Выговоръ ѣ то какъ a, то какъ e еще колеблется въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, какъ и въ XIII ст.; такъ напр. въ Флор. пс.: masto и myesto (locus), wera и wara, syeno и syano (Крак. роты), kwyathną и kwiethną, powiadać и powyedacz, przy dziale, Wietrowicze и Wyatrowicze. Но въ общемъ относительно выговора ѣ какъ e и a дѣйствуетъ тотъ-же законъ, что и въ современномъ языкѣ, т. е. передъ губными и гортанными слышалось e, передъ твердыми t, d, s, z, l, n, r — a, напр.: Byala, Gniadi, lata, byegaly, opyeka и т. п.

7) Пра-слав. и и ы различались, конечно, какъ и въ современномъ языкѣ, но въ извѣстныхъ случаяхъ стало возможнымъ смѣшеніе ихъ; именно послѣ g, k первичное ы начало звучать какъ i (ręki, ginąć), наоборотъ послѣ шипящихъ и ц первичное i стало произноситься какъ ы (żywot, czysty). Отсюда, вѣроятно, во многихъ рукописяхъ путаница въ обозначеніи ы и и; для обоихъ звуковъ безразлично употребляется то y, то i; напр. въ Флор. пс.: grzesznich, prawich, mislili, i, y (=и), mylost, ymeni, mylosirdzye, gospodzyn, ti (ты) и т. д.

8) Согласные r, d, t подвергаются исключительно переходному смягченію въ rz, dz, c: drzewo, grzechow, przydze, ludze, sǫdz, czebe, milosciwi (Флор. пс.).

9) Гортанное g, какъ въ современномъ языкѣ, переходитъ въ dz: w bodze, mnodzi (Флор. пс.).

10) Двойственное число еще употреблялось какъ въ склоненіи, такъ въ спряженіи; напр.: mowila sǫ usta moia, rǫcze iego stworzile, medzi dwema zakonoma, oczyma twogyma, pod rǫkama, oczi zrzita, wznesle gesta se oczy moge, bysta, chodzila jeswa skrzydlu twoyu, z ręku, oczyma myma, rękoma, wszyma (Пулав. пс.).

11) Род. п. ед. ч. основъ на -ja оканчивается на -e, -ej; напр.: dusze, wole, woley, duszęj (Флоріан. пс.), z dzeuicze Marie, zeme (Молитвы 1375 г.), dobre, wole, szeme (т. е. zeme), dzenicze (Kazan. Gniezn. 1419 г.). Въ современномъ языкѣ этотъ падежъ оканчивается на -i:

12) Имен.-вин. п. мн. ч. основъ на -ja оканчивается на -e: dusze, rolye.

13) Различіе между мужескимъ (и среднимъ) и женскимъ склоненіемъ въ дат., твор.—мѣстн. пп. мн. ч., утраченное современнымъ языкомъ, еще соблюдалось въ XIV—XV ст., при чемъ держались и древнія окончанія; такъ α) дат. п. основъ на -a и -ja оканчивался на -am (а не на -om какъ въ современномъ языкѣ); напр. duszam, kobylkam, drogam (Флор. Пул. пс.); β) твор. п. муж. р. основъ на -o часто сохраняетъ древнее окончаніе -y, -i: iǫziky (Флор. пс.), ęzyky swymy (Пул. пс.), przed wieki (Молитв. Вацлава), angoly, duchy, dary (Kaz. Gniezn. 1419); γ) мѣст. п. муж. и сред. р. также часто удерживаетъ древн. оконч. -ech: w skutcech, w obłocech, dzielech, psalmech, w narodzech, w grzeszech; но и -och: w gǫsloch, w dzaloch (Флоріан. пс.), Впрочемъ случаи смѣшенія окончаній въ этихъ падежахъ изрѣдка по-

падаются уже въ памятникахъ XIV—XV ст.: zwonkach, nalazach (Фл. пс.), o apostolach (Пул. пс.).

14) Именное склоненіе прилагательныхъ, почти исчезнувшее въ современномъ языкѣ, еще представляло значительное количество формъ особенно для прилагательныхъ притяжательныхъ; напр. во Флор. пс.: bogat, młod, mocen, lub, iakobowa, panowa, m℘dra, dziwna (род. п.), panowu (дат. п.), dobrem и т. д.

15) Прошедшія простыя времена (аористъ и преходящее) еще продолжали жить въ языкѣ; напр. въ Флор. пс.: molwych, bich, by, bychom, biscze (=byśće), bich℘, bysta, zgin℘, blyszy sye, molwach (т. е. molwiach), molwasze, besze, blogoslawach℘, spewach℘, poclinach℘, bech℘.

16) Прошедшее сложное сохраняло еще древнюю форму: begal iesm, chodzil iesm, ies kazal, bl℘dzil s℘ (Флор. пс.); въ соврем. яз.— begałem, chodziłem.

17) Въ повелит. н. часто удерживалось древнее i: przydzi, slavicie, powyszy, zrzucimy (Флор. пс.).

18) Сохранялись и древнія формы причастія дѣйств. гл.: wstan℘, klad℘, wyi℘w, obrociw, wszeduw (Флор. пс.).

19) Существ. глаголъ употреблялся въ древней формѣ: iesm, ies, iest, ieswa, iesta, iesmi (y), iesczie, s℘. Въ новомъ языкѣ—jestem.

Кромѣ указанныхъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей старый польскій языкъ представляетъ не мало характерныхъ чертъ въ лексикальномъ и синтактическомъ отношеніяхъ. Такъ нѣкоторыя слова звучали въ немъ иначе, чѣмъ позже; напр.: barzo (bardzo), iny (inny), pozdno (pózno), słzy (łzy), uście (ujscie), przedsię (przecie), miestce (miejsce), czelowiek (czlowiek), zamątek (smutek), wieliki (wielki), chrzebet (grzbiet) и др. Другія существовали только въ старомъ языкѣ, а потомъ исчезли, напр.: czyn (оружіе), łeż (лгунъ), łaczny (esuriens), ssąd (сосудъ), wełna (волна), zwolić (освободить) и т. п.

Не мало наблюдается словъ заимствованныхъ изъ чешскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ. Напр. во Флор. пс. встрѣчаются такія чешскія слова: bydlo, czislo, gardiliczya (=hrdlice), gyey (ej, jí), odzew (oděv), pak, postlane, poselkynye, posledni, prza, skutek, swada, usyle (ousilí), ysem (jsem) и т. п. Рано вошло въ польскій языкъ много словъ нѣмецкихъ и латинскихъ, напр.: mistrz, burmistrz, margrabia, warta, ląd, dach, flasza, hak, klamra, gwalt, rachunek, ratusz, szabla, sztuka, sznur, wójt, zegar, anioł, kustosz, dygnitarz, dysputa, doktor,

dekret, trybunal, mitra и др. Синтаксисъ польскаго языка также складывался подъ сильнымъ вліяніемъ латинскаго языка. Это вліяніе развивается и позже въ XVI, XVII и XVIII ст.

Вообще въ XV ст. типъ книжнаго языка еще не установился, переписчики писали каждый по своему, вносили въ свои произведенія не мало особенностей мѣстныхъ говоровъ соотвѣтственно мѣсту своего происхожденія. По рукописямъ XV ст. можно уже слѣдить за развитіемъ польскихъ говоровъ. Неустановившееся, крайне запутанное правописаніе также мѣшало выработкѣ единства письменнаго языка.

Въ **XVI ст.** положеніе польскаго яз. быстро измѣняется къ лучшему. Онъ получаетъ важное значеніе въ общественной жизни и становится органомъ замѣчательной литературы. Вторая половина XVI ст. по значительному количеству относящихся къ ней писателей и литературныхъ произведеній и по цѣльности обработки литературнаго яз. называется золотымъ вѣкомъ польской литературы. Многія обстоятельства обусловливали необходимость такой перемѣны. Значительное усиленіе политическаго могущества, пріобрѣтенное польскимъ государствомъ въ XVI в., естественно сопровождалось возвышеніемъ національнаго самосознанія, главнымъ выраженіемъ котораго былъ народный языкъ. Реформація, захватившая и Польшу и польскій народъ, хотя и не особенно глубоко, и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, содѣйствовала возбужденію вниманія къ народному языку, на который переводилось священное писаніе и на которомъ велась новая религіозная пропаганда. Сюда присоединялось развитіе книгопечатанія, облегчавшее распространеніе мысли о важности употребленія въ жизни и литературѣ народнаго языка [1]). Наконецъ и общій подъемъ образованности въ Польшѣ, вызванный гуманизмомъ, также долженъ былъ оказать извѣстное вліяніе на успѣшный ростъ національной литературы. Въ XVI ст. употребленіе письменнаго польскаго языка далеко выходитъ изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, какія были отведены ему въ XV ст.

[1]) Первыя типографіи въ Польшѣ, именно въ Краковѣ, являются уже во второй половинѣ XV ст. Но первоначально въ нихъ печатались книги латинскія (изданія Гюнтера, Зайнера 1465, 1468) и кирилловскія церковно-славянскія (Осьмогласникъ 1490 и Часословецъ 1491 г. изданія Швайтпольта Фѣоля). Первыя старо-печатныя польскія книги относятся къ 1521—22 г. Это были изданія краковскаго типографа Іеронима Вѣтора (Hieronin Wietor): 1) Rozmowy ktore myał Krol Salomon mądry z marchołtem grubym a sprosnym ..., przez bakalarza z Kossyczek wyłożon iest w polskie z łaciny, 1521; 2) Ecclesiastes Xyęgi Sálomonowe, ktore polskim wykłádem, Káznodzieyskye myánuiemy .... Wibiyano w Krakowie przez Jeronima Wietorá. Látá národzenia bożego 1522.

На немъ создаются художественныя поэтическія произведенія, на немъ пишутся историческія хроники, религіозные и политическіе трактаты, на немъ сочиняются и произносятся церковныя проповѣди и рѣчи въ сеймахъ и судахъ. Начало обработки польскаго яз. въ художественной литературѣ положили два славныхъ писателя — Николай Рей изъ Нагловицъ (1507 — 1569) творецъ польской прозы, талантливый мыслитель и бытописатель, и Янъ Кохановскій (1530—1584), знаменитый поэтъ, „пращуръ польской пѣсни", насадитель на польскую почву формъ античной поэзіи. Оба были Мало-Поляне и своими произведеніями, пользовавшимися широкою популярностью въ Польшѣ, много содѣйствовали возвышенію малопольскаго нарѣчія на степень литературнаго польскаго языка. За ними слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе видныхъ писателей: поэты—Н. С. Шаржинскій, Себ. Клёновичъ, Шимоновичъ, Янъ и Матвѣй Рыбинскіе, Андрей и Петръ Збылитовскіе, Ст. Граховскій, К. Мясковскій и др.; историки—Ст. Хвальчевскій, Март. Бѣльскій, М. Стрыйковскій, Б. Папроцкій; проповѣдники, ораторы, публицисты—Вуекъ, Бирковскій, Скарга, Оржеховскій, Л. Гурницкій и др. Такъ къ концу XVI ст. создалась богатая литература на народномъ языкѣ. Польскій книжный языкъ постепенно отливался въ болѣе устойчивыя, однообразныя формы. Одновременно съ этимъ устанавливалось болѣе однородное правописаніе: осуществленію этого важнаго дѣла содѣйствовали столько же теоретическія разсужденія Ст. Заборовскаго, Я. Кохановскаго, Секлуціана, Статоріуша [1]), сколько практическая дѣятельность типографовъ (особенно Шарфенберга - Лазаря), заботившихся о болѣе цѣлесообразной передачѣ звуковъ. При всемъ - томъ правописаніе польскихъ книгъ XVI ст. представляетъ много неяснаго, неудобнаго и значительно отличается отъ современнаго; для нѣкоторыхъ звуковъ уже введены діакритическіе знаки, какъ-то ż, ć, ź, ś; y отличается отъ i; но рядомъ съ этимъ y употребляется въ значеніи j, нѣкоторые согласные звуки обозначаются двойными начертаніями буквъ, напр. ss (ш), надъ нѣкоторыми гласными буквами ставится то знакъ остраго ударенія (á, é) то двоеточіе (ÿ), и т. д.

Эта довольно блестящая литературная обработка польскаго языка въ XVI в. не обошлась, однако, безъ сильнаго иноземнаго вліянія. Польскій языкъ въ данный періодъ завоевалъ себѣ довольно видное мѣсто

---

[1]) Заглавія относящихся сюда сочиненій см. на 360 стр.

въ общественной жизни и литературѣ, но онъ нисколько не ослабилъ прежняго культурнаго и государственнаго значенія языка латинскаго. Напротивъ послѣдній поднялся еще на бо́льшую высоту благодаря широкому распространенію идей гуманизма и общему увлеченію классицизмомъ. Онъ не только разсматривался какъ равноправный съ польскимъ, но нерѣдко пользовался значительными преимуществами передъ послѣднимъ. Почти всѣ польскіе писатели XVI в. прекрасно владѣютъ латинскимъ языкомъ и пишутъ свои произведенія на двухъ языкахъ. Единственное исключеніе составляетъ Рэй, который сторонился классицизма и держался исключительно родного языка. Но уже Кохановскій, сумѣвшій въ своихъ прекрасныхъ созданіяхъ придать замѣчательно тонкую отдѣлку родному языку, въ совершенствѣ зналъ латинскій языкъ и оставилъ огромное количество поэтическихъ произведеній на латинскомъ языкѣ, не уступающихъ по своему стилю лучшимъ образцамъ древне-римской литературы. Да и въ своихъ національныхъ твореніяхъ онъ главнымъ образомъ подражалъ античнымъ поэтамъ. Тоже нужно сказать о Клёновичѣ, Шимоновичѣ и другихъ. Какъ въ началѣ, такъ въ концѣ XVI ст. видимъ польскихъ поэтовъ, которые пишутъ исключительно по латыни; таковы напр. Андрей Кржицкій, Янъ Дантишекъ, Кл. Яницкій, М. Сарбѣвскій. Равнымъ образомъ выдающіеся представители польской прозы, какъ Оржеховскій, Стрыйковскій, также охотно участвуютъ въ латинской литературѣ. Многіе же крупные дѣятели польской образованности XVI в., какъ напр. знаменитый мыслитель и политическій писатель Андрей Фричъ Модржевскій, или историкъ М. Кромеръ, астрономъ Н. Коперникъ и др. писали исключительно по-латыни. При такомъ тѣсномъ общеніи двухъ языковъ вполнѣ понятно, что польскій литературный языкъ все болѣе подпадалъ вліянію языка латинскаго. Больше всего это вліяніе сказывалось на синтаксисѣ. У Кохановскаго латинскіе обороты еще не нарушаютъ цѣльности и гармоніи польскаго языка; но у Скарги, который считается лучшимъ представителемъ польской прозы рѣчь польская уже строится совершенно на латинскій ладъ [1]).—Независимо отъ сильнаго латинскаго вліянія въ польскомъ языкѣ XVI ст. подмѣчены

---

[1]) Характеристики названныхъ здѣсь писателей см. напр. въ сочиненіи А. Пыпина и В. Спасовича, Исторія Славянскихъ Литературъ, т. II, 1881. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ въ книгѣ Ад. Куличковскаго, Zarys dziejów literatury polskiéj. We Lwowie, 1884.

кое-какія черты, указывающія на заимствованіе изъ русскаго языка Появленіе этихъ чертъ объясняется происхожденіемъ нѣкоторыхъ выдающихся польскихъ писателей (напр. Рэя, Шимоновича, Оржеховскаго) изъ Галицкой Руси.

XVII — полов. XVIII ст. „Золотой вѣкъ“ для польской литературы былъ весьма не продолжителенъ. Въ XVII и XVIII ст. все болѣе развивались тѣ темныя стороны политической и соціальной жизни народа, которыя въ концѣ концовъ привели къ полному паденію обширнаго польскаго государства и раздѣламъ его между сосѣдями. Въ духовномъ отношеніи за этотъ продолжительный періодъ польскій народъ находился подъ опекой іезуитовъ, принявшихъ на себя задачу искорененія въ Польшѣ всякихъ слѣдовъ реформаціоннаго движенія, а затѣмъ все-цѣло забравшихъ въ свои руки дѣло воспитанія юношества и исключительнаго нравственнаго вліянія на народныя массы. Почти во всѣхъ значительныхъ центрахъ польскихъ земель завелись іезуитскія коллегіи, а при нихъ школы, которыя вскорѣ вытѣснили не только протестантскія, но и другія католическія училища. Преподаваніе въ польскихъ школахъ ордена (какъ и въ другихъ мѣстахъ владычества іезуитовъ—въ Италіи, Испаніи и Австріи) было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, вполнѣ подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви. Учениковъ не знакомили ни съ народною мѣстною литературой, ни съ народнымъ языкомъ ни съ новѣйшей исторіей, естествознаніемъ и общественными науками. Главнымъ предметомъ заботы оо. іезуитовъ былъ языкъ церкви римско-католической, то-есть языкъ латинскій и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковной ортодоксіей. Основная цѣль воспитанія въ іезуитскихъ школахъ состояла въ томъ, чтобы приготовить не гражданъ и хорошихъ общественныхъ дѣятелей а прежде всего поборниковъ католицизма.

При такомъ положеніи дѣла, польскій языкъ и литература, понятно, пришли въ упадокъ. „Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы въ отношеніи внутренняго ея содержанія, при необыкновенной ея плодовитости и тщательномъ, повидимому, воздѣлываніи ея обществомъ. Духъ критики, старинный врагъ авторитета, былъ побитъ, подавленъ, держимъ на возжахъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную,

ни на что непригодную ученость: на этомъ полѣ могли произрастать и успѣвать одни только посредственности. Литература, отъучившись заниматься общественными вопросами, перестала быть дѣломъ серьезнымъ, превратилась для иныхъ въ ремесло, для другихъ въ забаву, въ роскошь, въ игрушку. Чѣмъ безплоднѣе становилась литература, тѣмъ болѣе она пресыщалась педантизмомъ, тѣмъ недоступнѣе она становилась для массы и тѣмъ большую важность придавали ей ученые того вѣка, какъ средству похвастать своею ученостью, озадачить умѣньемъ говорить много о пустякахъ и разсмѣшить неожиданными concetti, забавными сопоставленіями миѳологіи и исторіи съ происшествіями жизни обыденной. Большая часть шляхты говорила бѣгло по латыни, римская литература была единстеннымъ источникомъ учености; отсюда проистекъ обычай не только испещрять польскую рѣчь отдѣльными латинскими терминами, но вставлять въ нее цѣлыя латинскія фразы и пересыпать ее этими макаронизмами такимъ образомъ, что послѣ всякаго періода польскаго долженъ былъ непремѣнно идти латинскій и наоборотъ, и что вся рѣчь являла собою подобіе слоенаго пирога. Первый примѣръ подобной смѣси представляетъ въ шутку написанное стихотвореніе Яна Кохановскаго *Carmen macaronicum*:

Est prope wysokum *celeberrima sylva* Krakowum
Quercubus insignis multo miranda żołędzio,
Istuleam spectans wodam Gdańskumque gościńcum
Dąbie *nomen habet*, Dąbie *dixere priores* и т. д.

Что у Кохановскаго было сдѣлано въ шутку, то въ XVII столѣтіи дѣлалось серьезно съ полною увѣренностью, что въ томъ-то и состоитъ красота слога. Такъ какъ была разорвана связь между литературою и жизнью, и утвердилось понятіе, что искусство говоритъ существуетъ само по себѣ, то никто не стѣснялся особенно въ хваленіи другихъ и не затруднялся осыпать ихъ самыми преувеличенными похвалами, зная, что никто, конечно, не приметъ словъ его за настоящую монету. Панегирики шли цѣлымъ проливнымъ дождемъ, приторный дымъ отъ сожигаемаго ѳиміама заражаетъ воздухъ въ теченіи полутораста лѣтъ. Іезуиты хвалили своихъ благодѣтелей, священники своихъ ктиторовъ, шляхта магнатовъ, сенаторы другъ друга". „Всѣ творческія силы народа ушли въ краснорѣчіе, оно сдѣлалось искусствомъ, преобладающимъ надъ всѣми прочими искусствами и родами

литературы" [1]).... Вслѣдствіе широкаго распространенія латинскаго яз. и совмѣстнаго употребленія его въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ, рядомъ съ языкомъ польскимъ, послѣдній не только подвергался вліянію перваго, но искажался и измѣнялся въ духѣ латыни. Произведенія писателей, отличавшіяся большею дѣльностью содержанія или поэтическими достоинствами, притомъ изложенныя болѣе чистымъ народнымъ языкомъ или скоро забывались современниками или совсѣмъ оставались неизданными (напр. Wojna Chocimska). О научномъ изученіи польскаго языка, никто не заботился. Извѣстныя отъ XVII ст. и перв. полов. XVIII ст. грамматики польскаго языка (ср. стр. 345—346) представляютъ собой неудачныя попытки втиснуть своеобразныя нормы польскаго языка въ рамки латинской грамматики.

2-я полов. XVIII ст.—XIX ст. Поворотъ къ лучшему замѣчается только во второй половинѣ XVIII ст., въ эпоху правленія короля Станислава Понятовскаго и раздѣловъ Польши. Общество польское знакомится съ философіей Руссо и энциклопедистовъ и вообще съ французскою литературой и подъ вліяніемъ новыхъ идей, а также другихъ внѣшнихъ причинъ, стремится къ освобожденію отъ старыхъ заблужденій и къ обновленію всего строя внутренней жизни. Между прочимъ происходитъ реформа школьнаго дѣла. Благодаря заботамъ Ст. Конарскаго и другихъ піаристовъ на ряду съ іезуитскими школами основываются школы новаго образца, въ которыхъ отводится видное мѣсто родному языку, а также естествознанію и исторіи. Въ 1773 г. папою Климентомъ XIV упраздненъ и самый орденъ іезуитовъ и значительная доля по-іезуитскихъ имѣній поступила въ распоряженіе новоучрежденной Эдукаціонной Коммисіи (1773), которая прекрасно выполнила порученную ей задачу воспитанія народнаго, не только учрежденіемъ множества новыхъ школъ, но и изданіемъ для нихъ хорошихъ учебниковъ. Преобразованіе школъ не могло не оказать благотворнаго вліянія на обработку литературнаго языка и развитіе литературы. Къ этому позже присоединились другія болѣе общія причины. Утрата политической самостоятельности естественно заставляла патріотовъ обратиться къ народнымъ началамъ. Чувство народности, пронесшееся электрической искрою въ началѣ нынѣшняго столѣтія по всей Европѣ, по всей славянской территоріи крѣпко захватило и польскій народъ

[1]) В. Спасовичъ. Исторія польской литературы, 525—527.

тотчасъ же послѣ постигшаго его политическаго крушенія. Изученіе и возвышеніе народныхъ началъ и главнаго выразителя ихъ народнаго языка обусловливалось естественнымъ ходомъ исторической жизни народа. Въ первыя три дѣсятилѣтія послѣ паденія польскаго государства и внѣшнія обстоятельства вполнѣ благопріятствовали пробужденію и развитію польскаго національнаго самосознанія. Въ тѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой, которыя достались на долю Россіи польскій народъ сохранялъ значительныя политическія права и возможность національнаго существованія. Варшава, Вильно и Кременецъ, съ ихъ высшими школами и учеными учрежденіями стали средоточіемъ духовной и литературной жизни Поляковъ. Такъ уже со второй половины XVIII ст. польская литература стала постепенно освобождаться отъ налегшей на нее вѣковой плесени и все болѣе сближалась съ жизнью. Къ ней возвращается прежняя простота и ясность мысли и рѣчи; языкъ очищается отъ искаженій, мало-по-малу исчезають макаронизмы и панегирическій тонъ. Въ эпоху Понятовскаго и четырехлѣтняго сейма (1788—1792) опять появляются болѣе или менѣе даровитые поэты (Игн. Красицкій, Ст. Трембецкій, Фр. Карпинскій, В. Богуславскій, Фр. Богомолецъ, Я. Вороничъ, Ю. Ур. Нѣмцевичъ и др.), историки (Ад. Нарушевичъ, Я. Альбертранди), публицисты (Колонтай, Сташицъ), ученые (Снядецкій, Бандтке, Бентковскій и др.), произведенія которыхъ при цѣнности содержанія отличаются значительными достоинствами со стороны языка и изложенія. Теперь благодаря трудамъ Копчинскаго, С. Б. Линде, І. Мрозинскаго и ихъ послѣдователей (ср. 346 стр.) закладывается первое основаніе научнаго изученія польскаго языка. Подражательное направленіе въ литературѣ, господствующее въ эпоху Ст. Понятовскаго и въ началѣ XIX ст. со временемъ уступаетъ мѣсто иному, еще болѣе благотворному направленію. На смѣну заимствованному отъ Французовъ ложно-классицизму является такъ-наз. романтика, которой суждено было оказать огромное вліяніе на успѣхи развитія національной польской литературы. Первымъ провозвѣстникомъ этого новаго направленія былъ Казиміръ Бродзинскій. За нимъ явился геніальный Ад. Мицкевичъ и цѣлая фаланга даровитыхъ поэтовъ: Ю. Словацкій, Сиг. Красинскій, А. Мальческій, І. Б. Залѣскій, С. Гощинскій, Ст. Витвицкій, А. Фредро, І. Корженёвскій, Фр. Моравскій, А. Горецкій, В. Поль, Л. Кондратовичъ, Асныкъ и др. Въ произведеніяхъ этихъ писателей польскій языкъ сталъ органомъ замѣча-

тельной поэтической литературы и получилъ высоко-художественную, тонкую отдѣлку. Съ эпохи Мицкевича, не смотря на тяжелыя испытанія, какія временами выпадаютъ на долю польскаго народа, не прекращается постоянный ростъ польской литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе польскаго литературнаго языка. Въ настоящее время польскій языкъ является органомъ выдающейся славянской образованности. Польская литература послѣ русской занимаетъ первое мѣсто въ славянскомъ мірѣ. Кромѣ ряда крупныхъ поэтовъ она выставила рядъ замѣчательныхъ представителей художественной прозы, каковы напр. романисты и новеллисты — Крашевскій, Г. Сенкевичъ, Е. Оржешко и др. или художникъ-историкъ Шайноха. Весьма замѣчательна научная литература Поляковъ, получившая особенно блестящее развитіе за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Всѣ отрасли знанія разрабатываются на польскомъ языкѣ. Во главѣ научнаго движенія стоятъ Краковская Академія Наукъ, Краковскій и Львовскій университеты, и многочисленныя ученыя учрежденія и общества, находящіяся во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ польской земли и польской образованности. Научная литература, посвященная изученію родного языка, представляетъ уже значительное количество крупныхъ явленій (ср. 348—385 стр.). Равнымъ образомъ періодическая печать представлена огромнымъ количествомъ изданій самаго разнообразнаго содержанія: политическихъ, беллетристическихъ, художественныхъ, научныхъ и т. д. Весьма богато развита и школьная и вообще народно-популярная литература.

Такимъ образомъ высокій интересъ изученія польскаго языка обусловливается не только любопытными свойствами и особенностями самаго языка, но и его значеніемъ какъ выразителя замѣчательной образованности одного изъ наиболѣе даровитыхъ славянскихъ народовъ.

---

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Въ польской письменности издавна утвердилась латинская абецеда. Употребленіе славянскаго письма (кириллицы, глаголицы) если и можно допустить для болѣе древняго времени, то въ самыхъ огра-

ниченныхъ размѣрахъ. Примѣненіе латинской абецеды къ потребностямъ польской рѣчи представляло большія трудности, какъ это было у всѣхъ славянскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Рима. Польско-латинская графика древнихъ памятниковъ представляется крайне запутанною. Въ одномъ и томъ-же памятникѣ однѣ и тѣже начертанія нерѣдко обозначаютъ различные звуки (напр. a = a и ą, z = z, ż, ź и т. д.); въ различныхъ памятникахъ, хотя-бы и принадлежащихъ одной эпохѣ, это разнообразіе въ обозначеніи звуковъ еще рѣзче. Вообще при передачѣ польскихъ звуковъ, не имѣющихъ себѣ полныхъ соотвѣтствій въ латинскомъ языкѣ (напр. ж, ч, ш, щ, ы, я, ю, шипящее р и др.), прибѣгали къ троякой системѣ: 1) пользовались уже существующей буквой, обозначающей собственно другой звукъ (напр. z для передачи ж или c для передачи ч и т. п.); 2) соединяли два и болѣе латинскихъ начертаній для обозначенія одного польскаго звука (напр. ss = ш, cz = ч и т. п.), при чемъ не было единства въ выборѣ и сочетаніи соединяемыхъ буквъ; 3) ставили особые знаки на буквахъ и подъ буквами (напр. ɸ = носов. о и а, ć = мягк ц, ż = ж и т. п.). Первыя попытки установить болѣе или менѣе однообразное правописаніе относятся еще къ XV ст. (трудъ объ Орѳографіи Паркоша, ср. выше стр. 394), онѣ повторяются въ XVI и XVII ст. Но только въ XVIII ст. и нач. XIX ст. послѣ длинныхъ споровъ ученыхъ и работъ спеціальныхъ комиссій выработалась дѣйствующая нынѣ система графики. Впрочемъ она многими не признается, да и дѣйствительно не можетъ быть признана удовлетворительною. Главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она по существу не однородна, покоится на двухъ принципахъ. Характерные звуки, не имѣющіе себѣ соотвѣтствій въ латинскомъ языкѣ, обозначаются то посредствомъ соединенія двухъ и болѣе буквъ, то посредствомъ діакритическихъ знаковъ. Въ новое время все болѣе раздаются голоса объ упрощеніи польской графики и о сближеніи ея съ графикой другихъ славянскихъ народовъ, пользующихся латиницей, посредствомъ болѣе широкаго примѣненія системы діакритическихъ знаковъ (напр. Богуславскій и др.).

Въ настоящее время польская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: a, ą, b (b'), c, ć, cz, d, dz, dź, dż, e, é, ę, f (f'), g (g'), h, ch, i, j, k (k'), l, ł, m (m'), n, ń, o, ó, p (p'), r, rz, s, ś, sz, t, u, w (w'), y, z, ź, ż, szcz.

Буквы ą, ę обозначаютъ носовые гласные, а именно ą—носовое о, напоминающее французское on въ словѣ bon, ę—носовое е, напоминающее французское un, in въ un, pain; напр. sąd, pięść.

Буква е произносится твердо какъ русское э: serce, echo.

Буква é обозначаетъ сжатое или наклоненное е, близкое по выговору къ i: mléko, chléb, zrozumiéj, sér, kobiéta (женщина). Теперь это é все болѣе исчезаетъ и замѣняется обыкновеннымъ е.

Буква ó означаетъ наклоненное о, совершенное равняющееся u (ср. чешск. ů); напр. Bóg, sól.

Буква y произносится какъ русское ы; напр. ryba, był.

Буква i обозначаетъ собственно самостоятельный гласный i = русс. и. Но передъ другими гласными i обозначаетъ только мягкость предшествующаго согласнаго, при чемъ согласный и стоящее за нимъ i произносятся вмѣстѣ, сливаются въ одинъ звукъ; напр. ciało (цяло), ciernie (тернъ, цѣрне). Въ такомъ значеніи i выступаетъ передъ a, e, o, u, ą, ę. Такимъ образомъ ia, io, iu соотвѣтствуютъ русскимъ я, ё, ю. Передъ i въ качествѣ гласной, мягкость предшествующаго согласнаго подразумѣвается; напр. niwa, zima, widły.

Буква j соотвѣтствуетъ русск. й въ такихъ словахъ какъ: myj, bij, ojczyzna; j пишется передъ гласными начинающими слово; напр. ja, jajko, jego, Jędrzej, jodła, jutro, już; такимъ образомъ ja, je, jo, ju также соотвѣтствуютъ русскимъ я, е, ё, ю какъ ia, ie, io, iu послѣ согласныхъ.

Надстрочный знакъ ' обозначаетъ мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ согласными, тамъ, гдѣ по-русски пишется ь: nić, trafić, gwóźdź, leń, gęś, ślub, źle, bądź. Буквы b', w', p', m', f', g' k' почти не употребляются.

Передъ гласными мягкость согласныхъ обозначается посредствомъ i (см. выше объ i); напр. biały, ciotka, miód, pięta, dzień, sierp, kocieł.

Буква l обозначаетъ мягкое л, ł—твердое; напр. wola (воля), lubić, był, chłop. Мягкое l не нуждается въ i и передъ гласнымъ.

Сочетанія буквъ cz и sz соотвѣтствуютъ русскимъ ч и ш; напр. czarny, kasza.

Начертаніе ż (или z̓) служитъ для обозначенія ж; напр. żona, żart.

Сочетаніе rz обозначаетъ мягкое r (р), которое произносится какъ русское ж; напр. rzadki (жадки), grzebać (гжебаць), burza (бужа). Въ концѣ словъ и передъ k, t, p, ch, а также послѣ этихъ согласныхъ

rz звучитъ какъ русс. **ш**; напр. gorzki, kierz (кустъ), trzeba, chrzest. Но иногда **rz** можетъ обозначать и два звука **r** и **z**: marznąć, mierzić, murzać, rznąć (рэнонць), mirza и др.

Буква **g** произносится какъ русское г: głód.

Сочетаніе **ch** соотвѣтствуетъ русск. х; напр. chleb, choroba.

Буква **h** собственно обозначаетъ тотъ-же звукъ, что и **ch**; но употребляется преимущественно въ заимствованныхъ словахъ (особенно изъ малорусскаго) гдѣ слышалось придыхательное г; напр. bohatét, Bóhdan, hreczka и др.

Употреблявшіяся прежде (преимущественно въ иностранныхъ словахъ) **q**, **v**, и **x** теперь почти не встрѣчаются.

А) Гласные.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ польскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе пра-славянскихъ глухихъ **ъ**, **ь** и переходъ ихъ въ ясное е; 2) Сохраненіе пра-славянскихъ носовыхъ гласныхъ ą (on͡) и ę (en͡), діалектич. ą̊ (an͡); 3) старо-слав. **ѣ**=ie, ia; 4) мягчительное e (ie); 5) расширеніе исконнаго e въ o (io); 6) сжатіе или наклоненіе e въ é, o въ ó; 7) удержаніе различія между пра-слав. **ы** и **и** (y, i); 8) старо-слав. **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** (=слогообраз. **r**, **l**) соотвѣтствуютъ **ar**, **ir**, **ier**, **łu**, **eł**, **oł**, **il**; 9) пра-слав. **tort**=**trot**, пра-слав. **tert**=**tret** (broda, brzeg); 10) утрата количества гласныхъ.

Исчезновеніе глухихъ ъ, и ь и замѣна ихъ яснымъ е.

Польскій языкъ, подобно чешскому, словацкому, сербо-хорватскому и русскому, не знаетъ пра-славянскихъ глухихъ ъ и ь Звуки эти уже въ древнѣйшую пору совсѣмъ исчезли или перешли въ ясное e. Полное исчезновеніе ъ, ь имѣетъ мѣсто въ открытыхъ слогахъ, въ закрытыхъ же слогахъ, сдѣлавшихся такими вслѣдствіе исчезновенія глухого гласнаго слѣдующаго слога, вм. ъ, ь одинаково выступаетъ e, какъ и въ чешскомъ языкѣ; напр. dech, sen—sna, piątek—tku, chłop, łeb—łba, lew—lwu, dzień—dnia, wieś—wsi, koniec—końca. Иногда ъ, ь безслѣдно пропадаютъ въ такихъ слогахъ, гдѣ другіе славянскіе языки замѣняютъ ихъ ясными гласными; напр. krew—krwi (крови), brew—brwi, tchnąć, płeć (плоть въ польск. яз. въ значеніи пола—sexus), płci, klnę (кляну), łza (слеза), plwać (плевать).

Гласный е вм. ъ, ь отличается различными свойствами, смотря по-тому изъ какого глухого онъ развился, широкаго или узкаго. Гласный е изъ ъ не смягчаетъ предшествующаго согласнаго; напр. chłopem, bratem, sen; исключеніе составляютъ только g и k которые смягчаются и въ данномъ случаѣ: Bogiem, bokiem. Гласный е изъ ь напротивъ, всегда смягчаетъ предшествующій согласный: wieś, dzień, pies, koniec, miecz.

Глухой ь, исчезая изъ слога, вообще оставилъ послѣ себя слѣды въ мягкости предшествующаго согласнаго, какъ это произошло и въ русскомъ языкѣ; напр. kość, dzień, pięć, sól и др.

О слѣдахъ глухихъ ъ, ь въ древнемъ языкѣ см. выше на стр. 391, 398.

Носовые гласные.

Наиболѣе характерную черту польскаго вокализма составляютъ носовые гласные. Звуки эти существовали въ славянскомъ пра-языкѣ, но затѣмъ удержались лишь въ немногихъ языкахъ, а именно: кромѣ польскаго, въ старо-славянскомъ, кашубскомъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (въ Македоніи). При помощи польскихъ носовыхъ гласныхъ знаменитымъ Востоковымъ было опредѣлено звуковое значеніе старо-славянскихъ юсовъ.

Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ языкѣ образованныхъ классовъ ясно различаются два носовыхъ гласныхъ: носовое о (o͡n), обозначаемое посредствомъ ą[1]) и носовое е (e͡n), передаваемое знакомъ ę; первый соотвѣтствуетъ старо-слав. ѫ, второй — ѧ, напр. mąka, sąd (мѫка, сѫдъ), mięso, święty (мѧсо, свѧтый). Выговоръ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ свои оттѣнки. Въ общемъ онъ не вполнѣ совпадаетъ съ выговоромъ носовыхъ гласныхъ въ французскомъ языкѣ, въ такихъ словахъ какъ bon, pain, такъ какъ въ польскомъ языкѣ не только гласный произносится съ носовымъ резонансомъ, но сверхъ того за гласнымъ слышится почти полный носовой согласный. Передъ губными носовой элементъ приближается къ m: trąba (tro͡mba), tępy (te͡mpy); передъ гортанными (задневебными) g, k, ch слышится звуковое n: ręka, księga (re͡nka, ksie͡nga). На концѣ словъ

---

[1]) Обозначеніе носоваго о посредствомъ ą входитъ въ употребленіе съ XVI ст.

носовой элементъ совсѣмъ пропадаетъ: będą (= będo), mogę (moge); исключеніе составляютъ только односложныя слова, въ которыхъ носовой гласный слышенъ отчетливо: są, się. Равнымъ образомъ теряется носовой резонансъ передъ ł: wziął (взѣл).

Въ народныхъ говорахъ по сравненію съ литературнымъ языкомъ наблюдается съ одной стороны бо̀льшее количество носовыхъ гласныхъ, съ другой — паденіе ринезма. Кромѣ ą (которое правильнѣе было бы обозначать ǫ) и ę въ разныхъ мѣстностяхъ возможны ą̃, į (y̨), ų т. е. носовыя a, i, y, u; такъ ą̃ слышится въ говорахъ Бескидскихъ Гораней и Верхней Силезіи, при чемъ въ послѣднихъ почти всегда замѣняетъ литературное ę; напр. bą̃de, gą̃s; į, y̨, ų — въ нѣкоторыхъ великопольскихъ, малопольскихъ и силезскихъ говорахъ: mųka (= mą̃ka), mįka (=męka), śnį, swįty, nad ty̨ и др. Паденіе ринезма, весьма распространенное въ народной рѣчи, выражается: 1) въ разложеніи носовыхъ гласныхъ на чистый гласный+m, n; напр. gałenź, renka, monka, domb (малопольск. гов.), śedzom, medzom (беск. гов.), zamknunć, matkum, zémby=zymby (великопольск. гов.), rinka (мазур. гов.); 2) въ переходѣ носовыхъ гласныхъ въ чистые: bede, reka, moka, dob (малопольск. гов.), sadzō, dadzō (бескидск. гов.), guśe, jezyk (великопольск. гов.) и др.

Носовые гласные въ польскомъ (литературномъ) и старославянскомъ яз. собственно одни и тѣже, но употребленіе ихъ въ каждомъ изъ этихъ языковъ не вполнѣ совпадаетъ. Старо-сл. ѫ соотвѣтствуетъ не только ą но и ę; напр.: mąka (мѫка), mądry (мѫдрый), sąd (сѫдъ), dąb (дѫбъ), mąż (мѫжь), będę (бѫдѫ), glęboki (глѫбокии), ręka (рѫка), gęba (гѫба), tępy (тѫпыи), rybę (рыбѫ) и др. Равнымъ образомъ старо-слав. ѧ соотвѣтствуетъ не только ę но и ą; напр.: część (часть), dziewięć (девѧть), mięso (мѧсо), święty (свѧтыи), imię (имѧ), tysiąc (тысѧщь), wiązać (вѧзать), oglądać (глѧдати), iądro (ѩдро), rząd (рѧдъ), chwalią (хвалѧть) и др. Иногда ą и ę чередуются въ одномъ и томъже корнѣ, особенно при измѣненіи слова по падежамъ: sąd и sędzia, ręka и rączka, część и cząstka, skąpy и skępszy, mąż и męża (род. п.), dąb — dębu (род. п.), ręka — rąk (род. п. мн. ч), pięc — piąty, żać — żęty. Слѣдуетъ замѣтить, что ę, соотвѣтствующее старо-слав. ѫ, не смягчаетъ предшествующаго согласнаго, напр.: gęś, kęs. Исключеніе изъ этого закона составляютъ только формы глагола gnę — giąć, gięty.

Какъ причины чередованія ą и ę, такъ вообще исторія польскихъ носовыхъ гласныхъ, еще не разъяснены, хотя едва-ли можно указать какой-либо другой вопросъ польской фонетики, который привлекалъ-бы къ себѣ столько вниманія ученыхъ какъ носовые гласные. Наука все еще имѣетъ дѣло съ гипотезами, которыя не даютъ удовлетворительнаго рѣшенія темныхъ и трудныхъ вопросовъ. Такъ Фр. Миклошичъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Ueber die langen Vokale in den slavischen Sprachen“ (Denkschriften Wiener Akademie Bd. XXIX) чередованіе ą и ę поставилъ въ зависимость отъ количества пра-славянскихъ гласныхъ, ихъ долготы и краткости; именно ą, по его мнѣнію есть рефлексъ первоначальной долготы, т. е. ōn, ēn, ę—рефлексъ первоначальной краткости, т. е. ŏn и ĕn. Гипотеза эта какъ въ основныхъ положеніяхъ (пріуроченіе славянскому пра-языку en, on, ēn, ōn), такъ и въ частныхъ примѣненіяхъ признана несостоятельною; тѣмъ не менѣе указанный Миклошичемъ фактъ соотвѣтствія въ извѣстныхъ случаяхъ чередованія польскихъ ą и ę съ долгими и краткими гласными въ родственныхъ языкахъ (въ чешскомъ и частью сербскомъ) представляетъ важное значеніе; сюда относятся напр. такія параллели: sąd, sędzia и чешск. soud (древн. sûd) и sudi, męka (мýка) и чешск. muka, mąka (мукá) и чешск. mouka, pięć, piąty и чешск. pĕt, páty, dziecię, dzieciątko и чешск. dítе, děťatko, język и чешск. jazyk, jądro и чешск. jádro. — Къ иному выводу пришелъ І. Лецѣевскій, пытавшійся разрѣшить трудный вопросъ путемъ тщательнаго наблюденія способовъ обозначенія носовыхъ гласныхъ въ древнихъ памятникахъ (Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen, 1886. Sitzungsberichte Wiener Akademie Bd. CXI). Онъ полагалъ, что въ древне-польскомъ языкѣ существовалъ только одинъ носовой гласный ą̊ (т. е. ân), который обозначался черезъ ø, an, a и т. д. (см. выше стр. 397) Изъ ą̊ развились современные ą (т. е. ǫ) и ę, именно ą изъ долгаго ą̊, ę— изъ краткаго ą̊; переходъ пра-славянскихъ ѫ, ѧ въ древне-польское ą̊ (долгое и краткое), по его мнѣнію произошелъ въ до-историческую пору; образованіе же нынѣшнихъ ą и ę изъ древне-польскаго ą̊ имѣло мѣсто въ историческое время. Съ этимъ мнѣніемъ Лецѣевскаго совпали взгляды на тотъ-же вопросъ Потебни („Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ и Arch. für slav. Philol., III, 614 и слѣд.) и Нёринга (тамъ-же, V, 138). Но и эта гипотеза мало вѣроятна. Самая слабая сторона ея, какъ доказали акад. Ягичъ и Брикнеръ (Arch. für slav.

Phil., X, 248, 261) заключается въ предположеніи о превращеніи пра-слав. ѫ, ѧ въ носовое а (ą̊): въ самомъ дѣлѣ какъ и почему могло произойти это превращеніе и откуда о немъ знаемъ. Критикуя Лецѣевскаго, самъ Брикнеръ, однако строитъ такую же произвольную теорію. Онъ думаетъ, что пра-слав ѫ и ѧ перешли въ древне-польскомъ въ одинъ звукъ ę, который занималъ средину между ą и ę; затѣмъ ę, находясь въ долгомъ слогѣ, постепенно перешло въ ą, по аналогіи другихъ наклоненныхъ или сжатыхъ гласныхъ (á, ó, é = o, u, i). Въ послѣднее время сдѣлана попытка отмѣтить вліяніе ударенія на развитіе польскихъ ą и ę (еще неоконченная работа Фр. Лоренца, Die polnischen Nasalvokale. Arch. f. slav. Phil., 1896. Bd. XIX, 332).

Принимая во вниманіе состояніе современной разработки вопроса, основанной на изученіи какъ древнихъ памятниковъ, такъ живыхъ говоровъ, мнѣ кажется, необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: ǫ, ę, ą̊; остальные два į, ų встрѣчающіеся изрѣдка въ нѣкоторыхъ говорахъ, притомъ въ словахъ вторичнаго образованія, если и существовали въ древнемъ языкѣ, то все-таки не были исконными и, вѣроятно возникли изъ двухъ остальныхъ: ų изъ ǫ, į изъ ę.

Какъ-бы то ни было ринезмъ составляетъ существенную особенность польскаго языка, не смотря на то, что въ живыхъ говорахъ онъ нерѣдко исчезаетъ. Носовые гласные слышны не только тамъ, гдѣ ихъ находимъ въ старо-славянскомъ языкѣ, но и въ такихъ словахъ, гдѣ имъ собственно нѣтъ мѣста; напр. między (между), mięszkać, szędziwy; также въ заимствованныхъ словахъ: dzięki, kolęda, dzięga, szeląg, wędrować. Въ народныхъ говорахъ (особ. въ Силезіи) въ послѣднемъ слогѣ словъ вм. гласнаго m (n) часто выступаютъ носовые гласные; напр. tą̊, są̊ (tam, sam), mą (mam), dǫ (dam), svojį, ojcų (дат. п. множ. ч.), bratę, końę (твор. п. ед. ч.), nǫ, vǫ (nam, vam) и т. п.

Съ польскими носовыми гласными, кромѣ старо-славянскихъ, особенно важно сопоставить кашубскіе (см. ниже о кашубск. яз.).

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. (и пра-слав.) ѣ въ польскомъ соотвѣтствуютъ e и a, смягчающія предшествующій согласный, т. е. ᶦe и ᶦa; напр. bᶦeg, bᶦały.

Гласн. ⁱe выступаетъ: 1) передъ мягкими согласными или вообще передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ; напр. miesiąc, mieszać, rzedzić, jeli (пріѣхали), kąpiel, leniwy, świeca и т. п.; 2) передъ губными и гортанными, хотя-бы за ними слѣдовалъ твердый гласный; напр.: brzeg, grzech, śnieg, wiecha, wieko, chléb, chléw, kolebka, krzepki, lewy, niemy, ślepy и т. п; 3) въ окончаніяхъ; напр. żonie, drodze, na ręce, mnie.

Гласн. ⁱa соотвѣтствуетъ старо-слав. ѣ передъ всѣми твердыми согласными, за исключеніемъ губныхъ и гортанныхъ, т. е. передъ t, d; s, z, ł, n, r; напр.: biały, blask, dziad, las, lato, gniady, ślad, piana, siano, wiadro, wiara, wiano, wiatr и др.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при образованіи словъ (напр. въ склоненіи и спряженіи) коренное пра-слав. ѣ получаетъ различный выговоръ въ зависимости отъ свойствъ слѣдующаго слога; напр. wiara—wierze, las—lesie, obiad—obiedzie, wianek—wieniec, biały—bielić, miasto—w mieście, siadł—siedli, jadę—jedziesz, sieć—siatka и т. п.

Нѣкоторыя слова могутъ имѣть a и e, но при этомъ употребляются съ различными значеніями; напр. miasto (городъ), miesto (мѣсто), biada и bieda, dzieło (дѣло), działo (пушка), powiadać, powiedać, klaskać, kleskać, wiara, wiera; cena имѣетъ e, вѣроятно, потому что c не способно къ смягченію.

Въ народныхъ говорахъ наблюдаются и другія замѣны пра-сл. ѣ; такъ въ лясовскомъ говорѣ (близъ Сандомира) вм. обще-польскаго a слышится иногда (передъ m, n) нѣмецкое ä (e широкое, близкое къ a); śäno, v́äno; а вм ⁱe—i (въ неопредѣленномъ наклоненіи), bogaćić, bolić, grzmić, śedźić, v́idźić.

Въ старомъ языкѣ старо-славянскому ѣ соотвѣтствуютъ тѣже звуки, что и въ современномъ. Только въ древнѣйшую пору (XIII—XV ст.) встрѣчается e и передъ твердыми согласными: Kwetkow, syeno, (ср. 392, 398 стр.).

Относительно отраженій пра славян. ѣ польскій языкъ наиболѣе сближается съ болгарскимъ (восточное нарѣчіе), въ которомъ также чередуются e и a въ зависимости отъ мягкости или твердости слѣдующаго согласнаго; напр. вяра, в'ери, бял, б'ели (ср. Лекціи по слав. языкозн. I, стр. 77).

Вѣроятно и основнымъ выговоромъ древняго ѣ въ польскомъ языкѣ было не ia, какъ предполагалъ Фр. Миклошичъ, а двугласное e͡a (т. е. e съ сильной окраской звука a), какъ это слѣдуетъ допустить и для

болгарскаго языка; изъ ea͡ въ однихъ случаяхъ могло развиться е, въ другихъ а (ср. Лекціи по слав. языкозн. I, стр. 78[1]).

А, á.

Гласный а соотвѣтствуетъ 1) пра-слав. а: brat, jama, nasz, bogacz, łazić, sad, naszać; 2) пра-слав. ѣ передъ твердыми согласными, причемъ предшествующій согласный смягчается: biały (ср. предшеств. параграфъ о соотвѣтств. ѣ).

Кромѣ обыкновеннаго а польскому языку свойственно особое *наклоненное* или *сжатое* а, обозначаемое черезъ á (a pochylone, ścieśniane). При произнесеніи его чувствуется большее или меньшее *наклоненіе* а къ звуку o. Существованіе наклоненнаго á можно слѣдить по памятникамъ съ XIII в. (ср. стр. 396—397). Въ литературномъ языкѣ этотъ звукъ получаетъ широкое развитіе въ XVI ст. и тщательно обозначается въ первопечатныхъ изданіяхъ; напр. dobrá, nám, nás, pán, kochá, má, já, widziáł и т. п.[2]). Но затѣмъ á постепенно стало исчезать въ языкѣ книжномъ и образованныхъ классовъ, а въ XVIII ст. совсѣмъ исчезло. Попытка Копчинскаго вновь ввести начертаніе á въ книгахъ не увѣнчалась успѣхомъ. Въ настоящее время въ литературномъ яз. вм. á только а. Въ народныхъ говорахъ (великопольскихъ, малопольскихъ, мазурскихъ, силезскихъ, горальскомъ) до сихъ поръ держится сжатое или наклоненное á, которое въ разныхъ мѣстахъ представляетъ различные оттѣнки выговора: á, o, oᵘ, ó, u; напр. gáj, lás, piekná, latáł, wółá (горальск., лясовск., брезинск., зебжидовск.), stoᵘć (stáć), ptoᵘk (pták), soᵘt (sad), dum, pun, wum (познанск. гов.), pon, dom (лясовск. гов.).

Сжатое á—звукъ, развившійся на почвѣ польскаго языка уже въ историческую пору. Онъ является результатомъ утраченной долготы. Польскому á въ чешскомъ и сербскомъ соотвѣтствуетъ долгое а; напр. piekárz—чешск. pekář, woła—чеш. volá (3 л. ед. ч.), pták—чеш. pták. Обыкновенно á возможно въ закрытыхъ слогахъ и передъ звонкими (или голосовыми) согласными — b, g, d, z, ż, w а также передъ l, ł, r и j; но иногда оно слышится и въ исходѣ слова. Въ частности á—

---

[1]) Иначе объясняетъ польскіе рефлексы древн. ѣ Аппель (Рус. Фил. Вѣстн., 1880, кн. I): онъ приравниваетъ чередованіе ⁱe—ⁱa переходу е въ ⁱo (wiodę см. ниже).

[2]) Въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко á обозначаетъ ясное а, а сжатое а напротивъ передается обыкновеннымъ а.

находимъ: 1) въ оконч. прилаг. и мѣстоим. ед. ч. жен. р.: dobrá, taká, 2) въ глаголахъ, гдѣ á явилось какъ результатъ стяженія ąja, ǫja: stáć, mám, láć; 3) прич. прошед. на ł: liátał, siádł; 4) въ словахъ, гдѣ á замѣняетъ древн. ѣ: wiánek, siáno; 5) въ словахъ заключающихъ слоги zá, ná, nád: zámek, dwanáscie и т. д.

Кромѣ a сжатію подверглись подъ вліяніемъ утраченной долготы e и o (см. ниже).

E, é.

Гласный e соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. e (старо-слав. є): bez, wesoły; 2) пра-слав. и старо-сл. ъ, ь: sen, odegnać, dzień, koniec (ср. стр. 411); 3) пра-слав. и старо-слав. ѣ: ślepy, śmiech (ср. стр. 416).

Польское e обыкновенно смягчаетъ предшествующій согласный и потому передается черезъ ie: bierzesz, wiedzie, nieśli, lesie, kamień, dzień и т. д. Такой умягчительный характеръ имѣетъ e въ русскомъ (литературномъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ нар.) и частью въ словацкомъ яз. (несу, беру, день, далеко, ср. 254 стр.). Указаннымъ свойствомъ отличается e исконное (пра-славянское) и соотвѣтствующее пра-слав. ь и ѣ. Что касается e изъ пра-слав. ъ, то оно не смягчаетъ предшествующаго согласнаго; напр. odegnać, robem. Впрочемъ иногда e не имѣетъ мягчительнаго значенія и въ другихъ случаяхъ; напр. bez, melę, wesele, serce, wełna, pełny. Миклошичъ (Vergl. Gram. I, 520) полагаетъ, что здѣсь e возникло изъ ie. Умягчительное e составляетъ исконную особенность польскаго языка, насколько можно судить объ этомъ при несовершенной графикѣ древнихъ памятниковъ.

Подобно a гласн. e въ польскомъ языкѣ съ теченіемъ времени сталъ подвергаться сжатію, т. е. началъ звучать близко къ гласн. i. Такое сжатое или наклоненное e обозначается начертаніемъ é: chléb, mléko, kobiéta, wiérz, oléj и др. Сказанное объ á относится и къ é.

Сжатое é стоитъ въ связи съ исчезнувшей долготой e. Оно наблюдается преимущественно въ закрытыхъ слогахъ и передъ звонкими согласными. Возникши въ древнюю пору, оно было весьма распространено въ старомъ книжномъ языкѣ (ср. 396—397 стр.). Близость выговора é къ i, y давала поводъ къ смѣшанному употребленію этихъ буквъ; эта путаница въ орѳографіи отчасти перешла и въ болѣе новое время. Въ современномъ литературномъ языкѣ é, если и не вышло окончательно изъ употребленія, то встрѣчается очень рѣдко. А. Ма-

лэцкій въ своей грамматикѣ (1869) отмѣчаетъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, цѣлый рядъ формъ, гдѣ ясно слышно сжатое ė, а именно: 1) въ род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. сложнаго и мѣстоименнаго скл.—téj, jednéj, dobréj; 2) въ твор. и мѣстн. п ед. ч. ср. р. сложн. и мѣстоим. скл.—tém, jednèm, dobrém; 3) въ сравн. и превосх. ст.—lepiéj, gorzéj; 4) въ окончаніи ėj существительныхъ—oléj, kléj; 5) въ повелит. накл.—umiéj, chciéj; 6) въ неопредѣл. накл. глаг.—piéc, siéc. Но теперь, въ большей части этихъ формъ не пишутъ ė; въ языкѣ образованныхъ классовъ вм. ė обыкновенно слышно чистое e или i, y: tej, dobrym. Въ народныхъ говорахъ ė держится до сихъ поръ, представляя различные оттѣнки выговора: чистое ė т. е. звукъ средній между e и i, нѣмецкое ö, французское eu, или чистое i; напр.: lén, lek, lepi (=lepiéj), zływo (познанск. гов.), bida, nima, cztyry (бескид. гов.), ogéj, dźej (dzień) и др.

Польскій переходъ ė въ i (y) можно сблизить съ чешскимъ съуженіемъ ė, ie въ í (ср. 66—67 стр.): řéci—říci, viera—víra.

Въ народныхъ говорахъ, особенно западныхъ (великопольскихъ, куявскихъ и др.) нерѣдко наблюдается и обратное явленіе: переходъ i, y въ e: tedźeń, beł, reba, tech, p'eła, b'eł и т. п.

Переходъ пра-славянскаго e въ o.

Кромѣ перемѣны, указанной въ предыдущемъ параграфѣ, праслав. e на почвѣ польскаго языка можетъ расширяться въ o. Это явленіе широко захватило языкъ и составляетъ одну изъ характерныхъ его особенностей. Переходъ e въ o происходитъ передъ твердыми t, d, z, s, n, r, ł, при чемъ сохраняется мягкость предшествующаго согласнаго, такъ что пра-славянское e = 'o; напр.: miotę, wiodę, biorę, niosl, siostra, ciotka, wiozłem, kamionka, sioło, czoło, uczona и т. п. Если согласный, слѣдующій за o, смягчается, то возстановляется первичное e; напр.: mieciesz, wiedziesz, bierzesz, niesli, kamień и т. п.

Присутствіе этой черты въ языкѣ можно установить уже для XII—XIII в. (ср. 392 стр.). Въ памятникахъ XIV—XV ст. оно представлено весьма широко (напр. въ краковскихъ ротахъ: jodlowa, nyosl, wyodl, Pyotr, Gezor, myodowe, obwynyon и т. д.). Тѣмъ не менѣе оно развилось на польской почвѣ несомнѣнно въ историческую пору. Во многихъ народныхъ говорахъ до сихъ поръ въ указанныхъ случаяхъ

сохраняется древнее е; напр.: mietła, wiesna, pieron, żeniaty, biedra, viesło, z miedem, wiedę, mietę, bierę, bierą, pletą, Pieter и т. п. (бескид., куявск. великоп. и друг. гов.).

Совершенно такой-же переходъ е въ io наблюдается въ русскомъ языкѣ (литературномъ, великорусскомъ[1]): весёлый, тётка, принёсъ, увёлъ, бёдра и т. д. Различіе между обоими языками состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ польскомъ можетъ переходить въ o только исконное пра-славянское е, въ русскомъ-же и вторичное е, именно развившееся изъ первоначальнаго ь; напр. пёсъ, польск. pies, почётъ и poczet. 2) въ польскомъ вм. е выступаетъ o только передъ указанными согласными, въ русскомъ — передъ всѣми вообще твердыми согласными (въ томъ числѣ передъ губными и гортанными), напр. тёплый и ciepły, упёкъ — upiekł; 3) въ русскомъ расширеніе е въ o происходитъ только въ ударяемыхъ слогахъ, въ польскомъ оно возможно и въ слогахъ, не имѣющихъ ударенія, напр.: miodowy, Pyotrassek (XV в.), русск. мёдъ, медовый, Пётръ, Петровъ.

Впрочемъ, иногда и въ польскомъ o вм. е наблюдается въ словахъ, не подходящихъ подъ указанный общій законъ; напр.: poziom, poziomka, dzionek (уменьш. отъ dzień); piosnka — o по аналогіи другихъ словъ вм. ожидаемаго ia (=ѣ, пѣснь).

Въ русскомъ языкѣ главная причина перехода е въ o несомнѣнно заключается въ удареніи. Полагаютъ, что таже причина обусловила возникновеніе даннаго звуковаго явленія и въ польскомъ (Аппель, Рус. Филол. Вѣстн., 1880, кн. I, 14 — 15). И здѣсь е стало переходить въ o передъ твердыми согласными сначала только въ ударяемыхъ слогахъ и лишь послѣ, по аналогіи другихъ словъ, o явилось и въ неударяемыхъ слогахъ, т. е. напр.: niosę, czoło развились изъ niesę и czeło по аналогіи s niosł, czoła, гдѣ o вм. е возникло непосредственно подъ вліяніемъ ударенія.

Чередованіе е—o можно сопоставить съ чередованіемъ е—а изъ пра-слав. ѣ.

O, ó.

Гласный o обыкновенно соотвѣтствуетъ пра-слав. o: bogaty, dom, potok, powodu, stado. Сверхъ того o: 1) представляетъ расширеніе

[1]) Въ общепринятой графикѣ этотъ вторичный звукъ или совсѣмъ не обозначается особымъ знакомъ или передается черезъ ё.

первичнаго е передъ извѣстными твердыми согласными: sioło, niosę (ср. выше переходъ е въ о); 2) въ народныхъ говорахъ замѣняетъ и другіе гласные: a, á, u (передъ n, m, l, ł), общепольское е (передъ ł); напр. kozden, kozdy, p'eron, op'ekon (опочинск. г.), ontarz (зебржид. гов.), dźobol (djabel), znoł, groł, ořoł, ośoł, Pavoł (познанск. гов.).

Гласный о, подобно а и е, можетъ подвергаться сжатію, т. е. въ выговорѣ приближаться къ звуку u; въ такомъ случаѣ онъ обозначается черезъ ó. Въ современномъ литературномъ языкѣ и большей части народныхъ говоровъ сжатое ó и звучитъ какъ u: Bóg, sól (=Bug, sul). Но въ старомъ языкѣ ó несомнѣнно произносилось какъ звукъ средній между о и u; указанія на этотъ звукъ представляютъ древніе памятники начиная съ XIV в. (см. 396 стр.). Въ нѣкоторыхъ говорахъ (великопольскихъ) и теперь ó звучитъ какъ uo, uó: kuój, wuół.

Ó выступаетъ преимущественно въ закрытыхъ слогахъ передъ однимъ изъ слѣдующихъ согласныхъ: b, g, d, z, ż, w, l, ł, r и j; напр.: gród—grobu, bób—bobu, stół—stołu, rów—rowu, głód—głodu, stodoła—stodół (род. п. мн. ч.), noga—nóg, sól—soli, jezioro—jeziór, morze—mórz, wódka, stój, mój, pokój, wóz—wozu, koza—kóz и т. п.

Но возможны и отступленія отъ этого закона. Иногда ó слышится и въ открытыхъ слогахъ: góra, król—króla; иногда передъ другими согласными, кромѣ указанныхъ, напр. передъ беззвучными: rósł, móc.

Наконецъ ó можетъ произойти изъ вторичнаго о, возникшаго путемъ расширенія изъ первичнаго е: niósł, plótł, miód, trzoda (стадо)—trzód (род. п. мн. ч.).

Сжатое ó, звучащее нынѣ, преимущественно какъ u, подобно другимъ сжатымъ гласнымъ нужно считать рефлексомъ прежней долготы. По отношенію къ о вѣрность этого заключенія особенно наглядно доказывается параллелями изъ чешскаго языка, въ которомъ долгое ō также стало звучать какъ uo, впослѣдствіи стянувшееся въ ů (т. е. ū): Bōh—Bóh—Buoh—Bůh, kůň, dům, můj, tvůj и т. д. (ср. 70, 255, 256 стр.). Вѣроятно и въ польскомъ языкѣ былъ тотъ-же процессъ: долгое ō расширилось въ uo (удержавшееся доселѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ), а uo стянулось въ u.

Во многихъ говорахъ (силезскихъ, великопольск. и др.) о въ началѣ, рѣже въ срединѣ, словъ произносится съ окраской звука u (^{u}o); напр.: ^{u}oćec, ^{u}ogiń (опочинск. гов.), d^{u}óm (познанск. гов.).

I. Y.

Польскій языкъ, подобно русскому, различаетъ узкое і отъ широкаго y; і соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. и, y—пра-слав. и старо-сл. ы; напр.: bić, wino, być, syn, бити, вино, быти, сынъ (ср. чешскій и южно-славянскіе языки).

Несоотвѣтствіе со старо-славянскимъ сказывается въ слѣдующемъ. Послѣ k, g въ польскомъ не можетъ быть y, а только і; слѣдовательно старо-слав. кы, гы въ польскомъ соотвѣтствуютъ ki, gi: kinąć (кынѫти), rąki (рѫкы), ginąć (гыбнѫти), но ch не раздѣляетъ судьбы k, g: chydzić, chybić, chyba. Съ другой стороны, послѣ cz, ż, sz, c, dz и rz вм. первичнаго і возможно только y: skoczyć, żyć, szyć, obcy, cudzy, przy. Тоже явленіе въ русскомъ языкѣ: *кинуть*, *гибнуть*, *руки*; послѣ шипящихъ и ц русскіе тоже произносятъ ы и только на письмѣ сохраняется и: *жизнь* (жызнь), *шить* (шыть), *цифра* (цыфра).

Различеніе і, y несомнѣнно составляетъ исконную черту польскаго языка, хотя обозначеніе этихъ звуковъ въ древнихъ памятникахъ весьма запутанное и не даетъ данныхъ для опредѣленныхъ заключеній.

Гласн. і, y нерѣдко замѣняются черезъ e или é. Въ литературномъ языкѣ эта замѣна наблюдается въ слогахъ ir, yr: sierota, ser, cztery, széroki, pasterz, bohatér, umierać. Въ народныхъ говорахъ выступаетъ e вм. основныхъ і, y и въ другихъ случаяхъ: zrobeł, sełny, beł -a, -o, kobeła (опочинск. гов), syne, myše (им. п. мн. ч.). do granice (бескид. гов.).

Вм. основн. y въ нѣкоторыхъ говорахъ u: buł, żuł, kruł, (познанск. гов.—Miejskiéj Górki).

U.

Гласн. u: 1) соотвѣтствуетъ пра-слав. y (старо-слав. оу): drugi, gumno, lud, domu; 2) возникши на польской почвѣ, замѣняетъ сжатое ó: Bóg (произносится Bug). Ср. выше объ o, ó; 3) въ говорахъ чередуется съ a, і, y, o: p'eron, op'ekon (опочинск., брезинск. и зебжидовскій гов.), op'ekon (познанскій гов.), b'uł (bił), nośuł, buł, żuł (познанск. гов.).

Соотвѣтствія пра-славянскимъ ръ, рь, лъ, ль, ър, ьр, ъл, ьл (старо-слав. ръ, рь, лъ, ль) между согласными.

Древне-польскому языку въ извѣстной степени были свойственны гласные r̥, l̥ (ср. 398 стр.), но уже въ древнѣйшую пору (XIV ст.), сколько можно судить по памятникамъ, въ языкѣ были распространены сочетанія плавныхъ r, l съ гласными. Въ настоящее время въ польскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ гласныхъ r̥, l̥ и старо-славянскимъ ръ, рь, лъ, ль соотвѣтствуютъ исключительно сочетанія r, l съ чистыми гласными. Именно: 1) старо-слав. ръ (пра-слав. ър) соотвѣтствуетъ ar: targ, kark, gardło; 2) старо-слав рь (пра-сл. ьр)—ir (въ древнемъ яз. ср. 391 стр.), вм. чего въ новомъ языкѣ ierz, ier, ar (передъ твердыми t, d, s, r, ł); напр.: czerw', czerń, śmierć, pierś, sierp, ćwierdzić, wierzch, czarny, martwy, twardy, wiercieć и wartać; ar въ этихъ словахъ, вѣроятно, развилось изъ твердаго r̥, которое замѣнило первоначально мягкое ŕ̥ подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго; 3) старо-слав. лъ (пра-сл. ъл) соотвѣт. łu, eł, oł, il; напр.: dłubać, dług, długi, słup (изъ stłup), tłusty; chelm, pełny, wełna; mołwić (древн.) — теперь mówić; milczeć, pilch, wilk; 4) старо-слав. ль (пра-сл. ьл) — oł: czołn, żołć, żołna, żołty; здѣсь oł, вѣроятно, развилось на мѣстѣ *прежняго* болѣе ранняго eł.

Любопытно еще ło въ словѣ słonce. Сочетаніе il—изъ ъл трудно объяснить.

Чередованіе e и a при r и e и o при l по отношенію къ обусловившей ихъ общей причинѣ можно сблизить съ указанными выше чередованіями этихъ гласныхъ въ другихъ случаяхъ.

(Ср. W. Nehring. O wyrazach z wątłą samogłoską obok l, r, pomiędzy spółgloskami. Prace filologiczne, 1885, t. I, z. 1).

Пра-слав. tert = tret, пра-слав. tort = trot.

Пра-славянскія сочетанія типовъ tert (telt) и tort превращаются въ польскомъ языкѣ черезъ перестановку гласныхъ e и o, въ сочетанія типовъ tret и trot. Примѣры: brzemię, oczrzedź, trzewik, trzewo, plenić, slemię, smrek, śrzedni, trzeba, trzeźwy, przeć, śrebro, brona, brozda, dloń, chłod, kłoda, krowa, mroz, płomień, proch и др.

Первичныя e, o въ этихъ сочетаніяхъ могутъ подвергаться обычнымъ въ польскомъ языкѣ измѣненіямъ: e то сжимается въ é (въ ста-

ромъ языкѣ), то расширяется въ о, о сжимается въ ó: brzég, mléko, brzoza, płon (полонъ), gród, próg.

Относительно соотвѣтствій пра-славянскимъ tert, tort польскій языкъ сближается съ сербо-лужицкимъ: dřevo, broda, glova. Въ другихъ языкахъ иначе: въ старо-славянскомъ, чешскомъ, словацкомъ и южно-славянскихъ языкахъ изъ tert, tort дѣлается—trět, trat (брѣгъ, бриjег, brěh, breh, брада, brada), въ русскомъ языкѣ teret, torot (берегъ, борода). Ср. стр. 77, 259.

Долгота гласныхъ.

Въ современномъ польскомъ языкѣ не различается количество гласныхъ, ихъ долгота и краткость. Но въ старомъ языкѣ, нужно думать, различіе гласныхъ по количеству еще существовало (ср. 395 стр.). Слѣды прежнихъ долготъ сохранились въ сжатыхъ гласныхъ é ó (chléb, Bóg и т. п.). Сверхъ того въ народныхъ говорахъ (силезскихъ, куявскихъ, краковскихъ, бескидскихъ) въ отдѣльныхъ словахъ ясно слышны долгіе гласные: они позднѣйшаго образованія, являются вмѣсто двухъ стянувшихся гласныхъ; напр.: ā въ pādać (powiadać), pāda, pnakā (płakała), padā (padała), trzā (trzeba), dwāsca (dwadżeśća); ē въ pēdziała (powiedziała), ńēm (ńe vem), odēdz (odejdz); ȳ въ wȳdź, przȳme (przyjmę—бескид. гов.). Ср. напр. Rozprawy i Sprawozdania Wydz. fil. Krak. Akad., t. III (1875) 355, XI (1886) 203 и др.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ въ польскомъ языкѣ не такъ распространено, какъ въ сербо-хорватскомъ или чешскомъ, но все-таки не составляетъ явленія, особенно рѣдкаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

ąje = a: dawam, dawasz и т. д. но dawają.
ěja = a: dziać.
ǫja = a: ma, pas, bać, się, stać.
ąja = a: dobra.
ija = a: lać.
ęje = e: smiem.
ǫje = e: me, mego, mem.
ịje = e: kazanie, podgorze.
ǫji = y: twych.

Сюда-же относятся: czlek (=czlowiek), třza (=trzeba), pādać (=powiadać) и др., указанныя выше (долгота гласныхъ) слова, встрѣчающіяся только въ народныхъ говорахъ.

Зіяніе.

Зіяніе устраняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, посредствомъ: 1) вставочныхъ j, w, h: piję, daję, kuję, krawiec, łyskawica, ugnijać, ugniwać, Izrahel; 2) черезъ превращеніе i въ j, u въ w: pojść, pwać, znaj.

Однако, зіяніе допускается: 1) когда вторымъ гласнымъ есть i: raić, nadziei, moi, swoi, szyi и др. (передъ i не слышится j); 2) въ сложныхъ словахъ: wyorać, nauka, zaimek, zausznik, wyexamenować и др. Въ народныхъ говорахъ возможно зіяніе и въ другихъ случаяхъ, напр. daa (вм. dała).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Чаще другихъ могутъ исчезать изъ слова слѣдующіе гласные: 1) e: rznąć, oslnąć; i: grać, skra, въ неопр. н. być, mać, въ повел. н. bądź, pleć, plećmy, paś, paśmy, bierz, cierp, cierpmy; o: jak, tak, nic, nikt; ę: zaś (=za się); y: dość (=do syti) и т. д.

Вставочнымъ чаще всего бываетъ e: въ род. п. мн. ч.—den, gier, łez, sosien; въ имен. п. ед. ч.—węgieł, węgiel, ganek, ogień и др.

Б) Согласные.

Въ польскомъ языкѣ весьма отчетливо проведено различіе между твердостью и мягкостью согласныхъ. Почти всѣ согласные могутъ быть и твердыми и мягкими и способны смягчаться передъ всѣми узкими гласными. Этою чертою польскій яз. особенно сближается съ русскимъ.

Ł, l. R, rz. N, ń.

Въ польскомъ языкѣ двоякое l: твердое (ł) и мягкое (l); первое слышится передъ широкими гласными, второе передъ йотованными и узкими гласными, какъ основными (e, i, ę), такъ развившимися изъ первичныхъ ѣ, ь. Примѣры: łaska, chłop, był, łyko, głuchy; wola, lubić, lice, bol, pleciesz, lep, cielę, las. Иногда l звучитъ мягко и передъ

согласными: milknąć и milczeć, pilch, wilga, wilk. Наоборотъ иногда мягкость пропадаетъ передъ согласными: ziele — ziołko, но koszula — koszulka, rolka, walka. Передъ e изъ древн. ъ не бываетъ смягченія: kołem, kołek.—Средняго l, соотвѣтствующаго чешскому и сербо-хорватскому, въ польскомъ языкѣ нѣтъ.

Во многихъ говорахъ ł звучитъ какъ ŭ или какъ звукъ средній между u и w: poŭ trzecia, gŭupi, gwaŭt, gŭowa, miŭy, mŭody, ŭadny и др. (оппельн., брезин., бескид. и др. гов.); отсюда вм. первон. łu, ol иногда u: gupi, pu (зебжид. гов.).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (лясовск. гов.[1]) наблюдаются различные оттѣнки мягкости въ выговорѣ l: lis, palić и l'etni, l'eśny.

Въ говорахъ иногда смѣшиваются ł и l: chwilka и chwiłka, łokaj и lokaj.

Иногда ł чередуется съ n: ontarz, podnoga (лясовск. гов.).

Согласный r можетъ быть твердымъ и мягкимъ. Твердое r вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому и обще-славянскому р (rana, ryba). Мягкое r, обозначаемое въ современной графикѣ черезъ rz, въ литературномъ языкѣ и большей части говоровъ звучитъ почти какъ ж, а послѣ k, t, p, ch какъ ш: rzeka (жека), trzeba (тшеба). Но въ нѣкоторыхъ говорахъ (оппельн., зебжидов. г.) при выговорѣ мягкаго r слышится не только ж или ш, но и предшествующій имъ элементъ звука r (morrżże). Въ старомъ языкѣ элементъ r звучалъ еще отчетливѣе, и въ древнѣйшую пору мягкое r, какъ полагаютъ, произносилось совсѣмъ безъ примѣси шипящаго звука (см. 391 стр.). Ср. чешск. яз. 38, 84 стр.

Смягченіе r необходимо передъ йотованными и узкими гласными: pogrzeb, rzekł, wierzyć, brzég, źwierzę, przy, burza, cesarz. Такъ-какъ ж, ш развившіяся изъ мягкаго r, сами по себѣ тверды, то послѣ rz вм. i является y. Гласн. ę, соотвѣтствующій первонач. ѫ, не смягчаетъ предшествующаго r: biorę, ręka; равнымъ образомъ ą соотвѣтствующій первонач. ѫ не измѣняетъ мягкости предшествующаго r: rząd, rzędu. Тоже относится къ o изъ e: brzoza. Передъ e изъ древн. ъ—r не смягчается: wzorek, borek.

Въ народныхъ говорахъ (силезск., зебжид., закопан. г.) r иногда не смягчается передъ e (въ настоящ. вр.): bieresz, biere. И въ лите-

---

[1]) Близъ Сандомира Rozpr. Wydz. fil., t. VIII, 1880.

ратурномъ яз. мягкость иногда пропадаетъ передъ согласными: orzeł, orła, korzec—korca.

Иногда (особенно въ старомъ языкѣ) r смягчается передъ нѣкоторыми согласными, именно передъ ń, губными и гортанными: przyczerzń (Oczko, Cieplice), cierznie, sierzp, wierzba, wierzch.

Послѣ z, s вм. rz обыкновенно r: śrebro, środ, średni, źrenica, źrebię (вм. źrzebię); въ древнихъ памятникахъ: śrzebro, źrzebię; въ опольск. нар.—strzebro; въ лясов. г. śrebło.

N также способно къ смягченію подъ вліяніемъ j и узкихъ гласныхъ. На концѣ словъ и передъ согласными мягкость n обозначается черезъ ń, передъ всѣми гласными кромѣ i посредствомъ i, а передъ i совсѣмъ не обозначается; напр.: koń, pieśń, kończyć, konia, koniu, niesę, pan—panie, pani, pań, jagnię. Передъ e изъ древн. ъ—n не смягчается: panem, panek. Равнымъ образомъ передъ согласными n иногда твердѣетъ: piosnka

Сочетаніе kń переходитъ въ kś: ksiądz (кънѧзь), księga (kъńiga изъ kъńinga).

Въ народныхъ говорахъ n чередуется съ m: m'ikodem, m'ikły (бескид. г.); ń=j (на концѣ слоговъ и словъ): gij, kuój, jabłuoj, ogej (лясовск. г.), kam'éj, krzeméj (зебжид. г.); иногда n удваивается: inny, panna, rynna.

D, dz, dź. T, c, ć.

Зубные d, t подвергаются двоякому смягченію: 1) передъ прaслав. j и 2) передъ узкими гласными, исконными или ихъ позднѣйшими замѣнами.

Пра-слав. dj = dz, пра-славян. tj = c. Примѣры: miedza, nędza, przędza, żądza, jedz, wiedz, cudzy, rodzen, ugadzać; świeca, lecę, wracać, młocę, biorąc, pasąc, chcę.

Совершенно такое-же измѣненіе первичныхъ dj, tj представляетъ словацкій языкъ. Сверхъ того смягченіемъ tj въ c польскій яз. сближается съ чешскимъ и сербо-лужицкимъ.

Передъ узкими гласными и ихъ новѣйшими замѣстителями d и t звучатъ еще мягче, чѣмъ предъ исконнымъ j, т. е. превращаются въ dź и ć. Послѣднія начертанія употребляются только на концѣ словъ и передъ согласными; передъ гласными-же вмѣсто нихъ пишутъ dzi и ci, а передъ i только dz и c. Примѣры: gość, mać, dać, nić, sieć,

snadź, Żmudź, bracia, svacia, ciebie, ci, tracić, ciotka, dziecię, kocieł, dziad, kądziel, dziabel, ciało, w ciele.—Такія-же мягкія ц' и дз' представляетъ бѣло-русское нарѣчіе: цѣсто, дзѣдъ.

Очень часто выступаютъ dź и ć передъ мягкимъ w': dźwignąc, niedźwiedź, ciećwierz, ćwierdzić и twierdzić.

Передъ согласными смягченіе исчезаетъ: dzień, dnia, miedz—miednica, kocieł—kotła, nić—nitka.

Передъ e изъ пра-славян. ъ смягченія не бываетъ: niedźwiadek, kmiotek, płotek, rzędem, śladem, batem и т. п. Тоже относится къ ę, когда оно замѣняетъ пра-слав. ж: robotę, jadę.

Послѣ s, z первичныя tj, dj перешли въ шипящія, а не свистящія; т. е. stj=szcz (щ), zdj=żdż (жджж): dopuszczać, chłostać—chłoszczę, gnieździć—gnieżdżę, jeżdżę.

Передъ c мягкія ć и dź замѣняются j: ojca (=oćca=отьца, отсюда и имен. п. ojciec), płajca, zdrajca (=zdradzca), zwajca; dwajśca (опочин. г.=dwadźeśća).

Сочетанія dł, tł охотно допускаются польскимъ языкомъ, какъ и другими сѣверо-западными языками; напр.: szedł, plótł, wiódł, władł, gardło, pradło, modlić.

Сочетанія tt, dt, какъ въ другихъ славянскихъ, превращаются въ st: pleść, wieść.

B. P. W. F. M.

Согласные губные b, p, w, f и губно-носовой m, подобно другимъ согласнымъ, еще сохранили способность смягчаться, но эта способность въ современномъ языкѣ, особенно литературномъ, все болѣе падаетъ. На концѣ словъ названные согласные (въ литерат. языкѣ и во многихъ говорахъ) уже не бываютъ мягкими: gołąb, łap, krew. Поэтому прежнія начертанія мягкихъ согласныхъ b', p', w', m' почти совсѣмъ не употребляются въ новѣйшей графикѣ.

Смягченіе b, p, w, f, m имѣетъ мѣсто передъ j и узкими гласными, какъ исконными, такъ и новѣйшими ихъ замѣстителями; оно обозначается посредствомъ i; напр.: zemia, korabia, grabie, bies, bić, biały, pies, piekę, piec, pięc, piąty, piana, wiem, wiano, święty, świąt, miano, mięso, miękki, figiel, trafić, trafiam.

Въ нѣкоторыхъ словахъ пра-слав. bj, pj, vj превращаются въ bl, pl, wl, какъ въ старо-славянскомъ, русскомъ, сербо-хорватскомъ и

словинскомъ языкахъ: grobla (плотина), grable (великоп. г. общепольска grabie), czapla, kropla (капля), kupla и kupia, mowla, niemowlę, niemowlątko и nemowiątko. Нужно думать, что l въ этихъ сочетаніяхъ не архаическая черта, а новѣйшее явленіе, такъ-какъ въ древнихъ памятникахъ не grobla а grobia, не kropla а kropia (kropie—множ. ч.).

Способность польскихъ губныхъ къ мягкому выговору видна, между прочимъ, изъ того, что они могутъ вліять на смягченіе предшествующихъ согласныхъ; напр.: dzwięk, dźwignąć, śpię, ćwierz, weźmi.

Иногда b, p, w, f, m смягчаются передъ мягкими согласными: wątp'liwy, golęb'nik, szczaw'nica, karm'nik, tref'niś.

Передъ e изъ ъ и передъ ę вм. ѫ губные, какъ и другіе согласные, не смягчаются: chłopek, chłopem; słowem, rybę и т. п.

Въ мазурскихъ говорахъ наблюдаются оригинальныя смягченія: 1) m въ mń (только передъ i): mniłość; тоже явленіе спорадически и въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ: mńałem, mńęso; 2) v́ — въ vź, ź или j: vźino, vźecor, źino, źecor, jadro, jem, jecor, josna, ojes; тоже явленіе въ нѣкоторыхъ куявскихъ говорахъ (Sompolko, Piotrków, Strzelno): jilk, jiseć; въ послѣднихъ, вслѣдствіе смѣшенія v́ съ j иногда появляется v́ вм. j: v́eleń.

Вм. первичн. m слышится n въ niedźwiedź.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. w слышится: b (posobo, łyżby), m (smąd), g (gdowa, gnuk), ŭ (ŭujek).

F слышится большею частью въ заимствованныхъ словахъ: flak, ofiara, fras, trefić и т. п. Иногда оно возникаетъ на мѣстной почвѣ изъ chw и pw: faal, krotofila, Bogufal, ufać. Вм. иностр. f въ польскомъ нерѣдко b, p: barwa, hrabia, margrabia, bażant, Szczepan. Ср. 89 стр.

G. K. Ch. H.

Польскія g, k, ch вполнѣ соотвѣтствуютъ пра-славянскимъ гортаннымъ и звучатъ совершенно такъ какъ русскія г, к, х. Кромѣ гортанныхъ звуковъ, обозначаемыхъ указанными начертаніями, польскому языку отчасти свойственно придыхательное г, обозначаемое черезъ h. Оно заимствовано изъ мало-русскаго, а частью быть можетъ изъ чешскаго языка. Въ книжномъ языкѣ область употребленія буквы h ограничивается словами заимствованными (изъ мало-русскаго и друг. язы-

ковъ); напр.: bohatér, Bóhdan, halas, kurhan, hańba, hetman, huk, humor, hajduk и др.; при чемъ среди образованныхъ классовъ выговоръ ея не отличается отъ выговора ch[1]). Тоже относится и вообще къ народной рѣчи. Но въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ; напр.: опольскомъ, бескидскомъ, брезинскомъ и друг. h, отличаясь отъ ch, звучитъ близко къ мало-русскому и чешскому придыхательному г (h); напр.: na wirhu, howa, hudobny, hleb (бескид. гов.).

G и k способны къ непосредственному смягченію: kinąć, ginąć, wielki, drugi, т. е. ḱinąć, ǵinąć и т. д. Тоже явленіе и въ русскомъ языкѣ.—Передъ твердымъ e послѣ k, g пишется i: wiekiem, stogiem, wiełkiego, wielkiemu, ubogiego, ubogiemu.—Мягкія g, k слышатся и передъ согласными: ḱwitnąć, gwizdać.

Переходное смягченіе гортанныхъ, т. е. превращеніе ихъ передъ j и узкими гласными въ шипящіе (ż, cz, sz) и свистящіе (dz, c, s) какъ пра-славянская черта, свойственно польскому языку на ряду съ другими живыми славянскими языками. Уклоненіе отъ старо-славянскаго въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (передъ e = ѣ въ склоненіи) ch переходитъ не въ s, а въ sz. Такимъ образомъ: 1) g (h), k, ch переходятъ въ ż, cz, sz передъ j, e, i (при образованіи основъ); древними ѣ (= ē) и ь (изъ i, jъ); напр.: stroża, możesz, boże, boży, książka, bożek, pieczesz, placzę, człowiecze, kawałeczek, poboczny, kurczę, dziczeć, dusza, susza, zauszka, pieszy, słyszeć, grzeszyć, wojciesze, mniszy; 2) g, k переходятъ въ dz, c передъ i (въ окончаніяхъ), древнимъ ѣ (= ai, oi въ окончаніяхъ) и j (болѣе поздній переходъ въ сравненіи съ переходомъ gj kj въ ż и cz); напр.: szpieg—szpiedzy, srogi—srodzy, drogi—drodzy, noga—nodze, Polacy, wilcy, ręka—ręce, męka—męce, Polsce, owca, ciądzać; 3) ch передъ i (въ окончаніяхъ) переходятъ въ s, а передъ e (= ѣ въ окончаніяхъ) въ sz; напр.: wlosi, głusi, mucha—musze, wloszech; равнымъ образомъ и h передъ e (= ѣ) переходитъ въ ż (а не dz): braże, Sapieże. Ср. чешск. яз. 90 стр.

Въ повелительномъ накл. вм. ожидаемыхъ dz, c по отпаденіи конечнаго i слышится ż, cz: ląż, pomóż, piecz, tłucz.

Группы gt, kt подвергаются тому-же измѣненію какъ tj, т. е. переходятъ въ c: piec, moc, noc.

---

[1]) Въ виду этого въ современной графикѣ h встрѣчается все рѣже и рѣже.

Kt въ народныхъ говорахъ чередуется съ cht въ kto, ktory — chto, chtory (куявск. г.).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ k замѣняетъ t: kvardy, kvardość (опочинск. г.), krzeżvy (закопан. г.).

Z, ź, dz, dź. C, ć. S, ś.

Польскій языкъ представляетъ большое количество свистящихъ согласныхъ, отличающихся не только по оттѣнкамъ произношенія, но и по происхожденію.

Современныя польскія z, s соотвѣтствуютъ пра-слав. твердымъ z и s: vóz, les.

Современное c замѣняетъ: 1) пра-слав. ę (изъ k): wieniec, ręka — ręce; 2) пра-польское c изъ пра-слав. kt, gt: piec, moc; 3) пра-польское c изъ пра-слав. tj: svieca; см. выше о t.

Современное dz замѣняетъ: 1) пра-слав. мягкое z изъ g: ksiądz, nodze; 2) пра-польское dz изъ пра-слав. dj: nędza; ср. выше о g и d; 3) болѣе древнее z: dzwon, bardzo, śledziona.

Современныя dź и ć суть собственно смягченія d и t передъ узкими гласными: miedź, nić, ср. выше о d, t.

Ź, ś обозначаютъ смягченіе z, s: groźba, gość.

Согласные z, c, s слѣдуетъ считать твердыми, при чемъ z и s способны подвергаться смягченію, а c почти всегда остается твердымъ; ć есть смягченіе не c, а t. Впрочемъ встрѣчаются случаи и смягченія c: zwierciadło, swiecie.

Пра-славянская черта—переходъ dz (и др. z) и c въ шипящія ż, cz въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣетъ мѣсто этотъ переходъ для g, k, т. е. передъ j, e, i, др. ѣ, ь (изъ i, jъ)—выдержана и въ польскомъ языкѣ; напр.: książe, pieniążek, vożę, konczyć, chłopcze, ojczyzna, uliczka, owca—owieczka. Напротивъ s измѣняется въ sz только передъ j: noszę, piszę.

Впрочемъ въ мѣстоим. вьсь и производныхъ отъ него вм. s слышится sz: wszak, wszeliki, wszędy, wszystki и др. Тоже въ чешскомъ и сербо-лужицкомъ яз.

Z, s смягчаются въ ź, ś: 1) передъ узкими гласными, исконными и ихъ замѣстителями, при чемъ мягкость обозначается такимъ-же способомъ какъ и при другихъ согласныхъ (т. е. ź, ś, zi. si передъ i не обозначается); напр.: wieziesz, grozisz, ziewać, ziębić, groźba, niesiesz,

wisieć, sila, siędę, ryś; 2) передъ мягкими согласными; напр.: źle, wieźli, weźmiesz, gwoźdź; kość, myśl, ośm, śpi, świadek.—Иногда вм. ś—слышится sz: szędziwy и szedziwy, szary.

Передъ твердыми согласными смягченіе исчезаетъ: osieł — osła, kozieł—kozła, wieś—wioska.

Группа zd передъ j и узкими гласными переходитъ въ żdż или źdź: jeżdżę—jeździć, gnieżdżę—gnieździç.

Группа zg передъ узкими гласными превращается въ żdż: drobiazg—drobiażdżek, mozg—możdżek.

Stj = szcz (щ): obwieszczę, chrzszczony, gościć—goszczę.

Sk передъ j и узкими согласными переходитъ въ szcz (щ): iszczę, sierbszczyna, bożyszcze.

Ts и czs превращаются въ c: bogactwo, co (čso), nic; ss=s: ruski.

Въ сочетаніяхъ śs, źrz согл. ś, ź замѣняются j: wiejski (wieśski), miejski (mieś(ć)ki отъ miasto), dojrzeć, spojrzeć (ср. выше ojca вм. ośca, ojczyzna вм. oćczyzna).

Смѣшеніе s и z наблюдается въ предлогахъ s (съ) и z (изъ). Въ литературномъ яз. господствуетъ z въ значеніи съ и изъ, а s слышно рѣдко и то обыкновенно тамъ, гдѣ ожидается z. Въ народныхъ говорахъ часто иначе; такъ въ опольск. н. господствуетъ s.

Ż. Cz. Sz. Dż.

Польскіе шипящіе ż (ж), cz (ч), sz (ш) большею частью пра-славянскаго происхожденія. Они соотвѣтствуютъ: 1) пра-слав. ж, ш изъ zj, cj (nosze, rogoża) или 2) пра-слав. ж, ч ш изъ гортанныхъ г, к, х, перешедшихъ въ шипящіе подъ вліяніемъ j или узкихъ гласныхъ (boże, człowiecze, suszyć и т. п.).

Болѣе поздняго происхожденія: sz въ мѣстномъ—wszak, wszego и т. д., szedziwy и др., ż въ такихъ словахъ какъ jeżdżę, możdżek.

Dż (дж)—сложный шипящій звукъ, возникшій на почвѣ польскаго языка изъ d или g, когда этимъ согласнымъ предшествуетъ z, а сами они стоятъ передъ j или узкимъ гласнымъ; при этомъ z также измѣняется въ ż: gnieżdżę (gniezdić), dojeżdżać, drobiażdżek (drobiazg). Ср. выше параграфъ о свистящихъ.

Во многихъ народныхъ говорахъ шипящіе звуки совсѣмъ не слышны и замѣняются свистящими z, c, s, dz; напр.: boze, zyć, zyto, cłowiek, carny, syć, sukać. Такъ какъ это звуковое явленіе наиболѣе

послѣдовательно выдержано въ мазурскомъ нар., то оно называется мазурованіемъ. Но въ большей или меньшей степени оно свойственно куявскимъ, силезскимъ, мало-польскимъ и бескидскимъ говорамъ. Только велико-польскому нарѣчію вообще чужда замѣна шипящихъ свистящими (или „язычныхъ“ „зубными“).

Передъ мягкими согласными шипящіе также смягчаются или переходятъ въ ź, ć, ś: droźnik, źrzadło, jeźli, boźnica, ćwierć, grześnik, ślachta. Тоже передъ i: chozi, gorsi. Но cz передъ ń остается: recznik, mącznik. Въ народныхъ говорахъ подобный переходъ наблюдается и въ другихъ случаяхъ: śam (опольск. г.), źaba, żelazo (опочин. г.), ćtyre (закоп. г.).

Группа czrz = trz: trzoda, trzewo, trzewik.

Żs=s: bostwo, mnostwo (mnożьstvo); czsz=cz: ochoczy; żż=ż: ożon.

J.

Согл. j: 1) соотвѣтствуетъ пра-слав. j: jego, jest; 2) развился на почвѣ польскаго языка вм. другихъ согласныхъ c, ć (ť), dź, ź, ś: ojca, zdrajca, wiejski и др.; въ народныхъ говорахъ также вм. r, n, ń, v́: majmurowy (опольск. г.), trajsport (опочин. г.), jelej, kamej (зебжид. г.). Любопытна замѣна древн. j черезъ l въ zmila (зебжид. гов.), jecor (мазур. нар.).

Уподобленіе согласныхъ.

Обще-славянскій законъ уподобленія согласныхъ имѣетъ широкое примѣненіе и въ польскомъ языкѣ, который допускаетъ рядомъ только однородные согласные, т. е. звучные или отзвучные, твердые или мягкіе. Если сталкиваются разнородные согласные, то происходитъ уподобленіе однихъ другимъ, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: звучные (mediae) g, h, d, dź, dz, z, ź, ż, b, w переходятъ въ соотвѣтствующіе отзвучные (tenues) k, ch, t, ć, c, s, ś, sz, p, f и наоборотъ отзвучные въ звучные, при чемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предыдущій; напр.: dech—tchu, tchnąć, kiedy и gdy (древ kiegdy), krtań (вм. grtań), lekki, bliski, składac, wieść (wiszę) и др. Чаще это уподобленіе звуковъ не передается на письмѣ; такъ prośba, krówka, radca, zszyć, rozkuć и др. произносятъ prozba, krófka, ratca, szyć, roskuć и т. д.

На концѣ словъ вм. звучныхъ слышатся, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, отзвучные: bóch, dęp, kref; въ литературномъ языкѣ въ этихъ случаяхъ удерживается этимологическое правописаніе: bóg, dęb, krew.

Затѣмъ дѣйствіемъ закона уподобленія объясняются и разсмотрѣнные выше многочисленные случаи смягченія согласныхъ передъ слѣдующими мягкими согласными и на-оборотъ случаи отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми: wiosło—wiośle, wieźli, ćwierdzić, kocieł—kotła, osieł—osła и т. п.

Въ народныхъ говорахъ наблюдаются особые характерные примѣры уподобленія согласныхъ: ŕelgi (малопол., великопол., куявск. и др. г.), leleń (вм. jeleń, сандомір. г.), m'em'ec (вм. niemiec, малопол. г.), dřazga (вм. třazga, опочин. г.), chrosła (вм. krosła) и др.

Расподобленіе согласныхъ.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются слѣдующіе любопытные случаи расподобленія согласныхъ: m'ętki, letki (=miękki, lekki), ŕelbrund, majmur, lubryka, cyrulik, Małgorzata, śrybło, chto, chtory, styře, stvarty, kvała, kvast, křest, krystus, skovej и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновеніе согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ наблюдается преимущественно въ народныхъ говорахъ, за исключеніемъ обще-славянскихъ явленій (dam, tonąć, grześć и т. п.), свойственныхъ всему языку.

Въ частности могутъ исчезать: ł, r, d, t, w, b, p, m, g, s, ć, j.

Ł: plot, pad, trzas, gryz и др. въ прич. прош. дѣйств. II (во всѣхъ нарѣчіяхъ), mynar, jabko (лясов. г.), coŕek, gupi, mody (силез. г.).

R: oźlau (rozlal), kacma, ůozeńść się (rozejść się), ozdać (rozdać), ozłożyć (rozłożyć).

D: brnąc (bred), pole, vele (малопол. г. вм. podle, vedle), la (великопол. г.), garło.

T: słać, křesnik, jes и je (съ XIV в.), paśvisko, słup.

W: šyćko, šędy, cale (малопол. г.), šak, stręt (великопол. г.), góź (зебжид. г. вм. gwóźdz), piersi (опольск. г. вм. pierwszy).

B: łyskać, trza (опольск., опочин. г. вм. trzeba).

P: chłonąć, oślnąć и oślepnąć.

M: oś, maa (брезин. г.), ta, sa (малопол., куяв. г. вм. tam, sam).

G: (g)řechotka, (g)řądka, (g)řečka (малопол. г.), robak (опольск. г.), Bodaj (Bóg daj).

S: (s)kryńa, pókřynek (зебжид. г.), łza (древн. slza, въ нѣкоторыхъ говорахъ śloza).

Ć: jejś, p'eń (pięć, въ опольск. г.).

J: pryde, pi, rvi (повел. н. беск. г.), bóse Boga (опочин. г.), uz (вм. już, опольск. г.) и ju (опочинск. г.), dobré (вм. dobrej, силезск., бескид., брезин. и др. гов.).

Приставка и вставка согласныхъ.

Приставными (въ значеніи т. н. „придыханій") и вставными звуками бываютъ: j (независимо отъ случаевъ обще-славянскихъ: biję, jego и т. п.): jańoł (малоп., бескид. г.), juceł (великоп. г. вм. uczył); tamoj, samoj (куяв. г.), ovoj, śejstra, ojstry, młojdšy (великоп. г.), grujnt, fujnt (куяв. г.), pojśli, zajśli, wsyjscy (силезск. г.), mlyjn (бескид. г.); **w**: krawiec, łyskawica, obawać się, vögeń, vöřech (великоп. г.), vorać, voćec (куявск. г.); **ŭ**: ŭovca (великоп. г.), ŭośoł (малоп. г.); **ł**: łořech, łuczyć (куявск. г.), skumpły (познанск. г. вм. skąpy); **h**: huzda, hale; **n** (обще-слав.): do niego, ku nim, wynidzie, śniedź, vdzewnić, mental, skorno (познан. г.); **d**: zazdrość, zdradzić, dojźdrzeć, wejźdrzeć (великоп. г.), zdrzóddŭo (опольск. г.), drdzeń, drdza; **t**: strzybro, strzybuo (силезск. и др. гов.); **k**: tamok, ajnok, znowuk (и другихъ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на гласный, ласовск., бескид., зебжидов. и др. гов.); **sz**: pszczoła, въ бескид. г. pčoła (изъ бъчела).

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: lsnąć и ślnąć, cietrzew' и ciećwierz, drzwi и dźwierzy (народ. г.), pierścień и piestrzeń (бескид. г.), przykop и krzypop, pchła (р. п. plech) старо-слав. [illegible], niedbawny и jedwabny, sledź (рус. сельдь), tko, tkóry (малопольск. г.), ktvić, ktać (вм. tkvić, tkać, куявск. г.), środa и řsoda, spoźryj и sporźij, drągal и grądal (малоп. г.), łóto^{u}š (ołtarz), dřevńec вм. rdzewniec (познан. г.), burk вм. bruk (опочин. г.) и др.

---

5. Удареніе.

По отношенію къ ударенію изученіе польскаго языка не представляетъ никакихъ трудностей.

Въ качественномъ отношеніи польское удареніе *экспираторное* и *однородное*, т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона и остается всегда одинаковымъ вслѣдствіе отсутствія въ языкѣ различія между долготой и краткостью гласныхъ. Относительно положенія въ словѣ польское удареніе — одномѣстное и постоянное, именно приходится всегда на предпослѣдній слогъ; напр.: zima, bardzo, bujającego, tworżenie. Такое-же постоянное удареніе представляютъ чешскій и серболужицкій языки, но тамъ оно падаетъ на первый слогъ.

Односложныя слова обыкновенно тоже принимаютъ удареніе. Но нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ энклитиками, т. е. не имѣютъ самостоятельнаго ударенія, а прислоняясь къ другимъ словамъ составляютъ съ ними одну акцентную единицу. Сюда относятся: 1) мѣстоименія — go, mu, mi, ci, mię, cię, się; 2) глагольныя формы — śmy, ście, by, bym, byście; 3) частицы и союзы — li, i, a, to, że, lub, za.

При соединеніи односложныхъ словъ съ предлогами, удареніе обыкновенно переносится на предлогъ, когда слово тѣсно сливается съ нимъ въ одно нарѣче-образное выраженіе, напр.: padam dò nóg, we śnie, na wieś, pod piec, przy mnie, po nim. Въ другихъ случаяхъ этого перенесенія не бываетъ: na stół, czy na piec, do miasta, czy do wsi, do nóg księżęcia. Впрочемъ говорятъ также: na włos, na kraj, dla żon, na wiatr, przez czas.

Отъ указаннаго общаго закона польскаго ударенія наблюдается нѣсколько отступленій; именно: 1) въ 1 и 2 л. множ. ч. прошедшаго времени вспомогательный глаголъ, сливаясь съ причастіемъ, не вліяетъ на его удареніе, которое, такимъ образомъ, оказывается не на второмъ, а на третьемъ слогѣ сложнаго слова: byliśmy, byliscie, widzieliśmy, widzieliscie, не byliśmy, byliście и т. д.; въ ед. ч. дѣйствуетъ общій законъ: widziałem, widziałes; 2) прилагательныя краткія (именныхъ окончаній), соединяясь съ формами 1 и 2 л. един. ч. вспомогательнаго глагола em, eś, въ противоположность соотвѣтствующимъ формамъ прошедш. вр., могутъ сохранять свое первоначальное удареніе, напр.: winienem jego śmierci, godzieneś chwały и winienem jego śmierci,

godzieneś chwały и т. д.; 3) тоже явленіе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ когда къ двусложному или многосложному слову примыкаетъ какая либо энклитика: widzisz li, dawał ci, dały nam, jeślismy, rzekłybyście; 4) слова иностранныя, особенно заимствованныя изъ латинскаго языка и чаще всего оканчивающіяся на yka, ika, yja, ija, yum, ium, yusz, iusz, сохраняютъ свое настоящее удареніе, которое обыкновенно падаетъ на третій слогъ отъ конца: muzyka, logika, mechanika, fizyka, lekcyja, Zofija, publika, Ameryka и др.; впрочемъ, въ народномъ языкѣ это правило не соблюдается: Turcyja; сверхъ того и въ литературномъ языкѣ слова на yja часто произносятся и пишутся на ja: edukacja; 5) слѣдующія слова имѣютъ удареніе на третьемъ слогѣ: wogóle, ogółem, w szczególe, poszczególe, okolica, pospolity, rzeczpospolita.

А. Малэцкій[1]) допускаетъ существованіе въ польскомъ языкѣ на ряду съ главнымъ второстепеннаго или побочнаго ударенія (mniejszy akcent), которое будто-бы ясно чувствуется въ многосложныхъ словахъ и падаетъ на первый слогъ; напр.: pogorzelisko, najcharakterystyczniejszy и др. Повидимому принимаетъ этотъ взглядъ и проф. Р. Ѳ. Брандтъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ удареніи въ славя́нскихъ языкахъ[2]). Но собственно говоря, вопросъ о второстепенныхъ удареніяхъ остается неразъясненнымъ; другіе изслѣдователи польскаго языка, кромѣ Малэцкаго, совсѣмъ его не касаются.

Въ народныхъ говорахъ основной законъ польскаго ударенія выдерживается еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ въ литературномъ языкѣ; народъ обыкновенно говоритъ: Francу́ja, gimnazyja, okolica, byleby и т. п.

Польское одномѣстное удареніе, какъ и чешское, несомнѣнно развилось изъ пра-славянскаго разномѣстнаго (ср. Р. Брандта, Начерт. слав. акцент., 178—182).

---

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Склоненіе въ польскомъ яз., какъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, не представляетъ такого богатства формъ, какое пред-

[1]) Gramatyka większa (1863) 407; Gramatyka szkolna (1878) 295—296.

[2]) Начертаніе славянской акцентологіи, 1880, 169.

полагается для славянскаго пра-языка и какое въ значительной степени наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка. Въ общемъ оно весьма упростилось сравнительно съ предполагаемой древнею нормой, хотя не въ такой степени какъ склоненіе болгарское или сербское. Въ частностяхъ уклоненія отъ старины совпадаютъ то съ чешскими и словацкими, то съ русскими. Главнѣйшія отступленія отъ древней (пра-славян.) нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ окончаній и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній.

Именное склоненіе.

1) Утрата двойственнаго числа. Въ настоящее время польскій языкъ не знаетъ двойственнаго числа: оно замѣняется множественнымъ [1]) какъ въ большинствѣ новыхъ славянскихъ языковъ. Скудные остатки двойственнаго числа сохранились лишь въ немногихъ формахъ, которыя напоминаютъ о прежнемъ двойственномъ своими окончаніями, но имѣютъ уже значеніе множественнаго; именно: oczy, uszy, ręce, ręku (wziąć z ręku, trzymać w ręku, rękoma (вм. древн. rękama). Встрѣчающееся въ народныхъ говорахъ оконч. ma для творит. п. множ. (а иногда и для дат. п. мн. ч.), вѣроятно также перешло изъ двойств. ч. lasoma, rybama [2]). Ясные слѣды двойств. ч. представляютъ обще-литературныя формы: dwie ście, dwie słowie—въ пословицѣ—mądrej głowie dość dwie słowie, а также народныя выраженія (по разнымъ говорамъ): dwie lecie, dwa chłopa, dwa garca.

Старому языку несомнѣнно было свойственно двойственное число, хотя уже въ XIV и XV ст., сколько можно судить по памятникамъ, формы двойств. ч. часто замѣнялись формами множ. ч. Держалось двойственное число въ языкѣ еще въ XVI и XVII в.; напр. формы его нерѣдко попадаются у такого классическаго писателя какъ Я. Кохановскій. Большею частью эти формы сохраняютъ древнія окончанія, болѣе или менѣе соотвѣтствующія старо-славянскимъ; именно:

1) для основъ на -о и -jo муж. р.: -a (имен., вин. п.) męża dwa, dwa krola (Соф. библ.), dwa miecza (пам. XV в., Кохановъ. и др.), dwa

---

1) Ср. однако языки словинскій, сербо-лужицкій и кашубскій.

2) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясовскомъ г.) подобныя формы на -ma употребляются и въ значеніи двойственнаго числа.

palca (хроника М. Бѣльскаго и др.); -u (родит., мѣст. п.)—panu gych (Флор. пс.), dwu rowu, dwu dziesiątku, dwu krolu, na obu boku (Соф. библ.), o dwu strożu (Мол. Вацлав.), po dwu rzędu (Кохановск.); -oma (дат., твор.)—zakonoma (Флоріан. пс.), bratoma, synoma (Соф. библ.), niedźwiedzoma (Март. Бѣльск.).

2) для основъ на -o, -jo средн. р.: e (=ѣ), i (имен., вин. п.)—dwie lecie, dwie stadzie, dwie wojsce (Кохановск.), dwie pokoleni (Соф. библ.), dwie słonci, dwie poli (Кохановск.); -u (род. мѣст. п.)—skrzydłu (Флор. и Пулав. пс.), plecu (Соф. библ.), latu (Вислиц. ст.); -oma (дат., твор. п.)—dwima stoma (Соф. библ.), latoma (Вислиц. ст.), plecoma (Флор. пс.).

3) для основъ на -a, -ja: e, i (имен., вин. п.)—ręce (Флор. пс.), dwie dziewce, babie, żenie, nodze, gołubicy (Соф. библ.), dwie świecy, duszy (Рей); -u (род., мѣст. п.)—ręku (Флор. пс. Соф. б.), obu dziedzinu, we dwu ziemiu (Вислиц. ст.), na obu stronu (Соф. библ.); -ama (дат., твор. п.)—żonama, rękama; но и -oma (съ XV в.)—stronoma, ranoma (Вислиц. ст.).

4) для основъ на -i: i (имен., вин. п.)- dwie części (Соф. библ.); -u (род., мѣстн. п.), we dwu sieniu (Соф. библ.); -ema (дат., твор. п.)—dwiema, trzema.

5) для основъ на согласный: i (имен., вин.)—oczy, uszy (Флор., Пулав. пс. и др.), dwie księżęci (Соф. библ.); -u род., мѣстн.)—oczu, uszu (Флоріан. пс.), na obu ramionu; -ima—oczyma, uszyma (Флор., Пулав. пс.).

2) Виды именного склоненія. Смѣшеніе разнородныхъ основъ. Въ польскомъ языкѣ представлены не всѣ виды древняго (пра-славянскаго) именного склоненія, а лишь нѣкоторые; именно: 1) склоненіе основъ на -o (ъ, o), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -a, твердое и мягкое и 3) склоненіе основъ на -i женскаго рода. Прочіе виды именного склоненія или исчезли, или сохранились въ немногочисленныхъ обломкахъ. Склоненіе основъ на -u (какъ во всѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ) слилось со склоненіемъ основъ на -o (ъ). Слѣды этого склоненія удержались въ нѣкоторыхъ побочныхъ окончаніяхъ, усвоенныхъ склоненіемъ основъ на -o. Сюда относятся: -u (родит. п. ед. ч.), -owi (дат. п. ед. ч.), -u (зват. п. ед. ч.), -u (мѣстн. п. ед. ч.), -owie (имен. п. мн. ч.), -ów (род. п. мн. ч.), -och (мѣст. п. мн. ч. въ старо-польск. яз.); напр.: dębu (р. п.), dębowi (дат. п.), szpaku (зв. п.),

w duchu (мѣстн. п.), panowie (имен. п. мн. ч.), panów (род. п. мн. ч.). Склоненіе основъ на -i мужескаго рода сохранилось лишь для двухъ словъ—gość и lud, при томъ только въ нѣкоторыхъ падежахъ мн. ч.: им. п. goście, ludzie, род. п. gości, ludzi, тв. п. gośćmi, ludzmi; сверхъ того окончаніе i род. п. мн. ч. въ значеніи побочнаго окончанія перешло въ мягкое склоненіе основъ на -o: króli (но и królów), pisarzy. Всѣ остальныя слова древняго склоненія основъ на -i муж. р. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Склоненіе основъ на согласные совсѣмъ исчезло. Нѣкоторый слѣдъ его сохранился лишь въ нарощеніи и чередованіи мягкихъ и твердыхъ основъ, при чемъ первыя выступаютъ въ един. ч., а вторыя во множ. ч. Всѣ древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію основъ на -o (основы ср. р. на -n, -s, -t) или на -a и на -i жен. р. (основы на -n, -r, -w). Смѣшеніе основъ выражается и въ томъ, что нѣкоторыя основы на -i женскаго рода измѣняются по мягкому склоненію основъ на -a. Наконецъ и въ склоненіи основъ на -o и на -a наблюдается смѣшеніе между твердыми и мягкими основами; различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ, вообще весьма незначительно. Старый языкъ въ этомъ отношеніи не разнится существенно отъ новаго. Тѣмъ не менѣе въ немъ встрѣчается больше слѣдовъ вымершихъ видовъ склоненія; напр. отъ основъ на согласные находимъ формы: род. п. krwie, cerekwie, macierze (Флор. пс. Соф. б. и др.), дат. п. macierzy (Пулав. пс., Соф. б.), we kirwiech, na niebiesiech (Флор. пс.). Подобные-же остатки старины встрѣчаются и въ народныхъ говорахъ (напр. macierze лясовск. гов.).

3) Смѣшеніе падежныхъ окончаній. Въ связи со смѣшеніемъ основъ находится смѣшеніе падежныхъ окончаній. Подъ вліяніемъ закона аналогіи или вслѣдствіе извѣстныхъ звуковыхъ особенностей языка различные падежи одного вида склоненія, когда-то звучавшіе различно, получаютъ одинаковыя окончанія; или-же извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному разряду словъ, примѣняется въ томъ-же падежѣ къ словамъ другихъ категорій. Сюда относятся слѣдующія явленія.

I. Въ склоненіи основъ на -o.

a) *Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на -u*; именно: 1) *оконч. зват. п. ед. ч. муж. р.* -u (не только въ мягкомъ склоненіи, но и твердомъ), рядомъ съ e: znaku, chłopie; 2) *оконч. род. п. един. ч. муж. р.* -u рядомъ съ основнымъ a: dębu, chłopa; 3) *оконч.*

дат. п. един. ч. муж. р. -**owi**, господствующее надъ основнымъ -**u**: chłopowi, dębowi; 4) *оконч. мѣстн. п. един. ч.* -**u** рядомъ съ -**e** (изъ пра-сл. **ѣ**): w znaku, na dębie; 5) *оконч. имен. п. мн. ч. муж. р.* -**owie**, рядомъ съ основнымъ **i** и неорганическимъ **y**: chłopi, dęby, panowie; 6) *оконч. род. п. мн. ч. муж. р.* -**ów**: chłopów, królów; древнія формы безъ **ów**, сохранились отъ словъ на -**ianin** (mieszczan), названій народовъ когда ими обозначаются страны (Włoch) и отъ слова czas (въ выраженіи dotychczas); 7) *оконч. мѣстн. п. мн. ч. муж. р.* -**och** (только въ старомъ яз.) на ряду съ **ech**, удержавшимся также только въ народныхъ говорахъ: bogoch, daroch (Флор., Пулав. пс. и др.); koniech. Всѣ эти окончанія, свойственныя собственно основамъ на -**u**, перешли въ склоненіе основъ на -**o** уже въ до-историческую пору. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ читается род. п.—syna, дат. п. synu (Флор. пс. Соф. библ. и др.).

б) *Усвоеніе окончаній, перешедшихъ изъ склоненія основъ на* -**a** *и на* **i**-; именно: 1) *оконч. твор. п. множ. ч.* -**ami**, -**mi**; изъ нихъ первое, заимствованное отъ основъ на -**a**, господствуетъ въ языкѣ: chłopami, królami, dziełami, polami; второе, перешедшее изъ склоненія основъ на -**i**, слышится лишь при мягкихъ основахъ муж. р. (за исключеніемъ wołmi): końmi, mężmi, królmi; древнія органическія окончанія -**y**, -**i** (**ы**, **и**), весьма употребительныя въ старинномъ языкѣ (jęzky, zęby (Флор. пс.), lasy (Соф. библ.) удержались и въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе падежа точнѣе опредѣляется прилагательнымъ или предлогомъ: z lekkimi duchy, z psy; оконч. -**ami** распространяется въ XV—XVI ст.; таже особенность въ русскомъ и словацкомъ яз.; 2) *оконч. мѣстн. п. мн. ч.* -**ach**, рядомъ съ рѣдкимъ органическимъ **ech** (и старо-польск. -**och**); -**ach**, заимствованное отъ основъ на -**a**, господствуетъ въ языкѣ, какъ и въ русскомъ: chłopach, królach, dziełach, polach; **ech**—въ старомъ языкѣ было весьма обычно (obłocech, grzeszech, bodzech—Флор. пс. и др.) и теперь иногда слышится въ народныхъ говорахъ, но въ литературномъ яз. допускается очень рѣдко: czasiech (но и czasach), kwieciech (и kwiatach), leciech и latach, Prusiech (и у другихъ названій странъ); 3) *оконч. род. п. мн. ч.* -**i** (**y**), перешедшее изъ склоненія основъ на -**i**, и встрѣчающееся только въ мягкомъ склоненіи: króli, pisarzy, obywateli (но и królów и т. д.); 4) *оконч. дат. п. мн. ч.* -**am**, заимствованное отъ основъ

на -а и весьма распространенное въ памятникахъ стараго книжнаго языка конца XV и нач. XVI в.: grzecham, wiosłam.

в) *Усвоеніе мягкими основами окончаній, свойственныхъ собственно твердымъ основамъ*; именно: въ дат. п. ед. ч. -owi (вм. древ. -ewi) — królowi, въ имен. п. мн. ч. -owie (вм. древ. ewie): królowie, въ род. п. мн. ч. ów: królów, въ дат. п. мн. ч. -om (вм. древ. -em): królom. Въ старомъ языкѣ, хотя не часто встрѣчаются окончанія: -ewi, ewie, ew, em: krolewie, krolew (Флор. пс.), krolewi (Соф. библ.), mǫżewi (Висл. ст.), krolem.

II. Въ склоненіи основъ на -а.

1) Усвоеніе въ *дат. п. множ. ч.* оконч. -om, перешедшаго изъ склоненія основъ на -о: rybom, kulom; въ старомъ языкѣ было органическое am: obietam, drogam, sługam (Флор. пс.), modłam, pastucham (Соф. библ.), żonam (Висл. ст.) и др.; -om появляется съ нач. XVI в. и особенно распространяется во второй половинѣ этого столѣтія; напр.: dziewkom, siostrom (Вислиц. стат. по рук. XVI ст.): żonom, naukom (М. Бѣльскій); -am исчезаетъ въ началѣ XVII в.; впрочемъ, кое-гдѣ въ говорахъ и теперь держится -am: krowam (беск. гов.); вм. -am въ старомъ языкѣ встрѣчается еще -ám, ąm и ǫ (ą): dziedzinám, żonam, żonąm (Висл. ст. рук. XVI в.), sługǫ (Флор. пс.), dziewką (М. Бѣльскій); подобнымъ образомъ вм. -om въ XVI в. встрѣчается -óm: cnotóm, rękóm (Кохан.),

2) Заимствованіе (въ отдѣльныхъ, немногихъ, случаяхъ) изъ склоненія основъ на -о муж. р. оконч. *род. п. мн. ч.* -ów и *тв. п. мн. ч.* -y: grów, mgłów, mszów, pchłów, ćmów (но и правильно—gier, kier, pcheł и plech), pigwów, modłów, rzęsów (у Мицкевича), kary, roty, stopy, strony (Мицкев.); въ старомъ языкѣ примѣры подобныхъ формъ встрѣчаются уже въ XV—XVI в. и довольно часты въ XVIII в.: patryarchow (Молит. Ядвиги), rękow, welnow, szaty (Бѣльск.), potrawy, dziewki и др. Въ народныхъ говорахъ -ów и теперь часто. Сюда-же относится оконч. *мѣст. п. множ. ч.* -ech вм. органич. -ach: rybiech, siestrzech, чаще въ старинномъ языкѣ: w robociech, w głowiech XV—XVIII в.).

3) Усвоеніе нѣкоторыми мягкими основами (слова на la, nia, заимствованныя на ya, ia) въ *род. п. мн. ч.* оконч. -i, перешедшаго изъ склоненія основъ на -i: kropla—kropli, lutni, sukni, wiśni, głowni —

но и kropel, sukien, wisíen, głowien и т. д., tragedyi, также nadziei (т. е. nadzieji, Мицкев.).

4) Усвоеніе мягкими основами окончаній, принадлежащихъ твердымъ основамъ; именно: а) въ *род. п. ед. ч.* оконч. -i (y): kuli, zemi; въ старомъ языкѣ преимущественно употреблялись -e и ęj, удержавшіяся и теперь во многихъ народныхъ говорахъ: dusze, ziemie, prawice, wolej, strożej (Флор. пс.), oślice, szyje, burze (Соф. библ.), szable (Пулав. пс.), rodzice (Кохан.), role, wole (мало-польск. гов.), ziemie, piwnice, пословица bez prace nie będą kolacze; i также является уже въ XIV в.: studnicy (Флор. пс.); оконч. -e можно объяснять двояко: или оно развилось изъ первоначальнаго ѧ, которое представляетъ старо-слав. языкъ (коля) или же изъ ѣ, которое находимъ въ древне-русскомъ языкѣ (душѣ); въ пользу перваго могли-бы говорить встрѣчающіяся во Флоріан. пс. формы род. п. на ǿ, напр. duszǿ, еслибъ такія формы не были исключеніемъ и не подлежало сомнѣнію, что находящееся въ нихъ ǿ дѣйствительно обозначаетъ носовой гласный а не какой-либо другой звукъ; болѣе правдоподобно сближеніе e съ ѣ [1]; оконч. -ęj проникло въ именное склоненіе на -a изъ склоненія сложнаго; б) въ *зват. п. ед. ч.* оконч. -o: rybo, wolo, duszo; болѣе древнее -e лишь изрѣдка встрѣчается въ памятникахъ XIV—XV в.: dusze (Флор. пс.), gospodze, dziewice (Молитв. Ядвиги).

5) Заимствованіе изъ сложнаго склоненія, окончанія *дательн. и мѣстн. пп. ед. ч.* -ęj (въ старомъ языкѣ): wolej, strożej (Вислиц. ст.); въ новомъ языкѣ только -i: woli.

III. Въ склоненіи основъ на -i.

1) Усвоеніе въ *дат. п. мн. ч.* оконч. -om, заимствованнаго изъ склоненія основъ на -o: kościom; въ старомъ языкѣ на ряду съ -om было и -am (изъ склоненія основъ на -a): kaźniom, czeluściam (Флоріан. пс.).

2) Усвоеніе въ *твор. и мѣстн. пп. мн. ч.* оконч. -ami, -ach, заимствованныхъ изъ склоненія основъ на -a: kościami, kościach; въ ста-

---

[1]) Ср. A Kalina, Historya języka polskiego. 1883, 152—155. Ф. Миклошичъ, Сравнит. морфол. слав. яз. Вып. IV, 1886. Переводъ подъ редакц. Р. Брандта 602 — 603, примѣч. на 603 стр. Аппель, Замѣтки о древне-польскомъ яз. Рус. Филол. Вѣстн. 1880, кн. I, 33. Брандтъ, Краткая фонетика и морфологія польскаго яз. М. 1894, 27. А. И Соболевскій, Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варшава 1881, 24 и слѣд.

ромъ языкѣ встрѣчаются и органическія окончанія -mi, -ech: gęślmi, w postaciech, w kaźniech (Флор. пс.), żyrdzmi (Соф. б.); но -ami, -ach въ памятникахъ уже съ XIV в.: żerdziami (Соф. библ.), w miłościach (Флор. пс.).

3) Переходъ изъ склоненія основъ на -ja окончанія e въ *род. п. ед., имен.-вин. п. мн. ч.*: dłonie, twarze, rozkosze, słodycze, topole, pościele и др; употребленіе этого -e ограничивается небольшимъ числомъ словъ; обыкновенное окончаніе этихъ падежей—органическое i; въ старомъ языкѣ вм. -e было -i: twarzy, rozkoszy; впрочемъ уже въ Флор. пс. łże.

4) Характерныя окончанія. Къ своеобразнымъ особенностямъ польской именной флексіи, которыя обусловливаются указаннымъ смѣшеніемъ основъ и падежныхъ окончаній присоединяется еще рядъ окончаній, заслуживающихъ особаго вниманія то вслѣдствіе ихъ исконности, то по причинѣ отраженія въ нихъ характерныхъ свойствъ вокализма языка. Сюда относятся:

I. Въ склоненіи основъ на -o.

1) Древнія окончанія *зват. п.* у словъ муж. р. -e, u: chłopie, królu; e — принимаютъ твердыя основы, u — преимущественно мягкія, а также и твердыя, оканчивающіяся на одинъ изъ гортанныхъ—znaku, szpiegu, śmiechu, также—ludu, synu, dziadu; слова на ec и dz, напротивъ, имѣютъ e: krawiec—krawcze, ksiądz—księże; возможно также—Boże, człowiecze и człowieku.

2) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -em, соотвѣт. старо-слав. ъмь, ьмь: chłopem, królem, dziełem, morzem; e въ em развилось изъ глух. ъ, ь.

3) Окончанія *имен. п. мн. ч.* -i, -y, -a для твердыхъ основъ и e, для мягкихъ: i — исконное славянское принимаютъ личныя имена—chłopi, anieli; y — собственно окончаніе древняго винит. п., его принимаютъ слова „неличныя“ (обозначающія вещи и животныхъ): dęby, psy, koty ср. старо-слав. дѫбы; a—является у нѣкоторыхъ неличныхъ именъ (какъ и въ русскомъ): urzęda, okręta; оконч. -e также перешло изъ винит. п.: konie, ucznie, rycerze; его можно сблизить съ древнерусск. ѣ, какъ и e въ имен.-винит. множ. ч. того-же склоненія: конѣ; въ старо-слав. здѣсь ѧ: конѧ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ e—древнее: przyjaciele, ср. старо-слав. пріятеле; иногда e и въ твердомъ склоненіи: mieszczanie (и другія на -ianin), здѣсь оно, вѣроятно заимствовано изъ склоненія основъ на согласный.

4) Окончаніе *дат. п. мн. ч.* -om соотвѣтствуетъ старо-слав. -омъ: chłopom, królom, dziełom, polom; въ старомъ языкѣ о въ om подвергалось сжатію въ ó (u): synum (Флор. пс.), synóm (Соф. библ.), kasztelanum (XVI в.) и т. д., но om уже во Флор. пс.: wiekom, sǫsiadom, angiełom; позже возобладало om; иначе въ чешскомъ языкѣ гдѣ род. п.—на -ůw соотвѣтствуетъ и дат. п. на -ům.

II. Въ склоненіи основъ на -a.

1) Древнее окончаніе *зват. п. ед. ч.* -o: rybo, żono, ср старо-слав. жено, рыбо; o перешло и въ мягкое склоненіе (ср. выше 443).

2) Окончаніе *вин. п. ед. ч.* -ę и -ą, соотвѣтствующія старо-сл. ѫ: rybę, kulę, старо-сл. рыбѫ, кольѫ; ę—господствуетъ въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, ą принимаютъ лишь нѣкоторыя слова мягкаго различія, именно оканчивающіяся на -nia съ предшествующимъ согласнымъ, на -i, иностранныя на -ija. -yja (по обыкновенному правописанію -ia, -ya), нѣсколько словъ на -la, -szcza; напр.: matkę, wodę, studnią, suknią, panią, Maryą, tragedyą, dolą, wolą, rolą, puszczą; впрочемъ всѣ принимающія ą могутъ образовать формы и на ę (studnię, wolę), такъ что для литературнаго языка въ именномъ склоненіи ę—общее правило. Въ народныхъ говорахъ, особенно велико-польскихъ вм. ę часто слышно ą, а иногда ą̃: gorą, wodą̃. Въ древнихъ памятникахъ конечный носовой гласный обозначается различно: ǿ, ɸ, ą, ę, an[1]); поэтому опредѣлить точно физіологическую природу этого звука едва-ли возможно (ср. выше стр. 397). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ обще-польскомъ языкѣ въ окончаніи винит. п. первоначально слышался широкій носовой гласный, вполнѣ соотвѣтствовавшій старо-сл. ѫ, узкое-же ę развилось уже въ историческую пору; этимъ объясняется, что ę не смягчаетъ предшествующаго согласнаго.

3) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -ą, соотвѣтствующее старо-слав. ѫ, которое образовалось черезъ стяженіе изъ оѭ: rybą, wolą, старо-сл.—рыбѫ и рыбоѭ, доушѫ; польское ą первоначально должно было быть долгимъ, между тѣмъ въ винит. п. оно было краткое, чѣмъ и былъ обусловленъ переходъ ą въ ę (ср. стр. 397). Ср. чешск. u въ вин. п. и ou (ů) въ твор. п. rybu, rybou; ą выступаетъ какъ въ твердомъ, такъ

[1]) Это разнообразіе отчасти объясняется отраженіемъ въ памятникахъ діалектическихъ особенностей.

и въ мягкомъ склоненіи, такъ какъ могло произойти путемъ стяженія не только изъ oją, но и изъ eją.

4) Окончаніе *дат.-мѣст. п. ед. ч.* твердыхъ основъ -e соотвѣтствующее пра-слав. и старо-слав. ѣ: rybie; старо-сл. рыбѣ; въ мягкомъ разливіи -i—также древне: ziemi, старо-слав. ȥемли.

5) Окончаніе *имен.-вин. п. мн. ч.* мягкаго склоненія -e, соотвѣтствующее старо-слав. ѧ и древне-русск. ѣ: kule, zemie, źmije, старо-слав. ȥемлѩ, ȥъмиѩ, др.-русск. *землѣ, змиѣ*. И здѣсь, какъ въ старинномъ род. п. ед. ч. того-же склоненія (см. выше) -e правильнѣе сближать съ др.-русск. ѣ, чѣмъ со старо-сл. ѧ, такъ какъ въ противномъ случаѣ непонятно, почему въ данной флексіи пра-славянскій носовой перешелъ въ чистое e. Въ старомъ языкѣ также только e (и лишь изрѣдка i, заимствованное изъ склоненія на -i), имен. п. studnie, wigilie, вин. п. owce, macice (Флор. пс.). Тоже окончаніе (e) въ сербохорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ, словацкомъ языкахъ.

III. Въ склоненіи основъ на -i.

1) Исконное окончаніе этого склоненія -i, сохраненное въ *зват.*, *родит.*, *дат.*, *мѣстн. пп. ед. ч.* и въ *имен.*, *вин.*, *зват.* и *род. пп. мн. ч.*: kości, noci, twarzy.

2) Окончаніе *твор. п. ед. ч.* -ią, соотвѣтствующее старо-сл. -ьѭ: kością, старо-слав. костьѭ; польское ią представляетъ стяженіе болѣе древняго iją.

5) Общая схема именного склоненія.

I. Основы на -o.

Един. ч.

	Муж. р.		Сред. р.	
	Тверд. осн.	Мягк. осн.	Тверд. осн.	Мягк. осн.
И.	тверд. согл. зв.	мягк. согл. зв.		
З.	e, u	u, e	o (И., З., В.)	e (И., З., В.)
В.	какъ Им. или Род.			
Р.	a, u	a, u	a	a
Д.	u, owi	u, owi	u	u
Т.	em	em	em	em
М.	e, u	u	e, u	u

Множ. ч.

	Муж. р.		Сред. р.	
	Тверд. осн.	Мягк осн.	Тверд. осн.	Мягк. осн.
И.З.	i, y, owie, e, a	e, owie	a	a
В.	какъ Им. или Род.			
Р.	ów	ów, i	ów	ów
Д.	om (am)	om	om (am)	om (am)
Т.	ami (y, mi)	ami (i, mi)	ami (y, mi)	ami (i, mi)
М.	ach (ech, och)	ach	ach (ech, och)	ach (ich, ech, och)

II. Основы на -a.

	Един. ч.		Множ. ч.	
	Тверд. осн.	Мягк. осн.	Тверд. осн.	Мягк. осн.
И.	a	a, i	y	e
З.	o	o, i	—	—
В	ę	ę, ą	—	—
Р.	y	i (e, ej)	безъ оконч. (ów) i	
Д.	e	i (ej)	om (am)	om (am)
Т.	ą	ą	ami (y)	ami
М.	e	i (ej)	ach (ech)	ach

III. Основы на -i.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.	согласн.	i
З.	i	i
В.	согласн.	i
Р.	i	i
Д.	i	om (am)
Т.	ą	ami (mi)
М.	i	ach (ech)

Примѣчаніе. Окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку или народнымъ говорамъ.

Образцы именного склоненія.

I. Основы на -o.

Един. ч.

	Муж. родъ.		Сред. родъ.	
И.	chłop	dąb	dzieło	jabłko
З.	chłopie	dębie	dzieło	jabłko
В.	chłopa	dąb	dzieło	jabłko
Р.	chłopa	dębu	dzieła	jabłka
Д.	chłopu	dębowi	dziełu	jabłku
Т.	chłopem	dębem	dziełem	jabłkiem
М.	chłopie	dębie	dziele	jabłku

Множ. ч.

И.З.	chłopi	dęby	dzieła	jabłka
В.	chłopów	dęby	dzieła	jabłka
Р.	chłopów	dębów	dzieł	jabłek
Д.	chłopom	dębom	dziełom	jabłkom
Т.	chłopami	dębami	dziełami	jabłkami
М.	chłopach	dębach	dziełach	jabłkach

Къ склоненію именъ мужескаго рода.

1) По даннымъ образцамъ склоняются: а) всѣ имена муж. рода отъ древнихъ основъ на -o: Bóg, anioł, kocieł, pan, stół и др.; б) существительныя отъ древнихъ основъ на -u: syn, dóm, wół.

2) Въ польскомъ языкѣ, какъ въ чешскомъ и словацкомъ, наблюдается различіе между склоненіемъ именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Образцомъ перваго служитъ chłop, втораго dąb. Склоненіе именъ одушевленныхъ представляетъ слѣдующія особенности: а) винит. п. ед. и множ. ч. сходенъ съ род. п. (chłopa, chłopów); такъ и въ русскомъ языкѣ; б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -a (chłopa); в) имен. п. множ. ч. оканчивается на -i, -owie (chłopi, aniołowie). Напротивъ у именъ неодушевленныхъ: а) вин. п. сходенъ съ имен. (dąb, dęby, во множ. ч. имен. п. есть собственно вин. п.); б) род. п. ед. ч. оканчивается преимущественно на -u (dębu); в) имен. п. мн. ч. на -y (dęby). Впрочемъ, относительно одушевленныхъ именъ

нужно сдѣлать существенную оговорку: имена, означающія животныхъ, въ имен. и винит. пп. мн. ч. примыкаютъ къ именамъ неодушевленнымъ; напр.: orły, psy, wilki (i вм. y). Тоже явленіе въ словацкомъ языкѣ. Сверхъ того въ языкѣ не мало частныхъ отступленій отъ указаннаго общаго закона. Такъ нѣкоторыя имена неодушевленныя (названія игральныхъ картъ, игръ, танцевъ, растеній, научные термины) въ извѣстныхъ выраженіяхъ имѣютъ винит. п. сходный съ родит. п., а не съ именит.; напр.: zadać tuza, grać menueta, tanczyć mazurka, znaleść grzyba, rydza, kupić niedźwiedzia и т. п. Изрѣдка и отъ одушевленныхъ именъ встрѣчается винительный сходный съ именит. п.: iść za mąż, siadać na koń, zyć brat za brat, na święty Michał. Въ старомъ языкѣ такихъ примѣровъ больше.

3) Бѣглое e (=ъ, ь, или вставочное), стоящее передъ конечнымъ согласнымъ, исчезаетъ въ случаѣ увеличенія слова на концѣ: orzeł, kocieł, len, sen, leb, dech—orła, kotła, lnu, snu, łba, tchu, węgieł—węgła, pies—psa.

4) Гласные é, ó, ą въ односложныхъ словахъ удерживаются лишь въ тѣхъ падежахъ гдѣ слово остается односложнымъ (т. е. въ именит. и винит.); съ измѣненіемъ-же объема слова подъ вліяніемъ флексіи вмѣсто этихъ гласныхъ выступаютъ e, o, ę: chléb—chleba, stół—stoła, dąb—dębu, mąż—męża (ср. стр. 413, 418, 421).

5) Гортанные g, k, ch передъ окончаніями e (=e, зв. п.), e (=ѣ мѣстн. п.), i (имен. п. множ. ч.) переходятъ въ небные (шипящіе или свистящіе) на основаніи общаго закона (см. стр. 430): ż, cz, sz и dz, c, sc (вм. ś): Boże, człowiecze, Wojciesze, Polacy, śpiedzy, Włoszy. Передъ -em въ творит. п. (e = ъ) гортанные остаются: bokiem, Bogiem, brzuchem.

6) Передъ e въ зват. и мѣстн. и передъ i въ имен. п. множ. ч. смягчаются и другіе согласные (плавные, зубные, губные, s): piwowarze, Michale, bracie, dzriedzie, chłopie, głosie, piwowarzy, studenci, żydzi.

7) Родит. п. ед. ч. имѣетъ два окончанія: 1) -a и 2) -u; -a— принимаютъ имена одушевленныя: Jana, syna, wnuka, wilka, lwa; только wół имѣетъ wołu (удержавъ -u изъ склоненія основъ на -u); u— свойственно именамъ неодушевленнымъ: stołu, głosu, dębu, kłosu, kroku, miechu. Отъ этого общаго закона, какъ въ чешскомъ и словац-

комъ не мало отступленій. Много именъ неодушевленныхъ принимаютъ -a, какъ-то: 1) названія игръ, игральныхъ картъ, танцевъ, монетъ, частей тѣла человѣка и животныхъ, нѣкоторыхъ деревьевъ и растеній, орудій, музыкальныхъ инструментовъ, оружія, сосудовъ, одѣяній и ихъ частей, мѣръ и вѣсовъ, польскихъ мѣстностей, горъ, рѣкъ, мѣстечекъ (за исключеніемъ мѣстныхъ именъ сложныхъ съ gród, dwór, stok), мѣсяцевъ и т. п.; напр.: wist, tuz, mazur, grosz, dukat, grajcar, talar, włos, wąs, ząb, łeb, nos, kieł (клыкъ), ogon (хвостъ), buk, wiąz, jawór, grzyb, mełon, tulipan (но bzu (сирень), bobu, lnu и т. д.), pług, bęben, kocił, kożuch, pas, żupan, rękaw, funt, karat, morg, Śląsk, Kraków, Płock, Berlin, Petersburg (но Nowogrodu, Londonu и др.), listopad (ноябрь); 2) уменьшительныя на -ek: wałeczek, czlonek, kawałeczek (кусочекъ), (но zbytku); 3) существительныя, не подходящія подъ указанныя рубрики: chłéb, węgieł, komin, kościół, kąt, młyn, piorun, płot, słup, snop, syr, chléw и др. Нѣкоторыя имена могутъ принимать a и u: stół—stoła и stołu, las—lasa и lasu, dwór—dwora и dworu, karcz (пень съ корнями)—karcza и karczu, dąb — dębu и dęba и др.—Въ старомъ языкѣ употребленіе исконнаго окончанія -a было шире, чѣмъ въ настоящее время; оно наблюдается у иныхъ существительныхъ, которыя въ настоящее время принимаютъ только -u; напр. głosa, wschoda, czasa, naroda, grzecha (Флор. пс.), wieka, obiada, ogroda (Кохан.) и т. д. Въ народныхъ говорахъ также часто предпочитается -a тамъ, гдѣ въ литературномъ яз. -u. Впрочемъ и между писателями и грамматиками нѣтъ полнаго согласія относительно употребленія окончаній -a и -u.

8) Въ дат. п. ед. ч. оконч. -owi преобладаетъ: narodowi, olbrzymowi, orłowi и др.; -u выступаетъ какъ исключеніе, преимущественно у односложныхъ словъ: lew—lwu, sen—snu, Bogu, bratu, wiatru, panu, chłopu, swatu, chłopu, chlebu, ludu, dołu, domu; также: owsu, octu, parobku, Krakowu, Lwowu. Существительныя, оканчивающіяся въ род. п. на -u, въ дат. п. имѣютъ только -owi: dębowi, kłosowi. Въ старомъ языкѣ -u также употреблялось чаще, чѣмъ теперь; такъ въ Флоріан. пс.: kościołu, zakonu, okręgu, gospodzinu (но и grzechowi, człowiekowi).

9) Въ зват. п. един. ч.—главное окончаніе -e: chłopie, dębie, boże; -u только послѣ гортанныхъ: wrogu, synku, duchu; но człowiek—człowieku и człowiecze, kozak—kozaku и kozacze; также syn, lud,

dziad допускаютъ двоякія формы: synie и synu, dziadzie и dziadu, ludzie и ludu. Jezus Chrystus имѣетъ Jezu Chryste.

10) Въ мѣстн. п. ед. ч. преобладаетъ окончаніе -e (= старославян. ѣ): chłopie, dębie; послѣ гортанныхъ обыкновенно -u: znaku, śmiechu; въ старомъ языкѣ и въ послѣднемъ случаѣ часто древнее -e: języce, człowiece (Флор. пс. но и w okręgu, w duchu); отъ pan, syn, dom возможны двоякія формы: panie, panu, synie, synu, domie, domu.

11) Въ зват. и мѣст. п. ед. ч. согласные передъ конечнымъ e звучатъ мягко, а потому въ этихъ падежахъ e не расширяется въ o и пра-сл. ѣ произносится какъ e, между тѣмъ какъ въ другихъ падежахъ здѣсь слышны o и ᶦa: anioł—aniele, popiół—popiele, las—lesie, świat—świecie, dziad—dziedzie, obiód—obiedzie, wiatr—wietrze (ср. 416, 419 стр.). Но возможны отступленія отъ этого закона: lód, lodu—но lodzie, strzał—w strzale. Нѣкоторыя имена допускаютъ двоякія формы: Piotr—Pietrze и Piotrze, dział—dziele и dziale.

12) Въ имен. п. множ. ч. возможны слѣдующія окончанія: -i, -owie, -e, -y, a. Употребленіе ихъ находится въ зависимости отъ значенія словъ, при чемъ принимается во вниманіе различіе не только между одушевленными и неодушевленными именами, но и между личными и неличными. Окончанія -i, -owie, -e свойственны исключительно личнымъ именамъ. Оконч. i — наиболѣе распространено и смягчаетъ предшествующія g, k, ch, ł, r, d, t; напр.: chłopi, urzędnicy, piwowarzy, anieli, żydzi, studenci (y вм. i послѣ c, dz, cz, ż, sz, rz по общему закону); какъ и въ нѣкоторыхъ падежахъ ед. ч. e въ предпослѣднемъ слогѣ не расширяется въ o, а пра-славян. ѣ звучитъ какъ ᶦe: anieli, sąsiedzi Оконч. -owie слышится чаще въ возвышенномъ слогѣ: kasztelanowie, aniołowie, въ заимствованныхъ словахъ—doktorowie, pedagogowie, heretikowie, heraldowie и т. п., въ крестныхъ и фамильныхъ именахъ, напр. Janowie, Jagellowie и др. въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ: panowie, bogowie; въ старомъ языкѣ -owie было употребительнѣе. Оконч. -e принимаютъ имена на -anin (или -an); mieszczanie, poganie, chrześcijanie, Dominikanie. Имена неодушевленныя принимаютъ -y (собств. древнее оконч. вин. п.): dęby, płoty, zęby; къ нимъ присоединяются имена неличныя, т. е. названія животныхъ: orły, raki, wilki (i вм. y послѣ k), psy, koty; впрочемъ нѣкоторыя неличныя имена могутъ образовать формы съ окончаніями личныхъ именъ; напр.: wilki и wilcy, orły и orłowie; въ старомъ языкѣ такихъ уклоненій отъ ука-

заннаго общаго закона очень много, такъ что въ старину названія животныхъ въ имен. п. мн. ч. повидимому не отличались отъ личныхъ именъ. Изрѣдка встрѣчаются и личныя имена съ окончаніями именъ неодушевленныхъ; напр. Polaci и Polaki. Оконч. вин. п. y въ знач. имен. п. усвоено было языкомъ уже въ древнюю пору: cedry (Флор. пс.), klenoty, służebniki (Соф. библ.). Оконч. a—принимаютъ нѣкоторыя неличныя имена на ряду съ -y; напр.: urząd—urzędy и urzęda, okręt—okręty и okręta, uda, udy, а также слова заимствованныя изъ латинскаго, напр. akta, talenta. Ср. чешск. и словац. яз.

13) Въ винит. п. множ. ч. сохраняютъ древнее окончаніе -y, какъ уже указано выше, только имена неодушевленныя и неличныя: płoty, psy; имена-же личныя, какъ въ русскомъ, замѣняютъ винительный родительнымъ: chłopów. Въ старомъ языкѣ, не только въ XIV—XV, но и въ XVI—XVII ст. были весьма употребительны органическія винительныя и для одушевленныхъ именъ: angioły, angieły, bogi, pany, popy (Флор. пс.), dziesiętniki (Соф. б.), Tatary, Turki (Кохан.); встрѣчаются подобные падежи и въ новѣйшемъ языкѣ, напр. у Мицкевича: pany, proroki, rekruty, niewolniki.

14) Въ твор. п. мн. ч. кромѣ общераспространеннаго -ami изрѣдка встрѣчается древнее y: z lekkimi duchy. Ср. выше. Въ мѣст. п. мн. ч. кромѣ ach въ старомъ языкѣ употребительны -ech, -och. Ср. выше стр. 441.

15) Названія странъ на -y, измѣняющіяся только во множ. ч., представляютъ слѣдующія особенности склоненія: имен. и винит. п.: Wołochy, Węgry, Kaszuby, Mazury, Prusy, Rakusy, Inflanty, род. п. Woloch, Węgier и т. д. (безъ суффикса), мѣстн. п. Woloszech, Węgrzech и т. д. (древнее окончаніе), иногда и -ach: Węgrach, Prusach. Czechy имѣютъ только Czechach. Ср. чешск. яз. 127 стр.

16) Brat имѣетъ мн. ч. bracia, rok замѣняется во мн. ч. посредствомъ lata, lat и т. д.; для człowiek множ. ч. ludzie, а lud имѣетъ множ. ч. ludy.

17) Raz—твор. п. razem и razą.

Объ окончаніяхъ, свойственныхъ только старому языку и народнымъ говорамъ сказано выше.

Къ склоненію именъ средняго рода.

1) По образцу **dzieło** склоняются: а) всѣ имена ср. р. отъ основъ на -o: okno, wieko, koło, pioro, sadło; б) имена отъ древнихъ основъ на -s: ciało, słowo, niebo; в) имена отъ древнихъ основъ на -n, во множ. ч.: imiona, plemiona, siemiona, znamiona, strzemiona и др. въ един. ч. эти имена слѣдуютъ склоненію на -jo); имена на -a, употребляющіяся только во множ. ч.: usta, wrota и др.

2) Род. п. ед. ч. оканчивается исключительно на -a, дат. п. един. ч.—на -u: okna, piora, sadła, oknu, pioru, sadłu (но у Кохан. południowi); въ мѣст. п. ед. ч. господствуетъ e (=ѣ): oknie, pierze, sadle; только имена на -go, -ko, cho принимаютъ -u: jabłku, uchu (но у Кохановск. w trojańskim wojsce).

3) Род. п. множ. ч. обыкновенно безъ окончанія; при чемъ въ случаѣ стеченія согласныхъ является вставочное e: gumno — gumien, okno—okien, wiader, ziarno—ziarn, źdźbło—źdźbł и źdźbeł; коренное o при извѣстныхъ условіяхъ (см. 421) становится ó: dobro—dóbr, koło—kół. — Для односложныхъ именъ допускаются формы на -ów: dnów (но и den), skłów и szkieł; чаще это окончаніе принимаютъ увеличительныя имена на -isko, произведенныя отъ словъ муж. р.: chłopisko—chłopisków, wilczysko—wilczysków.

4) Въ твор. и мѣстн. пп. множ. ч. господствуютъ заимствованныя окончанія -ami, -ach. Въ старомъ языкѣ употреблялись исконныя окончанія -y (твор. п.) и -ech, -och (мѣст. п.); напр.: usty, ciały (Флор. пс.), słowy, prawy, wroty (Соф. б.), w uściech, bogaczstwiech, skrzydlech (Флор. пс.); -ami и -ach распространяются особенно съ XVI ст.; y иногда встрѣчается и въ новѣйшемъ языкѣ въ тѣхъ-же случаяхъ, гдѣ возможно это окончаніе у именъ муж. р.; напр.: usty chłodnymi, ciemnymi drzewy.

5) Oko и ucho допускаютъ смѣшанныя формы двойст. и множ. ч.: им. вин. oczy, uszy, род. п. oczu, uszu и oczów, uszów, дат. п. oczom, uszom, твор. п. oczyma, uszyma и oczami, uszami.

6) Niebo во множ. ч. nieba, nieb и niebiosa, niebios.

II. Основы на -jo.

Мужескій родъ.

	Един. ч.			Множ. ч.	
И. król	koń	miecz	królowie	konie	miecze
З. królu	koniu	mieczu	królowie	konie	miecze
В. króla	konia	miecza	królów	konie	miecze
Р. króla	konia	miecza	królów	koni	mieczów
Д. królowi	koniowi	mieczowi	królom	koniom	mieczom
Т. krolem	koniem	mieczem	królami	końmi	mieczami
М. królu	koniu	mieczu	królach	koniach	mieczach

Средній родъ.

Един. ч.

И.З.В.	pole	kazanie	imię	cielę
Р.	pola	kazania	imienia	cielęcia
В.	polu	kazaniu	imieniu	cielęciu
Т.	polem	kazaniem	imieniem	cielęciem
М.	polu	kazaniu	imieniu	cielęciu

Множ. ч.

И.З.В.	pola	kazania	imiona	cielęta
Р.	pól	kazań	imion	cieląt
Д.	polom	kazaniom	imionom	cielętom
Т.	polami	kazańmi	imionami	cielętami
М.	polach	kazaniach	imionach	cielętach

1) По образцамъ **król, koń, miecz** склоняются: а) всѣ имена м. р. отъ основъ на -jo, т. е. всѣ имена муж. р., оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на мягкій согласный; напр.: mąż, ksiadz, żołnierz, gospodarz, nauczyciel, szwec, nóż, złodziej, ojciec, ogień, kukol, węgiel, śledź, bicz, deszcz и deżdż и др.; б) нѣкоторыя имена, относящіяся къ склоненію основъ на -i: gość, łokieć, gołąb, jastrąb, drop (дрохва), paw (павлинъ), jastrząb, niedźwiedź, gwózdź, pień, dzień, zięć, kmieć и др.; в) имена муж. р. отъ древнихъ основъ на -n: jęczmień, rzemień, kamień, płomień, jeleń, korzeń, pierscień и др.; г) уменьшительныя на -jo: Tadzio, Stefcio, Jozio, wujcio, ojcunio.

2) По образцу **pole** склоняются имена ср. р. отъ основъ на -**jo**: morze, oblicze, lice, serce, zboże (хлѣбъ).

3) По образцу **kazanie** склоняются имена на -**ie** (=старо-сл. **ие**): znanie, wesele, ziele, życie, picie, liscie (но и **liść**) и т. п.

4) По образцу **imię** склоняются имена ср. р. отъ основъ на -**n**; но только въ един. ч. (во мн. ч. они слѣдуютъ твердому склоненію): brzemię, wymię, znanię, plemię, ramię, ślemię, strzemię, siemię, ciemię.

5) По образцу **cielę** склоняются нѣкоторыя уменьшительныя и названія молодыхъ животныхъ отъ основъ на -**t**, но только въ ед. ч.; напр.: źrebię, kurczę, dziecię, dziewczę, gąsię, książe. Во множ. ч. они слѣдуютъ твердому склоненію: źrebięta, źrzebiąt.

6) Въ мягкомъ склоненіи именъ муж. р., какъ въ твердомъ, различается склоненіе именъ личныхъ (król), животныхъ (koń) и неодушевленныхъ (miecz). Главное, наиболѣе послѣдовательное различіе касается винит. п. ед. и мн. ч.: у неодушевленныхъ именъ винит. п. сходенъ съ именительнымъ, при чемъ во множ. ч. оканчивается на -e; у личныхъ — сходенъ съ родительнымъ; названія-же животныхъ въ един. ч. слѣдуютъ личнымъ именамъ, а во множ.—неодушевленнымъ.

7) Въ родит. п. ед. ч. возможны два окончанія -**a** и -**u**; употребленіе -**a** гораздо шире, чѣмъ въ твердомъ склоненіи (ср. стр. 450), оно наблюдается не только у именъ одушевленныхъ но очень часто у неодушевленныхъ, преимущественно у оканчивающихся на **arz**, **erz**, **eń**, el, ec; напр.: brewiarz, pacierz, kierz, ogień, węgiel, dziedzinec и др.

8) Въ имен. п. един. ч. именъ муж. р. въ случаѣ стеченія согласныхъ является бѣглое **e** (=ь, или вставочное): dzień, ojciec, starzec, ogień, węgiel, род. п. dnia, ojca, starca, ognia, węgla и др.

9) Зват. п. ед. ч. именъ муж. р. оканчивается только на -**u**: mężu, mieczu, koniu; но слова на -**ec**, и **dz** (=старо-слав. ѕъ) принимаютъ -**e**: ojcze, kupcze, głupcze, księże.

10) Дат. п. ед. ч. у именъ муж. р. почти исключительно -**owi**, напротивъ у именъ сред. р. только -**u**; kupcowi, golębiowi, dniowi; но ogniu, palcu, chłopcu, ojcu, morzu, słoncu, polu.

11) Въ мѣстн. п. ед. ч. какъ въ муж. такъ средн. р. исключительно -**u**: kupcu, golębiu, imieniu; только въ старомъ языкѣ иногда встрѣчается органическое -i: na stolcy twoim, skryci, miłosierdzi, slunсy (Флор. пс.).

12) Твор. п. ед. ч. именъ сред. р. на -ie, въ памятникахъ стараго языка (XIV—XVII) иногда оканчивается на -im вм. новѣйшаго -iem: drżenim, obliczym, weselim, pienim (Флоріан. пс.), zielim, liścim (Кохановскій).

13) Въ имен. п. мн. ч. именъ муж. р. возможны два окончанія: owie и e; -owie принимаютъ: крестныя и фамильныя имена, названія родства, отечественныя на ic и icz и нѣкоторыя отдѣльныя слова; напр.: Chodkiewiczowie, królewiczowie, starościcowie, ojcowie, wujowie, wódzowie, królowie, mędrzecowie, mężowie, uczniowie и др. e—наиболѣе обычное окончаніе, одинаково распространенное у личныхъ и неличныхъ именъ: rycerze, ucznie, śledzie, konie, pawie, kraje. О происхожденіи оконч. e ср. выше стр. 444.

14) Родит. п. мн. ч. у именъ муж. р. представляетъ двоякія окончанія: ów и i (= старо-слав. ин, пятин) которыя нерѣдко чередуются: królów и króli, obywatelów—obywateli, pisarzów—pisarzy, gospodarzów и gospodarzy и т. д.; предпочтительно -i имѣютъ тѣ существительныя, которыя первоначально принадлежали къ склоненію основъ на -i или на согласный: gości, ludzi, łokci, golębi, śledzi, dni, kamieni, niedzwiedzi и др.; только i имѣютъ: Wiertel (Viertel), garniec, grosz, korzec (мѣра—четыре четверика). У именъ средн. рода род. п. мн. ч. обыкновенно безъ окончанія: pól, kazań, mórz; но иногда является -ów: у нѣкоторыхъ существ. на -ie, особенно на -wie: żądań, przysłowiów, у заимствованныхъ словъ на -ium — gymnazyów, kollegiów, также — liców (Мицкевичъ), и у другихъ словъ въ народныхъ говорахъ: serców, kazaniów.

15) Въ твор. п. мн. ч. рядомъ съ оконч. -ami весьма употребительно -mi: końmi, królmi, ludzmi, polmi; въ старомъ яз. до XVI в. -mi господствуетъ: mężmi, krolmi, dziedzicmi (Флоріан. пс.), neprzyacielmi, biczmi (Соф. библ.), gwoździmi (Пулав. пс.).

16) Въ мѣстн. п. мн. ч. въ настоящее время въ литературномъ языкѣ только -ach; въ старомъ языкѣ употреблялись еще формы на -ech, -och: ludziech, gosciech, niedźwiedziech, koniech, kraioch, dnioch, konioch, kupcoch, polech, poloch, sercoch (XIV — XVI); въ Флор. пс. встрѣчается два раза -ich: w pokolenich, w nale(zie)nich.

17) Для ksiądz и szlachcic множ. ч. księża и szlachta.

18) Dzień имѣетъ въ имен. п. мн. ч. dnie и dni, tydzień (род. п. tygodnia) въ мн. ч. tygodnie.

19) Dziecię—во мн. ч. dzieci, дат. п. dziecom.

20) Вм. książęcia, książęciu, książęciem обыкновенно употребляются сокращенныя формы: księcia, księciu, księciem.

III. Основы на -a.

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.	ryba	sługa	ryby	słudzy
З.	rybo	sługo	ryby	słudzy
В.	rybę	sługę	ryby	sług
Р.	ryby	sługi	ryb	sług
Д.	rybie	słudzie	rybom	sługom
Т.	rybą	sługą	rybami	sługami
М.	rybie	słudzie	rybach	sługach.

1) По образцу ryba склоняются всѣ имена жен. р. отъ твердыхъ основъ на -a: matka, woda, żona, ręka, głowa, kobiéta и т. п.

2) По образцу sługa склоняются: а) имена муж. р. отъ твердыхъ основъ на -a: starosta, wojewoda; б) собственныя имена на -a: Benda, Kmita; в) собственныя имена на -o первоначально литовскаго происхожденія: Kościuszko, Ryłło, Sanguszko, Fredro, Farło и др.; напротивъ исконно-польскія собственныя имена на -o относятся къ склоненію основъ на -o (Rojko, Jodko и т. п.).

3) Въ дат.-мѣст. п. ед. ч. передъ конечнымъ e (=старо. сл. ѣ) твердые согласные измѣняются въ мягкіе по общему закону: nodze, ręce, pociesze, ranie, karze, kosie, kobiecie, bróździe, Tarle. Равнымъ образомъ основное e, расширяющееся въ имен. и др. падежахъ въ o, здѣсь остается неизмѣннымъ, а древнее ѣ звучитъ какъ e: siostra—siestrze, gwiazda—gwieździe, oswiata—oswiecie. Впрочемъ, въ современномъ языкѣ o и a вм. e иногда удерживаются и въ дат.-мѣстн. п., очевидно подъ вліяніемъ другихъ падежей; напр.: żonie, wiosnie, scianie, oświacie и т. п.

4) Вин. п. един. ч. всегда оканчивается на -ę, не смягчающее предшествующаго согласнаго; твор. п. на -ą; о происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 445.

5) Въ род. п. мн. ч. при стеченіи согласныхъ является вставочное e: mioteł, igieł, sosen, bitew, matek, ławek и друг. но siόstr (прежде, sioster), izb, walk, rózg, barw, wysp и др. Иногда, осо-

бенно у односложныхъ словъ, допускается неорганическое -ów: mgła—mgłów, gra — grów, msza — mszów, rzęsów (рѣсницъ—у Мицкевича); въ народныхъ говорахъ это окончаніе очень распространено: matków (велико-пол. гов.), bajków (мало-пол. гов.).

6) Въ дат. п. множ. ч. оконч. -om утверждается въ XVI ст.; въ старину господствовало органическое -am: drogam, obietam (Фл. пс.).

7) Изрѣдка встрѣчаются неорганическія окончанія: въ твор. п. мн. ч. -y, -mi, въ мѣстн. п. мн. ч. -ech; напр.: kary, roty, strony, wstęgi (у Мицкевича), folmi (волнами), szponmi (костями), rybiech, siestrzech; также и въ старомъ языкѣ (XV—XVII в., а y и въ XVIII).

8) Имена муж. р. во множ. ч. слѣдуютъ склоненію основъ на -o, при чемъ въ имен. п. допускаютъ двоякія окончанія — личныя и неличныя; напр.: starości, wojewodzi, słudzy, Kmitowie и starosty, wojewody, sługi, Kmity; род. п. starostów, wojewodów—но sług, въ Висл. стат.—wojewód.

9) Объ остаткахъ двойств. ч. отъ ręka (ręce, ręku, rękoma), ср. выше стр. 438. Въ современномъ языкѣ, какъ и въ старомъ, рядомъ съ двойственнымъ употребляется множественное: rąk (род. п.), rękom (дат. п.), rękami (тв. п.), rękach (м. п.).

10) Въ общемъ и для именъ жен. р. склоненіе основъ на -a во множ. ч. близко совпадаетъ со склоненіемъ основъ на -o; различаются собственно имен. и род. пп.

IV. Основы на -ja.

	Един. ч.			Множ. ч.		
И.	bania	pani	mówca	banie	panie	mówcy
З.	banio	pani	mówco	banie	panie	mówcy
В.	banię	panią	mówcę	banie	panie	mówców
Р.	bani	pani	mówcy	bań	pań	mówców
Д.	bani	pani	mówcy	baniom	paniom	mówcom
Т.	banią	panią	mówcą	baniami	paniami	mówcami
М.	bani	pani	mówcy	baniach	paniach	mówcach

1) По образцу bania склоняются: а) имена жен. р. отъ мягкихъ основъ на -a, т. е. имена, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на -nia, -la, -rza, -cia, dza (старо-слав. жда), -bia, -wia, -mia, -ca (старо-слав. щ или шт), -zia, -sia, -ja, -cża, -ża, sza; напр.: suknia, studnia, kula, wola,

burza, ciocia, nędza, głębia, ziemia, piwnica, płaca, Jozia, Stasia, źmija, tarcza (щитъ), wieża, dusza, puszcza; б) иностранныя на -ia, -ya (вм. ija, yja): Julia, Marya, tragedya, linia, kołicya, Szwecya, Anglia, biblia; также idea, statua (вм. ideja, statuja); в) имена, теряющія конечное -a въ имен. п. ед. ч.: karm, wilż (влага), woń, kieszeń (карманъ), straż, klacz (кобыла), kolej, odzież, toń, śpiż (бронза) и др. рядомъ съ karmia, wilża, wonia и т. д.; вм. древн. posciela теперь только pościel; сокращенный видъ принадлежитъ къ склоненію основъ на -i.

2) По образцу pani склоняются: bogini, gospodyni, ksieni (игуменья), въ старомъ яз. lani (теперь łania). Это i древняго происхожденія; ср. старо-слав. рабыни, господыни.

3) По образцу mówca склоняются имена муж. р. на -ja, ca, la, dzia, bia; напр.: sędzia, hrabia, mówca, pobożca, zbójca, cieśla, kaznodzieja и др.

4) Въ зват. п. ед. ч. оконч. -o (заимствованное изъ твердаго склоненія) принимаютъ имена на -a; болѣе исконное -e только изрѣдка въ древнихъ памятникахъ dusze, gospodze (Флор. пс.), но и duszo (Соф. библ.); у именъ на -i зват. п. сходенъ съ имен. Ласкательныя формы собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ названій родства принимаютъ -u: kasiu, babulu, ciotuniu, ciotusiu; u здѣсь перешло отъ именъ муж. р.—Józiu, Kaziu (уменьш. Józef, Kazimierz).

5) Въ вин. п. ед. ч. кромѣ ę возможно ą; но въ какихъ именно случаяхъ, трудно сказать опредѣленно въ виду различныхъ показаній грамматиковъ. Чаще всего ą наблюдается: у именъ на -nia съ предшествующимъ согласнымъ, -szcza, -ni, и заимствованныхъ на ya, ia и у нѣкоторыхъ на -ola: suknią, studnią, boginią, puszczą, Maryą, linią, dolą, wolą, rolą. Но всѣ эти слова, по утвержденію Миклошича, основанному на изученіи памятниковъ литературнаго языка[1]), могутъ имѣть и ę (напр. у Мицкевича — Rosyją и Rosyję, niewolę, puszczę). А. Малэцкій въ большой своей грамматикѣ (Gram. histor.-porówn., 1879, I, 194) выставилъ слѣдующее положеніе: имена на -ja, ca, dza, sia, zia имѣютъ исключительно -ę: szyję, zmiję, pracę, buzię и т. д.; имена на -i и иностранныя на ia, ya — принимаютъ -ą: panią, Zofią; всѣ остальныя принимаютъ то одно, то другое окончаніе смотря по говорамъ; такъ въ велико-польскихъ говорахъ часто слышно ą у словъ,

---

[1]) См. Сравнит. Морфологія, русск. перев. стр. 601.

которые въ мало-польскихъ говорахъ имѣютъ ę, напр.: ziemią и ziemię. Для литературнаго языка въ именномъ склоненіи ę все-таки составляетъ общее правило, а ą встрѣчается лишь у немногихъ именъ.

6) Род. п. ед. ч.—въ литературномъ яз. оканчивается исключительно на -i, которое проникло сюда изъ склоненія основъ на -i или развилось подъ вліяніемъ окончанія того-же падежа твердаго склоненія; послѣ шипящихъ и свистящихъ вм. i выступаетъ y на основаніи общаго закона: duszy, burzy, dziewicy; тоже относится къ дат.-мѣст. ед. ч. Въ старомъ языкѣ господствовало -e (соотв. старо-сл. ѧ и др.-рус. ѣ) и ęj: dusze, nędze, ziemie (Флор. пс.); -e весьма распространено и теперь въ народныхъ говорахъ. О происхожденіи этихъ окончаній см. выше стр. 443.

7) Дат.-мѣстн. пп. ед. ч. кромѣ i (=старо-сл. и) въ старомъ языкѣ оканчивается на -ęj (заимств. изъ сложн. скл.): ziemiej, wolej.

8) Имен., винит. (и зват. п.) мн. ч. у именъ жен. р. оканчивается всегда на -e (соотв. старо-сл. ѧ и др.-рус. ѣ). О происхожденіи этого оконч. см. выше стр. 446.

9) Род. п. мн. ч. именъ женскаго рода кромѣ древнихъ формъ безъ окончанія, для нѣкоторыхъ именъ допускаетъ формы съ оконч. -i (заимств. изъ склон. основъ на -i); сюда относятся: а) слова на -la, -nia съ предшествующими согласными, напр.: lutnia — lutni, kłótnia, zbrodnia, gęsla, czapla, kuznia, kuchnia; б) заимствованныя на ya, ia: tragedyi, herezyi (пишутъ и tragedyj, herezyj); в) msza, rękojmia, nadzieja, zawieja, swawola и wieczerza. Иныя слова имѣютъ обѣ формы: kropli и kropel, wiśni и wisien, sukni и sukien, studni и studzien, głowni и głowien, księgarni и księgarń и др.; при стеченіи согласныхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ необходимо вставочное e. Встрѣчаются (въ народномъ яз.) и неорганическія формы: kuchniów, lutniów.

10) Имена муж. р. во мн. ч. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo, при чемъ въ имен. п. допускаютъ двоякія окончанія, личныя и неличныя: sędziowe и sędzie, hrabiowie и hrabie, mówcy, rządzcy, kaznodzieje; въ род. п.: sędziów, kaznodziejow и kaznodzieji (въ Вислиц. ст. sądź). Въ старомъ языкѣ эти имена и во мн. ч. слѣдовали склоненію основъ на ja.

11) Sędzia, hrabia, burgrabia, markgrabia и rękojmia (поручитель) въ един. ч. допускаютъ параллельныя формы, образованныя по слож-

ному склоненію: р. п. sędzi, hrabi и sędziego, hrabiego, дат. sędzi— sędziemu; мѣстн. п. sędziu и sędzim; но въ зват. и твор. только формы на -a: sędzio, hrabio, sędzią, hrabią. Ср. аналогичныя формы въ чешскомъ яз. стр. 134, 135.

12) Въ дат. п. мн. ч. въ старомъ языкѣ долго держалось орг. оконч. -am: ziemiam, duszam, sędziam.

13) Оконч. вин. п. ед. ч. ę и ą и твор. п. ą обыкновенно произносятся съ очень слабымъ носовымъ призвукомъ, вслѣдствіе чего эти формы звучатъ почти одинаково съ другими формами оканчивающимися на e или o.

14) Bracia и księża замѣняющія множ. ч. для brat и ksiądz имѣютъ смѣшанное склоненіе: род. п. braci, księży, дат. п. braciom, księżom, тв. п. bracmi и braci, księżmi, мѣст. п. braciach, księżach; но вин. п. braci, зв. п. bracia, księża (въ стар. яз. bracio, księżo).

V. Основы на -i.

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.	kość	dłoń	kości	dłonie
З.	kosci	dłoni	kości	dłonie
В	kość	dłoń	kości	dłonie
Р.	kości	dłonie	kości	dłoni
Д.	kości	dłoni	kościom	dłoniom
Т.	kością	dłonią	kościami, -mi	dłoniami, -mi
М.	kości	dłoni	kościach	dłoniach

1) Образецъ kość представляетъ болѣе древній типъ склоненія основъ на -i жен. р. Характерная особенность его — удержаніе i въ род. п. ед. и въ имен. вин. п. множ. ч. Къ этому типу относится наибольшее количество словъ: miłość, noc, moc, rzecz, mysz, pieśń, myśl, ziel, sól, łeż, reż, sniedz, czeladź и др.

2) Образецъ dłoń представляетъ позднѣйшій типъ склоненія на i, въ которомъ имен.-вин. п. множ., а иногда и род. п. ед. оканчиваются на -e, заимствованное изъ склоненія основъ на -ja (или быть можетъ изъ утратившагося склоненія основъ на согласный). Сюда относятся: а) имена отъ утраченныхъ основъ на -w: kotew, cerkiew, brukiew, chorągiew, krew и др.; 5) имена, измѣняющіяся и по склоненіи основъ на -ja, но утратившія конечное a: ciotuś, straż, topól,

pieczeń, głąb и др. (см. выше) и в) нѣкоторыя другія слова, принимающія данныя окончанія по аналогіи указаннымъ группамъ именъ, напр. twarz, rozkosz, wieś, poręcz, słodycz, kąpiel и др. Болѣе точное разграниченіе этихъ двухъ типовъ склоненія на -i едва-ли возможно. Въ языкѣ постоянно наблюдаются новообразованія; иногда одни и тѣ-же слова принимаютъ въ указанныхъ формахъ то -e, то -i.

3) Въ твор. п. мн. ч.—господствующее оконч. -ami; -mi выступаетъ какъ исключеніе на ряду съ -ami у немногихъ именъ: kośćmi, dłońmi.

4) Въ старомъ языкѣ дат. п. мн. ч. оканчивается на -am: czeluściam (Флор. пс.), kaźniam (Пулав. пс.), мѣст. п. мн. ч. на -ech, -och: kazniech, postaciech (Флор. пс.).

5) Вм. -i послѣ c, dz, cz, sz, ż и rz на основаніи общаго закона польской фонетики выступаетъ -y: nocy, myszy и т. д.

6) Krew въ современ. яз. имѣетъ въ род. п. krwi, а въ старину—krwie; отъ XV в. (1408 и 1456) сохранилась рѣдкая форма kry.

7) Объ относящихся къ этому склоненію именахъ числительныхъ сказано ниже.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе прилагательныхъ въ современномъ польскомъ языкѣ сохранилось лишь въ скудныхъ обломкахъ. Прилагательныя въ значеніи сказуемаго обыкновенно употребляются въ сложной формѣ: pan jest mądry, koń jest dobry, to okno jest dobre. Только немногія прилагательныя сохраняютъ именныя окончанія въ имен. и винит. п. ед. ч. муж. и сред. р.; сюда относятся притяжательныя—ojców, ojcowo, matczin, matczyno, rada, rado, winien—winno, wart, warto (достоинъ, werth), kontent, kontento (доволенъ, contentus); форма женскаго рода—rada, warta и мн. ч. radzi, warci, kontenci и rade, warte, kontente совпадаютъ со сложными; но отъ winien—имен.-вин. п. мн. ч. жен. р.—winny. Отъ wart, rad и kontent и не возможны формы по сложному склоненію.

Въ имен. п. муж. р. въ значеніи сказуемаго встрѣчаются еще слѣдующія прилагательныя въ именной формѣ: pewien, godzien, wesół, gotów, łaskaw, żyw, zdrów (bądź zdrów), syt, ciocin, zrodzon, ukrzyżowan, potępion, przywiedzion, złupion, samowtór, samotrzeć,

samoczwart. — Въ среднемъ р. слѣды именныхъ формъ можно видѣть въ безличныхъ предложеніяхъ: ciemno wszędzie, pełno było krzyku i halaszu, chciено, mówiono, spano, zabito, pito, въ нарѣчіяхъ — dobro, ciopło, długo и т. п.

Остальные падежи именного склоненія прилагательныхъ сохранились только въ нарѣчіяхъ и нарѣчныхъ выраженіяхъ; такъ род. п.: z lekka, z grubsza, z dawna, od nowa, zbliska, bez mała, do czysta, spełna, zwłaszcza, zwolna, z wysoka, z goła, z daleka, z nagła, półtora, półtrzecia, z prosta, z niemiecka, z polska; дат. п.: po polsku, po turecku, po mału, po maleńku, po trzezwu, po cichu, po pańsku; мѣстн. п.: biegłe, dobrze, dalece, wcale, na prędce, po krótce и др.

Древнѣйшіе памятники представляютъ большее количество именныхъ формъ; напр. въ Флор. пс.: род. п. panowa, jakobowa, gospodnowa, macierzyny, wszelki; дат. п. panowu; вин. п. zbawion, znan, dziwna, mędra, żywie (жен. р.), panowo, jawno; твор. п. baranowem, małem; мѣст. п. dawidowie, gospodnowie, aaronawie, welicie (ж. р.), grzesznie, male (жен. р.). (Ср. 400 стр.).

Мѣстоименное склоненіе.

(Zaimki).

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.З.	ja	ty	my	wy
В.	mię, mnie	cię, ciebie	nas	was
Р.	mnie	ciebie	nas	was
Д.	mnie, mi	tobie, ci	nam	wam
Т.	mną	tobą	nami	wami
М.	mnie	tobie	nas	was

В.	się, siebie
Р.	siebie
Д.	sobie
Т.	sobą
М.	sobie

Имен. п. 1 л. и въ старомъ языкѣ ja; только въ Флоріан. пс. одинъ разъ встрѣчается болѣе древнее jaz[1]).

Въ вин. п. ед. ч. основныя формы mię, cię, się соотвѣтствуютъ старо-слав. мѧ, тѧ, сѧ; mnie, ciebie, siebie — собственно формы род. п., употребляемыя въ значеніи вин. п.; послѣднія предпочитаются въ началѣ предложеній, въ соединеніи съ предлогомъ, и вообще когда на мѣстоименіе падаетъ особенное удареніе; mię, cię, się—энклитики. Въ народной рѣчи конечный гласный часто теряетъ носовой резонансъ и такимъ образомъ получаются формы mie, cie, sie; встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Флор. пс., Пулав. пс., Молитв. Вячеслава и др.

Род. п. mnie отличается отъ старо-сл. мене и своею особенною формой обязанъ, вѣроятно, приспособленію къ дат. и твор. пп.

Формы дат. п. tobie, sobie также не вполнѣ похожи на старо-слав. тебѣ, себѣ; ср. чешск. tobě, sobě; mi, ci энклитики; si—утрачено; отъ него осталось только ś, которое присоединяется къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ и придаетъ имъ значеніе неопредѣленности: ktoś, gdzieś; также сокращается и ci въ ć: milszać złość niż cnoty święte, milszyć kłamca, niż prawdziwy (Шаржинскій).— Въ народныхъ говорахъ род. и дат. п. 1 л. иногда mie, возвр. мѣст. se.

Древніе винительные множ. ч. соотвѣтствующіе старо-сл. ны, вы утрачены.

Въ старомъ языкѣ (до XVI в.) употреблялись, хотя не часто, формы двойств. ч.: wa (имен. 1 л.—Грохов.), naju (Соф. б.), waju, nama (Кохановс.), wama (Оржех.). Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ до сихъ поръ слышатся формы двойств. ч.: wa (именит. п.), naju, waju, nama, wama (лясов. г.).

II. Мѣстоименія неличныя (измѣняющіяся по родамъ).

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе въ польскомъ языкѣ еще болѣе удалилось отъ исконнаго пра-славянскаго типа, чѣмъ склоненіе именное. Въ сравненіи со старо-славянскимъ оно совсѣмъ упростилось и близко совпадаетъ со склоненіемъ сложнымъ. Важнѣйшія его особенности представляются въ слѣдующемъ видѣ.

1) *Двойственное число* уже исчезло. Но въ старомъ языкѣ оно еще употреблялось, хотя не часто и непослѣдовательно. Такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ (Флор. пс., Соф. библ.) встрѣчаются слѣдующія формы: имен.-вин. п. ta, ona, sama, -ja, -i, jażto, moja (м. р.), cie, onie, moji, twoji, swoji (ж. и ср. р.); род.-мѣстн. п. ju, moju, twoju, twu, swoju, swu, naszu; дат.-мѣстн. п. tyma, tema, ima, mojima, myma, twojima, twyma, swyma, naszyma, waszyma.

2) Исконное различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ почти совсѣмъ изгладилось. Смѣшеніе основъ здѣсь проявляется въ томъ, что основы на -o во многихъ падежахъ приравнились къ основамъ на -jo. При этомъ въ однихъ случаяхъ вліяніе мягкаго склоненія на твердое вполнѣ очевидно, въ другихъ оно можетъ быть допущено съ большою вѣроятностью. Къ первой категоріи относятся: 1) род., дат., мѣстн п. един. ч. муж. и ср. р.—tego, temu, tem (ср. naszego, naszemu, naszem, старо-слав. **того, томоу, томь**); 2) род., дат.-мѣст. пп. ед. ч. жен. р.—tej (ср. naszej, старо-сл. **тоѩ, тои**); 3) вин. п. мн. ч. всѣхъ родовъ te (ср. nasze, старо-слав. **тъі, тыѩ, та**). Вторую категорію составляютъ падежи, окончанія которыхъ заключаютъ въ себѣ y вм. старо-слав. ѣ; именно: твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., род, дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч.—tym, tych, tym, tymi, tych. Впрочемъ, указанныя особенности мѣстоименнаго склоненія, по мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ (Миклошичъ, Брандтъ), можно объяснять и вліяніемъ сложнаго склоненія. Заслуживаетъ вниманія, что аналогичныя приведеннымъ формы представляютъ нѣкоторые чешскіе говоры въ Моравіи и Силезіи.

3) Род., дат., мѣстн. и твор. пп. един. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы, какъ въ старо-слав. яз. (**тоѩ, тои, тоѭ**) но отъ стяженной: tej, tą, jej, ją.

4) Смѣшеніе падежныхъ окончаній имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ твердомъ и мягкомъ склоненіи жен. р. ед. ч. совпадаютъ род., дат. и мѣст. пп., оканчивающіеся на -ej: tej, jej; это собственно дательные п., послужившіе аналогіей для мѣстн. и родит. п. Ср. словацкій языкъ. 299. Тоже въ древне-чешск. и народн. чешск. говор. стр. 147—148; б) вслѣдствіе способности e подвергаться сжатію въ i, y твор. и мѣстн. пп. ед. ч. муж. и ср. р. совпали въ звуковомъ отношеніи: tym, tém, nim, niém звучатъ одинаково tym, nim. Со времени Копчинскаго въ грамматикѣ установилось правило писать

tym, nim для обоихъ падежей въ муж. р. а tém (или tem), niém (или niem) въ сред. р. Но такое правило вполнѣ произвольно, не имѣетъ никакого научнаго основанія, ни фонетическаго, ни этимологическаго. Столь-же произвольно грамматическое правило писать въ твор. п. мн. ч. муж. р.—tymi, nimi, а въ жен. и ср. р. temi, niemi[1]).

5) Имен. и вин. пп. мн. ч. ср. р. совпадаютъ съ соотвѣтствующими падежами жен. р.: te (въ старомъ яз. ty), je.

6) Вин. п. ед. ч. жен. р. въ твердомъ и мягкомъ склоненіи оканчивается одинаково на -ę: tę, naszę, moję; исключеніе составляетъ ją.

I. Основы на -o.

	Един. ч.				Множ. ч.		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.		Муж. р.	Жен р.	Ср. р.
И.З.	ten	ta	to	И.З.	ci (te)	te	te
В.	ten (tego)	tę	to	В.	te (tych)	te	te
Р.	tego	téj	tego	Р.	Для 3 родовъ	tych	
Д.	temu	téj	temu	Д.		tym	
Т.	tym	tą	tym (tém)	Т.		tymi	
М.	tém (tym)	téj	tém	М.		tych.	

Имен. п. ten изъ болѣе древняго тъ; тоже въ чешск. и словацк. яз. 148, 300.

Въ старомъ яз. имен. п. множ. ч. жен. и сред. р. представлялъ особыя, болѣе древнія, окончанія для жен. и сред. р: ty, ta; ty употреблялось и въ значеніи сред. р.; te распространяется съ XVI ст.

Имен. п. мн. ч. -ci употребляется только по отношенію къ именамъ личнымъ; неличныя муж. р. требуютъ te (вин. п.): ci ludze, te konie.

Ten можетъ усиливаться прибавкой частицъ tam, że: tamten, tenże.

По образцу ten склоняются: wszystek (въ стар. яз. и wszytek)— -ka, -ko; on, ona, ono; ów, owa, owo; kto, ktoś, nikt (въ старомъ яз. nikto), niekto; sam, sama, samo; jeden, jedna, jedno; nijeden, żaden; числительныя dwa, oba, obadwa, obydwa.

---

[1]) Малэцкій (Gram. Hist.-porów., I, 219—224) отстаиваетъ необходимость различать графически твор.-мѣстн. п. муж. р. отъ средн. р.; но для твор. п. множ. ч. рекомендуетъ одно окончаніе для всѣхъ родовъ -ymi, -imi.

Kto сохраняетъ органическія формы для род. и дат. п. съ исконнымъ -о: kogo, komu, также nikogo, nikomu; въ твор. и мѣстн. п. един. ч. -kim (соотв. старо-слав. кымъ). **Nikt** образовалось изъ nikto черезъ потерю конечнаго о.

II. Основы на -jo.

1.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	nasz	nasza	nasze
В.	nasz, naszego	naszę	nasze
Р.	naszego	naszej	naszego
Д.	naszemu	naszej	naszemu
Т.	naszim	naszą	naszym (-em)
М.	naszém (-ym)	naszej	naszém

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	nasi, (-e)	nasze	nasze
В.	nasze (-ych)	nasze	nasze
Р.	Для 3 родовъ	naszych	
Д.	Для 3 родовъ	naszym	
Т.	Для 3 родовъ	naszymi	
М.	Для 3 родовъ	naszych.	

2.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	(on) (ji)	(ona) (ja)	(ono) (je)
В.	jego, go (ji), ň	ją	je
Р.	jego, go	jéj	jego, go
Д.	jemu, mu	jéj	jemu, mu
Т.	nim (im)	nią (ią)	nim (niém)
М.	niém (nim)	niém (jém)	niém (jém)

Множ. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.З.	oni (ji)	one (je)	one (je)
В.	je (ich)	je	je
Р.	Для 3 родовъ: ich		
Д.	Для 3 родовъ: im		
Т.	Для 3 родовъ: nimi[1])		
М.	Для 3 родовъ: ich		

По даннымъ образцамъ склоняются: mój, twój, swój, dwój, obój, trój, czyj, niczyj, co, coś, nic, nieco, wesz (=весь, въ имен. wszytek, wszystek). Въ старомъ яз. сюда-же относились jen и jenże (который, Флор. пс. и др. памятники).

Древніе именительные ji, ja, je, ji, je не сохранились; вмѣсто нихъ on, ona, ono, oni, one (древн. ony).

Формы go, mu—энклитики; онѣ возникли чрезъ потерю начальнаго слога je.

Вин. п. ед. ч. муж. р. обыкновенно замѣняется родительнымъ jego, go. Въ старомъ яз. (до к. XVI в.) держался древн. i (=старослав. и), который часто передается черезъ gi, gy (что, вѣроятно, надо читать ji). Сверхъ того въ языкѣ живетъ древняя безсложная форма вин. п. — ь (нь), соединяемая съ предлогами: zań, weń, przezeń, oń poń, nań; въ соврем. яз. такое ń соединяется иногда и съ предлогами род. п.: dlań, doń (вм. dla niego, do niego). Формы zań, weń и т. п. весьма употребительны и въ другихъ славянскихъ языкахъ: старо-сл., сербо-хорв., словин., чешск, словац.

Помимо винит. п. j въ мѣстоименіи ji (=jь) переходитъ въ ń— и въ другихъ падежахъ, стоящихъ послѣ предлоговъ (особенно односложныхъ): dla niego, dla nich, dla niej, ku niemu, przeciwno nim. Творительные падежи и безъ предлоговъ всегда принимаютъ начальное n: nim, nią, nimi (niemi); im употребляется лишь въ значеніи нарѣчія **чѣмъ**.

Формы ich, im, imi въ древнихъ памятникахъ писались съ j (gich, gim—въ Флор. пс. и друг. памятникахъ).

Вин. п. мн. ч. муж. р. часто замѣняется род. п. -ich, что счи-

---

[1]) Въ сред. р. пишутъ naszemi и niemi, что не правильно.

тается правильнымъ только по отношенію къ личнымъ именамъ; имена неличныя муж. р., а также всѣ жен. и сред. р. требуютъ je: słucham i poważam ich (braci, wodzów и т. д.), но karmię je (konie, psy) и stawiam je (domy, kościoły и т. п.).

Имен. п. мн. ч. муж. р. оканчивается на -i только при согласованіи съ личными именами; иначе онъ совпадаетъ съ формой жен. и сред. р., т. е. оканчивается на -e[1]): naszi rycerze, nasze konie.

Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются распространенныя формы: jejej (род., дат., мѣстн. жен. р.), jejich, jejim.

Mój, twój, swój кромѣ полныхъ допускаютъ стяженныя формы: ma, twa, swa, me, twe, swe, mego, twego, swego, memu, twemu, swemu, mej, twej, swej, mą, twą, swą (вин. и твор. п.), mym, twym, swym, mych, twych, swych и т. д. Въ именит. п. возможны только полныя формы: mój, moi, twoi, swoi.

Co развилось изъ древн. czso (Флор. пс.), соотвѣт. старо-сл. род. чьсо. Въ польскомъ яз. сохранялся пра-слав. винит. п. чь въ соединеніяхъ съ предлогами: nacz, ocz, pocz и т. п. Род. czego, дат. czemu, тв. мѣст. czym (въ стар. яз. различаются czym (тв.) и czem (мѣст. п.).

Мѣстоименіе, соотвѣтствующее старо-слав. вьсь и въ старомъ яз. употреблялось въ большей части падежей (кромѣ именит. п.): wsze, wszą (вин. п.), wszego, wszej (род. п.), wszemu, wszej (дат. п.), wszym и wszem, wszą (твор. п.), wszem, wszej (мѣстн. п.), wszech (род., вин., мѣстн.), wsze (вин. жен. и сред. р. мн. ч.), wszem (дат. п.), wszemi (тв. п.); въ настоящее время это мѣстоименіе встрѣчается только въ составѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій: owszem, wszem w obce, ze wszech stron и т. п.

Древнее сь слышится еще въ выраженіи do siego roku.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ польскомъ яз., какъ сказано, очень сходно съ мѣстоименнымъ. Сходство это отчасти обусловливается случайными совпаденіями, но больше есть результатъ взаимнаго вліянія одного склоненія на другое. Если можно допустить, что нѣкоторыя мѣсто-

---

[1]) Это собственно винит. п. употребляемый въ значеніи именит. п. по отношенію къ неличнымъ именамъ.

именныя формы создались или передѣлались по аналогіи соотвѣтствующихъ сложныхъ формъ, то съ другой стороны вполнѣ вѣроятно, что отдѣльные падежи сложнаго склоненія образовались подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія.

Настоящія сложныя формы, т. е. такія въ которыхъ съ достовѣрностью можно признать сложеніе именныхъ и мѣстоименныхъ окончаній, представляютъ лишь слѣдующіе падежи: 1) имен. и винит. пп. ед. и мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ (имен. един. ч. dobry, dobra, dobre, tani[1]), tania, tanie, винит. п. един. ч. dobry (для неодушевл.), dobrą, dobre, tani, tanią, tanie; имен. п. мн. ч. dobrzy, dobre (жен. и ср. р.), tani, tanie, вин. п. dobre, tanie (вс. род.); 2) мѣстн. п. един. ч муж. и сред. р. мягкаго склон. (tanim), а въ старину и твердаго (dobrém); 3) твор. п. ед. ч. жен. р. (dobrą, tanią); 4) род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (dobrych, tanich); 5) твор. п. множ. ч. муж. и ср. р. (dobrymi, tanimi). Остальные падежи нужно разсматривать какъ новообразованія по аналогіи формъ мѣстоименнаго склоненія (ср. сложное склоненіе въ чешскомъ и словацкомъ яз., 153—155, 302—303).

Въ частности сложное склоненіе въ польскомъ представляетъ слѣдующія особенности.

1) Двойственное число утрачено; въ старомъ яз. (XIV—XVI в.) оно еще существовало; напр.: *имен.*, *вин. пп.*: naga, stara, mloda, łotowie, kamiennie, omurowanie (Соф. библ.); *род.*, *мъстн. пп.*: ludzku (Флор., Пулав. пс., Соф. библ.), orłowu, nieprzyjacielsku, drugu, dwu starszu, pośledniu dwu (Казим. ст. въ перев. 1445); *дат.*, *твор. пп.*: gospodnowyma, angie(l)skima, rzeczonyma (Флор. пс.), lucskima (Соф. библ.), bożyma, duchownyma (Пулав. пс.).

2) Твердое и мягкое склон. различаются между собою по стольку, по скольку это различіе представлено въ мѣстоименномъ склоненіи. Род. и дат. п. ед. ч. муж. и ср. р., род., дат., мѣст. пп. жен. р. совпадаютъ въ твердомъ и мягкомъ различіи, что мы видѣли въ мѣстоименномъ склоненіи, послужившемъ въ данныхъ случаяхъ образцомъ для сложнаго склоненія: dobrego, taniego, dobremu, taniemu, dobréj, taniéj. Однако, на позднее происхожденіе e въ твердомъ различіи ука-

[1]) Дешевый.

зываетъ отсутствіе въ немъ способности смягчать предшествующій согласный. Яснѣе выступаетъ различіе въ тѣхъ падежахъ твердаго склоненія, которыя въ окончаніяхъ представляютъ y, соотвѣтствующее i мягкаго склоненія: dobry, tani, dobrych, tanich, dobrym, tanim (твор. п. ед., дат. п. мн. ч.).

3) Тоже сходство съ мѣстоименнымъ склоненіемъ въ области смѣшенія падежей. Совпадаютъ: 1) твор. и мѣст. пп. ед. ч. муж. и ср. р.—dobrym, tanim; 2) род., дат., мѣст. пп. ед. ч. жен. р.—dobréj, taniej. Школьная грамматика пріурочиваетъ окончан.—твор.-мѣстн. пп. ym, im—мужескому р., а ém, iém—среднему р.; точно также для твор. п. мн. ч. устанавливаетъ два окончанія: ymi—для именъ муж. р. и emi—для имен. сред. р. Сказанное о неправильности такого разграниченія этихъ окончаній въ мѣстоименномъ склоненіи можетъ относиться и къ сложному склоненію.

4) *Вин. п. ед. ч.* жен. р. всегда оканчив. на ą (между тѣмъ въ мѣстоим. скл.—на ę) и, такимъ образомъ, совпадаетъ съ твор. п.: dobrą, tanią.

5) *Имен. п. множ. ч. муж. р.* представляетъ двоякое окончаніе: 1) -i (=старо-слав. ии) при согласованіи съ личными именами: dobrzy ludzie; это -i тоже, что въ соотвѣтствующемъ падежѣ именного склоненія, которое позаимствовалось имъ у мѣстоименнаго; оно смягчаетъ предшествующій согласный: dobrzy, bogaci, źli; 2) -e при согласованіи съ неличными именами, напр.: dobre konie, dobre czasy; это—собственно винит. п., который можно возводить къ пра-слав. ф. добрыѧ; тоже самое относится къ имен, вин. п. мн. ч. жен. р.—dobre.

6) *Имен.-вин. пп. множ. ч. сред. р.* совпадаетъ съ жен. р., т. е. оканчивается на -e: dobre, tanie; въ старомъ языкѣ еще весьма часто исконное -a: usta pełna, sidła śmiertna, żywa serca (Флор. пс.).

7) Въ старомъ языкѣ -a и -e въ окончаніяхъ, возникшихъ путемъ стяженія, вѣроятно были долгими (ср. стр. 395), а въ XV—XVI ст. стали переходить въ сжатыя или наклоненныя á и é, которыя и теперь сохраняются въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ.

Твердыя основы.

Един. ч.

	Муж р.	Жен. р.	Сред. р.
ИЗ.	dobry	dobra	dobre
В.	какъ И. или Р.	dobrą	dobre
Р.	dobrego	dobréj	dobrego
Д.	dobremu	dobréj	dobremu
Т.	dobrym	dobrą	dobrym (-ém)
М.	dobrém (-ym)	dobréj	dobrém

Множ. ч.

ИЗ.	dobrzy (-re)	dobre	dobre
В.	Для 3-хъ родовъ.	dobre	
Р.		dobrych	
Д.		dobrym	
Т.		dobrymi (-emi въ ср. р.)	
М.		dobrych	

Мягкія основы.

Един. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
ИЗ.	tani	tania	tanie
В.	какъ И. или Р.	tanią	tanie
Р.	taniego	taniéj	taniego
Д.	taniemu	taniéj	taniemu
Т.	tanim	tanią	tanim (-ém)
М.	taniém (-im)	taniéj	taniém

Множ. ч.

ИЗ.	tani (-ie)	tanie	tanie
В.	Для 3-хъ родовъ.	tanie	
Р.		tanich	
Д.		tanim	
Т.		tanimi (-iemi въ ср. р.)	
М.		tanich	

По сложному склоненію измѣняются: 1) всѣ прилагательныя на -y (i), -a, -e; напр.: słaby, mocny, ruski, rybi и др.; 2) мѣстоименія на -y, -i; напр.: który, inny, każdy, żadny, jaki, taki, nijaki, niejaki, owaki, wszelaki, jakiś, któryś; 3) имена числительныя: pierwszy, drugi, trzeci, trojaki, dwoisty и др.; 4) причастія на -ący, -ty, -ny: siedzący, bity, kochany и т. п.; 5) существительныя, имѣющія форму прилагательныхъ; напр.: złoty, luty, blizni, leśniczy, woźny, podstarości, podskarbi, podkomorzy, podstoli, koniuszy; królowa, księżna, bratowa, pisarzowa, doktorowa; Biała, Czerna; szkolne, mostowe, strowne; фамильныя названія на -ski, -cki, -ska, -cka, -owa; напр.: Kochanowski, Potocki, Krasińska; иностранныя имена на e, -i, -y; напр.: Bandtkie, Linde, Göthe; Wirgili, Horacy; христіанскія имена на -i, -y: Antoni, Ignaci, Xawery, Jerzy и друг.— Нѣкоторыя изъ этихъ именъ могутъ принимать въ имен. п. множ. ч. -owie по именному склоненію (главнѣйше для отличія множ. ч. отъ един.); напр.: podskarbiowie, Antoniowie. О существ. sędzia, hrabia, имѣющихъ нѣкоторые падежи по сложному склоненію, см. выше стр. 460.

Прибавленія.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется посредствомъ двоякихъ суффиксовъ: 1) -ejszy, -ejsza, -ejsze или 2) -szy, -sza, -sze. Первый выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ гласнымъ основы находятся два и болѣе согласныхъ; напр.: piękny—piękniejszy, łatwy (легкій)—łatwiejszy, podły—podlejszy, przedni—przedniejszy. Второй -szy—вообще болѣе употребительный—обыкновенно наблюдается послѣ одного согласнаго; напр.: stały—stalszy, uczony—uczeńszy. Нѣкоторыя прилагательныя могутъ принимать то и другое окончанія; напр.: prosty—prostszy и prościejszy, mądry—mędrszy и mądrzejszy, gęsty—gęstszy и gęściejszy, twardy—twardzy и twardziejszy, żołty—żołtszy и żołciejszy и др. Гласн. e въ ejszy (=старо-сл. ѣйшии) смягчаетъ предшествующій согласный: czysty—czyściejszy, piękny, piękniejszy. Равнымъ образомъ и передъ -szy (=старо-слав. ьшн) смягчаются нѣкоторыя согласные, именно g, ł и n: dlugi—dluższy, ukochany—ukochańszy, biały—bielszy; напротивъ, другіе согласные не смягчаются: slaby—slabszy, łakomy—łakomszy, nowy—nowszy, bogaty—bogatszy, stary—

starszy. Ch передъ sź по закону расподобленія согласныхъ переходитъ въ ż (вм. sz) lichy (худой)—liższy. Мягкіе (за исключеніемъ губныхъ) удерживаютъ свою мягкость: tani—tańszy, świeży—świeższy ... Коренные гласные передъ мягкими согласными слѣдуютъ общимъ законамъ польскаго вокализма, т. е. e не расширяется въ o, старо-слав. ѣ звучитъ какъ e, вм. ą выступаетъ ę: uczony—uczeńszy, biały—bielszy, śmiały—śmielszy, miałki—mielszy, skąpy—skępszy, mądry—mędrszy....

Прилагательныя на -ki, -oki, -eki, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, образуютъ сравнительную степень отъ основъ безъ этихъ окончаній: słodki—słodszy, krótki—krótszy, cieńki—cieńszy, daleki—dalszy. głęboki—głębszy, wysoki—wyższy, nizki—niższy.

Отъ другихъ основъ имѣютъ сравнительную степень слѣдующія прилагательныя: dobry—lepszy, zły—gorszy, wielki—większy, mały—mniejszy, lekki—lżejszy.

Превосходная степень образуется черезъ прибавку частицы naj къ началу сравнительной степени: najslabszy, najpekniejszy, najlepszy.

У нарѣчій сравнительная степень образуется посредствомъ суф. -ej: piękniej, taniej, weselej, ciszej, krócej, bliżej, lepsej, gorzej, więcej, mniej, lżej.

2) Числительныя имена.

Количественныя.

1, jeden, -na, -no
2, dwaj, dwie, dwa
3, trzej, trzy
4, czterej, cztery
5, pięć
6, sześć
7, siedem
8, osiem
9, dziewięć
10, dziesięć
11, jedenascie
12, dwanaście
13, trzynaście
14, czternaście
15, piętnaście
16, szesnaście
17, siedemnaście
18, osiemnaście
19, dziewiętnaście
20, dwadziescia
21, dwadzieścia jeden
30, trzydzieści
40, czterdzieści
50, pięćdziesiąt
60, sześćdziesiąt
70, siedmdziesiąt
80, ośmdziesiąt
90, dziewięćdziesiąt

100, sto	800, ośmset
101, sto jeden	900, dziewięćset
200, dwieście	1000, tysiąc
300, trzysta	2000, dwa tysiące
400, czterysta	10000, dziesięć tysięcy
500, pięćset	200000, dwieście tysięcy
600, sześćset	1000000, milion.
700, siedmset	

Jeden, dwa, oba слѣдуютъ твердому мѣстоименному склоненію; dwa, oba, obadwa и obydwa удержали формы двойств. ч.: dwie, dwa, dwu, dwiema, dwoma (см. выше стр. 438); имен. п. муж. р. dwaj употребляется только при личныхъ именахъ; другія же слова муж. р. имѣютъ dwa какъ въ ср. р.; напр.: dwaj panowie, но dwa konie; въ народномъ говорѣ слышится и dwa synowie. На ряду съ древними органическими формами въ народныхъ говорахъ употребительны формы позднѣйшаго образованія: род.-мѣст.—dwoch, dwóch и dwuch, дат. п. dwom, dwóm, dwum (въ новѣйшемъ литературномъ яз. обыкновенно dwóch, dwóm).

Trzy и **cztery** склоняются слѣдующимъ образомъ: имен. п. trzej, czterej, trzy, cztery (въ стар. яз. czterzej, czterzy), род.-мѣст. trzech, czterech, твор. п. trzema, czterema; trzej, czterej употребляются только при именахъ личныхъ муж. р., въ такомъ случаѣ вин. п. сходенъ съ родит., при согласованіи со всѣми другими именами вин. п. сходенъ съ имен.—trzy, cztery.

Числительныя **pięć, sześć, siedm** и т. д. до 99, а также неопредѣленныя **wiele** (много), **ile** (сколько), **tyle, kilka, kilkonaście** и др. слѣдуютъ двоякому склоненію, смотря по тому употребляются эти числительныя самостоятельно, или въ соединеніи съ существительнымъ. Въ первомъ случаѣ склоненіе ихъ представляетъ подражаніе склоненію dwa, oba; именно: им., вин., зват. pięciu, jedenastu, kilku (только по отношен. къ нѣк. именамъ муж. р), pięc, jedenaście, kilka (по отношенію ко всѣмъ остальнымъ именамъ); род.-мѣстн.—pięciu, jedenastu, kilku; дат. п. pięciom, jedenastom, kilkom; твор. п. pięcioma, jedenastoma, kilkoma. Во второмъ случаѣ числительныя имѣютъ во всѣхъ падежахъ (кромѣ имен. и вин. п.) одно окончаніе -u, очевидно заимствованное отъ dwu, obu, а существительное измѣняется соотвѣтству-

ющимъ образомъ по падежамъ; напр.: имен. pięć wodzów, koni, ziem, miast; род. п. pięciu wodzów, koni, ziem, miast; дат. п. pięciu wodzom, koniom, ziemiom, miastom; вин. п. pięciu wodzów, pięć koni и т. д.; тв. п. pięciu wodzami, końmi, ziemiami, miastami; мѣстн. п. w pięciu wodzach, koniach, ziemiach, miastach. Въ литературномъ языкѣ пишутъ иногда твор. п. на -ą: pięcią, wielą и т. д.; но Малэцкій (Gram. Hist. porów., I, 247—248) оспариваетъ правильность этой формы, настаивая на томъ, что теперь вездѣ слышно только -u. Въ старомъ яз. pięć, sześć и т. д. склонялись правильно по склоненію основъ на -i жен. р. (kość), при чемъ существительное при нихъ полагалось въ род. п. мн. ч; такъ род., дат., мѣст. п. pięci и piąci, dziewiąci; твор. п. pięcią, dziewiącą; имен. п. множ. ч. pięci, dziesięci; род. п. dziesiąt. Слѣды древнихъ формъ сохранились въ сложныхъ числительныхъ; напр.: trzydzieści (вм. trzy dziesięci), pięćdziesiąt (dziesiąt — род. п. множ. ч.). jedenascie, dwanascie и т. д. (т. е. jeden na dziesięcie, -na dzieście, -na ście, dwa na dziesięcie, -na scie); это ście или въ старыхъ памятникахъ dźcie или ćcie возникло путемъ стяженія изъ dziesięcie (вин. п.); **dwadzieścia** есть имен. п. двойст. ч., образовавшійся путемъ стяженія изъ dwa-dziesięcia.

Dwanascie и **dwadzieścia** замѣняютъ въ другихъ падежахъ **a** въ **dwu** на **u**: dwunastu, dwudziestu; **pięćdziesiąt**, sześćdziesiąt и др. смягчаютъ конечное **t**: pięćdziesięciu, sześćdziesięciu; но въ народныхъ говорахъ часто -**t**: pięćdziesiątu и т. п.; въ старомъ яз. (XV ст.) употреблялись формы болѣе правильныя въ этимологическомъ и логическомъ отношеніяхъ; dwu-na-scie, dwiema-na-scie, trzech na-scie, sześci-na-scie, dwu-dziesiąta, dwiema-dziesty, czterech-dziesiąt и т. п.

Sto склоняется правильно т. е. по образцу основъ на -**o** ср. р., когда стоитъ одно, безъ прибавленія существительнаго, или ему предшествуетъ pól tora, pól trzesia и т. д.: ед. ч. sta, stu, stem или stoma; мн. ч. sta, set, stam, stami, stach; въ мѣст. п. ед. ч. показываютъ stu и ście (Малэцкій), слѣды двойст. ч. сохранились въ dwie sie и тв. п. stoma. Если считаемый предметъ обозначенъ, то во всѣхъ косвенныхъ падежахъ выступаетъ окончаніе -u, заимствованное изъ склоненія — dwu, obu; и существительное измѣняется по падежамъ соотвѣтствующимъ образомъ; напр.: имен. п. sto mężów, sto kobiet; род. п. stu mężów, stu kobiet; дат. п. stu mężom, stu kobietom; вин. п. stu mężów

stu kobiet; твор. п. stu mężami, stu kobietami, мѣст. п. stu mężach, stu kobietach.

Въ **dwieście, trzysta, czterysta** обыкновенно склоняются только dwie, trzy, cztyry, а sto присоединяется въ род. п. мн. ч.: dwuch set, trzech set, dwum set, trzem set, dwoma set, trzema set; но возможно также dwustu и trzystu во всѣхъ падежахъ; отмѣчаютъ также дат. п. dwiestom, trzystom и trzem stom, cztyrem stom.

Pięć set, sześć set и т. д. до **900** склоняются по образцу pięć, съ прибавленіемъ род. п. set; напр.: pięciu set mężów, sześciu set mężow и т. д.

Tysiąc (муж. р.) и **milion** слѣдуютъ склоненію основъ на **-o**, первый—мягкому, второй твердому: tysiąca, miliona; им. п. tysiące, род. п. tysięcy—: trzy tysiące, pięć tysięcy.

Числительныя собирательныя **dwoje, oboje, troje, czworo, pięcoro** и т. д., а также **kilkoro** образуютъ косвенные падежи отъ распространенной основы на **-go**: род. п. dwojga, czworga, kilkorga, дат. п. dwojgu, czworgu, kilkorgu; тв. п. dwojgiem, czworgiem, kilkorgiem; мѣст. п. dwojgu, czworgu, kilkorgu; существительное обыкновенно употребляется въ род. п. мн. ч.; но въ дат. и мѣстн. оно согласуется съ числительнымъ: dwojgu ludziom, w czworgu rzeczach.

Относительно употребленія разныхъ формъ числительныхъ въ литературномъ яз. замѣчается большой произволъ. Исторіи числительныхъ именъ посвящена прекрасная монографія проф. Калины (Rozpr. wydz. fil. Akad um., 1878).

Порядковыя.

1, pierwszy, -a, -e
2, drugi
3, trzeci
4, czwarty
5, piąty
6, szósty
7, siódmy
8, ósmy
9, dziewiąty
10, dziesiąty
11, jedenasty
12, dwunasty
13, trzynasty
14, czternasty
15, piętnasty
16, szesnasty
17, siedmnasty
18, osmnasty
19, dziewiętnasty
20, dwudziesty
21, dwudziesty pierwszy
30, trzydziesty

40, czterdziesty	500, pięćsetny
50, pięćdziesiąty	600, sześćsetny
60, sześćdziesiąty	700, siedm setny
70, siedmdziesiąty	800, osmsetny
80, osmdziesiąty	900, dziewięćsetny
90, dziewięćdziesiąty	1000, tysiączny
100, setny	2000, dwutysiączny
101, setny pierwszy	10000, dziesięciotysiączny
200, dwóchsetny	100000, stotysiączny
300, trzechsetny	1000000, miljonowy.
400, czterechsetny	

Б) Спряженіе.

Въ спряженіи польскій языкъ еще дальше отступилъ отъ предполагаемыхъ древнихъ нормъ славянскаго пра-языка, чѣмъ въ склоненіи. Онъ утратилъ многія формы, которыя еще существовали въ старо-славянскомъ языкѣ и въ большей или меньшей степени удержаны нѣкоторыми живыми славянскими языками. Къ этимъ утратамъ относятся: 1) двойственное число; 2) достигательное наклоненіе; 3) прошедшія простыя (преходящее и аористъ) и 4) большая часть причастныхъ формъ: причастіе настоящее страд. з. совсѣмъ исчезло, а причастія дѣйств. настоящаго времени и прошедшаго I превратились въ такъ-наз. дѣепричастія. Сверхъ того въ уцѣлѣвшихъ формахъ глагольная флексія нерѣдко представляетъ свои характерныя особенности. Ближе всего къ старо-славянскому стоитъ польское спряженіе относительно обилія прошедшихъ сложныхъ и другихъ описательныхъ формъ, но въ частности построеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ также отличается своеобразными чертами.

Неопредѣленное наклоненіе.

Окончаніе неопредѣленнаго накл. всегда ć (=русск. ть), которое развилось изъ болѣе древняго ти: być, znać, piec, chwalić. Если передъ древн. t окончанія оказывался согласный, который не соединялся съ нимъ, то оба звука подвергались взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка: kraść, wieść, pleść, piec, wlec, móc.

Въ старомъ яз. встрѣчаются болѣе древнія формы на -ci; напр.: daci, kajaci, miłowaci (Пѣснь Богородицы), wzmocy (Соф. библ.); даже въ XVI в. krasci, wstaci (Кленовичъ).

Слѣдовъ супина не сохранилось и въ старыхъ памятникахъ. Встрѣчающіяся въ Флоріан. пс. двѣ формы на -t: lizat и karat одни (Миклошичъ, Нерингъ) считаютъ чехизмами, другіе (Малэцкій) неправильно написанными неопредѣленными накл.

Причастныя формы.

Причастіе настоящаго времени дѣйств. зал. сохранилось въ одной неизмѣняемой формѣ на -ąc, употребляемой въ значеніи дѣепричастія въ примѣненіи ко всѣмъ родамъ един. и множ. ч., напр.: idąc, znając, bijąc, koląc, pisząc.—Оконч. -ąc восходитъ вѣроятно, къ первичн. -ąci (соотв. старо-слов. ѫщи, ѧщи, имен. п. жен. р.) и образовалось черезъ потерю i. Ср. словацк. яз. 308.

Въ старомъ яз. и встрѣчаются формы на ǿcy: bǿdǿcy, siedzǿcy, rzekǿczy (Соф. библ.); гораздо чаще въ древнихъ памятникахъ (Флор. пс, Соф. библ.) сокращенныя формы на носовой гласный -ǿ: czyniǿ, przymǿcajǿ, dajǿ, prorokujǿ и т. д. При запутанности графики въ древнихъ рукописяхъ, трудно точно опредѣлить звуковую природу этого носоваго, обозначаемаго весьма различно; но полагаютъ, что это было ę, основываясь на томъ, что въ чешскомъ яз. въ данныхъ формахъ краткое -e (ср 163 стр.). Оконч. -ǿ одинаково соотвѣтствуетъ старо-слав. ѫ и ѧ: niosǿ, bijǿ.

Полныя склоняемыя формы причастія въ настоящее время рѣдки; напр.: bijący, -a, -e; въ старомъ языкѣ онѣ встрѣчаются чаще.

Въ современномъ яз. дѣепричастіе настоящаго вр. могутъ имѣть глаголы только несовершеннаго вида.

Причастіе прошедшаго времени дѣйст. зал. I также сохранилось только въ одной формѣ дѣепричастія на -wszy, -szy, общей для всѣхъ родовъ и чиселъ; -wszy принимаютъ основы на гласный: biwszy, pisawszy; szy -- основы на согласный: piekszy, plótszy. Въ XVII и особенно въ XVIII в. вошло въ обычай писать -łszy вм. -szy вслѣдствіе неправильнаго взгляда грамматиковъ на происхожденіе причастія прошедш. I отъ причастія II на -ł: piekłszy, plótłszy, rzedłszy; такое написаніе держится и досель не смотря на очевидную

его несообразность. Формы на -wszy и szy — собственно формы женскаго рода ед. ч., сдѣлавшіяся общими для всѣхъ родовъ обѣихъ чиселъ. Въ старомъ языкѣ не рѣдки краткія формы на -w для муж. и сред р.: obrociw (Флор. пс.), wstaw, napiw się, wziẃw, wypelniw, nabraw, zawolaw (Соф. библ.); любопытны формы: wyszedw (Флор. пс, Соф. библ.), padw, rzekw, wszedw (Соф. библ.). Въ современномъ яз. прич. прошед. дѣйств. I возможно только отъ глаголовъ совершеннаго вида, но въ старомъ языкѣ оно встрѣчается и у глаголовъ несовершеннаго вида: wezwawszy, skowawszy, znamionawszy (Соф б.). Полная форма причастія изрѣдка встрѣчается только отъ глагола być: bywszy, -a, -e.

Причастіе прошедшаго времени дѣйст. зал. II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. совершенно такъ какъ въ старо-слав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія: ед. ч. -ł (муж. р.), ła (жен. р.), -ło (ср. р.); мн. ч. -li (муж. р.), ły жен. и ср. р); напр.: znał, -ła, -ło, мн. ч. znali, -ły; также plótł, wiódł, niósł, wiózł, módł, umarł. Отъ этого причастія возможны полныя формы на -ły, ła, łe, употребляющіяся въ значеніи прилагательныхъ; въ настоящее время онѣ допускаются только отъ глаголовъ непереходныхъ (напр. zbiegły, posiwiały), въ старину же и отъ всѣхъ другихъ глаголовъ.

Причастіе прошедшаго времени страдат. зал. употребляется почти исключительно въ опредѣленной (или членной) формѣ, т. е. оканчивается на -ny (-na, -no) или -ty (-ta -to) Относительно образованія этихъ формъ и пользованія тѣмъ или другимъ окончаніемъ польскій языкъ слѣдуетъ старо-славянскому и другимъ славянскимъ языкамъ: bity, pojęty, kuty, kochany, rodzony, chwalony и т. п. Краткая форма слышится лишь изрѣдка: zrodzon, umęczon, ukrzyżowan и особенно въ безличныхъ выраженіяхъ: pisano, zrobiono, przykuto; также отъ непереходныхъ глаголовъ: chodzono, leżano; въ старомъ языкѣ неполныя формы встрѣчаются чаще.

Причастіе настоящаго времени страд зал. исчезло; слѣды его удержались лишь въ слѣдующихъ прилагательныхъ: widomy, kryjomy, znajomy, rzekomy, ruchomy, rodzimy, wiadomy, znikomy и łakomy. Въ старомъ языкѣ еще возможны были настоящія причастныя формы; напр.: znamy, znama, zname (Флор. пс.).

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старо-славянскими представляютъ слѣдующія особенности:

Старо-слав. яз.	Польскій яз.
Един. ч.	
1 л. -мь, -ѫ (гласн. + м) -ѭ	1 л. -m, -ę
2 л. -си, -ши (= хи = си)	2 л. (-si) -sz
3 л. -тъ.	3 л. (-t).
Множ. ч.	
1 л. -мъ	1 л. (-m), my
2 л. -те	2 л. -cie
3. л. -ѫтъ, -ѭтъ, -ѧтъ.	3 л. -ą.

1-е лицо един. ч. представляетъ двоякое окончаніе -m и -ę. Болѣе древнее -m представляютъ не только архаическіе глаголы (т. е. образующіе основу настоящаго безъ прибавки особаго гласнаго), но также и глаголы съ основой настоящаго на -a (V кл.): jesm, wiem, dam, jem, działam, kocham, znam; сверхъ того -m имѣютъ śmieć и umieć — śmiem и umiem. У архаическихъ глаголовъ -m исконно; къ другимъ глаголамъ оно перешло изъ архаическаго спряженія. Область употребленія окончанія -m въ польскомъ яз. значительно уже, чѣмъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ чешскомъ и болгарскомъ, не говоря уже о сербо-хорватскомъ, словинскомъ и словацкомъ, допускающихъ исключительно -m. Впрочемъ, въ народныхъ говорахъ иногда слышится -m въ глаголахъ, которые въ литературномъ яз. имѣютъ -ę; напр. pijem, idem. Напротивъ въ памятникахъ древняго языка встрѣчаются старинныя формы отъ глаголовъ съ основой на -a: podnaszajo (Флор. пс.), pożegnajǿ, poćwirdzajǿ, pożegnajǿ (Соф. библ.). Окончаніе -ę, свойственное всѣмъ остальнымъ глаголамъ, соотвѣтствуетъ старо-слав. ѫ; оно не смягчаетъ предшествующаго согласнаго: plotę, niosę, grzebę, piekę, pnę, mrę, biję, kipię, chwalę, piszę, biorę, dzieję, kupuję. При запутанномъ обозначеніи носовыхъ гласныхъ въ древнихъ рукописяхъ трудно рѣшить, когда именно въ польскомъ языкѣ узкій гласный ę замѣнилъ исконное пра-слав. широкое ѫ. Въ Флор. пс., Соф. библ. и др. памятн. обыкновенно стоитъ ǿ, которое

можетъ обозначать и ą и ę: wiodǫ, uciekǫ, rzekǫ, odidǫ, źywǫ (Флор. пс.), mogǫ, umrǫ, wyjmǫ, zabijǫ (Соф. библ.).

2-е лицо един. ч. Древнее окончаніе si удержалось въ видѣ ś только у существительнаго глагола: jeś (древн.), jesteś. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе sz (изъ болѣе древняго szi): wiesz, dasz, kipisz.

3-е лицо един. ч., какъ въ большей части славянскихъ языковъ, утратило исконное окончаніе -t и такимъ образомъ равняется основѣ: piecze, plecie, zna, chwali, pisze; t удержалось только у существительнаго глагола: jeść (стар. яз.) и jest (нов. яз.).

1-е лицо множ. ч. обыкновенно принимаетъ оконч. -my, первоначально усвоенное глаголами имѣющими и въ 1 л. ед. ч. -m (напр.: damy, kochamy), а потомъ перешедшее и ко всѣмъ другимъ глаголамъ: pleciemy, pieczemy, bierzemy и т. д.; впрочемъ, если 1-е л. ед. ч.— оканчивается на -ę, то въ 1 л. мн. ч. иногда допускается и -m; напр.: chodzimy и chodzim, będziemy и będziem. Оконч. -my уже въ Флор. пс.: jesmy, bǫdziemy (но и bǫdziem, wnidzem), poźrzemy, zjowimy, odchodzimy и др. Въ народныхъ говорахъ нерѣдко -ma, образовавшееся вѣроятно по аналогіи двойств. -wa -ta: znama, widzima, robima (велико-польск., куявск.).

2-е лицо множ. ч. представляетъ окончаніе -cie, вполнѣ соотвѣтствующее пра-сл. те. Въ народныхъ говорахъ нерѣдко -ta, заимствованное изъ двойственнаго числа: gonita, robita (напр. куяв. г.).

3-е лицо множ. ч. Древнее t, какъ во всѣхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ, исчезло; находимое у всѣхъ глаголовъ безъ различія классовъ окончаніе -ą одинаково соотвѣтствуетъ старо-сл. ѫтъ и ѧтъ: pieką, plotą, biją, piszą, kochają, chwalą, widzą, wiedzą. Окончаніе -ą, развившееся изъ первоначальнаго -ѧтъ, сохраняетъ передъ собой мягкій согласный: jedzą (ѩдѧтъ), kipią, siedzą, widzą (видѧтъ). Такія-же формы представляютъ уже древнѣйшіе памятники; напр.: sǫ, przydǫ, rozyjdǫ sie, rzekǫ, mowiǫ, uzrzǫ (Флор. пс.), zemrǫ, obrzucǫ, bieżǫ (Соф. библ.), rozidǫ sie (Пулав. пс.) и др. Польскому -ą въ 3 л. мн. ч. въ чешск. и серб. яз. соотвѣтствуютъ долгіе гласные -ou (ú), ȳ: plotą — чеш. pletou (др.-ч. pletú), серб. плѐтȳ, mogą—mohou (mohú), мо̏гȳ; между тѣмъ -ę въ 1 л. ед. ч. (=старо-слав. ѫ) въ указанныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ краткіе гласные: plotę—pletu, плету, mogę—mohu, могу.

Двойственное число, хотя только въ остаткахъ, держалось въ письменномъ языкѣ до XVI ст. Оно представляетъ слѣдующія окончанія: а) 1 л. -wa (муж. р.), -wie (жен. р., рѣдко); б) 2 и 3 л. -ta; напр.: jeswa, jesta (Флор. пс., Соф. библ.), pojdziewie (Соф. библ.), 2 л. jidzieta, bǫdzieta, znata (Соф. библ.), 3 л. zrzyta, zginieta (Флор. пс.), poniesieta, umrzeta, uzrzyta; dowiewa sie, chcewa (Кохановск.), odprawiwa (Клёновичъ). Въ народныхъ говорахъ кое-гдѣ доселѣ держатся настоящія формы двойств. ч.: jesteśwa, byliswa, mawa, jewa (малопольск. гов. и др.). Чаще древнія окончанія двойств. -ta, -wa и образованное по аналогіи послѣднему -ma служатъ суффиксами мн. ч.; напр.: każewa, wróciwa, będziewa, będzieta, będziema, jedzieta, jedziema и т. п.

Настоящее время.

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ такъ-наз. архаическихъ глаголовъ (древн. jeśm, dam, wiem, jem) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -e (-o), -i, -a; напр.: pleciesz, pleciecie, piecze, pieczemy, kipisz, kipi, chwalicie, działam, działacie.

Гласн. e (пра-слав. происх.) выступаетъ въ 2 и 3 л. ед. ч. и въ 1 и 2 лл. мн. ч.; въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. гласный основы — первичное -o (замѣняющее e) скрывается въ окончаніяхъ ę (= ж) и ą (= ѫтъ): pieczesz, piekę, pieką. Это e всегда смягчаетъ предшествующій согласный: niesiesz, pleciesz, wiedziesz, grzebiesz и т. д.

Иногда -e представляетъ стяженіе первичной группы ěje (III кл. Г): umiem, umiesz и т. д. изъ umiejem, umiejesz и т. д.; нестяженная форма удержалась только въ 3 л. мн. ч. umieją. Ср. чешскій и словацкій яз., 169, 311.

Гласн i—пра-славянскаго происхожденія; какъ въ старо-слав. и русск. яз. онъ является въ 2 и 3 л. ед. ч. и въ 1 и 2 л. мн. ч.; а въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. слѣдъ древняго -i (перешедшаго въ j) сохранился въ смягченіи согласнаго, предшествующаго окончанію: kipis , chwalisz, kipię, chwalę, kipią, chwalą. Впрочемъ въ 1 л. мн. ч. живая рѣчь часто представляетъ -e, несомнѣнно возникшее подъ вліяніе основъ настоящаго на -e: leciemy, chodziemy вм. lecimy.

Гласн. -a, какъ въ большей части славянскихъ языковъ, образовался чрезъ стяженіе изъ первичн. aje: działam, działasz и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч. działają; въ русск. и старо-слав. яз. не бываетъ стяженія: дѣлаешь, дѣлающи.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляетъ особыя формы только во 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. Въ един. ч. личныя окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. ч. тѣже, что и въ наст. вр. Основа оканчивается всегда на -i; древнее ѣ, свойственное многимъ глаголамъ въ старо-слав. и чешск. яз., уже не существуетъ; оно вездѣ замѣнено -i, которое собственно принадлежитъ основамъ настоящаго на -i; напр.: przydzicie (Флор. пс.), pogrzebicie (Соф. библ.), старо-сл. придѣте, погребѣте.

Однако і (какъ въ чешскомъ и друг. яз.) обыкновенно исчезаетъ, лишь оставляя послѣ себя слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго: pleć, plećmy, plećcie, nieś, nieśmy, nieście, grzeb', grzebcie, siedz, siedźmy, siedźcie, bądź, bądźmy; g и k смягчаются въ шипящіе а не свистящіе какъ въ старо-слав.: piecz, pieczmy, pieczcie, pomóż, pomóżmy, pomóżcie; быть можетъ здѣсь слѣдуетъ видѣть аналогію формамъ настоящаго вр.; тоже въ словацк. яз., 311; шипящіе не смягчаются: pisz, piszmy, piszcie. Исчезновеніе і наблюдается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: bǫdz, wytargń, uslysz, uczyń, bǫdzcie, podnieście (Флор. пс.).

I сохраняется, когда стоитъ подъ удареніемъ или послѣ нѣсколькихъ согласныхъ; напр.: pni, pnimy, pnicie; dźwigni, dźwignicie. Однако въ новомъ языкѣ вм. i обыкновенно ij (по аналогіи глаголовъ, имѣющихъ гласный передъ -i): pnij, pnijmy, pnijcie, mrzyj, mrzyjmy, mrzyjcie, dźwignij, dźwignijmy; ij является въ языкѣ въ XVI в., и особенно развивается въ XVII и XVIII в.; параллельно входитъ въ употребленіе ej (порицаемое новѣйшими грамматиками): weźmiej, umrzej.

Послѣ гласныхъ i (какъ въ другихъ слав. яз.) переходитъ въ j: umiej, bij, kupuj.

Старо-слав. виждь, каждь, яждь соотвѣтствуютъ—widz, wiedz, jedz.

3-е лицо един. и множ. ч. выражается соотвѣтственными формами изъявительнаго накл. съ прибавленіемъ частицы niechaj, niech; напр.: niechaj или niech plecie, niechaj или niech plotą. Въ старомъ языкѣ 3-е л. могло совпадать со 2 л.: świerdzona bądź ręka twoja i powyszona bądź prawica twoja, spadńcie od myśli swych (Флоріан. пс.); и въ современномъ языкѣ сохранились выраженія: bądź co bądź, pomagaj Bóg.

Въ народныхъ говорахъ (какъ въ изъявительномъ накл.) въ 1 л. мн. ч. встрѣчается оконч. -ma: kópma, zróbma, spuśćma.

Въ старомъ яз. существовали и формы двойств. ч.; напр.: wynidziwa, pokusiwa, wnićta, wrócta się, uszy twoi posłuchajta (Соф. б.).

Утрата прошедшихъ простыхъ.

Въ настоящее время польскій языкъ уже незнаетъ прошедшихъ простыхъ; но въ старину въ немъ еще существовали эти времена, и преходящее и аористъ. Впрочемъ исчезновеніе ихъ изъ языка началось такъ рано, что въ древнѣйшихъ памятникахъ сохранились отъ нихъ лишь самые скудные остатки, на основаніи которыхъ трудно возстановить въ полномъ видѣ спряженіе утраченныхъ временъ.

Аористъ. Molwich (Флоріан. пс.), bych, by, bychowa, bychwa, bysta, bychom, byście, bychę (Флор. пс., Соф. б. и др.). Форма bych и др. употреблены только въ соединеніи съ прич. дѣйствит. на -ł въ значеніи условнаго наклоненія; онѣ живутъ и теперь въ языкѣ только въ измѣненномъ видѣ: 1 л. ед. ч. bym, 2 л. byś, 3 л. by; 1 л. мн. ч. byśmy, 2 л. byście, 3 л. by.

Преходящее. 1 л. molwiach (Флор. пс.), 2 л. biesze (Флор. пс.), mołwiasze (Флор., Пулав. пс.), wychodzasze (Пул. пс.); 3 л. мн. ч. biechę, błagosławiachę, juczachę, potopiachę, poklinachę, spienachę, szukochę, przysięgachę, mijachę.

Прошедшія сложныя.

Утративъ прошедшія простыя, польскій языкъ сохранилъ прошедшія сложныя, которыя въ общемъ образуются такимъ-же образомъ, какъ въ старо-славянскомъ, чешскомъ, словацкомъ и южно-славянскихъ языкахъ, т. е. черезъ соединеніе причастія прошедш. дѣйств. II съ разными формами существительнаго глагола (jeśm). Въ частностяхъ польскій языкъ представляетъ здѣсь нѣкоторыя особенности.

Прошедшее совершенное состоитъ изъ причастія прошед. дѣйств. II и настоящаго времени глагола jeśm. Соединеніе этихъ глагольныхъ элементовъ въ полномъ видѣ наблюдается только въ старомъ языкѣ; въ новое же время утвердилась особая сокращенная форма сложнаго прошедшаго, обусловленная видоизмѣненіями существительнаго глагола. Первоначально настоящее время этого глагола спрягалось та-

такимъ образомъ: jeśm, jeś, jeść или jest, jesmy, jeście, są. Уже въ глубокой древности эти формы стали подвергаться сокращенію: изъ ieśm образовалось сначала esm, sm, а потомъ, em, m; изъ jeś—eś; изъ jeśmy—śmy; изъ jeście—ście. Древній типъ прошедш. соверш. состоялъ въ соединеніи прич. на ł съ полными формами глагола jesm; напр.: отъ pisać:

Един. ч.	Множ. ч.
1 л. pisał, -a, -o jesm	1 л. pisali, -ły śmy
2 л. pisał, -a, -o jeś	2 л. pisali, -ły ście
3 л. pisal, -a, -o jest.	3 л. pisali, -ły są.

Напр. въ Флор. пс.: porodzył iesm, ugotował ies, mislili sę. Въ народныхъ говорахъ и теперь еще попадаются подобныя формы: Dosyć jeś narobiła, nie był sem zbójniczkiem.

Съ теченіемъ времени съ причастіемъ стали соединяться сокращенныя формы существительнаго глагола, и въ 3 л. един. и множ. ч. вспомогательный глаголъ началъ мало-по-малу исчезать и наконецъ сдѣлался совсѣмъ ненужнымъ. Такъ образовался новый видъ прошедшаго времени:

Един. ч.	Множ. ч.
1 л. pisałem, pisałam, pisałom	1 л. pisalismy, pisałysmy
2 л. pisałes, pisałaś, piėałoś	2 л. pisaliscie, pisałyscie
3 л. pisał, pisała, pisało.	3 л. pisali, pisały.

Во множ. ч. энклитики smy, ście тѣсно сливаются съ причастіемъ въ одно слово, тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ удареніе слышится на 3-мъ слогѣ отъ конца. Существительный глаголъ можетъ отдѣляться отъ причастія и соединяться съ какимъ-либо предшествующимъ словомъ; напр.: мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ, союзомъ; напр.: jam płynął вм. płynąłem, wyscie zrobili вм. zrobiliście, myśmy chcieli, gdzies był вм. gdzie byłes, com zrobił вм. co zrobiłem.

Въ старомъ яз и нѣкоторыхъ народныхъ говор. въ 1 л. ед. ч. вм. em слышится ech, а въ 1 л. мн. ч. вм. smy—chmy: popudziłech, mówiłech, widziałech, widzielichmy, cochmy widzieli. Въ этомъ ch, по всей вѣроятности, нужно видѣть вліяніе аориста (bych). Ср. подобныя же формы въ моравскихъ говорахъ стр. 212.

Давнопрошедшее состоитъ изъ прошедшаго соверш. существительнаго глагола и причастія прошедш. дѣйств. II; напр.: robiłem był или jam był robił (произошло изъ robił — był — jeśm), 3 л. był robił.

Будущее время.

У глаголовъ несовершеннаго вида будущее время выражается: 1) соединеніемъ глагола będę (бѫдѫ) съ неопредѣленнымъ накл. спрягаемаго глагола; напр. pisać będę; 2) соединеніемъ глаг. będę съ прич. прош. дѣйств. на -ł: będę pisał. Въ первомъ случаѣ неопредѣленное накл. обыкновенно предшествуетъ существительному глаголу, во второмъ—причастіе слѣдуетъ за вспомогательнымъ глаголомъ. Впрочемъ встрѣчаются и отступленія отъ этого закона.

У глаголовъ совершеннаго вида будущее передается посредствомъ настоящаго: dam.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе настоящаго времени выражается соединеніемъ причастія прош. дѣйств. II съ древнимъ аористомъ существительнаго глагола—bych. Болѣе исконныя формы этого времени находятся только въ памятникахъ стараго языка: bych spadł, bych wypowiedział, by pomniał, abychom poznali, byście powiadali, bychó wiedziali (Флор. пс.). Ср. выше стр. 485. Позже (съ к. XV и въ XVI ст.) являются формы, образованныя по аналогіи прошедшаго сложнаго: bym, byś, by, bysmy, byscie, by. Отсюда въ современномъ языкѣ настоящее условнаго накл. звучитъ такимъ-образомъ: pisałbym, pisalabym, pisałobym, pisalbyś, pisałby, pisalibysmy, pisałybysmy, pisalibyscie, pisaliby. Впрочемъ въ народныхъ говорахъ встрѣчаются и болѣе древнія формы: pisałbych, pisalibychmy.

Прошедшее время передается посредствомъ соединенія условнаго настоящаго существительнаго глагола byłbym съ прич. прош. дѣйст. II спрягаемаго глагола; напр.: byłbym pisał, bylabym pisała, byłobym pisało.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается: 1) соединеніемъ мѣстоименія się съ дѣйствительныхъ залогомъ: pisze się; 2) соединеніемъ причастія

прошедш. страдат. съ глаголомъ существительнымъ: **jeśm, jeśtem, bywam** или замѣняющаго его **zostać**; напр.: będę pisany; ojciec jest kochany od dzieci; zostałem bity. Впрочемъ въ польскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, страдательному залогу обыкновенно предпочитается дѣйствительный: dzieci kochaja ojca. Весьма характерно употребленіе страдательнаго залога въ безличной формѣ: zrobiono jest, spano, plakano, jedzono, odpoczęto и т. п.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня, относятся: jésm, dam, wiem, jem.

1) *Существительный глаголъ.*

Основа jes.

Настоящее вр.

Старинный видъ.			Новый видъ.		
Ед. ч.	1 л.	jeśm	Ед. ч.	1 л.	jestem
	2 л.	jeś		2 л.	jesteś
	3 л.	jeść (jest).		3 л.	jest.
Мн. ч.	1 л.	jeśmy	Мн. ч.	1 л.	jesteśmy
	2 л.	jeście		2 л.	jesteście
	3 л.	są (=jesątь).		3 л.	są.
Дв. ч.	1 л.	jeswa			
	2 л.	jesta			
	3 л.	jesta.			

Пра-славян. je раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.; но и другія формы уже въ глубокой древности стали замѣняться сокращенными: вм. **jeśm** явилось — **em, m**; вм. **jeś** — **es, ś**; вм. **jeśmy** — **śmy**[1]); вм.

---

[1]) Мягкое ś здѣсь стоитъ неорганически вм. s.

ſeście—ście. Эти сокращенныя формы не только служатъ для образованія прошедшаго сложнаго (см. выше стр. 486), но и доселѣ живутъ въ языкѣ въ значеніи настоящаго врем.; напр.: gotówem umrzeć, nie wiedział, żem żołnierz, Jam Bóg wasz, winienes jego śmierci, wyście dobrzy и т. п. Онѣ энклитики и сливаются въ одно цѣлое съ словомъ, къ которому примыкаютъ (ср. парагр. объ удареніи стр. 436). Гласный e въ—em, eś (widziałem, widziałeś, gotówem) объясняютъ различно: одни (напр. Миклошичъ) видятъ въ немъ вставочный звукъ, другіе (напр. Брандтъ)—считаютъ e за элементъ глагола jesm; послѣднее мнѣніе, кажется, болѣе правдоподобно.

Новый видъ настоящаго jestem, jesteś и т. д образовался по аналогіи прошедшаго сложнаго. Подобно тому какъ формы byłem, byłes представлялись въ сознаніи говорящихъ производными отъ формы 3 л. był и форма 3 л. настоящаго jest принята за основу, отъ которой образовали сперва 1 и 2 л. ед. ч. а потомъ и множ. черезъ прибавку сокращенныхъ формъ существительнаго глагола. Jestem—jesteś являются въ первый разъ въ полов. XV ст.—въ Софійск. библ. (въ Флор. пс., Пулав. пс., древнихъ ротахъ еще нѣтъ такихъ формъ, а только jesm, или сокращен. esm, sm, jeś) и окончательно утверждаются въ XVI ст. Въ эту же пору въ параллель bylismy, byliscie создаются искусственныя формы множ. ч. sąsmy, sąscie; напр.: sąśmy wzdięczni, jeslichmy my są, bowiemechmy są, żechmy są (старопечатн. псалт., 1558 г.), mychmy są (Кохан.), wyscie są (Скарга). Послѣднія однако не долго держались и были замѣнены пригнанными къ един. ч.—jesteśmy, jeśteście. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ (напр. брезинскомъ) доселѣ слышатся sǫmy (вм. sąśmy) и sǫście.

Формы —jest-e-m, jest-e-ś, jest-e-śmy, jest-e-ście могутъ и раздѣляться на составныя части: jam jest, tyś jest и т. д.

Въ народныхъ говорахъ вм. jestem встрѣчаются: jezdem (лясовс. гов., брезинск. гов.), jestech, jesech, jezech.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ będe (będo) и by.

Настоящее (въ значеніи будущаго).

Ед. ч. 1 л.	będę	Мн. ч. 1 л.	będziemy
2 л.	będziesz	2 л.	będziecie
3 л.	będzie.	3 л.	będą.

Повелит. н. bądź, bądźmy, bądzcie; Прич. наст. będąc.

Będę слѣдуетъ глаголамъ I кл.

Неопред. накл. być; Прич. прош. дѣйств. II był, -a, -o; Прич. прошед. дѣйст. I bywszy; Прич. прош. страд. (prze-, od-) byty, -a, -e; Аористъ bym, byś, by, byśmy, byście, by (древн. формы—bych, by, by, bychom или bychmy, byście, bychọ; двойств. ч. bychwa, bysta).

Прошедшее вр.

	Един. ч.	Множ. ч.
1 л.	byłem, byłam, byłom	byliśmy (м. р.), byłyśmy (ж. и ср. р.).
2 л.	byłeś, byłaś, byloś	byliście, byłyście
3 л.	był, była, było.	byli, były.

Условное накл.

	Един. ч.	Множ. ч.
1 л.	byłbym, bylabym, byłobym	bylibyśmy (м. р.), byłybyśmy ж. ср. р.)
2 л.	byłbyś, byłabyś, byłobyś	bylibyście, bylybyście
3 л.	byłby, byłaby, byłoby.	byliby, bylyby,

2) Основа **dad**.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л. dam	Мн. ч.	damy	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч.	dajmy
	2 л. dasz		dacie		2 л. daj		dajcie
	3 л. da		dadzą.				

Неопред. накл. dać; Прич. наст. дѣйств. dając; Прич. прош. дѣйств. I dawszy; Прич. прош. дѣйств. II dał, -a, -o; Прич. прош. страд. dany; Прошедшее dałem; Давнопрош. dałem był; Условное dał bym, byłbym dał.

Отъ древней основы dad образованы только dam (изъ dadm), damy (изъ dadmy) и dadzą. Всѣ остальныя формы настоящ. и повелит. накл. образованы по V кл. (działam); dadzą (въ древн. памят. dadzọ) вм. ожидаемаго dadzią (ср. старо-слав. (дадать).

3) Основа **wied**.

Настоящее.				Повелительное.		
Ед. ч.	1 л. wiem	Мн. ч.	wiemy	Ед. ч.	1 л. —	Мн. ч. wiedzmy
	2 л. wiesz		wiecie		2 л. wiedz	wiegzcie
	3 л. wie		wiedzą.			

Неопред. н. wiedzieć; Прич. наст. дѣйст. wiedząć; Прич. прош. дѣйст. I wiedziawszy; Прич. прош. дѣйст. II wiedział, -a, -o; Прич. наст. страд. wiadomy; Прич. прош. страд. wiedziany; Прошедшее wiedziałem; Давнопрошедшее wiedziałem był; Условное wiedzialbym, byłbym wiedział; Будущее będę wiedział или wiedzieć będę.

Отъ древней основы **wied** образованы только wiem, wiemy, wiedzą и формы повелит. н.; остальныя формы изъявит. н. возникли по аналогіи глаг. umiem, umiesz; тому-же образцу слѣдуютъ формы, образованныя отъ основы неопред. н.; wiedzą вм. ожидаемяго wiedzią (ср. старо-славян. вѣдѧть), также и прич. wiedząc вм. ожидаемаго wiedziąc (въ Флор. пс. wiedząc и wiadąc).

Въ старомъ яз. вм. **wie** иногда **wi**: powi, dowicie (Шимоновичъ), wicie (глоссы XV в.). Во 2 и 3 л. ед., 1 и 2 мн. ч. и повелит. н. нѣкоторые пишутъ **é**: wié, wiémy, wiédz и т. д.

4) Основа **jed**.

Настоящее.				Повелительное.		
Ед. ч.	1 л. jem	Мн.	jemy	Ед. ч.	1 л. —	Мн. jedzmy
	2 л. jesz		jecie		2 л. jedz	jedzcie
	3 л. je		jedzą			

Неопред. накл. jeść; Прич. наст. дѣйст. jedząc; Прич. прош. дѣйств. I jadszy; Прич. прош. дѣйств. II jadł, -a, -o; Прич. прош. страд. jedzony; Прошедшее jadłem; Давнопрошедшее jadłem był; Условное н. jadłbym, byłbym jedł; Будущее będę jadł или jeść będę.

Въ настоящемъ вр. (за исключеніемъ 3 л. множ. ч.) и повелит. н. многія пишутъ **é**: jém, jédz и др.

Отъ древней основы jed образованы только jem, jemy, jedzą и формы повелит. н. Вм. jedzą, jedząc слѣдовало ожидать jedzią, jedziąc (ср. старо-слав. ꙗдѧтъ).

Формы отъ основъ неопред. н. слѣдуютъ глаголамъ I кл.

Спряженіе съ характерной примѣтой настоящаго времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -o, -e; 2) основы на -no, -ne; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i; 5) основы на -a. Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

Основы на -o, -e.

A. *Вторая основа не имѣетъ суффикса* (т. е. равна корню).

Неопредѣленное. н. pleść, nieść, grześć, piec, piąć, mrzeć.

Настоящее

Един. ч.

1 л.	plotę	niosę	grzebę	piekę	pnę	mrę
2 л.	pleciesz	niesiesz	grzebiesz	pieczesz	pniesz	mrzesz
3 л.	plecie	niesie	grzebie	piecze	pnie	mrze.

Множ. ч.

1 л.	pleciemy	niesiemy	grzebiemy	pieczemy	pniemy	mrzemy
2 л.	pleciecie	niesiecie	grzebiecie	pieczecie	pniecie	mrzecie
3 л.	plotą	niosą	grzebą	pieką	pną	mrą.

Повелительное.

Един. ч.

2 л.	pleć	nieś	grzeb	piecz	pnij	mrzyj.

Множ. ч.

1 л.	plećmy	nieśmy	grzebmy	pieczmy	pnijmy	mrzyjmy
2 л.	plećcie	nieście	grzebcie[1])	pieczcie	pnijcie	mrzyjcie.

Прич. наст. дѣйствит. plotąc, niosąc, grzebąc, piekąc, pnąc (trąc); Прич. прош. дѣйств. I plótszy, niószy, grzebszy, piekszy, piąwszy, marszy; Прич. прош. дѣйствит. II plótł, niósł, grzebł, piekł, piął, marł; Прич. прош страд. pleciony, niesiony, grzebiony, pieczony, pięty (tarty); Прошедшее plótłem, niósłem, grzebłem, piekłem, piąłem, marłem; Давнопрошедшее plótłem, niósłem, grzebłem, piekłem, piąłem, marłem był; Будущее będę plótł, niósł, grzebł, piekł, piął или pleść, nieść, grześć, piec, piąć będę. Условное plótł bym, niośl bym и т. д., był bym plótł, niósł и т. д.

По образцу pleść спрягаются глаголы, у которыхъ основа неопредѣл. н. оканчивается на -d, -t: gnieść, miesć, bość, kłaść, kraść, paść, prząść, sieść и siąść, wieść; въ стар. яз.: czyść (наст. вр. cztę, czciesz, czcie, 3 л. мн. ч. cztą), теперь czytać, właść, теперь władać, gąść (играть); rość и kwiść уже спрягаются по II кл.: rosnę, kwitnę, kraść и paść также образуютъ основу настоящаго на -no, -ne: kradnę, padnę; isć въ стар. яз. было ić; прич. прош. дѣйств. I и II замѣняются формами отъ основ. szed: szedszy, szedł (d исчезаетъ, когда слово становится двусложнымъ: szła, szło); sied въ основ. наст. превращ. въ sięd, siąd: siądę, siędziesz, siądź; jadę (jedziesz) образуетъ неопред н. и другія связанныя съ нимъ формы отъ основы jecha: jechać, jechał. Къ этому-же классу относятся: będę, и многія формы глагола jeść (ср. выше).

Отъ plótł жен. и ср. р. plotła, -o и pletła, -o; во мн. ч. только pletli, wiedli.

По образцу nieść спрягаются глаголы съ основой неопредѣленнаго на -s, -z: paść, trząść (trżąsę, trzęsiesz, 3 л. мн. trząsą, trząsł), grzyść, leść (lazszy, lazł, lezę, leziesz), wieść.

Отъ niósł—жен. и ср. р. niosła, -o и niesła, -o.

По образцу grześć въ настоящее время спрягается еще основа plew и то лишь отчасти (on plewie, plewiony); оба глагола часто замѣняются другими: grzebać и pleć. Въ старомъ яз. сюда относились

[1]) Пишутъ и grzeb' grzeb'my, grzebcie; но произносятъ: grzep, grzebmy, grzepcie.

skuść (осн. skub), żyć (осн. żyw), осн. syp; изъ нихъ skuść вышло изъ употребленія, żyw (въ стар. яз. żywę. żywiesz, повел. н. używ) и syp уступили мѣсто болѣе краткимъ основамъ—ży, su (żyję).

По образцу piec спрягаются глаголы съ основой неопред. накл. на -k, -g: cieć, rzec, tłuc, siec, wlec, biec (чаще biegnę чѣмъ biegę), lec, móc, prząc (przeg), siąc (sięg), strzec, strzyc, żec (zażec — żeg); основа leg чередуется съ lęg: lęgę, ląc и lec, lągł и legł, lągszy и legszy; отъ lęk (пугаться) возможны ząc się, ząkszy się, ząkł się, остальныя формы отъ lekać или zlęknąć się.—Совершенно ошибочно, установившееся однако издавна, написаніе неопредѣлен. н. съ окончаніемъ dz вм c у глаголовъ, корень которыхъ заканчивается g: biedz, módz, ledz вм. biec, móc, lec; поводомъ къ такому неправильному правописанію очевидно послужило смягченіе въ извѣстныхъ случаяхъ g въ dz (noga, nodze и т. п.).

Объ измѣненіи g, k передъ гласными и въ повелит. н. см. выше въ отдѣлѣ фонетики (стр. 430).

По образцу piąć спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на -n, -m: dąć, żąć (жьм), żdżąć (=zżąć), jąć, wziąć (za)cząć, kląć, miąć (мнь), ciąć, żąć (жнь).—Конечные согласные корня -n, -m выступаютъ только въ основѣ настоящаго: pnę; въ основѣ-же неопредѣлен. они еще въ до-историческую пору слились съ предшествующими гласными въ носовой гласный, который въ современ. яз. является только въ видѣ ą (=старо-слав. ѧ и ѧ, дѧти, клѧти).— Въ неопред. н. передъ конечнымъ c вм. e многіе пишутъ é: piéc, siéc.

По образцу mrzeć спрягаются глаголы, у которыхъ корень прежде оканчивался на гласные -l, -r: drzeć, przeć, trzeć, (rozpo)strzec, wrzeć (запирать), wrzeć и wreć (кипѣть), żreć, mleć, pleć.—Ml и pl въ наст. вр. имѣютъ mielę, pielę, miolę, piolę или melę, pelę; въ повелит. н. miel, piel или mel, pel; въ прич. прош. дѣйств. I domełszy, wypełszy; въ прич. прош. дѣйств. II meł, pełł, а прежде mioł, pioł.—Wrzeć или wreć можетъ смягчать и не смягчать r: wrę, wrzesz и wresz.

Отъ основы pr: przę, przesz, повелит. prżyj, прич. prąc, parszy, parł, parły; przeć въ значеніи спорить въ старомъ яз. измѣнялось по III кл.: przę, przysz, przy; prząc, przawszy, przał, przany.

Б. *Вторая основа образована суфф.* **а**.

Неопредѣленное н. **brać**.

Настоящее.			Повелительное.
Ед. ч. 1 л. biorę	Мн. ч. bierzemy		Ед. ч. 2 л. bierz
2 л. bierzesz	bierzecie		Мн. ч. 1 л. bierzmy
3 л. bierze	biorą.		2 л. bierzcie.

Прич. наст. дѣйст. biorąc; Прич. прош. дѣйст. I brawszy; Прич. прош. дѣйст. II brał; Прич. прош. страд. brany; Прошедшее brałem; Давнопрошедшее brałem był; Будущее będę brał или brać będę; Условное brałbym, byłbym brał.

Сюда относятся: gnać (наст. żenę, въ старомъ яз. было и żonę, теперь чаще отъ основы goni), ssać (наст. ssę и ssię), zwać (наст. zwę и zowię), rwać (наст. rwę и rwię), łgać (наст. łgę и łżę), tkać (наст. tkę и tczę), żwać, prać (piorę).

Во всемъ спряженіи глаголовъ I кл -e основы настоящаго смягчаетъ предшествующій согласный.

Разнообразныя, измѣненія которымъ подвергаются коренные гласные и согласные перечисленныхъ глаголовъ, объяснены въ отдѣлѣ фонетики.

Второй классъ.

Основы на -no, -nie (ńe).

Неопредѣленное н. dźwignąć.

Настоящее.		Повелительное.
Ед. ч. 1 л. dźwignę	Мн. dźwigniemy	Ед. ч. 2 л. dźwignij
2 л. dźwigniesz	dźwigniecie	Мн. ч. 1 л. dźwignijmy
3 л. dźwignie	dźwigną.	2 л. dźwignijcie.

Прич. наст. дѣйствит. (płynąc); Прич. прош. дѣйств. I dźwignąwszy; Прич. прош. дѣйств. II dźwignął; Прич. прош. страд. dźwigniony; Прошедшее dźwignąłem; Давнопрошедшее dźwignąłem był; Условное dźwignął bym, byłbym dźwignął.

Къ этому классу относятся глаголы, у которыхъ основа неопредѣлен. н. образована приставкой ną (=старо-слав. нж), напр.: stanąć, zasnąć, schnąć, płynąć, minąć, gasnąć, wiednąć и др.

Многіе глаголы въ прич. прош. дѣйствит. II теряютъ ną: kradł, kładł, schudł, głuchł, rzekł и т. п.; иные допускаютъ двоякія формы; напр.: zgasnął и zgasł, pęknął и pękł. Тоже относится и къ причастію на -szy.

Вм. gnąć, gnął—giąć, giął; наст. вр. gnę, gniesz.

Прич. прош. страдат. нерѣдко принимаетъ неорганич. оконч. -t; напр.: dźwignięty, pchnięty.

Третій классъ.

Основы на -jo, -je

А. *Вторая основа равна корню.*

Неопредѣленное н. bić.

Настоящее.				Повелительное.		
Ед. ч.	1 л.	biję	Мн. ч. bijemy	Ед. ч.	2 л.	bij
	2 л.	bijesz	bijecie	Мн. ч.	1 л.	bijmy
	3 л.	bije	biją.		2 л.	bijcie.

Прич. наст. дѣйст. bijąc; Прич. прош. дѣйст. I biwszy; Прич. прош. дѣйств. II bił; Прич. прош. страд. bity; Прошедшее biłem; Давнопрошедшее biłem był; Будущее będę bił или bić będę; Условное biłbym, byłbym bił.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣленнаго на -i, -y, -u, отчасти на -a, -e: gnić, pić, szyć, wić, czyć (въ стар. яз.), kryć, myć, ryć, tyć, wyć, żyć, być, bluc (стар. яз.), czuć, kluć, knuć, kuć, pluć, psuć, szczuć, snuć, truć, ob(uć), żuć; также kłóć (пишутъ и kluć, наст. вр. kolę), próc (и pruć, porę), dać (ср. выше стр. 490), pieć (pieję въ стар. яз. poję), źrzeć; znać и smieć имѣютъ только стяженныя формы и слѣдуютъ первый V кл., второй III кл. Г; глаг. stać обыкновенно замѣняется stanąć.

Б. *Вторая основа образована суфф.* **а.**

Неопредѣленное н. **pisać**, **dziać**.

Настоящее.				Повелительное.			
Ед. ч.	1 л.	piszę	dzieję	Ед. ч.	2 л.	pisz	dziej
	2 л.	piszesz	dziejesz	Мн. ч.	1 л.	piszmy	dziejmy
	3 л.	pisze	dzieje		2 л.	piszcie	dziejcie.
Мн. ч.	1 л.	piszemy	dziejemy				
	2 л.	piszecie	dziejecie				
	3 л.	piszą	dzieją.				

Прич. наст. дѣйст. pisząc, dziejąc; Прич. прош. дѣйст. I pisawszy, dziawszy; Прич. прош. дѣйств. II pisał, dział; Прич. прош. страд. pisany, dziany; Прошедшее вр. pisałem, działem; Давнопрошедшее pisałem był, działem był; Будущее będę pisał, dział или pisać, dziać będę; Условное pisałbym, działbym, byłbym pisał, dział.

По образцу **pisać** спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ вліяніемъ j этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: orać—orzę, karać—korzę, słać—ślę (слать), słać (стлать)—ścielę, łamać—lamię chrapać—chrapię, drapać—drapię, deptać (топтать)—depcę, głodać—głodzę, strugać — strużę, płakać — płaczę, skakać — skaczę, kazać — każę, chłostać —chłoszczę, gwizdać — gwiżdżę, zyskać — zyszczę, lizać—liżę, drzemać—drzemię и др.

Нѣкоторыя глаголы могутъ образовать формы и по V кл.: kłamam и kłamię, kołatam и kolacę, strugam и strużę, guzdram и guzdrzę, kąsam и kąszę.—Глаголы на **tać** имѣютъ иногда настоящее на **czę** вм. **cę**, что Малэцкій приписываетъ вліянію русскаго яз.; plątać имѣетъ только plączę, plącz, plącząc.

По образцу **dziać** спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный: grzać (наст. grzeję), wiać (wieję), wrzać (wrzeję), lać (leję), chwiać (chwieję), piać (pieję), śmiać się (śmieję się), siać (sieję), ziać (zieję), bajać (baje), kajać się (kaję się), krajać (kraję), łajać (łaję), tajać (taję).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что ịja, ięja (=старо-слав. ия, ѣя) стягиваются въ ia лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: siać, siał и sieję, но łajać, łajał. Напротивъ въ чешск. яз. вездѣ стяженіе: báti se, káti se.

Нѣкоторые глаголы допускаютъ двоякія основы неопредѣленнаго: blwa, żwa, klwa, knowa, kowa, plwa, psowa, zrza, smia и blu, żu, klu, knu, ku, plu, psu, zrze, śmie (по III кл.); напр.: psowac, psował и psuć, psuł и т. п.; рядомъ съ wrzać существуетъ и wrzeć, przać и przeć. Неопредѣл. dawać, znawać (poznawać), stawać соотвѣтствуютъ настоящ. daję, poznaję, staję, но повелит. н. dawaj, poznawaj.

B. *Вторая основа образована суфф.* **-owa**.

Неопредѣленное н. **kupować**.

Настоящее.				Повелительное.	
Ед. ч.	1 л. kupuję	Мн. ч.	kupujemy	Ед. ч.	2 л. kupuj
	2 л. kupujesz		kupujecie	Мн. ч.	1 л. kupujmy
	3 л. kupuje		kupują.		2 л. kupujcie.

Прич. наст. дѣйст. kupując; Прич. прош. дѣйст. I kupowawszy; Прич. прош. дѣйст. II kupował; Прич. прош. страд. kupowany; Прошедшее kupowałem; Давнопрошедшее kupowałem był; Будущее będę kupował или kupować będę; Условное kupowałbym, byłbym kupował.

Сюда относятся многочисленные глаголы, образованные приставкой -owa: nicować, obcować, miłować, panować, rysować, wojować, biedować и др.

По данному образцу могутъ измѣняться также глаголы, у которыхъ вторая основа образована приставкой -ywa и которыя слѣдуютъ также и V кл.: spisywać, wygadywać, poszukiwać, zwoływać, czytywać, przysłuchiwać się; напр. podpisywam и podpisuję, wywoływam и wywołuję, rozczytywam и rozczytuję и т. п. Первоначально эти глаголы оканчивались на -awać и измѣнялись исключительно по V кл. Повелит. накл. и теперь у нихъ оканчивается предпочтительнѣе на -ywaj, чѣмъ на -uj (особенно при отрицаніи): nie czytywaj, nie zwoływaj и т. д.

Приставка -owa образовалась изъ ua; глагольная основа оканчивается на -u, которое выступаетъ въ настоящемъ вр.

Г. *Вторая основа равна глагольной основѣ, образованной зв.* e (=ѣ).

Неопредѣленное н. boleć.

Настоящее.				Повелительное.		
Ед. ч.	1 л. boleję	Мн. ч.	bolejemy	Ед. ч.	2 л.	bolej
	2 л. bolejesz		bolejecie	Мн. ч.	1 л.	bolejmy
	3 л. boleje		boleją.		2 л.	bolejcie.

Прич. наст. дѣйств. bolejąc; Прич. прош. дѣйств. I bolawszy; Прич. прош. дѣйств. II bolał; Прич. прош. страд. (rozumiany); Прошедшее bolałem; Давнопрошедшее bolałem był; Будущее będę bolał или boleć będę; Условное bolałbym, byłbym bolał.

Сюда относятся многочисленные производные глаголы: kamienieć, dnieć, okaleczeć, wypsieć, niszczeć, siwieć, ubożeć, starzeć się, istnieć, czerwienieć, mdleć, oniemieć и др.

Отдѣльно стоятъ umieć и rozumieć, имѣющія въ наст. вр. стяженныя формы за исключеніемъ 3 л. мн. ч., а въ 1 л. ед. ч. принимающія оконч. -m: umiem, umiesz, umie, umiemy, umiecie, umieją.

Четвертый классъ.

Основы на -i

А. *Вторая основа на* -i.

Неопредѣленное н. chwalić, prosić.

Настоящее.					Повелительное.		
	Един. ч.		Множ. ч.				
1 л.	chwalę	proszę	chwalimy	prosimy	Ед. 2 л.	chwal	proś
2 л.	chwalisz	prosisz	chwalicie	prosicie	Мн. 1 л.	chwalmy	prośmy
3 л.	chwali	prosi	chwalą	proszą.	2 л.	chwalcie	proście.

Прич. наст. дѣйств. chwaląc, prosząc; Прич. прош. дѣйствит. I chwaliwszy, prosiwszy; Прич. прош. дѣйств. II chwalił, prosił; Прич. прош. страд. chwalony, proszony; Прошедш. вр. chwaliłem, prosiłem; Давнопрошедшее chwaliłem był, prosiłem był; Будущее będę chwalił, prosił или chwalić, prosić będę; Условное chwaliłbym, prosiłbym, byłbym chwalił, prosił.

По даннымъ образцамъ спрягаются всѣ глаголы съ основой неопредѣленнаго накл. на -i: palić, warzyć, burzyć, ganić, ranić, puścić, płamić, bawić, trafić, wrócić, puścić, wodzić, bogacić, skamienić, przyswoić, uczyć, zawiesić, wozić, jezdzić, kosić, straszyć, taić и др.

Коренной согласный передъ -i основы вообще смягчается. Въ прич. прош. страд. и въ 1 л. ед. ч. наст. вр. первичн. i превратилось въ j, повліявшее на смягченіе предшествующихъ согласныхъ, причемъ s, z, t, d превратились въ sz, ż, c, dz: proszę, grożę, puszczę, chodzę, proszony, wodzony. По аналогіи 1 л. един. ч. тѣже мягкіе согласные неорганически проникли въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств.: proszą, prosząc, grożą, grożąc, puszczą, puszcząc, chodzą, chodząc (вм. ожидаемыхъ prosią, grozią, pusćią, chodzią въ соотвѣтств. старо-слав. просѧтъ, грозѧтъ, поустѧтъ, ходѧтъ).

Въ 1 л. множ. ч. уже съ XV ст. вошли въ употребленіе формы съ гласн. основы -e вм. -i: mowiemy, prosiemy. Въ грамматикахъ здѣсь обыкновенно пишутъ -i, но въ живой рѣчи обыкновенно слышится -e. По всей вѣроятности -e сюда проникло изъ I класса подъ вліяніемъ -ę въ 1 л. ед. ч.

Б. *Вторая основа образована суфф.* e (= старо-слав. ѣ).

Неопредѣленное н. cierpieć, siedzieć.

Настоящее. Повелительное.

	Един. ч.		Множ. ч.					
1 л.	cierpię	siedzę	cierpimy	siedzimy	Ед.	2 л.	cierp	siedź
2 л.	cierpisz	siedzisz	cierpicie	siedzicie	Мн.	1 л.	cierpmy	siedźmy
3 л.	cierpi	siedzi	cierpią	siedzią.		2 л.	cierpcie	siedźcie.

Прич. наст. дѣйств. cierpiąc, siedząć; Прич. прош. дѣйствит. I cierpiawszy, siedziawszy; Прич. прош. дѣйств. II cier-

piał, siedział; Прич. прош. страд. cierpiany (siedziany); Прошедшее cierpiałem, siedziałem; Давнопрошедшее cierpiałem był, siedziałem był; Будущее będę cierpiał, siedział или cierpieć, siedzieć będę.

По этимъ образцамъ спрягаются: 1) глаголы которые въ старославянск. и другихъ славянскихъ языкахъ сохраняютъ въ окончаніи основы неопредѣленнаго первичное **ѣ** (или его замѣны): wisieć, widzieć, świerzbieć skrzypieć, grzmieć, brzmieć, myśleć, dojrzeć и др.; 2) глаголы, во многихъ слав. языкахъ измѣняющіе конечный гласный основы **ѣ** на **а** (послѣ **j** и шипящихъ): słyszeć, leżeć, klęczeć; впрочемъ, нѣкоторые изъ глаголовъ послѣдней категоріи, сохраняютъ **а** въ основѣ неопредѣл. н.: drżeć и drżać.

Въ 1 л. ед. ч. и въ прич. прош. страд. согласные передъ праслав. **j** подвергаются соотвѣтствующимъ измѣненіямъ, при чемъ **s**, **z**, **t**, **d** переходятъ въ **sz**, **ż**, **c**, **dz**; напр.: wiszę, lecę, siedzę. Тѣже измѣненія неорганически выступаютъ въ 3 л. множ. ч. и въ прич. наст. дѣйств.: wiszą, siedzą, lecą, wisząc, lecąe и др. Ср. выше о глаголахъ IV кл. А.

Въ 1 л. множ. ч. въ живой рѣчи обыкновенно слышится оконч. **-emy** вм. -imy: leciemy, sedziemy. Ср. выше о глаг. IV кл. А.

Widzieć въ старомъ яз. имѣло повел. widz, вм. котораго теперь обыкновенно patrz.

Wiedzieć имѣетъ настоящее безъ гласнаго основы: wiem (ср. выше, архаическіе глаголы).

Chcieć спрягается слѣд. образ.: наст. chcę, chcesz, chce, chcemy, chcecie, chcą; повел. chciej, chciał, chciawszy, chciany.

Bać sie (=bojeć sie, старо-слав. боꙗти сꙙ) и **stać** (=stojeć, старослав стоꙗти) имѣютъ стяженныя формы только въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. П bał się, stał, но boje się, bojąc się, stoję.

Chrapieć и **sapieć** чаще замѣняются chrapać, sapać.

Spię, spisz имѣетъ основу неопредѣленнаго н. на **a**: spać, spał.

Пятый классъ.

Основы на -á (=aje).

Вторая основа на -a.

Неопредѣленное н. działać.

Настоящее.				Повелительное.	
Ед. ч. 1 л. działam	Мн. ч. działamy		Ед. ч. 2 л. działaj		
2 л. działasz	działacie		Мн. ч. 1 л. działajmy		
3 л. działa	działają.		2 л. działajcie.		

Прич. наст. дѣйств. działając; Прич. прош. дѣйств. I działawszy; Прич. прош. дѣйст. II działał; Прич. прош. страдат. działany; Прошедшее działałem; Давнопрошедшее działałem był; Будущее będę działał или działać będę; Условное działałbym, byłbym działał.

Къ этому классу относятся: konać, jednać, kochać, igrać, grać, wąchać, pląsać, gniewać się, strachać się, witać, wieczerzać, pamiętać, uśmiechać się, drgać, dbać, łkać, tkać, ufać, plwać, śpiewać, czytać, zatykać, wracać, dźwigać, jadać, czekać (народн. czkać), bywać и мн. др.

Нестяженныя формы только въ 3 л. мн. ч. и въ прич. наст. (ср. выше стр. 483). Въ старомъ яз. вм. a слышалось сжатое á, которое въ нѣкоторыхъ говорахъ (особ. велико-польскихъ) и теперь звучитъ близко къ o.

Сюда-же относятся: znać, наст. вр. znam, и mieć (стар. imieć), наст. вр. mam, masz и т. д. 3 л. мн.: mają, прич. наст. mając (остальныя формы по III кл. Г—miej, miawszy, miał, miany).

Безличные глаголы.

Błyska się, grzmi, świta, marznie, uchodzi, dnieje, należy, zależy, niema, gore, idzie o co, chodzi o co, trzeba (jest), można (jest), boleśno (jest), przykro (jest), żal mi (jest), wstyd mię (jest); pisze się, czyta się, dzieli się, wierzy się; czyniono, myślano, płakano,spano, wstydziono się и др.

7. Неизмѣняемыя слова.

Нарѣчія.

(Przysłowki).

1) Gdzie? tu, tam, owdzie, wszędzie, stąd, stamtąd, zowąd, zewsząd, zinąd, tędy, owędy, tamtędy, wszędy, gdzie, skąd, dokąd, kędy, którędy, gdzieś, gdziebądź, gdzieindziej, gdzieniegdzie, gdziekolwiek, gdzietylko, skądsiś, skądkolwiek, daleko, blisko, bliżej, opodal, wysoko, wyżej, wewnątrz, zewnątrz (снаружи), nigdzie и др.

2) Kiedy? wtedy, teraz (теперь), zaraz (сейчасъ), dzis, wczoraj, zawsze (всегда), zawżdy, już, jeszcze, dawno, potém, dopóty, póty, dotąd, odtąd, gdy, kiedy, odkąd, dokąd, dopóki, kiedyś, kiedykolwiek, kiedybądź, kiedyindy, nigdy, niekiedy, zdawna, wkrótce, przód, podczas (во время), czasem (иногда), wczoraj, natychmiast (сейчасъ), jutro (завтра), onegdaj (третьяго дня), latoś и др.

3) Jak? jako, tak, siak, owak, inaczej, nieinaczej, jakoś, jakkolwiek, jednako, równie, podobnie, wszpak, ciągle (постоянно), dobrze, źle, prawie, ledwie (едва), często, rzadko, koniecznie (непремѣнно), raz, pót, zbyt (слишкомъ), wysoce, trochę, wspól, tyle, cokolwiek, bardzo, mało, bardziej, arcy, nader (сверхъ мѣры), nadzwyczaj, nadewszystko, prędko (скоро), skoro (какъ только), pieszo, darmo, równo, gorąco, krzepko, miękko, wiele, spełna, po prosta, zlekka, wcale, jednako, dwojako, dwukrotnie, powtóre, dosyć, dość и др.

Na co? za co, po co, wszelako, przecie, przecież (вѣдь), że, nie, ani, czy, li, alboż, ażali, chyba, oraz (а также, и), nawet (даже), nie, bynajmniej (нисколько), przeciwnie (напротивъ) и др.

Предлоги.

(Przyimki).

1) Настоящіе предлоги: bez, do, od, dla, u, ku, przez, przy, z, na, nad, po, pod, przed, o, w, za, przeciw, naprzeciw, naprzeciwko, mimo, pomimo, między, pomiędzy.

2) Нарѣчныя выраженія, употребляющіяся въ значеніи предлоговъ: koło, około, naokoło (вблизи, кругомъ), krom, okrom, prócz, oprócz (кромѣ), miasto, zamiast (вмѣсто), wśród (среди), wdłuż (вдоль),

wprost (прямо), podług, według, wedle (по), względem (относительно), blizko (вблизи), powyż, powyżej, wzwyż (выше), poniżej (ниже), obok (рядомъ), poprzek (поперекъ), wewnątrz (внутри), zewnątrz (снаружи), gwoli (ради), wbrew (напротивъ).

3) Употребляющіяся только въ сложныхъ словахъ: ob, prze, pro, roz, wy, wz (wez).

Съ *родит. п.*: bez, krom, okrom, prócz, oprócz, do, dla, od (вм. первичн. ot), u, koło, około, naokoło, miasto, zamiast, podług, podle, według, wedle, wzdłuż, wprost, naprost, powyżej, powyż, wzwyż, poniżej, poniż, blisko, bliżej, najbliżej, wgród, pośród, względem, obok, poprzek, wewnątrz, zewnątrz.

Съ *дат. п.*: ku, przeciw, przeciwko, naprzeciwko, wbrew, kwoli.

Съ *вин. п.*: przez (въ стар. яз. prze, напр. przebóg, przeto).

Съ *мѣстн. п.*: przy.

Съ *род.* и *дат. п.*: naprzeciw, naprzeciwko.

Съ *род.* и *вин. п.*: mimo, pomimo.

Съ *род.* и *твор. п.*: z (ze). z представляетъ два различныхъ предлога z (изъ) и s (съ); напр. z nieba, z koniem.

Съ *вин.* и *твор. п.* między, pomiędzy, pod, przed, nad.

Съ *вин.* и *мѣстн. п.* w, na, o, po.

Съ *род.*, *вин.* и *твор. п.* za.

Союзы.

(*Spójniki*).

I, a, ani, ni, ale (но), lęcz (но), albo (или), bo, bowiem (ибо), więc (слѣдовательно), ponieważ (такъ-какъ), jeżeli, jeśli, wzdy, acz, aczkolwiek (хотя); i-i, ni-ni, ani-ani, albo-albo; gdy, skoro, jak tylko, jużto—jużto (сперва—потомъ), jak-tak, czy, czyli (развѣ, ли, неужели), czy—czy (ли—или), choc, choćby, że, ażeby (что, чтобы), gdyż (такъ-какъ), lubo (хотя), aż (такъ что), dopieroż (только что), także, tadzież (и), częścią — częścią (частью — частью), bądź — bądź (или—или); to, toż, owoż (вотъ), im — tem (чѣмъ — тѣмъ), przy tem, potem, pre to, dla tego, zaczem, też, zaś przecie и др.

8. Нарѣчія и говоры польскаго языка.

Польская діалектологія разработана весьма недостаточно, не смотря на то, что научныя наблюденія надъ народными говорами ведутся почти тридцать лѣтъ. Въ настоящее время собранъ уже весьма значительный, хотя далеко не полный и не всегда достовѣрный діалектологическій матеріалъ, но почти отсутствуютъ работы, посвященныя изученію и научной классификаціи этого матеріала. Именно польская филологическая и этнографическая литература представляетъ: 1) большое количество образцовъ народныхъ говоровъ; 2) рядъ словариковъ областной народной рѣчии 3) до 15 описаній частныхъ говоровъ. Изданные тексты образцовъ народныхъ говоровъ имѣютъ не одинаковое научное значеніе; важнѣе изъ нихъ тѣ, которые носятъ признаки болѣе точной записи и напечатаны фонетическимъ правописаніемъ (Лучшіе сборники переименованы на стр. 382—384). Что касается описаній говоровъ, то они основаны большею частью на наблюденіи народнаго языка въ извѣстной небольшой по протяженію области, и чаще всего воспроизводятъ говоръ одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ. Сверхъ того нѣкоторыя изъ нихъ составлены не филологами, дилетантами, по одному шаблону. Лучшая изъ такихъ діалектологическихъ монографій посвященная опольскому гов. (въ Силезіи)—принадлежитъ профессору Л. Малиновскому: съ нея (1870 г.), собственно и начинается научное изученіе польскихъ говоровъ она послужила образцомъ для многихъ послѣдующихъ работъ, изъ которыхъ важнѣйшія написаны Крынскимъ, Лецѣевскимъ, Матусякомъ, Завилинскимъ, Лосемъ и др. Наибольшее количество наблюденій произведено надъ малопольскими и бескидскими говорами, меньше всего надъ мазурскими и великопольскими. Всего этого, конечно, недостаточно. Въ ученой литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного труда болѣе общаго характера, въ которомъ были бы по крайней мѣрѣ поставлены, если не рѣшены основные вопросы польской діалетологіи: какъ-то о числѣ главныхъ польскихъ нарѣчій, о научной характеристикѣ каждаго изъ нихъ въ цѣломъ и въ частныхъ говорахъ, о географическомъ разграниченіи нарѣчій, ихъ исторіи, большей или меньшей связи ихъ съ литературнымъ языкомъ и пр. Правда, можно указать прекрасное изслѣдованіе К. Аппеля (о говорахъ польскаго языка, Русск. Фил. Вѣстн. 1879 г. т., II), посвященное объясненію нѣкото-

рыхъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій, свойственныхъ разнымъ польскимъ говорамъ, и работы Л. Малиновскаго и Карловича (ср. выше стр. 380, 381) особенно по т. н. народной этимологіи, заключающія въ себѣ толкованія многихъ народныхъ словъ и выраженій. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія попытка нѣкоторыхъ ученыхъ (Л. Малиновскаго, Гавуша) указать слѣды діалектическихъ вліяній въ памятникахъ литературного языка XV, XVII и XVIII в.в. Но всѣ эти работы—лишь первые камни въ фундаментѣ воздвигаемаго зданія научной польской діалектологіи и не даютъ отвѣта ни на одинъ изъ указанныхъ выше общихъ вопросовъ. Въ существующихъ польскихъ грамматикахъ также тщетно было бы искать хоть какихъ-либо свѣдѣній о народныхъ говорахъ [1]). При такомъ положеніи дѣла и настоящій очеркъ польской діалектологіи по необходимости долженъ быть весьма кратокъ и не полонъ. О научной классификаціи говоровъ и обстоятельной ихъ характеристикѣ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи [2]).

Принимая во вниманіе собранныя доселѣ данныя, можно свести всѣ польскіе говоры въ слѣдующія шесть группъ, которыя только условно можно назвать нарѣчіями: груп. великопольская, малопольская, силезская, мазурская, куявская, и горальская (карпатская).

Малопольское нарѣчіе.

Oskar Kolberg. Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa и т. д. Sandomierskie II. (1865), Krakowskie XIII (1875), Lubelskie XVI—XVII, Kieleckie XVIII—XIX; Radomskie, XX—XXI; Wł. Siarkowiki: 1) Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. (Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, Kraków. T. II, III, IV, IX); 2) Słowniczek gwary ludowej z okolic Pinczowa (Sprawozd. Kom. język. IV, 1891) J. Grajnert, Zapiski etnograficzne z okolic Wielunia i Radomska (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. IV, 1880; J. Łoś, Gwara opoczyńska. Studyjum dyjalektologiczne (Rozprawy Wydz. fil. Akad. umię. T. XI. 1885): Sz. Matusiak: 1) Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega. Studyjum dyjalektologiczne (Rozpravy Wydz.

---

[1]) Еще въ 1894 г. на Львовскомъ съѣздѣ литераторовъ И. Карловичъ доказывалъ важность и необходимость внесенія въ школьныя грамматики свѣдѣній о народныхъ говорахъ (Prace filologiczne. T. V. Z. 1. 1895).

[2]) Некритическая брошюра Поля Historyczny obszar Polski. Rzecz o dyjalektach mowy polskiéj (Kraków 1869) не имѣетъ никакого научнаго значенія.

fil. Ak. um. T. VIII, 1880) 2) Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner Archiv f. slav. Phil. V. 1880); 3) Z piesni i opowiadań Lasowiaków Krákow, 1882 (Przcgląd akademicki), R. Zawiliński Gwara Brzezińska w starostwie Ropczyckim. Studyjum dyjalektologiczne Rozpr. Wyd. fil. T. VIII); J. Bieła: 1) Gwara Zebrzydowska (между Краковомъ и Вадовицами). Studyjum dyjalektologiczne (Тамъ же T. IX, 1882); 2) Spis wyrazów zebranych we wsi Żarnówce nad Skawą (Spraw. Kom. jez., IV, 1891); Wł. Kosiński: 1) Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej (близъ г. Бѣлы, въ зап. ч. Галиціи Sprawozdania Komisyi językowej Akad. umiejęt. T. IV, 1891); 2) Słowniczek prowincyonalizmów z okolic Krakowa, Bochni i Wadowic (Zbiór wiad. do antr. krajow. T. I, 1877) L. Magerowski Kilka wiadomści o ludzie polskim we wsi Wesołej pow. brzozowskim (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. XIII); Sew. Udziela: 1) Materyaly etnograficzne z miasta Ropczyc i okolicy (Zbiór wiad. do antr. kr. T. X, 1886); 2) Lud polski w powiecie ropczyckim (Тамъ же T. XIV, 1890); 3) Opowiadania ludowe ze Starego Sącza (Wisła, 1895 —96); M. Albiniskii J. Bliziński, Abecadłowy spis wyrazów języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniej (Biblioteka Warszawska, 1860, IV); St. Ciszewskí: 1) Lud rolniczo-garniczy z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim (Zbiór wiad. do antrop. kr. T. X, XI, 1886, 1887); 2) Krakowiacy. Monografja etnograficzna, T. I. Kraków, 1894. P. B. Wyrazy gwarowe z okolíc Tarnowa (Prace filol. T. IV (1892) z. 1.) Kar. Matyas, Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio—południową najbliższą okolicę Nowego Sącza (Sprawozd. Komis. język. T. IV, 1891; Z. Wasilewski, Słowniczck wyrazów ludowych we wsi Jaksicach (Кѣлецкой губ.) Prace filol. T. V (1895) z. 1. W. Pracki Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa (Тамъ же); Zygm. Wierzchowskí, Basni i powieści z puszczy Sandomierskiej (Zbiór wiadom. do antrop. kraj. T. XVI, 1892); Mich. Witanowski, Lud wsi Stradomia pod. Częstochową (Тамъ же T. XVII, 1893 Wisła III, 646), L. Malinowski Grupy spółglosek trz, strz. drz. w niektórych gwarach Galicyi Zachodniej (Prace fil. t. IV (1897) z. 1; G. Blatt, Gwara ludowa we wsi Pysznica w powiecie Niskim (Rozprawy Wydz. filol. Akad. Umiejęt. T. XX, 1894), K. Rayski Spiewni i Zagadki we wsi Białej Błotnej w pow. Włoszczowskim (Wisla IX, 1895; L. Malinowski, Głoski nosowe w gwarze ludowcj we wsi Kasinie (Rozprawy Wydz. fil. VIII, 1880).

Малопольское нарѣчіе, составляющее главную основу современнаго литературнаго языка, господствуетъ во всей польской части Галиціи, за исключеніемъ той южной полосы ея, которая расположена по склонамъ Карпатъ, а также во всей южной половинѣ Царства

Польскаго (преимуществено въ губ. Кѣлецкой, Радомской, Піотрковской и Люблинской). Относящіеся сюда, довольно многочисленные народные говоры представляютъ слѣдующія (наиболѣе характерныя) особенности по сравненію съ литературнымъ языкомъ.

1) Начальныя **a**, **i**, **e** обыкновенно принимаютъ придыхательное **j** или **h**: Janteni, japtyka, Jabram, jaz, jaze, harak, harest; hale, habo (лясов. г.); jide, jime, jigła, jigrać, jizba, Jewa, heżbéta, hedukacyja.

2) **O** въ началѣ словъ (а въ нѣкоторыхъ говорахъ и въ срединѣ) произносится съ призвукомъ краткаго **u**: ᵘociec, ᵘowca, ᵘon, ᵘoba, ᵘostać, puole vuole. Въ зебжидов. г. вм. **o** обыкновенно слышится ᵘȯ т. е. звукъ занимающій средину между **o** и **e**, притомъ предшествуемый призвукомъ **u**; напр. ᵘȯkno, vᵘȯjna; только послѣ **l**, **ł**, **ṙ** слышно чистое **o**: gwowa, dᵘȯ grobu. Вы пышницк. г. такое краткое **ŭ** слышится и передъ начальн. **u**: ᵘuzond, ᵘucho.

3) **E** не расширяется въ **o**: v́eze, v́ede, plete (1 л. ед. ч.), vezła, pletła; ośeł, kozeł, kośeł, metła, v́esna, v́esło.

4) **I** (а иногда **y**) передъ **ł** (особ. въ прич. прош. дѣйств.) замѣняется въ однихъ говорахъ черезъ **u**, въ другихъ—черезъ **e**: patřuw, l'ubúw. podzeuw, brojuw, cyńuw, rob'uw (напр. брезин. г.); nośeł, dźeléł, cyńeł, zrobeł (лясов.), beł (опоч. г.).

5) **A** и **u** иногда (чаще передъ **m**, **n**) переходятъ въ **o**: kozden, kozdy, łómać, ołtoř, kómora, opekon, kołton, tronna. font, gront; наоборотъ вм. **o**, иногда **u** или **ȯ**: ogrumny, studoła (лясов. г.), kuń, kóń, (пышн. г.), pumagajom (пасоравиц. г.).

6) **A** перегласовывается въ **e** передъ **j** (въ повел. н.): dej, umykej, słuchej, swuchej, cekej, starej sie; сверхъ того иногда **e** вм. **a** и въ другихъ случаяхъ: pen, memka, reno (лясов. пышниц. г.).

7) Сжатые или наклоненные гласные **á**, **é**, **ó** въ большей или меньшей степени сохранены, но древній выговоръ ихъ часто измѣняется въ пользу другихъ гласныхъ; именно **á** звучитъ не только какъ **a**, приближающееся къ **o**, но и какъ чистое—**o**; напр. právda, gádka, jád, más, pon, zbon; dom (дамь) vloz, chcioł, słysoł (бендзин. г.); **e**—произносится не только какъ **e**, приближающееся къ **i**, но и совсѣмъ какъ **i** (**y**), а въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясовск. г.) какъ нѣмецк. **ö**; напр.: lén, gřych, řyka syr, sírp, chlib, chlȯb, gnȯv; **ó** обыкновенно какъ въ литературномъ языкѣ сливается съ **u**, но въ нѣкоторыхъ говорахъ оно звучитъ какъ **o** съ окраской **u** спереди или

сзади, т. е. ŭo (лясов. г.) или oŭ или же какъ ô т. е. протяжное o (опочин. г.); напр. vól, vŭoł, voŭł, dzvôn, kôn.

8) Носовые гласные тѣже, что въ литературномъ яз., т. е. ę и ǫ (= книж. ą); напр. břęk, część, język, vǫzik; но очень часто древніе носовые гласные не удержались: они или разложились на чистые гласные, и носовые согласные или совсѣмъ утративъ ринезмъ, перешли въ чистые гласные, при чемъ ę обыкновенно = e, ą = o (ou); напр. demba, bende, řenka, menka, geńś; dźeśeńć, śventa, monka, zlonk śe, dzice, ćele, jime, ḿe, će, śe, meso, rybe, noge (вин. п. ед. ч.), ńese, v́eze (1 л. ед. ч.), zginoł, mineli; vźon (взялъ), don (далъ), zasnon (заснулъ), vedom, rob'om, znom, kcom (опоч. г.), bede. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. лясовско-пышницк.), носовыхъ гласныхъ совсѣмъ не слышно; въ лясов. г. вм. ę—слышится ė или e, вм. ą—o или ô: břėk, cėść, bėde, gėba, rybe, te (вм. tę), vôgel, môka, dźvignôc: твор. пад. на—om (rybom, dusom, mnom, tobom, tom), вѣроятно, нужно объяснять какъ новообразованіе по аналогіи твор. п. муж. р. Въ страдомск. г. (близъ Ченстохова) вм. ę слышится не только en, но и in: svinta, pinkna, zapřengać, также bede, płacom (3 л. мн. ч.), gołombka. Въ кѣлецк. г. вм. ę всегда e, но ą удерживается: najsv́etsą panne. Въ писаровиц. г. вм. общепольск. ę—возможны: 1) a: kady; 2) am an: kampa, kandy, vandrovać, bande; 3) ą: macochą (вин. п.), ząby, kąpa, śedną, ńe vrócą (1 л. ед. ч.); 4) e: sable, bede; 5) in: vink.

Вторичные носовые гласные: męd̮zy, męszkać, męsać, Jędrzej, dokumęt, momęt (зебжид. г.), nęści, Margoręta (брезин. г.).

9) Въ нѣкоторыхъ говорахъ часто удерживается é изъ древн. ѣ: ze sebom, ᵘodezdać, ṕes, ṕesa.

10) Т. н. мазурованіе т. е. замѣна язычныхъ согласныхъ ž, š, dž, č зубными z, s, dz, c, въ извѣстной степени свойственно большей части говоровъ: cekać, carny, częsty, jęcḿej, sukać, syja, dusa, zelazo, juz, zal. Чаще наблюдается это явленіе по отношенію къ č.

11) Твердое ł во многихъ говорахъ (сандомірск., зебжид., брезин. пасоровицк., пышницк. и др.) звучитъ какъ особое v приближающееся отчасти къ краткому u (обозначаютъ его черезъ w или ŭ) gwova, ɪmwyjn, miwy, mwody, dŭugo ŭad; pŭače, chŭop. но въ лясовск., кѣлецк. и др. ł удерживается: łapa, mydło, sydło, młody.

12) Въ лясов. г. l передъ древн. ѣ и ю звучитъ мягче чѣмъ предъ i 'etni, l'eśny chl'éb, lis, palić.

13) ł нерѣдко исчезаетъ въ 3 л. прош. вр.: posed, móg, vód, v́óz, ńós (опочин. пышн. и др. г.); сюда же надо относить формы vżon, kl'on, ńon, don, dżvignon; нѣкоторые (напр. Матусякъ, Аппель, видятъ здѣсь переходъ ł въ n, чтó едвали правдоподобно.

14) Въ пышницк. гов. вм. общепольск. rz слышится z или s (послѣ k, p): zemej (rzemeń), gzebej, gzecny, ksywda, psycyna, (ср. серболуж. н.) pacy (patrzy), ᵘoscyć (ostszyć), moze (morze), bezeš.—Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Краков. околье, (Нѣполомице, Вишничь) tř звучитъ какъ č, а группа stř какъ šč: čeba (třzeba), pač czy (tszy), mišč (mistrz), ščal (strzał) также dzewo, dżwí).

15) Въ зебжид. г. r въ настоящ. вр. не смягчается: bèreš, b'ere; также въ писаровиц. г. b'er; v́erch.

16) Мягкое ń на концѣ словъ иногда переходитъ въ j: ǵij, zv́ij, kuój, ᵘogej kömej, dźéj, małzejstvo (лясов. г. зебжид) pŭyj, maŭzejstvo (пышниц. г.).

17) Исчезновеніе согласныхъ: r:—basc (barszcz), moski, lekastvo, gospodastvo. (пышниц. г.); t: pasvisko, jes, Adalber d: pole, vele; r: šycko, sycko, sędy selaki, schód, g: řechotka, řečka, dyć, dźe, m: ta, sa (вм. tam, sam); ń: baś, kaś (kazń), ṕeś; ł: pad, tłuk (и вообще въ прош. вр.), zamys, mynař, japko.

18) Уподобленіе согласныхъ: ḿeḿec (niemiec), v́elgi, smerterm, ontař, ᵘontaz (Пышн. г.) śli, ślachetny, ŝtuku, uććívość, rumer (numer).

19) Расподобленіе согласныхъ: chto, chtóry, nicht, štyry, ujźryć, pojrzyć, sreblo, śrybwo (зебжид. г.) lubryka, lewers, lezerwa, kfawa, kfalić, křes, kříciny, kcić, kce, kcom. kvardy (брез. г.).

20) Въ нѣкоторыхъ говорахъ vdova, vdov́ec звучатъ gdova, gdov́ec (лясов. пышн. г. и др.).

21) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (особ. лясов., пышниц., отчасти брезинск.) сохраняется двойств. ч. въ склоненіи: dwa garca, dwa korca, dva chluopa, ŭocu, úusu, chłuopoma, v́ilkoma, krajema, rëkaema, renkoma;—формы двойств. на—ma часто употребляются въ значеніи твор. п. множ. ч.; мѣстоим. va, naju, vaju, nama, vama, tema, néma (кѣлецк. пышн. г.)

22) Сохраненіе въ отдѣльныхъ случаяхъ древ. оконч. въ род. мѣстн. п. ед. ч. основъ на—o: dęba, do lasa, z mosta, proga, stracha и др.: syńe, duońe.

23) Въ род. п. ед. ч. женск. основ. на—ja сохраняется древнее оконч. e; ze syje, do dębice, duse, pivnice.

24) Вин. п. ед. ч. жен. основъ на—a, вслѣдствіе потери ринезма, часто оканчивается на чистыя e, o, bańo, studńo, vůolo, córke, noge.

25) Твор. п. ед. ч. жен. р. осн. на—a часто образованъ: по аналог. основ. муж. р. на—o: pomocom, nitkom, dusom, kośćom, z dobrom, tom; также mnom, tobóm (лясов., брезин. зебжид. и др. г.; ср. сербск. яз.); иногда на—o, -ô (лясов. г. пышн. г.): matkô, kochanecko, kśonzko.

26) Род. п. мн. ч. жен. и ср. р. на—óv: kosóv, jagodóv, mysóv, sercóv, kůołůov (лясов. пышн. г., зебжид.); bajkóv (кѣлец. г.).

27) Род. п. жен. р. ед. ч. сложн. скл.—на—y: dobry, duobry, markotny (кѣлец., лясов., пышн.). Вѣроятно это новообразованіе по аналогіи именного склоненія. Таже форма служитъ для дат. и мѣст. п.; аналогичныя формы и въ мѣстоимен. склон.: tvoji, moji.

28) Въ славков. гов. (окускол. пов.) употребляются мѣстоименія: on, ona, ono (всѣ падежныя формы), savten, — savta, savto, havten, havta, havto, ktorik, cosik, ktorysik.

29) Въ спряженіи кое-гдѣ удержились формы двойств. ч.: růobiva gadava, uoba ńic ńe vymyśliva, přyćta do nas, tera va bëdżeta z vaju (лясов. г.); co nam dáła, va just šyćko veźńeva (пыщн. г.); chodźva, z zoną pokłóciłava się była (кѣлец. п.). Чаще окончанія—va,—ta замѣняютъ окончанія множ. ч. my, te: robiva (вм. robimy) spita (вм. spicie),—pracujeva, pracujeta (опочин. и друг. гов).

30) Прич. наст. дѣйств. вслѣдствіе исчезновенія во многихъ говорахъ носовыхъ гласныхъ оканчв. на ency,—ëcy,—ôcy: vezency (пышн. г.) chodzëcy, vedzôcy (лясов. г.).

31) Въ нѣкотор. гов. вм. jestem встрѣчается jezdem, jezdeś и т. д. въ зебжид. гов. jezdech. Въ лясов. говорѣ въ прош. вр. сохраняются древнія формы вспомогательнаго глагола при соединеніи его съ нарѣчіями jak, tak; напр. jak jem řek, jak jeś řek, jak jeśmy řekli или jagem řek, jageś řek, jageśmy řekli.

32) Въ прошед. вр. не-рѣдко ch вм. m: zajonech; pöźycyvech (зебж.), chodziłech, chodziłbych. Въ этомъ ch усматриваютъ слѣдъ прошедшихъ простыхъ (ср. выше стр. 486).

33) Въ 1 п. мн. ч. e основы иногда не смягчаетъ предшествующаго согласнаго по аналогіи 1 л. ед. ч.: pekemy, pletemy, bedemy, vidzemy (зебжид. и др. гов.).

34) Предлогъ s (=*съ*) часто удерживаетъ свою первичную форму т. е. не отожествляется съ z (=*изъ* какъ въ литерат. яз.) s nami, se mńe ślàz.

35) Въ нѣкоторыхъ кѣлецкихъ говорахъ (отъ Лысицы до Хэнцина) и отъ Кѣлецъ до Моровицы) послѣдній слогъ протягивается; robiłām. kupiłās. Witajzē synowa (Zbiór. wiad. do antr. kr. II отд. 3. 226).

Какъ видно изъ предъидущаго изложенія наиболѣе характерными нужно считать говоры: *Лясовскій* (въ окрестностяхъ Тарнобрѣга), *Пышницкій* (въ нискомъ повѣтѣ, близъ Сандомира), *Писаровицкій* (близъ г. Бѣлы (Biała) въ зап. Галиціи), *Зебжидовскій* (между Краковомъ и Подовицами) и *Ропчицкій* или *Брезинскій*.

Выдѣляется также *говоръ деревни Касина* (описанный Л. Малиновскимъ, Rozprawy Wydz. fil. Ak., umiejętn, T. VIII, 1880), представляющій весьма любопытныя особенности; именно:

1) возможенъ только одинъ носовой гласный ǫ соотвѣтств. старослав. ѧ и ѫ и общепольск. ą и ę: trǫba, vǫs, gǫbka, dǫbrova, volą (в. п.), ńesǫ, jidǫ (3 л. мн. ч.), ńesǫ, bedǫ (1 л. ед. ч.), dǫba, rybǫ (в. п.), rǫka, cǫść, gřǫda, ṕǫć, ṕǫta, źǫć (zięć), plomǫ, śomǫ.

2) въ немногихъ случаяхъ вм. общепольск. ę слышится e, ė: będǫ, bedźes, bedźe, bedźeva, bedźema, bedźemy; ḿe, će, śe; paḿėć, ḿese, ṕekny;

3) въ твор. п. вм. ǫ слышится ǫm; rybǫm, dusǫm, z tǫm, s tobǫm.

4) каждое e (какого бы ни было происхожденія) передъ m, ḿ, n, ń переходитъ въ o или ǫ: plomǫ, střomǫ, śomǫ, řǫdom, jeśǫnny, jedǫn, ńokǫn;

5) o передъ n измѣняется въ ǫ, а n переходитъ въ j: kǫj (koń), zvǫj;

6) i передъ ŭ (=ł) звучитъ какъ ü: vnǫcüŭ śe;

7) вм. č, ž, š, dž слышится c, z, s, dz: uzǫva, syja, pcoŭa;

8) твердое ł звучитъ какъ ŭ: gŭǫba, pcoŭa.

Образцы малопольскихъ говоровъ.

I. *Лясовскій гов.*[1]). Dávńi na śv́éće ńe tak béło, ja se tu myśliće pᵘo teraźńéjsemu. Pᵘov́adajô, ze v raju źeḿa ḿlékêm, i ḿᵘodem pły-

[1]) Собственно говоръ *Лѣсовиковъ* въ Сандомирской области.

nêna, hale, t"o nie tylko v raju, b"o po całem śv́eće; t"o tak sa°mo jak kśêdzá mūov́ô, ze jeva skuśeła jada°ma japḱem, ha to człek přećek rozumé, c"o to béło za japko, bo kazdy[1]) z nás, jak mł"ody, to za tém japḱem g"oni. Tak p"otém z jada°ma i jevy vysło całe p"okoleńe ludźi i r"ozl'azło śe po śv́éce, jak mrūovḱi z mrov́iska p"o leśśe (S. Matusiak, Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner. Archiv f. Slav. Phil. Bd. V, (1881). 633).

II. *Пышницкій говоръ*[2]). Jak ṕes vygráŭ bez kota. Pén vyśćigáŭ starego ṕesa ze sŭuzby, a ten "obuŭ śe v buty i posed do lasa; zdybáŭ go v́ilk i pytá śe ṕesa, co "on za jedyn, „a já sevc"; „ḱej ty svega to mi zrób chodaḱi". „Cemu ńe—ino dáj mi v́epska kuli sceći, a ǵenś kuli smálcu do drátvy". K'ej śyćko byŭo, ćisnoŭ chodáki do bŭota, a v́ilkov́i kazáŭ rozpendźić śe i hulnonć v bŭoto, to mu buty same vlizo na noǵi. Vilk vyŭaźi z bŭota i pacy, a tu má buty na nogach. „Dobry z ćebe sevc, chodźmy na veśele!" zek v́ilk. Psysli, vsuneli śe do kumory; vilk "ot vozyŭ becke i chŭápal razem ṕivo, ṕes śe ńe "upiŭ, bo ńe byŭ ŭakomy, a v́ilk pédá: „jesceśva vódḱi ńe ṕili". (Rozpravy Akademii ůmiejętności. Wydźiał filologiczny T. XX (Serya II, T. V) 1894, 423).

III. *Ропчицкій говоръ*. Село Brzeżiny.

1.

"O szczęściu. Byŭo dwóch braci: jeden bidny, drugi bogaty. Tak zona tego bogatego prosiŭa swego męża, zeby temu bidnemu zasiáŭ pole swojem zbożem: tak ŭon tak zrobiŭ. Jaz ráz wychodzi ten bogaty w pole a tu coś znosi zboże z pomieci bidnego na pole bogatego... „Co ty robis i co ty jezdeś?"—pytá sie.—Ja jezdem twoje szczęście, a twój brat ní má szczęścia, jaz w ty a w ty wsi w karcmie".—Tak ŭopowiedziaŭ to brat temu i pojechali tam i ugodzili się z panem. Wybráŭ sie nareście ze swego domu ten bidny, ale sobie zapomniaŭ gárcka żelaznego. Tak sie po niego wróciuŭ, a tam byŭa jego bida; zabráŭ ŭon ją, a jak jechaŭ koŭo studni, wrzucíuŭ ją tam. Jak zajecháŭ na miejsce, pán dáŭ mu na trzy lata darmo miészkanie i tak dali sie mu juz dobrze wiedŭo.

(Sewer. Udzieła, Lud polski w powiecie Ropczyckim w Galicyi. Zbiór wiad. do antrop. kraj. T. XVI (1892) Mater. etnol. 2).

[1]) или kázdy, k"ozdy.

[2]) Село Пышница въ Нисскомъ повѣтѣ, въ 20 километр. отъ Сандомира.

2.

Zb'irej śe Maryś z nami
Ńe żalivej śe wzami
Do kośćowa bożego
Do stanu máwżeńskego.
V'uwa, vuwa vanki
Z drobny rutki róvnánki
Tocuwa jich po stole
ⁿOjcu, matce na żale.
ⁿOcźryj śe moje dźivce za sobom
Jak to pwace rodźinecka za tobom. (R. Zawilińskiego, Gwara Brzezińska.—Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejętn. T. VIII (1880) 224).

IV. *Зебжидовскій говоръ*[1]). Bywa Kaśa ji Jaś. Ji ták śe lubili, ze tén Jaś śe máw żeńić s tom Kaśom. Jaśa vźeńi na vⁿöjne, Kaśa zⁿöstawa. Jag jecháw na vⁿöjne, tak śe dali ręce, ze śe już ⁿöba ńigdy ńe ⁿözwǫco, ze uuna ńe pudźe za jinksegⁿö ańi uun śe tes z jinksom ńe bedźe żeńuw (J. Biela, Gwara Zebrzydowska. Rozprawy Wydz. fil. Akad. umiejęt. T. IX (1882), 198—199).

V. *Радомскій говоръ.*

W cérwonym sádeczku
Ptaszkowie śpiéwajóm,
Juz mego braciska
Na wojné wołajóm

Wołajóm, wołajóm
Kónik osiodłany:
Gdzies mie ty zestawis
Mój bracie kochany?

(Zbiór wiad. do antrop. kraj T. IV (1880). Mater. etnolog., 239).

VI. *Страдомскій говоръ*[2]).

1.

Dejze mi sie Boze
Zenić jak nájprendzy;
Zebym tu nie cierpiał
W tém Stradomiu nendzy

Bede to já bede
Bede pamientała,
Co ja w tém Stradomiu
Nendzy wyciérpiała.

---

[1]) Село Zebrzydowice, въ Вадовицкомъ повѣтѣ, на югъ отъ Кракова.
[2]) Деревня Страдомъ близъ Ченстохова.

2.

Przeleciał golombek,
I pocon grucholáć;
Niescenślíwá matka,
Nie dá chłopcow kochać.

Nic to nie pomoze,
Trza mame rozgniévać;
Bo já bez chłopcýny
Ni moge wytrzymać.

3.

Pínknás panno, pinkná,
Pinkne malowanie
Scenślíwy ten bendzie
Który cie dostanie.

(Zbiór wiadom do antrop. kraj. T. XVII (1893) Mater. etnol. стр. 105, 55).

VII. *Кѣлецкій говоръ* (изъ села Brzezinek). W pewnym mieście mieszkał stragárz, tkóry rózne drobiazgi sprzedawáł i miał córke imieniem Maryjanna, tkóra beła piekna i zgrabna. Miała scęście do kawalérów, tkóremi sytkíemi pogardziała i wyśmiała. Jeden pan przyjecháł do tego miasta, w tkórym ona beła. Młody i galanty, nie stanoł pod lumerem, jeno u obywatela na stancyi. Przechodził sie ulicą i po sytkich oknach spoglądał. Nadsed na ten dóm kaj Marysia mieskała; spostrzeg ją jak w oknie stała i w tym razie wsed prosić o sklánke wody i zatrzymał sie godzine casu; zacun i komplimenta mówić.... W tym i sie spodobáł: pozegnáł sie z nią: przyzek i, ze sie bedzie widzieć w kościele. — Ta Marysia beła bardzo nabozna: jedny msy święty, ani niesporów nie opuściła; pieknie śpiewała w kościele, ze ksiąc probosc posyłáł po nią do śpiewániá. I ten pán po pare razy sie widywáł z nią na dzień, tak dalece ze sytkie dziéwcęta i chlopaki i zazdrościli, ze takiego pána ma (Wł. Siarkowski, Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. Zbiór wiadom. do antropol. krajow. T. II (1878), Dział etnologiczny, 242—243).

Великопольское нарѣчіе.

Oskar Kolberg: 1) Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa и т. д. Ser. IX—XV W. kś. Poznańskie; ser. XXIII—Kaliszskie; 2) Właściwości, pieśni i tańce ludu ziemi Dobrzyńskiej (Zbiór wiad. do antrop. krajow. T. VI, 1882); 3) Rzecz o mowie ludu wielko-polskiego (Zbiór wiad-do antrop.

krajow. T. I, 1877); Józef Lipiński, Zwyczaje i pieśni ludu Wielkopolskiego (Zbiór wiad. do antr. krajow. T. VIII, 1884); Al. Petrow. Lud ziemi Dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki i t. p. (Zbiór wiad. do antropol. krajow T. II, 1878); Jan Leciejewski, Gwara Miejskiéj Górki i okolicy (Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejęt. T. IX 1882.

Великопольское нарѣчіе занимаетъ приблизитетельно область древняго Велико-польскаго княжества, т. е. принадлежащее нынѣ Пруссіи Познаньское герцогство (за исключеніемъ иноврoцлавскаго уѣзда и части уѣздовъ торуньскаго, быдгощскаго, шубинскаго и могильницкаго, входящихъ въ область Куявскаго нарѣчія) и сѣверо-западную часть Царства Польскаго (главн. обр. Калишскую губ. и часть Плоцкой губ.).

Нарѣчіе это въ подробностяхъ изучено очень недостаточно. Особенно чувствуется отсутствіе точныхъ изданій образцовъ народныхъ говоровъ. Изъ частныхъ говоровъ пока выдѣлены, сколько мнѣ извѣстно, только два: говоръ Добрынскій (въ рыпинскомъ и липновскомъ уѣздахъ Плоцкой губерніи) и говоръ Мѣйской Гурки (Miejska Górka въ кробскомъ уѣздѣ) на границѣ нѣмецкой Силезіи [1]).

Важнѣйшія особенности велико-польскаго нарѣчія слѣдующія.

1) Обще-польск. a, кромѣ a, иногда соотвѣтствуетъ e (какъ въ мало-польск. н.), именно въ послѣднемъ слогѣ, передъ j (въ нарѣчіяхъ и повелит. н.) bŭodej, tutej, dmuchej, třymej, słuchej, dej и др. (G); также Freńciszek, Freńciskanie (Sroda), kemiń, pen, redło, reno, muzykent, fabrykent, (на сѣверо-вост. K); вм. ia (= ѣ) śieno, śćena, ṕena, (K); Barbera, sušerńa, truṕerńa (K).

2) Обще-польск. e, кромѣ e, иногда соотвѣтствуютъ a, o: jachać, latopés, křasny (chrzestny) dźŭoboł, poł, ŭořoł, Pawoł, kŭocoł, pŭosoł ŭośoł, połny (pełny) (G), ćołak, gořalńa, harbata (K). Иногда e принимаетъ призвукъ ŭ: vŭesölo, vŭeš (Czarnkow. Radolin K).

3) Обще-польск. u, кромѣ u, иногда соотвѣтствуютъ y, a, o, oŭ: syrovy (K), łyčyvo, oṕekan (G), domać, domny, soméńe, troŭchleć, moŭcha, doŭkat, moŭwić, sioŭmny (szumny) foŭnt, groŭnt (K).

4) Вм. обще-польск. o обыкновенно слышится ᵘo или ŭo т. е. o съ краткимъ призвучнымъ ŭ въ началѣ: ŭoknŭo, ŭoču, ŭokŭo, dŭostać,

---

[1]) Ниже при ссылкахъ Добрынскій г. означается б. D,—говоръ Мѣйской Горки— букв. G, статья Кольберга—б. K.

krŭova, kŭoza; только послѣ ł—чистое o: łopata, błotŭo (G).—Передъ m, n, обще-польск. o сжимается въ ó: dŭóm или dóm, trŭón, strŭóna (G, D); duma (K). Иногда вм. o слышится u, a, e: Karul, aktarka, z kolegumа, z dziöwcętuma, šałtyś, karbal (дыня), skarupa, rapucha (K), prefesŭor, prekuratŭor (G).

5) e не всегда расширяется въ o, гдѣ это необходимо въ литературномъ языкѣ; siestra или śejstra, metła, ćetka, ćesać, Pietr; чаще сохраняется первичное e въ сѣверныхъ уѣздахъ (Велень, Чарнковъ): zalety, ṕero, přeṕérka, ẃesło, słevo или sŭevo (słovo), marcevy, róževy, majevy, chvilevy, kupceva и т. д. (K).

6) Обще-польск. i, y передъ ł (въ прич. прош. дѣйств.) переходятъ въ u (ассимиляція): b'uł, nŭośuł, zrŭob'uł, śńuło mi śe, buł, żuł (жилъ), kruł, šuł.

7) Союзъ i мѣстами звучитъ y: ja y ty, ja y on (Сѣраковъ K).

8) Въ нѣкоторыхъ говорахъ i, y могутъ замѣняться e: ṕelnik, ṕelnikarz, ṕeła (Шремъ, Познань), sen, reba, zmelić (Шамотулы); piekné (piękny), byłe или bełe (вм. były, Междурѣчье, Велень. K).

9) Сжатыя или наклоненныя гласныя, вообще свойственныя всему нарѣчію, въ разныхъ его говорахъ представляютъ своеобразные оттѣнки выговора. Впрочемъ, болѣе точныя свѣдѣнія объ этой звуковой особенности имѣются только по отношенію къ говору Мѣйской Гурки. Изслѣдователь этого говора проф. Лецѣевскій считаетъ ихъ общими для всѣхъ познанскихъ говоровъ.

Сжатое á, по Кольбергу, произносится съ наибольшимъ наклоненіемъ къ o въ восточныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ познаньскаго герцогства такъ въ Пачукахъ и Крайнѣ вм. á слышно чистое o: špodel, krom, żoǵev, młodźon, kvort, ẏatrok, moš; на югѣ (Krobia, Ostrzeszów, Odolanów, Krotoszyn, Pleszew, Września) наклоненіе къ o меньше; за-то здѣсь кое-гдѣ (Rawicz, Krotoszyn) вм. á слышится aŭ, напр. groć и graŭc, gráŭvać, daŭć, daŭće mi, maŭće, kaŭzać, gospodáŭř, żaŭden; въ нѣкоторыхъ говорахъ (Wschowsko, Miejska Górka) oŭ: moŭš (masz); въ Добрынскомъ г. á выговариваютъ какъ o или u: pán,-pon, pun (D). Въ говорѣ Мѣйской Гурки á звучитъ двояко: 1) какъ oŭ, т. е. какъ o съ сопровождающимъ его призвукомъ ŭ, напр. stoŭć (stáć), ptoŭk (pták); только передъ ł слышно чистое o: stoł (stáł); 2) какъ u (только передъ m, n): dum, (дамь), grum, pun (pan), sum, num, vum (намъ, вамъ). Примѣры употребленія сжатаго á весьма многочисленны (ср.

417, 418 стр.): stoůvać, skloůdać, půomoůgać, vůołum, vůoloůš, vůołumy, kůochum, důobroů (dobrá), kuchńoů (kuchńa), łoůt, joů (ja), dum, roůż, soůd, cudoůk, groůč, barun, dukoůt, goůj, znoł, но znała, boůršč, čoůrny, proůvda, goůrb и др.

Сжатое или наклоненное é или сохраняетъ свой основной выговоръ или звучитъ какъ i, y; напр. dobrégo, dobrému (D), mińe, vińeć, ucik, ślidź, plisć, liźć, pic (pieć) (K). Въ говорѣ Мѣйской Гурки сверхъ того вм. é слышится звукъ, напоминающій фран. eu въ словѣ le feu или нѣмецкое ö (въ монографіи Лецѣевскаго онъ обозначается черезъ è); напр.: lèn, pèš, lèk, sèn, sèr, chlèb, ṕèšy (pierwszy), leṕi, důobrygo, średnigo, ůobcymu, dźin, jelíń, kamiń, ůogiń, dyšč, řyka, ščyry.

Вм. обще-польск. e = ѣ возможно e, é, è, i: begać, chćeć, ślepy, levy, bèda, vlèc, v́ešać, zmeńić, śime.

Сжатое ó произносится какъ ůó, т. е. какъ u съ призвукомъ ů (приближающимся въ выговорѣ къ ł): bůóg (произносится какъ бы błuk) lůód, můód, můór, gůóra, bůób, chłůód, vzůór, vůół, stůól, krůół, můój, krůótki, cůóra, głůóvny, můóvić (G. У Кольберга нѣтъ свѣдѣній объ ó).

10) Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Wieleń, Czarnkow, Radolin) вмѣсто открытыхъ (или ясныхъ) гласныхъ слышатся неясные å, ō, ū, развившіеся, вѣроятно, подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка; такъ å, ō вм. a, e, o; напр. żōl, kōmn, dźōcha (dziewucha), mōle, dōbře, prōbuj, vōn, żōna (K.), ḿèsůo, jèzyk (т. е. jōzyk), bède (G.). Вм. u иногда ů или ō: ōmar (umarł), ōmarły, ōcyniła, chopō, pōnū (panu), ūsta (Wieleń, Rosko K.).

11) Носовые гласные тѣже, что въ литерат. яз. т. е. ę, и ǫ (= кн. ą), но въ велико-польскомъ они слышны съ настоящимъ своимъ произношеніемъ едва ли не рѣже, чѣмъ въ мало-польскомъ нарѣчіи. Болѣе или менѣе отчетливо чувствуется ринезмъ только въ срединѣ словъ и при томъ передъ гортанными; напр.: tęga, ręka, męka. Обыкновенно ę и ǫ или перешли въ чистые гласные, совсѣмъ утративъ носовой призвукъ, или же разложились на чистые гласные + n, m. На концѣ словъ вм. ę всегда e: ćele, jagńe, me, će, śe, może, můoge и т. д.; въ срединѣ словъ ę = em (передъ губными), en (передъ зубными и гортанными), или во многихъ говорахъ (G.), подъ вліяніемъ сжатія e, èm, èn (ōm, ōn): zemby, zèmby, gèmba, śv́enty, śv́ènty, mènd-

rek; передъ s, z, š, ż, ś, ź, d согласн. n, оставшійся отъ разложенія ę, уподобляется слѣдующему согласному и вм. носоваго гласнаго остается e или è: bede, bède, meso, mèso, veza, vèza.—Другой носовой ǫ (=ą), встрѣчающійся сравнительно чаще, разложился какъ въ концѣ, такъ въ срединѣ слова на o+m (n), вм. чего часто um, un (преимущественно въ южныхъ говорахъ); напр. domb, dumb, zomb, zumb, gůnś, gałunzka, porumbać, zamknunć, sum (сать), munka (G.). Передъ s, š, z, ż, ź вм. ą -u: muż, guśe, kusek, sużyń, kśużka (książka), vusy (G.). Въ добрын. г. часто и на концѣ—u, o: pišu, móvu (3 л. мн. ч.), а иногда ą сохраняется и принимаетъ m: rękąm, nogąm.—Вм. ǫ изрѣдка слышится ų: gnųk (K. Sierakow); ę передъ ł переходитъ въ y: stanyła, krzyknyła (D.).

12) Замѣна шипящихъ č, ž, š, dž свистящими c, z, s dz (т. н. „мазурованіе") вообще неизвѣстна велико-польскому нарѣчію: čyńić, šukać, żyvy. Только въ области добрынскаго гов. кое-гдѣ (близъ Скрвы) и въ калишскихъ говорахъ наблюдаются примѣры мазурованія: čapka—capka, šydło—sydło, żaba—zaba; около Брудзенёва вм. č, ż, š слышны ć, ź, ś: ćapka, śidło, źaba. Послѣдовательнымъ сохраненіемъ шипящихъ велико-польское нар. рѣзко отличается отъ другихъ польскихъ нарѣчій.

13 Твердое ł въ сѣверныхъ говорахъ вообще переходитъ въ губное ŭ: kćoŭ, vtoŭ, přyšŭe, ŭava, ŭoźka (łyżka), ŭożva, chŭop, pŭot, mŭody, pŭaci (K.); при этомъ ł иногда совсѣмъ исчезаетъ: chop, pot, putno (płotno), dugo; также jabko, umar, plót. Въ южныхъ говорахъ ł сохраняетъ свой основной выговоръ: stoł, znoł, ładny, ŭoroł (G). Въ добрынскомъ г., только на границѣ Пруссіи у Бродницы ł=u: byua, biua; иначе ł удерживается.

14 *Исчезновеніе согласныхъ*: r—въ предлогѣ roz: ozłożyć, ozdać; ł: jabko, polaz, plót, zlót, zgon (zgiął) и źgun, zgieni (zgięli), vźon и vźun, s: въ суф. isty: męsity, mglity, kroplity. Въ говор. Мѣйской Гурки, въ случаѣ стеченія на концѣ двухъ или болѣе согласныхъ, послѣдній исчезаетъ за исключеніемъ k, g, č: kraś, maś, paś (kraść и т. д.), pieś (pieśń), weř (veřch), nik (nikt), kŭoś (kość); mŭóg (mógł) и другіе вышеприведенные примѣры исчезновенія ł въ прич. прош.

15) *Появленіе согласныхъ*: j: Jadam, Janglik, lujnąć, siejstra, ojstry, bogajtšy, młojdšy, krójtšy; начальное i не нуждается въ придыхат. j; h: hale, hejże, hałun, harmata, then, tha, tho, thokař, khto,

khtóry, khleb; t: stłup, stkło; въ дат. п. ktomu—t по аналогіи съ имен.; d: drdzeń, drdza, vejzdréć, zajzdrzéć, dojźdrzał, ujźdrzéć, v: voćec, voŕeł, vośeł, vögiń, vön, vövca, преимущественно въ сѣверныхъ говорахъ, подъ Гнѣзномъ, въ Палукахъ, на Крайнѣ и др.; на-югѣ здѣсь ŭ: uoŕoł; ł (въ добрын. г.) łučyć, łogóń; k: inkšy, drokšy, milkšy

16) Явленія въ области согласныхъ, указапныя при характеристикѣ малопольскаго нарѣчія подъ № 18, 19 и 20 отчасти наблюдаются въ велико-польскихъ говорахъ; напр. chto, chtóry, но и fto, ftóry, v́elki и v́elgi, рядомъ съ gdova и gnuk или gnųk и др. Отмѣтимъ еще удвоеніе n: vinno, vianno ranno; смягченіе m съ помощью ń: mnięso, mniałem (D.).

17) Род. п. ед. ч. жен. осн. на—a и ja нерѣдко принимаетъ оконч.—é, ęj: pońčochéj, chalupé, kobełé (K.).

18) Въ добрын. г., впрочемъ уже на границѣ съ мазурскимъ нар., наблюдается свойственный послѣднему—дат. п. на—oju: ojcoju, końoju, Jánoju. Подобныя формы объясняютъ какъ результатъ психическаго смѣшенія двухъ формъ дат. п.—на ovi = oji и на—u (см. Аппель. Рус. Фил. В., 1879, Т. II. 61).

19) Род. п. мн. ч. именъ жен. и ср. р.—на—óv: matkóv, dźećóv, ŭoknŭóv. Иногда вм. v слышится ch: kruškŭóch (D.).

20) Род.—дат. мѣст. ед. ч. жен. р. сложн. и мѣстоимен. склон. на—y, i: zły, słodki, na ty našej roli.

21) Оконч. двойств. ч. наст. вр.—ma, ta еще сохраняются коегдѣ, но исключительно въ примѣненіи къ множеств. ч.: známa, znáta, bysta.

22) Существительный глаголъ: jězdem, jezdeś, jest, jezdeśmy или sumeśmy, jezdeśće или sumeśće, sum.

23) 1 л. наст. вр.: piekemy, letemy, idemy, mogemy, kłademy.

24) Глаголы, у которыхъ основа настоящ. вр. окончив. на—i, въ 1 л. мн. ч. принимаютъ e: stŭojemy, prŭośemy, chvoŭlemy (T).

25) Нарѣчія очень часто принимаютъ приставочное k: znovuk, róvnak (K), jużcik (już), vsędyk, zavdyk, davnok (D).

———

Образцы великопольскихъ говоровъ.

I. Nie będe spał, będę drzymał
będe sobie dziewcze trzymał.
Nie będe spał, będe łaził,
byłem Boga nie obraził

Ino ja tu dziś, da i dziś
ino ja tu dziś, da i dziś,
ino jutro raniuseńko
już mnie nie ujżdrysz, nie ujżdrzysz

Zebyś ty taki jak ja beł,
zjedli-byśma gárnek jagieł.
Ale-ci ty taki nie jest,
to muszema jagieł nie jeść.

Byłem w niebie na pogrzebie
jadem ta jagły.
Kto nie wierzy, niech ze zmierzy
jeszcze gárnek w piekle leży.

(J. Lipińsiki, Zwyczaje i piesni ludu wielkopolsliego. Zbiór wiad. do antrop. kr. T. VIII Mater. etnol. 89, 113. Народный говоръ, очевидно, воспроизведенъ не точно).

II. Добрынскій говоръ.

Jedna dziewczyna, jedna,
Do ogródeczka biegła,
Modre kwiateczki rwała,
Na służbę narzekała.
Służba nieszczęśliwa,
Poni niedogodliwa,
W każdéj robocie chodzę
W niczym jéj nie dogodzę
Lepsząm ja matkę miała
Robić mi nie karala

Jeszcze lepszego ojca—
Kazał mi iść do tańca:
idź, dziewczyno, idź,
Wytańcz że się, przyjdź!
Przyjdę ja o północy,
Oprowadzają mnie chłopcy.
Chłopcy odprowadzili,
Wianuszek utracili.
Oto, dziewczyno, oto,
Odbierz wianuszek, złoto.

(Al. Petrow. Lud ziemi Dobrżyńskiej. Zbiór wiad. do antrop. kr. T. II, (1878) Dz. etnol. 57. И въ этомъ изданіи не переданы особенности народнаго говора).

III. *Калишскій говоръ.* A cegoś, Vojtek, nie był žnovyk na ob'edzie? co ty se myślis, ze jo ci byde do ẏecora nad kuminem śedźała?— Ṿidzita jom! o lo Boga, vřescy lada cego, myśli ze mundro; zrestom iak kceš, to go i zjidz sama, přećek jo na słuzb'e ńe pilnuje ob'adu, ino tego co kozom.—Silny ty mi robotnik, co nimos casu i zechlać ob'adu, a człek ino vařy i vařy.

Cicho, Maryśka, cicho bo...to dopero głupo baba, přećez samo vidźała, zem o samo přypołudńe jechał do ḿasta i tak po chybciku

vróciłem, a terok znóv vřescom po obrok, a liberyjom cyścić, koń ubrać. To śę moze samo zrobi, abo ty za mnie, hę? (I. Piątkowska, Z życia ludu wiejskiego w ziemi Kaliskiéj. Wisła III (1889) 771).

Силезское (Слезское) нарѣчіе.

L. Malinowski: 1) Ueber die Oppelnische Mundart in Oberschlesien I. H. Laut-und Formenlehre. Leipzig 1873; 2) Studyja śląskie. 1882 Rozpr. Wydz. fil. Ak. Umiejęt. T. IX); 3) Zarysy życia ludowego na Śląsku (Z kartą etnograficzną) Warszawa 1877 (оттискъ изъ ж. Ateneum); 4) Ślady dyjalektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego wieku XV i XVI (Rozprawy Wydź. filol. Ak. Umiejt T. VII. 1880); J. Bystroń: 1) O mowie polskiej w dorzecu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim. 1885 (Rozprawy Wyd. fil. Ak. Umiejęt. T. XII 1887); 2) Przyczynek do dialektologji polskiej (Prace filol. 1892. T. IV. z. 1); 3) Wiadomość o śląsko-polskim druku z przeszlego wieku (Тамъ же T. I. 2—1); 4) K jazykové a národnostni otazce ve Slezsku (Slovanský Sbornik Praha III. 1884); 5) O vlivě češtiny na jazyk polsky ve knižectví těšinském (Тамъ же I. V 1886) B. Fiedler Bemerkungen über die Mundart der polnischen Niederschlesier. Breslau. 1841.; Piesni ludu polskiego w górnym Szląsku, wydał Jul. Roger Wrocław. 1863. A. Cinciała: 1) Przysłowia przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku. Cieszyn 1885.; 2) Pieśni ludu Śląskiego (Zbiór wiad. do antrop. krajow. T. IX. 1885). L. Starostzick, Beiträge zur slavischen Dialektologie. Oberschlesische Volkslieder aus dem Kreise Rybnik (Arch. f. Stav. Phil. VIII. 1885 463); Ciechanowski, Pieśni ludu szląskiego z okolic Cieszyna (Wisła VIII. (1894) 312).

Силезское нарѣчіе обнимаетъ всѣ тѣ части Прусской и Австрійской Силезіи, гдѣ еще уцѣлѣла польская народность; въ Пруссіи это главнымъ образомъ Верхняя Силезія и часть Средней (округи ключборскій, олескій, люблинецкій, велико-стрѣлецкій, козельскій, тошко-гливицкій, бытомскій, пщинскій, рыбницкій, ратиборскій, части округовъ: сыцовскаго, намысловскаго, брежскаго, опольскаго, прудницкаго, немодлинскаго и глубчицкаго), въ Австріи Тѣшинское княжество. Съ западной стороны силезское нарѣчіе (какъ и великопольское) сильно стѣснено нѣмецкою рѣчью, которая въ настоящее время уже господствуетъ на территоріи Нижней Силезіи и большей части Средней, нѣкогда составлявшей достояніе польскаго народа. Въ юго-западной части обѣихъ Силезій къ нему примыкаетъ область

чешско-моравскаго языка (ляшское и валашское нарѣчія, (ср. выше стр. 209, 213); на границѣ между двумя языками наблюдаются смѣшанные переходные говоры [1]). Слѣды силезскаго нарѣчія указаны уже въ памятникахъ письменности XVI в., напр. въ старопечатномъ протестантскомъ катехизисѣ Библіотеки Красиньскихъ (Maly Catechismus dla pospolitich plebanow y kasnodzyeyow (См. указанный выше въ заголовкѣ трудъ Л. Малиновскаго Ślady dyjalektyczne и т. д.). Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія сдѣлана была попытка (kc. A. Stabik, dr. Haase) возвысить силезское нарѣчіе на степень литературнаго языка [2]), но попытка эта не имѣла успѣха. Силезское нар. складывается изъ большаго количества говоровъ. По замѣчанію проф. Л. Малиновскаго, въ каждомъ округѣ, даже въ каждой деревнѣ Силезіи народъ отличается отъ своихъ сосѣдей особенностями своей рѣчи; впрочемъ, наибольшее разнообразіе говоровъ наблюдается среди обитателей горъ; въ равнинахъ діалектическія различія не такъ многочисленны и характерны. Изъ всѣхъ этихъ говоровъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія имѣются только о нѣкоторыхъ, именно: объ опольскомъ (работа Л. Малиновскаго), рыбницкомъ (матеріалы Старостзика), говорѣ окрестностей Тѣшина (матеріалы Цинцялы) и западнотѣшинскомъ или „ляшскомъ" въ области рѣчекъ Стонавки и Луцины, (монографія Быстроня [3]). Впрочемъ, для изученія носовыхъ гласныхъ, самой характерной особенности силезскаго нарѣчія, пр. Л. Малиновскій давно уже собралъ весьма цѣнный матеріалъ, относящійся къ очень многимъ говорамъ (Studyja śląskie 1882); къ сожалѣнію обѣщанная авторомъ вторая часть труда, которая должна заключать обработку этого матеріала и выясненіе общаго вопроса о силезскихъ говорахъ до сихъ поръ не появилась въ печати.

Важнѣйшія особенности Силезскаго нарѣчія:

1) Начальныя a, e, i, u въ опольск. г. не нуждаются въ придыхательныхъ согласныхъ: aż, abo, adresa, Adam, Eva, igła, ulica;

---

[1]) См. этнографическую карту при сочиненіи пр. Л. Малиновскаго Zarygy życia ludowego na Sląsku W. 1877.

[2]) Отмѣтимъ напр. переводы изъ Шиллера: 1) Ten Uebersetzung tego Touchera. Niejakiejs bojki łod Pana Schillera 8⁰; 2) Ta Rankawica łod Pana Schillera übersetzowanoł przez Dr. Haase pierwej we Wołczynie 8⁰ 7. Drukiem i nakładem E. Thielmanna w Kluczborku.

[3]) При дальнѣйшихъ ссылкахъ опольскій гов. обознач букв. O, Рыбницкій—P. Тѣшинскій—T.

напротивъ о, звучитъ съ придыханіемъ какъ ᵘo: ŭobjáŭd. Въ тѣшин. г. (ляшск.) начальныя а, е, u иногда принимаютъ придыханіе: Hona, harest, haptyka, Jadam, Jeva, hólica; начальн. і звучитъ всегда какъ ji; о, напротивъ, всегда произносится чисто, безъ придыхат. u: jinsy, ob'ad.

2. Общепольск. а иногда соотвѣтствуетъ е: α, въ повелит.-н. davej, krej, ṽitej, dejce (ср. великопольск. и малопольск. н.) β, въ -nej: nejlepši, nejḿenši и т. п. (T); γ, въ слѣд. словахъ leda, jermak, lemovać, trefać, retovać (нѣм. treffen, retten) въ čakać (T)-общепольск. čekać сохран. древн. а; иногда а замѣняетъ нѣмец. ä и о: harynek (häring), jargać śe (sich ärgern), larmo (lärm), malta (mörtel), maras (morost) (T).

3) Древнее е не всегда расширяется въ о, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ; напр. ńesem, nesóḿ, ḿetła и т. д. (ср. малопольск. и велипольск. н.).

4) Общепольск. е передъ m, n переходятъ въ é, y, а если е предшествуетъ мягкій согласный, то въ i: zy młyna, vy mlyńe, poni-mecku, ńi nosiła (T); ńi образов. изъ ńe je; въ мѣстоимен. и сложн. ск. -ji вм. je и передъ другими согласными moji, naši, ṽelki, lepši (ср. р. ед. ч.), našigo, ṽelk'igo, lepšimu. Въ Т. (лясов. г.) вм. ije—i (какъ въ чешскомъ) ṽešeli, kořeni.

5) Старослав. ѣ обыкновенно соотвѣтствуетъ ᶦa: ŕazać, но železny, želežńica.

6) I передъ твердымъ ł переходитъ въ е или u: beŭ, (bił) p'eu, chvałeu, lubuŭ (O); въ Т. lebo, также jegła, leluja, letanija. Въ окрестн. Тѣшин. вм. y послѣ š, č, ž, ř слышится почти е. Češen, Třêneс. Въ Оп. н. і часто не смягчаетъ предшествующихъ k, p: pic.

7) О передъ m, n звучитъ какъ ǫ: dóm, dóḿe, koń, końa; do dómu (O). Вообще о чередуется съ ó и u: spósób (O) spusób (T.) pómoż, pumoź, zguła, kumin, kumoter, undy, unuca (T).

8) Вм. общеп. ro, ło кое-гдѣ ra-ła (вѣроятно, подъ вліяніемъ чешск. яз.) błana, błavny, chlapec, vłada, sładěk, krapka, ždravaś (T.).

9) Вм. u въ Т. часто ó: dłótko, tłóc, dłógi, płóg, fónt, pérón, hólica.

10) Сжатое á въ Оп. г. звучитъ какъ á (передъ r, j) aᵘ, о и ó, (передъ m, n): jáma, ŭogóŭńać, ŭob'áŭd, pon, doł, zóń, T. (лясовской)—ǫ, u (фридецк. окр.): pon, mum, byvum.

11) Сжатое ó звучитъ почти какъ u; между прочимъ o является въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. глагол. II кл. dźvignóć, dźvignón, -óna (O.) usnóła (T.), а также вм. á, ó, u (см. выше п. 7, 9, 10).

12) Сжатое e сохраняетъ свой основной выговоръ (т. е. e, приближающееся къ i, y); оно встрѣчается чаще, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ; между прочимъ выступаетъ: α, вм. ė передъ каждымъ m, n: sercém; β, вм. старосл. ѣ: b'éda, mléko, řéka; γ, въ окончаніяхъ, развившихся путемъ стяженія изъ ije, oje, ajego, ajemu; vešelé, dobré, dobrégo; δ, вм. ę (иногда): vžéna (прич. прош. дѣйств.), ḿéso.

13) *Обиліе и разнообразіе носовыхъ гласныхъ.* Кромѣ общепольскихъ носовыхъ ę и ǫ существуютъ еще древнее носовое a, т. е. ą (ą̃) и развившіеся въ позднѣйшую пору носовые i, y, u т. е. į. y̨, ų; напр. gąboḱi. tą, mogą, śnį cemny̨, v́idzų.

Сверхъ того, по наблюденіямъ Л. Малиновскаго, и другіе гласные звуки могутъ произноситься съ носовымъ резонансомъ; именно: ä, ó, ou, группа iw (=ił); напр. kę́s, mę́źa, żoną̈, źeḿą̈, jǫ, toų troųboų, vźiw̨. Наконецъ, каждый изъ носовыхъ гласныхъ въ различныхъ говорахъ или отдѣльныхъ словахъ представляетъ свои оттѣнки выговора: то гласный произносится только съ носовымъ резонансомъ, то за носовымъ резонансомъ слышится еще согласный носовой n или m, то, напротивъ, (особенно въ концѣ словъ), носовой резонансъ едва замѣтенъ; напр. męża, prędko, kę́s, chcę́ń (=chcęj), rybę̨, rybą, gąmba, rąnka, vdovą̈, mǫž, masynǫm, majų, kų̈ski.—Гласн. ą соотвѣтствуетъ: 1) старослав. ѫ (общепольск. ę), α, въ срединѣ словъ послѣ твердыхъ согласныхъ: kądy, bądze, gąbą, mąželski, rąki; β, въ исходѣ словъ послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, именно въ вин. п. ед. ч. жен. основ. на -a, вин. п. ед. ч. жен. р. мѣстоимен. скл. и въ 1 л. ед. ч. наст. вр.; напр.: tą, drógą, córką, mogą, idą, bandą, boną (=będę); chcą, rob'ą, 2) старослав. ѧ (общепольск. ę) въ оконч. имен. и вин. п. ед. ч. основ. средн. р. на n, t: jiḿą, raḿą, ćelą.—Гласн. ą̈ въ произношеніи занимающій средину между ą и ę (какъ въ французск. -mien, tien) и какъ бы замѣняющій ą выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и послѣдній звукъ: žoną̈, krejdą̈, pudą̈, ńe možą̈ (Павловичекъ). Гласн. ę́ и ǫ́ представляютъ собою такія же соотвѣтствія къ ę и ǫ, какія é и ó къ e и o, напр. ḿinę́wa,

jó₍, só₍. oų замѣняетъ ǫ или ą: toų, stanoųć. Гласные į, y₍, ų возникли изъ соотвѣтствующихъ гласныхъ i, y, u + n или m; s ty₍, śnį pękny₍ před drugį (твор. п. ед. ч.), ty₍, ubogį (дат. п. мн. ч.).—Наклонность къ носовымъ гласнымъ въ силезскомъ нарѣчіи такъ велика, что не только i, y, u, но и a, e, o въ соединіи съ n или m превращаются въ носовые гласные; такъ получаются ą, ę, ǫ вторичнаго образованія, fąndamątu, tą (tam), cwoѵek'ę, ѵilk'ę, język ę (твор. п. ед. ч.), potę (мѣстн. п. сред. р.) dǫ (=dam), nǫ (nam), čekǫ, do dą (do dom), žbóńikǫ₍ nogą (дат. п. мн. ч.), ѵę (vem). Подобнымъ образомъ é₍, ó₍ могутъ быть такого же вторичного происхожденія: coѵek'é₍ sporobké₍, ȕokné₍ (твор. п.) mó₍, dó₍ (mam, dam), nó₍ (nam) córó₍ (д. п. мн. ч.). Иногда возникаютъ носовые изъ чистыхъ гласныхъ: ḿęskawa, ną, mątel (medal), velką (tą gośćina ѵelką była—Павловичекъ) rožmąńci (=rozmajići), poѵadą (3 л. ед. ч.) plǫnt (=plótł, Висла); но часто ḿedzy рядомъ и общепольск. ḿędzy. Въ разныхъ говорахъ указанныя явленія въ области ринезма представлены въ различной степени. Бóльшее богатство и разнообразіе носовыхъ наблюдается въ Прусской Силезіи, (особ. въ опол. гов.); въ Тѣшинскомъ княжествѣ ринезмъ развитъ значительно меньше, особенно въ говорахъ, сосѣдящихъ съ чешско-моравскимъ нарѣчіемъ (напр. въ ляшскомъ гов.).—Не смотря на пристрастіе силезскихъ говоровъ къ гласнымъ и здѣсь, (какъ въ другихъ нарѣчіяхъ) наблюдаются то болѣе, то менѣе часто случаи паденія древняго общепольскаго ринезма; носовые гласные иногда замѣняются чистыми, иногда разлагаются на чистые гласные + m, n; напр.: ḿe, će, śe, (въ селѣ Куявы) śe, śé₍, śą, śej), na góra, na paḿątka, na każdo strona, na cesta вин. н.), na ta ťara, matke, chvilke, zone (вин. н.) skoud; vzón, vżeni, vżeni, zanknón, scejsće, sceśće, pékne, vpadnoł, śednuł; banǫ (będą), bede, byde, bedzemy, beńdze, bydǫ, bydže, kandy, rańki, gamb'e (Козля) som, sum, dadzum, bydom, jidom, strojom, dostanom, sosnam, rankam, głoѵam, matkam, jednam, svojam (вин. п. ед. ч. Боброво), ѵečeru, drugum, třećum (вин. п.) sługum, babum, šabłum (твор. п.) se mnum, sebum, (Боброво), dżóvkom, šablom, że sebom (твор. п. Ратибор), takom pańóm, na drugóm noc (вин. п.) złośćóm (тв. п. сел. Сухи Тѣш. кн.), wǫkem, láskem, stronem (вин. п. Лиготка) и др.

14) Твердое ł звучитъ какъ ŭ въ большей части говоровъ; только въ округ. прудницкомъ, глубчицкомъ, части бытомскаго, и въ тѣшинскомъ кн. ł сохраняетъ свой исконный выговоръ: byŭa, šŭa, vidzi...

gůova и była, šła, głova; впрочемъ и у тѣшинскихъ горалей ł также = ů.

15) Мягкое ř не совпадаетъ въ выговорѣ съ ž, а сохраняетъ элементъ r (какъ бы rr***) moře; иногда ř не смягчается передъ e въ наст. вр.: bereš (Т.).

16) K и p часто не смягчаются передъ i, а k и g и передъ e, é: pić, s Bogem, peḱemy.

17) Между h и ch вообще значительная разница; въ тѣш. г. (лясск. г.) вм. обще-польск. g слышится h: hróm, hruza; вѣроятно это h проникло изъ чешск. яз.

18) Вм. j часто слышится ń (какъ въ лясов. и зебжидов. г.): ńedbavny, vyńść, vyńdźe, odeńść.

19) Шипящія č, ž, š звучатъ по мазурски какъ c, z, s только въ одной половинѣ силезскихъ говоровъ, именно въ округахъ сыцовскомъ, намысловскомъ, ключборскомъ, бржескомъ, олесскомъ, опольскомъ (за исключеніемъ южной части), люблинецкомъ и въ восточной части бытомскаго и пщинскаго; въ другой сохраняется шипящій выговоръ этихъ согласныхъ, именно въ южной части опольскаго округа, въ стрѣлецкомъ, тошко-гливецкомъ, и западныхъ частяхъ бытомскаго и пщинскаго, въ рыбницкомъ, ратиборскомъ, козельскомъ, прудницкомъ, и глупчицкомъ и почти вездѣ въ тѣшинскомъ кн.; напр. čłovek, čovek, covek. Въ Яблонковѣ вм. č, ž, š слышится ź, ś, ć; śeść (šešć), źona.

20) Сочетанія zr, sr принимаютъ вставное d, t: zdřadło, střoda, střebro.

21) Исчезновеніе согласныхъ: g: robak, dyć, dźe; k: po leku: t: jes и je: d: vele, pošoů, ć: ṕeń (ṕęć); b: třa; r: kacma, kacmař, stuchůa, ł: nós, vóz, ḿyn, godę, covek, mody, suga, gupi, přyjón, postanón; j: přyde, pódz, vynáůd; ž: zavdy; v: stóvać; skřišeńi, perši; h: osfęger (Hirschfänger); j: uz; передъ каждымъ i.

22) Расподобленіе согласныхъ: vsyćko, mojmur, mulář, lejstřik (register), bogajstvo, dochtor, chtóry, chto, styře, stvarty, skovej.

23) d + ś = c въ přece, přeca.

24) Перестановка звуковъ: nedbav,- jedbav, manźołka, křipop, burkovać, durkovać, korovłat, pyrskać и др.

25) Въ *род. п. ед. ч.* часто сохраняются (какъ и въ другихъ

нарѣчіяхъ) древнія окончанія—a (м. р.), e (жен. р.): płota, lasa, suknie, prace; такъ же—krwe, mateře.

26) *Вин. п. ед. ч.* имен. жен. р. представляетъ различныя окончанія, соотвѣтственно различнымъ видоизмѣненіямъ носовыхъ гласныхъ (ср. выше): ą (т. е. ą̃) an, am, a, ę, em, e, um: matką, matkąn, matkam, matka, matkę, matkę; stronem, večerum. Тоже разнообразіе и въ *твор. п. ед. ч.*: ǫ, ǫ́, oų, ų, om, óm; um: rąkǫ, rąkǫ́, troųboų, drogų, dziovkom, babum, šablóm.—Аналогичныя формы для тѣхъ же падежей наблюдаются въ мѣстоименномъ и сложномъ склоненіи; вин. п. tą, tąm, tam, tóm, ta, tǫ, tǫ́, ją, jų, jųm, na, num, takom, samom, *твор. п.*: mnǫ, mnǫ́; mnum, sebóm, tobǫm, tǫ, tǫ́, toų, tų, tum, milǫ́, milum, svojóm, suchom.

27) Въ окончаніяхъ *твор. п. ед. ч.* именъ муж. род., въ *твор.* и *мѣстн. п. ед. ч.* муж. и ср. р. мѣстоимен. склон. и въ *дат. п.* множ. ч. именнаго и мѣстоименнаго скл. выступаютъ носовые гласные: nosę, vilkę; s ty̨, s nį, pekny̨; potę, zbónikǫ, nogą, córǫ́, nǫ; į (ím), ty̨, ubogį.

28) Въ 1 л. ед. ч.—оконч.—ą, ą̆, ę, ę́, a, e, yn, em, ím, ám, am: mogą, pódą, chcă, znejdę, vylezę, prošę́, byndyn, dźękuja, pomoźąm, bydam, idam; bede, byde, vezne, pomogem, přidem, prošem, chodzim.

29) Въ 3 л. мн. ч.—ǫ, ǫ́, ų, ǫ̨m,—om, um: sǫ, benǫ, banǫ, rob'ǫ, dadzǫ́, jidų, sum, bydom, dostanom, ligajom, mogǫ́.

30) Въ прошедш. сложн. въ 1 л. ед. и мн. ч. является ch вм. ś: byłech, pisałechmy; это ch проникло и въ настоящее сущ. глаг.: joch je, jos je. mychmy som или sómechmy, vyśće sóm, sómeśce.

Образцы силезскихъ говоровъ.

1. Бытомскій окр., село Radzionków.

Do tego tu dómu vstępujemy,
Sceściá, zdrová, vinšujemy,
Naz gáik źelony
Piéńknie ustrojony.
Na nasym gáiku malovane jajka,
Co je malovaŭa Radźeńska karcmarka;
Na nasym gáiku źelone stązecki,
Co ich navesaŭy Radźeńske dźévecki.

V tentam polu kaḿenica,
Za tǫ kamenicǫ źelona pšenica
Daj ci Pańe Bože, coby śe zrodzíůa,
Na tén novy rocek ludźom źąc godziůa.
Jesce ńe śejeće ani ńe ořeće
A jus ѵeće, co za ńe b'ereće,
B'ereće b'ereće obite talary
Co vóm śe samuśké po stole kulauy.
Nasi kśęzasek pięnkńe kóńe majóm,
K'edy jé vypuscóm, jag uańe skakajóm,
A jesceby óny i péknéjse byůy,
Ale pacholicak trocha do nich zgniůy (lenivy).
(L. Malinowski, Zarysy życia lud. na Szląsku 56—57).

2. Опольскій округъ, село Gosłavice.

Vyńosůychmy mařanecką[1]) (или śḿetką) ze vsi
Pŕyńosůychmy źelony gáj do vsi.
Nas gáicek z lasa jedźe,
Pŕyglǫdajǫ mu śe z Gosůavic ludźe,
Jedźeć ón jedźe po lipovy, mośće,
Pŕyglǫdajǫ mu śe panoѵe i gośće,
Do tego tu dómu pŕystampujemy,
Scęściáu, zdroѵau vinsujemy.
U tego tu pana śǫ vysoḱe ůokna;
Zglǫndaůa Kaśka z vysoka,
Ej zdrova zglǫndaůa,
Janicka uźdrzaůa.
Naz gáik źelony
P'ekńe pŕystrojony.
Ej idźez ón po paůaci
Scekajǫ na ńego psi kudůaci и т. д.
(Тамъ же 59).

[1]) ą обозначаетъ носовое a.

3. Рыбницкій округъ.

Cemušci mi, moja matko,
Dali čorny habit šyć?
Jo do kloštora ńe puda,
Bo jo pannum ńe hca być
Bo v klostoře, mocny Bože,
Třeba bardzo včas stovać,
Juš o drugi po póŭnocy
Třeba godzińki śpevać.
Vleza na hór, vejzdřa na dóŭ
Vidza svego méŭego
Kśonžečki mi z ręki lecum
Keby jako do ńego.
Vleza vyży, vejzdřa niży,
Ujzdřa svego drugigo
Aże mi śe serce kroje,
Ot méŭośći do ńego.
Zleza s hóru kole muru
A tam me potkoŭ kśąts:
M'éuy kśẽnże i fařořu
Z mojim méŭym me dźiś zv́onš!
O pańenko ty kloštorno,
To nigdy być ńe może,
Bo śe żodno panna s hóru
V'õncy vydać ńe może.

(Arch. f. Slav. Phil. Bd. VIII, 471).

4) Тѣшинское княжество.

а) *Деревня Висла.*

Zašuḿaŭa żeloná dǫmbrava,
Zašuḿaŭ też i gáj;
O cóż puačeš nadobná dźévečko,
Ċy ci v́onka żal?
Źal mi v́onka,
Střybnego ṕerśćonka,
A jeny mi go źal!
Cemuż go vtedy ńe żalaŭa,
K'edych ci go braŭ?
Maŭach byŭa, maŭych rozum ḿaŭa
Terazy mi go żál
Uvij se go ty š červ́onéj rózyčki
N'e bedźe ci go żál.
Uviŭoch se go s červ́onéj różyčki,
Chyciŭach se go do pravéj rǫczyčki
A jeny mi go żál.

(L. Malinowski, Zarysy życ. lud.. 86).

б) *Ляшскій говоръ.*

Vařiła myšicka kašicke.
Temu dała na misečke, temu na ryndliček,
Temu do gárnečka, temu na taleřiček,
Temu ostatńimu głovičke urvała
B'eżała, b'eżała tam śe skukała (Rozpr. Wydz. fil. Kr. Ak.
T. XII, 84).

Мазурское (мазовецкое) нарѣчіе.

A. Brückner, Z przeszłości gwar polskich (Wisła T. VI (1892), 4, 865; J. Sembrzycki, a) O gwarze mazurów pruskich (Wisła, T. III (1889) 72; б) Przyczynki do charakterystyki mazurów pruskich (Тамъ же T. III, IV, V); W. Kętrzynski, O Mazurach. Poznań, 1872, русскій переводъ въ „Славянскомъ Сборникѣ“ (Спб.). T. III; K. C. Mrongowjusz a) Słownik niemiecko-polski. Danzig, 1823; б) Grammatik der Polnischen Sprache. Danzig, 1831; в) Słowa Xenofonta o wyprawie wojennej Cyrusa, Gdańsk, 1831; Jerzy Olech, Przyjaciel Dzieci. Królewiec 1816; Gustaw Gizewjusz, Sielanka to jest powieść wieyska Kazimierza Brodzińskiego w Holsztynie i Holszťynku ок. 1861; Karol Sembrzycki, Powieści i pieśni dla Mazur. ок. 1861; H. Frischbier, Preussiche Sprichwörter und Volksthümliche Redensarten, Berlin. I. 1865; II 1876; J. A. Helwing Supplementum Florae Prussicae Данцигъ 1726; J. Karłowicz, Dziesięć pieśni mazurskich (Prace filol. T. II (1888) z. 2); — Osk. Kolberg, Mazowsze. Obraz etnograficzny. T. I—VI, 1885—1892; St. Ulanowska, Niektóre materyjały etnograficzne we wsi Lukowcu (mazowieckim) (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. VIII, 1884. Mat. etnolog. 247); W. Grzegorzewicz: 1) O mowie ludowej we wsi Lukowcu, w powiecie Garwolińskim (Sprawozd. Komis. językow. Akad. Umiejęt. T. V, 1844, 148); 2) O języku ludowym w powiecie Przasnýskim (Тамъ же 72); St. Chelchowski, Podania z okolic Przasnysza. Biblioteka Wisły t. III, VI; Z. Wasilewski, Jagodne, wieś w powiecie Lukowskim, gminie Dąbie, zaryś etnograficzny, z licznemi rysunkami. Biblioteka Wisły, T. IV, A. Zakrzewski, Podlasie (Wisla T. III, 309).

Подъ понятіе мазурскаго или мазовецкаго нарѣчія можно условно подвести говоры, которыми говоритъ славянское населеніе, извѣстное подъ именемъ Мазуровъ и занимающее сѣверо-восточныя польскія земли, т. е. южную часть Восточной Пруссіи (уѣзды оструддкій, ниборскій, щитенскій, зондзборскій, янзборскій, лэцкій, лецкій, олецковскій, гольдапскій, венгобарскій и части растенборскаго и моронскаго) и т. н. Мазовшье и Подлясье т. е., сѣверо-восточную часть Царства Польскаго (губерніи Плоцкую, Варшавскую, Сѣдлецкую и Сувалкскую) и западную Гродненской губерніи.—Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ Мазуры [1]), населяющіе означенныя земли, первона-

[1]) Кстати здѣсь замѣтить, что имя Мазуровъ примѣняется также къ Полякамъ, занимающимъ западную Галицію.

чально составляли одну этнографическую разновидность польскаго народа. Историческими разысканіями выяснено, что прусскіе Мазуры собственно ранніе переселенцы изъ настоящаго „Мазовшья". Но въ настоящее время прусскіе Мазуры отличаются болѣе или менѣе значительно отъ Мазуровъ (или Мазовшанъ) Царства Польскаго какъ въ культурномъ, такъ этнографическомъ отношеніяхъ. Первые принадлежатъ къ евангелической церкви, давно живутъ подъ сильнымъ политическимъ и духовнымъ вліяніемъ Германіи, не принимаютъ никакого участія въ культурной жизни другихъ частей польскаго народа и такимъ образомъ выработали свои особенности въ физическомъ типѣ, народномъ характерѣ, бытѣ, обычаяхъ и языкѣ. Вторые, какъ и все вообще польское племя исповѣдуютъ католицизмъ, въ большей степени сохранили свою славянскую старину или измѣнили ее подъ вліяніемъ иныхъ культурныхъ и политическихъ теченій, были и остаются видными дѣятелями въ созданіи современной польской образованности, а потому и не удивительно, что народные говоры ихъ, вообще болѣе сближающіеся съ литературнымъ языкомъ, представляютъ иныя черты, отличающія ихъ отъ нарѣчія прусскихъ Мазуровъ. При такомъ положеніе дѣла удобнѣе каждое изъ этихъ нарѣчій разсмотрѣть отдѣльно.

I. *Нарѣчіе прусскихъ Мазуровъ.*

Прусскихъ Мазуровъ насчитывается до 300,000 ч. Образцы ихъ нарѣчія встрѣчаются уже въ рукописяхъ и старопечатныхъ изданіяхъ XVII в.[1]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ патріатовъ (Мронговіусъ, Олехъ, Гизевіусъ, К. Сембрицкій, Фришборъ) издано нѣсколько книгъ на мазурскомъ нарѣчіи. Изученіе самаго нарѣчія не отличается полнотою и обстоятельностью. Наиболѣе точныя свѣдѣнія о немъ сообщены Кэнтжинскимъ и Сембжицкимъ (Ср. заголовокъ). По утвержденію послѣдняго (Wisła III. 79) въ мазурскомъ нарѣчіи можно различить 4 главныхъ говора: восточный, средній, ниборскій и остродскій; изъ нихъ средній, или щитенскій нужно считать самымъ характернымъ и наиболѣе свободнымъ отъ вліянія нѣмецкаго языка.

---

[1]) Ср. указанную выше статью Брикнера въ Wisla III.

Важнѣйшія особенности.

1) Открытое a обыкновенно звучитъ какъ нѣмец. ä, а на востокѣ и совсѣмъ какъ e; напр. läskä pán, pänä, pänu, pänie, pänove, gádäläm, mäły, tä sämä, sänovänа; kieväł (вост.), käväł (западн.), kierty и kärty; ä mesva nimä esce penicku (= литерат. a masła niema jeszcze, paniczku). Иногда вм. a слышится чистое e: redä (rada), jevor, jerząb, kesień, reńe (ramię).—Въ остродск. г. вм. a часто o nom, jo, żogodka.

2) Вм. e, o нерѣдко сжатыя é, ó, при чемъ é=y: sérce, cymno; zónä (żona), zvóń (dzwon).

3) I и y иногда чередуются или смѣшиваются: namy, cisty, ziłä.

4) Носовые гласные исчезли; они или разложились на чистые гласные + n, m, или совсѣмъ замѣнились чистыми: ǫ (= книжн. ą) = ón, um (въ срединѣ словъ), o (на концѣ); напр. bónk, dumb, dajo; ę = in, én (въ срединѣ) и e (на концѣ): odmint, rinke, mätke, ṕinc, binde и byde.

5) I, y передъ ł переходятъ въ u: b'uŭ, źuŭ (żił), přebacuŭ, prośuŭ, kuṕuŭ; также buŭ.

6) Вм. обще-польск. č, ž, š, dž слышатся c, z, s, dz; напр. dźevcynä, do vecorä, rodzina näsä, zoravé, sŭuzbä, Boze. Эта черта особенно бросилась въ глаза первымъ изслѣдователямъ народной рѣчи и была названа „мазурованіемъ", но она, какъ указано выше, не составляетъ исключительной особенности мазурскихъ говоровъ. Впрочемъ, въ восточномъ говорѣ (остродскомъ) всюду слышатся č, ž, š, dž. Въ отдѣльныхъ словахъ не чужды шипящія и центральному говору; напр. žäbä, šubenicä.

7) Твердое ł звучитъ какъ ŭ или v: ŭavka, vavka, gŭova, svysys; часто ŭ (= ł) передъ слѣдующимъ гласн. u исчезаетъ: mniuje (miłuje).

8) Мягкое v́ превращается въ j (черезъ разложеніе v́ на vj и уподобленіе v согласному) chjilka, kjat, drzji, ječor, jetrak, jim, (wiem), nojcny, jino (wino), jilk, josna, ojes, moje (mówię).—Мягкое ḿ превращается въ mń: mnilość, ńemńecki, mńeška (такъ и въ говорѣ Курпиковъ въ Плоцкой губ.).

9) Въ ниборскомъ г. (Naidenburg), v́ = vź, ź, b' = bź, ṕ = pś, ḿ = mz, f' = ś; človzek nazvziskem Zilkowski, v Ruskovze na żeřchu, osobliźe, Silice (вм. Filice), v złobze, psismo. Тоже явленіе въ говорѣ Курпиковъ Плоц. губ.

10) **Ch** произносится мягко, какъ въ нѣмецкомъ яз. въ словѣ dich передъ a, e, i, y; напр. ukochjany, chjałupnik, ch'yba. Наиболѣе распространено такое смягченіе **ch** въ восточномъ г.

11) Начальные a, e, i обыкновенно произносятся съ придыхат. j: Jebram, Jedam, Jevka, jígŭa, jesce (въ ниборск. г. ješče), но въ вост. г. esce.

12) Исчезновеніе согласныхъ: **v**: goźdź, piersi, goździki; **d**: żban, barzo, la; **z**: zara; **st**.: je.

13) **Chv** иногда = f, falić и vchalić fatka (ср. серб. и болг. фала фалим); также и вм. **ch** возможно **f**: figel; на оборотъ ch'ołki (fjołki).

14) Chto, chtoren, chtory; kruška (gruška), jelgi (wielki).

15) Дат. п. на — **oju** вм.—**owi**: clovekoju, ojcoju, sércoju (такъ и въ говорахъ Мазовшья и велико-польск. добрынскомъ). Объясненіе см. выше стр. 520.

16) Имен. п. мн. ч. на—**oje** вм. **ove**: na głoje.

17) Окончанія 1 и 2 л. двойств. ч.—**ma**, **va** часто замѣняютъ соотвѣтствующія окончанія множ. ч. въ настоящ. вр. и повелит. н.: móviva, mova, mata.

18) Обиліе германизмовъ, особенно въ восточномъ говорѣ.

II. *Говоры Мазуровъ Царства Польскаго.*

Говоры Мазовшья и Подлясья довольно многочисленны и разнообразны, насколько можно судить о томъ по извѣстнымъ пока даннымъ. Изъ нихъ описаны лишь нѣкоторые. Различіе касается иногда такихъ существенныхъ признаковъ, какъ напр. выговоръ носовыхъ гласныхъ. Но рядомъ съ этимъ не мало чертъ, сближающихъ эти говоры какъ между собою такъ и съ нарѣчіемъ познанскихъ Мазуровъ. Отмѣтимъ тѣ и другія черты, имѣя въ виду главнѣйше слѣдующіе, наиболѣе извѣстные говоры: *Курпицкій* (въ Плоцкой г. Kolberg, Mazowsze. IV) *Прясныскій* (въ Плоцкой г. Grzegorzewicz. O języku ludowym w powiecie Przasnyskim. Sprawozd. komis. język. T. V), *Луковецкій* (въ Гарвашинскомъ у. Сѣдлецкой губ., St. Ulanowska, Niektóre materyjały etnograficzne we wsi Lukowcu (mazowieckim). Zbiór wiadom. do antrop. krajw, T. VIII, 1884 и W. Grzegorzewicz, O mowie ludowej we wsi Lukowcu, w powiecie

Garwolinskim. Spraw. komis. język. T. V) и *Бѣльскій* (въ Подлясьѣ, Wisła. III 323) [1]).

1) Мазурованіе, т. е. замѣна č, ž, š, dž черезъ c, z, s, dz—всеобщая черта; напр. cekać, zacyna, zyd, zal, syroki, přyizdzy; но иногда š, ž (особенно передъ a, e) и согласн. звучатъ какъ ś, ź: Warśiawa, kośula, śpak, źelazo, źaba; рѣже вм. č—ć. ćtery.

2) Твердое ł сохраняетъ свой основной выговоръ. gŀova; въ прич. прош. ł исчезаетъ послѣ согласныхъ: umar, niós, mόg. Въ Л. и въ 1 л. прош. вр. przyniósem, mógem; въ Б. podjadem, ukradeś.

3) Вм. n иногда m mitka, miecki, mizsy, śmig, ḿeḿec (Л.), ḿemy, ḿeḿee, ḿić (nić) (Б.); вм. ḿ иногда mń: śmńerć, gmńina, mńasto, mńara, zmniłuj śę (П).

4) Согл. r иногда смягчается передъ a, u и согласными: třuskawka, dřacnić, chřabonsc, ćeřpi, ceřnice (П), dźevąćeřník, biedřonka (Л).

5) Носовые гласные въ П. и К (какъ въ нар. прусск. Мазуровъ) часто теряютъ свой исконный выговоръ: въ срединѣ словъ они разлагаются на чистые гласные + m, n, а въ концѣ замѣняются чистыми гласными; именно обще-польск. ę = en, é, e; обще-польск. ǫ = om, on, óm, ón, o; напр.: ḿenso, ṕeńendze, beńdzé, minéła, stanéły, légnéła; bede, bedo; ide, póde, cisne, píje (1 л. наст. вр.), v łónke, na také chorobe, před chałupe, vode (вин. п.), śe, me (но и sę), somśad, ḱsondź, flondra, sómśad, dróng, łónka, vźon, dźvignonem, minoł; jado, so, płaco, bolo, gońo, mogo (3 л. мн. ч.), matko, ręko, gmnino (тв. п.), jo (в. п.), nademno, nad sobo. Въ Лук. г. не только сохранены обще-польск. ę и ǫ, но существуетъ также носовое a, т. е. ą (ą̂). Гласн. ę слышится только на концѣ словъ: grogę, rackę, ukradnę, ḿę, но и ma; въ срединѣ словъ вм. ę обыкновенно ą̂: gołą̂b'e, gą̂b'e, ną̂dzy, rą̂ku, ją̂zyk, ḿą̂so, głą̂boko, ṕą̂kńe, scą̂nślivy, dźevą̂ć, bą̂dźe. Впрочемъ изрѣдка слышится и ę: pęcak, jęzor, rękoma; ǫ тамъ гдѣ и въ литер. яз.: gǫska, łaskǫ, mǫdry и т. д. Случаи утраты ринезма весьма рѣдки; ǫ удерживается и въ прич. прош. глаг. II кл.: kopnǫł. Въ Б. тѣже носовые гласные, что въ литер. яз.

6) Сжатыя á, é, ó вообще очень распространены въ П., К. и особенно въ Л, при чемъ á часто звучитъ какъ o, é всегда какъ i (y), ó всегда какъ u; напр. въ Л. всякое a = старо-слав. ѣ звучитъ

---

[1]) Для краткости отмѣчаются Курпицкій гов.—К, Прасныскій—П, Луковецкій—Л. Бѣльскій—Б.

какъ á: dzád, cás, lás, b'ały; также pán, vám; въ П. вм. á слышится и ó: vóm, sóm; dóm; mómy; въ Л. ó въ оконч. род. п. мѣст. и слож. скл.: dobrygó jigó; въ Л. каждое e соотвѣтств. старо-слав. ѣ звучитъ какъ i: chliba, śmig, ḿliko, dźívka, střylać, śrybło; также передъ m, n: jedyn, bratym, stołym (тв. п.), stanąłym, jestym, dobrygo, sIdm, sirp, —напротивъ въ Б. a не подвергается сжатію, a o рѣдко: gora, poźno.

7) Гл. i иногда звучитъ какъ y: jabkamy, nogamy, pilnovaly (муж. р.) (Л), gmyna, śvyńa, temy listamy (П).

8) Гл. i передъ ł (въ прич. прош.) переходитъ въ u, или ó: zrob'uł, postavuł, posadźuł; также buł (П. Л. Б.).

9) Вм. открытаго a иногда e: remne, Podoleńec (П), nemće (na mocie), frejki, dej (L), jedło, reda, reḿe (Б).

10) Въ Л. e передъ m, n переходитъ въ a: źaḿa, pananka, ubogamu, ozanę; въ твор п., особенно послѣ k, g: křykam, bogam, głonkam, okam, oknam, na kam, polsikam królem, po królstve ńebesśkam; также vatovać, vašele, v křaśle.

11) Мягкое v въ П = j: cłojik, spojedzi, ptaskoje.

12) Род. п. мн. ч. -óv и для основъ жен. и ср. р. gróškóv, siostróv (Б), bajkóv, polóv, ulicóv, rǫkóv (Л).

13) Дат. п. ед. ч. на oju (и на ovi); ojcoju, bratoju (К. Б.).

14) Оконч. двойств. ч. va, ta, для обозначенія 1 и 2 л. множ. ч. настоящ. вр. и повелит. п. rób'va, rób'ta (Л. П. К.).

15) Оконч. 1 л. мн. ч. наст. вр. иногда -m: chodzim; такъ и въ прош. вр.: chodzilim, poilim (IV).

16) Въ Б. прошед. вр. часто безъ вспомогат. глаг.: ja chodził, ty robiła и т. д.

Образцы Мазурскаго нарѣчія.

I. *Нарѣчіе прусскихъ Мазуровъ.*

1.

Vylećälä rybkä z bystrego jeziora,
Pläkäła dżievcunä z rana do vecorä,
J přyjechał Janek vnet z cudzéj kräiny,
Rozmòvil dźevcyne do svojéj rodziny
Dźevcynä ńe täka, namóvił, śe däłä;
Sve bronne koniki zäpřę gäć kazälä;
Koniki zärzäły, z ḿejscä ujść ńe chćäły,
Bo o jéj ńescęśću davno juz vedzäły,

Juz ci ujechäli stopęćdźeśąt mili —
Jeden do drugego słovkä ńe móvili.

(*Kętrzyński*, O Mazurach. 1892. 35. Народный говоръ воспроизведенъ не вполнѣ точно).

2.

(Ниборскій уѣздъ).

Mili ludźe, posłuchajcie,
Na to psilńe bacność dajće
O Kameńskim gospodařu
O kacmařu i müynařu.
Miał on końa ńezdrovego
Za doktora svagra svego
Tem mu go miał vylekovać
M'alo go ńeco kostovać.
A tak jednego vźecora,
Vioł śę svager za doktora;
Do kuchni końa vprovadźuł.
Żeby mu tam co poradźuł.

Vioł on halbę pétryoli
I zmacał końa do voli,
A chüopcik, syn Kamensk'ego
Přysvecał mu ḱele ńego
I ńe dał chüopcik baceńa
I zapaluł do sklesceńa;
Był tam bronak zapalony,
Latał jakby był salony.
Wpad do izby mędzy sklanki,
Břónkał jakoby we dzvonki,
Żeby pan jego usuyśał
A jaki mu ratunek dał.

(И здѣсь не отмѣчены многія фонетическія особенности говора, между прочимъ å. J. Sembrzycki, Wisła III, 561)

3.

(Burkasty, Ниборскій уѣздъ).

Frydrych Snicer, mądra güova,
On bez zony dźeci chova.
Sąc to tęǵe robotniki,
Ale duze marudniki.
Ma on pśenkńe v izb'e, v śeni,
Zb'era żytko az v zjeśeni;
Całą zimę wełnę přędźe,
Na sventy Jan sukno bédźe.
Sukno sob'e sam farbuje,
Přez to v sveće modę psuje.
Jest to falbař ńesłychany,
Ciúi mody nad modami.

Chceće poznać Snicra gbura.
Poła carna, poła bura. (Тамъ же 563).

II. *Прясныщскій говоръ* (Przasnysz, село Chojnowo).

O kupcu jednem i igo źęću. Jeden kupeć mńał jedno córke; dopérój sóm pojechał v jenne kraje po tovary; jadźe, jadźe, noc go zasła, ale nígdźe ne ma vśí. Patřy, ale śe śvyci ogeń v jedny chałupce. Přychodźi do ńi pozapérane, ńe chco mu otvořyć. Narešce vychodźi ten gospodař chałupki, kupec go prośi, a ón pejda: „Ni moge pana přyjąć na noc, bo chałupka mała i ćasna, a móm zóne chore". Jak go kupec zacon prośić, vźon go i přyjon na noc. Posłali mu, układ śe i śni mu śe: „Ten syn, co śe dźiś urodźół tem ludźom, co ty a nich nocujes, to bedźe tvojem źęćem. Kupec odecknoł i myśli sob'e: „Cy być moze, coby z takégo ubogégo stanu móg być mojem źęćem, kedy moja córka taka je bogata? Co to viřać v sen (Sprawozdan. kom. język. T. V. 97).

III. *Луковецкій говоръ.* O ojcu i o syńe. Set chłop z synem na jarmarek, a zyd provodziuł kozę. Syn poveda: „Tatulu, jà ukradnę te kozę". On poveda: „Dobře, ukradnis, to bądźemy méli ob'ad s nij". I niós buty tyn chłopák v ręku, — vzion, jedyn but odřućuł před tygu zyda. Tyn zyd obacuł i poset po tyn but, vźon se, poveda: „No, zyby já se naláz drugi, toby já máł dva". Tyn chłopak usłysáł, vzion i drugi but odřućuł daleko tymu zydovi. Tyn zyd obacuł i poset po tyn but, a kozę uvązáł u dřeviny. Dopiro tyn syn poset i tę kozę ukrád,—vzion, vyprovadźuł na pastvisko, v błocko, łyb jij ukrąćuł, vsadźuł v błocko a kadłub dáł ojcu, zyby poset do lasa, napaluł ogań i upik. (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. VIII. 1884. Mater. etnoł. 310).

Куявское нарѣчіе.

Oskar. Kolberg. Lud, jego zwyczaje и т. д. Ser. III—IV Kujawy. 1867—1869; M. Albimski i J. Bliziński, Abecadłowy spis wyrazów języka ludowego w Kujawach i Galicyi zachodniéj (Biblioteka Warszawska 1860. IV); W. Matłakowski, Słownik wyrazów ludowych zebranych w Czerskiem i na Kujawach (Sprawozdania Komis. język. T. V).

Куявское нарѣчіе слышится на небольшой территоріи Царства Польскаго, именно во влоцлавскомъ и радѣевскомъ уѣздахъ Плоцкой губерніи, и въ предѣлахъ Прусскаго Королевства— въ уѣздѣ иновроцлавскомъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣздовъ торуньскаго, быдгощскаго (бромбергскаго), шубинскаго и могильницкаго. Для знакомства съ этимъ нарѣчіемъ имѣется лишь указанный довольно скудный матеріалъ. Точныхъ записей образцовъ народныхъ говоровъ пока не издано.

Важнѣйшія особенности:

1) Шипящія č, ž, š, dž произносятся какъ въ общепольск. яз. т. е. не замѣняются c, z, s, dz: Bože, dušo и т. д.; только на сѣверо-востокѣ изрѣдка слышится c вм. č: křycy, jesce, vřescy; еще любопытнѣе изрѣдка встрѣчающееся въ восточной Куявіи tř вм. č: třłovek, třłek; равнымъ образомъ и вм. ž на сѣверовостокѣ иногда слышно ź: źelazo, źobro.

2) Носовые гласные тѣже, что въ общепольскомъ яз. т. е. ǫ и ę; иногда они смѣшиваются: bękart, ńę, moję (ę вм. общепольск. ǫ)., или wykrǫcać, ṕǫci, dźevǫci, dźesǫci, mǫžny (ǫ = общепольск. ę); утрата ринезма наблюдается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ: béde, bédźeš; напротивъ, возможна позднѣйшая насализація гласныхъ: bǫchor, jężoro, ṕęga, ṕęgovaty, mętryka, mętał, jómętra, nǫž, tępać, mętel.

3) Сжатые á, é, весьма употребительны; á обыкновенно звучитъ какъ o: mom, moš, mo, moma, mota; gbom (вм. dbom), śadom, śadoš, śado, śadota, dom, doš, do, doma, dota (dam); grołem, grołeš, groł, ub'érołem, ub'érołeš, но въ ж. и ср. p. grałem, grałaś, grałom, gralos; stovać, stovałem; pon (no pana) ptok (ptaka), pov́, pova, kv́ot (no kv́atek), baron (no barana), čorno, ćenko, którno, tako (жен. p.), — é произносится какъ звукъ средній между e и i или прямо переходитъ въ i (y), при чемъ сжатое é весьма часто замѣняетъ общепольское e; напр.: dobrygo, słodkigo, gořkigo, červonygo, odziža, řyka, žołmiř, bida, chlib, kamiń, piršy, bilit, tyž, gřych, čyrńe. Сжатое ó (произносимое какъ u) выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наблюдается и въ общепольск. яз.

4) На оборотъ въ нѣкоторыхъ словахъ вм. общепольск. o слышно a, вм. общеп. i, y — e; напр. čało, čałno, darmacha, kałdra, skarupa, tłomak, rapucha, sałtyś; beł (часто вм. był), sén (syn), robéł (robił); jech, tech, tem, jenny, ménař, renek.

5) Иногда a звучитъ какъ ä или e: muzykänt, rädło и redło, zdreda, jerzmo, ledaco, reno, grab'emi; наоборотъ иногда a вм. обще-

польскаго е: Alaxander, cadzić, gořalńa, kapaluš, laščinä, ṽela, jachać, včasny; balka, tyla.

6) е часто не расширяется въ о; P'etr, ṕerun, březovy, żeńaty, ṕesnečka, b'edra, ṽesna, ḿetła, ṽesło, ṽeska; напротивъ о вм. е.; vesoła, okomon (ekonom).

7) Гласн. у иногда замѣняетъ другіе гласные: е, u, ó, i: garnyšek, słonysko, dzvonyšek, chłopyšek, ṽonyšek, znovyk, podvyře, tłyč, krychy; въ твор. п. мн. ч. my вм. mi: jajmy, vołmy, ńemy; также въ дат. п. мѣст. ḿy.

8) Гласные въ началѣ словъ обыкновенно принимаютъ придыханіе: h, j: hale, hanyž, Hanka, Jagata, Jagna, Jadam, Jamrož, janggryst; v (при о, особенно на югѣ): voćec, vokno, vorać, vileń, ṽeleń; ł łořeł, łořech; ů: ůořech.

9) Гласн. е изъ пра-слав. ь, или вообще вставочный, иногда выступаетъ въ такихъ словахъ, которыя въ общепольск. яз. произносятся безъ этого гласнаго: kómoter, ṽater, jarmarek, mechu, dechu, dźeńa, chřestu и др.

10) Твердое ł сохраняетъ свой основной выговоръ: słuchaj, był, głova.

11) Согласн. r иногда смягчается передъ согласными: čeřńe, seřp, ćeřpić.

12) Вм. b иногда слышится v: viskup, potřevny; вм d -g: mglić, mgły, gbać, вм. k -ch, g: chto, chtórny, chłapać śę, ṽelgi, slizgi; вм. j -ń: vyńdź, přyndź.

13) Появленіе согласныхъ: n: b'ełny или b'ałny, chtórny, ščerny, skorno, k: żnovyk, juścik (już-ci), doputyk, rovnak или róvnyk; t, d, z: přetḿenić, vytḿenić, nadgłosić, spoždźevać śę, zdogonić, drdzeń, drdza, vźdźęk; j: grujnt и gront.

14) Перестановка согласныхъ: ktvić, tko, ktač.

15) Оконч. -ma, -ta въ настоящ. вр. и повел н. gońma, gońta.

Говоры западной Пруссіи.

Говоры польскаго населенія, обитающаго въ предѣлахъ западной Пруссіи, изслѣдованы очень мало. Повидимому, одни изъ нихъ близко стоятъ къ куявскому нарѣчію, другіе къ мазовецкому (восточной Пруссіи). Др. Надморскій опредѣляетъ границей между ними р. Вислу: на лѣвомъ берегу слышатся т. н. поморскіе говоры (говоры Кочевья, Боровяковъ, Крайняковъ), близко родственные

съ куявскимъ нар.; на правомъ берегу господствуютъ говоры мальборскій (Маріенбургъ), хелминскій (Кульмъ), и любавскій, ближе подходящіе къ мазовецкимъ говорамъ.

Ср. Dr. Nadmorski: 1) Gwara malborska Wisła III. (1887) 735; 2) Kaszuby i Kociewie. Тамъ же VI (1892) и отдѣльно Poznań 1892. J. Kozłowski (псевдонимъ др. Надморскаго) Mapa etnograficzna Prus Królewskich въ изд. Pamiętnik fizjograficzny. T. III. Kraków,—A. Krasnowolski, Język ludowy polski ziemi Chełmińskiéj Lwów 1879 (Album uczącéj się młodzieży polskiej poswięcone J. I. Kraszewskiemu z powodu jubileusza jego 50—letniéj działalności literackiej 1879).

Отмѣчаемъ нѣкоторыя особенности этихъ говоровъ:

1) Сжатое á слышно очень рѣдко, рѣже чѣмъ въ куявскомъ и мазурскомъ нар., или говорахъ хелминскомъ и коцевскомъ; тамъ же гдѣ оно находится, оно звучитъ какъ ó: pan, rola, jaka, dobra, ptak, bogač, móm, sóm, złóm, въ коцев. г. pán, ja dałom, ty dałoś, въ малборск. г. ja dała, ty dała.

2) Въ малбор. и коцев. гов. a въ глагольн. формахъ часто звучитъ какъ e: deli, pojecheli, der, umer; у существит. им. слышится ясное a: kavał; karty и т. д.

3) Общеп. ą въ малб. г. = ón (въ сред. слова) и o (на концѣ); ę=én (въ срединѣ) и e (на концѣ); въ коцевск. г. общепольск. ę=ą̊ (т. е. носовое a въ срединѣ словъ) и a (на концѣ): bóńdź, ja bénde, menk'e pańsk'e (M.), mą̊ka pańska (K), třyḿa go za rénk'e (M.), třyma go za rą̊ka (K), ma dobre matk'e (M.), ma dobra matka (K)

4) i, y=é: béli, rob'eli, źéła.

5) Шипящіе č, ž, š въ западно-прусскихъ говорахъ вообще произносятся какъ въ литературн. яз., т. е. не замѣняются c, z, s, какъ въ мазурскомъ нарѣчіи: žona, naš, v́aneček и т. д.; въ малборск. г. слышатся č, ž, š и вм. общепольскихъ ć, ź, ś; čeb'e, myšleli, še.

6) Въ имен. п. мн. ч. господствуетъ окончаніе именъ неодушевленныхъ -y: ańoły, doktory, braty, Polaki (M.).

Образецъ Мальборскаго говора.

Razu jednego posłał kob'éte chłop na jarḿark z krovo i mov'ół ji, coby jo předała, jaki béńdźe targ. Jak ji še po drodze chto spytał co chce za te krove, óna móv́éła: „jaki targ". Ludźe myšleli, że to jaka głupa (obłąkana) i vženi ji krove, a óna přyšla do dom bez krovy i pińéndzy.

Chłop še rozgńevał i mověł, pude v švat, a k'edy věncy takich głupich znańde, jok ty, to vróce. Vžón tedy vařuchev (warzęchę) i povědał všéńdźe, že jest ńeb'eski kuchař. Přyšet też do jedny pani, a ty umarło pravě (właśnie) dźecko; ona še go pytała, co też tam ji dźecko porob'a, a on ji na to: vělmožna pani, takčy mu tam ze všystk'ém dobře, ale te suk'enki to už troche poderte, a na nove nima. Pani mu tedy nakładła pełny tłómok ładnych suk'enkov, dobře go uračéła jadłem i dała eščc na drože věle pińéndzy. N'e długo vróčéł mójž ty pani, a óna to všystko opovědźała. Pan zara poznał, że to bół ošukańec i všat na końa, żeby go dogonič. Jak chłop učuł, że go chtóž goni, schovał tłómoček v křaki i šet panu na přečyvko. Pan še go spytał, čy ńe spotkał čověka z tłómočk'em; o tak, pańe, tu šet ńedavno jeden; jak mi pan da svego kóńa, to ja go zara dogoné. Pan mu dał kóńa, a ón zabrał tłómoček i pojechał do dom. Pan mušał vracač pechto, ale ńe chčał še vydač před žono, že še též dał ošukač i mověł: To bół pravdživy kuchař ńeb'eski, ja mu eščé końa dodał. (Wisła III 754).

Нарѣчіе Горальское (Карпатское).

Dr. J. Kopernicki. 1) Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie górali Bieskidowych, z dodatkiem słowniczka wyrazów góralskich (Rozprawy Wydz. filol. Akad. Umiejętn. T. III. 1875; 2) Pieśni Górali Bieskidowych z okolic Rabki (Zbiór wiadom. do antropol. krajow. T. XII (1888), Mater. etnolog 117; 3) Gadki ludowe Górali Bieskidowych z okolic Rabki (Тамъ же T. XV, 1891); 4) Zagadki i łamigłówki Górali Bieskidowych spisane w okolicach Rabki (Тамъ же T. I. 1877. Dz. etnol. 113); Ad, A. Kryński. Gwara zakopańska. Studyjum dyjalektologiczne (Rozprawy Wydz. filol. Akad. umiejętn. T. X, 1883);—Wład. Kosiński, 1) Przyczynek do gwary Zakopańskiéj (Rozprawy Wydź. fil. Akad. umiejętn. T. X, 1883); 2) Materyjały do etnografii Górali Bieskidowych (Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. V—VI, 1881—1882). R. Zawiliński, 1) Z powieści Górali Bieskidowych (Wisła II, 1888); 2) Podania i pieśni Górali Bieskidowych. Warszawa T. V, Biblioteki „Wisły"; L. Malinowski. O niektórych wyrazach ludowych polskich. I, Ślady wpływu rumuńskiego w mowie góralskiej na Podhalu. II, Ślady wpływu węgierskiego w mowie góralskiej na Podhalu tatrzańskiem, w Karpatach i w Bieskidach, na Śląsku, oraz w innych stronach. (Rozprawy wydz. fil. Akad. umiejętn. T. XVII, 1893); Br. Dembowski, 1) Spis wyrazów i wyrażen używanych

na Podhalu, jako uzupełnienie poprzednich zbiorów (Sprawozd. Komis. język. Akad. umiejętn. T. IV 1891); 2) Spis wyrazow i wyrażeń używanych na Podhalu (Sprawozdan. Towarzystwa Tatrzańskiego 1889); 3) Słownik gwary podhalskiéj (Тамъ же T. V, 1894); J. Złoża. Zbiór wyrazów używanych w okolicach Chochołowa (Тамъ же, томъ IV) A. Wrześniowski. Spis wyrazów podhalskich Kraków 1885; Leon Rzeszowski. Spis wyrazów ludowych z okolicy Żywca (Sprawozd. komis. język. Akad. umiejętn. T. IV 1881); L Z. Pieśni ludu Podhalan (Biblioteka Warszawska 1885).

Горальское (Бескидское или Карпатское) нарѣчіе занимаетъ самую южную окраину польской земли, расположенную по склонамъ Карпатъ (Бескиды, Татра). Подобно другимъ нарѣчіямъ оно представляетъ значительное количество говоровъ, изъ которыхъ только одинъ—закопанскій [1]) описанъ болѣе или менѣе подробно (Крынскимъ и Косинскимъ). Попытку общей характеристики всего нарѣчія представилъ Коперницкій, выходившій, впрочемъ, главнѣйшіе изъ наблюденій надъ говоромъ Рабки. Изъ другихъ ученыхъ, поименованныхъ выше, наиболѣе цѣнный матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ говорами Горалей собрали и издали Косинскій, Завилинскій и Л. Малиновскій.

Важнѣйшія особенности.

1) Носовые гласные такъ же разнообразны какъ въ силезскомъ нар.: кромѣ ę, ǫ возможны ą (ą̊), į, y̨: pėńą̊żki, na długį, psy Carny̨; ą̊ (т. е. носовое a) слышится вм. ǫ или om, am, при томъ лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ; въ закопан. г. только въ словахъ vą̊gle, tą̊; į, y̨ замѣняютъ (въ твор. п.), im, ym; нерѣдко наблюдается и позднѣйшая насализація e: casę (czasem), za końę, pod siodłę, lamęt, dętysta. Рядомъ съ этими явленіями стоитъ паденіе ринезма: ę = em, e: vidzem, chodzem, kcem, ńe bedem, na imę и na ime, vatre, dżevce, kapke (вин. п.), ḿe, će, śe, ṕekńe, rynkav, gymba (Z.); ǫ = om, óm, o, ó: som, sóm, kuṕóm, sadzo, dadzo, ḿedzom.

2) Сжатыя гласныя á, ė, ó; á звучитъ близко къ o и наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ верхнесилезскомъ нар.; напр.: jo, pon, dom; ė = i, y: mliko, bida, kobita, cysty; ó = u удержалось и въ тѣхъ словахъ, которыя въ современ. лит. яз. имѣютъ чистое o; напр. dóm, do dómu, ón, óna, drógę, kómora, strόna, kóńe и др.

[1]) Zakopane подъ самыми Татрами. При ссылкахъ говоръ этотъ обозначается буквою Z.

3) Гласн. i, y нерѣдко, особенно въ зак. г., замѣняются e: reba, bedło, płetko, gospodeni, beło, dem, tedźeń, tele, jo slesal, ón meśli, voda płeńe; въ имен. п. множ. ч. pse, te pańe prosile; taki, ostre nós; me, ve (мы, вы); vepić (wypić). Ср. Куявское нар. 4.

4) Иногда a перегласовывается въ e: dej, bodej, djebeł, ledajeki, nejmłodšy, trefić.

5) Первичное e часто удерживается, не расширяется въ o: ḿetła, z ḿedem, P'etr, ṕerun, zeńaty.

6) Начальное o произносится съ призвукомъ ŭ: ŭoćec, ŭogoń и т. д.

7) Слѣды долготъ: pādać, pāda, pēdźał и пр. ср. 424.

8) Шипящія č, ž, š, dž звучатъ какъ c, z, s, dz; pockajće, vcora, słyseli, juz, zál.

9) Въ зак. г. иногда вм. ř слышится z, s: dobze śe tu ksyká, trećego roku; иногда r совсѣмъ не смягчается: b'er, b'ere, umre.

10) Согласн. ch совсѣмъ не слышенъ; вм. него или h (придыхательное г) или k (особенно на концѣ): hova, hudobny, ze strahu, hléb, hodzem, uho; dak, duk, byk (bych) ńe kce; въ одномъ словѣ ch = v (какъ въ сербск. яз.): suvi.

11) Твердое ł звучитъ какъ ŭ, gŭova, ŭadny; въ закоп. г. обыкновенно ł сохраняетъ настоящій свой выговоръ; но иногда и здѣсь ŭ: łaska, gŭos.

12) Исчезновеніе согласныхъ: r въ предлоги roz: ŭozlega śe, ŭozdźera, kaćmař; d: garło; pole, z: ra, tera, zara; v: šędy, šycke, pochalony, ṕersi, hycić, uj, ł: zjad, jabka, vźón, stanón; ć (ть): kraś, paś, iś.

13) v́elgi, ślizgo, pu (вм. ku.), grabina (вм. drabina), gdova, vto, vtory (ktory, Pieniążkowice).

14) Въ зак. г. иногда удареніе на послѣднемъ слогѣ или на третьемъ слогѣ отъ конца: slesyćè, ńe robićè, śèdzime, bèzṕećńe.

15) Въ склоненіи нѣкоторыя характерныя окончанія обусловлены указанными выше свойствами носовыхъ гласныхъ: напр. твор п. s ty, panę, před tą v́elgą górą, innǫ drógǫm (Z.).

16) Род. п. ед. именъ муж. р.—a, жен. р. основъ на—a (твердыхъ и мягкихъ)—e: ogroda, lasa, śńega, końule, vode (Z.).

17) Въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. наст. вр. вмѣсто носовыхъ гласныхъ—часто указанныя выше замѣны: vidzem, idem, ja zrob'e, pojade; sadzo, śedzom, b'erǫm. Въ 1 л. мн. ч.—возможно окончаніе—

me: polime, śedzime: рядомъ съ этимъ заимств. изъ двойств. ч. **ma**, **va** и для 2 л. **ta**: napijma śe, podźeva.

18) Въ прош. вр. вм. древн. **ch**—слышится **k**: bylek, robiłek.

19) Въ прич. прош. вм. **i** передъ **ł** выступаетъ **ó**: puścół, prośół и т. д.

20) Присутствіе въ говорахъ значительнаго количества словъ румынскихъ и отчасти мадьярскихъ (ср. указанныя выше изслѣдованія Л. Малиновскаго).

Образцы горальскихъ говоровъ.

I. Jak já se pojade, mńe ńe vidać bedźe,
To ḿe tu matula ta vyźérać bedźe.

—

Vyjahalek v pole orać, jesce ńe był dźeń,
Nadesedłem gřecnom pannę, co se plevła len.

—

Jak já se pojade z Pestu do Budzina,
To se já popije cervonego vina.

—

Cervone jagody padajom do vody,
Mńe chłopcy kochajom, ja niman ochoty.

—

Spivałabyk sob'e chłopaku o tob'e;
Ale sob'e myśle: ej cóz mi po tob'e.

—

N'e chodźźe ty tędy, którędy ja chodze,
Bo ja te drozecke ćerńami zagrodze
(J. Kopernicki, Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XII. Mater. etnol. 127, 155).

II (Pieniążkowice): Jeden ůoćec ḿáł dvok sínóv. Jeden był b'édny i nic ni ḿáł, a drugi był bogaty i ḿáł sićko. I oba śe pozynili. No juści ten b'édny pytáł ráz tego bogatego, coby mu pozicył volóv, ze kce jechać do gąsca. I jakośik jak jecháł z góry, zab'eł jednego voła. Juśći jak śe ten o tém dovedźáł, posed go skařić do ḿasta i pośli oba. I jak vleźli do jednéj karćmy, ten b'édny vźón i

śád do kołyski i zapucył dźecko, bo go ńe vídźáł. Juśći go i zíd posed do ḿasta za to skařić i jak drógom śli, přiśli na jeden most, ki třa było bez vodę přechodzić, a kśǫdz śe tam kǫpáł. On vźon i skocył na tego kśędza i posed go i kśądz do ḿasta skařić (W. Kosiński, Zbiór wiadom. do antrop. krajow. T. V, Mat. etnolog. 197).

III (Skawica). Máła jedna matka sąna, którąmu dávała přez sesnáśće lát ssać. V sesnásty rok posed tąn sąn ku gajovi i prǫbovál go vyrvać. K'edy go zaś ni móg vyrvać poṽedźał do matki: musiś mi matko jesce sesnaśće lat davać ssać, zebyk dřevo vyrváł. Matka mu davała i az doṕyro v 32-gim roku přestáł matką ssać. Był un tak mocny, ze potraf'ół za dźeśąćoro ludzi zrobić, ale tez i źieś (Тамъ же 204).

IV (Skawa). Jechál chop z drógi i uṽązgnąn na róvnym gośćéńcu. Ni móg vyjechać: co tu teraz bede rob'ół sám? Přylećáł djebáł i poṽadá: jak mi dás tó co ůo tém ńe ṽés tó ći pumoge vyjechać. Ten poṽadá: cóby ta takego było, cóby já ůo tem ńe ṽedźáł, kedy já ůo sitkim ṽém. Ale tén djebáł śe go jeno dopytuje, ci mu jéno dá to, có ůo tém ńe ṽé. A juśći skoro ni móg vyjechać, już mu ůob'ecáł, ze mu dá tó, có ůo tém ńe ṽé. Ten djebáł vźąn dźvignąn na rańe i vyniós mu ten vóz (Тамъ же 239).

Переходные говоры.

Кромѣ чисто-польскихъ говоровъ, которые можно подвести подъ указанныя выше группы, слѣдуетъ отмѣтить существованіе т. н. переходныхъ польскихъ говоровъ, т. е. такихъ, въ которыхъ польская рѣчь отражаетъ на себѣ вліяніе сосѣднихъ родственныхъ языковъ. Сюда относятся: 1) *польско-чешскіе* говоры въ Силезіи (ср. выше о Силезскомъ нар. и указанныя тамъ (стр. 552) работы Быстроня; 2) *польско-словацкіе говоры* въ Тренчинскомъ и Оравскомъ комит. въ Угріи (ср. выше стр. 343—344, указанную тамъ работу Юр. Поливки Polština v horni stolici Oravské (Listy fil. 1885. R. XII) и Zawilinskiego, Przyczynek do etnografii Górali polskich na Węgrzech—Zbiór. wiad. do antr. kraj T. XVII, 1893 г.); 3) *польско-русскіе* (т. е. польско-малорусскіе и польско-бѣлорусскіе въ восточной Галиціи, на Волыни и сѣверо западномъ краѣ (ср. P. Parylak, Pro-

vincyjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach—Zbiór. wiad. do antr. kraj T. I, 1877; Baudouin de Courtenay Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskego gub. Grodzieńskiej (Zbiór wiadom. do antr. kr. XVI). Изученіе этихъ переходныхъ говоровъ, представляющихъ много любопытныхъ чертъ, къ сожалѣнію едва только начинается.

VII. КАШУБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Кашубы, Словинцы и Кабатки. Вопросъ о самостоятельности Кашубскаго языка.

На южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ низовьевъ Вислы живетъ небольшой славянскій народецъ, Кашубы (по мѣстн. выгов. Кашеби). Часть его, занимающая деревушки около Гардненскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи, носитъ названіе Словинцевъ и Кабатковъ. Вся кашубская территорія лежитъ въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи; именно въ Западной Пруссіи она занимаетъ части уѣздовъ: пуцкаго, вейгеровскаго, верхне-гданскаго, гданскаго городскаго, картузскаго, косцерскаго (Гданскій округъ), хойницкаго и глуховскаго (Квидзынскій округъ); въ Помераніи— части лемборгскаго, бытовскаго и слупскаго уѣздовъ Кошалинскаго округа (Köslin) и нѣкоторыя мѣстности Штетинскаго и Штральзундскаго округовъ. Изъ нихъ только въ пуцкомъ (Putzig), картузскомъ (Karthaus) и вейгеровскомъ, (Neustadt) уѣздахъ Кашубы живутъ сплошною массой и составляютъ большинство населенія; въ остальныхъ же большинство принадлежитъ Нѣмцамъ. Приблизительно этнографическая граница Кашубіи можетъ быть опредѣлена слѣдующею линіей: начинаясь на сѣверо-востокѣ, повыше Каца (на с. отъ Гданска) она идетъ на Ю. Ю.-З. къ Косцерину (Behrendt), далѣе на Ю. Ю.-З. спускается до Хойницы (Konitz); отсюда черта поворачиваетъ на С., переходитъ въ Померанію, проходя черезъ Бытовскій округъ (Bütow) къ Лемборгу (Lauenburg), отъ котораго направляется на З. къ Гардненскому озеру; затѣмъ сѣверная граница идетъ по Балтійскому побережью до Каца на С. В. За предѣлами означенной территоріи наибольшее количество Кашубовъ живетъ въ Америкѣ (въ

Соединенныхъ Штатахъ). Общее число Кашубовъ по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ достигаетъ 250,000 (249,054. Рамултъ); изъ этого числа въ Прусскомъ королевствѣ 187,000 (въ Западн. Пруссіи ок. 155,000 и въ Помераніи ок. 22,000) и въ Америкѣ ок. 66,000. Въ религіозномъ отношеніи народъ распадается на двѣ неравныя группы: около 17,000 (всѣ въ Помераніи)—евангелики, остальные ок. 232,000—католики. Кашубская рѣчь со всѣхъ сторонъ сосѣдитъ съ нѣмецкимъ языкомъ; только на югѣ къ ней примыкаетъ близко родственный польскій языкъ.

Кашубы—послѣдніе остатки нѣкогда весьма численнаго славянскаго народа Поморянъ, заселявшихъ всю нынѣшнюю Померанію и находившихся въ близкомъ этнографическомъ родствѣ съ другими вѣтвями вымершаго Балтійскаго и По-лабскаго славянства; какъ-то съ Бодричами, Лютичами, Ранами, Древлянами, Гаволянами[1]) и др. Историческая судьба этого народа сложилась очень печально. Не успѣвъ ни самъ по себѣ, ни въ союзѣ съ другими балтійско-славянскими народами создать самостоятельное государство, брошенные на произволъ судьбы сосѣднимъ сильнымъ братскимъ народомъ Поляками, Поморяне не въ силахъ были оказать сопротивленіе дружному натиску нѣмецкаго племени, которое постепенно овладѣло ихъ землей и истребило большую часть ихъ народности. Потомки древнихъ Поморянъ, нынѣшніе Померанскіе Словинцы и Кашубы, представляютъ собою лишь бѣдное, забитое и униженное населеніе рыбаковъ и крестьянъ со слаборазвитымъ національнымъ сознаніемъ. Обще-славянское возрожденіе нынѣшняго столѣтія нашло у Кашубовъ едва замѣтный отголосокъ и почти не повліяло на улучшеніе ихъ національнаго бытія. Въ этомъ отношеніи Кашубовъ нельзя и сравнивать съ соотвѣтствующей имъ по численности сербо-лужицкою народностью, для которой эпоха возрожденія ознаменовалась пріобрѣтеніемъ извѣстныхъ правъ для родного языка, созданіемъ національной литературы, успѣшнымъ изученіемъ народности, основаніемъ ученолитературныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и т. д. Ничего этого не было и нѣтъ у Кашубовъ. Здѣсь все дѣло ограничилось заботами немногихъ патріотовъ и инославянскихъ ученыхъ объ изученіи кашубскаго языка и немногочисленными, робкими попытками изданія книжекъ

---

[1]) См. ниже Полабскій языкъ.

на народномъ языкѣ (Цейнова, Дердовскій). Такимъ образомъ положеніе кашубской народности и кашубскаго языка по прежнему остается весьма тяжелымъ. Успѣхи германизаціи не прекращаются. Народная рѣчь не находя себѣ поддержки ни въ школѣ, ни въ литературѣ, ни среди образованныхъ классовъ, легко поддающихся онѣмеченію, ни даже въ церкви, постепенно исчезаетъ, вымираетъ. Съ другой стороны во многихъ мѣстахъ, гдѣ она еще держится, именно въ католическихъ приходахъ, она видоизмѣняется подъ вліяніемъ польскаго языка, который черезъ посредство польскихъ молитвенниковъ, книжекъ религіознаго содержанія и церковныхъ проповѣдей особенно усердно распространяется духовенствомъ, справедливо усматривающимъ въ такой пропагандѣ близко родственнаго славянскаго литературнаго языка одно изъ лучшихъ средствъ для борьбы съ германизаціей. Поэтому понятно, что наибольшое количество своеобразныхъ особенностей кашубская рѣчь представляетъ на сѣверѣ, въ Помераніи, среди протестантскаго населенія; напротивъ, чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ больше въ ней наблюдается чертъ, сближающихъ ее съ разными польскими говорами.

Вопросъ о томъ, насколько самостоятельное мѣсто занимаетъ кашубскій языкъ въ семьѣ славянскихъ языковъ, служитъ предметомъ спора между учеными и въ настоящее время не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. По общераспространенному въ польской литературѣ мнѣнію кашубскій языкъ считается то нарѣчіемъ, то говоромъ польскаго языка, при чемъ одни пріурочиваютъ его къ великопольскимъ говорамъ [1]), другіе къ мазурскимъ [2]). Однако уже это колебаніе въ сближенія кашубской рѣчи то съ одними польскими говорами, то съ другими, при отсутствіи послѣдовательно проведенныхъ сопоставленій, возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности указаннаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе оно и теперь имѣетъ защитниковъ среди авторитетныхъ филологовъ. Такъ проф. А. Калина въ своемъ разборѣ „Словаря Кашубскаго языка“ Рамулта, въ которомъ отстаивается противоположный взглядъ, категорически заявляетъ: „Принимая во вниманіе историческое развитіе кашубской рѣчи и сравнивая

[1]) Ср. напр. Prace filologiczne II (1887) 314.

[2]) Такъ думаетъ напр. извѣстный филологъ—этнографъ І. Карловичъ, Wisła VI (1892) 950. Миклошичъ въ своей сравнительной грамматикѣ разсматриваетъ кашубскій языкъ какъ нарѣчіе польскаго языка.

ея особенности съ языкомъ польскимъ необходимо признать за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что *рѣчь Кашубовъ и Словинцовъ есть дѣйствительно нарѣчіе польскаго языка, а отнюдь не отдѣльный славянскій языкъ*" [1]). Иной болѣе близкій къ истинѣ взглядъ высказалъ еще въ 1859 г. А. Ѳ. Гильфердингъ, которому принадлежатъ первыя наиболѣе обстоятельныя и точныя наблюденія надъ языкомъ и народностью Кашубовъ. Отмѣчая фактъ близости кашубскаго языка къ польскому онъ, однако, не считалъ первый нарѣчіемъ втораго, и главную причину сходства между ними приписывалъ тому обстоятельству, что тотъ и другой языкъ суть лишь равноправныя разновидности одной языковой группы, которой усвоялъ названіе ляшской. Вотъ точныя слова знаменитаго слависта [2]). Нарѣчіе, на которомъ говорятъ эти послѣдніе остатки Прибалтійскихъ Славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ польскимъ языкомъ. Мы имѣемъ также, въ разныхъ письменныхъ памятникахъ, нѣкоторые обломки нарѣчія славянскаго населенія, жившаго въ старину на Эльбѣ и въ Западной части Балтійскаго поморья. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ славянскихъ обитателей Мекленбургіи, Брандебургіи и Люпебургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическія особенности. Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что польскій языкъ и языкъ Прибалтійскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчія, Польское и Прибалтійское, точно также какъ, напримѣръ, русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія великорусское и малорусское. Языкъ Кашубъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ прибалтійскаго нарѣчія, объемъ котораго въ средніе вѣка былъ по крайней мѣрѣ равенъ объему нарѣчія польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли". Далѣе А. Ѳ. Гильфердингъ утверждалъ, что языкъ Словинцевъ померанскихъ и Кашубъ составляетъ одно нарѣчіе, остатокъ древняго языка При-

---

[1]) Prace filologiczne T. IV (1893) 935, Любопытно, что проф. Калина, по собственному его заявленію, прежде склоненъ былъ считать кашубскій за отдѣльный языкъ.

[2]) См. „О нарѣчіи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубъ" 12. Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря" Спб. 1862. 80—81.

балтійскихъ Славянъ, но остатокъ на которомъ изгладилась отчасти своеобразная физіономія этого языка, потому что онъ сохранился только на той пограничной чертѣ, гдѣ рѣчь Прибалтійскихъ Славянъ сливалась съ польскою. Этотъ взглядъ принятъ былъ знаменитымъ А. Шлейхеромъ[1]). Признаетъ его вполнѣ правильнымъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ славистовъ нашего времени Бодуэнъ де Куртенэ[2]). Наконецъ, существуетъ еще третье мнѣніе: кашубскій языкъ, какъ потомокъ языка балтійскихъ Славянъ, признается вполнѣ обособленнымъ отъ польскаго, совершенно самостоятельнымъ славянскимъ языкомъ. Мнѣніе это съ наибольшею опредѣленностью высказано и обосновано г. С. Рамултомъ въ его цѣнномъ сочиненіи „Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego (W. Krakowie 1893). Отмѣтивъ черты различія между польскимъ и кашубскимъ языками, онъ соединяетъ послѣдній вмѣстѣ съ вымершими нарѣчіями другихъ представителей Балтійского и Полабскаго славянства въ одну группу *поморскую* и отводитъ этой группѣ особое самостоятельное мѣсто въ семьѣ западно-славянскихъ языковъ на ряду съ допускаемыми имъ другими тремя группами: чешско-словацкой, лужицко-сербской и польской. Книга Рамулта вызвала массу возраженій; многіе почтенные польскіе филологи (напр. Калина) признали мнѣніе автора заблужденіемъ, которому противопоставили какъ безусловно вѣрное старое мнѣніе о принадлежности кашубскаго „нарѣчія“ къ польскому языку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же трудъ далъ поводъ проф. И. А. Бодуэну де Куртенэ еще разъ пересмотрѣть объективно вопросъ о кашубскомъязыкѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1897 г. апрѣль, май „Кашубскій языкъ“, Кашубскій народъ и Кашубскій вопросъ). Выводы, къ которымъ пришелъ почтенный изслѣдователь, заслуживаютъ особаго вниманія. Онъ раздѣляетъ основной взглядъ Рамулта, но принимаетъ его съ разными ограниченіями, которыя приближаютъ его воззрѣнія на спорный вопросъ къ указанному выше мнѣнію Гильфердинга. Онъ принимаетъ самостоятельность кашубскаго языка, именно утверждаетъ „что *вся кашубская языковая область во всемъ свойственномъ ей діалектическомъ разнобразіи должна быть разсматриваема какъ одно цѣлое и про-*

---

[1]) Laut—und Formenlehre der Polabischen Sprache. Petersburg. 1871.

[2]) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, апрѣль 344, май 124.

тивупоставлена всей польской языковой области. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Бодуэнъ де Куртенэ допускаетъ значительную степень близости и родства между кашубскою и польскою языковою областью. По его мнѣнію, генеалогическое разстояніе между этими областями ближе, нежели разстояніе между чешскимъ и словацкимъ, между малорусскимъ и великорусскимъ. Степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ" (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897. Май 122). Точку зрѣнія Рамулта съ указанными поправками проф. Бодуэна де Куртенэ и нужно признать наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ новѣйшими болѣе точными свѣдѣніями о кашубскомъ языкѣ и польской діалектологіи. Кашубскій языкъ несомнѣнно занимаетъ въ семьѣ славянскихъ языковъ такое же самостоятельное мѣсто какъ языки польскій, чешскій, словацкій, серболужицкій, русскій, сербо-хорватскій и др. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что онъ представляетъ не мало чертъ, встрѣчающихся также въ польскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, и что вообще къ польскому языку онъ стоитъ ближе, чѣмъ къ какому либо другому живому славянскому языку. Эти черты сходства отчасти объясняются близкимъ сосѣдствомъ двухъ языковъ и вліяніемъ польскаго языка на кашубскій, отчасти составляютъ ихъ общее достояніе отъ доисторической поры. Въ частности степень близости между обоими языками представляется мнѣ иначе, чѣмъ проф. Бодуэну де Куртенэ: точнѣе всего она можетъ быть приравнена къ степени близости, существующей между чешскимъ и словацкимъ языками; ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ. Разстояніе между чешскимъ и словацкимъ значительно дальше, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіями. Великорусскую и малорусскую рѣчь никакъ нельзя признать обособленными другъ отъ друга, вполнѣ самостоятельными языками, въ противоположность напр. языкамъ чешскому, польскому, сербохорватскому; это только нарѣчія или разновидности одного русскаго языка или (по терминологіи проф. Бодуэна де Куртенэ) одной русской языковой области. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о верхнелужицкомъ и нижнелужицкомъ нарѣчіяхъ: и они представляютъ собой

разновидности одной сербо-лужицкой языковой области [1]). Напротивъ словацкій и кашубскій языки должны быть признаны за отдѣльные самостоятельные славянскіе языки, что однако, не исключаетъ извѣстной близости перваго изъ нихъ къ чешскому, втораго—къ польскому, какъ существуетъ подобная же близость напр. между сербо-хорватскимъ и словинскимъ, чешскимъ и серболужицкимъ и т. д.

2. Изученіе кашубскаго языка.

Первый обратилъ вниманіе на забытый кашубскій народъ и кашубскій языкъ извѣстный гданскій пасторъ Целестинъ Мронговіусъ; въ своихъ Baltische Studien онъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кашубахъ а въ „Нѣмецко-польскомъ словарѣ“ (1823), указалъ на родство кашубскаго языка съ древне-поморскимъ и „вендскимъ“ (т. е. полабскимъ), а также привелъ нѣсколько десятковъ характерныхъ кашубскихъ словъ. Но первыми болѣе или менѣе точными свѣдѣніями о кашубскомъ языкѣ наука обязана наблюденіямъ и трудамъ извѣстныхъ русскихъ славистовъ П. И. Прейса и А. Ѳ. Гильфердинга.

Прейсъ посѣтилъ Кашубію въ 1840 г. и тогда же сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ кашубскимъ языкомъ въ отчетѣ. г. Министру Народнаго Просвѣщенія, напечатанномъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за тотъ же годъ. Эта статья въ томъ же году явилась попольски въ журн. Magazyn powszechny“, а черезъ десять лѣтъ (1850), на кашубскомъ языкѣ въ книжкѣ, составленной Флор. Цейновой (псевдон. Wôjkasen), Kíle slov wò Kaszebach. Прейсъ указалъ важнѣйшія особенности кашубскаго языка, преимущественно отличающія его отъ польскаго, и сообщилъ небольшой сборникъ кашубскихъ словъ и выраженій.

А. Ѳ. Гильфердингъ исходилъ пѣшкомъ почти всю кашубскую землю лѣтомъ 1856 г. Собранныя имъ этнографическія и лингвистическія данныя долгое время оставалось важнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о кашубскомъ языкѣ и народѣ и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе. Въ сжатомъ изложеніи они появились въ Извѣстіяхъ II-го отдѣленія Академіи наукъ за 1859 г. (1 вып. VIII-го тома), а нѣсколько позже были обработаны въ большомъ трудѣ „Остатки Сла-

[1]) Ср. ниже, Сербо-Лужицкій языкъ.

вянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря" (Этнографическій сборникъ, изданный Импер. Географ. Общ. Т. V, 1862 г. и отдѣльною книгой): здѣсь находятся этнографическое описаніе кашубской народности, характеристика кашубскаго языка, образцы народныхъ говоровъ и словарь.

Руководителемъ Гильфердинга во время его странствованій по кашубской землѣ былъ мѣстный патріотъ докторъ Флоріанъ Цейнова, самъ оказавшій большія услуги дѣлу изученія родного языка и народа. Проникнутый пламеннымъ желаніемъ всячески содѣйствовать пробужденію у Кашубовъ національнаго самосознанія, Цейнова (подъ псевдонимомъ Войкашинъ) усердно занимался этнографическими изученіями; какъ-то записывалъ народныя пѣсни и сказки, собиралъ матеріалы для кашубскаго словаря, сочинилъ букварь и коротенькую граматику кашубскаго языка, издавалъ книжки на народномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ своихъ этнографическихъ и лингистическихъ матеріаловъ онъ посылалъ въ изданія русской Академіи наукъ, другія печаталъ на мѣстѣ (см. ниже). Особенно важны его: Skôrb koszebsko-słovjnskje mòvé (1866—68), Sbjór pjesnj svjatovih (1878), Zarés do gramatikj kašebskosłovjnskje mòvé (1879) и др.—Имя Цейновы пользуется среди Кашубовъ вполнѣ заслуженно всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ.

Продолжателемъ Цейновы въ книжной обработкѣ кашубскаго языка выступилъ Іерон. Дердовскій (Jarosz Dyrda), которому принадлежитъ нѣсколько художественныхъ произведеній, какъ то Jasiek z knieji, O panu Czolińscim и др. Изданія этихъ произведеній нерѣдко сопровождаются цѣнными замѣчаніями автора о кашубскомъ языкѣ или нѣкоторыхъ его говорахъ. Книжками Цейновы и Дердовскаго собственно и исчерпывается вся кашубская литература. Впрочемъ въ произведеніяхъ этихъ писателей народный кашубскій языкъ не отличается безукоризненной чистотой, къ нему примѣшивается не мало полонизмовъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ труда Гильфердинга почти пятнадцать лѣтъ не появлялось въ печати ничего новаго и цѣльнаго по кашубскому языку. Только въ 1873—74 г. въ „Филологическихъ запискахъ" была напечатана работа. А. Стремлера „Фонетика кашеб-

скаго языка; она основана главнѣйше на матеріалахъ, изданныхъ Гильфердингомъ и Цейновой, не отличается научнымъ характеромъ и вообще даетъ мало новаго.

Равнымъ образомъ исключительно на матеріалѣ Гильфердинга построена тщательная работа Др. Я. Ганушa о носовыхъ гласныхъ въ кашубскомъ (1880). Тоже надо замѣтить о менѣе обстоятельной главѣ „о носовыхъ звукахъ кашубской рѣчи" въ сочиненіи Крынскаго „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ" (Варшава, 1870).

Нѣкоторое оживленіе въ области изученія кашубскаго языка наблюдается только въ 80-хъ годахъ; оно продолжается и въ настоящемъ десятилѣтіи. Изъ новыхъ трудовъ на первомъ мѣстѣ безспорно нужно поставить книгу г. Стеф. Рамулта (Stefan Ramułt) Słownik języka pomorskíego czyli kaszubskíego (1893) Она содержитъ не только первый обстоятельно составленный на основаніи личныхъ наблюденій словарь кашубскаго языка, но сверхъ того любопытное введеніе, въ которомъ сообщаются цѣнныя свѣдѣнія о Кашубахъ и разбирается вопросъ о самостоятельности кашубскаго языка, и наконецъ въ приложеніи — точно записанные образцы народной рѣчи. Какъ бы ни относиться къ общимъ взглядамъ автора (см. выше), нельзя не признать его трудъ замѣчательнымъ явленіемъ филологической литературы: содержащійся въ немъ матеріалъ существенно обогатилъ имѣвшіяся въ наукѣ свѣдѣнія о кашубскомъ языкѣ, главнѣйше о среднемъ (картузско-вейгеровскомъ) нарѣчіи. Менѣе удачно составлены явившіеся раньше словари кашубскаго языка — Поблоцкаго (Chełmno 1887; въ введеніи данъ коротенькій обзоръ фонетики сѣвернаго нарѣчія) и Л. Бискупскаго (псевдон. Berka, 1891); изъ нихъ послѣдній вполнѣ, а первый въ бо̀льшей своей части представляютъ лишь сводъ предшествующихъ словарныхъ работъ. Въ томъ и другомъ особенности языка сглажены книжно-польскимъ правописаніемъ. Л. Бискупскому сверхъ того принадлежитъ небольшая работа по фонетикѣ средняго нарѣчія, или точнѣе одного говора — въ окрестностяхъ Бродницъ (Beiträge zur Slavischen Dialektologie, Leipzig, 1883).

Южному нарѣчію и общимъ вопросамъ о кашубскомъ языкѣ отводится значительное мѣсто въ книгѣ Надморскаго Kaszuby i Kocewie (Poznań, 1892), содержащей въ себѣ, между прочимъ, пѣсни Кашубовъ. Сѣверное нарѣчіе (говоръ т. н. Быляковъ) тщательно обслѣдовано въ работѣ г. Г. Бронишa (Arch. f. Slav. Phil. XVIII, 1896).

Наконецъ, проф. Бодуэну де Куртенэ принадлежитъ упомянутая выше весьма цѣнная работа, въ которой строго научно и вполнѣ объективно пересматривается общій вопросъ объ отношеніи кашубскаго языка къ польскому и дается разборъ характеристическихъ особенностей перваго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1897 г.).

Если къ приведенному перечню прибавить мелкія критическія статейки и замѣтки Ганушa, Карловича, Крынскаго, Л. Малиновскаго, Зембжицкаго, Степовича и др., то будетъ отмѣчено, кажется, все, что представляетъ научная литература въ области изученія кашубскаго языка.

Въ общемъ это изученіе, конечно, нельзя признать ни полнымъ, ни обстоятельнымъ. Сравнительно больше сдѣлано для словаря. Грамматики же кашубскаго языка до сихъ поръ нѣтъ. Многія любопытныя явленія языка, какъ различеніе количества гласныхъ, своеобразное удареніе и др. совсѣмъ не обслѣдованы. Точныхъ образцовъ народнаго языка издано все еще очень мало и данныхъ для описанія и классификаціи кашубскихъ говоровъ пока весьма недостаточно. Впрочемъ, утѣшительно уже то явленіе, что за послѣднее время и этотъ своеобразный языкъ маленькаго заброшеннаго славянскаго народа все больше привлекаетъ къ себѣ пытливость и любопытство славистовъ. Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ можно ожидать появленія новыхъ прекрасныхъ трудовъ въ родѣ книги г. Рамулта и вызваннаго ею изслѣдованія проф. Бодуэна де Куртенэ.

C. Mrongovius, 1) Słownik niemiecko-polski Danzig 1823; 2) Baltische Studien. 1828.

П. И. Прейсъ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1840). Польскій переводъ въ журн. Magazyn powszechny. Warszawa 1840; кашубскій въ книжкѣ, изданной Флор. Цейновой Kile słow wò Kaszebach ejich zemi przez Wòjkasena. Tudzież rzecz o języku kaszubskim ze zdania sprawy Prajsa. Kraków 1850.

А. Ѳ. Гильфердингъ, 1) О нарѣчіи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубъ. Спб. 1859. (Извѣстія II-го отдѣленія Академіи Наукъ VIII т. 1-й вып); 2) Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря Спб. 1862 (Этнографическій Сборникъ, изданный Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Вып. V).

Florian Cenôva (Vòjkasin), 1) Образцы кашебскаго нарѣчія. Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Л. VI. Прибавленія къ Извѣстіямъ Императорской Академіи Наукъ. Т. III. 1853; 2) Сборникъ основныхъ словъ кашебскаго нарѣчія (Матеріалы до сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Вып. V. Изданіе Импер. Акад. Наукъ); 3) Skôrb kaszebskosłovjnskje mòvé, 1—3. 1866—1868; 4) Xążeczka dla Kašebov přez Wojkasena, ve Gdansku 1852; 5) Sbjór pjesnj svjatovih. które lud słovjanskj v królestvie pruskjm spyjévacj lubj. V Svjecju nad Vjsłą 1878; 6) Zarès do gramatikj, kašebsko-slovjnskjè mòve napjsêł é védêł Dr. F. C. Vòjkasin ze Sławòšéna. V Poznanju 1879; 7) Kile slov wò Kaszebach e jich zemi przez Wòjkasena. Kraków 1850; 8) Pjnc głownech wòddżałov evangjelickjeho katechizmu, z njemjeckjeho na kašebsko-słovjenskj język przełožel Wòjkasin r. 1861. V Svjecu nad. Vjsłą; 9) Rozmova Pólocha s Koszebą napjsano przez s. p. Xędza Szmuka z Pucka, a do dreku pòdąno przez Sena Wójkvojca ze Słavoszena r. 1850, 2-е изд. 1865.

Ieron. Derdovski (Jarosz Dyrda); 1) Jasiek z knieji. Toruń 1885; 2) O panu Czorlińscim co do Pucka po sece jachoł. Zełgoł dlo swojech druchow kaszubściech. Toruń 1880; 3) Kaszube pod Wiednem, na dwusetną roczeznę oswobodzenio Mniemców i krzescyjaństwa od turećciego jerzma w roku pańscim 1683. Toruń 1883.

П. Стремлеръ. Фонетика кашебскаго языка (Филологическія записки. Воронежъ 1873 вып. 3, 1874 вып. 1).

Крынскій. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава 1870.

J. Hanusz. O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów. (1880 Rozprawy Wydz. filologiczn. Akad. Umiejętn. W Krakowie T. VIII).

Leon Biskupski (псевдон. Berka) 1) Beiträge zur slavischen Dialektologie. I Die Sprache der Brodnitzer Kaschuben im Kreise Karthaus I. Heft. Die Lautlehre. Abtheilung I. Leipzig 1883. Ср. рецензіи Ягича въ Arch. f. slav. Phil. B. VIII (1885) и Ганушa въ Prace filol. T. I. z 1. (1885); 2) Słownik kaszubski porównawczy. Warszawa 1891 (Prace filologiczne T. III).

G. Poblocki. Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyżmów chełmińckich i kociewskich. Chełmno. 1887 ср. рецензію Я. Карловича въ Prace filol. T. II z. 1. 1887.

Nadmorski Dr. Kaszuby i Kociewie. Język zwyczaje, przesądy, podania, zagadki i pieśni ludowe w pólnocnej części Prus Zachodnich—Poznań 1892 (начало этого труда въ Журн. Wisła VI (205).

Stef. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1893 (Изданіе Академіи Наукъ).

G. Bronisch. Kaschubische Dialektstudien (Arch. f. Slaw. Phil. X VIII (1896).

A. Kalina. Mowa kaszubska jako narzecze języka polskiego (по поводу вышеуказаннаго труда Рамулта). Prace filol. T. IV (1893), z. 3.

И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Кашубскій „языкъ“, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ“. 1897 (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897. Апрѣль, Май).

J. Sembrzycki. Przyczynek do narzecza kaszubskiego (по поводу кашубскихъ словъ въ словарѣ Мронговіуса). Prace filol. T. III (1889) z. 1.

А. I. Степовичъ. Изъ семазіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашебскаго нарѣчія (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1896 г.).

3. Говоры Кашубскаго языка.

Кашубскій языкъ складывается изъ довольно значительнаго числа болѣе или менѣе характерныхъ говоровъ. Точная классификація ихъ при современномъ состояніи кашубской діалектологіи весьма затруднительна. Однако, слѣдуя наблюденіямъ Рамулта, можно различать три группы говоровъ: сѣверную, среднюю и южную.

Сѣверная группа обнимаетъ: рѣчь Словинцовъ и Кабатковъ въ слупскомъ уѣздѣ, говоръ полэбскихъ кашубовъ въ сѣверо-восточной части лемборгскаго уѣзда, жарновскій говоръ въ сѣверо-восточной части лемборгскаго уѣзда и сѣверо-западной пуцкаго, нарѣчія Быляковъ на островкахъ (своржевскомъ, пуцкомъ и оксывскомъ) и говоръ Рыбаковъ на Гельскомъ полуостровѣ. — Какъ наиболѣе характерныя особенности говоровъ этой группы можно отмѣтить слѣдующія: 1) сохраненіе первичныхъ k′, t′ вм. общекашубск. ć и đ, ǵ вм. общекашубск. dź: matḱi, nagi, piť sadeť; 2) болѣе частый чѣмъ на югѣ переходъ u въ e, i въ ė (сжатое e, близкое къ i) ą, ǫ въ i, ė, напр. heta, brekœvac, é (союзъ *и*) přiśc, svicony; 3) частое исчезновеніе j на концѣ: pœmago; 4) род. п. ед. ч. мѣстоимен. и сложн ск. на vœ или hœ, œ: dobrèvœ, dobrèhœ, dobre; 5) твердое ł звучитъ какъ въ литературномъ польскомъ яз., а у Словинцевъ и Быляковъ какъ среднее, чешское l.—На одномъ изъ сѣверныхъ говоровъ, именно на жарновскомъ, писалъ Флор. Цейнова. Говоры Быляковъ (особенно гов. Хейстернеста) научно описаны Бронишемъ (Archiv f. Slav. Phil. XVIII. ср. выше).

Къ средней группѣ относятся говоры наибольшей части кашубской земли, именно южныхъ окраинъ пуцкаго уѣзда, почти всего вейгеровскаго и картузскаго уѣздовъ и части гданскаго. Это среднее

кашубское нарѣчіе охарактеризовано въ трудѣ Рамулта (Słownik języka pomorskiego). Какъ самое распространенное, оно будетъ выдвинуто на первое мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи. Одна изъ особенностей его ć, dź вм. k' t', g' d'.

Южная группа обнимаетъ говоры бытовскаго уѣзда въ Помераніи и трехъ уѣздовъ Западной Пруссіи—косцерскаго, глуховскаго и хойницкаго. Нѣкоторыя особенности: 1) č, čj, dž, džj вм. k',t', g',ď рядомъ съ ć, dź, напр. matči, nadzi; 2) господство носов. ą, напр są, rąka; 3) вм. j-ją, или in, yn, напр. pjąc, flinta; 4) ų, u, om, ǫm, ųm вм ǫ: mųz, dobrǫm cǫrkǫ, 5) удареніе предпочтительно на первомъ слогѣ какъ въ чешскомъ. На южномъ нарѣчіи писалъ Іерон. Дердовскій; впрочемъ онъ пользовался общепольскою книжною графикой и вносилъ въ свой языкъ не мало полонизмовъ; поэтому произведенія этого писателя не точно воспроизводятъ южно-кашубское нарѣчіе.

4. Звуковыя особенности.

А. Графика.

Кашубская графика еще не установилась, чтó и понятно, такъ какъ и кашубскаго литературнаго языка пока не существуетъ: имѣются лишь немногочисленныя попытки литературной обработки отдѣльныхъ говоровъ. Кашубскому языку свойственно значительное количество характерныхъ звуковъ, но въ обозначеніи ихъ еще не достигнуто единства. Писатель Дердовскій и многіе изслѣдователи кашубскаго языка (напр. Поблоцкій, Бискупскій и др.) пользовались польской графикой (литературнаго языка), конечно, недостаточной для передачи всѣхъ кашубскихъ звуковъ. Другіе сверхъ того обращались къ инымъ азбукамъ и сами придумывали особые знаки; такъ Цейнова кромѣ нѣсколькихъ буквъ съ діакритическими знаками придумалъ, между прочимъ, для č начертаніе, напоминающее русское скорописное ч. Новѣйшіе изслѣдователи Рамултъ и Бронишъ выработали каждый свою особую систему знаковъ, съ помощью которыхъ фонетическія особенности кашубскихъ говоровъ воспроизводятся довольно точно. Система Брониша, составленная по Сиверсу представляетъ больше знаковъ чѣмъ система Рамулта; но въ той и другой критика признала нѣкоторые знаки излишними и неудачными.

Въ виду такого разногласія въ обозначеніи кашубскихъ звуковъ въ настоящемъ трудѣ, имѣющемъ общій характеръ, едва ли удобно пользоваться какою-либо изъ названныхъ системъ въ полномъ ея видѣ. Это представило бы большія затрудненія и въ типографскомъ отношеніи. Здѣсь будетъ достаточно ограничиться воспроизведеніемъ всѣхъ основныхъ и характерныхъ звуковъ. Относительно болѣе мелкихъ оттѣнковъ въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ по разнымъ говорамъ необходимыя справки можно найти въ указанныхъ спеціальныхъ работахъ. При обозначеніи кашубскихъ звуковъ мы пользуемся по возможности общеизвѣстными знаками западно-славянской діалектологіи; впрочемъ, гдѣ слѣдуетъ, указываются и знаки изъ системы Рамулта и Брониша.

Такимъ образомъ для передачи звуковъ кашубскихъ говоровъ можетъ служить слѣдующая система знаковъ:

1) для гласныхъ: a, á, ą, ȧ̦, e, é, ė, ĕ, ę, i, í, į, o, ó, ŏ, ꙍ (o͡e или u͡ĕ), ǫ, u, ú, ŭ, ų, ŭ̦, y, y̦.

2) для согласныхъ: b, b' c, ć, č, d, d', dz, dź, dž, f, f' g, g', h, ch (x), ch' (x'), j, k, k' ł, l, m, m', n, ń, p, ṕ, r, ř, s, š, t, t', w, v, v́, z, ž.

Начертанія á, é, í, ó, ú обозначаютъ долгіе гласные; онѣ звучатъ какъ протяжныя (какъ бы удвоенныя) a, e, i, o, u. Брониш прибавляетъ еще ŭ͡, т. е. долгое ŭ. Рамултъ обозначаетъ долгія гласныя посредствомъ грависа, который ставитъ только надъ тремя буквами: à, è, ò. Знакъ акута слѣдуетъ предпочесть въ виду примѣненія его въ чешской и словацкой абецедѣ.

Начертанія ą, ę, į, ǫ, ų, ŭ̦, y̦ обозначаютъ носовыя a, e, i, o, u, ŭ, y; послѣднихъ двухъ начертаній у Рамулта нѣтъ; ихъ указываетъ Брониш.

Начерт. ė (Рамултъ é, Брониш ĕ) обозначаетъ краткое сжатое e, приближающееся къ i или y (tė, mė).

Начертанія ĕ и ŏ (у Рамулта ê, ô) обозначаютъ близкіе между собой долгіе гласные, напоминающіе нѣмец. ö въ schön или франц. eu въ bleu; изъ нихъ первый фонетически ближе къ e, второй къ o. Брониш различаетъ два долгихъ ŏ (ŏ̂ -закрытое глухое (какъ въ нѣм. schön) и ō̆ -закрытое палатальное (какъ въ нѣмец. öl) и противопоставляетъ имъ краткое открытое ŏ (какъ въ нѣмецк. Völker); сверхъ того Рамултовскому ô у него соотвѣтствуетъ также ȯ, но въ значеніи долгаго закрытаго гортаннаго o.

Начерт. œ обозначаетъ двугласный звукъ, въ которомъ слышатся о и е, но е беретъ перевѣсъ надъ о; въ быстрой рѣчи оно звучитъ какъ ŭе (tœbje, ŭekno). Бронишъ оспариваетъ правильность знака œ: онъ увѣряетъ, что гласный о въ этомъ дифтонгѣ нигда не слышится; оно произносится какъ uė, при чемъ удареніе падаетъ на u.

Начерт. ŭ звучитъ какъ нѣмецкое ŭ или франц. u (tŭ).

Кромѣ указанныхъ гласныхъ, Бронишъ различаетъ въ кашубскомъ вокализмѣ слѣдующіе: 1) рядомъ съ долгимъ и краткимъ а, е онъ признаетъ полудолгія а, е, е долгое открытое и закрытое; 2) і (долгое и краткое) нёбное и гортанно-нёбное; 3) о (краткое и долгое) открытое, закрытое и узко-закрытое (verengt-geschlossenes).

Начертанія č, ž, š соотвѣтствуетъ кирилловскимъ ч, ж, ш.

Надстрочный знакъ обозначаетъ мягкость согласныхъ: b′, p′, ń и т. д.

Начертаніе ł означается твердое л, которое во многихъ говорахъ звучитъ какъ краткое ŭ (w); l-мягкое л и въ нѣкоторыхъ говорахъ среднее.

Начертаніе ř обозначаетъ мягкое р, которое звучитъ какъ ж (или ш), предшествуемое легкою вибраціей приподнятаго конца языка. Кашубское ř занимаетъ средину между чешскимъ и польскимъ ř.

Буква w обозначаетъ звукъ близкій къ краткому u и можетъ быть замѣнена ŭ (ŭóvs).

Б. Гласные.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ кашубскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) различеніе долготы и краткости гласныхъ; 2) исчезновеніе глухихъ и переходъ ихъ въ е; 3) широкое развитіе носовыхъ гласныхъ и частная замѣна древнихъ носовыхъ чистыми; 4) своеобразные гласные ė, ŏ, œ, ŭ; 5) переходъ многихъ исконныхъ гласныхъ въ е разныхъ оттѣнковъ, именно: а, u, і, въ е; і, у въ ė; 6) старослав. ѣ=е, é, ė и а, о, ŏ; 7) переходъ основн. а подъ вліяніемъ долготы въ ŏ, о (ô); 8) переходъ краткаго о подъ вліяніемъ губныхъ и заднеязычныхъ въ œ; 9) отожествленіе у съ і; 10) сохраненіе первичнаго порядка звуковъ въ сочетаніяхъ типа tart (праслав. tort).

1) *Долгіе гласные.* Въ кашубскомъ яз. ясно чувствуется различіе между краткими и долгими гласными. Тогда какъ въ польскомъ языкѣ сохранились лишь слѣды прежнихъ долготъ въ т. н. наклоненныхъ или сжатыхъ гласныхъ, въ кашубскомъ наблюдаются настоящія долготы, какъ въ чешскомъ, словацкомъ и сербо-хорватскомъ яз. Рамултъ отмѣтилъ существованіе долгихъ a, ą, e, o и считаетъ только долгими ė, ō; Бронишъ признаетъ различіе въ количествѣ также для i, u, ŭ и допускаетъ рядомъ съ долгимъ и краткое ō; сверхъ того по мнѣнію Брониша a и e могутъ быть не только краткими и долгими, но еще полудолгими; è всегда кратко. Примѣры: á: 1) въ окон. 1, 2, 3 л. ед. ч. жен. р. и 1, 2 л. двойств. ч. прош. вр. jō jem dá (я дала), tè jes dá, wœna dá, ma jesma dá, va jesta dá, mabe jesma dá, mabjesma dá, mabèsma dá (мы двое дали бы); 2) въ слогахъ, происшедшихъ изъ стяженія двухъ или болѣе слоговъ вслѣдствіе исчезновенія гласнаго, соотвѣтствующаго старослав. ъ, ь: dátk, brátk, pœdátk, róžánc mátk.; á,: jō jem vzá,, pœčá,,; é: 1) въ сложномъ склоненіи: dobré, dobrégoe, lèché kœńe; 2) въ склоненіи именъ средняго рода на -ije (-é): žècé, žècégœ; 3) во всѣхъ случаяхъ, когда e соотвѣтствуетъ старослав. ѣ: spév, b'éda; 4) въ слогѣ ńé въ словахъ: ńétoni (въ запрошломъ году), ńévitro (послѣ завтра), ńéchto, ńéco и др.; 5) въ словахъ, заимствованныхъ изъ нижне-нѣмецкихъ нарѣчій, въ которыхъ это e уже является долгимъ: mést, méster, véda (пастбище) и др.; í: šíl, vrócíl, jíc, reníl; ó: król, kóń, chłópa, króva; ō: jōden, jōzoro; ú: tú, tlúk, kúr и др. Во многихъ случаяхъ долгіе гласные, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, возникли вслѣдствіе стяженія. Нерѣдко долгіе гласные находятся подъ удареніемъ.

2) *Праславянскія* ъ, ь или исчезли или замѣнились яснымъ e: dzeń, dńa, sen, sne. Тоже въ польскомъ и чешскомъ яз. Иногда исчезновеніе ъ, ь наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соотвѣтствующій гласный; именно между двумя согласными, изъ коихъ второй k, c или s: datk, majątk, dobètk, dómk, dvórk, ōfs, wuēfc, junc, věchc.

3) *Носовые гласные* составляютъ весьма обычное и распространенное явленіе въ языкѣ, какъ и въ сосѣднемъ польскомъ. Но относительно степени развитія ринезма только нѣкоторые польскіе говоры (особенно силезскіе) можно сближать съ кашубскими говорами. Тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ употребленіе носовыхъ все же болѣе по-

слѣдовательно и случаи паденія ринезма менѣе часты. Этою свою чертою кашубскій яз. быть можетъ, стоитъ ближе къ праславянскому, чѣмъ старославянскій и польскій (особенно книжный). Въ кашубскихъ говорахъ установлено существованіе слѣдующихъ носовыхъ гласныхъ: ą, ę, ǫ, ų, į, y̨, ų̈; изъ нихъ ą, ę, ǫ во многихъ случаяхъ нужно признать исконными; нельзя сказать того съ увѣренностью относительно į, y̨, ų. Всѣ носовые могутъ быть вторичнаго, позднѣйшаго происхожденія. Въ частности развитіе носовыхъ гласныхъ, ихъ чередованіе и взаимныя отношенія не разъяснены. Глас. ą одинаково соотвѣтствуетъ старослав. ѫ, ѧ, польск. ǫ и ę: mąką, rąką, gąs, šescdźesąt, sądźèc, žądac, bądźè, celąt, jązek; вторичнаго образованія: Ąton, tą hądel, testamąt и др. Гласн. ę слышится гораздо рѣже, чѣмъ въ польскомъ; вм. него возможно не только ą, но į; напр. pįc, pįdźeśąt, dzevįc, dźesįc; чаще ę вторичнаго образованія: panę, Bœgę, dźèckę (твор. п.). Гласн. ǫ (=праслав. ǫ) соотвѣтствуетъ старослав. ѫ: mǫdri, mǫka, dvignǫc, b'alkǫ b'eřǫ, kǫt; вторичн. обр. strǫd, tǫc. Гласн. ų иногда вм. ǫ: mųž, zkųd, prųd; вторичн. обр. bųt, kųšt.—Гласн. į соотвѣтств. старослав. ѧ: pįc, dźevįc; но въ говорѣ Хейстернеста pšinc; dzevinc; втор. обр. flįta, pįt (фунтъ). Разложеніе носовыхъ гласныхъ и переходъ ихъ въ чистые (именно на концѣ словъ) наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ, (напр. въ говорѣ Кусфельда и Цейновы, деревень на полуостровѣ Гелы). По свидѣтельству Гильфердинга, иногда въ одной и той же мѣстности носовые гласные звучатъ различнымъ образомъ; напр. ja bądą, ja bǫdą, ja bųdą, ja bodǫ, ja budu; или zamb, zumb, zob, zub.— Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается повсемѣстная, довольно любопытная замѣна исконныхъ носовыхъ чистыми; именнно: 1) старослав. ѫ, польск. ǫ соотвѣтствуетъ i: dic (дѫти); 2) старосл. ѧ, польск. (i)ę, (i)ǫ соотвѣтств. i, или è: dźíc, míc, jíc (польск. jąc) p'íć, přísc, tříse přèdą, třèsą; въ числительныхъ порядковыхъ съ суф. =старослав. ѧтыи, гласный соотвѣтствующій ѧ отсутствуетъ: šescdźesti (по аналогіи dvadźesti).

4) *Праслав.* a=o, ŏ, e, è. Праславянское a подъ вліяніемъ долготы часто переходитъ въ закрытое o въ однихъ говорахъ (напр. въ Хейстернестѣ) и въ ŏ (Рам. ô) въ другихъ: mo, godo, godá, dono, nolepši, dvanosce или mŏ, gŏdŏ, gŏdá, dŏnŏ, nŏlepši, dvanŏsce. Это явленіе соотвѣтствуетъ польскому переходу a въ сжатое á (близкое по выговору къ o

ср. выше стр. 417). Сверхъ того подъ вліяніемъ согласныхъ происходятъ слѣдующія измѣненія исконнаго а: 1) а переходитъ въ е послѣ ř: řek, ředosc, řeno, pœřenk, řena, řeńic, řemą; 2) а передъ ł измѣняется въ ė (Рам. ė): dėł, gödėł, mėły, gėłka, fėłš, admirėł.

5) *Соотвѣтствія старослав.* ѣ. Старослав. ѣ соотвѣтствуютъ: 1) e, é, ė, на концѣ словъ и внутри, передъ губными, гортанными и мягкими согласными; 2) ʲa, a, o, ȯ внутри словъ передъ твердыми согласными; напр. lésé, slepè, b'éda, jém, séc; ė выступаетъ передъ ł: b'ėły, ḿėł, wuḿėł, chcėł; ḿasto, sǫsod и sǫsȯd, scana, scon. Гласные ė, o, ȯ развились изъ первичнаго а (ср. выше пунктъ 4). Ср. соотвѣтствія ѣ въ польскомъ яз.

6) *Праслав.* u=e. Праславянскому u послѣ согласныхъ переднеязычныхъ t, d, ł, l, n, r, ř, š, ž, č, c, s, z, соотвѣтствуетъ e, но преимущественно въ открытыхъ слогахъ: tečèc, deša, trepa, cede (чуда), lede (=ludu), trede, paneją (panują), šeḿec, čec (чуть), sekńa; но cud, (чудо) trud, lud. Бронишъ (Arch. f. Slav. Phil. XVIII. 331) въ противоположность Рамулту, утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ вм. u слышится не e а è (или по его графич. системѣ ė). Кто изъ двухъ наблюдателей правъ—трудно сказать.

7) *Праслав.* i=è (Рам. é, Брон. ė краткое сжатое e, приближающееся къ i (y). Праславянскому i послѣ c, dz, l, s, z, č, š, ž, ř, преимущественно въ слогахъ открытыхъ соотвѣтствуетъ è: macèca, vècènac (вырѣзывать), v sercè, dzèvu dzèvic są, palèca, sèvy, prosèc, zèma, žèc, chvalè, strašè и т. п.; но dziv, žimk (весна), čin, robi, robima и т. д.

8) *Праслав.* i=e. Праславянскому i въ причаст. прош. вр. на -ił послѣ мягкихъ b', p', f', v', j', m', ń соотвѣтствуетъ e: b'eł (билъ), p'eł, brojeł, reńeł, jegła.

9) *Праслав.* ы=i *или* è. Праславянское ы, отчетливо представленное въ русскомъ и польскомъ языкахъ, въ кашубскомъ языкѣ слышится очень рѣдко. Во многихъ говорахъ (у Словинцевъ Быляковъ) оно почти всегда сливается съ i. Въ среднемъ нарѣчіи вм. y слышится i послѣ t, d, s, r, ch: młodi, chitri, bœsi, tidzeń. Напротивъ послѣ b, p, v, m, n, ł, r праславянскому ы соотвѣтствуетъ è (Рам. e): bèvac, bèdło, pèšny, vèpèchac, rèbè (рыбы), łèsèna, vèrèvac. Только въ южныхъ говорахъ y произносится близко къ польскому.

10) *Праслав. краткое* **o**=**œ**. Праславянскому краткому **o** послѣ губныхъ и гортанныхъ (заднеязчныхъ) **b**, **p**, **m**,, **v**, **f**, **k**, **g**, **h**, **ch**, соотвѣтствуетъ своебразный звукъ **œ** (Бронишъ **uè**): **bœ**, **Bœga**, **pœ**, mœva, mœgą, vœda, wœsmè, gœ.

11) *Гласн.* **ü** (напоминающій по выговору нѣмецкое **ü**) слышится во многихъ говорахъ въ закрытыхъ слогахъ какъ рефлексъ праславян. **u** и **o**: trüp. mür, skœrüpa, tü, künc (конецъ).

12) *Гласн.* **e** обыкновенно смягчаетъ предшествующій согласный, какъ въ польскомъ и русскомъ языкѣ (литературномъ, великорусскомъ и бѣлорусск. нарѣчіи); но **z**, **s** остаются твердыми; напр. ýezc, ńes, sedme, serp, zeḿa, zebé. Передъ твердыми согласными: **t**, **d**, **z**, **s**, **n**, **r**, **ł** праслав. **e** расширяется въ **o**, при чемъ сохраняется мягкость предшествующаго согласнаго; напр. ýezc, ýozą, ýóz, ńesc, ńosą, ńós, ḿesc, ḿotą, sostra, rodzoni. Ср. польскій языкъ 419.

13) *Праслав.* **tort**=**tart** Въ корневыхъ сочетаніяхъ праславянскаго гласнаго **o** (или **a**) со слѣдующимъ согласнымъ **r** между двумя другими согласными сохраняется древній порядокъ звуковъ, т. е. праслав. **tort**=**tart**; напр.: charna (паства, пища), charvanc (снопъ плохого хлѣба, предназначенный въ кормъ для скота), chart (растеніе, польское chróst), skarnö (щека,) gard, Bjëłgard, Nowgard, Starogard, gardny или garny, wœgard, wœgardzèc, barna и borna, karva, karvi, paparc, parg и porg, parsą, varna, varta, zvarcèc, morz. Впрочемъ, такой исконный порядокъ звуковъ наблюдается не во всѣхъ словахъ праслав. формулы **tort**; рядомъ съ нимъ возможна перестановка звуковъ **-or** -въ **ro**, какъ польскомъ и серболужицкомъ, т. е. формула **tort** превращается въ **tröt**; при этомъ одни слова употребляются въ двоякой формѣ: wœgard-wœgörd-wœgród, zögarda и zögroda, barna и brona, karva и krova, parsą и prosą, varna и vrona; другія же встрѣчаются только въ польской формѣ: bronic, droga, groch, mrok, proch, zdróv и др. Основнымъ кашубскимъ сочетаніемъ нужно считать **ar** какъ доказалъ проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи этой звуковой особенности (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897г. Май 109—121); **ro** проникло въ кашубскій изъ сосѣдняго польскаго яз., подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ рядомъ съ исконнымъ полногласнымъ сочетаніемъ **оро** употребительно заимствованное изъ церковнославянскою **ра**, напр. *городъ* и *градъ*. Исконный порядокъ звуковъ въ сочетаніяхъ типа **tart** нужно признать важнѣйшимъ признакомъ ка-

шубской рѣчи; по утвержденію проф. Бодуэна-де-Куртенэ онъ одинъ былъ бы достаточнымъ для выдѣленія кашубскихъ говоровъ въ особую группу и для противопоставленія всей этой группы группѣ всѣхъ польскихъ говоровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ **tort** превратилось или въ **trat** или **torot** (ср. 77, 259, 423). Появленіе **a** вм. праслав. **o** въ данномъ сочетаніи, по мнѣнію того же ученаго отчасти объясняется слѣдующими причинами: а) неустойчивостью краткаго **o** на кашубской почвѣ; б) вліяніемъ согласнаго **ř** на сосѣдніе гласные (ср. выше); в) присутствіемъ въ языкѣ значительнаго числа словъ, содержащихъ сочетаніе **ra**, возникшее инымъ путемъ (barzo, gardło, kark, karčma, sarna, s darmoe, farva, и др.) и стремленіемъ уподобить этимъ словамъ слова праслав. типа tort; г) вліяніемъ нѣмецкаго языка (Bart, Garten и т. д.).

14) *Праслав.* **tolt=tlot, tert=tret, telt=tlet.** Изъ четырехъ первичныхъ сочетаній краткихъ гласныхъ съ „плавными" согласными въ кашубскомъ яз. только одно вышеуказанное (п. 12) сохранило свой „древній видъ", въ трехъ остальныхъ произошла перестановка звуковъ, т. е. изъ **tolt** сдѣлалось tlöt, изъ tert—tret, изъ tełt—tlét; напр. młodi, kłoda, mlekœ, vléc, břeg, dřevœ. Вслѣдствіе наклонности **e** расширяться въ **o** иногда **le=lo, ře=řo**: mloc, ploc, břoza. Такъ въ польскомъ и серболужицкомъ яз. Ср. 423.

15) *Соотвѣтствія праслав.* **ър, ьр, ъл, ьл** (старослав. **ръ, рь, лъ, ль**) *между гласными*. Праслав. **ър=ar, or, ör**; barzo, gořb, garba, gardło, karčma, torg (Хейстернестъ), törg (сред. нар.); праслав. **ьр=er, ör** (Хейстернестъ) **ir, iř** (средн. н.) передъ губными, гортанными и мягкими согласными: smörc, smirc, čeřvoni, čvirc, cvirdźèc, viřba, vircèc; **ьр=ar, or, ör** передъ твердыми согласными: čorni, čörni, čvorti, čvörti, mar, mařa, sarna; **ъл, ьл=** 1) **oł, öł** и **eł, ėł**; 2) **łu, łe**; 3) **ol-al**: 4) il; напр. molňo, polni (Хестернестъ) pėłny, dług-dlegu, dludži, tluc (словин.) tłec, tłesti, žolte (Хейстернестъ, žaltkši, žėłti čołen, vilk, milčec; 5) **ło** въ slonyškœ. Сочетанія **oł, or eł, er** свойственны сѣвернымъ говорамъ (особ. Хейстернестъ), **öl, ör, ir, iř** — среднимъ; **łe** представляетъ видоизмѣненіе **łu** (вслѣдствіе перехода **u** въ **e**). Въ общемъ кашубскія соотвѣтствія праславянскимъ **ър, ьр, ъл, ьл** совпадаютъ съ польскими, если не считать указанныхъ измѣненій гласныхъ, находящихся при плавныхъ **a** въ o, ŏ; e въ ė, u въ e. Но есть одна черта, которая рѣзко отдѣляетъ кашубскіе говоры отъ поль-

скаго языка: смягченіе или палатализація согласныхъ передъ ar, or, ŏr=праслав. ьр; въ польскомъ яз. въ этомъ случаѣ слышатся твердые согласные; напр.: cvardi польск. twardy, čvŏrti польск. czwarty, čvŏrtk польск. czwartek, zvarti польск. zwarty, ḿaŕnǫc польск. marznąć, zaḿŏŕ польск. zamarzl, zḿar польск. żmarł, carti польск. tarty, dzar, dzarti польск. darł, darty и т. п. (Объясненіе этой особенности см. въ статьѣ проф. Бодуэна-де-Куртенэ Журн. М. Н. Пр. 1897 Май 104—109).—Праслав. ръ, рь, лъ, ль между согласными соотвѣтствуютъ re, le: brev, krev, blecha.

16) *Частныя измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ согласныхъ.* Въ пунктахъ 5—10 указаны измѣненія, коимъ подвергаются нѣкоторые гласные подъ вліяніемъ согласныхъ. Тою же причиной объясняются слѣдующія мелкія явленія: α, переходъ e (= праслав. e) въ i въ суф. eń: gřebiń, vlosiń (видъ травы), kamińa, płomińa; β, переходъ e (= старослав. ѣ) въ i въ словахъ, оканчивающихся на — ѣнецъ, — ѣньскии: vinc, Slovinc, Slovinka; γ, діалектическія измѣненія am, an въ ęm, ęn, напр. kęm, (камень), sęno (сѣно) (въ гов. Быляковъ); am, an или ŏm, ŏn въ ǫm, ǫn: dǫm, koechŏny и т. п.

17) Появленіе гласн. e: P'oter, vater, łoter.

18) Гласные, начинающіе слово, обыкновенно принимаютъ придыханіе: j, h, w, напр. Jagata, jegła, jic, jiny, Jądři, wœna, wœko, wœrac; w и въ срединѣ словъ: nawuka.

B. Согласные.

Смягченіе согласныхъ въ общемъ весьма развито какъ въ сосѣднемъ польскомъ языкѣ. Но въ сравненіи съ послѣднимъ кашубскій языкъ представляетъ весьма характерныя особенности. Между тѣмъ какъ одни согласные способны къ рѣзкому смягченію (напр. губные, гортанныя), другіе (напр. c, z, s) остаются всегда твердыми.

1) L, R, N. Звукъ l произносится различно въ разныхъ говорахъ. Большинство Кашубовъ различаютъ твердое ł отъ мягкаго l, но настоящій выговоръ твердаго ł, соотвѣтствующій книжно-польскому и русскому, наблюдается только кое-гдѣ въ сѣверной Кашубіи (Putzig. Kämpe, Lusin, Schönwald и др.): łamic, łbę, łékœ, młin, běłi. Обыкновенно же твердое ł звучитъ, какъ краткое ŭ или w (какъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ на концѣ слоговъ) ŭamic, b'ěŭi, gŭova. На-

конецъ приморскіе Словинцы и т. п. Быляки (въ восточн. ч. пуцкаго у. и сѣверовосточн. углу вейгеров. у.) вмѣсто твердаго и мягкаго l знаютъ только одно среднее l, соотвѣтствующее нѣмецкому и чешскому, напр.: lova, lgac, lepic.—Согласн. r и n передъ узкими и іотованными гласными смягчаются въ ř и ń; ř, какъ сказано, шипящій звукъ, занимающій средину между чешскимъ ř и польскимъ rz; напр. moeře, ńeboe, ńitka, překładac. Иногда ř = rs или rz, напр.: pirceń, lekařći, mařnǫc.

2) D. T. Зубные d, t смягчаются одинаковымъ образомъ какъ передъ праслав. j, такъ передъ узкими гласными, исконными или ихъ позднѣйшими замѣстителями, т. е. d превращается въ dz, t въ c. Примѣры: I) dj = dz, tj = c; sadzac, sadzoni, rodzoni, rodzöj, schödzka; sveca, chcą, zloconi, vracac. II) d и t передъ узкими гласными = dz, c: sedzi, dzécą, rodzèna, dzivny, jidzeš, dzen, v vodze, dac, jic, ce, cą (тебя), casto, celècèna, svece (мѣстн. п.), gosc.—Относительно смягченія d, t передъ праслав. j кашубскій сближается съ польскимъ и словацкимъ (ср. 269, 427), но эта близость можетъ быть установлена только для настоящаго времени. Въ старину относительно превращенія dj кашубскій языкъ стоялъ ближе къ чешскому и серболужицкому языку, у которыхъ при tj = c, dj = z. Дѣло въ томъ, что въ кашубскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ словахъ слышится вм. праслав. dj не dz а z: cezi, cezo (чужой, чужы), ḿeza nąza, nązny, nąźnec) (рядомъ съ ḿedza, nądzą, nądzny, nądzńec). По мнѣнію проф. Бодуэна-де-Куртенэ, которое нельзя не признать весьма правдоподобнымъ (Ж. М. Н. Пр. 1897. Май 88—90) это z и нужно считать исконно-кашубскимъ; когда-то оно и выступало вездѣ вм. пра-слав. dj и было вытѣснено dz частью вслѣдствіе психически—морфологическаго уподобленія словамъ, представляющимъ dz, которое развилось изъ d передъ узкими гласными (напр. rodzèc), частью не безъ вліянія польскаго языка. Что касается указанныхъ измѣненій d, t передъ узкими гласными, то они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ. Польскій яз. въ данномъ случаѣ представляетъ dź, ć, чешскій и словацкій ď, ť, серболужицкій ź, ś и dź, ć.

3) B. P. V. M. F. Губные согласные передъ j и узкими гласными смягчаются въ b′, p′ v́, ḿ, f́; напр. b′ałka (женщина), gvözda, ṕec, ḿech, f́igel. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Быляковъ (Хейстернестъ), мягкія p′, f′ звучатъ какъ pch, fch или чаще какъ pš, fš: pchic, pšic

(пить), fchigle, fsigle. Въ кашубскомъ отличается зубно-губное **v** отъ губно-губнаго **w**; послѣднее слышится только передъ **o, u**: słowœ, wœjc (отецъ), słova.

4) **G. H. Ch. K.** Въ числѣ гортанныхъ звуковъ указывается звукъ, обозначаемый черезъ **h**; точный выговоръ его, однако, не выясненъ. Во всякомъ случаѣ онъ не соотвѣтствуетъ чешскому **h**, а скорѣе всего приближается къ нѣмецкому **h** (т. е. простому придыханію). Рамултъ указываетъ его въ слѣдующихъ примѣрахъ: halva (названіе мѣры), hądel, Heromin, Hèl, hul, въ род. п. teho, dobrèho (въ Славошинѣ). Исконное праславянское смягченіе гортанныхъ ставитъ кашубскій яз. ближе къ чешскому и сербо-лужицкому, чѣмъ къ польскому; именно: 1) **g, k, ch** переходятъ въ **ž, č, š**, передъ **j, e, i** (при образованіи основъ), древними **ѣ** (= ē) и **ь** (изъ **i, jъ**); напр. móžeš, słeži, střeže, držec, družba, pečeni, robačk, reši, strašèc; 2) **g, k, ch** переходятъ въ **z, c, š** передъ **i** (или замѣняющимъ его **e** въ окончаніяхъ) и древн. **ѣ** (= **ăi, oi** въ окончаніяхъ): daleci, córce, ręce, drezi, droze, gřeši, straše; между тѣмъ въ польскомъ яз. **g** передъ **i, ѣ** (въ окончаніяхъ) переходитъ въ **dz**: nodze.—Но рядомъ съ этимъ древнимъ смягченіемъ („палятализаціей") въ кашубскомъ яз. наблюдается позднѣйшее перерожденіе вторичныхъ смягченныхъ **k'** и **g'** (т. е. когда-то бывшихъ твердыми подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними широкихъ гласныхъ) въ **ć** и **dź**: ćedè и сокращ. ćej, će (польск. kiedy, старослав. кѫда) ćij (польск. kij, старослав. кыи), matći, (matki), gróńći, gróńće, (garnki), kašebsći, słovinsći, słovansći, vèsoći (польск. wysokiu, р. высокій) vèsoćé (п. wysokie), ćile (п. kilka), są ćivac (п. kiwać się); въ заимствов. словахъ ćista (н. Kiste), ćedza (н. Kette); dźibci (п. gibki, старосл. гыбкыи), nadźibac (п. naginać) veldźi (п. wielki, нар. wielgi), nadźi (п. nagi, нагыи) dźinǫc (п. ginąć, старослав. гыбнѫти), mnodzi (п. mnogi), wubœdźi (п. ubogi, старослав. ѹбогыи), rodźi и rodze (п. rogi). Это **ć** произносится близко то къ польск. **ć** то къ сербохорватск. **ћ**, а **dź** есть звукъ средній между польскимъ **dź** и сербохорватскимъ **ђ**. Впрочемъ произношеніе этихъ согласныхъ измѣняется, смотря по мѣстностямъ; то они превращаются въ чисто шипящія **č, ž**, то приближаются къ своему первичному типу **k', g'**. По сообщенію Рамулта это колебаніе выговора **ć, dź** распредѣляется географически, слѣдуя съ сѣвера къ югу, въ слѣдующемъ порядкѣ: kj, gj — tj, dj — ć, dź, — čj, džj — č, dž — čj, džj — ć, dź,

— tj, dj—kj, gj. Подобное явленіе спорадически встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ словинскомъ (крайнское нар.): čisu (kisl'), roče (вм. roke), muše (вм. muhe) и др.

5) C, Z, S всегда тверды; кашубскія z, s, въ противоположность польскимъ, не способны къ смягченію напр.; sano, są, se, sèvy, séc, sodło, zèma, zèbnǫc, zib, źörka (зернышко). Праславянскій переходъ c, z, s, въ č, ž, š представленъ какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: pišeš, mažeš, wœvečka.

6) *Появленіе согласныхъ*: t: střoda, středny, vestřod, střebro; d: zdrąbè, zdřec, zřodło; g: zgřeb'o; k: въ сравнит. степ. čèstkši, žaltkši, letkši; l: kluzńo (польск. kuźnia); j, h, w (передъ гласными) см. выше гласные п. 18 и согласные п. 4.

5. Удареніе.

Относительно ударенія кашубскій языкъ отличается не только отъ польскаго, но вообще отъ всѣхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ и сближается съ русскимъ и южно-славянскими языками. По качеству кашубское удареніе экспираторное т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, не сопровождающемся повышеніемъ и пониженіемъ тона; въ нѣкоторой степени оно и количественное, но въ какой именно—теперь трудно сказать, такъ какъ не выяснено насколько мѣняются оттѣнки усиленія голоса въ зависимости отъ долготы и краткости ударяемыхъ слоговъ. По мѣсту въ словѣ удареніе большей части кашубскихъ говоровъ—разномѣстное или вольное, т. е. не пріурочивается къ одному опредѣленному слогу, какъ напр. въ чешскомъ и польскомъ языкахъ, а можетъ падать на любой слогъ, какъ напр. въ русскомъ или сербо-хорватскомъ. Въ послѣднемъ отношеніи исключеніе составляютъ только южные говоры, въ которыхъ наблюдается стремленіе отодвигать удареніе на начальный слогъ; такимъ образомъ и у этихъ говоровъ сходство относительно ударенія оказывается не съ польскимъ, не смотря на близкое сосѣдство послѣдняго, а съ болѣе удаленными языками сербо лужицкимъ, чешскимъ и словацкимъ.

Общій характеръ кашубскаго ударенія былъ опредѣленъ еще А. Ѳ. Гильфердингомъ въ его замѣчательномъ трудѣ о Кашубахъ. Главнѣйше на этомъ трудѣ основана глава „кашубская акцентовка“

въ сочиненіи проф. Р. О. Брандта „Начертаніе славянской акцентологіи". Послѣдующіе изслѣдователи и наблюдатели кашубской рѣчи обращали очень мало вниманія на удареніе. Даже въ словарѣ Рамулта просодія словъ не отмѣчена. Только въ новѣйшей работѣ Бронища отведено значительное мѣсто обзору ударенія въ одномъ изъ сѣверныхъ кашубскихъ говоровъ, именно въ говорѣ Хейстернеста. Такимъ образомъ подробное изученіе этой любопытной особенности кашубскихъ говоровъ только начинается [1]).

На основаніи существующихъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія о кашубскомъ удареніи.

1) Удареніе не во всѣхъ говорахъ вполнѣ одинаково. Южные говоры составляютъ особую группу, отличающуюся постоянствомъ и неподвижностью ударенія: оно всегда падаетъ на начальный слогъ. Но и въ среднихъ и южныхъ говорахъ не всегда одни и тѣже слова произносятся одинаково, съ удареніемъ на одномъ и томъ же слогѣ. Этимъ разногласіемъ говоровъ, вѣроятно, объясняется противорѣчіе въ сужденіяхъ изслѣдователей о предпочтительномъ мѣстѣ ударенія въ кашубскомъ: между тѣмъ какъ Гильфердингъ полагалъ, что удареніе чаще всего бываетъ на третьемъ слогѣ съ конца, Цейнова, а за нимъ Рамултъ утверждаютъ, что оно преимущественно падаетъ на предпослѣдній слогъ.

2) Имѣя въ виду средніе и сѣверные говоры можно принять, что вообще въ кашубскомъ языкѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ стольже часто, какъ на предпослѣдній и третій съ конца; рѣже находится оно на четвертомъ слогѣ, но возможно также на пятомъ и даже шестомъ слогѣ [2]). Если удареніе отодвигается далѣе третьяго слога, то по утвержденію Цейновы необходимо еще побочное удареніе, которое приходится на предпослѣдній слогъ. Бронишъ допускаетъ побочное удареніе и впереди главнаго. Впрочемъ вопросъ о побочномъ удареніи, пока остается невыясненнымъ.

---

[1]) Отмѣтимъ еще, что новая работа о кашубскомъ удареніи приготовляется проф. И. А Бодуэномъ де Куртенэ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1897 май 121).

[2]) По Рамулту удареніе не можетъ стоять дальше третьяго слога; на четвертомъ и пятомъ оно находится какъ исключеніе у прилагательныхъ въ превосходной степени, образованныхъ суффиксомъ nŏ (nó). Проф. Брандтъ указываетъ нѣсколько другихъ словъ, имѣющихъ удареніе на пятомъ и даже шестомъ слогѣ (Начерт. слав. акцент. 184).

3) Удареніе на послѣднемъ слогѣ имѣютъ, между прочимъ, слѣдующія формы: а) имена существительныя муж. р. на—c и k (старослав. **ьцъ, -ькъ**); напр.: gœseinc, dodatk, majǫtk и др.; б) имена существительныя двухсложныя, оканчивающіяся въ имен. п. един. ч. на -ŏ: ceńŏ (тѣнь), dŏlŏ (даль), głąb'ŏ (глубина) и др.; в) имена прилагательныя двухсложныя, напр.: čérny, dredźi, dźibci, żèvy и др. и трехсложныя на -any: dřeṽany и др.; г) мѣстн. п. ед. ч. именъ муж. и средн. р. на -u: biku, raku, rogu, mechu, dešču, daru и др.; д) род. п. мн. ч. муж. р. на -óv dĕchóv, ṽilkóv, glósóv; е) твор. п. ед. ч. именъ жен. р.—на -o (вм. ǫ), напр. glovó, mǫko, zeḿo; ж) род. п. двойств. ч. на -u, напр. rąku; з) род. п. мн. ч. на -i, напр.: dĕši, gœsci, dzecí; і) род. п. мн. ч. безъ окончанія; напр.: sǫsŏt, přĕjacol, rąkavic, jŏzor, seḿón, celąt; к) нарѣчія въ сравн. ст.; напр vĕší, dáli; л) многія неопредѣлен. накл., напр. nadic (**надъти**), nadźic, zaṕic, přegřŏc, głemŏc; м) повелит. н. глаголовъ на ac; напр. gadŏj; н) въ мѣстоимен. напр. tobo, sobo и др.

4) На третьемъ слогѣ съ конца имѣютъ удареніе, между прочимъ, слѣдующія слова и формы: а) имена оканчивающіяся въ именит. п. ед. ч. на -a; напр. bèlèca, jałovica, lèsèca во всѣхъ надежахъ); б) имена, оканчивающіяся на **-išče, -ešče, -iskœ, -èskœ**, напр. batożèšče, cerkvišče и др. (во всемъ склоненіи); в) имена на **-dło, -stvœ, ivœ**, напр. mœtovidło, łečèwoe.

5) Удареніе въ кашубскомъ яз. еще сохраняетъ морфологическую подвижность, т. е. можетъ перемѣщаться съ одного слога на другой въ различныхъ формахъ склоненія и спряженія; напр. jajo (яйцо), v **jaju** (въ яйцѣ), **doma**, v domu, **rąku** (руку), **rąku** (рукою), **dzeci** (дѣти), dzeci (дѣтей), **b'eře** (беретъ), b'eřè (бери) и т. д.

6) Въ соединеніи съ предлогами имена существительныя, имѣющія ударенія на начальномъ слогѣ, передаютъ это удареніе на предлогъ; напр.: **do** konca, **na** jĕzoro; **se** sṽata и т. д. Подобнымъ образомъ глаголъ переноситъ свое удареніе на отрицаніе ńe; напр. **ńe** bèli, **ni** mom.

7) Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, кашубское удареніе относительно мѣста занимаемаго имъ въ словахъ нерѣдко совпадаетъ съ русскимъ и чакавскимъ.

6. Важнѣйшія формальныя особенности.

A. Склоненіе.

1) Остатки двойственнаго числа: имен. п. муж. р. uda; чаще у именъ жен. и ср. р.: rące, dŕe corce (но tře corki), dŕe stèze (но tře stègi—stèga—собират. имя, означающее двадцать); dŕe lece (но tře lata); род. п. rąku, wœču, wušu; дат., твор. rąkama, wœčoma, wušóma, ma, naju, nama, va, ŕaju, vama, dvuma, jima.

2) Въ извѣстныхъ падежахъ именного склоненія имѣетъ мѣсто *чередованіе корневыхъ гласныхъ*, находящихся въ послѣднемъ слогѣ основы: болѣе слабые гласные, то-есть, развившіеся изъ краткихъ или же сокращенныхъ, чередуются съ гласными по своему происхожденію болѣе сильными, то-есть, развившимися изъ долгихъ или же удлиненныхъ; именно a/ŏ (ô Ром.), è/i, è/ú, e/é o или œ/ó, ą/ǫ. Здѣсь нужно различать явленія двоякаго рода:

I. Имена, у которыхъ послѣдній слогъ основы оканчивается на d, b, g (Media), l, r, m, n (смягченныя или несмягченныя), въ тѣхъ падежахъ, гдѣ этотъ слогъ заканчиваетъ слово, т. е. въ имен.—вин. пп. ед. ч. муж. и жен. р. и въ род. п. множ. всѣхъ родовъ, имѣютъ болѣе сильные гласные ŏ (ó), i, ú, é, ó, ǫ, а въ остальныхъ падежахъ—болѣе слабые a, è, e, o, œ, ą; напр. имен. п.: grŏd, tŏrg, pon, cisŏř, ḿód, bóg, sól, pœgřéb, lúd, dǫb; род. п.: grada, targu, pana, cisařa, ḿodè, bœga, solè, pœgřeba, léda, dąba; род. п. множ. ч.: jóm (jama), jŏj (jojo), scon (scana), strón (strona), rib (rèba), žíř (žèřa); сюда же относятся и причастія прош. вр. krŏd—kradlè, pŏd—padřo, ḿŏr—ḿařla, móg—mœgla, lég—legřa, šíl—šèla, klúl—klèla.

II. Имена, у которыхъ послѣдній слогъ основы оканчивается на одинъ изъ первоначально тонкихъ согласныхъ (t, p, k), наоборотъ представляютъ болѣе слабые гласные a, è, e, o, œ, ą въ имен.—вин. п. ед. ч. муж. и жен. р. и въ род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ, а болѣе сильные ŏ (ó), i, ú, é, ó, ǫ во всѣхъ остальныхъ; напр: имен. п. brat, čart, lokc, las, rak, sok, bœk, jązék, sąk, nos; род. п. brŏta, lŏsa, sóka, bóka, sǫka, jǫzeka; род. п. мн. ч. sèrót, celǫt, serc, sostr, desk и др.

Рядомъ съ именами двухъ указанныхъ разрядовъ существуетъ значительный разрядъ именъ, удерживающихъ болѣе сильные гласные

во всемъ склоненіи, напр. kòrm, bôl, smêch, břêg, b'és, klín, trút, tröva, dölö, góra, gńözdœ, zörnœ, rèbök, nožík, zómk и мн. др.

3) Нѣкоторыя своеобразныя окончанія именного склоненія объясняются частью особенностями кашубской фонетики, частью смѣшеніемъ основъ, какъ и во всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ.

а) *Имена мужескаго рода. Имен. п. ед. ч.* у нѣкоторыхъ именъ сокращенный: kam, płom, křem, řem, prom (вм. kameń и т. д); *Род. п.* обыкновенно оканчивается на -a, напр. króla, ząba; вм. u, которое вообще рѣдко, слышится è, ü: ḿodè, kvatè, vątrè, chlèbü, targu. *Дат. п.* почти всегда на -ovi, œvi: królovi. *Мѣстн. п.* послѣ p, b, f, v, t, d, m, n на ᶦe, послѣ другихъ согласныхъ на -u: groḿe, roku. *Зват. п.* на e, è u: člověče, kupcè, tatku *Твор. п.* обыкновенно на -ę: królę, třöskę, ząbę. *Имен. п. множ. ч.* на -i, -è (=i), -è (=y), -ᶦe, ove, -a, ᶦa: ḿeščani, sǫsedzè, vilcè, kvatè, domè, kraje, pave, panove, kameńa, kœřeńa. *Родит. п.* безъ окончанія, на- óv, на -i (отъ основъ на -i): sǫsód, ḿeščón, vilkóv, głosóv, gœsci, lèdzi. *Дат. твор. мѣстн. п.* для всѣхъ родовъ представляютъ одинаковыя окончанія, какъ въ польскомъ: óm, -ámí, -ach: królóm, królámi królach; ámí, -ach заимствованы изъ склоненія основъ жен. р. на -a; вм. -óm у Цейнова ąm (вѣроятно вм. ǫm): króląm; рядомъ съ -ami, слышится и -ame. Гильфердингъ отмѣтилъ древнія формы твор. п. на -y и мѣстн. на -ech; Бронишъ не указываетъ подобныхъ формъ, за исключеніемъ одной: lati.

б) *Имена средняго рода. Имен. вин.-зват. пп. ед. ч.* o, œ, e, é (=ije); dzeło, słovœ, mœře, veselé, veselí (Хейстернестъ); весьма распространены суф.: išče, -èšče; ząbišče, pastvišče, batožèšče; jiḿą, celą (celo, viḿo — Хейстернестъ), р. п. jimińa, celèca. *Родит. п.*—a, -ö (Рам. ô, у именъ на -e = первич. ije), słova, mœřa, veselö, ḿeškańö. *Дат. п.* чаще -ovi: gnözdovi; имена на -é (= ije) склоняются и на манеръ прилагательныхъ, žècé, р. п. žècégœ, д. п. žècému и т. д. *Мѣстн. п.* — u, e; jabku, slove. *Родит. п. мн. ч.* — безъ окончанія и часто съ усиленіемъ гласнаго конечнаго слога: cöl, ḿast (ср. выше, п. 2); вставочный гласный можетъ быть и не быть: den, sideł, voder и vodr. *Дат. п.*—om (ąm), jabkom, kurètom. *Твор. п.* jabkámi, kurètámi. *Мѣстн. п.*, jabkach, kurètach.

в) *Имена женскаго рода. Имен. п.* у основъ на a—a и—ö (когда удареніе падаетъ на окончаніе): baba, góra, rolö, ceńö, möl-

ńŏ; иногда ŏ и безъ ударенія: bracŏ, prŏcŏ, biblejŏ. **Прилагат. имена въ жен. р. всегда оканчиваются также на ŏ**: dobrŏ, novŏ. **Сближеніе между существ. и прилагат. идетъ дальше: существит. на -ŏ во всѣхъ падежахъ един. ч. и въ имен. вин. множ. ч. слѣдуютъ склоненію** прилагательныхъ (см. ниже образцы). Старо-слав. **господыни соотвѣтствуетъ** gœspœdèné и gœspœdèní. *Род. п.* è (вм. ы), e (имена на ŏ), i (имена на **-ka, -ga, -cha,** -ja, -b'a, -p'a, -v́a, -ḿa, -ńa, **-ev**): rèbè, trŏvè, bródè, rósè, nądze, dèšè, ńedzelè, jamè, gąsè, nócè, méšè, mèslè, tvařè, maceřè; rąćí (rąči), nodzí (nodži), muši, šèjí, břètví, **krèvi. Такъ въ сѣверномъ нарѣчіи; въ среднихъ говорахъ** основы на -ja **и на-v обыкновенно имѣютъ é**: zeḿe, stèdńe, krv́é, břetvé. *Дат.-мѣст. п.*— **í** (долгое), **é** (въ Хейстернестѣ ŏ и é, имена на **-ba, -va, -pa, -fa, -ma, -na, -ka, -ga, -cha, -da, -ta, -ra**), šèjí, zéḿí, svińí, nądzí. dèší, gąsí, nócí, mèší, mèslí, tvářÍ, máceří, bab'e, trŏv́e, jaḿe, rące, nódzé, mušé, brodzé. *Зват. п.*—**œ**: bábœ, cotkœ. *Твор. п.* ǫ **и ó**, rèbǫ, drogǫ, zeḿǫ и rebó, drogó, zeḿó; ó **вм.** ǫ **показываетъ Бронишъ.** *Вин. п.*—ą и ǫ (смотря по говорамъ), **а также o** (въ Пуцк. Хейстернестѣ), rąką, rǫkǫ, rǫko. *Имен. вин. п. множ. ч.*—è (старослав. ы, имена на **-ba, pa, -fa, -va -da, -ta, -ma, -na, -ra**), **i** (имена на **-ka, -ga, -cha**), e (имена на -ja, -b'a, -p'a, -v́a, -ḿa, -ńa, **-ev**, -b', -ń), **é** (**всѣ остальныя имена**): gřèbè, trŏvè, jamè, scanè, lǫčé (lǫči), tądźí (tądží), muší, zeḿe, svińe, brev́e; kœzé, nądzé, dèšé, gąsé, řečé. máceřé. *Родит. п.* — безъ окончанія, **часто съ усиленіемъ гласнаго послѣдняго слога или со вставочнымъ гласнымъ; послѣдній, впрочемъ, не необходимъ**: désk, b'alk, jóm, scón, nóg, mótel, višeń, но **matk. sostr; оконч. i отъ основъ на -i иногда переносится на основы на -ja**: mši, lži. *Дат. п.* — **óm** (ąm, ǫm)—dèšom (dèšǫm). *Твор. п.*—**ámi** dèšámi *Мѣст. п.*— **ach**, dèšach.

4) *Мѣстоименное и сложное склоненіе.* *Род. п. ед. ч. муж. и ср. р.* представляетъ окончанія **egœ, -eho, -ewœ (сѣверн. говоры)** na ńegœ, dobrégœ, dobrého, dobrewœ, (а кое-гдѣ dobreo), na ńeho, na ńewœ. **Формы на -ewœ сближали съ великорусскимъ ево, добраво** [1]) и т. п. Правильнѣе объяснить **ихъ согласно съ мнѣніемъ проф. Бо-**

---

[1]) Ср. Lucian Malinowski, Ueber die Endung des genitiv sing masc.—neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Declination im russischen und kaschubischen (Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. Berlin. 1874. VIII).

дуэна де Куртенэ фонетическимъ ослабленіемъ и сокращеніемъ: ego -eho -eo -evo -ewo. *Вин. и. твор. п. ед. ч. жен. р.*—ǫ или o (смотря по говорамъ): dobrǫ, dobro. Во множ. ч. старо-слав. оконч. -ѣхъ, -ыхъ, -ѣми, -ыми соотвѣтствуютъ èch, -èmi; а старо-слав. -ѣмъ, -ымъ — im: tèch, dobrèch, tèmi, dobrèmi, tím, dobrím.

5) *Личныя мѣстоименія.* 1 л. И. jö, Р. mńe, ḿe, Д. ḿe, В. ḿe, Т. mnǫ, mnó. М. mńe Мн. ч. И. mè, Р. В. М. nás, Д. nóm (nǫm), Т. námí, Дв. ч. má náju, náma 2 л. И. Tè. Р. cé или ceb'e, Д. cè, tob'e, В. ce Т. tobǫ, tobo М. cé, tob'e. Мн. ч. И. vè, Р. В. М. vás, Д. vóm, Т. vámí. Дв. ч. vá, vajú, váma.

Возвр. м. Р. se, seb'e, Д. so, sob'e, В. są, so, Т. sobǫ, sobo.

Вм. on, ona, ono Кашубы говорятъ wœn, wœna, wœno.

6) *Образцы склоненій.*

Един. ч.

И.	zǫb	król	słowœ	celą	rèba	zeḿa
З.	ząbe	królu	słowœ	celą	rèbœ	zeḿo
В.	zǫb	króla	słowœ	celą	rèbą (-o)	zeḿą (-o)
Р.	ząba	króla	słova	celèca	rèbè	zeḿi (-e)
Д.	ząbovi	królovi	słovu	celècè (-u)	rèb'e	zemi
Т.	ząbę	królę	słovę	celècę (-o)	rèbǫ	zeḿǫ (-o)
М.	ząbe	królu	słov'e	celècè	rèb'e	zeḿi

Множ. ч.

И.З.	ząbè	królov'e	słova	celąta	rèbè	zeḿe
В.	ząbè	królóv	słova	celąta	rèbè	zeḿe
Р.	ząbóv	królóv	słóv	celąt	rib	zemí
Д.	ząbóm	królóm-ǫm	słovóm	celątom	rèbóm	zeḿom
Т.	ząbámi	królámi	słovámi	celątami	rèbámi	zeḿami
М.	ząbach	królách	słovach	celątach	rèbach	zeḿach

Един. ч.

	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.	
И.	nové (-y)	nové	novö	rolö
В.	какъ И. Р.	nové	novǫ (-o)	rolǫ (-o)
Р.	novégœ, novéwœ		nové	rolé
Д.	novému		nové	rolé
Т.	novém		novǫ (-o)	rolǫ (-o)
М.	novém		nové	rolé

Множ. ч.

И. nové		nové	nové	rolé
В. какъ И. Р.		nové	nové	rolé
Р.	Для всѣхъ р.	novèch		roli
Д.		novém		rolóm
Т.		novèmi		rolámi
М.		novèch		rolach

Б) Спряженіе.

1) Сохраніе *двойственнаго числа* для 1 и 2 л.; напр. ma jesma, va jesta, plecema, pleceta, ma plotła. Гильфердингъ отмѣчаетъ формы и 3 л., напр. wœna jesta, wœna bǫdzeta; но по утвержденіи Цейновы 3 л. двойств. замѣняется множественнымъ.

2) *Причастныя формы*. Причастія настоящ. вр. страд. и прош вр. дѣйств. I (на ši) даже въ видѣ дѣепричастія не сохранились *Причастіе настоящаго вр.* удержалось въ видѣ дѣепричастія на -ǫce и полнаго прилагательнаго на -ǫci, -ǫcŏ, -ǫce, напр. plocǫcè, plocǫci, -ŏ, -é; řekǫcè, ḿelǫcè, bijǫcè и т. п. *Причастіе прош. вр. дѣйств. II* оканчивается на -ł, -ła, -ło; двойств. ła, множ. lè (всѣхъ родовъ); напр. płot, płotła, płotło, płotła, płotlè; ł въ муж. р. часто исчезаетъ v́ód, kröd, řek, ńós; въ един. ч. жен. р. и въ двойств. ч. слышатся сокращенныя формы: tè jes dá, va jesta dá vzą, pœčą и др. *Причастіе прош. страдат.* употребляется только въ формѣ прилагательнаго на -ni, -ti и при томъ отъ немногихъ глаголовъ; напр. gödōni, biti.

3) *Личныя окончанія*. Ед. ч. 1 л. -ą (ǫ), -o, 2 л.—š, 3—;Дв. ч. 1 л.—ma, 2 л.—ta; Мн. ч. 1 л.—mè, 2 л.—ce, 3 л.—ǫ (ą)—ó; напр. plotą, pleceš, plece, plecema, pleceta, plecemè, plecece, pletǫ. Въ 1 л. ед. ч.—ą господствующее окончаніе, ǫ и o слышатся иногда въ сѣверныхъ говорахъ, гдѣ также ǫ чередуется съ ą. Тоже относится къ 3 л. мн. ч. Оконч.—m въ 1 л. только у т. н. архаическихъ глаголовъ: jem, jém, v́ém, döm, möm. Глаголы V кл. (на -ac), имѣютъ въ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. нестяженныя формы какъ въ старослав. и русск.; напр. gadac—gödają, но 2 л. и слѣд.: gödōš, gödo, gödōmè. Во 2 л. древнее s только у вспомогательнаго глагола—jes. Въ 3 л. t не сохранилось и у существительнаго глагола: je.

4) *Повелительное накл.* Примѣты повелит. накл.—è и i обыкновенно не исчезаютъ, какъ въ польскомъ, чешскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ; напр. beřè, -beřèta, beřèce, plécè, płécèma, ńesè, tońí, tońita, tońice, reńí (ранить), reńíta. prosè, grozè, jezdzè, mèslè· Послѣ гласныхъ i превращается въ j: bij, daj; согласн. g, k передъ è смягчаются въ шипящія č, ž: řeče, střéžè.

5) *Неопредѣленное наклоненіе* оканчивается на -c (см. выше согласные п. 2): plèsc, brac, b'íc, jíc и т. д.

6) *Чередованіе корневыхъ гласныхъ*. И въ спряженіи какъ въ склоненіи, въ извѣстныхъ формахъ наблюдается чередованіе корневыхъ гласныхъ á/ō, e/ú, è/i, è/y, o,œ/ó, ą/ǫ, (Рамултъ), а въ сѣверномъ нарѣчіи сверхъ того: ē (е открытое)/ê (е закрытое), uy̆/ū, i/ī[1]). Неопредѣленному и повелительному наклоненію свойственны гласные, по своему происхожденію болѣе слабые (то-есть развившіеся изъ краткихъ или же сокращенныхъ) a, e, è, o, œ, ą, é, uy̆, i, всѣмъ же другимъ формамъ—гласные, по своему происхожденію болѣе сильные (то-есть развившіеся изъ долгихъ или же удлиненныхъ)—ō, ú, i, y, ó, ǫ, ē, ú, i. Примѣры: palèc, palè, но pöląn, pölony, pölèł; řecac (бросать), řecǫj, но řucają, řucöś, řucēl, řucöny; řecèc (бросить), řecè, но řucą, řucèl; bèvac, bèvoj, но byvają, byvël; mœvic, mœvi, mó́vą, mó́veł, vrocèc, vrocè, но vrócą, vrócèł; sądzèc, sądzè, но sǫdzą, sǫdzèł; cèskac, cèsköj, но cískają, cískōł; zéńic, žéńí, но наст. žêńō, žêńil, kuy̆řèc, kuy̆řè, kúřo, kúříł; pšisac, но pšíšo.

7) Исконные гласные основъ неопредѣленнаго накл. также подвергаются извѣстнымъ превращеніямъ согласно звуковымъ законамъ языка; такъ a переходомъ въ ė (передъ ł въ причастіи) и ō (въ повелит. накл.): gadac, gödèł, gadöj; i въ прич. прош. передъ ł въ e (послѣ b', ṕ, v́, f́, ḿ, ń, j): bic, b'jeł pic—ṕeł, brojeł; i, y въ неопредѣл. н. и въ прич. прош. въ è: prosèc, grozèc, jezdzèc, prosèł, grozèl, šèc, šèł, žèc, krèc, mèc, žèl, krèł, mèł; e и a (= старо-слав. ѣ, ѧ), въ ō, ō, (или ē), sḿöc, sḿöł', dzöc, gřöc, söc (сѣять), są sḿöc (смѣяться), gřöł, söł и т. д., ж. р. gřała, sedzec—sedzēl (Р. sedzöl Б.).

8) *Прошедшее время*. Прошедшихъ простыхъ не сохранилось. Прошедшее время выражается соединеніемъ существительнаго глагола jem съ причаст. прошедш. дѣйств. П: 1) jö jem řek, jö jem řekła,

---

[1]) По принятой у насъ графики: é/ê, uy/ú, i/ī.

jõ jem řekło; 2. tè jes řek, řekła, řekło; 3. wœn řek, wœna řekła, wœno řekło. Дв. ч. 1. ma jesma řekła: 2. va jesta řekła. Мн. ч. 1. mè jesmè řeklè, 2. vè jesce řeklè, 3. wœni, wœnè řeklè. Но и эта форма въ большей части говоровъ упростилась: вспомогательный глаголъ опускается какъ въ русскомъ не только въ 3 л., но также въ 1 и 2 л.; говорятъ: jõ řek, jõ řekła, tè řek, vè řeklè и т. д. Фл. Цейнова въ своей грамматикѣ ставитъ рядомъ формы безъ существительнаго глагола и формы съ существительнымъ глаголомъ, при чемъ первыя считаетъ прошедшимъ временемъ (tempus praeteritum), а вторыя — прошедшимъ совершеннымъ (tempus praeteritum perfectum). Онъ же допускаетъ сокращенныя формы jõm řek, tès řek и т. д., какъ въ польскомъ яз. Возможно также сложное давнопрошедшее: jo jem bèł řek, tè jes bèł řek.

9) Иногда прошедшее сложное образуется съ помощью причастія страдат., употребляемаго въ значеніи дѣйствительнаго; а вспомогательнымъ глаголомъ служитъ mõm (имамъ). Это—одинъ изъ многихъ германизмовъ, вошедшихъ въ кашубскую рѣчь; напр. jõ jem bivoni (ich bin gewesen), jõ mõm zabèto (ich habe vergessen), wœn mõ učińõne (er hat gethan) и др. (Гильфердингъ).

10) *Будущее* сложное выражается посредствомъ соединенія глаг. bǫdǫ или bądą съ прич. прош. дѣйств. II: jõ bǫdą znõł. Рядомъ съ bǫdą часто употребляется сокращенная форма mdą, mdzeš, mdze и т. д. У померанскихъ Словинцевъ встрѣчается еще другой видъ сокращенія bǫdą: jõ bóm, tè bóš, wœn bó, ma bóma, va bóta, mè bomè, vè bóce.

11) *Условное наклоненіе* выражается какъ въ русскомъ съ помощью неизмѣняемаго bè (бы) представляющаго собой остатокъ аориста: jõ bè plot, mè bè plótlè, ma bè plotla, wœni bè plótlè.

12) *Образцы спряженія.*

Bé s. *Наст. в.* jem, jes, je, jesma, jesta, jesmè, jesce, sǫ. *Буд. в.* bǫdą (bądą, bǫdo). bǫdzeš, bǫdze, bǫdzema, bǫdzeta, bǫdzemè, bǫdzece, bǫdǫ (bǫdo) или mdą, mdzeš, mdze, mdzema, mdzeta, mdzemè, mdzece, mdǫ. *Повел. н.* bądzè, bądzèma, bądzèta, bądzemè, bądzece. *Прош. в.* jõ jem bèł или jõ béł. *Причастія* bądǫcè, bèvšè (прош.), bèł.

J é s c. *Наст. в.* jém, jéš, jé, jéma, jéta, jémè, jéce, jédzǫ. *Повел. н.* jèdz (jec), jédzma, jèdzta, jèdzmè, jèdzce. *Прич.* jedzǫcè, jõd,

jadła, jadło, jŏdłè, jédzony. *Буд.* jŏ mdą jŏd. *Прошедшее вр.* jŏ jem jŏd или jŏ jŏd. *Условное* jŏ bè jŏd.

V ĕ d z é c. *Наст. в.* ŕém, ŕéš, ŕé, véma, ŕéta, ŕémè, ŕèce, ŕédzǫ. *Повел. н.* ŕédz, ŕédzma, ŕédzta ŕédzmè, ŕèdzce (ŕéc, ŕécma и т. д.) или ŕéj. ŕéjta, ŕéjmè, ŕéjce. *Прич.* ŕédzǫcé, ŕedzĕł. *Прош. в.* jŏ jem ŕédzĕł. *Будущ. в.* jŏ mdą ŕédzĕł, *Условное* п. jŏ bè ŕédzĕł.

D a c. *Наст. в.* dŏm, dŏš, dŏ, dŏma, dŏta, dŏmè, dŏce, dadzǫ. *Пов. н.* dej. *Прич.* dajǫce, davše, dŏl, dała. *Сложныя вр.* jŏ dŏl, mdą dŏl, bè dŏł.

M é c. *Наст. в.* mŏm, mŏš, mŏ, mŏma, mŏta, mŏmè, mŏce, májǫ. *Пов. н.* ḿij, ḿijta, mijce. *Причастія* majǫće, ḿŏł, ḿała, ḿelè.

I. P l e s c. *Наст. в.* plotą, pléceš, pléce, plécèma, plécéta, plécémè, plécéce, plotǫ. *Повел. н.* plécè, plécema, pléceta, plécemé, plécece. *Причастія* plocǫcé, plót, plótła. *Сложныя вр.* jo jem płót, mdą plot, bè płot.

II. M i n ǫ c. *Наст. в.* miną, mineš, mińe, mińema, mineta, minemè, minece, minǫ. *Пов. н.* míńì, mìnima, minita, minimè, mìnice. *Прич.* mińǫce, minǫł и minon.

III. B í c. *Наст в.* bíją, bíješ, bíje, bíjema, bíjeta, bíjemè, bìjece, bijǫ. *Пов. н.* bíj, bíjma, bíjta, bíjmè, bíjce. *Прич.* bíjǫce, bíł и bjeł, bíti.

P í s a c. (pšisac). *Наст. в.* píšą, (pšĭšo), píšeš, píše, píšema, píšeta, pišemè, pišece, píšǫ. *Пов. н.* pišè, píšema, pìšece. *Прич.* píšǫcè, píšĕl.

M i l o v a c. *Наст. в.* mileją, milaješ, и т. д. *Пов. н.* miłej mìlejce. *Прич.* milejǫcé, mílovĕł.

IV. P r ó s è c. Наст. в. próšą, próšeš, prošǫ. *Пов. н.* prósè, prosèta и т. д. *Прич.* prǫšǫcè, prosèł, prošony.

C e r ṕ e c. Наст. в. cerṕą (cerpšo), cerṕìš, cerpi, cerpima, cerpita, cerpímè, cerpíce, cerṕǫ. *Пов. н.* cerpi, cerpice, и т. д. *Прич.* cerṕǫcè, cerṕĕł.

V. G á d a c. Наст. в.) gŏdają, gŏdŏš, gŏdŏma, gŏdŏta, gŏdŏmè, gŏdŏce, gŏdajǫ. *Пов. н.* gàdŏj, gadŏjta и т. д. *Прич.* gŏdajǫcè, gŏdĕł, gŏdŏny.

Образцы Кашубскаго языка.

I. Wœ krösńątach. Krösńąta to mają bèc taki malèčki ledze. Ti mają ḿec v́elgą głovą a mają nosèc červ́oną mucą a mœdrè ruchna, wœblečeńé. A přez to wu Kašeböv je to přesłov́è, čè mō chto červoną sükńą abœ co: „Tè v́èzdřiš jak krösńą". Krösńąta mają ḿec v́ele barzo ṕeńądzi. A též wœne sö baro röd přeḿeńają ledzi wœt našèwœ zorte.—Tak, jak jö čēł pœv́ödające, to bèł roz jeden złi baržo złi pön. Cè bèlè žńiva, tak wœn vèneкēł všetk'e b'ałk'i do grab'eńō. Jedna b'ałka ḿała dècht malèčk'è dzèckœ; tak ta je sō vzą na pœle a pœložèła kœle ḿedze. Ten pön vidzeł, že tą přešło krösńą do tewœ dzécka è je sö wœbezdřało a té šło nazōd a přèńosło swœje dzéckœ è to zḿeńało. Té to mēlé krösńą začąło baro křèčec, tak ta b'ałka chcá jíc jemu dac pirsè. Ten pön ji ale ńe puscèł. Ta b'ałka křèčá a prosèła jewœ, ale woen nó to ńe zvöžēł è řek:—tak długœ ḿe grabi, jaš jö cè řęką.

Tak wœn dēł tak długœ křèčec temu krösńicè, jaš wœn vidzēł, že to krösńą, to, co přèchœzèło, že wœno zḿeńało to dzécą nazōd. Ale to dzéckœ, to b'ałkī, to wœne ḿałè, pœbité. To bèło nó to, że wœno ḿało tak vècerṕec, jak to wœt tèch krösńąt, że tą mušało tak v́ele płakac. Tak ten pön ti b'alce pœvedzēł, jak to s tim dzéckę bèło. (Ramult, Slownik języka pomorskiego 1893, 284).

II. Wœ vilkach. Tu kœle V'eřchućena bèło přódè vèle barzo vilków. Woene brałè tu zgřeb'ąta, wœvce, cełąta nöbarži ješ. A że tu přódè žódnèch flįtów ńiḿelè, ta wœńi jich sidlèlè a to nó ten órt. Wœni vèkœpalè šteroką cèstą kulą a tè pœstavilè taki pōl na vestřód té kule tak co ten kónc bèł pèřną vèši té kule, a zös na tim kōncu wœńi wuřešèlè žèvą kačką. V'eřch té kule wœńi založèłè v́etv́ami, kneplami. Tak, čè ta kačka vřeščá, té ten vilk, ją chceł so alac, zjésc, a jak wœn nó ten chróst vlöz, té wœn vpöd v tą kulą. Ne, tè wœńi są sebralè z vidłami a té wœ tą wupchlè. (Тамъ же 297).

VIII. СЕРБОЛУЖИЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

I. Область серболужицкаго языка. Лужицкія нарѣчія и ихъ судьба.

Сербы—Лужичане—небольшой славянскій народецъ, занимающій узкую полосу земли по верхнему теченію Спревы (Шпрее), въ предѣлахъ Саксонской и Прусской Лузаціи (Lausitz, Лужицы). Подобно Кашубамъ и этотъ народецъ составляетъ лишь остатокъ нѣкогда болѣе численной славянской вѣтви, заселявшей гораздо большую территорію, чѣмъ та, какою является въ настоящее время сербо-лужицкая земля. Въ VIII—X ст. Лужицкіе сербы, дѣлившіеся на нѣсколько колѣнъ и племенъ (Сербы, Мильчане, Лужичане и др.) занимали всю страну между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одрой и ея притоками. На сѣверѣ они сосѣдили съ Лютичами, на югѣ съ племенами чешской вѣтви, на востокѣ примыкали къ племенамъ ляшской вѣтви. Большая часть этого народа погибла подъ натискомъ германизма, какъ это случилось со всѣми племенами Балтійскаго и Полабскаго Славянства. Нынѣшніе Сербы-Лужичане представляютъ собою на этнографической картѣ средней Европы крошечный островъ, со всѣхъ сторонъ окруженный бурнымъ нѣмецкимъ моремъ. Численность народа не превышаетъ 180,000[1]) душъ.

Область сербо-лужицкаго языка обозначена болѣе или менѣе, точно на картахъ dr. Муки, новѣйшаго изслѣдователя сербо-лужицкой народности. Приблизительно она опредѣляется слѣдующею пограничною линіей: начинаясь на С.В. повыше мѣстечка Шенгеге, пограничная черта идетъ на З. сѣвернѣе Охозы (Drachhausen) къ Мут-

---

[1]) Въ томъ числѣ до 3,500 за предѣлами Германіи, въ Америкѣ и Австраліи.

ницѣ, впадающей въ Спреву; здѣсь на сѣверо-западѣ она спускается на Ю. возлѣ Лубнева (Lübbenau) и направляется мимо Бобольцъ, Лубня (Gross-Lübbenau), Псинъ (Missen) къ Коморову (Senftenberg), и черезъ Вусоку къ Каменцу (лежащему уже въ области нѣмецкаго языка); отсюда на Ю. Ю.В. мимо Протецъ, чрезъ Буковъ къ Смѣльнѣ (Schmöln); здѣсь черта поворачиваетъ на В. и направляется южнѣе Тучицъ (Tautewalde), Корзима (Kirschau) и сѣвернѣе Кумалда къ Любію (Löbau, чисто-нѣмецкій городъ); отъ Любія черта поднимается на С. С. В. черезъ Буду, Цьетовъ (Tetta), восточнѣе Колма, Горшова, Гозвицы (Peterskain) и Форбарка (Zedlik) къ Дубцу; отсюда западнѣе Рѣчицы къ Спаленому (Brand.); отъ Спаленаго на С. В. къ р. Нисѣ, откуда поворачиваетъ на С. З. переходитъ Ниссу и сѣвернѣе Мужакова идетъ ломаною линіей на С. З. и С. мимо Решчаня (Breschen), Дубравы, Яншоецъ (Jänochwalde) и Дрейцъ (Wüste Drewitz) къ мѣстечку Шенгеге. Такимъ образомъ сербо-лужицкая рѣчь раздается въ Саксоніи въ Будышинскомъ округѣ, въ Пруссіи—въ Воерецкомъ, Мужаковскомъ, Хотѣбузскомъ, Калавскомъ, Гродецкомъ и Жаровскомъ округахъ. Въ означенныхъ предѣлахъ Сербы-Лужичане живутъ болѣе или менѣе сплошною массой. Только въ городахъ, какъ то въ Будышинѣ (Bautzen, главный культурный центръ Сербовъ-Лужичанъ), Мужаковѣ, Воерецахъ, Хотѣбузѣ, Гродкѣ и др. преобладающее населеніе составляютъ Нѣмцы.

Не смотря на свою незначительную численность Лужицкіе Сербы не представляютъ единства ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Они раздѣлены между двумя нѣмецкими государствами—Пруссіей и Саксоніей: первой принадлежитъ большая часть народа—болѣе 100,000, второй—до 60,000. При этомъ положеніе народности не одинаково: въ Пруссіи Сербы болѣе подавлены господствующею народностью и легче поддаются онѣмеченію; напротивъ Саксонскіе Сербы менѣе стѣснены въ своихъ національныхъ стремленіяхъ и энергичнѣе отстаиваютъ свою народность. Большая часть народа исповѣдуетъ католицизмъ, но до 10,000—протестанты. Наконецъ въ этнографическомъ отношеніи Сербы раздѣляются на Верхнихъ и Нижнихъ. Нижніе Лужичане (ок. 73,000) живутъ въ Пруссіи, Верхніе Лужичане (ок. 100,000) раздѣлены между Пруссіей (ок. 38,000) и Саксоніей (ок. 60,000). Границу между ними составляетъ ломанная линія, которая идетъ по чертѣ Мужаков-

скаго и Жоровскаго (Sorau) округовъ, и потомъ Мужаковскаго и Гродецкаго, достигаетъ Спревы сѣвернѣе слiянiя большой и малой Спревы и черезъ Терпъ, Забродъ, Блунъ, Парцовъ направляется къ Кошинѣ и Коморову. Различіе между Верхними и Нижними Лужичанами простирается отчасти на область народныхъ обычаевъ, преданій, пѣсенъ, народной одежды и пр. но особенно сказывается въ народной рѣчи. Въ каждой изъ указанныхъ половинъ народа она представляетъ настолько характерныя особенности, что необходимо признать существованіе въ сербо-лужицкомъ языкѣ двухъ главныхъ нарѣчій: верхнелужицкаго и нижнелужицкаго. Нѣкоторымъ ученымъ эти отличія казались настолько рѣзкими и существенными, что заставляли ихъ признавать каждое изъ двухъ нарѣчій за самостоятельные языки, на ряду напр. съ чешскимъ и польскимъ или сербскимъ и болгарскимъ. Такъ, напр. разсматриваются лужицкія нарѣчія въ извѣстной „Сравнительной грамматикѣ" Миклошича. Въ настоящее время такая точка зрѣнія едва ли можетъ считаться правильною. Верхніе и Нижніе Лужичане разновидности одного народа, а верхнелужицкое и нижнелужицкое нарѣчія принадлежатъ къ одной языковой области, не болѣе какъ два нарѣчія одного сербо-лужицкаго языка. Кромѣ этихъ нарѣчій существуетъ еще третье *средне-лужицкое*, сближающее верхне-лужицкое нарѣчіе съ нижнелужицкимъ и раздающееся на границѣ между обоими главными нарѣчіями. Сверхъ того въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій наблюдаются частныя разнорѣчія и говоры. Въ верхнелужицкомъ нарѣчіи различаютъ говоры: 1) *восточный* (Lubij, Kholm, Dubc), 2) *средній* или *будышинскій* (лежащій въ основаніи литературнаго языка и представляющій опять три подраздѣленія—горный, дольній, степной (Hola-Heidedialekt) говоры) и 3) *западный* или *каменецкій* (Kamjeńc, Tuchor, Wojerecy, т. н. католическій говоръ, распространенный среди Сербовъ-католиковъ Саксоніи). Нижнелужицкое нарѣчіе представляетъ два главныхъ разнорѣчія: *хотѣбузко гродецкое* (лежащее въ основаніи литературного языка) и *любново-любинское*. Въ средне-лужицкомъ нарѣчіи отмѣчены говоры: 1) *мужаковскій* и 2) *собственно-пограничный* (Slepo, Drětwej, Terp, Žabrod, Bluń, Prožym, Parcow, Bjezdoły, Škodow, Komoron). Такое разнообразіе нарѣчій и говоровъ среди маленькаго сербо-лужицкаго народа, вѣроятно, восходитъ къ глубокой древности и объясняется раннимъ развитіемъ этнической индивидуализаціи у племенъ и колѣнъ сербо-лужицкой вѣтви.

Въ частности верхнелужицкое нарѣчіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ близко къ чешскому языку, нижне-лужицкое, напротивъ, представляетъ болѣе чертъ, сближающихъ его съ польскимъ языкомъ. Такимъ образомъ въ цѣломъ Сербо-Лужицкій языкъ занимаетъ средину между польскимъ и чешскимъ, служитъ связующимъ звеномъ между этими языками.

Не смотря на незначительность занимаемой территоріи, серболужицкій языкъ, въ противоположность кашубскому, уже давно получилъ книжную обработку, при томъ на обоихъ главныхъ нарѣчіяхъ. Крошечный сербо-лужицкій народъ владѣетъ двумя литературными языками, верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ. Впрочемъ, степень развитія и значеніе этихъ двухъ литературъ не одинаковы: верхнелужицкая литература постоянно ростетъ, крѣпнетъ и является мощною опорою народу въ его заботахъ о сохраненіи національной самобытности; а нижнелужицкая, возникши одновременно съ верхнелужицкою, всегда отставала отъ послѣдней и въ настоящее время едва заявляетъ о своемъ существованіи. Литературное разъединеніе Сербовъ-Лужичанъ, вѣроятно, и было главной причиной появленія указаннаго мнѣнія о полной обособленности лужицкихъ нарѣчій.

На основаніи немногихъ отрывочныхъ историческихъ свидѣтельствъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что у Лужицкихъ Сербовъ существовала кое-какая письменность уже въ X—XIII ст. Такъ извѣстный епископъ Брунонъ требовалъ, чтобы священники хорошо знали сербскій языкъ. Старградскій (альтенбургскій) священникъ Бруно (ок. 1156 г.), отправляясь проповѣдывать христіанство къ Бодричамъ, имѣлъ съ собою готовыя славянскія проповѣди и читалъ ихъ народу (свидѣтельство Гельмольда). Тѣмъ не менѣе никакихъ памятниковъ этой древнѣйшей письменности не сохранилось. Первыя извѣстныя попытки употребленія серболужицкаго языка въ книгѣ относятся только къ XVI ст. Въ эту пору серболужицкія племена уже утратили значительную часть своей земли и онѣмеченіе народа было въ полномъ разгарѣ. Обращеніе къ народному языку совершилось подъ вліяніемъ реформаціи Лютера. Имѣется извѣстіе, что сербо-лужицкій катихизисъ былъ напечатанъ уже въ нач. XVI ст., но пока еще не отыскано ни одного экземпляра этого изданія. Старѣйшимъ памятникомъ сербо-лужицкаго языка остается переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Ник. Якубицой; онъ сохранился въ руко-

писи 1548 г., принадлежащей Берлинской королевской библіотекѣ. Языкъ перевода—нижнелужицкое нарѣчіе съ примѣсью чехизмовъ. На нижнелужицкомъ нарѣчіи явилась первая у Сербовъ печатная книга; это небольшой канціоналъ съ нѣсколькими молитвами и катихизисомъ Лютера, изданный Альбиномъ Моллеромъ въ 1574 г. Во второй разъ нижнелужицкій катихизисъ былъ напечатанъ въ 1610 г. Первой книгой на верхнелужицкомъ нарѣчіи также былъ Лютеровъ катихизисъ (малый), изданный священникомъ Вяч. Ворѣхомъ въ 1597 г. Слѣдующимъ по времени верхнелужицкимъ изданіемъ былъ переводъ семи покаянныхъ псалмовъ, напечатанный священникомъ Григоріемъ Мартиномъ въ 1627 г. Такъ почти одновременно было положено начало книжной обработкѣ обоихъ лужицкихъ нарѣчій. Въ XVII ст. католическая реакція, тридцатилѣтняя война и связанныя съ нею бѣдствія не могли благопріятствовать развитію народной литературы Лужицкихъ Сербовъ. Германизація все болѣе усиливалась. Но въ концѣ этого столѣтія опять возникаетъ литературное движеніе, преслѣдующее почти исключительно насущныя задачи религіознаго просвѣщенія народа. Выдающимся представителемъ этого движенія былъ Михаилъ Бранцель (или Френцель 1628—1706), евангелическій проповѣдникъ въ Верхнихъ Лужицахъ, много потрудившійся надъ переводомъ Новаго Завѣта и Псалтыри, и сверхъ того пріобрѣвшій себѣ почетную извѣстность изготовленіемъ шрифта для лужицкихъ книгъ, выработкой правописанія, и изданіемъ религіозно-поучительныхъ книжекъ для народа. Свои труды онъ, между прочимъ, представилъ Петру Великому при проѣздѣ его черезъ Саксонію, при чемъ въ особомъ письмѣ напоминалъ Русскому Государю о тѣсныхъ узахъ родства, соединяющихъ Лужицкихъ Сербовъ съ прочими Славянами и обширной Московіей. Дѣятельность Мих. Бранцеля нашла продолжателей, среди которыхъ выдѣлялся его сынъ Авраамъ Бранцель, оставившій цѣлый рядъ сочиненій на латинскомъ языкѣ по исторіи и языку Сербовъ-Лужичанъ. Число дѣятелей, заботившихся о поднятіи народнаго языка, постоянно увеличивалось. Въ XVIII ст. соединенными трудами четырехъ священниковъ (Яна Ланги, Матѣя Іокуша, Яна Бёмера и Яна Вавера) былъ сдѣланъ полный переводъ Библіи на верхнелужицкое нарѣчіе, въ первый разъ напечатанный въ 1728 г.; слѣдующія изданія Библіи вышли въ 1742, 1797, 1820, 1850, 1856 г.; Новый Завѣтъ въ нихъ печатался по переводу Бранцеля. Только въ

недавнее время (1896) явился новый переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный по Вульгатѣ Юр. Лущанскимъ и М. Горникомъ. Переводъ полной Библіи на нижнелужицкое нарѣчіе предприняли также Фабриціусъ и Фрицо; первый издалъ Новый Завѣтъ (1709), второй Ветхій Завѣтъ (1797). Но цѣлая нижнелужицкая библія явилась только въ 1824 г., а новое исправленное изданіе ея (Гауссига) въ 1868 г. Кромѣ переводовъ священнаго писанія въ XVIII ст. печатались на лужицкихъ нарѣчіяхъ духовныя пѣсни, проповѣди и религіозно поучительныя книжки для народа. Къ 1800 г. въ серболужицкой литературѣ насчитывалось уже болѣе 200 книгъ. Но всѣхъ этихъ благородныхъ усилій лужицкаго духовенства было недостаточно для полнаго пробужденія народнаго духа и для успѣшной защиты серболужицкаго языка и народа отъ нѣмецкихъ притязаній. Въ эпоху семилѣтней войны и длиннаго періода Наполеоновыхъ войнъ положеніе Сербовъ—Лужичанъ было еще очень трудное. Серболужицкій языкъ по прежнему не пользовался никакими правами, ни въ школѣ, ни въ общественной жизни, а онѣмеченіе славянской страны не прекращалось. „Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ сербо-лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ, чѣмъ какъ нѣмцемъ; народъ серболужицкій, говорившій „повендски" [1]) и не подозрѣвалъ, что есть на свѣтѣ другіе „Венды" кромѣ его; языкъ вендскій почитался какимъ-то просторѣчіемъ, на которомъ сельскіе пасторы по-неволѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-славянскія селенія, въ которыхъ богослуженіе совершалось по-нѣмецки; при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя „Вендами" уменьшалось". (Гильфердингъ).

Лучшія времена для серболужицкаго языка и народа наступили только во второй четверти нынѣшняго столѣтія, когда у Сербовъ-Лужичанъ возникаетъ замѣчательное народное и литературное движеніе, которое приводитъ къ т. н. „возрожденію" народа. Это „сербо-лужицкое возрожденіе" тѣсно примыкаетъ къ общеславянскому возрожденію, составляющему безспорно одно изъ важнѣйшихъ историческихъ явленій XIX ст. Оно обусловлено тѣми же общими причинами, какъ и возрожденіе другихъ западно-славянскихъ народовъ напр. Че-

---

[1]) У нѣмцевъ Сербо-Лужичане слывутъ подъ старымъ именемъ Вендовъ.

ховъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ, Словинцевъ, т. е. главнѣйше распространеніемъ среди образованныхъ круговъ, а потомъ и въ народной массѣ двухъ идей—идеи народности и идеи славянскаго единства. У Сербовъ-Лужичанъ эти двѣ идеи рано слились въ одно цѣлое. Маленькій серболужицкій народъ въ заботахъ о сохраненіи своей національности естественно искалъ опоры въ томъ сознаніи, что онъ принадлежитъ къ могущественному славянскому племени. Съ другой стороны инославянскіе ученые и патріоты шли на помощь лужицкимъ народнымъ дѣятелямъ въ ихъ стремленіяхъ укрѣпить среди Лужичанъ славянское сознаніе и нравственнымъ, а иногда и матеріальнымъ участіемъ оказали большую поддержку развитію національнаго движенія. Въ этомъ отношеніи особенно видныя заслуги имѣютъ русскіе ученые Срезневскій, Гильфердингъ, Погодинъ, А. С. Хомяковъ, И. С. Аксаковъ, В. И. Ламанскій, А. А. Котляревскій и др.; чехи—В. Ганка, Палацкій, Пуркине, Челяковскій, Черный, словаки А. Штуръ и Колларъ, Поляки—Мацѣевскій, Богуславскій и др. Первыми провозвѣстниками зари новой жизни у Лужицкихъ Сербовъ были: пасторъ Ю. Мёнъ, издавшій въ лужицкомъ переводѣ отрывки Клопштоковой Мессіады, пасторъ А. Любенскій (1790—1840), сочинявшій и издававшій для народа книжки религіознаго и нравственнаго содержанія, стихотворенія и духовныя пѣсни, историческіе разсказы и собиравшій матеріалъ для верхнелужицкаго словаря и грамматики, и адвокатъ Фр. Ад. Клинъ (1792—1855), въ качествѣ члена земскаго сейма ревностно стоявшій за права народа и до смерти игравшій роль политическаго вождя серболужицкаго народа. Патріотическая дѣятельность этихъ лицъ не осталась безплодною. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ народное движеніе уже принимаетъ широкіе размѣры. Національное самосознаніе у Лужицкихъ Сербовъ пробуждается. Образованные Лужичане начинаютъ дорожить своимъ языкомъ и національными особенностями, не стыдятся своей народности и энергично берутся за защиту народнаго дѣла. Изъ ихъ среды выходитъ цѣлый рядъ даровитыхъ, воодушевленныхъ мужей, которые ревностно заботятся о поддержаніи среди народа знанія родного языка и о развитіи народной литературы. Таковы: Андрей Зейлеръ (1804—1872), даровитый поэтъ, сочинявшій лирическія пѣсни, басни, духовныя и патріотическія стихотворенія, баллады и пр.; Янъ-Эрнестъ Смолеръ (1817—1884)—лучшій знатокъ своего народа, этнографъ, журналистъ,

основатель Сербской Матицы, душа и руководитель всего движенія, снискавшій себѣ идеальнымъ служеніемъ своему народу почетъ и уваженіе во всемъ славянскомъ мірѣ; Мих. Горникъ (1833—1890), составитель исторіи сербо-лужицкаго народа, авторъ многочисленныхъ ученыхъ и популярныхъ трудовъ о лужицкой народности, организаторъ книго-издательскаго общества имени св. Кирилла и Меѳодія, редакторъ журнала Матицы „Časopis“ и пр.; журналистъ П. Іорданъ (р. 1818), филологи и изслѣдователи народности Пфуль, Іенчъ, Дучманъ, Бронишъ новѣйшіе поэты—Вегля (Jan Radyserb), Цишинскій, Косыкъ, Шиманъ; представители нижнелужицкой журналистики—Новка, Панка, Швеля; составители народныхъ книжекъ на нижнелужицкомъ нарѣчіи—Шиндлеръ (+ 1841), Копоръ (+ 1866), Штемпель (+ 1864), Тешнарь; наконецъ современный прекрасный филологъ, глубокій изслѣдователь сербо-лужицкаго языка и народа, выдающійся народный дѣятель др. Э. Мука и др.

„Возрожденіе“ Лужицкихъ Сербовъ, какъ и другихъ Славянъ, началось съ реставраціи народной старины, съ изученій историческихъ, филологическихъ и этнографическихъ. Пасторы и учителя собирали матеріалы для словаря и грамматики, разыскивали памятники древности, записывали народныя пѣсни, сказки и преданія. Одновременно съ этимъ составлялись и издавались книжки для народа не только религіознаго, но также и практическаго и занимательнаго содержанія. Далѣе, явились маленькія газеты и журнальчики (Jutnička, Tydženska Novina, позже Lužičanin, Lužica, Lipa Serbska у Нижнихъ Лужичанъ только Bramborski Serski Casnik), въ которыхъ выступали со своими произведеніями мѣстные поэты, писатели—художники. Допущеніе въ школы народнаго языка увеличивало число читателей и потребителей книгъ; постепенно возникаетъ школьная литература. Наконецъ назрѣваетъ мысль объ учрежденіи учено-литературнаго Общества (т. н. Матицы), которая и приводится въ исполненіе въ 1847 г. Матица начинаетъ издавать свой журналъ Časopis, который и до сихъ поръ остается важнѣйшимъ органомъ умственной жизни Лужичанъ. Вслѣдъ затѣмъ появляются читальни, пѣвческія и нѣкоторыя другія просвѣтительныя общества.—Это замѣчательное народное движеніе захватило не всю лужицкую территорію съ одинаковою силою. Оно сосредоточено было главнымъ образомъ на югѣ, въ Верхнихъ Лужицахъ Саксоніи и больше всего въ Будышинѣ (Bautzen).

Политическія условія сложились здѣсь для Лужицкихъ Сербовъ болѣе благопріятно, чѣмъ на сѣверѣ—въ Пруссіи. Саксонская королевская династія, вообще относившаяся съ значительною терпимостью къ славянскимъ подданнымъ, предоставила Лужичанамъ значительныя льготы въ благодарность за лойяльность въ революціонный 1848-й годъ. Именно сербо-лужицкій языкъ (т. е. верхне-лужицкое нарѣчіе) допущенъ въ народной школѣ, въ церкви, въ судѣ и администраціи на равныхъ правахъ съ нѣмецкимъ и разрѣшенъ какъ предметъ преподаванія въ среднихъ школахъ. Такъ верхне-лужицкое нарѣчіе пріобрѣло значеніе органа духовной и общественной жизни народа. Верхне-лужицкую литературу, примѣнительно къ ничтожной численности населенія, нельзя не признать весьма значительной: она представлена и художественными, поэтическими произведеніями, и религіозно-поучительными книжками для народа, и періодическими изданіями (ок. 9) и учеными сочиненіями, и школьными книгами. Въ основѣ литературнаго верхне-лужицкаго нарѣчія лежитъ будышинскій говоръ. Нижне-лужицкое нарѣчіе не имѣетъ ни такихъ правъ, ни такого значенія какъ верхне-лужицкое. Употребленіе его въ церкви, школѣ, судѣ, администраціи стѣснено господствующимъ нѣмецкимъ языкомъ. Нижне-лужицкая литература исчерпывается немногочисленными календарями и другими простонародными книжками, а также единственнымъ періодическимъ изданіемъ (Bramborski serski casnik). Нижніе Лужичане не имѣютъ ни своихъ учено-литературныхъ обществъ, ни изданій, ни выдающихся писателей. Они ищутъ поддержки у Верхнихъ Лужичанъ. При сербской матицѣ въ Будышинѣ существуетъ нижелужицкое отдѣленіе, занимающееся изданіемъ книгъ для народа на нижелужицкомъ языкѣ. Верхенелужицкія изданія, напр. Časopis Macicy serbskeje, Lužica и др. охотно открываютъ свои страницы для статей на нижнелужицкомъ нарѣчіи. Въ основаніи нижелужицкаго литературнаго нарѣчія лежитъ хотѣбузско-гродецкій говоръ.

Въ филологическомъ отношеніи сербо-лужицкій языкъ представляетъ много любопытныхъ особенностей. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи дается характеристика верхнелужицкаго и нижелужицкаго нарѣчій параллельно съ тою цѣлью, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями.

Лучшая этнографическая карта Лужицкихъ Сербовъ составлена д-р. Э. Мукой (по нѣмец. Mucke): a, Statistika łužiskich Serbow. Wobličenje a wopisanje. Dospołny wudawk z ethnografiskej khartu Budyšin 1884—86. тоже сочиненіе—меньшее изданіе 1885—86: b) Ethnografiska kharta serbskih (H. a D.) Lužic ze serbsko němskim a němsko—serbskim alfabetiskim żapiskom. Budyšin 1886; в) Ethnografiska kharta serbskich (H. a D.) Lužic (wosebiće). Kamjenica. 1886.—Ср. также двѣ карты при сочиненіи В. Богуславскаго, Rys dziejów serbo-łużyckych. Petersburg, 1861, а также при еще болѣе раннемъ трудѣ .Э Смолера и Гаупта, Pjesnički Hornych a Delnyck Lužiskich Serbow Grymi, 1842. 43. Карты эти уже устарѣли. Сравнительно болѣе новая карта при сочиненіи Andree, Wendische Wanderstudien (Stuttgart, 1874), признана неправильной. — О Сербахъ — Лужичанахъ, ихъ возрожденіи и литературѣ см. также: И. Срезневскаго, а) Историческій очеркъ сербо - лужицкой литературы, 1844 (Журн. Мин. Народ. Пр, 1844, май); б) Путевыя письма къ матери, Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (Живая старина, 1894 в. 4); А. Ѳ. Гильфердинга, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи (Русская Бесѣда 1856. I; Собраніе Сочиненій. II); Wilhelma Boguslavskiego a Michała Hórnika, Historija serbského naroda. Budyšin. 1884; М. Горника, Минувшее десятилѣтіе у Сербовъ Лужичань. Спб. 1877 („Славянскій Сборникъ"); Т. Флоринскаго Янъ-Эрнестъ Смоляръ (Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1884 г.); В. Францева, Матица Сербская въ Будишинѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, Іюнь); А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, Исторія Славянскихъ литературъ, 2-е изд. Т. II. Спб. 1881; A. Černý 1) Lužické obrazky. Praha. 1890. Kabinetná knihovňá sv. XLIX; 2) Z mojeho zapisnika. Dopomjenki, nazhonjenja a mysliČki z mojich pućowanjow po Serbach (Časopis Maćicy serbskeje 1888); 3 Wobydlenje łužiskich Serbow (Тамъ же 1889); H. Dučman, Pismowstwo Katholskich Serbow. W Budyšinje 1869; продолженіе этого труда въ Časop. Mac. serb. 1873, 1874.

2. Изученіе Сербо-лужицкаго языка.

Начало изученія сербо - лужицкаго языка положено въ XVII ст. Первая грамматика верхне - лужицкаго нарѣчія, составленная іезуитомъ Ксаверіемъ Тициномъ вышла въ Прагѣ въ 1679 г. Къ концу XVIII ст. относится сербо - лужицкій словарь Авр. Бранцеля, оставшійся не напечатаннымъ. Отъ XVII и XVIII ст. извѣстенъ еще цѣлый рядъ другихъ грамматическихъ и лексикальныхъ трудовъ (особенно по нижнелужицкому нарѣчію), которые остались неизданными,

напр. грамматика Хойнана (Choinanus), Фритце, Эберта, словарь Гауптмана. Изъ старыхъ грамматикъ верхнелужицкаго нарѣчія заслуживаетъ вниманія грамматика Маттэи (1721); въ ней принятъ во вниманіе главнѣйше Колмскій говоръ (Collm).

Къ новому времени, къ эпохѣ возрожденія относятся верхнелужицкія грамматики Зейлера, Іордана, Шнейдера; всѣ онѣ практическаго характера и изданы на нѣмецкомъ языкѣ. Надъ всѣми ими возвышается остающаяся и до сихъ поръ лучшею грамматика серболужицкаго литературнаго языка, составленная почтеннымъ филологомъ Пфулемъ (Laut-und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen 1867), но и она уже устарѣла и не вполнѣ удовлетворяетъ современнымъ научнымъ запросамъ; одну изъ важнѣйшихъ особенностей ея составляютъ постоянныя сопоставленія со старославянскимъ языкомъ. Верхнелужицкая фонетика еще раньше была издана Пфулемъ и по сербски (Časop. Mac. Serbs. 1861). Пфулю же принадлежитъ заслуга составленія обстоятельнаго верхнелужицкаго словаря, изданнаго Сербской Матицей (1866). Въ недавнее время появилась на нѣмецкомъ языкѣ практическая грамматика Краля (1895) Наконецъ имѣется одна работа по синтаксису верхнелужицкаго языка: она принадлежитъ Либшу (1884).

Нижнелужицкое нарѣчіе до послѣдняго времени почти не подвергалось научной разработкѣ. Первая грамматика этого нарѣчія, составленная Гауптманомъ, была напечатана по-нѣмецки въ 1764. (Любинъ). Въ эпоху возрожденія не появилось ни одной нижнелужицкой грамматики. Только въ недавнее сравнительно время принялся за составленіе большого научнаго труда по нижнелужицкому нарѣчію выдающійся лужицкій филологъ и патріотъ dr. Э. Мука. Въ 1891 г. вышла въ свѣтъ въ Лейпцигѣ его „Историческая и сравнительная фонетика и морфологія нижнелужицкаго языка“ (Historische und Vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbisehen Sprache 615 стр.) Этотъ трудъ по справедливости представляетъ самое крупное, наиболѣе значительное явленіе въ области изученія серболужицкаго языка. Выдвинувъ на первое мѣсто нижнелужицкое нарѣчіе, авторъ постоянно привлекаетъ для сравненія верхнелужицкое нарѣчіе, притомъ не только литературное, но и мѣстные говоры. Такимъ образомъ это первая научная грамматика серболужицкаго языка во всемъ его объемѣ. Историческій методъ изложенія и постоянныя

сравненія съ другими славянскими языками, особенно со старословянскимъ еще болѣе возвышаютъ значеніе этого сочиненія. Кромѣ того Мукѣ принадлежитъ значительное число мелкихъ статей и изслѣдованій по сербо-лужицкому языку, напечатанныхъ въ „Časopis" Сербской Матицы.—Словарь нижнелужицкаго нарѣчія изданъ былъ Цваромъ еще въ 1847 г. (Grodk), но онъ совсѣмъ неудовлетворителенъ.

Кромѣ названныхъ филологовъ сдѣлали нѣкоторые вклады въ научное изученіе сербо-лужицкаго языка помѣщеніемъ въ „Časopis" мелкихъ статей и замѣтокъ, Бронишъ, М. Горникъ, Имишъ, Радысербъ. Въ области изданія памятниковъ народной рѣчи наибольше заслугъ имѣютъ Смолеръ, Гауптъ, Э. Мука, М. Горникъ, и чехи А. Черный, Л. Куба.

Изъ инославянскихъ ученыхъ принимали болѣе или менѣе значительное участіе въ научной разработкѣ сербо-лужицкаго языка: Е. Новиковъ, издавшій еще въ 1849 г. цѣнное для своего времени изслѣдованіе, „О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій (здѣсь, между прочимъ, любопытно предложенное авторомъ сближеніе нѣкоторыхъ лужицкихъ особенностей съ особенностями русскихъ нарѣчій"); И. И. Срезневскій, представившій нѣсколько наблюденій надъ лужицкими говорами; Ф. Миклошичъ, посвятившій въ „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ" особые отдѣлы каждому изъ лужицкихъ нарѣчій—верхнему и нижнему (морфологія есть и въ русскомъ переводѣ Шлякова": Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ В. V. Москва 1887); А. Петровъ, составившій по польски очеркъ нижнелужицкой фонетики (1874); чехи Черный и Куба, издавшіе значительное количество народныхъ пѣсенъ.

Въ общемъ, какъ видно, изученіе серболужицкаго языка нельзя признать ни полнымъ, ни всестороннимъ. Особенно чувствительно отсутствіе удовлетворительнаго нижнелужицкаго словаря и точныхъ изданій (фонетическимъ правописаніемъ) образцовъ народныхъ говоровъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря энергіи такихъ самоотверженныхъ и даровитыхъ дѣятелей, какъ Мука, все болѣе начинаетъ выясняться настоящій типъ серболужицкаго языка и составляющихъ его двухъ главныхъ нарѣчій, верхнелужицкаго и нижнелужицкаго.

---

1. Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

Ticinus. Principia linguae wendicae. Pragae 1869. (Верх.-луж. н.).

Matthaei. Wendische Grammatica. Bautzen. 1721 (Верх.-луж. н.).

Seiler. Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialecte. Budissin. 1830.

Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag. 1841.

Schneider. Grammatik der wendischen Sprache Kathol. Dialects. Bautzen. 1853.

Pfuhl. 1) Laut-und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen. 1867; 2) Hornjolužiska serbska ryčnica. I dźěl. Zynkoslow (Časop. Mac. Serbsk. 1861); 3) Locativ bjez předłozki *we* (Тамъ же 1879); 4) Naše participia na *acy* (Тамъ же 1884); 5) Zbytki dorinskeje serbščiny (Тамъ же 1888).

Hauptmann. M. J. G. Nieder-Lausitzische Wendische Grammatica. Lübben. 1761.

Dahle. C. Ch. Kleines Lehrbuch nach Dr. Ahn's Methode. Cottbus 1857. 2. Aufl 1867. (Нижн. луж. н.).

A. Petrow. Głosownia Dólnołużyckiego języka 1874 (Sprawozdania Wydz. fil. Akad. Umiejęt. w Krakowie, T. III).

Е. Новиковъ. О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій. М. 1849.

Mucke K. E. 1) Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig. 1891. (Preisschriften gekrönt und herausgegeben von der fürstlish Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. N XVIII) 2) Staroserbske słowa we łačanskej lisćinje z l. 1241.

Hórnik, M. 1) Ryč w rukopisnych spěwarskich z Łutow (Časop. Mac. serbsk. 1877); 2) Futurum z „du" (Тамъ же 1879); 3) Wutworjenje našeje spisowneje řěče a jeje zbliženji z delnjoserbskej (Тамъ же 1880); 4) Prawe wurjekowanje podobnych zynkow (Тамъ же 1882); 5) Kóncowki -eho, -emu -oho -omu (Тамъ же 1883); 6) Njeporjadne żesłabjenje někotrych sobużynkow (Тамъ же); 7) Hdźe ma so naše ě za * pisać? (Тамъ же); 8) Přitomnosć a minyłosć serbskeho słowjesa (Тамъ же)

Liebsch. G. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen. 1884.

H. Imiš. Přinošk k serbskej synonymicy (Čas. Serb. Mac. 1877).

G. Kral. Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen. 1895.

И. И. Срезневскій. О чертахъ сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849).

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen.

2. Словари.

J. G. Zwahr. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847.

Pfuhl. Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Budissin. 1866 (Верх. луж. н.)

Болѣе или менѣе значительные матеріалы для сербо-лужицкаго словаря сообщены въ Časop. Mac. Serbsk. (1870—1897) Горникомъ, Бронишемъ, Іорданомъ, Нычкой (Nyčka), Е. Мукой, Радысербомъ (Radyserb), Велей и др.

3. Памятники болѣе стараго языка.

Верхнелужицкое нарѣчіе.

1) Будышинская рота (формула присяги) конца XV ст. сообщ. Горникомъ въ Čas. Mac. Serbsk. 1875.

2) Warichius, (Ворѣхъ) Малый Лютеровъ катихизисъ. Будышинъ 1547. (Любійскій говор.)

3) Мартинъ. Семь покаянныхъ псалмовъ. Будышинъ 1627; вновь переизданы Горникомъ въ Časop. Mac. Serbsk. 1871 (Любійскій говоръ).

4) M. Frencel. Новый Завѣтъ. Будышинъ 1670.

5) Swetlik. „Perikopen" и духовныя пѣсни. Будышинъ 1690 и 1696 (Католицк. гов.),

6) Евангельскія и апостольскія чтенія годичнаго круга. Будышинъ 1695.

7) Библія. Будышинъ 1728.

Нижнелужицкое нарѣчіе.

1) Albin Moller. Канціоналъ и малый катихизисъ Лютера. Будышинъ 1574 (Ср. Časop. Mac. Serbsk. 1858 и 1872).

2) Bohorič. Нижнелужицкое Отче нашъ. Виттенбергъ 1584.

3) Tharaeus. Enchyridion vandalicum (Катихизисъ) Франкфуртъ 1610.

4) Fabricius. Новый Завѣтъ. 1709.

5) Fryco. Ветхій Завѣтъ. 1796.

6) Wille: а) Псалтырь. Губинъ 1753; б) Іисусъ Сирахъ. Губинъ 1754; в) Канціоналъ. Хотѣбузъ 1760; г., Начатки Христіанскаго ученія Хотѣбузъ 1746.

7) Śindler: а) Библейскіе разсказы изъ Ветхаго Завѣта. Хотѣбузъ 1791; б) Библейскіе разсказы изъ Новаго Завѣта. Хотѣбузъ. 1800; в) Prjatkařske knigły. Berlin 1829.

8) Fritze. а) Prjatkařske knigly Хотѣб. 1792; 3-е изд. 1879; б) Bjatowařske knigły Хотѣб. 1797.

9) Hauptmann. Lubnowski Ssarski Sambuch Lubin. 1769.

4. Образцы народной рѣчи.

L. Haupt u J. S. Smoler (Schmoler). Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow.—Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz I, II. Grimma 1842. 1843.

E. Мука 1) Delnjołužiske pěsnje (Časop. Mac. Serbsk. 1877, 1880, 1882, 1883; 2) Hornjoserbske ludowe pěsnje (Časop. Mac. Serbsk. 1883, 1888, 1889, 1894); 3) Serbske narodne přisłowa (Čas. Mac. Serb. 1888).

M. Hornik. Delnjoserbske ludowe pěsnje. Budyšin 1883 (Časop. Mac. Serbsk. 1881, 1885).

L. Kuba. 1) Hornjołužiske texty ludowych pěsni (Časop. Mac. Serbsk. 1887); 2) Narodne hudźbne wumjelstwo łužiskich Serbow (Тамъ же).

A. Černy. 1) Narodne hłosy łužiskoserbskich pěsni. Budyšin 1888; 2) Druha zběrka narodnych hlosow łužiskoserbskich pěsni (Časop. Mac. Serbsk. 1888); 3) Z mojeho zapisnika (Тамъ же); 4) Lužickè obrázky. Praha. 1890; 5) Dodawki k textam ludowych pěsni (Čas. Mac. Serb. 1888, 1893, 1894); 6) Třeća zběrka narodnych hłosow lužiskoserbskich pěsni Тамъ же 1893).

H. Jordan. Delnjolužiske ludowe bajki (Čas. Mac. Serb. 1876, 1877, 1878, 1879.

5. Періодическія изданія.

1) Serbski powjedař a kurjer (1809—1812 издатель Янъ Дейка).
2) Jutnička (въ 1842 г.).
3) Tydžeńska Novina (съ 1842 г.—1852).
4) Slawische Jahrbücher (Leipsig съ 1842).
5) Časopis Macicy Serbskeje. Budyšin (съ 1848.)
6) Serbske Nowiny. Budyšin (съ 1853).
7) Lužičan. Budyšin. (1860—1881).
8) Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft (1862—1865).
9) Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie (1865—68).
10) Katholski posoł (съ 1863).

11) Missionski posoł.

12) Łužica. Budyšin. (съ 1882).

13) Lipa Serbska (съ 1878).

14) Bramborski serski casnik (съ 1847 г. единственный журналъ на нижнелужицкомъ нарѣчіи).

6. Образцы современнаго литературнаго языка.

Верхнелужицкое нарѣчіе.

Mich. Hórnik. Čitanka. Mały wubjerk z narodneho a nowiseho pismowstwa hornjołužiskich Serbow. Budyšin 1863.

Handrija Zejlerja. Zhromadźene spisy. Zrjadował a wudał Dr Ernest Muka. I—IV Budyšin. 1883—1891.

Jak. Ćišinskeho. 1) Kniha sonettow. Budyšin. 1884; 2) Formy. Budyšin. 1888; 3) Přiroda a wutroba. Budyšin 1892; 4) Na Hrodźišću, Činohra w 5 jednanjach. Budyšin 1880.

J. Radyserb. 1) Jan Manja abo hdźe statok mój. Budyšin 1889; 2) Bitwa pola Budyšina. Budyšin 1891; 3) Trójniki. Budyšin. 1885.

Нижнелужицкое нарѣчіе.

Stempel. Fœdrusowe basnicki z łatyńskjeje do serbskjeje řecy dołojcnych Lužycow přełožone. 1854.

J. B. Tešnař. 1) Prjatkaŕske knigły. 1869; 2) Nowe serbske modlitwy abo bjatowaŕske knigly šyknym serbskim domom a bogobojažnym dušam porucone. Drugi hudawk. 1895; 3) многія другія книги, преимущественно изданія нижнелужицкаго отдѣленія Сербской Матицы.

Библія 1868 г. Галле (подъ редакціей пастора Гауссига).

Изданія для народа (молитвенники, книжки религіозно-нравственнаго содержанія и пр.) нижнелужицкаго отдѣленія Сербской Матицы (до 25 книжекъ).

3. Звуковыя особенности.

Графика.

Серболужицкая графика не представляетъ единства. Раздѣленіе народа въ ралигіозномъ, этнографическомъ и литературномъ отношеніяхъ обусловило несходство въ системахъ передачи звуковъ книжной рѣчи. У Сербовъ-Лужичанъ употребляются двоякія письмена—ла-

тинскія и нѣмецкія (т. н. швабахъ), конечно съ различными приспособленіями къ славянскимъ звукамъ. Тѣ и другія являются уже съ началомъ письменности. Нѣмецкая абецеда распространяется вмѣстѣ съ протестанствомъ; латиницу первоначально пропагандируетъ исключительно католическое духовенство. Позже, особенно въ новое время это раздѣленіе сглаживается: швабахъ проникаетъ и къ католикамъ, а чистую латиницу начинаютъ употреблять и евангелическіе писатели. Въ общемъ швабахъ болѣе распространенъ и извѣстенъ въ народѣ; книги и періодическія изданія, назначенныя для народной массы обыкновенно пишутся и печатаются какъ на верхнелужицкомъ, такъ на нижнелужицкихъ языкахъ, нѣмецкими письменами. Латиница употребляется преимущественно въ изданіяхъ, предназначаемыхъ для болѣе образованныхъ классовъ; такъ этими письменами печатались и печатаются „Časopis“ Сербской Матицы, Łužica, книги ученаго характера, напр. Словарь Пфуля и пр. Употребленіемъ двоякихъ письменъ не исчерпывается разнообразіе сербо-лужицкой графики. Въ частностяхъ наблюдается различіе между верхнелужицкой системой обозначенія звуковъ и нижнелужицкой, а также между швабахомъ католиковъ и евангеликовъ. Самое примѣненіе швабаха и латиницы къ обозначенію звуковъ серболужицкихъ нарѣчій прошло нѣсколько стадій. Для передачи звуковъ, не имѣвшихъ себѣ соотвѣтствій въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, серболужицкіе писатели вынуждены были (какъ это было и у другихъ сѣверо-западныхъ Славянъ) прибѣгать къ соединенію двухъ и болѣе начертаній или къ изобрѣтенію діакритическихъ знаковъ. Заслуга перваго упорядоченія нижнелужицкаго правописанія принадлежитъ переводчикамъ Священнаго писанія на нижнелужицкое нарѣчіе Фабрицію (1706, 1709) и Фрице (1796). Въ новое время улучшенная система правописанія введена пасторомъ Тешнаремъ. Впрочемъ въ нижнелужицкой литературѣ единство правописанія еще не установилось. Отъ системы Тешнаря нѣсколько отличается система, принятая въ единственной нижнелужицкой газетѣ „Bramborski casnik“. Сверхъ того нижнелужицкія статьи въ верхнелужицкихъ изданіяхъ „Časopis Macicy Serbskeje“ „Łužičan“ „Łužica“ печатались и печатаются латиницей правописаніемъ Матицы. Верхнелужицкая графика въ общихъ чертахъ была опредѣлена Мих. Бранцелемъ (или Френцелемъ A. B.-C. und Buchstabirbuche 1671) для швабаха и Я. Тициномъ (Principia linguae Wendicae 1679)

для латиницы. Послѣ того она много разъ измѣнялась то къ худшему, то къ лучшему (напр. Bierling Didascalia seu orthographia Vandalica. Bud. 1689; Matthaei Грамматика 1721, Зейлеръ, Грамматика 1830, Swotlik, Vocabularium latino-serbicum Bud. 1721, J. Jordan Грамматика 1846, Pful статьи въ Часописи и Грамматика и др.) и установилось болѣе или менѣе прочно только въ сороковыхъ годахъ, когда католическіе и евангелическіе писатели приняли рѣшеніе держаться одной общей графики, нормы которой были окончательно опредѣлены Матицей. Правописаніе Матицы называется аналогическимъ, п. ч. оно построено по образцу другихъ западно-славянскихъ графическихъ системъ, главнѣйше чешской. Нельзя не признать его наиболѣе научнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію болѣе широкое распространеніе аналогической латинской графики Матицы парализуется привычкою народа къ швабаху. Поэтому сама Матица нерѣдко вынуждена издавать книги для народа швабахомъ [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи сербо-лужицкія слова приводятся въ правописаніи Матицы.

Сербо-лужицкая азбука представляетъ слѣдующіе знаки: a, b, b', c, č, ć, d, dž, dż, dz, e, ě, f, g, h ch, i, j, k, kh, ł, l, m, ḿ, n ń, o, ó, p, p', r, ŕ, ř, s, š, ś, t, u, w, w', y, z, ž, ź.

Въ швабахѣ (кромѣ общенѣмецкихъ буквъ употребляются слѣдующіе знаки въ соотвѣтствіе знакамъ латинской графики Матицы:

Евангелич. прав.: ʒ cʒ, ie l ſch, ÿ, ſ.
Католич. прав.: cʒ tʒ ċ, w, ſch, e', ʒ.
Аналог. прав. Мат.: c, č, ě, ł ř, y, z.

Относительно произношенія звуковъ, обозначаемыхъ этими знаками, нужно замѣтить слѣдующее:

ě звучитъ какъ i, окрашенное краткимъ e, т. е. какъ i[e]; оно приближается къ нѣмецкому i въ словахъ mir, dir, wir и этимологически соотвѣтствуетъ старослав. ѣ; напр. wěra; это звукъ смѣшанный, но не двухгласный

i всегда мягко, произносится со слабымъ призвукомъ j, т. е. какъ ji

y обозначаетъ твердый звукъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій старослав. русск., польск. ы: ty, ryba.

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ иногда по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части книгъ, напр. заглавія, печатаются латиницей. Подобное соединеніе двухъ типовъ письменъ представляетъ напр. изданная въ 1891 г. книжка Радысерба Bitwa pola Budyšina.

ó произносится какъ o съ окраской u, т. е. какъ ᵘo; собственно это сжатое o, соотвѣтствующее польскому ó и чешск. ů: kóń.

Надстрочный знакъ ′ обозначаетъ мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ мягкими согласными, гдѣ по-русски пишется ь: b′, ṕ, w′, ḿ, ń, ŕ, ć, dź; напр. kruwaŕ, zleḿ; ć и dź звучатъ не такъ мягко какъ въ польскомъ и свойственны преимущественно верхне-лужицкому нарѣчію; въ нижне-лужицкомъ этимъ звукамъ часто соотвѣтствуютъ ź, ś.

č, ž, š, dž звучатъ какъ ч, ж, ш, дж; h означаетъ придыхательное г, свойственное верхне-лужицкому нарѣчію (какъ въ чешскомъ), напр. hora.

ch = старо-слав. и русск. x; kh обозначаетъ свойственное верхнелужицк. нар. особое ch, произносимое съ густымъ придыханіемъ: khory.

ř употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхнелужицкомъ нарѣчіи [1]); оно звучитъ совершенно какъ š (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ матицы; въ швабахѣ нѣтъ этого знака.

A. Гласные [2]).

Исчезновеніе глухихъ ъ и ь и замѣна ихъ ясными гласными.

Праславянскіе глухіе (или полугласные) ъ, ь или исчезли или замѣнились ясными гласными o, e. Полное исчезновеніе глухихъ наблюдается (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) въ концѣ словъ, а также и въ срединѣ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами; при этомъ ъ пропадаетъ безслѣдно, а ь, какъ въ русскомъ и польскомъ, оставляетъ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго; напр.: štwórtk (В. Л.), stwórtk (НЛ.), doł, list, ćma (ВЛ.) и śma (НЛ.), kóń, dźéń (ВЛ.) и źeń (НЛ.), kónc (ВЛ.), и kóńc (НЛ.). Въ закрытыхъ слогахъ, сдѣлавшихся такими вслѣдствіе исчезновенія глухого слѣдующаго слога, вм. ъ выступаетъ o или твердое e, вм. ь — мягкое e; напр. son, dešć, moch (ВЛ.), mech (НЛ.), dźeń (ВЛ.), źeń (НЛ.). Гласн.

---

[1]) Dr. Мука считаетъ его лишнимъ для нижне-лужицкой графики.

[2]) При ссылкахъ ВЛ. означаетъ верхне-лужицкое нарѣчіе, НЛ.—нижне-лужицкое. Слова, при которыхъ нѣтъ этихъ помѣтокъ, звучатъ одинаково въ томъ и другомъ на рѣчіи; СЛ. означаетъ среднелужицкіе говоры, т. е. пограничные между верхне-лужицкими и нижне-лужицкими.

о вм. ъ составляетъ общее правило для ВЛ.; напротивъ въ НЛ. вм. ъ обыкновенно е (твердое); напр. ВЛ.: rož, won, woš, bodło; НЛ.: rež, wen, weš, bedło. Въ частности въ отдѣльныхъ словахъ и въ разныхъ говорахъ наблюдается колебаніе между е и о, при чемъ діалектически вм. о слышится и ó; такъ и въ НЛ: son, kobjela (къбылъ), wóŕery, pótoknuś (ВЛ. pótknyć); wozać (СЛ.). Гласн. е вм. ъ—твердый, не смягчаетъ предшествующаго согласнаго.

Вм. пра-слав. ь въ сербо-лужицкомъ яз. вообще е, смягчающее предшествующій согласный: dźeń (ВЛ.), źeń (НЛ.), pjeń. Сверхъ того вслѣдствіе позднѣйшихъ видоизмѣненій е возможно ⁱo, а въ НЛ. также ⁱa; напр. wučobny (ВЛ.), hucobny (НЛ.), worjoł (ВЛ.), jerjoł (НЛ.), kozoł, rožon, wosoł; lasć (льсть), lasny, lažki, mjac, pjas, wjas, но въ ВЛ. lešć, lesny, lóžki, mječ, wjes. Ср. ниже о гласн. е

О соотвѣтствіяхъ пра-слав. ъ, ь въ сочетаніяхъ съ плавными r, l говорится ниже.

Соотвѣтствія старо-славянскимъ ѫ и ѧ.

Сербо-лужицкій языкъ въ противоположность старо-славянскому, польскому и кашубскому, не сохранилъ праславянскихъ носовыхъ гласныхъ ¹). Вмѣсто носовыхъ возникли чистые гласные, какъ это произошло въ большей части живыхъ славянскихъ языковъ.

Старо-славянскому ѫ соотвѣтствуетъ какъ въ ВЛ. такъ въ НЛ.—u: dub, dué (ВЛ.), duś (НЛ.), głub (НЛ.), hłub (ВЛ.), guba (ВЛ.), huba (НЛ.), wutroba (ВЛ.), hutšoba (НЛ.), mudry, muka, muž, ruka, zub и др.

Старо-славянскому ѧ соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. ja, которое въ новое время (не ранѣе XVII) переходитъ передъ мягкими согласными въ je; въ НЛ.—ě ²). Примѣры: ВЛ.—hladać, hrjada, jadro, jazyk, knjez, knjeni, mjaso, pjeć, pjedź, swjaty, swjeće, ćežki; НЛ: glědaś, grěda, jědro, jězyk, kněz, kněni, měso, pěś, pěź, swěty, swěśe, śežki.

Верхне-лужицкій переходъ ja = ѧ въ je одно изъ явленій перегласовки а въ е, въ широкой степени свойственной чешскому языку.

¹) Слѣды древнихъ носовыхъ указываютъ въ такихъ словахъ какъ: brjenčeć (ВЛ.), brjenkaś (НЛ.), kryngel, bimbać и др., но Др. Мука справедливо усматриваетъ въ этихъ словахъ n, m позднѣйшаго происхожденія (Histor. und vergleich. Lautlehre 81).

²) О выговорѣ ě см. выше графику и ниже объ ě.

Въ старомъ языкѣ встрѣчаются еще формы какъ ćažki, swjaci (Мартини, Бранцель, Маттэи). Ср. 61—62.

Въ СЛ. ѧ = ja, ě: ćagać и ćěgać (въ различныхъ говорахъ).

Въ НЛ. ě соотвѣтствуетъ ѧ въ ударяемыхъ слогахъ, напр. śěža (тѧжа); въ неударяемыхъ слогахъ вм. ѧ является je; напр. въ склоненіи основъ на -ja: konje (им. вин. п. мн. ч.), wóle (род. п. ед. ч. ж. р.), zmije (имен. вин. п. мн. ч.), въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоимѣній: dobre, teje, ję; въ имен. вин. ед. ч. ср. р. основъ на согласный: kurje; въ 3 л. мн. ч. глагол. IV кл. chwale, kozletko, jagnjecy, kónjecy, gowjedo, źewjeś (ВЛ. dźéwjeć) и др. Впрочемъ, этотъ законъ не строго выдерживается, именно сложныя слова сохраняютъ ě въ коренномъ слогѣ, хотя бы на него не падало удареніе, напр naglěd, njerěd, pò měso, nà grědu, powěz и др.

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-славянскому ѣ какъ въ ВЛ. такъ въ НЛ. соотвѣтствуютъ: 1) въ ударяемыхъ слогахъ ě (т. е. i, произносимое съ окраской краткаго e, какъ бы i^{e}); 2) въ неударяемыхъ слогахъ je (т. е. мягкое e).

Примѣры: 1) ě: běda, běh (ВЛ.), běg (НЛ.), hnězdo (ВЛ.), gnězdo (НЛ.), khlěw (ВЛ.), chlěw (НЛ.), khlěb (ВЛ.), klěb (НЛ.), květ, lěto, lěwy, měch, měra, pěna, pěśń, rěč, rěka, sćěna, slěd, sněh (ВЛ.), sněg (НЛ.), śěło (НЛ.), ćěło (ВЛ.), wěra, wětr (ВЛ.), wětš (НЛ.), dzěd (ВЛ.), źed (НЛ), dźěło (ВЛ.), źěło (НЛ.).

2) je: въ глаголахъ на -j^{e}ć (ВЛ.), -j^{e}ś (НЛ.), = старо-слав. ѣти, напр. boleć, boleś, lećeć, leśeś; въ отглагольн. существ. на -j^{e}ńje (= старо-слав. -ѣнье), напр. widźenje (ВЛ.), wíźenje (НЛ.); въ сравн. ст. прилагательныхъ и нарѣчій: pjerwjejšy, pjerwjej; въ отдѣльныхъ словахъ, напр. čłowjek (ВЛ.), człowjek (НЛ.), wobjed (ВЛ.), hobjed (НЛ.), kóleno (НЛ.), koleno (ВЛ.), złoźej (НЛ.), njeźela (НЛ.), njedźela (ВЛ.), mjedwjedź (ВЛ.), mjedwjeź (НЛ.), worjech (ВЛ.), wórjech (НЛ.), železo (ВЛ.), zelezo (НЛ.); въ окончаніяхъ: na dubje (м. п. ед. ч.), žonje (дат.-мѣстн. п. ед. ч., имен.-вин. двойств. ч.); pozdźe, jutře (ВЛ.), witśe (НЛ.), mnje, tebje, sebje.

Въ будышинскомъ, горномъ и любійск. гов. старо-слав. ѣ въ неударяемыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ i: na swěci, w pismi, rybi (дат.-

мѣст. п. ед. ч., имен.-вин. двойств. ч.), mudri, deri (нарѣчіе), widźić, widźich, widźił и др. Сверхъ того въ большей части верхне-лужицкихъ говоровъ слышится—iši вм. старо-слав. ѣиши, напр. jasniši (но также jasnjejši—въ Hoyerswerda). Въ данныхъ примѣрахъ i выступаетъ какъ одинъ изъ видовъ съуженія мягкаго e (ср. ниже о съуженіи e въ i).

Подобное съуженіе ě (= ѣ) въ i имѣетъ мѣсто и въ НЛ., но въ ударяемыхъ слогахъ: gniw, kwit, lip (ВЛ. lěp), nimy, spiw, spiwny, źiśe. Также въ мужаков. г.: brink, kniz, minski (вм. němski), spiw, wira и т. п.

Сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ и какъ діалектическая черта НЛ. ѣ = ^io или ^ia; оба звука представляютъ собой вторичное измѣненіе e изъ ě; напр. gólona, gólonka, za(j)źowaś (ВЛ. zadźewać), źowka (НЛ.), dźowka (ВЛ.), susod (ВЛ.), sused (НЛ.); mjasec (НЛ.), měsac (ВЛ.), wjaža (НЛ.), wěža (ВЛ.), bjesada (ВЛ.). Въ языкѣ Якубицы (новый завѣтъ 1548) и словарѣ Мегизера (Thesaurus polyglottus 1603) переходъ ě (je) въ ja передъ твердыми согласными довольно частое явленіе: gnjazdo, lato, las, sano, cały, mjara, bjały, kwjat, mjasto и т. д. (Ср. польскій языкъ 415—416). Др. Мука видитъ въ немъ одну изъ особенностей вымершихъ нижне-лужицкихъ говоровъ—жаровскаго (Sorau) и губинскаго (Guben).

Старо-славянскимъ сочетаніямъ типа trět (изъ пра-слав. tert) соотвѣтствуютъ сочетанія не только trjet, но и trjot, а въ НЛ. также и trjat; напр. brjemje (НЛ.), brěmjo (ВЛ.), brjóh (ВЛ.), brjog (НЛ.), brjaza (НЛ.), brěza (ВЛ.). См. ниже о соотвѣтствіяхъ пра-слав. tert.

А.

Гласный a 1) соотвѣтствуетъ пра-слав. a: bratr, naš, sad, mały и т. п.; 2) въ НЛ. замѣняетъ болѣе древнее e (мягкое), передъ твердыми согласными и въ ударяемыхъ слогахъ: mjasć, njasć (ВЛ mjesć, njesć), mjac, mjasec и др. Ср. выше о нижне-лужицкихъ соотвѣтствіяхъ старо-слав. ь, ѣ и ниже о переходѣ e (je) въ ^ia; 3) въ ВЛ. соотвѣтствуетъ пра-слав. и старо-слав. ѧ, при чемъ смягчаетъ предшествующій согласный: hladać, ср. выше стр. 602.

Въ ВЛ. a, находящееся между мягкими согласными, переходитъ въ e: jejo, jehnjo, ješć, zjewić, modleŕ, ryceŕ, murjeŕ, leć, smjeć,

sadźeć, pušćeć, z kamjenjemi, z tolerjemi, sadźeš; напротивъ въ НЛ. удерживается а: jajo, jagnje, jašć, zjawiś, modlaŕ, ryśaŕ, murjaŕ, laś, smjaś, sa(j)źaś, pušćaś, z kamjenjami, z tolarjami, sa(j)źaš. Этой перегласовкой а—е ВЛ. сближается съ чешскимъ яз.

Въ НЛ., именно въ бурковскомъ г. вм. пра-слав. а слышится ó или y въ словѣ materka (мать): myterka, móterka (Смолеръ, Pjesnički, II, 22, 23).

Въ НЛ. передъ ź гласн. а часто звучитъ какъ aj: sajźaś, sajźanje.

Е.

Гласный е въ сербо-лужицкомъ яз. по своему происхожденію и вліянію на предшествующій согласный можетъ быть двоякимъ: *мягкимъ и твердымъ*. Мягкое е вліяетъ на смягченіе предшествующаго согласнаго; оно частью соотвѣтствуетъ пра-слав. е, частью возникло на сербо-лужицкой почвѣ изъ ě, ь (и ъ); напр. jeleń, pjerje, dźeń. Твердое е не смягчаетъ предшествующаго согласнаго и образовалось почти исключительно на мѣстной почвѣ изъ другихъ гласныхъ (ъ, о); напр. rež (НЛ.), dejić (ВЛ.).

Въ выговорѣ е, независимо отъ его происхожденія, слѣдуетъ отличать, по утвержденію Муки, три оттѣнка: 1) é—закрытое небное е, напоминающее нѣмецкое ясное е или ee (geh, Seele) или французское é fermé (été); напр. léćeć (ВЛ.), léśeś (НЛ.), zémja; 2) ë—открытое небное е, напоминающее нѣмецкое открытое е или ä (besser) или французское е ouvert (mène); напр. dobrë, wën, tëhdy; 3) ĕ—открытое гортанно-небное е, звучащее какъ нѣмецкое сжатое, совсѣмъ краткое ä или ö; напр. rĕž, z tĕbu.—Гласный ĕ свойственъ только НЛ. и вообще слышится довольно рѣдко; обыкновенно онъ соотвѣтствуетъ старо-слав. ъ: mĕch, mĕcha, wĕn, wĕ (= въ); также bĕjny (fein), dĕjm, nĕj (въ превосходн. степ.), žĕnc, kĕń (вм. kóń), gĕlc (вм. gólc), z tĕbu, личныя окончанія двойств. ч.—mĕj, -tĕj -łĕj. Два другія е, т. е. é и ë свойственны одинаково ВЛ. и НЛ., при чемъ é обыкновенно слышится передъ мягкими слогами (или мягкими согласными) а ë передъ твердыми: напр. njébjo, zélëny, dobréjë. Въ частностяхъ этотъ законъ представляетъ отступленія; важнѣйшее изъ нихъ: передъ мягкимъ r (ř, rj), особенно въ закрытыхъ слогахъ слышится ë, а не é; напр. dërjë (хорошо), wjacërja (НЛ.), wjéćëř

(ВЛ.), pjěrjěr. Шипящія ž, š въ НЛ. всегда тверды, а потому передъ ними возможно только ě, между тѣмъ въ ВЛ. эти согласные—мягки и допускаютъ впереди себя только é; напр. njěžli (НЛ.), njéžli (ВЛ.), njěšyjom (НЛ.), nješiju (ВЛ.) —Всѣ эти особенности выговора e обыкновенно не обозначаются въ графикѣ; начертаніе e служитъ для передачи всякаго твердаго e; мягкое e обозначается обыкновенно черезъ je, но j опускается, когда мягкость согласнаго отмѣчена въ самомъ его начертаніи, т. е. послѣ j, ś, ć, ź, dź, l. Указанная система знаковъ для e принята Др. Мукой въ его научной грамматикѣ нижнелужицкаго языка.

Твердое e. Гласн. e всегда звучитъ твердо послѣ абсолютно твердыхъ дыхательныхъ; таковы въ ВЛ. s, z, c, въ НЛ.—eh s, z, c, š, ž; напр. sebje, sedło, zeleny, celaź; šesć, železo (НЛ.).

Твердое e соотвѣтствуетъ: 1) пра-слав. e (главнымъ образомъ послѣ указанныхъ согласныхъ): wjasele, šesć; также въ именныхъ приставкахъ -jeń, -jeńc, -jeńca, -jeństwo: skopeń, kameńc, podobeństwo; въ сложномъ склоненіи твердаго различія: муж. ср. р. dobrego (ВЛ. dobreho), dobremu, dobrem, dobreju (дв. ч.), dobre (им. вин. мн. ч.), жен. р. dobreje, dobrej, dobreju, dobrej, dobreju (дв. ч.), dobre (имен, вин. мн. ч.), dobre (ср. р. имен., вин. ед. и мн. ч.); 2) пра-слав. и старо-слав. ъ, особенно въ НЛ.: mech, rež; ср. выше стр. 601; 3) пра-слав. o, передъ мягкими согласными, особенно въ ВЛ.: dejić (НЛ. dojś), drebić (НЛ. drobiś), lemić (НЛ. łomiś), selić (НЛ. soliś), cłejek (ВЛ. čłowjek), derje (и dobrje), pšec (НЛ.) и preć (ВЛ.); 4) пра-слав. ѣ въ оконч. сравнит. ст. ejšy, ej въ НЛ.: novejšy, lepej; 5) пра-слав. ѣ, ь, ѧ, послѣ абсолютно твердыхъ дыхательныхъ (s, c, z въ ВЛ. и s, c, z, š, ž въ НЛ.), напр. sec, cełу, šery, źaseś, cesto, muže, duše, cesć, žeń. Ср. выше стр. 602—603.

Твердое e (соотвѣтств. ѣ, иногда ь, e) послѣ c, s, z въ ВЛ. часто замѣняется черезъ y: cyły, sym, sywka, syno, sytka; тоже явленіе наблюдается и во многихъ говорахъ НЛ., но не въ книжномъ (Хотѣбузскомъ): sytny, šyry, šyjc. Иногда e и y чередуются и послѣ другихъ твердыхъ согласныхъ: Petyr, Peter, Klóštyr и Klóšter. Въ нѣкоторыхъ ВЛ. говорахъ (особенно католическомъ) y послѣдовательно замѣняетъ открытое твердое e въ исходѣ словъ, послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. dobre dźeń, huse (вм. husy), spłakneć и друг.

Мягкое е соотвѣтствуетъ 1) пра-слав. е: jeleń, kralejstwo (НЛ.), kralestwo (ВЛ.), kśemjeń (НЛ.), křemjeń (ВЛ.), leśeś (НЛ.), lećeć (ВЛ.), wjasele (НЛ.), wjesele (ВЛ.); njebjo, njewjesta, rjemjeń, śele (НЛ.), ćelo (ВЛ.), źewjeś (НЛ.), dźewjeć (ВЛ.), pśijaćel (НЛ.), piśe и др.; 2) пра-слав. ь: pjeń, dźeń (ВЛ.), źeń (НЛ.), kobjel (ср. стр. 603), 3) пра-слав. ѣ въ неударяемыхъ слогахъ: boleć, člowjek и др. ср. выше о соотвѣтствіяхъ старо-слав. ѣ стр. 603; 4) пра-слав. ъ: kel, keŕ, keŕk.

Мягкое е, какъ исконное, такъ развившееся изъ первичныхъ ѣ, ѧ, ь, не всегда удержалось въ языкѣ; преимущественно оно сохранилось передъ мягкими согласными и въ ударяемыхъ слогахъ и чаще въ ВЛ. чѣмъ НЛ. Во многихъ случаяхъ наблюдается измѣненіе е: оно то расширяется въ о и а, то съуживается (сжимается) въ ě или i.

Переходъ е въ о.

Въ сербо-лужицкомъ яз. какъ въ польскомъ и русскомъ, мягкое е въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ мягкое о, т. е. въ ʲо (jo), напр. morjo, poljo. Это явленіе свойственно одинаково ВЛ. и НЛ., какъ литературнымъ нарѣчіямъ, такъ народнымъ говорамъ; послѣднимъ, впрочемъ, въ различной степени: наиболѣе представленъ переходъ е въ о въ западныхъ говорахъ, а восточные болѣе держатся первичнаго е. Основной законъ слѣдующій: ʲе переходитъ въ ʲо въ неударяемыхъ слогахъ, какъ въ окончаніяхъ, такъ внутри словъ, въ образовательныхъ суффиксахъ; внутри словъ этотъ переходъ имѣетъ мѣсто только передъ твердыми согласными, а передъ мягкими сохраняется е. Примѣры: 1) ʲо вм. пра-слав. е: morjo (ВЛ.), mórjo (НЛ.), polo (ВЛ.), pólo (НЛ.), lico, pleco (ВЛ.), placo (НЛ.), słonco (ВЛ.), słyńco (НЛ.), pićo, wjeselo (католич. гов., въ другихъ говорахъ е: piśe, piće), knéžo (СЛ.); mójo, twójo jo (НЛ.), но moje, twoje (ВЛ.), mnjo, tebjo, třo (ВЛ.), tśo (НЛ.), štyrjo (ВЛ.), styrjo (НЛ.), pěśo (НЛ.), pjećo (ВЛ.), šesco; 2 л. мн. ч. — śo (НЛ.), ćo (СЛ. катол. гов.), će (ВЛ.); 2 и 3 л. ед. ч. преход.—šo (НЛСЛ. катол. г.), še (ВЛ.); напр. dawaśo, dawaćo, dawace, dawašo, dawaše; 3 л. ед. ч. bjerjo (НЛСЛ. катол. г.) и bjerje (ВЛ.); 3 л. вспомогат. глаг. jo, но въ литерат. ВЛ. je; hižo (ВЛ.), južo (НЛ.);

bolosć, jězor (ВЛ.). jazor (Н. Л.), kralowy, macocha, mužowy, wječor (ВЛ.), wjacor (НЛ.), kónjoju (д. п. НЛ.), konjow, mužow: jogo, joho, jomu, njom (НЛ. и западн. гов. ВЛ.); nocować (ВЛ.), nocowaś (НЛ.), wusušowaś (НЛ.), bjerjom, bjerjoš, bjerjomy, bjeromej, bjerotej (НЛСЛ. зап. гов. ВЛ.), напротивъ въ ВЛ. bjerjem, bjerješ и т. д.; 2) о вм. сербо-луж. е изъ ѣ: gólona, gólonka, za(j)źowa (ср. глаг. задѣвати) (НЛ.), susod (ВЛ.); 3) о вм. сербо-луж. е изъ ѧ: ćelo, dźećo, jehnjo, ramjo, jatřob, so (ВЛ. напротивъ въ НЛ. śele, źěśe, se); 4) о вм. сербо-луж. е изъ ь: wučobny (ВЛ.), hucobny (НЛ.), kozoł, wosoł[1]). Ср. выше стр. 602.

Такимъ образомъ относительно перехода е въ о сербо-лужицкій яз. отличается и отъ русскаго и отъ польскаго: между тѣмъ какъ въ первомъ изъ нихъ этотъ переходъ возможенъ только въ ударяемыхъ слогахъ, а во второмъ одинаково какъ въ ударяемыхъ слогахъ, такъ въ неударяемыхъ, въ сербо-лужицкомъ онъ наблюдается главнымъ образомъ въ неударяемыхъ слогахъ. Тѣмъ не менѣе и въ сербо-лужицкомъ языкѣ встрѣчаются отступленія отъ указаннаго закона и переходъ е въ о иногда имѣетъ мѣсто въ ударяемыхъ слогахъ, именно коренныхъ; напр. čoło, klon, lod, (p)coła (НЛ.), pčoła (ВЛ.), sotra (ВЛ.), sotša (НЛ.), ćopły (ВЛ.) śopły (НЛ.), žona, žonski (ВЛ. но въ НЛ. žeński), žołdź (ВЛ.), žołź (НЛ.). Иногда ВЛ. и НЛ не совпадаютъ: grjobło (НЛ.), hrjebło, mjod (НЛ.), měd (ВЛ.), rjobro (НЛ.), rjebło (ВЛ.), sodło (НЛ.), sedło (ВЛ.). Въ нѣкоторыхъ словахъ наблюдается колебаніе въ выговорѣ, напр. daleki и daloki, zeleny и zelony, šeł и šoł и т. п. Ср. польскій языкъ стр. 419—420.

Нижне-лужицкій переходъ е въ ʼа.

Кромѣ указаннаго измѣненія гласн. е, нижне-лужицкому нарѣчію свойственъ также переходъ мягкаго е въ ʼа; напр. njasć, mjazy (между). Это звуковое явленіе болѣе поздняго происхожденія; оно возникло тогда, когда переходъ ʼе въ ʼо былъ уже усвоенъ языкомъ; въ древнѣйшихъ памятникахъ (XVI в.) оно совсѣмъ не встрѣчается (Новый Завѣтъ Якубицы, 1548) или встрѣчается рѣдко (напр. Канціоналъ

---

[1]) Безусловно твердые дыхательные въ ВЛ. с, з, ѕ а въ НЛ. также č, ž, ś передъ о не смягчаются, звучатъ твердо, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Моллера); при томъ оно распространилось только въ части серболужицкой языковой области: ВЛ. нар. оно совершенно неизвѣстно.

Мягкое е переходитъ въ ʼа только въ ударяемомъ коренномъ слогѣ и передъ твердыми согласными. Если такимъ твердымъ согласнымъ бываетъ дыхательный, то данный переходъ возможенъ какъ въ открытомъ, такъ въ закрытомъ слогѣ; передъ всѣми прочими твердыми согласными ʼе превращается въ ʼа только въ ударяемомъ закрытомъ слогѣ. Указанному измѣненію подвергается всякое мягкое е, какъ исконное, такъ развившееся изъ первичныхъ ѣ, ѧ, ь. Примѣры: I. jazor, njasć, plasć, lažaś, mjaza, pjac, (печь) rjac, wjacor, wjasele, lagnuś se, mjadweź, wjadro и др., напротивъ въ ВЛ.: jezor, njesć, plesć, ležeć и т. д. II. mjasec, pjask, wjaža, jačmjeń, lasć, lasny, pjas, wjas и т. д. III, въ ударяемыхъ открытыхъ слогахъ возстановляется е: mjasć—mjetu, plasć—pletu, wjasć—wjedu, pjakł—pjeku и др.—Изрѣдка наблюдается ʼа вм. е и въ неударяемыхъ слогахъ: kolaso, njebjaski, zelazny (гродецк. гов.).

Съуженіе е въ ě (і).

Въ извѣстныхъ случаяхъ е подвергается сжатію или съуженію, какъ это бываетъ въ польскомъ и чешскомъ языкахъ. Именно, въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ, чаще передъ твердыми согласными, е иногда превращается въ ě (т. е. въ і съ окраской е). Въ большей или меньшей степени это звуковое явленіе свойственно ВЛ и НЛ нарѣчіямъ, но болѣе всего развито въ мужаковскомъ гов. Примѣры ВЛ.: brěsk, čěpc, čěski, Pětr, šesty, drěwko, měd (р. п. mjeda) pěc (р. п. pjecy), slěz, trěbny; НЛ.: kšesćijan, kšwě, Pětš, srědny, lědba; мужак. г.: jědno, lědm, lěn, rěc, pěc и др.—Иногда вм. е слышится чистое і: źinsa, źiń (НЛ.) jidnaćeń.

Ě.

Своеобразный серболужицкій звукъ ě [1]) соотвѣтствуетъ: 1) старослав. ѣ напр. běg (НЛ.); hnězdo (ВЛ) см. стр. 603) старослав. ѧ, въ НЛ., напр. jězyk (ВЛ. jazyk) см. выше стр. 603.

---

[1]) О произношеніи ě см. выше стр. 600.

Гласн. ě выступаетъ преимущественно въ ударяемыхъ коренныхъ слогахъ, притомъ передъ твердыми согласными; напр. klěb (НЛ.), khlěb (ВЛ.), lěto, měch, rěka, swět, měso, rěd и др. Передъ мягкими согласными и въ неударяемыхъ слогахъ ě обыкновенно превращается въ je; напр. mjedź (ВЛ.), měź (НЛ.), pjenjez, streliś (НЛ.), boleś (НЛ.), boleć (ВЛ.), hobjed (НЛ.), wobjed (ВЛ.) и др. Ср. выше стр. 603. Въ сложныхъ словахъ иногда остается ě и въ томъ случаѣ, когда на него не падаетъ ударенiе; напр.: pśilětny, poslědny, njerěd и т. п.

Находясь подъ ударенiемъ ě въ НЛ. и мужак. г. съуживается въ i: gniw, kwit, lip, spiw.—Въ ВЛ. (особенно любiйскомъ и горномъ гов.) ě переходитъ въ i въ неударяемыхъ слогахъ: w pismi, rybi, widźić, nimam.

İ. Y.

Въ серболужицкомъ яз. (какъ въ русскомъ и польскомъ) вообще различается узкое i отъ широкого y; i звучитъ всегда мягко (ji) и соотвѣтствуетъ праслав. и старослав. и; y произносится твердо и соотвѣтствуетъ праслав. и старослав. ы; напр. bić, wino, być (ВЛ.), biś, byś (НЛ.). Твердое y въ зависимости отъ сосѣднихъ согласныхъ представляетъ различные оттѣнки произношенія, преимущественно въ НЛ. Такъ въ НЛ. говорахъ Др. Мука отличаетъ пять видовъ y: закрытое гортанное-нёбное (y), открытое гортанно-нёбное (ÿ), сжатое гортанно-нёбное (ȳ), закрытое нёбнее (y) и открытое нёбное, (ý) напр. ty, sy, mÿ smÿ, gȳle, bȳś, cýbula.

Послѣ твердыхъ согласныхъ (неспособныхъ къ смягченію) первичное i переходитъ въ y, какъ въ польскомъ и частью въ русскомъ языкѣ. Въ ВЛ. этотъ переходъ имѣетъ мѣсто послѣ c, z, s, въ НЛ. и СЛ. сверхъ того послѣ š, ž (dž); напр. prosyć (ВЛ.) pśosyś (НЛ.), syrota, cuzy, zyma, cyhel (ВЛ.) cygel (НЛ.), šyja (НЛ.), šija (ВЛ.), šyś (НЛ), šić (ВЛ.), bóžy (НЛ.) boži (ВЛ.), lžyca (НЛ.), lžica (ВЛ.). Въ НЛ. y вм. i и послѣ начальнаго придыхательнаго h: hykas, Hylža (Елизавета), hyn (нѣмец. hin), hynak, hyśćer; а въ нѣкоторыхъ говорахъ (отъ Гродка до Хотѣбужа) и послѣ дыхательнаго j: cejy, jych, mojym.

Напротивъ послѣ гортанныхъ g (h), k возможно только i, а въ НЛ. тоже относится и къ ch. Такимъ образомъ старослав. кы, гы, хы

въ ВЛ. соотвѣтствуютъ ki, gi, chi, въ НЛ. ki, gi, chy; напр. rokita, ruki, kij, kiwać (ВЛ.), kiwaś (НЛ.), hibać (ВЛ.), gibaś (НЛ.), dołhi (ВЛ.), długi (НЛ.), chyliś (НЛ.), khilić (ВЛ.), chytaś (НЛ.), chytšy (НЛ.), khětry (ВЛ.) Ср. русскій и польскій яз. 422. Относительно употребленія y, i послѣ гортанныхъ и дыхательныхъ ВЛ. стоитъ ближе къ польскому, НЛ.—къ русскому (литературному и велико-русскому).

Какъ въ ВЛ., такъ въ НЛ. i можетъ переходить въ близко родственное ě; ВЛ.: khěža, pělny, smělny, slěna, šěroki, přerow, šedźěwc; НЛ. běrje, slěvka, stšěž (крапивникъ), особенно въ глаголахъ многократного вида: běrać (ВЛ), běraś (НЛ.), zběrać, sběraś, wudźěrać (ВЛ.) hužěraś, wuměrać (ВЛ.) huměraś (НЛ.) и др. Ср. польскія sierota, umierać 422; въ чешскомъ напротивъ i: umirati.

Первичное y во многихъ говорахъ ВЛ. и НЛ. переходитъ въ ó или u; напр. pótać (ВЛ.) pótaś (НЛ.), zló и zlu (вм. zły), do zymo и do zymu (вм. do zymy), mó smó и mu smu (вм. my smy), wó, bóć. Эта особенность распространена преимущественно на западъ отъ Спревы; на востокъ отъ этой рѣки большею частью удерживается исконное y. Въ будышинскомъ говорѣ господствуетъ ó (u), напротивъ въ хотѣбужскомъ—сохраняется y. Въ литературныхъ языкахъ (ВЛ. и НЛ.) обыкновенно удерживается y; но въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ вм. y пишется вошедшее во всеобщее употребленіе u; именно: 1) въ частицѣ wy: wupuscić (ВЛ.) hupusćiś (НЛ.), wupić (ВЛ.), hupiś, (НЛ.), wułožić (ВЛ.), hułožyś (НЛ.), wuwolać (ВЛ), huwolaś (НЛ.); 2) въ коренныхъ словахъ съ wy: wudŕa, wuć (ВЛ.), huś; 3) въ слѣдующихъ словахъ: mólić (ВЛ.) mǫliś (НЛ.), njetopor (ВЛ.), płuwać (ВЛ.), puchota (НЛ.) puchać (ВЛ.) и др. Въ любійск. г. сохраняется wy; wydać. Въ гродецк. гов. y звучитъ близко къ чешск. ej; beiś (чешск. byt, bejt).

O. ó.

Въ серболужицкомъ языкѣ o бываетъ троякое: краткое или открытое гортанное (ŏ), протяжное или закрытое (ō) и съуженное или сжатое, звучащее какъ бы uo (ó). Первыя два не различаются въ обычной графикѣ. Самое распространенное o краткое, открытое. Протяжное или закрытое o слышится передъ p, b, m, w (ł); напр. nōwy, głōwa, na pōmoc, stōł (произнос. stow).

Сжатое ó соотвѣтствуетъ польскому ó и чешскому ů; въ немъ можно видѣть слѣдъ прежней долготы (ср. стр. 420, 69). ó возможно только въ ударяемыхъ слогахъ, при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за звукомъ o не слѣдуетъ ни губнаго, ни гортаннаго согласнаго; напр.: kóń, hłód, móšna. Если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи удареніе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное o; напр. konja, hłodu. Въ частности ВЛ. и НЛ. представляютъ слѣдующее различіе: въ ВЛ. ó выступаетъ только въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ, а въ НЛ. какъ въ закрытыхъ, такъ и въ открытыхъ слогахъ, лишь бы только звуку o непосредственно предшествовалъ одинъ изъ губныхъ (p, b, m, w), или гортанныхъ (k, g, ch) согласныхъ; напр. ВЛ. zbóžnik, но zbože (счастье) (НЛ. zbóžo, скотъ) bósy (НЛ.), bosy (ВЛ.), mórjo (НЛ.) morjo (ВЛ.), wółaś (НЛ.), wołać (ВЛ.) góra (НЛ.), hora (ВЛ.); kóza (НЛ.) koza (ВЛ); но и въ НЛ.: woko, gowjedo, kokot. Впрочемъ, на основаніи употребленія ó въ нѣкоторыхъ говорахъ (Гродекъ, Мужаковъ) полагаютъ, что и въ НЛ. прежде дѣйствовалъ тотъ же законъ, что и въ ВЛ. т. е. что ó слышалось только въ закрытомъ слогѣ (Мука, Hist. u. Vergl. Laut—u. Formenlehre, 99).

Въ отдѣльныхъ словахъ выступаетъ ó и передъ гортанными; напр. mógu, mógł (НЛ.), móžu, móhł (ВЛ.), Bóh (ВЛ.), но Bog (НЛ).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (будышинск., вообще на востокъ отъ Спревы) наблюдается ó и въ неударяемомъ слогѣ, что̀ допускается и въ ВЛ. книжномъ языкѣ въ сложныхъ словахъ, когда простое слово еще живетъ во всеобщемъ употребленіи; напр.: hórka и přihórka, dróha и nadróžny.

Въ западныхъ говорахъ НЛ. и ВЛ. вм. ó слышится краткое u: gura, chury.

Въ верхнелужицкихъ говорахъ (напр. будышин. дубецк. и др.) часто ó (а иногда u) и передъ губными и гортанными: póp, próch, dół, dźówka, dźuwka (СЛ.), kupuwać.

Въ нижнелужицкихъ говорахъ (Bórkowy, Smogorjow, Prjawor, Us, Nowa Wjes, Barbuk и др.) въ закрытыхъ ударяемыхъ слогахъ ó переходитъ въ y: kyń, gyrka, spyd njebjom, wył (no woła).

Серболужицкое o (ó) соотвѣтствуетъ праслав. o; напр. dom, bohaty; 2) прасл. ъ въ ВЛ.: son (стр. 601); 3) представляетъ расширеніе первичнаго e: morjo, bolosć; (ср. выше стр. 607); 4) въ мѣстныхъ говорахъ ó замѣняетъ y, u; напр. zló, chomot.

U.

Гласн. u соотвѣтствуетъ: 1) праслав. u напр.: duša, głuchy mucha, kupić; 2) праслав. и старослав. ѫ; напр.: dub, głub, mudry, ruka, zub (ср. стр. 602); 3) праслав. y (въ частныхъ говорахъ): złu, do zymu, (ср. стр. 611).

Въ говорахъ, преимущественно ВЛ. и СЛ., иногда u переходитъ въ y, особенно послѣ или передъ губными; напр. rozym (ВЛ. rozom), gołyb', pyto, pšydło (ВЛ. prudło), wytšoba (СЛ., но въ ВЛ. wutroba). Въ литер. ВЛ. нар. глаголы II кл. имѣютъ въ основѣ неопредѣленнаго накл. ny вм. **nu** напр. wuknyć, nawuknych, nawuvnył.

Рѣже діалектическое чередованіе u съ o: chomot, rozomny, strona, hałoza.

Иногда ju превращается въ ji (какъ въ чешскомъ яз.): blido, libić (ВЛ.), libiś (НЛ.), plinuś (но ВЛ. plunyć), witše (НЛ, въ ВЛ. jutře); Libin, Libij. Наоборотъ иногда i переходитъ въ ju: keluch, sluwa и sliwa, lelujа (лилія).

Соотвѣтствія пра-славянскимъ ръ, рь, лъ, ль, ър, ьр, ъл, ьл (старослав. ръ, рь, лъ, ль) между согласными.

Гласныхъ r̥, l̥, соотвѣтствующихъ чешскимъ и словацкимъ, въ серболужицкомъ языкѣ нѣтъ. Старославянскимъ сочетаніямъ ръ, рь, лъ, ль соотвѣтствуютъ сочетанія согласныхъ r, l съ ясными гласными, при чемъ порядокъ звуковъ удерживается тотъ же, какой надо допустить для праславянскаго языка. Только въ нѣкоторыхъ словахъ гласный, соотвѣтствующій ъ, ь совсѣмъ отсутствуетъ. Въ частности относительно данной черты ВЛ. и НЛ. представляютъ свои особенности.

1) Старослав. ръ, рь (праслав. ър, ьр) соотвѣтствуютъ въ ВЛ. er, yr, or, jer, въ НЛ. er, yr, jer, ar, jar; напр. cyrkej (ВЛ.), cerkwja (НЛ.) ćerw' (ВЛ.) cerw (НЛ.) zorno (ВЛ.), zerno (НЛ.), serp, torhać (ВЛ.), tergaś (НЛ.), torhnyć (ВЛ.), tergnuś (НЛ.), kyrkać (ВЛ.), kyrcaś (НЛ.), pjeršć, pjerwy, smjerć (ВЛ.), smjerś (НЛ.), štworć (ВЛ.), stwjerś (НЛ.); bardo, morwy (ВЛ.) humarły (НЛ), mjerznyć (ВЛ.) marznuś (НЛ.), smorkać (ВЛ.) smarkaś (НЛ.), twerdy (ВЛ.), twardy (НЛ.), khort (ВЛ.), chart (НЛ.), hordy (ВЛ.), gjardy (НЛ.) korčma (ВЛ.), kjarcma (НЛ.), kormić

(ВЛ.), kjarmiś (НЛ.), čorny (ВЛ.), carny (НЛ.), čert (ВЛ.), cart (НЛ.), dźeržeć (ВЛ.), źaržaś (НЛ.). Основнымъ нужно считать сочетаніе **er**, а для ВЛ. также **or**; всѣ остальныя развились вслѣдствіе позднѣйшаго превращенія **e** въ другіе гласные; **jer** выступаетъ послѣ губныхъ и **t**, **d**, когда слѣдующій за **r** согласный мягкій. Нижнелужицкое **ar** имѣетъ мѣсто послѣ губныхъ и гортанныхъ, когда слѣдующій за **r** согласный твердый; а **jar** преимущественно послѣ гортанныхъ **k**, **g**.

2) Старослав. **лъ**, **ль** (праслав. **ъл**, **ьл**) соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. **oł**, **jel**, въ НЛ. **jeł**, **ał**, **oł**, **łu**. Примѣры: mjelčeć (ВЛ.) mjelcaś (НЛ.), pjelnić (ВЛ.), pjelniś (НЛ.), wjelk, wołma (ВЛ.), wałma (НЛ.), kołbasa (ВЛ.) kjałbas (НЛ.); čołm (ВЛ.), cołn (НЛ.) žołč (ВЛ.), žolc (НЛ.), žołty, połny, (ВЛ.) półny (НЛ.); połk, khołm, hołk (ВЛ.); dołhi (ВЛ.) dłujki (НЛ.), dołh (ВЛ.), dług (НЛ.), stołp (ВЛ.) słup (НЛ.), tołkać (ВЛ.) tłukaś (НЛ), tolsty (ВЛ.), tlusty (НЛ.). Широкимъ употребленіемъ сочетанія **oł** ВЛ. сближается съ русскимъ яз., напротивъ сочет. **łu** сближаетъ НЛ. съ польскимъ и чешскимъ. Въ СЛ. говорятъ: wjelk, wełma, wełna, pełny и połny, cełn и cołn, dełgi и dług и т. д.

3) Старослав. **ръ**, **рь** (праслав. **ръ**, **рь**) соотвѣтствуютъ: **re**, **ře**, **ri**; напр. khribjet, khrebt (ВЛ.), kšebjat (НЛ.), křeścijan (ВЛ.), kšěsćijan (НЛ.), krej (ВЛ.), kšew и kšej (НЛ.).

4) Старослав. **лъ** (праслав. **лъ**) соотвѣтствуютъ: въ ВЛ. **ło**, **ły** (діалект.), въ НЛ. **-łu**, **łe**, **ło**, **ły**; напр. jabłoko (ВЛ.), jabłuko (НЛ.), kłek и kłok (НЛ.) kłok (ВЛ.)—стрѣла, pleś (НЛ. плъть), słónco и słyńco и slućco (НЛ.).

Иногда въ сочетаніяхъ 3-й и 4-й категорій исконный глухой (**ъ**, **ь**) безслѣдно исчезъ; напр. dźaś (НЛ.), rzeć (ВЛ.), křcić (ВЛ.), kščiś (НЛ.), tkha (ВЛ.), pcha (НЛ. блъха), třmjeń (ВЛ.), tšmjeń (НЛ.), lza (НЛ.) въ ВЛ. syłza.

Праслав. tert = tret (trjot, trjat, trět). Праcл. tort = trot.

Праславянскія сочетанія типовъ **tert** (**telt**) и **tort** (**tolt**) превращаются, какъ въ польскомъ яз., черезъ перестановку гласныхъ **e** и **o**, въ сочетанія типовъ **tret**, **trot**. При этомъ, однако, первичное **e** въ **tert** удержалось очень рѣдко, почти только передъ мягкими согласными; передъ твердыми согласными (за исключеніемъ дыхательныхъ) оно перешло по общему закону языка въ ʲo, а въ НЛ. передъ твердыми

дыхательными въ ⁱa; сверхъ того въ отдѣльныхъ словахъ (особенно въ ВЛ.) e съуживается въ ě (Ср. выше стр. 609). Примѣры: 1) brěmjo (ВЛ.), brjemje (НЛ.), prěni (ВЛ.), prjedny (НЛ.), srjedźa (ВЛ.), srježe (НЛ.), žrěbjo (ВЛ.), žrebje (НЛ.); 2) brjóh (ВЛ.), brjog (НЛ.), drjewo (ВЛ.), drjowo (НЛ.), mloko, trjeba (ВЛ.), trjoba (НЛ.); 3) brěza (ВЛ.) brjaza (НЛ.), plasń и pleśń, wlec (ВЛ.), (w)lac (НЛ.); 4) broda, brona, groch (НЛ.), hroch (ВЛ), chrom, krowa, mroz, prose, błoto, głos (НЛ.), hłós (ВЛ.).

Въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ—mrěć(ś), prěć(ś), strěć(ś), trěć(ś) и нѣкот. др. ě возникло вм. e, вѣроятно, по аналогіи другихъ односложныхъ неопредѣленныхъ, напр. směć(ś), grěć(ś).—Ср. польскій яз. 423—424.

Долгота гласныхъ.

Въ современномъ языкѣ Сербовъ-Лужичанъ не различается количество гласныхъ, ихъ долгота и краткость; всѣ гласные звучатъ одинаково кратко. Но въ старомъ языкѣ еще чувствовалось различіе количества. Такъ въ переводѣ Новаго Завѣта, сдѣланномъ Якубицой въ 1548 г., еще ясно обозначаются долготы повтореніемъ одной и той же буквы, а иногда сверхъ того вставкой h между удвоенными буквами; напр. gehe (т. е. je, ѣстъ), nehemy (т. е. němy) spihy (т. е. spi), daa, raada, wooda и др. Въ настоящее время слѣды утраченной способности языка различать долготы сохранились въ т. н. съуженныхъ или сжатыхъ гласныхъ и въ нѣсколько протяжномъ или точнѣе, закрытомъ выговорѣ гласныхъ. Въ ВЛ. съуженію подвергаются: e въ ě, o въ ó; въ НЛ. сверхъ того: ě въ i, ó въ y, ě (=ѧ) въ ⁱu (только у Якубицы). Ср. выше соотвѣтствующіе параграфы о поименнованныхъ гласныхъ. Тоже явленіе въ польскомъ яз., въ которомъ a, e, o, ę сжимаются въ á, é, ó, ą ср. 417, 418, 421. Нѣсколько протяжный выговоръ получаютъ: a, i, u, e, ě, o, y только въ ударяемыхъ слогахъ передъ согласными. Эта протяжность позднѣйшее явленіе въ языкѣ.

Стяженіе гласныхъ.

Стяженіе гласныхъ вообще довольно рѣдкое явленіе въ серболужицкомъ яз. Главнѣйшіе случаи: nowa (=nowaja), nowu (в. п. =no-

wuju), nowi (ВЛ., имен. п. мн. ч. ч. муж. р. =nowiji), plecech, pleśech преход. =pleceach), grejach; pas (=pojas); bać (ВЛ. =bajać), kać so (ВЛ. въ НЛ. kajaś se), tać (ВЛ. въ НЛ. tajaś).

Зіяніе.

Зіяніе устраняется, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: 1) посредствомъ вставочныхъ j, v, n: biju, kryju, davać (ВЛ.), davaś (НЛ.) dońdu, nańdu, pšindu, vuńdu (ВЛ); 2) черезъ превращеніе u въ w; i въ j: žwać, pójdu НЛ.).

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Какъ въ началѣ и концѣ, такъ въ срединѣ словъ могутъ исчезать болѣе или менѣе часто слѣдующіе гласные: i: herc, gerc, gła (НЛ., въ ВЛ. jehła), mě (НЛ. въ ВЛ. mjeno), škra, śpa (НЛ. истьба), žom, źěch (НЛ.) dźěch (ВЛ. =иди, идахъ); въ предлог. z, въ неопр. н. kryć, kryś, pleść (ВЛ.), plaść (НЛ.); въ повел. н.: njes (ВЛ.) njas (НЛ.), njestej, njesmy (ВЛ.), njastej, njasmy (НЛ.); въ дат. п. ед. ч. муж. р.: dubej (ВЛ.), duboj (НЛ.); въ оконч. существ. на -enica -anica, gusenca, (НЛ.), husańca; въ окончаніяхъ глаголовъ на -jiti (НЛ.): brojś, brojm (въ ВЛ.—brojić, brojim); pogońc, wilki и wielki и др.

e: въ нарѣчіяхъ, особенно въ сравн. ст. lěpjéj (НЛ.) lěpje (ВЛ.), hoboj (НЛ.), hynac, hyšc (НЛ. в. ВЛ. hešče); въ соединеніяхъ съ частицей že: štož (ВЛ.) což (НЛ.), kiž.

o: gurka, radło; въ род. п. мѣстоим. и сложн. скл. tog, nikog, wjelikeg (въ народныхъ говорахъ); kak, tak, howak, hynak, nic, nac, woc, kupwać, kupwaś.

u: bogi (и hobogi), въ дат. п. мѣст. и сложн. скл.: tom, božom, drugem (въ народн. гов., а также въ НЛ. изд. Bramborski Casnik); pawk, gółb' (НЛ.), hołb' (ВЛ.), žołz (НЛ.) žołdź (ВЛ.), b'du, b'źoś (НЛ.), njeb'du (ВЛ.).

y: dosć, srota (и syrota НЛ.), kobła (ВЛ.) ab', tud (НЛ).

Вставочные звуки вообще рѣдки: sym (ВЛ.), som (НЛ.), sedym (ВЛ.), sedom (НЛ.), wósym (ВЛ.), wósom (НЛ.).

Б. Согласные.

L, l. R, ŕ, ř. N, ń.

Въ серболужицкомъ яз. (главнѣйше въ литературныхъ нарѣчіяхъ) различаютъ два основныхъ l: твердое (ł) и мягкое (l); первое слышится передъ широкими гласными, второе передъ іотованными и узкими гласными, какъ основными (e, i), такъ развившимися изъ первичныхъ ь, ѣ, ѧ. Примѣры: běły, kozoł, smoła, radło, kózlaŕ (НЛ.), kózler (ВЛ.), bělić (ВЛ.), běliś, polo, koleno, na stole, ćelo (ВЛ.), śele (НЛ.).

Передъ согласными l звучитъ то твердо, то мягко; въ послѣднемъ случаѣ мягкость обыкновенно обусловлена исчезнувшимъ ь; напр.: lža, małki, połny, żwolny, dźělba (ВЛ), żelba (НЛ.). Иногда мягкое l вм. твердаго ł: klapc, Lukaš, mjelčeć (ВЛ.), mjelcaś (НЛ.), pjelnić (ВЛ.), pjelniś (НЛ.), wjelk, čłowjek (ВЛ., въ НЛ. cło(w)jek), loni (ВЛ) въ НЛ. łoni), mjetla (ВЛ., въ НЛ. mjetła).

Въ живой рѣчи какъ твердое, такъ мягкое l въ разныхъ мѣстахъ произносятся различно. Въ большей части Верхнихъ Лужицъ (за исключеніемъ сѣверо-востока), а въ Нижнихъ Лужицахъ—въ хотѣбужскомъ и гродецкомъ уѣздахъ, а также въ западныхъ и среднихъ говорахъ средне-лужицкаго нарѣчія твердое ł звучитъ какъ губное w; напр.: spał =spaw, połny =powny, ług =wug. Въ остальныхъ частяхъ серболужицкой территоріи т. е. во многихъ мѣстахъ Нижнихъ Лужицъ, въ сѣверо-восточномъ углу Верхнихъ Лужицъ, въ мужаковскомъ говорѣ, въ восточныхъ говорахъ средне-лужицкаго нарѣчія твердое ł сохраняетъ свой болѣе древній (горловой) выговоръ, приближающійся къ русскому твердому л и къ польскому ł; напр.: spał, połny, ług. Мягкое l всегда сохраняетъ свой древній выговоръ лишь въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ удержалось и древнее ł. Тамъ же гдѣ твердое ł звучитъ какъ w, исконная мягкость l выступаетъ только передъ e, ě, i; напр.: chwale, zeleny, bělić; напротивъ передъ a, o, u (смягченными) слышится среднее, нѣмецкое l; напр.: polo, lubosć, kral.— Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Něwa, Wózwjerch, Klinka, Husoka, Gózd) НЛ. ł вокализуется въ o (какъ въ сербскомъ яз.): spao, stoo.

R можетъ быть твердымъ (r) и мягкимъ (rj, ŕ). Твердый выговоръ слышится передъ согласными и широкими гласными, мягкій передъ іотованными и узкими гласными (исконными и развившимися изъ

первичныхъ ь, ѣ, ѧ); напр.: rež, radło, ryć(ś), brod, dwór, rjad (ВЛ.) red (НЛ.), brěza (ВЛ.), brjaza (НЛ.), brjoh (ВЛ.) br'og (НЛ.), pastyř, hospodařski.

Мягкое ř, въ противоположность чешскому и польскому, вообще не мѣняетъ своей природы (см. вышеприведенные примѣры). Только послѣ k, p, t оно превращается, какъ въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ, въ небный (палятальный) звукъ именно въ ВЛ.— въ ш(š)[1]), въ НЛ.—въ мягкое с(ś). Примѣры: ВЛ.—křik (т. е. кшик), třeći (т. е. тшеци), křiz, křidło, křiwy, tři, křemjeń, třepać, přasć, křćić, křesćijan, přah; напротивъ въ НЛ. kśik, tśeśi, kśica, kśidło, kśiwy, tśi, kśemjeń, tśepaś, pśesć, kściś, kśěscijan, pśeg.

Въ НЛ. ř, стоящее послѣ k, p, t измѣняется въ небное š и передъ твердыми гласными; напр.: kšasa, kšaj, kša(d)nuś, pšawy, mokšota, pšosyś, hutšoba, tšocha, kšuty, tšubiś, kšew, kmótš, wětš; напротивъ въ ВЛ.: krasa, kraj, kra(d)nyć, prawy, mokrota, prosyć, wutroba, kruty, trubić, krew, kmotr, wětr; праслав. str соотвѣтствуютъ въ НЛ. tš, въ ВЛ. -tr; sotša (муж. г.) sotra (ВЛ.), wótšy (НЛ.), wótry (ВЛ.). Палятализація r представляетъ собой явленіе сравнительно поздняго происхожденія. Въ XIII ст., сколько можно судить по написанію лужицкихъ мѣстныхъ названій[2]) въ грамотахъ, оно еще не было свойственно языку. Несомнѣнно, что оно возникло прежде всего передъ узкими гласными и j; и только позже r стало превращаться въ š и передъ широкими гласными.—Въ тѣхъ случаяхъ когда сочетанія kr, pr, tr не первоначальны, т. е. въ праслав. яз. раздѣлялись какимъ-либо изъ гласныхъ, r не подвергается палятализаціи; напр. pru, prješ, prjoś, tru—trjoš, prać(ś), prě(d)ni, trjeba (ВЛ.) trjoba (НЛ.), krowa, krótki proch, strona и др. но pře, před, přez (ВЛ.) и pśe, pśed, pśez (НЛ.).

Переходъ r въ š передъ широкими гласными представленъ въ НЛ. не съ одинаковою послѣдовательностью. Въ этомъ отношеніи Нижнія Лужицы дѣлятся на двѣ половины—сѣверо-западную и юго восточную[3]);

---

[1]) Въ книжномъ языкѣ такое видоизмѣненное r обозначается какъ въ чешской графикѣ посредствомъ знака ř.

[2]) Напр. Krimnitz, Krischow, Stradow, Dobristroh, Krischa и др. Ср. Dr. Mucke Histor. vergl. Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache. 1891 г. 229.

[3]) Граница между ними идетъ по линіи: Jaseń, Bukow, Kórjeń, Slychow, Wjelški Liškow, Janšojce, Drjejce.

въ первой указанный законъ выдерживается въ полномъ объемѣ; во второй только tr переходитъ въ tš, а kr, pr остаются безъ измѣненія; напр.: tšowa, tšach, но kraj, prawy.

Въ СЛ. вм. pše, pši, pšě, pša (=пра) слышится ptše, ptši, ptšě, ptša и затѣмъ послѣ исчезновенія p: tše, tši и т. д.; напр.: ptšec, tšec, ptšedać, tšedać, ptši, tši и т. д.

Иногда l и ř чередуются: kowal (НС.), kowař (ВЛ.), rjemjas и lemjas, slabro и slobro (НЛ.), slěbro (ВЛ.), srěbło (муж. г.).

N можетъ звучать твердо и мягко. Смягченіе имѣетъ мѣсто передъ j и узкими гласными (e, i, ě), первичными или развившимися изъ праслав. ѣ, ѧ, ь, а также передъ исчезнувшимъ ь. Передъ i, ě мягкость не обозначается, на концѣ словъ и передъ согласными она передается черезъ ń, въ другихъ случаяхъ черезъ nj. Примѣры: noha, noga, dank, rana, nizki—hnězdo, njesć (ВЛ.), njasć, połdnjo (НЛ.), pjenjez, końc, dzeń.

Въ говорахъ n иногда чередуется съ m: gunno, pon, poten (вм. potom). Hadank (НЛ.), niłki (ВЛ., въ НЛ. měłki, mjałki), nimo, zank (ВЛ.), čolm (ВЛ.) cołm (НЛ.), wolma (ВЛ.), wałma (НЛ.) и др.

D, z, dź, ź. T, c, ć, ś.

Зубные d, t подвергаются двоякому смягченію: 1) передъ праслав. j и 2) передъ узкими гласными, исконными или ихъ позднѣйшими замѣнами. Въ первомъ случаѣ оба нарѣчія совпадаютъ, во второмъ различаются.

Праслав. dj = z, праслав. tj = c. Такъ въ ВЛ. и НЛ., а равно въ чешскомъ яз.; съ польскимъ и словацкимъ полное сходство простирается только на замѣну первичн. tj. Примѣры: mjeza (ВЛ.) mjaza (НЛ.), nuza, přaza (ВЛ.), pśeza (НЛ.), hospoza (ВЛ.), góspoza (НЛ.), jěz, wěz (НЛ. въ ВЛ. wjedź) cuzy, svěca, pica, kozlecy, śelecy (НЛ.), celećy (ВЛ.), jěducy, chwalecy, cu, com, coš.—Серболужицкое z, вѣроятно, образовалось изъ болѣе древняго dz, которое представляютъ польскій и словацкій языки.

Глаголы, соотвѣтствующіе старославянскимъ на -тити, -тати, -дити -дати, представляютъ отступленія отъ указаннаго закона; въ тѣхъ

формахъ, гдѣ i превращается въ j, зубные t, d переходятъ не въ c, z, а въ ć, ś, dź, ź какъ передъ узкими гласными: ВЛ. wrócić, wróću, wroćiš, wróćach, wróceny wjerćeć, wjerću, kadźu, kadźeny, widźu НЛ. (w)rośiś, (w)rosim, (w)rośach, (w)rośony, wjerśeś, wjerśim, kaźim, kaźach wiźim Это новообразованія по аналогіи. Ср старослав. врашти, враштахъ, кажда, каждахъ и др. В.-лужицкія svěčnik, swěcka, swěćnica (каминъ) позднѣйшаго образованія, по аналогіи такихъ словъ какъ ručka, ručnik и т. п.

Передъ узкими гласными e, i, ě (и ихъ позднѣйшими замѣстителями je, jo, ja (ju), какъ исконными, такъ развившимися изъ праслав. ѣ, ѧ, ь, а равно передъ исчезнувшимъ праслав. ь согласные d, t превращаются въ ВЛ. (какъ въ польскомъ) въ dź, ć, а въ НЛ —въ ź, ś. Примѣры: ВЛ dźewjeć, dźesać, dziwi, brodzić, hromadźe, mjedź, dźed, dźeń, žołdź, dźowka, ćichi, ćěło, ćopły, ćahać, ćěmny, bohaćić, spać, łohć; НЛ., zewjeś, źaseś, źiwy, broźiś, gromaźe, měź, źed, źeń, žołź, źowka, śichy, śěło, śopły, śěgaś, śamny, bogaśiś, spaś, łokś.

Нижнелужицкія ź, ś, представляютъ лишь дальнѣйшее развитіе верхнелужицкихъ (и польскихъ) dź (=dźj) и ć (=tśj), утратившихъ въ своихъ сочетаніяхъ составные мгновенные элементы d, t. Если зубнымъ d, t предшествуетъ одинъ изъ дыхательныхъ s, c, z, š, ž, ć, dź, ś, ź (dž, dz, č) то и въ НЛ. d, t смягчаются передъ узкими гласными только въ dź, ć: w gnězdźe, w gwězdźe, pózdźe, wjeźćo, wjasć, kwisć, dosć, pocciwy и др.

Въ иностранныхъ словахъ d, t часто не подвергаются переходному смягченію; напр.: tigr, tinta, djaboł и djas, testament, deka и др.

Передъ согласными часто пропадаетъ смягченіе: dźeń, źeń, р. п. dnja, nić—nitka, žerdź—žerdka и др.

Сочетанія dł, tł вообще допускаются, но нерѣдко d, t исчезаютъ; въ ВЛ. послѣднее явленіе имѣетъ мѣсто чаще всего въ сочетаніи rdł, въ НЛ.—во многихъ другихъ случаяхъ; напр.: въ ВЛ. pletł, sadło, sydło, hordło и horło, žórło, šła, pódla и pola; въ НЛ. vidły, gjardło и gjarło, kosydło и kosyło, sadło и sało.

Въ сочет. dn обыкновенно исчезаетъ d; напр.: ВЛ.—kranyć, kinyć, panyć, synyć, sřěny НЛ. kšanuś, kinuś, panuś, senuś, jany, žany, zvignuś.

Сочетанія tt, dt, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, превращаются въ st: mjasć, mjesć, vjesć.

B. P. W. F. M.

Согласные губные b, p, w, f и губно-носовой m передъ j и узкими гласными или ихъ замѣстителями произносятся мягко. Это смягченіе не обозначается передъ i, ě; на концѣ словъ (передъ исчезнувшимъ ь) оно передается черезъ знакъ ', въ другихъ случаяхъ посредствомъ j. Примѣры: pěc (ВЛ.), pjac (НЛ.) lubić (ВЛ.), lubiś (НЛ.), wino, miły, běda, spěw, kopjo, tebje, wjedu, mjod, mjesć (ВЛ.), mjasć (НЛ.), fěršta (ВЛ.), fjeršta (Fürst) (НЛ.), kuṕ, hołb' (ВЛ.), góĺb' (НЛ.), krew' (ВЛ.), kšew' (НЛ.).

Мягкое w' между двумя гласными иногда переходитъ въ j: ВЛ. lojić, prajić, domoj (изъ domoji), synojo, krej; НЛ.: kšej и kšew', crej, rukajca, stajim, clojek, dołoj.

F слышится преимущественно въ заимствованныхъ словахъ: flaša, flinta, fara и др.; въ говорахъ также вм. chw, hw, łh; напр.: Falojce, zufały (НЛ.), fežka (вм. hwěžka), fizdać (вм. hwizdać), fać (lhać), faŕ (будышин. и катол. г.). Вм. иностр. f нерѣдко b, p, ch: barwa (НЛ.), barba (ВЛ.), groba (НЛ.), hrabja (ВЛ.) piła (НЛ.), pantochła.

G. H. K. Ch.

Изъ гортанныхъ согласныхъ два k и ch, соотвѣтствующіе старослав. и русск. к и х, произносятся одинаково въ обоихъ нарѣчіяхъ. Относительно выговора третьяго между ВЛ. и НЛ. различіе; въ НЛ. g звучитъ какъ русское г (литературное и велико-русское), въ ВЛ. ему соотвѣтствуетъ h, т. е. г произносимое съ придыханіемъ какъ въ чешскомъ языкѣ или малорусскомъ нар Въ СЛ. обыкновенно слышится g, но въ отдѣльныхъ говорахъ наблюдается колебаніе между g и h. Сверхъ того и ch въ началѣ словъ звучитъ не одинаково: древній выговоръ (т. е. х) удержанъ въ НЛ. СЛ., между тѣмъ въ ВЛ. оно звучитъ какъ kh. Примѣры: kamjeń, kłasć, byk; duch, wucho (ВЛ.) hucho (НЛ.); gora, gad, gnězdo, prog (НЛ.), hora, had, hňezdo, proh (ВЛ.), chudy, chóry, chopiś (НЛ.), khudy, khory, khopić (ВЛ.).

Верхнелужицкія h и kh—позднѣйшія явленія въ языкѣ; h развивается вм. g въ XIII—XVI ст., а kh, проникло къ Верхнимъ Лужичанамъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка лишь въ концѣ XVII ст.; въ катехизисѣ Ворѣха 1595 г. и въ псалмахъ Мартини 1627 нахо-

дится исключительно ch (ꝑleb, ꝑodzi, ꝑwalba и др. Ср. Мука 154).— Въ ВЛ. g удержалось въ заимствованныхъ словахъ, напр.: ganzo (Ganserich), garžnak (Garnsack), gěrle (Orgel), gmejna (Gemeinde) и др.; также въ звукоподражательныхъ словахъ, напр.: gigotać, gregolić. Ср. 89, 272, 430.

Гортанные способны къ непереходному смягченію передъ i, e, именно k и g (h) въ обоихъ нарѣчіяхъ, а ch только въ ВЛ. Такимъ образомъ, въ противоположность старославянскому и малорусскому, y (ы) послѣ гортанныхъ совсѣмъ невозможно въ ВЛ., а въ НЛ. слышится только послѣ ch. Примѣры: hinyć (ВЛ.), ginuś (НЛ.), hibać (ВЛ.), gibaś (НЛ.), dołhi (ВЛ.) długi (НЛ.) ruki, kidać(ś), kij; khilić (ВЛ.) chyliś (НЛ.), chytšy (НЛ. въ ВЛ. khetry), suchy (НЛ.), suchi (ВЛ.), daloke, druhe (-ge), suche (имен.-вин. п. ед. ч. ср. р. и мн. ч. жен. р.), dalokego, dalokeho, drugemu, druhemu и т. д. Данною чертою ВЛ. сближается съ русскимъ (литературнымъ и великорусскимъ), а НЛ. съ польскимъ. Ср. 450.

Переходное смягченіе гортанныхъ, т. е. превращеніе ихъ передъ j и узкими гласными въ дыхательные шипящіе (č, ž, š) и свистящіе (c, z), какъ пра-славянская черта, свойственно сербо-лужицкому языку на ряду съ другими живыми славянскими языками. По сравненію со старославянскими серболужицкій представляетъ слѣдующія особенности: 1) ch всегда превращается только въ š (ш), т. е. и тогда, когда стоитъ передъ i, ě (=ѣ) въ окончаніяхъ; 2) въ НЛ. и СЛ. вм. č (ч) всегда только c вслѣдствіе того, что въ этихъ нарѣчіяхъ язычный дыхательный č уже въ древнюю пору перешелъ въ зубной дыхательный c. Примѣры: plač (ВЛ.), plac (НЛ.), rěč (ВЛ.), rěc (НЛ.), płaču (ВЛ.), płacom (НЛ.), pječeš (ВЛ.), pjacoš (НЛ.), byčk (ВЛ.) byck (НЛ.), ručka (ВЛ.), rucka (НЛ.), mučny (ВЛ.), mucny (НЛ.), skočić (ВЛ.), skócyś (НЛ.), rucy (ВЛ. дат. п.), ruce, (НЛ.) w rěce; łži móžeš (ВЛ.), móžóš (НЛ.), družka, tužba, zbóžny, množić (ВЛ.), množiś (НЛ.), noze (НЛ.), nozy (ВЛ. дат. п.) w sněze (НЛ.), w snězy (ВЛ.); duša, mi... šaŕk, muška, hrěšnik (ВЛ.), grěšnik, słyšeć (ВЛ.), słyšaś (НЛ.), mu... (дат. п.) w proše (м. п.), třěše (ВЛ. двойств. ч.) stśěše, paduši (ВЛ.) Ср. 89, 272, 430.

Въ повелит. н. вм. ожидаемыхъ z, c по отпаденіи конечнаго i слышатся ž, č: pomož (НЛ.), wumož (ВЛ.), wymož (НЛ.), pječ (ВЛ.), pječ (НЛ.), syč (ВЛ.), sec (НЛ.), но въ старомъ языкѣ еще pomoz (Якубица

Группы gt, kt подвергаются тому же измѣненію какъ tj, т. е. переходятъ въ c: móc, pjec (ВЛ.), pjac (НЛ.), nóc (ВЛ.), noc (НЛ.). Такъ и въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ.

Сочетаніе kt чередуется съ cht: kto, chto, nichto, duchtaŕ (НЛ.).

Z, ź, dz, dź. C, ć. S, ś.

Свистящіе зубные z, c, s всегда звучатъ твердо, не способны къ смягченію: blazn (ВЛ.), błazan (НЛ.), mróz (ВЛ.), mroz (НЛ.) cyrkej (ВЛ.), cerkej (НЛ.), dwójcy, gasyć.

Мягкія ź, ć, ś представляютъ собой смягченіе не соотвѣтствующихъ имъ z, c, s а d, t (передъ узкими гласными), при чемъ ź, ś свойственны только НЛ., а ć преимущественно ВЛ.; напр.: měź, spaś, spać. Ср. выше о d, t стр. 619—620.

Точно также dź, свойственное ВЛ., возникло изъ первичнаго d, стоящаго передъ узкими гласными; напр. dźeń.

Dz—твердое двузвучіе—въ настоящее время слышится только въ немногихъ словахъ; именно въ дат.-мѣстн. п. п. нѣкоторыхъ существительныхъ: mězdze, rozdze (НЛ. отъ mězga, березовый сокъ и rozga), fidzy, Oldzy, Wołdzy (ВЛ.) łdza вм. lza (НЛ.). Первоначально dz, вѣроятно, играло въ серболужицкомъ яз. такую же роль, какая принадлежитъ этому созвучію въ современномъ польскомъ, т. е. оно замѣняло g (h) передъ i, ě въ окончаніяхъ.

C соотвѣтствуетъ: 1) праслав. c (изъ k): ruce (НЛ.), rucy (ВЛ.); 2) праслав. kt, gt: móc pjec, pjac; 3) праслав. tj: svěca.

Z соотвѣтствуетъ: 1) праcл. z: wóz; 2) праслав. z (изъ g): noze, nozy; 3) праслав. dj: nuza. Во 2 и 3 сл. z, вѣроятно, возникло изъ болѣе древняго dz.

S соотвѣтствуетъ исключительно праслав. твердому s: hlós, glos.

Праславянская черта—переходъ свистящихъ z, c, s въ шипящіе ž, č, š—представлена въ серболужицкомъ яз. въ слѣдующемъ видѣ: 1) z, c, s переходятъ въ ž, č, š передъ праслав. j; напр.: mažu (ВЛ.), mažom (НЛ.), dokončeć, hornčeŕ, wowčeŕ (ВЛ.), pišu, prošeć (ВЛ.), pšašaś (НЛ.); 2) праслав. c (изъ kj) и z (изъ gj) замѣняются č, ž и передъ узкими гласными (e, ě, i, ь) въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергаются этому превращенію k, g; напр.: krawče, wotče, obličo, wótčina, měsačk, pšenička, končny; knježe (ВЛ.), knežo (НЛ.),

pjenježnja, vićežny, sćažka; 3) въ НЛ. вм. č слышится вездѣ c: dokóńcaś, gjarńcaŕ, wójcaŕ, kóńcny, pšenicny и др.

Въ мѣстоименіи, соотвѣтствующемъ старослав. вьсь, и производныхъ отъ него вм. s слышится š: wšon, wša, wšo (ВЛ.), (w)šen, (w)ša, (w)šo (НЛ.), wšelaki (ВЛ.), (w)šaki (НЛ).

St превращается: 1) передъ j въ šć; 2) передъ узкими гласными въ sć; напр. měšćan, pušću, pušćony, sćěna, hosć, kosć, mosćě, lisćik. Иногда эти сочетанія смѣшиваются и šć слышится и передъ узкими гласными вм. sć: pjeršć, pjeršćeń, horšć (ВЛ.).

Zd превращается: 1) передъ j въ ždź; 2) передъ узкими гласными въ zdź; напр.: Wuježdźan, hwiždźk или hwiždk, hwiždźić, hozdź, mzdźe, pozdze. Впрочемъ, zdź преобладаетъ: jězdźu, jězdźach, jězdźony.

Sk, zg передъ j и узкими гласными переходятъ: 1) въ šć, ždź (при образованіи основъ) или 2) въ sc, zdz (передъ i, ě въ окончаніяхъ): šć, ždź образовались изъ болѣе древнихъ šč, ždž, которыя и сохранились въ нѣкоторыхъ говорахъ средняго нарѣчія и въ отдѣльныхъ словахъ НЛ. напр.: droždźeje, roždže. Въ говорахъ s чередуется съ c и z: styri, ku·šci, zcdraś, zhibować. Передъ звучными предлогъ s (съ) обыкновенно звучитъ z.

Ds, ts = c: luctwo, čercki.

Ž. Č. Š. Dž.

Относительно дыхательныхъ шипящихъ ВЛ. и НЛ. значительно различаются между собой. Въ ВЛ. ž, č, š соотвѣтствуютъ праславянскимъ и старославянскимъ ж, ч, ш и всегда мягки, въ НЛ. č не существуетъ, оно превратилось въ зубной дыхательный c, а два другихъ шипящихъ ž, š стали твердыми. Примѣры: šumić(ś), wiš, žona, žyła (НЛ.), žiła (ВЛ.), šyja, (НЛ.) šija (ВЛ.), šydło (НЛ.), šidło (ВЛ.), žyto (НЛ.), žito (ВЛ.); čorny (ВЛ.) carny (НЛ.), česć (ВЛ.), cesć (НЛ.). člowjek (ВЛ.), cłowjek (НЛ.), čoło (ВЛ.), coło (НЛ.) čisty (ВЛ.), cysty (НЛ.), co, nico (НЛ.), ničo (ВЛ.), wučić (ВЛ.), hucyś (НЛ).

Переходъ č въ c въ НЛ. совершился уже въ историческую пору: въ XII—XIII ст. этотъ звукъ еще существовалъ, какъ о томъ можно судить по написанію мѣстныхъ названій въ древнихъ грамотахъ, напр. (Tscheren (Carna), Tschernitz (Cersk). Да и въ настоящее время въ отдѣльныхъ словахъ НЛ. также еще сохраняетъ č; напр.: въ сравн. ст.

huzčejšy, rědčejšy; въ суф. увеличительныхъ прилагательныхъ -učki: chodučki, bosučki, tłustučki и др., въ сочет. šč: de(j)šč, Lipščany, Luboščanski, źowčo, и др.

Š нерѣдко позднѣйшаго происхожденія изъ s (вѣроятно, не безъ вліянія нѣмецкаго языка): škła, škra, škrabać(ś), škóra (НЛ. въ ВЛ. skora), tešny (НЛ.), tyšny (ВЛ.), prošnja (НЛ.); особенно въ заимствованныхъ словахъ: štałt (Gestalt), klóštr (ВЛ.), kloštaŕ (НЛ.), štunda (Stunde) и др.

Равнымъ образомъ иногда и ž (вм. z) возникло въ новое время: žwała, žajtša (НЛ. завтра), wobužny (ВЛ.); еще чаще вм. нѣмец. s: žałba (Salbe), žapran (Safran), žognować (ś), kejžor (НЛ.), kěžor (ВЛ.).

Dž—сложный твердый звукъ, наблюдаемый лишь въ немногихъ словахъ въ НЛ.: droždžeje, róždže, Drěždžany, (r)džeń (стержень), łdža (ВЛ. łža), łdžu (лгу). Въ ВЛ. dž слилось съ dź.

Č чередуется съ š: khuduški (ВЛ.), chuduški, małuški, młoduški (ср. выше chudučki), słynjaško, měšašk, šápka (НЛ.), čapka (ВЛ.), što, něšto (ВЛ.) co, něco (НЛ.).

Š чередуется съ ž: Haža, mžaknuś, póžnaś (цѣловать); ž съ r: njeborje, njeborjetko (НЛ. въ ВЛ. njebožatko), tuder (НЛ.); ž съ j: bójski, bójstwo (ВЛ.).

J.

Согл. j: 1) соотвѣтствуетъ праслав. j: jeho (ВЛ.), jogo (НЛ.), je (ВЛ.), jo (НЛ.); 2) очень часто возникъ на почвѣ серболужицкаго языка послѣ гласныхъ передъ мягкими согласными.

Послѣднее явленіе, въ нѣкоторой степени свойственное и другимъ славянскимъ языкамъ, получило въ серболужицкомъ яз. особенно широкое развитіе. Возникновеніе этого т. н. „эпентетическаго" j повлекло за собою образованіе въ языкѣ многочисленныхъ вторичныхъ двугласныхъ: aj, ij, ej, ěj, oj, uj, yj; напр.: stajn (вм. stań), kójn, déjšč (вм. dešč) wejčor (вм. wječor), dajś (НЛ. вм. daś), sajźis, sajdźić, chójźiś (НЛ.), chójdźić (муж. г.) но khodźić (ВЛ.), zejmja, młyjnk, wuhejn, lejžeć.—Эта характерная особенность представлена въ обоихъ нарѣчіяхъ, но въ НЛ. она выдержана болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ ВЛ. Въ послѣднемъ вторичн. j появляется преимущественно при e, ě, а при другихъ гласныхъ только спорадически, въ отдѣльныхъ словахъ по разнымъ говорамъ; между тѣмъ въ НЛ. и СЛ. всѣ глас-

ные одинаково часто превращаются при помощи вторичн. j въ двугласные. Что касается мягкихъ согласныхъ, то они не всѣ въ равной степени вліяютъ на возникновеніе j; болѣе всего имѣютъ значенія ž, š (НЛ.), č, dž (ВЛ., СЛ.), затѣмъ l, ŕ, ń, ḿ; меньше всего p′, b′ и особенно w′; a, o, u, y передъ мягкими губными никогда не имѣютъ двугласнаго выговора. Въ ВЛ. возможно появленіе j также передъ ž, č, š (которыя здѣсь мягки, между тѣмъ какъ въ НЛ. тверды) и смягченнымъ k; напр.: kojždy, tejž, pejč, tajki, kajki, jenajki.—Въ литературномъ верхнелужицкомъ[1] языкѣ это вторичное j не обозначается; обыкновенно пишутъ: kóń, koždy и др. Перестаютъ его обозначать и нижнелужицкіе писатели.

Сверхъ указаннаго общаго явленія, нужно отмѣтить слѣдующія болѣе частныя: 1) появленіе j послѣ согласныхъ и вм. ž: škrja (НЛ.), въ ВЛ. škra), chrjapaś, кашлять, drjažniś, robrjo, bagnjo (НЛ.), bójstwo (ВЛ.) и др. 2) превращеніе j въ l, r: lalki, lawor (гродецк. г.).

Уподобленіе согласныхъ.

Общеславянскій законъ уподобленія согласныхъ имѣетъ примѣненіе также въ серболужицкомъ языкѣ, хотя и не въ такой степени какъ въ польскомъ языкѣ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые лужицкіе согласные, какъ s, z, находясь даже передъ мягкими согласными не могутъ смягчаться; напр. radǫsć, kosć, kazń и др. Обыкновенно языкъ предпочитаетъ такія сочетанія, въ которыхъ стоятъ рядомъ однородные согласные, т. е. звучные или отзвучные, твердые или мягкіе. Если сталкиваются разнородные согласные, то происходитъ уподобленіе однихъ другимъ, какъ въ прочихъ славянскихъ языкахъ: звучные (mediae) g, (h) d, dź, dz, z, ź, ž, b, w переходятъ въ соотвѣтствующіе отзвучные (tenues): k, ch, t, ć, c, s, ś, sz, p, f и наоборотъ отзвучные въ звучные, причемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предыдущій; напр.: hdy (ВЛ.), gdy (НЛ.), strowy (здоровый) prjatkaŕ, pcoła, pcha, śpa, zhibować, zwjazać (ВЛ.), zwezaś (НЛ.), spěwać и др. На концѣ словъ вм. звучныхъ слышатся отзвучные, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ: pot, dup, bóch. Въ литературномъ языкѣ обыкновенно удерживается этимологическое правописаніе; но случаются и отступленія (hdy, pcoła, strowy и др.).

Расподобленіе согласныхъ.

Нѣкоторыя чередованія согласныхъ въ народныхъ говорахъ объясняются т. н. закономъ расподобленія; напр. g—k: karwona (НЛ. въ

ВЛ. hawron); t—d: njedopyŕ (НЛ. въ ВЛ. njetopyŕ); k—ch: chrapa (НЛ. въ ВЛ. krjepa), chto, duchtaŕ, klěb (НЛ.), chlěb (СЛ.), khlěb, (ВЛ.) kšeś (НЛ.), chcyć (ВЛ.); b—w: lědba (НЛ., въ ВЛ. lědma), modlitba (сѣв. зап. гов. ВЛ., иначе modlitwa); b—m: glum—glub; č—š—štyri (ВЛ.) и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ.

Исчезновеніе согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ, главнѣйше вслѣдствіе стремленія языка къ упрощенію выговора словъ, весьма распространено въ обоихъ нарѣчіяхъ, особенно въ мѣстныхъ говорахъ. Кромѣ общеславянскихъ явленій (dam, tonuć и т. п.) здѣсь наблюдается не мало другихъ мѣстныхъ, развившихся на серболужицкой почвѣ, или встрѣчающихся также въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ частности могутъ исчезать: ł, r, d, t, w, b, p, m, g, k, ch, s, c, j.

L: dgaś (НЛ.), dhać (вм. ldhać вл. луж. гов.); ža (НЛ. въ ВЛ. lža), въ прич. прош. дѣйств. II—bod, kład, mjet (ВЛ.), mjat (СЛ. въ НЛ. ł сохраняется), jaboko (ВЛ.), mogi, myn (НЛ.), mόn (ВЛ.), hubina (ВЛ.), dumoki (НЛ.).

R: žyny (НЛ. въ ВЛ. žrany вм. ržany), kjacma (НЛ.), kmótstwo, brat (ВЛ. р. п. bratra, въ НЛ. bratš), kmot, Maja (НЛ. вм. Marja).

D: mychaś (НЛ.), kinyć (ВЛ.), kinuś (НЛ.) panyć (ВЛ.), panuś (НЛ.); jana, jano, janogo и т. д. (НЛ.), jena, jene, jenoho (ВЛ.), žena (НЛ.), žana (ВЛ.), pozny, srjeny, kosyło (НЛ.), pola и podla.

T: kać(ś), mark, jermank (НЛ.), cesny (НЛ.), česny и čestny (ВЛ.), lubosnost, slać(ś), bohastwo (ВЛ.), bogajstwo.

W: 'rjećeno (ВЛ.), 'rješeno (НЛ.), 'rjod (НЛ.), 'robeł, 'ron, 'łoga, 'łos, 'šen, 'ša, 'šo (НЛ.), 'šόn (ВЛ.), 'šaki, 'sy (НЛ. р. п. отъ вьсь—село), 'čora (ВЛ.), 'cora (НЛ.), 'jacor (НЛ.), cerkej (НЛ.), cyrkej (ВЛ.) kšej (НЛ.), krej (ВЛ.), rukajca, kšajc (НЛ.), łojić (ВЛ.), łojś (НЛ.) drjejàny (НЛ.) hόzdź, chόry, sroka.

B: serski, derje, 'rjasken (НЛ.).

P: 'coła (НС.), 'čoła (ВЛ.), 'struha (ВЛ.), 'šedać.

M: huno, guno, 'zda (НЛ.).

G, h: dosa(h)nyć (ВЛ.), dosenuś (НЛ.), ća(h)nyć (ВЛ.), śěnuś (НЛ.) (hdze), źo (НЛ.), mła, za(h)roda.

K: ka, ta, pa, śrabać (ś).

Ch: cu, coš, co (НЛ.).

S: třěcha (ВЛ.), tšěcha (НЛ.), třělić, třělba, třihać (ВЛ.), wótśiś (НЛ.), křčić (ВЛ.) kśćiś (НЛ.).

Ć: rostej, cestej, puštej (повел. н. двойств. ч.) krotyc.

j: nowejšy, chytrejšy, cerwony, zejma (НЛ.) bruch, črop (ВЛ.).

Приставка и вставка согласныхъ.

Гласные въ началѣ словъ не допускаются. Только немногія слова начинаются гласными; напр.: a, abo, aby, ale, ako; въ говорахъ: Andrej, Ana и т. п. Обыкновенно передъ начальными гласными появляются т. н. придыханія: j, h, w; j слышится преимущественно передъ узкими гласными, h и w передъ широкими; въ старое время господствовало w, позже вытѣсненное согласнымъ h преимущественно въ НЛ. Нерѣдко по разнымъ говорамъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ чередуются всѣ три придыханія j, h, w. Примѣры: ja, jandźel (ВЛ.), jańźel (НЛ.) jerjeł (НЛ.), herjeł (НЛ. гов.), worjoł (ВЛ.), hinak (ВЛ.), hynak (НЛ.), hić (ВЛ.), hyś (НЛ. идти), wowca (ВЛ.), wojca (НЛ), wón, worjech, wosoba, wótc (отецъ ВЛ.) wóśc (НЛ.), hoglědaś и woglědaś (НЛ.), hokoło и wokoło (НЛ.), hopisaś (НЛ.), wopisać (ВЛ.), hobjed (НЛ.), wobjed (ВЛ.), wudowa (ВЛ.), hudowa (НЛ.), wučobnik (ВЛ.), huknik (НЛ. ученикъ), wuzda (ВЛ.) huzda (НЛ.), jutro (ВЛ.), jutšo (НЛ.); Hadam, Jewa (ВЛ.), Hejba (НЛ.), wopor (ВЛ.), hopor (НЛ. Opfer).

Кромѣ того j является: 1) на концѣ словъ въ нарѣчіяхъ; напр. górjej, hynacej, pśecej, (НЛ.); въ двойств. ч.: wobaj (ВЛ.), hobej (НЛ.), mój, wój, wonej, личн. оконч. двойств. ч. -moj, -taj (ВЛ.), -mej, -tej (НЛ.); 2)въ срединѣ словъ передъ мягкими согласными. Ср. oj стр. 625.

Въ исходѣ словъ иногда могутъ еще появляться (преимущественно въ разныхъ говорахъ) n, m, r; напр.: НЛ.: ten, wšen, něchten, nëchten, nichten, ВЛ.: tón, wšón, něchtón, nichtón; lěbdyn, wjelgin, žgan (НЛ.), lěbdym, lědym (НЛ.), hyšćer, južor (НЛ.), něntor (гродецк. г.), tamkor, tuder.

Внутри словъ вставочными звуками бываютъ: k въ skrygaś (НЛ.); g: zgrjały, žgrěbje, žgrědło (мужак. г.); d: łdza (слеза), łdža (ложь), łdgaś (НЛ.), hnidlica (ВЛ.), sydr (ВЛ.), zdrjały (НЛ.); n: do njeho (ВЛ.) do njogo (НЛ.), přińć (ВЛ.), zeńć (ВЛ.); b: wučobnik (ВЛ.), hucabnik (НЛ.), wědobny (НЛ. въ ВЛ. wědomny), w: cerkwej (имен. п. НЛ.), kśwej,

knihwy (СЛ.), tawiś (НЛ.), pawk, piwonija; ł: głowjedo (НЛ.), stadło; l: bluška (пушка), grobla (НЛ.); r: marzle, mordlić so.

Перестановка согласныхъ.

Jabolń (гродецк. г.), pałkaś (НЛ. въ ВЛ. płokać), labeŕ (НЛ. въ ВЛ. rěbl), lobro (НЛ., въ ВЛ. rjebło) Batramuš (НЛ. Bartholomaeus), karwona (НЛ.), gerwona (СЛ.), gjargona (мужак. г.), katyrśinka (ВЛ.), měnski (СЛ. ВЛ. němski, НЛ. nimski), lěbda (НЛ.)

4. Удареніе.

Удареніе въ серболужицкомъ яз. по качеству *экспираторное* и *однородное*, т. е. состоитъ въ простомъ усиленіи голоса, которое не сопровождается ни повышеніемъ, ни пониженіемъ тона и остается всегда однообразнымъ вслѣдствіе утраты количества. По положенію въ словѣ оно *одномѣстное* и *постоянное*, именно приходится всегда на первый слогъ отъ начала; напр.: въ ВЛ. nòha, wùtroba, pòwołanjo, zàsłyšachu, wúzeskakowachu; въ НЛ.: wòko, kòkoška, nàpšeśiwnik, dòhupśipadowaś. Такимъ образомъ по качеству серболужицкое удареніе сближается съ польскимъ, по мѣсту въ словѣ—съ чешскимъ и словацкимъ.

Нижнелужицкое и частью Среднелужицкое нарѣчія представляютъ любопытную особенность: трехсложныя и многосложныя слова здѣсь имѣютъ кромѣ главнаго ударенія, падающаго на первый слогъ, еще побочное или второстепенное, которое слышится всегда на предпослѣднемъ слогѣ, произносимомъ вслѣдствіе того нѣсколько протяжно; напр.: drugîmi, pòwolânje, dòhupšipadôvaś. Такимъ образомъ нижнелужицкая рѣчь, получающая благодаря указанному свойству нѣкоторую пѣвучесть въ сравненіи съ верхнелужицкою, въ данномъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ служитъ связующимъ звеномъ между чешскимъ и польскимъ языками.

Отрицательная частица nje и односложные предлоги разсматриваются какъ составныя части словъ, съ которыми находятся въ соединеніи и потому принимаютъ на себя удареніе послѣднихъ, если только этому не препятствуетъ логическое удареніе предложенія; напр.: pìsach, njèpisach, přècel и njèpřecel (ВЛ.), pšìjaśel и njèpśijaśel, dò mosta, pó njebu.

Односложные предлоги nad, pód, roz, wob (НЛ.), hob (ВЛ.), wót (НЛ.), hot (ВЛ.) принимаютъ удареніе со слѣдующаго слова и тогда,

когда для устраненія зіянія становятся двусложными: nade, póde, roze, wobe, hobo, wote; напр.: nàdemnu, hòbodrěš, ròzebraś. Если логическое удареніе падаетъ на имя, то предлогъ становится энклитикой; напр.: won po dwòře chodźi, ha nic po pòlu. Относительно частицъ naj (ВЛ.) и nej (НЛ.), служащихъ для образованія превосходной степени, наблюдается колебаніе: удареніе съ прилагательнаго то переходитъ на частицу, то нѣтъ; напр.: ВЛ. nàjwjetši и najwjètši, НЛ. nèjwjetšy и nejwjètšy.

Въ сложныхъ словахъ, состоящихъ изъ двухъ самостоятельныхъ словъ, обыкновенно каждый изъ составныхъ элементовъ сохраняетъ свое удареніе; напр. bòhabòjaznosć.

Нѣкоторыя односложныя слова такъ тѣсно примыкаютъ то къ предшествующему, то къ слѣдующему слову, что не имѣютъ своего ударенія (энклитики). Сюда относятся, кромѣ односложныхъ предлоговъ (см. выше): 1) союзы и частицы—a, až (НЛ.); zo (ВЛ.), что, чтобы, ga, gaž (НЛ.), hdy, hdyž (ВЛ.) когда, léc (НЛ.), hac ВЛ. ли, drje, конечно, źe, źo (НЛ.), dzě, dzen (ВЛ.), точно, именно, li, bych (ВЛ.), by; 2) форма настоящаго вр. существительнаго глагола być (ś): sym, sy, je, smy, sće, su, smój, staj (ВЛ.), som, sy, jo, smy, sćo, su, smej, stej (НЛ.); 3) мѣстоименія mi, mje, ci, ce (ВЛ.), mě, śi (НЛ.), sej (ВЛ.) mnu (тв. п.) mni (ВЛ.), mnje (НЛ. мѣстн. п.), вин. п. so (ВЛ.), se (НЛ.), joh, ho, jom, mu, jón (ВЛ.), jeg, jem, jen (НЛ.) jej, ji (д. п.), ju, jo, nas, nam, was, wam, jich, jim, je; дв. ч. naj, waj, jej; što (ВЛ.), co (НЛ.); 4) односложныя формы мѣстоименія tón (ВЛ.), ten (НЛ.), ta, to—въ томъ случаѣ, когда они употреблены, въ подраженіе нѣмецкому языку, въ значеніи члена; 5) односложныя формы мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ напр. kiž (ВЛ.), kenž (НЛ.), což, ak, hdźež (ВЛ) źož (НЛ.).

Иностранныя слова то сохраняютъ удареніе своего языка, то слѣдуютъ законамъ серболужицкаго языка; напр.: haptỳka, katòlski, profèta, študènt (ВЛ.), no štùdanc (НЛ.), pàrasol, Bàtramuš.

---

5. Формальныя особенности.

А. Склоненіе.

Склоненіе въ серболужицкомъ яз., какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, представляетъ любопытное сочетаніе старины съ но-

визной. Съ одной стороны оно сохраняетъ двойственное число, давно вышедшее изъ употребленія въ большинствѣ славянскихъ языковъ, и рядъ древнихъ окончаній въ единственномъ и множественномъ ч.; съ другой—въ немъ наблюдается немалое количество формъ новаго образованія, возникшихъ то вслѣдствіе смѣшенія основъ и окончаній, то напротивъ, подъ вліяніемъ присущаго языку стремленія къ дифференціаціи формъ. Наконецъ многія характерныя окончанія падежныхъ формъ объясняются изъ звуковыхъ законовъ языка. Различіе между ВЛ. и НЛ. также зависитъ главнымъ образомъ отъ особенностей фонетики того или другого нарѣчія.

Именное склоненіе.

Въ серболужицкомъ яз. представлены въ болѣе или менѣе полномъ видѣ не всѣ древніе (праславянскіе) типы именного склоненія, а лишь нѣкоторые; именно: 1) склоненіе основъ на -о (ъ, о), твердое и мягкое; 2) склоненіе основъ на -а, твердое и мягкое и 3) склоненіе основъ на -і женскаго рода. Прочіе виды именного склоненія или исчезли или сохранились въ обломкахъ. Склоненіе основъ на -u слилось со склоненіемъ основъ на -о, передавъ послѣднему нѣкоторыя, изъ своихъ окончаній. Склоненіе основъ на -і муж. р. сохранилось только для одного слова во множ. ч. ludźo (ВЛ.), luźe (НЛ.) и для немногихъ словъ въ р. п. мн. ч. на -і (łohći, łokśi). Всѣ остальныя слова древняго склоненія основъ на -і муж. р. слѣдуютъ склоненію основъ на -jo. Склоненіе основъ на согласные совсѣмъ исчезло. Нѣкоторый слѣдъ его сохранился лишь въ нарощеніи и чередованіи мягкихъ и твердыхъ основъ, при чемъ первыя выступаютъ въ един. ч., а вторыя во множ. ч. Всѣ древнія основы на согласные слѣдуютъ склоненію основъ на -о (основы муж. р. на -n, основы средн. р. на -n, -s, -t) или на -а и на -і жен. р. (основы на -r, w). Что касается склоненія основъ на о и на -а, то древнее различіе между твердыми и мягкими основами здѣсь ограничивается нѣкоторыми падежами; вообще же мягкія основы смѣшались съ твердыми и представляютъ одинаковыя съ послѣдними окончанія.

I. *Основы на* -о.

1) Кромѣ исконныхъ органическихъ окончаній въ данномъ склоненіи наблюдается значительное количество окончаній, перешедшихъ

изъ склоненій на -u и на -a. Изъ *склоненія основъ на* -u заимствованы: 1) -u (*род. и, мѣстн. п. ед. ч.*); 2) -ej (ВЛ.), -oj, -oju (НЛ.) изъ болѣе древнихъ -oji, -eji, -owi, -ewi (*дат. п. ед. ч.*); оконч. -oju образовалось изъ сокращеннаго oj черезъ вторичную прибавку u подъ вліяніемъ многочисленныхъ органическихъ дательныхъ на -u; 3) -owje, -ojo (ВЛ. *имен. п. мн. ч.*); 4) -ow (*род. п. мн. ч.*); 5) -owu (НЛ. *род. п. двойств. ч.*). Большая часть этихъ окончаній въ древнемъ ихъ видѣ перешла въ склоненіе на-o уже въ доисторическую пору; но дальнѣйшія ихъ измѣненія -oj, ej, oju, ojo развились позже. Равнымъ образомъ и -owu (НЛ.) въ *род. дв. ч.* вѣроятно замѣнило первоначальное u вслѣдствіе стремленія языка дифференцировать формы на -u *род. дат.* и *мѣстн. ед. ч.* отъ *родит. двойств. ч.* Примѣры: grodu, płotu, dubej (ВЛ.), gódoj (НЛ.), synkoju (НЛ.), byku (м. н.), rybakojo (ВЛ.), dubow, dubowu (*р. п. дв. ч.* НЛ); nožej (ВЛ.), kónjoju (НЛ.), nožow, kónjow konjowu (НЛ), mužowje, mužojo (ВЛ.), słyńcoju, słyncowu (НЛ.).

2) Изъ *склоненія основъ на* -a перешли окончанія *дат.*, *твор.* и *мѣстн. пп. множ. ч.* -am, ami, -ach; напр.: dubam, dubami, dubach, nožam, nožami, nožach, słowam, słowami, słowach, morjam, morjach, morjami (НЛ.). Эти окончанія почти исключительно господствуютъ въ языкѣ. Отступленій немного. Въ *твор. п.* мягкаго различія книжный ВЛ. языкъ представляетъ -emi: mužemi, morjemi. Въ говорахъ НЛ. у мягкихъ основъ на -c, z встрѣчаются -ymi рядомъ съ -ami: pjenjezymi, gólcymi. Древнее окончаніе *твор. п.* -y сохранилось въ нарѣчіяхъ НЛ. casy, směchi, tšachy. Древній *дат. п.* на -om представляютъ еще памятники XVI в., Библія 1548 и катехизисъ 1597 г.: bratrom, duchom kupcom, mužom. И теперь оно встрѣчается у фамильныхъ названій на -cy напр.: Mužikecom (ВЛ.), Mužykajcom (НЛ.), и у немногихъ словъ въ ВЛ.: wołom, konjom. Еще рѣже и только въ ВЛ. древній *мѣст. п.* на-och: konjoch, Psowjoch, Spaloch.—Полное сходство съ серболужицкимъ представляетъ русскій яз., а для *твор.* и *мѣстн. п. п.* также польскій.

3) *Винит. п.* у именъ существ. муж. р., означающихъ одушевленныя существа (людей и животныхъ), сходенъ съ *родит. п.* только въ един. и двойств. ч.; во множ. ч. это сходство простирается только на личныя имена. У т. н. неодушевленныхъ именъ *вин. п. ед. ч.* сходенъ съ *именит.*, а во *множ. ч.* форма *винит. п.* служитъ и для *родит. п.* какъ въ польскомъ яз.; напр.: krala, kralow, wjełka, dweju

wjełkow (ВЛ.), synkowu, konjowu (НЛ.), konje (мн. ч.) dub, duba (дв. ч.), duby (мн. ч.).

4) *Зват. п. ед. ч.* у именъ муж. р. представляетъ особыя окончанія только въ ВЛ.: 'e, o; dubje, domje, mjedźe, swěće, nožo, mužo, krajo; -'e, соотвѣтствующее старостав. є выступаетъ въ твердомъ склоненіи, o принимаютъ преимущественно мягкія основы; но сверхъ того o возможно и у твердыхъ основъ послѣ h, k, ch, z s, c, r, n; напр.: roho, bruko, hrěcho, wozo, časo, šewco, krawco, daro, dworo, syno, Jano, krajano; но бываетъ и иначе: čłowjeće, paduše, holče, knježe, wótče, panje, hetmanje; ludo, Božo; иногда допускается то и другое окончаніе: susodo и susodźe. Объясненіе этого o представляетъ нѣкоторую трудность. Едва ли можно сблизить его со старослав. оу, ю (медкоу, коню). По всей вѣроятности оно возникло первоначально изъ e послѣ мягкихъ согласныхъ (см. 607), а потомъ по аналогіи стало примѣняться и къ твердымъ основамъ.—Въ НЛ. *зват. п.* въ настоящее время замѣняется именительнымъ. Въ Библіи 1548 г. еще находятся древнія формы: cłowjece, duše, kralu, synu. И теперь еще говорятъ Kněž (Господь), а въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются: panje, panko, syno и т. д.

5) *Род. п. ед. ч.* представляетъ два окончанія -a, -u; послѣднее возможно только у твердыхъ основъ муж. р. Основной законъ тотъ же, что въ другихъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ: имена существительныя, означающія предметы одушевленные всегда принимаютъ окончаніе a, напр.: popa, synka, woła; но собирательныя, напр. lud, skot допускаютъ и u: ludu, skotu; -u выступаетъ у односложныхъ существительныхъ, означающихъ предметы неодушевленные, особенно послѣ d, t, k, ch, но всѣ эти слова могутъ сохранять и древнее -a; напр. grodu—groda (НЛ.) hrodu—hroda, rodu—roda, sadu—sada, płotu—płota, boku—boka, měchu—měcha, času—časa (ВЛ.), casu—casa (ВЛ.), mědu—měda, mjodu (НЛ.). Въ общемъ -u слышится рѣже, чѣмъ въ другихъ славянскихъ языкахъ.—Мягкія основы мужск. рода и всѣ основы средн. р. допускаютъ исключительно -a; напр. noža, kija, słowa, morja.

6) *Дат. п. ед. ч.* представляетъ кромѣ исконнаго окончанія -u, нѣсколько другихъ позднѣйшаго образованія (см. выше п. 1.), именно въ ВЛ. -ej, въ НЛ. -oj, oju, eju. Оконч. u- имѣютъ преимущественно имена средн. р.; напр.: słowu, městu, drjewu, licu, morju; ej (ВЛ.) и oju (oj, НЛ) у этихъ именъ встрѣчается очень рѣдко—kubłej dnej,

k blidoju, k morjoju. Имена существ. муж. р. въ ВЛ. почти исключительно принимаютъ ej (изъ древн. -ewi, owi); напр. dubej, nožej; и изрѣдка встрѣчается только въ твердомъ склоненіи: Bohu, и при соединеніи съ предлогомъ k: k rowu, k wječoru, k ludu, но rowej. Въ НЛ. имена существ. муж. р. принимаютъ u и oju (=owi): имена одушевленныя предпочитаютъ oju, неодушевленныя -u; но если въ род. и мѣстн. п. должно быть -u, то въ дат. п. независимо отъ значенія слова выступаетъ oju; напр.: stołu, dłuģu, prochu, gněwu, konjoju; но płotoju, bokoju, duchoju, gósćoju (п. ч. род. п. płotu, boku, мѣстн. п. duchu gósću). Нижнелужицкое oj устарѣло; eju (НЛ.) выступаетъ иногда у словъ на -aŕ: gospodarjeju, handlarjeju; въ СЛ. вообще послѣ мягкихъ вм. oju слышно eju: kónjeju. Въ старомъ языкѣ еще встрѣчаются -owi, oji, ewi: mužowi, mužoji (Библія 1548), hospodarjewi (Катехизисъ 1597). Въ любійск. гов. и теперь говорятъ: mužowi, synewi и т. п.

7) *Твор. п. ед. ч.* оканчивается на -om какъ въ твердомъ, такъ въ мягкомъ склоненіи: dubom, nožom, konjom, słowom, morjom; у мягкихъ основъ -om образовалось изъ болѣе древняго em по общему фонетическому закону. Въ НЛ. отглагольныя имена средняго р. иногда имѣютъ -im: davanim, daśim.

8) Въ *мѣстн. п. ед. ч.* два окончанія -je (=ѣ) и -u. Твердыя основы имѣютъ то je, то -u: послѣ p, b, w, ł, r, m, n, t, d, s, z, g, h выступаетъ je; напр.: dubje, rowje, stole, domje swěce (ВЛ.), swěśe (НЛ.), rjedźe (ВЛ.) rěźe (НЛ.) śněze, pismje, senje, měsce; послѣ c, z, s, k обыкновенно -u: wozu, nosu, boku, čłowjeku; послѣ ch въ ВЛ. чаще je, въ НЛ. -u: brjuše, groše w měše, duchu, grěchu. Однако наблюдаются и отступленія отъ даннаго закона: synu, mjedu (ВЛ.), mjodu (НЛ.), w Bohu (ВЛ.), w Bogu (НЛ.), brjogu и т. д. Мягкія основы имѣютъ только -u, перешедшее изъ твердаго склоненія, гдѣ оно было заимствовано въ доисторическую пору изъ склоненія на -u; напр.: nožu, konju, morju. Въ будышинск. и любійск. гов. вм. e слышно i: w duši.

9) *Имен.-вин.-зват. пп. мн. ч. муж. р.* Относительно данныхъ падежей между ВЛ. и НЛ. существуетъ слѣдующее различіе; въ ВЛ. еще сохраняются для извѣстной группы словъ органическія окончанія въ именит. п., а въ НЛ. для выраженія именительнаго исключительно служитъ винит. п. Собственно именительныя окончанія удержались только для существительныхъ, означающихъ лицъ

(т. н. rationalia) именно: -i въ твердомъ различіи, -je, -jo, o—въ мягкомъ, owe или ojo въ томъ и другомъ; напр.: djabli, japoštoli, paduši, pacholi, pósli, Ceši, susódzi, Zidźi, čerci, wojacy, hřešnicy, sudnicy, Němcy, kupcy, mužowje, mužojo, synojo, wótcojo, rybakojo, přećele, muže; оконч. o, -jo соотвѣтствуютъ старослав. є, ю: křesćijenjo, zemjenjo) Słowjenjo, kmótřo, knježo, Serbjo, pastyrjo (особ. въ будышин. г.). Существительныя неличныя (irrationalia) замѣняютъ именит. п. винительнымъ, который въ твердомъ склоненіи оканчивается на -y (=старослав. ы, въ мягкомъ на -e (=старослав. ѧ); напр.: duby, doły, sudy, spěwy, domy, rohi, kruchi (вм. rohy), kije, nože, konje, hołbje.—Въ НЛ. *именит.* (*зват.*) и *винит. пп.* всегда совпадаютъ: для твердыхъ основъ окончаніемъ служитъ y, для мягкихъ -e (=старослав. ѧ); напр.: domy, susedy, ludy, syny, lawy, płoty, dary, grěchy, cłowjeki, jezyki, progi (объ i, y послѣ гортанныхъ см. 610) mjadwjeźe, gółbje, krale, pšijaśele, muže. Изрѣдка и въ НЛ. встрѣчаются настоящія формы именит. п; напр.: suseźi, cygani, żyźi, kóni и др.—Какъ въ ВЛ., такъ въ НЛ множеств. ч. нѣкоторыхъ существительныхъ замѣняется собирательными на ja: bratřa (ВЛ.), susodźa, Zidźa, Ceša, popja (ВЛ.), kmotša (НЛ.), kmotřa (ВЛ.); kněža, burja (Bauern).

10) Въ *род. п. мн. ч.* почти исключительно господствуетъ окончаніе -ow, какъ въ твердомъ, такъ въ мягкомъ склоніи одинаково у именъ муж. и средн. р.; напр.: dubow, nožow, mužow, konjow, słowow, morjow. Въ ВЛ. для мягкихъ основъ еще встрѣчается и окончаніе i, заимствованное отъ основъ на i: koni, noži, přeceli; также hosci, ludzi, čeŕwi. Древніе родительные безъ окончанія весьма рѣдки: pjenjez, tolar, mjasec (въ соединеніи съ числительными) let, njebjes, do gód (НЛ.), do hod (ВЛ. до Рождества).

11) *Двойственное число.* Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходенъ не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣстн. п. Въ ВЛ. род. п. совпадаетъ съ родит. множ., а прочіе падежи имѣютъ болѣе новый видъ въ сравненіи съ соотвѣтствущими падежами НЛ. именно:

	НЛ.		ВЛ.		Старослав. яз.	
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.
И.З.В.	- a	je, i	- aj, ej	je, i	а	ѣ, и
Р.	- owu	- owu	- ow	- ow	- оу, - овоу	оу
Д.Т.М.	- oma	- oma	- omaj	- omaj	ома	ома

Различіе между твердыми и мягкими основами выступаетъ только въ имен. зват. вин. п.п., притомъ въ ВЛ. для именъ муж. и средн. р., а въ НЛ. только для средн. р. Окончанія ej (ВЛ.) и oma (НЛ.) возникли изъ -aj, -ema на основаніи законовъ серболужицкой фонетики (см. 604, 607): j въ ВЛ. aj, ej, omaj—новое явленіе (XVII—XVIII в.)— Примѣры. ВЛ.: dubaj, dubow, dubomaj, młodźencaj, młodźencow, młoźencomaj, nožej, nožow, nožomaj, konjej, konjow, konjomaj, słowje, słowow, słowomaj, mori, morjow, morjomaj; НЛ. duba, dubowu, duboma, młoźeńca, młoźeńcowu, młoźeńcoma, noža, nožowu, nožoma, konja, konjowu, konjoma, słowje, słowowu, słowoma, móri, mórjowu, mórjoma.

12) Согласные подвергаются соотвѣтствующимъ измѣненіямъ передъ узкими гласными окончаній; въ *зват. п. ед. ч.* передъ e ('o), въ *мѣст. п. ед. ч.* муж. и средн. р. и въ *имен.-вин. двойств. ч.* сред. р. передъ je (=ѣ) и въ *имен. п. мн. ч.* передъ -i; напр.: čłowječe, božo, paduše [1]), kłobuce, proze, proše; въ ВЛ. послѣ c, z вм. e возможно и y: na kłobucy, na stole, kuble swěce (ВЛ.), swěše (НЛ.), płodźe (ВЛ.), płoźe (НЛ.) čerci, češi, židzi, wojacy.

13) Бѣглыя e, o, a (=ъ, ь или вставочные), стоящія передъ конечнымъ согласнымъ, исчезаютъ въ косвенныхъ падежахъ въ случаѣ увеличенія слова на концѣ: kotoł—kótła (ВЛ.), kóseł р. п. kótła (НЛ.), wósoł, kózoł, pósoł (мужак. г. woseł, kózeł, póseł) р. п. wosła, kozła, posła, dźen (ВЛ.) źeń (НЛ.) р. п. dnja, pos (ВЛ.), pjas (НЛ.) pěs (мужак. г.). psa, wogeń (ВЛ.), hogeń (НЛ)—wognja, hognja и др.

Мужескій родъ.

Един. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	dub	dub	nož	nož	muž	muž
З.	dubje	dub	nožo	nož	mužo	muž
В.	dub	dnb	nož	nož	muža	muža
Р.	duba	duba	noža	noža	muža	muža
Д.	dubej	dubu	nožěj	nožu	mužej	mužoju
Т.	dubom	dubom	nožom	nožom	mnžom	mužom
М.	dubje	dubje	nožu	nožu	mužu	mužu

[1]) Paduch. значитъ *воръ*.

Множ. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.	duby	duby	nože	nože	mužowje(-ojo)	muže
В.	duby	duby	nože	nože	mužow	mužow
Р.	dubow	dubow	nožow (-i)	nožow	mužow	mužow
Д.	dubam	dubam	nožam	nožam	mužam	mužam
Т.	dubami	dubami	nožemi	nožami	mužemi	mužami
М.	dubach	dubach	nožach	nožach	mužach	mužach

Двойств. ч.

И.З.В.	dubaj	duba	nožej	noža	mužej	muža
Р.	(dubow)	dubowu	(nožow)	nožowu	(mužow)	mužowu
Д.Т.М.	dubomaj	duboma	nožomaj	nožoma	mužomaj	mužoma

Средній родъ.

Един. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.В.	słowo	słowo	morjo	mórjo	zrěbjo	žrjebje
Р.	słowa	słowa	morja	mórja	zrěbjeća	žrjebješa
Д.	słowu	słowu	morju	mórju	zrěbjeću	žrjebješu
Т.	słowom	słowom	morjom	mórjom	zrěbjećom	žrjebješom
М.	słowje	słowje	morju	mórju	zrěbjeću	žrjebješu

Множ. ч.

И.З.В.	słowa	słowa	morja	mórja	zrěbjata	žrjebjeta
Р.	słowow	słow(-ow)	morjow	mórjow	zrěĕjatow	žrjebjetow
Д.	słowam	słowam	morjam	mórjam	zrěbjatam	žrjebjetam
Т.	słowami	słowami	morjemi	mórjami	zrěbjatami	žrjebjetami
М.	słowach	słowach	morjach	mórjach	zrěbjatach	žrjebjetach

Двойств. ч.

И.З.В.	słowje	słowje	mori	móri	zrěbjeći	žrjebješi
Р.	(słowow)	słowowu	(morjow)	mórjowu	(zrěbjatow)	žrjebješowu
Д.Т.Л.	słowomaj	słowoma	morjomaj	mórjoma	zrěbjecomaj	žrjebješoma

Примѣчанія: 1) По образцу основъ на -**jo** муж. р. склоняются: **а)** имена, прежде относившіяся къ склоненію на согласный **n**: kamjeń, greben, jacmjeń (НЛ.), korjeń и др.; б) большая часть существительныхъ, относящихся собственно къ склоненію основъ на -i муж. р., напр.: čerw' (ВЛ.), cerw' (НЛ.) hołb' (ВЛ.), gołub' (НЛ.), hosć (ВЛ.) gosć (НЛ.), woheń (ВЛ.), hogeń (НЛ.), łohć (ВЛ.), łokś (НЛ.), mjed-

wjedź (ВЛ.), mjadwjeź (НЛ.), nohć (ВЛ.), nokś (НЛ.), puć (ВЛ.), puś (НЛ.), hozdź (ВЛ.), gózdź (НЛ.) žołdź (ВЛ.), žołź (НЛ.); впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ существительныхъ удерживаютъ въ род. п. мн. древнее окончаніе i (особенно послѣ числительныхъ): holbi, łokši; отъ нихъ -i перешло иногда и къ основамъ на -jo: koni, tolari и др.

2) Dźeń (НЛ. źeń) склоняется слѣд. обр.: р. п. dnja д. п. dnju, dnjej (НЛ. dnju, dnjoju), в. п. dźeń (źeń) тв. п. dnjom, м. п. dnju, зв. п. dnjo (НЛ. źeń). Мн. ч. И.В.З. dny, р. п. dnjow, д. п. dnjam, т. п. dnjemi (НЛ. dnjami), м. п. dnjach. Дв. ч. dnjej, dnjow, dnjomaj (ВЛ.), dnja, dnjowu, dnjoma (НЛ.).

3) Къ склоненію основъ на -o средн. р. относятся также древнія основы средн. р. на согласные n, t, s (бразецъ zrěbjo, žrjebje): znamjo, płomo, promjo, ramjo, symoj, tymjo, brjemjo (НЛ. znamje, płomje, promje, ramje, semje, brjemje); старослав. имя соотвѣтствуетъ mjeno и mě, mje (ВЛ.), dźećo (ВЛ.), źěśe (zwěrjo (ВЛ.), zwěrje (НЛ.), hołbjo (ВЛ.), gółbje (НЛ.), kurjo (ВЛ.) kurje (НЛ.), proso (ВЛ.), holčo, hólčo (ВЛ.), jehnjo (ВЛ.), jagnje (НЛ.), koło, njebo; во мн. ч. kolesa, njebjesa (ВЛ.); въ НЛ. njebja р. njebjow. Основы на -n смягчаютъ этотъ согласный какъ въ един., такъ во множ. ч.: р. п. bremjenja, д. brjemjenju, имен. мн. brjemjenja р. п. brjemjenjow; только въ нѣкоторыхъ говорахъ n-твердое: brjemena, brjemjenow; основы на t смягчаются только въ един. ч., а во множ. остаются твердыми: р. п. zwěrjeća д. zwěrjeću, имен. мн. zwěrjata, р. zwěrjat и т. д. (ВЛ.) и р. п. zwěrjeśa, д. п. žwěrjeśu, имен. мн. ч. zwěrjeta, zwěrjet и т. д.

4) Dźěćo склоняется такимъ образомъ: ВЛ. dźěćo, dźěsća, dźěsću, dźěsćom, dźěscu, двойст. ч. dźěsci, dźěscow, dźěsćomaj; мн. ч. dźěci, р. п. dźěci, dźěćom, dźěćimi, dźěćoch; НЛ. źeśe, остальн. падежи един. и двойств. ч. замѣняются сущ. gole, góleśa, góleśu и т. д., множ. ч.: źeśi, р. źěsi, д. źeśom, źeśimi, źeśoch.

5) Woko, wucho (hoko, hucho) сохраняютъ древнія окончанія въ двойств. ч. ВЛ.: woči, wuši, wočow, wušow, wočimaj, wušimaj НЛ.: wócy, hušy, wócowu, hušowu, wócyma, hušyma.

6) Sto въ ВЛ. склоняется правильно: sta, stu, stej и т. д., но въ томъ случаѣ, если стоитъ отдѣльно. При соединеніи съ существительнымъ допускаются только именительные подежи: sto, sće, sta; напр.: před tři sta letami. Въ НЛ., stow несклоняемо и часто замѣняется нѣмец. Hundert.

II. Основы на -а, -ја.

1) Въ склоненіи основъ на -а, -ја большею частью удержаны древнія окончанія, насколько это позволяютъ звуковые законы языка. Старослав. ѣ соотвѣтствуетъ јe въ дат.-мѣстн. ед. ч. и имен.-вин.-зват. п. двойств. ч. твердыхъ основъ; напр. rybje. Тоже јe выступаетъ въ р. п. ед. ч. и имен.-вин. п. п. множ. ч. мягкихъ основъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ ѧ и древн. русск. ѣ (ср. 443, 446); напр. role, duše. Винит. и твор. п. п. ед. ч. совпадаютъ, представляя одно окончаніе -u (ju въ мягкомъ различіи), восходящее къ праслав. ѫ; напр.: rybu, rolu, dušu.

2) *Звательный падежъ ед. ч.* исчезъ; онъ замѣняется именительнымъ. Между тѣмъ во всѣхъ остальныхъ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ онъ сохраняетъ свое древнее окончаніе.

3) Наиболѣе характерное отступленіе отъ старины заключается въ томъ, что склоненіе основъ на -а, передавъ нѣкоторыя свои окончанія (am, ami, ach во множ. ч.) основамъ на -o и само позаимствовалось у послѣднихъ нѣкоторыми окончаніями; именно въ род. п. множ. ч. и род.-дат.-твор. мѣстн. пп. двойств. ч. Род. п. мн. ч. въ твердомъ и мягкомъ различіи почти всегда оканчивается на -ow; напр.: rybow, rolow, dušow. Древнія формы, т. е. безъ окончанія, встрѣчаются какъ исключеніе, преимущественно послѣ числительныхъ и существительныхъ, означающихъ количество; напр. wjele (šesć) krow (НЛ.), kruw (ВЛ.), mil, njedźel (ВЛ.), nježel (НЛ.). Въ Библіи 1548 еще преобладаютъ древнія формы: ran, ruk, wełn, swiń и т. д. Въ двойств. ч. ВЛ. представляетъ -ow, -omaj, НЛ. -owu, -oma: rybow, rybomaj, rolow, rolomaj, rybowu, ryboma, rolowu, roloma.

4) Различіе между твердыми и мягкими основами ограничивается немногими падежами. Мягкое склоненіе представляетъ особыя окончанія: i (исконное) въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. п. двойств. ч.; напр. roli, duši; јe (=старослав. ѧ, др. рус. ѣ) въ род. ед. ч. и имен.-вин. п. мн. ч.; напр. role, duše. Въ ВЛ. сверхъ того въ твор. п. мн. первоначальное -ami превратилось въ -emi; rolemi (НЛ. rolami).

5) Различіе между ВЛ. и НЛ., какъ видно изъ предшествующаго изложенія, весьма не значительно: оно ограничивается указанными формами двойств. ч. и творит. п. множ. ч. мягкаго склоненія.

6) Передъ je (=ѣ) въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. двойст. ч. согласные подвергаются соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: напр.: noże, ruce, muše, hwězdźe (ВЛ.), gwězdźe (НЛ.), peće (ВЛ.), pěśe, wodźe, woźe.

7) Въ род. п. ед. ч. и въ имен.-зват. п. п. множ. ч. вм. y слышится i въ НЛ. послѣ g, k, а въ ВЛ. послѣ h, k, ch: ruki, nogi, muchy (НЛ.); ruki, nohi, muchi (ВЛ.).

8) Такъ какъ въ верхнелужицкомъ нар., особенно въ будышинскомъ говорѣ, а также въ нѣкоторыхъ говорахъ нижнелужицкаго нарѣчія мягкое e легко переходитъ въ i, а послѣ c, z, s въ y то въ дат.-мѣстн. п. ед. ч. и въ имен.-вин.-зват. п. п. двойств. ч. иногда выступаютъ i, y вм. органическаго je; напр.: rybi, w Prazy, rosy, wosy, kozy. Такія формы на i—y встрѣчаются и въ литературномъ языкѣ, но грамматики совѣтуютъ ихъ избѣгать.

Един. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.	ryba	ryba	rola	rola
З.	rybu	rybu	rolu	rola
Р.	ryby	ryby	role	role
Д.	rybje	rybje	roli	roli
Т.	rybu	rybu	rolu	rolu
М.	rybje	rybje	roli	roli

Множ. ч.

И.З.В.	ryby	ryby	role	role
Р.	rybow	rybow	rolow	rolow
Д.	rybam	rybam	rolam	rolam
Т.	rybami	rybami	rolemi	rolami
М.	rybach	rybach	rolach	rolach

Двойств. ч.

И.З.В.	rybje	rybje	roli	roli
Р.	rybow	rybowu	rolow	rolowu
Д.Т.М.	rybomaj	ryboma	rolomaj	roloma

Примѣчанія: 1) Кромѣ основъ женскаго рода къ данному склоненію относятся многія имена муж. р. на -a, -ja; напр. Turka, ćeśla (плотникъ), drużba, wěrka (легковѣрный человѣкъ), nowożenja (НЛ.

женихъ), заимствованныя слова какъ nara (Narr), groba (Graf). Въ ВЛ. подобныя имена въ двойств. и множ. ч. слѣдуютъ мужеск. основамъ на -o; напр.: Turki, Turkowje, Turkaj и т. д.

2) Слова на -sa, -za (=праслав. -ca, за), слѣдуютъ твердому различію; напр.: syłza (ВЛ.) łdza (НЛ,), wósa; а имена на -ca, -za (изъ праслав. tja, dja) относятся къ мягкому различію; напр.: pica, hospoza (ВЛ.), gospoza (НЛ.).

3) Въ ВЛ. по образцу основъ на -ja склоняются и всѣ женскія основы на -i; напр.: sol, mysl, šyŕ, měź и т. д. напр.: р. ед. ч. mysle, имен.-вин. множ. ч. mysle, род. мн. ч. myslow и т. д. Въ НЛ. всѣ эти существительныя еще сохраняютъ нѣкоторыя окончанія древняго склоненія основъ на -i (см. ниже).

4) Существительныя жен. р. отъ основъ на -w (древн. ū), оканчивающіяся въ имен. п. на -ej также перешли въ склоненіе основъ на ja: cyrkej (ВЛ.) cerkej (НЛ.), krej (ВЛ.), kśej (НЛ.), morchej (ВЛ.). marchej (НЛ.), mjatej, rjetkej (ВЛ.), rjatkej (НЛ.), позднѣйшаго образованія—škorodej, drětwej (НЛ.) и др. Напр.: ВЛ. им. в. зв. cyrkej, р. cyrkwje, д. м. cyrkwi, тв. cyrkwju, мн. ч. cyrkwje, cyrkwjow, cyrkwjam, cyrkwjemi, cyrkwjach; дв. ч. cyrkwi, cyrkwjow, cyrkwjomaj НЛ. cerkej, р. cerkwje, д. м. cerkwi, тв. cerkwju; мн. ч. cerkwje, cerkwjow, cerkwjam, cerkwjami, cerkwjach, дв. ч. cerkwi, cerkwjowu, cerkwjoma.—Встрѣчаются также и другія формы: cerkwej, cerkwja, и по образцу твердыхъ основъ на -a: britwa, drětwa

5) Brožnja (житница), mošnja, studnja въ ВЛ. теряютъ въ имен. п. конечное a: brožeń, móšeń, studźeń; вин. п. brožnju и brożeń,

6) Knjeni и pani, также слѣдующія основамъ на -ja, допускаютъ въ ВЛ. двоякія формы въ род. и вин. п. един. ч.: р. knjenje и knjeni, вин. knjenju и knjeni.

7) Нѣкоторыя имена домашнихъ животныхъ, какъ то husy (ВЛ.), gusy (НЛ.), kruwy (ВЛ.), krowy (НЛ.), kury, swinje, а также и отъ другихъ основъ—konje, wołу представляютъ во множ. ч. своеобразныя формы; именно: род. п. безъ окончанія или на -i, дат. на -om, твор. на -ymi -imi, мѣстн. п. на -och; напр.: р. п. husy, kruw, krow, kur, swiń, koni; д. п. husom, kruwom, krowom, kurom, swinjom, konjom, wołom; тв. п. husymi, kruwymi, krowymi, swinimi, kónimi, wółymi.

8) Žeńska, прилагательное, употребленное въ значеніи существительнаго (жена); въ нѣкоторыхъ падежахъ допускаетъ двоякія

формы: им. žeńska, р. žeńskeje и žeński, д. žeńskej и žeńsce, в. žeńsku, тв. žeńskeju, м. žeńskej и žeńsce, мн. ч. им.-вин. žeńske и žeński, р. žeńskich и žeńskow, д. žeńskim, тв. žeńskimi, м. žeńskich; дв. ч. žeńskej и žéńsce, žeńskeju, žeńskima.

III. Основы на -i.

Женскій родъ.

Въ ВЛ. склоненіе основъ жен. р. на -i во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ имен.-винит. ед. ч., совпадаетъ со склоненіемъ основъ на -ja. (См. выше). Главнымъ остаткомъ древняго склоненія нужно признать оконч. род. мн. -i, которое принимаютъ нѣкоторыя существительныя на ряду съ болѣе обычнымъ -ow; напр.: kosci и kosćow, lodźi, husy; это i проникло и къ настоящимъ основамъ на -ja для обозначенія родительнаго раздѣлительнаго (wjele swini).—Сверхъ того нѣкоторыя имена на c, s удержали еще древнія формы въ род. ед. ч. и имен.-вин. мн. ч.: nocy, wsy.

Въ НЛ. сохранилось исконное окончаніе i въ род. п. ед. ч. и въ имен.-вин. множ., но въ общемъ склоненіе на -i значительно сблизилось со склоненіемъ на -ja. Вліяніе послѣдняго не подлежитъ сомнѣнію въ дат. твор. и мѣстн. п.п. мн. ч.—оканчивающихся на -am, -ami, -ach; напр.: kósćam, kósćami, kósćach. Въ род. мн. также -ow получило перевѣсъ надъ i; послѣднее слышится очень рѣдко; напр. hromadka kósći, do mysli; обыкновенно kósćow, myslow. Въ твор. и мѣстн. ед. ч. и въ формахъ двойств. ч. совпаденіе могло произойти независимо отъ вліянія одного склоненія на другое.

	Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. ч.	
	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.З.	kósć	kósć	kosće	kósći	kosći	kósći
В.	kósć	kósć	kosće	kósći	kosći	kósći
Р.	kosće	kósći	kosći (-ow)	kósćow (-i)	(kosći)	kosćowu
Д.	kosći	kósći	kosćam	kósćam	kosćomaj	kosćoma
Т.	kosću	kósću	kosćami	kósćami	kosćomaj	kósćoma
М.	kosći	kósći	kosćach	kósćach	kosćomaj	kósćoma

Мужескій родъ.

Основы на-і муж. р., какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, перешли въ склоненіе на-jo: puć, puća (ВЛ.), puś, puśa (НЛ.), hołb′, hołbja (ВЛ.), gółub′ или ·gółb′, gólbja (НЛ.), łohć, д. łohću, (ВЛ.), łokś, łokśu (НЛ.), čerw′, ćerwja (ВЛ.), cerw′, cerwja (НЛ.) и т. д.—Скудные остатки утраченнаго склоненія на -і сохранились только во множ. ч. Сюда относится главнымъ образомъ собирательное ludźo (ВЛ. изъ ludźe), luźe (НЛ.), которое склоняется слѣдующимъ образомъ; въ ВЛ. И.З. ludźo, В. ludzi, Р. ludzi Д. ludźom, Т. ludźimi, М. ludźoch; въ НЛ.: И· З.В. luźe, В. luźi и luźe, Д. luźom и luźam, Т. luźimi, М. luźoch и luźach. і въ оконч. твор. п. (ludźimi, luźimi), по мнѣнію Муки, возникло по аналогіи другихъ падежей. Въ ВЛ. такимъ же образомъ измѣняется во множ. ч. hosć: И.З. hosće, hosćo. Р. hosći, Д. hosćom, Т. hosćimi, М. hosćoch. Въ НЛ. также встрѣчается И.В. gosće и gosći. Род. gosći и gosćow, łokśi и łokśow. Въ обоихъ нарѣчіяхъ і въ род. мн. ч. перешло и къ нѣкоторымъ основамъ на -jo; напр.: koni, tolari и др. Въ ВЛ. по образцу hosće измѣняются konje и knježo; Р. knježich (по сложн. скл.), koni, Д. knježom, konjom, Т. knježimi, konimi, М. knježoch, konjoch.

Относившіяся прежде къ склоненію на -і *числительныя имена* большею частью утратили древнія формы. Ближе къ старинѣ стоятъ— **tři, třo** (ВЛ. надо произносить tsji, tsjo), tśi, tśo (НЛ.) и štyri, štyrjo (ВЛ.), styri, styrjo (НЛ.). Формы třo, tśo (= старослав. трьѥ) и štyrjo, styrjo (= старослав. четыре) соединяются только съ личными именами; въ НЛ. склоненіе ихъ послѣдовательно отличается отъ склоненія tśi, styri.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.		НЛ.	
И.	třo	tři	tśo	tśi	štyrjo	štyri	styrjo	styri
В.	třoch	tři	tśoch	tśi	štyrjoch	štyri	styrjoch	styri
Р.	třoch		tśoch	tśich	štyrjoch		styrjoch	styrich
Д.	třom		tśom	tśim	štyrjom		styrjom	styrim
Т.	třomi		tśomi	tśimi	štyrimi (-jomi)		styrjomi	styrimi
М.	třoch		tśoch	tśich	štyrjoch		styrjoch	styrich

Всѣ остальныя числительныя количественныя, начиная отъ 5 до 99, слѣдуютъ образцамъ třo, tři, tśo, tśi, и при соединеніи съ име-

нами личными (rationalia) имѣютъ особую форму на -o; напр.: ВЛ. pjeć, pjećo, šesć, šesćo, sydom, sydomjo, wósom, wósomjo, dźewjeć, dźewjećo, dźeseć, dźesećo, НЛ.—pěś, pěśo, šesć, šesćo, sedym, sedymjo, wósym, wósymjo, źewjeś, źewjeśo, źaśeś, źaśeśo; P. pjecich (ВЛ.), pěśich (НЛ.) Д. pjecim (ВЛ.), pěśim, Т. pjecimi (ВЛ.), pěśimi (НЛ.) и т. д., но и pjecoch, pjecom, pjecomi. У числительныхъ отъ 11 до 19, старослав. десяте (напр. юдинъ на десяте) соотвѣтствуютъ въ НЛ.—śće, -śćo, въ ВЛ- će-ćo, напр. ja(d)nasćo, jědnaće, dwanasćo, dwanaće,-o; отъ 20—до 40 старосл. десяти соотвѣтствуютъ въ НЛ. źasća, въ ВЛ. -cećі, напр.: dwaźasća, dwaceci, tśiźesća, třicećі; отъ 50 до 90 старослав. род. мн. десятъ соотвѣтствуютъ въ НЛ. zaset, въ ВЛ. dźesat; напр. pěśźaset, pjecdźesat.

Всѣ указанныя числительныя могутъ употребляться и какъ несклоняемыя (преимущественно въ народныхъ говорахъ); напр. štyri dubam (ВЛ.), tym tśi dźěćam, tych sedym duchow (НЛ.).

1) *Примѣчаніе.* Для обозначенія 1000 Сербы-Лужичане пользуются нѣмецкимъ словомъ Tausend, которое звучитъ въ ВЛ. tawzynt, въ НЛ. towzynt; впрочемъ, въ литер. верхнелуж. яз. употребляется tysac. Въ НЛ. и для 100—нѣмецкое Hundert.

IV. Основы на согласный.

Относящіяся сюда древнія основы на -n, -s, -t, -w, какъ указано выше, перешли въ другія склоненія. Остатокъ древняго склоненія основъ на согласный представляютъ лишь нѣкоторыя формы един. ч. существ. mać (ВЛ., maś (НЛ.), преимущественно въ ВЛ; въ двойств. и множ. ч. оно вполнѣ слѣдуетъ склоненію на -ja.

	Един. ч.		Множ. ч.		Двойств. ч.	
	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	mać (-ći)	maś	maćerje	maśerje	maćeri	maśeri
З.	maći, (-će)	maś (- i)	maćerje	maśerje	maćeri	maśeri
В.	maćeř(mać)	maś, maśeř	maćerje	maśerje	maćeri	maśeri
Р.	maćerje	maśerje, (-ri)	maćerjow	maśerjow	(maćerow)	maśerjowu
Д.	maćeri	maśeri	maćerjam	maśerjam	maćeromaj	maśerjoma
Т.	maćerju	maśerju	maćerjemi	maśerjami	maćeromaj	maśerjoma
М.	maćeri	maśeri	maćerjach	maśerjach	maćeromaj	maśerjoma

Въ НЛ., въ говорахъ, вм. maś чаще mama, а въ литерат. яз. maś въ косвенныхъ падежахъ обыкновенно звучитъ безъ согласнаго r: Р. Д. М. maśi, Т. maśu.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе прилагательныхъ сохранилось преимущественно въ нарѣчныхъ выраженіяхъ напр.: z wysoka, z mnoha, do naha, ž nowa (ВЛ.), z daloka, z husoka, z ćicha (НЛ.), półtřeća (ВЛ.), połtśeśa (НЛ.), po mału, po redku, zle, bohaće, žoński и др.

Сверхъ того, какъ остатки именного склоненія нужно разсматривать: 1) формы прич. прош. дѣйств. II, напр.: był, było, była, byłi; 2) имен. пп. прилагат.: rad, rado, radźi, raźi, 3) имен. п. сред. р. въ безличныхъ выраженіяхъ, какъ mě jo sopło (НЛ.), to je mało, letsa je mokro (ВЛ.) и др.

Мѣстоименное склоненіе.

I. *Личныя и возвратное мѣстоименія.*

Един. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	ja	ja	ty	ty
В.	mje, mnje	mě, mnjo	će, tebje	śi, tebje
Р.	mnje, mje	mnjo (mě)	tebje	tebje (tebjo)
Д.	mi, mni	mě, mnje(-o)	ći, tebi	śi, tebje
Т.	mnu	mnu	tobu	tobu, tebu
М.	mni	mnje (-o)	tebi	tebje.

Множ. ч.

И.	my	wy
В.	nas	was
Р.	nas	was
Д.	nam	wam
Т.	nami	wami
М.	nas	was

Двойств. ч.

И.	moj(wi)	mej,(mój)	wój	wej,(wój)
Р.В.	naju(naj)	naju	waju,(waj)	waju
Д.Т.М.	namaj	nama	wamaj	wama.

	ВЛ.	НЛ.
В.	so, sebje	se, sebje
Р.	sebje, so	(sebje), se
Д.	sebi, sej	sebje, se
Т.	sobu	sobu
М.	sebi	sebje, (se).

Односложныя формы mje, mi, ći, će, so, sej (ВЛ.), mě, śi, se (НЛ.)—энклитики.

Въ *род. п. ед. ч.* mnje (ВЛ.), mnjo (НЛ.), исчезло основное e, подъ вліяніемъ дат. твор. мѣстн. пп. Параллельныя формы род. mje (ВЛ.), mě (НЛ.) и so (ВЛ.), se (НЛ.)—собственно вин. п., а tebje—дат. п. Въ НЛ. mnjo, tebjo—o образовалось изъ e по общему закону языка.

Въ *дат. п.* НЛ. mě, se собств. винительные падежи, вытѣснившіе энклитич. mi, si. ВЛ. mni, tebi, sebi получили i вм. первичн. ě по аналогіи энклитич. mi, ći; тоже и въ мѣстн. п.; sej возникло изъ si, вѣроятно черезъ посредство sy (т. к. послѣ s гласн. i долженъ былъ звучать y). Настоящія формы *вин. п.*—mje, će, so (ВЛ.) и mě, se (НЛ)—соотвѣтств. старослав. мѧ, тѧ, сѧ. НЛ. śi, по мнѣнію Муки, есть дат. п., вытѣснившій вин. п.; Миклошичъ объясняетъ смѣшеніе формъ близостью выговора e, i (рус. пер. Сравн. Морф. V 723). Mnje, mnjo, tebje, sebje—собственно родительные падежи.

Формы двойств. ч. mój, wój (ВЛ.), mej, wej (НЛ.)—несомнѣнно новообразованія, объясненіе которыхъ представляетъ большія трудности; m въ mój, mej могло возникнуть по аналогіи другихъ падежей.

II. *Мѣстоименія неличныя (измѣняющіяся по родамъ).*

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ или собственно мѣстоименное склоненіе въ серболужицкомъ яз., какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, значительно удалилось отъ праславянскаго типа. Въ ВЛ. оно вполнѣ совпадаетъ со сложнымъ склоненіемъ, чтó объясняется отчасти утратой различія между твердыми и мягкими основами и стремленіемъ къ уподобленію первыхъ послѣднимъ, отчасти вліяніемъ сложнаго склоненія на мѣстоименное. Въ НЛ. еще сохраняются

древнія окончанія въ твердомъ различіи въ род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. муж. и ср. рода (togo, tomu, tom), но за то въ тѣхъ же самыхъ формахъ мягкія основы звучатъ одинаково съ твердыми, вслѣдствіе того, что гласный основы е передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ переходитъ въ о (našoho, našomu, našom). Въ остальныхъ падежахъ един. ч. и во всѣхъ формахъ множ. и двойств. ч. и въ НЛ. мѣстоименное склоненіе совпадаетъ со сложнымъ.

Изъ другихъ особенностей, характеризующихъ мѣстоименное склоненіе, надо отмѣтить слѣдующія: а) у твердыхъ основъ въ твор. п. ед. ч. муж. и ср. р., въ род., дат., твор., мѣстн. п.п. множ. ч., въ дат., твор., мѣстн. п.п. двойств. ч. старослав. ѣ соотвѣтствуетъ y (tym, tych, tym, tymi, tyma(j)), развившееся подъ вліяніемъ мягкихъ основъ или сложнаго склоненія; напротивъ въ им.-вин. двойств. жен. р. старослав. ѣ соотвѣтствуетъ ej, которое въ НЛ. стало общимъ окончаніемъ и для муж.-средн. р. (tej). ср. польск. яз. 465; б) род. и твор. п.п. ед. ч. жен. р. образуются отъ распространенной основы, какъ въ старослав. яз., а не отъ стяженной, какъ въ польскомъ, чешскомъ, сербо-хорватскомъ и словинскомъ: teje, našeje, teju, našeju, но дат., мѣстн. отъ стяженной: tej, našej; в) въ ВЛ. мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. совпадаетъ съ творит.: tym, našim (НЛ. tym, tom, našim, našom); г) имен.-вин. п.п. множ. ч. всѣхъ родовъ, въ твердомъ и мягкомъ различіи представляютъ общее окончаніе -е, свойственное собственно мягкимъ основамъ жен. р.; только въ ВЛ. имен. муж. р. ći при согласованіи съ личными именами.

Основы на -о.

Един. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ. и НЛ.
	Муж.	Ср. р.	Муж.	Ср. р.	Жен. р.
И.	tón	to	ten	to	ta
В.	tón (teho)	to	ten (togo)	to	tu
Р.	teho		togo		teje
Д.	temu		tomu		tej
Т.	tym		tym		teju
М.	tym		tom		tej

Множ. ч.

	ВЛ.		НЛ.	ВЛ. и НЛ.
И.	ći, te	te	te	te
В.	te (tych)	te	te (tych) te	te
Р.		въ обоихъ нарѣчіяхъ для всѣхъ родовъ.	tych	
Д.			tym	
Т.			tymi	
М.			tych	

Двойств. ч.

И.В.	taj tej, ći	tej	tej, ci tej
Р.	teju	teju	teju
Д.Т.М.	tymaj	tyma	tymaj tyma

Указанное различіе между ВЛ. и НЛ., не всегда выдержано въ частныхъ говорахъ; такъ въ мѣстныхъ говорахъ ВЛ. также слышится toho, tomu; наоборотъ и въ НЛ. иногда встрѣчаются tego, temu. Въ обоихъ нарѣчіяхъ въ имен. ед. сред. р. рядомъ съ **to** возможно **te**; напр.: te blido, te wokno.

Tón, ten изъ болѣе древн. **тъ**; ср. чешск. слов. польск. яз.; съ усиленіемъ tu—tón, tón—lej (ВЛ.), toś—ten, tu—ten (НЛ.).

Въ двойств. ч. taj (ВЛ.) соотвѣтств. старослав. **та**; j—приставочное какъ въ дат.. тв.-мѣстн. tymaj. Въ ВЛ. для жен. и ср. р. рядомъ съ tej существуетъ ći (изъ će), соотвѣтств. старослав. **тѣ**.

Въ живой рѣчи конечн. гласн. въ род., дат. ед. ч. муж., ср. р. и род. дв. ч. часто не слышенъ: toh, tom, tej; въ твор. п. ед. ч. жен. р. и въ литерат. яз. ВЛ. tej (вм. teju).

По образцу **tón, ten** склоняются: wšitkon,—wšitka, wšitko мн. ч. wšicy, wsitke (ВЛ.), (w)šyken (НЛ.), štó (ВЛ.), koho, komu, kim, chto (НЛ.), nichto (ВЛ.), nicht (НЛ.), něchto (ВЛ.), něcht (НЛ.), štož (ВЛ.), sam, jedyn (ВЛ.), jaden (НЛ.), žadyn (ВЛ.), žeden (НЛ.), dwaj, wobaj, dwa, hobej (НЛ.). Въ НЛ. сюда относится также: wón, wóna, wóno и tamon, tama, tamo (р. tamogo, tameje).

D w a j, (ВЛ.), dwa (НЛ.), dwe Р. dweju. Д.Т.М. dwěmaj (ВЛ.), dwěma (НЛ); **wobaj**, wobě, Р. wobeju, Д.Т.М. woběmaj. НЛ. hobej, hobeju, hobyma. Вм. dwěju иногда слышится dwu.

Jeden въ ВЛ. теряетъ d: jeno, jene, р. jeneho, jeneje и т. д. въ НЛ.—jadnogo, jadneje.

Въ ВЛ. štó (=кьто) отличается отъ средн. р. što (=чьто) только оттѣнкомъ выговора о и возникло по подражанію формѣ средн. р.; въ сложныхъ словахъ сохраняется органическое chto: něchtó, nichtó. Въ НЛ. всегда chto; мѣст. п. kom; напротивъ въ ВЛ.—обыкновенно kim· Твор. п. двойств. и множ. ч.—kimi, kima.

Основы на -jo.

1.

Един. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж.	Ср. р.	Муж.	Ср. р.	Жен. р.	
И.	naš	naše	naš	našo	naša	
В.	naš	našè	naš	našo	našu	
Р.	našeho		našogo		našeje	
Д.	našemu		našomu		našej	
Т.	našim		našym		našej(u)	našeju
М.	našim		našom		našej	

Множ. ч.

И.	naše	naše	naše	naše	naše
В.	naše		naše	naše	naše
Р.	našich		uašych	našich	našych
Д.	našim		našych	našim	našym
Т.	našimi		našymi	našimi	našymi
М.	našich		našych	našich	našych

Двойств. ч.

И.В.	našej		našej	
Р.	našej		našeju	
Д.Т.М.	našimaj	našyma	našimaj	našyma

2.

Един. ч.

	ВЛ.		НЛ.		ВЛ.	НЛ.
	Муж. р.	Средн. р.	Муж. р.	Средн. р.	Жен. р.	
И.	wón	wóno	wón	wóno	wona	wóna
В.	jón, je	jo	jen, jogo	jo	ju	
Р.	jeho		jogo		jeje	
Д.	jemu		jomu		jej, ji	jej
Т.	nim		nim		njej	njeju
М.	nim		njom		njej	

Множ. ч.

И.	woni	wone	wóni	wone	wóni
В.	je, jich	je	je, jich - je	je	
Р.		jich		jich	
Д.		jim		jim	
Т.		nimi		nimi	
М.		nich		nich	

Двойств. ч.

И.	wonaj	wonej	wónej	wonej	wónej
Р.	jeju		jeju	jeju, jej	jeju
В.	jej jeju	jej	jej, jeju - jej	jej	
Д.Т.М.	jimaj, nimaj		jima, nima	jimaj, nimaj	jima, nima

Имен. п. ед. ч. иногда jón (ВЛ.), jen (НЛ.), jo, но только въ значеніи сказуемаго; напр.: ja som je była (это была я); собственно это вин. п.

Въ *дат.-мѣстн. п. ед. ч. жен. р.* обычная форма jej образовалась черезъ потерю конечнаго i; верхнелужицкое ji (дат. п.) возникло изъ jeji.

Вин. п. ед., множ. и двойств. ч. муж. р.: jeho, jogo, jich, jeju—собств. родительные падежи и употребляются только по отношенію къ

личнымъ именамъ (rationalia). Настоящіе винительные—jón, jen (НЛ.), je, jej, употребляющіеся только при неличныхъ именахъ (irrationalia).

Имен.-вин. мн. ч. ср. р. je, вѣроятно, заимствованъ изъ муж. р.

Приставочное n необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога; напр.: k njemu, pśi njom; иначе оно можетъ и не быть: pŕed jeho durjemi, s jeju nanom.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ ВЛ. (на сѣвер.-западѣ) также допускаются формы joho, jomu, свойственныя собственно НЛ. Въ литерат. яз. встрѣчаются энклитики ho, mu.

По даннымъ образцамъ склоняются: mój, twój, swój, waš, čeji, ničeji, nječeji (ВЛ.), ceji, niceji, něceji (НЛ.), wšón (ВЛ.), (w)šen (НЛ.), što (ВЛ. =что), co (НЛ. СЛ.), něšto (ВЛ.), něco (НЛ.), ničo (ВЛ.), nico (НЛ.), kiž (ВЛ.), kenž (НЛ).

Въ древнѣйшихъ памятникахъ ВЛ. mój, twój, swój часто имѣютъ стяженныя формы: meho, twemu, swem и т. д.; тоже въ чешск. яз.

ВЛ. И. wšón, wšo, wša. В. wšón, wšo, wšu. Р. wšeho, wšeje. Д. wšemu, wšej. Т. wšěm, wšej(u). М. wšem, wšej. Множ. ч. И.В. wše. Р.М. wšech. Д. wšěm. Т. wšěmi.

НЛ. šen, šo, ša. В. (w)šen, (w)šo, (w)šu. Р. (w)šogo, (w)šeje. Д. šomu, šej. Т. wšym, wšeju. М. wšom, wšej. Мн. ч. И.В. še. Р.М. (w)šych. Д. šym. Т. wsymi.

Što (ВЛ.), čeho, čemu, čim (Т.М.); co (НЛ.), cogo, comu, cym, com; въ мужак. г. cego, cemu, cym; въ католич. г. čoho, čomu, čom. Въ ВЛ. вм. što часто čo: na čo, za čo, wo čo; co соотвѣтств. старославян. чсо.

Древнее сь еще удержалось въ dzeńsa, letsa (ВЛ.), źins, źinsa (НЛ.)

Kenž несклоняемо.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе близко совпадаетъ съ мѣстоименнымъ, что объясняется главнѣйше взаимнымъ вліяніемъ одного склоненія на другое. Замѣчанія, сдѣланныя относительно формъ польскаго сложнаго склоненія (469—471), сохраняютъ свою силу и для серболужицкаго, которое весьма сходно съ польскимъ. Различіе между ВЛ. и НЛ. очень незначительно.

Твердыя основы.

Един. ч.

	ВЛ. Муж. р.	ВЛ. Ср. р.	НЛ. Муж. р	НЛ. Ср. р.	ВЛ. Жен. р.	НЛ. Жен. р.
И.	dobry	dobre	dobry	dobre	dobra	
В.	какъ И.Р.	dobre	какъ И.Р.	dobre	dobru	
Р.	dobreho		dobrego		dobreje	
Д.	dobremu		dobremu		dobrej	
Т.	dobrym		dobrym		dobrej(u)	dobreju
М.	dobrym		dobrem		dobrej	

Множ. ч.

	ВЛ.		НЛ.	Жен. р.
И.	dobri	dobre	dobre	dobre
В.	dobre		dobre	dobre
Р.	dobrych		dobrych	dobrych
Д.	dobrym		dobrym	dobrym
Т.	dobrymi		dobrymi	dobrymi
М.	dobrych		dobrych	dobrych

Двойств. ч.

	ВЛ.		НЛ.	ВЛ. Жен. р.	НЛ. Жен. р.
И.В.	dobraj	dobrej	dōbrej	dobrej	
Р.	dobrej(u)		dobreju	dobrej(u)	dobreju
Д.Т.М.	dobrymaj		dobryma	dobrymaj	dobryma

Мягкія основы.

Един. ч.

	ВЛ. Муж. р.	ВЛ. Ср. р.	НЛ. Муж. р.	НЛ. Ср. р.	ВЛ. Жен. р.	НЛ. Жен. р.
И.	třeći	třeće	tśesi	tśeśe	třeća	tśeśa
В.	какъ И.Р.	třeće	какъ И.Р.	tśeśe	třeću	tśeśu
Р.	třećeho		tśeśego		třećeje	tśeśeje(-śej)
Д.	třećemu		tśeśemu		třećej(i)	tśeśej
Т.	třećim		tśeśim		třećej(u)	tśeśeju
М.	třećim		tśeśem		třećej(i)	tśeśej

Множ. ч.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
И.	třeći třeće	tšeše	třeće	tšeše
В.	какъ Р. třeće какъ И.Р.	tšeše	třeće	tšeše
Р.	třećich	tšešich	třećich	tšešich
Д.	třećim	tšesim	třećim	tšešim
Т.	třećimi	tšešimi	třečimi	tšešimi
М.	třećich	tšešich	třećich	tšešich

Двойств. ч.

И.В.	třećej	tšešej	třećej	tšešej
Р.	třećeju (-ćej)	tšešeju	třećeju (-ćej)	tšešeju
Д.Т.М.	třecimaj	tšešima	třecimaj	tšešima.

При соединеніи съ личными именами муж. р. винит. п. всѣхъ чиселъ выражается съ помощью родит. п.

Имен. п. мн. ч. муж. р. сохраняетъ свое настоящее окончаніе -i только въ ВЛ. и при согласованіи съ личными именами. Иначе вездѣ именит. п. замѣняется формой винит. п. на -e. Передъ i согласные подвергаются обычнымъ измѣненіямъ: bohaći, chudźi, wysocy, drozy, но suchi.

Въ имен.-вин. двойств. ч. различіе между муж. и сред.-жен. р. наблюдается только въ ВЛ., притомъ лишь у твердыхъ основъ: dobraj dobrej. Въ народныхъ говорахъ для жен.-сред. р. встрѣчается оконч. -i: dobri (любійск. г., также у Ворѣха, Бранцеля).

Въ мѣстныхъ говорахъ встрѣчаются формы род., дат., мѣст. п.; муж.-сред. р. на -oho, -ogo, -omu, -om: dobrogo, dobromu и т. д., также dobro, вм. dobre. Въ западныхъ говорахъ послѣ b, p, w, m, ł вм. e вообще слышится -o; напр. nowo, nowoj.

По сложному склоненію измѣняются не только прилагательныя, но многія мѣстоименія; напр.: wóny, tamy, samy, hewy (ВЛ.), kótary kotery (НЛ.), kotry (ВЛ.), chtery (мужак. г.), někotary (НЛ.), někotry (ВЛ.), wótery, taki (НЛ.), tajki (ВЛ.), kaki (НЛ.), kajki (ВЛ.), (w)šaki (НЛ.), wšelaki (ВЛ.), drugi (НЛ.), druhi (ВЛ.), młogi (НЛ.), mnohi (ВЛ.), kuždy (НЛ.), koždy (ВЛ.) и др. Сюда же относятся числительныя порядковыя: přeni (ВЛ.), prjedny (НЛ.), drugi(-hi), třeći (ВЛ.), tšeši (НЛ.), štwórty (ВЛ.), stwórty (НЛ.), pěty (НЛ.), pjaty (ВЛ.), šosty

(НЛ.), šesty (ВЛ.), sedymy (НЛ.), sydmy (ВЛ.), wósymy (НЛ.), wósmy (ВЛ.), źewjety (НЛ.), dźewjaty (ВЛ.), źasety (НЛ.), dźesaty (ВЛ.), dwaźasty (НЛ.), dwacety (ВЛ.), hunderty (НЛ.), stoty (ВЛ.), towzynty (НЛ.), tysačny (ВЛ.).

Прилагательныя bósy, kóžy, ryzy, pěšy (НЛ.), pěši (ВЛ.) несклоняемы; напр. sbósy nogoma; также заимствованныя изъ нѣмецкаго: fajn, fryj, hejgen.

Примѣчаніе. Сравнительная степень прилагательныхъ образуется (какъ въ другихъ слав. яз.) посредствомъ двоякихъ суффиксовъ: 1) -jšy (НЛ.), jši (ВЛ.) и 2) -jejšy (НЛ.), -iši (ВЛ.); напр.: suchy—suššy (НЛ.), sušši (ВЛ.), běły—běłšy (НЛ.), běłši (ВЛ.), chudy—chudšy (НЛ.), khudši (ВЛ.), žolty—žołšejšy (НЛ.), žołćiši (ВЛ.), śopły—śoplejšy (НЛ.), ćopły—ćopliši (ВЛ.), wysoki—wyšši (ВЛ.), husoki—huššy (НЛ.).— Сравнительная степень отъ другихъ основъ: dobry—lěpšy (НЛ.), lěpši (ВЛ.), zły—góršy (НЛ.), hórši (ВЛ.), wjelki—wětšy (НЛ.), wulki—wjetši (ВЛ.); mały—mjenšy (НЛ.), mjenši (ВЛ.), dłujki—dlejsy (НЛ.), dołhi—dlěši (ВЛ.).

Превосходная степень образуется черезъ прибавку частицы naj (ВЛ.), nej (НЛ.) къ началу сравнительной степени: najlěpši, nejlěpšy.

Б. Спряженіе.

Спряженіе въ серболужицкомъ языкѣ представляетъ значительное количество остатковъ старины, уже исчезнувшихъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ. Сюда относятся: 1) формы двойственнаго числа; 2) достигательное наклоненіе (ВЛ.); 3) прошедшія простыя (преходящее и аористъ); 4) прошедшія сложныя и другія описательныя формы. Болѣе всего потерь, понесенно языкомъ въ области причастныхъ формъ.

Неопредѣленное и достигательное наклоненія.

Старослав. ти соотвѣтствуетъ въ ВЛ. ći въ НЛ. -śi, но такъ какъ конечное i обыкновенно исчезаетъ, то неопредѣленное накл. чаще всего оканчивается въ ВЛ.. на -ć, въ НЛ., на -ś; напр.: brać, braś, pić, piś, pisać, pisaś. Послѣ s (первичнаго или изъ z, t, d) и въ НЛ. ć njasć, pasć, lěsć, mjasć, kwisć. Сочетанія корневыхъ гортанныхъ съ

t окончанія превращаются въ c: pjec (ВЛ.), pjac (НЛ.), móc, syc (ВЛ.), sec (НЛ.).—Въ старомъ языкѣ и въ мѣстныхъ говорахъ еще сохраняется конечное i: byśi, daśi, daći, činići.

Достигательное наклоненіе (или супинъ) въ ВЛ. уже вышло изъ употребленія и всегда замѣняется неопредѣленнымъ наклоненіемъ; но въ НЛ. доселѣ живетъ и необходимо послѣ глаголовъ, означающихъ движеніе. Оно сохраняетъ древнее окончаніе t, которое только въ соединеніи съ гортанными превращается въ c: brat, kupowat, palit, pjac.

Причастныя формы.

Причастіе настоящ. вр. дѣйств. зал. представляетъ слѣдующія основныя окончанія: 1) -ucy, -uca, -uce (соотв. старослав. -ѫщє) jecy, -jeca, -jece (НЛ.) или -jacy, -jaca, -jace (ВЛ.), соотвѣтств. старослав. ѧщє); напр.: pletucy,—ca,—ce, znajucy,—ca, ce, chwalecy,—ca,—ce (НЛ.), khwalacy,—ca,—ce (ВЛ.). Первое собственно свойственно глаголамъ I, II, III, V классовъ, второе—глаголамъ IV класса. Это различіе, впрочемъ, выдерживается послѣдовательно только въ НЛ. Въ ВЛ., какъ въ литерат. яз., такъ въ мѣстныхъ говорахъ оконч. -jacy принимаютъ и глаголы I, II, III и V кл.: plećacy, pijacy, wuknjacy. Кромѣ того здѣсь рядомъ съ оконч. -jacy весьма употребительно оконч. -icy, первоначально усвоенное, вѣроятно, глаголами IV кл.; напр.: khwalicy, pijicy, njesycy, dźěłajicy.—Формы на -cy въ ВЛ. всегда склоняются; напротивъ въ НЛ. онѣ нерѣдко несклоняемы и употребляются въ значеніи дѣепричастій; напр.: duša bužo chwalecy a źěkujucy spiwaś (Мука). Въ ВЛ. въ значеніи дѣепричастія (герундія) употребляется особая форма на -jo (соотвѣтств. старосл. ѧ, -ѫ), возможная для глаголовъ всѣхъ классовъ; напр.: bjerjo, wuknjo, wjedźo, khwalo, jedźo.—Наконецъ, нужно отмѣтить встрѣчающееся въ старомъ яз. нижнелуцкое нарѣчіе на -no, имѣвшее значеніе дѣепричастія: bijucyno, płokucyno и т. п.

Причастіе прошед. вр. дѣйств. з. I. сохранилось только въ ВЛ. и части СЛ; оно представляетъ только несклоняемыя формы на -ši, -ša, -še (когда основа неопредѣленнаго оканчивается на согласный) или на -wši, -wša, -wše (когда основа неопредѣленнаго оканчивается на гласный), которыя употребляются въ значеніи дѣепричастій; напр. pjekši, pletši, brawši, jědši.

Причастіе прошед. вр. дѣйств. з. II образуется отъ основы неопредѣленнаго накл. совершенно такъ, какъ въ старослав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія: Ед. ч. -ł, -ła, ło. Мн. ч. НЛ. -łi (для всѣхъ родовъ), ВЛ. -łi (для муж. р. личн. именъ) -łe (муж. р. неличныя имена, жен. и ср.). Двойст. ч.—łoj, łej (ВЛ.), łej (НЛ.; напр.: pletł, pletła, pletło, pletłi, pletle (ВЛ.), pletłoj (ВЛ.), pletlej (НЛ.).

Причастіе прошед. вр. страд. з. употребляется только въ опредѣленной или членной формѣ; т. е. оканчивается на -ty (-ta, -to) или на -ny (-na, -no) и измѣняется какъ обыкновенное прилагательное. Относительно образованія этихъ формъ и пользованія тѣмъ или другимъ окончаніемъ серболужицкій языкъ слѣдуетъ старославянскому и другимъ славянскимъ языкамъ; jaty (ВЛ.), jěty (НЛ.) hnuty (ВЛ.), gnuty (НЛ.), zakryty, plećeny (ВЛ.), pleśony (НЛ.), khwaleny (ВЛ.), chwalony (НЛ.) и др.

Причастіе настоящ. вр. страд. з. исчезло. Нѣкоторый слѣдъ его представляютъ въ ВЛ. прилагательныя: swědomy, wědomy, widomy, znajomy; въ НЛ. выраженіе wědome scyniś. Впрочемъ въ ВЛ. вм. znajomy говорятъ znajomny.

Личныя окончанія.

I. *Окончанія настоящаго времени и повелительнаго наклоненія (полныя).*

Един. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -мь, -ѫ (гласн. + м), ѭ	1 л. -m, -u
2 л. -си, -ши (=хи=си)	2 л. š
3 л. тъ	3 л. —

Множ. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -мъ	1 л. -my
2 л. -те	2 л. -će (ВЛ.), -śo (НЛ.), -će, ćo (СЛ.)
3 л. -ѫтъ, -ѧтъ, атъ	3 л. -u, -ja (ВЛ.) -u, -je (НЛ.)

Двойств. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -вѣ	1 л. -moj, -mój (ВЛ.) -męj (НЛ. СЛ.)
2 л. -та	2 л. -taj, -tęj (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)
3 л. -те	3 л. -taj, -tęj (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)

1-е лицо един. ч. представляетъ двоякое окончаніе: -m и -u Окон. -m, свойственное собственно т. н. архаическимъ глаголамъ, въ НЛ. перешло къ глаголамъ всѣхъ другихъ классовъ и исключительно господствуетъ какъ въ литературномъ языкѣ, такъ въ народныхъ говорахъ: wěm, pleśom, njaśom, palim, źěłam; только изрѣдка слышны cu, mogu, deru рядомъ съ com, móžom, derbim. Въ ВЛ. большею частью удержалось древнее -u (соотвѣтств. старослав. ж): pletu, njesu, palu; -m имѣютъ, кромѣ архаическихъ глаголовъ, только глаголы съ основой неопредѣленнаго на -a (V кл.) dźěłam.

2-е лицо един. ч. Древнее окончаніе si удержалось только у существительнаго глагола: sy. Въ НЛ. также употребительно wěs рядомъ съ wěš. Остальные архаическіе глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе š (изъ болѣе древняго ši): daš, ješ, pališ, njeseš (ВЛ.), njasoš (НЛ.).

3-е лицо един. ч. Исконное t совсѣмъ утрачено: pleće, (ВЛ.), pleśo (НЛ.), je (ВЛ.), jo ((НЛ.), wě, jě, da, dźěła (ВЛ.), źěła (НЛ.), pali.

1-е лицо множ. ч. Обыкновенное окончаніе -my; оно возникло вм. древняго и органическаго -m (=мъ) первоначально у глаголовъ, имѣющихъ -m въ 1 л. един. ч., вслѣдствіе стремленія языка къ дифференціаціи формъ, а потомъ распространилось и на всѣ другіе глаголы; напр. palimy, damy. Утвержденію этого окончанія способствовало его совпаденіе съ соотвѣтствующимъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. -my. Въ мѣстныхъ говорахъ иногда слышны -mě (гродецк. г., степн. г.), -mó (катол. г.), -mu (коморов. г., вейерецк. г.), что̀ объясняется свойствомъ этихъ говоровъ произносить y (послѣ губныхъ) близко то къ e, то къ -ó, то къ u; напр.: mě, smě, mó, tamó, mu, tamu.

2-е лицо множ. ч. Древнее те превратилось согласно звуковымъ законамъ серболужицкихъ нарѣчій въ -će (ВЛ.) и śo (НЛ.): pijeće, pijeśo. Въ СЛ. -ćo; но въ мужак. г. -će: pijaćo, pijeće. Встарину въ НЛ. было śe (Якубица, Мегиверъ).

3-е лицо множ. ч. Исконное t исчезло уже въ доисторическую пору; -u соотвѣтствуетъ праслав. и старослав. ѫ, -ja (ВЛ.) и -je (НЛ.)— праслав. и старослав. -ѧ: pletu, njesu (ВЛ.) njasu (НЛ.), dźěłaju (ВЛ.), źěłaju (НЛ.), pala (ВЛ.), pale (НЛ.), leća (ВЛ.), leśe (НЛ.).

1-е лицо двойств. ч. Окончанія moj, mój (ВЛ.) и mej (НЛ. и СЛ.) возникли, вѣроятно, по аналогіи 1 л. мн. ч.; напр. plećemoj (ВЛ.), pleśomej (НЛ.), dźěłamoj (ВЛ.), źełamej (НЛ.). Древнее органическое окончаніе, соотвѣтствующее старослав. вѣ, сохранилось въ нѣкоторыхъ говорахъ ВЛ. (любійск., горн. гов.) въ видѣ -wi (муж. р.), -wje жен.-средн. р.): budźewi, budźewje.

2 и 3 лица двойств. ч. Въ ВЛ. различаются роды: -taj для (муж. р.), -tej для (жен. и средн. р.); въ НЛ. и СЛ.—для всѣхъ родовъ -tej; taj и tej одинаково восходятъ къ болѣе древнему та; въ НЛ. tej могло возникнуть по аналогіи mej; напр: plećetaj, plećetej (ВЛ.), pleśotej (НЛ.), dźěłataj, dźěłatej (ВЛ.), źěłatej (НЛ.).

II. *Окончанія прошедшихъ временъ (усѣченныя).*

Един. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. ъ (м)	1 л. —
2 л. — (с)	2 л. —
3 л. — (т)	3 л. —

(Согласные отпали.)

Множ. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -мъ	1 л. -my
2 л. -те	2 л. -će (ВЛ.) -śo (НЛ).
3 л. -ѧ, ѫ (гласн.+нт)	3 л. -u

Двойств. ч.

Старослав. яз.	Серболужиц. яз.
1 л. -вѣ	1 л. -moj (ВЛ.) -mej (НЛ.)
2 л. -та	2 л. -taj, -tej (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)
3 л. -те	3 л. -taj, -tej (ВЛ.) -tej (НЛ. СЛ.)

Въ един. ч. личныя окончанія исчезли не только во 2 и 3 л., какъ въ старослав. яз., но и въ 1 л., которое въ старослав. яз. еще сохраняло слѣдъ личнаго окончанія въ ъ (реко-х-ъ=реко-х-ом *), уже

исчезнувшемъ въ серболужицкомъ яз. согласно общему фонетическому закону. Тоже самое въ сербохорватскомъ и болгарскомъ языкахъ. Въ двойств. ч. и 1—2 лл. множ. ч. окончанія тѣже, что въ настоящемъ времени. Уклоненія ихъ отъ древняго типа (сохраненнаго преимущественно въ старослав. яз.) объясняются такимъ же образомъ, какъ отступленія отъ старины въ окончаніяхъ настоящ. вр. Равнымъ образомъ и частныя діалектическія особенности здѣсь тѣже; напр. въ 1 л. мн. ч.—возможны кромѣ общераспространеннаго -my, также -me, -mo, -mó; въ двойств. ч. кромѣ moj, mej въ ВЛ. -wi, -wej. —3-е лицо множ. ч. представляетъ какъ въ преходящемъ, такъ въ аористѣ одно окончаніе -u, свойственное собственно преходящему (-chu=хѫ). Примѣры. Преход. ВЛ. pijach, piješe, pijachmy, piješće, pijachu, Дв. ч. pijachmoj, piještaj, piještej. НЛ. pijach, pijašo, pijachmy, pijašćo, pijachu, pijachmej, pijaštej. Аористъ: ВЛ. wupich, wupi, wupichmy, wupišće, wupichu, wupichmoj, wupištaj, wupištej, НЛ.: hupich, hupi, hupichmy, hupišćo, hupichu, hupichmej, hupištej.

Настоящее время.

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ т. н. архаическихъ глаголовъ (sym (ВЛ.), som (НЛ.), wěm, jěm, dam) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: -e (-o), -i, -a; напр.: płećeš, pališ, dźełaš. Отсюда и въ серболужицкомъ, какъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, всѣ глаголы удобно подводятся подъ три главныхъ спряженія.

Въ ВЛ. гласн. e (праслав. происхожд.) выступаетъ во всѣхъ формахъ, за исключеніемъ 1 л. един. ч. и 3 л, множ. ч., гдѣ замѣняющее его древнее o скрывается въ окончаніи -u (=ѫ=om, on): plećeš, pleće, plećemy, но pletu. Въ НЛ. -e переходитъ въ мягкое -o (-jo, ср. 607) во всѣхъ формахъ кромѣ 2 л. мн. ч.: pleśom, pleśoš, pleśo, pleśomy, pleśeśo, pleśomej, pleśotej. Въ мужак. г. и въ 1 л. -em: plećem; 3 л. мн. ч. здѣсь образуется отъ распространенной основы -eje: plećeja.

Гласн. -i—праслав. происхожденія; онъ выступаетъ во всѣхъ формахъ за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ., гдѣ превращается въ j, вызывающій смягченіе предшествующаго согласнаго; старослав. ѭ соотвѣтств. -ju, старослав. ѧ -ja (ВЛ.) и je (НЛ.); въ НЛ. выступаетъ -i и въ 1 л.

ед. ч.; напр. palim (НЛ.), palu (ВЛ.), pališ, palimy, pala (ВЛ.), pale (НЛ.).

Гласн. a, какъ въ большей части славянскихъ языковъ, образовался чрезъ стяженіе изъ первичн. aje: dźěłam (ВЛ.), źěłam (НЛ.), dźěłaš, źěłaś и т. д.; нестяженная форма только въ 3 л. мн. ч.: dźěłaju (ВЛ.), źěłaju (НЛ.), діалект. dźěłaja (муж. г.), dźěłaje (вост. гов. СЛ.).

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе продставляетъ особыя формы во 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. множ. и двойств. ч.; 3-е л. въ двойств. ч. встрѣчается очень рѣдко и совпадаетъ со 2 л., въ един. ч. иногда совпадаетъ съ 2 л., но чаще выражается описательно, а во множ. ч. всегда замѣняется описательнымъ оборотомъ. Въ един. ч. личныя окончанія (какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли, а во множ. и двойств. ч. тѣже, что и въ наст. вр. Основа оканчивается всегда на -i; древнее ѣ, свойственное многимъ глаголамъ въ старослав. и чешск. яз., уже не существуетъ, оно вездѣ, замѣнено -i, которое собственно принадлежитъ основамъ настоящаго на -i; напр. dźi, dźiće, dźitej (ВЛ.), źi, źiśo, źitej (НЛ.).

Впрочемъ, -i обыкновенно исчезаетъ, какъ въ польскомъ, чешскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, лишь оставляя послѣ себя слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго; напр.: pleć, plećmy, plećće, plećmoj, plećtaj (ВЛ.) pleś, pleśmy, pleśćo, pleśmej, pleśtej (НЛ.), njes (ВЛ.), njas (НЛ.), plač (ВЛ.), plac (НЛ.), piš, pišmy и т. д. i сохраняется: 1) когда оно является единственнымъ гласнымъ въ словѣ; напр. spi, spimy; 2) у многосложныхъ основъ, при накопленіи согласныхъ, при чемъ чаще въ НЛ., чѣмъ въ ВЛ.; напр. wezmi, wezmiśo (НЛ.) hobmysli (НЛ.), hukni, huknimy (НЛ.), wukń, wuk(ń)my (ВЛ.). Послѣ гласныхъ -i переходитъ въ -j: pij, pijmy.

3-е лицо един. и множ. ч. обыкновенно передается описательно посредствомъ настоящ. вр. въ соединеніи съ част. njech (ВЛ.) и daśi, daś (НЛ.); напр. njech bjeru, njech pletu (ВЛ.), daśi bjeru, daśi pletu (НЛ.), njech dźěła (ВЛ.), daśi źěła (НЛ.). Njech (какъ въ другихъ слав. яз.) собственно повелительное н. отъ njechati; daśi= =da śi (śi — энклитич. дат. п.—ti) и соотвѣтствуетъ старослав. да

да видятъ. Въ ВЛ. njech можетъ соединяться со всѣми лицами изъявительнаго н.

Преходящее и аористъ.

Сохраненіе прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста), утраченныхъ другими сѣверо-западными славянскими языками, составляетъ любопытную особенность серболужицкаго языка, сближающую его съ языкомъ старославянскимъ, болгарскимъ и сербохорватскимъ. Обыкновенно глаголы допускаютъ одно изъ двухъ прошедшихъ: преходящее свойственно только глаголамъ несовершеннаго и многократнаго видовъ, аористъ только глаголамъ совершеннаго вида. Въ общемъ аористъ и преходящее не въ такой степени различаются между собою какъ въ старославянскомъ языкѣ. Въ отношеніи окончаній оба времени совпадаютъ во всѣхъ формахъ за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч., при чемъ главнымъ образомъ преходящее повліяло на аористъ. Различіе касается болѣе всего образованія того и другого времени: аористъ происходитъ отъ основы неопредѣленнаго, преходящее большею частью отъ основы настоящаго; но часто и основы того и другого времени оказываются сходными, преимущественно вслѣдствіе уподобленія аориста преходящему.

Преходящее сравнительно со старославянскимъ представляетъ слѣдующія особености: 1) примѣтами преходящаго служатъ только однозвучные гласные суффиксы -je и a (ja), между тѣмъ въ старослав. яз. также и двузвучные (ѣа, аа, ꙗа и ѣ, а, ꙗ); напр. plećech (ВЛ.), pleŝech (НЛ.), старослав. плетѣахъ и плетѣхъ, płakach старослав. плакаахъ и плакахъ; je (e) соотвѣтствуетъ старослав. ѣа, (ѣ); a, ja—старослав аа (а), ꙗа[1]) (ꙗ); 2) согласная примѣта времени х сохраняется въ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. (-ch, -chmy, -chmoj, chmej, -chu), а во всѣхъ остальныхъ формахъ переходитъ въ ŝ (-ŝe, ŝće (ВЛ.), ŝćo (НЛ.), ŝtaj, ŝtej); 3) въ 1 л. мн. ч. окончаніе соединяется съ характеромъ времени (ch) безъ посредства гласнаго звука -chmy, старослав.—хомъ ср. болгар. хме, серб. смо[2]); 4) оконч. 3 л. множ. ч. -chu соотвѣтствуетъ старо-

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать что иногда и старослав. ꙗа возникло изъ болѣе древняго ѣа; напр. твораахъ слоужаахъ.

[2]) Быть можетъ и въ приведенныхъ суффиксахъ, начинающихся съ ŝ (ŝće, ŝtaj и др.) можно видѣть исчезновеніе древняго е, ср. старослав.—шете, шета, (любляашете), хотя, возможно, что это суффиксы аориста, въ которыхъ s перешло въ ŝ какъ въ другихъ случаяхъ.

слав. жд; 5) конечное e въ 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч. въ НЛ. переходитъ въ -o: pisašo, pisašćo.

Окончанія преходящаго.

ВЛ.

	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1 л.	-(j)ech,	-ach	-(j)echmy,	-achmy	-(j)echmoj (-ej),	-achmoj
2 л.	-(j)eše,	-aše	-(j)ešće,	-ašće	-(j)eštaj (-ej),	-aštaj
3 л.	-(j)eše,	-aše	-(j)echu,	-achu	-(j)eštaj (-ej),	-aštaj

НЛ.

	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1 л.	-(j)ech,	-ach	-(j)echmy,	-achmy	-(j)echmej,	-achmej
2 л.	-(j)ešo,	-ašo	-(j)ešćo,	-ašćo	-(j)eštej,	-aštej
3 л.	-(j)ešo,	-ašo	-(j)echu,	-achu	-(j)eštej,	-aštej.

ВЛ. plećech, plećeše, plećeše, plećechmy, plećešće, plećechu, plećechmoj, plećeštaj (-tej).

НЛ. pleśech, pleśešo, pleśeše, pleśechmy, pleśešćo, pleśechu, pleśechmej, pleśeštej.

Преходящее образуется отъ основы неопредѣленнаго лишь тогда, когда послѣдняя оканчивается на -a: kupowach, znajach.

Аористъ сохранился (какъ въ болгарскомъ и сербо-хорватскомъ яз.) только въ одной формѣ аориста сложнаго или сигматическаго. Онъ образуется отъ основы неопредѣленнаго, при чемъ основы, оканчивающіяся на гласный принимаютъ характеръ времени ch или его замѣну š безъ помощи соединительнаго гласнаго, а основы, оканчивающіяся на согласный, пользуются соединительнымъ гласнымъ e; напр. wupich, wupi, wupišće (ВЛ.), hupich, hupi, hupišćo (НЛ.), splećech, splеće, splećešće (ВЛ.), spleśech, spleśe, spleśešćo (НЛ.). У глаголовъ, принимающихъ соединительный гласный, e свойственное собственно 2 и 3 л. ед. ч., вытѣснило древнее -o изъ другихъ формъ (старослав. плетохъ, серб. плетох), вслѣдствіе чего аористъ у многихъ глаголовъ совпалъ съ преходящимъ. Въ старомъ НЛ. литературномъ яз. вм. мягкаго e по общему закону этого нарѣчія употреблялось -jo: sple-

śoch, spleśo, spleśochmy и т. д., но въ современномъ языкѣ опять возобладало e: spleśech и т. д. Окончанія, за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч. тѣже, что въ преходящемъ; въ 3 л. мн. ч. -chu издавна заимствовано изъ преходящаго.

Окончанія аориста.

ВЛ.

	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1 л.	—ch	—ech	—chmy	—echmy	—chmoj	—echmoj
2 л.	—	—e	—śće	—eśće	—štaj (-štej)	—eštaj (-eštej)
3 л.	—	— e	—chu	—echu	—štaj (-štej)	—eštaj (-eštej)

НЛ.

Ед. ч.	1 л.	-ch	-ech	Мн. ч.	-echmy, -chmy	Дв. ч.	-chmej,	-echmej
	2 л.	-	-e		-śćo, -eśćo		-štej,	-eštej
	3 л.	-	-e		-chu, -echu		-štej,	-eštej.

ВЛ. wupich, wupi, wupi, wupichmy, wupiśće, wupichu, wupichmoj, wupištaj (-tej), wupištaj (-tej).

НЛ. hupich, hupi, hupi, hupichmy, hupiśćo, hupichu, hupichmej, hupištej, hupištej.

ВЛ. splećech, splеće, splеće, splećechmy, splećeśće, splećechu, splećechmoj, spleceštaj (-tej), spleceštaj (-tej).

НЛ. spleśech, śpleśe, spleśe, spleśechmy, spleśeśćo, spleśechu, spleśechmej, spleśeštej, spleśeštej.

Въ ВЛ говорахъ (любійск. будышин. горн.) (j)e переходитъ въ i (или y послѣ твердыхъ дыхательныхъ) во всѣхъ формахъ преходящаго и во всѣхъ формахъ аориста за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч. напр. прех. plećich, njesych, wuknich; аор. — wumrich, но wumrje.

Прошедшія сложныя.

Кромѣ прошедшихъ простыхъ, сербо-лужицкому языку свойственны прошедшія сложныя.

Прошедшее совершенное (Perfectum) состоитъ изъ причастія прошедшаго дѣйств. II и настоящ. вр. глагола sym (ВЛ) или som (НЛ); напр. ВЛ. som pletł, pletła, pletło, sy pletł, a, o, je pletł, a, o, smy pletli, e, sće pletli, -e, su pletli, e, smój pletłoj, -lej, staj

(stej) pletłoj (pletlej) НЛ. som pletł, a, o, sy pletł, a, o, jo pletł, a, o, smy pletli, sćo pletli, su pletli, smej pletłej, stej pletłej.

Давнопрошедшее (Plusquamperfectum) состоитъ изъ причастія прошедшаго дѣйств. II и преходящаго глагола być (ś); напр. běch pletł, běchu pletli. Въ НЛ вм. преходящаго нерѣдко прошедшее совершенное; напр. som był pletł. Въ ВЛ. давнопрошедшее вр. часто выражается аористомъ. Прошедшее совершенное иногда, особенно въ НЛ народн. яз., замѣняетъ прошедшія простыя, преходящее и аористъ.

Будущее время.

Будущее время выражается: 1) у глаголовъ совершеннаго вида посредствомъ настоящаго; напр. skoču, pojědu; 2) у глаголовъ несовершеннаго вида соединеніемъ неопредѣленнаго н. съ настоящимъ глаг. budu (въ НЛ. также bużom); напр. budu brać (ВЛ.), budu braś (НЛ.).

Въ ВЛ. для обозначенія будущаго вр. иногда служитъ настоящее в. глагола hić: ja du vidźeć.

Иногда описательная форма съ budu допускается и у глаголовъ совершеннаго вида; напр. budu zahinuć. Встрѣчающіяся въ ВЛ и НЛ. формы въ родѣ budu być (ś), budźe być слѣдуетъ считать германизмами.

Условное наклоненіе.

Условное наклоненіе настоящаго вр. выражается соединеніемъ причаст. прош. дѣйств. II съ аористомъ bych; напр. ja bych pletł, a, o, ty by pletł, a, o, my bychmy pletłi (-le), wy byśće pletli, -e, woni bychu pletli, -e, mój bychmoj pletłoj (-łej), wój byštaj (-ej) pletłoj, -ej, wonaj (-nej) byštaj (-tej) pletłoj (-łej). Въ НЛ. bych не спрягается, а во всѣхъ лицахъ и числахъ употребляется неизмѣняемое by; напр. ja by pletł, ty by pletł, my by pletli и т. д.

Прошедшее время передается соединеніемъ причастія прош. дѣйств. II 1, съ преходящимъ глагол. budu т. е. съ budźech (ВЛ.) или bużach (НЛ); напр. budźech pletł, bużach pletł; 2, съ běch въ ВЛ. и съ условнымъ настоящ. вр. глаг. być въ НЛ.; напр. běch pletł (ВЛ.), ja by był pletł. Иногда by опускается, особенно при вспомогательныхъ глаголахъ: kśěś (НЛ.), chcyć (ВЛ.), móc, dejaś (НЛ.), dyrbjeć (ВЛ.).

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ выражается, какъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: 1) соединеніемъ дѣйств. зал. съ возвратнымъ мѣстоименіемъ so (ВЛ), se (НЛ): напр. słyši so, słyšy se; 2) соединеніемъ причастія прошед. страд. съ глаголомъ существительнымъ sym (ВЛ), som (НЛ) ja sym (som) bity, ja bych bity, ja budu pytany.—Сверхъ того въ НЛ рядомъ съ som употребляется заимствованное изъ нѣмецкаго wordowaś или hordowaś (werden): ja horduju lubowany. Ty wordujoš pytany.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы.

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ времени не принимаютъ особаго гласнаго времени, а присоединяютъ окончанія непосредственно къ конечному согласному корня относятся: sym (ВЛ), som (НЛ), dam, wěm, jěm.

1. Существительный глаголъ.

Основа jes.

Настоящее.

		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.
Ед. ч.	1.	sym	som	Мн. ч.	smy	smy	Дв. ч.	smój	smej
	2.	sy	sy		sće	sćo		staj (stej)	stej
	3.	je	jo		su	su		staj (stej)	stej

Начальное je основы удержалось только въ 3 л. ед. ч.—Гласный въ sym, som—вставочный звукъ.—Во 2 л. ед. ч. y обусловлено твердостью s; въ 3 л. ед. ч. s основы исчезло вмѣстѣ съ окончаніемъ (t).

Свойственное ВЛ. причастіе настоящее sucy теперь вышло изъ употребленія.

Остальныя формы существительнаго глагола образуются отъ основъ bude, by, bě.

Настоящее (въ значеніи будущаго).

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1.	budu	budu (bužom)	budźemy	bužomy	budźemoj	bužomej
2.	budźeš	bužoš	budźeće	bužešo	budźetaj (-ej)	bužotej
3.	budźe	bužo	budu	budu	budźetaj (-ej)	bužotej

Повел. н. ВЛ. budź, budźmy, budźce, budźmoj, budźtej (-tej) НЛ. buź(i), buźmy, buźco, buźmej, buźtej.

Преходящее běch, běše (ВЛ), běšo (НЛ) и budźech, budźeše (ВЛ), bužach, bužašo (НЛ).

Аористъ buch, bu и т. д.

Неопредѣленное н. być (ВЛ), byś (НЛ); Супинъ byt (НЛ) Прич. прош. дѣйств. I. bywši (ВЛ); Прич. прош. дѣйств. II był. Прич. прош. страд. zabyty [1]).

2. Основа dad.

Настоящее.

		ВЛ. НЛ.		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.
Ед. ч.	1	dam	Мн. ч.	damy	damy	Дв. ч.	damoj	damej
	2	daš		daće	dašo		dataj (-tej)	datej
	3	da		dadźa	daže		dataj (-tej)	datej

Повел. н. daj, dajmy, dajće (ВЛ), dajśo (НЛ). dajmoj dajtej -tej (ВЛ), dajmej, dajtej (НЛ).

Преходящее dawach, dawaše; dadźich, dadźiše.

Аористъ dach, da и т. д.

Неопредѣленное н. dáć (ВЛ), daś (НЛ) Супинъ dat (НЛ) Прич. прош. дѣйств. I dawši (ВЛ); Прич. прош. дѣйств. II dał; Прич. прош. страдат. daty (ВЛ), dany (НЛ).

Отъ древней основы dad образованы только dam (изъ dadm) damy (изъ dadmy) и dadźa (daže). Впрочемъ въ 3 л. множ. ч. нерѣдко daja (ВЛ), и daju (НЛ). Остальныя формы настоящ. и повел.

---

[1]) Описательныя формы — т. е. прошедшія сложныя, будущее вр., условное накл. и страдательный залогъ какъ въ этой, такъ во всѣхъ слѣдующихъ парадигмахъ не приводятся; образованіе ихъ не представляетъ особыхъ трудностей.

н. слѣдуютъ V кл. Dawach и ВЛ прич. dawajcy собственно относятся къ глаголу dawać(ś); ВЛ діалектич. преход. dadźich соотвѣтствуетъ старослав. дадѣахъ.

3. Основы wěd.

Настоящее.

	ВЛ	НЛ		ВЛ	НЛ		ВЛ	НЛ
Ед. ч. 1.	wěm	wěm	Мн. ч.	wěmy	wěmy	Дв. ч.	wěmoj	wěmej
2.	wěš	wěš (wěs)		wěsće	wěsćo		wěstaj(-ej)	wěstej
3.	wě	wě		wědźa	wěźe		wěstaj(-ej)	wěstej

Повелительное н. ВЛ. wěz, wězmy, wěžće, wězmoj, wěztaj (-ej). НЛ wěz, wězmy, wězćo, wězmej, wěztej.

Преходящее wědźach, wědźeše (ВЛ) и wěźech, wěźešo (НЛ).

Аористъ powědźech (ВЛ), powěźech (НЛ).

Неопредѣленное н. wědźeć (ВЛ), wěźeš (НЛ) Супинъ wěźet (НЛ), Причастіе наст. вр. дѣйств. wědźacy (ВЛ), wěźecy (НЛ) Дѣепричастіе наст. wědźo (ВЛ), wězecyno (НЛ) Прич. прош. дѣйств. II wědźał (ВЛ), wěźeł (НЛ). Прич. прош. страд. wědźeny (ВЛ), wěźony (НЛ).

Древняя основа wěd выдержана въ настоящ. и повелит. н. Остальныя формы образованы отъ основы wědě. Въ любійск.—будыш. г.— wjedźich, wjedźił, wjedźiwši.

4. Основа jěd.

Настоящее.

	ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.		ВЛ.	НЛ.
Ед. ч. 1.	jěm	jěm	Мн. ч.	jěmy	jěmy	Дв. ч.	jěmoj	jěmej
2.	jěš	jěs (jěš)		jěsće	jěsćo		jěstaj (-tej)	jěstej
3.	jě	jě		jědźa	jěźe		jěstaj (-tej)	jěstej

Повелительное н. ВЛ jěz, jězmy, jězće, jězmoj, jeztaj (-tej); НЛ jěz, jězmy, jězćo, jezmej, jěztej.

Преходящее jědźach, jědźeše (ВЛ), jěžoch, jěźešo (НЛ).

Аористъ zjěch, zje и т. д.

Неопредѣленное н. jěsć. Супинъ jěst (НЛ). Причастіе наст. вр. jedźacy (ВЛ) jěźecy (НЛ). Дѣепричастіе наст. вр. jědźo (ВЛ), jěźecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I jědši (ВЛ). Прич. прош. дѣйст. II jědł. Прич. прош. страдат. jědźeny (ВЛ) jěźony (НЛ).

Отъ основы jĕd образованы всѣ формы кромѣ переходящ. и прич. наст., въ основаніи которыхъ лежитъ jĕdĕ.

Спряженіе съ характерной примѣтой настоящаго времени.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ выше архаическихъ) можно свести въ пять главныхъ классовъ: 1) основы на -o -e; 2) основы на -no, -ne; 3) основы на -jo, -je; 4) основы на -i; 5) основы на -a.

Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго н. (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

Основы на -o, -e.

A. *Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).*

Неопредѣленное н. ВЛ. plesć, njesć, pjec. НЛ. plasć, njasć, pjac.
Супинъ plast, njast, pjac (НЛ.).

Настоящее.

ВЛ.			НЛ.		
		Един. ч.			
1. pletu	njesu	pjeku	pleśom	njasom (-su)	pjeku
2. plećeš	njeseš	pječeš	pleśoš	njasoš	pjacoš
3. pleće	njese	pječe	pleśo	njaso	pjaco
		Множ. ч.			
1. plećemy	njesemy	pječemy	pleśomy	njasomy	pjacomy
2. plećeće	njeseće	pječeće	pleśeśo	njaseśo	pjaćośo
8. pletu	njesu	pjeku	pletu	njasu	pjeku
		Двойств. ч.			
1. plećemoj	njesemoj	pječemoj	pleśomej	njasomej	pjacomej
2. plećetaj(-tej)	njesetaj(-tej)	pječetaj	pleśotej	njasotej	pjacotej
3. plećetaj(-tej)	njesetaj(-tej)	pječetaj	pleśotej	njasotej	pjacotej

Повелительное н. ВЛ. Ед. ч. pleć, njes, pječ. Мн. ч. plećmy, njesmy, pječmy, plećće, njesće, pječće. Дв. ч. plećmoj, njesmoj, pječmoj, plećtaj (-tej), njestaj (-tej), pječtaj (-tej).—НЛ. Ед. ч. pleś, njas, pjac. Мн. ч. pleśmy, njasmy, pjacmy, pleśćo, njasćo, pjacćo. Дв. ч. pleśmej, njasmej, pjacmej, pleśtej, njastej, pjactej.

Преходящее.

ВЛ.

Един. ч.

1. plećech	njesech	pječech
2. plećeše	njeseše	pječeše
3. plećeše	njeseše	pječeše

Множ. ч.

1. plećechmy	njesechmy	pječechmy
2. plećešće	njesešće	pječešće
3. plećechu	njesechu	pječechu

Двойств. ч.

1. plećechmoj	njesechmoj	pječechmoj
2. plèćeštaj(-tej)	njeseštaj(-tej)	pječeštaj(-tej)
3. plećeštaj(-tej)	njeseštaj(-tej)	pječeštaj(-tej)

НЛ.

Един. ч.

1. pleśech	njasech	pjacach
2. pleśešo	njasešo	pjacašo
4. pleśešo	njasešo	pjacašo

Множ. ч.

1. pleśechmy	njasechmy	pjacachmy
2. pleśešćo	njasešćo	pjacašćo
3. pleśechu	njasechu	pjacachu

Двойств. ч.

1. pleśechmej	njasechmej	pjacachmej
2. pleśeštej	njaseštej	pjacaštej
3. pleśeštej	njaseštej	pjacaštej

Аористъ.

ВЛ.

Един. ч.

1. splećech	donjesech	spečech
2. spleće	donjese	speče
3. spleće	donjese	speče

Множ ч.

1. splećechmy	donjesechmy	spečechmy
2. splećešće	donjesešće	spečešće
3. splećechu	donjesechu	spečechu

Двойств. ч.

1. splećechmoj	donjesechmoj	spečechmoj
2. splećeštaj(-tej)	donjeseštaj (-tej)	spečeštaj (-tej)
3. splećeštaj(-tej)	donjeseštaj (-tej)	spečeštaj (-tej)

НЛ.

Един. ч.

1. śpleśech	donjasech	spjacoch
2. śpleśe	donjase	spjaco
3. spleśe	donjase	spjaco

Множ. ч.

1. spleśechmy	doujasechmy	spjacochmy
2. spleśešćo	donjasešćo	spjacošćo
3. spleśechu	donjasechu	spjacochu

Двойств. ч.

1. spleśechmej	donjasechmej	spjacochmej
2. spleśeštej	donjaseštej	spjacoštej
3. spleśeštej	danjaseštej	spjacoštej

Прич. наст. дѣйств. ВЛ. plećacy, njesucy, pjekucy. НЛ pletucy, njasucy, pjekucy. Дѣеприч. наст. вр. ВЛ. plećo, njeso, pječo; НЛ. pletucyno, njasucyno, pjekucyno. Прич. прош. дѣйств. ВЛ. pletši, njesuši (pječiwši). Прич. прош. дѣйств. II pletł, njesł (ВЛ), njasł (НЛ) pjekł (ВЛ), pjakł (НЛ) Прич. прош. страд. ВЛ, plećeny, njeseny, pječeny НЛ. plećony, njasony, pjacony.

Въ ВЛ говорахъ 3 л. мн. ч. часто принимаетъ неорганическое окончаніе -eja: plećeja, njeseja.

Móc 2 л. наст. вр. въ ВЛ имѣетъ móžu, въ НЛ -mogu и možom, преход. -možach, согласно со старослав. Въ НЛ. глаголы отъ корней на гортанный въ преход. вообще сохраняютъ древне a (-ach): pjacach, lecach.

Въ НЛ корневое e переходитъ въ ʲa передъ s, c въ слѣдующихъ глаголахъ: njasć, pjac, rjac, śac, mjasć, plasć, wjasć; въ ВЛ -njesć, pjec; wjesć и т. д. Отъ основы kt (изъ kwt соотв. старослав. цвьт) въ ВЛ только настоящее kta, kćeš, kće; въ НЛ kwitu.

Основа id теряетъ начальное i: du, dźeš (ВЛ) žoš (НЛ), dźi, dźech (ВЛ), źi, źech (НЛ), прич. ducy а въ ВЛ и dźejo; неопр. н. hić(ś), прич. прош. II šoł (ВЛ), šeł (НЛ).

Основа jěd (ѣхать) теряетъ d въ неопр. н. и прич. прош. дѣйств. jěć (ś), jěł, jěwši (ВЛ). Отъ основы jěd (ѣсть) формы указаны при архаич. глаг. jěm.

Основы на губной въ Серболуж. яз. исчезли. Относящіеся сюда глаголы перешли въ другіе классы: črěć, hrebać, žić, plěć, šić (ВЛ), crěś, žyś, plěś, šyś. (НЛ).

Основы на первонач. n, -m слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ ВЛ: žnu, žni, žeć; čeć, ćeć, pjeć употребляются только въ соединеніи съ предлогами: počnu, natnu, zapnu. Тоже сложные съ jeć: najeć, zajeć: najmu; отъ wzać wozmu, пов. wzmi, аор. wzach. Но рядомъ со žnu въ говорахъ возможно žęju, отъ duć только duju, отъ kleć или kljać (клати) kliju, прех. klijach, аор. poklach прич. klal, poklaty. Въ НЛ эти глаголы перешли въ III кл.: klěju, klějoš, pśipnjejom, -još, naceju, (-jom), nacejoš, (w)zeju, (w)zejoš, seju. Верхнелуж. wzać въ НЛ соотвѣтствуетъ weześ, woześ, wześ, ześ, zyś; наст. wezmu, пов. wezmi аор. wezech. Другіе сложные съ jěś образуютъ неопредѣленное н. отъ -jmu (jmjeś): najmjeś, pójmjeś, pśi(j)mjeś.

Древнія основы на -r слѣдуютъ данному склоненію только въ ВЛ: mru, mrješ, mri; неопр. н. mrěć; rě проникло и въ другія формы wumrěwši, wumrěł, wumrěch. Но и въ ВЛ возможны формы по аналогіи III кл.: škrěju, škrěješ, drěju, drěj и др.; а въ НЛ старыя формы окончательно уступили мѣсто новымъ, образованнымъ по аналогіи глаголовъ III кл.: mreju, humrejom, humrejoš, střeju, zaprějom, źrěju. Впрочемъ, встрѣчается humru и обыкновенно humarły.—Глаг. mléć слѣдуетъ III кл.: mlěju, mlějach; въ НЛ еще возможно mjelu, mjelach.

Б. Вторая основа образована суфф. **a.**

Неопредѣленное н. **brać** (ВЛ), **braś** (НЛ). Супинъ **brat** (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.	ВЛ.	НЛ.
	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.	
1.	bjeru	bjeru (-jom)	bjerjemy	bjerjomy	bjerjemoj	bjerjomej
2.	bjerješ	bjerjoš	bjerjeće	bjerjośo	bjerjetaj (-ej)	bjerjotej
3.	bjerje	bjerjo	bjeru	bjeru	bjerjetaj (-ej)	bjerjotej

Повелительное н. ВЛ bjeŕ, bjeŕmy, bjerće, bjermoj, bjertaj (-ej). НЛ bjeŕ, bjeŕmy, bjeŕśo, bjermej, bjertej.

Преходящее.

	ВЛ.			НЛ		
1.	bjerjech	bjerjechmy	bjerjechmoj	brach	brachmy	brachmej
2.	bjerješe	bjerješće	bjerještaj (-ej)	brašo	brašćo	braštej
3.	bjerješe	bjeŕjechu	bjerještaj (-ej)	brašo	brachu	braštej

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	zebrach	zebrachmy	zebrachmoj	zebrach	zebrachmy	zebrachmej
2.	zebra	zebrašće	zebraštaj (-ej)	zebra	zebrašćo	zebraštej
3.	zebra	zebrachu	zebraštaj (-ej)	zebra	zebrachu	zebraštej

Прич. наст. дѣйст., bjerjo, bjerjucy, bjerjaty (ВЛ) bjerucy и чаще bjerjecy (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I brawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II brał. Прич. прош. страд. brany.

Къ этому классу относятся: prać (ś), žrać(ś), stłać, gnać. Въ ВЛ отъ hna возможны только формы второй основы: hnach, hnawši, hnał, hnaty, hnać; настоящее и приходящее замѣняются формами отъ глаг. ćěŕić. Глаг. drać (ś) особенно въ ВЛ совпалъ съ drěć (ś)— старослав. дьрати. Въ НЛ se drěś (въ значеніи кричать) имѣетъ настоящ. źeru se, преход. źerjech se; dřěś (въ значеніи драть) представляетъ настоящее drěju, преход. drějach.

Во всемъ спряженіи глаголовъ I кл. -е основы настоящаго смягчаетъ предшествующій согласный. Въ НЛ е переходитъ въ о по общему фонетическому закону (607—668).

Разнообразныя измѣненія, которымъ подвергаются коренные гласные и согласные въ указанныхъ глаголахъ, объяснены въ отдѣлѣ фонетики.

Второй классъ.

Основы на -no, -ne.

Вторая основа на -nu (ny ВЛ)

Неопредѣленное н. wuknyć (ВЛ), huknuś [1](НЛ) Супинъ huknut (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.	
1. wuknu	wuknjemy	wuknjemoj	huknjom	huknjomy	huknjomej
2. wuknješ	wuknjeće	wuknjetaj (-tej)	huknjoš	huknjeśo	huknjotej
3. wuknje	wuknu	wuknjetaj (-tej)	huknjo	huknu	huknjotej

Повелительное н. ВЛ wukń, wuk(ń)my, wuk(ń)će, wuk(ń)moj, wuk(ń)taj(-tej). НЛ. hukni, huknimy, hukniśo, huknimej, huknitej

Преходящее.

ВЛ.

1. wuknjech	wuknjechmy	wuknjechmoj
2. wuknješe	wuknješće	wuknještaj (-ej)
3. wuknješe	wuknjechu	wuknještaj (-ej)

НЛ.

1. huknjech	huknjechmy	huknjechmej
2. huknješo	huknjeśćo	huknještej
3. huknješo	huknjechu	huknještej.

Аористъ.

ВЛ.

1. nawuknych	nawuknychmy	nawuknychmoj
2. nawukny	nawuknyšće	nawuknyštaj (-ej)
3. nawukny	nawuknychu	nawuknyštaj (-ej)

---

[1]) Учиться.

Аористъ.

НЛ.

1.	nahuknuch	nahuknuchmy	nahuknuchmej
2.	nahuknu	nahuknušćo	nahuknuštej
3.	nahuknu	nahuknuchu	nahuknuštej

Прич. наст. дѣйств. wuknjacy (ВЛ) huknucy (НЛ); дѣепричаст. wuknjo (ВЛ), huknucyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. wuknywši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II wuknył (ВЛ), huknuł (НЛ). Прич. прош. страд. wuknjeny (ВЛ), huknjony (НЛ).

Къ этому классу относятся глаголы, у которыхъ основа неопредѣлен. н. образована приставкой -nu (=старослов. нѫ); въ ВЛ вм. -nu обыкновенно -ny.

Аористъ можетъ быть и безъ -nu (-ny): напр. ВЛ zběžech, kradźech, padźech, roztoržech или НЛ zwižoch, pażoch, teržoch. Тоже относится въ ВЛ къ прич. прош. дѣйств. II (за исключеніемъ муж. р.) а въ НЛ къ прич. прош. страд.; напр. wukła, wobzamkła, ćisła—но wuknuł, wobzamknuł, ćisnuł; zwižony, zamcony и zwignjony, zamknjony. Глаголы hnuć (ВЛ), gnuś (НЛ) и skhnyć (ВЛ), sknuś (НЛ) часто, особенно въ ВЛ., слѣдуютъ глаголамъ III кл.: hnuju, hnuješ, hnujach, skhnyju, skhnyj, skhnyju, skhnyj, skhnyjaš.

Въ прич. прош. страд. иногда t: hnuty, (ВЛ), gnuty (НЛ).

Третій классъ.

Основы на -jo, -je.

А. *Вторая основа равна корню.*

Неопредѣленное н. pić (ВЛ), piś (НЛ). Супинъ pit (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	piju	pijemy	pijemoj	pijom	pijomy	pijomej
2.	piješ	pijeće	pijetaj (-tej)	pijoš	pijeśo	pijotej
3.	pije	piju (-ja)	pijetaj (-tej)	pijo	piju	pijotej

Повелительное н. ВЛ. pij, pijmy, pijće, pijmoj, pijtaj (-tej) НЛ. pij, pijmy, pijśo, pijmej, pijtej.

Преходящее.

	ВЛ			НЛ	
1. pijach	pijachmy	pijachmoj	pijach	pijachmy	pijachmej
2. piješe	piješće	piještaj (-tej)	pijašo	pijašćo	pijaštej
3. piješe	pijachu	piještaj (-tej)	pijašo	pijachu	pijaštej

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.	
1. wupich	wupichmy	wupichmoj	hupich	hupichmy	hupichmej
2. wupi	wupišće	wupištaj (-tej)	hupi	hupišćo	hupištej
3. wupi	wupichu	wupištaj (-tej)	hupi	hupichu	hupištej

Прич. наст. дѣйств. pijacy (ВЛ), pijucy (НЛ). Дѣеприч. наст. вр. pijo (ВЛ), pijucyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I piwši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II pił. Прич. прош. страдат. pity.

По данному образцу спрягаются глаголы съ основами неопредѣленнаго на гласный, принадлежащій корню; напр. hnić, bić(ś), šić (ВЛ), šyś (НЛ), wić(ś) myć(ś), ryć(ś) и т. д. Глаголъ stać(ś) имѣетъ большую часть формъ отъ stanyć (ВЛ) или stanuś (НЛ): stanu, stań, stawši и stanywši, stał и stanuł. — Основа smě имѣетъ směm и smju но въ 3 л. мн. ч. směju, směja, smědźa; преход. smějach и smědźach (ВЛ).

Сюда же относятся, преимущественно въ НЛ., нѣкоторые глаголы собств. I кл., напр.: kleju, mreju и др. Ср. выше 671.

Въ 3 л. мн. ч. во многихъ ВЛ говорахъ вм. органич. -u выступаетъ ja или eja: pija и pijeja.

Б. *Вторая основа образована суфф.* a.

1. Неопредѣленное н. pisać (ВЛ), pisaś (НЛ) Супинъ pisat (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.	
1. pišu	pišemy	pišemoj	pišom	pišomy	pišomej
2. pišeš	pišeće	pišetaj (-tej)	pišoš	pišešo	pišotej
3. piše	pišu	pišetaj (-tej)	pišo	pišu	pišotej

Повелительное н. Вл. piš pišmy, pišće, pišmej, pištaj (-tej). НЛ. piš, pišmy, pišćo, pišmej, pištej.

Преходящее.

	ВЛ			НЛ		
1.	pisach	pisachmy	pisachmoj	pisach	pisachmy	pisachmej
2.	pisaše	pisašće	pisaštaj (-tej)	pisašo	pisašćo	pisaštej
3.	pisaše	pisachu	pisaštaj (-tej)	pisašo	pisachu	pisaštej

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	spisach	spisachmy	spisachmoj	spisach	spisachmy	spisachmej
2.	spisa	spisašće	spisaštaj (-tej)	spisa	spisašćo	spisaštej
3.	spisa	spisachu	spisaštaj (-tej)	spisa	spisachu	spisaštej

Прич. наст. дѣйств. pišo (ВЛ); pisajucy (НЛ) Прич. прош. дѣйств. pisawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II. pisał. Прич. прош. страд. pisany.

2) Неопредѣленное н. leć (ВЛ), laś (НЛ). Супинъ lat. Настоящее вр. ВЛ. lěju, leješ и т. д. НЛ. lěju (lějom), lějoš и т. д. Повел. н. lěj, lějmy и т. д. Преходящее. ВЛ. lějach, lěješe и т. д, НЛ. lějach, lějašo, lějachmy и т. д.

Аористъ ВЛ. rozlach, rozla, rozla, rozlachmy, rozlešće, rozlachu, rozlachmoj, rozleštaj (-tej). НЛ. rozlach, rozla, rozla, rozlachmy, rozlašćo, rozlachu, rozlachmej, rozlaštej, rozlaštej.

Прич. наст. дѣйст. lějo (ВЛ), lějucy (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I lawši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II. lał. Прич. прош. страд. laty.

По образцу pisać (ś) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на согласный; подъ вліяніемъ j этотъ согласный въ настоящ. вр. подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ: worać (ś) - worješ, mjetać(ś) - mjecu, plakać(ś) - płaču (ВЛ), płacom (НЛ), но въ народн. пѣсняхъ и płaku (НЛ), mazać(ś) - mažu.

Многіе глаголы даннаго класса, особенно тѣ, у которыхъ корень оканчивается на -r, t, p, b, w, k, въ ВЛ склонны переходить въ V к. (на am) особенно въ 1 л. ед. и 3. мн. ч. настоящ. вр.; напр. woram, woraju, sypam -sypaju, dawam -dawaju, płakam -płakaju.

Старослав. **съпати** и **стьпати** въ серболуж. яз. сливаются въ одномъ глаголѣ słać (ś). Наст. вр. въ ВЛ sćełu, въ НЛ sćelu. Старослав. **клати, прати** въ серболуж. соотвѣтств. kłóć, proć, наст. вр. kołu и kolu, poru (діалект. prόju).

По образцу lěć (ВЛ изъ lać), laś (НЛ) спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный; этотъ гласный вмѣстѣ съ а основы неопредѣлен. н. стягивается въ а, которое въ ВЛ переходитъ въ е (604 стр.): kać, chwjaś, wjaś, źaś, naźaś se, saś, smjaś se, pśaś (НЛ), smeć so, dźeć, nadzeć so (ВЛ). Отъ недостаточнаго глагола dźeć (ВЛ), zaś (НЛ) въ значеніи *сказать* въ ВЛ употребляется только преходящее dźach (НЛ źach).

Глаголы blwać, plwac (также bleć, pleć) имѣютъ настоящее и преходящее по образцу III А: bluju, pluju, blujach, также žuju, sčuju (травлю).

Въ ВЛ вм. lěju, lějach очень часто liju, lijach и т. д.

В. *Вторая основа образована суорф.*—owa.

Неопредѣленное н. kupować (ВЛ), kupowaś (НЛ), Супинъ kupowat (НЛ).

Настоящее вр. ВЛ. kupuju, kupuješ, kupuje и т. д. НЛ. kupuju (-jom). kupujoš, kupujo и т. д.

Повелит. н. kupuj, kupujmy и т. д.

Преходящее вр. ВЛ. kupowach, kupowaše и т. д. НЛ. kupowach, kupowašo и т. д.

Прич. наст. дѣйств. kupujo (ВЛ), kupujucy (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I kupowawši (ВЛ). Прич. прош. страд. kupowany.

Въ говорахъ вм. о передъ w часто слышится u: kronuwać, lubuwał, gótuwaś. Иногда о совсѣмъ исчезаетъ: kupwać (ВЛ), spytwam, spytwaś.

Г. *Вторая основа равна глагольной основѣ, образованной зв.* ^{i}e (ě = ѣ).

Въ ВЛ. относящіеся сюда глагоды перешли въ IV кл.; напр. woněmjeć, starjeć, wochromjeć и др. произносятся woněmić, starić, wochromić, наст. вр. woněmiš, stariš, wochromiš.

Тоже и въ НЛ; напр. chromješ, наст. вр. chromju, chromiš, преход. chromjach. Но здѣсь нѣкоторые глаголы еще удержали древнія формы: chorješ, humješ, rozumješ, honimješ и měś (за исключені-

емъ настоящ. вр. mam); наст. вр. humjeju (-jom), humjejoš, humjejo; пов. н. humjej; прич. наст. humjejucy, преход. humjejach; прич. прош. humjeł, humjety.

Четвертый классъ.

Основы на -i.

A. *Вторая основа на* -i

1. Неопредѣленное н. palić (ВЛ), paliś (НЛ). Супинъ palit.

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.	
1. palu	palimy	palimoj	palim	palimy	palimej
2. pališ	palíće	palitaj (-tej)	pališ	paliśo	palitej
3. pali	pala	palitaj (-tej)	pali	pale	palitej

Повелит. н. ВЛ. pal, palmy, palće, palmoj, paltaj (-tej). НЛ. pal, palmy, palśo, palmej, paltej.

Преходящее

	ВЛ.			НЛ.	
1. palach	palachmy	palachmoj	palach	palachmy	palachmej
2. paleše	palešće	paleštaj (-tej)	palašo	palašćo	palaštej
3. paleše	palachu	paleštaj (tej)	palašo	palachu	palaštej.

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.	
1. spalich	spalichmy	spalichmoj	spalich	spalichmy	spalichmej
2. spali	spališće	spalištaj (-tej)	spali	spališćo	spalištej
3. spali	spalichu	spalištaj (-tej)	spali	spalichu	spalištej.

Прич. наст. дѣйств. palacy (ВЛ), palecy (НЛ). Дѣеприч. palo (ВЛ), palecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I paliwši Прич. прош. дѣйств II. palił. Прич. прош. страд. paleny (ВЛ), palony (НЛ).

2) Неопредѣленное н. prosyć (ВЛ), pšosyś (НЛ). Супинъ pšosyt (НЛ).

Наст. вр. ВЛ. prošu, prosyš, prosy, prosymy, prosyće, proša, prosymoj, prosytaj (-tej).

НЛ. pšosym, pšosyš, pšosy, pšosymy, pšosyšo, pšose, pšosymej, pšosytej.

Повелит. н. ВЛ. proš, prošmy, prošće, prošmej, proštaj (-tej). НЛ. pšos, pšosmy, pšosćo, pšosmej, pšostej.

Преходящее ВЛ. prošach, prošeše, prošeše, prošachmy, prošesće, prošachu, prošachmoj, prošestaj (-tej).

НЛ pšosach, pšosašo, pšosašo, pšosachmy, pšosašćo, pšosachu, pšosachmej, pšosaštej.

Аористъ ВЛ. wuprosych, wuprosy, wuprosy, wuprosychmy, wuprosyšće, wuprosychu, wuprosychmoj, wuprosyštaj (-tej).

НЛ. hupšosych, hupšosy, hupšošy, hupšosychmy, hupšosyšćo, hupšosychu, hupšosychmej, hupšosyštej.

Прич. наст. дѣств. prošacy (ВЛ), pšosecy (НЛ). Дѣеприч. наст. дѣйств. prošo (ВЛ), pšosecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I prosywši (ВЛ). Прич. прош. дѣйств. II prosył (ВЛ), pšosył (НЛ). Прич. прош. страд. prošeny (ВЛ), pšosony (НЛ).

Коренной согласный передъ—i основы вообще смягчается, за исключеніемъ всегда твердыхъ s, z. Въ прич. прош. страд., преходящ. и въ 1 л. ед. ч. наст. вр. первичное i превратилось въ j, повліявшее на измѣненіе предшествующаго согласнаго, при чемъ t, d превращаются въ ВЛ въ ć, dź, а въ НЛ въ ś, ź вм. ожидаемыхъ c, z (ср. стр. 620); напр. mucu, chodźu, mućach, chodźach, mućeny, chodźeny (ВЛ.), chożu, chożach, chożony (НЛ.). Очевидно ć, dź и ś, ź проникли сюда изъ другихъ формъ, гдѣ эти звуки выступаютъ вполнѣ правильно. По аналогіи 1 л. ед. ч. мягкіе согласные проникли въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств.: proša, woža, muća, chodźa, mućo, chodźo, wožo, nošo (ВЛ.). Въ НЛ. z, s, не переходятъ въ ž, š: pšosyš, pšosach и т. д. Ср. польск. яз. 500 стр..

Б. Вторая основа образована суфф. -e (=ѣ).

Неопредѣленное н. lećić (-eć) ВЛ. lešeś (НЛ). Супинъ leset (НЛ).

Настоящее.

	ВЛ.			НЛ.		
1.	leću	lećimy	lećimoj	lešim	lešimy	lešimej
2.	lećiš	lećiće	lećitaj (-tej)	lešiš	lešišo	lešitej
3.	leći	leća	lećitaj (-tej)	leši	leše	lešitej

Повелит. н. ВЛ. leć, lećmy, lećće lećmoj, lećtaj (-tej); НЛ leś, leśmy, leśćo, leśmej, leśtej.

Преходящее.

	ВЛ.			НЛ.	
1. lećach	lećachmy	lećachmoj	leśech	leśechmy	leśechmej
2. lećeše	lećešće	lećeštaj (-tej)	leśešo	leśešćo	leśeštej
3. lećeše	lećachu	lećeštaj (-tej)	leśešo	leśechu	leśeštej

Аористъ.

	ВЛ.			НЛ.	
1. zlećich	zlećichmy	zlećichmoj	zleśech	zleśechmy	zleśechmej
2. zlećі	zlećišće	zlećištaj (-tej)	zleśe	zleśešćo	zleśeštej
3. zlećі	zlećichu	zlećištaj (-tej)	zleśe	zleśechu.	zleśeštej.

Прич. наст. дѣйств. lećacy (ВЛ), leśecy (НЛ); дѣепричастіе lećo (ВЛ), leśecyno (НЛ). Прич. прош. дѣйств. I lećiwši. Прич. прош. дѣйств. II lećał (ВЛ), leśeł (НЛ).

Послѣ j и шипящихъ, а въ НЛ и послѣ c=ć, вм. древн. ѣ—какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ - a: słyšaś (НЛ), słyšach słyšał, słyšany; źaržał, źaržany (НЛ), Однако ВЛ въ неопредѣл. н. имѣетъ e, замѣнившее болѣе раннее a: slyšeć. Представляемое В.-Луж. литер. яз. и нѣкоторыми говорами a въ такихъ прич. прош. дѣйств. II, какъ lećał sedźała, widźało, объясняется аналогіей такихъ формъ какъ slyšał; во множ. ч. является древнее e: lećeli, sedźeli, widźeli.

Въ ВЛ вм. je (= ѣ) выступаетъ i въ неопредѣл. н., аористѣ, прич. прош. дѣйств. I: lećić, zlecich, leciwši; тоже возможно и въ прич. прош. дѣйств. II lecił. Собственно это звуковая особенность будышин. любійск. и гор. гов.

Въ преходящ. вр. ВЛ всегда имѣетъ -ach, -ˡeše; въ НЛ глаголы на -eś (=ѣти)—сохраняютъ болѣе древнее -ˡech: lećach, leśech.

ВЛ. chceć. Наст. в. chcu, chceš 3 л. мн. ч. chcedźa и chcea; пов. н. chcyj; прех. chcych, chcyše и chcydźich; прич. chcyjo, chcywši, chcył. НЛ. kśeś, cu, coš, co, comy, cošo, kśė; comej, cotej; прех. kśěch, аор. zakśěch; прич. kśěcy, kśěł; съ отрицаніемъ njocu.

Spju (ВЛ), spim (НЛ) имѣетъ неопред. н. spać (ś).

Н.-Лужиц. gorješ слѣдуетъ I кл.: gorjom, gorjoš и т. д.; напротивъ въ ВЛ horju, horiš и т. д. Въ НЛ. глаголы соверш. вида III кл.

могутъ имѣть настоящее вр. отъ распространенной основы -ijo, (изъ -ije: kupijom, kupijoš, kupijo, kupijomy, kupiješo, kupiju, kupijomej, kupijotej. Такія формы означають дѣйствительное настоящее вр., такъ какъ настоящее глаголовъ совершеннаго вида означаетъ будущее: kupim (-pju).

Пятый классъ.

Основы на-а (=aje)

Вторая основа на -а.

Неопредѣленное н. dźěłać (ВЛ.), źěłaś (НЛ.). Супинъ źěłat.

Настоящее.

	ВЛ.		НЛ.		
1. dźěłam	dźěłamy	dźěłamoj	źěłam	źěłamy	źěłamej
2. dźěłaš	dzěłace	dźěłataj(-tej)	źěłaš	źěłaśo	źěłatej
3. dźěła	dźěłaju (-ja)	dźěłataj(-tej)	źěła	źěłaju	źěłatej.

Повел. н. ВЛ. dźěłaj, dźěłajmy, dźělajće, dźěłajmoj, dzěłajtaj (-tej). НЛ. źěłaj, źěłajmy, źěłajśo, źěłajmej, źěłajtej.

Преходящее.

ВЛ. dźěłach, dzělaše, dźěłaše, dźěłachmy, dźěłašće, dźěłachu, dzěłachmoj, dźěłaštaj (-tej).

НЛ. źěłach, žěłašo, źěłašo, źěłachmy, źěłaśćo, źěłachu, źěłachmej, źełaštej.

Аористъ.

ВЛ. wudźěłach, wudźěła, wudźěła, wudzěłachmy, wudźěłašće, wudźěłachu, wudźěłachmoj, wudźěłaštaj (-tej).

НЛ. huźěłach, huźěła, huźěła, huźěłachmy, huźěłaśćo, huźěłachu, huzěłachmej, huźełaštej.

Прич. наст. дѣйств. dźěłacy (ВЛ.), źěłajucy (НЛ.); дѣеприч. dźěłajo (ВЛ.), źěłajucyno (НЛ.). Прич. прош. дѣйств. I dźěławši. Прич. прош. дѣйств. II dźěłał (ВЛ.), źěłał (НЛ.), dźěłany (ВЛ.), źěłany (НЛ.).

Въ ВЛ. а, находясь между мягкими согласными переходитъ въ е: walam, waleš, waleće, waleju, walej, walejmy, walach—waleše, waleć, walejo.

Въ СЛ. и многихъ говорахъ ВЛ. въ 3 л. мн. ч. aja: dźěłaja.

Въ НЛ. сложные глаголы допускаютъ настоящее въ нестяженной формѣ: pocakajom, pocakajoš и т. д.

Приложеніе.

Образцы Сербо-лужицкаго языка.

I. Верхнелужицкое нарѣчіе.

1. Ja sym Serb., Serb wostanu!

Aj, ja sym Serb! wěš, znaješ barby [1]) moje?
To módra, čerwjena a běła je;
Te barby woznamjenja češce troje,
Je woznamjenja našich wótcow khorhoje [2]).
Lud serbski pyši swěra
A přećelnosć a wěra,
Te noša módru barbu njebjesku—
A ja sym Serb—a Serb tež wostać chcu.
Zo s lubosću za krala a kraj wótcny
Serb swoju róžowu krej wopruje,
Zo w strachosćach a křižu steji mócny,
To čeŕwjeneje barby znamjo je.
Lud serbski lubosć dycha,
To njebjeska je pycha [3]),
Duž [4]), khorhoj ma wot zerjow [5]) barbjenu—
A ja sym Serb—a Serb tež wostać chcu.

(Handrija Zejlerja Zhromadźene spisy III 270 Budyšin 1888).

---

[1]) Barba—нѣмец. Farbe краска, цвѣтъ.
[2]) Khorhoj—хоругвь, знамя.
[3]) Pycha—великолѣпіе.
[4]) Duž—такъ.
[5]) Zerjo—воздушныя явленія, утренняя заря.

2. Serbska wjeska.

Tam w dólčku we kwětkatym
So k hórcy tuli mała wjeska,
A žołmička [1]) přez wjesku pleska
Po žłobju kamuškatym
Tam rjenje [2]), rjenje je;
Tam so mi chce!
W srjedź wsy so wowcki pasu
A dźeći z nimi maju hraje,
Pod lipu wowka [3]) bajki baje
Jim wječor w lětnim času.
Tam ćicho, ćicho, je;
Ta so mi chce!
Hólc [4]) spěwa sej do kosy,
Serp pěseń zynčo holčo [5]) wodźi;
Pót žnjeński lóšt [6]) a lubosć płodźi
A dźěło radość nosy.
Tam zbože [7]), zbože, kće [8]);
Tam so mi chce!
Hdyž dźěło dokónčene,
Mać, nana [9]), dźěći, dźěda, wowku
A wotročka a cuzu dźowku
Tam blido syći jene.
Tam lubosć, lubosć kće;
Tam so mi chce!

(Jakuba Ćišinskeho Basnje. Formy. Budyšin. 1888. 23).

---

1) Žołma—волна.
2) Rjenje—прекрасно.
3) Wowka—бабушка.
4) Hólc—юноши.
5) Holčo—дѣвушка.
6) Lóšt—нѣмец. Lust—радость, веселье.
7) Zbože—счастіе.
8) Ktu—цвѣту.
9) Nan—отецъ.

3. Luby na woranju.

Šitko sym tam widźiła,
Swojoh' luboh' tola nic,
Swojoh' luboh' tola nic,
Swojoh' luboh' najlubšoh'.
Nestaraj so towaŕška
Wón tam čera woraše,
K hejdušcy [1]) sej woraše
K ječmenej sej brózdźeše

K tymaj dwjemaj konjomaj
Ze bjełymaj šumlomaj [2]):
Hot won, hot won konikaj,
Mojej bjełaj šumelkaj.
Jdźtej pjeknje runje won
Zo wobwody nezworamoj
Nimo pońdźe lubčička
Ta by so nam wusmjała.

(Народная пѣснь изъ сборника Гаупта и Смолера. Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow. I. 1842. 122),

II. Нижнелужицкое нарѣчіе.

1. Źówča wóla.

Šłej stej dwje rjednej [3]) tam pśi wjozorje
Pśi tom mje wjazorje pśi dłymokjem.
Nikogo njejstej tam nadejšłoj
Ak tog' jadnego pśewjadnika.
„Pśewjadnik, luby pśewjadnik myj,
Coga ty wot luźi k mytu bjerjoš?"
—Wot starych beru ja slobro, złoto,
Młode te źywča ja dermo wožu.—
Posreź teje dłymje tam pśijjeźeštej,
Chopi pśewjadnik źywča pšašaś.
—Co mje zwylijoš ty rjedne źywčo;
Do wydy skocyś abo mje se woześ?—
„Do wydy skocyś a gorej spljeś,
Tak pśijdu k myjej tej myterce.
Tam mygu choźiś we wjenašku,
We tom mje wjenašku rušanem.

(Сборникъ народныхъ пѣсенъ Гаупта и Смолера. II. 17)

---

[1]) Hejduška—гречиха.
[2]) Šumel—нѣм. Schimmel, бѣлая лошадь.
[3]) Rjedna—красавица

2. Pjeřćeń.

Gołubjaśk ma bjełu nožku
Rano na pólo ljetašo,
Pśecer złotnikoj' do hokna,
Lec by był pjeršćeń gotowy.

Pjeršćeń jo dawno gotowy
Hyšće njejo plaśony.
Coga dejm si za njeu daś?
Dejš mje tolaŕ za njen daś.

Tolaŕ ja za njen rada dam;
To dej byś tej mójej lubce
Na jeje rucku na mału,
Na jeje palack na bjeły.

Тамъ, же 64).

IX. ПОЛАБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

(Вымершій)

I. Вымершее славянство—Бодричи и Лютичи. Памятники полабскаго языка и ихъ изученіе.

Нашъ обзоръ сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ былъ бы не полонъ, еслибъ въ немъ не было удѣлено хотя не большое мѣсто мало извѣстному, теперь уже не существующему языку Полабскихъ Славянъ.

На западъ отъ Поморянъ, потомками которыхъ являются нынѣшніе Кашубы и на сѣверъ отъ Сербовъ-Лужичанъ, между Лабой, Одрой и Балтійскимъ моремъ, а также кое гдѣ на западъ отъ нижней Лабы и на островахъ Руянѣ (Рюгенѣ), Волинѣ и Фенерѣ обитали въ средніе вѣка многочисленные славянскіе народы, которые составляли двѣ болѣе крупныя этнографическія группы, извѣстныя подъ именами Бодричей и Лютичей. *Бодричи* или *Аботриты* занимали край сѣверозападный, приблизительно территорію нынѣшняго Мекленбурга и Голштиніи; кромѣ собственныхъ Бодричей или Рарожанъ (отъ главнаго ихъ города Рарога), къ этой вѣтви относились: Вагры, Полабцы, Смолинцы, Глиняне, Вѣтники, Враповцы и Древяне (или Древляне за Лабой по р. Iецѣ). *Лютичи* или *Велеты* (или Вильцы) жили на востокъ и югъ отъ Бодричей, занимая остальное пространство земли между Лабой, Одрой и Балтійскимъ Моремъ, до предѣловъ Поморянъ, Ляховъ и Лужицкихъ Сербовъ; къ этой вѣтви относились Раны, Волинцы, Чрезпѣняне, Хижане, Доленцы, Ратари, Укране, Рѣчане,

Стодоряне (или Гаволяне), Брезане, Спреване, Морачане, Междурѣчане, Моричане, Грозванѣне, Ситняне, Дошане, Лекусицы, Сенчицы, Плоняне и др. Обѣ эти вѣтви обыкновенно соединяютъ въ одну группу Полабскихъ Славянъ, противопологая ихъ съ одной стороны Поморянамъ, съ другой—Сербамъ-Лужичанамъ.

Историческая судьба всѣхъ этихъ довольно численныхъ представителей западнаго Славянства крайне печальна. Ни Лютичи, ни Бодричи не успѣли ни образовать своего государства, ни примкнуть въ свое время къ христіанской образованности. Упорно держась своей племенной раздробленности и языческой старины, вѣчно раздираемые внутренними ссорами и раздорами ни тѣ, ни другіе не въ состояніи были совладать съ шедшимъ на нихъ натискомъ западнаго романо германскаго міра. Упорная трагическая борьба съ германскимъ племенемъ, съ Норманнами, Датчанами и Нѣмцами тянулась нѣсколько вѣковъ и закончилась полною гибелью обѣихъ славянскихъ вѣтвей.

Въ XII в. всѣ Бодричи и Лютичи утратили свою политическую самостоятельность, а земли ихъ вошли въ составъ нѣмецкихъ государствъ. Вслѣдъ затѣмъ началось послѣдовательное то мирное, то насильственное истребленіе славянскаго языка и народности въ покоренныхъ областяхъ, при чемъ главнымъ средствомъ служили нѣмецкая колонизація и распространеніе нѣмецкаго языка. Онѣмеченіе совершалось очень быстро. Въ XV ст. въ главномъ оно уже было закончено, гдѣ раньше, гдѣ позднѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Во второй половинѣ XV в. уже очень рѣдко встрѣчаются Славяне между Лабой и Одрой, нѣсколько дольше—до начала XVI ст. держались славянскія поселенія въ области нижней Лабы, въ юго-западной части Мекленбурга. Только за Лабой, въ Люнебергѣ, въ землѣ Древлянъ и Глинянъ какимъ-то чудомъ славянская рѣчь сохранялась еще въ XVIII ст.; нѣкоторые старые поселяне изъ этого края, какъ утверждаютъ, знали по славянски еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ настоящее время, на территоріи прежнихъ Бодричей и Лютичей славянская рѣчь совсѣмъ замерла; полабскаго языка уже не существуетъ.

Для реставраціи общаго типа и характерныхъ свойствъ полабскаго языка во всемъ его объемѣ наука располагаетъ весьма скудными данными. Болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, сохраненныя въ нѣмецкихъ записяхъ отъ конца XVII в. и отъ XVIII в., относятся

только къ одному изъ бодрицкихъ нарѣчій, къ говору Люнебургскихъ Древлянъ и Глинянъ. Для всѣхъ другихъ колѣнъ и вѣтвей Полабскаго Славянства единственнымъ свидѣтелемъ объ ихъ языкѣ остаются имена въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ и живущія доселѣ, хотя въ извращенномъ видѣ, мѣстныя названія. Однако изученіе матеріала этого рода представляетъ большія трудности и приводитъ къ очень скуднымъ результатамъ; оно можетъ раскрыть нѣсколько характерныхъ чертъ того или другого языка или нарѣчія, но не въ состояніи дать яснаго представленія о языкѣ, какое напр. можетъ доставить хотя бы одинъ сохранившійся цѣльный памятникъ языка. По отношенію къ Лютичамъ и Бодричамъ опытъ подобнаго изученія лексическаго матеріала, сохраненнаго грамотами представляетъ изслѣдованіе Воцеля Památky lutickych Slovanův (Čas. Čes. Mus. [1]) 1849. II). Болѣе цѣльнаго и систематическаго труда въ этомъ родѣ пока не появлялось.

При такомъ положеніи дѣла получаютъ особенно важное значеніе упомянутые выше немногочисленные памятники языка Древлянъ и Глинянъ, не смотря на то что они относятся къ такой порѣ, когда воспроизводимый въ нихъ языкъ уже устарѣлъ и подвергся сильному вліянію нѣмецкаго языка. Всетаки по нимъ можно составить хоть бы нѣкоторое понятіе и объ общемъ типѣ всего полабскаго языка. Записи, о которыхъ идетъ рѣчь, воспроизводятъ языкъ небольшой части славянскаго населенія (Древлянъ и Глинянъ), еще державшагося въ XVIII ст. въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства, въ Люховскомъ округѣ. Этотъ маленькій край и доселѣ сохраняетъ въ народѣ названіе Вендланда. Первая мысль о собираніи остатковъ языка вымирающаго Славянства принадлежала знаменитому Лейбницу. По его желанію пасторъ въ Люховѣ, Георгъ Митгофъ послалъ ему въ 1841 г. нѣкоторыя свѣдѣнія о Славянахъ своего прихода, а также сообщилъ какъ образцы ихъ языка—небольшое собраніе словъ и молитву Господню. Одновременно съ нимъ работали въ томъ же направленіи: Фр. Пфеффингеръ, составившій (въ 1698 г.) небольшой французско-славянскій словарь и особенно пасторъ Вустрова (подъ Люховымъ) Христіанъ Геннингъ, который соста-

---

[1]) Можно также отмѣтить одну ненапечатанную работу студента новороссійскаго Университета: Очеркъ языка Балтійскаго поморья и Бранденбурга по средневѣковымъ грамотамъ. Ср. Записки Новороссійскаго Университета 1879 г.

вилъ также словарь (1701), но нѣмецко-славянскій, болѣе обширный и обстоятельный, сохранившійся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, и сверхъ того записалъ молитву Господню и одну пѣсню. Всѣ эти матеріалы, за исключеніемъ словаря Геннинга, остающагося въ новой редакціи доселѣ не изданнымъ, были тогда же напечатаны частью Лейбницомъ, частью проф. Эккардомъ (1711). Затѣмъ нашлись и другіе собиратели; такъ въ одной деревнѣ (Süthen въ приходѣ Küsten, въ землѣ Древлянъ) земледѣлецъ Іоаннъ Парумъ Шульцъ (1678—1734) велъ деревенскую хронику, въ которой, между прочимъ, описывалъ народные обычаи, а также сообщалъ славянскія слова и разговоры съ нѣмецкимъ переводомъ; часть этихъ славянскихъ рѣченій была издана въ одномъ старомъ люнебургскомъ журналѣ еще въ 1794 г. (см. ниже), а затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Далѣе собирали словарный матеріалъ Домейеръ (1744) и Гинцъ (1786) и записывалъ молитвы люховскій бургомистръ Мюллеръ (1755). Наконецъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія явился ревностный изслѣдователь вымершаго полабскаго языка въ лицѣ доктора Юглера, который составилъ (1809 г.) большой словарь этого языка на основаніи всѣхъ собранныхъ раньше, выше перечисленныхъ, матеріаловъ. Словарь этотъ былъ приготовленъ авторомъ къ печати, но такъ и остался не изданнымъ.

Такимъ образомъ постепенно составился нѣкоторый запасъ болѣе или менѣе цѣннаго матеріала для изученія вымершаго полабскаго языка. Матеріалъ этотъ не могъ не остановить на себѣ вниманіе славянскихъ ученыхъ, занимавшихся разработкой славянскаго языкознанія. Уже Добровскій въ своихъ панславянскихъ сборникахъ (Slawin, Slowanka) знакомилъ съ образцами языка люнегбургскихъ Славянъ; Шафарикъ въ своей „Народописи“ отмѣтилъ особенности Древанскаго нарѣчія; Челяковскій еще въ 1830 г. составилъ словарь и краткую грамматику полабскаго языка, трудъ посланный въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, но не дошедшій по назначенію и гдѣ-то безслѣдно пропавшій; Ганушъ напечаталъ (1858) подробное хронологическое обозрѣніе извѣстій о полабскомъ языкѣ; Др. Пфуль объяснялъ памятники этого языка (1863—1863). Но глубже другихъ вошли въ изученіе остатковъ вымершаго языка А. Ѳ. Гильфердингъ и А. Шлейхеръ. Труды ихъ и въ настоящее время имѣютъ высокое научное значеніе. Гильфердингъ, разыскивавшій на мѣстѣ слѣды Полабскаго Славянства,

извѣстенъ обстоятельнымъ трудомъ „Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ“ (1856 г.), въ которомъ, кромѣ обзора всѣхъ сохранившихъ „памятниковъ“ изслѣдуемаго нарѣчія, далъ критическое изданіе нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ текстовъ, съ присоединеніемъ цѣнныхъ лингвистическихъ замѣчаній. Задуманное имъ полное изданіе всѣхъ памятниковъ полабскаго языка, къ сожалѣнію, не осуществилось. Авг. Шлейхеру принадлежитъ заслуга составленія научной грамматики полабскаго языка, изданной послѣ его смерти (Laut- und-Formenlehre der polabischen Sprache, Спб. 1871). Въ основаніе своей работы авторъ положилъ, кромѣ предшествующихъ изданій памятниковъ, неизданный словарь Юглера. Выполненіе поставленной имъ передъ собою задачи потребовало отъ него продолжительныхъ аналитическихъ разысканій и тонкаго лингвистическаго чутья. Трудность состояла не въ систематикѣ и объясненіи матеріала, а въ правильной реставраціи текстовъ и словъ, такъ какъ тѣ и другія записаны большею частью людьми, не понимавшими славянскаго языка и переданы запутаннымъ нѣмецкимъ правописаніемъ. Изъ всѣхъ этихъ трудностей А. Шлейхеръ вышелъ побѣдителемъ. Трудъ его остается образцовымъ. Послѣ этого изданія ничего крупнаго по данному языку не появлялось. Давно ожидаемый въ наукѣ словарь полабскаго языка до сихъ поръ не изданъ.

Въ своихъ наблюденіяхъ Гильфердингъ и Шлейхеръ пришли къ тому заключенію, что полабскій языкъ находится въ близкомъ родствѣ съ кашубскимъ: это двѣ разновидности западной вѣтви ляшскаго языка, восточную вѣтвь котораго представляетъ польскій языкъ. Такой выводъ, конечно, остается въ силѣ по стольку, по скольку частное древлянское нарѣчіе можетъ быть разсматриваемо какъ представитель языка всего Полабскаго Славянства.

Лейбницъ. Collectanea etymologica II (Молитва Господня).

Eccard. Historia studii etymologici linguae Germanicae, Hannoverae, 1711.

Domeier. Sammlung von mehr als dreihundert Wörtern der alten wendischen Sprache въ изд. Hamburgische vermischte Bibliothek. II 1744. № 5.

J. Potocki. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes, fait en 1794. Hamburg 1795 (здѣсь изданъ одинъ изъ списковъ словаря Геннинга).

Schpangeberg. Словарь Геннинга въ Neues Vaterländisches Archiv oder Beiträge zur allseitigen Kenntniss des Königreichs Hannover wie es war und ist. Luneburg 1820 I, II.

Отрывки изъ деревенской хроники Парума Шульца въ журн. Annalen der Braunschweig-Lüneburgischen Churlande 1764. VIII.

Hempel. Beiträge zur Kenntniss der Hannoverschen Wendlandes im Furstenthume Lüneburg, въ журн. Neues vaterländisches Archiv, Lüneburg. 1822, II.

Adelung. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit den Vaterunsern in beinahe 500 Sprachen und Mundarten II, 1807.

Dobrowsky. Slawin 1808. Slowanka 1814 (отрывки изъ словаря Геннинга).

P. Safařik. Slovanský národopis, 1842 рус. перев. 1843.

Burmeister. Ueber die Sprache der früher in Meklenburg wohnenden Obotriten-Wenden Rostock 1840; русскій переводъ въ „Трудахъ Россійской Академіи 1841, IV.

Vocel. Památky Lutických Slovanů 1849 (Časopis Musea Kral. Česk. 1849, II).

А. Ѳ. Гильфердингъ. Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ. Спб. 1856 (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Т. V).

J. Hanuš. Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben, 1858. (Slavische Bibliothek, herausgegeben v. Fr. Miklosich und J. Fiedler II Wien. 1858).

Dr. Pful. Pomniki Polobjan Słowjanščiny. Budyšin (Casopis towarstwa Maćicy serbskeje. 1863, 1864).

A. Schleicher. Laut-und-Formenlehre der Polabischen Sprache. S. Petersburg 1871 (Ср. разборъ проф. Бодуэна де Куртенэ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 ч. 168).

С. Микуцкій Остатки языка Полабскихъ Славянъ. Варшава 1873 (12 стр. возстановленіе выговора древлянскихъ словъ по сочиненію Пфуля).

J. Polívka. Otčenaš Slovanů polabskych. 1885 (Slovanský Sbornik 1885. Praha).

J. Máchal. Přispěvek ku hláskosloví řeči polabské (Программа гимназіи Нѣмецкаго Брода за 1886).

---

2. Важнѣйшія звуковыя особенности.

Гласные.

1) *Долгота и краткость гласныхъ.* Количество гласныхъ, по видимому, различалось въ полабскомъ языкѣ; на это указываетъ способъ написанія многихъ словъ—съ двойными гласными или съ гласными въ соединеніи съ h (какъ въ нѣмецкомъ яз.); напр. seena, seehna, sehna (т. е. жена). Но при неустойчивости и запутанности правописанія памятниковъ трудно опредѣлить—всѣ ли гласные могли быть долгими, а также въ какихъ случаяхъ надо видѣть долгіе гласные, въ какихъ — краткіе. Весьма вѣроятно, что долгота — большею частью вторичное явленіе, т. е. что она возникла подъ вліяніемъ ударенія.

2) *Глухіе гласные* â, 'â. *Соотвѣтствія праслав. и старослав.* ъ, ь. Праславянскіе полные гласные очень часто утратили свой ясный выговоръ и звучали неопредѣленно, легко переходя въ другіе звуки. Изъ такихъ неясныхъ звуковъ особенно былъ распространенъ глухой, занимавшій середину между a и o, и напоминавшій по выговору англійское a въ словахъ *all* и *wall*. Звукъ этотъ можно обозначать начертаніемъ -â, когда онъ произносился твердо, и начертаніемъ 'â, когда онъ звучалъ мягко [1]. Прежде всего â и 'â соотвѣтствуютъ праславянскимъ глухимъ, именно â=ъ, 'â=ь. Въ срединѣ словъ вм. праслав. ъ, ь, почти всегда â, 'â, при чемъ â нерѣдко замѣняетъ и ь; напр. kâtü (къто), dâzd (дъждь), vâs (въшь), gordâm (градомь), dânü (дъно) ḿâgła (мьгла) ṕâs (пьсъ), l'ân (льнъ), dân (дьнь), pân (пьнь); изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ полабск. яз. глухой удерживался иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда въ другихъ славянскихъ языкахъ исчезалъ. На концѣ словъ соотвѣтствія праслав. ъ, ь обыкновенно исчезли; но они удержались въ предлогахъ въ, съ, къ, которые звучали въ полаб. яз.: vâ, sâ, kâ; но vâtrük (отрокъ), gord (градъ). Изрѣдка вм. первичн. ъ, ь были возможны полные гласные: i (= первонач. e) вм. ь, ъ и ü (т. е. ю=первичн. o) вм. ъ напр. visai (вьси), visde (вьсьде),

---

[1]) Шлейхеръ передаетъ эти звуки знаками å, 'å; въ настоящемъ трудѣ они замѣнены другими во избѣжаніе типографскихъ затрудненій.

vŭz (възъ). Зв. â не только замѣнилъ праслав. ъ, ь, но во многихъ случаяхъ возникъ изъ полныхъ гласныхъ: о, а, и, ы; напр. vâl, vâda vâz, vâsk, zeivât (животъ), pątârŭ, clâvak, chlâd (ср. ниже о груп. tort), râdŭst, râmą (рамя); gnâly, pâl (пылъ), dâra (дыра), bâl (былъ), sâr (сыръ).

3) *Носовые гласные* сохранились въ полабск. яз. По всей вѣроятности ихъ было два -ǫ (т. е. o͡n) и ą (т. е. a͡n)[1]). Праслав. и старослав. ѫ обыкновенно соотвѣтствовалъ ǫ; напр. rǫka, skǫpy, dǫb, glǫbŭky, gǫs, rǫkǫ (вин. п.), sá tâbǫ, vǫzal; праслав. и старослав. ѧ обыкновенно соотвѣтствовалъ ą; напр. ząt, mąśŭ, jog'ną, jeimą (имя), mą (мя). Но иногда старослав. ѫ соотвѣтствуетъ ą, напр.: pojąk (паѫкъ), и особенно въ вин., твор. п. ед. ч. женск. основъ на -ja и въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящ. вр.: zimą (землѭ), deusą (доушѫ), joz aidą (идѫ), vŭnai biją są. Иногда ą чередуется съ 'ǫ, какъ въ польскомъ яз.; именно 'ǫ выступаетъ въ ударяемыхъ слогахъ и передъ твердымъ согласнымъ; напр. (святый), pąt, ṕǫty, gŕǫda, pl'ǫsat 3. л. ед. ч. pląse, jǫzyk. Позднѣйшаго происхожденія носовые гласные въ ją (онъ есть), tǫ (тъ), sǫ (сь).

4) *Соотвѣтствія праслав. и старослав.* ѣ. Старослав. ѣ соотвѣтствовали: 'о, 'а, а, ě, і внутри словъ, ě (у Шлейх. ë) ě (у Шлейхера ä) на концѣ, ja, je—въ началѣ. Примѣры: b'ol, ṕol, d'olŭ, ḿoro, kjot (цвѣтъ), sl'od; ḿal, veid'ał, clâvak, mlaka, bělit, chlěv, děva, grěch; sije, smiji są, prid, brig; rǫcě, nŭdzě, starně (странѣ); ě (у Шлейхера â, т. е. глухой звукъ, средній между а и е) слышался вм. ѣ только въ неударяемыхъ окончаніяхъ: darë vâ smŭlë, jěst.

5) *Праслав.* а удержалось только въ неударяемыхъ слогахъ и при томъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда ударяемый слогъ предшествуетъ, напр. sestra, rǫka Иначе а = о или глухому â (послѣ l, r; ср. выше п. 2); напр. brot, grod, mom, râtoj.

6) *Праслав.* е сохраняло исконный выговоръ только въ ударяемыхъ слогахъ и то не всегда: передъ c (ц), губными, передъ сочетаніями изъ нѣсколькихъ согласныхъ, а въ исходѣ словъ вообще передъ мягкими звуками и ударяемое е обыкновенно съузилось въ і;

---

[1]) Въ памятникахъ вм. старослав. ѫ нерѣдко ung, unc, unk, um, un. Отсюда нѣкоторые ученые допускали существованіе въ полабск. яз. ų, т. е. носоваго u. Но Шлейхеръ, принимая во вниманіе, что un чередуется съ on, нашелъ болѣе правильнымъ отдать предпочтеніе ǫ.

напр. derĕ, cela, led, med, zena; но—stilè, tilą, cityr, grèbin, pic (пещь), tibè. Неударяемое е превратилось, какъ полагаютъ, въ неясный звукъ è, среднiй между i и e [1]); напр. tèplü, dèvąt, stèpin, vèdrü, nèbü, eidè, vürè (оретъ). Въ началѣ словъ вм. старослав. ѥ обыкновенно i, ji, jâ: ist (ѥште), jis (ѥсмь), jista (ѥста) jimè (ѥмлеть), jâdla (ель) jâdân.

7) *Праслав.* o, подобно многимъ другимъ гласнымъ, утратило свое основное значенiе и перешло въ неясные звуки, которые согласно показанiямъ памятниковъ Шлейхеръ обозначаетъ начертанiями ŭ, ŏ; въ первомъ нужно видѣть оттѣнокъ зв. -i, во второмъ—зв. -e. Такъ какъ ŭ и ŏ нерѣдко употребляются смѣшанно, то можно предполагать, что ими передается одинъ и тотъ же неясный звукъ, быть можетъ близкiй къ неударяемому è. Примѣры: pül, püd (въ памятникахъ pid, pet), smüla (въ памятн. smüla, smila, smela), ḱüsa, büg, slüvü, dör, ǵöra (ö выступаетъ передъ r). Послѣ v, особенно если слѣдующiй звукъ твердый, o=â: vâl, vâsk, vâda; но возможно и ü: vügin, v̇üb'od, vüsm. Ср. кашуб. яз. 566.

8) *Праслав.* и и ы въ полаб. яз. вѣроятно уже въ древѣйшую пору, совпали въ звуковомъ отношенiи. Въ ту эпоху, къ которой относятся памятники, они уже утратили свой основной выговоръ. Тому и другому звуку одинаково соотвѣтствуютъ: въ ударяемыхъ слогахъ двугласные ei (а можетъ быть и ai [2]) вм. i, âi вм. ы; въ неударяемыхъ—неясный звукъ, среднiй между i и e, вѣроятно тожественный съ è [3]). Примѣры: neit, beit, leist, seit (шить), zeima, leipo, mâit, bâit, dâim, ŕâibo, vâipèt, preibèt (прибить) motei (мати), no zemè (на земли), büzè (божии), vilkè. Передъ l, r, i, y=â; напр.: gnâly, rüdâl (родилъ), pâl (пилъ) bâl, sâr (сыръ). Иногда въ неударяемыхъ словахъ вм. i, y—стоитъ a; напр. ceudza (чуждии) zǫba, gorcha (зѫбы, грахы). Ср. кашуб. яз. 565.

Такимъ образомъ ѣ, e, o, и, ы въ неударяемыхъ слогахъ перешли въ болѣе или менѣе однородный неясный звукъ, который можно обозначить начертанiемъ è.

---

[1]) Вѣроятно это è тожественно съ кашубскимъ è (у Ром. é у Брон. ĕ), т. е. съ краткимъ сжатымъ e, приближающимся къ i. Ср. 565.

[2]) Шлейхеръ принимаетъ ai, но такъ какъ въ памятникахъ чаще ei, ey, то, согласно поправкѣ проф. Брандта (Начерт. Слав. акцентологiи 190), кажется, вѣрнѣе признать выговоръ ei.

[3]) Шлейхеръ обозначаетъ ихъ черезъ i̊, ẙ.

9) *Праслав. и старослав.* ѹ соотвѣтствуетъ двугласн. eu; напр. deusa, cheudè, gleupè, kéupè, l'eudi, meucho, seuchè, zeuk (жукъ), veuzda. Двугласные какъ вм. у такъ вм. и, ы развились въ полаб. яз., вѣроятно, подъ вліяніемъ нѣмецкаго яз.

10) *Праслав.* tort = tort; напр. gord (градъ) chorna, korvo, vorno, vorta, pors\u0105, morz, gorch; но starna, brüda. Ср. кашубск. яз. 566.

Праслав. tolt=tlât: chlâd, glâva, vlás, mlâdè.

Праслав. tert=trêt, trit; напр. brêza, srêda, brig, prid, zrib\u0105; праслав. telt=tlat; напр. mlaka, mlacný, vlacè.

11) *Праслав.* ър, ьр *между согласными* соотвѣтствуютъ âr, ir напр. ćârnè, žârnü, eumârtè, smârdè, mârzne, vârch, dirzè, virgn\u01ebt; праслав. ъл, ьл соотвѣтств. âu, напр. vâuk, tâustè, vâuno.

Праслав. ръ, рь, лъ, ль между согласными соотвѣтствуютъ râ, lâ; напр. grâmè, brâvâi, slâża, blâcha.

12) *Исчезновеніе гласныхъ*: e dvěnadist, trainadist, citèr, kok eid'as (како идяше) ist (јеште), ќid (къде); o: smürü (осморо) plüzèt, pnèdêla, nemzè (не можетъ), i: въ неопр. н., во 2 л. наст. вр. и повел. н., напр. bâit, dvaign\u01ebt; jis, müzès; aid plüz.

13) Начальные гласные, соотвѣтствующіе праслав. о и ж принимаютъ v; напр. vügin, vüt, vüb'od, vâkü, v\u01ebzâl, v\u01ebgil.

14) *Удареніе.* Относительно ударенія полабскій языкъ сближается съ русскимъ и южно-славянскими языками, а изъ сѣверо-западныхъ языковъ только съ кашубскимъ. По качеству полабское удареніе—экспираторное, т. е. состояло, вѣроятно, въ простомъ усиленіи голоса; было ли оно вмѣстѣ съ тѣмъ и количественное—трудно сказать за недостаткомъ данныхъ. По мѣсту въ словѣ полабское удареніе было вольное или разномѣстное, т. е. не пріурочивалось къ одному опредѣленному слогу, а могло падать на любой слогъ. Иногда оно совпадало съ русско-чакавскимъ удареніемъ, но чаще отличалось отъ послѣдняго тѣмъ, что отодвигалось на одинъ слогъ ближе къ началу или къ концу слова; напр. veslü, polâc но zena, perü, nebü—Удареніе оказало большое вліяніе на измѣненіе полабскаго вокализма.

Согласные.

1) L, R, N. Твердаго l, соотвѣтствующаго русскому и польскому ł въ полаб. яз. не было. Передъ широкими и узкими гласными, вѣро-

ятно, было слышно среднее нѣмецкое или чешское l, а передъ позднѣйшими іотованными (ʹå=ь, ʹa, ʹo=ѣ, ʹeu=ю, ʹǫ=ѧ)—мягкое lʹ; напр. låzè, led, ṕol (пѣлъ); lʹån, lʹos, klʹeuc; въ сочетаніяхъ типа tъlt l=u; напр. våuk. R и n смягчались въ ŕ, ń только передъ іотованными гласными какъ и l: nèbü, ni, dåńo (дно), gńozda; råt, rèc, gŕǫda; chŕon.

2) D, T, звучали мягко какъ dʹ—tʹ только передъ позднѣйшими ʹå (=ь), ʹo (=ѣ) ʹa (=ня); напр. teplü, tągnè, dèsąt, deusa, brotʹa, dʹolü. Праслав. dj=dz, tj=c; напр. midza, ceudzè, dodz; joz cą, svèca; но zoblǫdenè, euplotenè (старослав. заблажденъ, оуплатенъ). Сочетаніе dl удерживало d: radlo.

3) B, P, V, M, звучали мягко только передъ ʹå (=ь), ʹo (=ѣ), ʹǫ (=ѧ); напр. pąt (пять), peit (пить), vèdrü, mą (мѧ) ṕǫta, v́otr, zim̓a bʹol.—V исчезаетъ: tjårdè, tüj, gʹüzd, dör, kjot, tory (è).

4) G, K, Ch. Гортанные g и k произносились твердо только передъ å (=ъ), o, a (=праслав. a) ǫ (=ѫ). Передъ остальными гласными, именно передъ i (=e изъ ъ), ü, ö (=o), è (=ѣ). åi, å, è (=ы), eu, (=y) они подверглись вторичному смягченію въ gʹ, ḱ и затѣмъ перерожденію въ dʹ, tʹ т. е. въ звуки, близко подходившіе къ сербскимъ ђ, ћ [1]). Примѣры: kok, gord, ḱid, ḱüsa, ḱünåc, külü, våḱü, gʹüst, gʹöra, nogʹè, gʹeumnü. Тоже явленіе въ кашубскомъ языкѣ ср. 570. Равнымъ образомъ въ тѣхъ же случаяхъ и ch (=х) звучало мягко -chʹ, вѣроятно близко къ польскому ś: chlåd, veuchʹü, seuchʹè, chʹeudè. Праславянское смягченіе гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе сохранялось и въ полабскомъ яз., какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ; но вслѣдствіе того, что языку были чужды шипящіе звуки, оно имѣло болѣе упрощенный видъ; именно g—смягчалось въ z (вм. ž) и dz; k—въ c (=праслав. ц, ч) ch въ s. Праслав. группы gt, kt=c, cť; напр, pic (печь), nüc (ночь), pict, rict (печи, речи).

5) C. Z. S. Свистящіе c, z, s были способны къ смягченію передъ ʹå (=ь). ʹo (=ѣ и я), ʹeu (ю). ʹą (=ѧ); напр. ćol (цѣль), źårnü; pątdèśǫt; Праслав. ч, ж, ш не было въ полабскомъ яз.; вмѣсто шипящихъ слышны были c, z, s; напр.: citèr, crèvü, zena, zeivè, deusa. Ср. польское мазурованіе.

---

[1]) При передачѣ ихъ Шлейхеръ сохраняетъ начертаніе gʹ, kʹ.

6) J вм. v передъ 'o (=ѣ), 'ǫ (=ѫ), 'â (=ь): kjot, gjozda, sjot tjârdè.

7) *Исчезновеніе согласныхъ*: vâmè (възьметъj jobkü, cela, pridcèrâk (=pridvicèrâk, полдникъ) pąz (=пѣнязь),

3. Нѣкоторыя формальныя особенности.

Формальныя особенности полабскаго языка при существующемъ на лицо скудномъ числѣ памятниковъ, представляющихъ связную рѣчь, могутъ быть раскрыты только отчасти, въ весьма неполномъ видѣ. Шлейхеръ въ своемъ обстоятельномъ трудѣ не могъ дать цѣльной системы ни склоненія, ни спряженія. Судя по собраннымъ здѣсь даннымъ, нужно заключать, что главнѣйшія особенности падежной и глагольной флексіи полабскаго языка обусловлены характерными свойствами его звуковой системы, особенно вокализма.

Склоненіе.

1) *Двойственное число* несомнѣнно существовало; но примѣровъ его для склоненія можно указать немного: rǫcě, nüdzě, starně, rǫkǒma, joji (имен. вин. средн. р.), dâvo, dvě, vübě, kâ neimo, vüběma, mo (1 л.), voma (2 л.).

2) *Именное склоненіе* I. Имена муж. р.: род. п. ед. ч. -o, -a: bügo, zeivâta (живота), -eu: medeu; дат. п. (отъ основъ на -u) -âv: k'arlâv [1]); тв. п. -âm: gordâm; имен. мн. ч. -ai, -âi, -è, -é, -üve, -üv, -i: godai, gorch'ai, grěch'è, nüze, ḱüni, bug'üv; род. мн. ч.—bug'üv; вин. мн. -è, e: grěchè.

II. Имена средн. р.: им. вин. -ü: peivü, pülü; род. п. -o, -a: peivo, nèbèšo; дат. п. -eu; -âv: dâneu, dânâv; мѣст. п. -ě, -â, -ai, eü: městě, lětě, nebeśeu, pülai; тв. п. -âm: l'otâm, nèbèśâm; имен. вин. мн. ч. -a: vorta, vücesá, peiląta.

III. Имен. жен. р.: имен. -o, -a: reibo, rǫka, zima; вин. п. -ǫ, -ą (основы на -ja): rǫkǫ, zimą; род. п. -è, âi: rǫkè, vaiḱaí (городъ); дат., мѣстн.: -ě, -è: vaiḱě и vaikè; основы на -ja имѣютъ въ дат. п. -ai, въ мѣстн. п. -è: zèmai, zimè; имен. п. мн. ч. -âi, -vâi -e: râibâi, blâchvâi, ḱüstai, tǫce (тучи); вин. мн. -è, -âi: râibâi, ḱeurüpotkè; дат. мн. -am: vaikam; твор. мн. -omi: svěckomi; мѣст. мн. -och: kâ meisoch.

[1]) Впрочемъ, это быть можетъ прилагательное притяжательное (Бодуэнъ де Куртенэ— см. Ж. М. Н. Пр. 1873 г. 168 стр. 443).

3) *Мѣстоименное и сложное склоненіе.* Род. п. ед. ч. муж. и ср. р. -g, дат. п. -mâv, -m: tüg, viseg, nüvag, ḱümâv, kâtüm, nüvüm; вин. п: ед. ч. жен. р. -ǫ, -ą: tą, müją, nüvǫ. Старославянскимъ тѫ и сѫ соотвѣтствуютъ формы съ позднѣйшимъ носовымъ гласнымъ: tǫ, sǫ.—Отъ мѣстоименной основы ѣ -nic, р. п. cig. Старослав. єго соотв. jig, въ имен. п.—vân, vâna. Притяжательныя мѣстоименія—müj, tüj, süj, nos, vos. Старослав. вьсь соотв. vis, им. вин. ср. р. vèsi, р. п. viseg, вин. ж. р. visą.

4) *Личныя мѣстоименія.* 1 л. joz, jo, В. mą Р. minè, mânè, mân, Д. mnĕ, minè, mi, -m. Т. mânǫ. Дв. ч. mo. Мн. ч. mâi. Р.В. nos, Д. nom. Т. nomi. 2 л. tâi, Р. tibè, tebĕ, Д. tibè -ti -t. Т. tâbǫ. Дв. ч. voma. Мн. ч. И. jai Д. vom. Возвр. м. В. są Р.Д. sibè.

Спряженіе.

1) *Двойственное число* употреблялось. Немногіе примѣры, представляемые памятниками, относятся только къ настоящ. вр.: móta (имати), tągnato, bijato są, jista.

2) *Неопредѣленное н.* имѣло окончаніе -t: rict, vlact, venkrast, eit (ити), bĕzat.

3) *Причастныя формы.* Наст. вр. дѣйств. gornąc (говоря), vèdąci, büdąca; Прош. дѣйств. II. gornâl, krodâl, bâl; Прош. страд. venkrodenè, eumartè, gornen.

4) *Настоящее вр.* Ед. ч. 1 -ą; 2 -s, 3—Дв. ч. 2 -ta 3 -to. Мн. ч. 1 -me, 2 -te, 3 -ą. Joz eidą, cą (хочу), püją, ricą (рекж), plocą; tâi cis, krodès, müzès; ci, eidè, müze; imata, svorato -są; mâi cime, cite; püją, pląsą.—Оконч. -m въ 1 л. ед. ч. имѣло -mom.

5) *Повелительное н.* Окончаніе -i обыкновенно исчезло: eid, püd, ric; удерживается оно передъ są (=са): vâsodai są; dodz, jĕdz.

6) *Преходящее.* Памятники представляютъ только формы 1 и 3 л. един. ч. и 3 л. мн. ч. 1 л. ricach, tèch. 3 л. bias, eid'as, ni bas (=не бяаше) soikas; конечное е исчезло: 3 л. мн. ч. tèchǫ.

7) *Аористъ сложный и простой.* Въ памятникахъ представлены только 1 и 3 л. ед. ч.: eutâcüch (отъткохъ), vâzą, eupeusta (отпоусти), šek, vâik, müg, ricè,

8) Глаголъ cą служилъ для выраженія описательнаго будущаго ci snĕg eit.

9) Въ прошедшихъ сложныхъ вспомогательный глаголъ могъ опускаться: joz pâla (я пила), joz ṕol (я пѣлъ).

1) *Beit*, joz jis, jis, ją, (1 л. дв. ч. jismaj)[1]), jista, jisme.

---

[1]) Быть можетъ это не двойственное, а множественное.

Дополненія и поправки.

Къ 7 стр. Во время печатанія настоящаго труда вышелъ 3-й томъ Исторической грамматики Гебауэра: Tvarosloví. I Sklońovani. V. Praze. 1896. 8°. 637. Ср. 103 стр. примѣчаніе.

Къ 11—30 стр. A. Kotík. Naše přijmení. V. Praze. 1894.

V. Tille. Glossy a častečný překlad biblický v rkpe c. k. stud. knih. olom (Listy fil. 1896 XXIII. 1—2).

Fr. Černý: 1) Pražsky, evangeliař (Listy fil. 1897 XXIV; 2) Studie o české kvantitě (Тамъ же).

Ad. Patera: 1) Ukázky ze staročeských rukopisů XV století (České Museum filologické 1897. I. 2) Paběrky z rukopisův staročeskych (Česky Lid. VI 170, VII 58).

U. Hauer. Přispěvky k historii dialektu lašského (České Museum filol. 1897. 2—3).

V. Flaišhans. Různé přispěvky na skladbě a frazeologii (České Mus. fil. 1897. 4—5).

V. J, Dušek. Hláskosloví nářečí jihočeských. II Cast. Vokalismus. 1897 (Rozprawy České Akademie. Ročn. VI. třida III. č. 2). Ср. 27 стр.

J. Malovaný. Nářečí z Cisařova a okolí na Moravě. Studie dialektologická 1897 (Český Lid. VI. 71, 582).

B. M. Kulda. Moravské národní pohádky a pověsti z okolí sloupského (Cesky Lid. VI, 194).

V. Flaišhans. Boj o Rukopisy. 1896 (Časopis Musea Království českého. R. LXX. 195, 349. Защита подлинности Краледворской рукописи со стороны языка). Возраженія на эту работу въ разборѣ Я. Гебауера. O nové obraně padělaného Rukopisu Králové́dvorského. 1896 (Listy fil. XXIII. 756—379). Ср. критическую замѣтку Dr. Квичалы въ České Mus. fil. 1896 227.

Къ 80 стр. Примѣръ báti se въ 10 стр. снизу слѣдуетъ перенесть на 81 стран. въ 3 стр. сверху.

Къ 225—227 стр. Rizner. Prehľad folkloristickej literatury. slovenskej od prvopočiatku do konca roku 1896 (Slovenske Pohľady 1897, 604, 660, 726).

Fr. Pastrnek. Študovanje slovenčiny (Slov. Pohľ. 1897 44.)

P. Sochaň. Prislovia, idiomątieké výrazy v Lopašove (Nitra) (Slov. Pohľ. 1897. 314).

Fr. Šujanský. Hjadlovské nárečie (Slov. Pohľ 1897. 670, 737).

Къ 365 стр. Бодуэнъ де Куртенэ. Jedna z kwestyi spornych pisowni polskiej (Prace filologiczne III. 3 1891).

Къ 369 стр. Wl. Nehring. Kazania Gnieznieńskie 1897 (Rozprawy Wydz. filol. Ak. Umiejętn. t. XXV).

Къ 370 стр. Al. Brückner: 1) Kazania średniowieczne. Część III (Rozpr. Wydz. fil. Ak. Um. t. XXV); 2) Drobne zabytki języka polskiego XV wieku. Piesni. Modlitwy. Glosy (Тамъ же).

Къ 379 стр. Wr. Matłakowski. Słownik wyrazów и т. д. напечатанъ въ Sprāwozd. Kom. jężyk. t. V.

Къ 380 стр. Wl. Kosiński; 4) Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej (Sprawozd. Kom. język. t. IV).

W. Grzegorzewicz: 1) O języku ludowym w powiecie Przasnyskim (Sprawozd. Kom. język. t. V); 2) O mowie ludowej we wsi Lukowcu w powiecie Garwolińskin (Тамъ же).

Бодуэнъ де Куртенэ. Zetacismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache. 1868 (Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung).

Къ 382 стр. W. Kosiński. Materyjały do etnografii Górali bieskidowych (Zbiór wiadom. do antropol. krajow. T. V и VI.

Къ 384 стр. Съ 1896 г. изданіе Краковской Академіи Sbiór wiadomości do antropologii krajowej и т. д. переименовано въ „Materyały antropologiczno-archeołogiczne i etnograficzne“ (T. I. 1896).

Къ 423 стр. Въ параграфѣ „Соотвѣтств. праслав. ръ, рь, лъ, ль“ и т. д. по недосмотру пропущено слѣдующее: 5) праслав. ръ, лъ (рь, ль) соотвѣтствуютъ re, le, при чемъ e можетъ исчезнуть, если слѣдующій слогъ оканчивается на гласный; напр.: krew, krwi, krwawy, brew, brwi, drwa, błcha, pchła р. п. мн. ч. płech, płeć, płci, łza.

Къ 558 стр. Parczewski, статья „о Кашубахъ въ Померанiи“ въ изд. Roczniki towarzystwa przyjaciól nauk Poznań. XXII.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:		Напечатано:	Должно быть:
5	13	сверху	только по чешски	почти исключительно по чешски
—	14	,,	трактами	трактатами
9	19	,,	jezyka	jazyka
17	10	,,	O prosodii českè XX	O prosodii české. Listy fil. XI
29	5	снизу	Vak	Vlk
34	12	сверху	1870	1863
60	17	,,	Kasub	Kamb
80	7	,,	sud	sudí
83	8	снизу	изъ г	изъ ъ
95	5	,,	переходъ отзвучныхъ въ звучные	переходъ звучныхъ въ отзвучные
111	4	сверху	а соотвѣтствуетъ	е соотвѣтствуетъ
120	14	,,	ем соотвѣтствуетъ	em соотвѣтствуетъ
129	9	снизу	zajic	zajíc
—	10	,,	kůn	kůň
141	8	,,	именное склоненіе	именное склоненіе прилагательныхъ
146	6	,,	*Мѣстоимѣнія*	*Мѣстоименія*
158	17	,,	blly—moudry	bilý, moudrý
166	10	сверху	(s)	(si)
172	11	снизу	vice	vece
180	11	сверху	(пов. н. mésti)	(неопр. н. mésti)
—	12	,,	(пов. н. přisti)	(неопр. н. přisti)
221	17	снизу	Бенедиктъ и Нудожерскій	Бенедикти Нудожерскій
223	15	,,	1895	1893
234	16	сверху	у Чехо-Морава	у Чехо-Мораванъ
255	7	снизу	древняго u	древняго долгаго ū
257	16	сверху	а вм. у -ej	а вм. ý -ej
278	13	,,	po brehu (твор. п.)	po brehu (мѣстн. н.)
282	19	,,	delom	въ средн. р. -am: delám
292	2	,,	въ твор. п.	въ мѣстн. п.
293	1	,,	Основы на -о	Основы на -а

Стран.:	Строка:		Напечатано:	Должно быть:
352	11	сверху	(1872 г.)	(1873 г.)
371	1	„	(тамъ же III)	(Arch. f. Slav. Phil. III)
382	8	„	1—5, 1885—1890	1—6, 1885—1892
—	6	снизу	t XIII	t. VIII.
—	19	„	L. C......1845	L. Z........1885
385	13	сверху	Восточную Пруссію	часть Западной и Восточной Пруссіи
387	8	„	только въ узкой полосѣ Помераніи	только на сѣверѣ въ узкой полосѣ Западной Пруссіи и Помераніи
417	10	„	ściesniane	ścieśnione
421	20	„	въ закрытыхъ	въ открытыхъ
431	11	„	праслав. e	праслав. c
465	17	„	старослав. тѣ, тыѩ, та	старослав. ты, ты, та
488	5	„	kochaja	kochają
565	3	снизу	(Рам. e)	(Рам. é)
603	11	„	на -j^{e}nje	на -jenje
—	12	„	на -j^{e}ć (ВЛ), -j^{e}ś (НЛ)	на -jeć (ВЛ), -jeś (НЛ)
655	11	„	старослав. -ѧ, ѭ	старпслав. -ѧ, ѩ

